

**КНИГА ИЗДАНА ПРИ СОДЕЙСТВИИ
ВСЕАРМЯНСКОГО ФОНДА АРМЕНОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НАН РА**

**ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ. ԱՔԵՂՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ**

ՍՈՒՍԱՆՆԱ ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

**ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ
ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ
ԿՅԱՆՔԸ**

**ԵՐԵՎԱՆ
ՀՀ ԳԱԱ «ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
2019**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РА
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. М. АБЕГЯНА**

СУСАННА ОВАНЕСЯН

**Ж И З Н Ь
О В А Н Е С А
Т У М А Н Я Н А**

**ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО “ГИТУТЮН” НАН РА
2019**

УДК 821.19.0
ББК 83.3(5Арм)
Т 830

Издаётся по решению НИСО НАН РА и учёного совета
Института литературы им. М. Абегяна НАН РА

Перевод Гургена Баренца
Ответственные редакторы - доктор филологических наук,
профессор Магда Джанполадян,
доктор филологических наук Вардан Деврикан

Ованесян Сусанна
Т 830 **Жизнь Ованеса Туманяна.** Ер., изд-во «Гитутюн», 2019.
864 стр. + илл.

Исследование представляет собой первую попытку представить русскоязычному читателю относительно полную, научную биографию величайшего армянского поэта Ованеса Туманяна. В монографии всесторонне освещена как личная жизнь поэта, так и различные сферы его гражданской, общественной, национально-патриотической деятельности, его нравственные, мировоззренческие взгляды, роль интуиции, предвидения в личной жизни и в творчестве, философские проблемы космического, вселенского восприятия мира и многое другое. Научное исследование биографии, земной жизни Ованеса Туманяна представляется делом особой важности ещё и потому, что поэт сам являлся биографом, летописцем истории армянского народа. В его исключительно богатой событиями недолгой жизни сосредоточена целая историческая эпоха, а сам Туманян вполне правомерно считается «поэтом вечности».

Вопросы, рассматриваемые в монографии, представляют большой интерес не только для туманяноведов, но и для историков, филологов, литературоведов, специалистов других гуманитарных наук. Книга предназначена также для самого широкого круга русскоязычных читателей.

УДК 821.19.0
ББК 83.3(5Арм)

ISBN ISBN 978-5-8080-1390-2

© Издательство “Гитутюн” НАН РА, 2019
© Институт литературы им. М. Абегяна НАН РА, 2019
© Сусанна Ованесян, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование научной биографии писателя является одной из важнейших областей литературоведения и истории литературы. Изучение биографии писателя – самый необходимый и результативный способ, позволяющий рассматривать его творчество в контексте жизни и с учетом исторической эпохи и общественно-политической обстановки, в которой жил и творил автор.

Научная биография писателя имеет важное значение и для причинно-следственного принципа рассмотрения взаимосвязи, соотношения между писателем и литературным произведением, хотя подчас бывает очень трудно, даже невозможно рассчитать границы жизненных фактов и обобщенных под их непосредственным воздействием художественных фактов, как трудно или вовсе невозможно провести разделительную черту между сигналом, посылом реальности с их резонансом и бытием художественного произведения и указать, где заканчиваются первые и начинаются вторые.

В исследовательских работах, посвященных этой проблеме, осязаемое место занимает анализ исторической эпохи, в которой жил писатель, и ее общественной жизни, поскольку литературное творчество является результатом, следствием биографии писателя, его накопленного жизненного, духовного опыта. Без выяснения и уточнения многих деталей и подробностей невозможно высказать сколько-нибудь завершенное суждение о художественном произведении, невозможно измерить вместимость, объем его содержательности. Выявление жизненной фактуры идейного замысла литературного произведения, даже уточнение датировки может в значительной степени способствовать вскрытию пластов его содержания.

Важность исследования биографии писателя обусловлена также тем, что авторы, живущие в одну и ту же историческую эпоху, принадлежащие к одному и тому же народу, творящие в одних и тех же условиях, являющиеся носителями одних и тех же гуманитарных и культурных ценностей нередко оказываются весьма различными в своих политических убеждениях и взглядах, в своем мировосприятии и мировоззрении. Для культурологии, для цивилизации не столь уж важно знание биографии того или иного выдающегося математика, физика или химика, поскольку в их научных исследованиях и достижениях личность, субъективный фактор не играет сколько-нибудь значительной роли, и в их разработках не может отразиться ни воодушевление автора, ни его симпатии и антипатии, гнев или восторг, страдания и горести, то есть все свойственные человеческому созданию чувства и переживания, его религиозные и политические

взгляды. Совершенно иначе обстоит дело с писателями и деятелями искусства, индивидуальность которых имеет определенное воздействие на формирование их мировоззрения и менталитета. Творчество писателя является проявлением его личности, характера и мироощущения, зеркальным отражением его нравственного облика. Сказанное особенно относится к писателям с ярко выраженной гражданской ориентацией, которые, в отличие от ученых, всегда были также выдающимися личностями. И своим весомым воздействием на общество они обязаны не только своему таланту, но и своему характеру, своей гражданской сути, своему душевному богатству. И то, что литература является действительностью, нашедшей воплощение в художественно обобщенном и обрамленном факте, также придает особенную важность проблеме детального, обстоятельного исследования жизнедеятельности писателя. Обстоятельства биографии писателя обнаруживают многочисленные точки соприкосновения с его творчеством.

Работая над научной биографией писателя, необходимо также учитывать пространство, время, среду и обстоятельства создания того или иного произведения.

Проблемы и задачи исследования биографии писателя постоянно находились в центре внимания теоретических и методологических исканий литературоведов разных народов. Особую значимость они обрели в современную эпоху, когда пройденным этапом стали декларированные идеи и подходы структуралистов, которые в процессе структурного, композиционного анализа произведения не придавали никакого значения творческой индивидуальности писателя. После преодоления столь одностороннего и недостаточного понимания литературного произведения, примерно с середины минувшего столетия наука о литературе стала придавать большое значение социальной принадлежности писателя, его месту в мире, в социально-политических отношениях.

В теоретическом и методологическом обосновании биографии писателя как литературоведческого жанра важную роль сыграли исследования Георгия Винокура, Лидии Гинзбург, Юрия Лотмана, Ролана Барта, Густава Лансона, Шарля Огюстена Сент-Бёва, Пьера Лакомба, Георга Брандеса, Франка Лестренгана, Роже Пьерро, Андре Моруа, Жака Нёфа и других. Г. Винокур утверждал, что для него был бы непонятен Гёте, если бы он не знал многих подробностей его биографии, например, того, что писатель какое-то время был веймарским министром; что точно таким же образом он не понимал бы Лермонтова, если бы не знал о «вечно-печальной дуэли» на склоне Машука.

Следуя прочно закрепившемуся в современном литературо-

ведении принципу «чем лучше мы знаем жизнь писателя, тем лучше понимаем его творчество», можно со всей определенностью утверждать, что если бы в жизни Туманяна не было кошмарных месяцев, проведенных в Эчмиадзине, где он заботился о создании мало-мальски человеческих условий для спасшихся от Геноцида армянских сирот; если бы не было его путешествия в Западную Армению в роковые годы мировой войны, то не были бы написаны его «Поминание» и «С Родиной», а если бы он не слышал рассказов очевидцев ужасных сцен резни, то не родилось бы стихотворение «Перед бездной».

По убеждению видного литературоведа Бориса Мейлаха, созданию целостной научной биографии Пушкина препятствует недостаточная разработанность теоретических и методологических вопросов. Среди этих нерешённых задач и неразработанных вопросов ученый особо указывает и выделяет те, которые связаны с биографическими исследованиями и определением места биографии писателя в истории литературы. В свою очередь, недостаточная разработанность этих теоретико-методологических вопросов объясняется тем, что до последнего времени недооценивалась задача исследования творческой индивидуальности писателя.

Б. Мейлах считает создавшуюся ситуацию странной – в том смысле, что несмотря на то, что делаются довольно успешные попытки создания научных биографий отдельных писателей и читательский интерес и внимание к самой проблеме несколько усилилось, в особенности в отношении изучения творческой индивидуальности писателя, тем не менее, «ни исследований по вопросам методологии биографических работ, ни статей, подытоживающих сделанное в этой области, нет»¹.

Примечательно, что Б. Мейлах придает очень важное значение «определению сущности биографии писателя как самостоятельной проблемы науки о литературе и вместе с тем как жанра литературоведческих исследований»². Развивая свою мысль, утверждая, что «в биографии писателя должна освещаться не эпоха сама по себе, не хроника событий как таковая или как внешняя канва, а индивидуальная особенность отражения в мировоззрении данного писателя закономерностей действительности, своеобразие его откликов на процессы и явления эпохи», исследователь продолжает: «Но следует определить границы биографии как жанра, который не может

---

¹ Б. Мейлах, «О задачах изучения и принципах построения биографии Пушкина» - Доклад на XIII Всесоюзной Пушкинской конференции, с. 17.

² Там же.

быть заменен исследованиями другого типа»¹.

Наконец, говоря о биографии как о жанровой проблеме литературоведения, необходимо подчеркнуть, уточнить то обстоятельство, что в нашем представлении нет ничего общего с так называемым «биографическим методом» в литературоведении. Основоположник биографического метода Сент-Бёв и его последователи (Пьер Лакомб, Жюль Ренар и др.) формировали творческую индивидуальность писателя, опираясь на малейшие, самые незначительные и малозаметные детали и подробности, в том числе и глубоко личные, интимные подробности его жизни. Сторонники этого направления были искренне убеждены, что изучение биографии является если не единственным, то, во всяком случае, самым главным способом понимания и толкования произведения писателя, его смысла, идейного содержания, мотива и цели создания. Они считали, что художественное произведение невозможно понять, если не расшифровать его как непосредственное, прямое отражение жизни писателя. Поэтому представители биографического метода в каждом образе, в каждом лирическом герое пытались увидеть реальную личность из окружения писателя, в каждом лирическом стихотворении они видели конкретное выражение какого-либо биографического факта².

Речь идет не столько о расширении литературоведческих границ, сколько о переводе исследования в иную плоскость, в сферу иного научного языка³. Некоторые биографы, переоценивая значимость субъективного фактора, пытаются представить писателя не как автора художественных произведений, а как создателя собственной личностной индивидуальности, для которой художественное произведение является всего лишь формой самовыражения и самоутверждения. Это, конечно же, неоправданное и необоснованное смещение акцентов, однако во всех случаях психологический анализ жизнедеятельности писателя играет очень важную, существенную роль. Следовательно, как применительно к другим областям и направлениям литературоведения, так и применительно к проблеме научной биографии писателя, доминирующей задачей было и остается исследование художественного творчества. И психологический анализ деятельности писателя является всего лишь способом, вспомогательным инструментом для литературоведческого анализа его творчества. Необходимость такого методологического подхода

---

¹ Там же.

² Там же.

³ См. **Т.И. Печерская**, «История литературы 1860-х годов: проблемы изученности и изучения», ж. «Гуманитарные науки в Сибири», Новосибирск, 1998, № 4.

особенно ощущается при трактовке разрыва сформировавшегося пространства между автором и его текстом. По мнению Савелия Сендеровича, именно психоанализ открыл перспективу чтения личности как текста и текста как выражения личности¹. Ученый придерживается мнения, что даже в научной биографии сохранение точной хронологии вовсе не является обязательным условием. Самым важным и первостепенным является сохранение достоверности и точности воспроизведения его поведенческого стиля. Такой подход позволяет преодолеть разрыв, разобщенность между автором и текстом, представить художественный текст как органическое продолжение и дополнение индивидуальности писателя.

Общие теоретические и методологические принципы создания научной биографии вовсе не мешают проявлению творческой свободы и индивидуального подхода исследователя к решению задачи, не исключают субъективности литературоведа, не отнимают у него возможности придерживаться собственной точки зрения и выработанных личностных ориентиров и подходов. Таких подходов может быть так же много, как и ученых-исследователей. Чаще всего эти ориентиры и подходы диктуются самим исследуемым материалом. В современную эпоху нередко создаются научные биографии, в которых, как например, в работах русского литературоведа Виктора Топорова, главным достоинством является не обилие нововыявленных архивных документов и материалов, а принципиально новые ориентиры и подходы в трактовке органической взаимосвязанности, единства противоречий биографии писателя и его творчества². Именно в таком ракурсе видится ученому «странное» в Тургеневе, в художественном творчестве которого читатель обнаруживает «темное» поле личности писателя, хотя уже в несколько отфильтрованном, «просветленном» виде. По этому поводу исследователь замечает, что эстетическая природа не может позволить «темному» войти «в неразложимую смесь самого искусства»³. В этом отношении, считает Т. Печерская, «мемуары, письма и другой документальный материал более открыты прямому выражению личности во всей сложности ее психической жизни»⁴.

Французский литературовед Жак Нёф отмечает, что Франк Лестренган в биографической книге об Альфреде де Мюссе дает

---

¹ Сендерович С. «Чехов - с глазу на глаз. История одной одержимости. Опыт феноменологии творчества». — СПб., 1994.

² Топоров В. Станный Тургенев. — М., 1998.

³ Там же.

⁴ См. Т.И. Печерская, «История литературы 1860-х годов: проблемы изученности и изучения», ж. «Гуманитарные науки в Сибири», Новосибирск, 1998, № 4.

необычайно яркую и живую картину XIX века, заставляя читателя взяться за чтение произведений этого не столь уж значительного писателя-романтика¹. В порядке вещей и укладывается в современную теорию и методологию и «строго фактографическая биография», каковой ученый считает книгу Роже Пьерро о Бальзаке, хотя она и «дает ряд выверенных фактов, которые не затрагивают прямо творчества писателя»². Однако творческая свобода в ориентации и подходах сама по себе еще не является залогом успеха. Беллетризация, «романизация» биографии или описание жизни писателя в перемешку с его творчеством может обернуться неудачей, привести к совершенно противоположному эффекту. Это неизбежно приводит к нарушению целостности научной биографии. Тот же исследователь отмечает, что «биография Пруста, написанная Дж. Д. Пейнтером, — это своеобразная смесь жизни и романа, способная подменить собой чтение самого романа или, во всяком случае, исказить его восприятие как самостоятельного произведения»³. Нередки случаи, когда биограф в своем исследовании превращает жизнь писателя в инструмент для собственного самовыражения. Так, Лор Адлер, обратившись к жизнеописанию современной французской писательницы Маргерит Дюрас, собирает в этой биографии «воедино все ее неясные, теневые стороны, всю ее многоликость; таков и есть современный жанр биографии, где истину писателя ищут уже не в его сущности, а, напротив, в его недосказанностях, темнотах, загадках и т. д. И в таком занятии есть немалая прелесть: биография воссоздает идентичность имени и одновременно вникает в его глубинную неоднозначность»⁴. И все же, думается, создание образа писателя на основании и под диктовку собственного воображения, фантазируя и недопустимо вольно домысливая имеющиеся под рукой документальные материалы, фактуру, нельзя считать приемлемой, оптимальной формой решения задачи.

Для исследования конкретных жизненных фактов и обстоятельств жизни писателя, его неразрывной связи с эпохой и окружающей средой исключительную важность обретают документальные источники — письма, дневники, архивные документы, воспоминания современников и т.д. Их изучение сопряжено с определенными трудностями, на которые в свое время указывал Михаил Гершензон. Это кропотливая филологическая, источниковедческая ра-

---

¹ Биографии и контрбиографии, Беседа с Жаком Нёфом, профессором университета Париж-VIII (Франция) и университета Джонса Хопкинса (США), «Иностранная литература», 2000, №4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

бота, в определенном смысле довольно скучная и нужная. «Попробуйте в самом деле, – пишет исследователь, – по настоящим источникам восстановить картину общественных настроений в 50 и 60-е годы: какое громадное множество скучного материала надо разработать и как трудно разобраться в его хаотическом содержании! То ли дело перечитать с карандашом в руках романы Тургенева и Гончарова и на основании их изобразить стройную, ясную, одушевленную картину общественной мысли!»¹.

Только в процессе детального изучения архивных документов и периодики изучаемой эпохи можно составить более или менее полное и четкое представление о жизни писателя и его времени, об исторической, социально-политической обстановке, окружающей среде и т. д. Вот почему ещё в древности ученые-мыслители ясно осознавали, что чем позднее будут написаны биографии выдающихся деятелей, тем больше фактов и подробностей из их жизни будут преданы забвению. Только ученик Месропа Маштоца, – создателя армянского алфавита, или очень близкий ему человек мог написать «Житие Маштоца». И, конечно же, закономерно, что автором первой книги, написанной не только на армянском языке, но и армянскими письменами, был Корюн, и если бы даже очень талантливые личности попробовали бы сделать эту же работу несколькими десятилетиями позже, то содержание этой книги было бы совершенно иным, а приведенные в ней факты могли быть неточными.

Не случайно также то, что еще в эпоху раннего средневековья некоторые наши историки в конце своих книг сами приписывали краткие биографические сведения о себе. Павстос Бузанд завершает список последней части своей «Истории Армении» утверждением, что он помещает стихотворение в десять строф, содержащее биографические сведения о нем. «Для вас, читающих эту книгу, десять пронумерованных строф обо мне»². К сожалению, это обещание осталось невыполненным – вполне возможно, что историк забыл о своем намерении, но намного вероятнее, что эта написанная стихами биография просто не дошла до нас. Не было ее и в экземпляре, который оказался в распоряжении Лазаря Парпеци. Как бы то ни было, в нашем контексте важно не то, была или не была написана эта биография, сохранилась она или была утеряна, а то, что еще в пятом веке писатель-историк нашел необходимым присовокупить к написанной книге свою биографию.

---

¹ М. Гершензон, Послесловие к работе Г. Лансона «Метод в истории литературы», М., 1911.

² См. сб. «Выдающиеся деятели армянской культуры 5-18 веков», Ер., 1976, с. 37 (на арм. яз.).

Обилие документальных материалов позволяет в обобщенном и целостном виде представить многосторонность исторической личности. Такую возможность предоставляют исследователям биографические материалы об Ованесе Туманяне. Этими же материалами могут широко пользоваться также авторы художественной биографии, которые стараются посредством биографии воссоздать как эту многосторонность, так и эпоху, в которую жил писатель, историческую обстановку и окружающую среду. Однако некоторые особенности художественной биографии являются неприемлемыми для научной биографии и воспринимаются как недостатки. Как бы ни велик был вклад Андре Моруа в области жанра биографии, написанные им биографические очерки в определенной степени поверхностны и романтизированы.

По свидетельству современного французского литературоведа Жака Нёфа, сегодня во Франции начался самый настоящий бум по изданию биографий писателей. Биографии, подробные жизнеописания писателей и деятелей культуры стали одним из самых читаемых литературных жанров. Видимо, кроме всего прочего, этим обстоятельством обуславливается то, что все более и более важным становится, наряду с эпохой и средой, исследование индивидуального характера и психологии писателя, особенностей его человеческого облика и соотносимость последних с художественными реалиями. Вот почему литературоведческая мысль последних десятилетий проявляет большой интерес к научной биографии писателя как сфере исследования личности. Литературоведение пытается найти новые способы «привязки» психологического анализа деятельности писателя с его философскими, эстетическими, научно-познавательными и иными исканиями.

История, преломившаяся в судьбе писателя, время как формирующий человеческую личность фактор – вот главные направления и задачи биографических исследований. Вот тот главный подход для научно-биографического жанра литературоведения, который должен ставить исследователя над заурядным бытописанием и будничностью.

Цель исследования и указанные литературоведческие ориентиры и подходы неосуществимы без учета мифологизации образа писателя. К этой проблеме неоднократно обращался яркий приверженец структуралистического метода Ролан Барт, каждый раз подчеркивая, что писатели являются насколько обычными, настолько исключительными людьми, поскольку их произведениям суждено оставаться в памяти многих поколений читателей, обеспечивая авторам бессмертие. И каждому новому поколению будет всегда интересно выяснить, узнать, как жили и как вели себя эти писатели в

обыденной жизни, были ли у них острые переживания, волнения, разочарования, сильные страсти, или они жили однообразной, монотонной и скучной жизнью. Действительно, жизнь гения представляет собой единство обычного и исключительного, что в свою очередь вызывает большой интерес к их прожитой жизни, исторической эпохе и окружающей среде. Иногда предметом дискуссий и обсуждения становится вопрос – в какой степени и в каком объеме допустимо анализировать, рассматривать в научно-биографическом исследовании художественные произведения писателя, поскольку этим также обусловливается, удастся ли исследователю биографии писателя заинтриговать читателя, пробудить в нем интерес к художественному творчеству исследуемого автора, или, напротив, погасит этот интерес.

2.

Биография Ованеса Туманяна имеет особое значение, поскольку он принадлежит к числу тех гениальных художников слова, сила которых заключена в гармоническом единстве человека и поэта, в единстве его жизни и творчества. Каждый большой писатель выражает таинство исторической эпохи, ее уроки. Это в наибольшей степени относится к Туманяну, потому что он был создателем эпохальной литературы, обобщив свое время и человека всех времен, принес в армянскую литературу новые многослойные пласты. Он нередко находил дух, ядро слова в процессе обычного разговора, беседы, либо рассказывая об услышанной истории или предании. Поэт неоднократно признавался, что во время бесед он мысленно занимался творчеством. Свои многочисленные легенды и сказки, даже стихотворения он создавал в результате непосредственного общения с народом, становясь носителем народного языкового мышления, жизненной философии, становясь выразителем народного мировосприятия и мудрости. В произведениях Туманяна доминирующее значение имело то, что он видел и слышал, то, что он пережил. Поэт осознавал свою ответственность перед временем и народом, понимал, что с него – спрос особый, что то, что дано ему свыше, ко многому его обязывает. «Мне щедрый дар дарован свыше...».

Летопись жизни Ованеса Туманяна – это биография, жизнеописание армянского народа, поскольку велика роль поэта во всех сферах жизни. Как невозможно представить армянскую литературу без Туманяна, так и невозможно представить историю двух первых десятилетий XX века – самого сурового и трагического периода в жизни армянского народа – без самого народного поэта. Туманян был также одним из тех исключительных поэтов в мировой литера-

туре, биография которых становится биографией эпохи.

Он не жил – горел. К тридцати годам он уже совсем поседел, выглядел ранним стариком. Огромным костром полыхала эпоха, судьбоносные события стремительно сменяли друг друга, мелькали, словно фигуры калейдоскопа. Испытаний, лишений и трудностей, выпавших на долю Туманяна, с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней. В его творческой биографии преломилась, отразилась вся история армянского народа первых десятилетий двадцатого века. Через сердце поэта прошли три революции, мировая война, геноцид армян, гражданская война, лишения и разруха... Первая русская революция откликнулась в Восточной Армении межэтническими столкновениями. Кавказские татары, которых позднее назовут турками-азерами, устроили погромы и резню армян в Баку, Гандзаке, Шуше, Казахе... Огонь межнациональной войны распространялся, охватывал новые территории и перекинулся в Лори, Тифлис... Растерянному народу нужен был предводитель, патриарх, мудрый старейшина. И тяжелую ношу этой важнейшей миссии взвалил на свои хрупкие плечи тридцатилетний Ованес Туманян. Время выбрало его, потому что он оказался именно тем человеком, который мыслил масштабно, общенациональными категориями, и пользовался непререкаемым авторитетом не только среди армян, но и татар. К тому времени он уже имел серьезные проблемы со здоровьем, у него были слабые легкие, его терзала жестокая хроническая бессонница.

За упомянутыми событиями 1905-1906 гг. последовали арест, пребывание в Метехской тюрьме, изнуряющие бесконечные допросы, длительный судебный процесс в Петербурге (так называемое «дашнакское дело»). Заметим мимоходом, что защищать дело Туманяна взялся будущий Председатель Временного Правительства России А. Ф. Керенский. А сколько нервов, бесценного времени и столь же бесценной жизненной энергии отняли у поэта совершенно бессмысленные публичные дискуссии с Рубеном Драмбяном, Амбарцумом Аракеляном и другими, которые, прекрасно сознавая значение и величие Туманяна, выступали с ядовитыми и тенденциозными пасквилями, третируя поэта, обвиняя его в совершенно немыслимых проступках. Добавим к этому колоссальную нагрузку, связанную с многолетним руководством различными общественными организациями, в том числе Кавказским обществом армянских писателей, а позднее – Комитетом помощи Армении.

В одном из своих интервью французский литературовед Жак Нёф признается: «У нас нет такого писателя, которого мы могли бы

превратить в национальный символ»¹. Мы же с полной убежденностью можем сказать, что у нас есть такой национальный писатель-символ. Ов. Туманян – самый народный, самый национальный армянский писатель. Следовательно, научная биография Туманяна является насущной необходимостью, обретает особую ценность, важность как для армянской литературы, так и истории армянской общественной мысли.

Первым биографом Туманяна был сам поэт, когда в восемнадцатилетнем возрасте написал «Деяния предков», сделав попытку воссоздать историю жизни своих генетических предшественников, генеалогию своего рода. У этого начинания было только начало, с черновым вариантом, подлежащим пополнению и обработке. Порою он оставлял пустыми какие-то страницы – с тем, чтобы впоследствии что-то уточнить и добавить. Эту биографическую родословную он разделил на подзаголовки, в которых на основе известных ему фактов сперва изложил биографии своих предшественников (Бархудар, Саркис, Мехраб, Геворг, Оваким и Абраам), а затем включил главы «Некоторые особенности Терсанц», «Некоторые главные причины падения дома Туманянов», «Прозвища Терсанц», а затем начертил собственноручно составленное родословное древо. Ов. Туманян первым выяснил, что его род берет начало из фамилии Мамиконянов, которые переселились в Лори из Тарона в 10-11 веках. Свою родословную писатель начинает от Тумана и сына Гёгчи, отца его прародителей Бархудара, которого он считает патриархом («нахапетом») своего рода. Затем Туманян переходит к биографиям его потомков – Мехраба и сына последнего Овакима, упоминает все родовые имена Туманянов, снабжая каждое имя соответствующими разъяснениями, комментариями и примечаниями этимологического характера.

«Деяния предков» являются дополнительным свидетельством того большого воодушевления, которое Туманян переживал, знакомясь с героическими деяниями своих достойных предков, отважных зачинателей его рода. Мы не вправе обвинять писателя в преувеличении заслуг и подвигов своих предков, в предвзятом отношении к ним и неуместном их возвеличении, потому что слухи об их отчаянной храбрости и отваге давным-давно вышли за пределы Лори, распространились повсюду и дошли до Хачатура Абовяна. Абовян, возвращаясь в 1826 году из Тифлиса в Эчмиадзин, провел около

---

¹ Биографии и контрбиографии, Беседа с Жаком Нефом, профессором университета Париж-VIII (Франция) и университета Джонса Хопкинса (США), «Иностранная литература», 2000, № 4.

месяца в Лори, став очевидцем русско-персидских боевых действий, познакомился с Овакимом и воплотил его образ в своем бессмертном романе «Раны Армении», открывшем собою новый этап в истории армянской литературы. Примечательно, что в своем романе Абовян не забывает упомянуть и столетнего отца Овакима – Мехраба.

Туманян с таким воодушевлением рассказывал о героических подвигах своих предков, что заражал своими восторженными рассказами близких друзей. Аветик Исаакян своей рукой составил родословное древо рода Туманяна. А сам Туманян в рассказе «Из жизни храбрецов» использовал в качестве реального прототипа образ Мехраба.

Идея написать свою подробную биографию в контексте столь же подробных биографий предков, зачинателей и основоположников его рода, занимала Туманяна на протяжении многих лет. Так, восемнадцать лет спустя после «Деяния предков», уже в возрасте 36 лет, поэт возобновляет свою работу в этом направлении. Более того, он передает для публикации в вестнике-календаре «Луйс» небольшой отрывок своей биографии, озаглавленный «Автобиография», в котором пишет о своей семье, о годах учебы в Дсехе и Джалалоглы. Биография была опубликована в вестнике в качестве приложения, а два года спустя, в 1907 году, она печатается в Александрополе, в «Избранных фрагментах» Эм. Назарянца¹.

Туманяна особенно стала волновать задача написания своей подробной, обстоятельной и целостной биографии в последние несколько лет его жизни, где-то в самом конце 1910-х годов, начиная с 1919 года. Он советуется по этому вопросу с семьей, обсуждает принципы осуществления замысла, структуры и композиции предстоящей работы. По свидетельству Нвард и Амлика Туманяна эта автобиография должна была стать довольно объемистой, двухтомной книгой, состоящей из десяти глав – в соответствии с условными периодами жизни поэта. 12 декабря 1919 г. Туманян сказал: «Хочу написать свою биографию, она, наверное, составит десять периодов. Первый период – деревенская жизнь, Дсех, самый прекрасный период моей жизни... и я хорошо его помню. В дальнейшем у меня были более интересные периоды, но это для постороннего человека, а для меня те годы были лучшими, а затем два-три года в Джалалоглы»².

Сохранившиеся автобиографические заметки опять-таки отно-

---

¹ Об этом пишет **А. Инджикян** в монографии «Ованес Туманян», Ер., 1969, с. 20-25 (на арм. яз.).

² См.: **Н. Туманян**, «Детство и юность Туманяна», Ер., 1999, с. 210 (на арм. яз.).

сятся к родословной поэта, к периоду его раннего детства и юности. Здесь он представляет цельную картину большой патриархальной семьи, со всеми своими родственниками, слугами, традициями и устоями, обычаями, вновь упоминает Овакима, которого народ прославил как «Бога лорийских ущелий», пересказывает бытующие предания о нем, которые были основаны на славных победах Овакима, одержанных в оборонительных боях против лезгин.

В своих автобиографических заметках Туманян уделяет большое внимание историческим памятникам Лори, народным преданиям, легендам и беседам, пламенным патриотическим песням, замечательной природе родного края, проявляя при этом заложенный в нем с раннего детства безудержный и неистовый интерес ко всему этому. По замыслу маленький Ованес должен был предстать перед читателем с 2-3-летнего возраста, когда его бодала рыжая корова Цагик и он боялся собаки и убежал, а немного повзрослев, пас волов и всегда терял доверенную ему скотину, слушал рассказы бабушки об Агаси, той самой бабушки, которая среди всех своих внуков больше всего любила Ованеса. Туманян пишет: «И мой брат Ростом, и я, мы оба думали, что я сын своей бабушки»¹.

Маленький Ованес слушал деда, поющего церковную песню-шаракан «Аравот лусо», вспоминал игры раннего детства, ученические шалости в школе, отца, играющего на сазе, и то, как он по просьбе отца становился «в караул», чтобы тот незаметно для жены раздавал односельчанам имевшуюся в доме утварь; вспоминал он и свои «подвиги» горе-пловца, когда он заплыл вглубь Дебеда и едва не утонул... С тоской в сердце вспоминал он свою мать, которая горько плакала, когда его забирали от нее, увозя в Джалалоглы («Я тоже не могу заснуть и все плачу, плачу»)(8, 425). Одного за другим, поименно вспоминал он всех окружавших его животных, с печальной тоской рассказывал, как он любил часами лежать в траве, на лоне природы, и всматриваться в небо. Все это приносило маленькому Ованесу ощущение гордости, богатства и счастья, и уже в зрелые годы, на закате жизни, поэт заверяет нас: «Мое детство прошло в божественной благодати и щедрости»(8, 427).

Эта щедрость не была материальной, она была духовной. Не было материальным и это ощущение богатства. Это были щедрость и богатство природы, красоты чистых и искренних человеческих отношений и безграничной доброты.

В автобиографических заметках Туманяна существенное место

---

¹ Ов. Туманян, ПСС в 10 тт., т. 8, Ер., 1997, с. 421 (на арм. яз.). В дальнейшем все цитаты из произведений Ов. Туманяна будут приводиться по данному академическому изданию с указанием тома и страницы.

занимают также имена его современников, родных, друзей и товарищей, а также очерки о событиях и происшествиях тех лет, которые разъясняют для нас главные принципы Туманяна-биографа: представлять жизнь личности в тесном переплетении с эпохой и окружающей средой.

Талантливых, одаренных людей он считал своеобразными «произведениями», к созданию которых причастны «их соотечественники и их окружение». Именно прожитая жизнь художника придает предметность и одухотворенность его вдохновению. Вот почему Туманян придавал такое важное значение изучению биографий великих писателей – Гёте, Шекспира, Пушкина, считал очень важной роль каждого деятеля литературы и искусства для истории культуры.

На рубеже 19-20 вв. мемуаристика и составление автобиографий получили в армянской литературе большое распространение. Свои более или менее подробные жизнеописания написали Перч Прошян, Газарос Агаян, Ерванд Отян, Ширванзаде, в последующие годы эту традицию продолжили Ваан Тотовенц, Гурген Маари, Стефан Зорьян и др.

Юрий Веселовский при составлении получившего широкую известность сборника «Армянские беллетристы», изданного в Москве в 1893 г., обращался с письмами к армянским писателям и просил их присылать свои подробные автобиографии. Среди других армянских писателей на призыв Веселовского и Минаса Берберяна откликнулся Газарос Агаян. Он в предисловии к развернутой автобиографии пишет, что решил записать главные события своей жизни, «те события, которые каким-то образом оказывали воздействие на мое умственное и нравственное развитие. И сделал я это с убеждением, что полученный от жизни опыт также представляет собою богатство, достойное завещания последующим поколениям»¹.

Другой современник Туманяна, Александр Ширванзаде, в предисловии к первому изданию своей автобиографии пишет: «Заинтересует или не заинтересует читателя настоящий труд – не знаю. Со своей стороны могу только обещать и выполнить с возможной точностью только следующее: никогда не выходить за пределы действительности, никогда не сочинять какую-либо сцену или персонаж. Не мой взгляд, жизнь сама по себе настолько прекрасна, что нет нужды ее приукрашать, и настолько уродлива, что нет возможности еще больше ее обезобразить. Жизнь – это и поэзия, и проза, и небо,

---

¹ Г. Агаян, Соч. в 4 тт., т. 4, Ер., 1963, с. 325, 621, (на арм. яз.).

и земля. Так что пусть события и персонажи сами и своим языком говорят с читателем»¹.

Когда актриса Азнив Грачья, оставившая к тому времени сцену, но продолжавшая при этом жить и дышать жизнью театра, как-то рассказала Туманяну о знаменательных событиях своей жизни, поэт просто-напросто заставил актрису по возможности подробнее написать об этом. Дело происходило в здравнице, в Абастумане, и Туманян, несмотря на свою огромную занятость и загруженность, собственноручно записывает одиннадцать страниц из воспоминаний Азнив Грачья, обязав актрису продолжить эти записи. Таким же образом Пушкин заставил актера Щепкина написать свои воспоминания, своей рукой написав первые строки его биографии².

Годы спустя, завершив свою биографию, подвергнув ее литературной обработке и опубликовав первую часть в Баку, Азнив Грачья прилагает к воспоминаниям возвышенное посвящение Туманяну.

«Благородный друг,

Вы попросили и заставили, чтобы я написала свои воспоминания. В первый миг для меня было очень трудно выполнить вашу просьбу... я начертала одну главу истории нашего театра, позвольте же посвятить ее Вам», – пишет актриса в 1904 году³. И когда эти воспоминания из номера в номер публикуются в вестнике «Анаит», Туманян выражает свое теплое и доброе мнение, приветствует автора, в ответ на это актриса 17 ноября 1909 г. откликается письмом. Она пишет: «...Ну, а я, сколько раз я должна благодарить Вас, да, только Вас, мой дорогой друг»⁴.

В периодике тех лет было опубликовано множество сообщений и рецензий на автобиографическую книгу Азнив Грачья, и в каждой публикации непременно подчёркивалась роль Туманяна и приводились слова благодарности актрисы, выраженные в ее «Письме-предисловии»⁵.

По свидетельству Нвард Туманян, именно по совету и настоянию Ов. Туманяна отец Ашота Атанасяна Тер-Гевонд написал воспоминания о своем учителе – Хачатуре Абовяне⁶.

Можно привести множество других примеров, письменные и

---

¹ Ал. Ширванзаде, Собр. соч. в 10 тт., т. 8, Ер., 1961, с. 543 (на арм. яз.).

² М. С. Щепкин, Записки, письма. Современники о М. С. Щепкине, М., 1952, с. 59, 141.

³ См. «Вестник архивов Армении», Ер., 1969, №2, с. 33 (на арм. яз.).

⁴ Там же.

⁵ См. статью А. Езекияна «Госпожа Грачья» в газете «Мшак», Тифлис, 1909, 14 ноября, № 253 (на арм. яз.).

⁶ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Ер., 1987, с. 50 (на арм. яз.).

устные признания Туманяна, свидетельствующие о его самом серьезном отношении к исследованию биографий талантливых личностей, деятелей литературы и искусства. Такое отношение и такой вдумчивый подход передались также членам семьи писателя. Ануш была первой из дочерей Туманяна, которая взялась за создание биографии отца, а ее брат Амлик напутствовал ее следующим советом: «Слова отца, которые ты цитируешь, старайся приводить в точности, и мало давай говорить отцу, мало и осторожно»¹. Отметим, что и сын поэта Арег начал писать биографию отца и создал художественные произведения, прототипом главного героя которых его отец. Стимулом для серьёзного изучения жизни и творчества Туманяна послужили обвинения Погоса Макинцяна в адрес поэта. В своём докладе, написанном в духе того времени и приуроченном к 60-летию Туманяна, критик обвинял Поэта всех армян в национализме, гайдукизме, религиозности, отсутствии революционности, а также в том, что он в своих произведениях не воспевал пролетариат. В ответ на эти обвинения Арег отметил, что Ованес Туманян является общенациональным поэтом, поэтом всего армянского народа. Таким поэтом для России был Пушкин, для Украины – Шевченко, для Польши – Мицкевич, для Грузии – Чавчавадзе и Церетели. «Кто может считаться общенациональным поэтом? Тот, кто унаследовал всё культурное богатство своего народа, в лучших формах, наилучшим языком, пропустил через свой творческий многогранник все проявления этого народа или нации...»². Собрав огромный материал о литературном наследии поэта, Арег собирался представить его в тринадцати главах своего исследования. Он намеревался также составить подробную летопись-хронику жизни отца. По его убеждению, Туманян был подлинным поэтом и великим гражданином, подобным которому во всём объёме не были ни Пушкин, ни Толстой, ни другие. «Как общественный деятель он сравним с Чернышевским, а как поэт – с Пушкиным. Соединив их, можно получить Туманяна»³.

К сожалению, Арегу так и не довелось завершить своё исследование. Какая-то часть рукописной биографии поэта хранится у Сурмы, однако многие страницы утеряны во время обыска в квартире Арега. Именно благодаря сохранённым Арегом записям до нас дошли некоторые из важных и ценных мыслей Ов. Туманяна.

Некоторые фрагменты детства и ученических лет Туманяна были представлены его современниками еще при жизни писателя –

---

¹ И. Сафразбекян, Переписка семьи Туманяна, Ер., 2002, с. 139 (на арм. яз.).

² С. Туманян, "И только через много лет, или в поисках прошлого", С.-П., изд-во "Человек", 2017, с. 50.

³ Там же, с. 49-50.

в опубликованных рецензиях на его изданные поэтические сборники. Характерна в этом отношении статья Григора Баласаняна «Ованес Туманян». Анализируя все поэтические сборники Туманяна, опубликованные до 1910 года, рецензент параллельно обращается к жизни писателя, к периоду его ученичества в Джалалоглы, рассматривает отклики критиков на его поэтические сборники, касается его сотрудничества с армянскими периодическими изданиями, говорит о литературном воздействии на его творчество других писателей, делится мыслями о различных материалах, посвящённых произведениям Туманяна. Автор рецензии обстоятельно анализирует мнения С. Мандиняна, А. Чопаняна, Лео, Отца Бжикяна, Ав. Агароняна, М. Потуряна, Ов. Тер-Миракяна, М. Берберяна, Ал. Калантара, Г. Енгибаряна, Акопа Чахарбекяна и др. При этом рецензент приходит к выводу, что Туманян «является первым в своем роде»¹.

С точки зрения взаимосвязи биографии и художественного творчества писателя представляет интерес рецензия на сборник Туманяна «Стихотворения», изданный в Тифлисе в 1903 году. Автор рецензии, опубликованной в журнале «Мурч», подписался А., но более чем вероятно, что это был редактор журнала Аветис Араханян, хотя и нельзя вовсе исключать возможности, что отклик написан Аветисом Агароняном.

Рецензент попытался сделать переход от творчества Туманяна к его биографии, разглядеть в художественных произведениях поэта его человеческий образ². Автор приходит к выводу, что даже если не знать биографии поэта и взяться за чтение его сборника стихотворений, все равно можно получить достаточно полное представление о том, где и как вырос автор, какая у него была жизнь.

Таким образом, уже в 1903-1904 гг. делается попытка увидеть жизнь, биографию Туманяна в его произведениях. Отметим, что сам поэт признавался, что каждый писатель хотя бы частично живет в своих произведениях и что внимательный читатель его сочинений сможет увидеть и его самого.

Примечательно, что при жизни Туманяна биографические очерки о нем публиковали не только известные, состоявшиеся писатели и литературоведы, но и заурядные журналисты, а подчас и обычные читатели. Среди статей и заметок, содержащих биографические сведения о Туманяне, заслуживают упоминания «Восточно-армянская литература» Лео, «История армянской литературы» Врта-

---

¹ Журнал «Ежемесячный Вестник», Вена (1887-1910), № 4, апрель, с. 76 (на арм. яз.).

² Журнал «Мурч», Тифлис (1889-1907), 1904, № 4, апрель, с. 169, 173 (на арм. яз.).

неса Папазяна, «История восточно-армянской литературы» Л. Манвеляна, «Певец печали и тоски Ов. Туманян» Филиппоса Вардзаряна, «Воспевание прошлого, лира Ов. Туманяна» Давида Ануна, «Штрихи к портрету. Ов. Туманян» Погоса Макинцяна, «Философия современной лирики» Ованеса Соловяна, «Национальные деятели» С. Еремяна.

В самом начале XX столетия публикуются также первые биографические очерки о Туманяне на русском языке. В сборнике «Современные армянские поэты» (М., 1903) такой очерк опубликовал А. Дервиш.

При жизни Туманяна биографические очерки и заметки о нем писались по самым разным случаям и поводам – по случаю юбилейных дат. Это в особенности относится к 50-летию поэта, которое несмотря на все его решительные протесты торжественно и всенародно отмечалось несколько месяцев подряд, начиная с февраля 1919 года. За этот относительно небольшой отрезок времени в армянских, русских и грузинских периодических изданиях были опубликованы десятки и даже сотни статей о национальном армянском поэте. В эти же дни с целью публикации биографии Туманяна с поэтом встретились Никол Агбальян, Сергей Городецкий и Вардгес Агаронян¹.

Столь же большой всплеск внимания и интереса к биографии Туманяна наблюдается в связи со смертью поэта в марте 1923 года. Статьи, очерки и заметки о его жизни и творчестве публикуются повсюду, в разных странах мира. Нередко в этих публикациях представлены библиографические списки литературно-критических и исследовательских работ о поэте. Так, в частности, поступил автор обстоятельной статьи «Ованес Туманян» О. Когян².

3.

После смерти поэта особое, если не сказать исключительное значение и ценность для исследования биографии Ованеса Туманяна имеют публикации дочери поэта Нвард Туманян. Здесь следует особо выделить ее книгу «Воспоминания и беседы», которую можно рассматривать как первоисточник. Роль Нвард Туманян для туманяноведения вообще очень велика. Еще в студенческие годы,

---

¹ Статья С.Городецкого была опубликована в газете «Закавказское слово», в № 27 за 20 февраля 1919 г., а статья В.Агароняна «Ованес Туманян, человек и поэт» была издана в Бостоне в 1936 году.

² Журнал «Ежемесячный Вестник», Вена, 1923, № 5-6, май-июнь, с. 278 (на арм. яз.).

начиная с 2 октября 1914 года, находясь под впечатлением книги Эккермана «Беседы с Гете», она приступает к записи бесед своего великого отца. Известно, что Туманян в последние месяцы жизни, в январе, ознакомившись с мемуарами дочери Ф. Достоевского, заметил: «Эта книга и в таком виде, и даже если бы она была написана слабее, всё равно была бы ценной и интересной, потому что дочь пишет о своем отце»¹.

Непреодолимая ценность воспоминаний Нвард Туманян для филологии и истории армянской литературы заключается не только в том, что они написаны дочерью поэта, но и в том, что она записывала услышанные от отца слова и связанные с ним события «по горячим следам», в тот же самый день и даже в те же самые часы.

С 1919 года Нвард Туманян начинает более серьезно заниматься вопросами освещения жизни и творчества Туманяна и составляет первую библиографию произведений писателя, после чего посвящает всю свою оставшуюся жизнь, вплоть до самой своей смерти в 1957 году, туманяноведению, публикуя многочисленные неизданные страницы из творческого наследия писателя, принимая участие в работе по изданию почти всех книг и сборников Туманяна, в том числе и первого академического собрания его сочинений. Заметим, что еще в июле 1923 года по решению правительства Советской Армении Нвард Туманян была назначена ответственным секретарем научного издания произведений Ованеса Туманяна и тогда же она начала подготовительные работы по выявлению и систематизации творческого наследия отца, одновременно собирая материалы, относящиеся к биографии, хронологической летописи жизни поэта.

Перу Нвард Туманян принадлежат многочисленные статьи, книги воспоминаний о Туманяне. Она развернула титаническую деятельность по составлению хронологии жизни Туманяна, однако эта работа не была доведена до конца – из-за ее безвременной смерти. Ее биографические очерки и воспоминания о Туманяне по сей день не утратили своей ценности и значения.

Первый биографический очерк об отце Нвард Туманян написала в 1926 году. Он был опубликован без подписи автора в качестве приложения к первому посмертному сборнику произведений Туманяна. Это был самый подробный и пространственный биографический очерк о поэте из всех существовавших к тому времени. Задача создания целостной, детальной биографии Туманяна снова актуализируется с 4 декабря 1935 года, когда Нвард возвращается из Тифлиса с архивом рукописей Туманяна. Она продолжает собирать

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Ер., 1987 (на арм. яз.), с. 285.

мемуарную литературу об отце, уточняет фактографические данные всех материалов, проверяет их датировку, исправляет ошибки, составляет периодизацию жизни Туманяна. В это время Нвард довольно часто обсуждает свои планы со многими литераторами. Так, она беседует с Павло Тычиной о принципах и форме составления биографий великих людей, учитывает его советы о необходимости публикации материалов, освещающих национально-политическую и общественную деятельность писателей¹. Изданная в 1939 г. и приуроченная к 70-летию поэта биография Туманяна оставалась самой полной и подробной целых тридцать лет – вплоть до 100-летнего юбилея поэта. Непереоценимое значение для истории армянской литературы имеет и книга Нвард «Детство и юность Туманяна», в которой представлен первый период жизни поэта. Эта книга, разделенная на 12 глав, являет собой написанную в форме художественного очерка документальную биографию писателя, которая завершается тем, что молодой Туманян поступает на работу в духовную консисторию (август 1987)². Как отметил в свое время автор рецензии на эту книгу Левон Ахвердян, «никто из исследователей жизни и творчества Туманяна, ни сегодня и ни в дальнейшем не может обойти ее вниманием»³. Другие рецензенты книги Нвард Туманян – К. Кацахян, И. Есяян, С. Арутюнян – выразили пожелание увидеть изданным второй том воспоминаний, в котором будет освещен следующий период биографии поэта и тем самым будет завершено целостное исследование жизни классика армянской литературы⁴. И. Есяян в статье «Начало великой жизни» заявляет, что вниманию читателя представлен «далеко не самый главный отрезок великой жизни Туманяна»⁵.

Примечательно, что даже в последние месяцы своей жизни, будучи серьезно и неизлечимо больной и сознавая неизбежность приближающейся кончины, Нвард, забыв обо всех других своих проблемах и заботах, беспрестанно повторяла: «Летопись жизни отца осталась незавершенной»⁶.

После Нвард Туманян и издания первого академического собрания сочинений Ов. Туманяна в шести томах (1940-1959) туманя-

---

¹ См. личный архив Н. Туманян, раздел 2, п. 17, с. 101.

² Книга Нвард Туманян переиздавалась несколько раз – в 1938, 1946, 1955, 1999 гг.

³ Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, Ер., 1999, с. 7 (на арм. яз.).

⁴ Журнал «Советакан граканутюн» («Советская литература»), Ереван, 1955, № 11, с. 157 (на арм. яз.).

⁵ См. личный архив Нвард Туманян, раздел 6/2, п. 2, с. 18-22 (Архив предоставила нам младшая дочь Туманяна Тамар Туманян).

⁶ Там же, с. 22.

новедение вступило в новую фазу – фазу монографических исследований жизни и творчества поэта. До этого на протяжении десятилетий после смерти поэта оценка его литературного наследия давалась в формате газетных статей. И только в последние тридцать лет минувшего века туманяноведение сделало серьезный шаг вперед.

В 1969 году в связи со 100-летним юбилеем Туманяна одна за другой публикуются содержательные монографии и ценные статьи и исследовательские труды Арама Инджикяна, Эдварда Джрбашяна, Левона Ахвердяна, Магды Джанполадян, Мкртича Мкряна, Сурена Агабабяна, Гранта Тамразяна, в которых всесторонне исследовалось в основном творческое наследие писателя. Несколько позднее к указанным исследователям присоединилось новое поколение ученых в лице Ирмы Сафразбекян, Завена Аветисяна, Азата Егиазаряна и др. Вовсе не умаляя заслуг этих исследователей, со всей ответственностью и убежденностью можно утверждать, что наибольший вклад в современное туманяноведение внес Эд. Джрбашян, причем не только своими четырьмя фундаментальными, весомыми и ценными исследованиями, но и изданными под его руководством пятью томами серии «Туманян, исследования и публикации» и десятитомником полного научного собрания сочинений писателя. Посмертно вышли в свет монографии Эд. Джрбашяна «Литературное наследие Туманяна» и «По следам фактов. Заметки литературоведа».

Конечно, последние три десятилетия минувшего века стали годами самых плодотворных, результативных исследований и достижений для туманяноведения. Однако величайшим знатоком и ценителем творчества Туманяна остаётся Егише Чаренц, давший изумительно меткие определения и оценки «гениальному лорейцу». Именно чаренцевские оценки наметили дальнейшие пути развития туманяноведения. Никто не мог понять и оценить Туманяна столь глубоко и всеохватно, как Чаренц. По свидетельству Эд. Джрбашяна¹, именно непревзойденная высота чаренцевского восприятия творчества Туманяна стала основой для рабочих программ туманяноведения, главной задачей которых является оценка и исследование этой поистине недостижимой вершины, Арарата армянской литературы². Это, безусловно, является одной из важнейших причин, придающих большую актуальность задаче создания научной

---

¹ Эд. Джрбашян, Литературное наследие Туманяна, Ер., 2000 (на арм. яз.).

² Туманян еще при жизни своей ассоциировался с Араратом, причем не только в сознании своих соотечественников, но и грузин, которые часто приветствовали его на улицах Тифлиса словами: «Привет Арарату!» (См. Н. Туманян, «Детство и юность Туманяна», с. 52).

биографии Туманяна.

Первую серьезную попытку создать научную биографию Туманяна сделал один из подвижников туманяноведения – Арам Инджикян, представивший на суд читателя монографию «Ов. Туманян – жизнь история творчества» (Ер., 1969). В этом фундаментальном исследовании, насчитывающем 600 страниц, охвачены годы детства и молодости Туманяна, первые тридцать лет его жизни (1869 - 1899). Труд исследователя, таким образом, остался незавершенным. На основе богатого документального материала ученый подробно и детально освещает родословную Туманяна, его ученические годы в Джалалоглы и в школе Нерсисян, период службы в духовной консистории, первые литературные опыты, показывает окружающую среду, формирование мировоззрения и художественных пристрастий поэта, говорит об источниках его духовного обогащения, анализирует отклики и оценки первых его опубликованных произведений, рассматривает историю создания программных стихотворений, а также их связь, переключку с пережитыми поэтом событиями и впечатлениями. Иначе говоря, ученый-исследователь выполнил главную методологическую задачу, стоящую перед этим литературоведческим жанром – показать единство между личностью писателя и его творчеством.

Как это ни удивительно, но это важное и удачное начинание долгое время не получало продолжения. Ни сам Арам Инджикян, ни другие литературоведы не пытались изучить дальнейшую биографию поэта. В результате самый важный период жизни Туманяна, наиболее интересный, насыщенный бурной литературно-общественной и национально-политической деятельностью, – то есть зрелый период биографии Туманяна, уже состоявшегося писателя и гражданина, так и остался неизученным, неисследованным. Это обстоятельство имеет свои как объективные, так и субъективные причины. Во-первых, архивный документальный и филологический материал не был в достаточной степени изучен, систематизирован и надлежащим образом опубликован. Другой причиной было то, что в советские годы существовали запреты и ограничения идеологического характера, обязательные требования в отношении освещения дореволюционной и постреволюционной исторической эпохи. Если при толковании, трактовке художественного творчества Туманяна была возможность свободной интерпретации произведений и в этом отношении туманяноведческая мысль могла развиваться относительно свободно, то этой свободы были напрочь лишены исследователи жизни, биографии поэта. Непросто было преодолевать запреты и ограничения цензурного характера и объективно осветить контактные связи Туманяна с партией Дашнакцутюн, его отношения с таки-

ми дашнакскими деятелями, как Ованес Каджазнуни, Симон Врацян, полководец Андраник, Левон Шант, Аветис Агаронян, Никол Агбалян... В те годы невозможно было даже упоминание этих имен, не говоря уже об их совместной борьбе за осуществление национальных идеалов армянского народа. Сегодня это стало возможным – благодаря существенно, кардинально изменившейся ситуации в национально-политической, общественной культурной и духовной жизни.

Вероятно, отсутствие научной биографии Туманяна является результатом того неперенного чувства неуверенности и робости, которое возникает в каждом ученом-литературоведе, когда он берется за жизнеописание писателя такой величины. Исследователя безусловно сковывает ощущение недостижимости, невыполнимости задачи, рождающееся из понимания огромной ответственности. И тем не менее, это исследование должно быть предпринято – с учетом и пониманием того, что создание целостного, всеобъемлющего и завершенного труда просто невозможно, по той простой причине, что невозможно объять необъятное, исчерпать неисчерпаемое, охватить неохватное. В этом был уверен и сам писатель: «Я знаю, что когда-нибудь, конечно, не скоро, моя жизнь возбудит большой интерес и поднимет большой шум... И никто не найдет правды, никогда не скажет...»¹.

Исследование биографии Ов. Туманяна предполагает огромный фронт источниковедческой и аналитической работы. В настоящее время созданы благоприятные условия для успешного осуществления этой задачи. Самым ценным вкладом в этом отношении безусловно следует считать научное издание полного собрания сочинений поэта в 10 томах – с богатыми, подробными примечаниями и добротным научно-справочным аппаратом (Ер., 1988-1999). Издание это является результатом более чем десятилетнего кропотливого труда созданной в Институте литературы НАН РА туманяновской группы, работу которой руководил академик Эдвард Джр-башян².

Другой важной предпосылкой для создания научной биографии Туманяна является огромный объем исследовательской работы, проделанный учеными-туманяноведами за последние три десятилетия. Исследования эти велись сразу в нескольких направлениях – в выявлении, сборе и публикации филологических, источниковед-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 291 (на арм. яз.).

² См. Ов. Туманян, Полное собрание сочинений в 10 тт., Ер., 1988-1999. Продолжительность издания первого собрания сочинений поэта составила 19 лет, второго – 13 лет.

ческих материалов, в текстологической обработке документов, а также в создании литературоведческих, аналитических исследований о литературном творчестве писателя. Вышли в свет пять томов серии «Туманян. Исследования, публикации» (Ер., 1964-1998). Но при этом не следует забывать, что большое количество до сих пор не опубликованных документов и материалов хранится в архивах и музеях – как в Республике Армения, так и за ее пределами.

Огромный объем материалов помещен в периодике начала минувшего столетия. Несомненно, что для биографа писателя представляют чрезвычайно большой интерес воспоминания современников Туманяна. Сохранилось около 150-и таких воспоминаний, хотя в объемистом (в 1000 страниц) сборнике «Туманян в воспоминаниях современников» было помещено только 90 воспоминаний¹.

Создание какой-либо научной биографии невозможно без исследования воспоминаний, но такое исследование не менее важно и значимо для всего туманяноведения в целом, потому что ни об одном другом армянском писателе не было написано столькими авторами и так много, как о Туманяне, причем, как уже было отмечено, почти половина этого объема до сих пор не введена в научное обращение и не стала предметом исследования. К счастью, большинство воспоминаний повествует о зрелом периоде жизни Туманяна – о наименее известном и изученном временном отрезке его биографии. Конечно, обращаясь к этим воспоминаниям, мы учитывали, что многие из них написаны десятилетия спустя после описываемых событий, когда в памяти могли в какой-то степени стертись немаловажные детали и подробности. А если к тому же учитывать жанровые особенности мемуарной литературы, в частности, неизбежную субъективность рассказчика, подчас неверные впечатления о тех или иных событиях и предвзятые оценки, то становится ясно, что необходимо проявлять большую осторожность и внимательно сопоставлять разные источники и трактовки фактов и событий, чтобы избежать возможных недоразумений и неточностей.

Разумеется, исключительно важную роль играют также письма, полученные Туманяном, из которых опубликована и введена в обращение лишь весьма незначительная часть. Они дают живое представление о том непосредственном впечатлении, с которым

---

¹ Сбор этих воспоминаний начался еще в 30-е годы минувшего столетия стараниями Нвард Туманян, а в 1935 году это дело получило официальный характер. Руководство работой было поручено Институту литературы НАН РА, и значительная часть обработанных армянскими филологами воспоминаний (90) опубликована в 1969 г. в сборнике «Туманян в воспоминаниях современников» (составитель – Лусик Карапетян, редакторы – Арам Инджикян и Пион Акопян).

воспринимали произведения Туманяна его современники. Большую ценность представляют и критические оценки современников о писателе.

На пути создания научной биографии Ованеса Туманяна второй по значимости вклад после Арама Инджикяна внесла Лусик Карапетян – своими серьезными исследованиями, в частности, монографией «Общественная деятельность Ованеса Туманяна» (Ер., 1992), в которой рассмотрены взаимоотношения Туманяна с Андраником, Филиппосом Вардазаряном, Аветисом Агароняном, с партиями «Дашнакцутюн» и «Гнчакян», с различными земляческими и общественно-политическими объединениями и организациями; освещена деятельность писателя в национальном бюро в Эчмиадзине и Тифлисе.

Изучение этих ценных историко-литературных документов даёт возможность всесторонне осветить малоизвестные страницы жизни и творчества Ованеса Туманяна.

После Нвард Туманян своей преданностью туманяноведению отличается внучка поэта Ирма Сафразбекян. Ее стараниями в 2001 году в Ереване вышла в свет новая, достаточно полная библиография, которая включает в себя все публикации произведений Туманяна на русском языке. Один этот перечень составил довольно объемистый том. Благодаря Ирме Сафразбекян армянский читатель получил и ценную книгу «Переписка семьи Туманяна»¹, которая еще раз поведала о жизненном пути семьи великого поэта – семьи, явившейся, по словам литературоведа Азата Егiazаряна, «миниатюрным отражением судьбы армянского народа и, одновременно, хронологией общественной, культурной жизни и событий эпохи»². И нельзя не согласиться с автором, что книга эта не имеет аналогов и precedентов не только в армянской, но и в других литературах³.

Переписка семьи писателя содержит важный материал для создания научной биографии Туманяна, поскольку она обогащает наши представления о нравственном облике Туманяна-человека – отца, мужа, деда, который к тому же был величайшим патриотом, преданным своему народу поэтом-гражданином. Переписка эта стала живым документом целой эпохи в жизни армянского народа. В 2017 году в Санкт-Петербурге была издана книга внучки поэта Сурмы Туманян «И только через много лет, или В поисках прошлого» – о своём отце Ареге Туманяне. А в нынешнем юбилейном 2019 году на армянском и на русском языках увидела свет монография другой

---

¹ Ирма Сафразбекян, «Переписка семьи Туманяна», Ер., 2002, 192 с. (на арм. яз.).

² Там же, с. 5.

³ Там же, с. 6.

внучки поэта – Ирмы Сафразбекян – «Ольга Туманян. 1871-1971», посвящённая верной спутнице жизни Ованеса Туманяна. Книги эти в большой степени дополнили историю семьи великого поэта.

Ценным вкладом в туманяноведение стала также книга Магды Джанполадян «В мире Туманяна», посвящённая 150-летию поэта (Ер., 2018). В ней представлены статьи, в которых освещены и охарактеризованы вопросы оригинального и переводческого творчества Туманяна, его общественно-культурной и гражданско-патриотической деятельности, а также вопросы перевода на русский язык его произведений и их восприятия и оценок в русской критике.

В своей статье «Очередные задачи туманяноведения» академик Эд. Джрбашян пишет: «Первоочередной задачей является создание, а точнее будет сказать, завершение научной (то есть в основе своей уточнённой и документированной) биографии Туманяна»¹.

Безусловно, Эд. Джрбашян имел в виду фундаментальное и ценное исследование А. Инджикяна. Вне сомнения, что вторая половина жизни Туманяна, начиная с 1900 года, на пороге которой остановился первый биограф поэта, значительно более насыщена и богата фактами творческой и общественной деятельности. «Ученый не успел написать, – продолжает Эд. Джрбашян, – и этот пробел необходимо восполнить»².

Нам посчастливилось продолжить научную биографию Ованеса Туманяна, и в 2012 году вниманию армянского читателя была представлена объёмистая монография «История жизни и творчества Ованеса Туманяна. 1900-1912 гг.», которая является продолжением труда А. Инджикяна. Завершена уже и наша работа над биографией последнего периода жизни поэта. Отметим также, что в 2010 и 2016 гг. усилиями сотрудников Института литературы им. М. Абегяна АН РА вышли в свет под редакцией В. Киракосяна библиографические труды³.

Что и говорить, Туманян – один из наиболее изученных армянских писателей, его творчество всегда находилось в центре внимания армянского литературоведения, однако все еще немало неосвещённых, ждущих своего объективного исследования проблем. Речь идет, в частности, о последних годах жизни поэта, о его отношении, позиции к Первой Республике Армении (1918 - 1920 гг.), о его участии в пограничных спорах между Грузией и Арменией, о

---

¹ Газета «Айастан Анрапетутюн», 1994, 15 апреля (на арм. яз.).

² Там же.

³ См.: «Летопись жизни и творчества Ов. Туманяна»: первый том охватывает 1869-1908 гг. (Ереван, изд «Гитутюн» НАН РА, 2010, 670 с); второй том – 1909-1914 гг. (2016, 859 с.).

деятельности в Комитете помощи Армении. В существующих статьях и исследованиях на указанные темы до последнего времени не могли быть реализованы правдивые, принципиальные оценки и подходы – по идеологическим и политическим соображениям и причинам.

Бросая с вековой дистанции ретроспективный взгляд на оценку творчества поэта в туманяноведении, трудно найти какую-либо монографию или статью, в которой не была бы указана его поистине исключительная, огромная роль в армянской действительности, духовной жизни народа, в истории армянской литературы, и не говорилось бы, что Туманян – самый национальный и самый народный армянский поэт. Армянские и иноязычные писатели и литературоведы всегда были единодушны в оценке творчества поэта, всегда отмечая его первенство, превосходство во всех сферах жизни и культуры, считая, что он исполин в литературе (К. Чуковский); что его поэтический мир показывает, насколько велик его народ (Л. Озеров); что он является Библией армянской души (С. Наровчатов), совестью человечества (Н. Соколов); что он – самая яркая личность в армянском поэтическом пантеоне (И. Иоаннисиан); что он представляет собой бессмертную славу и венценосную вершину армянской письменности, за которую не переходил наш полет (Ав. Исаакян); что в нём сосредоточена эпоха, которая возвышает значение армянской культуры (Д. Демирчян); что он своим искусством подобен кудеснику (Ст. Зорьян); что он – патриарх наирийской речи, волшебник, чудо, неповторимый гений, диво дивное (Е.Чаренц)...

Мифологизация Туманяна была подхвачена и продолжена последующими поколениями деятелей литературы, которые уже не были его современниками. По мнению П.Севака, «Туманян был индивидуализированной нацией, величайшим среди великих в нашей литературе... Он мог бы и не иметь имени, не иметь даты, как не имеют... эпосы, жития-летописи... Туманян – наше национальное горло, наш народный дух, наша фонотека и наш голос одновременно, наши легкие и вместе с тем наше дыхание... наш хлеб-лаваш... у Туманяна на лбу было написано – быть биографом послесредневековой истории армянского народа... он не открыл, а завершил эпоху»¹.

Впрочем, с этой последней мыслью не согласился бы другой наш современник, литературовед Завен Аветисян, по мнению которого Туманян является тем великим поэтом, дарование которого является результатом глубокого взаимодействия философских эпох,

---

¹ П.Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т.5, Ер., 1974, с. 354, 355, 365, 372 (на арм.яз.).

является тем гением, тем феноменом, который сопоставляет эстетические ценности всех эпох и становится поэтом непреходящей эпохи, вечности¹. Нет другого писателя, имя которого столь прочно ассоциировалось с обобщающим, всеобъемлющим, собирательным образом армянского народа. Более того, в определенном смысле, хотя и с некоторыми оговорками (всякое сравнение, как известно, «хромает»), Туманяна можно назвать генетическим кодом армянского народа.

По убеждению видного современного русского литературоведа Сергея Бочарова, научная биография писателя позволяет показать возможности филологии не как отдельной и специальной дисциплины, а как энциклопедии наук и разных способов видеть и понимать: все они сходятся на волнующем вопросе – что такое биография. Биография, продолжает ученый, – это жизнь человека, возведенная к осмысленному единству; и это литературная форма, требующая от биографа «редкого состава дарований» (выражение Владимира Вейдле); и это теоретическая проблема, требующая также сложного состава дарований от теоретика биографии – ученого, историка, но и художника, но и по мере сил философа, и в такой полноте – филолога².

Отметим, что русское литературоведение придает исключительно важное значение исследованию научной биографии писателя, осознавая при этом большие трудности, связанные с осуществлением этой задачи. Возвращаясь к вопросу о важности научной биографии писателя, напомним мнение С. Бочарова: «Что такое биография для культуры, можно почувствовать по той пустоте, какую мы ощущаем от отсутствия настоящей биографии Пушкина. Это неразрешенная, невыполненная национальная задача»³. Напомним по этому поводу, что российская пушкиниана представляет собой большую библиотеку книг о жизни и творчестве русского гения, что счет пушкинистов идет не на десятки, а на сотни и тысячи блестящих и преданных делу ученых-исследователей. Трудно назвать точную цифру монографий о разных периодах жизни Пушкина, многие из которых даже по самым строгим критериям можно считать образцовыми. Создана Пушкинская энциклопедия, в том числе и для школьников... И тем не менее, сами пушкинисты не упускают случая, чтобы заявить о своей неудовлетворенности нынешним состоянием пушкиноведения. О том, насколько сложна и многотрудна

---

¹ З. Аветисян, Теория литературы, Ер., 1998, с. 190 (на арм. яз.).

² С. Бочаров, Филологические сюжеты, М., Изд-во «Языки славянских культур», 2007, с. 561.

³ Там же, с. 561-562.

задача создания полной, целостной биографии писателя, можно судить по следующему высказыванию Сергея Бочарова: «Биография Пушкина – это такой объем истории и культуры, вместившийся в жизнь одного человека, что справиться с этим объемом одной не-долгой жизни не удалось пока никому»¹. Слова эти вполне применимы и к «солнцу армянской поэзии» Ованесу Туманяну, жизнь которого была перенасыщена значительными событиями и пришлась на самое судьбоносное для армянского народа время.

Современному армянскому литературоведению необходимо перенять, позаимствовать такой трепетный подход и прежде всего применить его для научного исследования биографии, земной жизни Ованеса Туманяна. Всё еще недостаточно исследованными остаются многочисленные важные проблемы и темы, такие как Туманян – публицист, Туманян – критик и журналист, Туманян – ученый и исследователь. Безусловно, большой интерес представляют не только различные сферы гражданской, общественной деятельности писателя, но и его нравственные, мировоззренческие взгляды, роль интуиции, предвидения в личной жизни и в творчестве, философские проблемы космического, вселенского восприятия мира (Вспомним его знаменитую строку: «Душа моя Вселенную объяла...») и т.д.

Настоящее исследование представляет русскоязычному читателю целостную, однако краткую биографию Ованеса Туманяна, рассчитанную на самые широкие круги читателей. Целью монографии является популяризация жизнедеятельности великого поэта-гуманиста, оставившего свой неизгладимый след в истории не только армянской, но и мировой литературы, в истории человеческой цивилизации.

---

¹ Там же, с. 562.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ПОЭТА

РОДОСЛОВНАЯ ПОЭТА

Далёкими предками Ованеса Туманяна были представители знатного рода Мамиконянов. В ряде исторических документов фамилии Туманян и Мамиконян упоминаются в качестве одного и того же родового имени. Одна из ветвей «знаменитого рода» Мамиконян-Туманян после падения княжеской династии Багратуни в 10-11 веках переселяется из Тарона и обосновывается в Дсехе. В «Истории» архиепископа Вардана Одзнеци род Туманянов восходит своими истоками к роду нахараров¹. Историк характеризует представителей упоминаемого рода следующими определениями: «Богатырского сложения, высокорослые и долгоживущие, могучие и отважные»². Ряд других исторических документов подтверждает героические подвиги представителей рода Туманянов, прославлявшиеся из поколения в поколение.

Поэт искренне гордился героическим прошлым своих предков и часть своих писем 1880-1890 гг. подписывал «Ованес Туманян-Мамиконян». Одновременно он пытался написать подробную историю своего рода в исследовании «Деяния предков». Поэт отмечал некоторые характерные черты представителей рода Мамиконян-Туманян: «честолюбие», «благородство», хорошее владение саблей, храбрость, отважность, религиозность («не расставались с книгой псалмов»), умение радоваться жизни («пели беспрестанно»), высокий рост, княжеский дух (8, 17-19). В автобиографических записях поэт выделяет ещё несколько особенностей своего рода: склонность к творческой деятельности, яркое воображение («в нашем роду много фантазёров»), преданность, которая «не бывает даже у собак» (8, 422). Всеми этими качествами был наделён и сам поэт.

Род поэта пользовался непререкаемым авторитетом в Лори, причём авторитет этот был настолько велик, что в глазах односельчан Туманяны почитались за святых, а увидеть во сне кого-либо из них считалось добрым знаком³.

Касаясь в своей автобиографии наиболее характерных, отличительных признаков своих прародителей, Туманян выделял и под-

---

¹ Нахарар – крупный феодал в древней и раннесредневековой Армении.

² Матенадаран им. М. Маштоца, д. 8822, с. 116, л. 64 б.

³ Там же, с. 419.

чёркивал, в частности, гостеприимный характер своего отца. «Гости... постоянные гости... Наши невестки и моя мать были пленницами наших гостей».

В «Деяниях предков» поэт затрагивает также некоторые причины деградации своего некогда влиятельного и величественного рода. Одной из таких причин он считал затруднённости взаимоотношений с соседними странами, которая во многом определялась географическим положением Дсеха. Среди других причин отмечались «ведение ограниченной жизни», неравные браки с низкорослыми «карликами», «недостойными невестками низкого происхождения», которые изменили его могучий и высокорослый род и тем самым способствовали как физической, так и моральной его деградации. Немаловажным фактором подобной деградации поэт считал также зависть окружающей среды: многие всячески старались втоптать в грязь авторитет рода Туманянов. С другой стороны, пагубную роль сыграло значительное ухудшение жизненных условий, в результате чего отдельные представители некогда славного рода перестали гнушаться разбойными нападениями на соседей, «отойдя тем самым от путей Господних». Именно постигшая его род Божья кара, по убеждению Туманяна, стала главной причиной того, что неизлечимые болезни и ранняя смерть стали частым явлением в его роду, славившемся своим долгожительством.

И действительно, с одной стороны, о доблестных деяниях, героических подвигах Туманянов складывались песни и рассказывались предания и легенды, а с другой стороны, их относительное благополучие, а также высокий и непререкаемый авторитет вызывали ревность и чёрную зависть у некоторых односельчан. Так, по подстрекательству сельского старосты Дсеха некоторые крестьяне присвоили земли, более полувека принадлежавшие Туманянам. Мирлолюбивый и неконфликтный по характеру отец поэта Тер-Тадевос не сумел вернуть украденные у него земельные участки. И «проблема земельных наделов» перешла по наследству к его сыновьям, которые оказались вынуждены конфликтовать с бесчестными соседями. В конце концов проблему эту решил поэт, причём законным путём: он выиграл судебное разбирательство и, предъявив постановление суда, вернул отцовскому очагу принадлежавшие ему земельные наделы.

ПРЕДКИ ПОЭТА

Ещё в юношеские годы Ов. Туманян проявлял живой интерес к своей родословной. От своих героических родоначальников поэт перешёл к более близким по времени, непосредственным предкам,

прародителям. Это были, в частности, глава рода (нахапет) Бархудар, его сыновья Меграб, Саркис-Сулейман, Георг (Гоги), а также сыновья Меграба Оваким, Абраам. В своём родословном исследовании поэт упоминает и другие имена.

Меграб был старшим сыном Бархудара. Первенец Меграба Оваким сформировал из числа наиболее лихих и отважных односельчан небольшой отряд и сражался против персидского хана Гасана. О славных подвигах Меграба и, в особенности, Овакима повествует также Хачатур Абовян в своём романе «Раны Армении». Абовян был лично знаком с Овакимом, которого обрисовал как исполина, титана, бога лорийских ущелий, горного орла, чьё имя сотрясало скалы, наводило ужас на неприятеля.

В рассказе «Из жизни храбрецов» Туманян создаёт рыцарский образ Меграба – с присущими эпическим образам определениями и характеристиками. Меграб был патриархом лорийских долин и ущелий, был очень красив и физически развит, душою был отважным и «неустрасимым мужем». Он представлялся поэту «старым орлом», который восседал на горной вершине и смеялся над врагами. Но это вовсе не мешало ему быть добрым, сердобольным и гостеприимным. Он жил с убеждением, что «ни птица на крыле, ни змея на пупке не должны пролететь или проползти через наши ущелья. Наши дороги должны быть накрепко закрыты для врага, а двери наших домов и наши сердца должны быть открыты для друзей...» (5, 19). Его жизненным кредо было: «Для неприятеля у нас есть мечи и ружья, а для друзей – хлеб и соль» (5, 19).

Оваким Юзбаши (Оваким Меграбян-Туманян) в русско-персидской войне 1826-1827 гг. во главе отряда избранных храбрецов-односельчан сражался против вооружённых формирований Гасан хана, тем самым возглавив освободительную борьбу лорийцев. За свою беззаветную отвагу и неустрасимость он снискал прозвище «наводящего ужас дсехского богатыря»¹. О подвигах Овакима, как уже было отмечено, слагались предания и легенды и передавались из поколения в поколение. Одно его имя приводило в трепет врагов, сотрясало горы и скалы. По словам Туманяна, Оваким, этот «бог лорийских ущелий», сражался со своими бесстрашными соратниками подобно новоявленному Гайл Ваану. Оваким отличался не только своим бесподобным мужеством, но и патриотизмом, своим благоговением перед историческими памятниками. Он реставрировал монастырь св. Григора в селе Бардзракаш. К сказанному остаётся добавить, что Туманян, создавая художественные образы своих предков,

---

¹ А. Инджикян, Ованес Туманян: история жизни и творчества 1869-1899, Ер., 1969, с. 31 (на арм. яз.).

черпал вдохновение в посвящённых им преданиях и легендах.

Дед поэта по отцу Ованес-ага (Ованес Овакимович Туманян, 1795-1868) был достойным сыном Овакима. Это был военный, рослый, стройный и красивый. Он никогда не расставался со своей саблей. Он также был патриархом своего уезда: «отец и хозяин Лори, его судья и прокурор»¹. При этом он снискал себе славу миротворца. Достаточно хорошо владея русским и персидским языками, он работал в русской армии в качестве переводчика с персидского и неоднократно отличался как во время русско-персидской войны, так и во время Крымской кампании 1854-1856 гг. В сражениях против горцев в Дагестане в 1842 и 1845 гг., против турок при Ахалкалаке и Ахалцихе в 1853 г. и при селе Кюрукдара в 1854 г. он проявил беспримерный героизм и был удостоен различных орденов и медалей, в том числе и Первой офицерской степени. За воинские заслуги ему были предоставлены в собственность земельные участки.

Ованес ага хорошо зарекомендовал себя и в мирной жизни – как строитель дорог. Отличительными чертами его характера были гостеприимство, общительность, остроумие и умение поддержать беседу, а также природная доброта и щедрость. Он изготовил и установил у стены своего дома каменные скамейки, чтобы односельчане могли посидеть и пообщаться друг с другом. Он также выделил земельные участки для безземельных односельчан. А в военные годы он на верблюдах привёз в село соль и раздал всем соседям и односельчанам. Во время сборов податей он защищал интересы неимущих крестьян, говоря сборщикам податей и приставам: «Зачеркните их долги, пусть живут»². Ованес ага установил дружественные связи с грузинами и татарами Казаха и Борчалу. Именно благодаря ему в Дсехе начали использовать восковые свечи; он первым привёз в село зеркала и картины.

Дедом поэта по матери был Ованес-апи (Ованес Кочарян). Род Кочарянов также был из Дсеха, но не был столь прославленным, как род Туманянов. Это были потомственные пастухи, горцы. Ованес-апи всю свою жизнь провёл в горах. Он был наделён недюжинным здоровьем, однако после смерти жены был парализован. Он прожил 108 лет и на смертном одре сказал: «Эх, бренный мир, стоило ли рождаться из-за каких-то двух дней?..». Позднее, в 1919 году, эти слова наводят поэта на размышления, и рождается одно из самых известных четверостиший:

Кичливый, жадный человек, твой долог ум, жизнь коротка.

---

¹ С. Джалалянц, Путешествие в Великую Армению, часть 1, Тифлис, 1842, с. 104 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, Ер., 1968, с. 17 (на арм. яз.).

Тебе подобных было — тьма, они текли века, века.
Что унести им жизнь дала? С собой возьмешь ли что-нибудь?
Ты мирно, радостно пройди двухдневный бысролетный путь.
(Пер. К. Липскерова)

ОТЕЦ ПОЭТА

Отец поэта Тер-Тадевос (Аслан Ованесович Туманян, 1839-1898) был священником в селе Дсех. Он обучался в монастыре Санаина, где два года прослужил дьячком. В Дсехе он был одним из самых авторитетных и передовых людей, хотя, конечно, о былой славе и авторитете, которыми пользовались его предшественники, говорить не приходится. В своём мемуарном эссе «Победная толпа» Туманян пишет: «Наиболее заметным потомком этого славного рода был мой отец. Подобно лучшему осколку этого великолепного дворца, он возвышался над нашим павшим родом» (5, 490). Он первым заменил восковые и стеариновые свечи керосиновой лампой. При непосредственном содействии Тер-Тадевоса в Дсехе распространилось использование таких важнейших продуктов питания, как картофель и капуста. Он также стал инициатором первых любительских театральных постановок в Дсехе. Здесь в 1884 г. состоялись инсценировки пьес-водевилей Эмина Григоряна и Микаела Тер-Григоряна. Представления носили благотворительный характер, денежные поступления были переданы приходскому училищу, одним из членов опекунского совета был Тер-Тадевос. В тифлисской газете «Нор Дар» была опубликована информация об этих мероприятиях, причём из числа опекунов училища был упомянут только Тер-Тадевос, который «не преминул посодествовать успеху мероприятия»¹.

Тер-Тадевос по своему характеру был очень жизнелюбивым и был рукоположен в 1874 г. в сан священника вопреки своей воле, по воле и настоянию отца. Он не любил церковные обряды, часто повторял народную поговорку: «Не выбился в люди, стал священником». Туманян нередко приводил некоторые эпизоды из священнической деятельности своего отца. Из его воспоминаний мы узнаём, в частности, что однажды Тер-Тадевос во время литургии побледнел и убежал из церкви (8, 418). За Тер-Тадевосом закрепилась репутация доброго, живого, энергичного и щедрого человека, верного друга, «большого шутника, весельчака и острошлова»², прекрасного собеседника. Он очень любил петь как духовные, так и светские,

¹ «Нор Дар», газета (1883-1908), 29 марта 1884 г., №55 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, Ер., 1968, с. 21.

народные песни, играл на чонгуре, сазе, а когда слушатели удивлялись его умению, говорил: «Это же не евангелие, чтобы не знать»¹. А иногда даже он сам сочинял песни². Нередко случалось так, что он не приносил домой заработанные деньги и подношения, а раздавал их беднякам-односельчанам. При этом его заботило только одно: как бы жена не узнала о его «благотворительной деятельности». Нередко Тер-Тадевос ставил маленького Ованеса посторожить у дверей, чтобы втайне от жены раздать пшеницу сельской бедноте. А когда жена сообщала ему, что оставила намолотое зерно на мельнице и его могут украсть, он отвечал: «Неимущие люди, не беда, если немного украдут»³.

Иногда подобная щедрая благотворительность Тер-Тадевоса переходила все границы. Однажды в неурожайный, голодный год он отнёс на мельницу зерно, а жена тем временем в ожидании мужа зажгла печь и, как могла, успокаивала плачущих от голода детей. И вот Тер-Тадевос вернулся домой с пустыми руками. Выяснилось, что он дал испечь из всей своей муки хлебцы и раздал их голодным косарям. Случалось и так, что он на свои деньги нанимал работников и поручал им скосить траву на участке какой-нибудь бедствующей женщины или малоимущего крестьянина. Годовая зарплата Тер-Тадевоса составляла всего лишь пятьдесят рублей, так что он был не в состоянии оплатить обучение хотя бы некоторых своих детей, однако он всегда находил возможность и средства для того, чтобы помочь своим бедным и беспомощным односельчанам.

Благодаря своему общительному характеру, умению петь, шутить и поддерживать беседу Тер-Тадевос всегда оказывался в центре внимания; его любили, уважали, с ним считались и охотно приглашали на все мероприятия и застолья – причём не только в родном селе Дсехе, но и во всей округе, в районах Лори, Борчалу, Казаха. Он пользовался большим авторитетом и среди местного татарского населения.

У Тер-Тадевоса было восемь детей, но больше всех других он любил своего первенца Ованеса, отдавал ему явное предпочтение и гордился им. Когда в 1890 г. в Москве вышла в свет первая книга стихотворений Туманяна, Тер-Тадевос организовал пиршество и с нескрываемой гордостью повторял: «Теперь уже для меня смерти нет»⁴.

В свою очередь, поэт безмерно любил своего отца, и эта лю-

---

¹ Там же.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, Ер., 1969, с. 299 (на арм. яз.).

³ Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, Ер., 1968, с. 24.

⁴ Там же, с. 25.

бовь граничила с поклонением. Это было нечто большее, чем обычная сыновняя любовь. Это было благоговение, преклонение перед наделённой высокими человеческими качествами, благородной, праведной и честной личностью. Об этом свидетельствуют все родные и близкие поэта, а сам Туманян признавался: «Самое лучшее и самое большое, что я имел в жизни, – это был мой отец. Он был честным человеком и знал цену содержательной мысли и благородному слову. Был чрезвычайно человеколюбивым, говорил притчами и веселил собеседников» (6,142). А вот ещё одна характеристика поэта: «Отец был в высшей степени добрым, самоотверженным человеком, он имел большое сердце и глубокие чувства, бездонно глубокие»¹. Для поэта отец был «совершенным образцом хорошего человека», был «удивительно остроумным, серьёзно остроумным. Никогда не говорил о своих материальных затруднениях, всегда старался показаться состоятельным»².

Туманян писал: «Я составил представление о великом человеке по своему отцу. Он был большим человеком, удивительно глубоким человеком, имел глубину пропасти, имел широкую душу, большое сердце, мягкий характер, на его лице всегда светила улыбка»³.

По мнению Дереника Демирчяна, Туманян восхищался образом шекспировского Гамлета именно из-за его беззаветной любви к отцу. В своем художественном творчестве поэт неоднократно пытался создать образ отца, однако все попытки сводились к описанию его чувств и отношения к отцу («Алек», «Ануш», «Старая война», «В беспредельность», «Победившая толпа», «Со дня, когда его похоронили», «Таинственный мертвец»). Современники поэта отмечали, что беседы об отце были для него особой темой.

МАТЬ ПОЭТА

Мать поэта Сона Кочарян (1842-1936) вышла замуж за Аслана (Тер-Тадевоса) Туманяна в 1868 г., войдя в его многочисленную семью, насчитывавшую без малого полсотни домочадцев и близких родственников⁴. Хотя она и была безграмотной (в селе не было

---

¹ Там же, т. 5, с. 490.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 299.

³ Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, с. 21.

⁴ Когда бабушка Туманяна выходила замуж за Ованеса-агу, семейство последнего состояло из 60 членов, в числе которых были восемь стариков. Новобрачная не смогла сразу определить, кто же из них самый старший, чтобы по старинной армянской традиции прислуживать ему. См. Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, с. 30.

школы), однако была наделена природным умом, была трудолюбивой и энергичной, организованной, здоровой, сильной, выносливой, высокой, стройной и красивой женщиной. К тому же она была очень энергичной, организованной и бесстрашной, учила своих детей рано вставать, много трудиться и быть бережливыми. Сама она была прекрасным образцом трудолюбия. Работала без устали, не покладая рук. С раннего утра ухаживала за скотиной, выводила на пастбище, не выпуская при этом из рук вязальные спицы. А ночами она пряла пряжу, ткала ковёр. Любила петь за работой, за простеньким ткацким станком.

Сона была не только организованной хозяйкой, но и строгой и требовательной матерью. В её отсутствие дети получали свободу, просыпались когда им вздумается, трудились столько, сколько сами хотели. Все бесчисленные домашние дела и заботы лежали на плечах Соны. Она по природе своей была очень бережливой, экономной, а чрезмерная, переходящая все разумные границы щедрость и «благотворительная деятельность» супруга Тер-Тадевоса и полная лишений жизнь вынуждали её вести счёт всем расходам и дрожать над каждой копейкой. «Она управляла домом и хозяйством», – напишет впоследствии о бабушке Нвард Туманян¹. С самой ранней весны и до поздних осенних холодов она держала своих детей в горах, где на пастбище паслась их скотина. Там же Сона заготавливала все молочные продукты на зиму – масло, сыр, сметану. Отправляясь в горы, она взваливала на лошадь необходимую утварь, а сама шла за ней пешком – с младшим ребёнком на руках². Устанавливала палатку на зелёном склоне горы, поближе к горным родникам. Горы она любила беззаветно, настолько, что на закате жизни, будучи 90-летней женщиной, взобралась на свою любимую гору Мтин Дзор, находящуюся в сорока километрах от её села, чтобы заново пережить воспоминания о днях своей молодости, чтобы унять тоску по горам. Много лет спустя, уже на склоне своей жизни, Туманян скажет: «Моя мать была летающей женщиной: у неё был полёт орла. Она держала меня среди самых высоких гор, на богатых цветами склонах, среди зелени, вблизи родников... Много, очень многое дала мне моя мать... очень любила меня»³. Слова эти поэт сказал за месяц до своей кончины, в феврале 1923 г., находясь в московской больнице, когда читал книгу о матери Наполеона. Он завёл с дочерью разговор о матерях великих людей и заметил: «Это

---

¹ Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, с. 27.

² Там же.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 298-299.

большое счастье – иметь хороших родителей, в особенности хорошую мать – это всё. Моя мать была словно рождена природой... она была горной ланью, козулей, внешне очень красивая, удивительно здоровая и была наделена горячим сердцем, была очень душевной, конечно, в отношении своих детей... Всё, что есть во мне горского, – от неё...»¹.

Сона по своему характеру была полной противоположностью мужа; её никак нельзя было назвать весёлой, общительной, щедрой. Об этом свидетельствует сам поэт: «Друг с другом встретились два крайне разных существа. Моя мать Сона... открыла глаза и выросла в горах, была совершенной девушкой-горянкой... Она не могла мириться с беспечным, беззаботным и щедрым характером моего отца, и эти двое находились в состоянии почти постоянных споров» (6, 142). Если отец остался в памяти поэта беззаботным и жизнерадостным человеком, восседающим на лошади или беседующим с кем-то, то мать всегда представлялась ему «озабоченной, ищущей вне села нашу пропавшую скотину и т.д.» (8, 422). И ещё она помнилась ему очень заботливой матерью. Поэт вспоминает несколько фрагментов, и в каждом из них Сона являет собой единый сплав с природой. Как-то она повезла с собой маленького Ованеса в Эчмиадзин. Позднее поэт напишет об этом своём детском впечатлении: «Помню чудесное небо... мать моя сидит на лошади – словно в том самом небе» (8, 425).

Тем не менее, однако, у родителей поэта были и общие черты. Так же, как и Тер-Тадевос, Сона любила доверительные беседы и была хорошей рассказчицей. Она рассказывали детям о лучших представителях благородного рода своего мужа, в частности, о подвигах Овакима, о своём свекре Ованес-аге и семерых его братьях, о нападениях Гасан-хана, рассказывала также легенды, басни, используя народный притчевый стиль и выразительные средства, языковые обороты. Общим у Соны и Тер-Тадевоса было и ясновидение; они оба были наделены умением предчувствовать надвигающиеся события. При этом у Соны ясновидение и умение предчувствовать были выражены значительно сильнее, чем у Тер-Тадевоса. Поэт свидетельствует: «Мои отец и мать были наделены удивительной способностью предчувствия и ясновидения, видели вещие сны. У каждого из них были уже испытанные сны... А мать моя до сих пор поражает меня своими предчувствиями, своим ясновидением и пророческими снами» (8, 430).

Так, в 1916 г. на фронте погибает младший сын Соны Арташес. Туманян принимает решение скрыть смерть брата от матери,

---

¹ Там же, с. 298.

поскольку всего лишь месяц назад Сона потеряла ещё одного сына – Ростом, и вместе с другими братьями хоронит Арташеса в Тифлисе. Однако Сона сердцем почувствовала беду, потерю Арташеса. Туманян пишет об этом: «Непередаваемым горем объята моя мать. С таким чувствительным сердцем, а тут одно за другим новые страдания, столько боли и горя... Теперь сообщить ей – всё равно, что расстрелять её, убить или свести с ума, что ещё хуже. Но у неё есть одно свойство, что не позволяет что-либо скрыть от неё. Не знаю, как назвать это – предчувствием, предвидением или ясновидением: стоит чему-либо произойти с её близкими, где бы то ни было, она уже заранее знает. В виде сна ли, в виде предчувствия ли – знает. Я тоже не лишён этой способности... Мать с самого дня гибели знает, что Арташес убит, продолжает твердить, требует свидетельств, чтобы мы показали, что он жив, и очень трудно бывает обмануть её» (10, 234).

В ДСЕХЕ

У родителей Ованеса Туманяна было восемь детей – пять сыновей и три дочери. Самым старшим и самым любимым и обласканным был Ованес, будущий поэт. Он родился в Дсехе 7 февраля (19 февраля по новому стилю) 1869 г.. Спустя восемь дней после рождения над ним был совершён обряд крещения, и ребёнка назвали Ованесом – в честь деда по отцовской линии Ованеса-аги, умершего годом раньше. Заметим, кстати, что отца Соны также звали Ованесом.

Ованес Туманян унаследовал от обоих своих родителей и своих прославленных предков-героев самые лучшие качества и черты и выбрал в себе практически все их достоинства – благородство, честность, принципиальность, высокую нравственность, честолюбие, великодушие, владение саблей, отважность, жизнерадостность, высокий рост, княжеский дух (8, 17-19), а также способность к творчеству, яркое воображение, верность и преданность своим убеждениям. От сына Бархудары Георга (Гоги) он перенял красноречие, от Ованеса-аги и отца – щедрый, гостеприимный, весёлый, общительный, добрый характер и остроумие. От родителей и, в особенности, от матери он перенял беззаветную любовь к природе, а также дар предсказания и ясновидения. Туманян ненавидел воровство и бесчестность, подлость, и в этом также сказывалось воздействие матери и «генетической памяти». Так, Ованес-ага в чужом доме никогда не

ел мяса, поскольку считал, что оно может быть украденным¹. Даже за такую, казалось бы, незначительную провинность, как сорванное в саду соседа яблоко или ежевика, Сона могла очень строго наказать своих детей.

Как уже было отмечено, предки Туманяна были наделены инженерными, изобретательскими способностями, вводили новшества в родном селе и хорошо зарекомендовали себя в качестве строителей дорог. Туманян, в свою очередь, изготовил из овальной спичечной коробки инструмент для измерения дальности. Ованес-ага в своё время взял в долг большую сумму денег, чтобы построить для своего родного села мост и дорогу. Спустя десятилетия его внук Ованес также возьмёт в долг денежные средства, и опять же на общественные нужды.

Как бы то ни было, больше всех Ованес Туманян был похож на своего отца – и по внешности, и по характеру. Поэт унаследовал от отца все положительные черты – и благовидную внешность, высокий рост и привлекательное лицо, большие и глубоко посаженные глаза; щедрый, гостеприимный характер, общительность, жизнерадостность, острословие, гордость, честолюбие, стремление скрыть от чужих людей свои проблемы и трудности, из-за чего многие искренне считали его состоятельным и зажиточным человеком². Сближало поэта с отцом и то, что он помогал чуть ли не всем нуждающимся, и это при том, что семья его едва сводила концы с концами. «Всё, что есть во мне хорошего, – от отца», – заверял поэт друзей (6, 142).

Ованес Туманян рос в большой семье. Вместе с многодетной семьёй Тер-Тадевоса под одной крышей проживали также многодетные семьи его братьев – Гришки и Мами. Это был большой, просторный сельский дом, в зале которого мог вдруг объявиться самый настоящий волк (8, 421); дом, где худо-бедно ютились большие, многодетные семьи троих братьев.

Ходить маленький Ованес начал «значительно раньше обычного», то есть задолго до того, когда ему исполнился год. В детском возрасте он дружил с двоюродным братом, своим ровесником Смбатом, много времени проводил в играх с младшим братом Ростомом. Первые детские впечатления будущего поэта были связаны с родной природой, с животными. Ему очень хотелось научиться летать, это желание не давало ему покоя, стало навязчивой идеей. «У меня всегда было стремление летать, и мне всегда казалось, что я могу летать в воздухе, настолько легко я себя чувствовал, и сейчас мне ка-

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 418.

² Там же, с. 299.

жется, что я летал, или что как-то полетел» (8, 415). В раннем детстве любовь к природе, к родным горам, лесам, рекам, долинам и ущельям овладела его душой и после этого никогда не покидала её. До самых последних мгновений жизни поэта природа оставалась предметом его большой и острой тоски. Туманян всегда считал природу самым большим своим учителем. Природа, – писал поэт, – была «из первых моих учителей. Я часами лежал на лугу, молча углубившись в небо» (8, 428). Или: «В ночной тишине я всегда прислушивался к голосу Дебеда, который исходил из глубокого ущелья, – иногда глухой и глубокий, иногда ясный и жуткий. И он словно разговаривал с моей душой. Как я любил утреннее кукареканье петухов, ночной лай собак!» (8, 423). Поэт часто и охотно вспоминал свои детские годы, родные лорийские долины и ущелья, озёра, покрытые росой зелёные горные склоны, песни жаворонков. Совсем маленьким ребёнком он впервые увидел зайца, его напугали птенцы, высунувшие клювики из птичьего гнезда с надеждой получить корм. А вот ливня, грома и молний он, по собственному признанию, не только вовсе не боялся, но даже любил (8, 425).

Маленький Ованес прекрасно знал окружающие места, знал все цветы и растения, знал водившихся в лорийских лесах, долинах и ущельях зверей. Он любил собирать чабрец и землянику, умел мастерить простенькие дудочки из тростника и камышей. Он был беззаветно влюблён в природу, она казалась ему волшебным, сказочным миром. Всё в природе было чудесно, совершенно и замечательно, и родная земля вдохновляла, формировала будущего поэта и украшала его детство. Позднее в стихотворении «Детство» он расскажет о своей тоске по безвозвратно ушедшим дням самой лучшей и самой счастливой поры своей жизни.

О, если бы ты мне засияло снова!
Возьми в свои объятья, приласкай...
Мечты напрасные! Уже суровый
Мне путь открыт в иной, в загробный край...

И страшен путь, оставшийся за мною, –
Насилье там и попранная честь,
Там рядом с чёрной завистью земною –
Продажная любовь и злая месть.

Уйдя из мира этих бед не новых,
Из мира зла, изнемождён в борьбе,

Не унесу с собой венков лавровых,
А лишь святую память о тебе.
(Пер. А. Гатова)

Среди других своих учителей поэт называет семью, родных, а также памятники старины – Сирун Хач, монастырь Св. Григора...

В детские годы Туманян очень любил и живо интересовался устным народным творчеством - сказками, легендами, старинными беседами и преданиями, сказаниями о подвигах его прославленных предков, о Меграбе, Овакиме, Ованес-аге, о былых лорийских храбрецах и героях. Эти рассказы, народные сказки и предания стали для маленького Ованеса главной духовной пищей. Он слышал их и от бабушки, и от жены своего дяди Тагуи, и от своего товарища по детским играм Несо, и от сельского садовника дедушки Гохнанц, и от огородника Мелконанц Ованеса, и от своего дяди Исаи (8, 416). Именно дядя Исаи рассказал Туманяну басни и притчи, на основе которых поэт впоследствии написал свою знаменитые баллады «Пёс и кот», «Злосчастные купцы», «Орёл и дуб». От другого своего дяди – Мама поэт слышал народные песни, песни пахарей. Но всё же особенно близки поэту были легенды и баллады, которые оставляли в его душе глубокие следы, были для него и песнями, и историями одновременно.

В годы детства Туманяна Дсех жил в мире патриархальных устоев, идущих из глубины веков обычаев и традиций. Конечно, сознание маленького Ованеса было ещё не готово к критическому восприятию суеверий, предрассудков и их пагубных, а подчас и трагических последствий, однако он на интуитивном уровне замечал и понимал несправедливость консервативных, патриархальных отношений между мужчинами и женщинами. Он видел воочию, как его дядя Мам избивает свою жену Тагуи, ругает её последними словами. Видел он и другие «побочные явления» деревенской жизни – чуть ли не ежедневные жестокие драки и разборки сельских парней, которые нередко заканчивались кровопролитием и смертью одного из участников. Так, брат Алека Осман убил юношу из рода Чопуранц. Парни из этого рода, в свою очередь, убили Османа, отомстив за своего родича.

Однако в патриархальном укладе деревенской жизни Туманян видел также положительные стороны – искренность, непосредственность, честность и открытость. Он даже всерьёз мечтал связать каким-то образом свою малую родину со внешним миром. «Я думал, что когда вырасту, стану важным человеком, то непременно построю мост над нашим лорийским ущельем» (8, 425).

ПАСТУШОК

В возрасте семи-восьми лет Ованес, надев красную рубашку и меховую папаху, обувшись в трехи-лапти, держа хворостину в руках, вместе со своими сверстниками пас на лугу ягнят. Вместе с ним пас ягнят его друг Никал. Нередко к друзьям присоединялся младший брат Ованеса Ростом, за которым всегда следовала их собака Чалак. Впоследствии в стихотворении «Видение» Туманян с большой, неизбывной тоской вспоминал эти беззаботные и безвозвратно ушедшие дни своего детства.

Вон – та гора... Бежит мой брат,
А впереди на шаг
С весёлым лаем, дружбе рад,
Бежит наш пёс Чалак.

И голос брата вторит псу,
Как будто наяву:
Они недалеко в лесу,
Сейчас их позову...

Они давно за той стеной,
Где ни лесов, ни гор,
А голоса их – всё со мной,
Со мной, с тех самых пор.
(Пер. А. Якобсона)

В детские годы Туманян очень часто увлекался игрой, забывая обо всём на свете, или долгими часами лежал в каком-либо укромном месте, на зелёном горном склоне, и задумчиво следил за плывущими облаками, слушал весёлые и жизнеутверждающие песни птиц, рокот и ропот своего «старшего учителя» - реки Дебед, и напрочь забывал о доверенных ему ягнятах или бычках. И уже поздно вечером, очнувшись от грёз и полудрёмы, бросался искать своё разбредшееся стадо и, смущённый и растерянный, возвращался домой с пустыми руками. Ованес чувствовал себя очень виноватым и тяжело переживал по поводу последствий своей беспечности и рассеянности, и причиной было не только ожидаемое наказание, но и беспокойство о судьбе потерявшихся животных. Годы спустя он с болью напишет об этом: «Я часто терял нашу скотину» (8, 425).

На протяжении всей своей жизни поэт часто и с нескрываемой нежностью и тоской вспоминал «старых добрых друзей» - буйвола Назлу, корову Цагик, волов Черкеза и Абраша, собак Тоблана, Гай-

тара и Машко, осла Мариноса и коня Грата. В начальных строфах стихотворения «Детство», написанного в 1889 г., читаем:

Когда вокруг себя я с отвращеньем
На жизнь с её уродствами смотрю,
Душой моей, охваченной волненьем,
Тянусь я в детство, в светлую зарю.

Оно вдали, как утро золотое.
Я плачу, в сердце подавляя стон,
Коль детство мне почудится святое,
Бесследно промелькнувшее, как сон.

Ты, детство, как последний луч заката,
Померкло пред сгущающейся тьмой.
Как ярко просверкало ты когда-то!
Я сломлен жизнью, смутной и хмельной...
(Пер. А. Гатова)

ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛЕ ДЬЯЧКА СААКА

В детские годы Ованеса Туманяна в его родном селе не было школы. Поэт обучился начальной грамоте в кругу семьи. Первым его учителем был отец – Тер-Тадевос. В возрасте восьми лет, в 1877-1878 учебном году будущий поэт стал посещать новооткрытую школу своего младшего дяди Гришки (Григора Туманяна). Она находилась в доме дяди. Сам учитель едва умел читать и писать. Обучал он детей по азбуке, на которой было написано: «Да поможет мне крест». Несколько месяцев спустя, обучившись читать и писать, Туманян покинул школу старого Гришки.

Следующим учебным заведением, в котором довелось учиться Туманяну, была школа, открытая по инициативе матери поэта Соны. Однажды, когда Ованес играл во дворе своего дома, мимо проходил дьячок Саак Тер-Ованесян (зять одного из дальних родственников Туманяна). Сона попросила его остаться в селе и заняться обучением детей. Немного подумав над этим предложением, Саак дал своё согласие – с условием, чтобы «его содержали». Так дьячок Саак стал сельским варжапетом – учителем.

В школе Саака Тер-Ованесяна Ованес Туманян проучился не более года, в 1878-1879 учебном году. Годовая плата за обучение составляла три рубля. В школе Саака самым широким образом применялись различные формы физического воздействия – насиль-

ственные меры и побои. Дьячок Саак безжалостно трепал учеников за уши, больно бил их большой дубовой линейкой. Дело дошло до того, что один из учеников из-за побоев сбежал из села.

Несмотря на это, Ованес вовсе не спешил осуждать и обвинять своего незадачливого учителя. Он пытался найти оправдание его действиям и воспитательному методу. Он считал, что дьякон Саак избивал учеников не со зла, не по умыслу, а потому что, будучи полуграмотным человеком, просто не представлял, что детей можно обучать как-то иначе, без постоянной ругани и побоев. В этот период физическое воздействие было настолько распространено в школах и считалось настолько обычным явлением, что родителям и в голову не приходило протестовать и жаловаться. Заметим, однако, что самого Туманяна учитель ни разу не наказывал. Поэт признаётся: «Мне эти побои не достались». Справедливости ради отметим, что главной причиной такого отношения было не столько то, что будущий поэт был очень внимательным и послушным учеником, сколько то, что дьячок Саак с большим почтением и подобострастием относился к Тер-Тадевосу и очень побаивался Соны. Отметим также, что нещадно избивающий своих учеников дьячок Саак пользовался большим авторитетом среди их родителей, был одним из самых почтенных людей села Дсех.

Что касается Ованеса, то он в школе дьячка Саака не столько преуспел в обучении, сколько загорелся желанием продолжить учёбу и получить настоящее, полноценное образование. Большой интерес у него вызывали исторические памятники, каменные свидетели истории. Он к тому времени уже прекрасно знал названия всех окрестных церквей и монастырей, часовен, знал наизусть надписи на каменных развалинах старых крепостей, и каждый исторический памятник становился для Ованеса собеседником, историографом и учителем, а неприступная лорийская крепость, монастыри Санаина и Ахпата – школой жизни. Думается, именно эти исторические памятники пробудили последующий огромный интерес Туманяна к кавказоведению, к исторической и этнографической литературе.

В августе 1879 г. Тер-Тадевос повёз сына в Эчмиадзин, чтобы тот продолжил образование в гимназии Геворгян. По дороге Туманян впервые увидел двуглавую гору Арарат, которая произвела на него очень сильное впечатление. Во дворе гимназии Тер-Тадевос становится невольным очевидцем тяжёлой сцены: учащиеся гимназии в чёрных траурных рясах сгрудились вокруг безвременно ушедшего из жизни товарища. Тер-Тадевос взгляделся в бледные и печальные лица гимназистов и под воздействием угнетающего впечатления изменил своё намерение и вернулся вместе с сыном в Дсех.

В ДЖАЛАЛОГЛЫ

Джалалоглы был административным центром провинции Борчалу, военным городком сельского типа, торговым центром. В мае 1879 г. здесь стараниями и денежными средствами жаждущей знаний молодёжи, а также усилиями Тиграна Тер-Давтяна была открыта школа, которая считалась лучшей в округе.

В первом же обучающем году осенью в женском отделении школы обучались 60 девочек, в мужском – 125 мальчиков. Инспектором (директором) школы стал Тигран Тер-Давтян, один из самых образованных представителей армянской интеллигенции, ученик епископа Саркиса-Гасана Джалаляна, одноклассник Спандара Спандаряна. Он окончил училище Халибян в Феодосии, хорошо владел несколькими языками – французским, русским, турецким. Он был в дружеских отношениях с Тер-Тадевосом и настоятельно советовал ему привести сыновей в его школу. Прислушавшись к совету друга, осенью 1879 г. Тер-Тадевос привозит двоих своих сыновей – Ованеса и Ростом – в Джалалоглы и устраивает их в школу.

Однако отцовское сердце было беспокойно: сыновья отлучались из отцовского дома на длительное и неопределённое время. Как уже отмечалось, Сона среди всех своих детей, а их было восемь, больше всех любила и явно выделяла своего первенца, Ованеса. Накануне отъезда сына в Джалалоглы ей не спалось. Она молола слитки каменной соли ручным жерновом, плакала и разговаривала сама с собой. Юный Ованес также был печален, сам не свой. Ему наутро предстояло впервые в жизни покинуть отчий дом, к тому же ему передавалось беспокойство матери, её слёзы. Расставание с матерью было для него особенно удручающим и тяжёлым. Предстоящий отъезд был первым более или менее значительным событием в жизни десятилетнего мальчика. Ему предстояло оставить позади своё беззаботное и беспечное детство, семью и родных и пойти навстречу незнакомому, неведомому будущему... Всю ночь он ворочался в постели и проливал горькие слёзы. «Я не мог заснуть в постели и плакал, всё плакал», – вспоминает поэт (8, 425).

Ранним утром Тер-Тадевос оседлал свою лошадь, усадил на неё Ованеса и Ростом, а сам пошёл пешком, держа лошадь под уздцы. Погода была под стать настроению – мрачное небо покрылось свинцовыми тучами, дул холодный, пронизывающий ветер вперемешку со снегом.

Так Ованес Туманян стал одним из 125 учащихся мужского отделения джалалоглинской школы. На первых порах братья проживали в доме самого Тиграна Тер-Давтяна. Любопытный Ованес пользовался очень богатой по тем временам библиотекой хозяина

дома. В домашней библиотеке он проводил практически всё своё свободное время, она стала для него самым любимым и привлекательным местом в доме.

Затем некоторое время Туманян проживал в доме сапожника Хуршуда Григоряна, в его большой многодетной семье. Дети постоянно шумели, кричали, мешали Ованесу сосредоточиться, не давали ему готовить домашние задания. Мальчик чувствовал себя очень неудобно. Это не могло продолжаться долго, и он вскоре перебирается в дом к тётке Талал, родной сестре Тер-Тадевоса, ставшей невесткой рода Сагателян. Дом этот находился на живописном берегу реки Дзорагет, не вершине большого и высокого утёса. Тётя окружила Ованеса какой-то особенной нежностью, заботой и вниманием. Она вечерами рассказывала ему сказки, легенды, народные предания и беседы. Её рассказы о царях-змеях, о злых духах, о проделках дьявола-сатаны впоследствии фрагментарно вошли в поэму «Лориец Сако».

Однако и в доме тёти Талал поэт не задержался надолго. Вскоре он по совету и рекомендации Тиграна Тер-Давтяна переезжает в дом Асатура Ханазяна. Из его квартиры открывался прекрасный панорамный вид на лорийские леса, долины и ущелья. Вдохновлённый родной природой, Ованес в 1881 г. пишет своё первое стихотворение. Хозяйка дома Соломе своим добрым, радушным, гостеприимным и заботливым отношением сумела удержать Ованеса вплоть до закрытия джалалоглинской школы.

Месяцы зимних каникул Ованес провёл в доме директора школы Тиграна Тер-Давтяна. В свободные часы он вместе с друзьями-одноклассниками бродил по соседним полям и долинам, организовывал игры.

Во время каникул Туманян пешком отправлялся в своё родное село Дсех. Дорога была довольно длинная, и мальчику приходилось ночевать в селе Куртан. В шерстяной перемётной сумке, хурджине, он нёс с собой книги для чтения.

После Дсеха Джалалоглы казался поэту «совершенно иным миром», в котором были белокаменные дома с красными крышами, подсолнуховые поля, стада гусей, воинские подразделения и т. д. (8, 426). На улицах можно было увидеть разъезжающие кареты или марширующих солдат – и в этом не было ничего необычного. Да и школа в Джалалоглы совсем не была похожа на дсехскую школу. Здесь были специально оборудованные классные комнаты с соответствующим инвентарём, в которых проводились уроки естествознания и географии. Здесь Ованес впервые увидел глобус, искусственный человеческий скелет, чучела птиц. В джалалоглинской школе часто организовывались образовательные экскурсии. Для

учившихся в школе армян, русских, греков не делалось никаких различий, все в обязательном порядке одевали школьную форму, которая для мальчиков была серого цвета, а для девочек – коричневого, с чёрными фартуками. Летом все без исключения надевали белые рубашки. Десятилетний Ованес искренне радовался: «Училище здесь большое и красивое, и здесь не один-единственный учитель, как в нашей деревне, а несколько учителей, и даже есть учительницы, что было для меня новостью и удивило меня; однако это очень приятно. Мою одежду поменяли – под стать школе. Я надел одежду городского ученика, красивую и чистую» (5, 143-144). Свои по-детски непосредственные школьные впечатления он впоследствии выразил в рассказе «Мой товарищ Несо». Каждый день на завтрак ученикам вместе с чаем давали пирожки или гату (8, 426).

В обязательную школьную программу входили армянский язык и литература, русский язык, история армянского народа, всеобщая история, пение, французский язык, арифметика, физика, география, естествознание.

В первый же день ученики окружили своего нового одноклассника и стали его расспрашивать: кто он? Откуда приехал? Где учился до этого? Где собирается проживать? Кем ему приходится приведший его священник? Ованес с первых же минут произвёл на одноклассников самое благоприятное впечатление своей «исключительно красивой внешностью, стройностью, высоким ростом, добросердечной живостью, полными жизнью чёрными глазами, тёмными и курчавыми волосами»¹. Одноклассник поэта Саркис Абовян отмечает, что Ованес чётко и ясно отвечал на все вопросы. «Наши вопросы получали ясные, бойкие ответы, он не терялся и не тусевался подобно другим приехавшим из села детям... На перемене мы уже заметили, что инспектор о чём-то любезно разговаривает с отцом мальчика, значит, у него будет сильная защита. С другой стороны, Ованес понравился нам с первого взгляда»². Одноклассники отмечали также «вечно улыбающиеся миндалевидные глаза», «ниспадавшие на благородный белый лоб курчавые завитушки волос нового ученика»³.

По наблюдению другого одноклассника Туманяна, Анушавана Абовяна, «в этом юноше было что-то душевное, привлекательное»⁴. И продолжает: «Одним словом, это была какая-то исключительно

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 219.

² Там же, с. 213-214.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 219.

привлекательная красота, которая сразу же меня поразила»¹. Сходное наблюдение мы встречаем и в воспоминаниях дочери инспектора школы Варсеник Геворгян². Все одноклассники Туманяна были единодушны в том, что Ованес во время учёбы в джалалоглинской школе был очень уверенным в себе, бойким, но не злым, остроумным, дерзким, жизнелюбивым и общительным, шаловливым, но при этом дисциплинированным и организованным³.

Ованес организовал небольшой хор из числа своих друзей-одноклассников и стал его руководителем. Участники хора разучивали и исполняли армянские народные песни и романсы, среди которых были песни, написанные на ставшие классическими тексты Микаела Налбандяна и Газароса Агаяна.

Ованес был одним из самых лучших учащихся джалалоглинской школы. Единственным предметом, с которым у него были проблемы, была арифметика. Объяснить это можно тем, что он не любил цифры и не любил считать. Видимо, следует учитывать и ярко выраженный гуманитарный, филологический склад его ума. «Я учился довольно хорошо», – скажет он в своих воспоминаниях о джалалоглинском школьном периоде своей жизни. Самыми любимыми предметами для него были армянский язык и литература, география и история. Воодушевлённый историей древнего мира, Ованес в своих письмах рисовал древнеегипетские пирамиды и пальмы. Однажды он даже всерьёз надумал поехать в Египет, увидеть воочию египетские пирамиды, реку Нил и усыпальницы фараонов. И заодно решил прихватить с собой всех своих одноклассников. Во всяком случае, он во всеуслышание и торжественно пообещал им это в последний день своего пребывания в Джалалоглы, перед самым отъездом.

В Джалалоглы Ованес с большим интересом прочитал красочно изданную и богато иллюстрированную книгу восточных сказок «Тысяча и одна ночь», а также любовную лирику Саят-Новы. До своего приезда в Джалалоглы он едва умел читать и писать, к тому же в родном Дсехе очень непросто было найти хорошие книги для чтения. И только в период учёбы джалалоглинской школе перед ним открылся мир книг. Очень важную роль здесь, конечно, сыграла богатая домашняя библиотека директора школы Тиграна Тер-Давтяна. Его дочь Варсеник свидетельствует, что они с Ованесом читали книги отцовской библиотеки вместе и вслух, причём книги обычно вы-

---

¹ Там же.

² Там же, с. 205.

³ Там же, с. 206.

бирал Ованес. «Мы читали даже трудно воспринимаемые для нас книги. Стихотворения всегда читал Ованес», – вспоминает Варсеник¹.

Чтение классиков армянской и мировой литературы производило огромное впечатление на воображение подростка, формировало его художественно-эстетический, литературный вкус.

В джалалоглинской школе Туманян начал писать первые свои стихотворения и читать их товарищам-одноклассникам. Хотя они и не сохранились, однако известно, что в них рассказывалось о торговцах, о многотрудной и полной лишений жизни бедного ослика, о затмении солнца. Туманян добавлял новые строфы к давно уже написанным песням, посвящённым легендарному полководцу генералу Лорис-Меликову. Он писал также сатирические стихи. Ованес чуть ли не ежедневно слушал народные сказки, легенды и предания, которые ему рассказывали школьный сторож Акоп, мастер-жестянщик Симон, приехавший в Лори из Константинополя какой-то лекарь, имя которого до нас не дошло. Именно от него будущий поэт впервые услышал сказку о Храбром Назаре.

Джалалоглинская школа закрылась 6 декабря 1882 г., затем она вновь открылась, но к концу 1883 учебного года закрылась снова, и на этот раз уже окончательно, навсегда.

Туманян всегда с большой тоской и любовью вспоминал проведённые в джалалоглинской школе три неполных года. Он на всю жизнь сохранил тёплые, дружеские отношения с директором школы Тиграном Тер-Давтяном. В дальнейшем он на протяжении двух десятилетий старался использовать каждый удобный случай, чтобы встретиться с любимым учителем. Именно вместе с Т. Тер-Давтяном он впервые увидел на театральной сцене легендарного актёра Петроса Адамяна в роли принца Гамлета.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ованес Туманян утверждает, что он начал сочинять в возрасте 10-11 лет, когда стал добавлять новые строфы к песням о Лорис-Меликове и писать сатирические и патриотические стихи. Однако единственным сохранившимся стихотворением ученического периода жизни поэта является его любовное стихотворение «Кусочек сердца моего...». Он написал его в марте 1881 г., в возрасте двенадцати лет. Одноклассники поэта рассказывают, что Туманян на переменах между уроками имел обыкновение выходить из класса,

---

¹ Там же, с. 208-209.

уединяться в глубине школьного сада, устраивался под большой густолиственной липой и начинал сочинять стихи. Заметим, кстати, что в тот же самый период начал писать стихи и младший брат поэта Ростом, причём Туманяну казалось, что у брата с поэзией дела обстоят лучше, чем у него самого.

Что касается истории создания первого сохранившегося стихотворения Туманяна, то она довольно проста. Двенадцатилетний Ованес увлёкся дочерью директора школы Тиграна Тер-Давтяна Вергине, которая была на три года старше него. По свидетельству друга и одноклассника Туманяна Анушавана Абовяна, стихотворение стало ответом на записку Вергине, в которой она советовала пылкому поэту не увлекаться своими чувствами и больше времени и внимания уделять урокам. Но существует и другая версия. По мнению Нвард Туманян, предметом увлечения её отца была другая девочка – Кали Симонян, которая была наделена очень красивым смехом и таинственной улыбкой Моны Лизы.

В вечерние часы Вергине по просьбе и поручению отца занималась арифметикой с несколькими отстающими учениками, среди которых был и Туманян. Младшая сестра Вергине Варсеник рассказывает: «Как-то раз, когда моя сестра дала лёгкую пощёчину Ованесу, она услышала от него следующее признание:

- Я тебя люблю, а ты меня бьёшь. Вот, смотри, что я написал для тебя. Спрячь, спрячь, пусть никто не видит»¹.

Однако, несмотря на по-детски наивную «конспирацию», слухи и шепотки доходят до директора школы, который приходит в негодование и поручает нескольким ученикам следить, «шпионить» за поэтом и докладывать ему о ходе дела. И когда Ованеса застают «на месте преступления», за сочинением стихов, Тигран Тер-Давтян принимает решение строго наказать провинившегося влюблённого юношу. О том, как ему удалось избежать наказания, читаем в дневниковой записи Туманяна за ноябрь 1881 г. «Стихотворение выхватили Амаяк и Микаел. Наш инспектор хотел выпороть меня розгами, но я отделался слезами»². То есть по иронии судьбы стихотворение Туманяна сохранилось и дошло до нас не благодаря её адресату Вергине, а благодаря «шпионам» Амаяку и Микаелу. А о том, что директор школы был полон решимости по всей строгости наказать Туманяна, свидетельствуют все одноклассники поэта. Хотя в вопросе о его «чудесном спасении» от наказания есть расхождения. В одном случае поэта выручает сама Вергине, заступившись за него перед отцом, а в других воспоминаниях – учительница,

---

¹ Там же, с. 207.

² Ов. Туманян, Исследования и публикации, т. 5, Ер., 1998, с. 177 (на арм. яз.).

которой удаётся смягчить Тер-Давтяна и сменить его гнев на милость¹.

Воспоминания, связанные с этим стихотворением, были настолько дороги для Туманяна, что даже на закате своей жизни, в дни своего пятидесятилетия, он вспоминал о нём и рассказывал о связанном с ним одновременно забавном и печальном инциденте.

Между тем весна давно уже вступила в свои права и цвела пышным цветом, приближались летние каникулы, и Ованес уже готовил себя к мысли, что вскоре ему снова предстоит взвалить на плечи маленькую, но довольно тяжёлую шерстяную сумку-хурджин с книгами, и пуститься пешком в дальний путь из Джалалоглы в родной Дсех.

Туманяну, однако, так и не довелось окончить джалалоглинскую школу, поскольку решением царского правительства в 1883 г. школа была закрыта. Юный Ованес оказался вынужден в сопровождении приехавшего отца ненастным дождливым днём вернуться в родное село. Участники его маленького «хорового общества» провожают своего товарища и поют печальные, душещипательные песни о скитальцах-пандухтах. Именно в этот день и в этот момент Ованес клятвенно обещает своим друзьям, что в один прекрасный день возьмёт их всех с собой в Египет.

Покидая Джалалоглы, Туманян оставил позади своё школьное детство, важный и счастливый период своей жизни, который до последних своих дней считал самым заветным и дорогим. Лорийский край с его прекрасной природой, с его напоминающим неприступную крепость уникальным месторасположением, окружённый подпирающими небо высокими горами и глубокими долинами и ущельями, с его живущими трудной, полной страданий и лишений жизнью людьми; Лори с его патриархальными устоями, традициями, обычаями, предрассудками, простыми и искренними человеческими отношениями оставил неизгладимый след в душе юного Ованеса. В Джалалоглы любовь поэта стала ещё сильнее и осознаннее. Годы спустя лорийская природа не только в его художественных произведениях, но и в публицистических и литературно-критических статьях стала философской, эстетической, мировоззренческой категорией, выразительным средством. Сам поэт-пантеист признавался: «Возможно, это идёт от впечатлений детства, но я чувствую себя очень легко в лоне природы, особенно в горах»².

Услышанные в детские годы сказки, легенды, предания, народные беседы и притчи, а также родная лорийская девственная

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Ер., 1969, с. 221 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, с. 80 (на арм. яз.).

природа стали для поэта неисчерпаемым источником вдохновения. Для Туманяна годы, проведённые в Лори, стали самым счастливым периодом в его жизни. «Моё детство прошло в какой-то божественной роскоши. Прекрасная природа Лори, животворящий воздух, вода звонких родников, свобода горной сельской жизни, то равенство, которое наблюдалось в сельской жизни, – все жили общей жизнью, ели, пили, вместе радовались и печалились...»(8, 427-428).

***

Детство и юность стали для поэта тем единственным островком, тем оазисом, тем единственным возжеланным, но недостижимым пристанищем, куда всегда, и в хорошие, и в плохие дни стремилась поэтическая, романтическая душа Туманяна. В феврале 1918 г. он напишет четверостишие, в котором выразит свою тоску об ушедших днях, о родных пределах, которые, подобно магниту, притягивали его мысли, его воображение.

Кто там руками множества ветвей
Мне машет, чтоб вернулся я скорей?
Я знаю: это вы меня зовёте,
Леса и рощи родины моей!
(Пер. Н. Гребнева)

Детство и юность стали для поэта той самой лучшей школой, её университетом под открытым небом, где величайшие преподаватели поэта – природа и народный фольклор, исторические памятники, патриархальные устои жизни со своими положительными и отрицательными сторонами воспитали в Туманяне умение различать добро и зло, справедливость и несправедливость, научили его руководствоваться общечеловеческими ценностями, сформировали в нём честность, высокие моральные качества, стремление и готовность служить людям и искусству. Всё это стало импульсом, стимулом, побудительным толчком для формирования Туманяна-поэта и для всей его последующей творческой деятельности.

В 1919 году, бросая ретроспективный взгляд на весь свой пройденный жизненный путь, Туманян пишет: «...Дсех был самым красивым периодом моей жизни, я провёл своё детство среди пышных и густых лесов, вдали от города, не был знаком с городской жизнью, был оторван от этой жизни, и я хорошо помню своё детство. Впоследствии у меня были более интересные периоды, но это

для постороннего человека, а для меня лучшими были эти годы, затем два-три года в Джалалоглы»¹.

НАВСТРЕЧУ ТИФЛИСУ. В ГИМНАЗИИ НЕРСИСЯН (1883-1886 гг.)

В раннее ясное августовское утро 1883 года Тер-Тадевос оседлал лошадь и повёз своего 14-летнего сына Ованеса в Тифлис. Братья и сёстры проводили его до самой долины Дзаги, а мать Сона не переставая плакала, тосковала, причитала, горевала.

Это было первое путешествие Туманяна за пределы родного Лори. Ему предстояло начать новую жизнь в большом и незнакомом городе, оставив позади беззаботные и счастливые дни детства, расставшись с матерью, которая души в нём не чаяла, с родными и близкими, с роскошной лорийской природой.

В Тифлис они прибыли на третий день. На протяжении двух долгих дней они преодолевали густолиственные лорийские леса, глубокие ущелья и долины, спускались по крутому склону горы Лалвар, преодолели поля Борчалу, устраиваясь на ночлег в тех селениях, где их заставляли сумерки. Дорогу эту, это путешествие впоследствии поэт опишет в своём знаменитом рассказе «Гикор», не забыв рассказать о прохладных, живительных горных родниках, водой из которых они утоляли свою жажду, и о тех больших и ветвистых деревьях, в тени которых они устраивали короткие привалы.

С первых же минут город поразил Ованеса своим оживлённым движением и сутолокой. О своих впечатлениях этого дня Туманян позднее, в 1913 г., напишет: «Когда я впервые приехал в Тифлис... мне показалось, что я попал в огромный свадебный зал. Журна, бубны, барабаны, рукоплескания и смех, пляски, песни... и всё это не в домах, а на улицах, у ворот, на кровлях... По воскресным дням разнаряженный, расфуфыренный город весь грохотал и звенел» (т.7, 27-28). Туманян тогда воспринял Тифлис как родину красавиц и постоянно пирующих людей, отпетых весельчаков. В этом городе ему предстояло провести сорок лет своей жизни.

Ещё в Дсехе у Тер-Тадевоса были намерения отдать сына либо в военное училище, либо в уже успевшую прославиться духовную семинарию – гимназию Нерсисян. Он очень хотел, чтобы его сын пошёл по стопам своих дедов и прадедов, которые были кадровыми военными и преуспели в жизни. Поэтому он поначалу пристроил Ованеса в «Кадетский корпус», где учились исключительно дети с дворянской родословной. Чтобы доказать своё знатное, благородное

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 210.

происхождение, Тер-Тадевос привёз с собой документы, ордена и медали своего отца, Ованеса-аги. Туманяна принимают, однако свободомыслящий и свободолобивый юноша, у которого к тому времени уже были за плечами первые поэтические опыты, твёрдо вознамерился стать поэтом, поэтому с первых же дней пребывания в школе-интернате воспротивился царившему здесь строгому военному режиму и солдафонской муштре. Не прошло и недели, как он сбежал из школы. И уже в сентябре того же 1886 г. отец оказался вынужден отдать его во второй класс Нерсисянской духовной семинарии.

Тифлисская гимназия Нерсисян в тот период представляла собой передовое учебное заведение, была одним из самых крупных и известных центров начального образования. Гимназия была учреждена в 1824 г. католикосом Нерсесом Аштаракеци. В семинарии преподавали армянскую, русскую и мировую литературу, армянский, русский и французский языки, историю армянского народа, историю Российского государства, всемирную историю, естествознание, математику, физику, педагогику, библиографию, логику, историю средних веков и т. д. Среди преподавателей были известные представители армянской интеллигенции – Ав. Арасханян, писатель-романист Церенц, видный арменовед Карапет Костанянц, известный переводчик Г. Бархударян, Мисак Асиян, художник и искусствовед Шишманян, математик Григор Вардзелян и другие.

Под воздействием Церенца интерес Туманяна к истории Армении и армянского народа, к истории и культуре других стран и народов ещё больше вырос. Среди всех своих педагогов Туманян особо выделял Церенца, преподававшего французский язык и историю Армении. Он всегда очень тепло отзывался о своём учителе, высоко ценил его и считал в высшей степени чистой и яркой личностью.

Армянский язык Туманяну во втором классе преподавал смотритель школы Григор Тер-Арутюнян, в третьем классе – Карапет Костанян, а в четвёртом классе – Мисак Асиян, которого впоследствии заменил священник Бардугимеос Геворкян. Новый учитель совершенно не понравился Ованесу.

Конечно, такая частая смена педагогов не могла не отражаться на качестве преподавания, однако будущий поэт с большим удовольствием посещал уроки армянского языка и литературы. Среди других предметов юноше нравились уроки истории, но при этом время от времени пропускал уроки математики. Он проводил это время в ботаническом саду и писал стихи.

Туманян очень отрицательно относился к внутреннему распорядку школы. Так, школьникам не разрешалось ходить на теат-

ральные представления, но при этом их заставляли каждое воскресенье в обязательном порядке посещать церковь. Ованесу вообще всегда претило, когда ему что-либо навязывали.

Уже в школьные годы Туманян стал активно заниматься самообразованием, много читал, причём не только художественную литературу, но и научные труды. Знания, которые давали ему школьные преподаватели, уже не могли его удовлетворить.

В первый год своего пребывания в Тифлисе – с августа по декабрь 1883 года Туманян проживал в доме дальнего родственника своей матери торговца рыбой Бархудары (дяди Багды). Его дом находился в Авлабаре, неподалёку от церкви Зорабаш. Начальный период жизни в чужом городе, в чужом доме Туманян переносил особенно тяжело. Он очень сильно тосковал по матери и отцу, по братьям и сёстрам, по родным и близким, по родным полям, лесам и горам, по долинам, ущельям...

С декабря 1883 г. по июнь 1886 г. поэт проживал по найму в доме узунларца Шек-Вардананца Авака, по прозвищу «Мгдуси Авак». Туманяну выделили маленькое, сырое и плохо освещаемое полуподвальное помещение. Авак был звонарём церкви Сурб Аствацацин (Святой Богородицы) в Кукии. Его дом находился непосредственно во дворе церкви, неподалёку от моста Воронцова, на улице Микаелян (впоследствии ул. Плеханова).

Родители Туманяна время от времени посылали ему из села продовольствие, однако большая, многодетная семья едва сводившего концы с концами церковного звонаря забирала себе почти все продукты питания, обделяла своего квартиросъёмщика, оставляя ему лишь незначительную часть посылок. Нередко изрядно подвыпивший Авак вместе со своими такими же пьяными сыновьями врывается в комнатушку своего жильца, ругался, шумел, мешал ему заниматься. Когда хозяин дома безо всяких на то причин обижал Ованеса, юноша на своей коже ощущал, как тяжело, как невыносимо быть скитальцем-пандухтом, стал глубже понимать, почему его мать так горько плакала и тосковала при расставании. Вечерами ему часто казалось, что он слышит голос матери, зовущей его домой.

Тягостное, угнетающее впечатление от этих полных лишений и страданий дней, от полуголодной жизни в доме Мгдуси Авака надолго сохранилось в душе поэта и нашло поэтическое выражение в незавершённой поэме «Возвращение».

Ованесу часто приходилось ложиться спать на голодный желудок. Так же впроголодь жил и герой его рассказа «Гикор», судьбой которого всецело распоряжался Базаз Артем. Но справедливости ради отметим, что изредка, от случая к случаю звонарю Аваку перепадало жертвенное мясо и вино, и тогда он возвращался домой

в приподнятом настроении и угощал своего квартиросъёмщика. В такие минуты он хвалил Ованеса, говорил окружающим: «Я не шушу, этот парень в один прекрасный день станет большим человеком».

Вечно бедствовавший, забитый, обременённый большой многодетной семьёй церковный звонарь Авак был довольно трусливым, осторожным человеком. Его очень пугало и беспокоило то, что Ованес то и дело что-то записывает в своих тетрадях. Он знал, что Туманян сочиняет стихи, а это было по меньшей мере очень странно и подозрительно. Как бы чего не вышло... Ведь так можно нарваться на неприятности. Если вдруг выяснится, что его квартиросъёмщик пишет опасные стихотворения, направленные против властей и подрывающие основы государства, то скорее всего к ответственности привлекут и его, звонаря Авака, и тогда ему явно не поздоровится...

Туманян был не в состоянии своевременно платить за своё проживание в доме Авака, к тому же для него стало просто невыносимо выслушивать постоянное ворчание хозяина. И он решает съехать, предварительно подписав долговое обязательство, вексель на сумму 121 рубль¹. На тот момент у поэта не было ни зимних ботинок, ни пальто, и когда отец высылает ему десять рублей на покупку пальто, поэт решает уплатить часть своих долгов, а родным сообщает, что выдалась тёплая зима и вполне можно обойтись без пальто.

Туманян переезжает в новую съёмную квартиру, в находящийся по улице Норашен дом Егорова.

***

Ованесу Туманяну так и не довелось окончить нерсисяновскую гимназию. Самой главной, хотя и не единственной причиной этого было отсутствие денежных средств. Семья поэта была не в состоянии оплачивать его учёбу. Современники поэта Арсен Глджян, Тигран Пирумян, а также одноклассник Акоп Степанян единодушны во мнении, что если бы поэту выдавали причитающуюся ему ежемесячную ученическую стипендию в размере семи рублей, то он не был бы вынужден покинуть гимназию.

Девятого октября 1884 г., когда решался вопрос о том, кому из учащихся следует предоставить право на бесплатную учёбу, фамилию Туманяна вычёркивают из списка – на том основании, что он не предъявил комиссии сведения о материальном положении своей семьи, то есть о своей неплатежеспособности. Между тем Тер-Тадевос

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 328-329.

был вынужден одолжить 15 рублей у одного из состоятельных односельчан, чтобы привезти сына в Тифлис. Решение руководства семинарии было вопиющей несправедливостью, хотя бы потому, что в Нерсисяновской гимназии детей из провинций устраивали в интернат, в общежитие, а местные, тифлиссские учащиеся имели «стационарный» статус, то есть были приходящими учениками, и поэтому не обеспечивались жильём. И им, соответственно, стипендии не выдавались. По этому поводу дочь поэта Нвард пишет: «Для того, чтобы поступить в гимназию в качестве интернатовского, пансионного ученика, необходимо было иметь влиятельные связи в кругах руководства или попечительства. Сельский священник Тер-Тадевос не имел таких связей или такого влияния, поэтому Ованес был принят в качестве приходящего ученика»¹. Это означало, что он сам должен был обеспечить себя жильём и заботиться обо всех своих нуждах. Тер-Тадевос находился в настолько бедственном состоянии, что никак не мог подыскать для сына более или менее сносное жильё. Дсехский товарищ и родственник Туманяна свидетельствует: «Тер-Тадевос в то время жил очень плохо. Когда Ованес был учащимся в Тифлисе, он не мог ничего посылать сыну, чтобы тот жил и учился»².

Однако как бы трудно ни приходилось Туманяну, какие бы лишения он ни испытывал, он не говорил о своих трудностях и лишениях вслух, напротив, он всегда находил возможность поделиться с теми, кому приходилось ещё хуже, чем ему. Уже тогда он старался хоть как-нибудь помочь нуждающимся, всячески обнадёживал и ободрял их.

За все годы обучения в гимназии Туманян так и не сумел обзавестись зимним пальто, несмотря на то, что родители посылали ему для этого деньги, причём не единожды. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях одноклассник поэта Симон Оввян: «Я не помню, чтобы Туманян зимой надевал пальто или носил ботинки. Он не мог позволить себе такую «роскошь»...»³. Другой его одноклассник и близкий друг Анушаван Абовян отмечает: «Он месяцами не получал никакой помощи из дома и жил, испытывая большие трудности»⁴.

Как уже говорилось, в декабре 1884 г. родители послали Туманяну десять рублей для покупки пальто. В своём письме от 1 января 1885 г. Ованес благодарит их за это, сообщает, что часть этих денег он уже заплатил обосновавшимся в Тифлисе дзорагюхским

---

¹ Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, с. 82.

² Там же, с. 83.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 249.

⁴ Н. Туманян, Детство и юность Туманяна, с. 84.

купцам, которым был должен, а на оставшиеся деньги собирается купить себе кое-какую одежду. «Пальто считаю лишним», – добавляет он (9, 7). Заметим, что в рассказе «Гикор» он настолько подробно и художественно убедительно описывает состояние промёрзшего до самых костей своего героя, что читателю кажется, что никому никогда на свете не было так холодно, как Гикору.

Мы уже говорили о том, что время от времени Туманян получал из Дсеха посылки с продовольствием, продуктами питания. Но при этом он и сам, по существу живя впроголодь, умудрялся выкраивать что-нибудь из своих скудных сбережений и посылал домой «сахар, чай, ремень и конфеты для детей»¹.

Из Нерсисяновской гимназии Ованес Туманян ушёл в мае 1886 г. Без разрешения инспектора семинарии и подписанного обходного листка поэт в спешном порядке отправляется в родное село, поскольку до него доходят непроверенные слухи, что жизни отца угрожает опасность. Якобы Тер-Тадевос чем-то навлёк на себя гнев мстительных и преступных парней из рода Чопуранц, и они решили по-своему с ним разобраться, расправиться. И только в Дсехе ему удаётся выяснить, что мишенью для сельских головорезов являлся вовсе не Тер-Тадевос, а Тер-Акоп. Однако у Туманяна не было ни времени, ни возможности проверить, насколько достоверна полученная информация, и он был так сильно встревожен и обеспокоен, что просто не мог оставаться вдали от дома, в Тифлисе, когда отцу могла угрожать беда. В результате он не смог явиться на экзаменационную сессию 1885/1886 учебного года. Его оставляют на второй год. Педагогический совет принял это решение 30 мая 1886 г.

Конечно, самой главной и основной причиной ухода Туманяна из Нерсисяновской гимназии было отсутствие денежных средств для оплаты обучения. Однако не следует, на наш взгляд, сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Туманян был очень недоволен чрезмерно строгим режимом, внутренним распорядком гимназии, что его уже не удовлетворяло качество обучения. Благодаря интенсивному самообразованию значительно возросли как запросы, так и литературные и научные интересы поэта, и духовная семинария была уже не в состоянии удовлетворять его. К сказанному добавим, что в последнее время юношу стали занимать ощущавшиеся перемены в социально-политической ситуации и в национальной жизни. Напомним, что в Российской империи и на её окраинах стали значительно усиливаться народнические настроения, вызывавшие брожение в умах свободомыслящей и свободолюбивой молодёжи.

---

¹ Там же.

Конечно же, сказанное ни в коей мере не умаляет той роли, которую сыграла учёба Ованеса Туманяна в Нерсисяновской гимназии. Именно в эти годы значительно расширились познания поэта – в особенности в области гуманитарных и общественных наук, значительно возросло также его стремление к получению новых знаний. После ухода из гимназии он возгорелся желанием поступить в какое-нибудь высшее учебное заведение. С этой целью он каждый день посещал тифлисскую городскую библиотеку, чтобы чтением и самообразованием восполнить недостаток знаний.

Ещё во время учёбы в Нерсисянской гимназии Туманян мечтал продолжить образование в Венеции, в гимназии Мурад-Рафаелян. В 1895 г. друзья поэта предпринимают попытки собрать деньги и послать Туманяна учиться за границей. Когда они обращаются к поэту за согласием, он отвечает: «Я не только соглашусь, но и буду очень вам благодарен, потому что вы хотите претворить в жизнь самое заветное моё желание. Это цель и задача моей сути, моей жизни» (9, 146).

В середине 1890-х гг. Туманян решил поехать в Карабах, в провинции Гардман и Утик, чтобы лучше узнать эти восточные пределы Армении. Узнав об этом, находившийся в то время в ссылке Газарос Агаян пытается отговорить поэта и пишет ему: «Чтобы обезопасить себя, сразу же беги в Европу... беги, беги в Европу. Карабах никуда не убежит... Для того, чтобы вобрать в себя новые впечатления, нужен молодой возраст, которым ты обладаешь, и ты должен спешить. Не говори, что не знаешь языка, – главное не язык, а глаза»¹.

Вопрос о продолжении образования продолжал оставаться на повестке дня. В 1900-м году друг поэта Арсен Глджян, бывший священником и членом литературного кружка «Пятёрка», делает ещё одну отчаянную попытку собрать деньги для Туманяна и отправить его учиться в Европе. С этой целью он вместе с Ованесом Каджазуни в Баку обращается к разным состоятельным соотечественникам.

Тем временем материальное положение Туманяна продолжало оставаться крайне тяжёлым. В душе своей он таил «скромную мечту» – «поехать года на два в Петербург или Москву» (9, 220), однако прекрасно понимал её несбыточность и даже не осмеливался говорить об этом вслух. «Человек, у которого неделями не бывает пяти копеек, чтобы поехать куда-нибудь в конке, вдруг – какая наглость! – подумывает о поездке... Было бы большой удачей для меня, если бы я сумел расплатиться с долгами, обрести свободу прогуливаться

---

¹ Г. Агаян, Собр. соч. в 4-х тт., т. 4, Ер., 1963, с. 557-558 (на арм. яз.).

по той или иной улице, либо освободиться от необходимости делать долги» (9, 220).

Отвечая Арсену Глджяну, поэт горько усмехается, говоря, что мечты и грёзы пристойны только поэтам, а духовные лица, священники должны быть более реалистичными. И напоминает своему товарищу, что он обременён большой семьёй, которая «больше эчмиадзинской братии». «Я не могу жить в этих пределах, а ты управляешь меня за границу» (9, 220).

В том же 1900-м году Вртанес Папазян обещает Туманяну изыскать возможности для того, чтобы поэт смог продолжить своё образование в Москве¹.

Однако и без того довольно сложная ситуация усугублялась тем, что для получения высшего образования необходимо было представить аттестат о получении среднего образования, которого у поэта не было. Но, с другой стороны, Туманяна можно было устроить вольнослушателем курсов, что также вполне устроило бы его.

И всё же отсутствие материальных средств становится для поэта неустрашимым препятствием для продолжения образования. Обучение в Европе или в Москве так и остаётся несбыточной мечтой.

После ухода из тифлисской семинарии Нерсисян Ованес Туманян с помощью самообразования добился куда более значительных результатов, чем те, которые могли бы ему дать университеты Москвы или Европы. В этом смысле роль книг в его жизни непереоценима. Как отмечалось, круг интересов Туманяна был необычайно широк, он читал не только художественную литературу, но и научные исследования, книги по философии, эстетике, искусству, истории, естествознанию, языкознанию и т.д. В эти же годы поэт серьёзно увлекается и углублённо интересуется театральным искусством.

С начала 1890-х гг. Туманян стал изучать английский язык, чтобы перевести с оригинала поэму Байрона «Шильонский узник» и читать Шекспира в подлиннике. Уроки английского он брал у вице-консула Англии Мюрада. Изучение английского он продолжил и позднее, в начале 1900-гг., но теперь уже самостоятельно.

Любовь Ованеса Туманяна к театру также восходит к годам его учёбы в Нерсисяновской гимназии. Напомним, что это было время, когда специальность актёра считалась легкомысленной, несерьёзной и достойной осуждения. Многие с пеной у рта ругали и проклинали театр и актёрскую работу. Так, зритель Нерсисян-

---

¹ См. Музей литературы и искусства им. Е.Чаренца, (МЛИ) фонд Туманяна, 2303 (1165).

ской гимназии Григор Тер-Арутюнян считал театр аморальным местом, здание театра – «проклятым строением», и всячески старался держать от него подальше «этих праведных детей». Но запретный плод, как известно, сладок. Поэт не подчинялся этому требованию, и как только в его карманах оказывалось немного денег, сразу же бежал покупать билеты в театр.

Директор джалалоглинской школы Тигран Тер-Давтян однажды специально приехал в Тифлис, чтобы повести некоторых из своих бывших учеников в тифлисский имперский театр, на постановку шекспировской трагедии «Гамлет», в которой роль главного героя играл легендарный Петрос Адамян. «Эта ночь, – вспоминал поэт, – стала для меня настоящей волшебной ночью и возымела почти решающее значение для всей моей жизни. В эту ночь я настолько полюбил Гамлета, а потом и Шекспира, что написал несколько драм и каждый раз уничтожал их, потому что... получалось совсем не так, как у Шекспира» (7, 255).

После вынужденного ухода из Нерсисянской гимназии самой заветной мечтой для Туманяна становится увидеть поближе Петроса Адамяна, познакомиться с великим актёром. И случай такой вскоре представился.

В начале ноября 1886 г. Петрос Адамян приехал из Константинополя в Тифлис. Приезд выдающегося мастера армянской сцены был воспринят как большое событие в культурной жизни Тифлиса. 12 февраля 1887 г., в связи с праздником Вардананц была поставлена пьеса Акопа Кариняна «Вардан Мамиконян». П. Адамян играл роль историка Егише. Ованесу Туманяну была поручена роль одного из воинов. Поэт сам напросился на эту маленькую роль, чтобы быть на одной сцене с самим Адамяном, посмотреть на него с близкого расстояния.

О том, как ему досталась эта роль, Туманян впоследствии рассказывал с присущей ему самоиронией и юмором. «Я пошёл в театр за несколько часов до представления, подождал до вечера. Друг за другом приходили какие-то люди, расспрашивали, наконец меня приняли на роль армянского воина. Поменяли мою одежду, надели трико, пёструю кольчугу, латы, надели мне на голову какой-то позолоченный картонный шлем, повесили сбоку деревянный меч, острый конец которого был обмотан бумагой серебристого цвета, всучили в руки копьё, и вот я уже был готов для участия в большой войне» (7, 256).

Разумеется, юный Ованес прекрасно понимал, что доверенная ему роль вовсе не является сколько-нибудь важной и значимой для театрального представления, однако это не мешало ему преисполниться решимости предстать перед зрителем в наилучшем своём

виде. «Когда я увидел в зеркале свой преображённый и облачённый в воинские доспехи облик, то преисполнился осознанием важности происходящего» (7, 256), – рассказывал поэт. Роль новоиспечённого армянского воина требовала произнести несколько возгласов и восклицаний: «Да здравствует Вардан! Да здравствует полководец! Ну, и тому подобное» (7, 256). Затем воину нужно было стать мёртвым – павшим в бою на поле Аварайра армянским воином... «Как раз роль этого убитого воина я и не смог сыграть, и вышел большой скандал», – продолжал свой рассказ Туманян.

Перед последним действием, до того, как занавес был поднят, «погибших» воинов укладывают на сцене в разных местах – в естественной, реалистичной позе: одного «в поле», другого – «на склоне горы». Туманяну достаётся какой-то склон. Поэт продолжает свой рассказ: «Я принял, насколько это было возможно, достойную великой трагедии позу, мой шлем и копье валялись рядом со мной; я разлёгся во всю ширь доски... И вдруг неожиданно театр взорвался от аплодисментов, над моей головой появился Егише – Адамян, облокотившись на старика Царука.

- Парень, дай пройти...» (7, 256).

В зале воцарилась каменная тишина, на середину сцены прошёл Петрос Адамян. Туманян решил расположиться поудобнее, чтобы лучше видеть Адамяна. «Когда я повернул шею, наклонил её вниз, из-за непривычной позы... меня вдруг охватил кашель, да какой! Я сотрясаясь всем телом, вместе со мной задвигалась и закричала вся декорация, все доски и полотна – то есть все горы и скалы, и это случилось как назло в глубокой тишине театра. В зале разразился общий смех, галерея начала шуметь и восклицать: Браво!.. Бис!.. Да здравствуют армянские смельчаки!.. и т.д. и т. п.» (7, 258).

Бедный Адамян остановился как вкопанный посередине сцены. Все ожидали, когда прекратится кашель «убитого» воина. Когда занавес наконец опустился, народ стал «бурными аплодисментами вызывать Адамяна», а великий актёр, разгневанный и раздосадованный, пытался в это время выяснить, кто именно из «мертвецов» едва не провалил весь спектакль. Он гневно вопрошал: «Кто это был? Кто?» (7, 258).

Однако времени для выявления провинившегося не было, зрители восторженно вызывали актёра. Заваливший свою роль воин-актёр воспользовался общей суматохой и убежал. Он быстро снял с себя доспехи и смешался со зрителями первых рядов партера. «По пути, – рассказывает Туманян, – направлявшиеся за кулисы зрители спрашивали: кто это был, что так сильно кашлял и с открытыми глазами смотрел вниз? Я подумал, что пока ещё не выяснилось это обстоятельство с открытыми глазами, надо поскорее оставить театр и

спешить домой» (7, 258).

Остаётся добавить, что благодаря этой истории Туманян всего лишь несколько дней спустя лично познакомился с Петросом Адамяном. Во время их первой встречи Туманян производит настолько благоприятное впечатление на актёра, что тот дарит поэту одну из своих книг: «На память о пьесе про войну Вардананц и о моей кратковременной, но шумной сценической деятельности», – с усмешкой поясняет поэт (7, 259). После этого Туманян ещё несколько раз навещал великого мастера сцены.

***

Первые впечатления поэта, полученные от Тифлиса, чуть ли не один к одному накладываются на первые впечатления его героя Гикора – те же до отказа переполненные фруктами и овощами магазины, небольшими холмиками уложенные разноцветные ситцевые ткани, самые разнообразные и разнообразные игрушки, группы спешащих в школы и гимназии детей, кинто, шум и гам, песни и пляски, оживлённое движение, попросту большой свадебный зал, который являл собой, по сути своей, неправедный, «несправедливый мир» (5, 37). По какому-то поводу поэт признался Степану Лисициану, что в переживаниях Гикора он выразил свою собственную печаль и тоску, которые нахлынули на него, когда он направлялся из Лори в Тифлис. Поэт, как уже было отмечено, в своих художественных произведениях неоднократно обращался к образам и впечатлениям своего детства и юности. В творчестве Туманяна мы встречаем и реальных людей, героев, встречаем также живописные картины лорийской природы, описание национальных традиций и обычаев, пересказы народных легенд, сказаний, бесед и преданий.

Переживания, впечатления детских и юношеских лет нашли выражение в рассказах Ов. Туманяна «Ахмад», «Мать», «Мой товарищ Несо», «Гикор», в поэмах «Маро», «Лориец Сако», «Ануш». В этих произведениях мы находим конкретные образы людей, которых знал Туманян, а также фрагменты воспоминаний поэта об увиденных или услышанных в детстве фактах и событиях. Прототипом Маро является дочь зурначи Сако, прототипом лорийца Сако – Рамази Матос. В основе «Ануш» лежит похищение девушек со стороны Гево, Алека, Османа (8, 428), а также художественное воспроизведение национальных традиций и обычаев. Не случайно, что поэма начинается с прославления детских воспоминаний. В переживаниях Гикора поэт показывает своё душевное состояние во время отъезда из родного Дсеха и одинокой скитальческой жизни в большом и незнакомом городе, показывает тоску, которая охватила его в период

проживания в доме Мгдуси Авака, где ему приходилось ложиться в постель на голодный желудок и где он просто грезил о своём родном отчем доме, который в такие минуты представлялся ему райским уголком и полной чашей. Даже корову крестьянина Амбо он назвал именем их коровы – Цагик. Прототипом старика садовника в поэме «Стенания» является дед Гохнанц-пап, а сельских головорезов – парни из рода Чопуранц.

В школьные годы, как уже отмечалось, Ованес Туманян, широко обращаясь к источникам народного творчества, писал в основном легенды и басни, в которых ощущалось сильное воздействие Крылова, хотя они и писались на злобу дня, по мотивам происходивших на Кавказе реальных событий. Сам поэт свидетельствует, что в 1885-1887 гг. написал «большое количество» народных легенд и басен, однако они не сохранились (6, 198). Конечно, произведения эти были первыми пробами пера, носили откровенно ученический и эпигонский характер, так что говорить об их художественной ценности не приходится.

Осенью 1886 г., в возрасте семнадцати с половиной лет, Туманян написал балладу «Пёс и кот», которая по сей день считается одним из лучших произведений армянской детской литературы. Баллада написана на фольклорной основе. Бесхитростный сюжет её он впервые услышал в Джалалоглы, от дяди Исаи, родного брата матери. Баллада «Пёс и кот» стала одним из самых любимых произведений для многих поколений армянских детей, а благодаря блестящему переводу С. Маршака она пользуется огромной популярностью среди русскоязычных читателей.

Таким образом, в свои детские и юношеские годы Ованес Туманян аккумулировал, накапливал и обогащал свой жизненный опыт, стараясь воплотить его в художественных произведениях. Это был период творческих исканий. Первые литературные публикации поэта относятся к летним месяцам 1887 г., когда Туманян в газете «Нор Дар» начал из номера в номер печатать анекдоты из жизни лорийцев. Он не ставил под ними своей подписи, но впоследствии предложил газете «Мшак» уже литературно обработанные, основанные на забавных, анекдотических случаях, истории и рассказы – теперь уже за своей подписью.

В КОНСИСТОРИИ (АВГУСТ 1887 г. – 20 МАРТА 1892 г.)

После ухода из Нерсисянской гимназии для выживания в Тифлисе Ованесу Туманяну необходимо было найти какую-нибудь оплачиваемую работу. Необходимо было также накопить денежные средства, чтобы можно было продолжить образование. С этой целью в августе 1887 г. поэт устраивается на работу в армянскую духовную консисторию в качестве писаря. На начальном этапе зарплата поэта составляла 16 рублей 66 копеек. Забегая вперед, скажем, что спустя некоторое время зарплату ему повысили, и он стал получать восемнадцать рублей в месяц.

Разумеется, эта лишённая какого-либо творческого начала работа казалась поэту унижительной и совершенно неинтересной, однако нужда и накопившаяся задолженность за проживание в квартире звонаря Мгдуси Авака заставили его согласиться служить в этом церковно-административном учреждении. Как уже отмечалось, десять рублей из своей зарплаты Туманян ежемесячно отдавал Аваку – в счёт своего долга. Он был вынужден мириться с выпавшим на его долю новым испытанием, поскольку должен был заботиться о своих нуждах, поскольку всё ещё продолжал мечтать и надеяться, что сумеет сэкономить немного денег для продолжения учёбы. И он изо дня в день переписывал официальные документы, свидетельства о рождении, циркуляры, петиции, апелляции, прошения, удостоверения об освобождении от воинской обязанности и т.д. и т.п. Иногда ему приходилось работать и в выходные и праздничные дни. Объём работы всё время увеличивался: царское правительство в эти годы ввело обязательную воинскую повинность, вследствие чего число посетителей консистории значительно возросло. Иногда поэт по поручению руководства консистории выполнял свою работу в домах клиентов. Так, в марте 1891 г. на протяжении пяти дней он посещал некоего господина, у которого были какие-то секретные дела, связанные с судопроизводством. Туманян засиживался до самой полуночи, переводил и оформлял документы и получил в виде вознаграждения три рубля. Во время заполнения последнего документа к нему подходит какой-то дьячок и с гордостью сообщает, что только за этот день ему принесли подношения на четырнадцать рублей. «Ну что тут скажешь, тем не менее, я не завидую», – пишет поэт 15 марта 1891 г. в своём письме Анушавану Абовяну (9, 71).

Каждый день к Туманяну обращались многочисленные друзья, знакомые и незнакомые люди с просьбой подготовить для них различные документы и свидетельства, выдать им бумагу и почтовые марки. Среди такие просителей были Арсен Глджян, Захар Ерзнкян, Саркис Тер-Саркисян, Галуст Тер-Григорян и другие.

В годы работы в консистории Туманян общался с разными людьми, и это в значительной мере обогатило его жизненный опыт, расширило его кругозор, мировосприятие. К тому же он узнал очень много нового о царящих в духовном учреждении нравах, о взаимоотношениях между чиновниками и просителями. Сотрудники консистории были чужды ему по духу, по своим поведенческим нормам, по мещанским, обывательским взглядам на жизнь, на самые разные явления и человеческие ценности. В своём письме, адресованном Анушавану Абовяну, поэт пишет: «Говоря по правде, меня душит эта обстановка»¹.

В ноябре 1889 г., когда предводителем Тифлисской епархии стал епископ Мамбре Санасарян, взаимоотношения между Ованесом Туманяном и другими сотрудниками консистории резко обострились. Новый руководитель духовенства был нечистоплотным человеком, взяточником и вымогателем; ему ничего не стоило присвоить деньги, предназначавшиеся вдовам и детям-сиротам. После его назначения злоупотребления в консистории значительно возросли, обрели масштабный, неприкрытый и бесцеремонный характер. Однако Туманян со своим независимым характером и принципиальностью вовсе не собирался подчиняться идеологическому давлению и навязываемому внутреннему распорядку. Вопреки запрету руководства консистории и неприкрытому неодобрению сотрудников принимает участие в качестве суфлёра в театрализованном представлении, посвящённом 25-летию литературной деятельности Григора Арцруни, поскольку ему очень хотелось выразить юбиляру своё уважение. 26 января 1892 г., опять же вопреки запрету руководства консистории, он принимает участие в выборах церковных делегатов для последующих выборов католикоса и при этом занимает неугодную, противоположную позицию.

О годах, проведённых Туманяном в консистории, его друг по Нерсисяновской гимназии Саркис Абовян в своих воспоминаниях пишет: «Трудно было представить Ованеса в этой новой, абсолютно не соответствующей его натуре должности. Он утешался тем, что может ознакомиться здесь с поведением и нравами людей и, тем более, – с тёмными делишками духовенства... На этом месте работы он не прерывал своих отношений с крестьянами, которые часто обращались к Ованесу за помощью не только для решения запутанных вопросов своей семейной жизни, но и по тем или иным спорным вопросам в государственных учреждениях»².

На протяжении пяти лет, проведённых в консистории, Ованес

---

¹ Там же, с. 20.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 216.

Туманян так и не научился подчиняться, покоряться, поступаться своими жизненными принципами и убеждениями. Напротив, своими уничтожающими выступлениями, своими издевательскими шутками и насмешками он всячески бичевал действия своих алчных и ненасытных сотрудников и высшего духовенства: «И наступило время, когда консистория и предводитель духовенства хотели избавиться от Туманяна, однако держали его, а он искренне хотел уйти, но оставался»¹, – пишет один из современников поэта.

Туманяну часто приходилось вступать в ожесточённые споры и конфликты со священнослужителями: «...Я стал жалобщиком с ног до головы» (9, 101).

Поэт пишет стихотворный сатирический пасквиль «Злоумышленникам», направленный против самого предводителя тифлисской епархии епископа Мамбре Санасаряна. Прямодушный поэт открыто и дерзко читает своё стихотворение перед сотрудниками – «чтобы все знали». И все прекрасно понимают, в кого метил поэт. «Да это же против Мамбре», – шепчутся собравшиеся. Однако из консистории поэта увольняют несколько позднее, 20 марта 1992 г., из-за другого сатирического стихотворения, которое также было направлено против епископа. Стихотворение называлось «Оповещение» («Консерваторам»). В стихотворении-пародии «Марш», написанном незадолго до увольнения, 14 марта, поэт восхваляет Григора Арцруни и газету «Мшак» и в самых резких выражениях осуждает, порицает епископа Мамбре и Абгара Ованнисяна.

Всегда отличавшийся независимыми суждениями и независимым, свободолобивым характером Туманян вспоминает годы, проведённые в консистории, как вычеркнутые из жизни, проведённые в могиле, в крошечном аду (9, 101).

Всего лишь неделю спустя после увольнения из консистории поэт в своих дневниковых записях предавался печальным размышлениям: «Однако остался ли я здоров, жив ли я – вот в чём вопрос. С телом ничего не произошло, совершенно ничего – а вот большую часть способностей своей души я растерял» (9, 101).

В годы работы в консистории Ованес Туманян намеревался написать поэму и назвать её «Муза Переписчица», однако вместо этого написал совершенно другую поэму – «Поэт и Муза». В ней он рассказывает также о своём уходе из консистории. Обращаясь к своей Музе, поэт пишет:

Не знал я праздничного дня,
Но так начальнику был мил,
Что он мне ручку подарил,

---

¹ Там же, с. 282.

И я узнал от писарей,
Как надо обирать людей.
Но ты ко мне пришла и тут,
Вмешалась в мой спокойный труд,
И я – за глупость мне позор! –
Стал затевать за спором спор.
Мол, не годится мужика,
Чья жизнь и так ведь не легка,
Годами мучать и терзать,
Вдовицы скарб с торгов спускать.
Потом – зачем и не пойму –
По наущенью твоему
В письме я шефа обругал,
И тут же он меня прогнал.

(Пер. О. Румера)

Как уже отмечалось, главными причинами увольнения Ованеса Туманяна из консистории стали его прямодушие, непокорность и непослушание, бунтарский характер, принципиальность, не позволявшая поэту мириться и уживаться с царившим в среде духовенства произволом, взяточничеством и вымогательством. Поэт занял активно протестующую позицию против алчных и ненасытных сотрудников и руководства консистории. Последней же каплей стали публичные выступления и стихотворения, направленные против священников и высшего духовенства.

Через несколько дней после увольнения из консистории, а точнее 22 марта 1892 г., Туманян уже приступил к работе в Кавказском армянском издательском обществе – в качестве начальника канцелярии.

ОБРУЧЕНИЕ И ЖЕНИТЬБА

С июня 1886 г. Ованес Туманян стал проживать в доме красильщика (маляра) Баграта Туманяна. Дом этот находился в одном из окраинных районов Тифлиса Харпук. По соседству проживала семья бабушки будущей жены поэта Мариам (Ольги) Мачкалян.

В конце сентября 1887 г. Ованес Туманян впервые увидел на улице Ольгу: она вместе со своей подругой Осанной направлялась к дому бабушки. Во время этой мимолётной встречи они почувствовали взаимную симпатию. Туманян своим «высоким, стройным телосложением, кудрявыми волосами» привлёк внимание Ольги¹.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 327.

Ольга Мачкалян родилась 12 декабря 1871 г. Отчим Ольги Тер-Ованес Мартиросян, второй муж её матери Шушаник Мачкалян, был священником церкви Камоян и членом консистории. Он усыновил Ольгу в 1885 г., когда ей было неполных четырнадцать лет. У него не было детей в совместной жизни с Шушаник Мачкалян, и поэтому вся его нежность и забота распространялись только на Ольгу, к которой он относился как к родной дочери. Туманян был знаком с отчимом Ольги по работе в консистории. Именно там Тер-Ованес обратил внимание на высокого, стройного и красивого юношу, отличавшегося к тому же вежливостью, образованностью и хорошими манерами, и решил познакомить его со своей дочерью.

Ольгу Мачкалян и Ованеса Туманяна официально представили друг другу 1 января 1888 г. в квартире Тер-Ованеса. В этот день мать Ольги Шушаник поймала на кухне воробья и посадила в клетку, посчитав это «добрым знаком», «новогодней удачей». А вечером к ним домой зашёл Туманян, чтобы поздравить Тер-Ованеса с Новым годом и становится для Ольги «новогодней удачей»¹. В связи со знакомством Туманян посвящает Ольге стихотворение, которое не сохранилось. До этого Ольга не знала, что её нареченный умеет писать стихи.

Дальнейшее развитие событий показывает, что Туманян пользовался большой симпатией и уважением как со стороны бабушки Ольги Анушик, так и со стороны её отчима Тер-Ованеса, которого домочадцы и близкие называли «Тертер». Начиная с августа 1887 г. священник по каждому удобному случаю и поводу посылал Туманяна с поручением к себе домой, давая возможность влюблённому поэту увидеться и пообщаться со своей дочерью.

Туманян приносил какие-то бумаги, передавал Ольге, и они исподтишка обменивались взглядами. «Мы посмотрели друг на друга, он улыбнулся и ушёл», – вспоминает Ольга².

А расположение бабушки Ольги Ованес Туманян завоевал своей скромностью, вежливостью и почтительностью. По просьбе бабушки Анушик Туманян нередко писал письма от её имени. С большой и искренней симпатией относилась к Туманяну и мать Ольги Шушаник. Она была очень внимательна к будущему зятю, любила его. В своих воспоминаниях Ольга напишет: «Моя мать очень любила его, даже больше, чем я»³.

Туманян ещё не сделал Ольге предложения, когда, без ведома молодых, Тер-Ованес вместе со своим родственником дьяком Нер-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, с. 328.

сесом принял решение выдать свою падчерицу замуж за Туманяна, а после женитьбы рукоположить зятя в священники¹.

Воскресным днём 21 марта 1888 г. состоялись похороны писателя-романиста Церенца. Туманян в этот день заходит домой к Ольге и увлекается душевной беседой, делает записи в её тетради с песнями. Визит затягивается настолько, что поэт опаздывает на похоронную церемонию, которая должна была состояться в церкви Сурб Геворг в Могни.

За два дня до своего обручения поэт приглашает Ольгу в театр, на пьесу «Вардан Мамиконян», главную роль в которой исполнял Геворг Чмшкян. Когда они выходят после представления, попадают проливной дождь. Поэту не удаётся найти карету, и он пешком провожает Ольгу домой, а затем весь промокший и продрогший добирается в свою съёмную квартиру.

Обручение Ованеса Туманяна с Ольгой Мачкалян состоялось 24 марта 1888 г. Из Дсеха приехал отец поэта Тер-Тадевос вместе с каким-то священником и дьяконом. Ольга отмечает в своих воспоминаниях: «Четыре дьякона и один священник обвенчали нас»². В день венчания Туманян посвящает своей невесте ещё одно стихотворение – «Арцвик» («Орлёнок»), однако оно также не сохранилось.

В апреле 1888 г. Туманян переезжает в квартиру своей невесты. Всё имущество поэта поместилось в небольшом узелке. Это было его сменное бельё, роман Хачатура Абовяна «Раны Армении» и номер журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»).

1 июня того же 1888 г. Туманян серьёзно заболел и оказался на целых два месяца прикованным к постели. По этой причине для него наняли отдельную квартиру. На первых порах за больным поэтом ухаживали мать и бабушка Ольги, затем в Тифлис приехала мать Туманяна Сона, которая присматривала за ослабевшим и истощённым болезнью сыном в течение месяца, а затем повезла его долечиваться в родной Дсех. По словам Ольги, в дни болезни Туманян, подобно Гикору, то и дело повторял: «Ах, я хочу воды из нашего родника Сурб Григора... Если выпью стакан воды из нашего живительного родника, сразу выздоровею... оставил те чудесные горы и лежу в этой жаре... больше не выдерживаю»³.

Венчание Ованеса Туманяна и Ольги Мачкалян состоялось первого декабря 1888 г. в церкви Сурб Геворг. Перед свадьбой мать невесты поинтересовалась у зятя, кого он собирается пригласить со своей стороны. Поэт ответил, что приведёт двоих своих близких то-

---

¹ Там же.

² Там же, с. 329.

³ Там же, с. 330.

варищей – Анушавана Абовяна и Ерванда Мамиконяна. Однако на свадьбу со стороны жениха явилось тридцать гостей¹. Отец невесты Тер-Ованес намеревался поручить проведение обряда церковного венчания своему близкому другу, однако отец жениха Тер-Тадевос воспротивился этому решению, сказав: «Я сам должен обвенчать своего сына»².

Ованес Туманян женился на Ольге Мачкалян в возрасте 19 лет, и он всегда испытывал к подруге своей жизни самые тёплые, искренние чувства. Ольга была на два с половиной года младше поэта. Образование её осталось незавершённым по той причине, что тифлисская школа Овнанян, где она училась во втором классе, закрылась.

Отчим Ольги Тер-Ованес дал своё согласие на её брак с Ованесом Туманяном на том условии, что его зять станет священником. В противном случае, говорил он, деревенскому парню, не имеющему своего жилья в Тифлисе, ничего бы не светило. Он даже заставил поэта подписать письменное соглашение, согласно которому его будущий зять обязывался стать священником. Согласно этому же документу, Тер-Ованес брал на себя обязательство проявлять всестороннюю заботу о семье поэта до тех пор, пока он станет священником³. У отчима Ольги не было наследников мужского пола, и он все свои надежды связывал с зятем. Именно ему он собирался оставить в наследство свои приходы.

Сразу же после женитьбы Ованес Туманян сделал попытку выполнить взятое на себя обязательство. Тер-Ованес рукоположил своего зятя в дьяконы, и поэт на протяжении двух недель, показавшихся ему вечностью, проработал в церкви Ванка. Затем поэт оказался вынужден прослужить некоторое время в других тифлиских армянских церквях. Дочь поэта Нвард вспоминает, что когда отец рассказывал об этом периоде своей жизни, то указывал шестнадцать церквей, в которых ему довелось нести службу, но в каждой из них он «нарывался на какое-нибудь приключение и сбегал»⁴. По свидетельству Погоса Оввяна, во время частых застолий Туманян вспоминал свои мытарства и несостоявшуюся священническую деятельность в виде забавных историй. О том, как он, мечтая и грезя о литературной деятельности, был вынужден против своей воли, своих желаний и убеждений заниматься тем, к чему его сердце не ле-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 332.

² Там же.

³ Более подробно об этом см. **А. Инджикян**, «Ованес Туманян. История жизни и творчества. 1869-1899, Ер., 1969, с. 193.

⁴ **Н. Туманян**, Воспоминания и беседы, с. 148.

жало, о «позорных и уродливых сценах», которые в своё время причинили ему немало душевных страданий, поэт впоследствии рассказывал с благодушной улыбкой, с юмором и самоиронией, перемежая свой рассказ анекдотами¹.

После замужества Ольга предпринимает попытки заняться переводами художественных произведений. Большую помощь в этом деле ей оказывает Туманян. Одно из переведённых Ольгой произведений – «Лавровый венок» Финикова был опубликован в газете «Нор Дар»².

Внучка Ованеса Туманяна Ирма Сафразбекян рассказывает, что Ольга лелеяла своего супруга, оберегала его, ухаживала за ним, как за ребёнком, стараясь не загружать его бытовыми заботами. «Эта чрезвычайно нежная и хрупкая женщина взвалила на свои плечи всю заботу о большой и многодетной семье. В самые трудные моменты жизни Туманян знал, что рядом с ним находится надежная, заботливая, понимающая жена, которая всегда была ему опорой»³. Высоко ценя любовь и преданность жены, Туманян, в свою очередь, всегда был заботлив, чуток и внимателен к ней. Поэт часто дарил жене цветы. В первые годы супружеской жизни его любовь всегда выражалась с большой и неослабевающей силой, зачастую воплощаясь в источник поэтического вдохновения. В своём письме жене за 23 сентября 1890 г. Туманян пишет, с каким «жадным вниманием» и тоской он прочитал её послание. «Сердце моё переполнилось каким-то безграничным ликованием и гордостью, когда я прочитал те строки, где ты пишешь, что проливаешь слёзы из-за того, что не пишу тебе... ты удивляешься, душа моя, что меня радовали твои слёзы? Но в этом нет ничего удивительного, это вполне естественно» (9, 31). В том же письме, вспоминая «минувшие приключения» их «бурной любви», поэт посылает жене стихотворение, написанное тремя годами раньше, в 1887 г.

Другим столь же искренним признанием в любви можно считать письмо поэта к Ольге от 20 сентября 1890 г. «Ты так много значишь для меня, и это значение постоянное, вечное... Вот серьёзное признание в моей любви... Ты можешь всячески воздействовать на меня, – другими словами, делать так, чтобы это воздействие было и

---

¹ На эти неопубликованные воспоминания П. Оввяна ссылается **А.Инджикян**. См. его монографию «Ованес Туманян. История жизни и творчества. 1869-1899, Ер., 1969, с. 172.

² «Нор Дар», Тифлис, 1890, № 78.

³ См. **Ирма Сафразбекян**, «Никто не может заменить тебя» (К 135-летию со дня рождения Ольги Туманян), в сб. «Армения перед лицом вызовов тысячелетия. Материалы научной конференции», Ер., 2008, Изд-во Ереванского Северного университета, с. 72-74.

смертельным, и животворным. Это зависит от твоей доброй воли, твоей совести и степени любви: а я не могу не любить тебя, потому что это выше моей воли, потому что мои чувства властвуют над моей волей»¹. В те же дни поэт пишет жене ещё одно письмо, которое начинается стихотворными строками².

В этот период своей жизни молодой Туманян остро переживает временную разлуку с женой, тоскует, чувствует и понимает, как много она для него значит, насколько она ему нужна. В одном из своих писем он признаётся: «Нет никого, глядя на которого я смог бы забыть твой образ, никто не может своим словом утешить моё сердце, ничья улыбка и смех не радуют меня... – нет ни одного существа, одной личности, которая могла бы заменить мне тебя...»³. Отметим, что эти последние строки из цитируемых писем поэт написал, узнав, что у него родился первый ребёнок, сын Мушег.

В свою очередь, для беззаветно преданной мужу Ольги Ованес Туманян был в первую очередь любимым супругом, отцом семейства, главой семьи, и поэтому она безропотно и беспрекословно подчинялась и принимала все его причуды, его поистине безграничное гостеприимство, его невероятную душевную щедрость, постоянную готовность протянуть руку помощи не только знакомым и близким людям, но и каждому встречному, причём делал он это нередко в ущерб интересам и благосостоянию своей семьи, своих детей.

Для товарищей и друзей Туманяна Ольга была «почтенной госпожой», радушной и гостеприимной женщиной, очень доброй, всеми любимой хозяйкой. Как отмечает историк Лео, именно Ольга была «автором всей привлекательности, великолепия, уюта дома Туманяна», она всегда была внимательна к самым разнообразным требованиям и нуждам своего большого семейства⁴. Это не было лёгким делом, тем более имея такого мужа, как Ованес Туманян. Поэт был человеком, безмерно, безгранично стремящимся, чтобы у него за столом было много гостей, – продолжает Лео, – и госпожа Ольга чуть ли не каждый день должна была заботиться о приготовлениях к очередному многолюдному пиршеству и застолью⁵. По этой причине друзья и товарищи Туманяна полушутливо-полусерьёзно называли Ольгу «жертвой», «великомученицей», а самого поэта – «семейным стихийным бедствием»⁶.

---

¹ Там же, с. 30.

² Там же, с. 34.

³ Там же, с. 35.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 56.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Как-то раз, когда Ованес Туманян представил свою семью Католикосу всех армян Хримян Айрику, тот поочерёдно благословил всех детей поэта, а затем сказал Ольге: «Содержать поэта, выносить его – дело довольно трудное... Десять детей – одна забота, поэт – другая. Но содержать поэта ещё труднее... Расторгать браки – дело не из лёгких, мы так просто на это не соглашаемся, но если ты захочешь, тебе мы дадим развод»¹.

Над поэтом довлеет бремя большой семьи, его мизерной заработной платы было явно недостаточно, чтобы можно было покрыть растущие потребности и расходы. Туманяну претило то, что он вынужден проживать вместе со своей семьёй в доме тестя Тер-Ованеса. Даже десять лет спустя, ведя постоянную борьбу с нуждой, с большим трудом справляясь с бесчисленными семейными заботами, едва сводя концы с концами, поэт будет горько сетовать по поводу того, что был вынужден проживать в доме тестя, называя это одной из главных причин и источников своего «убийственно бедственного положения» (9, 197). На протяжении нескольких лет по каждому поводу или без повода тесть и тёща напоминали поэту о его обещании стать священником. Понимая, что священника из зятя не получится, Тер-Ованес стал настойчиво предлагать поэту обучиться бухгалтерскому учёту, чтобы тот был в состоянии достойно содержать семью его падчерицы. Однако и эта профессия была совершенно чужда поэту.

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

В тифлисской гимназии Нерсисян круг близких друзей Ованеса Туманяна ещё больше расширился. В этот период самыми близкими его друзьями были Анушаван Абовян, Тигран Веранян, Давид Шахламян, Арутюн Чугурян. Среди друзей были и такие, с которыми он учился ещё в джалалоглинской школе, но были также и новые товарищи, с которыми он познакомился и сблизился в Тифлисе. С поэтом их связывали не только общие интересы, человеческие отношения, но и духовная, идейная близость.

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 175.

ДАРЬЯ ГОЛОШЯН

Дружба и сотрудничество поэта с семьёй тифлисского адвоката Григора Голошяна восходит к середине 1880-х годов, когда Туманян проживал в доме звонаря Авака Шек-Варданяна, снимая там полуподвальное помещение. Голошяны проживали в том же доме, но на верхнем этаже. Поэт больше всех сблизился с Дарьей (Галинкой) Голошян. По свидетельству некоторых современников, Туманян был увлечён черноокой Дарьей ещё в годы учёбы в нерсисяновской гимназии. Своё образование Дарья получила в Москве. Там она окончила Высшие женские курсы и была одной из самых высокообразованных армянских женщин того времени.

Туманян подарил Дарье свой первый стихотворный сборник, причём дарственная надпись была сделана в виде стихотворения. Дарье было посвящено также стихотворение «О, ты не можешь мою смягчить...», в котором поэт говорит, что его чувства сковывают тяжёлые условия жизни, что он окружён завистниками и вынужден вести борьбу за своё существование. После Вергине и Ольги Дарья Голошян становится третьей девушкой, которой Туманян посвящает стихи.

Позднее Дарья Голошян вышла замуж за видного армянского общественного деятеля Аршака Тадевосяна.

АЛЕКСАНДР ГОЛОШЯН

Именно с именем Александра Голошяна связано первое приобщение Ованеса Туманяна к национально-освободительной борьбе армянского народа, формирование патриотического самосознания поэта. Духовное, идейное родство Туманяна и Голошяна берёт своё начало с общей цели двух молодых пламенных патриотов – завербоваться в качестве добровольцев и принять участие в вооружённой борьбе за освобождение Западной Армении. Александр был на два года старше Туманяна. В годы обучения в Москве, в Лазаревской гимназии, он серьёзно увлёкся идеями национально-освободительного движения. Он рассказывал Ованесу об опыте балканских стран, поднявшихся на борьбу с турецким игом, и был уверен, что наступило время, чтобы и Западная Армения присоединилась к этому движению. Поэта вдохновляла и воодушевляла смелость и одержимость старшего товарища. Своё новое стихотворение на мелодию известной песни «Пусть дует ветер» Туманян посвящает свободлюбивому другу. Мать Александра очень любила Туманяна и всегда повторяла, что он по темпераменту и мировосприятию очень похож на её сына. В июле 1887 г. Александр Голошян возвращается

из России в Тифлис и остаётся там около года. Он проводит у себя дома собрания единомышленников, в которых принимает участие и Туманян вместе со своими товарищами Давидом Шахламяном и Мелконом Асилбегяном. Поэт снова воодушевляется «беспримерной личностью и самоотверженной деятельностью» Александра Голошяна.

Как Ованес Туманян, так и Александр Голошян в это период находились под сильнейшим воздействием исторических романов Раффи, имевших сильное патриотическое звучание и направленность. Юноши вместе навещали известного романиста, проводили с ним долгие душевные беседы. Что касается Туманяна, то он впервые встретился с Раффи в феврале 1886 г., как раз в те самые дни, когда впервые увидел на сцене Петроса Адамяна в роли принца Гамлета. Раффи к тому времени уже завершил работу над романом «Самвел» и занимался его окончательным редактированием. Поэт стал значительно чаще навещать великого романиста в последний год его жизни – в 1888 г. Обаяние произведений и личности Раффи было настолько велико, что Туманян назвал первых трёх своих детей именами героев романа «Самвел» – Мушег, Ашхен и Нвард.

Туманян принимает решение присоединиться к Александру Голошяну и вместе с несколькими своими товарищами-единомышленниками отправиться в Западную Армению – с целью её освобождения от турецкой тирании. Однако у поэта не было ни оружия, ни средств для его приобретения. Недолго раздумывая, Туманян находит выход из положения. Он решает продать своё летнее пальто и на вырученные деньги купить пистолет. И сразу же реализует свой замысел. Четверо юношей-патриотов должны были отправиться в Западную Армению в июле 1888 г. Всё уже было готово, был даже назначен день отправления. Однако участие Туманяна в этом юношески наивном и по сути своей авантюрном, изначально обречённом на провал начинании так и не состоялось, и на это были две причины. Первой причиной было обручение с Ольгой, а второй причиной – последовавшая вскоре после обручения болезнь Туманяна, приковавшая его к постели на два месяца. Возможно, обручение и не остановило бы поэта, не стало бы непреодолимым препятствием и не заставило бы его отказаться от своего решения, но внезапная болезнь, обрушившаяся на юного и пылкого патриот, сыграла свою решающую роль.

Как уже отмечалось, Туманян тяжело заболел первого июня 1888 г., в день Вознесения. Поэта ежедневно навещал один из лучших тифлисских врачей по фамилии Мкртчян. Он назначал какие-то лекарства, но они не помогали по той простой причине, что Туманян

отказывался их принимать: большую часть из них он незаметно выбрасывал.

Туманян беспокоился: уже приближался июль, день отправления был не за горами, а он всё никак не поправлялся. Из Дсеха приехали отец и мать. Болезнь и не думала отступать, состояние поэта продолжало быть тяжёлым и только ухудшалось.

Затянувшаяся болезнь девятнадцатилетнего поэта вынудила его родителей перевезти сына в родное село Дсех, где он продолжал лечиться вплоть до сентября.

К тому времени Александр Голошян вместе с двумя другими патриотически настроенными юношами через границу Персии попадает в Западную Армению. Их маршрут проходит через Ван, они оказываются в краях Башега, возвращаются в Салмаст, а весной 1889 г. всех троих убивают по дороге, ведущей в Ван.

Видимо, само провидение позаботилось о том, чтобы решительно настроенный поэт-патриот, готовый отдать свою жизнь за спасение своих западноармянских соотечественников, не смог принять участие в этом опасном мероприятии, и чтобы жизнь его продолжилась, поскольку Туманяну предстояло выполнить совершенно другую, действительно великую миссию... Так что обручение поэта и его болезнь в определённом смысле оказались удачным, даже счастливым стечением обстоятельств не только для самого Туманяна, но и для всего армянского народа.

Туманян придавал настолько важное значение своим встречам и дружбе с Голошяном, что сделал в своих дневниковых записях пометку: «Революция – Голошян - болезнь», чтобы в последующем раскрыть, подробно изложить этот очень важный и знаменательный эпизод своей биографии (8, 427).

Добавим к сказанному, что Александр Голошян стал прототипом Ваана, героя поэмы Туманяна «Старая война».

Своей жене поэт как-то сказал, что именно обручению с ней он должен быть обязан спасением своей жизни. Ольга в своих воспоминаниях приводит слова Туманяна, сказанные при этом: «Моя поездка задержалась, а отправившиеся были убиты по дороге»¹.

Примечательно, что Туманян, будучи на два года младше Голошяна, предостерегал, предупреждал его, что подобная борьба одиночек не может быть результативной и не может увенчаться успехом. А после трагической гибели Голошяна и ареста другого юного патриота – Саркиса Кукунянца, осуждённого царским судом на ссылку и каторгу, Туманян пересматривает свои взгляды и ещё раз убеждается в безрезультатности и бесперспективности подоб-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 329.

ных действий, отдавая предпочтение более упорной, длительной, стратегической идейной борьбе, которая должна тщательным образом подготовить почву для конкретных практических действий.

РОСТОМ

По соседству с домом дяди Багды, в том же дворе проживал один из будущих основателей политической партии Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн» (АРФД) Степан Зорян – Ростом. Он был на два года старше Туманяна, и вскоре между юношами установились тёплые отношения, которые переросли в большую дружбу продолжавшуюся на протяжении всей их жизни. Поэт вспоминает: «Мы подошли, сблизились, и после этого дня всегда были вместе. И как всё было хорошо... как будто и время тогда было хорошее, и домочадцы были хорошие, все были хорошие...» (7, 378).

Два близких и неразлучных друга ночами вместе читали книги, а в дневное время занимались физическими упражнениями, армянской национальной борьбой «кох», вместе шли на охоту. С Ростомом Туманяна сблизил готовность принять участие в национально-освободительной борьбе армянского народа, в его судьбе, священной борьбе за выживание. Было много общего в их характерах, темпераменте, миропонимании, во взглядах и оценках явлений, в политической ориентации, в отношении к истории, настоящему и перспективному будущему родного народа.

По заверению Туманяна, он написал свою поэму «Старая война» под воздействием Ростома, которому и посвятил это произведение¹. Фрагментом поэмы является стихотворение «В армянских горах», которое было написано под воздействием продолжительных бесед поэта с Ростомом об истории армянского народа и его дальнейшей судьбе.

«ПЯТЁРКА»

Во время своей учёбы в Нерсисянской гимназии Ованес Туманян ещё больше сблизился с Анушаваном Абовяном, который был его одноклассником в джалалоглинской школе. Анушаван также очень любил чтение и литературу и также мечтал и надеялся продолжить своё образование.

В Тифлисе Анушаван работал продавцом в магазине своего

---

¹ Там же, с. 381-382.

дяди. Магазин располагался на улице Дворцовая, напротив военного торгового дома Саламбегяна.

Каждый день после уроков, в часы обеденного перерыва Туманян спешил на встречу со своим товарищем. А Анушаван сохранял свою долю еды, чтобы поделить её с Ованесом. Покупатели магазина часто прерывали душевную беседу друзей. А Туманян старался уйти незаметно, избегая встреч с хозяином магазина – дядей его друга.

Юные друзья мечтали о том дне, когда будут в состоянии открыть больницы, школы для неимущих детей крестьян и ремесленников.

После ухода из школы Туманян, с целью продолжения своих частых, по сути ежедневных встреч с Анушаваном, устраивается на работу в качестве ученика продавца. Работа эта совершенно не устраивала Ованеса, однако он решил набраться терпения и некоторое время выполнять эту нелюбимую работу, поскольку ему необходимо было накопить немного денег для продолжения образования.

Нравственные мучения Ованеса продолжались недолго, всего полдня. Именно столько он продержался на этой своей работе. Подобно герою своего рассказа Гикору, юный Ованес никак не мог взять в толк, что именно от него требуется.

А дело было так. В магазин зашёл какой-то высокопоставленный военный, и хозяин магазина стал подавать знаки своему новому работнику, чтобы тот подержал шинель полковника. Однако подобное подобиострастие и раболепие владельца магазина показались Ованесу забавными и несуразными, и Туманян прикинулся непонятливым простачком, сделал вид, что не понимает отчаянной жестикуляции «хозяина». После ухода покупателя владелец магазина набрасывается на Ованеса с криком и бранью, разъясняет ему, что в его обязанности входит открывать двери перед каждым посетителем, держать его пальто и т.д. Поэт молча выслушивает нарекания в свой адрес и в этот самый момент окончательно решает про себя, что работа в магазине – не его дело. Во время обеденного перерыва работники магазина посылают Ованеса за едой, но он уходит и так и не возвращается после перерыва. Поэт вспоминает об этом следующим образом: «Отнёс пустую посуду, выложил в подсобке, а сам дал дёру – только меня и видели»¹. Работники магазина, вспоминая об этом эпизоде, называли своего несостоявшегося сослуживца «убежавшим из леса диким оленёнком», который «взял посуду, по-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 227.

шёл за обедом, и больше его никто уже не видел»¹.

О своих забавных приключениях в магазине Саламбегяна Туманян впоследствии расскажет в черновом варианте автобиографической поэмы «Поэт и Муза», объясняя своё бегство с нелюбимой и очень быстро, в одночасье опостылевшей работы поэтическим призванием и предначертанием. Обращаясь к Музе, он говорит:

Как неразумное дитя,
Я бросил всё, к тебе летя:
Так дальше жить, мол, мочи нет, —
Ведь я поэт, поэт, поэт!

(Пер. О. Румера)

Конечно, Туманяна в этом магазине не унижали и не притесняли, но он едва продержался полдня, не выдержав чуждой ему обстановки и среды общения...

В 1887-1890-х гг. в Тифлисе начал функционировать литературный салон, участниками и основателями которого стали молодые и одарённые любители словесности. По числу участников литературный кружок получает название «Пятёрка». В её состав входили Давид (Датико) Шахламян, Арсен Глджян, Арам Аракелян, Григор Ванцян и Ованес Туманян. Периодические занятия кружка проходили, в большинстве случаев, по субботам в доме Давида Шахламяна, но иногда друзья-литераторы собирались в квартале Циранавор, в каком-нибудь пивном заведении под открытым небом.

Патриотически настроенные молодые люди были увлечены народническими идеями. Они давали друг другу клятвенные обещания бороться за улучшение бедственного положения народных масс, намереваясь привить народу «протестантский дух». Они изучали также литературу, освещающую национально-освободительное движение разных стран и народов. Начиная с апреля 1888 г., когда Ованес Туманян перебирается в дом священника Ов. Мартиросяна, встречи «Пятёрки» проводятся в доме поэта. Юноши вместе изучают книги, изданные прогрессивными студентами университетов Петербурга и Москвы и повествующие об освободительной борьбе болгарского народа и его национальных героях.

Именно участники салона «Пятёрка» организовали подписку на первый стихотворный сборник Ованеса Туманяна и его распространение. Они приняли также самое активное и деятельное участие в составлении сборника и осуществили издание книги. Друзья поэта

---

¹ Там же, с. 226.

восхищались его стихами, преклонялись перед его выдающимся поэтическим дарованием и очень высоко оценивали литературные достоинства его произведений. В ходе подготовки издания участники «Пятёрки» отправились по разным провинциям, мобилизовали своих родственников и знакомых, пропагандировали книгу Туманяна, чтобы привлечь как можно больше подписчиков. Молодым литераторам особенно импонировало чувство ответственности поэта, его скромность, честность, принципиальность и прямоту, благородство и умение хранить чужие секреты. Они старались внушить поэту уверенность в собственных силах, разбудить в нём чувство собственного достоинства и честолюбия.

Среди участников «Пятёрки» Ованес Туманян особенно выделял Давида-Датико Шахламяна, с которым и был наиболее близок. Датико три года учительствовал в Дсехе. По мнению Туманяна, Датико был самым ярким и душевным среди участников литературного кружка; у него были выразительные и печальные глаза, тоскующий взгляд и стройная осанка.

Датико жил вместе со своей богатой и бездетной сестрой и зятем. Только Туманяну он поверял свои сердечные тайны, «грызущую его благородное сердце тоску», из-за которой он в 1894 году покончил с собой. Друзья доподлинно знали, что только Туманяну мог доверить Датико свои самые сокровенные душевные переживания, следовательно, Туманян был единственным среди них, кому были известны причины самоубийства их друга. Арсен Глджян в своих воспоминаниях утверждает, что после смерти Датико поэт был как-то особенно замкнут и молчалив и на вопросы товарищей отвечал какой-то отрешённой и вымученной улыбкой и кратко пресекал дальнейшие расспросы: «Это не моё, чтобы отдать вам»¹.

Смерть Датико произвела на Туманяна такое же сильное и глубокое впечатление, как и смерть отца, и в год смерти своего друга поэт пишет поэму «В беспредельность», в которой размышляет о жизни и смерти, о быстротечности времени.

Я думал о том, что отпущенный нам,
Убогим невеждам, столь краток предел.
А может быть, смерть – это благо из благ?
Куда она манит? Откуда? И как?
И думал ещё: что – жизнь? И что – смерть?
Лишь вечности формы, лишь рока игра,
Великих, нетленных основ круговерть –
Как «было» и «есть», как «сегодня - вчера»,

---

¹ Там же, с. 275.

То время, что было «сегодня» с утра,
Становится к полночи новым «вчера».
(Пер. А. Наймана)

Вкратце скажем о других товарищах Туманяна, участниках «Пятёрки».

Григор Ванцян (1870-1908 гг.) был одним из выпускников Нерсисянской гимназии, которую окончил в 1890 году. В дальнейшем учился на филологическом факультете Берлинского университета, был автором ряда философских исследований. Он, так же, как и Датико, покончил жизнь самоубийством.

Арам Аракелян (1867-1933 гг.) был уроженцем села Севкар в Зангезуре, неподалёку от Капана. Он отличался жизнерадостным характером, весёлым нравом, общительностью. Окончил Нерсисяновскую гимназию, работал школьным преподавателем в Тифлисе и Ахалцихе, впоследствии переехал в Баку, где редактировал газету «Арев». Пробовал заниматься литературным творчеством, однако все попытки оказывались безуспешными. Туманян как-то даже написал шутовское четверостишие о беспомощных творческих потугах своего товарища. Арам, между тем, исключительно высоко оценивал произведения Туманяна и до конца своей жизни оставался большим и убеждённым почитателем его поэтического искусства.

Симеон (Арсен) Глджян (1868-1944 гг.) принял монашество, чтобы скрыть «под монашеской рясой» свою деятельность на благо национально-освободительного движения и освобождения Западной Армении от турецкого владычества. От также учился в Германии, получил высшее юридическое образование. Из-за своих политических взглядов, а также независимого, прямодушного и свободолюбивого характера подвергался гонениям и преследованиям со стороны консервативного эчмиадзинского духовенства. Был автором ряда юридических исследований.

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Начало творческой жизни Ованеса Туманяна (1881-1892 гг.) и первый период творчества (до 1900 г.) ознаменовались изданием двух поэтических сборников. Обе книги были изданы в Москве: первая – в 1890-м году, вторая – в 1892-м.

Первый поэтический сборник под названием «Стихотворения» увидел свет в конце сентября 1890 года тиражом 1200 экземпляров. Книга была принята с большим воодушевлением среди школьников, студенческой молодёжи и в широких литературных кругах. В частности, в эчмиадзинской гимназии Геворгян она была воспринята как

какое-то исключительно важное, чрезвычайное литературное явление. Для всех гимназистов она стала настольной книгой, но больше всех, пожалуй, радовался и ликовал молодой Комитас. Об этом мы узнаём из свидетельства Степана Лисициана, который в тот период работал в гимназии Геворгян преподавателем. По его словам, сборник Туманяна «стал бомбой, которая взорвалась в нашей воодушевляемой поэзией среде. Каждая страница, каждая строфа книги была извержением вулкана... Из неизвестности в светлый мир пришёл настоящий поэт... мы восхищённо смотрели на величие его таланта»¹.

Сборником зачитывались, он переходил из рук в руки, и больше других восторгался студент Согомон (Комитас), который то и дело повторял: «Здорово, правда? Ведь здорово, да?»².

В периодике появились отзывы и рецензии, в которых давались подчас диаметрально противоположные, взаимоисключающие оценки. Со статьями выступили известные публицисты и литературные критики того времени – Гр. Арцруни, М. Абегян, Л. Манвелян и другие. В большинстве своём это были положительные отклики, в которых звучали слова поддержки и поощрения. К поэту пришла известность, его авторитет значительно вырос. Редактор журнала «Мурч» Ав. Арасханян в самом начале 1891 г. предложил поэту сотрудничать с его изданием. Поэт с радостью принял это предложение и уже с февраля 1891 года стал активно сотрудничать с журналом. Сотрудничество это длилось до сентября 1893 г. За это относительно непродолжительное время Туманян опубликовал в журнале около тридцати стихотворений.

После издания первой книги и её безоговорочного успеха значительно расширился круг знакомств поэта, у него появились новые друзья. Отметим среди них Филиппоса Вардазаряна (Филипа), Аристакеся Заргаряна, княгиню Мариам Туманян, которые стали организаторами и спонсорами последующих книг поэта, в частности, второго московского сборника стихотворений и поэм, изданного в 1892 г., а также однотомника избранных произведений Туманяна, увидевшего свет в Тифлисе в 1903 г. и сыгравшего исключительно важную роль в творческой биографии поэта.

Второй поэтический сборник Ованеса Туманяна увидел свет в конце ноября 1892 г. тиражом 1200 экземпляров. Оттиски и гранки книги не были посланы автору, и по этой причине в сборнике встречались неточности и опечатки, что вызвало справедливое негодование поэта и причинило ему большую боль. «При первом чтении я

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 348.

² Там же.

обнаружил сорок ошибок... Теперь скажите, пожалуйста, можно ли дать общественности книгу в 160 страниц, и к тому же стихотворений, с таким большим количеством ошибок?.. Следует понимать, какое значение имеет для автора вообще и поэта, в частности, каждое слово, каждая точка» (9, 112).

Второй сборник стихотворений Туманяна являлся логическим продолжением первого, однако был более богатым по содержанию. С развёрнутой положительной рецензией откликнулся на книгу Газарос Агаян. В свойственной ему витиеватой и возвышенной форме Агаян пишет: «В последнее время в недавно высаженном цветнике нашей литературы один за другим появились новые цветы. В настоящее время расцвёл ещё один новый цветок: ароматный и скромный, подобно фиалке, выросшей на берегах чистых родников в стране Гугарка»¹.

В литературных кругах за Туманяном закрепляется слава лучшего современного армянского поэта, он провозглашается «первым поэтом кавказского армянства». По заверению Дереника Демирчяна, после издания второго сборника стихотворений «все взгляды устремились к Туманяну»². Поэт получает приглашение продолжить образование в Москве.

В первых двух своих стихотворных сборниках Ованес Туманян выступил как разносторонний и многожанровый автор. Стало очевидно, что в поэте явно превалирует эпическое начало, что его поэтическое дарование лучше всего проявляется в жанрах поэмы и баллады. Было ясно также и то, что главными питающими источниками и основой его вдохновения являются природа и устное народное творчество. Поэт придерживался метода реализма. Уже в первый период своего творчества Туманян создал произведения, которые принесли ему всенародную славу, известность и бессмертие. Назовём хотя бы балладу «Пёс и кот», стихотворение «Старое благословение», поэму «Ануш», балладу «Ахтамар» и другие произведения.

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД (1893-1899)

После ухода Ованеса Туманяна из консистории друзья и близкие поэта протягивают ему руку помощи, стараются найти для него новую работу, помогают изыскать средства на содержание семьи.

---

¹ Журнал «Мурч» (1889-1907), Тифлис, 1892, №3, с. 457-460. См. также: Г. Агаян, Собр. Соч. в 4-х тт., т. 4, Ер., 1963, с. 221-222.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 23.

Старания друзей не оказываются напрасными. Уже через несколько дней, 22 марта 1892 г. поэт при посредничестве Перча Прошяна, Газароса Агаяна и Аветика Арасханяна поступает на работу в Тифлисское издательское общество в качестве начальника канцелярии с ежемесячной зарплатой в размере двадцати рублей.

Ему вменялось в обязанности заполнять журналы входящих и исходящих материалов; следить, чтобы с книгами квитанций всё и всегда было в порядке; по требованию полиции ему надлежало предъявлять все отчёты о деятельности учреждения со дня его основания до текущего момента, то есть марта 1892 г. Поэту удавалось в рабочее время улучать свободные минуты и писать стихотворения. Поэтому он производил на всех впечатление весьма рассеянного и невнимательного, нерадивого работника. Однако председатель Издательского общества Александр Калантар был одним из почитателей таланта поэта и поэтому относился к нему доброжелательно и снисходительно. Однако поэт и сам чувствовал, что занимается не своим делом, что выполняемая им работа совершенно его не удовлетворяет и не интересует, и спустя полтора года, 19 октября 1893 года предъявляет заявление об уходе. При этом он в том же заявлении выражает руководству и коллективу Издательского общества благодарность «за любезное обращение и проявленное терпение» (9, 318). В автобиографической поэме «Поэт и Муза» нашёл отражение и этот эпизод жизни поэта, и вновь автор обвиняет в своих неудачах Музу, которая никак не оставляет его в покое, ревностно следит за тем, чтобы поэт не разменивал свою душу и не отвлекался от своей главной миссии в жизни, и вынуждает его сосредоточиться на творческой деятельности.

«Поэт, ты вправе выбрать. Выбирай
Иль землю эту, или горний край.
Но что бы ты ни выбрал, милый мой,
Всегда от сердца искреннего пой.
Как солнце будь!
Верши свой путь
Сквозь толщу туч,
Всегда могуч.
Ты призван жить,
Чтобы светить!
И верь мне, – вдохновенья краткий час
Ценней, чем драгоценнейший алмаз!»
(Пер. О. Румера)

ЛИТЕРАТУРНАЯ «ТРОЙКА»

В 1891 году с журналом «Мурч» сотрудничал также Филиппос Вартазарян, которого близкие друзья называли Филипом¹. Именно в издательском доме «Мурча» познакомились и сблизились Туманян и Вартазарян, положив начало не имеющей аналога в истории армянской литературы большой, искренней и преданной дружбе двух родственных душ².

Между издателем журнала «Мурч» Филипом Вартазаряном и редактором Аветиком Арасханяном сложились напряжённые и откровенно непримиримые, неприязненные отношения. Отношения эти всё более и более обострялись и стали причиной того, что в октябре 1893 г. Вартазарян и Туманян покидают журнал, хотя Туманян высоко ценил Арасханяна и считал, что в конфликтной ситуации виновны обе стороны. При этом по стечению обстоятельств шумные споры и разбирательства чаще всего происходили в квартире поэта. Вместе с ними и по той же причине журнал «Мурч» покидает и друг и земляк Филипа Аршак Бархударян, возглавлявший отдел рецензий.

В октябре 1893 г. трое друзей-единомышленников – Ованес Туманян, Аршак Бархударян и Филиппос Вартазарян учреждают Издательское общество.

Учредительное собрание состоялось в первых числах октября 1893 г. Все три учредителя были большими патриотами своей страны и своего народа и придерживались одинаковых взглядов на пути достижения успехов в национально-освободительном движении. Все трое членов группы главным и основным предусловием удачи считали тщательное, обстоятельное изучение реального социально-политического положения страны и народа. Свои общие цели и задачи, главное направление своей деятельности «Тройка» выразила в названии «Народ или хижины и только хижины». Издатели намеревались печатать как армянскую, так и переводную художественную, публицистическую и научно-популярную литературу, доступную для самых широких слоёв населения.

«Тройка» планировала также учредить свой периодический

---

¹ **Филиппос Вартазарян** родился в селе Неркин Агулиси Дашт провинции Гохтан в 1858 г. Занимался торговлей личинок шелкопряда, впоследствии переключился на производство кожи и вскоре разбогател. Был членом Благотворительного общества, а также Издательского общества. Занимался благотворительной деятельностью и меценатством.

² Подробнее о благотворительной и меценатской деятельности Филипа Вартазаряна см. подглавку «Меценаты».

орган и даже издала первый сборник под названием «Оризон», но впоследствии была вынуждена отказаться от этого намерения, поскольку в 1890 годы царское правительство по цензурным сообщениям запретило учреждение новых газет и журналов.

Редакционные совещания издателей проходили преимущественно в квартире Ов. Туманяна. На этих собраниях обсуждались новые культурные проекты и начинания, а также возможности и пути их осуществления.

Деятельность издательского общества «Тройка» из-за неразрешимых финансовых трудностей продолжалась недолго. Кроме упомянутого первого выпуска сборника «Оризон», были напечатаны несколько оригинальных и переводных произведений Ованеса Туманяна. После этого издательское общество прекратило своё существование.

«ВЕЧЕРИНКИ»

1890-е годы были годами пробуждения национального самосознания. В среде студенческой молодёжи царили преимущественно романтические настроения. В эти годы Ованес Туманян сближается с подвижниками идей национально-освободительной борьбы. Не имея возможности встречаться в тех или иных общественных местах, небольшая группа молодых людей стала собираться в разных квартирах и дала своим периодическим встречам условное название «Вечеринки». В своих воспоминаниях Аршак Бархударян свидетельствует: «Мы с Ованесом часто посещали так называемые «Вечеринки»... Они были подражанием студенческих «вечеринок» – в университетских городах, которые проходили тайно»¹.

Проходившие в условиях конспирации подпольные «Вечеринки» зачастую преследовали благотворительные цели. Вход был платным. Собранные денежные средства использовались для какой-либо филантропической, благотворительной акции. Так, на деньги, вырученные в итоге одной из «вечеринок», была оказана помощь сосланному на остров Сахалин активисту национально-освободительной борьбы Саркису Кукунянцу.

На «вечеринках» обсуждались наиболее актуальные, животрепещущие темы и события, проводились тайные лекции и доклады, а также собрания, на которых разворачивались оживлённые дискуссии и споры.

О своём участии на «вечеринках» Ованес Туманян пишет в письме к А. Глджяну от 31 января 1894 г.: «Несколько ночей кряду я

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 366.

не спал. В минувший день я до полуночи был в одном месте, а после полуночи – в другом. Случается и так, что приглашают сразу на три мероприятия...» (9, 127). В другом письме Глджяну – от 4 марта 1894 г. – поэт заверяет: «Вечера продолжаются. Умираю, настолько устал» (9, 127).

Иногда «вечеринки» приобретали литературную направленность. Так, на собраниях в доме А. Бархударяна вслух читались романы Тургенева – «Накануне», «Отцы и дети» и т.д. На других вечеринках обсуждались произведения Байрона и Лермонтова, давалась оценка их вкладу в мировую литературу.

Об одной из подпольных «вечеринок» сохранился следующий примечательный и забавный эпизод. Несмотря на предупредительные меры организаторов и участников «вечеринок», полиция благодаря своей расставленной шпионской сети и, видимо, из-за недостаточно хорошо реализуемой конспирации, время от времени обнаруживала места проводимых собраний и арестовывала участников. Как-то участковый пристав пришёл в квартиру, где проходила одна из «вечеринок» с участием Ов. Туманяна. Пристава попытались убедить в том, что он попал на свадебное пиршество. Пристав не верил, упорствовал на своём, и участники собрания, чтобы как-то выйти из затруднительного положения, спонтанно решают «выдать замуж» одну из девушек за кого-то из парней. Собравшиеся были уверены, что пристав, услышав несколько зазданных тостов и речей, покинет квартиру, но ошиблись. У заподозрившего неладное бдительного пристава не было никаких намерений уходить. «Однако этот негодный пристав никак не хотел сдвинуться с места», – со свойственным ему чувством юмора рассказывал об этом случае Ованес Туманян¹.

Участники «вечеринки» оказались вынуждены продолжить сочинённое «бракосочетание» и объявили, что все вместе повезут «молодожёнов» в церковь. «Распоряжаются, чтобы вызвали кареты, усаживаются, чтобы повезти жениха и невесту в церковь и обвенчать... однако этот пристав и сам вызвал для себя карету и проводил «свадебную процессию» до самых дверей церкви. И уже там, не видя другого выхода, посылают звонаря за священником... Волей-неволей поручают священнику обвенчать невесту и жениха»². И только после благословения священника участковый пристав окончательно убеждается, что его не обманывают, и уходит восвояси. Туманян с большим удовольствием снова и снова рассказывал об этом забавном случае, и при этом заверял, что те молодые люди

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 308.

² Там же, с. 308-309.

«после случайного венчания... стали очень образцовой и любящей семейной парой»¹.

В КРУГОВОРОТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Ованес Туманян никогда в своей жизни не был революционным деятелем и всегда стоял выше партийной односторонности, предвзятости и тенденциозности. Поэт был насквозь пропитан армянским духом, и в статье «Душа армянина» сформулировал своё «беспартийное» кредо следующим образом: «В каждом народе есть и всегда будут различные общественные и политические партии и течения, но совершенно иное дело целостность народа» (6, 194). Эти строки поэт пишет в 1910 г., а до этого ему доводилось сотрудничать с самыми разными партиями, в частности, с гнчакянами, дашнаками и социал-демократами. Но даже если он состоял в этих партиях, то есть был их членом, то на очень короткий срок и всегда исходя из необходимости осуществить те или иные важные программы, имеющие общенациональное значение. В дневниковых записях поэта читаем: «И если я и был связан с какой-нибудь социалистической группировкой и на короткое время, то был связан не программной связью, а сугубо дружески и вокруг конкретного дела» (8, 451). Первым в числе подобных «конкретных дел» было значительное оживление национально-освободительного движения в середине 1890-х гг., что определялось сложившейся в Западной Армении ситуацией, периодическими кровавыми расправами над безоружным армянским населением, зверскими погромами, резнёй, не говоря уже о постоянном ущемлении его прав. Затем в 1905-1906 гг. начались спровоцированные царским правительством армяно-татарские межнациональные столкновения в Восточной Армении, когда поэту пришлось на время забыть о творчестве и организовывать самооборону армян. А в годы Первой мировой войны и Геноцида ему необходимо было помогать добровольческим отрядам, беженцам и сиротам, бороться со смертоносными эпидемиями, голодом, разрухой и ужасающе бедственным положением соотечественников.

Ованес Туманян, как уже отмечалось, не оставался безучастным к политическим брожениям с ранних юношеских лет. Ещё в 1886-1887 гг. он посещал тайные собрания, которые впоследствии стали основой для сформировавшейся политической группы «Моло-

---

¹ Там же, с. 309.

дая Армения». Группа эта, в свою очередь, летом 1889 г. объединяется с партией дашнаков.

Близкие друзья и товарищи Ованеса Туманяна неоднократно предупреждали его о большой опасности, которой чревата политическая деятельность, но поэт на это отвечал: «...Я люблю должность солдата» (9, 40).

В 1890-е годы поэт полностью разделял политические и патриотические взгляды партии дашнаков, однако он далеко не всегда был согласен с конкретными программами достижения поставленных целей и задач. Что касается деятельности партии Гнчакян, то в ней Туманян начинает участвовать по настоятельному совету Газароса Агаяна. Речь идёт, в частности, о взаимосотрудничестве поэта с бакинской группировкой «Оджах», входившей в партию Гнчакян.

Дело обстояло: в ноябре 1895 г. Туманян поехал в Ахалкалак с целью создать филиалы или местные представительства комитета по сбору и распределению пожертвований. Причиной экстренного сбора средств были чудовищные погромы и резня армянского населения в Сасуне, достигшие невероятных размеров, носившие широкомасштабный характер. Кровавые погромы начались в первых числах августа и продолжались вплоть до декабря 1895 года. Часть беженцев из Сасуна переправилась в Восточную Армению и нашла здесь прибежище в различных армянонаселённых городах Кавказа. Понятно, что все они находились в крайне бедственном положении и нуждались в организованной гуманитарной помощи. Именно с этой целью Ов. Туманян весной 1899 г. и в 1900 г. по поручению партии Гнчакян отправился в Баку.

По свидетельству Гр. Варданяна, в июне 1898 г. комитет бакинского филиала партии Гнчакян поручил ему уговорить Туманяна отправиться в Лондон и поработать в редакции газеты «Гнчак». Там остро ощущалась нужда в таком молодом, энергичном и авторитетном деятеле, как Туманян. Сначала поэт отказывается от этого предложения. «Лондон – это не Лори, не Сасун и не Зейтун, что мне там делать?», – отвечал поэт, который в то время не имел никакого желания редактировать периодический орган какой-либо политической партии¹. Кроме того, поэт был обременён большой многодетной семьёй, к тому времени у него уже было шестеро детей, и он был очень заинтересован в том, чтобы все они получили хорошее образование на родном армянском языке. В Лондоне это его стремление было бы практически невыполнимым.

---

¹ См. А. Инджикян, Ованес Туманян: история жизни и творчества 1869-1899, Ер., 1969, с. 376 (на арм. яз.).

Конечно, интересы родины для Туманяна всегда были на первом месте, и он всё же решает согласиться на предложенную работу за рубежом. Однако, как это обычно бывало, и на этот раз обстоятельства жизни становятся непреодолимой помехой, и поэт отказывается от этой мысли. По всей вероятности, здесь решающую роль сыграл тот фактор, что у Туманяна в то время было пятьдесят семь кредиторов (9, 198). И поэт посылает бакинскому филиалу партии Гнчакян телеграмму следующего содержания: «Я очень сожалею, что по совершенно не зависящим от меня причинам не смогу принять предложение вашей конторы. Простите. Ованес»¹.

Впечатления поэта, полученные от произошедших в 1894-1896 гг. национально-политических событий и поездки в Баку в 1895 г., нашли отражение в ряде художественных произведений. Это рассказ «Горный пастух», стихотворения «Ночь», «Две чёрные тучи», «Песня изгнанника», «Два отца», «Из псалмов скорби», «Чёрная дорога», «Спор», «Благодеяние». Некоторые из этих стихотворений остались в черновых вариантах и так и не были завершены.

Как уже было сказано, для Ованеса Туманяна, всегда отличавшегося своими миролюбивым характером и ставившего человеческую жизнь превыше всего, революционные пути благоустройства и улучшения общественно-политической жизни были неприемлемы, поскольку требовали крови, больших человеческих жертв. И поэтому ни одной из политических партий так и не удалось «заполучить» Туманяна, хотя подобные попытки предпринимались со стороны всех без исключения партий. О таком независимом, «надпартийном» поведении поэта свидетельствует социал-демократ Саркис Ханоян. Вместе с товарищами, разделявшими его идеи, он основал подпольную типографию. Как-то он пригласил Туманяна сотрудничать с нелегальной, подпольно издаваемой газетой «Свободная Армения». Даже не заручившись согласием поэта, он вписал его имя в список сотрудников газеты. А Туманян не пишет для газеты ни строчки и на бесконечные обращения и просьбы отвечает: «Я – всего лишь лирик, как я могу написать для вас нужное, подходящее для вашей газеты стихотворение?...»².

Непродолжительное время спустя газета закрывается – по причине ареста лидеров организации Сисака Тер-Симоняна, Степана Тер-Степаняна, Саркиса Ханояна и Ашота Хумаряна. Для Туманяна знакомство с членами социал-демократической организации также не остаётся без последствий. В 1895 г. во время обыска в доме

---

¹ См. сборник «Литературоведческие и филологические исследования», Ер., 2004, с. 32.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 390.

Ханояна сотрудники царской охраны обнаруживают фотографию поэта с дарственной надписью: «Дорогому Ханояну». Фотография оказывается в охранном отделении, где на Ованеса Туманяна заводится досье. Впоследствии, через десять с лишним лет, эта «мелочь» добавит дополнительный штрих к неблагонадёжности поэта и аукнется политическими преследованиями. В том же 1895 году, 7 сентября, подвергается аресту писатель Газарос Агаян.

«ЦИАЦАН» («РАДУГА»)

В 1898-1902 гг. Ованес Туманян посещает собрания подпольного ученического общества «Циацан» («Радуга») и выступает там с чтением лекций и докладов, уделяя особое внимание оценке творчества Хачатура Абовяна.

Ученическое общество «Радуга» было тайным по двум основным причинам. Во-первых, начиная с 1896 г. царское правительство закрывало армянские школы как рассадники национализма, а во-вторых, на собраниях общества кроме литературно-художественных тем, широко обсуждались также волнующие молодых людей социальные и политические темы, касающиеся Армянского вопроса и стремительно развивающегося в России революционного движения. Первым председателем общества «Радуга» был Степан Шаумян, а в 1899 г. его сменил родной брат Ваана Терьяна Арам Тер-Григорян. Маргар Аветисян в своих воспоминаниях свидетельствует, что Ов. Туманян принимал самое деятельное участие в тематических занятиях «Радуги» и приходил на общие собрания общества, проводившиеся два-три раза в год. «Высокий, с перекинутым через руку плащом, входил в зал – со смеющимися глазами, улыбчивым лицом, принося с собой дыхание воодушевления, радости и бодрости, которые заряжали всех. Сам Туманян был заряжён от юношеской обстановки, соединялся своими чувствами с этими «строящими воздушные замки юношами»¹.

Туманян читал лекции из истории армянской литературы основной группе общества, причём аудиторией для этих лекций была квартира поэта на улице Бейбутян, то есть та самая квартира, где вскоре будет основан знаменитый литературный салон «Вернатун». Конспекты лекций Туманяна о становлении нового периода армянской литературы были результатом исканий армянской литературной и эстетической мысли и впоследствии легли в основу тех материалов, которые воплотились в исследование «Наши поэты предыдущего периода» – одного из пяти фундаментальных исследо-

---

¹ Там же, с. 172.

ваний Туманяна. Для него это был первый опыт литературоведческого исследования.

Когда поэт на занятиях «Радуги» излагал историю армянской литературы, начиная со второй половины XIX столетия, ещё не было научной периодизации армянской литературы, не было исследования Лео «Востоочноармянская литература», не были написаны учебники Левона Манвеляна и Вртанеса Папазяна. Следовательно, историко-литературные лекции Туманяна и его незавершённое исследование «Наши поэты предыдущего периода» являются бесценными и программными образцами армянской литературной и художественно-эстетической мысли, поскольку в них с большой полнотой отразились историко-литературные и эстетические взгляды поэта.

Одним из основополагающих тезисов Туманяна было противопоставление патриотизма «чужеземных» поэтов, живших и творивших за пределами Армении, по тем или причинам оказавшихся на чужбине, лишённых возможности получать творческие импульсы от родной природы и родного народа («народ-изгнанник – литература-изгнанница»), к которым он относил, в частности, Рафаела Патканяна, Гевонда Алишана, Александра Цатуряна и Смбата Шахазиза, и патриотизма «отечественных» поэтов, питательной средой творчества которых была родная среда. К этой категории писателей Туманян относил Хачатура Абовяна, Перча Прошяна, Газароса Ага-яна, Габриела Сундукяна.

Несмотря на то, что такое разделение армянских писателей на «чужестранных» и «отечественных» вызвало в периодике тех лет оживлённые дискуссии и многим представлялось неверным или, во всяком случае, довольно спорным подходом, исследование Туманяна по сей день не утратило своей ценности и продолжает считаться в армянском литературоведении верно подмеченной, точно охарактеризованной и очень важной особенностью армянской литературы.

Современник поэта и постоянный слушатель его выступлений в обществе «Радуга» Маргар Аветисян в своих воспоминаниях свидетельствует: «Позднее это были скорее свободные беседы, нежели систематизированные лекции. Однако ни одно занятие не проходило столь оживлённо, и ни одна лекция не доставляла нам того удовольствия, которое доставляли беседы Туманяна. Мы просиживали по два-три часа, во многих случаях даже больше, и время проходило так, что нам казалось, что мы ещё только собираемся начинать, и с занятий мы уходили не уставшими, а ещё более освежёнными»¹.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 174.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1886-1899 гг.)

Первый период творческой деятельности Ованеса Туманяна (1886-1893 гг.) отличался своей большой плодотворностью. Сорок раз поэт выступил в армянской периодике со своими стихотворными публикациями. После того как в журнале «Ахбюр» было опубликовано стихотворение-предание «Солнце и луна», стихи Туманяна ещё дважды (в 1890, 1893 гг.) были опубликованы в том же «Ахбюре», три раза (в 1891, 1892, 1893 гг.) в журнале «Мурч», три раза (в 1891, 1892, 1893 гг.) – на страницах журнала «Тараз». С прозой дела обстояли значительно скромнее: поэт опубликовал только одно произведение – «Из голодных времён». Перед русскими читателями Туманян впервые предстал своей легендой «Ахтамар», которую перевёл Константин Бальмонт. Туманян выступил также в жанре литературной критики, опубликовав рецензии на книги молодых поэтов.

Первый период творческой деятельности поэта ознаменовался изданием его первых двух книг. Как уже отмечалось, оба поэтических сборника увидели свет в Москве – в 1890-м году (98 страниц) и 1892-м (161 страница). В 1893 г. в Тифлисе увидела свет книжка «Дашнаки», но она была распродана с такой молниеносной быстротой, что не сохранилось ни одного экземпляра ни в личной библиотеке поэта, ни в какой-либо другой библиотеке. Первые же сборники Туманяна нашли широкий отклик в литературной среде. Звучали преимущественно восторженные оценки, хотя были также критические, отрицательные рецензии – в основном тенденциозные, необоснованные и беспомощные в литературном отношении. Среди откликнувшихся литературных критиков были М. Абегян, Х. Манумян, Г. Арцруни, Л. Манвелян, Г. Агаян.

Что касается второго периода творческой деятельности Ованеса Туманяна (1893-1899 гг.), то он не был столь плодотворным. Этот относительный спад был обусловлен несколькими обстоятельствами. Армянская действительность всё больше и больше бурлила, обострившаяся социально-политическая обстановка не только отвлекала от литературного, творческого труда, но и не располагала к стихотворству. Нельзя сбрасывать со счетов и с каждым годом увеличивавшиеся семейные заботы Туманяна. Он продолжал жить в доме своего тестя, смотревшего на него свысока, как на приехавшего из деревни парня, который не в состоянии зарабатывать столько денег, чтобы прокормить быстро разрастающуюся семью. Между тестем и зятем велись бесконечные споры, были разногласия

по поводу отказа Туманяна принять священнический сан. Большим разочарованием для поэта было и отсутствие средств для продолжения образования.

Тем не менее, в указанные годы поэту удалось опубликовать отдельной книгой поэму «Лориец Сако», а также переиздать сборник «Дашнаки». Только за один 1894 год в литературном вестнике «Оризон» Туманян опубликовал семь своих произведений, причём четыре из них – прозаические. Это была сказка «Глупец», рассказы «Честь бедняка», «Горный пастух», «Из жизни героев». В эти же годы были написаны рассказы «Гикор» (1895), «Накануне» («О том, как пришла железная дорога») (1897), «Смерть оленя» (1898), «Медвежья охота» (1899) и другие.

В 1898 году Туманян пишет первые черновые отрывки поэмы «Тысячеголосый соловей», несколько небольших юмористических миниатюр, рассказ «Обманутая девушка». Все эти произведения остаются незавершёнными. И начиная со второго периода творческой деятельности, проза всегда соседствует с поэзией, её удельный вес значительно увеличивается.

Что касается публикаций Туманяна в журнале «Мурч», то после размолвки поэта с редактором Ав. Арасханяном и его ухода из редакции публикации эти, по понятным соображениям, прекратились.

В середине 1890-х гг. ещё больше упрочились связи Ованеса Туманяна с армянским театром, он стал завсегдатаем театральных представлений, в особенности, премьер. С одной стороны, значительно обогатился жизненный опыт поэта, с другой стороны, стали сказываться результаты его интенсивного самообразования. Он продолжает глубоко изучать как армянскую, так и мировую литературу, собирает фольклорный материал, который продолжает оставаться основой его многожанрового творчества.

Произведения Туманяна были включены в изданные в Москве антологические сборники «Армянские беллетристы» (1893 г., под редакцией Ю. Веселовского) и «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (1898 г.).

Начинают также издаваться художественные переводы Туманяна – из Байрона, Лермонтова, Гейне, Надсона, Некрасова, Мицкевича, Пушкина.

В эти годы Туманян добивается очевидных успехов и в жанре публицистики и литературной критики. Становится очевидно, что в армянской действительности появился талантливый, серьёзный публицист и литературный критик. В числе тринадцати опубликованных выступлений поэта особенно примечательными, бесспорно, являются очерк «В Борчалу» (1894 г.), рецензия «О шекспировском

«Гамлете» Ованеса Хан-Масеяна» (1896 г.), полемические статьи «Талант и бездарность» (1898 г.), «Из нашей литературной повседневности» (1899 г.) и другие.

В очерке «В Борчалу» поэт во всех подробностях показывает реальную картину, господствующую в сферах сельского хозяйства, образования; рисует вопиющий произвол и противоречия в социальной и правовой жизни. С одной стороны, роскошная, богатая природа – с другой стороны, бедственное, полное лишений, нищенское существование крестьянского населения. В очерке перед читателем предстаёт панорама деревенской жизни, герои которой – мировые судьи, торговцы, сельские старосты и т.д.

В эти годы среди литературных критиков произведений Ованеса Туманяна появляются новые известные имена – Ширванзаде, Лео и другие.

Второй период творческой деятельности Туманяна оказался довольно урожайным на баллады и легенды. Это были «Небо и земля» (1894 г.), «Проклятая невестка» (1898 г.), «Погос-Петрос» (1898 г.), «Орёл и дуб» (1898 г.), «Сирота» (1898 г.) и «Дикий голубь и мышь» (1899 г.).

Начиная с середины 1890-х гг. Туманян пробует себя в жанре драматургии. Примечательно, что всю свою сознательную жизнь он считал себя драматургом, хотя так и не написал ни одной законченной пьесы. Однажды он заметил: ««Гикор» я написал случайно. Я пишу прозу от случая к случаю... Я ведь не романист, я скорее драматург»¹. Эту же мысль он высказал по другому поводу: «**Я не писал драмы, но я драматург**»². Говоря это, Туманян не имел в виду свои драматургические опыты, которые дошли до нас фрагментарно, в виде черновых набросков. В 1890-м году он начал писать драму «Во мраке», которая осталась незавершённой. Приблизительно в это же время поэт делает черновые наброски к другой драме, которой дал условное, предварительное название «Одинокая девушка». К сожалению, не сохранилась рукопись исторической драмы «Артавазд Второй». В 1900-е годы поэт приступает к работе над другой исторической драмой – «Царь Ованес». И эта пьеса также остаётся незавершённой. В своих воспоминаниях Сергей Городецкий указывает, что Туманян работал над драмой «Амлик», сюжет которой взял из современной жизни.

Очевидно, ни одна из этих работ не удовлетворяла автора, причём настолько, что он не видел никаких перспектив и возможностей

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 123.

² Н. Туманян, «Туманян о театре», ж. «Хорурдаин арвест» («Советское искусство»), 1938, №1 (на арм. яз.).

для доработки и завершения начатых пьес. Поэт как-то признался, что он собственноручно уничтожил многие из своих несостоявшихся драматургических произведений.

Да, Ованесу Туманяну не суждено было стать драматургом, однако ему присуще было драматургическое мышление и видение мира. И это отразилось в его произведениях других жанров, где заметен явный отпечаток драматического подхода и мышления поэта. В этом отношении велика и непереоценима роль Уильяма Шекспира, который разбудил и развил в армянском поэте драматургическое видение исторических событий и явлений. И вовсе не случайно, что Туманян вознамерился написать трагедии на основе тех периодов истории армянского народа, когда судьбоносную, роковую и трагическую роль играли разобщённость, несогласованность армянских князей и феодалов – нахараров. В статье «Об отрывке из Хоренаци «Сатеник возжелала...» Туманян признаётся: «В 1893 г. я задумал сплести что-нибудь из великих горестей нашего созидającego царя Арташеса Второго и страстей его старшего сына – завистливого Артавазда Второго. С этой целью я начал изучать перемешанную с легендами бурную историю семейной жизни Арташеса» (6, 18).

Неудовлетворённость Туманяна своими драматургическими опытами и его отказ от дальнейших попыток написать какую-нибудь пьесу был во многом обусловлен отношением поэта к Шекспиру. Туманян считал, что раз уж ты решил написать драму, то она непременно должна соответствовать уровню Шекспира, поскольку Шекспир «наделён страшной силой, глубиной, утончённостью. Он стихийен, это сама природа. В нём вы увидите все явления природы – и молнии, и ливень, и солнце, и море, и много чего ещё, но преобладает солнце. Шекспир – это сама вселенная. Знаете, какие у него пропасти и какие глубины?.. Он целостен, совершенен... он умеет проникать, умеет погружаться в глубины»¹. А такого высокого уровня, такого художественного совершенства в своих драматургических произведениях Туманян не видел.

О том значении, которое имело творчество Шекспира в его драматическом восприятии действительности, мы читаем в следующем признании Туманяна: «Хотя я пока ещё не написал ни одной драмы, однако драма в стихотворении является моей любимой формой, – пишет Туманян и продолжает: – И мне кажется, что у меня есть призвание драматурга. Возможно, это иллюзия. Это Шекспир так меня околдовал»(5, 232).

В драме «Артавазд Второй» царю Арташесу Второму противо-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 215.

поставлялся его злонравный и злоречивый сын Артавазд Второй. Интерес к сюжетной коллизии исторической драмы имел вполне реальные, жизненные импульсы. Если в образе Арташеса был воплощён отец самого Туманяна Тер-Тадевос, то образу Артавазда должны были соответствовать те неблагодарные, бесчувственные и бессердечные односельчане, которые, отплатив чёрным злом за все его добрые дела, отобрали принадлежавшие сельскому священнику земельные наделы.

К сожалению, этот драматургический замысел остался незавершённым, в противном случае армянская литература обогатилась бы персонажем, обобщающим чёрную человеческую неблагодарность. Этот литературный герой вполне мог бы дополнить собой ряд других непреходящих, вечно живущих образов, таких, как Храбрый Назар, Фанос-Неудачник, Кикос, Базаз Артем и другие.

В 1892 году в издательском доме газеты «Нор Дар» Ованес Туманян встречается с писателем Нар-Доса, и они начинают делиться друг с другом своими творческими планами. «Однажды, – рассказывает современник Туманяна Врен Ташраци, – Ованес в присутствии Нар-Доса и меня прочитал первые картины своей недавно начатой драмы «Артавазд Второй»... Показалось, что перед нами стоит Шекспир и читает своего «Ричарда Третьего», потому что он написал а-ля Шекспир»¹.

В 1890-е годы поэт пробует свои силы и в жанре романа. Он начинает работу над романом «Во мраке» (так называлась и его незавершённая драма на современную тематику). Главным героем романа должен был стать сельский учитель Сурен, который боролся за попираемые человеческие права крестьян, отстаивал их интересы и пытался спасти от алчных и ненасытных угнетателей, сельских богачей. Заметим, что Туманян довольно часто затрагивал тему противостояния творческой, мыслящей личности суровой действительности.

***

После женитьбы Туманяну приходилось нелегко. В 1899 году тридцатилетний поэт уже был отцом семерых детей. Растущие со дня на день расходы на семейные нужды увеличивали его долги. В 1898 г. Туманян пишет: «Подсчитал прошлые долги, увидел, что число кредиторов давно уже перешло за пятьдесят. На каждой улице у меня есть кредитор, и повсюду мне приходится менять дорогу, избегая встреч» (9, 197-198). Конечно, тесть поэта, у которого он проживал вместе со своей семьёй вплоть до 1898 года, помогал ему,

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 298.

однако при этом без конца «пилил» его, настоятельно требовал, чтобы он занялся каким-нибудь серьёзным делом. Споры и разногласия носили постоянный характер, и ситуация становилась невыносимой. Туманян не выносил, когда кто-либо пытался давить на него, навязывать ему своё мнение. Жене поэта Ольге также приходилось нелегко, потому что она оказывалась между молотом и наковальней, и ей нужно было улаживать конфликтные ситуации. Споры Туманяна с женой стали частыми и неизбежными. В конце концов в феврале 1898 г. поэт принимает окончательное решение о выселении из дома тестя – «с большим шумом и взаимными упрёками»¹ и переезжает в 144-ю квартиру одного из домов на улице Елизаветская. В новую квартиру Туманян с семьёй перебирается как раз в те самые дни, когда до него доходит весть о смерти отца. Теперь уже он не только не мог рассчитывать на какую-либо помощь из Дсеха, но и оказался вынужден по мере сил и возможностей помогать родным, участвовать в судебных разбирательствах, связанных с возвращением их дедовских земельных участков, для чего ему пришлось на протяжении сорока дней искать поручителя, чтобы занять деньги в банке². Эта унижительная бюрократическая волокита воспринималась поэтом как издевательство, как личная трагедия. «К каким только людям я не обращался, с какими только отказами я не сталкивался... Но ведь я же поэт, я получаю пенсию от народа; почему я не пишу? Почему не печатаюсь? Почему я замолчал?.. Писатель пишет не рукой, из его воображения будут выдворены самые различные тайны, поскольку в нём вперемешку копошатся 57 кредиторов, поскольку его уши не свободны от шума требований, ни на одно из которых он не в состоянии ответить...»³.

Как и всех выдающихся творческих деятелей, Туманяна окружали, с одной стороны, мелочные, малодушные, завистливые, недоброжелательные и недалёкие люди, а с другой – добрые, понимающие благотворители и меценаты. В те самые дни, когда в Баку решался вопрос о повышении пенсии Туманяна до 450 рублей, некто, о ком поэт знал, но так и не предал гласности, будучи прекрасно осведомлённым о весьма затруднительном, бедственном положении поэта, решил помешать, заявив на совете Бакинского Гуманитарного общества, что Туманян является «обеспеченным человеком и не нуждается в пособии»⁴. С другой стороны, в этот же период Туманян три месяца подряд получает по десять рублей в закле-

---

¹ Там же, с. 197.

² Там же, с. 198.

³ Там же, с. 198-199.

⁴ Там же, с. 199.

енном конверте от анонимного благотворителя.

Трудные годы, полные лишений и забот о большой семье, не могли не сказаться на физическом состоянии поэта. К концу 1890-х годов вместе с большой усталостью Туманян ощущает также физическую истощённость. «Если так будет продолжаться, то мне не будут нужны ни помощь, ни благословение»¹.

Таким образом, противоречия между писателем и обществом, окружающей средой, душевные страдания поэта сыграли решающую роль в том, что целый ряд его творческих начинаний и проектов так и остался нереализованным. Тем не менее, 1890-е годы констатировали не прекращавшиеся творческие искания поэта на пути своего духовного развития, благодаря которым армянская литература обогатилась непреходящими художественными ценностями.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ЧЕТВЕРГИ»

В 90-е годы XIX в. круг литературных друзей и близких знакомых поэта значительно расширился. В 1897-1898 гг. княгиня Мариам Туманян, известная своей беззаветной любовью к литературе и очень высоко ценившая творчество Ованеса Туманяна, инициирует проведение литературных бесед, которые приобретают определённую периодичность и получают название «Четвергов».

Постоянными участниками этих литературных бесед были сама княгиня Мариам Туманян, Ованес Туманян, Филиппос Вартазарян, Аристакеc Заргарян и Левон Шант. Литературные вечера – «Четверги» – проводились в доме княгини².

На литературных «Четвергах» обсуждались произведения известных армянских писателей эпохи, подвергались строгой, иногда даже беспощадной критике сочинения самих участников этих встреч, в частности, драматургические и прозаические произведения Аристакеcа Заргаряна³.

Кроме литературных чтений, обсуждений и дискуссий, на «Четвергах» нередко обсуждались самые разные национальные, общественно-политические вопросы, актуальные проблемы культуры и искусства. В числе этих вопросов был также вопрос о создании Общества армянских писателей.

Обычно эти литературные вечера начинались так: княгиня Мариам приглашала всех своих гостей в гостиную, где угощала их

---

¹ Там же, с. 200.

² Мариам Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 98 (на арм. яз.).

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 470.

чаем, затем все направлялись в зал, где и проходила литературная часть встречи. Человеческому фактору здесь отводилось важное место: все пять членов этого литературного салона были связаны друг с другом самыми искренними, тёплыми, дружескими отношениями, уважали друг друга и спешили на взаимовыручку.

Литературные «Четверги» княгини Мариам Туманян продолжались до 1903 г. К этому времени значительно большую известность и славу приобрёл другой литературный салон, который начал функционировать в доме Ованеса Туманяна. Более того, после создания «Вернатуна» дом поэта стал, по словам Дереника Демирчяна, «новым центром литературного движения»¹.

«ВЕРНАТУН»

1899-1904-е годы были, пожалуй, самыми счастливыми, самыми плодотворными годами в жизни Ованеса Туманяна. Этот не столь продолжительный отрезок времени можно условно назвать периодом «Вернатуна». Период этот стал одной из самых прекрасных страниц в истории армянской литературы и искусства первого десятилетия двадцатого века. Создание литературного кружка «Вернатун» стало ещё одним подтверждением того непреложного факта, что в 1900-е годы именно вокруг Ованеса Туманяна централизовалось новое литературное движение. Это был период, когда в армянской литературе, особенно в области поэзии, был достигнут высочайший и непревзойдённый уровень. Трудно даже представить одновременное появление стольких выдающихся представителей армянской литературно-художественной и критической мысли, стольких талантливых поэтов, прозаиков и драматургов в расцвете творческих сил. Это Ованес Туманян, Левон Шант, Аветик Исаакян, Дереник Демирчян, Аветис Агаронян, Мисак Мецаренц, Даниел Варужан, Сиаманто, Рубен Севак, Ваан Терьян... То, что все эти великие деятели армянской литературы оказались современниками, кажется не только удивительным, но и невероятным явлением. У такого чуда, однако, есть и своё объяснение: оно было следствием беспрецедентного пробуждения национального самосознания. Начался бурный расцвет армянской культуры, литературы, искусства. Невиданные до того времени успехи были достигнуты в самых разных областях искусства, в частности, в музыке – в лице Комитаса и Армена Тиграняна, архитектуре и зодчестве – в лице Тороса Тороманяна, в живописи – в лице Мартироса Сарьяна, в театральном искусстве – в лице Ваграма Папазяна и др. Словно идя навстречу

---

¹ Д. Демирчян, Собр. соч. в 14 тт., т. 12, с. 172 (на арм. яз.).

инстинкту самосохранения и воле выживания армянского народа, природа позаботилась о том, чтобы заблаговременно сформировать золотой век армянской культуры и искусства и тем самым обеспечить моральную победу многострадального народа в его неравной борьбе и сделать бесспорным и несомненным его право на существование.

Как уже отмечалось, осенью 1899 г. Ованес Туманян вместе с семьёй перебрался из дома тестя в свою новую квартиру, которая располагалась во дворе врача Кочаряна, на улице Бейбутян. Первоначально семья поэта занимала пятидесятую квартиру, а затем переехала в сорок четвёртую, где проживала вплоть до 1909 г. Дом находился напротив Ботанического сада и неподалёку от гор святого Давида. Квартира Туманяна располагалась на самом верхнем, пятом этаже, была с обеих сторон окружена небольшим садом. В квартире имелась также большая веранда, выходившая на сад и на склон горы. Комната «Вернатуна» была меблирована довольно скромно: кроме личной библиотеки поэта, здесь был небольшой стол и одна тахта. Литературные вечера, однако, чаще всего проводились в зале, который представлял собой обычную комнату, но побольше, и из веранды которой можно было прыгнуть непосредственно на горный склон и по скалам взобраться на вершину горы. «Так что мы находимся по соседству с природой, хотя и дикой», – вспоминал Левон Шант¹.

Литературная группа «Вернатун» была создана в первых числах декабря 1899 года. В её состав входили шесть участников, все они были известными армянскими писателями и литературными деятелями, критиками. Все они без исключения обеспечили себе достойное и особое место в истории армянской культуры и литературы. Это Газарос Агаян, Ованес Туманян, Левон Шант, Никол Агбальян, Аветик Исаакян и Дереник Демирчян. Самым старшим среди участников «Вернатуна», «патриархом» группы был Г. Агаян, которому было под шестьдесят, Туманяну и Шанту – по тридцати, Н. Агбальяну было 26 лет, Ав. Исаакяну – 24 года, а самому младшему, Д. Демирчяну – всего лишь 22. Они были молоды, полны сил, энергии и благородной решимости совершенствовать своё литературное дарование и мастерство, чтобы поднять на новый уровень всю армянскую национальную культуру. С этой целью они и собирались под крышей дома Ованеса Туманяна. До этого в армянской действительности не было ни одной литературной группы, в состав которой входили такие талантливые, выдающиеся личности, такие крупные индивидуальности, имеющие, к тому же, самый высокий

---

¹ Журнал «Айреник» (1922-1970), Бостон, 1960, №4, с. 25 (на арм. яз.).

человеческий облик. Думается, не будет преувеличением сказать, что практически все шесть членов «Вернатуна» были живыми классиками армянской литературы и литературной критики.

Почему этому литературному кружку, основанному «поздним вечером, после ужина»¹, дали название «Вернатун» (дословно «Верхний этаж»)? Ведь квартира Туманяна находилась на самом верхнем, и чтобы добраться до неё, необходимо было преодолеть ровно 102 ступени. Дереник Демирчян отмечал, что название это ассоциировалось с тем «верхним домом», где собирались ученики Иисуса Христа, чтобы «получить благодать от святого духа»².

Одним словом, в названии «Вернатун» участники литературного кружка увидели какое-то внутреннее духовное содержание, не лишённое таинства; они увидели в нём связь, перекличку с «Деяниями апостолов». К тому же это название имело определённые точки соприкосновения со студенческим кружком А. Герцена «Тайная вечеря».

Название «Вернатун» было всеми воспринято как очень удачная находка, и связывалось оно ещё и со стремлением участников кружка идти вперёд, к совершенству, то есть «вверх», «ввысь», что собственно и означало слово «Вернатун». Поэтому название литературного кружка сразу же получило гражданство и было принято не только в узких литературных кругах, но и всей широкой общественностью.

Именно Ованес Туманян стал лидером, центростремительной силой нового литературного движения и «Вернатуна». По выражению Дереника Демирчяна, он был «движущей силой», «фокусом» кружка³. Члены «Вернатуна» называли себя «вернаканами», а также «вернатунянами». Все они были уже достаточно известными, проявившими себя писателями, литераторами; они взаимодополняли друг друга, поэтому между ними сложились гармоничные отношения. Среди них было три дашнака (Н. Агбалян, Л. Шант, Ав, Исаакян), один гнчакян (Г. Агаян), один беспартийный (Д. Демирчян) и один «надпартийный» (Ов. Туманян). Однако между ними никогда не возникало разногласий партийного, идеологического характера, и вместе они являли собой единую, целостную силу и мощь армянской земли, мудрость армянского народа и богатство армянского языка. Они придерживались единого мнения о роли литературы в жизни общества, были против любых проявлений узконационалистического подхода и взгляда на те или иные явления.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 24.

² Там же.

³ Демирчян Д., Собр. Соч. в 14 тт., Ер., (1976-1987), т. 12, Ер., 1985, с. 170 (на арм. яз.).

Эти счастливые, блаженные годы выпали на первое десятилетие двадцатого века, когда один или два раза в неделю, преимущественно по четвергам и субботам, члены литературного кружка собирались «в доме самого гостеприимного армянина»¹. При этом они предварительно договаривались о теме очередной встречи. Вечера в «Вернатуне» стали для всех его участников самым настоящим университетом жизни. Члены кружка стремились переосмыслить и переоценить наследие своих предшественников, развивать традиции армянской классической литературы, пытались поднять роль фольклора, анализировали и обсуждали проблемы народности литературы, взаимосвязей между писателем и критикой, вопросы литератур разных народов, вопросы теории, методологические вопросы истории мировой культуры, искусства и литературы. Разумеется, большое и особое внимание уделялось задачам современной литературной жизни.

На вечерах «Вернатуна», конечно, обсуждались также произведения самих участников литературного кружка. Ованес Туманян придавал особо важное значение мнению своих товарищей по перу. Такие обсуждения они называли «литературными судами». Туманян больше, чем кто-либо другой, любил делиться своими мыслями и искренне считал, что для развития любого писателя, любой творческой личности очень важным фактором является взаимосвязь и общение с другими писателями, с любителями словесности. Без этого, по его убеждению, не могла нормально развиваться и прогрессировать ни одна литература. По меткому замечанию Д. Демирчяна, «Туманян сочинял свои произведения публично, каким-то коллективным образом»².

Литературные дискуссии завязывались также вокруг тех произведений членов кружка, которые ещё не были написаны и находились в стадии творческого замысла. Так, впервые именно в «Вернатуне» были обсуждены черновые наброски драмы Л.Шанта «Для другого», произведение Д. Демирчяна «Призрак жизни», поэма Ов. Туманяна «Тысячеголосый соловей» и т.д. Благодаря этим обстоятельным обсуждениям получали новые стимулы и импульсы творческие задумки участников группы, расширялось их взаимодействие и взаимовлияние. Близкие дружественные взаимоотношения не становились помехой для справедливой, непредвзятой, а в случае необходимости, и довольно жёсткой, принципиальной и строгой критики. Однако в любом случае даже самая строгая и суровая критика была доброжелательной и руководствовалась интересами как об-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 24.

² Там же, с. 44.

суждаемого произведения и его автора, так и всей армянской литературы.

Забегая немного вперёд, скажем, что именно на этих литературных обсуждениях «Вернатуна» получил своё «боевое крещение» самый талантливый представитель нового поколения армянских поэтов – Ваан Терьян, который представил свои первые стихотворные опыты на суд Ованеса Туманяна.

Переосмысливая и переоценивая ценности прошлого, произведения своих близких и далёких предшественников, участники литературного салона «Вернатун» придавали большую роль национальному духу и содержанию искусства, единству писателя и его родины. Туманян писал: «Выросший на чужбине одинокий цветок не может иметь дыхания своей страны; человек, не видевший своей страны, не может дать реального образа этой страны» (6, 532).

Члены «Вернатуна» анализировали народное творчество, в частности, эпос «Давид Сасунский», а также русские былины, сербский эпос, и при этом восхищались «искренними произведениями народов»¹. На собраниях «Вернатуна», во время долгих и обстоятельных обсуждений важнейших литературных проблем, с самой лучшей стороны проявились художественно-эстетические вкусы, интересы и пристрастия Ованеса Туманяна. Он очень высоко отзывался о творчестве Саят-Новы, Раффи, Хачатура Абовяна, глубоко анализируя их произведения и давая им при этом весьма точную оценку.

О том огромном и неослабевающем интересе, который члены «Вернатуна» проявляли в отношении классиков мировой литературы, следует сказать несколько подробнее. Они не только не скрывали своей искренней любви и обожания к этим великим писателям прошлого, но и считали их своими учителями и предшественниками, учились у них и старались быть похожими на них. При этом в центре внимания членов кружка были как восточные, так и западные классики. Тома собраний сочинений Гёте и Пушкина получили «постоянную прописку» на письменном столе Ованеса Туманяна, на столе его они находились и в тот самый день, когда поэт в последний раз попрощался со своим рабочим кабинетом и уехал лечиться в Москву, прекрасно сознавая при этом, что болезнь его неизлечима.

Каждую субботу на занятиях литературного кружка в обязательном порядке обсуждались произведения какого-либо древнегреческого писателя – Гомера, Софокла, Эврипида, Эсхила, Аристофана, Платона. Культ древнегреческого искусства ощущался даже в том, что вдоль всей стены кабинета Туманяна, начинавшейся ещё с

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 11.

веранды, были размещены изображения Зевса, Геры, Аполлона, Венеры Милосской. Отдав должное древнегреческой литературе, мифологии, философской мысли и искусству, члены «Вернатуна» перешли к изучению художественного наследия Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гейне, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Сервантеса, Беранже, Мицкевича и других. «Вернатунцев», по их собственному признанию, в произведениях классиков особенно привлекали высокий гуманизм, стремление к совершенству, к вершинам художественной выразительности, народность звучания, общечеловеческая значимость затронутых проблем. Самого пристального внимания удостоились «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Гамлет» Шекспира, «Пан Тадеуш» Мицкевича, «Фауст» Гёте. Воодушевлённые классиками, члены «Вернатуна» в шутку переняли также их имена. Так, Ованес Туманян был Шекспиром «Вернатуна», поскольку был самым большим почитателем английского драматурга и таким же многодетным. Никол Агбалян был Брандесом, Дереник Демирчян – Байроном, Левон Шант – Гейне, Аветик Исаакян – Ницше. А Газароса Агаяна, который был значительно старше всех остальных «вернатунцев», почтительно называли «Наапетом», то есть «Патриархом»¹.

У некоторых членов салона со временем появились и вторые шуточные прозвища. Так, Никола Агбаляна – Брандеса – называли ещё и «Хилон Хилоницес», к Аветику Исаакяну – Ницше – прикрепились другое прозвище – «Гёте»². Шанта-Гейне называли ещё и «Ибсен», вторым прозвищем Демирчяна-Байрона стало прозвище «Шиллер»³.

И только Ованес Туманян всегда оставался «Шекспиром»: никакое другое прозвище к нему не приставало. Примечательно, что отношение к творчеству великого английского драматурга являлось для армянского поэта мерилем определения степени развитости той или иной нации. «Если какой-то народ не переводит Шекспира, значит, этот народ невежественный, если не понимает, значит – недоразвитый, если какой-то язык не подходит ему, значит, этот язык бессилён», – пишет поэт (6, 54).

Из всех произведений Шекспира Туманян отдавал явное предпочтение «Гамлету». По убеждению Дереника Демирчяна, в том, что Туманян так сильно любил Шекспира, а из его пьес – именно эту трагедию, несомненную роль сыграл актёр Петрос Адамян⁴.

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 178-179.

² Д. Демирчян, Собр.соч. в 14 тт., т. 12, с. 172.

³ Ов. Туманян, Исследования и публикации, т. 3, Ер., 1983, с. 392.

⁴ Д. Демирчян, Собр.соч. в 14 тт., т. 14, Ер. 1987, с. 244 (на арм. яз.).

Литературные беседы «Вернатуна» носили довольно продолжительный характер и обычно заканчивались далеко за полночь; нередко гости расходились в три часа утра. Очень часто случалось, что они оставались ночевать в доме поэта. А затягивались встречи не только потому, что обсуждаемые темы были интересными и захватывающими и участникам кружка было что сказать друг другу, но и потому, что у этих мероприятий кроме литературной части, была ещё и вторая часть – «застольная». В весёлой и непринуждённой обстановке гости ужинали, пировали, причём ужин сопровождался песнями и танцами. Затем напоследок гостей угощали чаем. К сказанному остаётся добавить, что во второй, «застольной», «художественно-музыкальной» части вечеров принимали участие не только члены кружка, но и многочисленные любители словесности, завсегдатаи этих вечеров. Гостей женского пола шутливо называли «вернанушами». На столе частым десертом были восточные сладости, кишмиш вперемешку с поджаренным горохом, так называемый «кишмиш-лаблабу». И этому блюду также досталось шутливое название – «вернаатик»¹.

Во время застольных пирушек Туманян рассказывал анекдоты, а их у него был неиссякаемый запас. Часто вспоминались забавные случаи из жизни писателей и людей, связанных с литературой. Газарос Агаян пел «Кёр-оглы», Никол Агбальян – песни Саят-Новы. Нередко пели все вместе, хором. Дереник Демирчян играл на скрипке.

Гости «Вернатуна» далеко не всегда оставались пассивными наблюдателями и слушателями этих спонтанных вечеринок. Так, актёр Карапет Галфаян очень часто выступал с чтением шекспировских монологов. В своих воспоминаниях Исаакян пишет, что на него особенно сильное впечатление произвёл и запомнился монолог короля Лира.

На вечерах «Вернатуна» доминировали шутки, юмор, добродушная обстановка и хорошее настроение. После серьёзных литературных дискуссий и обмена мнениями члены «Вернатуна» нередко развлекались составлением пародий и дружеских шаржей друг на друга, рисовали карикатурные рисунки. Здесь больше других преуспевал Дереник Демирчян. «...Я рисовал карикатуры на разных личностей... Туманяну это очень нравилось», – вспоминает он². Столь же часто «вернатунцы» подшучивали друг над другом в стихотворных экспромтах³.

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 14.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 29.

³ Подробнее об этом см. С. Ованесян, История жизни и творчества Ованеса Ту-

Несмотря на то, что эти стихотворные шутки стали для членов литературного кружка своеобразной формой общения друг с другом, они таили в своей глубине ту тёплую дружескую любовь, которая объединяла их всех, делала их более уверенными в себе, в своих силах. Любая преграда, любое препятствие и трудность становились вполне преодолимыми. В одном таком шуточном стихотворном экспромте Никол Агбалян выражает уверенность, что «Вернатун» всегда и везде подоспеет им на помощь, что бы ни случилось. Для «вернатунцев» эти экспромты были дружеской, очень непосредственной формой общения, обращения друг ко другу. По какому-то поводу Ов. Туманян написал: «Есть... мощное утешение в нашей суровой жизни... это высокие взаимоотношения и нескончаемая любовь друзей-писателей» (6, 336).

Литературный кружок «Вернатун» как раз и стал наилучшим выражением и воплощением таких «высоких взаимоотношений» и «нескончаемой любви» армянских писателей, его участников. По определению Д. Демирчяна, «это был сплочённый и исключительный коллектив людей искусства и литературы, опирающийся на одни и те же интересы и стремления»¹. И действительно, «Вернатун» был коллективом близких друзей-единомышленников, был семьёй, в которой царила обстановка самых искренних человеческих отношений.

Члены кружка оказывали вполне реальную помощь и поддержку каждому оказавшемуся в нужде товарищу, где бы он ни был. Так, Газарос Агаян, а затем и Ованес Туманян протянули руку помощи Николу Агбаляну, когда тот находился в Петербурге в крайне тяжёлом материальном положении. Как правило, первым откликнулся на просьбы о помощи Ов. Туманян, хотя ему самому приходилось очень непросто... Он едва сводил концы с концами, к тому же у него к тому времени было больше полусотни кредиторов.

Вместо запрошенных Н. Агбаляном тридцати франков Туманян, прекрасно представляя бедственное положение друга, посылает в Петербург 80 франков – в качестве подарка. Агбалян, в свою очередь, отказывается принять такой щедрый дар. Между двумя друзьями-«вернатунцами» завязывается оживлённая переписка, эпистолярная дискуссия, в которой каждый из участников пытается уговорить другого, убедить в своей правоте. Чтобы выполнить «долг своей души», Агбалян прибегает к небольшой уловке, сославшись на ещё более бедственное финансовое положение другого члена кружка. Он обращается к Туманяну со следующей просьбой:

маняна (1900-1912 гг.), Ер., 2012, с. 48-59 (на арм. яз.).

¹ Д. Демирчян, Собр. Соч. в 14 тт., т. 12, с. 171.

«Возьми в редакции причитающиеся мне деньги, и если не хочешь вычестить их из моего долга, то пошли Деро (Деренику Демирчяну – С.О.) от своего имени»¹. И Туманян, разумеется, посылает Демирчяну эти деньги, но только не от своего имени, а от имени «Вернатуна» и конкретно Никола Агбаляна. Самый младший член кружка Д. Демирчян, в свою очередь, не сразу соглашается принять такую помощь. В письме к Туманяну (июль 1902 г.) он спрашивает: «...Откуда эти деньги? Если от тебя, то не нужно, потому что ты и сам нуждаешься в деньгах»².

Забегаю немного вперёд, заметим, что когда Дереник Демирчян находился в Швейцарии, Туманян навестил его семью и отдал деньги сыну писателя – якобы для того, чтобы ему купили игрушки, однако, как много лет спустя признается сестра Д. Демирчяна Варсеник, «и он это знал, и мы, что эти деньги были нужны нам на еду, на хлеб»³. Всегда, при любых обстоятельствах жизни Туманян, оказывая кому-нибудь помощь, старался сделать это очень тактично и незаметно, чтобы не поставить его в неловкое положение, не унижить его ненароком, не затронуть его гордости и человеческого достоинства. Тем более когда речь шла о членах его литературного салона.

Многие армянские писатели, литераторы, деятели культуры и искусства были частыми и даже постоянными гостями «Вернатуна», однако никто из них так и не получил «права на членство», потому что для этого необходимо было выдержать экзамен у всех «вернатунцев», причём не только своими заслугами, но и своими человеческими качествами, то есть своей добропорядочностью, честностью и принципиальностью. Только будучи высоко оценённым в качестве человека, тот или иной писатель или деятель культуры мог стать членом этой дружной литературной семьи. В декабре 1901 г., когда Туманян вознамерился расширить число членов «Вернатуна», он в письме поинтересовался мнением Л. Шанта на этот счёт. Последний ответил: «Я совершенно не знаю твоего кандидата «в качестве человека», поэтому свой голос оставляю исключительно на твоё усмотрение. Если он получит также голоса других товарищей, можете принять, но только будьте особенно внимательны к «человеку», одной образованности недостаточно»⁴.

Среди постоянных гостей «Вернатуна» были не только известные писатели эпохи, такие как Перч Прошян, Александр Ширван-

---

¹ Ов. Туманян, Исследования и публикации, т. 5, Ер., 1998, с. 386 (на арм. яз.).

² Д. Демирчян, Собр. Соч. в 14 тт., т. 14, с. 304.

³ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 15.

⁴ Ов. Туманян, Исследования и публикации, т. 4, Ер., 1998, с. 350 (на арм. яз.).

заде, Нар-Дос, Вртанес Папазян, Мурацан, но и не менее известные учёные, общественные деятели, представители культуры и искусства – композитор Комитас, художники Фанос Терлемезян и Геворк Башинджагян, историки Акоп Манандян и Лео, издатели-благотворители Степан Лисициан, Филиппос Вартазарян и княгиня Мариам Туманян, актёр Карапет Галфаян, видный деятель армянского национального движения начала XX столетия, деятель партии «Дашнакцутюн» Ованес Каджазнуни и многие другие.

Деятельность литературного кружка «Вернатун» продолжалась около семи лет и прекратилась в связи с тем, что его члены стали всё чаще отсутствовать, находясь за пределами Тифлиса, в зарубежных странах. В последние годы своей жизни Ованес Туманян с большой любовью и неизбывной тоской вспоминал годы деятельности «Вернатуна». В 1919 г. он говорил: «Хорошее было время, очень хорошая была среда: тёплая, родная, душевная... жаль, тех дней уже больше нет. Эх, славный был наш «Вернатун»... наши вечера... сколько мы собирались, спорили, ночи напролёт»¹.

Не только Туманян, но и все остальные члены «Вернатуна» с тоской вспоминали эти годы. Уже на закате жизни 80-летний Левон Шант признавался: «До сих пор с любовью и тоской вспоминаю эти тёплые вечера, проведённые с моими литературными друзьями»².

Впоследствии у Туманяна возникло намерение создать новый вариант «Вернатуна» в Армении, на родной земле. Он посоветовал Аветику Исаакяну вернуться в Армению, потому что «программы и мечты «Вернатуна» близки к осуществлению... хотя бы сейчас создадим наш «Вернатун» в нашей стране» (10, 396).

Нельзя не согласиться с утверждением современников Ованеса Туманяна о том, что при жизни поэта «Вернатун» никогда не прекращал своей деятельности, поскольку каждый день к нему в гости приходили и вели душевные творческие беседы знаменитые писатели, поэты, композиторы, художники, учёные, национально-политические деятели, – словом, лучшие представители армянской интеллигенции. Как замечает Г. Месян, «даже после закрытия «Вернатуна» дом поэта продолжал оставаться «Вернатуном»»³.

Литературный кружок «Вернатун» стал, пожалуй, самым известным литературным салоном в истории армянской литературы, армянской действительности. Стал легендой, преданием. Ни об одной другой просветительской, общественной или литературной группе не было написано столько статей, монографий, исследова-

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 184.

² Журнал «Айреник» («Родина»), Бостон, 1960, №4, с. 24.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 621.

ний, публикаций, воспоминаний и писем, ни одному другому литературному содружеству не было посвящено столько воодушевленных, вдохновенных стихотворений. «Вернатун» стал источником вдохновения и фактическим материалом для сотен литературно-художественных и даже журналистских, публицистических произведений.

Даже с высоты наших дней «Вернатун» воспринимается как оазис чистых, ничем не запятнанных человеческих отношений, как проявление душевной взаимосвязи выдающихся людей, как обитель, сокровищница неиссякаемой духовной пищи, благодаря которой наши лучшие писатели стали солью армянской земли, армянской действительности. Значимость этой духовной пищи, нравственной высоты союза, литературного содружества столь одарённых личностей была настолько велика, что переоценить её в формировании, становлении и взаимном обогащении членов кружка невозможно.

Столь же велика значимость «Вернатуна» для истории армянской литературы. О недостижимом уровне и историческом значении «Вернатуна» свидетельствуют не только современники Туманяна, но и все последующие поколения армянских писателей, передавая своё искреннее и безграничное восхищение грядущим векам. По словам Анаит Саинян, «о Вернатуне может мечтать каждое литературное поколение... Для того, чтобы у нас был свой «Вернатун», в нашей душе должен быть свой Туманян»¹.

---

¹ Журнал «Гарун», Ер., 2000, июнь, с. 17-18.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА. РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ ПОЭТА

Самыми близкими друзьями Ованеса Туманяна в писательской среде, конечно же, были члены его знаменитого литературного салона «Вернатун». Это Газарос Агаян, Левон Шант, Никол Агбалян, Аветик Исаакян, Дереник Демирчян. Прочными и добрыми дружескими отношениями поэт был связан также со многими другими видными армянскими и инонациональными писателями и деятелями культуры – Сиаманто, Ширванзаде, Вааном Терьяном, Иосебом Имедашвили, Сергеем Городецким, Валерием Брюсовым, Комитасом, Симоном Заваряном, полководцем Андраником и другими. Поэт был довольно близок и со своими покровителями и меценатами – Филиппосом Вартазаряном (Филипом), Католикосом всех армян Хримян Айриком, Аристакесом Заргаряном, княгиней Мариам Туманян. Самые искренние, тёплые отношения у поэта были с окружавшими его женщинами, более или менее известными представительницами армянской интеллигенции. Кроме упомянутой княгини Мариам Туманян, здесь следует назвать имена Дарьи Голошмян, Вари Хандамирян, Забел Есаян, Арменуи Тигранян, Анаис и других. О женском окружении Туманяна, о женщинах в его жизни мы расскажем позднее, поскольку каждая из них заслуживает отдельного исследования, возможно даже, отдельной монографии.

Почти все упоминавшиеся выше друзья и добрые знакомые поэта на много лет пережили его.

Человеческие, товарищеские отношения поэта с каждым из близко знавших его современников можно считать особенными и своеобразными. Каждый из них впоследствии счёл своим долгом написать подробные воспоминания о своих встречах с великим армянским поэтом и национальным деятелем. Иначе и быть не могло: ведь при жизни своей поэт дарил своему окружению добро и свет, дарил свою светлую и лучезарную улыбку, которую нельзя было забыть. Можно со всей уверенностью утверждать, что с безвременной кончиной поэта его присутствие в жизни родных и близких, литературных друзей и просто знавших его людей не прекратилось. Он продолжал беседовать с ними языком своих произведений, своего богатого литературного наследия.

ГАЗАРОС АГАЯН

Патриарх нового периода армянской литературы Газарос Агаян занимал в жизни Ованеса Туманяна совершенно особое место. Более того, дружба Туманяна и Агаяна представляет собой исключительное явление во всей истории армянской литературы. Дружба эта, насчитывавшая более двадцати лет (с 1889 по 1911 гг.), выдержала многочисленные испытания на прочность, прошла через многие трудности, преодолела не одно препятствие. Писатели дружили семьями, поскольку близкие и тёплые отношения сложились также между их жёнами, Ольгой Туманян и Натальей Агаян, и их детьми. По утверждению Мушега Агаяна, «Агаян и Туманян жили одним домом, они были одной семьёй»¹.

Очень много общих черт и особенностей было как в личной и семейной жизни этих двух писателей, так и в их быту, в образе, укладе их жизни. Много сходства было также в их человеческом облике, в их мировосприятии, интересах, пристрастиях и литературных вкусах. Видимо, это и сыграло решающую роль в том, что они подружились, когда Туманяну было всего двадцать лет, а Газаросу Агаяну, к тому времени уже широко известному армянскому писателю, живому классику, – сорок девять. Они были одновременно и близкими друзьями, и отцом и сыном, и родственными душами, у которых были тождественные стили, одинаковые, налагающиеся друг на друга житейские заботы и проблемы, и даже схожий образ мыслей. Литературовед Арсен Тертерян сравнивал эту дружбу с дружбой Мартина Лютера Кинга и его соратника Филиппа Меланхтона, Иоганна Вольфганга Гёте и Фридриха Шиллера.

Ованес Туманян и Газарос Агаян познакомились в 1889 г. в редакции журнала «Ахбюр» («Родник»). С первых же минут знакомства Агаян на правах старшего по возрасту писателя проявляет отеческую заботу о молодом, но уже заявившем о себе поэте². Об этой знаменательной встрече Ольга Туманян рассказывает так: «Однажды он (Ов. Туманян – С.О.) пришёл домой в хорошем настроении и начал с воодушевлением рассказывать, как он в редакции журнала «Ахбюр» познакомился с Газаросом Агаяном. Это знакомство скоро переросло во взаимную симпатию, затем в дружбу, которая продолжалась вплоть до смерти Агаяна»³.

Агаян дал высокую оценку юношескому произведению Туманяна «Солнце и луна» и посоветовал опубликовать его в перио-

¹ «Газарос Агаян в воспоминаниях современников», Ер., 1967, с. 381 (на арм. яз.).

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 333.

³ Там же.

дикое. Его поощрительные слова сыграли свою роль в первой публикации Туманяна¹. Можно привести бесчисленное множество примеров трогательной, поистине отеческой заботы Агаяна о своём младшем друге и собрате по перу. Каждый раз видя Туманяна в нужде, он предлагал свою помощь и при этом говорил: «То, что ты считаешь моим, можешь считать и своим, и смело трать, будь то деньги на книги, либо на что-то ещё. И не говори, что должен мне, а если скажешь – значит, ты тоже нехороший человек... Не бери в голову и будь весел, никогда не отчаивайся»². Когда в 1898 г. бакинское Армянское гуманитарное общество приняло решение увеличить денежное пособие для Агаяна и Ширванзаде и при этом не распространило это решение на Туманяна, Агаян искренне опечалился. Он обратился с письмом к члену гуманитарного общества Аствацатуру Качкачяну, пытаясь разъяснить ему, насколько велика одарённость его поэтического собрата. «Туманянец значительно выше всех остальных», – пишет он в письме³. Современники отмечали, что Агаян «ликовал, восхищался величиной таланта Туманяна»⁴. Впервые ознакомившись с поэмой Туманяна «В беспредельность» в 1898 г., он, не скрывая своего восторга, говорит Туманяну: «Ты написал, но ты и сам не знаешь, что именно ты написал»⁵. Когда Ованес Туманян читал вслух свою поэму «Ануш» и дошёл до плача матери Саро, Агаян начал горько рыдать, подобно ребёнку, и сказал: «Эй, Ованес-джан, что это ты сделал!.. Скорбь матери над телом пастуха Саро напомнила мне скорбь шекспировского короля Лира над телом своей задушенной верной дочери Корделии»⁶.

Ованес Туманян, в свою очередь, относился к Агаяну с такой же заботой и нежностью. Он также не жалел сил и стараний, чтобы привлечь внимание общественности на нелёгкую судьбу и тяжёлое материальное положение своего старшего друга.

Как уже отмечалось, Туманян и Агаян были связаны друг с другом телепатической связью. Для Туманяна смерть Агаяна в 1911 году оказалась второй тяжёлой потерей в жизни – после смерти отца в 1892 году. После смерти Агаяна ответственность Туманяна за семью старшего друга возросла. Жена Агаяна Наталья вплоть до своей

---

¹ Подробнее об этом см. в монографии **Арама Инджикяна** «Ованес Туманян, жизнь и творчество, 1869-1899», Ер., 1969, с. 238-240. См. также: «Туманян в воспоминаниях современников», с. 289.

² **Г. Агаян**, Собр. соч. в 4 тт., т. 4, с. 565-566.

³ Там же, с. 552-553.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 299.

⁵ **Н. Туманян**, «Воспоминания и беседы», с. 168.

⁶ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 299.

смерти в 1918 г. в самые трудные, отчаянные моменты жизни обращалась за помощью к Туманяну.

Обычно Туманян очень редко писал аналитические статьи и рецензии о своих собратях по перу, не давал публичных оценок их творчеству. И это вызывало у некоторых из них недовольство и затаённую обиду. Но и в этом смысле Газарос Агаян оказался исключением. Во всяком случае, в период с 1902 по 1921 год Туманян посвятил Агаяну одно стихотворение и семь статей.

Несколько месяцев спустя после смерти Агаяна, а точнее – 28 октября 1911 года Туманян обращается к творческой интеллигенции и общественности с публичным призывом учредить литературный фонд имени Газароса Агаяна, однако эта его идея так и остаётся неосуществлённой. Затем поэт решил осуществить одно из самых заветных желаний своего друга – издать полное собрание его сочинений. В статье «Печальное воспоминание», опубликованной 20 июня 1912 г., Туманян признаётся, что Агаян, «каким бы он ни был любимым как деятель, был в тысячу раз дороже как друг, и каким бы одарённым ни был как творец, был несравненно выше как творение. Он был одним из удачных и ярких творений Бога» (6, 361).

Газарос Агаян являлся очень важной, нераздельной частью жизни Ованеса Туманяна и сыграл в ней свою огромную роль, участвуя во всех больших и малых событиях его жизни, деля с ним и радости, и печали. Личная и литературная земная дружба этих выдающихся детских писателей является одной из самых ярких страниц в истории армянской литературы. На протяжении двенадцати лет, прожитых Туманяном после смерти своего старшего друга, поэт всегда хранил в душе непреходящее обаяние их «бесценной» дружбы, и это также вызывало у одних чувство ревности и зависти, а у других – чувство восхищения и благоговения. Все определения и характеристики, которые давал Туманян Агаяну как писателю и человеку, вполне применимы к их великой дружбе. Эта дружба была подобна «некогда спетой и умолкшей песне, которую нельзя восстановить пересказом, так, как давно исчезнувший аромат, который нельзя возродить с помощью описания» (7, 411).

ЛЕВОН ШАНТ

Дружба Ованеса Туманяна и Левона Шанта имела более чем двадцатилетнюю историю. Их знакомство состоялось, по всей вероятности, в январе 1895 года, а близкими друзьями они стали уже в период «Вернатуна», то есть в 1899-1900 гг. С ноября 1902 г. Шант около пяти месяцев проживал в квартире Туманяна, причём в то са-

мое время, когда поэт не был в Тифлисе – он лечился в Абастумане. Вполне естественно, что очень гостеприимная жена самого гостеприимного армянского писателя не могла не считаться с мнением окружающей среды – знакомых и соседей, должна была беспокоиться на предмет неизбежных сплетен и пересудов. Действительно, ситуация была более чем странная: мужа дома нет, а рядом со спальней жены, в кабинете хозяина квартиры, на протяжении долгих месяцев спокойно и невозмутимо проживает его ровесник и друг. Не обращая внимания на сетования жены и не видя в создавшемся положении ничего зазорного и необычного, Туманян в своих письмах призывает Ольгу окружить его друга особой заботой и лаской, потому что «он привык к удобствам... он мне почти что брат. Если бы я был в Тифлисе, то я бы, конечно, не позволил ему остановиться в гостинице, привёл бы его к себе, и пусть бы он оставался столько месяцев, сколько захочет...» (9, 332-339)¹. К этой же теме поэт обращается и в другом письме и добавляет: «Я бы сделал это и перенёс бы любые трудности – даже если бы это причинило беспокойство и тебе, и мне – я бы сделал это – пусть из гостеприимства, или доброты душевной... Ты ведь знаешь, что он мой благородный друг...» (9, 336).

Многими чертами своего характера Левон Шант являлся полной противоположностью, антиподом Ованеса Туманяна, что, однако, вовсе не препятствовало их многолетней прочной дружбе, а возможно, даже способствовало – по закону притяжения противоположных полюсов.

Различными были также творческие, художественные, философско-эстетические принципы и подходы этих писателей, их литературные пристрастия и вкусы, уклад жизни. Шанта восхищала и умиляла преданность Туманяна своей семье, своим детям, его постоянная готовность к самопожертвованию. Шант также очень высоко ценил стремление Туманяна жить весело и непринуждённо, его добродушие и добросердечие, его открытость, общительность, щедрость, оптимистичность. В свою очередь, для Туманяна мнение, оценка Шанта-критика имели очень большое значение. Именно по совету Шанта поэт удалил из своей поэмы «В беспредельность» ту её часть, где подробно описывались нечеловеческие мучения заживо погребённой женщины.

Левон Шант, как отмечает литературовед Эдвард Джрбашян, «долгое время находился под впечатлением обаяния Туманяна,

---

¹ Там же, с. 336.

смотрел на него глазами влюблённого друга»¹. Примечательно в этом смысле, что имена героев драмы Шанта «Старые боги» в какой-то мере соотносятся с Туманяном. Так, имя главной героини Седы совпадает с именем одной из дочерей Туманяна; имя настоятеля монастыря Ованеса и княгини Мариам весьма прозрачно ассоциируются с историей любви Туманяна и княгини Мариам Туманян. Это была «запретная любовь», о которой Шанту было хорошо известно. Кроме того, драма «Старые боги», пр свидетелству Туманяна, написана под воздействием его незавершённой поэмы «Тысячеголосый соловей»².

Ованес Туманян и Левон Шант делились друг с другом самыми заветными, самыми важными и личными тайнами души. Стоило Шанту на какое-то время уехать из Тифлиса, как он сразу же начинал тосковать по Туманяну, чувствовал себя одиноким. В письме, написанном другу-поэту с борта корабля, среди чада, шума двигателей, морской качки, Шант отмечает, что писать в таких условиях уже само по себе большое испытание и жертва, на которую можно пойти только «ради любимой девушки и ради любимого друга»³.

Когда письмо друга запаздывало, Шант в шутку говорил, что нуждается в строках Туманяна больше, чем умирающая в пустыне от жажды девушка нуждается в капле воды⁴. Шант был одним из тех редких друзей Туманяна, которые не только не испытывали ревности и зависти к его гению и всенародной славе, но и по каждому удобному случаю замечали и констатировали исключительность как человеческого облика, характера, личности, так и художественного творчества поэта. «Гордая, чистая и чувствительная душа, смотрящая на жизнь, подобно тебе, с очень большой высоты, исключительна. И именно из-за своей исключительности она должна страдать. Обычные люди всё прощают, но не прощают, когда кто-то отличается от них, летит выше них»⁵.

Ованес Туманян и Левон Шант ещё больше сблизились, их дружба ещё больше окрепла, когда по предложению Степана Лисициана в 1907 г. они включились в работу по составлению школьного учебника «Лусабер». Над учебником они работали не только в Тифлисе, но и в дачном посёлке Манглисе. Они жили как одна семья.

---

¹ Эд. Джрбашян, «Туманян и традиции армянской литературы», Ер., 1994, с. 343 (на арм. яз.).

² См.: Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 206.

³ Ов. Туманян, Исследования и публикации, т. 4, Ер., 1998, с. 338.

⁴ Там же, с. 341.

⁵ Там же, с. 355.

Велика роль Туманяна в деле привлечения внимания широкой общественности к драме Шанта «Старые боги». Во многом благодаря пропаганде Туманяна в армянском обществе пробудился огромный, поистине всеармянский интерес к пьесе. Ведь именно Ованес Туманян инициировал и организовал так называемые «литературные суды», посвящённые пьесе Шанта. Эти «литературные суды» широко освещались во всех тифлисских газетах, и здесь также велика была заслуга Туманяна. Поэт посылал эти газеты Шанту, находившемуся в то время в Константинополе. Именно «с подачи» Туманяна вокруг драматургических работ Шанта сгруппировались передовые литературные критики эпохи, вся читающая армянская общественность. В театрах Тифлиса постановки пьесы «Старые боги» проходили в условиях полного аншлага. Успех пьесы был поистине грандиозным. Театральные спектакли и «литературные суды» принесли драматургу весьма приличный доход, который Туманян в шутку называл «денежной оценкой» пьесы. Сам Шант с удовлетворением констатировал, что прибыль от пьесы была довольно внушительной – «мешочек золота». Став в самый короткий срок состоятельным человеком и очень известным писателем, Левон Шант возгорелся желанием отправиться в Европу – с тем, чтобы с головой окунуться в мир высокого искусства и «полностью предаться литературе»¹.

И вскоре Левон Шант покинул Полис, тем самым словно выполняя не свою волю, а волю providения. «И теперь я думаю, что этим своим отъездом я удалился не только от Полиса, но и от смерти – а также от трагической участи стольких, стольких моих друзей...»².

Таким образом, Ованес Туманян сыграл очень важную, пусть и опосредованную, роль в спасении жизни Левона Шанта. Беспрецедентный успех, в том числе и коммерческий, драмы «Старые боги», давший драматургу возможность выехать из Константинополя, спас его от неизбежной мученической гибели во время геноцида.

Несколькими годами позднее дружба Ованеса Туманяна и Левона Шанта прервалась, их пути разминулись. Став одним из руководителей, а именно премьер-министром Первой республики Армении, он был вынужден потом навсегда покинуть страну, а Туманян остался на Кавказе, и больше им уже никогда не суждено было встретиться.

Конечно, суровые исторические события и катаклизмы эпохи сделали своё чёрное дело, положили конец большой земной дружбе

---

¹ Там же, с. 28-29.

² Там же.

двух выдающихся писателей. Однако светлый, лучезарный образ Ованеса Туманяна и после его смерти продолжал жить в душе, в сердце, в мыслях и в памяти Левона Шанта, время от времени воплощаясь в воспоминания о славных, счастливых днях молодости и о дружбе с величайшим армянским поэтом.

АВЕТИК ИСААКЯН

Личная дружба Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна восходит к осени 1892 года. Будучи учащимся гимназии Геворгян, семнадцатилетний Аветик приехал в Тифлис, чтобы собственноручно вручить Туманяну выручку от продажи его книг. Так зарождается дружба между двумя великими армянскими поэтами, которая продолжается три десятилетия.

Ованесу Туманяну в то время было двадцать три года, и он уже был автором двух стихотворных сборников, а Аветик Исаакян делал первые шаги в литературе и успел опубликовать подборку своих стихов в декабрьском номере журнала «Тараз» за 1892 год.

С первых же встреч будущие близкие друзья и собраты по перу почувствовали взаимную симпатию и духовное родство. У них было очень много общих интересов, они могли часами обсуждать новые произведения армянских поэтов, делились своими взглядами на классическую и современную восточную и европейскую литературу, говорили о вопросах стихосложения, об использовании в поэзии фольклора и художественно-выразительных средств, а также о многом другом.

Забегая вперёд, отметим, что в своих литературно-критических статьях Ав. Исаакян чаще всего обращался к творчеству Ованеса Туманяна: назовём здесь хотя бы статьи «Гикор» Ованеса Туманяна», «Ованес Туманян» (апрель 1923 г.), «Ованес Туманян» (март 1948 г.), «Бессмертный Туманян» (1953 г.), «Об Ованесе Туманяне» и т. д. Это обстоятельство красноречиво свидетельствует о том, что творчество Туманяна занимало исключительное место в художественно-эстетических взглядах Исаакяна, в его духовном мире и во всей его жизни вообще. Ни один армянский или зарубежный писатель не побуждал Исаакяна братья за перо чаще, чем Ованес Туманян, творческое наследие которого он характеризовал как выдающееся явление мировой литературы. Исаакян неоднократно высказывал убеждение, что поэмы Туманяна представляют собой целую эпоху в армянской литературе¹. Начиная с 1910 г. и до самой своей смерти в 1957 г. Аветик Исаакян был одним из самых больших и

---

¹ Ав. Исаакян, Собр. соч. в 6 тт., т. 6, с. 41 (на арм. яз.).

глубоких ценителей творчества Туманяна в истории армянской литературно-критической мысли.

Вспомним, что не кто иной, как Аветик Исаакян охарактеризовал Ованеса Туманяна как «исполина, высеченного из скалы», как «бессмертную славу и обрамлённую бриллиантами вершину нашей письменности, по ту сторону которой не достигал наш полёт»¹, как «рыцаря сказочного века и того величайшего поэта, который имеет в мировой литературе свой трон из слоновой кости»². Исаакян называл поэзию Туманяна «преимущественно первоклассной»³, «сокровищем и гордостью нашего народа»⁴, а самого поэта – нашим Пушкиным, нашим Мицкевичем, «нашим настоящим национальным поэтом», «самым армянским, самым национальным писателем», «концентрацией мировоззрения, мировосприятия армянского народа»⁵.

Аветик Исаакян был одним из тех редких литературных друзей и современников Ованеса Туманяна, который чувствовал и осознавал подлинное величие человека и друга, который жил рядом с ним, участвовал в одних и тех же застольях и разных мероприятиях. Они поверяли друг другу самые сокровенные свои мысли и секреты, свои волнения и тревоги, свои потаённые чувства. Они были прекрасными дорожными спутниками: примером этому может служить их совместное путешествие в Ани в 1901 г., после которого Исаакян часто изъявлял желание совершить с Туманяном путешествие по всей Армении. «Составим маршрут для скитаний, – пишет Исаакян в письме к другу, – и поедem в Лори, на Севан, Алагяз, Ани, Мрен»⁶.

В 1921 г. Аветик Исаакян находился в Венеции, тосковал по родине и интересовался у Туманяна, насколько сейчас подходящее время и обстановка для его возвращения в Армению. «Я не создан для оружия, для войны, – писал он, – и к тому же не молод... поэтому прошу тебя сообщить мне: если удобное время, позови, я приеду, вернусь, а если ещё продолжается война, ненависть, озлобленность, я не вернусь»⁷.

И ответ Туманяна не заставил себя долго ждать. 4 октября 1921 г. в своём ответном письме поэт пишет Исаакяну: «Насчёт того, удобное ли время, я не знаю, какое время ты считаешь удобным, но говорю тебе:

---

¹ Там же, т. 5, с. 133.

² Там же, с. 135.

³ Там же, с. 283.

⁴ Там же, с. 284.

⁵ Там же, с. 288.

⁶ Там же, т. 6, с. 89.

⁷ Там же, с. 181.

- Приезжай.

- Приезжай, Аво джан.

Для нас удобного времени не было и, возможно, не будет, но приезжай.

Приедешь, увидишь нашу страну разрушенной, наш народ – зарезанным, а те, что остались живы, сломлены, разбиты, ряды наших родных и друзей поредели. Увидишь, какая большая доля этого моря скорби и горя выпала именно нам с тобой, но приезжай!.. Наконец, ты, вероятно, истосковался по нашей земле и воде, по своим родным и друзьям» (10, 395).

Для того чтобы в Советской Армении были созданы благоприятные условия для Аветика Исаакяна, Туманян лично обратился к председателю Совнаркома Александру Мясникяну и советским властям республики (10, 396). На самом высоком уровне поэту дали положительный ответ и очень щедрые, обнадеживающие обещания. Его убедили, что Исаакяну на родине «будут предоставлены все необходимые условия» (10, 396).

Даже находясь на одре смерти, в последние дни своей земной жизни Ованес Туманян с большой печалью говорил о том, какие большие потери пришлось пережить Аветику Исаакяну за последние несколько лет, а между тем, его смерть причинила другу новое горе и новые страдания, прибавив к прежним потерям ещё одну, возможно, самую большую.

Пятого апреля 1923 года, когда останки Ованеса Туманяна ещё не были преданы земле, Исаакян в Венеции пишет: «Бездонное горе, бездонная печаль, бездонное отчаяние терзают твою душу, когда осознаёшь, что его больше... нет. Если его больше нет на этой земле, то что есть на этой пустой, пустынной земле?... Мир кажется таким бессмысленным, всё в твоих глазах становится таким суетным...»¹.

Годы спустя, когда Аветик Исаакян вернулся из-за рубежа на родину, он поспешил посетить могилу своего великого друга, излить на ней свою неизбывную печаль и тоску. «Когда я мечтал поехать на Кавказ, моим первым желанием было увидеть его, услышать его, велика была его привлекательность, великий был человек»². Однако, добравшись до Тифлиса, он почувствовал огромное разочарование, неимоверную печаль и сожаление: «Увы, не было Ованеса. Вместо этого замечательного человека, жившего тысячей жизней, я увидел неприглядный бугорок земли и великое молчание»³.

---

¹ **Ав. Исаакян**, Собр. соч. в 6 тт., т. 5, с. 135.

² Там же, с. 283.

³ Там же, т. 6, с. 285. См. также: «Туманян в воспоминаниях современников», с. 21.

На протяжении долгих тридцати четырёх лет, прожитых после смерти Ованеса Туманяна, Аветик Исаакян всегда оставался самым дорогим другом для семьи поэта. И все эти годы Исаакян в глубине души хранил добрую память о своём великом литературном товарище. «Потеря Ованеса всё глубже и глубже действует на меня, – писал он, – это самая страшная форма печали»¹.

В большой личной дружбе, в близких отношениях двух классиков армянской литературы проявилось счастливое единство, синтез великих людей, великих душ, их взаимная любовь и забота друг о друге. Их человеческие отношения давно уже перестали быть только лишь важным фактом биографии двух писателей и стали бесценным нравственным, духовным богатством для истории армянской литературы.

НИКОЛ АГБАЛЯН

На разных перекрёстках национальной жизни армянского народа Никол Агбальян и Ованес Туманян часто действовали не как близкие литературные друзья и родственные души, а как крупные общественные деятели.

Случалось так, что Ованес Туманян вместе с Николом Агбальяном принимал участие в собраниях партии АРФ «Дашнакцутюн», при этом поэта интересовали только проблемы, связанные с обороной армянского народа, а во время обсуждения внутрипартийных вопросов он «проголосовал с улыбкой», потому что Агбальян «силком» поднял его руку². Каждый раз, оказываясь по делам в Тифлисе, Агбальян приходил домой к Туманяну, стучал в дверь и входил в квартиру поэта, как в самый родной для себя домашний очаг – причём так было не только в благословенные времена литературного кружка «Вернатун», где Никол Агбальян был ведущим литературным критиком, но и много позднее, когда он был министром просвещения и культуры Первой Республики Армения³.

Во время учёбы в Петербурге Никол Агбальян предпринял попытку издать книжную серию «Научная библиотека», включив в неё историю, литературу, искусство, религию Египта, Финикии, Ассирии, Вавилона, Греции, Ирана, Рима, Византии. В каждой книге должно было быть триста страниц; предполагалось также, что все

---

¹ Ав. Исаакян, Собр. соч. в 6 тт., т. 5, с. 285.

² Аршак Джамалян, «Поэт всех армян», газета «Арач», Париж, 1982, 23 сентября. Свои воспоминания А. Джамалян написал в 1933 г., по поводу 10-летия со дня смерти Туманяна.

³ Там же.

книги будут написаны ясным и простым языком, будут красочно оформлены и иллюстрированы¹. И Агбалян решил все книги этой библиотечной серии, а также свои впечатления, написанные в эпистолярном жанре, посвятить Ованесу Туманяну – «как гениальной личности»².

В представлении Никола Агбаляна в начале двадцатого столетия мерилom ценностей стала национальная категория. По его убеждению, национального гения не может заменить ни одна величина мирового масштаба. Он считал творчество Туманяна «храмом» Израилевым, «Синаем» для пророков, «Страной обетованной». Он считал блаженными новые поколения, которые вырастут, читая Туманяна³. Для Никола Агбаляна Ованес Туманян был «душой армянской нации – так, как Шекспир для англичан». Агбалян своих статьях неоднократно выражал уверенность, что Туманян незаменим и неповторим, что его не может заменить ни один корифей мировой литературы, потому что только через национальное искусство можно выйти на уровень мирового искусства⁴.

В одной из своих статей, опубликованной в газете «Оризон» в 1914 году, Никол Агбалян пишет: «Ованес Туманян, вардапет Комитас и Торос Тороманян – вот три имени, которые символизируют уровень нашего культурного развития»⁵.

В представлении Никола Агбаляна говорить об Ованесе Туманяне означало говорить о национальной литературе, а говорить о национальной литературе означало говорить о Туманяне.

ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН

Дереник Демирчян был учащимся тифлисской духовной семинарии Нерсисян, когда в 1896 г. начал делать первые шаги в литературе. Девятнадцатилетний юноша мечтал познакомиться с широко известным поэтом, автором двух имевших большой успех стихотворных сборников Ованесом Туманяном. Узнав об этом заветном желании Демирчяна, друживший с ним Аветик Исаакян повёл его домой к поэту, где и представил его Туманяну. А после создания «Вернатуна» Дереник стал полноправным членом семьи Ованеса Туманяна. По утверждению сына поэта Артавазда, среди членов «Вернатуна» самым близким человеком для семьи поэта стал Де-

---

¹ «Туманян. Исследования и публикации», т. 5, с. 366.

² Там же, с. 363.

³ Там же, с. 367, 369.

⁴ Там же, с. 369.

⁵ Газета «Оризон», Тифлис, 10 мая 1914 г., № 99.

мирчян. А жена поэта Ольга вспоминала об этом так: «Демирчян превратил наш дом в свой дом. Он настолько часто оставался у нас на обед, что когда отсутствовал, и дети, и Ованес ждали, когда придёт Дереник. Даже в то время, когда Ованес бывал болен и хотел поработать, Дереник продолжал приходить: мол, я пришёл к Оле. Сидел в столовой, немного беседовал, затем заходил в комнату Ованеса, мешал ему, не давал заниматься. А когда он уехал в Швейцарию, то и дело писал письма Ованесу, чтобы он послал ему денег, и Ованес просил денег у Филипа, у тех или других, и посылал»¹. Демирчян приходил домой к Туманяну и тогда, когда хозяина не было дома, или он спал. Проходил в комнату для детей и играл для них на скрипке. Когда Туманян и Демирчян были одни, их беседы преимущественно касались философских тем, к примеру, темы таинства жизни и смерти. Одну из таких бесед дословно записала дочь поэта Нвард. «Жизнь человека коротка, но осмыслена, загадочна, – говорил отец. – Мой дед прожил около ста пяти лет, а умирая сказал: «Стоило ли родиться и страдать из-за этих нескольких дней?»»².

Как-то во время таких философских диалогов Демирчян сказал: «Моё заветное желание – промолчать целый год». Туманян ответил на это: «Моё заветное желание – не промолчать целый год, а проспать целый год»³.

Дереник Демирчян был одним из тех ближайших друзей Ованеса Туманяна и членов «Вернатуна», которым поэт оказывал наибольшую финансовую помощь. Демирчян нередко стеснялся лично, напрямую обратиться к Туманяну, прекрасно зная очень стеснённое материальное положение поэта и его бесконечные семейные заботы; знал он и о полусотне кредиторов Туманяна, которым необходимо было возвращать долги. И поэтому вместо Демирчяна с просьбой о ссуде денег обращались к поэту их общие друзья. Так, в июле 1902, марте 1907, январе 1908 года за Демирчяна просил Никол Агбалян, а в марте 1908 года – Филиппос Вартазарян, в ноябре 1908, затем в 1910 году – Левон Шант, в 1909 году – Микаел Мандинян, а также Симон Акопян⁴. Все эти просители прекрасно понимали, что ставят Туманяна в крайне неловкое положение, что поэт находится не в том положении, чтобы одалживать кому-то деньги, что для того, чтобы достать запрашиваемую сумму, ему придётся влезть в новые

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 15.

² Там же, с. 213.

³ Там же.

⁴ МЛИ, ф. Туманяна, №№ 846, 2066, 1458 (доп. 361), 1661 (доп. 387). См также: «Туманян. Исследования и публикации», т. 5, с. 336-337.

долги... Понимали, и всё же просили. Левон Шант в письме к поэту признавался: «Я знаю твои условия, но кому ещё мне писать, чтобы он принял близко к сердцу мою просьбу и что-то предпринял?.. Опять же, возможно, ты сумеешь, обратившись к тому или другому, чего-нибудь добиться»¹. Напомним, что так настойчиво и убедительно Шант просил ссуду не для себя, а для Дереника Демирчяна. Что оставалось Туманяну? Как он мог не откликаться на эти просьбы и не выполнять их, даже при всей их невыполнимости, тем более, что врачи говорили, что Демирчяну реально угрожает чахотка?

А сестра Демирчяна Варсеник рассказывала дочери поэта Нвард: «Твой отец иногда приходил к нам, а уходя давал деньги Вигену (сыну Демирчяна – С. О.), чтобы тот купил себе игрушек, но и он это знал, и мы, что он даёт эти деньги не на игрушки для Вигена, а на наш обед, на наш хлеб»².

Особенно много Туманян помогал семье Демирчяна, когда тот находился в Швейцарии. Старшая дочь поэта Ашхен Туманян в своих воспоминаниях отмечает: «На Новый год у нас не было ёлки: вместо неё отец отнёс им (детям Демирчяна – С. О.) фрукты и подарки»³.

Ованес Туманян искренне любил Дереника Демирчяна, всячески поддерживал его, был уверен в его одарённости, утончённом художественном вкусе, хотя Демирчян к тому времени не создал ничего особенно примечательного и выдающегося. Поэт прекрасно знал и человеческие качества своего младшего друга, знал, что в его характере что-то не то. «Есть в нём какой-то подпорченный слой, который всё сводит на нет и, возможно, поэтому его любят не так, как могли бы любить»⁴.

В самые трагические годы для армянского народа, когда Туманян был полностью поглощён национально-патриотической и общественной деятельностью, он не мог уделять много времени и внимания ни своей семье, ни друзьям, поскольку главное и первостепенное место в его жизни стали занимать бесчисленные нерешённые проблемы армянских беженцев и детей-сирот, а также многочисленные проблемы общенациональной и государственной важности. Однако по мере возможностей поэт по-прежнему протягивал руку помощи своим близким друзьям, собратьям по перу и их семьям. При этом нередко он помогал им больше, чем своей семье, своим родным детям. Так, в письме от 18 декабря 1920 года, ад-

---

¹ Л. Шант, Собр. соч. в 9-и томах, т. 9, Ер. 2017, с. 158 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 15.

³ «Дети Туманяна. Ашхен, Воспоминания и семейные истории», Ер., 2011, с. 112.

⁴ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 198.

ресованном детям, читаем: «С женой и ребёнком Дереника всё в порядке. Мне удалось достать для них 16.000 рублей» (10, 372).

В последние годы жизни Туманяна Демирчян был недоволен поэтом и, по совершенно непонятной для нас причине, обижен. Демирчян так и не объяснил причины своего недовольства и обиды. Сегодня очень трудно судить об этом, поскольку мы не располагаем искренним признанием Демирчяна. Когда Ованес Туманян находился в московской больнице и доживал свои последние дни, Демирчян написал поэту письмо, в котором заявлял, что Туманян «занимает самое большое место в его маленьком сердце» и что он с большим нетерпением ожидает выздоровления поэта. Считаю целесообразным привести здесь это небольшое письмо полностью.

«Ованес джан,

Я пишу кратко, потому что мне есть много о чём написать. Я знаю, что в твоём большом сердце найдётся местечко и для меня, как в моём маленьком сердце ты всё это время занимаешь самое большое место. Когда же прибудет из Москвы твой самый дорогой подарок – для каждого и для меня, – что ты выздоровел? И если бы твоя рука, которая священна для меня, одним словом облегчила мою бездонную печаль...

Горячо целую твою руку и жду тебя, мой старый друг, мой сладостный Ованес.

Твой Дереник».

Далее следует приписка, обращённая к сыну поэта Арегу Туманяну, который вместе с сестрами Ашхен и Нвард находился рядом с умирающим отцом

Дорогой Арег,

Когда у отца будет настроение, дай ему почитать моё краткое послание и, будь добр, напиши мне пару строк о его здоровье.

Приветы Нвард и Ашхен»¹.

А всего лишь месяц спустя, 15 апреля 1923 г., то есть в день похорон Туманяна, Демирчян пишет письмо Ваану Тотовенцу, которое, на наш взгляд, также является настолько примечательным, что заслуживает быть приведённым полностью.

«Дорогой Ваан,

Сегодня – один из моих печальных дней, поскольку он не настолько печален, каким должен был быть сегодняшней день, день похорон Ованеса. Он не столь печален, потому что я ещё раньше похоронил его в своём сердце. Умер не Ованес – умер человек в моём сердце, умерла вера в человека. И он стал причиной этого. Для меня является ещё большим горем то обстоятельство, что он умер в

---

¹ Д. Демирчян, Собр. соч. в 14 тт., т. 14, с. 328.

одиночестве, покинутый своими многочисленными родными. В последние дни какой-то безвестный русский врач посетил его и принёс какое-то дающее минутное успокоение лекарство, чтобы смазать ему лоб. Ованес не вызывал его, и было непонятно, откуда он к нему пришёл. Растроганный Ованес поцеловал врача и сказал: «Вот что означает человек». Врач ответил: «Человек – это ничто». Ованес на это сказал: «**Человек – это всё**». То есть жаждущий встречи с человеком Ованес ожидал человека в последние дни своей жизни. Что это? – трагическое недоразумение или сожаление? Нет, Ованес сожалел об одном: о растроченной жизни и здоровье. Это было трагическим недоразумением. Людей не так уж и много, но они есть, и если бы он посмотрел вокруг, если бы он оставил в стороне глупости суетной жизни, если бы он во мгле своих аудиенций, домашних вечеринок и дворцового шума и гама обратил свой взор вокруг себя, или, скажем лучше, к порогу своего дома, то наверняка бы увидел несколько настоящих людей, которые не позволили бы, чтобы какой-то безвестный врач дающим минутное успокоение лекарством облегчил неизбежную смерть.

В Ованесе было всё, кроме культурности. Он любил торжественность, «публичность», любил каждого и всех и подтвердил слова Пароняна: «Друг каждого – ничей друг».

«Если каждый тебе друг, то никто тебе не друг», – сказал бы я. Если он чувствовал потребность в настоящем человеке, то нашёл бы его, но он искал толпу людей – и поскользнулся.

Эх, Ваан, оставляю этот грустный некролог. Если во мне умерла вера в человека, то ещё не умерла вера вообще. Будем жить и искать нового человека, который одновременно и «всё», и «ничто»¹.

По определению Демирчяна, то обстоятельство, что Туманян постоянно находился в самом центре общественной жизни, протягивал руку помощи каждому, в равной мере проявлял заботу о каждом своём соотечественнике, невзирая на его партийную принадлежность, руководил десятком земляческих, благотворительных и творческих союзов, стремился жить весело и непринуждённо – всё это было «глупостями суетной жизни». На закате своей земной жизни Туманян и сам осознал и озвучил то, что Демирчян называет «глупостью». Этим словом, к сожалению, нередко характеризуется природная доброта человека, поскольку она нередко приносит ему страдания, поскольку она наказывается, как была наказана и в этом конкретном случае. Незадолго до смерти, точнее, 2 марта 1923 года, угасающий поэт с горечью признался детям: «Для других я отслу-

---

¹ Там же, с. 329-330.

жил панихиду, а для себя не устроил даже крестин»¹. Можно не сомневаться, что если бы не страшная болезнь и ощущение близкой смерти, поэт никогда бы не скалал этих горьких слов.

Ованес Туманян был великим человеком и не мог не окружить себя самобытными, своеобразными людьми. Одним из них и был Дереник Демирчян, о котором проницательно подметил поэт: «Есть в нём какой-то подпорченный слой, который всё сводит на нет». Этим «подпорченным слоем» была неудовлетворённость жизнью и литературной средой и ревность, которая, судя по всему, была порождена горечью из-за того, что он не самый главный и не единственный близкий человек в жизни и в сердце Туманяна. Этот «подпорченный слой» действительно свёл всё на нет, разрушил одну из главных заповедей человеческой дружбы – верность и добропорядочность.

Трудно сказать, пересмотрел ли Дереник Демирчян в дальнейшем это отношение к человеку, которому был обязан очень и очень многим. Он часто навещал вдову поэта Ольгу и его дочерей и даже обижался, когда Аветик Исаакян навещал семью Туманяна, не уведомив его об этом заранее.

Впоследствии Демирчян неоднократно обращался к творчеству Ованеса Туманяна и оставил ряд очень глубоких и ценных мыслей и толкований. Возможно, таким образом он попытался отблагодарить своего великого друга за оказанные ему неоценимые услуги, за всё то возможное и невозможное, что он для него сделал, и тем самым загладить свою вину перед ним.

МЕЦЕНАТЫ ПОЭТА

История армянской литературы не знает, пожалуй, ни одного писателя, в жизни которого было бы столько покровителей и меценатов, как у Ованеса Туманяна. Однако самым главным и самым существенным здесь является не то, что их было много и, тем более, не то, что они были состоятельными людьми, а то, что они со всей глубиной осознавали важность оказания поддержки и содействия поэту, понимали его исключительную роль и значение для армянской литературы. Меценаты поэта спонсировали его, помогали ему не только во имя его таланта, не только во имя развития армянской литературы и культуры, но и в силу личных человеческих качеств поэта.

Покровители и меценаты Ованеса Туманяна принадлежали к самым разным сословиям общества – это были Католикос всех ар-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 294.

мян Хримян Айрик, княгиня Мариам Туманян, врач Аристакеc Заргарян (Рустем), Филиппос Вартазарян (Филип), а также другие. Под «другими» мы подразумеваем и тех людей, которые оказывали Туманяну моральную поддержку, которые были большими поклонниками его поэтического дарования и по каждому поводу поощряли, вдохновляли его. Заметим однако, что несмотря на все старания и большое желание меценатов, ни одному из них так и не удалось обеспечить поэту более или менее безбедное существование и налаженный быт.

ХРИМЯН АЙРИК

Католикос всех армян Хримян Айрик оказывал Ованесу Туманяну преимущественно моральную поддержку, хотя изредка, от случая к случаю, помогал поэту и материально. Его можно отнести к меценатам Туманяна только условно и с большими оговорками. Он был просто большим и искренним почитателем, ценителем Туманяна-писателя и Туманяна-человека, но при этом его материальная поддержка носила чисто случайный характер.

Хримян Айрик относился к Ованесу Туманяну с большим и искренним уважением, считал поэта очень интересным собеседником и не упускал случая, чтобы встретиться с ним для обсуждения самых разных вопросов и проблем. Патриарх очень высоко ценил Туманяна и как поэта. В начале декабря 1895 г. они в Эчмиадзине вместе искали пути для оказания помощи беженцам из Западной Армении, спасшимся от резни и погромов, учинённых султаном Абдул-Гамидом. А когда Хримян Айрик оказывался по делам в Тифлисе, он непременно встречался с Туманяном. Постепенно, от встречи к встрече, главной темой их долгих бесед стали проблемы литературы. Часто обсуждалось бедственное положение армянских писателей, влачивших нищенское существование.

Хримян Айрик и сам занимался сочинительством, творческой деятельностью, был активным участником литературной жизни своего времени. И Туманян был для него непререкаемым авторитетом. Дочь поэта Нвард в своих воспоминаниях отмечает: «Он очень считался с отцом, его литературным вкусом и взглядами»¹. Католикос всегда выполнял любую посредническую просьбу Туманяна, когда он обращался к нему за помощью для какого-нибудь деятеля культуры, ученика духовной семинарии и т.д. Когда поэт взялся ходатайствовать о приёме в семинарию сына Ованеса Налбандяна, то в качестве «взятки» послал католикосу своё стихотворение «Божья

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 174.

угроза» из цикла «Псалмы печали». Поэт в шутку рассказывал об этом следующим образом: «Поскольку наши газеты заверяют, что в Эчмиадзине всё делается посредством взятки, я и послал Айрику в качестве взятки стихотворение» (9, 276). И в заключение добавлял: ««Взятка» Айрику очень понравилась»¹.

В третьей декаде декабря 1898 г. Ованес Туманян попросил католикоса назначить пожизненную ренту Газаросу Агаяну. Хримян Айрик и на этот раз не отказал поэту. Агаяну была назначена ежемесячная пенсия в размере 25 рублей.

Летом 1900 года Ованес Туманян встречается католикоса в Дсехе и оказывает ему гостеприимство.

У Хримяна Айрика была привычка тихо, про себя напевать песни собственного сочинения, либо какую-нибудь народную песню. А иногда он начинал обсуждать с Туманяном какую-либо книгу, и обсуждение это вскоре превращалось в оживлённый спор, причём оба собеседника настолько увлекались, что не замечали, как пролетели несколько часов; при этом католикос отказывал посетителям в аудиенции, не желая прерывать столь дорогие его сердцу литературные беседы с Туманяном, поскольку, как отмечает княгиня Мариам Туманян, «Туманян всегда был самым дорогим гостем для Айрика»².

Известен случай, когда Хримян Айрик с навестившей его княгиней Мариам Туманян послал поэту пятнадцать золотых монет, «десятирублёвок». Патриарх всегда беспокоился о состоянии здоровья Туманяна, материальным положением его большой, многодетной семьи.

Хримян Айрик с какой-то особенной теплотой относился к семье Ованеса Туманяна. В свою очередь, поэт очень высоко ценил католикоса как человека и мыслителя, считал его «большим человеком, очень большим...», считал его «поэтом-философом, который не придерживался законов, не знал законов, был выше законов, сам создавал законы, был большим анархистом. Был самобытной личностью, великой и бессистемной»³.

Для Ованеса Туманяна Хримян Айрик был той уникальной и исключительной, самой родственной личностью, которой он посвятил четыре художественных произведения – два стихотворения («Армянскому паломнику», 1893, и «Дуб», 18 сентября 1896 г.) и два прозаических произведения, которые были опубликованы по поводу смерти католикоса в 1907 г.: рассказ «Два отца» и очерк

---

¹ Там же.

² М. Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 94.

³ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 233.

«Один из дней Хримяна Айрика». А в 1910 г. поэт опубликовал статью «Хримян и Измирлян», в которой вновь обратился к особенностям характера и человеческого облика всеармянского католика. Подобное частое обращение к деятельности Хримян Айрика в литературно-художественных и публицистических произведениях Туманяна вовсе не было случайным. Конечно, у поэта были более близкие друзья и родные, которым он не посвятил ни одной строки. Но Хримян был значительным явлением в истории армянского народа, был легендарной личностью, он пользовался всенародной любовью и уважением, причём народ выражал свои искренние чувства, слагая о своём духовном предводителе песни, рассказывая предания и беседы.

Судьба и провидение позаботились о том, чтобы эти великие люди встретились и сблизились, поскольку у них было много общего, поскольку их объединяла любовь к народу и литературе, поскольку это были родственные души. Они оба были прекрасными, интересными собеседниками, большими мастерами устной речи. И оба они были наделены большим чувством юмора и самоиронии. Одним словом, они были связаны друг с другом тысячами нитей, и влекущая их друг ко другу притягательная сила была обусловлена не только общими интересами, но и неутолимой жаждой общения, тоской по действительно мудрому и эрудированному собеседнику.

Эпоха Ованеса Туманяна была на редкость щедрой на масштабных общественных деятелей, поэтов и писателей, деятелей культуры и искусства, и характеризуя каждого из таких крупных деятелей, поэт произвольно характеризовал и самого себя. То, что Туманян пишет о двух очень известных и влиятельных всеармянских католиках – Хримяне Айрике и Маттеосе Втором Измирляне, вполне может быть отнесено и к нему самому. «Они оба были крупными армянскими деятелями, преимущественно армянскими; оба глубоко пережили страдания своего народа... оба имели самобытный взгляд на революцию и ненавидели кровь» (6, 268).

ФИЛИППОС ВАРТАЗАРЯН (ФИЛИП)

Филиппос Вартазарян, которого в дружеском окружении называли просто Филип, был одновременно и покровителем, спонсором Ованеса Туманяна, и одним из самых близких и верных друзей поэта. Среди всех меценатов Туманяна именно Филип сумел оказать поэту наибольшую финансовую помощь. В истории армянской литературы и культуры невозможно найти другую столь же самоотверженную дружбу между деятелем искусства и его меценатом, как дружба между Филипом и Туманяном. Это была исключительно

редкая, уникальная и бескорыстная дружба. Судьба оказалась милостивой к поэту, подарив ему счастье иметь такого верного, преданного, любящего и самоотверженного друга.

Будучи образованным и богатым коммерсантом, Филиппос Вартазарян сразу же почувствовал величие и огромную силу таланта Ованеса Туманяна, возвышенность его человеческого облика, и сразу же взял его под своё покровительство. В то время Туманян делал самые первые свои шаги в литературе, он был на одиннадцать лет моложе Филипа.

После издания второго московского сборника Туманяна Филипп добровольно и по своей инициативе взял на себя обязательства мецената поэта и продолжал покровительствовать и поддерживать Туманяна до того самого момента, когда удача навсегда отвернулась от него, доведя до полного банкротства. На денежные средства Филипа была издана книга Туманяна «Союзники» (второе, переработанное издание), поэма «Лориец Сако», перевод поэмы Байрона «Шильонский узник» и поэмы Лермонтова «Мцыри». Пользуясь случаем, отметим, что первое издание книги «Союзники» было распродано с такой молниеносной скоростью, что читатели со всех сторон теребили автора и просили ускорить её новое издание.

Начиная с 1890-х годов Филиппос Вартазарян назначил Ованесу Туманяну ежемесячное денежное пособие в размере 25 рублей¹. Кроме того, он отдельно оплачивал стихотворения поэта и предоставлял ему всю выручку от распродажи тиража первой книги. «К тому времени, – отмечает в своих воспоминаниях современник поэта Аршак Бархударян, – он (Ованес Туманян – С. О.) стал настолько любим и дорог семейству Вартазарянов, что считался членом их семьи»².

Однако зимой 1897 года Филиппос Вартазарян сам оказывается в затруднительном финансовом положении, и ему приходится прекратить свою помощь поэту. Конечно, его сильно беспокоило, что это может расстроить и обидеть Ованеса и положить конец их дружбе. Однако Туманян с ещё большей тактичностью и искренним великодушием старается рассеять совершенно необоснованные сомнения Филипа на этот счёт. «Кем ты был для меня, об этом знает только один человек, и этот человек – я... Ты оказался единственным в моей жизни, кто с такой сердобольностью заботился об моё материальном обеспечении... и всегда давал мне деньги так, словно был должен мне. И я всегда искал какого-нибудь выхода, чтобы высвободить наши отношения от денежной зависимости...

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 372.

² Там же.

теперь исполняется моё сердечное желание – остаётся только нравственная, нематериальная сторона наших отношений» (9, 182). Заметим, что Туманяну при его щепетильности и честолюбии можно было помогать только таким способом: давая ему деньги так, словно возвращают долг, в противном случае его гордость не позволила бы ему принять предлагаемую помощь, как бы он в ней ни нуждался.

Ованес Туманян был для Филипа одним из самых родных, самых близких людей во всём мире. Своими самыми сокровенными мыслями и секретами он делился только и только с Туманяном. Не имея жены и детей, будучи чрезвычайно ранимым человеком, мечтательным и преданным, Филип был связан с поэтом какой-то особенной любовью.

В 1907-1908 гг. здоровье Филиппоса Вартазаряна резко ухудшилось, и возникла реальная опасность потери зрения. Его глазная болезнь сопровождалась невыносимыми физическими страданиями. В период с 1905 – 1909 гг. с целью лечения Филип проживал в Швейцарии. Несмотря на то, что в далёкой чужбине он находился в окружении родных людей, Филип очень тяжело переносит разлуку со своим самым лучшим, если не единственным, другом и впадает в длительную депрессию. В минуты отчаяния его охватывают навязчивые мысли о самоубийстве, которыми он делится с Туманяном. Поэт сразу же ответил обнадеживающим и ободряющим письмом, и этого оказалось достаточно, чтобы мрачные мысли Филипа отступили¹.

Филиппоса Вартазаряна, в свою очередь, беспокоило состояние здоровья Ованеса Туманяна, и он очень болезненно реагировал на малейшее его ухудшение. Ревностно относился он и к тому, что постоянные гости поэта отнимают у него драгоценное время, не дают сосредоточиться на литературном труде. «Не принимай гостей, чтобы не донимали тебя», – советовал он в своих письмах². Филип стал для Туманяна надёжной поддержкой, прочной опорой; несмотря на многочисленные свои бытовые проблемы и надвигавшуюся слепоту, он продолжал проявлять трогательную заботу о поэте, искренне возмущаясь и негодуя по поводу того, что он не бережёт себя, своё здоровье и время, которые, по убеждению Филипа, принадлежат не только ему, но и всему народу, являются достоянием народа.

А Туманян тем временем совершенно не менял своих привычек и по-прежнему взваливал на свои хрупкие плечи тысячи дел и забот, растрачивал себя и своё бесценное время на самых разных

---

¹ Там же, т. 10, с. 37.

² МЛИ, ф. Туманяна, № 2078.

вопросов. Ему тогда необходимо было издать произведение Газароса Агаяна «Кёр-оглы», из-за которого он вошёл в конфликт с цензурным комитетом Тифлиса; организовать поездку актёра Карапета Галфаяна в Париж для совершенствования актёрского мастерства; обстоятельно ответить на несуразные и необоснованные нападки редактора газеты «Мшак»; оплатить учёбу одной из учениц десятого класса женской гимназии и тем самым спасти её от реальной опасности оставить обучение незавершённым...

Ованес Туманян никогда ни к кому не обращался с личными просьбами, однако ради оказания помощи нуждающимся людям обращался к самым разным людям, которые могли в той или иной мере оказаться полезными (9, 222). И когда с подобными просьбами-ходатайствами поэт обращался к Филиппосу Вартазаряну, тот никогда не отказывал своему другу. Поэт, в свою очередь, очень высоко ценил такую готовность Филипа, его благородную преданность и самоотверженность, и нередко озвучивал свою благодарность.

Филиппос Вартазарян пробовал заниматься творческой деятельностью, писал художественные произведения, делал переводы и даже пытался писать литературно-критические и литературоведческие статьи. Именно он первым перевёл на русский язык рассказ Туманяна «О том, как пришла железная дорога». Иногда Филип обращался к Туманяну и просил: «Дорогой Ованес, я попробовал написать одно стихотворение, не получилось. Если возможно, напиши его ты»¹.

Примечательно, что именно Филиппос Вартазарян заложил первый камень в здание туманяноведения, написав небольшое исследование о творчестве своего великого друга. Книжка была издана в Тифлисе в 1905 году, состояла из 72-х страниц и называлась «Певец печали и тоски». Это была непритязательная книжка, изложенная простым, доступным языком и, конечно же, никак не соответствовала общему уровню литературной критики своего времени. Тем не менее, Филипу удалось выявить и показать некоторые характерные особенности поэзии Ованеса Туманяна. Так, например, он верно подметил постепенное отступление личных переживаний в поэтическом творчестве поэта. Книга Филипа положила начало туманяноведческим монографиям: всего лишь несколько лет спустя, в 1911 г., в Вагаршапате увидела свет вторая исследовательская работа о Туманяне – монография Арсена Тертеряна «Ованес Туманян. Певец родного края». Книжка эта также была небольшая, объёмом в 84 страницы, но при этом стала заметным явлением в литературной критике тех лет.

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, № 2048.

Таким образом, Ованес Туманян с 1905 по 1911 гг. познакомился с двумя литературоведческими исследованиями о своём творчестве, в которых его поэзия рассматривалась с весьма оригинальной точки зрения – в соотнесённости прекрасного и идеала, который в авторской интерпретации приравнивался к «неведомому», и во взаимоотношениях личности поэта и окружающей его среды. Повторимся: первое из этих исследований было написано предпринимателем-коммерсантом, а второе – специалистом-литературоведом. Несмотря на то, что армянская литературно-критическая мысль в последующем десятилетии достигла определённых завоеваний в области туманяноведения, тем не менее, две названные монографии так и остались единственными прижизненными исследованиями творчества поэта.

До конца жизни поэта Филиппос Вартазарян оставался его верным, преданным другом и принимал участие во всех его начинаниях: в работах по учреждению Кавказского общества армянских писателей, Общества «Айказян», других общественных организаций. Филип всегда оставался рядом с Туманяном и помогал ему в меру своих возможностей. А после установления советской власти в Армении Филип, подобно очень многим другим состоятельным людям, лишился всего своего имущества и в полуослепшем состоянии был прикован к постели, оказавшись в крайне бедственном, практически нищенском положении. В октябре 1921 года его сестра Маруся под диктовку брата написала Туманяну письмо, где Филип просил поэта о ходатайстве перед властями для назначения ему пенсии. В записке отмечалось: «Дорогой Ованес, прошу оставить у домохозяев за твоей подписью для передачи мне письменное поручение, по которому я буду иметь право сохранить свой паёк за эти месяцы – начиная с июля. Кроме того, пошли ко мне одного из своих знакомых большевиков, чтобы я мог попросить у него ежемесячную пенсию за мою прошлую деятельность, без которой я умру с голоду. Твой Филип»¹. Подпись, а также последние слова: «без которой я умру с голоду» были приписаны нетвёрдой, дрожащей рукой Филиппа.

Естественно, Туманян незамедлительно улаживает этот вопрос, обратившись к Гарегину Левоняну с ходатайством о том своём друге-покровителе, который так любил его и столько для него сделал, а на старости лет оказался в беспомощном и нищенском положении. И поскольку Филип прожил ещё двадцать три года после смерти Туманяна, помочь ему оказалось больше некому. Со смертью поэта оборвалась эта великая дружба, которую они оба – и Ова-

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 2092.

нес Туманян, и Филиппос Вартазарян – ценили очень высоко, которой дорожили больше всего в жизни. Поэт гордился этой дружбой. В письме от 22 января 1908 года он искренне признаётся другу, говоря о нём в третьем лице: «Есть на свете родственные души. Но Филип был другим. Когда я что-то писал или печатал, Филип волновался больше, чем я; когда я болел, он страдал больше, чем я; когда я добивался успеха, он радовался больше, чем я. Такой друг для поэта вроде меня – это счастье, ниспосланное небом – тем более в нашем мире, в нашей атмосфере. Я знаю наверное, что в нашей литературе ни у одного писателя не было такого друга, и писатели тоже в этом признаются. Не на каждой улице живёт Филип» (10, 37).

Ованеса Туманяна очень любила и ценила вся семья Вартазарянов. Когда мать Филипа тяжело заболела, она позвала Аршака Бархударяна в качестве юриста-душеприказчика и попросила, чтобы он составил её завещание, в котором она оставляла 25.000 рублей своим дочерям и внукам, а 1.500 рублей – Ованесу Туманяну, чтобы он мог выехать за границу. После выздоровления старая женщина не поменяла своего завещания, однако Туманяну так и не довелось воспользоваться этими деньгами. После смерти женщины завещание оставалось в силе, только денег уже не было вовсе.

Эта яркая, великая дружба украсила жизнь обоих. И Туманян, и Филип в равной степени дорожили ею, но для Филипа она стала смыслом жизни. В среде родных и близких друзей Туманяна именно Филипу было посвящено программное стихотворение «Другу». К сказанному добавим, что, по мнению Дереника Демирчяна, стихотворение Туманяна «Две чёрные тучи» также было посвящено Филипу¹.

АРИСТАКЕС ЗАРГАРЯН

В ряду покровителей и меценатов Ованеса Туманяна своё скромное, но своеобразное место занимает известный в те годы врач-педиатр, общественный деятель, председатель Армянского издательского общества, а впоследствии член правления возглавляемого Туманяном Кавказского общества армянских писателей Аристакес Заргарян, которого близкие друзья называли Рустемом. Он был двоюродным братом Филиппоса Вартазаряна и владел кожевенной фабрикой, в которой имел свою долю в несколько десятков тысяч рублей и Филип.

По просьбе Филипа Аристакес Заргарян взял на себя роль издателя и спонсора второго московского сборника стихотворений

---

¹ Д. Демирчян, Собр. соч. в 14 тт., т. 14, с. 241.

Ованеса Туманяна, вышедшего в свет в 1892 г.¹.

Несмотря на свою специальность детского врача, Аристакес Заргарян был разносторонне развитым и довольно эрудированным человеком, отличался широким кругозором, любил, понимал и ценил литературу, занимался также творческой деятельностью, писал на западноармянском зокском диалекте драмы, водевили, на любительском уровне занимался живописью. Нередко он посылал свои водевили Ованесу Туманяну, желая узнать его авторитетное мнение. Ну, а поэт обычно никогда не скрывал своего искреннего и объективного мнения от близких ему людей, в том числе и от графоманов-меценатов, по поводу их беспомощных литературных опытов. «Получил посланное тобой не знаю что, потому что всё у меня под рукой, но ничего мне не нравится, постарайся послать что-нибудь такое, что понравилось бы мне», – пишет Туманян Заргаряну в последних числах сентября 1903 года (9, 422).

И Филиппос Вартазарян, и Аристакес Заргарян всегда считались с мнением Ованеса Туманяна и вовсе не отчаивались, каждый раз получая от него полушуточные, ироничные оценки их произведений. Несмотря ни на что, Туманян не упускал случая, чтобы лично присутствовать на постановках пьес своего друга-мецената, и уже одним своим присутствием способствовал успеху его театрализованных литературных вечеров. Заргарян видел в Туманяне настоящего деятеля искусства, личность, которая способна на высокое вдохновение, способна на сильные чувства, на большой полёт. И он понимал также, что поэту приходится бороться с будничными, бытовыми трудностями и проблемами, приходится преодолевать бесчисленные препятствия, которые увеличивались со дня на день. И он всячески старался поддержать поэта, помочь ему, насколько это было в его силах и возможностях, чтобы высвободить Туманяна от «чудовищной дисгармонии жизни», а мысли и душу поэта – от насилия нужды.

Некто иной, как Рустем становится с начала двадцатого столетия врачом болезненного поэта и его семьи. Как лечащий врач и как близкий друг поэта он всячески старался оградить Туманяна от бесконечных, не имевших ни конца ни начала гостей и посетителей, доставлявших поэту хлопоты и отнимавших у него массу бесценного времени. Дело даже дошло до того, что он прикрепил к дверям квартиры поэта надпись, согласно которой Ованес Туманян мог принимать гостей «в пятницу, с 11-и до 14-и часов»². А самому поэту он как врач запрещал выходить из квартиры, чтобы дать поэту

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 386.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 13.

возможность сосредоточиться, поработать. Однако, как отмечает Нвард Туманян, многие «нетактичные люди» продолжали приходить и мешать поэту, заверяя, что объявление на двери к ним не относится.

Действительно, родные и близкие друзья поэта всегда старались защитить его от себя самого, от его привычки идти всем навстречу, с готовностью уделять своё столь дорогое время каждому посетителю, каждому гостю.

В 1901-1902 гг. Аристакеc Заргарян принимал активное участие в восстановлении пошатнувшегося здоровья Ованеса Туманяна. 30 января 1901 г. поэт посвящает своему другу и покровителю стихотворение «Ростому» – признание благодарного пациента своему врачу. Поэт пытается объяснить своему другу-врачу причины своего заболевания, которые кроются в том, что он бесконечное количество раз дарит окружающим его людям радость и улыбку – в то самое время, когда его сердце молча плачет (1, 191).

Далеко не всегда Аристакеcу Заргаряну легко удавалось диагностировать болезнь поэта. И если в обращении с другими пациентами он чувствовал себя очень уверенно, то в случае с Туманяном и его домочадцами он всякий раз сразу же обращался за консультацией к другим врачам, чтобы ненароком не подвергнуть опасности здоровье и жизнь поэта или кого-либо из членов его семьи.

А когда усилиями и стараниями Ованеса Туманяна было учреждено Кавказское общество армянских писателей, то с первых дней его деятельности, с 10 октября 1912 года, Аристакеc Заргарян избирается членом правления и казначеем Общества. Он являлся также председателем правления Армянского издательского общества и всячески старался быть полезным Туманяну, в особенности если возникали вопросы с изданием новой книги поэта, заказами на переводы или с выдачей гонорара. Благодаря содействию Ростом Туманяну удавалось получить авансы на те или иные заказы. Так, по заказу Издательского общества поэт должен был перевести все сказки братьев Гримм. Туманян в письме отвечает: «Всё переводить я не буду. Переведу только те сказки, которые мне понравятся, или которые я сочту важными. Конечно, если рассматривать с точки зрения денег, то для меня было бы выгодно перевести всё. Но я должен сказать тебе, что, во-первых, мне очень жаль, что я буду заниматься переводами, а во-вторых, не стану же я ради денег переводить всё, что захотят или предложат мне»¹.

Аристакеc Заргарян был большим почитателем творчества Ованеса Туманяна, время от времени брал на себя роль его издателя

---

¹ Там же, с. 193.

и мецената, и при этом всегда был его большим другом и близким человеком, однако он довольно поздно осознал, что рядом с ним живёт настоящий гений, действительно великий поэт и человек. Много лет спустя в своих воспоминаниях он признается: «Никто не сумел сполна и по заслугам оценить его величие, преимущество перед окружением... А некоторые, возможно, даже смотрели на него немного свысока, думая, что они сами делают ему честь своей дружбой. Только сейчас мы понимаем, что мы, его близкие друзья, недостаточно ценили его»¹. Покровителю, меценату Ованеса Туманяна, состоятельному врачу потребовались многие годы, десятки лет, чтобы понять, как ему очень повезло в том, что рядом с ним многие годы дружил сам Ованес Туманян².

Таким образом, Туманян был именно таким великим деятелем искусства, что его покровители и меценаты помогали ему с большим удовольствием и любовью, считали большой честью для себя его присутствие в их жизни.

Было у Ованеса Туманяна ещё одно качество – он был наделён удивительным даром общаться с женщинами, быть привлекательным в их глазах.

ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ ПОЭТА

Ованес Туманян и как поэт, и как прекрасный собеседник, был способен словами, небольшим рифмованным экспромтом, иногда просто букетом цветов, а во многих случаях одним только своим присутствием завоевать сердце любой женщины. Его добрая, искренняя, обаятельная улыбка помогала ему видеть во всём хорошее, наслаждаться жизнью, ценить красоту, поклоняться прекрасному, видеть жизнь в розовом цвете.

Ованес Туманян никогда не был безответно влюблённым, никогда не был отвергнутым воздыхателем. Его чувства всегда оказывались взаимными. Его всегда сопровождала атмосфера душевного равновесия, уверенности в своих силах и возможностях, и это обеспечивало его нравственное здоровье. На протяжении всей жизни рядом с ним была любящая и верная, доброжелательная и чуткая, покорная и понятливая, самозабвенно преданная ему жена, которая была также прекрасной матерью для его десяти детей. Одновременно поэт был окружён другими женщинами, которые любили и обожали его, не питая при этом никаких надежд и иллюзий на его

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 387.

² Там же, с. 388.

счёт. Для многих из них он всегда был недостижимым и недоступным, что не мешало ему оставаться желанным, вожделенным. Быть может, в этом следует искать причину того, что поэт никогда не переходил от одного временного увлечения к другому.

Туманян был реалистом не только в своём художественном творчестве, но и в жизни. Он никогда не пытался найти ангела во плоти. В семейной жизни и в окружении женщин поэт обрёл душевное спокойствие – то, чего он так никогда и не достиг в своей национально-патриотической и общественной деятельности.

Туманяна никак нельзя назвать баловнем судьбы. Напротив, правильнее будет сказать, что судьба, удача очень часто поворачивалась к нему спиной. Да, ему свыше был ниспослан великий дар, нашедший воплощение в его литературно-художественном и публицистическом творчестве, но за этот дар он расплачивался трудной жизнью, полной лишений и каждодневных испытаний и проблем.

Семейную жизнь поэта можно считать вполне счастливой, а женитьбу – удачной, однако в его любвеобильном сердце находилось место для гнездовья новых чувств, новых увлечений. Но при этом поэт никогда не шёл на поводу даже у самых бурных своих страстей. Его верность и преданность семье и жене выше всяких сомнений. Однако женившись довольно рано, в девятнадцатилетнем возрасте, он не мог постоянно посвящать стихи жене. Вспомним известные слова Байрона: если бы Лаура была женой Петрарки, он бы не писал всю жизнь сонеты.

Сохранившийся документальный, фактический материал, свидетельствующий о сердечных тайнах Ованеса Туманяна, не столь уж богат, поскольку поэт был очень скрытным, умел как никто другой хранить свои и чужие секреты. Он никогда и ни с кем не откровенничал насчёт своих чувств и увлечений, никому не рассказывал о своих сердечных делах, о заветных порывах и трепетах своей души. При всех обстоятельствах жизни, всегда, везде и во всём он соблюдал чувство меры. Его мужество находило выражение и в его самообладании. Верность и преданность семье и жене были его сущностью, он был одним из тех редких мужчин, которые умеют заменять любовь дружескими отношениями. Его любовь не терпела признаний и объяснений. Свободу мужчины он воспринимал не как привилегию, а как обязательство. Он знал, что любой костёр, пусть это даже будет пожар, в конце концов гаснет, затухает.

***

Туманяновское восприятие роли женщины неоднократно отражалось в литературно-художественном творчестве поэта. Поэт был

убеждён в том, что «женщина является основой жизни, источником жизни, самой большой силой; у неё ещё очень большое будущее»¹. Он подходит к этому вопросу с позиций самых возвышенных представлений. Поэт считал, что женщина является самым совершенным выражением природы, самой великой красотой и поэзией. Он пишет: «Действительно, разве есть более задушевная песня, нежели красивая женщина, или более возвышенное стихотворение, нежели добропорядочный человек?» (9, 233). Женщина в представлении поэта – это путь к познанию жизни и природы: «Для того чтобы понять нравственный и экономический уровень жизни народа, есть прекрасное средство, простая мера – **это женщина**» (выделено Туманяном – С. О.), (6, 47).

Ованес Туманян считал, что любой влюблённый человек обязан отказаться от своей любви, если этого требует любимая женщина, предмет его страсти. Добровольный отказ от любви, подчинение голосу разума являлось в представлении поэта признаком рыцарского благородства и добропорядочности. Он пишет: «Влюблённый является рабом, пленником, подчинённым своей возлюбленной... он должен обладать самыми возвышенными качествами благородного человека, рыцаря, героя» (6, 214).

В оценке своего женского окружения поэт был настолько же взыскателен и щепетилен, как и в оценке произведений искусства. «Если серьёзно, то хороших женщин нет. У нас нет интересных женщин», – признавался он². Под «хорошей женщиной» поэт подразумевал женщину, наделённую «глубиной души, нежностью и эмоциональностью», которая, кроме физической чувственности, имела бы ещё и духовные запросы. Только гармоническое сочетание этих двух составляющих может свидетельствовать о подлинной привлекательности женщины. А духовные запросы, естественно, могла иметь только образованная, интеллигентная женщина, которая «знает литературу, читает, пишет, интересуется наукой и жизнью своего окружения»³. Однако даже этого качества – образованности, интеллигентности, начитанности и широкого кругозора – было ещё недостаточно, чтобы сделать женщину идеальной. Такая женщина, по словам Туманяна, может быть интересной «как собеседница, она располагает литературной, художественной информацией, однако не женственна, у неё нет женской нежности и привле-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 178.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 203.

³ Там же.

кательности, чтобы заинтересовать. Исключением является Жорж Санд. У нас этого нет, нет – и всё; разве это лёгкое дело – быть хорошей женщиной?»¹.

И действительно, в эпоху Туманяна исключительно редкими были образованные, интеллектуально развитые женщины. Поэт говорил, что «женщина должна быть образованной, она должна развиваться с помощью прекрасной литературы и искусства. Она должна сочетать в себе красоту и науку, жизнь и науку»².

Представления Ованеса Туманяна о женской красоте далеки от образа внеземной, эфирной, бледнолицей женщины с болезненным видом. Нет, по-настоящему красивая женщина должна была быть другой. «Здоровое лицо пылает, глаза сверкают, этот огонь заставляет человека забыть о многом. Женщина должна быть с изюминкой, бойкой – это важно»³. В другой раз и по другому поводу поэт скажет: «Женщина вместе с бойкостью должна быть умной и серьёзной»⁴.

***

С Ованесом Туманяном встречались, восхищались им, удостаивались его благосклонности и дружбы, теплоты и любви, а нередко – братской или отеческой заботы многие окружавшие его женщины. Среди женщин, общавшихся с Туманяном, были Иоанна Брюсова, Нино Табидзе, Арус Восканян, Анаис (Евпине Аветисян), Забел Есаян, Рипсима Погосян, Флора Дастакян, Азнив Грачья, Эгине Мелик-Айказян, Маша Сурабян, Варсеник Геворкян, Варсеник Агасян, Серик Давтян, Нвард Егигян-Багдасарян, Саломе Джрбашян и другие.

Работавшая летом 1915 г. в Эчмиадзинском аду сестрой милосердия Нвард Егигян-Багдасарян вспоминает, что поэт самым серьёзным образом беспокоился, когда кто-либо из сестёр милосердия отказывался от пищи в пользу детей-сирот. Она в своих воспоминаниях пишет: «Я чувствую себя счастливой, что имела возможность работать под его руководством»⁵.

Актриса Арус Восканян до встречи с поэтом мечтала познакомиться с ним. «Я испытывала чувство обожания к далёкому, словно мечта, Ованесу Туманяну»⁶. Увидев поэта в первый раз, она «заво-

---

¹ Там же, с. 218.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 220.

⁵ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 686.

⁶ Там же, с. 724.

рождённо» рассматривала его «статный рост, лучезарную голову, красивое и светлое лицо, задумчивые и добрые глаза»¹.

Поэтесса Рипсима Погосян тайком от родителей с балкона своей квартиры с любопытством и интересом рассматривала в бинокль окна противоположного дома, где жил Ованес Туманян². Молодой поэтессе, которая была на тридцать лет младше поэта, он представлялся «человеком большого сердца, богатая сущность которого никогда не иссякала»³.

Другая молодая поэтесса Флора Дастакян отмечает: «Каждый раз заходя к Туманяну, я чувствовала себя на каком-то сказочном, волшебном острове»⁴. Когда она впервые встретилась с поэтом, то от волнения онемела: «Мой язык стал заплетаться... Дорогой, неповторимый взгляд, подобного которому я не видела за всю свою жизнь»⁵.

Актриса Азнив Грачья спустя два года после знакомства с Туманяном, 17 ноября 1909 г., публикует в газете открытое письмо, в котором признаётся в своих высоких чувствах к поэту: «Мой благородный и прекрасный друг... Хотя я и не видела Вас, но душой всегда жила там, где жили Вы... Ах, как бы мне хотелось увидеть Вас однажды»⁶.

С большой восторженностью, любовью и обожанием отзывалась о Туманяне Иоанна Матвеевна Брюсова. Она признавалась, что её воспоминания о встречах в 1916 году с Туманяном, этим «самым любезным и душевным человеком», стали для неё самыми яркими. Она пишет: «...Из всех моих воспоминаний о встречах в Тифлисе воспоминание об Ованесе Туманяне самое яркое. Все лица заслонены неизгладимым образом незабвенного поэта. Туманян встречал Брюсова, Туманян организовывал вечера выступлений Брюсова, Туманян созывал гостей в своей квартире в честь Брюсова, Туманян устраивал экскурсию на могилу Саят-Новы, Туманян повел Брюсова на гору «Давида» и в монастырь св. Давида, чтобы Брюсов поклонился памятнику Грибоедова, Туманян показывал Брюсову знаменитый тифлисский Ботанический сад и окрестности города. Туманян помог нам выехать в Эривань». И обобщает свои впечатления: «Все лица потускнели перед нестираемым образом незабываемого поэта»⁷.

---

¹ Там же.

² Там же, с. 765.

³ Там же, с. 769.

⁴ Там же, с. 772.

⁵ Там же, с. 772-773.

⁶ «Туманян. Исследования и публикации», т. 5, с. 333-334.

⁷ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 694.

Среди впечатлений, разных мнений и характеристик, данных окружавшими Ованеса Туманяна женщинами, нам хотелось бы особенно выделить воспоминания грузинской поэтессы Нино Табидзе. Она описывает, как она увидела поэта, шагавшего по улицам Тифлиса погожим солнечным днём. «Излучая солнце вокруг себя... он словно давал жизнь и радость всей округе»¹.

Ованес Туманян очень дорожил общением и дружбой с Эгине Мелик-Айказян, которую считал очень приятной, замечательной собеседницей. Она была дочерью известного мецената, филантропа и благотворителя Александра Мелик-Айказяна. Мать Эгине Варвара, подобно дочери, была большой поклонницей творчества Туманяна. Она в своём завещании выделила для поэта проценты с огромной суммы, которые составляли 600 рублей в год. Ещё столько же денег она завещала журналу «Аскер» и изданиям детской литературы, где Ованес Туманян являлся центральной фигурой. Поэту была выплачена единовременная сумма в размере 3.000 рублей. Заметим, что ни одной копейки из этой суммы поэт не потратил на личные нужды. Он купил на эти деньги участок в местечке Игатак, чтобы построить там Дом творчества писателей.

АРМЕНИИ ТИГРАНЯН

То обстоятельство, что Туманян был женатым человеком и отцом большого семейства, не становилось препятствием для того, чтобы многие женщины увлекались поэтом и стремились к новым встречам с ним. Среди них было немало таких, которые были влюблены в поэта и при этом прекрасно понимали, что их любовь так и останется безответной и безнадёжной, что их мечтам о взаимности не суждено сбыться. Были также случаи, когда влюблённые в поэта женщины открыто признавались ему в любви, и поэт, оказавшись в весьма неловкой и щекотливой ситуации, был вынужден вежливо и тактично отказывать им. В числе таких женщин была поэтесса Арменуи Тигранян, сестра композитора Армена Тиграняна. Она призналась в своих чувствах к Туманяну летом 1910 года. Арменуи была одной из самых интересных, образованных, интеллигентных женщин в окружении поэта. Она родилась и выросла в музыкально-литературной среде, была большим любителем искусства, дружила с Ованесом Туманяном, Аветиком Исаакяном, Вааном Терьяном, Егише Чаренцем. Она считалась очень красивой, эффектной и привлекательной женщиной, была наделена активным и сильным характером, была энергичной, темпераментной, прямодушной, эман-

---

¹ Там же, с. 731.

сипированной и открытой для своего времени. В каком бы обществе она ни появлялась – всегда оказывалась в центре внимания. Туманяну она говорила, что стоит выше всяких предрассудков. «...Я выбрала Вас, – писала она, – которому вверяю своё доверие»¹. В этот важный, можно сказать, кульминационный момент своей жизни поэтесса решила сжечь за собой все мосты, пойти на поводу у обуревавших её чувств, совершенно не считаясь с тем обстоятельством, что у Туманяна есть жена и десять детей. Далее в своём письме она писала о том, что большая, страстная любовь несовместима с рассудочностью: «А там, где рассуждение, там не может быть «экстаза», «чистого экстаза». Я уважаю Вас «самым возвышенным образом». И я уважаю Вас, имея в виду Вашу личность, то, что Вы не причините мне хлопоты и не создадите мне проблем»². Благородная и честная душа Туманяна не позволила ему воспользоваться создавшейся ситуацией и, тем более, сделать это очень личное признание несчастной, потерявшей голову влюблённой женщины предметом сплетен и пересудов. И поэт сделал всё, чтобы очень тактично и деликатно остудить её пыл и направить её поиски «чистых экстазов» в другое русло. При этом он пытается разуверить её в его идеальности и хочет сойти с того пьедестала, на который его поставило воображение Арменуи. «Вы, дорогой поэт, – пишет она в том же письме, – выразились очень ясно... Вы сказали, что мы ещё не знаем друг друга... Я ещё молода, и Вы можете составить очень невыгодное мнение обо мне, тем более как о женщине»³. Можно не сомневаться в том, что Туманян самым тщательным образом подбирал слова, чтобы его отказ ненароком не обидел Арменуи. И она, стараясь своё уязвлённое самолюбие, замечает, что, прочитав его ответ, «не поспешила обидеться». Её в большей степени заботило и беспокоило то, что поэт мог составить неверное представление о её переживаниях и даже разочароваться в ней. «Вы могли подумать, что я поступила так под воздействием минутного порыва, побуждаемая чувством... Поверьте мне, что это моё желание было продумано ещё за несколько лет до нашего разговора, когда я была ещё маленькой девочкой»⁴.

Арменуи Тигранян в выражении своих чувств проявила большую смелость и была уверена, что общественное мнение обязано проявить снисходительность к ней, не должно судить её строго: «Я думала: кто осудит меня, большого любителя искусства?», – зада-

---

¹ «Туманян. Исследования и публикации», т. 5, с. 340.

² Там же, с. 341.

³ Там же, с. 339.

⁴ Там же, с. 359.

валась риторическим вопросом Арменуи и при этом не скрывала, что она вовсе не является глашатаем платонической любви¹.

Заметив и почувствовав, что Туманян деликатно уводит тему разговора в сторону, Арменуи окончательно убеждается, что ждать взаимности ей не приходится, и пытается оправдаться. «Вы правы, – пишет она поэту. – Но ведь я молода и, как принято говорить, «неопытна». Я «несмышлёная»... не даю отчёта своим словам и речам»².

В последующие годы, во многом благодаря деликатному и тактичному ответу Ованеса Туманяна и его способности, отказав влюблённой в него женщине, плавно перевести этот несостоявшийся роман в русло чисто приятельских, дружеских отношений, между поэтом и Арменуи Тигранян сохранилась искренняя дружба. В 1914 г. поэтесса издала сборник стихотворений под литературным псевдонимом Менуи, который удостоился внимания и поощрения со стороны Туманяна. А 15 мая 1914 года, в день открытия мемориального памятника Саят-Новы на паперти армянской церкви Сурб Геворк, Туманян предоставил Арменуи Тигранян честь и право выступить с речью от имени сообщества армянских женщин. Поэт неоднократно помогал ей в трудоустройстве и различных других вопросах. К сказанному добавим, что впоследствии Арменуи Тигранян стала женой Вардгеса Агароняна и невесткой известного писателя Аветиса Агароняна, друга Ованеса Туманяна.

Когда 22-летняя Арменуи Тигранян влюбилась в Ованеса Туманяна, поэт был почти на двадцать лет старше неё. Убедившись, что её любовь безответна и что самое большее, на что она может рассчитывать, – это отеческое и дружеское отношение поэта, молодая поэтесса попыталась приспособиться к реальной жизни. Она сумела укротить свои чувства, смириться с недостижимостью своих грёз и довольствоваться дружбой с поэтом. Её взрослая жизнь только начиналась, для неё всё ещё было впереди. Но всё равно и несмотря ни на что Ованес Туманян оставался её первой любовью, весной её души, человеком её девичьих грёз, растопившим своей удивительной улыбкой лёд её сердца, разбудившим в ней женщину и отнявшим душевный покой.

Между тем за несколько лет до этого Ованес Туманян писал письма совершенно иного содержания, иного уровня и иной тональности другой женщине, – княгине Мариам Туманян.

---

¹ Там же, с. 341.

² Там же, с. 343.

ЗАБЕЛ ЕСАЯН

Как уже было отмечено, в начале двадцатого столетия в армянской действительности было не так уж много образованных, интеллигентных женщин, и очень немногим из них посчастливилось удостоиться расположения, дружеского отношения и, что также очень важно, уважения со стороны Ованеса Туманяна. Среди них была западноармянская писательница, переводчица и публицистка Забел Есян – одна из передовых женщин своего времени, высоко державших звание и авторитет армянской женщины. Она приехала в Тифлис вместе с жёнами и осиротевшими детьми западноармянских творческих деятелей и интеллигентов, ставших жертвами турецких и курдских головорезов. Туманян сразу же поспешил встретиться с этой группой запуганных, истрадавших, прошедших через все мыслимые и немыслимые физические и душевные испытания людей. Так в самом зените величайшей национальной трагедии познакомились два больших армянских писателя. Случилось это в ноябре 1915 г. По утверждению Забел Есян, поэт с первой же минуты их встречи произвёл на неё впечатление «исключительного человека»¹. Следующий, 1916 год, стал особенным в жизни Забел Есян, поскольку она почти ежедневно встречалась с Туманяном. Они вместе обсуждали бесчисленные неотложные проблемы, связанные с обустройством и оказанием организованной помощи западноармянским писателям и беженцам. Эти встречи преимущественно проходили в квартире поэта. Когда писательница заболела воспалением лёгких, Туманян проявлял о ней большую заботу².

Туманян снискал себе славу галантного человека, настоящего рыцаря и джентльмена. Он очень любил дарить знакомым женщинам цветы. В свои письма он часто вкладывал лепестки цветов. Стоило ему пройти с какой-нибудь женщиной мимо цветочного магазина или даже просто услышать от неё, что ей особенно нравятся такие-то цветы, как он сразу же покупал и дарил ей именно эти цветы. В феврале 1916 г. на улице Головинской Туманян подарил З.Есян корзину голубых гиацинтов. На следующий день поэт, забыв о своём подарке, но помня при этом, что женщине нравятся именно голубые гиацинты, снова покупает корзину цветов и дарит ей³.

Забел Есян чаще многих других встречалась с поэтом и была одной из тех его проницательных современниц, которые умели подмечать в нём самые разные стороны и признаки характера. Так, она подметила его склонность к самопожертвованию. «Он растрачивал

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 151.

² Там же, с. 166.

³ Там же.

свои материальные средства и время на то, чтобы доставлять другим радость и удовольствие, и это делало его счастливым. Он излучал свет вокруг себя своим исключительным обаянием и щедрым раздариванием всех имевшихся в его распоряжении средств, никогда не думая о себе, о своём покое и непосредственном окружении, не думая о будущем»¹. Продолжая свою мысль, З.Есаян пишет: «Он был мудрым человеком и глубоко проникал в психологию людей»².

Сотрудничество Ованеса Туманяна и Забел Есаян с целью оказания необходимой помощи западноармянским беженцам и детям-сиротам было довольно продолжительным. Они были единомышленниками и, можно сказать, понимали друг друга с полуслова. В сентябре-октябре 1917 года они вместе участвовали в работе «Армянского национального съезда», где Забел Есаян была в составе западноармянской делегации. Во всей её последующей жизни так и не потускнел образ Туманяна, этого «удивительно гордого, оптимистичного, наделённого щедрым и горячим сердцем, мудрого, исключительного и бесподобного человека, родного брата»³. Она всегда отмечала его «столь большое обаяние» и была счастлива, что в самые трудные годы своей жизни с нею рядом был и искренне дружил с нею Ованес Туманян, великий человек и великий поэт.

ЗЕМНАЯ МУЗА ПОЭТА

В самом начале 1900-х годов Ованес Туманян был непродолжительное время увлечён школьной учительницей Варей Хандамирян, которую он в полушутку именовал «Симпатией». Увлечение это было поверхностным и не столь уж значительным. Поэт часто бывал дома у молодой учительницы, помогал ей советами, долго с ней беседовал и иногда о чём-то спорил. Ему часто приходилось видеть, как Варя проверяет тетради учеников, и как-то он поделился с ней своими взглядами о важности методики оценок. Для большей убедительности он подкрепил своё мнение цитатой из Ницше: «Оценивать означает создавать» (т. 6, 392).

Увлечение Варей Хандамирян нашло своё выражение в художественном творчестве поэта. Впервые после длительного, почти десятилетнего перерыва Туманян написал три любовных стихотворения, посвящённых Варе Хандамирян. Это «Сижу я, печальный, один на скале», «Сестра моя, иди своей дорогой...» и «Изгнанник я,

---

¹ Там же, с. 163.

² Там же.

³ Там же.

сестрица». Как показало время, этим произведениям суждено было стать последними любовными стихотворениями в его творчестве.

Сестра моя, иди своей дорогой,
И пусть она окажется светла.
Не улыбайся! Рук моих не трогай!
Нет, я не друг тебе, моя сестра.

Отвергнув путь, спокон веков известный,
Тоской неодолимою дыша,
Взмывая в небо, опускаясь в бездны —
Скитается, безумствуя, душа.

Нет рук таких и нет таких объятий,
Чтоб удержать ее, остановив —
Она не примет кроткой благодати,
Умчась туда, куда влечет порыв.

Быть может, в мире нет ее безвинней,
Но сколько душ она сведет на нет,
Пред тем, как в темной и глухой пустыне
Она погасит свой опасный свет...

Покуда не померкли и прекрасны
Черты твои, покуда грусть остра, —
О том, чтоб разминулись мы в пространстве,
Молись, сестра! Молись, моя сестра!
(Пер. Б. Ахмадулиной)

Поэт понимал, что его чувства к девушке — всего лишь мимолётное увлечение, порыв души, что Варя — это не та личность, которая может по меньшей мере понять его. Забегая вперёд, скажем, что ни одной женщине из окружения Туманяна так и не удалось проникнуть в глубину души поэта, увидеть «пену её дна». Поэту было грустно при мысли, что люди его окружения, а тем более близкие и родные ему люди не способны были воспринимать поэзию жизни, понимать трепет и вибрацию ранимой и нежной души поэта. Именно таким недостаточно чувствительным и тонким человеком и была, по его убеждению, его «симпатия», Варя Хандамирян. Вот почему он подарил ей своё стихотворение-посвящение со следующей припиской: «Но Вы поэзию не любите, во всяком случае, стихи, насколько я знаю, и жаль, что я это знаю» (9, 321).

Это увлечение поэта не имело ничего общего с любовью, со страстью. Во всех трёх стихотворных посвящениях Варе он просит её уйти с его дороги, из его жизни, из его мыслей. Он просит судьбу и провидение лишить его возможности видеть её, встречаться с ней. Их жизненным путям суждено было разойтись – ведь он был поэтом, человеком с ранимой, лирической душой, который «всегда испытывает тоску, стремление быть связанным красивыми, художественными нитями с нежным существом, страстное желание иногда жить мечтами и грёзами» (9, 301). Искренние, «художественные отношения» двух красивых душ в представлении поэта всегда были более нравственными, чем «законные отношения», не опирающаяся на настоящие чувства. Будучи одним из самых образцовых супругов и отцов семейства среди армянских писателей, Туманян писал о соединении двух любящих сердец следующим образом: «Это более порядочная и приемлемая связь, нежели даже супружеская, освящённая церковной церемонией и занесённая в метрическую книгу» (9, 301)¹.

Ованес Туманян, как уже отмечалось, умел хранить свои и чужие секреты. Он был скрытен и бережно хранил в самых глубоких, затаённых уголках своей души информацию, которая не была предназначена для других людей, какими бы близкими они ни были. К нему с прямыми расспросами подходили самые близкие друзья – Аветик Исаакян, Левон Шант, Филиппос Вартазарян, но ни одному из них не удавалось вывести у поэта как его личные, так и доверенные ему чужие секреты².

Варя Хандамирян была в очень близких и доверительных отношениях как со всей семьёй Туманяна, так и, в частности, с его женой Ольгой. Но в какой-то момент она начала избегать контактов и встреч с Ольгой, что могло привести к охлаждению отношений или даже к окончательному их разрыву. Ольга всегда любила и ценила Варю и поддерживала с ней дружеские и даже родственные отношения. «Внешнее безразличие» Вари к чужому мужу, возможно, диктовалось страхом, нежеланием страдать из-за недостижимой любви, а возможно, девушке не хотелось причинить своими чувствами боль Ольге. Растерянность и смущённость вконец запутавшейся в своих чувствах Вари производили на Филипа впечатление кокетства и жеманства. Среди многочисленного женского окружения поэта только Варя Хандамирян на какое-то время вызывает в

---

¹ Там же.

² «Туманян. Исследования и воспоминания», т. 4., с. 356.

сердце Ольги чувство ревности и озабоченности. Но Туманян поспешил успокоить и утихомирить жену, убеждая её, что у девушки «настолько чистое сердце, что она неспособна переступить границу дозволенного» (9, 323). Впрочем, ревновала поэта не только его жена. Сестра Филипа Маруся Вартазарян, в свою очередь, пыталась убедить Туманяна, что Варя не достойна быть его «симпатией».

Как бы то ни было, в течение одного-двух лет поэта продолжали серьёзно беспокоить чувства Вари Хандамирян.

В июне 1904 г. Ованес Туманян находился в Эчмиадзине, откуда отправился посмотреть на руины Звартноца. Там он заметил, насколько внимателен и заботлив историк Акоп Манандян по отношению к Варе, как он «крутится и вертится вокруг неё». «Я расскажу об этом позже, – пишет поэт жене. – Да позаботится Бог, чтобы всё наладилось. А что буду делать я – не знаю...» (9, 432). А ещё через несколько дней, 21 июня 1904 г. он сообщает Ольге, что «Манандян сделал предложение Варе. Варя дала согласие» (9, 333).

Летом 1904 г. поэт раз и навсегда закрыл эту сокровенную страницу своей жизни. Тем не менее, в результате чистых и высоких отношений между поэтом и Варей армянская литература обогатилась тремя замечательными образцами любовной лирики. На обвинение Филипа в том, что поэт испугался своих чувств, не захотел пойти навстречу своей зарождавшейся любви, тридцатитрёхлетний отец восьми детей ответил так: «Ты пишешь, что я не захотел любить. Нет, хотеть-то хотел, но не мог и, наверное, никогда не смогу любить». Нет, хотеть хотел, но не смог и, наверное, никогда не смогу полюбить всем сердцем, потому что... здесь уже целая биография кроется» (9, 439). Вот почему единственно правильным решением поэту представляется отказ от любви. В приведённом выше письме он пишет: «И удовольствия жизни, и женская любовь из моего сердца» (9, 439). Нет, поэт не отрекался, не открещивался от своей любви, не скрывал её и не прятался от неё, но для него это не была любовь в физическом смысле, потому что она родилась из «сильной душевной тоски, и в этой любви вообще душа очень явно доминирует»¹.

Сказанное, конечно, вовсе не означает, что Туманян отрицал физическую, телесную сторону любви, – ничего подобного, просто он подчёркивал, что форма обращения к Варе – «сестра», «сестрица» – родилась из недостижимой отдалённости предмета любви, от безнадёжности и безысходности. В этом обращении поэт акцентировал более широкий, более масштабный смысл любви к человеческой личности вообще, которая во всех отношениях выше обычной любви.

---

¹ Там же, 441.

Стихотворения, посвящённые Варе Хандамирян, родились из глубокого понимания непримиримых противоречий между прекрасными человеческими порывами и условностями, консервативным, ретроградским и ханжеским общественным мнением. Видимо, поэтому в этих стихотворениях Туманяна нет его обычного жизнеутверждающего оптимизма; в них, напротив, довлеет трагическая тональность, которая также нередко встречается в его художественном творчестве.

В последние месяцы своей жизни, окидывая ретроспективный взгляд на свой жизненный путь, поэт признался, что этот период его биографии был не столь уж близок и свойствен ему, что это был байроновский период¹.

КНЯГИНЯ МАРИАМ ТУМАНЯН

Княгиня Мариам Туманян была дочерью происходившего из рода арцахских князей (меликов) известного юриста и общественного деятеля Маркоса Долуханяна. Многовековая история армянской культуры не может указать другую такую тесную, искреннюю и бескорыстную дружбу между интеллигентной, образованной творческой натурой и писателем, какой была дружба княгини Мариам Туманян и Ованеса Туманяна. Скажем больше – подобные тёплые и доверительные, чистые и поэтические человеческие отношения между мужчиной и женщиной уже сами по себе – большая редкость.

Ованес Туманян и княгиня Мариам Туманян познакомились ещё в 1892 году, когда 23-летний поэт работал в конторе Армянского издательского общества. С первого же дня знакомства Туманян произвёл на княгиню исключительно большое, неизгладимое впечатление. В своих воспоминаниях она признаётся, что ей в первую очередь понравилась его приятная внешность и излучаемый ею свет². С самого начала знакомства между ними возникает взаимная симпатия и любовь. Поэт был для княгини мечтой, с которой она не хотела расставаться; сном, от которого она не хотела пробуждаться. В её глазах поэт стоял неизмеримо выше неё, был очень сильным в нравственном отношении, имел целый ряд больших преимуществ. Вскоре княгиня познакомила поэта со своим мужем, Георгием Тумановым, по мнению которого жена сильно преувеличивала одарённость поэта. Каждый раз, когда поэт приходил к ним домой, Туманов с иронией говорил жене: «Вот, пришёл твой Пушкин», а она

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 291.

² Мариам Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 95.

ему отвечала: «Вот увидишь, Туманян превзойдёт Пушкина»¹. В представлении поэта его взаимоотношения с княгиней «были основаны на нежности сердца и честности души» (т. 9, 350).

***

Уже отмечалось, что в начале 1900-х годов материальное положение Ованеса Туманяна было особенно тяжёлым. Когда речь заходила о продолжении образования за границей, он со вздохом отвечал: «За-гра-ни-ца... Я не могу жить в этой границе, а ты посылаешь меня за границу... У меня на плечах семья побольше эчмиадзинской конгрегации... Для меня было бы большой удачей, если бы я сумел расплатиться с долгами, обрести свободу ходить по той или иной улице, или избавиться от необходимости влезать в долги» (9, 220). У тестя поэта, Тер-Ованеса, не было сыновей, и он в глубине души надеялся уломать зятя, надеть на него рясу священника и передать ему в наследство свои приходы. В минуту полного отчаяния и безысходности поэт, чувствуя, что ему не на что рассчитывать, принимает решение стать священником. Узнав об этом, Мариам Туманян очень расстроилась, её охватил ужас от одной только мысли, что поэт наденет на себя священническую рясу².

Княгиня переживала за Туманяна так, как можно переживать только за самого родного и близкого человека. Промучившись всю бессонную ночь, она под впечатлением ночных кошмаров стала серьёзно беспокоиться о том, как бы поэт от безысходности не наложил на себя руки. На следующее утро в девять часов она поспешила к редактору журнала «Мурч» Костандину Красильнику и попросила его включить поэта в штат своих сотрудников. Женщина была настолько возбуждена и взволнована, что во время изложения своей просьбы оказалась близка к обморочному состоянию. «Мне дали выпить валерьяновых капель, но чем больше заботы проявляли обо мне, тем горше я плакала... – Вы понимаете? – говорила я, – Туманян из-за безвыходного положения принимает сан священника... неужели это не позор для нас, разве мы не в состоянии обеспечить такого талантливое поэта?...»³.

Всё, что происходило с Ованесом Туманяном, проходило через сердце и душу княгини. «Любая Ваша печаль находит отклик в моём сердце», – признаётся она Туманяну⁴. Княгиня стучит во все две-

---

¹ Там же, с. 96.

² Там же, с. 119.

³ Там же, с. 121-122.

⁴ «Туманян. Исследования и воспоминания», т. 5, с. 290.

ри, обращается ко всем потенциальным работодателям и благотворителям. «К кому она только не обращалась! И к Католикосу, и к Манташеву...» (9, 245). Её старания, к счастью, были не напрасными. Поэт и на этот раз отказался от своего отчаянного намерения.

Княгиня вместе с другими меценатами поэта подарила Туманяну самый лучший, самый насыщенный, счастливый и плодотворный период в его творческой жизни – абастуманскую осень. Период этот ознаменовался новым духовным подъёмом, новой ступенью к совершенствованию художественного мастерства поэта. В Абастумане Туманян напряжённо и успешно работал над своим очень важным в творческом отношении сборником стихотворений 1903 года, в финансировании которого в числе других меценатов и спонсоров участвовала и княгиня. Она составила циркулярное письмо-обращение, адресованное читающей общественности, с просьбой поддержать поэта. Поэт был сильно опечален, его гордость, честолюбие и чувство человеческого достоинства были уязвлены. Он решительно воспротивился против рассылки этого циркулярного письма-обращения, причём сделал это в самой категоричной форме, не желая выслушивать никаких обоснований и аргументаций. Он решительно запретил своим покровителям и меценатам обращаться к кому-либо от его имени или даже просто упоминать его имя и таким путём продвигать своё предложение. «Я наотрез отказался... этот случай, который в нашем окружении вызвал у кого-то зависть, очень сильно подействовал на меня...» (9, 359). Поэт пишет: «Что с того, что будучи поэтом, находясь в материальной нужде, вынужден рассчитывать на помощь нескольких людей? Неужели я должен ещё и циркулярным письмом провозглашать свою бедность и собирать вспомоществования?.. Этого заявления быть не должно» (9, с. 343). Он пишет письмо автору циркулярного письма княгине Мариам Туманян: «Не может быть более тяжёлого и трудного случая для человека, чем когда его забота и задача жить и содержать семью выходит из-под его контроля и выносится на площадь...» (9, 350)¹. «Дорогой мой, – ответила ему княгиня, – неужели Вы сомневаетесь, что вместе с Вами мучается и моё сердце, неужели Вы думаете, что мне не обидно обращаться к тем или иным людям, чтобы помочь Вам... Мне причиняет большую боль, что я не в состоянии обеспечить Вас настолько, насколько необходимо... моё самое большое желание – защитить Вас так, чтобы ни один человек не касался Вашего ранимого сердца, чтобы Ваша душа была спокойна»².

Мариам Туманян была настолько уязвлена и взволнована, что

---

¹ Там же, с. 350.

² «Туманян. Исследования и воспоминания», т. 5, с. 289.

оставила письмо недописанным, а на всём протяжении изложения своих мыслей не переставая плакала. Её любовь к поэту была намного больше, чем может быть любовь покровителя и опекуна к своему подопечному, и даже больше, чем любовь обычной женщины к обычному мужчине. Её любовь была намного возвышеннее, намного чище. «Вы можете поверить, что во время написания этих строк я плачу? – оправдывается она. – Плачу, потому что не могу защитить Ваше сердце от грубых рук. Я хотела бы лелеять Вас, как какой-нибудь нежный цветок, охранять Вас как от обжигающих солнечных лучей, так и от зимнего холода. Любая Ваша печаль находит отклик в моём сердце, я приложу все средства и усилия, чтобы держать подальше от Вас все эти одолжения и укусы»¹.

Для того, чтобы обеспечить нужды Туманяна, княгиня предложила поэту стать репетитором, домашним учителем для её детей. Поэт берётся за эту работу, однако уроки через-три четыре месяца прекращаются.

В 1908 г. княгиня предприняла издание 15 детских книжек Ованеса Туманяна в серии «Детская библиотека». Книги были красиво иллюстрированы и вышли в свет в учреждённом княгиней издательстве «Княгиня Мариам Туманян и КО».

***

Переписка Ованеса Туманяна и Мариам Туманян является одной из самых прекрасных и непреходящих страниц в истории армянской литературы и культуры. В ней сохранились не только отголоски знаменательных событий национально-духовной жизни эпохи, но и очень личные признания наших двух замечательных соотечественников – великого армянского поэта и великой женщины в своей тайной взаимной любви. Эта переписка представляет собой историю уникальной, исключительной взаимной привязанности и любви двух замечательных, масштабных и благородных личностей.

Сформировавшаяся взаимная симпатия и дружба между Ованесом Туманяном и Мариам Туманян постепенно перерастала в более возвышенное чувство – в земную, но вместе с тем и в неземную любовь. Для поэта «в минуты душевной близости» Мариам Марковна превращалась в Мармар. Такая форма обращения была довольно меткой и выразительной, поскольку она, с одной стороны, была составлена из соединения первых слогов имени и отчества княгини, а с другой – выражала мраморную белизну её лица.

Благодаря своему княжескому званию и занимаемому в об-

---

¹ Там же, с. 290.

ществе положению Мариам Туманян жила великосветской жизнью, была вхожа во все дома крупных государственных деятелей и лично встречалась и общалась с российской императрицей Марией Фёдоровной, а несколько позднее – и с её сыном Николаем Вторым. Активной общественной деятельностью она стала заниматься в возрасте двадцати одного года. Она была членом правления нескольких издательских обществ и периодических органов. По её собственному признанию, она «горела на работе», жила полнокровной жизнью и чувствовала себя счастливой и удовлетворённой только в деловой суете, а в свободные часы «уставала и даже часто падала в обморок»¹.

В армянской женской среде княгине завидовали, о ней сплетничали и злословили, поэтому она предпочитала водить дружбу с мужчинами, в особенности с писателями и деятелями культуры и искусства. Круг интересов и деятельности княгини был необычайно широк. Она учредила благотворительную организацию и председательствовала в ней в 1903-1907 гг., организовывала бесплатные чайные и столовые, основала Кавказское общество борьбы с чахоткой, а также ковроткацкие мастерские, сиротские приюты, в которых питомцы называли её мамой – «майрик». Точно так же годами позже в Эчмиадзине дети-сироты будут называть Ованеса Туманяна отцом – «айрик».

Разумеется, самая передовая, высокообразованная женщина-армянка, наделённая к тому же весьма привлекательной внешностью и столь же привлекательной душой, богатым внутренним миром, не могла оставить равнодушным поэта, тем более, что они стали близкими друзьями с первых же дней своего знакомства – ещё в 1892 году.

Для внешнего мира, для широкого круга своих друзей и знакомых княгиня Мариам Туманян была очень счастливой и благополучной женщиной с завидной судьбой. Но, между тем, существовала ещё и другая действительность, невидимая и тщательно скрываемая от посторонних глаз. На самом деле мать шести детей не была счастлива в своей семейной, супружеской жизни. Её выдали замуж совсем ещё юной девушкой, в возрасте шестнадцати лет. Её муж Георгий Туманов, хотя и никогда ничего ей не запрещал, ни в чём её не ограничивал, любил и относился к ней с глубоким уважением, был почти вдвое старше её, никогда не чувствовал взаимности, не вызывал в ней ответной любви².

Ованес Туманян в своих письмах часто рассказывал княгине о

---

¹ Там же, с. 6.

² Там же, с. 196.

своей тоске и своих сожалениях. Осень в Абастумане наводит поэта на грустные размышления: «Под лучами закатного солнца я думаю, что и конец, и смерть может быть красивой, как осень в этой долине» (9, 359).

Эти строки письма Туманяна княгиня выучила наизусть и повторяла их про себя много раз – и когда стояла в тоскливом одиночестве у могилы поэта, и много лет спустя, когда излагала свои воспоминания о самом дорогом для себя человеке, о самой большой любви в своей жизни. Ованес Туманян очень высоко оценивал свою «нежную подругу», «прекрасную издательницу», «трепетное сердце своей поэзии» (10, 77-78).

Начиная с 1901 г. в переписке Туманяна и княгини можно встретить прямые и косвенные признания во взаимной любви. Так, в письме за 19 июля 1901 г. поэт, в отвлечённой форме рассуждая о тоске вообще, неожиданно заявляет, что княгиня Мариам наделена самыми лучшими качествами женщины-армянки. «Чем больше женщин я встречаю, беседую с ними, узнаю их, тем больше тоскую по нашим психолого-философско-поэтическим беседам» (9, 261). В своём письме за 7 февраля 1902 г. Мариам признаётся, что «соскучилась» по поэту. В ответном письме Туманян пишет: «А если бы Вы знали, насколько я соскучился!» (9, 285). А в письме от 8 сентября 1902 г. поэт впервые послал княгине стихотворную миниатюру в четыре строки.

Ованес Туманян был ярко выраженной творческой личностью; как поэт и большой ценитель высокого искусства он был наделён утончённым эстетическим вкусом, и поэтому не мог не замечать красивых и интересных женщин, не мог не увлекаться и не влюбляться. Однако каждый раз он всё глубже и глубже осознавал иллюзорность мира грёз, который он пытался выдавать за действительность, за реальность. А реальность заключалась в том, что он был любящим и заботливым мужем и отцом большого семейства. Напомним, что на то время у него уже было восемь детей. Конечно, как и у любого другого влюблённого мужчины душа поэта требовала свободы, рвалась на свободу, однако он каждый раз обуздывал свои желания и страсти, понимая невозможность этой самой свободы, несовместимость этой свободы с его жизненными принципами, взглядами и убеждениями.

На протяжении многих лет великий поэт Ованес Туманян и великая женщина Мариам Туманян признавались друг другу в высоких и чистых чувствах – говорили о своих переживаниях, о сильной взаимной привязанности, о большой симпатии друг к другу, но за всеми этими признаниями в конечном счёте стояло признание в любви.

***

Ранняя женитьба поэта не могла посадить его душу в клетку, поставить точку на его мечтах и грёзах, какими бы несбыточными и иллюзорными они ни были. Нарушение «границ дозволенности» в любви, как уже было отмечено, Туманян не считал «грехопадением», поскольку «у любви и ненависти нет благоразумия, и в своих рассуждениях или, вернее, своих бреднях они не знают границ»¹.

В душе Ованеса Туманяна шла постоянная борьба между личными чувствами и не менее сильными чувствами любви и привязанности к семье и детям. Тем не менее, поэт нашёл в себе силы открыться княгине Мариам Туманян, рассказать ей о бушующих в его душе страстях. То, что поэт осмелился признаться в любви к замужней женщине, да ещё и матери шестерых детей, в какой-то мере объяснялось тем, что княгиня всегда выражала своё восхищение его творчеством и личностью, в общении и в переписке с ним говорила с нескрываемым обожанием и любовью. Туманян говорил ей: «Если бы Вы знали, сколько я промучился, сколько бессонных ночей я провёл, но теперь моя любовь немного смягчилась, и я могу говорить спокойно...»². Услышав это признание, Мариам едва не потеряла сознание и не упала, однако поэт поддержал её и усадил на стул. Для женщины это были «возвышенные минуты», она была счастлива, но при этом была не в состоянии выговорить хоть слово³. Она переживала большую душевную драму – ей предстояло сделать трудный выбор между семьёй и самым любимым, самым обожаемым человеком на свете. По своему собственному признанию, она «потеряла своё душевное равновесие»⁴. Проведя бессонную ночь, княгиня встала утром «с ужасной головной болью и растерянными мыслями», с неопределёнными ожиданиями⁵. На следующий день Туманян вернулся – либо за ответом, либо для «оправданий». Он сказал: «Но знайте, Мармар... Вы не можете себе представить, как трудно приказывать сердцу, чтобы молчало, когда сердце хочет говорить. Особенно трудно молчать, если ты поэт. Сколько красивых стихотворений я написал для вас и пустил на ветер!»⁶.

Княгиня Мариам Туманян всегда чувствовала, что нуждается в любви Туманяна, в его признании. У неё уже просто не хватало сил,

---

¹ Там же, т. 6, с. 242.

² **Мариам Туманян**, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 130.

³ Там же, с. 131.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 132.

⁶ Там же, с. 133.

чтобы бороться со своими чувствами, скрывать их, хотя это у неё получалось довольно плохо. При этом она не находила нужным скрывать, что не чувствует себя счастливой в семейной жизни. «Я замужем, – рассказывала она о себе, – однако не вкушаю сладости супружеской жизни. У меня идейный, честный и умный муж, но во мне нет необходимого тепла по отношению к нему, хотя я очень ценю его и глубоко уважаю. У меня есть дети, которых я очень люблю, но они не заполняют всей моей сути... У меня есть один близкий и нежный друг, ради счастья которого я была бы готова пойти на любую жертву...»¹. Она была готова на любую жертву, но когда пришло время для выбора, для решительных действий, она только и нашлась что сказать: «Не знаю...». Это своё «не знаю» она прошептала с понурой головой, растерянная и со слезами на глазах². Её неопределённый ответ не был отказом, можно даже утверждать, что это было скорее «да», чем «нет». Возможно, она своим половинчатым ответом и нерешительностью интуитивно перекладывала ответственное решение на мужские плечи – на Туманяна. Однако как бы то ни было, на поэта этот ответ произвёл отрезвляющее воздействие, и он решил отказаться от своей любви. Такое же решение приняла и княгиня. «...Мы не могли соединиться, – то ли оправдывается сама перед собой, то ли разъясняет Мариам Туманян, – поскольку нам предстояло разрушить две семьи, а счастье, построенное на несчастье другого, никогда не приносит радости человеку»³.

Поэт молча удалился и в течение двух-трёх месяцев не давал о себе знать.

Природе, сущности Ованеса Туманяна была свойственна такая форма печали и тоски, из которых рождались поэтические откровения. В своём письме, адресованном Мариам Туманян, он пишет: «Вы знаете, уже 13 лет, как я женат, но я ещё не чувствовал удовольствия быть свободным... и я чувствую только тоску... а тоска для меня является самым дорогим ощущением. Вообще насыщение, ощущение сытости, вернее, пресыщенность, опускает человека вниз. Всё возвышенное идёт от тоски. Что такое идеалы? – это томления души» (9, 260).

Между тем, после этого объяснения большая дружба между Ованесом Туманяном и Мариам Туманян продолжалась. В 1908 г. политические преследования сделали поэта узником Метехской тюрьмы, что причинило княгине большое беспокойство и горе. Она

---

¹ Там же, с. 136.

² Там же, с. 134.

³ Там же, с. 136.

несколько раз обращалась с ходатайствами к наместнику царя на Кавказе графу Иллариону Воронцову-Дашкову, приводя убедительные доводы и аргументы в пользу невиновности Туманяна. Каждый раз наместник убеждал княгиню, что ускорит расследование дела и что вскоре поэт будет выпущен на свободу¹. Княгине удалось также добиться свидания с поэтом, однако заметив в глазах тюремного начальника Рымкевича «какой-то подозрительный блеск», не решилась заходить в тюрьму и отложила это свидание с поэтом.

***

Мечты Ованеса Туманяна и княгини Мариам Туманян о соединении своих судеб так и остались неосуществлёнными. Они так и не получили того, к чему стремились, и в определённой степени перестали ощущать радость жизни. Спустя годы они обращались к этой теме, и их признания более чем красноречивы.

Когда Мариам находилась в Лейзене, Туманян в письме к ней писал: «Теперь, когда вы отдалились, в моей голове проносятся тысячи мыслей, и я сожалею, почему мы не поговорили о том-то или не сделали того-то... Прошли годы, и моя любовь немного утихла... и я то и дело сожалею и думаю, почему?.. но эти «почему» - совершенно лишние. Прошло, и всё должно пройти, а мы настолько бездарные, что не умеем жить и наслаждаться прелестями мира, и вся наша жизнь – это бесконечное сожаление» (10, 93).

Что касается Мариам Туманян, то можно с большой долей уверенности утверждать, что она сожалела не меньше, а возможно, и намного больше, чем поэт, поскольку она также упустила возможность соединиться с любимым человеком и наконец-то узнать, что такое женское счастье. Однако мы должны считаться с эпохой, с тем непреложным фактом, что она получила традиционное воспитание в обычной армянской семье, и поэтому, говоря о своём сожалении, она выражает его в косвенной форме, каждый раз ссылаясь на слова Туманяна, словно защищаясь ими и прячась за них. «Действительно, мы всю жизнь сожалеем о чём-то, как говорил Туманян», – пишет она в своих воспоминаниях.

Продолжая по-прежнему дружить с Ованесом Туманяном, княгиня словно ожидала новых признаний. Она без конца просила поэта быть с ней более непринуждённым и искренним, быть более смелым. В письме от 20 июня 1909 г. она пишет: «Ваши письма, кроме меня, никто не читает, так что можете писать мне очень искренне»².

---

¹ Там же, с. 139.

² «Туманян. Исследования и воспоминания», т. 5, с. 331.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В последние годы жизни Ованеса Туманяна в отношениях между поэтом и Мариам Туманян можно заметить некоторое, но при этом вполне определённое охлаждение. Сама княгиня приводит две причины возникшей дистанции между ними. В качестве первой причины она указывает резкое ухудшение политической обстановки, а в качестве второй – то, что к тому времени Туманян уже стал всенародно известным и материально обеспеченным поэтом и перестал нуждаться в её помощи и поддержке. С первым доводом княгини мы не можем не согласиться. В годы Первой мировой войны и Геноцида на плечи Туманяна легла забота об армянских беженцах и детях-сиротах, ему необходимо было организовывать самооборону лорийского края, ежедневно решать десятки важных и неотложных проблем. Ведь это были годы всенародного бедствия, общенационального неизбывного горя... Туманян всегда находился в самом центре всех происходивших событий. Понятно, что все переживания личного характера автоматически отодвинулись на задний план, им больше не было места в исстрадавшейся, растерзанной и израненной душе поэта.

Что же касается второй причины, приводимой княгиней, то она представляется нам неверной и совершенно неубедительной. Туманян был достаточно прославленным и в 1908 году, когда признавался в любви княгине. То же можно сказать и о материальной обеспеченности поэта. Это утверждение Мариам Туманян не соответствует действительности. До самых последних дней своей жизни поэт имел более шестидесяти кредиторов, с которыми так и не сумел расплатиться. Мариам намного лучше других понимала Туманяна, но даже ей было непонятно, что время и пространство мира поэта находятся в ином, вневременном измерении. Своё суждение она выражает следующим образом: «Непунктуальность и небрежность Туманяна действовали на меня очень плохо. С моей точки зрения, непунктуальный человек не является совершенным человеком. Деловой человек не может быть непунктуальным, потому что его время рассчитано по часам и минутам»¹. Конечно, Туманян не был «деловым человеком» в том смысле, в каком подразумевала княгиня. Нет, он был поэтом, деятелем искусства, и притом талантливым, исключительным. Он не был похож на княгиню, не был похож на её знакомых – деловых людей. Он был самим собой, он был другим,

---

¹ Мариам Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 123.

необычным, и правда была на его стороне.

Взаимоотношения Ованеса Туманяна и княгини Мариам Туманян имели очень печальный конец. В последние годы жизни поэт в своих будничных заботах значительно отошёл от многих близких ему людей и полностью окунулся в сферу национально-патриотической деятельности. Это отдаление, как мы уже знаем, очень печалило и тревожило княгиню. Если применительно к Туманяну можно с определённой долей уверенности утверждать, что любовь в его сердце испепелилась и угасла, то мы не можем сказать то же самое и о княгине. В Мариам говорила также обида, уязвлённое женское самолюбие, которое ещё больше усугубилось весной 1921 года, когда она в Дилижане попросила Туманяна довезти её с сыном в предоставленной ему автомашине до Караклиса, откуда ей было бы уже проще добраться на поезде до Тифлиса. Однако поэт не сумел выполнить её просьбу. Туманян вместе с дочерью Ашхен и её сыном возвращался из Еревана, куда он поехал, чтобы прекратить братоубийственную гражданскую войну после подавления Февральского восстания. Поэт был крайне озабочен тем, что его миссия не увенчалась успехом, что он оказался бессилен как-то повлиять на ход событий. Увидев в Дилижане княгиню Мариам, поэт вышел из машины и поздоровался с ней, однако на её просьбу подвезти её вместе с сыном ответил: «Я спешу добраться до Караклиса, через час поезд должен тронуться, меня ждут... Не могу терять ни минуты, я и без того опоздал»¹.

Трудно сказать сегодня со всей определённостью, в чём была реальная причина отказа. Туманяну никак нельзя было опоздать на поезд, до отправления которого оставалось не более часа, а княгиня, между тем, попросила его подождать двадцать минут – пока она вернётся домой и возьмёт вещи. Княгиня рассказывает об этом так: «Туманян вышел из машины и подошёл ко мне, а Ашхен осталась в машине...

- Вы же знаете, Туманян, что я две недели мучаюсь, но мне всё никак не удаётся выбраться отсюда. Когда мне сказали, что вы едете, то так обрадовалась – была уверена, что вы возьмёте меня с собой. Вещи мои уже уложены, а дом недалеко, так что минут через двадцать можем отправиться в путь»².

Однако этих двадцати минут у Туманяна не было. Возможно, кроме спешки, была и какая-то другая причина. Например, то, что поэт доподлинно знал, что в Караклисе он не сможет ничем помочь княгине. С другой стороны, в карете, кроме него самого, находились

---

¹ Там же, с. 144.

² М. Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», с. 143-144.

дочь и внук. Могла быть и другая причина, о которой мы не знаем. Но в одном мы можем быть совершенно уверены: этот отказ поэта не мог быть необоснованным.

Воспоминания современников и очевидцев всегда являются чрезвычайно важным фактором для биографии любой личности, однако не следует забывать и исключать неизбежную субъективность, присущую жанру мемуаристики. Ведь все авторы мемуаров, рассказывая о том или ином событии, делятся своими личными впечатлениями, которые могут быть и ошибочными. Об эпизоде, изложенном княгиней Мариам Туманян, других документов и упоминаний не сохранилось. Разумеется, у нас не никаких оснований брать под сомнение достоверность рассказа этой честной и благородной женщины, но, с другой стороны, описанный ею факт никак не вяжется, идёт в разрез с образом Ованеса Туманяна, который никогда никому ни в чём не отказывал.

Глаза Мариам наполнились слезами, она была обижена до глубины души, была опечалена и переживала огромное разочарование, считая, что время изменило «её Туманяна» и что он забыл прошлое. «Туманян в эту минуту упал в моих глазах со своей высоты»¹.

Несколько месяцев спустя Ованес Туманян и Мариам Туманян случайно встретились на одной из тифлисских улиц. Туманян сам подошёл к Мариам и как ни в чём не бывало со своей обычной открытой и добродушной улыбкой протянул ей руку. «Я думала, что он скажет что-то о том случае, даст какое-то объяснение, попросит прощения», – пишет княгиня в своих воспоминаниях². Но этого не происходит, и разговор разворачивается в совершенно ином направлении. Заметим, что то, что поэт не просит прощения «за тот случай», также косвенно свидетельствует о его невиновности. Однако ущемлённая гордость, уязвлённое женское самолюбие заставляют княгиню с большой горечью думать, что между нею и её обожаемым поэтом разверзлась непроходимая пропасть. «Подменили моего Туманяна», – горько сетует она и с неизменной грустью продолжает: «он уже не был моим самым лучшим другом, и мы в самом прямом смысле слова стали чужими друг другу»³.

Возможно, в этих словах Мариам Туманян и была доля истины, и время и судьбоносные события отдалили их, однако поэт не изменился и не изменил своей сущности. Более того, он продолжал нести на своих плечах бремя великой трагедии армянского народа, его «безбрежного горя», и вобрал в своё хрупкое сердце все его

---

¹ Там же.

² Там же, с. 149.

³ Там же, с. 149.

ужасы и бедствия, всю его боль. Как мы знаем, он не был обычным человеком, он был человеком-государством, человеком-нацией, человеком-народом.

Тем не менее, в 1922 году, когда Туманян был тяжело и неизлечимо болен и практически не вставал с постели, княгиня Мариам Туманян навестила его. Но перед ней уже был совершенно другой человек. От того Туманяна, которого она знала и любила много лет назад, совсем ничего не осталось. В своих воспоминаниях княгиня пишет: «Тот час, который я провела у постели Туманяна, принёс мне ужасные страдания... Я бы очень дорого заплатила, чтобы вернуть мои прежние чувства, но ничего не могла поделать и с тяжёлым сердцем покинула его...»¹. А о том, какое впечатление произвело на неё известие о смерти поэта, она пишет: «Я скорбела о смерти моего некогда близкого друга, вспоминала те сладостные часы, которые мы проводили, беседуя о литературе»².

10 апреля 1923 года, после общественной панихиды Ованеса Туманяна в помещении Армянского дома искусств, княгиня Мариам Туманян в последний раз попрощалась с поэтом, попрощалась наедине, дождавшись, когда все остальные выйдут из помещения. Сердце её билось учащённо, слёзы душили её. На память пришли давным-давно выученные наизусть строки из письма поэта: «Смерть тоже может быть красивой, как осень в абастуманской долине», и ей хотелось протестовать, кричать: «Смерть не может быть красивой!»³. Любовь в сердце княгини вовсе не погасла, она жила в её воспоминаниях, и никакое недоразумение, никакое разочарование не могло победить, свести на нет это великое чувство. Горечь, вызванная необратимой потерей, вновь разбредила её рану, растравила её сердце и разожгла угасшее чувство. «...В эту минуту я ещё глубже почувствовала, что я потеряла»⁴.

На протяжении всей своей жизни во время любого мероприятия Мариам Туманян непременно была организатором, главным действующим лицом, всегда была в центре всеобщего внимания, была первой и незаменимой; именно она решала и распоряжалась, кто и что должен делать. Но всё изменилось до неузнаваемости. Жизнь стала другой, власть была у большевиков, они были хозяевами положения, и здесь княгине делать было нечего. И эта благородная, весьма необычная женщина решила не идти на похороны своего любимого поэта «в качестве всего лишь зрителя». Однако у

---

¹ Там же, с. 150.

² Там же.

³ Там же, с. 151.

⁴ Там же.

провидения на этот счёт были свои планы.

Похороны Ованеса Туманяна состоялись 15 апреля 1923 года. Когда похоронная процессия направлялась к кладбищу Ходживанка, начался сильный ливень, размывший дороги и заставивший процессию изменить свой маршрут. И вдруг Мариам услышала какие-то голоса на улице. «Я простодушно подошла к окну, – рассказывает княгиня. – Я не предполагала, что процессия пройдёт по моей улице: это не планировалось... Я в эту минуту почувствовала сильный укол в сердце. Мне почудилось, что Туманян укоряет меня за то, что я не пошла на его похороны, чтобы проститься с ним в последний раз»¹.

Княгиня Мариам Туманян прожила после смерти поэта двадцать четыре года. До самых последних дней своей жизни она с большой горечью и сожалением думала: «почему, ну почему так закончилась» их великая дружба с поэтом?

Взаимоотношения между Ованесом Туманяном и княгиней Мариам Туманян всегда сопровождались борьбой между зовом природы и чувством долга, семейными обязательствами. Может быть, чувства поэта к Мариам были не столько любовью в полном и прямом смысле этого слова, сколько душевным порывом, стремлением к любви, желанием любить... А может, это было действительно очень сильное и глубокое чувство, которое поэт заглушил в себе...

---

¹ Там же.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ЦЕНТРЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

Ованес Туманян и национальная миротворческая доктрина

Литературное наследие Ованеса Туманяна, его жизнь, национально-общественная деятельность своими многогранными и многослойными проявлениями являются поистине неисчерпаемым явлением, и ни один исследователь не вправе утверждать, что он сказал завершенное и исчерпывающее слово о самом народном поэте Армении.

Хотя тема миротворческой деятельности Туманяна неоднократно затрагивалась в армянском литературоведении, многие важные подробности, проливающие новый свет на национальную и общественную деятельность поэта, все еще остаются недостаточно раскрытыми, продолжают оставаться в архивах и воспоминаниях современников, в периодике, в материалах так называемого «Дашнакского» судебного дела.

История знает очень немного личностей, которые становились национальными героями еще при жизни, поскольку именно в них народ видит выразителей своих чаяний и стремлений, носителей своих сокровенных идей, в особенности если этой личностью является писатель или поэт. Такой уникальной личностью был Ованес Туманян, который в начале XX столетия, в самый трагический период истории армянского народа стал символом и олицетворением его национально-освободительной борьбы, как Давид Сасунский в армянском героическом эпосе. Насущная необходимость, судьбоносные события повели поэта туда, где он был нужнее всего. Вокруг гремели пушки, и ему было не до Музы, не до творчества. Слова Брюсова «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза» перестали восприниматься как поэтическая метафора и превратились в обычную констатацию факта.

Одним из таких судьбоносных событий были армяно-турецкие столкновения 1905-1906 гг., в самой гуще которых поневоле оказался Ованес Туманян. Он с присущей ему самоиронией описывает себя – вооруженного, стоящего во главе русского отряда и при этом держащего белый миротворческий флаг. В одном из его писем чи-

таем: «Что бы вы сказали, как бы вы смеялись, если бы увидели меня в горах – обернутого в патронташи, вооруженного с ног до головы, окруженного сотнями всадников и с белым флагом» (10, 15). Он выполнял высокую миссию миротворца, был глашатаем мира, выступал мудрым и рассудительным человеком, осознающим, что худой мир лучше доброй войны. Он призывал обе враждующие стороны к прекращению насилия и кровопролития, органически отвергал любые формы провокаций со стороны властей и национальных партий, противился низменным человеческим инстинктам и атакис-тической ненависти, боролся с получившими поистине угрожающее распространение воровством и грабежами, насаждал добро.

Великий поэт и мыслитель, с полным на то правом сказавший о себе: «Душа моя Вселенную объяла», был лишен возможности заниматься творческой деятельностью и был поставлен перед необходимостью предотвращать межэтнические столкновения, гасить пламя взаимной ненависти.

Армяно-турецкие столкновения начала XX века имели несколько причин, одной из которых, быть может, первостепенной и основной была Первая русская революция, потрясшая основы империи Романовых. В числе других причин историки и политики, публицисты эпохи указывали «родовую неприязнь и ненависть, звериный, варварский инстинкт турецких кочевых племен, их природную склонность к разрушению, грабежу и уничтожению, постоянную межэтническую агрессивность и полную неспособность к цивилизации, экономическое неравенство, социальные притеснения со стороны армянских богачей, подстрекательства правительства и т.д.»¹.

На политическом небосводе Южного Кавказа все более усиливалось недовольство армянского, татарского и грузинского населения действиями властей, собственным жалким и беспросветным социальным положением и, как водится в таких случаях, все искали виновных во всем этом. В условиях экономической разрухи, тотальной безграмотности и правовой необразованности невежественная толпа легко поддается на провокации. Царское правительство, руководствовавшееся пресловутым принципом «Разделяй и властвуй», проводившее великоимперскую шовинистическую политику, умело использовало особенности характера пришлых кавказских татар в своих низменных целях. Напомним, что непосредственным исполнителем и проводником этой политики был царский наместник на Кавказе князь Голицын.

Историк и очевидец тех событий А-До (Ованес Тер-Марти-

---

¹ Всеармянский вестник «Вем», Ер., 2009, №1 с. 155 (на арм. яз.).

росян) в написанной по свежим следам книге свидетельствует: «Невежественную, темную турецкую массу уверили, что причиной её бедности и убожества, её угнетателями являются армяне..., что можно сразу же завладеть имуществом армян и положить конец своей бедности. Провокация была сильна... турецкая масса двинулась, но не на своих угнетателей, не на русскую бюрократию и беков, а на такой же угнетенный армянский народ, оказанное сопротивление которого естественно повернуло турок в сторону родовой вражды, в сторону звериных инстинктов»¹. По его убеждению, «неосознательная турецкая масса стала оружием в руках русских и турецких консервативных сил, открыла позорную страницу кровавых и черных фактов в летописи Кавказа»². Такого же мнения придерживается и Ованес Туманян. Имея в виду события февраля-марта 1905 г., он пишет: «Мы за эти два месяца пережили века, времена Чингис-хана и Ленк Темура. Увидели их бесчинства в XX веке» (10, 7).

Понятно, что Туманян не мог оставаться в стороне: по его признанию, «...такой уродливой, такой жестокой, такой омерзительной, чудовищной войны, как армяно-турецкая – вряд ли бывало когда-то. Возможно, в доисторические времена, когда люди поедали друг друга» (10, 15).

Туманяна ужасало пробуждение живущего в человеке зверя, духовная порядочность и благородство поэта требовали незамедлительного вмешательства, чтобы была прекращена бойня и восстановлен мир, чтобы человеческая сущность «не стала варварской... Мы просто превращаемся в дикарей» (10, 15).

Столкновения начались в Баку 6 февраля 1905 г., в воскресенье, когда какой-то турок по фамилии Бабаев около армянской церкви пистолетным выстрелом смертельно ранил армянского солдата – за то, что тот вынужденно застрелил при попытке к бегству турецкого преступника Ашур-бека, которого препровождал из суда в тюрьму. Армяне передали убийцу полицейскому. Но увидев, что он выпрыгнул из кареты и стал убежать с пистолетом в руках, они нагнали его и убили. Турки, уложив труп своего единоверца на телегу, стали объезжать все турецкие кварталы, возбуждая толпу. Именно это и стало поводом и сигналом для начала ужасной резни. Она началась в 4 часа пополудни, длилась до полуночи. За это время

---

¹ А-До (Ованес Тер-Мартirosян), «Армяно-турецкие столкновения на Кавказе (1905-1906 гг.) с фактическими, статистическими, топографическими комментариями», Ер., 1907, с. 7 (на арм. яз.).

² Там же.

было убито 35 армян. На следующий день с 10 часов утра резня возобновилась с еще большим размахом и жестокостью. Она продолжалась три дня и три ночи. Сотни кавказских татар на Базарной улице грабили магазины армян, перешли на Губернскую, Торговую, Николаевскую, Армянскую улицы. Группа подростков-татар, вооруженная пистолетами, с диким улюлюканьем бесчинствовала на улицах, близлежащих к армянскому кладбищу, громила и крушила все вокруг, разбивала окна, угрожала мирному армянскому населению расправой. И все это творилось среди бела дня и на глазах у русских солдат, которые спокойно наблюдали за всем происходящим. А когда к ним обращались с мольбой о помощи, отвечали заученной фразой: «Нам не велено вмешиваться».

Такое же демонстративное безразличие проявляли прокурор города Воронов, городские власти, полиция. И это при том, что, по свидетельству очевидцев, «кровавые ужасы, происходящие на улицах, в буквальном смысле парализовывали человеческую волю и мысль»¹. Как правило, турки избегали открытых столкновений, не рисковали, предпочитали иметь дело с невооруженными и беззащитными людьми, часто действовали исподтишка: «Турки стреляли в спину»².

Факты свидетельствуют, что эта резня и погромы осуществлялись не только при попустительстве, но и при содействии губернатора Баку князя Накашидзе, начальника полиции Деминского, пристава-капитана Мамедбекова, его помощника Султанова и участковых уполномоченных князя Микеладзе и Шахтахтинского, которые открыто поощряли турок и препятствовали организации самообороны армян³. Забегая вперед, скажем, что партия «Дашнакцутюн» впоследствии наказала некоторых из них, организовав покушение на пристава Мамедбекова, убив участкового уполномоченного Микеладзе и генерала-губернатора Накашидзе, этого «подлого, наихудшего представителя голицынского режима»⁴. Акты мести за пролитую кровь безвинных людей были совершены под руководством Драстамата Канаяна (Дро). После этого «армянский народ Кавказа почувствовал значительное облегчение»⁵.

Нефтяные скважины превратились в человеческую бойню. Очевидец описывает убийство «какого-то несчастного, худого, малорослого старика, в которого выстрелили три раза, затем искром-

---

¹ А-До, ук. соч., с. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 6.

⁵ Там же, с. 31.

сали тело саблями и отделили голову от тела»¹. На холмиках из человеческих тел можно было увидеть беременных женщин с распоротыми животами и с истерзанными младенцами возле них. «Знакомая картина, которую мы сотни раз читали на кровавых страницах истории»².

Вести об этих ужасах доходят до Тифлиса. 9 февраля в здании Национального Собрания Тифлиса проходит собрание с участием Туманяна – с целью предотвратить дальнейшее распространение резни. Собрание решает обратиться к Католикосу Всех Армян Хримяну Айрику с просьбой отправиться в Баку, куда с такой же миротворческой миссией должен был поехать тифлисский шейх Уль Ислам. В Эчмиадзин делегируют Ов. Туманяна и врача М.Мурадяна.

Приехав в Эчмиадзин 10 февраля, Туманян рассказывает больному Католикосу о событиях в Баку. «Мы застали бедного старика лежащим в постели, – вспоминал Туманян о своей встрече. – Когда я рассказал, он воскликнул: «Довольно!.. Довольно!..», и уронил голову. Я не забываю этого возгласа. Это был словно возглас всего нашего народа, измученного, разбитого, усталого, обессиленного народа – довольно!.. довольно!.. довольно!..» (10, 8).

Несмотря на недомогание и на свой преклонный возраст (Хримяну Айрику тогда было 85 лет), Католикос соглашается поехать в Баку. Однако Туманян решает, что будет правильнее, если Католикос поедет с миротворческой миссией в Тифлис.

12 февраля Хримян Айрик в сопровождении Туманяна прибывает в Тифлис и уже на следующий день принимает участие в большом совместном армяно-турецком митинге мира и дружбы. А еще через день такой же митинг проводят армяне и грузины.

«В Тифлисе прошли невиданные мероприятия, – пишет Туманян, – и центром, конечно, был Католикос. На этих мероприятиях самым лучшим было то, что полицию попросили, чтобы она не появлялась в округе Армянской церкви, и оба дня этот многотысячный народ чудесно вел себя, не было ни одного правонарушения» (10, 8).

В эти дни власти через цензоров вызвали редакторов всех газет и попытались заставить их публично заявить, что в резне виноваты дашнакские комитеты, следовательно, нужно обвинять их и писать против них. Однако, как отмечает Туманян, «конечно, вся периодика отказалась» (10, 8).

Большое впечатление на собравшихся и на Туманяна произвела проникновенная речь Муфтия, который уверял, что погромы –

---

¹ Там же.

² Там же.

«дело рук шейтана, а не татар».

Несмотря на все прилагаемые усилия, Туманяна ни на минуту не покидало чувство беспокойства. Как известно, он был наделен несомненным даром ясновидения. По заверению Дереника Демирчяна, Туманян еще задолго до начала кровавых событий 1905-1906 гг. был чем-то обеспокоен и озабочен: «Еще в то время, когда никто не думал об армяно-турецких столкновениях и даже не подозревал, – Туманян обращал свой омраченный взгляд на эту проблему»¹.

Ованес Туманян оказался прав и в своем убеждении, что, несмотря на все свои миролюбивые заверения и клятвы, турки в скором времени снова проявят свой варварский нрав. «Но должен признаться, – пишет он, – все это меня мало утешило. Когда человек знает, что находится внутри, слова и признания теряют свое значение» (10, с. 8).

И действительно, всего несколько дней спустя после тифлиских мирных митингов и заверений в дружбе, 20 февраля начались первые столкновения в Ереване, причем с большими наложениями и сходством с бакинским «сценарием». Во время столкновений начальник Ереванской полиции Балуев демонстративно бездействовал, а просьбы представителей армянской и турецкой общин о его смещении были отвергнуты губернатором.

Туманян переживал по поводу того, что из-за разгоревшихся армяно-турецких столкновений у него не было возможности более активно откликнуться на Первую русскую революцию. Конечно, это относилось не только к нему, но и ко всему армянскому народу. Он пишет: «Мы из-за этой низкой и бесчеловечной войны остались совершенно отстраненными от великой освободительной борьбы России. Теперь нам остается одна лишь благородная возможность: постараться восстановить и сохранить мир» (10,15).

Эту «благородную возможность» Туманян реализовал сполна, тем более что к тому времени армяно-турецкие отношения резко обострились также в Тифлисе, где беспорядки начались после 17 октября.

22 ноября в Тифлисе началась настоящая паника. Закрылись школы, магазины, перестали выходить газеты. Было обстреляно здание гимназии Нерсисян. Повсеместное варварство, грабежи и погромы, мародерство, насилия и убийства. Турки захватывали армян в плен, замучивали, подвергали истязаниям. С 22 по 30 ноября в городе было объявлено военное положение.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Е., 1969, с. 31.

В ноябре Туманян переправляет свою семью в Шулавер, а от туда – в Дсех. Это не было бегством, это было стремление помочь оказавшимся в опасности односельчанам – дсехцам. Об этом свидетельствует письменное признание поэта: «Я хорошо знал, что предстоят смуты, знал, что в нашем уезде могут произойти любые бесправные действия и правонарушения, и я буду очень нужен, но события превосходили все мои ожидания» (10, 14).

Таким образом, зимой и особенно весной 1906 г. Туманян начинает свою миротворческую миссию в уездах Лори, Казаха и Борчалу. Вначале он сформировал небольшую группу всадников из сельчан и объезжал с нею армянские села Марц, Кариндж, Лорут, Шамут, Ахнидзор, Атан, которые находились неподалеку от населенных турками гор. На протяжении трех дней он беседовал с крестьянами, разъяснял им, что нужно делать, предупреждал о возможной опасности и заодно пополнял ряды своей «конницы». Число его всадников к тому времени перевалило за сто.

27 ноября 1905 г. в Алаверды армяне напали на работающих в медных рудниках рабочих-татар, чтобы отомстить за варварские действия, убийства и грабежи, за все зло, причиненное их соотечественниками. Армяне созвали в Дсехе большой митинг протеста, в котором приняли участие крестьяне тринадцати сел, и среди них не было никаких разногласий – крестьяне решили найти и наказать виновных, а все похищенные ими вещи – деньги, скотину, оружие французской фабрики заставить вернуть. В нападении на турок принимал участие один грек. Его тоже заставили вернуть награбленное. И вновь дашнаки проявили себя решительными поборниками объективного и непредвзятого подхода к случившемуся.

Туманян лично прибывает на фабрику, беседует с участниками инцидента, конфискует украденные вещи и передает их пострадавшим. По-видимому, именно в связи с этим событием поэт пишет свое воззвание «Братья-гарибы». Оно было своеобразной миротворческой заповедью и залогом дружбы, обращенным к ираноподданным туркам, которые, оставив свои семьи и родину, приехали в Алаверды, чтобы заработать на жизнь.

С болью в сердце описывает Туманян произошедшее, сожалеет о пролитой крови безвинных людей, но и пытается объяснить, что переполнилась чаша терпения армян, в особенности «вспыльчивых и недальновидных юнцов», однако знающие законы и традиции гостеприимства лорийцы, разгневанные и опечаленные, готовы наказать виновных: «...Мы не можем держать в своих домах краденое, а в сердцах – вражду. ...Будьте уверены, что мы – наш народ

– всегда будет стоять за вас... за ваших оставленных вдали детей и ваши семьи» (6, 420).

Тем временем Туманян старался подключить к миротворческой деятельности как можно больше крестьян. Его усилиями формируется группа самообороны, которая защищает жизнь и имущество турок, проживающих на железнодорожной станции Шаали. И начиная с ноября Туманян направляется то в Лори, то в Шулавер, где в это время находилась его семья.

Из девяти провинций Тифлиса самая беспокойная ситуация сложилась в уезде Борчалу. И это не случайно, поскольку здесь было наибольшее скопление кавказских татар. Борчалинский уезд граничил с Казахом гандзакской провинции, где армяно-турецкие столкновения носили особенно ожесточенный и масштабный характер. И хотя число армян в борчалинском уезде доходило до 45.000, это не стало препятствием для турецких погромщиков и грабителей. 26 ноября турки напали на армянских торговцев из сел Башкечет и Караклис. А из села Бослеп турецкие головорезы вынесли практически все, что были в состоянии унести. Однако несколько дней спустя, 30 ноября, у того же села они столкнулись с регулярными войсками и были разгромлены. Неудача постигла турок и в окрестностях Шулавера. Несколько дней осады ни к чему не привели, и турки отступили.

В это время Туманян с сыновьями находился в Дсехе, а жена Ольга с дочерьми – в Шулавере. Туманян посылает своего брата Ваана в Шулавер, чтобы переправить семью в Дсех. От Шулавера до станции Ахаха Сарал (впоследствии Шаумян) было 7-8 километров. Отправляются ночью. Начальник Борчалинского уезда предоставляет 12 стражников, чтобы защитить семью Туманяна от возможных нападений. До станции Колагеран добрались глубокой ночью, там их поджидал Туманян. Он возглавил этот караван с 15-ю всадниками, темной и холодной ночью перейдя глубокое Лорийское ущелье. Добираются домой только на рассвете. В это время из Джалалоглы для Туманяна привозят темно-рыжую лошадь по кличке Марс. Неразлучный с Марсом, Туманян начинает обходить по очереди все села уезда, все железнодорожные станции, населенные армянами и турками.

В советскую эпоху, представляя эти страницы национально-общественной деятельности Туманяна, исследователи отмечали только его миротворческую миссию, стремление к миру, поднятый поэтом белый флаг перемирия. Конечно, это непреложная истина. Однако вместе с этим по соображениям идеологического характера

умалчивалось то большое значение, которое поэт придавал вооруженной борьбе, организации самообороны. Замалчивались его действия, предпринимаемые в этом направлении. Туманян был великим гуманистом и смотрел с высоты своего гения на любые человеческие отношения, на все явления вообще. И он вовсе не был настолько наивным, чтобы не понимать, что если ты слаб и безоружен, то не добьешься ни мира, ни согласия. Именно поэтому он посылает из Колагерана телеграмму армянскому Католикосу и просит его поднять вопрос о размещении в Лори русских вооруженных отрядов. В телеграмме, в частности, говорилось: «Прошу передать святейшему Католикосу, что в районе Лори появилась большая группа турок, которая грабит, убивает. Народ умоляет о незамедлительной помощи» (10, 10).

Посредничество Католикоса не запаздывает. Из александропольского Северского полка в полное распоряжение Туманяна выделяется вооруженный эскадрон. Туманян лично встречает его на станции Колагеран с 5 на 6 декабря.

В советский период предавалось молчанию и то, что Туманян в случае необходимости прибегал к силе оружия. Исходя из требований ситуации проповедующий христианское терпение, сдержанность и миролюбие Католикос Всех Армян предоставил в распоряжение Поэта Всех Армян русское оружие и русских воинов. Северский полк, руководство которым принял Туманян, направил свою артиллерию против кавказских татар, одновременно преследуя местные преступные группировки, в частности, бандитские отряды Зубинова, Симона и Давида Шахвердова. Таким образом, под командованием Туманяна оказалось русское оружие и русские солдаты, и поэт использовал этот ресурс исключительно для того, чтобы организовать и упрочить вооруженную самооборону армян (8, 333).

Однако поэт прекрасно понимал, что вожденного мира можно добиться только при условии взаимного доверия. Для этого необходимо было создать соответствующую обстановку, доказать на деле заинтересованность армян в мире. Зимой 1905 г. Туманян получает из Джалалоглы информацию о том, что армянские богачи арестовали своих работников-турок, чтобы те не сбежали. Туманян через своего брата Ваана посылает письмо инспектору школы Серги Ханзадяну и распоряжается, чтобы армянские работодатели проявляли больше доброты, внимания и обходительности к своим турецким слугам. Затем он лично едет в Джалалоглы и в сопровождении охранников, выданных в его распоряжение начальником уез-

да Василием Золотаревым, возвращает татар в их селения¹. После этого он собирает местное турецкое население и разъясняет, что война и столкновения принесут большой урон всем. Арест турецких слуг вызвал переполох и панику в округе села Барана, поэтому когда Туманян посылает депутацию к турецким крестьянам, предлагая им встретиться с армянами в селе Кохб и в ходе переговоров развеять все сомнения и выяснить недоразумения, они не соглашались и просят Туманяна прибыть в назначенное место лично со своими людьми. Уже на следующий день Туманян направляется в Кохб – село, граничащее с армянскими и турецкими селами. Впереди следовали жители Казаха, замыкали шествие лорийцы, а предводительствовал всеми Туманян. Когда они почти дошли до границы, с турецкой стороны послышались выстрелы. И поскольку турки сами пригласили армян на мирные переговоры, все оказались в замешательстве и недоумении. Это могло быть одно из двух: либо это были случайные выстрелы местных пастухов, либо предупреждающие выстрелы – с целью понять и выяснить подлинные намерения пришедших армян.

Лорийцы еще не вышли из ущелья, а предводитель казахцев, перепугавшись, отступает, оставив Туманяна в одиночестве. Вот что пишет в этой связи один из очевидцев: «Поэт остался совсем один, невозмутимый, на своем коне. Момент был решающий. Стоило начать с нашей стороны ответную перестрелку, и уже стала бы неминуемой кровопролитная схватка. Мы упрашивали его вернуться назад и спуститься в долину. Однако он остался непреклонен и решителен. Я был ошарашен. Он в этом положении показался мне величественным великаном»².

Несколько бесконечно долгих, показавшихся целой вечностью минут стоял Туманян на вершине ущелья, лицом к лицу со смертельной опасностью, являясь отличной мишенью. Затем спокойно обернулся и сказал своим людям, чтобы они не боялись и подошли. И его приказу подчиняются вначале лорийцы, а затем и казахцы. «Наша группа бесгранично любила его и с точностью выполняла все его приказы», – думаем, что это мнение очевидца безоговорочно подтвердил бы каждый лориец³.

Те турки, которые также стремились к миру, относились к поэту в высшей степени уважительно и подобострастно, называли его «несущим мир ангелом», «великим миротворцем». Один турок преклонного возраста называет поэта человеком, который «омывает

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Ер., 1969, с. 240-241.

² Там же, с. 302.

³ Там же.

кровь водой» и выражает пожелание, чтобы дорога, которой он пришел, «была устлана розами, фиалками, лилиями, ковылью, алыми цветами...»¹.

После этого армяне приглашают татар в село Барана – с тем, чтобы окончательно доработать и подписать мирное соглашение. И хотя на протяжении двух дней армяне и турки устроили в этом селе большое и торжественное совместное пиршество, Туманяна не покидало чувство тревоги и озабоченности, предчувствие надвигающейся беды. Он не терял бдительности. Возвратившись на родину, в Дсех, он в восточной стороне ущелья, напротив полуразрушенного монастыря Сурб Григор, созывает совещательное собрание представителей лорийских сел с целью организации самообороны Лори. При этом он рассматривает как возможность «найти общий язык» с турками, сесть с ними за стол мирных переговоров, так и возможность вооруженной борьбы. Во время собрания принимается решение разделить Лори на три района самообороны, включающие три самых крупных села уезда – Дсех, Узунлар и Джалалоглы. Туманян всем дает подробные инструкции и наставления, а сам принимает на себя руководство округой Дсеха.

Турки Казаха, боясь армян, просят Туманяна помочь им подняться в горы. Туманян незамедлительно откликается на их просьбу. 2 января 1906 г. он из села Барана посылает туркам-кочевникам Казахского уезда свой ответ – о согласии начать с ними мирные переговоры. Прежде чем поехать на переговоры, Туманян формирует из крестьян отряд всадников. С этой целью он сперва посещает армянские села – Марц, Кариндж, Лорут, Шамут, Ахнидзор и Атан, которые находились на границе населенных турками гор. На протяжении трех дней он встречается с крестьянами, разъясняет им всю серьезность ситуации и грозящей опасности, уговаривает и убеждает, предупреждает их... В свой отряд он принимает как молодых парней, так и пожилых людей из всех деревень, доведя общую численность отряда до двухсот всадников. Прежде чем отправиться в путь, поэт приглашает весь свой отряд к себе домой. Его дочь Нвард запомнила и описала этот день со всеми подробностями. «Сад нашего дома, кровля и балкон были переполнены местными и пришлыми крестьянами. Для обеда мы собрали у соседей подносы, приготовили на больших подносах яичницу и устроили обед прямо в саду. Многие устроились на камнях садовой ограды, некоторые взобрались на деревья, чтобы услышать речь отца перед тем как отправиться в путь»². В это же самое время сестра поэта Астхик шила два

---

¹ Там же, с. 303.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Е., 1987, с. 85.

флага – белый флаг мира и красный флаг – на случай войны¹. То, что Туманян принял решение кроме белого флага взять с собой и красный, еще раз подтверждает четкую и принципиальную позицию, ориентированность великого поэта и общественного деятеля – во имя достижения мира необходимо всегда быть готовым к войне.

В то самое время, когда во дворе его дома готовилось угощение для двухсот крестьян-ополченцев, когда в одной из комнат вышивались флаги, Туманян писал свое знаменитое обращение-воззвание, которое он поручил переписать в нескольких экземплярах и передал как своим соотечественникам-лорийцам, так и туркам Казахского уезда. Его «Воззвание» было взвешенным и сдержанным, было преисполнено большого достоинства и гордости, доброжелательности и мудрости. Туманян заявлял, что его соотечественники не хотят войны, потому что «Если мы сильны, это бесчестно, а если слабы, то глупо... и если мир окажется невозможен, мы сами выйдем против них и будем преисполнены решимости» (6, 146).

В ответ на присланных армянами трех парламентариев турки высылают трех глашатаев-вестников и приглашают Туманяна с его отрядом. 15 мая, когда отряд Туманяна отошел на несколько километров от армянских угодий, ему навстречу выходят около 150 всадников, двадцать из которых были пожилые женщины. Заметив женщин и седовласого старика-знаменосца, Туманян, в свою очередь, берет белое знамя у армянского знаменосца и идет им навстречу. Турки не дают поэту сойти с лошади и препровождают его в подготовленный специально для него шатер. Одна пожилая турчанка, именуемая Дурсун Алахверан-кызы, приветствует Туманяна, обращаясь к нему «Ага». Поэт сразу же поправляет ее: «Никакой я не ага». Тогда турчанка называет его «сыном», а ее замужняя дочь – Хала Ибрагим-кызы, подбегает к Туманяну, обнимает его за шею и объявляет его своим братом. Очевидец Арменак Туманян пишет: «Сцена была впечатляющей, большая часть народа плакала от радости. Несколько минут никто не был в состоянии говорить: все словно окаменели, а сам Туманян и плакал, и ликовал от радости»². Во время организованного пира роль тамады берет на себя Туманян, и поскольку его познания в турецком языке были недостаточны, его тосты переводит армяноязычный турок Исмаил Мустафаев.

Примечателен еще один факт. Среди турок был провокатор и шпик охранки по имени Махмад Векилов. Именно он подал знак для начала музыки для танцев. Под звуки зурны армяне и турки плясали почти два часа. Но это не помешало тому же Векилову впо-

---

¹ Там же.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 577.

следствии выдать Туманяна, в рассказанной басне которого царские прислужники усмотрели отчетливый политический подтекст и обвинили поэта. В этой басне говорилось о трех быках и волке. Волк хитростью и обманом вносит раздор среди быков и съедает их одного за другим.

Туманян умел находить общий язык не только с турецкими националистами, но и с русскими должностными лицами. Его связывала искренняя дружба с начальником уезда Николаем Резановым, который сыграл большую роль в обеспечении безопасности лорийских армян. Они вместе выявляли грабителей и погромщиков уезда и посылали их в Тифлис, в Метехскую тюрьму. Туманян время от времени то в устной, то в письменной форме выражал Резанову и его заместителю Д. Бакрадзе благодарность от имени всех лорийцев (10, 10-11).

Туманян считал предотвращение надвигающегося бедствия делом и долгом каждого, и придавал большое значение человеческому фактору, личным качествам людей, природной человеческой доброте. «В такое время каждый хороший человек представляет большую ценность, кем бы он ни был», – писал поэт (10, 445).

В определенной степени Туманян был прав: возможно, столкновения и погромы в Баку не обрели бы столь жестокого и кровавого характера, если бы Накашидзе не был таким омерзительным человеком и бездарным управителем. И наоборот, в Лори не сохранилась бы столь хрупкая мирная ситуация, если бы Резанов не был столь добрым и высокопорядочным человеком. Политика – политикой, чиновники – чиновниками, однако человеческая доброта и здравая, трезвая оценка явлений жизни и действительности могут даже отдельного наделенного властью человека сделать важным участником исторических событий. Туманян был доволен позицией и действиями Резанова, Бакрадзе, урядника, однако равнодушие и бездействие пристава считал неприемлемым. А между тем все они представляли интересы одной и той же страны, России, и осуществляли ее политику, были исполнителями одних и тех же указаний.

Да, Туманян был крупным национальным деятелем, но прежде всего он был поэтом, великим гуманистом и всегда, при любых обстоятельствах считал человеческий фактор если не главным и решающим, то, во всяком случае, исключительно важным. Отношение Василия Золотарева к крестьянам он определяет как «отеческое», а его самого называет «сердечным другом».

Каждый день, каждый час Туманян сталкивался лицом к лицу с человеческой подлостью и низостью, с завистью и озлобленностью. Ему приходилось бороться одновременно и со злоречивыми

подстрекателями и провокаторами, и с турецкими грабителями и погромщиками, и с представителями властей, вооруживших и направляющих темные и невежественные массы турок-кочевников. «Эти люди в своей подлости не знают границ», – пишет поэт (10, 448).

Для поэта, преследуемого шпиками, людьми, сеющими вокруг себя зло и подлость, было очень трудно противостоять надвигающейся опасности, которую необходимо было любой ценой остановить и предотвратить. По признанию поэта, «...с обеих сторон смуту наводят хулиганствующие элементы. И делают это так просто, что диву даешься. Если есть что-то трудное, то это борьба со смутьянами» (6, 147-148).

Для борьбы со смутьянами и провокаторами Туманян проводит разъяснительную работу с обеими враждующими сторонами, не ставя никаких разграничений, квалифицируя случившееся как постыдную и бессмысленную войну, обвиняя всех инициаторов, тех, кто напали первыми – независимо от национальной принадлежности. В поэте говорили беспокойство и боль не только за судьбы армян, но и за судьбы человека как общественного существа. Он призывает бежавших из Лори турок вернуться в свои дома и жить без страха. Туманян пишет: «Что вы делаете, глупцы, чего вы хотите друг от друга? Неужели вам не жаль ваших жен и детей, неужели вам не жаль ваших праведных трудов, что вы их разрушаете? Неужели вам не стыдно, ведь вы же мужчины!» (6, 149). И каждый раз, обращаясь к мусульманам Казаха, он напоминал, что лорийцы всегда отличались храбростью, просто они хотят мира.

В то самое время, когда Туманян осуществлял свою патриотическую деятельность, делал все возможное и невозможное, чтобы облегчить участь лорийцев и установить в регионе мир, среди его соотечественников находились злонамеренные люди, клеветующие на него, пишущие совершенно неправдоподобные, насквозь пропитанные тенденциозной ложью доносы. В одном из них Туманян обвинялся в том, что якобы убил лесника. В результате этого доноса помощник начальника полиции при Кавказском наместнике Ширинкин выносит постановление об аресте Туманяна. Поэт был уверен, что знающие его и дружески к нему расположенные русские должностные лица и, в частности, начальник уезда Золотарев, не только не поверят в эту чушь, но и засмеются, когда «приведут к нему поэта и скажут, что он в лесу убил несчастного лесника – с целью ограбления» (10, 448).

К чести высокопоставленных русских чиновников, никто из них не выказывал недоверия к Туманяну. Более того, его уважали, всячески содействовали ему, а при необходимости сами обращались к нему за помощью. Так, когда Резанов должен был навестить находящегося в Джалалоглы Золотарева, а для этого было необходимо проехать через Башкечет, он просит Туманяна помочь ему избежать возможных нападений и нежелательных встреч «с темными и ущербными личностями».

В эти же дни в секретном послании жандармского управления Туманян характеризуется следующим образом: «Он в Лорийском уезде словно генерал-губернатор, ему подчиняется все местное руководство и полиция. Он разъезжает по селам, вершит суд и управу, штрафует деревни до 500 рублей»¹.

И действительно, Туманян в Лори был наделен правами и полномочиями «генерал-губернатора». Хотя он и согласовывал все свои действия с уездным руководством – К. Шаншиевым, Н. Резановым, П. Бакрадзе, временно исполняющим обязанности генерал-губернатора уезда В. Золотаревым, тем не менее, зачастую ему приходилось принимать решения и действовать самостоятельно. Учитывая огромный авторитет Туманяна среди обоих враждующих народов, высшие сановники уезда очень часто в связи с тем или иным обстоятельством предоставляли в распоряжение поэта вооруженные сторожевые отряды. В одном из своих писем Филиппосу Вардазаряну Туманян пишет: «В сказках встречаешь, что такой-то человек заснул, затем открыл глаза и увидел, что стоящие вокруг него войска ждут его приказаний... короче, человек вдруг становится царем. Так же случилось и со мной» (10, 14). Это подтверждает и Дереник Демирчян: «Туманян рассказывал, что под его начальством столько силы, что можно было бы не только обороняться, но и нападать»².

Однако Туманян никогда не злоупотреблял своим поистине всенародным авторитетом и доверием. «Оказавшись внезапно на такой большой должности и располагая такой силой, я всегда стремился сохранять мир в наших уездах и предотвращать резню» (10, 14).

Туманяну была предоставлена определенная свобода действий. Ему позволяли собирать совещания, организовывать митинги, использовать русское оружие и войска для решения больших и ма-

---

¹ Музей Туманяна, з. ф., 50.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 34.

лых задач миротворческого характера. Поэтому ему удавалось освобождать турецких заложников и возвращать их по родным селам, поэтому он бесстрашно навещал татарские населенные пункты.

К этому времени относятся также утверждения Аршака Джамаляна о принадлежности Туманяна к партии Дашнакцутюн¹. Известно, что в телеграмме, текст которой, к сожалению, до сих пор не обнаружен, Туманян просит бюро Дашнакцутюн об оказании содействия в наказании виновных за беспорядки на Алавердских медных рудниках. Впоследствии Туманян признавался, что если он и был связан с какой-то политической партией, то не идеологией и не программой, а чисто дружескими отношениями, да и то «вокруг конкретного дела» (8, 451).

Самоочевидно, что в 1905-1906 гг. этим «конкретным делом» были армяно-турецкие столкновения и вопросы организации самообороны армян. Следовательно, в апреле 1905 г. вполне вероятно участие Туманяна в Первом Кавказском региональном собрании Дашнакцутюн в качестве члена тифлисского центрального комитета.

Только с ведома и согласия руководства Дашнакцутюн наказывал Туманян тех армянских помещиков, которые, пользуясь смутным временем, пытались поймать рыбу в мутной воде. Так, помещик Павел Бажбеук-Меликов выкрал у проходящих по дороге турок-кочевников несколько десятков овец и баранов. Туманян выражает свое негодование, беспокойство и озабоченность по этому поводу: «Турки скажут... армяне нас ограбили – и начнется... Из-за какого-то «идальго», из-за нерыцарского, неблагородного поступка этого рыцаря в кавычках» (10, 449). Но поскольку Бажбеук-Меликов действовал при непосредственном содействии русских казаков, размещенных в Куртике, Туманян ставит в известность и Резанова и просит его наказать казаков, которые снискали себе дурную славу своими жестокими, бесчеловечными действиями и поступками. Туманян требует возратить хозяевам украденный скот, а Меликову разъяснить, что его «знакомство с начальником уезда или то обстоятельство, что у него проживают офицеры и казаки, не дает ему права совершать подобные «бандитские» подвиги» (10, 450).

Туманян был уверен, что если русские помогают какому-то армянину грабить и притеснять, то тем самым они оказывают «медвежьё услугу», что это чистой воды провокация именно против армян, и это не может привести ни к чему хорошему.

---

¹ Газета «Аршалуйс», 1906, № 8 (на арм. яз.).

Непреложная истина, что в смутное, переходное время революционных переворотов, межнациональных столкновений, когда жизнь выбивается из своего нормального русла, в это время поднимает голову человеческое отребье, пена, авантюрные, преступные элементы, разного рода мошенники и преступники, провокаторы и смутьяны. Для них нет ничего святого, для достижения своих целей они не ограничивают себя в выборе средств, без колебаний поступаются национальными задачами, интересами народа. «В это смутное время, – свидетельствует Туманян, – начали действовать все темные силы, все преступники» (8, 346-347). Туманян ведет с преступниками, мошенниками каждодневную непримиримую борьбу. «Борчалинский уезд, – пишет он, – известен убийствами, грабежами, разбойничеством, воровством. ...Народ не хочет молчать, народ требует судей, требует борцов против грабителей и разбойников. Из-за воровства и разбоев наш уезд разрушен...» (10, 453). Видя, что к его голосу не прислушиваются руководители уезда, поэт решает перейти к действиям собственноручно. Он заявляет: «Мы не позволим прятать в каком-то селе воров и грабителей» (10, 453).

В своем известном «Тюремном дневнике» поэт признается: «Я открыто действовал против провокаторов, против тех, кто накалял страсти, кто занимался грабежом, вымогательством» (8, 332). В этих тюремных записках Туманян признается, что лично раскрыл два убийства, одно воровство и пытался положить конец деятельности двух бандитских группировок. Более чем вероятно, что Туманян пытался найти и убийцу своего брата Арутюна Шавердова, нашедшего пристанище у казахских татар. Шавердов был одним из шпионов охранного отделения, и его нелепые обвинения против Туманяна были обусловлены стремлением навести тень на плетень, спасти свою шкуру от справедливого возмездия.

Подобная сверхзанятость, конечно же, не давала Туманяну возможности заниматься поэтическим творчеством, литературной деятельностью. И если он брал в руки перо, то только для того, чтобы писать публицистические статьи, воззвания, то есть творил только как публицист, руководствовался только интересами народа, нации, выступал в качестве журналиста, озабоченного первоочередными, животрепещущими, судьбоносными задачами и проблемами. 6 августа 1906 г. Туманян публикует статью «Новая провокация», в которой предупреждает о «таинственных приготовлениях» возвра-

щающегося из сезонного кочевья турецкого населения, говорит о сговоре и взаимосоотрудничестве между преступными беками и властями, пытается поднять самосознание армян и турок, призывает их объединиться и совместными силами бороться против насилия и эксплуатации¹.

Ожидания Туманяна, связанные с новоназначенным царским наместником Воронцовым-Дашковым, не оправдались. 12-16 мая 1906 г. начинается новая волна столкновений и армянских погромов в Баку, в Гандзаке, в уезде Казах-Борчалу и других местах. Появляются отряды вооруженных казаков, которые якобы стараются прекратить межэтническую войну, однако на самом деле только вредят делу².

К Туманяну обращались все, обращались по любому вопросу, по каждому поводу, он был нужен всем, у него просили помощи и содействия, у него узнавали последние новости, поскольку он был в эпицентре всех событий и был самым осведомленным человеком. Так, 16 декабря 1906 г. он получает письмо из Еревана, в котором автор от имени Симона Заваряна просит поэта сообщить подробные сведения об армяно-турецких столкновениях в Борчалинском уезде в 1905-1906 гг., о нападениях на армян, о нанесенном ущербе, человеческих жертвах, о том, насколько армяне способствовали столкновениям, какую роль сыграло в этих столкновениях экономическое положение армян и турок, насколько повлияло на турок более высокое благосостояние армян, в какой степени способствовали этим столкновениям беки и правительственные чиновники?³.

Смутное время, межнациональные столкновения, а также отклики происходящих в России кровопролитных событий принесли народу новые лишения, в воздухе замаячил и начал обретать реальные очертания призрак голода, и Туманяна стал беспокоить вопрос обеспечения односельчан хлебом. Зимой 1905 г. он посылает своего брата Ваана Туманяна в Александрополь к Аветику Исаакяну, чтобы тот помог изыскать муку для всех крестьян Дсеха.

Муку должны были закупить и доставить в Дсех специально отобранные для этой цели люди. Исаакян договаривается о муке и условиях ее доставки в Дсех. В итоге в Дсех прибывает два вагона муки, при этом часть ее продают состоятельным людям, «а неимущим семьям раздали бесплатно»⁴.

---

¹ Газета «Алик», Тифлис, 1906, № 82 (на арм. яз.).

² См. Лео, «Из прошлого», с.188 (на арм. яз.).

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, №1156.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 243.

Туманян как личность и как национально-общественный деятель всегда отличался удивительной человеческой скромностью. Своим творчеством он обеспечил себе бессмертие в истории армянской литературы и культуры, однако нередко высказывал неудовлетворенность собой и своей деятельностью. Объясняется это тем, что он чувствовал и понимал, что не сумел, не успел реализовать все свои творческие планы. В этом контексте очень важной представляется нам та беспристрастная и вместе с тем высокая оценка, которую дал поэт своей национальной миротворческой деятельности в 1905-1906 гг. «И сегодня я не столько доволен тем, что я сделал кое-что в литературе, сколько доволен, что сумел заставить вложить в ножны мечи двух вставших друг против друга народов и спасти очень и очень многих невинных людей от этой звериной резни» (10, 14-15).

Всего этого Туманян добился и своим белым миротворческим флагом, и русским оружием и войском, которое он сумел оптимально использовать для организации и упрочения вооруженной самообороны армян.

Безо всякого преувеличения и переоценки роли Туманяна, с полной убежденностью можно сказать, что благодаря поэту в уездах Лори и Борчалу вместо армяно-турецких столкновений состоялись мирные встречи армян и турок, и хотя и те и другие были вооружены, встречи эти проходили бескровно и свидетельствовали о возможности установления добрососедских отношений между этими народами. Примечательно, что Туманяну удалось сохранить относительный мир и покой в тех регионах, где турецкое население значительно преобладало над армянским. Из 131 села в Лори и Борчалу армянонаселенными были только 48.

К сожалению, все попытки установления прочного мира оказались безуспешными, все совещания и многотысячные митинги были не в состоянии прекратить армяно-турецкие столкновения.

Конечно же, Туманяну было непросто разъезжать по деревням с белым флагом мира, спасать жизнь и имущество самих турок, когда именно они в подавляющем большинстве случаев являлись зачинщиками и инициаторами столкновений. В истории человеческой цивилизации ни один народ не причинил другому столько зла, не принес столько горя, сколько принесли турки армянам.

Да, Туманяну было непросто обмениваться рукопожатиями и обниматься с врагом. «И мы, словно тяжкую божье наказание, вынуждены всё это выносить, целовать, называть их братьями. ...Я совершенно подавлен. Размышляя об этом, я сразу же теряю силы», –

с горечью признается Туманян и добавляет, что наше кровавое прошлое, наше мучительное настоящее, наше мрачное, беспросветное и безнадежное будущее, словно тяжелый камень, ложится ему на сердце. «Жалею нас» (10, 7).

Вот почему, будучи занят своей миротворческой деятельностью среди полыхающих пожаров и повседневных убийств, Туманян, по его же словам, выполнял «не обязанности партийного человека, и даже не обязанности армянина, а назначение человека» (10, 332).

В 1905-1906 гг. поэт своей национально-общественной и миротворческой деятельностью оставался солдатом как армянского народа, так и всего человечества. Во все трудные моменты своей жизни, в моменты все тревог, волнений и страданий Туманян всегда сохранял в своей душе какую-то внутреннюю умиротворенность, гармонию, веру в добро и в торжество справедливости.

В этой чудовищной преисподней, когда открылась лазейка для всех варварских, изуверских инстинктов человека, которые проявились в невероятных масштабах и объемах, Туманян был убежден, что в это же самое время «наверняка, добрые души также вышли на площадь во всем своем блеске» (10, 14-15). Туманян был именно такой «доброй душой», он умел видеть, искать и находить хорошее даже в плохом. И он любил и лелеял это хорошее.

Армяно-турецкие столкновения 1905-1906 гг. обрели как армянское, так и турецкое население двенадцати уездов Восточной Армении на бесконечные страдания и нищету. Были разрушены и разгромлены 252 деревни и 7 городов, призрак голода стал обходить одну деревню за другой, резко возросло число бандитских группировок и формирований, активизировалась их деятельность. Пролитая кровь тысяч невинных жертв превратила Южный Кавказ в самый настоящий ад. Счастливым исключением, островком относительного мира и спокойствия можно считать Лори – исключительно благодаря национально-патриотической, миротворческой деятельности Ованеса Туманяна.

1905-1906 годы стали в жизни Туманяна поворотным явлением. Тридцатилетний поэт оказался вынужден взвалить на свои плечи всю ответственность за судьбы армянского народа, за его настоящее и будущее. И он сделал это не задумываясь, потому что не видел иного выхода, потому что кто-то должен был взять на себя эту ношу, эту миссию. Он стал для армянского народа Предводителем, Патриархом, неукоснительным авторитетом, Наапетом, он стал душой и собирательной совестью армянского народа, квинтэссенцией его воли, символом его мудрости. Именно в эти суровые, жестокие, судьбоносные для армянского народа дни, ставшие

для него испытанием на прочность и жизнестойкость, Ованес Туманян провозгласил национальную миротворческую доктрину, объявив «Городу и Миру», что армянский народ никогда не хотел войны, не стремился к ней, всячески избегал ее, но если силой обстоятельств ему все же будет навязана война, он спрячет белый флаг мира и поднимет красный флаг войны, сумеет мобилизовать все свои жизненные силы и ресурсы, чтобы дать решительный отпор врагу и охладить его воинственный пыл.

...А впереди была разрушительная Первая мировая война. Впереди был черный для армян 1915 год, Геноцид армян. Более двух миллионов жертв, десятки и сотни тысяч армянских беженцев и сирот, чудом спасшихся от турецких ятаганов. И Туманян снова поедет в Эчмиадзин, чтобы организовать их быт, хоть как-то облегчить их страдания, определить их в детские приюты. И к его народным «званиям» прибавится еще одно: Отец Всех Армянских Сирот. И уже не Хримян Айрик, а другой Католикос, Геворг Пятый, выслушивая жуткие рассказы о резне, не выдержит и скажет: «Довольно!.. Довольно!..».

И Ованес Туманян, Поэт Всех Армян, скажет полководцу Андранику, что тот может распоряжаться жизнью всех его сыновей, что все они – солдаты его армии.

А в 1918 г. турки убьют 24-летнего сына Туманяна Артавазда, Артика, бесспорно самого талантливого из детей поэта, человека, которому Мартирос Сарьян прочил будущее великого художника, а Александр Ширванзаде – великого драматурга. Артавазд сам, добровольно поехал в Западную Армению, в полыхающие огнем турецкие вилайеты и на протяжении трех бесконечно долгих лет организовывал переселение оставшихся в живых армянских детей, женщин и стариков в Восточную Армению.

В ноябре того же черного 1918 г. Туманян выплеснет на бумагу свое отчаяние и боль:

Стал много совершенней белый свет:
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он – полузверь, ему до Человека
Еще не меньше миллиона лет.

(Пер. Н. Гребнева)

2. В МЕТЕХСКОЙ ТЮРЬМЕ

«Так уж устроен мир – добро тоже наказывается, и даже еще больше. Но ничего: всему есть конец, а праведность и невиновность всегда побеждали в мире и должны побеждать, и я вовсе не обижаюсь, что это происходит не скоро».

Ованес Туманян

Личность и творческая деятельность Ованеса Туманяна всегда находилась под «колпаком» пристального внимания царской охранки, в документальных материалах которой имя Туманяна впервые упоминается в самом начале 1900-х годов. Однако настоящие политические преследования Туманяна начались непосредственно после поражения Первой русской революции и армяно-турецких межнациональных столкновений 1905-1906 гг.

В этот период армянские национальные партии, и, в первую очередь, «Дашнакцутюн» и «Гнчакян», выступили в качестве политических сил, решительно вставших на защиту своего народа и организовавших его вооруженную самооборону. Они настолько преуспели в этом и дали такой отпор погромщикам, что кавказские татары были вынуждены предложить заключение мира. Межнациональная война наконец-то закончилась. Между тем дашнакская партия не оказалась безучастной и в событиях русской революции, организовывала антимонархические демонстрации, политические забастовки, митинги протеста.

В 1905-1906 гг. партия «Дашнакцутюн» была исключительно сильной политической организацией на всей территории южного Кавказа, однако с весны 1907 г., в связи с поражением революции и началом периода реакции, силы партии значительно убавились, и она стала подвергаться все более и более усиливающимся нападениям, гонениям и преследованиям. Царское правительство приняло решение организовать большой судебный процесс против дашнакской партии – с целью дискредитации ее деятельности.

И вот в 1907-1908 гг. в Тифлисе, Баку, Москве, Новом Нахиджеване (Ростове-на-Дону), Гандзаке, Ереване полиция стала арестовывать всех тех, кто каким-то образом, так или иначе был связан с деятельностью дашнаков. Этот террор распространился на всю армянскую интеллигенцию. Как пишет историк Лео, «омерзительная царская бюрократия сама устроила армяно-татарскую резню и теперь стала преследовать армян – из-за организованной ими самообороны»¹. Историк повторяет и передает эту же мысль в более раз-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Ер., 1969, с. 64-65.

вернутом виде: «Казалось, это было каким-то всеобщим преследованием армянской интеллигенции, потому что вместе с дашнаками арестовывали также многих недашнакских оппозиционеров...

Против татар никаких преследований не началось, преследовали только армян, мол, почему они взяли оружие и стали защищать сами себя»¹.

Декабрь 1908 года оказался самым суровым периодом политических преследований армянской интеллигенции на Кавказе. Повсюду, повсеместно проходили обыски и аресты, всех подозреваемых, попавших «в чёрные списки», заключали в тюрьмы.

Вполне естественно и понятно, что один из основных организаторов дела самообороны армян в Лори, Ованес Туманян, не мог остаться в стороне от этой большой расправы над передовой армянской интеллигенцией.

Туманян арестовывался дважды. В первый раз – в ночь на 24 декабря 1908 года, вместе со старшим сыном Мушегом, который в то время был учеником восьмого класса Тифлисской третьей мужской гимназии. В этот день по приказу начальника жандармского управления Тифлисской губернии полицейские под руководством судебного исполнителя Пятого региона Давида Александровича Дашкова устроили обыск в квартире поэта на улице Бейбутян, 44, и хотя не обнаружили ни одного доказательства его революционной деятельности или принадлежности к партии «Дашнакцутюн», не нашли ни оружия, ни запрещенной политической литературы, тем не менее, конфисковали и забрали в жандармское управление ценные рукописи поэта – два больших мешка его незавершенных литературных произведений и набросков, большая часть которых, в частности, отрывки из поэмы «Старая борьба», так и не была возвращена. Дочь поэта Нвард Туманян в своих воспоминаниях рассказывает об этом эпизоде: «Когда мы проснулись, увидели, что рукописи отца валяются на полу, ящики письменного стола, дверцы книжных шкафов открыты, и книги разбросаны по всему полу. После детального обыска рукописи связали в большие свёртки и вперемишку бросили в мешки... На улице шёл снег, была лунная ночь. Светало. Мы посмотрели с балкона: полицейские окружили отца и брата и уводили их»².

В тот же самый день, 23 декабря, мать поэта Сона увидела дурной сон. На следующее утро она приехала из Дсеха в Тифлис, чтобы увидеться с сыном. В воспоминаниях Нвард читаем: «Утром 24 декабря 1908 г., на следующий день после заключения в тюрьму отца

---

¹ Лео, «Из прошлого», Тифлис, 1925, с. 225-226 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 90.

и Мушега, бабушка приехала из села в Тифлис очень печальная – мол, видела плохой сон о своём сыне и приехала, где Ованес?...»¹.

Месяц спустя Мушега выпустили из тюрьмы, а с Туманяном дело оказалось значительно сложнее. Поэт обвинялся в организации бунта против царского правительства, в перевозке оружия, в убийстве полицейских и других преступлениях. Поэту кажется очень унижительным, когда в полицейском участке Метеха его фотографируют в шапке и без шапки, сидя и стоя, пришивают к левому рукаву номер заключённого; предварительно макнув в чернила, берут на бумаге отпечатки пальцев. Всё это напоминает ему «ещё первый период инквизиции»².

В первый раз Ованеса Туманяна допрашивают после праздников Рождества и Нового года, 3 января 1909 г. Поэт заверяет следователя Пригару: «Я везде и всюду действовал один, по своему личному убеждению, всегда во имя мира, мирного прогресса жизни. Поэтому если я не заслуживаю поощрения, то, тем более, не заслуживаю наказания» (10, 478). В данных следователям показаниях заключённого поэта сохранились характеризующие его признания, которые по другому поводу навряд ли были бы написаны, но они, тем не менее, довольно точно характеризуют сущность поэта. «Я не был революционером и не могу быть им, так как я намного глубже и шире смотрю на жизнь, чем может допустить программа какой-нибудь революционной партии. Я никогда не поощрял ни дикости, ни кровопролития, – моё глубокое убеждение, – ни убийств, ни поджогов»³.

Личного обвинительного дела на имя Ованеса Туманяна не сохранилось ни в Центральном Государственном архиве Грузии, ни в фондах специального отдела жандармского отделения Петербурга. Все имеющиеся материалы обобщены в папках с общим названием «Дашнакское дело». В марте 1905 г. министр внутренних дел России Пётр Столыпин поручил вести расследование по «Дашнакскому делу» следователю по особо важным делам Новочеркасского областного суда Николаю Лыжину, который прославился своей исключительной необъективностью, жестокостью и бесчеловечностью. Лыжин обвинял чуть ли не всех арестованных, а с ними и Туманяна, в совершении «антиправительственных действий», подпадающих под 102 статью уголовного кодекса. Это означало, что в случае доказательства этих обвинений всем подсудимым угрожала ссылка в Сибирь, на каторжные работы. Допросы обвиняемых

---

¹ Там же.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 599.

³ Там же, с. 489.

по этому делу продолжались четыре с половиной года – с 10 июня 1907 года до конца 1911 года.

Когда 20 марта 1909 г. Туманяна повели на допрос к Лыжину, он увидел в окно своих детей, скучившихся на улице. Они узнали о дне и часе допроса и поспешили прийти и увидеть отца. Как на всех допросах в Метехской тюрьме, так и в ходе судебного расследования поэт всегда утверждал: «Я не признаю себя виновным»¹.

Свидания с родными в Метехской тюрьме разрешались три раза в неделю. Несмотря на суровые тюремные условия, отношение к поэту со стороны служащих было довольно доброжелательное. Помощник начальника тюрьмы, русский по национальности, позволял Туманяну общаться с членами семьи без разделительной сетки. Один из сторожей тюрьмы по фамилии Обедников никогда не осматривал приносимую поэту еду, а сам поэт, в свою очередь, всегда угощал сторожа. Доброжелательно был настроен и начальник тюрьмы Рымкевич.

Ованес Туманян и Аветик Исаакян находились в соседних тюремных камерах, и когда 20 февраля исполнилось сорокалетие Туманяна², тюремные товарищи поэта «со смешанными чувствами печали и радости» отметили его юбилей. В эти дни в тюремной камере Туманян написал стихотворение «Спуск с перевала» и балладу «Капля мёда». Очевидец этого периода жизни поэта отмечает: «Обычно он шагал по камере в её длину, а когда уставал, возвращался на своё место, отдыхал. Время от времени что-то писал»³. В тюрьме у Туманяна бывали такие всплески вдохновения, что он там написал несколько замечательных оригинальных и переводных стихотворений, вошедших в сокровищницу армянской литературы. Там он заново перечитал роман в стихах «Евгений Онегин», перевёл стихотворение Пушкина «Зимний вечер» и Корсака «В кусте ароматной сирени».

На одно из свиданий жена поэта Ольга приходит с самой младшей дочерью Тамар, которой тогда было всего девять месяцев. Когда Ольга вместе с дочкой подходит к мужу, он незаметно кладёт в пелёнки свиток тонкой сигаретной бумаги. И маленькая Тамар, сама того не ведая, совершает свой первый «подвиг» в жизни – выносит в своих пелёнках бесценные рукописи своего отца. Это были тексты стихотворения «Спуск с перевала» и баллады «Капля мёда». И толь-

---

¹ Национальный Архив Армении, ф. 1457, оп. 3, д. 1, лл. 429-431.

² День рождения Ованеса Туманяна традиционно отмечается 19 февраля, однако в действительности поэт родился 7 февраля 1869 г., т.е. 20 февраля по новому стилю.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 600.

ко по возвращении домой Ольга и домочадцы замечают спрятанный свиток с рукописями. Так были спасены эти два произведения поэта.

Примечательно, что исключительно требовательный к себе и очень строго и трезво оценивающий свои произведения поэт высоко оценивал «Каплю мёда» и именно эту свою балладу считал соответствующей уровню мировой литературы. Подобно Ромену Роллану, Стефану Цвейгу и другим выдающимся деятелям литературы, Ованес Туманян предчувствовал надвигавшееся страшное бедствие мирового масштаба. Баллада «Капля мёда», являющаяся обработкой басни Вардана Айгекци, показывает, как из ничего, из маленькой искры может разгореться мировой пожар. Баллада поэта наделена чётко выраженным глубоким политическим подтекстом, и в этом определённую роль сыграли преследования поэта и тюремный режим со своими строгостями и особенностями.

Эта баллада Туманяна – острая сатира на бессмысленные кровопролитные войны, возникающие из сущих пустяков. В «Капле мёда», как отмечает К. Чуковский, «речь идёт об исторических судьбах всего человечества. Уже не смешная грызня двух животных, а позорная распря целых племён и народов, распалённых бессмысленной злобой и начавших кровавую бойню из-за глупого и жалкого вздора. Море человеческой крови из-за крохотной капли мёда!»¹. Продолжая свою мысль, Чуковский пишет: «...Хотя Туманян позаимствовал сюжет своей сатиры из старинной армянской притчи, сатира оказалась жгучим откликом на злободневные события современности»². И далее следует обобщающая оценка творчества Туманяна: «...Того, кто написал «Каплю мёда», «Пёс и кот», «Смерть мышонка», и в самом деле нельзя не причислять к плеяде первоклассных мастеров мирового искусства»³.

В своей балладе Туманян показывает бесчеловечную и бессмысленную сущность всех войн, приносимое ими зло, высмеивает не только человеческое невежество и несдержанные страсти, но и вековые внутренние причины и поводы возникновения войн. А причины и поводы эти всегда одни и те же, они никогда не меняются, потому что не имеют ничего общего с принципами справедливости и нравственности, под прикрытием и от имени которых они берут своё начало и распространяются. В балладе оба царя объявляют друг другу войну от имени справедливости и защиты мира на земле, оба адресуют друг другу взаимные упреки и обвинения, при этом каждый из них считает, что ведёт войну вынужденно – во имя вос-

---

¹ См. сб. «Туманян 100. Юбилейная летопись». Ер., «Айастан», 1974, с. 283-284.

² Там же.

³ Там же, с. 285.

становления справедливости.

Баллада «Капля мёда» правомерно считается одним из наиболее совершенных проявлений сатирического дарования поэта. В ней представлены сплав, единство комического и трагического начала. Это вполне соответствовало настроению поэта в Метехской тюрьме.

Гарегин Левонян рассказывает, как 14 мая 1909 г., во время похорон его отца, известного ашуга Дживани, когда похоронная процессия проходит мимо Метехской тюрьмы и направляется в сторону кладбища Ходживанка, большинство участников похорон оборачиваются и смотрят в сторону тюрьмы, откуда Туманян и Исаакян из-за железных оконных прутьев машут им платками¹.

И в тюремных застенках поэт остаётся верен своей привычке: он поддерживает дух своих товарищей, рассказывает им занимательные истории, басни и анекдоты, записывает интересные и поучительные рассказы других людей. И улыбается каждому своей знаменитой доброй и открытой улыбкой². Поэт всегда делился с товарищами и сокамерниками нехитрой снедью, приносимой из дома. «Он умел делить посланную ему еду делить с друзьями: одного угощал фруктами, другого – завёрнутыми в лаваш кусочками шашлыка и т.д.»³. Для того, чтобы хоть как-то поддержать, немного порадовать, поднять настроение несправедливо арестованных «друзей по несчастью», Туманян пишет о некоторых из них шуточные стихотворения-шаржи. Он в стихотворной форме излагал воображаемые ответы своих сокамерников следователю Лыжину, а «слушатели умирали со смеху»⁴. Стихотворения эти не сохранились, о чём поэт впоследствии очень сожалел. «Представляешь, – годы спустя рассказывал он Степану Малхасянцу, – я их сжёг, все до одного. Однажды распростанился слух, что придут обыскивать наши камеры. Я подумал – не накликать бы новой беды на свою голову, взял и сжёг. Жаль!»⁵.

После допросов своих товарищей-арестантов Туманян тут же на месте сочинял шутки и анекдоты. Один из них относился к учителю древнеармянского языка грабара, Степану Малхасянцу. «Когда Лыжин спросил Малхасянца, что из себя представляет Дашнакцутюн, он ответил: «Имя существительное, в именительном падеже»»⁶.

Конечно, сказанное вовсе не означает, что Туманяну в Ме-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 442.

² Там же, с. 701.

³ Там же, с. 603.

⁴ Там же, с. 604.

⁵ Там же

⁶ Там же.

техской тюрьме было «весело на душе», что он был полон поэтического заряда и жизненной энергии. Ничего подобного. Просто ему необходимо было каким-то образом развеивать невесёлые мысли своих сокамерников, подбадривать их, не дать им окончательно сломаться, упасть духом. А то обстоятельство, что поэт сам, своими руками уничтожил написанные шуточные стишки, красноречиво свидетельствует о том, насколько рискованно и опасно было сделать какой-то необдуманный, опрометчивый шаг; в тюрьме царила обстановка страха и ужаса перед обысками и доносами соглядатаев. Там любая самая невинная шутка могла довести до большой беды. Примечательно, что Туманян, прекрасно видя и понимая «все прелести» тюремной жизни, при этом называл чуть ли не всех – от рядовых тюремщиков до начальника тюрьмы – «хорошими людьми» и всегда утверждал, что все они обращаются с ним очень хорошо. О своих страхах и нравственных страданиях поэт всегда умалчивал, никому ничего об этом не говорил.

Туманяну в Метехской тюрьме удалось встретиться с сыном Мушегом и провести с ним «долгую беседу».

Свидания с родными, которые, как уже было сказано, разрешались по три раза в неделю, были трёх категорий. Дочь поэта Ашхен Туманян в своих воспоминаниях рассказывает: «Разрешали заходить по два человека... Свидания были трёх видов. Один вид назывался общим свиданием и напоминал зверинец. Около сорока-пятидесяти человек становились по эту и по ту сторону высокой железной ограды на расстоянии полутора метров. Вынуждены были кричать, стоял невыносимый шум, друг друга не понимали. В таких случаях отец не спускался. Приходил только Мушег. Во время второго вида свиданий по обе стороны ограды становились по десять человек, на расстоянии полуметра, всё было хорошо слышно и мирно. Третий вид свиданий был индивидуальным, когда мы были одни в комнате начальника крепости. В этих случаях отец бывал очень доволен, мы приводили с собой и наших младших. Он входил в бодром настроении, расспрашивал, как мы поживаем... что читаем»¹. Во время таких индивидуальных свиданий иногда удавалось передавать спрятанные в цветах деньги.

Самочувствие слабого здоровьем поэта за пять с половиной месяцев тюремной жизни ещё больше ухудшается. Он очень побледнел, похудел, хотя и добрая и лучезарная «улыбка никогда не сходила с его лица»².

В Метехской тюрьме на Ованеса Туманяна произвела очень

---

¹ «Дети Туманяна. Ашхен», Ер., 2011, с. 57.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 601.

тяжёлое впечатление судьба двух осуждённых грузинских юношей. Их приговорили к смертной казни, однако через два дня после приведения приговора в исполнение выяснилось, что они были не виновны, и их посмертно оправдали.

Столь же сильно разволновал поэта и другой случай. Один из арестантов предпринял попытку к бегству. Полицейские открыли огонь на поражение. Тревога молниеносно распространилась по всей округе. Ашхен, которая в это время находилась неподалёку от тюрьмы, услышала звуки выстрелов и переполошилась, испугавшись за жизнь отца и брата. Из-за охватившего её беспокойства и ужаса она начала рыдать. Сама Ашхен рассказывает об этом случае следующим образом: «По всем камерам узкого двора крепости был открыт огонь. Жертв не было. Как мы узнали потом, отец очень испугался; все легли на пол»¹.

В своих беседах с сокамерниками и другими арестантами Туманян часто упоминал величайших злодеев в истории человеческой цивилизации, таких как римский император Нерон, султан Абдул-Гамид и другие.

Вне тюремных стен знакомые и друзья Туманяна очень беспокоились о нём, о его судьбе. Но были и такие, что из предосторожности предпочли «не светиться» и на всякий случай до поры до времени не иметь ничего общего с семьёй поэта. Ашхен рассказывает об этом так: «В эти дни арестовали многих. А те, что остались, перестали навещать нас»².

В этот период, как мы уже говорили, конкретные действия для оказания помощи поэту предпринимала княгиня Мариам Туманян. Объяснялось это, ко всему прочему, ещё и тем, что в окружении поэта только у неё были достаточно большие связи и возможности.

Очередной допрос Туманяна состоялся 26 мая 1909 г. Согласно протоколу допроса, в 1906 г. в селе Барана Казахского уезда Туманян вместе с лорийцами и казахцами предложил нагнетающему страсти Шихали и его приспешникам незамедлительно покинуть регион, а сам сумел предотвратить армяно-татарскую резню. До судебного разбирательства было составлено более тысячи уголовных дел. Партия «Дашнацутюн», согласно судебному делу, имела два органа – идеолого-пропагандистский и террористический. Имя Туманяна был включено в список террористов. В другом следственном протоколе напротив имени Туманяна было записано: «Известный член дашнакской партии, который участвовал во всех комитетах»³.

---

¹ «Дети Туманяна. Ашхен», с. 58.

² Там же, с. 56.

³ См. Центральный государственный исторический архив РА, ф. 14547, оп. 3, д.1, 199

В январе 1911 г. тифлисская жандармерия устанавливает слежку за редакцией газеты «Оризон». 19 января среди бела дня жандармские агенты внезапно ворвались в редакцию газеты, провели тщательный обыск и арестовали её формального редактора С. Саакяна, а также Ованеса Туманяна, других сотрудников, а заодно и подвернувшихся случайных посетителей. В тот же день жандармы в течение долгих четырёх часов проводили обыск в доме поэта, рассчитывая найти спрятанный склад с оружием и тайную переписку Туманяна с лидерами партии Дашнакцутюн. Не сумев найти никаких вещественных улик, но при этом не желая уходить с пустыми руками, сыщики конфисковали какой-то маленький хозяйственный нож, два ключа, рукописи поэта и полученные им письма – порядка двенадцати мешков. На основании этих «вещественных доказательств» следователь Николай Лыжин к прежним обвинениям по эту добавил новые.

На этот раз арест длится всего один день. Из-за ареста редактора и сотрудников номер газеты «Оризон» за 20 января 1911 г. не вышел в свет. В ночь ареста сокамерники поэта, расположившись на полу неосвещённой маленькой комнатки, с понурыми лицами пытались угадать ожидавшее их безрадостное будущее. «Одни уже готовились отправиться в Сибирь, гневно ругали власти», – читаем в воспоминаниях одного из очевидцев¹. Однако больше всех ссылки в Сибирь на каторжные работы должен был опасаться Ованес Туманян. Это он был фактическим редактором дашнакской газеты, его дома был произведён обыск с конфискацией двенадцати мешков рукописей и писем, это он последние шесть-семь лет находился под слежкой царского охранного отделения. Это его пять с половиной месяцев продержали в Метехской тюрьме и выпустили на свободу под залог – условно и с подпиской о невыезде. Казалось бы, Туманян был среди заключённых одним из первых, кто нуждался в утешении. Однако как раз у него-то и было спокойное, «радостное настроение», которое передавалось другим арестантам и служило для них утешением. Его подбадривающая улыбка воспринималась как уверенность в себе, всем казалось, что он «посмеивается себе под нос».

Туманян дал денег смотрителю тюрьмы, чтобы тот принёс для всех хлеба, чая, сыра, колбасы. И он таким образом организовал в тюремной камере скромный ужин, своеобразную «тайную вечерю»,

---

а также: «Следственные материалы по делу партии «Дашнакцутюн», сборник допросов в 6 тт., Новочеркасск, 1912, т. 5, с. 3842.

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 189.

рассказывая при этом весёлые истории и случаи из жизни. Никто даже не заметил, как забрезжил утренний свет. Впоследствии «односуточные арестанты» с тоской и сожалением вспоминали: «Какая весёлая была ночь, какая радостная была ночь...»¹.

Превратить кошмарную тюремную ночь в радостную и весёлую мог только «облегчающий всё трудное Ованес» (10, 55). И даже в этот день некоторые арестанты не упустили момента, чтобы заручиться обещанием поэта помочь им в решении их личных вопросов и проблем. Так, сразу же после выхода из тюрьмы по ходатайству поэта М. Аветисяну назначают стипендию.

Примечательно, что если и был кто-то, для кого эта «весёлая и радостная ночь» имела печальные последствия, то это был Ованес Туманян. Ведь именно его рукописи неопубликованных произведений были безвозвратно утеряны. Возвращая рукописи поэта, полиция перепутала два свёртка и, несмотря на многочисленные заявления Туманяна, они так и не были найдены и возвращены². Среди навсегда утраченных рукописей были отрывки поэм «Старая война», «Тысячеголосый соловей», сказки «Храбрый Назар» и другие.

Политические преследования и аресты Ованеса Туманяна сыграли судьбоносную роль и в жизни его старшей дочери Ашхен. В этот период из-за неуплаты денег за обучение она была исключена из высших женских курсов в Тифлисе. На протяжении семи-восьми месяцев она вместе с юристом Геворгом Хатисяном составляла учётные карточки на всех политических заключённых. В этих карточках приводились различные данные из томов «Дашнакского дела». Г. Хатисян влюбился в Ашхен и сделал ей предложение. Ашхен рассказывает: «Сказал, что если я откажу ему, это плохо отразится на судебном процессе отца. Это «да» стало единственным проявлением моей любви»³.

Как видим, теперь уже Туманян также оказался в центре внимания царских властей, тем более что с лета 1911 г. он являлся главным редактором газеты «Оризон», являвшейся печатным органом дашнаков. 28 апреля 1911 г. в послании начальника тифлисского жандармского управления своему ереванскому коллеге под грифом «Совершенно секретно» упоминается также имя Туманяна. «Согласно агентурным сведениям, – сообщает полковник Пастрюлин, – летом текущего года предполагается созвать съезд представителей закавказской организации Армянской революционной партии

---

¹ Там же.

² Там же, с. 113.

³ «Дети Туманяна. Ашхен», с. 56.

дашнакцутюн. В настоящее время к этому вопросу имеют тесное отношение проживающий в Тифлисе Ованес Туманян, Аветик Исаакян и бывший студент Харьковского университета Геворг Александрович Минасян»¹.

Проведя пять с половиной месяцев в камере №15 Метехской тюрьмы, Туманян благодаря заплаченному Филиппосом Вардазаряном (Филипом) залог в 5.000 рублей 13 июня 1909 г. выходит на волю. Заметим, что Вардазаряна очень удивило и возмутило, что освобождение поэта было «оценено так дешево»: за других арестантов требовали двадцать-двадцать пять тысяч рублей. Вероятной причиной этого было то, что Туманян имел десять детей, и он вряд ли бы бросил семью, чтобы бежать за границу. «Он был бледен, похудел, не мог смотреть на свет, глаза его слезились, – свидетельствует Ашхен Туманян. – С его возвращением наш дом снова ожил»².

В июне 1911 г., в день похорон Газароса Агаяна, Аветис Агаронян и Аветик Исаакян приходят к Туманяну домой и уговаривают его бежать вместе с ними за границу: через Карс в Полис, а оттуда в Европу. Однако Туманян не соглашается. Понимая серьезность нависшей угрозы, поэт, тем не менее, не тушует перед реальной перспективой ссылки и каторги. Во время беседы с братом Вааном Туманян говорит: «Аво рассуждает так же, как Газарос, – мол, агенты правительства могут нанести мне вред; я тоже много чего думаю, но если все мы будем бояться и останемся в стороне, в каком положении окажется наш народ? Резня примет еще большую остроту, и наша жизнь для народа не будет стоить ни гроша»³.

По специальному распоряжению Петербургского сената Туманяна арестовывают второй раз – 31 октября 1911 г. Пробыв в Метехской тюрьме около сорока дней, Туманян 14 декабря 1911 года вместе с большой группой остальных обвиняемых по «Дашнакскому делу» отправляется в Петербург. Вот как описывает этот день дочь поэта Нвард: «Все мы, мама и дети, с нетерпением ждали, когда выведут арестантов.

День уже темнел, когда двери тюрьмы со скрипом отворились...

На нас произвело очень тяжелое впечатление бряцание цепей на ногах арестантов: шли рядами, окруженные вооруженными ружьями полицейскими. Отец и еще два-три человека были без цепей.

---

¹ Архив института политических исследований, ф. 4047, оп. 1, д. 99, л. 4.

² «Дети Туманяна. Ашхен», с. 58.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 243.

Говорили, что их, как имеющих благородное происхождение, освободили от цепей»¹.

Дети Туманяна, расположившись на определённом расстоянии друг от друга, рассеянные в холодных сумерках по обочинам дороги, следовали параллельно большой группе заключенных и издалека следили за своим отцом, чтобы хотя бы взглядом попрощаться с ним. Они так долго его не видели! Дети шли осторожно, прячась от полицейских надзирателей. Однако на улице Черкезовской Нвард неосторожно подошла к рядам заключённых. Туманян попытался взглядом предупредить дочь, чтобы держалась подальше. В этот момент, рассказывает Нвард, «один из полицейских заметил меня, направил на меня ружьё, но я убежала и спряталась в ближайшей аптеке»².

ОВАНЕС ТУМАНЯН В ПЕТЕРБУРГЕ

До Петербурга добираются пять-шесть дней и прибывают 20 декабря, в 4 часа утра. Несмотря на то, что вагон был товарным, в нём, по словам Туманяна, «было настолько тепло, что все мы сидели без пиджаков» (10, 530).

Начиная с Ростова арестантов сопровождает лично начальник охраны. И вновь поэту удастся находить и видеть в своих мучителях положительные стороны. Начальник стражи также достаивается его искренней симпатии. В письме к дочери Туманян характеризует его как «замечательного человека, очень доброго, любезного, одним словом, русского человека» (10, 530).

Петербург встретил поэта мрачной, пасмурной погодой, «какая изредка бывает осенью... в Лори» (10, 531). Это время года, конечно же, не радовало поэта, и он несколько удивленно пишет: «Солнца нет, но при этом люди, как видно, живут без солнца» (10, 531).

По «Дашнакскому делу» проходили и были вызваны в суд 159 человек – вот почему это дело, рассматривавшееся в специальной инстанции Петербургского сената, получило известность не только как «Дашнакское дело», но и как «процесс о 159». Однако из общего числа обвиняемых в Петербург были доставлены и предстали перед судом 146 человек.

В тюрьме разрешалось писать письма только по-русски. Поэтому первые письма поэта родным написаны по-русски. Арестанты имели право получать письма каждый день, но сами могли писать раз в неделю.

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Ер., 1987, с. 95 (на арм. яз.).

² Там же.

Дом предварительного заключения находился в здании Сената – на углу улицы Шпалярная и Литейного проспекта. Туманяну отводится камера за номером 121. И вновь поэт не спешит унывать и старается увидеть в своем незавидном положении положительные моменты. Он пишет дочери: «Моя камера чистая, это маленькая комната со всеми удобствами» (10, 530).

В отличие от Метехской тюрьмы в Тифлисе, где можно было получать продовольственные передачи «с воли», в Петербурге это воспрещалось. Поэт пишет: «Еду (передача) не принимают, но все, что дают, дают, конечно, за деньги» (10, 530). В одном из писем Туманян отмечает список обедов, которые предлагались за плату заключенным.

«Воскресенье – 1. Бульон с кулебякой 2. Кура с рисом.

Понедельник – 1. Борщ. 2. Котлеты телячьи, отбивные с горошком.

Вторник – 1. Суп перловый. 2. Рагу из баранины, с жареным картофелем и огурцами.

Среда – 1. Щи кислые. 2. Рыба жареная.

И так далее. И этот обед стоит 40 копеек ежедневно. Также и любую другую еду, какую захочешь, можешь получить за деньги» (10, с. 140).

В доме предварительного заключения 4-5 раз в день выдавали кипяченую воду. Туманян каждый раз выпивал подряд по три стакана чая. Он заверял родных, что питается хорошо: ежедневно получает вкусный и сытный обед, пастеризованное молоко и сливки, пьет молоко с какао. Писатель по этому поводу замечает: «Такого молока в Тифлисе нет» (5, 532).

А 29 февраля 1912 г. поэт пишет: «Начиная с сегодняшнего утра я стал заквашивать мацун» (10, 142).

Когда приносили список обедов, предлагали делать заказы сразу на четыре дня (10, 142).

23 декабря Туманян ожидал своего старшего сына Мушега, который в это время был студентом отделения естествознания Петербургского факультета и жил на Васильевском острове. Он приходил на свидания к отцу, приносил белье.

Слабое здоровье давало о себе знать в тюрьме, хотя поэт то и дело успокаивал родных: «Я здоров» (10, 142); «Я, кажется, даже выздоровел. Каждый год в это время, если не ошибаюсь, я болел» (10, 140). Конечно, это были только слова, всего лишь успокаивающие заверения, поскольку петербургская холодная и суровая зима с тридцатиградусными морозами и беспросветно мрачное, серое небо были просто невыносимы для Туманяна. «Нет ни солнца, ни даже солнечного луча» (10, 532). На самом же деле морозными зимними

ночами поэту не удавалось согреться. Он вскользь упоминает об этом в письме: «Ночью я мерз под одеялом, попросил второе - казенное» (10, 532).

Уже в течение первой недели Мушег встретился с прокурором. У нас нет сведений о том, удалось или нет Мушегу заполучить обнадеживающие сведения от прокурора, однако он всячески ободрял отца, передавал ему «хорошие вести». А старшая дочь Туманяна, Ашхен, вместе со своим мужем адвокатом Геворгом Хатисяном 26 декабря 1911 года из Тифлиса отправилась в Петербург. Они решили поехать окружным путем через Москву, чтобы встретиться с адвокатами Туманяна. До Москвы добрались в канун Нового года, 31 декабря, провели там чуть более суток и 2 января отправились в Петербург, где их встретил и устроил на ночлег Мушег. На следующий день Ашхен с мужем устраиваются в частной гостинице на углу Невского проспекта и Надеждинской улицы, где они и оставались до завершения судебного разбирательства.

Адвокат Туманяна Оскар Грузенберг впервые встретился со своим подзащитным 11 января. Сведения о встрече находим в письме поэта, датированного этим числом: «У меня был Грузенберг – мой защитник. Я рассказал и разъяснил дело. Он изумился и очень обрадовался» (10, 535).

В судебном разбирательстве по «Дашнакскому делу» принимали участие известные адвокаты своего времени: Александр Керенский (впоследствии – премьер Временного правительства), Карабчиевский, Маклаков, Муравьев, Оскар Грузенберг, Зарудный, Тесленко, Николай Соколов, князь Андроников, Волькенштейн и другие. Делом занимались в общей сложности около шестидесяти адвокатов вместе со своими помощниками. Подавляющая часть адвокатов была из Москвы и Петербурга. Партия «Дашнакцутюн» не пожалела средств для привлечения к делу лучших адвокатов, и все они добросовестно взялись отстаивать права своих подзащитных. Александр Керенский, которому предстояло защищать 14 подсудимых, для лучшей подготовки к процессу специально изучил историю армянского народа и по ходу процесса сблизился со многими дашнакскими деятелями.

Судебное разбирательство по общему делу началось 17 января, во вторник. Слушания проходили ежедневно с 12-и до 15-и и с 16-и до 19-и часов. Заседания были закрытыми. В зале могли находиться только самые близкие родственники – родители, жены и дети подсудимых. Из близких Туманяна на суде были дочь Ашхен и сын Мушег.

Группа обвиняемых, в которую входил Ованес Туманян, состояла из 13 человек. Ее защищал Оскар Осипович Грузенберг. Ему

было 45 лет, он был по национальности евреем. По его мнению, из всей группы его подзащитных «самым главным и самым трудным» был Туманян.

Слушание дела Туманяна было назначено на 8 февраля, но Мушег и Ашхен приходили также на все другие заседания.

Каждого обвиняемого, в том числе и Туманяна, вводили в зал в сопровождении одного «прикрепленного» жандарма, «с высоко поднятой обнаженной пашкой». Обвиняемые были не в тюремной, а своей, гражданской одежде. «Отец, – вспоминает дочь поэта Ашхен Туманян, – вошел, держа левую руку в кармане, сразу посмотрел наверх, кивнул нам головой, улыбнулся. Мы ответили. Внешне он выглядел неплохо, держался спокойно и не нервничал. Говорили, что во время допроса он много шутил и острил»¹.

Как нетрудно догадаться, это внешнее спокойствие было рассчитано на «внешний мир», на недоброжелателей и на родных. В действительности же поэт был очень напряжен.

В день начала судебного процесса Туманян впервые знакомится с составом суда – председателем специальной инстанции Кривцовым, пятью сенаторами, градоначальником и обвинителями. Кривцов подтверждает, что пресловутая 102 статья распространяется на всех обвиняемых.

С первых же минут разбирательства выясняется, что между обвинительными заключениями и показаниями свидетелей есть большие и серьезные расхождения. Из тысячи свидетелей, опрошенных во время предварительного следствия, на суд в Петербурге явились только сто человек. Это могло очень осложнить задачу выяснения истины. Исходя из этого, адвокат Николай Соколов вносит ходатайство о переносе суда на Кавказ. Однако после десятиминутного совещания председательствующий Кривцов отклоняет ходатайство, заявив: «Нет такого центрального города для этого злостного преступления, поскольку оно распространило свою деятельность очень широко»².

По всей вероятности, Туманян и его адвокаты решили построить защиту на том, что он был поэтом, в том числе и детским писателем, что он широко сотрудничал с русскими должностными лицами, а также на тех его публицистических выступлениях, которые доказывали его миротворческую деятельность и прорусскую ориентацию. С этой целью он в письме к Нвард просил прислать в Петербург те его статьи, которые наглядно показывали, что он занимался мирным литературным трудом.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 637.

² Там же, с. 638.

Перед началом заседаний и по их окончании Туманян делал очень интересные записи в своем дневнике. В результате до нас дошел чрезвычайно важный документ, имеющий большое историческое значение, который проливает свет на целый ряд подробностей, связанных как с миротворческой деятельностью поэта в 1905-1906 гг., так и с его литературными интересами в этот период времени.

В тюрьме, как выясняется из записей в тюремном дневнике, Туманяну предоставляется возможность ознакомиться с обвинительными материалами, составленными (а еще вернее – состряпанными) следователем по особо важным делам Н. Лыжиным. Поэт отмечает в дневнике те страницы, где напечатаны данные против него обвинительные свидетельские показания, протоколы допросов.

В этих протоколах Туманян то и дело обнаруживает многочисленные фальсификации, искажения и подтасовки фактов, совершенные следователем. Он с удовлетворением отмечает в дневнике, как на суде выявляются массовые фальсификации и, в частности, манипуляции со свидетельскими показаниями. Ознакомившись в составленных Лыжиным томах уголовного дела с показаниями своих свидетелей, поэт записал конкретные предъявляемые ему обвинения и выразил свои соображения на этот счет. В тюрьме Туманян понял, что авторы нелепых обвинений против него – это долгие годы преследующие его агенты царской охранки «Шмаков» и «Манасянц Стальной». Он выясняет также, что под кличками тайного агента царской охранки скрывался житель села Айгехат Арутюн (Шахбаз) Шахвердов. Туманян хорошо знал его как отпетого негодяя и мерзавца, способного на любую подлость и низость и имевшего свои личные счеты с поэтом. Этот самый Шахбаз из-за клочка неподеленной земли убил родного брата и стал агентом царского охранного отделения. Он настолько «блестяще» развернул свою деятельность шпики и соглядатая, что удостоился от жандармского руководства особых почестей и медали.

Адвокат Грузенберг также предупредил своего подзащитного, что среди свидетелей есть люди, которые специально приехали на процесс, «чтобы потопить его»¹. Грузенберг был уверен, что Шахбаз ни за что не согласится изменить свои показания против поэта. И он оказался прав. Поэт пишет: «Некоторых удастся отговорить от предварительных показаний, а вот Шахбаза...»².

Однако Туманяну было известно и то, что о шпионской деятельности Шахбаза Шахвердова знали его земляки, лорийцы. Они натерпелись от Шахбаза, устали от его бесконечных интриг и про-

---

¹ Там же, с. 639.

² Там же, с. 639.

вокаций и обратились к Туманяну с просьбой выслать его из села. И при этом сообщали, что готовятся расправиться с Шахбазом, расчитаться за все его подлости и грязные делишки. Поэт решительно воспротивился этому и запретил своим землякам наказывать или изгонять Шахбаза из Лори. Спасая жизнь своему заклятому врагу, Туманян при этом заверял односельчан, что более важным является нравственное наказание. «Пусть он останется в живых, и пусть люди говорят: это он предал Туманяна»¹.

Уже летом 1909 г., после выхода из Метехской тюрьмы, Туманян знал о клеветнических показаниях Шахбаза. Однако в Дсехе он снова берет его под свою защиту, на этот раз спасая осведомителя от расправы со стороны своих родных и родственников. Брат поэта Ваан Туманян пишет: «Ованес думал, что мы можем причинить зло Шахбазу, и всячески старался предотвратить это»².

Таким образом, в 1909 г. Туманян проявлял беспокойство о судьбе Шахбаза и неоднократно спасал его от физической расправы, а Шахбаз во время допроса 27 августа 1910 г. утверждал, что Туманян возглавлял дело сбора денег у населения для покупки оружия. В своих показаниях он заявлял: «В 1905-1907 гг. в нашем селе Игахат Ованес Туманян и Артем (Артуш) Степанович Кочарян создали дашнакское подразделение. Руководителем был Ованес Туманян, а Кочарян был помощником. Они создали вооруженную дружину... Туманян держал себя, как губернатор. Приезжал с вооруженным отрядом из 30 человек... Эти бойцы по поручению Туманяна и Кочаряна собирали деньги для вооружения партии «Дашнакцутюн». Кто не платил, сажали в подвалы, в тюрьмы, заставляя продавать последних кур. Ованес Туманян разъезжал с флагом (какого цвета – не знаю), а как только подъезжал к русской деревне – прятал флаг»³.

В протоколе допроса Туманяна от 2 мая 1911 г. в ответ на это лжесвидетельство, отмечается, что поэт боролся против тех, кто от имени дашнакской партии угрозами вымогал у населения деньги. То есть действительность была не просто переиначена Шахбазом, а поставлена с ног на голову. Все показания провокатора были злоумышленной ложью. Так, он утверждал, что вооруженный отряд под предводительством Туманяна пытался его убить, однако эта попытка не удалась. Другим столь же нелепым утверждением было то, что якобы Туманян взял 300 или 400 рублей у некоего Григора Шах-

---

¹ Там же, с. 244.

² Там же.

³ См. Центральный государственный исторический архив РА, ф. 14547, оп. 3, д.1, а также: «Следственные материалы по делу партии «Дашнакцутюн», сборник допросов в 6 тт., Новочеркасск, 1912, т. 5, с. 3842.

вердова, который пожаловался начальнику уезда, и Туманян, перепугавшись, вернул часть суммы.

Туманян в своем тюремном дневнике дословно выписывает все эти обвинения и пытается с помощью логически поставленных вопросов показать всю их несостоятельность и абсурдность.

Выстраивая в дневнике тезисы своей защиты, Туманян по ходу представлял личность доносчика и провокатора Шахбаза, приводил эпизоды из его жизни. Поэту очень хотелось обратиться к прокурору и председателю суда с призывом не верить показаниям этого вероломного и коварного человека. Он записывает в дневнике заготовки своего предполагаемого обращения. «Вы же знаете, что он убил своего брата и сам же признался в этом», – читаем в дневнике поэта (8, 630).

Значительное место в тюремном дневнике занимают размышления поэта о предъявлении убедительных доказательств своей невиновности. Он приводит факты, имена, документы, которые могли бы оказаться полезными в деле его оправдания. Несколько раз упоминает имена начальников лорийского и борчалинского уездов Константина Шаншиева и Николая Резанова, поскольку был уверен, что письменные свидетельства его переговоров с ними, безусловно, сохранились и непременно сыграли бы положительную роль в его оправдании.

23 января 1912 г. был день расследования дела Туманяна, и он впервые в одиночестве занимает место обвиняемого. Поэта вводят в зал суда, и в соответствии с установленным порядком с обеих сторон его обступают жандармы с обнаженными саблями. По впечатлению Ашхен, «отец спокойно облокотился на спинку сиденья»¹.

Из числа свидетелей, проходящих по делу Туманяна, в суд явились пятеро: два начальника лорийского уезда – Николай Резанов и Василий Золотарев, турок Махмад Векилов, Шахбаз Шахвердов и градоначальник Тифлиса Александр Хатисян. До вызова свидетелей были зачитаны три телеграммы, якобы обосновывающие виновность Туманяна. Первая телеграмма относилась к объявлению об издании «Лусабера». Ее, кроме Туманяна, подписали также Степан Лисициан и Левон Шант. Вторую «подозрительную» телеграмму поэт получил 23 июля 1907 г., находясь в Манглисе. В телеграмме говорилось: «Где Заргарянц, срок Баграма кончается. Отвечай Харисху. Артюша» (10, 550). Кто такие Артюша и Баграм, нам выяснить не удалось, а Заргарянц был не только одним из близких друзей Туманяна, но и довольно известным врачом, уважаемым во дворце русского императора Николая Второго; он лечил царевича

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 640.

Алексея. Эта телеграмма вызвала подозрения, вероятно, потому что в ней упоминалась редакция дашнакского печатного органа «Харисх», который находился под постоянным и пристальным наблюдением жандармерии. Третья телеграмма касалась полученного поэтом банковского векселя. Полиция предположила, что деньги были получены из банка для покупки оружия или других революционных целей. С такой же подоплекой на суде был упомянут полученный поэтом из разных литературных изданий гонорар в двести рублей. «Вы видите, какие пустые обвинения предъявляют мне? – пишет Туманян несколько месяцев спустя княгине Мариам Туманян, – телеграммы просто смехотворны, а то, что я получил от газет 200 или не знаю сколько рублей гонорара – да, получил... и что с того? Если это касается только газет, то я отвечаю только за написанное мною... А написанное – пожалуйста, а какая была газета – какое мне до этого дело, вы ее разрешили, она издавалась, а мне заплатили, я сотрудничал» (10, 155). Речь шла о гонорарах, полученных из дашнакских газет «Арач», «Харисх», «Втак» и других периодических изданий, с которыми сотрудничал Туманян в 1906-1908 гг.

Бывший начальник лорийского уезда, назначенный впоследствии ротмистром одного из белорусских городов, Николай Резанов ввиду своей большой занятости был опрошен первым. На вопросы Грузенберга о деятельности Туманяна во время армяно-турецких столкновений 1905-1906 гг., он представил поэта с самой лучшей стороны, как убежденного миротворца, который добровольно взял на себя тяжелое бремя по прекращению кровопролития и установлению мира в регионе. Сам Николай Резанов также принимал деятельное участие в прекращении войны и распрей, за что и попал в опалу и поплатился своей должностью.

Свидетель обвинения Махмад Векилов на суде отказался от всех своих показаний, данных против Туманяна на предварительном следствии, заявив, что эти показания он был вынужден дать из-за оказываемого следователем откровенного и сильного давления. Векилов утверждал, что он явился в суд по собственной воле и инициативе, чтобы успокоить совесть и свидетельствовать, что Туманян «разъезжал в Казахе в миротворческих целях»¹.

Третьим допрашиваемым свидетелем был Шахбаз Шахвердов. Этот «лучший агент» царского охранного отделения был фактически единственным свидетелем, на показаниях которого строилось обвинение Туманяна в антиправительственной и революционной деятельности. Он не скрывал своего злорадства и своей личной заинтересованности в исходе дела, и всеми правдами и неправдами

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 641.

стремился отомстить. Туманян в тюремном дневнике записал, что после убийства своего брата Шахбаз два года скрывался у турок-азеров, и что он, Туманян, приложил руку к тому, чтобы преступник был найден и передан властям.

Шахбаз, смело войдя в зал суда, склонился перед портретом Николая Второго, перекрестился и начал давать свои показания. Он, разумеется, не забыл подчеркнуть, что это именно Туманян организовал армяно-турецкие столкновения, что поэт, разъезжая по селам, в присутствии армян и татар произносил антиправительственные речи, настраивал народ против царя и властей предержащих, повсюду предлагал населению турецких деревень объединяться с армянами, чтобы свергнуть русское правительство, что Туманян везде и всюду угнетал крестьян и пытался убить его самого. Шахбаз не владел русским языком, и его показания переводил некто Чарихов, который, в свою очередь, плохо знал армянскую диалектную речь. В результате то и дело получались забавные недоразумения и казусы. Об одном таком казусе рассказывает Ашхен Туманян. «Шахбаз рассказывал, как он переправлял скотину на пастбище. Чарихов сразу же перевел: «Товар положил в мешок». Обвиняемые, они были армяне, прыснули от смеха. Шахбаз понял, в чем дело, протянул руку к переводчику, восклицая: «Скатына, скатына», то есть, что это был не «товар», а «скотина», «скот». Смех еще больше усилился, а участники процесса, решив, что он оскорбляет переводчика, рассердились. Председатель позвонил, поднялся шум, он стал угрожать, что прекратит слушание дела. Когда страсти улеглись, адвокат Геворг Хатисян попросил слова, чтобы разъяснить недоразумение. Когда недоразумение выяснилось, теперь уже стали смеяться участники процесса. Шахбаз еще продолжал бы давать свои клеветнические показания, если бы председатель не приказал жандармам вывести его»¹.

Таким образом, среди свидетелей – армян, русских и татар по национальности – только один человек, армянин и к тому же земляк Туманяна Шахбаз Шахвердов так до конца и не отказался от своих обвинительных показаний, сделанных во время предварительного следствия. И он был единственным, который дал эти показания не под давлением следователя либо по недоразумению, а добровольно, с большим удовольствием, осознанно.

День 23 января 1912 года был знаменательным в жизни Шахбаза, потому что он наконец-то получил возможность обрести славу Герострата, увидеть воочию результаты своего подлого малодушия. Как и всякое ничтожество, он ликовал, что сумел причинить столько

---

¹ Там же, с. 642.

горя и неприятностей известному поэту, и от одной этой мысли чувствовал свою значительность.

После Шахбаза свидетельские показания давал Василий Золотарев, который в 1906 году был генерал-губернатором Борчалу. Золотарев не только представил миротворческую деятельность Туманяна, его лояльность в отношении к русскому правительству, но и посчитал необходимым остановиться на показаниях Шахбаза Шахвердова, одно за другим опроверг все его нелепые обвинения, а самого лжесвидетеля и провокатора охарактеризовал как «бесчестного человека, братоубийцу» и как заурядного душевнобольного, страдающего манией преследования. Туманян в своей тюремной тетради также характеризует показания Шахбаза как надуманную чушь ненормального человека.

Последним свидетелем, выступившим на суде по делу Туманяна, был градоначальник Тифлиса, юрист по специальности Александр Хатисян. Хотя он и приходился Туманяну родственником (был братом Геворга Хатисяна, мужа Ашхен Туманян), однако ему не могли запретить выступить, поскольку его речь относилась не только к Туманяну, но и ко всему «Дашнакскому делу» в целом. По всей вероятности, его выступление состоялось 4 февраля или позднее. Об этом можно судить по записи Туманяна в тюремном дневнике, сделанной 4 февраля. Поэт пишет: «В эту самую минуту вернулся из Сената, и мое дело теперь осталось незавершенным» (10, 138). Это означает, что правовые действия по делу Туманяна продолжались и после 4 февраля.

Александр Хатисян, будущий премьер-министр Первой Республики Армении, выступил на суде с такой убедительной и аргументированной трехчасовой речью, что русские адвокаты, выражавшие во время перерывов между заседаниями свое искреннее восхищение, при этом говорили: «...Вот такой градоначальник нужен Петербургу»¹.

Хатисян настолько проникновенно и ярко представил Туманяна как выдающегося лирика, знаменитого национального поэта, что председатель суда Кривцов потребовал предоставить в его распоряжение сборник избранных произведений Туманяна. Хатисян отметил также, что когда Тифлису угрожала реальная опасность нападения со стороны турок борчалинского уезда, городские власти обратились к Туманяну с просьбой прийти к ним на помощь, и как человеку, прекрасно знающему эти районы, предложили успокоить

---

¹ См. Л. Ахвердян, «Туманян и время», Ер., 1995, с. 33 (на арм. яз.). В воспоминаниях Ашхен Туманян эти слова отсутствуют. Судя по всему, литературовед опирается на свои устные беседы с семьей поэта.

народ, — дело, с которым поэт справился «самым блестящим образом»¹.

Несколько дней спустя председатель суда Кривцов протянул сборник Туманяна 1903 года прокурору и сказал, что ознакомился с сочинениями обвиняемого Туманяна и не нашел в них ничего революционного и антиправительственного.

Как правило, после завершения свидетельских показаний обвиняемые давали свои пояснения. Кроме нескольких предложений, записанных Ашхен Туманян, текст этого выступления поэта не сохранился. Однако с помощью сопоставления писем Туманяна и его записей, сделанных в «Тюремном дневнике», нетрудно с большой долей точности воспроизвести содержание речи Туманяна. Поэт держался достаточно спокойно и смело и, в частности, говорил следующее: «...Я говорю вам, что вы защищаете шантажистов, убийц и воров и руководствуетесь их словами: они тогда были заняты шантажом и убийствами, а сегодня, когда видят, что времена изменились, заняты доносами и шпионством и пытаются отомстить мне, потому что в свое время я преследовал их. Теперь вы придаете им силы и защищаете их: если я не покажу и не докажу свою невиновность, буду отвечать своей жизнью. А если будет доказан хотя бы самый малый из выдвинутых против меня фактов, в этом случае я признаю все, что они написали. Откройте, пусть будет открыто и ясно» (10, 155).

По всей вероятности, Туманян в своей речи напомнил о том, что борьба для него «не была задачей федерации или республики, а задачей сохранения жизни родного народа и родины» (8, 328). И непременно подчеркнул, что не мог спокойно сидеть за письменным столом и заниматься литературой, когда из его родного Лори приходили «тревожные вести» (8, 327).

Свое выступление Туманян завершил столь характерными для него жизнеутверждающими словами: «Я нахожусь в тюрьме, но, хорошо осознавая свою невиновность, очень спокоен. Я спокойно сплю, будучи уверен, что справедливость восторжествует и меня оправдают»².

Эти свои слова поэт адресовал всем — и участникам процесса, судьям и обвинителям, и всем обвиняемым и свидетелям, и своим детям — Мушегу и Ашхен, которых он уподоблял птицам, высывающим свои головы из гнезда. Туманяну придавало силы и то, что он чувствовал большую и искреннюю симпатию как к своей личности, так и к своей деятельности. «А защищали меня почти все

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 642.

² Там же, с. 643.

должностные лица империи – начиная со стражников и городских, несколько приставов, начальники уездов, генерал-губернатор, Северский полк, главный штаб, насколько мне известно, наместник царя и другие» (10, 148). Кроме того, изо дня в день он становился очевидцем благоприятного для себя течения процесса, положительных показаний свидетелей, и это не могло не вселять в него оптимизма. «И чем больше фактов раскрылось, тем лучше для меня. Получается, что я десятилетиями спасал людей от огня и все время был занят тем, что боролся со злом. Фактов – сколько хотите, случаев, свидетелей – бессчетное число» (10, 155).

Вне стен суда для доказательства невиновности Туманяна определенные шаги предпринимали также наместник царя Воронцов-Дашков и его супруга. Об этом поэт узнал несколько позднее, когда уже был оправдан и вернулся в Тифлис. В июле 1912 года он пишет: «Вчера я из достоверного источника узнал, что наместник царя был уверен в моей невиновности и о том, что он для меня сделал, если расскажу, – удивитесь, то же – его жена» (10, 156).

Между тем адвокаты обвиняемых ежедневно обнаруживали все новые и новые вопиющие факты фальсификаций и подлогов со стороны следователя Лыжина. Здесь были и подлоги с подписями, и нарочно пролитые чернила на важных свидетельских показаниях. Об одной такой фальсификации пишет Ашхен: «В написанном в документе выражении «он не давал оружие» «не» превращено в «же», получилось «он же давал оружие»»¹. Огромное количество фальсификаций вынудило судью пригласить нового эксперта. Последний не только подтвердил уже выявленные искажения, но и сам обнаружил новые. Выяснилось, что была подделана даже подпись старшего прокурора Астраханцева.

В ходе суда материалы уголовного дела одного из обвиняемых исчезли из той комнаты, которая находилась под присмотром жандармов и куда заходил только судья. Не желая мириться с наличием такого количества правонарушений, суд выносит постановление об утере документов, и Лыжина удаляют из зала заседаний².

Председательствующий Кривцов больше не доверял материалам предварительного расследования, особенно показаниям, полученным Лыжиным, и всегда осведомлялся, кто брал показания.

3 марта 1912 г. адвокаты А. Зарудный, А. Керенский, Н. Соколов, Г. Скарятин, П. Переверзев, Б. Барт обратились к председателю суда с официальной жалобой на Лыжина. Они обвиняли

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 640.

² Подробнее о подделке материалов и об исчезновении некоторых документов см. газету «Закавказская речь», Тифлис, 1912, №№ 23, 42, 44, 57, 68.

следователя в фальсификации и искажении фактов и требовали привлечь его к ответственности. Эта жалоба получила большой резонанс. Очевидные противозаконные действия следователя осуждали практически все влиятельные газеты Петербурга и Москвы. Публиковались призывы не довольствоваться отстранением, увольнением Лыжина, а строго наказать его. Суровее всех других после отставки Лыжина о нем высказалась газета «Речь», посвятившая разразившемуся скандалу несколько номеров¹.

Учитывая огромный общественный резонанс, сопровождающий весь ход судебного разбирательства и сформировавшееся о нем мнение, председательствующий Кривцов дает распоряжение апелляционному суду обсудить на объединенном заседании поведение Лыжина. Заседание это состоялось и приняло предложение предать Лыжина суду, обвиняя его по статье 362 уголовного кодекса².

Против Лыжина было возбуждено уголовное дело, однако не по 362-ой, а по 303-ей статье. Забегая вперед, скажем, что Лыжин так и не был осужден, поскольку приглашенные из Тифлиса в Петербург пятеро свидетелей, в том числе и Туманян, на суд не явились; дело Лыжина все время затягивалось и откладывалось, и, как это нередко бывает в таких случаях, в конечном счете было закрыто. Касаясь вопроса о возбуждении уголовного дела против Лыжина, Туманян записывает в «Тюремном дневнике»: «Весь суд строился на выявлении фальсификаций. Адвокаты тоже совершали фальсификации. Лыжин тоже совершал фальсификации; когда фальсификации обеих сторон были раскрыты, следствием стало то, что нас отпустили, их наказали» (8, 338).

Листая страницы «Тюремного дневника», нельзя не убедиться в том, что арестованный Туманян не был обычным, заурядным политическим обвиняемым или неправоммерно, беспричинно преследуемым деятелем. Это был именно писатель, поэт, переводчик, языковед и автор филологических исследований. Находясь в тюремной камере, Туманян не переставал ни писать, ни переводить, ни, тем более, читать, причем не только художественную, но и научную литературу. Дневниковые записи поэта и написанные в тюрьме письма позволяют получить достаточно полное представление о его переживаниях и размышлениях. Будучи безвинно обвиняемым, на неопределенное и довольно длительное время изолированным от общества, беспричинно подвергаясь невероятным нравственным страданиям и мучениям, пройдя через все круги ада, Туманян, тем не менее, не переставал оставаться светлой, лучезарной личностью,

---

¹ Газета «Речь», Петербург, 1912, №№ 44, 61, 62, 80.

² Газета «Оризон», 1912, № 49, 51.

он был по-прежнему добрым и жизнерадостным. Он ни на секунду не переставал верить в торжество добра, в то, что все поколения людей должны учиться на примерах и героических образах мировой классической литературы. Он продолжал безоговорочно верить в силу положительного, благотворного воздействия праведных деяний великих людей и произведений искусства. Поэт, над которым дамокловым мечом нависла угроза ссылки и каторги, обращается к сыновьям Артику и Амлику с советом: «Читайте, и читайте хорошие книги, слава богу, в нашем доме есть много хороших книг. Читайте и для детей, рассказывайте им о жизни хороших, великих людей, о жизни добрых людей» (10, 134, 536).

Туманян с философской умиротворенностью рассуждал о человеческой подлости и неблагодарности, из-за которых он оказался в тюрьме. Какими бы историко-политическими ни были причины его осуждения, уголовное дело против писателя создавалось с помощью и при участии конкретных людей, которые были обязаны ему своей жизнью. Однако поэт находил в себе силы для того, чтобы смотреть на все это с высоты и прощать своих мучителей и врагов. 1 февраля 1912 года поэт записывает в «Тюремном дневнике»: «Столь безбожным образом подвергнуться клевете со стороны людей, в отношении которых ты был благодетелем, – в этом, кроме страдания, есть и какое-то утешение, и я даже не испытываю к этим несчастным никакой злобы. Господь с ними» (10, 540). Ни на мгновение душу поэта не омрачали чувства озлобления и мести, хотя после выхода из тюрьмы он с горечью должен будет признаться: «Большей несправедливости по отношению ко мне, чем это – трудно представить» (10, 152).

Позднее, уже находясь на свободе, Туманян выскажется о человеческой неблагодарности более определенно: «Странно то, что против меня свидетельствовали один армянин, который своей жизнью обязан только мне, и несколько турок, с которыми я обращался настолько хорошо, что они сами теперь кричат об этом, и мир это знает» (10, 147).

Будучи отлично знаком с обвинениями в адрес Туманяна и с решительным настроением участников процесса и прокурора, которые жаждали сурово наказать армянскую интеллигенцию, адвокат Оскар Грузенберг каждый раз приходил в замешательство, сталкиваясь с созерцательно-философским спокойствием своего подзащитного. Это спокойствие он принимал за апатию и безразличие к делу. Он то и дело жаловался дочери поэта: «...Я просто отчаиваюсь: дело вашего отца очень серьезное, обвинение – тяжкое, а он не хочет этого понять, я иду к нему, чтобы ознакомиться с делом, подготовить его... а он – никакого внимания, очень ловко переводит разговор на

обсуждение литературных и философских вопросов, и обидно то, что ему удастся меня увлечь этими темами. Пробыв с ним два часа, выхожу на улицу, и тогда только прихожу в себя и понимаю, что относительно дела я от него по существу ничего не узнал»¹. С таким же впечатлением уходит от Туманяна и помощник Грузенберга Зерахович. Об этом узнаем из следующей записи Туманяна: «Зерахович – очень обаятельный молодой человек, больше интересовался моими стихами, чем моим делом» (10, 533).

Конечно, такое спокойствие Туманяна было следствием не безразличия и апатии, а внутренней убежденности, что его полная невинность настолько очевидна, что способна сама себя защитить. Ашхен по этому поводу пишет: «...Отец уверен, что он невинновен, что его не смогут оклеветать, и что правда победит»². Многоопытный Грузенберг, будучи куда более информированным и видевший на своем веку значительно более абсурдные процессы, во все не разделял подобного оптимизма. Он был убежден, что этот большой и показательный процесс является самым настоящим террором со стороны государства, расправой над армянской интеллигенцией и армянским народом, и неоднократно заявлял, что это «уничтожение интеллигенции» и что «обвинят по меньшей мере 50 процентов»³.

К началу марта закончились допросы всех обвиняемых. 8 марта начал выступать с обвинительной речью прокурор В.С. Сергеев. Его речь продолжалась три дня, до 9 марта. Он предложил признать невинными 15 обвиняемых, в том числе и Туманяна. Произошел беспрецедентный в юриспруденции и судопроизводстве случай: обвинитель стал рьяно защищать обвиняемого. Причем он не просто защищал и признавал поэта невинным, но и выражал свое искреннее восхищение и симпатию. Примечательно, что «неисправимый и безнадежный оптимист» Туманян предвидел и такую возможность. В «Тюремном дневнике» находим такую запись: «Странное дело – один армянин и несколько турок ложными показаниями обвиняют меня и якобы защищают государственные интересы, а русские и вся администрация защищают меня против них. И грустно, и смешно, и трогательно. Мы этого не забудем. Остается только, чтобы и прокурор стал меня защищать» (10, 540).

Туманян записывает свое впечатление об обвинителе Сергееве: «Прокурор – замечательный человек, и не знал, что делать – он был так взволнован, зная о моей деятельности и видя мое поло-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 639.

² Там же.

³ Там же, с. 643.

жение, – то, что произошло со мной» (10, 153).

Однако этот «замечательный человек», конечно же, выполнял «государственный заказ», и его личные симпатии распространялись только на Туманяна. Обвинитель Сергеев инкриминировал членам партии «Дашнакцутюн» попытку вооруженного захвата власти, смещения законного правительства и осуществление «террора против государственных должностных лиц». Вся его речь была выдержана в строгой обвинительной тональности.

В дни выступления прокурора, 7 марта, председатель суда, сенатор А. Н. Кривцов получает аудиенцию у Императора России Николая Второго, чтобы доложить ему о ходе этого громкого судебного разбирательства и получить дальнейшие инструкции. По свидетельству Лео, царь в июне 1912 года принял новоназначенного Католикоса всех армян Геворга Пятого и пообещал ему: «Пока вы вернетесь к себе, все уже будут выпущены»¹.

«Дашнакское дело» было настолько важным событием в армянской действительности, что вызвало большие волнения во всех армянских колониях. За процессом пристально следили не только родные обвиняемых и не только в Петербурге и Тифлисе. С ходатайством о гуманном отношении к осужденным представителям армянской интеллигенции армянский патриарх Турции обратился к послу России. В Костандунополисе состоялось собрание армянских депутатов, на котором единогласно была принята резолюция, составленная Григором Зограбом².

С 11 марта приступили к выполнению своих обязанностей адвокаты подсудимых. Их выступления заняли неделю. Свою защитную речь на суде Грузенберг построил на выявлении просчетов и недостатков, имевшихся в материалах предварительного следствия, и опровержении предъявленных обвинений. Утверждая, что фальсификация документов носила умышленный характер, Грузенберг сказал: «...Дайте нам чистое, не вызывающее сомнений предварительное следствие, чтобы мы могли с чистой совестью опираться на него»³.

Конечно, в деле оправдания Туманяна большую роль сыграла не только его полная невиновность, но и высокопрофессиональная работа его адвокатов, в особенности старания Грузенберга, его блестящая и убедительная речь, после которой никто в зале не сомневался в миротворческой и патриотической деятельности поэта, в его большом личном вкладе в дело прекращения кровопролития и

---

¹ Лео, «Из прошлого», Тифлис, 1925, с. 226 (на арм. яз.).

² См. Л. Ахвердян, «Туманян и время», Ер., 1995, с. 34 (на арм. яз.).

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 643.

установления вождельного мира между народами южного Кавказа.

Между тем суд уже приближался к концу. Осужденные (131 человек) связывали какие-то иллюзорные надежды со своим последним словом, однако им велели говорить с места, что по существу было лишением этого права. Подавляющее большинство отказалось выступить.

До оглашения приговора ходили слухи, что некоторые из министров, Сазонов и Коковцев, настаивали на вынесении мягких приговоров, а Щегловитов и Сухомлинов, наоборот, требовали сурового наказания. Эти слухи беспокоили детей поэта, адвокатов и особенно подсудимых. Ашхен пишет: «Хотя прокурор признал отца невиновным, но мы не были уверены в благоприятном исходе дела»¹.

20 марта 1912 года было последним днем судебного процесса. Приговор зачитывался в зале заседания специальной инстанции в 2 часа пополудни. В соответствии с законом заседание было открытым и охрана была удвоена. Приговор зачитывался в условиях «мертвой тишины», тяжкого ожидания и исключительного напряжения. Примечательно, что случай потери сознания имел место не среди обвиняемых или их родных, а среди адвокатов. Речь идет о Луарсабе Андроникове, который лишился сознания во время чтения приговора.

По свидетельству Ашхен Туманян, судья А. Н. Кривцов предложил освободить 94 человека, в том числе и Туманяна². В отношении 52 осужденных были применены различные меры наказания, а четверо были приговорены к каторжным работам. Для многих суд неожиданно завершился значительно удачнее ожидаемого. Самоочевидно, что освобождение почти ста обвиняемых в процессе, получившем скандальную известность во всей России, потребовало от группы адвокатов титанических усилий. Тем не менее, осуждение пятидесяти двух по существу невиновных людей, которые оказались на каторге или за тюремной решеткой только из-за своих политических взглядов, производило на всех угнетающее и удручающее впечатление.

В общей же сложности исход «Дашнакского дела», проходящие по которому арестанты обвинялись в очень тяжких преступлениях, в частности, в антиправительственных и антигосударственных действиях, можно считать благоприятным, а приговоры – относительно мягкими. Это объяснялось несколькими обстоятельствами. Первое, наиболее важное и определяющее обстоятельство –

---

¹ Там же, 644.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 645.

это привлечение лучших адвокатов того времени, их высочайший профессионализм. Второе – это выявление с помощью свидетелей, экспертов и юристов многочисленных просчетов, фальсификаций и ошибок, допущенных предварительным следствием, доказательство предвзятости, тенденциозности следователей и надуманности предъявленных ими обвинений. Третье обстоятельство – откровенно благосклонное отношение к необоснованно обвиняемым со стороны председателя суда Кривцова, который информировал самые высокие инстанции власти (включая императора Николая Второго) о ходе процесса и сумел заручиться их согласием для объективного и беспристрастного разбирательства дела. Наконец, четвертое обстоятельство – это подробное освещение процесса влиятельными и передовыми российскими газетами. В них публиковались правдивые статьи, обзоры и материалы с правильно расставленными акцентами и проармянскими публикациями, которые сопровождали весь судебный процес «Дашнакского дела».

Оправдание и освобождение из под стражи 94 обвиняемых адвокаты закономерно считали своей большой победой. Они решили отметить успешное завершение дела ужином в одном из самых роскошных и престижных ресторанов Петербурга – «Донон». Число приглашенных участников процесса приближалось к сотне. С особым нетерпением и интересом ожидалось участие Ованеса Туманяна. Подружившийся с поэтом и его родными адвокат О.Грузенберг занял для Туманяна место рядом с собой.

Туманяна должны были освободить к 8 – 9 часам вечера, но дело задержалось из-за бюрократических формальностей, которыми занимался Г. Хатисян. В это время с поэтом неразлучно находился его сын Мушег.

В ресторане Туманян впервые прочитал написанное в тюрьме и посвященное Грузенбергу стихотворение «Двое». «Некоторые из адвокатов, – пишет Ашхен, – завидовали Грузенбергу из-за того, что дело отца попало к нему. Во время судопроизводства говорили то же самое: какое благородное и благодарное дело, жаль, что не мое»¹.

И это вполне естественно: каждый из адвокатов был бы несказанно рад защищать правое дело выдающегося поэта, был бы счастлив победить, доказав его невиновность, хотел бы, чтобы именно ему были посвящены проникновенные строки самого Туманяна. Но всего этого – и вполне заслуженно и закономерно – удостоился Оскар Грузенберг.

Туманян после освобождения проводит несколько дней в Пе-

---

¹ Там же.

тербурге, устроившись в той же самой гостинице на углу Невского проспекта и Надеждинской улицы, в которой остановились Ашхен с супругом Г. Хатисяном. И начинается нескончаемое паломничество визитеров и гостей к знаменитому поэту.

О днях, проведенных в Петербурге, Мушег Туманян пишет: «Каждый день мы бываем где-нибудь: театр, выставка, детское литературное мероприятие, застолье, визиты и т.д. Отец породнился со всей колонией, со всеми сблизился»¹.

Туманян облюбовал какую-то подвальную таверну (Маккаева), в которой по вечерам ужинал вместе с Мушегом, Ашхен и зятем Г. Хатисяном. Поэт очень часто наведывался в букинистические магазины и покупал книги.

Позднее, уже вернувшись через Москву в родной Тифлис, поэт делится своими размышлениями о выпавших на его долю испытаниях с княгиней Мариам Туманян. Он пишет: «Я с самого начала, хорошо зная не только свою невиновность, но и – не считите за нескромность – свою праведность, которую проявил в смутные годы, чувствовал себя очень сильным, и как это замечательно, когда человек прав и вооружен своими добрыми делами» (10, 153).

Поэт-русифил, безгранично и искренне преданный России и русской культуре, имеющий четко выраженную прорусскую ориентацию, удостоился чудовищно несправедливым гонениям и преследованиям со стороны русских властей, русского правительства. У него, как и у всей армянской интеллигенции и армянского народа, были все основания для недовольства царской великодержавной политикой, однако никакая сила не могла бы заставить поэта каким-либо действием или неосторожным словом повредить армяно-русским отношениям, потому что он был убежден, что органичное и естественное развитие этих отношений в конечном счете приведет к положительным результатам для армянского народа.

Конечно, столь длительные и суровые гонения и преследования, которым подвергся армянский поэт, не могли не отразиться на его здоровье, на его физическом состоянии. Для многих он был все тем же Туманяном, таким же добрым и улыбчивым, жизнерадостным, деятельным, отзывчивым и неунывающим. Он по-прежнему, нисколько не жалея себя, включался в осуществление своих национально-патриотических и общественных планов и программ, всегда являясь одновременно их инициатором и главным исполнителем. Но это было только внешне. От самых родных и близких ему людей не могли укрыться те серьезные изменения, которые произошли с ним за это время. Нвард Туманян замечает: «Признаки разрушения

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 97.

здоровья отца и заметной старости появились весной 1912 года, когда он освободился и вернулся в Тифлис. Ему было сорок два года, однако выражение его лица и цвет уже изменились. Не было уже той бодрости, здорового розового цвета кожи. Походка также изменилась, спина согнулась»¹.

Продолжавшиеся несколько лет преследования поэта, тюремное заключение, продлившиеся в общей сложности около года, серьезно помешали творческой деятельности Туманяна. Во время обысков у него были изъяты и затем безвозвратно утеряны многочисленные бесценные рукописи, черновики и наброски.

Еще одно показательное обстоятельство: только политические преследования, реальная угроза ссылки и каторги и товарный вагон дали возможность крупнейшему национальному поэту Армении впервые выехать за пределы Кавказа, побывать в Петербурге, увидеть Москву.

В Петербурге и Москве Туманян накопил пять ящиков книг. И Петербург, и Москва понравились поэту, однако самое большое впечатление на него произвели букинистические магазины. Он мечтал снова побывать в этих больших городах, «особенно для покупки книг»².

Да, слишком дорого обошлось Ованесу Туманяну его неуемное стремление прекратить межнациональные столкновения на родной кавказской земле, его благородная инициатива в этом трудном и опасном деле. Но так уж он был устроен: всегда руководствовался национальными интересами своего народа, на фоне которых все остальное не имело для него большой важности и значения.

Так завершилась еще одна знаменательная страница биографии Ованеса Туманяна.

КАВКАЗСКОЕ ОБЩЕСТВО АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Осенью 1912 года, практически сразу по возвращении из Петербурга, физически истощенный и изнуренный, похудевший и осунувшийся, ещё не успев прийти в себя длительного пребывания в тюремных стенах, Ованес Туманян сразу же включился в общественную жизнь. Его деятельность развивалась в двух основных направлениях: литературно-культурной и национально-общественной. Он взялся сразу за два важнейших дела: учредил Кавказское общество армянских писателей, став его бессменным председателем, и стал членом новосозданного Национального бюро.

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 100.

² Там же, с. 99.

Учредительное собрание Кавказского общества армянских писателей состоялось 3 октября 1912 г. Тайным голосованием Туманян был избран членом Общества. А через неделю, 10 октября, состоялось очередное собрание организации в составе тридцати пяти членов, на котором было избрано правление Общества из восьми человек – Ованес Туманян, Лео, Аристакес Заргарян, Тигран Ованесян, Ашот Атанасян, Гют Ананян, Аршак Арутюнян, Ерванд Лалаян. Была избрана также ревизионная комиссия. А 16 октября, на первом же заседании правления Общества, его председателем единогласно избрали Ованеса Туманяна.

Первоначально канцелярией Общества служила квартира Туманяна, однако через несколько месяцев, в январе 1913 г., канцелярия переехала в старое здание Нерсисянской школы и была открыта во все рабочие дни недели с 10 до 13 часов. До осени 1914 г. эта канцелярия стала для Туманяна основным местом работы, и он находился там почти ежедневно в указанные часы. Впоследствии канцелярия Общества писателей без конца перебиралась с места на место, в частности, располагалась в здании Благотворительного общества, Издательского общества и т. д. Однако чаще всего заседания правления Общества проходили в квартире его председателя, Ованеса Туманяна.

С самых первых дней своего существования Кавказское общество армянских писателей вызвало большое оживление в кругах тифлисской армянской интеллигенции. Создание писательской организации было встречено с радостью и ликованием, однако нашлись и недоброжелатели, отзывавшиеся о новом творческом союзе с ревностью и недовольством, даже враждебностью. Но эти голоса звучали диссонансом в общем хоре приветственных слов и посланий. Туманян получал многочисленные поздравления и пожелания успешной деятельности из Москвы, Петербурга, Баку, Гюлакарака, Казвина, Душета, Нового Нахиджевана (Ростова-на-Дону), Старого Нахиджевана, Владикавказа, Ардагана, Ялты и других городов. Только за два первых месяца функционирования Общества его членами стали сто девятнадцать армянских писателей, причём число это продолжало расти. В составе Общества были Ширванзаде, Вртанес Папазян, Дереник Демирчян, Иоаннес Иоаннисиан, Александр Цатурян, Аветик Исаакян, Левон Шант, Сиаманто, Ваан Терьян, Атабек Хнкоян, Никогайос Адонц, Стефан Зорян, Цолак Ханзадян, Арутюн Сурхатян и другие. Членами Общества были не только тифлиские писатели, но и резиденты тридцати других городов – Константинополя, Москвы, Петербурга, Баку, Еревана, Эчмиадзина, Ялты, Владикавказа, Александрополя, Ардагана, Ростова-на-Дону, Астрахани, Новороссийска, Ахалкалака, Шуши и т. д.

Результатом всеобщего воодушевления и ликования, вызванного созданием Общества армянских писателей, можно считать учреждение в Тифлисе других творческих союзов – Музыкального общества, Армянского исторического и археологического общества и др.

Конечно, Кавказское общество армянских писателей стало прежде всего центром общенационального литературного движения. В качестве «головной организации» Общество вместе со своим председателем руководило работой литературных кружков и обществ, открывшихся в других местах – в Астрахани, Горисе, Гори, Аштараке, Ереване, Баку и т.д. Каждое литературно-музыкальное мероприятие Общества армянских писателей становилось отправной точкой, стимулом и импульсом для создания в армянонаселённых городах творческих объединений любителей словесности.

Инициированные Ованесом Туманяном «литературные суды» над драмой Левона Шанта «Старые боги» вышли за пределы Тифлиса и достигли Баку, Константинополя. Так, в Константинополе было положено начало периодически организуемым литературным диспутам. По словам Ерванда Франгяна, «в Тифлисе начался целый период Шанта, то же было и в других кавказских городах»¹.

В информациях о литературных вечерах Общества армянских писателей часто указывалось, что мероприятия проходили в заполненных до отказа помещениях. «Весь зал, амфитеатр и проходы, несмотря на жару, были настолько забиты, что невозможно было шелохнуться»². О другом мероприятии читаем: «То и дело добавляли новые ряды, но многие оставались на ногах, а ещё многие – вне зала»³. Или другое сообщение: «Яблоку негде упасть... Если ты такой крутой, то войди в зал и проберись на своё место. Стоишь у входной двери, становишься на кончики пальцев ног, вытягиваешь шею и заглядываешь внутрь, теряешь надежду что-нибудь увидеть...»⁴. Иногда бывало невозможно достать входной билет. В информации об одном из мероприятий 1913 г. говорится: «Народ пришёл не для того, чтобы быть просто зрителем, а чтобы жить и восторгаться... Очень многие вынуждены были уйти, не достав билетов... И такое скопление народа на армянских вечерах... это было действительно невиданное явление»⁵. А иногда в информационных сообщениях репортёры констатировали, что «из-за скопления зрителей имели

---

¹ Газета «Оризон», 10 декабря 1913 г.

² Там же, 4 января 1914 г.

³ Там же, 11 октября 1916 г.

⁴ Там же, 11 апреля 1913 г., с. 3.

⁵ Там же, 7 апреля 1913 г., с. 3.

место случаи обмороков»¹.

Таким образом Туманяну удалось с помощью мероприятий Кавказского общества армянских писателей вызвать у самых широких слоёв общества беспрецедентный интерес к литературе, искусству и культуре.

Как правило, число зрителей на мероприятиях Общества писателей превосходило четыреста человек, но бывали и случаи, когда это число доходило до тысячи. 27 апреля 1916 г. на собрании Общества писателей Туманян сообщает, что из Карса прибыла группа людей специально для того, чтобы послушать лекцию, проводимую их организацией².

Ованесу Туманяну приходилось затрачивать много времени и энергии на подготовку и руководство мероприятиями Общества писателей. Нвард Туманян вспоминает, что Ваану Терьяну не нравилось, что Туманян сам организовывал каждое мероприятие, «произносил вступительное слово... особенно, когда вставал во время вечера и предлагал стул запоздавшему почётному гостю... Терьян сердился: «Иван Фадеич не должен каждый день показываться в городе, идти на каждое мероприятие, бывать в обществе, говорить, всё делать собственноручно, суесться для каждого»»³. Тем, что Туманян взвалил на свои плечи все заботы и хлопоты, связанные с Обществом армянских писателей, был недоволен и Левон Шант. В письме к Степану Лисициану за 5 февраля 1917 г. он пишет: «Чёрт бы побрал и этих писателей, и их Общество. Ованеса жалко»⁴. Однако у Туманяна на этот счёт были свои соображения. Он был уверен, что не должен и не может беречь себя, своё время и свои силы, что не вправе думать о покое и отдыхе, когда от него, от его решений и действий зависит очень многое, зависит благополучие многих и многих армянских писателей. И в своём ответном письме Терьяну он пишет: «Пустые вещи ты говоришь, Ваан, нашей жизни суждено быть такой»⁵.

Желая спасти от бесследного исчезновения значительные произведения армянской литературы, Ованес Туманян решил предпринять издание общей книжной серии под названием «Свод армянской литературы». Для начала он собирался издать два-три сборника, создать «Музей армянской литературы» или «Жилище армянских писателей», где были бы собраны рукописи армянских

---

¹ Там же, 5 марта 1917 г.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, №46/6. См. также «Мшак», 30 апреля 1917 г.

³ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 109.

⁴ Л. Шант, Собр. соч. в 9 тт., т. 9, Ер., 2017, с. 269.

⁵ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 109.

писателей и деятелей литературы, их рукописи, архивы и даже вещи. Он также намеревался издавать отдельными томами сборник «Материалы истории армянской литературы». В сборники этой серии также должны были войти письма армянских писателей и другие документальные материалы. В планы поэта входило и издание литературно-художественного журнала под условным названием «Памятники армянской литературы», где он намечал публиковать лекции, которые читались на вечерах Общества. Туманян предпринимал конкретные усилия, чтобы основать библиотеку Общества писателей. Он организовал курсы армянской литературы.

Литературные мероприятия Общества писателей проводились каждую неделю. Вначале они проходили по четвергам, а с октября 1916 г. – по пятницам. Поэт сам занимался организацией вечеров, уточнял тематику, приглашал докладчиков и т.д. Все вечера открывались вступительным словом Туманяна, а в конце он выступал с заключительным словом.

Один раз в месяц организовывались закрытые вечера, имевшие сугубо научную направленность, на которых присутствовали только члены Общества писателей.

На начальном этапе докладчики получали 10 рублей. Впоследствии, в связи с проведением вечеров в больших залах, плата увеличилась до пятидесяти рублей. Исключение составила лекция Валерия Брюсова, за которую он получил пятьсот рублей.

Первое литературное мероприятие Кавказского общества армянских писателей состоялось 16 декабря 1912 г. По ходу вечера некоторые поэты написали стихи, посвящённые новосозданному Обществу. В своём вступительном слове Туманян призвал всех писателей объединиться во имя повышения национального самосознания народа. «Поговорим, подумаем, поразмыслим о том, кто мы, откуда идём, куда направляемся, чем мы располагаем, что можно было бы усовершенствовать и представить общественности, и чего у нас нет» (6, 389). Эти сакраментальные вопросы, всегда встающие ребром в судьбоносные для народа моменты, беспокоили и заботили многих выдающихся деятелей нашей культуры – Мовсеса Хоренаци, Хачатура Абовяна и др.

В армянской действительности литература никогда не была предметом такого огромного общественного внимания, как в годы деятельности Кавказского общества армянских писателей. Благодаря Ованесу Туманяну и литературным мероприятиям Общества армянских писателей в самых широких кругах читающей публики возник большой интерес к творчеству Григора Нарекаци, Мхитара Гоша, Вардана Айгекци, Наапета Кучака, Саят-Новы и других средневековых авторов.

В течение всего лишь одного года, предшествовавшего войне, Туманян организовал четыре литературных мероприятия и торжественных вечера, посвящённые Саят-Нове. Все эти мероприятия имели грандиозный успех и получили широкий резонанс. Периодическая печать, отражая ликование и воодушевление тифлисской армянской общественности, писала: «Хорошие оперы повторяются по нескольку раз в году, а вечера, посвящённые Саят-Нове, которые следует признать каким-то художественным откровением, отныне тоже можно повторять в нашей среде по нескольку раз в год, и они, несомненно, всегда будут пользоваться успехом»¹.

Во многом благодаря Туманяну имя Саят-Новы стало предметом большого интереса для самой широкой общественности. Стали организовываться всё новые и новые литературные мероприятия, вечера, лекции, доклады и дискуссии, был составлен ансамбль из ашугов, специализировавшийся на исполнении песен Саят-Новы. Благодаря всем этим мероприятиям почти все забытые и вышедшие из обращения мелодии поэта-ашуга были возрождены.

В результате новой волны общественного интереса к творчеству Саят-Новы все экземпляры сборника его песен, составленного Геворгом Ахвердяном, были распроданы. И это при том, что до недавнего времени они пылились на полках книжных магазинов и лавок. Возникла необходимость переиздания сборника. Туманян старался осуществить новое издание книги как можно скорее, причём оно должно было быть исправленным и дополненным, и в книгу необходимо было включить биографию Г. Ахвердяна. Книга была переиздана дважды: сперва тиражом в 2500 экземпляров, затем – 2400 экземпляров.

Таким же, а возможно, и ещё большим был общественный резонанс по поводу открытия памятника Саят-Нове. Туманян вёл переговоры с мраморными компаниями Бернардо Вила и Рицци. Памятник был изготовлен по проекту Рубена Мартиросянца и под непосредственным контролем Геворга Башинджагяна².

Открытие памятника состоялось за два месяца до начала мировой войны – 15 мая 1914 г. Туманян обратился к населению с просьбой, чтобы каждый посетитель памятника поэта-ашуга, из-

---

¹ «Оризон», 1913, N124, 7 июня.

² См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N43/28, дневник от 5 июня. В протоколе было специально отмечено: выразить благодарность Г.Башинджагяну и Р.Мартиросянцу. В выраженной в письменной форме благодарности Р.Мартиросянцу отмечалось: “Наше правление считает своим приятным долгом выразить Вам благодарность за ту готовность, с которой Вы в добровольном порядке выполнили все работы относительно проекта памятника Саят-Новы” (МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N56).

вестного своей любовью к розам, приносил с собой по одному цветку. Сам поэт утром 15 мая получил 1000 роз, «более ста видов».

И вот всё армянское население Тифлиса с розами в руках направилось в сторону городского Мейдана и двора церкви Св. Георгия. Даже в песнях ашуггов, написанных по этому случаю, открытие памятника поэта-песенника рассматривалось, как “праздник культурной победы армянской общественности”¹. А в опубликованных в периодике сообщениях открытие памятника было охарактеризовано как исключительное явление, которым армянская общественность «представила уровень своей культуры, поскольку только культурные народы способны не предавать забвению произведения прошлого и оценивать их для настоящего»². А грузинская газета «Теми» охарактеризовала церемонию открытия памятника как национальное торжество, сердцем и душой которого был Ованес Туманян.

На памятнике были выгравированы слова Саят-Новы:
...Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих.
(Пер. В. Брюсова)

Между тем многие предлагали Туманяну выгравировать на памятнике своё замечательное и получившее всенародную известность восьмистишие, точно характеризующее гениального поэта-ашуга.

С пеньем пришёл,
Тенью ушёл Саят-Нова.
Любя пришёл,
Скорбя ушёл Саят-Нова.
Лучом зажжён,
Мечом сражён Саят-Нова.
И всё ж нашёл
Любви слова Саят-Нова.
(Пер. Т. Спендиаровой).

Однако поэт скромно отверг эти предложения (7, 83-84).

Тысячи армян, надев национальные наряды, собрались во дворе церкви и расположились под стенами строений, на балконах, даже на деревьях и на крышах домов; у каждого на груди красовалась алая майская роза. Честь открытия памятника была доверена Оване-

---

¹ «Оризон», 1914, N103, 104, 16, 17 мая.

² Там же.

су Туманяну. Он снял саван, накрывавший памятник¹.

На открытии памятника присутствовали также представители русской, грузинской интеллигенции, писатели, музыканты, деятели литературы, искусства, культуры. Среди них были Иосеб Имедашвили, Коте Магашвили, Нино Накашидзе, Илья Накашидзе, Иосеб Гришашвили и другие. Именно в этот день Иосеб Гришашвили, познакомившись с Туманяном и услышав его восторженные слова о Саят-Нове, решил перевести армянские стихотворения поэта-ашуга на грузинский язык, и в результате его напряжённого четырёхлетнего труда в 1918 г. увидели свет сразу две книги Гришашвили. В одной из них были представлены грузинские переводы армянских песен ашуга, а вторая книга являлась литературоведческим исследованием творчества Саят-Новы². Впоследствии Гришашвили признавался: «Моя работа в этой области была бы очень трудной, если бы мне не помогали академик Марр, художник Г.Башинджагян и в особенности Ов. Туманян. Когда мне с трудом удавалось найти какой-нибудь факт, связанный с его жизнью и творчеством, мне на помощь приходила большая эрудиция Ов. Туманяна... Вот таким образом Саят-Нова сблизил меня с Туманяном»³.

И действительно, во время обычных бесед Туманян часто приводил слова Саят-Новы и большую часть его песен знал наизусть.

Туманян был очень воодушевлён литературными и иными мероприятиями, посвящёнными Саят-Нове, и говорил: «Я должен сделать так, чтобы армянское население Тифлиса и всего Кавказа знало и любило нашу литературу, должен сделать традицией, чтобы каждый год в день рождения Саят-Новы наши поэты и писатели приходили с букетами на его могилу и украшали розами могилу влюблённого в розы великого ашуга»⁴. Позднее, в 1916 г., именно он сопровождает Валерия Брюсова к памятнику Саят-Новы⁵.

В начале войны Туманян предпринимает шаги, чтобы одну из улиц Тифлиса назвали именем Саят-Новы. 12 июня 1914 г. в газетах публикуется информация о том, что «Комиссия, дающая названия улицам города», постановила назвать «Мейдан» именем Саят-Новы. Однако всего лишь три дня спустя на страницах той же газеты было опубликовано другое сообщение, согласно которому вышеуказанная комиссия не утвердила решения комиссии Думы и решила не переименовывать «Мейдан».

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 669.

² Газета «Арач», Тифлис, 1919, N18, 4 февраля (на арм. яз.).

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 662-663.

⁴ Там же, с. 407-408.

⁵ Там же, с. 694.

Война всегда обостряет межнациональные отношения. Не стал исключением и Кавказ. В данном случае турецкое название «Мейдан» оказалось сильнее имени великого армянского поэта, писавшего на четырёх языках, в том числе и по-грузински и по-турецки, поскольку националистические грузинские настроения к тому времени уже начали поднимать голову и давать о себе знать. В грузинской газете «Закавказская речь» совершенно безобидная и не имевшая никакого отношения к политике инициатива была охарактеризована как «разжигающие националистические страсти» предложение и «намерение захватить Тифлис». Тем не менее, было принято решение переименовать улицу Красильная, находившуюся рядом с «Мейданом», в улицу Саят-Новы, потому что Туманяну удалось разъяснить сотрудникам «Комиссии, дающей названия улицам города», что имя армянского поэта-ашуга является символом солидарности народов.

Благодаря организации многочисленных мероприятий, посвящённых Саят-Нове, Туманяну удалось заполучить от правнука ашуга Баграта Тер-Мовсисяна рукописную тетрадь – «Давтар» Саят-Новы¹. Позже, 13 октября 1921 г., Туманян через народного комиссара просвещения Советской Армении Ашота Иоаннисяна подарит «Давтар» Музею литературы и искусства новосозданной республики².

В годы войны, в особенности после издания брюсовской антологии, среди разных народов, проживавших в Тифлисе, возрос интерес к поэтическому и песенному творчеству Саят-Новы. И Туманян, несмотря на свою исключительную занятость, находил время для того, чтобы знакомить заинтересованных представителей других народов с творчеством Саят-Новы.

По свидетельству Стефана Зорьяна, а первые годы войны Туманян основал «Армяно-германское общество», целью которого было культурное сближение и взаимное узнавание двух народов³. Конечно, находились люди, которые обвиняли поэта в том, что он пытается завести дружеские отношения с врагом. Однако этот шаг поэта был обусловлен тем, что он умел отличать культуру и политику. В Туманяне жил прирождённый дипломат, который время от времени добивался весомых результатов в своей деятельности. Он часто встречался с руководителем германской дипломатической миссии в Тифлисе генерал-майором Фридрихом Фон Крессом⁴, и это при том,

---

¹ «Оризон», 1913, N81, 14 апреля.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N41.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 116.

⁴ **Кресс фон Крессенштейн**, Фридрих (24 апреля 1870, Нюрнберг – 16 октября

что Германия была союзницей Турции, и по её преступному попущению в Османской империи был совершён и всё ещё продолжался геноцид армянского народа. Тем не менее, поэт предпринимал всё новые и новые попытки с помощью влиятельного немецкого генерала облегчить положение населения той или иной армянской провинции или спасти жизнь хотя бы одного армянина. Несколько раз поэт просил Фон Кресса принять меры, чтобы турецкие паши в Памбаке, Лори, Ахалкалаке и Карабахе не притесняли местное армянское население. Стефан Зорьян свидетельствует: «И если в районах Лори и Дилижана народ не пострадал от меча завоевателей, то это в определённой мере можно приписать усилиям Туманяна»¹.

30 ноября 1916 г. состоялся первый вечер Армяно-германского общества. И первым армянским поэтом, которого Туманян захотел представить немецкой аудитории, был Саят-Нова. Он открыл вечер и прочитал лекцию о творчестве армянского поэта-ашуга. На вечере присутствовал также Фридрих Фон Кресс с членами своей дипломатической миссии. Немецкий дипломат, в свою очередь, не упустил случая, чтобы польстить Туманяну, сказав в ответном слове: «Армянский народ – это вы, Объединение земляческих союзов, а не Национальный совет»². Разумеется, все присутствовавшие понимали, что эти слова немецкого военного и дипломата – всего лишь дань вежливости, что в них нет ни капли искренности. Стефан Зорьян по этому поводу заметил: «Я впервые увидел и понял, что такое дипломатия. И, конечно, намного лучше всё это понимал сам Туманян, но считал это важным для армянского народа, потому что время было такое, что всё зависело от дипломатии и дипломатов... Цели сторон были понятны. Немцам это Армяно-германское общество было необходимо, чтобы распространить своё влияние среди армян, а Туманяну нужна была их благосклонность, чтобы предотвратить надвигающиеся бедствия...»³.

Тем не менее, для поэта смыслом этого вечера было сближение культур и представление творчества гениального армянского поэта-ашуга немецкой аудитории. В тот же вечер выступил также немецкий археограф доктор Дюр, затем снова взял слово Туманян, и его речь перевёл внук Хачатура Абовяна Костандин Абовян.

На вечере прозвучали стихи и песни Саят-Новы на армянском,

1948, Мюнхен) - германский военный деятель, генерал. Во время Первой мировой войны входил в группу немецких генералов и офицеров, которые командовали в армии Османской империи. Был Главнокомандующим 8-й армией Османской империи.

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 116.

² Там же, с. 117.

³ Там же.

немецком, русском, грузинском языках. Стефан Зорьян вспоминает: «Туманян, конечно, говорил по-армянски, и его речь фрагментарно переводилась на немецкий. И к чести Туманяна следует сказать, что, говоря о Саят-Нове, он, с целью сделать своё слово доступным для гостей, сопоставлял любовные песни Саят-Новы с песнями Гейне и находил такие оригинальные параллели, что немцы напряжённо следили за ним и часто аплодировали. А когда время от времени переводились мудрые, образные строки и строфы Саят-Новы, дисциплинированные немецкие солдаты аплодировали с ликованием. Помню лицо Фон Кресса, на котором в эти минуты была видна улыбка, и он, положив белые перчатки на колени, аплодировал Туманяну. Его примеру следовали другие военные»¹. Можно предположить, что поэт сказал приблизительно то же, что написал несколько лет назад в рецензии об исследовании Марра, изданном в 1910 году в Петербурге: «На далёком западе пламенный Гейне в часы своего любовного безумия восклицал: “Я вырву с корнями самое высокое дерево, обмакну в огненный океан и горящими буквами напишу на небе, чтобы всегда читали – Агнесса, я люблю тебя”. Так же, как этот или другой речевой оборот, так и все истории переходят из одного мира в другой и в каждом мире, под каждым солнцем, в устах каждого народа обретают своеобразный оттенок, вкус и запах» (6, 212).

По инициативе Туманяна Общество армянских писателей издало сборник песен Саят-Новы и назначило очень доступную цену, которая была ниже себестоимости книги. Даже в условиях военного времени, при массовой бедности населения, книга была распродана в течение очень короткого времени. И все те, кому не посчастливилось своевременно приобрести её, обращались не к кому-нибудь, а к Туманяну. 20 января 1916 г. Мхитар Тер-Андреасян из Баку просит Туманяна выслать ему этот сборник. В письме говорится: «Дорогой мой Ованес, вот уже целый год я ищу новое издание «Саят-Новы» (Общ. Армянских Писат., 14 г.) и всегда получаю от наших книготорговцев один и тот же ответ: мол, скоро получат. Наказал жене купить в Тифлисе – она не нашла... Сейчас я прошу, чтобы ты выслал мне один экземпляр этой 25-копеечной книги бандеролью, либо поручил книготорговцу, чтобы тот послал мне наложенным платежом»². И таких писем было немало.

Таким образом, Туманян при содействии художника Геворга Башинджагяна и Никола Агбаляна в 1910-е годы заложил основу всенародной славы и известности Саят-Новы.

---

¹ Там же, с. 116-117.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2169 (1433).

И сегодня изречения Туманяна о Саят-Нове звучат как самые точные и ёмкие характеристики, в которых замечательный поэт-ашуг предстаёт как выдающееся, неповторимое явление. По словам Паруйра Севака, оценки Ованеса Туманяна творчества Саят-Новы «имеют значение краеугольного камня»¹.

В годы войны и геноцида Туманян не прекращал своих усилий в области исследования, популяризации и пропаганды творчества Саят-Новы и, в частности, в достойном представлении наследия поэта в русских переводах. Туманян исследовал каждое слово и каждую строку Саят-Новы. Даже лучшие авторы подстрочных переводов, специализировавшиеся в этом деле и знавшие армянский язык в совершенстве, нередко оказывались в затруднительном положении и неправильно понимали и трактовали те или иные слова и строки Саят-Новы. Туманян по мере сил и возможностей помогал им, чтобы у русских поэтов-переводчиков было чёткое и полное представление об оригиналах, их ритмическом рисунке, а самое главное – об образно-метафорической структуре и смысловом содержании подлинников.

На литературных вечерах Общества писателей большое внимание уделялось также творчеству более близких по времени предшественников, представителей нового периода армянской литературы – Хачатура Абовяна, Рафаела Патканяна, Перча Прошяна, Раффи и других.

Круг интересов возглавляемого Туманяном Общества армянских писателей был необычайно широк. На литературных вечерах и лекциях обсуждались произведения Шекспира и Байрона, Оскара Уайльда, Расина и Мольера, Гюго, Леконта де Лиля, Верлена, Мопассана и Анри Барбюса, Сервантеса, Шиллера, Шопенгауэра и Ницше, Толстого, Достоевского и Тургенева, Генрика Ибсена и Георга Брандеса...

Деятельность Кавказского общества армянских писателей являет собой поучительный пример сближения художественной литературы и литературной критики. На собраниях Общества обсуждались также самые различные вопросы, которые волновали разные слои армянского общества. Туманян, всегда державший руку на пульсе времени, делал предметом обсуждений практически все актуальные проблемы своей эпохи. Многие мероприятия Общества писателей посвящались дискуссиям вокруг Армянского вопроса и проблем военного времени. Туманян обычно сам читал доклады на

---

¹ П. Севак, Собр. Соч. в 6 тт., т.5, с. 366 (на арм. яз.).

политические темы, причём не только на мероприятиях Общества писателей¹.

Материалом обсуждений на «литературных четвергах» Общества писателей становились также вопросы географического положения Армении, народонаселения и его классового состава, политических форм государственного управления, прав женщин; вопросы развития общенационального единого языка; обсуждались причины революций и государственных переворотов, различные политические теории, вопросы естествознания, экономического развития, положение сельского населения страны и т.д.

В первые месяцы мировой войны Ованес Туманян старался соотносить содержание мероприятий Общества с требованиями и реалиями времени. Нередко вырученные от вечеров деньги полностью или частично передавались раненым армянским воинам.

С самого начала своего учреждения Общество писателей оказывало определенное и довольно ощутимое воздействие на всю общественно-политическую и литературную жизнь Закавказья. Его деятельность была направлена также на укрепление дружбы между народами и вполне реально способствовала их взаимоузнаванию и культурному взаимообогащению посредством литературных контактов и организуемых мероприятий. Со стороны правления Общества писателей и его бессменного председателя литература рассматривалась как единственная область, где каждая нация предстает со всеми своими особенностями, со своей самобытной, своеобразной психологией. Туманян был постоянно озабочен проблемой установления прочных литературных контактов с соседними народами.

Во имя упрочения дружбы народов и с целью создания между ними нерасторжимых духовных связей Общество писателей организовывало вечера, где армянские и инонациональные писатели, литературные критики и искусствоведы выступали с докладами, касающимися вопросов литературы, культуры и общественной жизни того или иного народа. Так, М. Цулукидзе, Илья Накашидзе читали лекции о грузинской, Эйнали бек Султанов, А. Гулоян - о персидской, В. Валадян (Мкртич Ванецян) – о русской, Валерий Брюсов – об армянской, Мамбре Матенчан – о французской литературе. Представляя Цулукидзе, Туманян сказал: «Нет почвы более благородной и связи более прочной для тесного сближения и взаимопознания народов, для развития согласия, любви и уважения между народами, чем литература, в которой выражаются лучшие чувства народа, его национальный дух и гений» (7, 462).

Представители разных национальностей, собравшиеся в зале Армянского благотворительного общества на лекцию Цулукидзе,

---

¹ «Оризон», 25 марта 1917 г., с. 3.

приветствовали в его лице грузинскую литературу и грузинский народ. Обращаясь к слушателям, Туманян сказал: «И я, присоединяясь к вам, аплодирую лектору как представителю грузинского народа, содействующему установлению разумной любви и уважения между братскими народами» (7, 462). Он заверил собравшихся в том, что «Общество армянских писателей и в дальнейшем будет устраивать вечера, посвященные грузинской литературе. И в будущем, все ближе и ближе знакомясь друг с другом, мы еще больше любим друг друга» (7, 462).

Туманян сдержал свое слово. 16 декабря 1916 года на очередном литературном «четверге» Общества с лекцией о грузинской литературе выступил Илья Накашидзе. От имени Общества армянских писателей Туманян подарил ему сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» под редакцией В. Брюсова, что в этой антологии «обобщены душа нашего народа и самые дорогие наши чувства» (7, 466).

Таким образом, в чрезвычайно сложной политической обстановке начала XX века руководимое Ованесом Туманяном Кавказское общество армянских писателей всей своей деятельностью стремилось по мере сил и возможностей содействовать повышению литературного и культурного уровня армянского народа, укреплению его патриотического и интернационального духа. Деятельность Общества армянских писателей нашла исключительно большой, по-настоящему всенародный, общенациональный отклик, стала предпосылкой и движущей силой широкого литературного движения во всех культурных центрах и очагах армянской диаспоры.

Установив прочные творческие взаимосвязи с писателями, передовыми общественно-политическими деятелями, литературными и общественными объединениями, редакциями журналов и газет Южного Кавказа, России, Англии, Франции, Испании, Польши и других стран Общество армянских писателей смогло в большой степени возвысить роль, назначение литературы и искусства в народных массах.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД

Создание Литературного фонда в рамках деятельности Кавказского общества армянских писателей было для Ованеса Туманяна одной из важнейших задач. Поэт говорил: «Мы – маленький народ, нас мало, мы не можем содержать писателей. А писатели есть, и они сходят на нет, их жалко. В нашей среде на одну нефтяную скважину тратят сотни тысяч... А чем хуже человеческая душа? Давайте и на неё потратим немного денег» (10, 203). Поэт был уверен, что «писателей нужно защищать конкретными действиями. И мы их защитим» (10, 194). Туманян в своих выступлениях и публицистических статьях неоднократно обращался к проблеме бедственного положения армянских писателей, отмечал жизненную необходимость создания Литературного фонда. Таковы статьи «Призыв национального перерождения», «Чудовищное явление», «Задача национальной защиты и Газарос Агаян», «Переходим к делу», «Помощь армянской литературе», «Литературе нужна национальная защита» и др. Поэт говорил: «В обществе, где могут обходиться без книги и литературы, писатель и учёный жить не могут, это лишние люди» (7, 235).

Ованес Туманян стал той исключительной личностью, которая сумела оказать помощь и поддержку очень большому числу писателей, критиков и всех, кто имел отношение к литературной среде. С первых же дней учреждения Общества начинаются спонтанные пожертвования для формирования Литературного фонда. Несмотря на то обстоятельство, что Общество писателей остро нуждалось в денежных средствах и Туманяну очень хотелось укрепить его материальную базу, он принимает решение никогда не обращаться за помощью к богачам и в первую очередь укреплять Общество писателей в моральном отношении.

В рамках постоянно функционирующего Литературного фонда в последующие годы сформировались отдельные фонды имени Аветика Арасханяна, Саят-Новы и Мамбре Матенчяна, а также фонды помощи изданиям, беженцам, сиротам, семьям погибших западноармянских писателей. Размер выделяемых сумм определялся правлением Общества писателей. В самых экстренных, безотлагательных случаях Ованесу Туманяну как председателю предоставлялось право вместе с двумя членами правления выдавать помощь в размере, не превышающем 25 рублей, и лишь после этого докладывать об этом правлению «на утверждение»¹.

Формированию Литературного фонда в большой степени спо-

---

¹ Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, № 170.

собствовали не только плодотворная литературная деятельность Ованеса Туманяна, но и его непререкаемый авторитет. Среди дарителей, финансовых доноров Общества были Самсон Арутюнян, пожертвовавший самую большую сумму – 800 рублей, а также Амбарцум Меликян, Костандин Алиханян, Тигран Ованисян, Гарегин Енгибарян, Ованес Берберян, Александр Спендиарян, сам Ованес Туманян и др. Значительная часть денег поступала на имя Туманяна и передавалась только и только в его личное распоряжение.

Самым «урожайным» для Литературного фонда оказался 1913 год, когда было собрано 1200 рублей. Благодаря пополнению бюджета фонда Общество писателей получило возможность помогать наиболее нуждающимся литераторам. Выдаваемые суммы были в пределах от ста до пятисот рублей. В разные годы помощь из фонда получили Атабек Хнкоян, Аветис Агаронян, Ваан Терьян, Ширванзаде, Лео, Вртанес Папазян, Дереник Демирчян, Забел Есаян, Иоаннес Иоаннисиан, Армен Тигранян, Азат Вштуни, Торос Тороманян, сестра Раффи Джаваир, Сиаманто, семья Даниела Варужана и др¹. Отметим, что имена получателей пособий держались в тайне – по этическим соображениям.

Туманян пытался достать деньги и на увековечение памяти армянских писателей². Поэт оказывал также особую поддержку западноармянским писателям. Он предпринимал конкретные шаги для улучшения крайне бедственного положения литераторов, чудом спасшихся от резни. С этой целью в Литературном фонде Общества писателей был создан специальный частный фонд под названием «В пользу семей турецкоподданных армянских писателей»³.

Сам поэт, обременённый большой многодетной семьёй и почти всегда испытывавший нехватку денежных средств, всегда оставался в роли дарителя, благотворителя, и никогда, ни единого раза не взял ни копейки из Литературного фонда на свои личные нужды. Более того, он из своих скудных сбережений и из средств других возглавляемых им общественных организаций выделял какие-то суммы для фонда писателей⁴. По какому-то поводу сам поэт признался, что брал на себя не только организационные вопросы, но и необходимые расходы. «В последние годы я делал расходы Общества из своих личных средств, и мои счета остались неизрасходованными, за исключением конца прошлого года, когда я, буду-

---

¹ Там же, №№ 15, 41, 45/11, 97, 231.

² «Оризон», 20 июля 1918 г., «Мшак», 20 июля 1918 г.

³ Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, ф. Кавказского общества армянских писателей, № 49.

⁴ Музей Туманяна, Новые материалы, оп. 7, л. 1070.

чи председателем и Айартуна (Дома армянского искусства – С.О.), и Общества писателей, выделял из средств Айартуна долю для Общества писателей»¹.

В связи со своим пятидесятилетием, 16 мая 1919 г. поэт получил тысячу рублей от тифлисских клубов и подарил всю сумму Обществу армянских писателей. Точно такую же сумму он получил в дар от гохтнийского земляческого союза и снова передал эти деньги Обществу писателей². Так же поэт поступает и с суммой в 1.500 рублей, полученной в дар от совета старейшин тифлисского Армянского клуба. Эту последнюю сумму Туманяну подарили, поскольку поэт разрешал им издавать свои произведения без авторского гонорара (7, 388). Между тем в это самое время Туманян находился в настолько тяжёлом, даже отчаянном финансовом положении, что в июне 1922 г. вёл переговоры с правительством Армении о продаже самых ценных книг своей личной библиотеки, которой очень дорожил, а также принадлежавших ему художественных картин и права на издание сборника детских произведений. В эти исключительно трудные для армянского народа дни поэт на своём личном примере призывал помогать деятелям литературы и культуры и искренне верил, что его слова и дела не останутся без последствий. «И обязанность обратиться с призывом, – говорил он, – прежде всего ложится на мои плечи – как председателя Общества писателей, которому прекрасно известны все проблемы и трудности писателей»³.

В годы Первой мировой войны и страшные, кошмарные дни Геноцида армян многие армянские писатели уповали только на Ованеса Туманяна и руководимое им Общество писателей и Литературный фонд.

В рамках Кавказского общества армянских писателей Ованес Туманян предпринимал действия и для защиты авторских прав писателей и творческих деятелей. Этой проблеме были посвящены публицистические статьи «Слово оппонента», «Мои счёты с Издательским обществом», «Г-н Никогайос Тер-Гевондян и моя баллада «Пёс и кот»», «О Никогайосе Тер-Гевондяне», «Форма и душа», «Урок нравственности» и др. Для того чтобы защитить авторские права писателей, поэт создал специальную комиссию в составе известных юристов эпохи и лично вёл публичную борьбу во имя защиты авторских прав Лео, Ширванзаде и других писателей.

---

¹ Там же.

² Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, ф. Кавказского общества армянских писателей, № 48.

³ Там же.

Благодаря энергичной деятельности Ованеса Туманяна Кавказское общество армянских писателей, переименованное впоследствии в Союз армянских тружеников пера, стало символизировать духовное возрождение народа. Под руководством поэта Общество писателей функционировало десять лет – с октября 1912 г. по 26 марта 1922 г.¹. Причиной отставки поэта послужила его неизлечимая болезнь.

После Ованеса Туманяна Общество армянских писателей возглавил его заместитель историк Лео. Однако ему так и не удалось добиться каких-либо успехов или хотя бы сколько-нибудь существенных результатов. Формально просуществовав до 7 апреля 1923 г., Союз армянских тружеников пера слился с Домом армянского искусства им. Ваана Терьяна.

Современники поэта исключительно высоко оценивали его деятельность в качестве председателя Общества армянских писателей. Его заместитель Тигран Ованесян писал: «Именно стараниям Туманяна Общество в значительной мере обязано своим существованием и нынешним удовлетворительным положением»². Маргар Аветисян от себя добавил: «В качестве председателя Общества писателей... он был не столько официальной личностью, сколько близким товарищем... в присутствии Туманяна члены Общества легче принимали решения»³.

Поэт проявлял большое терпение и тактичность во время бурных обсуждений, следовавших за литературными докладами и лекциями. Он уважал мнение каждого, «все оттенки мыслей»⁴.

Когда Ованес Туманян по какой-либо причине отсутствовал, не проводились заседания правления Общества писателей, общие собрания, не организовывались литературные вечера и иные мероприятия.

Среди всех армянских писателей эпохи, пожалуй, только Ованесу Туманяну удалось поднять роль и авторитет литературы в глазах народа. Именно благодаря неусыпным стараниям поэта Кавказское общество армянских писателей своими литературными вечерами и различными мероприятиями способствовало повышению национального самосознания армянского народа.

---

¹ Подробнее об этом см.: С. Ованесян, «Туманян и Кавказское общество армянских писателей», Ер., 2007.

² «Оризон», 5 июня 1913 г.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 190.

⁴ Там же, с. 109.

ОВАНЕС ТУМАНЯН И БУДНИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В 1912-1914 ГГ.

В преддверии Первой мировой войны так же, как и во время всей своей предыдущей деятельности, писатель стремился жить активной культурной и литературной жизнью. Будучи едва ли не самым известным и авторитетным армянским писателем эпохи, Туманян получал многочисленные приглашения от самых разных армянских периодических изданий, заинтересованных в сотрудничестве с ним, в публикации его новых произведений, что неизбежно повысило бы значение этих изданий и их вес в глазах армянской общности. 13 февраля 1914 г. Акоп Сируни от имени редакции константинопольского литературно-художественного альманаха «Навасард» (редакторы-издатели – Даниэл Варужан и Акоп Сируни) обращается к Туманяну с просьбой о сотрудничестве. «Вопреки нашему обращению мы, к сожалению, оказались лишены возможности опубликовать в первой книге «Навасарда». Ваши столь ценные произведения. Будучи сугубо художественным изданием, «Навасард» одержим единственным желанием стать скромным стимулом для армянского искусства, и мы питаем большую надежду, что хотя бы на этот раз нам доведётся насладиться Вашими произведениями.

Позвольте, дорогой господин, с этой надеждой принести Вам своё глубокое почтение и заранее поблагодарить Вас»¹.

В феврале 1914 г. Туманян вместе с писателем Маргаром Аветисяном был озабочен проблемой создания филиалов Кавказского общества армянских писателей в Ереване и других городах (10, 198). Поэт в это время был полон творческих планов, собирался, в частности, серьёзно заняться обработкой народных сказок и легенд. Стремясь ещё более углубиться в исследование проблем фольклора и в особенности сказок, Туманян 8 февраля 1914 г. обращается с просьбой к своему находящемуся в Москве сыну Артавазду привезти «Золотую книгу сказок» и «Библиографию легенд и преданий». При этом он наизусть помнил адреса крупнейших книжных магазинов Москвы, знал, в каком именно магазине имеются эти книги и даже помнил, сколько они стоили (6 рублей).

В своё время, в 1912 г., ему не удалось приобрести эти книги (10, 199). И сын в феврале 1914 г. посылает ему «Золотую книгу сказок»².

Обратимся всего лишь к нескольким письмам-прошениям, ад-

---

¹Музей литературы и искусства им. Е.Чаренца. ф. Туманяна, 1990 (443) (на арм. яз.).

²Переписка семьи Туманяна. Составила Ирма Сафразбекян, Второе, дополненное издание, Ер., «Эдит принт», 2009, с. 58 (на арм. яз.).

ресованным поэту в 1913-1914 гг., чтобы стало ясно, какими были повседневные, будничные заботы Туманяна, чем именно он был вынужден заниматься, кроме решения семейных проблем, кроме национально-патриотической, общественно-политической и литературной деятельности. Общественные деятели и работники культуры обращались к нему с самыми разнородными просьбами, которые касались как общественной жизни, так и самых разных проблем их личной жизни. Из современников Дереник Демирчян свидетельствует: «Он был самым общественным писателем своего времени. Правда, что общественность его эпохи обращалась к нему по каждому вопросу. Представители самых противоположных направлений находились в тесной связи с ним и обращались к нему за помощью для решения своих задач»¹.

3 мая 1914 г. Овсеп Тарьянц от имени юбилейной комиссии Московского Лазаревского института восточных языков, отмечавшего своё столетие, просит Туманяна сделать в Тифлисе всё возможное, чтобы широко отметить предстоящий юбилей, освещать юбилейные мероприятия в крупнейших армянских периодических изданиях, в частности, в газете «Оризон». В своём письме Тарьянц пишет, что ему уже удалось добиться расположения целого ряда газет – таких, как русскоязычные «Русские ведомости», «Баку», а также газет «Арев» и «Мшак». При этом он особо отмечает: «Голос «Оризона» для нас очень важен. Я, к сожалению, не знаком с нашими сегодняшними товарищами, принимающими участие в редактировании «Оризона», поэтому и обращаюсь к ним не напрямую, а через тебя. Нам было бы очень больно и обидно, если бы «Оризон» предоставлял свои страницы подобного рода случайным, легковесным корреспонденциям. Он тем самым нанёс бы сильный удар будущему целого культурного учреждения – и это в такой ответственный исторический момент...»².

27 января 1913 г. Саак Аматуни, послав Туманяну свой исследовательский труд «Слово и речь», просит содействия писателя для составления второго тома, просит послать ему фольклорный материал, «слово и речь» лорийского района, которые отсутствуют в его книге. «Прошу отобрать те слова Вашей местности, которых нет в моём исследовании, и вместе с их объяснениями и простыми примерами послать мне, отметив место применения слова: название села или города»³.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Тексты и примечания подготовила Л. Карапетян, Ер., «Эдит Принт», 2009, с. 41.

² МЛИ, ф. Туманяна, 1301 (1227).

³ Там же, 873 (496).

Туманян не оставил просьбу Амасуни без ответа, поскольку серьёзно относился к его личности и деятельности. 10 февраля 1913 г. поэт пишет: «Получил Ваше чудесное исследование «Слово и речь» и очень благодарен – и как друг, и в 1000 раз больше – как человек литературы. Без подобных исследований невозможно создать наш литературный язык. Вследствие новой жизни и новых воздействий очень быстро теряются все эти слова и речь, и тот, кто спасёт их от исчезновения и смерти, вместе с ними обессмертит и самого себя. Вы этим самым обречаете для себя бессмертие» (10, 169).

Амасуни в своём письме просил также поэта «придумать какое-нибудь средство» и заняться проблемами продажи и реализации первого тома своей книги. «Заверяю Вас, что я пожертвовал ради книги всем, – пишет Амасуни. – Уважаемый брат, прошу Вас ещё об одной услуге: чтобы Вы нашли какой-то выход для продажи моего труда. Поэтому прошу, чтобы Вы поговорили с местными книгопродавцами и выяснили, с какой скидкой и сколько экземпляров можно послать им»¹.

Поэт обещает по возможности помочь автору во всех вопросах. «Сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь Вам» (10, 169). Туманян обращается в книжный магазин «Гир» и просит, чтобы продажа книги была организована как можно лучше и чтобы была назначена доступная цена для распространения книги; на литературных вечерах Кавказского общества армянских писателей он поднимает животрепещущие вопросы развития литературного армянского языка, специально подчёркивая культурное и общенациональное значение исследования Амасуни. Возможно также, что поэт в период между февралём и июнем пытался выполнить и первую просьбу своего корреспондента и посылал ему материалы о лорийском диалекте, однако второй том исследования Амасуни так и не был издан, так что ни одного факта об этом не сохранилось. А после начала Первой мировой войны у писателя не было ни возможности, ни соответствующего настроения для того, чтобы заниматься этим вопросом.

Следуя совету Туманяна, 17 февраля 1913 г. Амасуни посылает поездом из Эчмиадзина тифлисскому книжному магазину «Гир» сто экземпляров своей книги. Ещё сто экземпляров исследования автор во время празднования Дня переводчика дарит Ошаканской школе Св. Маштоца. «Продать книгу труднее, чем написать её», – пишет Саак Амасуни².

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, 873 (496).

² МЛИ, ф. Туманяна 874 (497).

Тигран Читунни по дороге из Вана в Константинополь 2 февраля 1914 г. просит в письме к Туманяну написать рецензию на первый том своего учебного пособия «Мир родного языка». Свой учебник автор характеризует как «свидетельство силы армянского индивидуального духа»¹, однако при этом уточняет, что им движет не тщеславие и честолюбие, а стремление облегчить проблему продажи книги, поскольку он не доверяет ни издательским товариществам, ни книжным магазинам и книгопродавцам. «Все мои затраты пошли впустую – из-за беспечности книгопродавца, не пославшего тираж на Кавказ, – сетует Читунни и продолжает: – Моей целью не является получение прибыли от неё, однако надеюсь, покрыв расходы, потратить деньги на издание других книг... и так последовательно своими средствами и стараниями получу возможность издать имеющиеся труды. Поскольку отныне я, к сожалению, не могу полагаться на книжные издательства... наши книготорговцы отдаляются от литературы. Я больше рассчитываю на личные старания, чем на наших общественных армянских издателей...»².

Читунни информирует также Туманяна: «На этот раз я послал книжным магазинам «Гир» и «Гутенберг» достаточное количество книг для продажи на Кавказе»³.

15 марта 1914 г. Лео просит Туманяна ускорить издание своей книги «История Ереванской армянской приходской духовной семинарии. 1837-1913» в типографии Гюта Аганяна⁴. В том же письме он просит освободить его от обязанностей члена правления Кавказского общества армянских писателей в связи с ухудшением физического состояния.

Туманян, конечно же, обращается с ходатайством к Аганяну, с которым в тот период встречался практически ежедневно – в связи с делами Общества писателей. Однако вопрос об издании книги Лео не был решён и месяц спустя. Поэтому Лео из Еревана снова, на этот раз 5 мая 1914 г., беспокоит Туманяна: «Скажи Тер Гюту, что он опозорил меня здесь перед юбилейной комиссией. Обещал до июня завершить издание «Истории», однако с марта месяца по сей день напечатал 48 страниц из книги, которая должна содержать 500 страниц. В комиссии есть несколько человек, которые... ещё изначально говорили мне, что издание книги запоздает, а я был гарантом, что печатание, напротив, пойдёт очень быстро. И вот они сегодня посмеиваются надо мной. Но это ещё ничего. Суть дела в том,

---

¹ Там же, 1921 (422).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, 1325 (709).

что после июня можно будет выбросить книги, и приходская школа понесёт огромные убытки. И кроме этого, я же не могу испечься в этой жаре, пока святой отец соблаговолит закончить издание. Я именно этого и не могу разъяснить Тер Гюту. Очень прошу, чтобы хотя бы в этом ты помог мне и принудительно потребовал, чтобы он сдержал своё слово... приходская школа... должна заблаговременно распространить эти книги... Таким образом, прошу тебя, поговори с ним, разъясни, что в итоге страдаю я... Не удивляйся, что я так настойчиво прошу об этом. Это имеет очень важное значение как для семинарии, так и для меня»¹.

Лео также просит Туманяна поинтересоваться, когда он сможет получить свой гонорар.

В те же майские дни, видимо, по просьбе Аветиса Агароняна Туманян ходатайствует перед Воронцовым-Дашковым, чтобы осуждённым по «дашнакскому делу» было дано право вернуться на Кавказ и чтобы они не подвергались гонениям (10, 582).

27 мая и 22 сентября к Туманяну с письмами обращается известный дашнакский деятель, выдающийся патриот Симон Заварян. Он просит поэта оказать содействие в очень важном культурном начинании – в создании альбома с условными названиями «Армянин и Армения» или «Труд Армянина»².

Переписка Туманяна и Заваряна подтверждает, что эти два крупнейших национальных деятеля были связаны между собой не только общими национально-общественными делами, партийными инструкциями или распоряжениями Национального Бюро, но и как друзья и единомышленники, земляки и деятели культуры. Заварян в упомянутых двух и других, по-видимому, не сохранившихся письмах к Туманяну всегда заводил разговор об одной своей концептуальной национально-культурной инициативе, которую он вынашивал очень долго, более 14-и лет, и часто нуждался в поддержке своего великого земляка и товарища.

Симон Заварян намеревался составить и издать «специальный художественный сборник – альбом», в котором должны были найти место его рисунки и картины, созданные во время его командировок и поездок в самые разные регионы Армении, – в частности, в Сасуне, Киликии, Тароне, в предгорьях Кавказа и т.д. Одновременно Заварян выполнял серьёзные страноведческие, экономические, ис-

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна 1326 (710).

² Письма эти не были опубликованы ни в одном из трёх томов фундаментального исследования «Симон Заварян» и хранятся в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца (МЛИ), в фонде Ов. Туманяна, в деле под номером 978. Впервые мы полностью опубликовали эти письма в общеармянском вестнике «Вем», в 2013 г., в № 4 (44), октябрь-декабрь, с. 246-249.

торико-политические и этнографические исследования почти во всех местностях Армении, в которых ему доводилось бывать. Кроме партийной работы, Заварян изучил и собрал богатейший материал об экономическом и этнографическом состоянии всех регионов Армении¹.

Оживлённая переписка по поводу составления и издания книги-альбома завязалась между Заваряном и другим видным дашнакским деятелем – Симоном Врацяном. Она продолжалась весь март и апрель 1913 г. Задавшись целью ускорить издание альбома, Заварян в марте пишет «Циркулярное письмо», а в мае впервые обращается за поддержкой лично к Ованесу Туманяну.

Своё намерение издать альбом Заварян объясняет своему знаменитому земляку следующим образом: «Наша цель заключается в том, чтобы посредством этого издания представить во всём многообразии армянскую трудовую, самобытную жизнь в Армении и во всех местах обитания армянства» (7, 103).

Со страноведческой, краеведческой патриотической деятельностью Заваряна Туманян ознакомился ещё в 1907 г. в Тифлисе и сразу же убедился, что труд автора уже в то время составлял «огромный том». По всей вероятности, поэт не только поощрил своего друга и земляка, но и предложил ему своё содействие. Заварян, воодушевлённый и тронутый таким изъявлением готовности оказать ему помощь и беспрекословно доверявший слову Туманяна, попросил друга переслать ему материалы о лорийском регионе, фотографии исторических памятников и достопримечательностей, а также статистическую информацию, относящуюся к быту лорийцев. Увидев в Константинополе присланное на измирляновский конкурс собрание фотоснимков Вайоц-Дзора видного этнографа Ерванда Лалаяна, 27 мая 1913 г. Заварян обращается к Туманяну с просьбой заполучить фотоснимки бытового, археографического, пейзажного и иного характера у самого Лалаяна, а также у профессиональных фотографов, в частности, у Ермакова, или у занимающегося фото-

---

¹ Заварян собирал статистические данные о благосостоянии какой-либо армянской семьи за 1901-1905 гг.: о её имуществе, доходах и расходах за один год; записывал имена жителей определённого армянского села, данные о климате, особенностях природы, состоянии дорог, о занятиях крестьян, статистические данные о численности сельского населения, о численности школьников в сёлах и за их пределами, о численности беженцев, о земельных наделах, и видах животноводства и домовладения, о взимаемых налогах и пошлинах, и даже о «незаконных поборах» - о вымогаемых взятках, о разбойничьих набегах курдов, о «добровольно-принудительных» отчислениях церкви, о последствиях погромов и резни 1895-1896 гг. и умонастроениях местного населения. Он намеревался отдать весь доход от издания книги «венценосному Сасуну».

делом актёра Вруйра, у художника Егише Тадевосяна, Тер Шнорха и других; он просит также не забыть послать ему запрошенные ранее фотоснимки Лори, Шулавера¹. Заварян пишет: «Я был уверен в твоём содействии составленному мною альбому, дорогой Ованес, однако зная о твоей чрезвычайной занятости, хотел бы, чтобы ты не затягивал это дело. Было бы хорошо взять для этого в помощники другого человека, более свободного...»².

Таким образом, Заварян выбирает Туманяна в качестве посредника и помощника в деле заполнения своего альбома красочными иллюстрациями на армянскую тематику, новыми фотографиями памятников национального зодчества, орнаментов и образцов ремесленных изделий и произведений прикладного искусства. Более того, он просит также Туманяна воспользоваться своим непререкаемым авторитетом и приобрести коллекции фотографических работ Марра и Тораманяна. «Неужели у Марра, Тораманяна нет готовых фотографий ценных антикварных предметов, найденных в округе Ани?»³.

Заварян сомневался, что все искренне заинтересуются его трудом и постараются бескорыстно ему помочь, и поэтому до поры до времени не решался открыто говорить о целях и задачах своего альбома. Одним из немногих доверенных людей на Кавказе был для него Ов.Туманян. В письме к нему Заварян пишет: «Поэтому прошу до отпусков напрямую или опосредованно обращаться и просить о помощи только упомянутых лиц, не сообщая обо всех моих целях»⁴.

Иллюстративный материал альбома должен был продемонстрировать особенности трудовой занятости населения каждого района Армении (7, 103-104). Одновременно автор намеревался обогатить и украсить свой этнографический сборник красочными пейзажными иллюстрациями всех местностей Армении. Обратившись к Туманяну с просьбой во что бы то ни стало достать такие фотографии, Заварян даёт своему другу-земляку инструкцию, состоящую из пяти пунктов:

«1) По одному укромному уголку или улице каждого села, города – с характерными домами – спереди, и с общими видами – сзади.

2) Общее фото обычной семьи в местных нарядах, одни – стоя, другие – сидя, лёжа.

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 1173 (978).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

3) Имеющие национально-историческое значение строения, руины местностей.

4) Произведения, относящиеся к армянскому искусству – скульптуры, памятники, хачкары, картины (свадьба, паломничество, сцены Масленицы и т.д.).

5) Какую-нибудь сцену, дающую общее представление о характерных особенностях страны»¹.

Эти инструкции, которые являются повторением значительной части циркулярного письма Заваряна, автор посылает в Тифлис Туманяну, чтобы через писателя обратиться к общественности. Эту просьбу друг поэт выполнил охотно и с любовью. Отметим при этом, что в феврале-марте 1913 г. Заварян уже был тяжело болен, однако продолжал трудиться над альбомом. Примечательно не только то, что именно писатель опубликовал это письмо, но и то, что Заварян обратился к Туманяну со словами, исполненными большой надежды и упования: «Мы уверены, что Вы также, дорогой земляк, примете близко к сердцу национально-нравственную ценность этого начинания, а также его добрую цель и задачу»². Заварян просит Туманяна помочь ему в деле передачи распоряжений и инструкций о содержании, размерах фотографий и о надписях к ним фотоаппаратам, а также в контролировании выполнения работы. В каждой строке письма ощущается большая и искренняя любовь великого патриота Армении, прекрасного страноведа, неутомимого национального деятеля к родному краю, родной природе и живущему на этой земле трудовому народу, ощущается его озабоченность судьбами своих бедствующих соотечественников, их трудной и безрадостной жизнью и неопределённым будущим. Безусловно, Туманян не мог оставаться безучастным к такому серьёзному и фундаментальному начинанию своего земляка, и поэт публично выступил с воззванием оказать всеобщую, всестороннюю поддержку этому энциклопедическому изданию³.

В те годы очень большим успехом и спросом пользовалось школьное учебное пособие «Армянские писатели», одним из соавторов которого был Ов. Туманян. Когда учителя армянских школ в

---

¹ «Тараз», Тифлис (1890-1909 – еженедельник) (1909-1919 – журнал), 1913, с. 129.

² «Симон Заварян, К семидесятилетию смерти», т. 2, Бейрут, изд-во АРФ «Дашнакцутюн», 1922, с. 441.

³ По свидетельству С. Врацяна, сохранились только отдельные «крохи» объёмного исследования Заваряна, одна часть хранится в Америке, другая часть – в Женеве. В 1930 г. Врацян предпринимает ещё одну попытку объединить части альбома-исследования Заваряна, однако находит всего лишь ящик с пропылившимися фотографиями в чердачном помещении редакции периодического органа «Айреник».

разных странах мира не могли достать этот учебник, то они обращались только и только к Туманяну, хотя могли бы, в принципе, обратиться и к другим соавторам пособия, скажем, к Вртанесу Папазяну. 6 декабря 1913 г. Амазасп Асланян из Кубани в адресованном Туманяну письме сообщает, что все их обращения к другим адресатам остались без ответа, и просит подсказать, где можно приобрести «наложенным платежом» три экземпляра первого тома учебника «Армянские писатели», и при этом просит учесть, что из-за отсутствия книги «преподавание в школе хромает»¹.

Из самых разных армянонаселённых стран и армянских общин к Туманяну поступают письма с просьбой послать не только составленные поэтом учебники, но и произведения других армянских писателей, причём не для школ, а для себя, для своих личных библиотек. Тачат Адамянц из Каменска в письме от 11 декабря 1913 г. выражает уверенность, что Туманян не откажет ему в просьбе и «незамедлительно» вышлет ему роман Раффи «Самвел» и «Новый песенник», чтобы он имел возможность «совершенствовать свои юношеские мысли». Адамянц выразил также убеждение, что после посылки запрашиваемых книг поэт будет любезно отбирать книги по своему вкусу и время от времени посылать в Каменск. Адамянц пишет: «...Другие книги также нам необходимы, однако пока у нас нет точных сведений. Сейчас удовлетворимся этими двумя книгами. Ожидаем ваших посланных книг, ваши братья»².

Едва знакомые и вовсе не знакомые люди часто обращались к Туманяну с просьбой информировать их о текущей литературной жизни Тифлиса, некоторые изъявляли желание, чтобы поэт разъяснял им те или иные литературные проблемы, анализировал произведения того или иного писателя, а зачастую – их собственные произведения. То есть многие современники Туманяна в полном смысле слова воспринимали поэта как энциклопедию текущей литературной жизни.

6 сентября 1913 г. Анушаван Тер-Гевондян обращается из Петербурга к Туманяну «с несколькими важными проблемами». Он составил сборник детских песен и просил, чтобы поэт сообщил сведения об авторах некоторых стихотворений и о тех их произведениях, которые не были ему знакомы. «Здесь почти никто об этом не знает, так что я вынужден в данном случае побеспокоить Вас»³. Он просит также, чтобы поэт «непременно» послал ему своё стихотворение «Весна», а также ходатайствовал перед Кавказским армян-

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 931.

² Там же, д. 783 (217 доп.).

³ Там же, д. 2230.

ским издательским обществом, чтобы последнее взяло на себя расходы по изданию составленного им, Тер-Гевондяном, песенника, поскольку он очень стеснён в своих возможностях¹. «Издание сборника обойдётся приблизительно в сто рублей... Приношу тысячу извинений. Надеюсь, что поможет»².

Председателем Кавказского издательского общества был в то время Аристакес Заргарян, один из самых близких друзей Туманяна, меценат поэта. Видимо, и этим обстоятельством объяснялось стремление многих людей решать все вопросы, связанные с издательством, именно через Туманяна.

Великое множество незнакомых начинающих писателей, чаще всего бесталанных графоманов, посылали Туманяну свои произведения и упорно, терпеливо дожидались ответа, при этом рассчитывая на положительный, поощрительный ответ. И поэт находил время, чтобы советовать им «создавать более талантливые произведения», «совершенствовать свою поэтическую технику», а иногда и давал им задания писать и публиковать в периодических изданиях «открытые письма», то есть публицистические статьи.

Не доверяет редакциям и другой любитель словесности – Ама-як Мажинян (Газаросян) из Армавира. 30 апреля 1914 г. он посылает Туманяну своё произведение «Испорченная», чтобы писатель как «поэтический гений, а также самый лучший литературный критик» взял на себя ответственность выразить своё мнение, прежде чем это сделает редакция «Оризона». При этом он даёт конкретные инструкции, с какой точки зрения следует Туманяну рассматривать его сочинение. «Интересно, конечно, прежде всего узнать об актуальности вопроса; б) об объёме; в) о форме произведения; г) услышать Ваше авторитетное мнение с точки зрения литературного значения написанного»³.

Туманян не отвечает своему корреспонденту. Нетрудно предположить, что он был невысокого мнения о дилетантском сочинении. Но он всё же посылает этот опус в редакцию «Оризона» и даже ходатайствует о публикации произведения. Автор письма, ожидавший похвал и высокой оценки своего труда, остался недоволен и выразил свои претензии в письме за 1 июля 1914 г. «Многоуважаемый г-н Туманян... Я не удостоился чести получить от Вас ответа, между тем «Испорченную» опубликовали в «Оризоне». ...Меня интересовала не столько публикация, сколько Ваше мнение. ...Как бы то ни было, раз уж Вы передали произведение для публи-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, д. 1110 (298 доп.).

кации, спешу выразить Вам свою искреннюю признательность за Ваши хлопоты. Прошу принять от меня в дар экземпляр моего перевода «Эгмонта»»¹.

Всего лишь за полтора месяца до этого Лео послал Туманяну на отзыв произведение другого начинающего писателя, которого встретил на одной из ереванских улиц. «Вчера на улице какой-то растрёпанный крестьянин предложил мне переслать тебе своё стихотворение, – пишет Лео 15 марта 1914 г. – Ну, я и решил послать тебе: этот сочинитель – твой собрат по перу»². В принципе, можно было бы и не выполнить просьбу этого «растрёпанного крестьянина», однако Лео, как и все другие, знал о доброжелательном отношении Туманяна ко всем начинающим писателям и даже не подумал о том, что было бы правильнее поберечь бесценное время своего великого друга. Он не видит в этом никакой проблемы, тем более, что проситель представился как земляк поэта. Да и вообще, стоило кому-нибудь взять в руки перо и зарифмовать две строки, как он сразу же представлял Туманяна своим «собратом по перу». Для многих Туманян был тем очень доступным литературоведом и литературным критиком, который, по их убеждению, был попросту обязан специально выделить время и силы, чтобы осветить, истолковать для них произведения армянских классиков и современных писателей. Так, Рубен Ханзадян в коротеньком письме от 3 ноября 1913 г. напоминает писателю: «Уважаемый господин Ованес, вынужден побеспокоить Вас, напомнив о своей просьбе, что если сегодня найдётся время, уделить мне один час, чтобы разъяснить стихотворения Саят-Новы»³.

Арам Чаргчян (Казарян) из Константинополя в своём письме Туманяну за 24 декабря 1913 г. сообщает о своём глубоком разочаровании в Армянском издательском обществе и просит посодействовать изданию своей книги, либо каким-то другим способом материально помочь делу. Ещё в 1911 г. он попросил правление Общества предоставить ему работу по переводу с французского и немецкого языков и получил отказ. Вместо этого Общество пообещало издать отдельной книгой сборник его стихотворений, и он предоставил издательству однотомник, изданный в Венеции в 1898 г., присовокупив к нему рукописи нескольких неопубликованных стихотворений. И вот почти два года ему приходится ожидать издания книги или ответа от правления Издательского общества. Не получив этого ответа, он, в обход ответственных за это лиц –

---

¹ Там же, д. 1628 (853).

² Там же, д. 1325 (709).

³ МЛИ, ф. Туманяна, д. 1353.

председателя правления Общества и всех его членов, не нашёл ничего лучшего, как обратиться к Туманяну и потребовать ответа от него. «Над Вами тяготеет человеческий долг – соизволить выслушать мою просьбу и, тем более, дать ей незамедлительное решение... Я умоляю Вас: во имя человечности и во имя Вашего благородного призвания защиты писателей – позаботьтесь о решении этой загадки. Вы лично знаете всех членов правления, поэтому обратитесь к ним от моего имени и растолкуйте им, чтобы немедленно вернули мои рукописи, если не должны их публиковать.

Прошу у Вас прощения за то, что так неожиданно навязал Вам роль посредника, но что я могу поделать – Вы именно тот человек, который протягивает братскую руку во все стороны... к кому же ещё мне обратиться?»¹.

Одни считали заботу Туманяна в отношении литературы и писателей «братской», другие – «отеческой», тем более, когда ощущали его протянутую руку помощи и сердобольное отношение в самые трудные дни их жизни, и с благодарностью принимали всё то, что делал поэт для каждого нуждающегося армянского писателя. Почти все обращались к Туманяну, подобно Араму Чаргчяну (Чарыгу), «во имя человечности и во имя защиты писателей».

21 декабря 1913 г. поэт получает письмо из Баку от начинающего поэта Рена (Татаряна), который, получив посланную Туманяном помощь, в длинном письме подробно рассказывает о своих бессонных ночах, о мучениях и жертвах, которые ему приходится претерпевать во имя стихотворного творчества, и добавляет: «Со слезами радости на глазах пишу это письмо. ...Вот тот, которого я и до знакомства, и после знакомства всегда любил, именно он приходит ко мне на помощь, именно он заботится обо мне... Вы обретёте бессмертие, как обрели бессмертие в армянской литературе. Другими словами говоря, благодаря Вам армянская литература приобретёт силу, которая ...принесёт честь и славу Вашему и без того прославленному имени.

Как я могу отречься, если имею подобного Вам литературного отца, который думает, заботится о литературных «детях», чтобы они встали на ноги, научились ходить.

Я настолько счастлив, настолько опьянён своей бездонной радостью, что не знаю, какими словами выразить свои искренние чувства»².

Сразу же после создания Кавказского общества армянских писателей Туманян на протяжении многих лет был озабочен делом ма-

---

¹ Там же, д. 1918 (958).

² Там же, д. 1956 (970).

териального обеспечения армянских писателей – независимо от их известности, и всячески использовал для этого как созданный им же Литературный фонд, так и юбилеи писателей. Так, в начале 1913 г. он предпринимал большие, невероятные усилия, чтобы оказать материальную помощь Вртанесу Папазяну в связи с его юбилеем. Однако из письма Мартироса Арутюняна из Еревана от 5 января выясняется, что сделать это было очень и очень трудно. Автор письма заверяет поэта: «Материальное пособие в данном случае займёт второстепенное место, то есть выделение денег для его поощрения вообще не планируется. Если будут спонтанные подарки, это другое дело»¹. В качестве оправдания он отмечает, что организация юбилейного мероприятия, публикация в разных периодических изданиях статей биографического характера и литературно-критических очерков, а также все иные действия, направленные на пропаганду и популяризацию творчества В. Папазяна, очень важны «хотя бы в материальном отношении... Это всё вызовет большой интерес к писателю, сделает его ещё более народным, а это, кроме моральной ценности, станет для него и материальной поддержкой. По этому поводу его произведения станут продаваться»². Туманян даёт официальный ход работам по организации юбилея Папазяна.

К Туманяну писатели обращались также с просьбами спасти их от политических преследований, а их переводные и оригинальные произведения – от ножниц цензуры. Так, 3 марта 1913 г. Давид Ананун из Баку просит поэта ходатайствовать перед цензором Л. Калантаром, чтобы тот снял арест с его книги «Новые рабочие законы». Книга представляла собой перепечатку материалов из еженедельника «Еранд» и газеты «Голос Баку» и рассматривала вопросы страхования жизни рабочих. Цензура приостановила продажу книги и наложила арест на весь тираж («подвергла конфискации»). «Теперь всё издание арестовано, и я всё ещё жду, что может случиться, что и меня привлекут к ответственности, – пишет Д. Ананун. – Должен сказать, что содержание брошюры не представляет ничего подстрекательского. Подобные брошюры на русском языке издаются десятки лет, и их изданий можно насчитать очень много. Однако то, что не запрещено русскому автору и читателю, запрещено нам. Во время моего приезда в Тифлис мне сказали, что цензором армянских книг является некий господин по фамилии Калантарян, что этот господин в то же время вмешивается в наши национальные дела и даже является попечителем в одной приходской школе. Отсюда я делаю вывод, что этот господин не должен быть недоступной лич-

---

¹ Там же, д. 1488 (770).

² Там же.

ностью и, возможно, найдутся определённые способы воздействия на него, чтобы он снял арест с книги и отпустил мой воротник. Так что я очень и очень прошу позаботиться о моём произведении»¹.

Автор письма вовсе не был уверен, что Туманян знал цензора Калантаряна и имел с ним приятельские или хотя бы тёплые, приятельские отношения, но не придавал этому обстоятельству большого значения, поскольку был убеждён, что поэт во всех случаях может найти выход и с помощью другого влиятельного лица решить любой вопрос. «Если у Вас не будет возможности самолично повлиять на г. Калантаряна, – пишет Д. Ананун, – то можете сделать это при содействии Ваших знакомых приятелей. Во всяком случае, постарайтесь убедить этого человека, что он совершенно напрасно чинит препятствия армянской речи...

Я убеждён, дорогой друг, что Вы постараетесь снять арест с моей книги, что тем самым Вы освободите меня от политических злоключений»².

Конечно, Туманян никогда не отказывался помогать нуждающимся, в частности, деятелям литературы и искусства; он помогал в меру своих возможностей и в вопросе их трудоустройства, хотя даже этого зачастую оказывалось недостаточно, чтобы вывести их из трудного материального положения. Так, в июле-августе 1913г. при посредничестве Туманяна композитор Армен Тигранян получает приглашение преподавать музыкальные предметы в гимназии Овнанян. Руководство гимназии при приёме музыканта на работу обращает внимание на отсутствие у него копии свидетельства об образовании, а также на то обстоятельство, что он в своё время отказался от работы в Александрополе, и из-за создавшейся неловкой ситуации и затягивания вопроса Тигранян оказывается вынужден снова обратиться к Туманяну. «Наверно, Вы в разговоре сообщили, что у меня нет свидетельства... Г-н Туманян, я, честно говоря, иду на большой риск с материальной точки зрения, но всё же делаю это. Если Вам это не претит, напишите письмо совету попечителей. Если бы это дело разъяснилось и если бы Вы замолвили слово, чтобы они по какому-нибудь поводу подняли мою зарплату – ну, скажем, надзор и т.д. или секретарство...»³.

Тигранян информирует также поэта, что в школе Джикрашена высвободились уроки пения Тер-Овсепяна, и просит иметь в виду его кандидатуру, а если это будет возможно, обратиться и к Ст. Лисициану, чтобы ему «предоставили уроки пения в прогимназии», и

---

¹ Там же, д. 2202 (1151).

² Там же.

³ Там же.

при этом заверяет, что достаточно хорошо владеет русским языком и уже много лет преподаёт в государственной гимназии на русском языке, и все оставались довольны – как во время пробных уроков, так и во время посещения районных инспекторов. Своё письмо-прошение Тигранян завершает отчаянным признанием: «Наконец, если не найдётся никакого другого дополнительного заработка, то дела мои очень плохи»¹.

А в самый канун войны и в первые её дни Туманян не жалел усилий, чтобы устроить на работу сестру композитора – Арменуи Тигранян. Об этом свидетельствует переписка Туманяна и Арменуи в июле-августе 1914 г. 23 июля поэт пишет из Цагвера Арменуи Тигранян, что ходатайствовал, чтобы её приняли на работу в гимназию Овнанян, но пока что получил отказ; обещал поинтересоваться снова (10, 208). Поэт пишет и о начавшейся войне, о том, насколько она помешала ему. 3 августа Арменуи Тигранян из Манг-лиса информирует Туманяна, что получила письмо от Атравазда (Артика) Туманяна, что с ним всё в порядке. Примечательно, что в эти роковые и сумбурные дни, в период ужасающих последствий постигшего бедствия, остаётся место для надежд и ожиданий («Нет худа без добра, пишет она, – нужно ждать и надеяться»), когда «война день ото дня становится всё серьёзнее», Ов. Туманян продолжает заниматься вопросом трудоустройства Арменуи Тигранян в гимназии Овнанян.

«Дорогой Туманян, – пишет Арменуи, – по поводу своей должности не хочу Вас очень беспокоить, но относительно моей зарплаты можете сообщить правлению, что я уже занимала на протяжении года должность исполнительницы ролей и заведующей библиотекой в александропольской гимназии Аргутян»².

Судя по всему, по сведениям, дошедшим к Арменуи Тигранян через Вардгеса Агароняна, Туманян считал открывшуюся вакансию в гимназии Овнанян не совсем подходящей для Арменуи. Однако поэт в письме из Цагвера от 23 июля 1914 г. рассеивает все сомнения: «Я не то чтобы не хотел видеть тебя на этой тяжёлой должности и в трудном положении, а напротив, даже обратился куда следует, поговорил с нужными людьми, и они ответили, что сделают это с любовью, однако, приводя какие-то доводы, дали мне понять, что не смогут помочь; сейчас, по крайней мере, ситуация такая... А если ситуация изменится, ты сможешь получить эту должность. Я в ближайшие дни узнаю, как обстоит дело» (10, 208).

Как выясняется из следующего письма Арменуи Тигранян,

---

¹ Там же.

² Там же, д. 2290 (1114).

написанного 17 августа 1914 г., несмотря на обещание, данное Туманяну, определённые затруднения всё-таки возникли, и обеспокоенная Арменуи, не дождавшись, пока предыдущее письмо дойдёт до адресата, пишет второе письмо и оповещает о своём беспокойстве и «печали». «Для моих условий очень необходимо иметь какую-нибудь должность... Прошу Вас, постарайтесь устроить это хотя бы со своей стороны... Простите, что беспокою Вас»¹.

Таким образом Туманян в первые дни войны занимался также со дня на день всё более и более усложнявшейся проблемой трудоустройства разных лиц, будь то деятели культуры, писатели или школьные преподаватели; занимался также исследованием народных сказок, освещением 100-летнего юбилея Лазаревского института на страницах газеты «Оризон», открытием филиалов Кавказского общества армянских писателей, для чего ему приходилось получать специальное разрешение властей.

Поэту приходилось также прилагать определённые усилия для того, чтобы сотрудничать с литературно-художественным альманахом «Навасард» и различными армянскими периодическими изданиями, чтобы решать вопросы реализации и продажи первого тома исследования Саака Аматауни «Армянское слово и речь», ведя переговоры с дирекцией книжного магазина «Гир» о назначении доступной цены; поэту приходилось также решать текущие вопросы, поднимая на вечерах Кавказского общества армянских писателей проблемы развития литературного армянского языка, а также многочисленные проблемы, связанные с современной армянской литературой. С февраля по июнь 1914 г. поэт старался собрать материалы по диалектной лексике, «слову и речи» Лори и послать эти материалы С. Аматауни для второго тома его исследования. В феврале он писал рецензию на первый том учебного пособия Тиграна Читуни «В мире родной речи», изданного годом раньше, в 1913 г., а также обращался в книжные магазины «Гир» и «Гутенберг», чтобы договориться о продаже хотя бы части тиража книги и таким образом хоть немного материально поддержать проживавшего в Полисе автора. В период с марта по май он ходатайствовал перед книгоиздателем Гютом Аганяном об ускорении издания монографии Лео «История ереванской армянской приходской духовной семинарии. 1837-1913», интересовался сроками выплаты гонораров автору книги; ходатайствовал перед царским наместником Воронцовым-Дашковым, чтобы осуждённым по «дашнакскому делу» и, в частности, Аветису Агароняну было предоставлено право вернуться на Кавказ, чтобы они не подвергались политическим преследованиям.

---

¹ Там же, д. 2289 (1112).

Кроме того, он всячески содействовал Симону Заваряну в его очень важном и значимом культурном начинании – составлении иллюстрированного энциклопедического и статистического альбома под условным названием «Армяне и Армения» или «Труд Армян»; он послал три экземпляра первого тома своего учебника «Армянские писатели» кубанскому соотечественнику Амазаспу Асланяну; Тачату Адамянцу из Каменска для личного чтения поэт послал роман Раффи «Самвел» и «Новый Песенник», послал также армянской общине Каменска несколько книг, отобранных «по собственному вкусу», для самообразования молодёжи.

***

Содействие Ованеса Туманяна Сааку Аматуни, Армену Тиграняну, Симону Врацяну было мотивировано как тем большим уважением, с которым поэт относился к их личности и национально-патриотической и общественной деятельности, так и интересами развития национальной культуры. И Туманян не жалел для этого ни своих сил, ни драгоценного времени.

Можно, конечно, понять и Давида Анануна. Под угрозой оказался его многолетний труд, ожидаемое материальное вознаграждение и, что самое важное, над ним, подобно дамоклову мечу, повисла реальная угроза подвергнуться политическим гонениям и преследованиям. Однако очень многие просители беспокоили Туманяна из-за своих узко личных интересов и нужд, докучали ему своими заявлениями и прошениями, которыми обычно занимаются социальные службы или агентства по трудоустройству.

Сохранилось большое количество писем, авторы которых, провозгласив поэта армянским Гладстоном, даже из простой вежливости или из «дипломатических соображений» не интересовались его физическим состоянием, здоровьем, делами, а сразу же, «с места в карьер», нагружали его своими личными и семейными заботами, и при этом просили ходатайствовать не только для себя и своей семьи, но ещё и за друзей, близких или дальних родственников, соседей. Иные даже не останавливались перед угрозами и шантажом, говоря, что если они или члены их семей умрут от голода и лишений, то виноват в этом будет не кто иной, как Туманян.

10 февраля 1913 г. Нерсес Тер-Аветисян рассказывает Туманяну о своей полной лишений и горемычной судьбе скитальца, о том, как он вопреки воле родителей поехал на чужбину, надеясь добиться материального благополучия, но поскольку ему не удалось преуспеть в жизни, он просит поэта и Ст.Лисициана ходатайствовать перед инспектором Нерсисянской школы, чтобы его приняли

на работу, поскольку только в этом случае он сможет вернуться домой и позаботиться о своих престарелых родителях. Конечно, каждый проситель понимал, что обременяет Туманяна, жизнь которого и без того была полна проблем и забот, понимал, что отнимает у писателя его бесценное время и силы, жизненную энергию, однако все они рассуждали следующим образом: кто же ещё, если не Туманян, должен помочь армянскому скитальцу оставить в стороне свой посох и вместо того, чтобы бродить по чужим краям с тоскующим сердцем, вернуться на родину и выйти из безвыходного положения? Нерсес Тер-Аветисян пишет: «Уважаемый Поэт всех армян, хотя моя переписка с Вами и приносит мне интеллектуальное счастье, однако мне хорошо известно, что Ваша жизнь полна больших забот и привычна к страданиям...

Но как мне теперь быть и с какой надеждой успокаивать моих престарелых родителей, единственным упованием которых я являлся?»¹. И при этом напоминает, что «в понедельник в 4 часа» он ждёт ответа от инспектора.

2 июля 1913 г. писатель Вртанес Папазян обращается к Туманяну из Нового Нахиджевана с просьбой о трудоустройстве – как к своему собрату по перу и председателю Кавказского общества армянских писателей, хотя Общество по своему Уставу не брало на себя никаких обязательств по трудоустройству своих членов, да и не могло решать подобные вопросы. Рассказывая о своём «печальном и отчаянном» настроении и положении, Папазян сообщает, что нигде не работает, и умоляет, чтобы Туманян подыскал для него какую-нибудь должность, «хоть что-нибудь», поскольку «перспектива остаться голодным маячит передо мной и отравляет мои минуты...

Не обременяю ли я тебя этой своей просьбой и тем, что напрямую, по-дружески сообщаю тебе о своем положении?»². Разумеется, поэта не могло не взволновать то обстоятельство, что такой известный писатель, как Вртанес Папазян, был доведён до столь отчаянного положения, что был готов выполнять любую работу, был готов даже работать за мизерную зарплату корректором в «Оризоне».

Какой-то врач по имени Мкртыч, имевший высшее университетское образование и работавший в то время в харьковской клинике внутренних болезней, 31 октября 1913 г. обратился к Туманяну и попросил устроить своего зятя в городском управлении, но только не «в ломбарде», руководителем которого являлся г-н Кафьян, который во время работы управляющим Нерсисянской гимназии злоу-

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 2176.

² Там же, д. 2313.

потреблял своим служебным положением, плохо обходился с его зятем и плёл против него разные интриги. Этот врач, подобно очень и очень многим другим, оказался весьма последовательным. И его обращения к Туманяну по одному и тому же вопросу не были, мягко говоря, «одноразовыми». И опять же «виновным» в глазах просителя оказывался Туманян, поскольку он всегда старался помочь и никогда не игнорировал ни одной просьбы. «Многоуважаемый г. Ованес, – пишет автор письма, – помня о Вашем исключительно любезном отношении к моей просьбе, я решаюсь снова обратиться Ваше внимание на положение моего зятя. Как пишет мой зять, в городском управлении есть две вакансии, одна в ломбарде, другая – в скотобойне; для моего зятя было бы очень затруднительно получить должность в ломбарде»¹.

После смерти приходского священника Даниэла Тер-Ованесяна его сын Никогайос Тер-Ованесян «с целью не оставить многодетную семью без призора» принимает решение занять место отца и в октябре 1912 г. обращается к Ов. Туманяну с просьбой ходатайствовать о его рукоположении в священники. «Я прошу Вас, чтобы Вы сделали всё от Вас зависящее для рукоположения Вашего покорного слуги... С использованием Вашего влиятельного круга. Вот уже месяц, как мои дела переданы в консисторию, однако всё ещё нет никакого ответа. Заканчивая своё слово, покорнейше прошу в память о моём покойном отце протянуть мне руку помощи... Какой отец даст камень сыну, просящему хлеба, или протянет змею вместо рыбы?.. Ничего подобного... таких отцов очень мало на свете. Так и Вы. Надеюсь, что Вы не откажетесь помочь и мне, бедному юноше»².

Зная о дружбе Туманяна с некоторыми епископами, в частности, с предводителем тифлисской епархии святейшим Месропом, к поэту с просьбами о рукоположении в священники обращались очень часто, причём подобные просьбы поступали из разных городов и стран, в частности, из западноармянской Едесии, из тех или иных регионов России. Естественно, Туманян не мог выполнить просьбы всех желающих, и многие из тех, кому он не сумел помочь, открыто винили поэта в своих неудачах. Нередко случалось и так, что на одну вакансию приходского священника к Туманяну с просьбой о ходатайстве обращалось сразу несколько человек. Каждому из просителей казалось, что именно он является самым достойным претендентом, что ему эта вакансия нужнее, чем всем остальным, и что его с Туманяном связывают наиболее близкие отношения.

---

¹ Там же, д. 1773 (старое 273 доп.).

² Там же, д. 2224.

Лориец Тигран Вераян (Тер Ованес) в письме за 3 октября 1912 г. сетует, что Туманян занимался заботами его семьи недостаточно целеустремлённо, что поэт не обратился с ходатайством к католикусу или другим церковным руководителям, и даже более того, не пообещал его жене, что устроит его приходским священником. Действительно, Туманян не давал такого обещания, поскольку ему было отказано в его ходатайстве – при негласной договорённости предводителей церкви: если в Тифлисе освобождалось место приходского священника, то оно предоставлялось одному из местных жителей. Жена Тиграна Вераяна высказала мужу предположение, что Туманян уже устал от их просьб и не хочет помочь им в решении этого вопроса, и даже напротив, будет помогать их конкуренту, Тер Егише. Автор письма не столько просит, сколько требует, иронизирует, обвиняет и осуждает Туманяна за его бездействие, за нежелание посодействовать его переезду из Едесии в Тифлис. Он требует, чтобы писатель ходатайствовал перед духовными предводителями, чтобы он заставил их нарушить установленное правило и решить его персональное дело в качестве исключения.

Вераян пишет: «Ты не ответил на моё письмо. Знаю, нет времени. К тому же ты по праву большой человек – «наш величайший национальный поэт», следовательно считаешь ниже своего достоинства отвечать прежнему другу, которого неудачно сложившиеся обстоятельства помяли и унизили. Но ведь известно же, что великий Гладстон отвечал на каждое письмо обращающихся к нему людей. Однако, прошу прощения, вопрос не в этом.

И, по правде говоря, я жду от Тебя не столько ответа, сколько дела... Я буду продолжать надоедать Тебе, пока не выполнишь... того, что можешь и что тебе по плечу...

...Ведь только Тебе известно, какая цель заставляет меня мытарить, скитаться» (подчёркнуто автором письма - С.О.)¹.

19 июня 1914 г. Атабек Хнкоян сообщает в письме Туманяну о своём весьма незавидном материальном положении, о болезни жены, и добавляет: «Мне нужно, необходимо иметь по крайней мере 50 руб... Поэтому прошу прийти мне на помощь»². Запрашиваемая сумма была предоставлена Хнкояну.

В июне 1914 г., в самый канун войны, отдохавший в Дилижане Дереник Демирчян просит Туманяна «через святейшего или Аргутяна» увеличить количество его уроков, доведя с девятнадцати до двадцати одного («хотя бы»). «Это будет возможно, если уроки 8-го класса (новую литературу) передадут мне, – пишет Д. Де-

---

¹ Там же, д. 2135.

² Там же, д. 1399 (739).

мирчян. – Это часы, которые в прошлом году Малхасян забрал у меня, чтобы задеть моё честолюбие. Предоставь также ссуду на определённую сумму из Общества писателей... Я в отчаянии иду сражаться против болезни Мариам...»¹. С этой целью Демирчян просит также двух друзей по Вернату – Туманяна и Агбаляна – стать его гарантами².

Тигран Веранян, заканчивая рассмотренное выше письмо Туманяну за 3 октября 1912 г., решил про себя, что недостаточно просить содействия о своём назначении приходским священником или о переводе из Едесии в Тифлис. В постскриптуме он излагает ещё одну просьбу: заняться вопросом высшего образования его сына, обеспечив студенческой стипендией.

«Ованес джан, мой Левон в этом году закончил восьмой класс Торговой гимназии; хочет поступить в университет; ты хотя бы пока что уладь этот вопрос, или найди благотворителя, или укажи верный путь. До последнего момента учился отлично...

...Мне едва удаётся доставать деньги на запросы детей; летом мне даже пришлось взять деньги в долг. В этом году... результаты гораздо скромнее, чем в прошлом году. Удача совсем отвернулась от меня»³.

Что касается долгов, то их у поэта было неизмеримо больше, чем у кого бы то ни было. Хотя, конечно, просителей это мало интересовало. Более того, многие знакомые и даже не знакомые люди просили одолжить им денег у самого Туманяна. Так, некий Г.Варданян 15 января 1913 г. должен был отправить сына в Петербург, для чего попросил Туманяна одолжить ему 200 рублей, обещая вернуть сумму с процентами к 20-30 сентября того же года⁴.

К поэту очень часто обращались с просьбой устроить детей в Нерсисянскую гимназию. 3 января 1913 г. к Туманяну обращается Вардан Амирян из Шаали с просьбой устроить сына Вагинака в Нерсисянскую гимназию и с этой целью помочь со сдачей вступительных экзаменов 8 января.

«Позаботьтесь, пожалуйста, возьмите на себя труд, не пожалейте несколько минут Вашего времени, чтобы помочь принять моего сына в первый класс Нерсисянской гимназии.

Всей своей семьёй уповаем на Вас, который способен сделать невозможное возможным, верим, что Вы устроите нашего Вагинака»⁵.

---

¹ Там же, д. 1137 (611). Мариам – жена Д. Демирчяна.

² Там же, д. 1138.

³ См. «Оризон», 1914, 16 февраля, N 34.

⁴ МЛИ, ф. Туманяна, д. 2115 (1003.)

⁵ Там же, д. 878.

Как это ни странно, даже близкие литературные друзья Туманяна считали, что для поэта не представляет никакой трудности назначить кому-то студенческую стипендию. Так, Вртанес Папазян в письме за 23 апреля 1913 г. пишет из Полиса Туманяну и просит позаботиться о некоем «одарённом», но «почти осиротевшем ребёнке»¹. Речь шла о Гегаме Аджемяне, который и доставил Туманяну это письмо.

Вртанес Папазян просит Туманяна походатайствовать перед инспектором и попечителями Нерсисянской гимназии, чтобы Гегам Аджемяна приняли в школу-интернат и назначили ему ежемесячную стипендию в определённом размере, чтобы мальчик имел возможность учиться.

«Могу ли я попросить тебя, – спрашивает Папазян, – чтобы ты на минуту отвлёкся от своей многообразной занятости и не преминул бы оказать небольшую услугу юноше, принёсшему это письмо... Я знаю, что ты можешь что-нибудь сделать, и очень надеюсь, раз пишу тебе эти две строчки»².

Судя по всему, поэт выполнил просьбу своего товарища. В противном случае Вртанес Папазян не обратился бы к нему снова через год, 16 мая 1914 г., с подобной просьбой. Впрочем, на этот раз были определённые трудности. Папазян представил дело таким образом, что между инспектором школы Хунунцем и учащимся школы Мовсесом Арутюняном произошло «недоразумение». Хунунц был настроен к Мовсесу враждебно и не намеревался принять мальчика в гимназию. Обращаясь к другу, Папазян пишет: «Дорогой Ованес. Прости, что к твоим многочисленным заботам я добавляю ещё одну... Прошу сделать всё возможное и каким-либо образом устроить так, чтобы его приняли. Родине необходимы люди с серьёзным образованием, пусть же они обретут силу и мощь, чтобы было возможно расчистить эти большие авгиевы конюшни и все их омерзительные нечистоты.

Прошу тебя, будь добр пристроить мальчика»³.

6 сентября 1913 г. Акоп Айвазян из Москвы просит Туманяна, чтобы он урегулировал проблему с оплатой за его обучение и заодно позаботился о других его проблемах. Проситель сообщал, что готовится к выпускным экзаменам в Лазаревском институте, после чего намеревается продолжить учёбу в Московском университете. Он подчёркивал, что его дальнейшая судьба зависит от помощи Ту-

---

¹ Там же, д. 2312 (1174).

² Там же.

³ Там же, д. 2315 (80 доп.).

маняна, хотя и считал при этом, что поэту ничего не стоит оказать ему эту помощь. И вместо того, чтобы обратиться к Овсепу Кусикяну или Александру Цатуряну, от которых действительно зависело решение его проблем, он решил обратиться к Туманяну. В своём письме проситель пишет: «Но как Вам известно, у меня нет никаких средств, поэтому я обращаюсь этим письмом к Вам и прошу, чтобы Вы оказали мне содействие, в противном случае я лишусь всякой возможности заниматься и даже буду вынужден вернуться. Вчера я... был у Ваана Терьяна и Макинцяна, после долгой беседы с ними я пришёл к тому заключению, что, если здесь у человека не будет знакомых, он не сумеет ничего добиться. Я прошу Вас, чтобы Вы написали Александру Цатуряну обо мне и попросили, чтоб он мне помог. ...А второе письмо прошу написать Кусикяну, если Цатурян не сможет ничего сделать, то,, возможно, сможет Кусикян. Эти двое, я уверен, могут сделать многое для меня, если Вы им подробно напишете и сумеете убедить, что необходимо мне помочь. В конце концов, я ведь прошу совсем немногого...»¹.

Туманян, как это было уже отмечено, не оставлял без ответа многочисленные письма-прошения и старался в меру своих возможностей оказаться полезным. Так, для того, чтобы назначить денежное пособие Левону, сыну проживавшего и работавшего в Едессии приходского священника Тиграна Вераняна, он был вынужден обратиться к сыну Абгара Иоаннисяна, который, в свою очередь, пообещал помочь в этом деле, поскольку Левон во время учёбы в Торговой гимназии был стипендиатом имени Абгара Иоаннисяна. И, тем не менее, земляк поэта оставался при своём убеждении, что и этой помощи совершенно недостаточно, так же, как он считал недостаточным единовременное пособие в размере 100 рублей, выданное его сыну после окончания гимназии. Он был уверен, что его просьба – всего лишь мелочь, и остался недоволен Туманяном, который, по его мнению, не проявлял должной заботы о его детях. 24 сентября 1913 г. он пишет поэту новое письмо: «Хочу напомнить Тебе... о назначении Левону пособия...

О результатах, если будет время, напиши мне. А если нет, передай через Амлика моему сыну Телемаку, который учится в первом классе Нерсисянской гимназии. Надеюсь, на этот раз Твоё обещание претворится в дело»².

Туманян снова помогает, насколько может, своему настойчивому просителю. Сохранилось множество документов, которые сви-

---

¹ Там же, д. 880.

² Там же, д. 2137.

детельствуют, что поэт помогал очень многим людям в приёме их детей в школу, в назначении стипендий и денежных пособий, и это в то время, как трое из его детей – Ашхен, Мушег и Амлик – в разные периоды, а Амлик именно в это время, в самом начале мировой войны, не только не получал, подобно очень и очень многим, студенческой стипендии, но и оказался перед реальной угрозой отчисления из института – из-за задержки оплаты за обучение.

В 1914-1915 учебных годах одним из принятых в Нерсисянскую гимназию и удостоенных стипендии учеников был сын руководителя Нухийского прихода священника Барсега Тер-Степаняна. В отличие от многих других просителей Туманяна, удостоившихся содействия поэта, Б.Тер-Степанян был искренне благодарен поэту. В его письме от 5 ноября 1914 г. читаем: «Высокочтимый брат Ованес Туманянц! Очень и очень благодарен тебе. Прошу у Богородицы удачи, долгой жизни и счастливых дней вам и вашей родне – за то, что благодаря Вашему содействию наш ребёнок поступил в первый класс Нерсисянской духовной гимназии. Вы нас этим очень обязали. Я очень доволен вами и признателен вам»¹.

В рассматриваемый период, вероятно, одним из самых упорных и настойчивых просителей, особенно часто беспокоивших Туманяна для решения своих личных вопросов, был учитель одной из школ Александрополя Амбарцум Мазманян, который все свои письма подписывал как «уважающий ученик». Ещё можно как-то понять, если бы он просил Туманяна как председателя Кавказского общества армянских писателей назначить ему денежное пособие для своих личных нужд, хотя и в этом случае он был обязан обратиться только к правлению Общества; однако он беспрестанно, даже после получения – при непосредственном содействии Туманяна – денежного пособия, продолжал то и дело обращаться к поэту и требовать, слёзно и во всех подробностях описывая свои проблемы и горестное положение. Если, скажем, «Оризон» задерживал выплату его гонорара, он обращался с жалобой к Туманяну, а не к редактору газеты или другим её сотрудникам². Туманян не оставил без внимания даже это письмо и обратился в редакцию газеты с запросом, но оттуда его заверили, что гонорар уже отправлен. Писатель сразу же поставил в известность своего просителя. Однако последний с нетерпением и бестактностью снова возлагает свои проблемы на плечи Туманяна – не дожидаясь, когда деньги дойдут из Тифлиса в Александрополь. Меньше чем через неделю после первого письма (16 мая 1913 г.), 22 мая Мазманян пишет второе письмо. «Дорогой г. Туманян, пишу в

---

¹ Там же, д. 2254 (498/5).

² См. письмо от 16 мая 1913 г., МЛИ, ф.Туманяна, д. 1600 (833).

самый последний раз, надеюсь, вы не обидитесь из-за моего странного поведения. Возможно, я переступил границы скромности, но о какой скромности может идти речь в подобном положении?.. Я нервничаю, и каждое негативное явление создаёт для меня душевную трагедию... Не знаю, то ли я грежу во сне, то ли не могу понять свою ситуацию – не знаю, не знаю, не знаю»¹. Туманян снова обращается в редакцию «Оризона», и на этот раз они уже посылают автору гонорар в размере 10 рублей. Но Мазманян снова недоволен и негодует по поводу размера гонорара, но не потому, что «Оризон» заплатил ему меньше, чем обещал, а потому, что этих денег никак не могло хватить для решения «всех его проблем». И опять же, «естественно», он выражает своё недовольство не руководству «Оризона», а Туманяну, на этот раз написав из Еревана: «Я ожидал, что получу, по крайней мере, 20, которых, вероятно, хватило бы на удовлетворение всех моих потребностей. А теперь эти 10. Какие нужды покрыть ими?.. Я теперь взял в долг 15 р. (о других своих долгах даже не говорю)... одним словом, замечательная ситуация»².

Конечно, Мазманяну действительно приходилось несладко, как и всему армянскому народу, однако, в отличие от очень и очень многих, он ежемесячно получал от Благотворительного общества пособие в 10 руб., и вовсе не исключено, что и этой помощи он добился благодаря пособничеству Туманяна, ну и, конечно, благодаря своей целенаправленной настойчивости и настырности. Судя по всему, Мазманян по каким-то причинам не имел семьи и друзей и решил, что при таком стечении обстоятельств самым удобным человеком, спасительной «соломинкой» является не кто иной, как Туманян, который не преминет послать ему денег на дорожные расходы, чтобы добраться из Еревана в Тифлис. Он писал поэту: «поскольку у меня нет ни родни, ни родственников, ни близких, поэтому я и решил обратиться к Вам, чтобы Вы вызволили меня из этого положения... Неужели люди, подобные мне, не могут обращаться к хорошим людям, даже если между ними и нет родственной связи... Утопающий хватается за соломинку...»³.

В ноябре-декабре 1913 г. неуёмный Мазманян снова обращается к Туманяну с просьбой – на этот раз он просит поэта уговорить редактора «Оризона» выплачивать ему повышенные гонорары – за стихотворения, которые сам автор не считал серьёзными произведениями искусства; он скорее видел в них «карикатуру на

---

¹ Там же, д. 1601 (834).

² Там же, д. 1602 (853).

³ Там же.

трагическую жизнь сердца автора»¹. В письме, отправленном из Еревана, речь опять-таки идёт только о материальных запросах просителя. «Дорогой господин Ованес, – пишет он, – было бы очень и очень хорошо, если бы вы напомнили «Оризону», чтобы послали мне что-нибудь. Вы, разумеется, знаете, что именно заставляет меня писать Вам: это... мои запросы и долги очень большие, особенно запросы, ежедневные запросы. К тому же приближается конец года, и мне необходимы деньги на дорожные расходы и прочее...»².

Почти та же самая история повторяется несколько месяцев спустя, начиная с 7 марта 1914 г. К этому времени Амбарцум Мазманиян работал школьным преподавателем в селе Мец Кети, однако был очень недоволен сельской средой и «серой» обстановкой, шумными разбирательствами крестьян, тем, что они курили махорку, ругались и т.д. И он просит Туманяна задуматься о том, чтобы устроить его на новую работу и в течение недели выслать ему 30 рублей. При этом он в своей манере выражает полную уверенность в том, что для поэта ничего не стоит помочь ему в подобных пустяковых просьбах. «Потому что у Вас огромные связи, вероятно, Вам удастся, обратившись к хорошим людям, и для меня также... проложить дорогу... Хотя бы благодаря Вам суметь побывать в Тифлисе по какому-нибудь делу и провести свои годы в хорошей среде... Как можно было приехать из Еревана сюда и умереть душой?.. Моя жизнь – такая серая и бессодержательная... Не бывает ни дня, чтобы какая-нибудь грубость не омрачила моей души. Это не жизнь, а сплошное мученичество»³.

Не будучи ни писателем, ни литературоведом, Мазманиян считал и по каждому поводу и без повода повторял, что является самым бедным, самым нуждающимся деятелем литературы. 23 марта 1914 г. из села Мец Кети он пишет: «Сейчас мне думается, что Вы должны сказать, что я – учитель, следовательно, мне не следует выдавать подобное пособие. Но я заявляю, что положение моё не лучше, чем прежде... Второй раз прошу Вас... выслать деньги»⁴.

3 апреля 1914 г. Амбарцум Мазманиян пишет Туманяну новое письмо из Мец Кети и, поздравив поэта с Воскресением Христа, добавляет: «Прошу выполнить мою просьбу: выслать мне 30 рублей (эти деньги мне крайне необходимы)... В случае, если не вышлете, сообщите. Хотел телеграфировать, поскольку моё положение тяжёлое, но мне было неловко, хотел сообщить Вам закрытым пись-

---

¹ Там же, д. 1603 (834).

² Там же.

³ Там же, д. 1604 (836).

⁴ Там же, д. 1605 (837).

мом... Я настолько верю в Ваше доброе расположение ко мне, что считаю невозможным получение отказа»¹. Писатель откликается сразу же, и уже к 11 апреля Мазманиян получил запрошенную сумму. «С благодарностью получено двадцать и пять рублей», – сообщает он поэту².

16 мая 1914 г. Мазманиян телеграммой из Александрополя просит у Туманяна срочно выслать ему 25 руб³. 26 мая он сообщает, что пока ещё не получил столь необходимую ему сумму⁴. В письме, кроме выражения «Дорогой Туманян» нет ни одного слова о самочувствии, о житье-бытье, о личных или общественных делах поэта и его семьи.

Просьбы и требования Амбарцума Мазманияна не прекращаются ни в канун мировой войны, ни после её начала, тем более, что Туманяну удалось выбить для него денежное пособие – через посредство кассира Комитета армянских сирот и беженцев Бориса Еркайнабазук-Аргутяна. 13 июня 1914 г., отправляясь из Александрополя в Налбанд, Мазманиян интересуется у Туманяна, где тот собирается провести летние месяцы, чтобы через него постоянно держать под своим контролем размеры и сроки выплаты выделяемого ему пособия, и, если подвернётся такая возможность, увидиться со своим благодетелем. Одновременно он не упускает случая, чтобы попросить поэта проследить за публикацией своих стихов в «Оризоне»⁵. Спустя всего лишь три дня, 16 июня, даже не дождавшись ответа на своё последнее письмо, Мазманиян снова беспокоит Туманяна. Он снова настоятельно требует, чтобы поэт сообщил ему о своём местонахождении в ближайшие несколько месяцев, поскольку собирался поехать в Тифлис и боялся не застать поэта в городе⁶. При этом он не забывает снова напомнить, что поэт должен найти для него подходящую работу, «должность». Ещё три дня спустя, 19 июня 1914 г., он пишет новое письмо, вполне осознавая, что получение трёх писем одинакового содержания за одну неполную неделю должно быть, по крайней мере, обременительно и нудно для адресата, однако это вовсе не мешает автору письма, и он открыто признаётся, что его положение вынуждает его не думать ни о чём другом. Он искренне считает, что Туманян может помочь ему избежать службы в армии. В письме от 19 июня читаем: «Дорогой Туманян! Не очень приятно, когда человек всё время пишет о себе, это

---

¹ Там же, д. 1606 (856).

² Там же, д. 1608 (839).

³ Там же, д. 1607 (838).

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 1609 (840).

⁶ Там же, д. 1611 (842).

утомительно и нудно. Но для меня нет другой занимательной драмы, кроме моей жизни, поэтому я не могу писать о чём-либо другом. Когда моё положение изменится, когда я стану обеспеченным, тогда стану откликаться на чужое горе или чужую радость, а до этого я – эгоист... Через 3-4 месяца меня как солдата погонят в глубины «Матушки-России»... Если будет возможность каким-нибудь образом освободиться (у меня нет ни одной льготы)... Нет ли выхода? Прошу, напишите что-нибудь об этом. А если мне придётся пойти, найдутся ли близкие люди, которые поддержат меня и придут провожать?..

Уже давно, как я здесь, в Александрополе, ищу уроки, но ничего не нахожу и не знаю... Учительская моя зарплата давно уже закончилась, теперь проживаю на полученные от Вас 25 рублей, которые также в один прекрасный день закончатся... Нет ли возможности приехать в ваши края и найти уроки? Когда и эти деньги закончатся...»¹.

Тем не менее, давая себе отчёт, что его назойливость и упорство, по крайней мере, не очень красивы, Мазманиян пишет: «Прошу, чтобы мои письма читали только Вы... Мой адрес прежний, на который вы отправили деньги»².

В Александрополе Туманиян попросил Камсаракана по мере возможности помогать Мазманияну. Камсаракан предложил юноше каждый день обедать у него дома, однако это предложение показалось Мазманияну унижительным и оскорбительным. «Мне кажется, что я не соглашусь на это даже в ожидании смерти. Такое предложение можно делать только уличным попрошайкам. Умереть для меня было бы намного лучше»³.

В июне 1914 г. Амбарцум Мазманиян в другом своём письме Туманияну, переданному через Камсаракана, снова подвергает писателя сильному моральному давлению. Он пишет: «Я попросил найти какую-нибудь должность для меня... Во-всяком случае, мне приходится плохо... Прошу Вас, подумайте вместе с г. Лисицианом о том, чтобы немного обеспечить меня, пока я пойду в солдаты. Я на свои имеющиеся деньги могу продержаться до 20 июля, затем мне придётся совсем туго»⁴. А когда началась война, и Туманиян в самые первые её дни, выехав по делам из Тифлиса, не мог отвечать на письма Мазманияна, приходившие через каждые два дня, последний начал угрожать: «Довольно удивительно, что Вы не отвечаете. Если

---

¹ Там же, д. 1616 (851).

² Там же.

³ Там же, д. 1617 (855).

⁴ Там же.

Вы решили порвать свои отношения со мной, почему хотя бы не общаете мне об этом?

Если я напишу, что из-за отчаяния собираюсь покончить с жизнью, пусть это не покажется странным. Несмотря на то, что у меня ещё остаются 10 рублей, но уже близок горький кризис... Я ужасно беспокоюсь...

Тем более ужасно то, что я не знаю, находитесь ли Вы в Тифлисе, дойдёт ли это роковое письмо? Я посылаю его, потому утопающий хватается за соломинку. Если это письмо не дойдёт и Вы немедленно не пошлёте эти деньги... то прощай всё на свете»¹. И хотя Туманян всегда откликался на все просьбы Мазманяна, помогал ему в меру своих сил и возможностей и ходатайствовал за него, даже сумел на определённое время обеспечить его денежным пособием, он при этом всегда был уверен, что не столько просительный, сколько требовательный подход юноши, нуждающегося в материальной поддержке, никогда не изменится. Об этом свидетельствует письмо Мазманяна из Александрополя за 14 июля 1914 г., из которого мы узнаём, что поэту наконец-то удалось устроить юношу на работу. «Дорогой г. Туманян, – пишет автор письма, – г. Камсаракан предложил мне лёгкое занятие здесь с зарплатой 20 руб. Всегда благодарный А.Мазманян»².

Однако и на этом обращения Мазманяна к Туманяну не заканчиваются. 30 августа 1914 г., когда Амбарцуму уже было известно, что через две недели, а ещё точнее, 14 сентября, он должен приступить к воинской службе в расположившемся в Караклисе подразделении русской армии, он, тем не менее, продолжает беспокоить поэта ещё одной «пустяковой просьбой». Он пишет: «Мне предстоит позаботиться о затратах на дорогу и т.д., поэтому прошу Вас в самый последний раз помочь мне, послать десять (10) рублей, которыми я смогу обойтись, прежде чем стану солдатом, когда перестану думать о материальных проблемах. Надеюсь, эту мою пустяковую просьбу Вы не оставите без последствий»³.

Параллельно письмам Мазманяна поэту приходят многочисленные другие письма-прошения. 12 апреля 1914 г. Акоп Ханларян рассказывает о том, что ему «никак не удаётся адаптироваться, привыкнуть к отсталой и тёмной провинциальной жизни» в Шуши⁴, и выражает уверенность, что никто на свете, кроме Туманяна, не сможет помочь ему найти в Тифлисе работу школьного учителя или

---

¹ Там же, д. 1618 (850).

² Там же, д. 1613 (844).

³ Там же, д. 1614 (845).

⁴ Там же, д. 1380(731).

найти частные уроки армянского языка и литературы, либо, по крайней мере, «подобрать должность в одном из армянских обществ», чтобы обеспечить его проживание и пропитание хотя бы на один год¹. Вместе с тем он искренне признаётся: «Если не обращусь к Вам, то к кому ещё я могу обратиться? Если возможно, покорнейше прошу Вас, сделайте что-нибудь для меня... Простите меня... Пишу Вам сегодня с сыновней смелостью.

Если я и другие мне подобные не сообщат Вам, то кому они могут рассказать свои желания и стремления?»².

Всё это не могло не утомить, не изнурить вконец любого смертного человека, не могло не отравить его жизнь, не мешать ему жить и заниматься творческим трудом. 31 марта 1914 г. в письме, адресованном Аветису Агароняну, поэт признаётся: «Давно уже моё сердце разбито, я очень устал и питаю отвращение к нашей жизни и к нашему миру. Ты представь себе, если и моё сердце разбито и я доведён до отвращения – каким для этого должен быть этот мир!» (10, 200-201). И вот ради этого «злополучного мира» бесчисленное множество раз он с огромным трудом и зачастую с неприязненным чувством брал на себя роль посредника, ходатая и пособника, чтобы прийти на помощь какому-либо нуждающемуся человеку, почти совершенно при этом не заботясь о своих личных проблемах – настолько, что абсолютное большинство его современников практически не знало и не догадывалось, через какие лишения и страдания, через какие бытовые неурядицы и испытания, причём молча и стойчески, приходилось проходить поэту и его большой многодетной семье. И только самому близкому его окружению было известно, что самый известный и самый народный армянский поэт практически не вылезал из долгов. Весной того же 1914 г., когда писателю удаётся заключить с Издательским обществом договор на перевод сказок братьев Гримм и получить аванс, он наконец-то покупает телефон, чтобы поменьше отлучаться из дому по нескончаемым делам и уделять больше времени литературному творчеству. Однако это ему так и не удаётся. «Как только я взялся за работу, через день-другой вижу, мои заимодавцы с билетами и векселями (недостатка в которых не было) посыпались на мою голову, словно град» (10, 202). То, что Издательское общество обязывалось выплачивать поэту за переводы сказок, было воспринято общественностью как уже фактически выплаченная сумма, и заимодавцы поспешили потребовать вернуть свои долги. Если обращавшиеся к Туманяну просители рассказывали о своём бедственном материальном поло-

---

¹ Там же.

² Там же.

жении со слёзными и душещипательными деталями и подробностями, то сам поэт, вечно окружённый многочисленными заимодавцами, говорил о своих финансовых проблемах со светлым юмором. Своим заимодавцам, «сыпавшимся на голову, подобно граду», 22 апреля 1914 г. он говорит: «Люди, да ведь вы же были такими приличными и спокойными, что с вами произошло, что всё это означает?.. И вот до сегодняшнего дня мне так и не удавалось поставить моих заимодавцев на место – после того, как однажды расстроил их. А что до других разных больших и малых передраг, то их в моей жизни было более чем достаточно» (10, 203).

Между тем, среди бесконечного множества просителей, сопровождавших Туманяна на протяжении всей его сознательной жизни, всегда было достаточно много недовольных, поскольку поэт даже физически не мог осуществлять, реализовывать каждое желание каждого заявителя. Находились и такие, которые клеветали, злословили, когда то или иное ходатайство, пособничество писателя не увенчивалось успехом. «Не говорю уже о злословии и злопыхательстве этого мира, для чего эпохи и обстоятельства создали столько всяких удобств» (10, 201).

Разумеется, далеко не все обращавшиеся к поэту за денежным пособием, за иного рода содействием просители оказывались неблагодарными и вечно недовольными. Очень и очень многие литературные труженики обращались к писателю со словами большой и искренней благодарности. Многие из просителей воспринимали Туманяна как «отца» в самом широком смысле этого слова. Так, когда работавший в Дербенте школьный учитель А. Айрапетян обратился к правлению Кавказского общества армянских писателей с просьбой назначить ему денежное пособие и получил отказ, то он обратился с письмом из Кутаиси за 7 июня 1914 г. к Туманяну и, рассказав о своей крайней нужде, попросил писателя, чтобы тот из своих личных средств одолжил ему немного денег. «Преимущественно болезнь моих детей и жены истощили все мои средства и теперь... у меня ничего не осталось, даже для того, чтобы купить кусок чёрствого хлеба. Поэтому снова обращаюсь к Вам и прошу, чтобы Вы дали мне займы из ваших личных средств шестьдесят рублей. Господин Туманян, мне не к кому обратиться, Вы – моя единственная надежда, и я вполне уверен, что Вы не откажете мне, а в случае отказа даже не знаю, что я буду делать... прошу переслать деньги как можно скорее, хотя бы до 15 числа этого месяца... Снова прошу не отказать мне»¹.

Некий 17-летний юноша по имени Карапет Дарбинян ищет

---

¹ МЛИ им. Е.Чаренца, ф. Ов. Туманяна, д. 1485(369 доп.).

встречу с Ов. Туманяном, чтобы с его помощью избежать службы в армии. В своей записке поэту за 11 сентября 1914 г. он слёзно и надрывно просит его назначить ему встречу, чтобы решить этот вопрос. В записке читаем: «Если Вы хотите и чувствуете, что должны освободить от гибели, не дать быть растоптанным на дороге обязанности, под железными и смертоносными шагами обязанности 17-летнему армянскому студенту, тогда прошу дать мне возможность увидеться с Вами»¹.

Карапет Дарбинян был одним из очень многих не знакомых поэту юношей, по мнению которых Туманян мог освободить от воинской обязанности, и это в условиях начавшейся кровопролитной и жестокой мировой войны... И несмотря на то, что решение этого вопроса было Туманяну не под силу при всём его желании, к нему продолжали обращаться снова и снова, ставя поэта в очень неловкое, затруднительное положение, возлагая на его хрупкие плечи тяжёлую моральную ношу.

---

¹ Там же, д. 1122.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ОВАНЕС ТУМАНЯН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Программа геноцида армян в Османской Турции стала осуществляться более явственно и откровенно в годы правления младотурок. Ярким доказательством этого явились погромы и резня в киликийском городе Адана в 1909 г., жертвами которых стали более тридцати тысяч армян. Новые власти, годом раньше свергшие султана Гаида Второго, с новой силой и с ещё большим рвением продолжили армяноненавистническую политику прежнего режима, став его последовательными правопреемниками. Постановления съезда партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), прошедшего в Салониках в 1911 г., стали судьбоносными для проживавших в Османской империи нетурецких народов, и в особенности – для армян. Во имя «заветной» цели и программы создания «Великого Турана» от Балкан до Китая предводители турецкого правительства готовы были на всё, готовы были смести любую преграду на своём пути, и первоочередной задачей в намеченной программе стало физическое уничтожение всех армян. Подходящий момент не заставил себя долго ждать. Началась Первая мировая война.

ЛЕТНИЙ ОТПУСК

14 июля 1914 г. Туманян с семьёй отправился из Тифлиса в дачную местность Цагвер (Дзагвер), чтобы подлечиться, физически восстановиться, ну и, конечно, чтобы наконец-то вновь вернуться к активным занятиям литературным трудом, в частности, завершить работу над пятым томом учебника «Лусабер». В душе поэт лелеял мечту и о возвращении к поэтическому творчеству, особенно, к детской литературе. Основная нагрузка по подготовке учебника к изданию ложилась на плечи Туманяна, потому что Левон Шант – один из соавторов «Лусабера», в это время отправился за границу¹.

19 июля 1914 г.² Германия объявила войну России, и весть об

---

¹ «Оризон», 1914, N157, 22 июля, с. 3.

² Мы указываем даты по старому стилю, поскольку до 1918 г. в России был в обращении Григорианский календарь и в этот период как в дневниках Туманяна, так и в газетах даты указывались по старому стилю. По новому стилю война началась 28 июля, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а Россия вступила в войну 1 августа (19 июля по ст. ст.), когда ей объявила войну Германия.

этом мгновенно доходит до Тифлиса. Туманян узнаёт о начавшейся войне из тифлисских газет, узнаёт сразу же – благо, почтовая связь пока еще работала чётко и оперативно, без перебоев.

Туманян остаётся в Цагвере до 14 августа. Там он имел встречи с молодым композитором Анушаваном Тер-Гевондяном, который в то время был студентом последнего курса юридического факультета университета и консерватории в Санкт-Петербурге. Семья Туманяна сближается с семьёй Тер-Гевондянов. Туманян часто прогуливался с Анушаваном и в беседах часто высказывал свою большую озабоченность судьбой Комитаса. Он очень сожалел, что все его старания удержать Комитаса от зарубежной поездки так и не увенчались успехом. По совету поэта перед отъездом Комитаса из Тифлиса, с целью каким-то способом подольше удержать композитора в городе, Армянское благотворительное общество приняло решение о создании большого смешанного мужского и женского хора, однако соответствующее финансирование запоздало, и Комитас, так и не вняв советам и настоятельным призывам Туманяна, отправился в Полис. Беспокойство Туманяна о судьбе Комитаса было вполне оправданным и обоснованным, хотя ему ещё не могло быть известно, какая трагедия ожидает его великого друга и единомышленника. Воодушевлённый благосклонным и дружелюбным отношением Туманяна, Анушаван Тер-Гевондян сообщает поэту о своём намерении написать на текст его стихотворения «Ты меня не проси» камерное произведение для вокала, скрипки и фортепьяно, а также написать симфоническую поэму на текст баллады «Ахтамар». Поэт не только одобряет и поддерживает эту инициативу Тер-Гевондяна, но и несколько дней спустя приносит рукопись стихотворения «В армянских горах». Вполне возможно, что Туманян тем самым хотел привлечь внимание молодого композитора к патриотической теме в своей поэзии, побудить его к созданию музыкального произведения о любви к Родине.

19 июля, когда в Цагвер приходит весть о начавшейся войне между Германией и Россией, в дачном посёлке начинается паника. Почтовая связь между городами Кавказа становится нерегулярной. Как и многие другие, Туманян также перестаёт полагаться на почту, и посылает свои письма через нарочных. В написанном в эти дни письме Степану Лисициану, который просил поэта приехать к нему для совместной работы над учебником, Туманян пишет: «Здесь воцарились страх и ужас, часть отдыхающих уехала из боязни, есть и другие уезжающие. Как раз в эту самую минуту наши соседи укладывают вещи... И неопределённость ситуации, и страх перед опасностью, и чрезмерно неустойчивое местоположение, одиночество наших домашних делают мой приезд невозможным. Каждый день

здесь возникают такие новые настроения и поступают такие новости – одна тревожнее другой, что иногда люди не могут заснуть ночью. В этом проклятом месте к тому же нет ни полиции, ни стражников» (10, 209).

В другом письме, написанном в Цагвере 23 июля 1914 г. и адресованном Арменуи Тигранян, со свойственным светлым душам оптимизмом Туманян воспламеняется надеждой на возможность освобождения своего народа и пытается успокоить всех окружающих. «Моим единственным утешением является то, что я совершенно не люблю войну, что этой войной Германия и вместе с ней милитаризм должны погибнуть или ослабнуть, а ещё вернее, Австро-Венгрия также должна получить своё наказание – как и весь эгоистический германский род; и моё русофильство должно победить. После этого, по-видимому, наступят мирные дни, и моя утопия расцветает осуществится»¹. Ту же мысль он выражает и в приведённом выше письме Лисициану: «Единственным утешением остаётся то, что негодную Германию и Австрию разобьют как следует, и мир надолго успокоится» (10, 210).

Несмотря на такой оптимистический настрой, писателя ужасает мысль о том, что волны войны могут докатиться и до Кавказа. «Все мы поглощены войной. Все мы стали военными специалистами, – пишет он 18 августа 1914 г. – Конечно, у меня нет никакого сомнения в нашей победе на западе, которая является всего лишь делом времени и больших потерь. И я ни в коем случае не пожелал бы, чтобы война была на востоке. Это было бы, скажем прямо, нашей последней тревогой и общенациональным бедствием, но поскольку и без этого армянский вопрос, вернее, вопрос турецких армян решается поражением Германии, то это было бы для нас только дополнительным несчастьем» (10, 214).

Необходимо заметить, что в первые дни и недели войны многие были настроены оптимистично. И Туманян не был исключением. Он питал надежду, что Россия одержит победу и накажет страны, развязавшие войну, и «третьим ударом», как это бывает в волшебных сказках, наконец-то принесёт долгожданную свободу западноармянскому населению на его же исторической земле.

Да, поэт надеялся на победу, однако пытался по мере сил и возможностей оказывать личное содействие в деле столь желанной победы над Турцией.

До Туманяна доходят сведения, что свобода его односельчан подвергается опасности. Он узнаёт, что в середине июня 1914 г. гу-

---

¹ «Оризон», 1914, N157, 22 июля, с. 3. Речь идёт о намерении Ов. Туманяна построить Дом творчества писателей «Литературный цветник» в Игатаке.

бернатор провинции на протяжении четырёх дней был в Дсехе и распорядился об аресте некоторых людей, в том числе и Петроса, одного из самых авторитетных и уважаемых людей Дсеха (10, 205). В условиях войны ценность информации за пределами Тифлиса значительно возрастала. Редакция «Оризона» выясняет, что вне Тифлиса газета продаётся «значительно дороже её реальной стоимости», и поэтому «редакция предлагает своим агентам принимать меры для того, чтобы пресекать подобные действия»¹.

Казалось бы, вконец изнурённый тюремной жизнью², сильно сдавший в физическом отношении поэт, пользовавшийся в то время непререкаемым авторитетом в литературе и в общественной жизни своего народа, должен был в эти дни стать всего лишь «кабинетным деятелем», патриотом «пера и бумаги». Но Туманян не боялся и не страшился ничего, не тушевался ни перед какой опасностью и ни перед каким врагом. Он был уверен, что в нём всё ещё осталось достаточно сил, чтобы оказаться полезным своему народу в качестве национального деятеля. Везде и всюду отправной точкой его деятельности было постоянное самопожертвование. Конечно, он вовсе не забыл ни о товарном вагоне, в котором его в декабре 1911 года повезли в Петербург, ни о наручниках, ни о мрачных тюремных стенах, ни о продолжительном и изнурительном судебном процессе, после которого прошло всего лишь два года и вследствие которого его расшатанное здоровье никак не восстанавливалось. Но он снова был готов к самопожертвованию.

Обеспокоенный возможностью возобновления новой волны межнациональных столкновений на Кавказе, Туманян из своего дачного посёлка 1 августа 1914 г. обращается с посланием к губернатору провинции Лори и Борчалу Василию Гаврилову.

О своей готовности оказывать любое посильное содействие и желании быть полезным поэт обращается и к видному армянскому духовному деятелю Месропу Тер-Мовсисяну. «Кавказ окажется перевёрнутым вверх дном, и нам много чего предстоит сделать. И знай, что я готов на всё. Скоро приеду в Тифлис, наверное, в эти два дня, и мы должны быть бдительными и готовыми. Если я в случае смуты не пригожусь ни на что более важное, моего предшествующего опыта будет вполне достаточно, – я, несомненно, пригожусь в наших краях» (10, 212).

---

¹ «Оризон», 1914, N169, 5 августа, с. 4.

² О политических преследованиях Ов. Туманяна со стороны царского охранного отделения, причиной которых была миротворческая деятельность поэта во время межнациональных столкновений 1905-1906 гг., подробнее см. в кн.: С. Ованесян. История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912 гг.), Ер., «Гракан эталон», 1912, с. 564-642.

Не боясь получить новые удары от царской карательной машины, Туманян заранее уведомляет о своей готовности прийти на помощь. «После нашей встречи в Тифлисе, – пишет поэт В. Гаврилову, меня телеграммой вызвали в Цагвер, к моей семье, где я нахожусь сейчас и внимательно слежу за давно подготовленной, но вместе с тем внезапно вспыхнувшей большой войной, в которой России уготована самая важная и благородная роль. Сегодня из Тифлиса мне пишут, что, возможно, на днях Турция также объявит войну России. Если эта весть подтвердится, то у нас, на Кавказе, обязательно начнутся обычные беспорядки, и будет крайне желательно, чтобы интеллигенция нашей провинции, своевременно сплотившись, объединилась вокруг Вас и приложила свои силы для сохранения мира в провинции. Если будет необходимость и если Вы сочтёте целесообразным, прошу учесть, что я готов прийти к Вам на помощь и быть полезным моей родине, чем смогу»¹.

Из своего дачного посёлка Туманян внимательно следил за всеми событиями, происходившими в общественной жизни Тифлиса, и поскольку в то время он связывал судьбу армянского народа с Россией, то всего лишь неделю спустя после начала войны, 27 июля 1914 г., он приветствует митинг тифлисских армян, состоявшийся во дворе главного собора Ванка, и участвует в панихиде по первым жертвам войны. Во всех выступлениях собравшихся звучала твёрдая вера в победу и помощь России. После церковного служения духовенство, распевая шараканы и молебны, «с крестами и хоругвями», под руководством епископа Месропа направилось ко дворцу царского наместника, где епископ выступил с речью и помолился за победу русского оружия. С ответной речью выступил царский наместник Воронцов-Дашков, выразив свои большие симпатии армянскому народу, высоко оценив его верность и преданность, и пообещал сообщить о мероприятии русскому царю². Митинг и шествие были инициированы и организованы одним из личных друзей Туманяна – епископом Месропом, предводителем армянской духовной епархии Грузии и Имеретии. В своём письме к епископу от 3 августа Туманян пишет: «Мой дорогой святейший Месроп! Нам довелось стать очевидцами исключительно важных событий; кто знает, возможно, не сегодня-завтра мы примем в них участие.

Я очень рад, что уже сегодня заговорило здоровое истори-

---

¹ Там же, с. 587-588. Эти межнациональные столкновения начались несколько позднее, в 1918 г., но Туманян к тому времени уже был в самой гуще военных событий, и распоряжений Гаврилова или кого-нибудь ещё ему уже не требовалось.

² «Мшак», 1914, N164.

ческое здравомыслие и чувство, и мой народ стоит рядом с русским народом; и я очень рад, что ты оказался первым, с крестом в руке... У нашего народа нет иного спасения» (10, 211-212). Туманян как всегда был совершенно искренен, и его русская ориентация и вера в Россию в то время были незыблемыми и неколебимыми.

Тревоги поэта о судьбах армянского народа заставляют его 14 августа 1914 г. вернуться из Цагвера в Тифлис, чтобы принять участие в работе Национального бюро и выступить со своими собственными идеями и инициативами.

И действительно, личные проблемы и неопределённость перспективы национальной судьбы в горниле мировой войны; доходящие до Кавказа противоречивые вести – всё это настолько перемешалось, что реальность стала напоминать вавилонское столпотворение... И он всем своим душевным и физическим потенциалом, снова позабыв о своём рабочем кабинете, с головой окунулся в круговорот национально-общественной жизни.

Многие из тех армянских национальных деятелей, которые обратились в бегство, когда царская карательная машина стала фабриковать «Дашнакское дело», начали покидать приютившие их страны Европы и возвращаться на родину, на Кавказ. Это обстоятельство вселяло в поэта надежду на возможность успеха, поскольку поддержка вернувшихся политических и общественных деятелей, единомышленников могла помочь вести борьбу за освобождение западноармянского населения более организованно и целеустремлённо. Заметим, что после своего оправдания в Петербурге поэт без конца обращался к своим скрывавшимся за границей друзьям и знакомым, уговаривая их вернуться и помогать своему народу, своей родине. По этой причине в августе 1914 г. он с большой радостью констатирует известие о возвращении Ованеса Каджазнуни. «Келледжи¹ также сообщил, что возвращается. И очень правильно поступает» (10, 214).

16 октября 1914 г. произошло то, чего очень опасались армянские общественно-политические деятели и вместе с ними Ованес Туманян. Поэт предполагал, предчувствовал, что Турция в скором времени также вступит в войну и попытается силой решить армянский вопрос; что это приведёт к межнациональным столкновениям на Кавказе, к «общенациональному бедствию» (10, 214). Это предчувствие поэта сбылось.

---

¹ Ованеса Каджазнуни близкие называли Келледжи, имея в виду героическое предание об одном из его предков, священнике Ованесе.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КОМАНДИРОВКА

В сентябре-октябре 1914 г. в армянских политических кругах по инициативе Армянского национального бюро было принято решение командировать Туманяна в Россию для ведения переговоров по армянскому вопросу в официальных кругах, для ознакомления с программами России относительно Западной Армении, а также для встречи с императором Николаем Вторым. Предполагалось, что самый известный и самый народный армянский поэт и общественный деятель во время своего визита подтвердит преданность армянского народа российскому престолу, обсудит задачи участия армянского народа в войне, в частности, рассмотрит вопросы, связанные с организацией армянских добровольческих отрядов – словом, затронет все политические вопросы, волнующие армян и имеющие для них судьбоносное значение. Ещё одной важнейшей целью намечавшейся поездки Туманяна в Петербург и Москву и переговоров с правительственными кругами России было разработать стратегию защиты для армянского народа, оказавшегося перед лицом ожидавшихся и почти неизбежных бедствий и несчастий.

Решение о «северной командировке» Ованеса Туманяна было принято в сентябре. Из письма поэта от 19 сентября, адресованного Погосу Макинцян, узнаём, что вместе с ним в Россию должны были отправиться ещё два национальных деятеля, имена которых Туманян не упоминает. Поэту предстояло сперва поехать в Эчмиадзин, вероятно, для того, чтобы согласовать свои действия в Петербурге с Католикосом всех армян Геворгом Пятым. В упоминаемом письме Туманян пишет: «Решили, что я на этих днях должен вместе с другими двумя национальными деятелями отправиться на север; поеду в Эчмиадзин» (10, 217).

По всей вероятности, Туманян 14 сентября 1914 г. принимал участие в работе съезда Армянского благотворительного общества на Кавказе, одним из главных пунктов повестки дня которого была организация помощи раненым воинам и пострадавшим на войне людям¹. В эти же самые дни в Тифлисе открываются больницы и лазареты для раненых и заболевших заразными болезнями. Отметим, что в Тифлисе только за временной отрезок с 7 по 16 сентября стремительно распространяются эпидемии тифа (22 случая), скарлатины (2 случая), дифтерии (4 случая), ветрянки (3 случая), туберкулёза (7 случаев) и т.д.²

Упоминание об эпидемиях находим и в письме Ваана Терьяна

---

¹ «Оризон», 1914, N203, 14 сентября, с. 1.

² Там же, N211, 226, 25 сентября, 1 октября, с. 3.

к Нвард Туманян, написанном из Петербурга во второй половине октября 1914 г. Терьян узнал от находившегося в Москве сына поэта Артавазда, что его отец собирается в Петербург и Москву для встречи с российским императором. Об этом же сообщал Терьяну и Погос Макинцян¹. В упоминавшемся письме Терьяна к Нвард Туманян читаем: «Артик в Москве говорил, что возможно Иван Фадеевич приедет в эти края, а я здесь получил письмо от Паоло (речь о Погосе Макинцяне – С.О.), в котором он пишет, что Иван Фадеевич должен приехать, чтобы предстать перед императором»². В том же письме указываются и другие цели поездки Туманяна – организовать сбор пожертвований для бедствующего западноармянского населения и для противостояния всевозможным опасностям, которые таит в себе разразившаяся война. Терьян пообещал сопроводить поэта.

Возможно также, что сделанное Ов. Туманяну предложение отправиться в Петербург и Москву прямо или косвенно было связано с разработанными в октябре 1914 г. программами тифлисского Армянского Национального бюро и функционировавшего под его эгидой и патронажем «Центрального комитета, помогающего пострадавшим от войны». Туманян становится членом этого комитета, и его общественно-патриотическая деятельность в 1914-1915 гг. самым непосредственным образом связывается с работами этой организации. Учредительное собрание комитета состоялось 5 октября под председательством епископа Месропа Тер-Мовсисяна. Избирается центральный комитет во главе с Самсоном Арутюняном. А вице-председателем становится богатый благотворитель Константин Алиханян. Обязанности казначея возлагаются на Г.Цурияна. Кроме выборов руководящего органа, на учредительном собрании принимается следующее постановление:

Просить католика специального кондаком (официальное послание армянского католика – С.О.) призвать армянское население содействовать комитету для осуществления его цели.

Обращаться ко всем обществам и частным лицам, прося их помогать комитету.

Просить провинциальную интеллигенцию помогать городским органам самоуправления³.

Намерение Национального Бюро командировать Ованеса Ту-

---

¹ Это письмо Макинцяна в архиве Терьяна не сохранилось.

² Ваан Терьян, Собр. Соч. в 4-х тт., т. 4, Ер., «Советакан грох», 1979, с. 164 (на арм. яз.).

³ «Оризон», 1914, N222, 8 октября, с. 3. О состоявшемся 12 октября втором собрании комитета см. там же, N228, с. 3-4.

Туманяна в Россию оставалось в силе вплоть до весны 1915 г. Упоминание об этом находим в письме Туманяна Филиппосу Вардазаряну за 19 апреля 1915 г. «Меня хотели отправить в Россию – вести переговоры, а также организовать сбор пожертвований; я должен был приехать в Москву, но мои личные проблемы не дают мне возможности слишком отдаляться от дома» (10, 224). Это признание свидетельствует, что согласие Туманяна поехать в Россию было связано с тем, что его собирались командировать армянские «официально-политические» учреждения, а говоря о своих «личных проблемах», поэт имел в виду свои бесконечные семейные заботы, а также тяжёлое материальное положение. Поскольку нет достоверных сведений о том, почему именно эта командировка не состоялась (единственный источник – данное письмо Туманяна Филиппу), тем не менее, уже одно то, что его имя фигурировало в небольшой делегации Это означало, что, независимо от «командировки» Национального Бюро, от согласования с ним политических программ, поэт должен был поехать в Россию на свои средства, а это в то время было совершенно невозможно. Поэт ещё не погасил те свои долги, которые накопились у него в процессе судебного разбирательства, чтобы доставить всех свидетелей защиты из Кавказа и других мест в Петербург.

Несмотря на то, что поездка Туманяна и его встречи с Николаем Вторым и другими высокопоставленными должностными лицами Российской империи так и не состоялись, тем не менее, уже одно то, что его имя фигурировало в небольшой делегации, которой предстояло отправиться в Россию с указанной целью, свидетельствует об очень большой авторитетности поэта как национального, политического и общественного деятеля.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

ПОЕЗДКА ТУМАНЯНА В БАКУ

В годы Первой мировой войны некоторые деловые поездки Ованеса Туманяна осуществлялись в рамках деятельности Армянского национального бюро.

Армянское национальное бюро было создано в Тифлисе 30 октября 1912 г. на учредительном собрании представителей армянонаселённых регионов Российской империи, с участием делегатов из Тифлиса, Еревана, Баку, Ахалциха, Нор-Нахиджевана, Армавира,

Батума и других городов¹. На собрании было избрано временное бюро из семи человек, так называемый центральный комитет, в составе которого были Ованес Туманян, Самсон Арутюнян, Александр Хатисян, Александр Калантар, Амбарцум Аракелян, Аветик Погосян, Никол Агбальян. Председателем избирается Самсон Арутюнян, который был давним другом Ов.Туманяна.

В национальном бюро Ованес Туманян был единственным писателем. Вместе с другими членами бюро он должен был заниматься текущими делами и должен был готовить созыв нового съезда. Вторым съезд состоялся 25 ноября 1912 г. На этом съезде состав Национального бюро расширяется, и коллегами поэта становятся врач Степанян, Аршак Джамалян, Лео, Х. Африкян, А. Аргутян, А. Абе-лян, А. Саакян и другие². Таким образом, как уже было отмечено выше, в Национальном бюро были представлены почти все политические партии и общественные организации. Участие Туманяна в работе Бюро в определённой степени объясняется также этим обстоятельством.

Ованес Туманян был единственным писателем в Национальном Бюро. Позднее, 22 февраля 1915 г., когда был создан новый, реорганизованный центральный комитет из пятнадцати членов, поэт снова был включён в его состав и оставался в нём вплоть до его ликвидации. В задачи Бюро входило также организовывать между-

---

¹ В составе Национального Бюро или Тифлисского Национального центрального бюро (октябрь 1912 г. – октябрь 1917 г.) доминирующее положение занимала партия Дашнакцутюн. Кроме всего прочего, Бюро занималось также вопросами размещения беженцев из Западной Армении, обеспечивало их продовольствием. После Февральской революции 1917 г. собрание представителей армянских политических направлений (Тифлис, март-июнь 1917 г.) сочло необходимым незамедлительно создать временный орган, которому предстояло заниматься организацией национальных проблем и их руководством, и который в случае необходимости выступал бы в качестве выразителя стремлений и интересов армянского народа. Было также сочтено целесообразным создать подобный орган и при Национальном Бюро, не отдавая в нём предпочтения ни одной из политических партий и течений. Армянские большевики не признавали Национальное Бюро и выступали с необоснованными обвинениями против него. После создания Армянского национального совета (октябрь 1917 г.) Национальное Бюро прекратило своё существование.

² Съезд постановил оказывать содействие Католикосу всех армян Геворгу Пятому в деле установления связей с патриаршеством Константинополя, а также с армянскими духовными и политическими органами Эчмиадзина, Парижа и Санкт-Петербурга в целях представления Армянского вопроса, всячески пропагандировать Армянский вопрос в общественных и правящих кругах России. С целью озвучивания Армянского вопроса в странах Европы руководителем созданной национальной делегации был назначен Погос Нубар Паша. См. Национальный архив РА, ф. 222, оп. 1, д. 24, л. 25.

народную помощь армянскому населению Западной Армении. Другой задачей Бюро было достичь решения Армянского вопроса, воспользовавшись благоприятной ситуацией, возникшей в результате Балканской войны 1912-1913 гг. Если первоначально Национальное бюро занималось пропагандой Армянского вопроса, то после начала Первой мировой войны оно стало всячески содействовать созданию армянских добровольческих отрядов и групп для участия в сражениях на Кавказском фронте.

Судя по всему, Ов. Туманян время от времени имел разногласия с другими членами Бюро и вступал с ними в спор; об этом мы узнаем из свидетельства полковника Андраника Озаняна, который, говоря о русской ориентации поэта, сообщает: «Туманян с его дальновидностью понял и осознал, что армянский народ ввиду его географического положения должен связывать свою политическую судьбу с русскими. Не следует возлагать надежды на помощь и содействие с другими, дальними странами. Туманян остался в Национальном бюро и боролся с тёмными и невежественными силами, до конца оставаясь поборником своих политических убеждений; его не заботило то, что члены бюро восставали против него...»¹.

Своим указом от 23 июля 1914 г. Николай Второй разрешил формировать национальные, в том числе и армянские, добровольческие группы и отряды. Армянские добровольческие отряды могли оказать реальную помощь в деле продвижения русских войск на Кавказском фронте, в направлении Западной Армении, во имя её освобождения от многовекового турецкого ига. После царского указа начались переговоры Армянского национального бюро с царским наместником на Кавказе Воронцовым-Дашковым. В результате этих переговоров стали формироваться армянские добровольческие отряды. Одновременно начался приток на Кавказ десятков тысяч армянских добровольцев из самых разных мест.

Россия не могла рассчитывать на формирование добровольческих отрядов из западноармянского населения. И не только по той причине, что это были турецкие подданные, граждане Турции, но и потому, что Турция своей дальновидной политикой заблаговременно пресекла подобный возможный ход развития событий и лишила армян возможности сопротивляться. Во-первых, всех армян мужского пола независимо от возраста призывали в турецкую армию, затем начали разоружать и уничтожать их. Точно так же турки поступили и с греками. Армян переводили из фронтовых районов в тыл, использовали их как рабочую силу в специально сформированных рабочих отрядах.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 551.

Разоружённым мужчинам поручалась самая тяжёлая работа: строительство дорог, мостов и укреплений, перемещение грузов. Затем измождённых, изнурённых непосильным трудом и постоянным недоеданием армянских солдат вывозили группами в 50 или 100 человек под военным или полицейским конвоем из места их дислокации и уничтожали. Поэтому Россия могла надеяться только на содействие населения Восточной Армении, которое изъявляло готовность и желание принимать участие в боевых действиях. Ввиду этого по специальному распоряжению была объявлена амнистия армянским политическим и общественным деятелям и видным представителям национально-освободительного движения, которые также были интегрированы в это крупное общенародное начинание.

Россия решает привлечь к делу формирования армянских добровольческих отрядов народного героя, одного из лидеров национально-освободительного движения армянского народа, впоследствии генерал-лейтенанта русской армии Андраника. Во время Балканской войны 1912 г., в совместной борьбе болгар, сербов, греков, македонцев против турецкого господства, полководец Андраник¹ неоднократно отличался своей храбростью и самоотверженностью, своими героическими подвигами. Вокруг его имени уже сплетались легенды, и армянский полководец к тому времени уже имел множество наград, в том числе Серебряный и Золотой Крест, а также «Крест за отвагу». Большую известность Андранику снискали его героические действия в Шапи-Гарахисаре, Сасуне, где он возглавил крестьянское восстание. В районе церкви Сурб Аракелоц Андраник разбил наголо и обратил в бегство значительно превосходящую по численности регулярную турецкую армию. Имея в виду боевую славу полководца и всенародную любовь к нему, российское военное начальство шифрованной телеграммой вызвало Андраника из Варны, и после того как он прибыл в Тифлис, 12 августа 1914 г., узаконило армянское добровольческое движение, которое с 23 июля находилось в стадии формирования.

Перед главнокомандующим Кавказского фронта генералом Ал. Мышлаевским и его помощником Юденичем Андраник предстаёт в сопровождении епископа Месропа, Акопа Завриева и градоначальника Тифлиса Ал. Хатисяна. Андраник обещает русским генералам присоединиться к их армии со своими четырьмя форми-

---

¹ **Андраник Торосович Озаян** (25 февраля 1865 — 31 августа 1927) — один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX веков, национальный герой армянского народа. Национальный герой Болгарии. Также известен как полководец Андраник, Зоравар Андраник), Генерал Андраник (на Западе) и Андраник-паша (на Востоке). Генерал Русской Армии (1918 г.).

рованиями, каждое из которых состояло из тысячи воинов. Полководец Андраник, согласно предварительной договорённости с русскими военачальниками, должен был не только принять командование одним из добровольческих отрядов, но и выполнять миссию советника русского командования в ходе боевых действий.

Для русской стороны формирование добровольческих отрядов и их боевые действия имели очень важное значение. Роль армянских отрядов трудно переоценить, в особенности с учётом географического положения, знания языков. По этой причине русские власти не скупились на неопределённые и ни к чему не обязывающие обещания о предоставлении автономии армянскому населению Западной Армении. Армянские национальные партии, общественные организации и вся передовая интеллигенция, поверив имперским заверениям и не имея никакой иной альтернативы, приступили к активным действиям. В Российской империи к началу мировой войны проживало более двух миллионов армян (точнее – два миллиона пятьдесят четыре тысячи), и в царскую армию были призваны 250 тысяч армянских юношей.

Для формирования армянских добровольческих отрядов и обеспечения их оружием и боеприпасами был создан военный совет, представители которого стали проводить широкомасштабные рекрутские действия во многих армянонаселённых местах, а Армянское национальное бюро имело свои подразделения в Москве, Петербурге, Нор-Нахиджеване, Мариуполе, Баку и других городах. Ощутимую материальную помощь армянскому добровольческому движению оказали армянские комитеты Москвы, Петербурга, Баку, Тифлиса, а также Нью-Йорка, Парижа, Лондона, а оружием и обмундированием помогло царское правительство.

Добровольцы прибывали из разных городов России, Болгарии, Румынии, США и других стран. Число желающих записаться в солдаты и как можно скорее отправиться на фронт значительно превзошло все ожидания. Так, в сентябре 1914 г. уже были сформированы четыре армянских добровольческих отряда. Командирами были назначены Андраник (1-й отряд, который был сформирован в Салмасте), Драстамат Канаян (Дро, 2-й отряд), Амазасп Срвандзтян (3-й отряд, сформирован в Кагзване), Керы (Аршак Гафавян, 4-й отряд, сформирован в Сарикамыше). Позднее были сформированы 5-й отряд (командующий – А. Джанполадян), а в 1915 г. – также 6-й и 7-й отряды. 6-й отряд возглавил Григор Авшарян, которого после его гибели в январе 1915 г. сменил Гайк Бжишкян (Гай). 7-й отряд сформировался осенью 1915 г. и во главе его встал Овсеп Аргутян.

К концу 1915 г. общее число армянских добровольцев приблизилось к десяти тысячам. В 1915-1916 гг. добровольческие отряды

оказали весьма ощутимое содействие русским войскам.

Наиболее крупным добровольческим формированием был 1-й отряд под командованием Андраника – около 1200 солдат, тогда как в других трёх отрядах было по 400 бойцов. Ещё 600 добровольцев насчитывалось в запасном подразделении, которое возглавлял Ханасори Вардан. Армянские добровольческие полки, в отличие от воинских формирований, являлись самостоятельными, автономными воинскими частями, независимыми армейскими единицами.

Для армян это добровольческое движение носило патриотический характер: его целью было при поддержке действовавшей на Кавказе русской армии освободить Западную Армению от турецкого ига. Ованес Баграмян также утверждает, что шесть добровольческих отрядов и 7-я запасная воинская часть вошли в состав русской армии «с целью освобождения Западной Армении»¹. Между тем царское правительство преследовало только свои политические интересы – как на Ближнем Востоке, так и в Западной Армении. Россия была уверена в чувстве симпатии армянского народа и в заветные национальные устремления, связанные с возможностью освобождения исторической родины от векового врага. Именно это обстоятельство и пыталась использовать Россия для своей выгоды.

Формирование и комплектование добровольческих отрядов продолжалось. С этой целью в первые дни ноября 1914 г. Туманян едет в Баку². Несмотря на то, что причины и цели поездки поэта не афишировались, но можно не сомневаться, что он отправился в Баку для оказания поддержки армянскому добровольческому движению и организации сбора пожертвований. Как всенародно известный поэт и пользующийся огромным доверием и авторитетом общественный деятель, он стремился вселить веру и надежду в освобождение Западной Армении, заражая народ своим жизнеутверждающим оптимизмом, заряжая его силой и энергией, необходимой для противостояния предстоящим трудностям и испытаниям.

Конечно же, независимо от целей и задач, поездка Туманяна в Баку не могла оставить равнодушными армянских детей-бакинцев. Разумеется, поэт не мог принять все их приглашения, однако из корреспонденции в бакинской газете «Арев» за 3 ноября 1914 г. узнаём, что писатель посетил бакинскую армянскую гимназию Рипсимян, где его радушно встретили представители попечительского

---

¹ См. **И.Х.Баграмян**, «Мои воспоминания», Ер., изд-во «Айастан», 1979, с. 21.

² В Тифлисе эта информация была опубликована только 7 ноября, однако о подлинной цели поездки поэта в Баку в ней не было сказано ни слова. См. «Оризон», 1914, N248, 7 ноября.

совета, учителя, «стоявшие в коридорах парами многочисленные школьницы, в руках у многих из которых были букеты свежих цветов, чтобы преподнести своему любимому поэту»¹. «И как только поэт появился на пороге перед дверью, – продолжает автор корреспонденции, – вся школа всколыхнулась от приветственных возгласов»². Поэта приветствовал исполнением гимна школьный хор под руководством А.Маиляна. Затем прозвучали отрывки из оперы «Ануш» и «Моя песня» на стихи Туманяна. С приветственным словом к поэту обратился инспектор гимназии, а учащиеся выступили с чтением его произведений³. Почти дословно приведённый в печати отрывок из выступления Ов.Туманяна не попал в десяти томное Полное собрание его сочинений, и поэтому мы приводим его здесь целиком, как его изложил корреспондент газеты «Арев». Обратившись к школьникам, Туманян сказал: «Вдохновителем армянского писателя, армянского поэта сегодня должна быть армянская школа. Сказано: воспитать мальчика – значит воспитать человека, а воспитать девочку означает воспитать мать, воспитать семью... Необходимо строить новые дома на руинах веков, и родную речь всегда нужно бережно хранить. Ваши учителя ведут вас не завоёвывать страны, новые земли, а добиваться духовных завоеваний, и они открывают перед вами двери просвещения. Армянский писатель, армянский поэт всегда воодушевляется, видя то строение, над которым будет трудиться всё поколение»⁴. Как отмечается в названной корреспонденции, «учащиеся, воодушевлённые словами своего сердечного друга, снова всколыхнули школу приветственными возгласами»⁵.

3 ноября 1914 г. поэт пишет и через два дня публикует в газете «Арев» стихотворение «Последняя тревога». В этом стихотворении Туманян, сказав о совместной борьбе армянских и русских воинов против Турции – «старого дракона», опосредованно призывает не поддаваться на провокации, поскольку надежду на спасение он видел в национально-освободительной борьбе армянского народа при поддержке России. На борьбу «со старым драконом» вышел армянский воин, храня в душе «древние надежды и вековое волнение», и вместе с ним – «северный орёл», который, летя над армянскими горными вершинами, должен был вести за собой «судьбу и будущее армянина».

---

¹ «Арев», Баку, 1914, N173, 3 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В этот момент помощь России – «северного орла», виделась поэту довольно реальной и осуществимой, а подвиги и победы Андраника и армянских добровольцев на полях сражений становились для него источником оптимизма и веры в близость и возможность конечной победы. Примечательно, что в первом научном издании собрания сочинений поэта стихотворение «Последняя тревога» было опубликовано без третьей и пятой строф. Сегодня трудно утверждать наверняка, в чём именно кроется причина этого: в нежелании издателей представить эти строки массовому читателю, тем самым защитив Туманяна от возможных нападков и очередных обвинений в националистических настроениях, или же эти строки вырезала ножницами цензура. Однако очевидно, что в третьей строфе речь идёт о судьбах наших западноармянских братьев («полумёртвые страдалцы»), об армянских добровольческих отрядах («самоотверженные группы»), о нашем накопившемся многовековом гневе и борьбе.

Концовка стихотворения, в которой говорится о том, что «северный орёл» сыграет решающую роль в исторических судьбах армянского народа, в его завтрашнем дне, вызывает ассоциации с концовкой публицистической статьи поэта «Третий удар». В статье возможность решения неразрешимого «Армянского вопроса» также связывается с северным великаном. «Третьим ударом северный великан – великая Россия – решает старый, кровавый вопрос армянского народа, обеспечивает его будущее и ведёт его к братству свободных народов» (7, 159).

Без вышеупомянутых двух строф остаётся не совсем понятным, кто же этот «старый дракон», против которого вышел сражаться армянский воин, хранящий в душе «древние надежды и вековое волнение», и спешащий ему на помощь «северный орёл», которому суждено сыграть важную роль в судьбе армянского народа, в его будущем. Эти же настроения выражены в статье «Древнее слово», которую поэт написал, по всей вероятности, в эти же самые дни, хотя она была опубликована в иллюстрированном литературно-художественном приложении к «Оризону» от 23 ноября 1914 г.¹

Весть о пребывании Ов.Туманяна в Баку в газетах Тифлиса публикуется с большим опозданием, только 7 ноября, причём авторы корреспонденций старательно обходили вопросы, связанные с действительными политическими целями и задачами поездки, и подчёркивали только посещение писателем гимназии и оказанный ему исключительно тёплый приём².

¹ См. «Оризон», 1914, приложение N2, 23 ноября.

² «Оризон», 1914, N248, 7 ноября.

В завершение остаётся только добавить, что поездка Туманяна в Баку вызвала большое воодушевление у всего армянского населения города, и писатель преуспевал как в организации сбора пожертвований в пользу западноармянских беженцев, так и в формировании армянских добровольческих отрядов. В этом смысле, конечно, важную роль сыграло его воодушевлённое выступление на встрече с армянской общественностью. Во многом благодаря Туманяну 5 ноября из Баку на фронт отправилась большая группа армянских добровольцев¹.

Вернувшись в Тифлис, Туманян начинает готовиться к новой поездке, на этот раз уже не в тыл, а в самое пекло военных действий – на Кавказский фронт.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

В 1914 году Ов. Туманян собирался поехать в Ани, чтобы обогатить хранилище древних рукописей (матенадаран) города как своими художественными произведениями, так и новыми арменоведческими книгами, а также чтобы вновь приобщиться к древним манускриптам армянской письменной культуры. Однако это намерение поэта в очередной раз сорвалось. Начавшаяся мировая война внесла свои коррективы в относительно размеренный ритм жизни поэта, расстроила все его планы и своим ужасным шествием подвергла смертельной опасности физическое существование его родины и армянского народа. Вместо намечавшейся поездки в Ани поэту пришлось в течение восьми месяцев (с ноября 1914 г. по июль 1915 г.) два раза отправиться в Западную Армению, в страну Васпуракан, в зону боевых действий, «в мир руин и трупов». Поездки эти он совершил по собственной инициативе и в рамках деятельности Армянского национального бюро.

Важным источником, повествующим о первой поездке поэта, являются его дневниковые записи, а также написанные с фронта и сохранившиеся три письма, отправленные семье и Филиппосу Вардазаряну. Важные факты и подробности находим также в очерке Ширванзаде «Из мест войны».

Первая поездка Ов. Туманяна в Западную Армению была связана с деятельностью армянских добровольческих отрядов.

Как уже отмечалось, в начальной стадии войны политика, которую вела Россия на Кавказе, была двойственной, в каком-то смысле – двуличной. Еще до начала войны, 23 июля 1914 г., царское правительство приняло решение о пополнении русской армии ино-

---

¹ Там же, N252, 12 ноября.

национальными добровольческими формированиями, имея целью привлечь армян-добровольцев, вооружить и обмундировать их и при их деятельном содействии занять Западную Армению. После того как это решение было обнародовано, начались переговоры Армянского национального бюро с царским наместником на Кавказе Воронцовым-Дашковым. В результате были сформированы армянские добровольческие отряды.

Для армян это движение носило ярко выраженный патриотический характер, поскольку его главной задачей и целью было освобождение Западной Армении от турецких завоевателей, поэтому армяне готовы были всячески помогать русской армии, в которой они видели своего союзника и спасителя.

Оказывая содействие созданию добровольческих отрядов, русское правительство вместе с тем препятствовало их деятельности, беспокоясь по поводу возможного требования автономии со стороны армян. Конечно, беспокойство это не было беспричинным и необоснованным. По свидетельству будущего маршала Ованеса Баграмяна, созданные шесть добровольческих отрядов и седьмое запасное воинское подразделение вошли в состав русской армии «с целью освобождения Западной Армении»¹.

С одной стороны, из уст царского наместника звучали многочисленные обещания; с другой стороны, в российских официальных кругах распространялись клеветнические измышления и сплетни о самоотверженно сражавшихся за родину повстанцах. То есть делалось всё, чтобы дискредитировать армянских добровольцев и армянское население. Распространялись ложные слухи, что якобы армяне плохо сражаются, плохо обращаются с турецким и курдским населением, грабят его, что армяне не подчиняются русскому командованию, что, притворяясь ранеными, они позорным образом обращаются в бегство, что приграничные армянские сёла укрывают их и т.д. То есть армянские воины выглядели «сепаратистами», «автономистами».

Первые армянские добровольческие отряды отправились на передовую в ноябре 1914 г. Отряд Андраника сражался в направлении Хой-Дилман-Ван, отряд Дро (Драстамата Канаяна) – в направлении Игдыр-Баязет-Беркри-Ван, третий отряд – в направлении Кагзван-Алашкерт-Маназкерт-Багеш, 4-й отряд – в направлении Сарикамыш-Эрзрум. Армянские добровольцы, как это неоднократно отмечали очевидцы, сражались храбро и самоотверженно.

Однако, как мы уже отметили, цели и задачи царской России были совершенно иные и носили неприкрытый геополитический

---

¹ И.Х.Баграмян. Мои воспоминания. Ер., Изд. «Айастан», 1979, с. 21.

характер. Ей необходимо было использовать армянские добровольческие отряды, чтобы осуществить свои завоевательские, захватнические планы. Известно, что 5 апреля 1915 г. командующий Кавказским фронтом генерал-лейтенант Н. Н. Юденич обратился к наместнику на Кавказе И. И. Воронцову-Дашкову с предложением отправить из России в занятую русскими войсками Алашкертскую долину крестьян, которые должны были подготовить земли и пастбища для ее последующего заселения русским населением. Своим приказом от 7 апреля Н. Н. Юденич запретил местным жителям, армянам, не только заниматься сельскохозяйственными работами в Алашкертском, Диадинском и Баязетском округах, но и вернуться к своим родным очагам¹.

НА ПЕРЕДОВУЮ

Необходимость выяснения, уточнения причин и побудительных мотивов предвзятого отношения русских генералов вынудила руководство Армянского национального бюро и Католикоса сформировать по выбору председателя Бюро Месропа Тер-Мовсисяна группу из видных армянских духовных лиц и представителей интеллигенции и отправить её на фронт. В составе группы были М.Тер-Мовсисян, Ов.Туманян, Ширванзаде, епископ Хорен Мурадбекян (впоследствии католикос), инспектор Нерсисянской гимназии Овсеп Хунунц, Смбат Хачатрян (впоследствии мэр Еревана), священник Никогайос Бавоян (Тер Никол). Самсон Арутюнян предоставил Туманяну для этой поездки своё пальто.

Группа выехала из Тифлиса 15 ноября и вернулась 15 декабря. Предполагалось проехать через Игдыр и Карс в район Баязета, в долину Алашкерта, Басен, Делибаба, Хорасан, Зивин, Сарикамыш, Александрополь. Целью поездки было побывать в тех местах, где сражались армянские добровольцы, лично удостовериться, что происходит на самом деле на фронте. Именно во время этой поездки Туманян, встретившись и пообщавшись с некоторыми русскими офицерами и генералами, впервые узнаёт о вопиющих фактах несправедливого, предвзятого отношения высокопоставленных русских военных к армянам.

В Игдыре офицер запаса, прапорщик Аршо Шаххатуни сообщает, что генерал Пётр Огановский готов в любое время принять членов делегации. 18 ноября с 10 часов утра Туманян дважды встречается и беседует с командиром корпуса, генерал-лейтенантом рус-

---

¹ Лео. Из прошлого. Воспоминания, документы, суждения. Тифлис, 1925, с. 321-323 (на арм. яз.).

ской армии Огановским. Первая беседа проходит в присутствии генерал-лейтенанта Владимира Ляхова, который на протяжении всего разговора хранит молчание. Ляхов в годы Первой мировой войны был главным генералом штаба Первой армии, а в 1917 г. – командиром Первого Кавказского корпуса. Он был убит в Батуме неизвестными лицами. Туманян писал о нём в своих дневниках: «Ляхов – известный по Тегерану Ляхов. Он армяноненавистник и не скрывает этого» (8, 351). Это был первый случай, когда Туманян использовал определение «армяноненавистник» применительно к русскому генералу, и ему предстояло в последующие годы довольно часто повторять его, характеризуя других высокопоставленных военных русской армии. На протяжении всей беседы, хотя Ляхов и хранил молчание, но у него было такое выражение лица, которое со всей очевидностью выдавало его высокомерное отношение. Туманян заметил, что адъютант Огановского Азол (Озол) положительно относился к армянам, а «Ляхова совершенно не любил». По утверждению Туманяна, «епископ Месроп вёл беседу с большим тактом»¹. 48-летний Огановский внешне принял армянскую делегацию довольно «любезно». Он сразу же поручил Шаххатуни сопровождать группу в качестве телохранителя до Арцапа. Огановский отдавал явное предпочтение храбрости и боевым качествам русских солдат, когда же разговор касался армянских добровольцев, он проявлял определённую дипломатичность: подчёркивая некоторые их достоинства и преимущества, не опровергал при этом распространяемые лживые слухи, давая тем самым понять, что они соответствуют действительности. По его утверждению, русская сторона предоставила в распоряжение армянских повстанцев Игдыра 900 винтовок, «400 винтовок Мосина, 500 берданок», причём последние были выданы для бесплатной раздачи с целью самозащиты, а некоторые из армянских добровольцев якобы «продавали их в окрестностях Сурмалу по десять рублей за штуку». По этой причине было сделано замечание начальнику армянского штаба в Игдыре Сааку и было начато расследование для выявления хозяев берданок. Огановский признавал важное значение армянских повстанческих групп; то, что они хорошо знали местность и язык населения, благодаря чему они и приносили пользу русским войскам, однако в присутствии Ляхова выражался по возможности сдержанно.² Огановский высоко оценивал роль генерала Андраника, его мужество и опыт, и именно с ним связывал надежды на взятие Вана. Однако даже сдержанная оценка, даваемая Огановским армянским повстанцам, вызывает нескрывае-

---

¹ Там же.

² См. литературный альманах «Дзитени», Тифлис, 1915, с. 10 (на арм. яз.).

мое неудовольствие и возмущение его коллеги Ляхова, и он открыто выражает своё недоумение по этому поводу.

Вторая встреча с генералом Огановским происходит в тот же самый день в Игдыре, когда Огановский вместе со своим адъютантом Бекдабековым навещает с визитом армянскую делегацию. На этот раз генерал пытается выглядеть более доверительно; желая подчеркнуть свою объективность и непредвзятость, он упоминает о своём армянском происхождении, говоря: «Я искренне симпатизирую армянам... Знаете, в моей крови также есть немного «Карапета»». ¹ Он снова заверяет, что относится к армянам с большой симпатией, и выражает желание, чтобы проблемы «турецкоподанных армянских братьев» были окончательно решены. Вечером Туманян посещает армянских добровольцев, встречается с сотней армянских повстанцев, которым предстояло соединиться с отрядами бойцов, сражавшихся на передовой линии фронта. Среди них были как опытные воины, принимавшие участие в русско-японской войне, так и «безусые, безбородые студенты», ремесленники и рабочие. Был среди них и известный в своё время русский оперный певец Волгин, ² который разъяснил членам делегации, что приехал сражаться за свободу маленького многострадального армянского народа. Была на встрече и студентка, сестра милосердия Сатеник Погосян, которая через несколько дней у Сарикамышы вместе с составом санитарного поезда должна была попасть в руки турок и чудом спастись – после нескольких дней отчаянной борьбы.

В тот же день, 19 ноября, по дороге в Оргов, куда делегация отправилась на девяти лошадях, Туманян встречается с верблюжьими караванами, везущими военное продовольствие. Чтобы избежать соседства с караванами, один из проводников меняет маршрут, и группа оказывается в заболоченной местности. Туманян, Ширванзаде и Хунунц были вынуждены слезть с лошадей и провести их через топь. Вместе с делегацией в трясине оказывается также целый верблюжий караван. Можно только предположить, каким невероятным страданиям подвергся часто болеющий, легко простужавшийся поэт за те три с половиной часа, проведённые в холоде и сырости, пока им, наконец, удалось выбраться из трясины и взобраться на вершину Оргова. Это был крайний пограничный пункт, удерживаемый русскими военными. Там они встречаются с Арш. Шаххатуни и десятью русскими бойцами, которые выражают удивление, что армянской делегации удалось пройти через болота

---

¹ Там же.

² Волгин – псевдоним певца Сергея Собинова (1876-1927), родного брата Леонида Собинова (1872-1934).

без потерь. Туманян и другие члены комиссии оказываются очевидцами ареста одного местного армянина, который с использованием полученного для самозащиты оружия собирался везти на продажу рыбу из Игдыра в Баязет. Разъярённый командир грозился доложить об этом генералу – с тем чтобы «армян разоружили».¹

Переходя горный перевал Чингиля (Каркар) в условиях снежной бури, по обе стороны дороги делегация видит погибших лошадей и волов, а также караваны верблюдов. Шагая по оставленным на снегу верблюжьим следам, группа видит то самое место, где впервые произошло вооружённое столкновение между русскими и турками.

В полдень, в половине первого, делегация добирается до турецкой таможенной станции Кара, которую русские переименовали в Каре. Покидая станцию, турки успели разграбить казну и привести в негодность, «испортить» водоканал. Станция к тому времени служила временным пристанищем для раненых и больных воинов, которых переносили с поля боя без носилок. Туманян посещает служившее «госпиталем» полуразрушенное строение с земляным полом и замшелыми сырыми стенами. Поэт отмечает, что «вокруг ближайших курдских поселений обработанных земель нет. Вспашка и засев оставлены армянским крестьянам» (8, 355).

Ничто не остаётся вне пределов его внимания: ни стаи куропаток, ни жалкие, превратившиеся в руины курдские поселения, в которых остались только заготовленные на зиму дрова, ни развалины дворца Ахмада-аги, ни разруха и грязь вокруг. А по наблюдению Ширванзаде, «грешно называть эти берлоги человеческим жилищем. Это, скорее, серые кучки навороченных камней, которые издали производят впечатление кладбища».² Туманян вместе с другими членами группы сходит с лошади и заходит в какое-то низенькое и полуразрушенное строение, где их встречают удивлённые русские офицеры и врач-еврей. Дорога в Арцап проходила мимо курдского села, близ которого произошло второе сражение русских воинских частей с турецкой регулярной армией, состоявшей из гамидиевских³ солдат и 1500 аскеров. Потерпев сокрушительное пора-

---

¹ Ширванзаде, Собр. соч. в 10 тт., т. 9, с. 111 (на арм. яз.).

² Там же, с. 115.

³ Гамидие (тур. Hamidiye, в буквальном смысле означает «принадлежащие Хамиду») – хорошо вооружённые нерегулярные курдские и карапахаские кавалерийские формирования, которые действовали в восточных районах Османской империи. Учреждены и названы в честь султана Абдул-Гамида II в 1890 году. Гамидие были созданы по примеру русских казаческих формирований для патрулирования русско-турецкой границы. Однако Гамидие чаще использовались османскими властями для преследований и нападений на армян в Западной Армении.

жение, турки в течение нескольких часов отступили из этого места в район Диадина, а курды, успев разграбить Арцап, скрылись в горах. Преодолев за шесть с половиной часов расстояние в 32 версты, снова попав в болотистую местность, армянская делегация во второй половине 20 ноября добирается до Арцапа, где в сознании поэта запечатлевается построенная на возвышенности древняя церковь со своим большим изогнутым куполом, а также исходящий из села дым.

Арцап стал первым западноармянским селом, куда ступила нога Туманяна. Он увидел крепость, окружённую полуразрушенными стенами, разрушенную церковь Св. Григора, а также Цахкаванк, который процветал вплоть до конца XIX века. Женщины и дети вышли из домов, чтобы встретить незнакомых гостей. В селе не было школы, всюду царила нищета. Каждый дом имел от тридцати до девяноста наделов земли. Узнав о продвижении русского войска, арцапцы поначалу обрадовались, поскольку в их селе находились 1500 турецких солдат. Застигнутые врасплох, турки-гамидиевцы успели перед бегством разграбить армянскую церковь и несколько армянских домов, увели с собой восемьдесят голов крупного рогатого скота, а также многое из того, что встречали по дороге. Турки захватили в плен 90 армянских воинов, 82-м из которых удалось бежать. Русские почти всем арцапцам раздали ружья, однако жители села были недовольны. Причины были вполне понятны: русские солдаты проживали в домах армян, в которых комнаты были «маленькие, тесные и бедные» (8, 355). Солдаты бесплатно использовали все запасы дров, а дровесины в селе не было, дрова приходилось привозить из Игдыра. Столь же быстро расходовались другие виды топлива, в том числе коровяк, а также корма для скотины – высушенная трава, сено. И если бы не поступило помощи извне, то «народ натерпелся бы из-за холода, а скотина вся погибла бы» (8, 355).

Однако жители были недовольны не столько усугублявшимся из-за русских военных бедственным положением, что в те роковые дни стало для них обычным явлением, сколько причинением беспокойства их женщинам. «В каждом доме живут солдаты, вместе с семьёй, – пишет поэт. – Жалуются, что трогают женщин. И керосина нет, бывает темно» (8, 355). Но в глазах поэта женщины выглядели достаточно смелыми. О посягательствах на честь армянских женщин со стороны русских солдат свидетельствует в беседе с Туманяном житель армянского села Горганан, которого прозвали Орманом – в честь католикоса Магакя Орманяна. «Орман рассказывает, что солдаты, действительно, приходя ночью, заходят замёрзшие и залезают к ним в постель, но это частные случаи» (8, 355).

Примечательно, что об этих случаях свидетельствовал армянин, который пользовался доверием и уважением среди русских.¹

Во время путешествия самое угнетающее впечатление производили рассказы очевидцев об изнасилованиях армянских женщин. В дневнике Туманяна читаем: «Изнасилования женщин повсюду, без разбора – курдиянок, турчанок и армянок, совершались в ужасающих размерах – отступая, насиловали гамидиевцы, затем казаки, до сих пор, потом все без исключения погромщики. Хачатур говорит: своими глазами видел, жёны известных людей в Мосуне просто лежали и не могли встать, их настолько насиловали, подряд, по меньшей мере, 40 человек; в Диадине были слышны вопли женщин. А в домах армян солдаты и казаки спят вместе с хозяевами. И все деревни переполнены» (8, 377).

Армянской группе в Арцапе было предоставлено большое помещение с земляным полом, глиняными стенами, овальным деревянным потолком, железной печкой. Измождённым от дороги, от холода и выюги членам комиссии эта комната показалась залом, «царской гостиной», тем более, когда им подавали чай в маленьких чашечках для вина. Пришёл старый приходский дьякон и стал рассказывать о грабежах и бесчинствах, которые чинили вначале турки, затем курды. Безоружные молодые армяне были вынуждены скрываться в горах. К счастью, погромщики не убили женщин и детей. Затем пришли русские. Армяне открыли свои закрома и ничего не жалели для них, хотя к этому времени у них не было ни пшеницы, ни овса и сена, не говоря уже о топливе.

Русские грабили как напрямую, в открытую, так и в форме вымогательства. Они конфисковывали продовольствие и выплачивали мизерную часть его стоимости. Туманян пишет о следующем приказе командира размещённых в Караклисе и Таглиджане полках Волжской и Тверской казаческой армии полковника Тускана и его помощника Цугулуева: «Брать овёс в виде реквизиции за 30 и сено за 15 (цена овса была 70, а сена - 30). И таким образом грабят. Это стало обычным делом» (10, 218). Были также случаи, когда русские грабили и во избежание наказания сваливали свою вину на армян. Так, например, русский офицер Свирин рассказывал Туманяну: «Казаки отобрали 40 овец и передали их какому-то армянину – дескать, отведи в село, а там передашь нам, будто бы это наше. Дело было раскрыто, более 100 солдат возмущаются против офицера. Тем не

---

¹ Орман сбежал из полка тысяцкого турецкой армии курда Ахмад бека, который убил его отца, оказавшего сопротивление туркам. В Игдыре Орман присоединился к русскому войску и вернулся в Арцап. Русские ходатайствовали о его назначении старостой села.

менее, 8 обвиняемых отправляют в Караклис – в полевой суд» (8, 367). Можно только предположить, какого сурового наказания удостоились ни в чём не повинные армянские крестьяне в караклисском полевом суде, где всеми делами заправлял известный армянофоб генерал Абациев.

В Арцапе местным жителям-армянам удалось обезоружить курдов. «Турецкоподданные армяне преимущественно проявили большую храбрость при разоружении курдов, в том числе и в Арцапе» (8, 385). Однако вскоре Туманян узнаёт, что от русского командования «последовал приказ разоружить всех, как армян, так и курдов» (8, 358).

Утром 20 ноября члены комиссии идут в церковь Арцапа, где собралось армянское население села. В Арцапе все дома через стены сообщались друг с другом, с целью предупреждения о возникшей опасности. «Можно с одного конца села войти в первый попавшийся дом и выйти в другом конце, не видя улиц».¹ Курды разграбили церковь полностью, унесли кресты и хоругви, все настольные украшения, книги и полки, унесли даже вмонтированные в стены деревянные предметы, то есть всё, что могло гореть. «Это старая церковь, – пишет Туманян. – Народ пришёл. Жалкий, съёжившийся. Дьякон-беженец. Епископы Месроп и Хорен прочитали молебен. Первое, что бросилось в глаза, была могила, могила убитого семью выстрелами отца Ормана. Говорил епископ Месроп. Сказал, что это временные лишения, они пройдут и т.д. Говорили из народа – о топливе, о скотине, о еде... И впервые был прочитан имперский молебен в древней армянской церкви Арцапа и были прочитаны соответствующие молитвы» (8, 356).

Утром комиссия отправляется из Арцапа в окружённый огромными скалами и кажущийся неприступным Баязет.² По дороге повсюду можно было видеть трупы павших от холода, голода и усталости лошадей, верблюдов и ослов и сгрудившихся на них ворон и других стервятников, а также части разбитых экипажей (8, с. 360). Поле сражения было настолько близко, что при входе в Баязет со стороны Мосуна были слышны канонада и разрывы артиллерийских снарядов. Одна из двух крепостей находилась в самом конце города,

---

¹ Ширванзаде, Собр. соч. т. 9, с. 121.

² Город-крепость Баязет в одноименной провинции Эрзрумской губернии. В Баязете восседали наместник главы епархии (мутасариф) и консул России. В 1914 г. население Баязета составляло 5000 человек, из которых 2000 были армяне, остальные – курды и турки. В городе были три мечети, две армянские церкви, не считая руин древнейшей церкви Аменапркич. Армяне были полностью истреблены и депортированы в 1918 г., когда туркам удалось снова захватить город.

другая – вне города, среди скал. Между тем из неприступного Баязета турки по военным соображениям бежали, не сделав ни единого выстрела. По утверждению Туманяна, турки и курды унесли и спрятали часть своего имущества и бежали сами – с тем, чтобы вскоре вернуться и учинить расправу над армянами. Однако начавшаяся уже на следующий день страшная буря и метель помешала им реализовать свои намерения и, таким образом, город в течение трёх дней оставался в руках у армян. Некоторые турки оставили свои ружья на хранение армянам, а некоторые вообще спрятались в армянских домах.

У самого города армянскую делегацию встретила группа всадников, которыми руководил дьякон. Вышедшее навстречу местное население встретило прибывших соотечественников хлебом и солью, хотя и настороженно. Сразу же многочисленной толпой они направляются в полуразрушенную и разграбленную церковь, где звучат утешительные слова епископа Месропа. Туманян свидетельствует также о террористических планах турецких военных. Когда турецкая армия оказалась вынуждена отступить, вместе с ней бежало также турецкое население. Однако перед уходом турки разграбили имущество армян; они намеревались также подвергнуть резне всё население города численностью 3.700 человек, однако успели убить только четырёх. Они собирались также арестовать и ликвидировать известных представителей армянской интеллигенции. «У них была большая программа террора, – пишет Туманян. – пятьдесят одного человека убить в Баязете, а отступая, стереть Арцап и Мосун» (8, 357). Однако осуществить очередную свою кровавую программу туркам не удалось по двум причинам. Во-первых, армяне поставили об этом в известность курдского руководителя Маммадбека, который, по определению армян, был «редкостным» вождём, во-вторых, к тому времени подоспела весть о том, что русские войска вплотную подошли к окраинам Баязета.

В Баязете Туманян узнаёт сразу несколько жутких известий – одно страшнее другого. В частности, о том, что турки вырезали всё население армянского села Хачан, в котором насчитывалось более шестисот домов.

Туманяна навещает также корреспондент газеты «Мшак», начальник полиции Баязета Абгар Тер-Абрамян. Он от имени кавказских армян просит организовать приём у уроженца Еревана, всегда служившего среди армян генерала-губернатора Дрягина (Баядина).¹ Беседа проходит сначала в кабинете губернатора, затем в гос-

---

¹ Речь идёт о генерал-лейтенанте русской армии с 1911 г., генерал-губернаторе **Михаиле Николаевиче Дрягине** (1852- ?), участнике русско-турецкой войны

тиной, за обеденным столом. На встрече присутствовал также бывший российский консул Акимович, являвшийся к тому времени секретарём генерала. Он разъяснил, что часто происходят досадные недоразумения из-за незнания русского языка западноармянским населением, и предложил предоставить армянам переводчика. Туманян с горечью отмечает, что, кроме влиятельных курдских деятелей, например, Бако, русских настраивают против армян также грузинские служащие. «Против армян настроены грузинские служащие, и вообще много заявлений с тяжкими обвинениями дошло до высокого руководства» (8, 357). Без какой-либо серьёзной причины могли быть брошены в тюрьму те люди, которые протягивали армянам руку помощи. Туманян рассказывает: «Какой-то мельник, порядочный человек, который помогал армянам, обвиняется в том, что он якобы намеревался убить русского офицера и свалить вину на курдов. Он арестован» (8, 357).

Дрягин замечает, что армяне притесняют курдов. Когда ему возражают и говорят, что всё обстоит наоборот, что угнетёнными являются именно армяне, он отвечает: «До сих пор – да, но теперь армяне стали притеснять курдов»¹. Хотя с лица губернатора не сходит улыбка, он озвучивает угрозу: «После этого в этой стране будет действовать закон, а не насилие».² Можно только предположить, каково было недоумение и разочарование поэта при таком откровенном выражении намерения наказывать невиновных армян. И сколько бы генерал ни обещал: «Во всяком случае, можете верить, что я ваших многострадальных соотечественников не оставлю без защиты»,³ и как бы он ни улыбался, настроение писателя не могло от этого измениться, и озабоченность не могла исчезнуть. В эти же самые дни был получен приказ о разоружении как курдов, так и армян. Однако Дрягин успокаивал членов комиссии, убеждая, что приказ относится только к курдам, которые весной становятся угрозой для всех.

Епископ Месроп в свою очередь поднял беспокоивший русских вопрос об автономии армян, отметив, что об этом говорили русские власти и давали обещания, а сами армяне такого требования не выдвигали. Комиссия попыталась также выяснить причины обыска домов армян и изъятия у них оружия со стороны русских. Объяснение было более чем нелепым. Генерал-губернатор ответил, что якобы турки и курды при бегстве отдали своё оружие на хране-

---

1877-1878 гг..

¹ Ширванзаде, Собр.соч., т. 9, с. 129.

² Там же, с. 130.

³ Альманах «Дзитени», с. 37.

ние армянам — с тем, чтобы по возвращении получить обратно, и поэтому у армян конфискуется вражеское оружие. Естественно, комиссия не могла поверить словам Дрягина, поскольку, как отмечает поэт, армян всё-таки разоружали русские. Он записывает: «В районе Баязета оружие у армян не отбирают, но в Караклисе собирают» (8, 365).

Утром 22 ноября Туманян встречается с курдским полковником Маммад-беком. Он вместе с восьмьюстами курдскими всадниками и со всем своим родом сдался русским властям. Дом Маммад бека в селе Мирзаджан обыскивают — это было связано, вероятно, с теми распространившимися слухами, что он и его жена на протяжении продолжительного периода времени перевозили оружие для дашнаков (8, с. 362).

В тот же день совершается церковный молебен в церкви Баязета в присутствии русских войск и генерала-губернатора Дрягина и его помощника. После выхода из церкви местные юноши сопровождают Туманяна и его спутников в одну из крепостей, находившуюся на восточной окраине города и переоборудованную в казарму. Туманян встречается с несколькими турками, которые не только не бежали, но и пришли выразить своё дружественное отношение к армянам. Хозяин дома с уважением представляет писателю известного помещика и члена суда Исмаила эфенди Налбанд Заде, который являлся членом комитета самообороны армян и спас многих от верной гибели.

Среди армянских повстанцев выделялись две группы. Первую составляли сформированные на Кавказе добровольческие отряды, которые сражались вместе с русскими войсками и имели в своём распоряжении ружья-мосины¹, а вторую группу — отряды самообороны, сформированные из местных жителей и вооружённые берданками. Именно последние осуществляли дело возврата расхищенного имущества своих родных. Возможно, они забирали также оставленные врагами пожитки в качестве трофеев, руководствуясь чувством мести и стремлением восстановить справедливость.

Туманян свидетельствует, что когда армянам удавалось вернуть назад своё похищенное имущество, то русские и грузинские военнослужащие представляли письменные жалобы властям о «грабежах» армян. Поэт пишет: «Курды ограбили армян до прихода русских. Прошёл месяц, и теперь, когда армяне возвращают своё имущество, эти люди приходят и жалуются, что армяне их ограбили. А

---

¹ Так называлась 7,62-мм (3-линейная) винтовка образца 1891 года (винтовка Мосина, трёхлинейка) — магазинная винтовка, принятая на вооружение в Российской Императорской армии в 1891 году.

армяне не придают этому особого значения, тогда как этим создаётся настрой» (8, 357).

Писатель, вполне возможно, не верил в тенденциозность русских, но он, тем не менее, считал, что об этом следует говорить во всеуслышание и поставить в известность как Национальное бюро, так и русские власти. ««Автономия» чрезвычайно раздражает правительственных чиновников, – отмечает поэт, – и они часто с иронией спрашивают: «Ну как, скоро у вас будет свой царь, да?...». Военный командующий свидетельствует, что армяне, бойцы сражаются подобно львам и они очень храбрые, а курды – стадо баранов» (8, 357). Что же касается грабежей, то в таких военных условиях, когда отступает то одна сторона, то другая, грабежи и вымогательство были обычным явлением. Причём грабежами и мародёрством занимались не только турки и курды, но и сами русские, и довольно открыто. В записях Туманяна встречаем следующие факты: русские забрали из дома старосты села Мейрамана Татоса Сафояна продовольствия на несколько сотен рублей, отдав ему только 18 рублей. В Баязете взяли у Ованеса Крмояна овса на 300 р., а отдали только 60 р. и при этом ещё и избили хозяина дома. У крестьян забрали 12 000 пудов сена совершенно бесплатно. Истина была настолько очевидна, что даже русские власти признавали, что их солдаты и офицеры чинят, мягко говоря, «беспорядки», имея в виду то, что они обирали армян, неуважительно относились к армянским женщинам, однако при этом заверяли, что не имеют возможностей призвать распоясавшихся солдат к порядку.

Перед отправлением армянской комиссии из Баязета в Диадин русские перековали лошадей. Генерал-губернатор Дрягин, учитывая ожидавшиеся возможные опасности, доводит число сопровождающих группу солдат до двадцати пяти. В трудной дороге, несмотря на наличие телохранителей, Туманян ни на минуту не расставался со своим тяжёлым маузером. Епископ Хорен и Смбат Хачатрян также были вооружены. Фактически вся группа, кроме Ширванзаде, была вооружена, и самое тяжёлое и «самое ужасное» оружие было в руках Туманяна.

В окрестностях Диадина снова встречаются павшие лошади, верблюды, волы, различные части сломанных повозок, а также трупы турок и курдов, погибших в сражении 22 октября и остававшиеся захороненными почти месяц. Были слышны канонада и артиллерийские залпы. Туманян свидетельствует: «По обе стороны дороги, близ Диадина, мы увидели трупы павших курдов гамидиевцев, некоторые были полуголые, некоторые в одежде. Они были убиты ме-

сяц назад, в сражении 22 октября» (8, 363). «Долина трупов» производит страшное впечатление: после сражения в Диадине курды не только не похоронили своих соотечественников, но и снимали одежду с раненых, вместо того чтобы их спасти. В Кызыл-Дизе группа встречает сотенные отряды русских, которые распевали песни, возвращаясь после расправы с курдами окрестностей Мосуна, до основания уничтожив семь курдских сёл. Причиной карательной операции послужило то, что курды убили двух русских солдат.

23 ноября группа уже была в Диадине, в большом курдском селе у подножия маленькой горы, где были родники с минеральной водой. Село это не было исключением во всеобщей картине ужасающей бедности и нищеты. Дома курдов, по описанию поэта, были маленькие, тёмные, глиняные, с низкими дверями, узкими окнами и страшно грязные. Из 400 домов только 14 принадлежали армянам. Группа ночует в доме старосты («старшины») села Мелкона Манукяна. На протяжении трёх-четырёх ночей беспрестанное «хоровое» завывание собак бежавших курдов не давало никому покоя.

Через Диадин прошла турецкая армия численностью в 6000 человек, но она не причинила большого вреда местным жителям, вероятно, потому, что в основном это были курды.

Из Диадина группа продолжает свой путь через пролежавшую между двух горных хребтов долину Алашкерта, по берегам Евфрата, в котором уже плавали куски льда. Редкие деревья вдоль дороги напоминали о варварском отношении диких орд к природе. Малочисленные армяне пытались сажать деревья и сады, а соседние племена их рубили. Какой-то местный житель рассказал о том, как курдская разбойничья банда уничтожала недавно засаженный армянином сад.

«- Почему вы это делаете? – спрашивает хозяин.

- У нас нет садов, пусть и у вас не будет, – отвечают курды».¹

И действительно, замечают, что деревьями засажено только армянонаселённое село Учкилиса. Деревья обнаруживают и в удостоившемся трагической участи, полностью разрушенном и прекратившем своё существование армянонаселённом селе Зеткан.

По дороге, ведущей из Диадина в Тагличай и Неркин Суфле, группа встречает 30-40 арабов и турецких пленных в лохмотьях. Перед своим отступлением они разграбили церковь Св. Ованеса в селе Учкилиса, сожгли все книги, а церковь превратили в конюшню. Местное население, вернувшись, оказало русскому подразделению прохладный приём, и это очень удивило и возмутило какого-то офицера-грузина. Жители пояснили: «Мы вспомнили о предыдущих

---

¹ Ширванзаде, Собр. соч., т. 9, с. 143.

отступлениях и о том, что случилось с нашим селом из-за этого» (8, 366).

В селе Зиро, населённом армянами и курдами, группа посещает армянскую церковь, которая трижды подвергалась грабёжам и в которой осталось только изображение Богоматери с маленьким Иисусом на руках. Здесь Туманян узнаёт, что и русские принимали участие в разграблении церкви и совершенно не считались с армянскими святынями. Поэту рассказывают и о случае в Караклисе, когда русские солдаты, обнаружив во время обыска в одном из армянских домов две серебряные чаши для причастия, переданные на хранение католической церковью, реквизировали их и впоследствии выменяли «на четыре хлеба» (8, 366). Католический служитель церкви был страшно удручён и опечален потерей этих чаш и без конца сетовал и жаловался по этому поводу. Члены комиссии выкупили эти чаши за 12 рублей и вернули католической церкви (8, 387).

Туманян имел также беседу с генерал-губернатором Ардагана, и тот подтвердил факты грабежей армянского мирного населения со стороны русских, и объяснял это тем, что русская армия не была в достаточной степени обеспечена продовольствием и даже военными запасами. Жители села Хази были недовольны отношением русских и говорили: «Мы находимся на развилке дорог, у всех под ногами. Что-то разграбили, что-то потребовали – мы отдали. Больше у нас ничего нет. Всё время требуют, а мы и языка-то не знаем, чтобы поимать, нас избивают» (8, 370).

В селе Зиро слышат также историю о похищенной 18-летней армянской девушке по имени Гюзал и о её возвращении родителям русскими солдатами.¹ После Зиро следуют сёла Йонджалу, Еринджа.

Наконец поздно вечером группа добирается до Караклиса, большого центрального населённого пункта, где в это время находился штаб русского военного подразделения. В Караклисе крестьяне натерпелись не только от бесчинств турецких янычар и гамидиевцев, но и от грабежей и произвола со стороны русских солдат и офицеров, которые чинились при попустительстве и подстрекательстве генерала Абациева.² Туманян пишет: «Русские казаки раз-

---

¹ Там же, с. 149.

² Речь идёт о Дмитрие Константиновиче Абациеве (Дзамболат Абадзиев, Абацев) (1857-1936). Осетин по национальности, мусульманин по вероисповеданию, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., трижды награждался солдатским Георгиевским крестом. За взятие ночным штурмом Битлиса в 1916 г. награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Получив в 1912 г. звание генерал-лейтенанта, в тот же день был назначен командиром Второй Кавказской казаческой дивизии. В годы Первой мировой войны сражался в районах Сарикамыш, Алашкерта.

грабили и разорили полностью 250 магазинов. Теперь в 50-и остаётся войско» (8, 371). В этом районе население было настолько настроено против русских, что сравнивало их с турками и даже особенно подчёркивало гуманные действия отдельных турок. Начальник отряда повстанцев (хмбапет) Хачатур заверял Туманяна, что «турки при отступлении защищали имущество и жизнь армян, даже оружием» (8, 371).

В эти же дни выясняется, что русские войска готовятся к отступлению. В то время обязанности командира Второго добровольческого отряда исполнял Армен Гаро, поскольку 30 октября на фронте получил ранение Дро (Драстамат Канаян), чьим заместителем был Армен Гаро.

Следующей целью комиссии было пройти из Караклиса в Дутах, чтобы встретиться с армянскими повстанцами, а оттуда поехать в Басен. Абациев решительно противится, утверждая, что без официального перемирия он не может позволить армянской группе перейти границу фронта. Члены группы продолжают настаивать на своём решении, говоря, что именно для присутствия при военных сражениях они предприняли своё опасное путешествие и оказались там, что они не боятся попасть в плен. Однако генерал был настроен решительно. Все понимали, что он просто не хотел, чтобы группа встретила с повстанцами. Абациев также запретил группе пройти в Даяр (Дахар), который находился всего лишь в двух днях пути, и всячески препятствовал встрече группы с армянскими повстанцами. Он с нескрываемой иронией и высокомерием отзывался об армянских добровольцах, обвинял местное армянское население в том, что оно занимается одними только грабежами, и требовал, чтобы комиссия вернулась по той же самой дороге, по которой пришла, и добиралась до Сарикамыш через Игдыр. На встрече присутствовал также генерал главного штаба Лебединский¹, который во всём соглашался с Абациевым и просто повторял все его слова.

Туманян почти дословно приводит всё, что сказал во время встречи генерал русской армии, преисполненный злобы и ненависти к армянам: «Армяне заняты грабежами и ограбили все дома курдов и турок... Мы заставляем расстреливать курдов и турок за грабежи,

---

После советизации России сражался в рядах белогвардейцев против большевиков, впоследствии бежал в Югославию.

¹ Речь идёт о генерал-майоре Евгении Васильевиче Лебединском (1873-?). Происходил из дворян Орловской губернии. Образование получил в тифлисской кадетской гимназии. В 1909 г. был назначен начальником штаба Второй Кавказской казачьей дивизии, в октябре 1916 г. – командиром 6-й специальной пехотной бригады, а с декабря 1917 г. по май 1918 г. являлся командующим Кавказским фронтом.

но никого из армян при этом до сих пор не наказали, рука не поднимается, чтобы распорядиться о расстреле, и у нас есть приказ, чтобы армян опекать особо и давать им оружие» (8, 372-373). Абациев откровенно лгал, утверждая, что русские разоружают только курдов и турок. «А армянам, – говорил он, – мы даём оружие, и не было ни единого случая разоружения армян» (8, 373). Комиссия уже убедилась в том, что больше всего армян разоружали именно в Караклисе. Абациев клеветал также на армянских повстанцев, утверждая, что якобы они «также занимаются грабежами» (8, 373). Когда же члены комиссии приводят очевидные примеры грабежей со стороны курдов, Абациев возражает: мол, армяне «разграбили у несчастных курдов всё имущество и увели всех лошадей» (8, 373). Абациев даже не пытается скрывать свою антипатию к армянским повстанцам, обусловленную очевидными успехами добровольцев и многочисленными примерами их беззаветной храбрости и героизма в сражениях. Армянские повстанцы неоднократно доставали для русской армии продовольствие из армянских и курдских сёл, а генерал представлял это как расхищение и не скрывал своего нежелания видеть армянских повстанцев на поле боя. Создавалось впечатление, что мусульманин Абациев вовсе не стремился сражаться против армии турок-мусульман. Поэт записал также следующее клеветническое заявление Абациева об армянских добровольцах: «Идя следом за нами, они начали брать из турецких и курдских сёл сено, еду и прочее для своих нужд, и это очень вредит нашему престижу... Сложилось впечатление, что всё это делается с нашего ведома. Вот поэтому я и предложил им: если хотите, идите впереди нас, а следовать за нами, в нашем тылу, и так поступать мы не позволим. И даже сказал им: если вы собираетесь продолжать в таком же духе, то лучше пусть вообще вас не будет» (8, 374).

В Караклисе покровительством Абациева пользовался руководитель курдского племени Селим паша, который якобы «сдался» русским, а двое его сыновей – Саид и Расул – продолжали при этом воевать против русской армии. Селим «породнился» с русскими только потому, что исход войны всё ещё был неясен. О нём говорили, что он ежедневно передаёт туркам секретную информацию о каждом шаге русской армии.

Селим паша встретился с Туманяном и другими членами комиссии и с помощью переводчиков Абациева с азиатской лживостью разглагольствовал о дружбе народов, о братстве Евангелия и Корана, о любви и мире.

На самом же деле главной целью прихода курдского паши к членам комиссии было желание уговорить влиятельных армян, чтобы они, используя свой авторитет, заставили местных соотечествен-

ников вернуть ему его скотину. Он был одним из тех, кто грабил и разорял армянские сёла, и армяне всего лишь вернули своё имущество. Под давлением и воздействием Абациева армяне столь часто обвинялись в организации грабежей и наказывались, что многие из армян-заимодавцев боялись получать свои долги в виде натуральных продуктов, а в те годы это было общепринятой нормой взаиморасчётов.

Абациев своими измышлениями и инсинуациями больше всех остальных беспокоил Армена Гаро, заменившего в это время Дро на посту командира Второго добровольческого отряда. Генерал требовал, чтобы Гаро предпринял меры против повсеместных грабежей. Гаро 20 ноября издал приказ и запретил местному населению заниматься грабежом. Но он при этом не имел в виду армян, поскольку в качестве командира армянского добровольческого отряда он никогда не мог относиться с доверием к какому-либо слову Абациева. Об этом свидетельствует Туманян; ссылаясь на письмо Гаро, поэт пишет: «Генерал Абациев заверял нас, что наш отряд находится не на передовых позициях, а следует за авангардным войском (8, 379). В своем письме за 20 ноября Гаро утверждает обратное и заверяет, что генерал Абациев имеет предвзятое к армянам отношение и ведёт прокурдскую политику (курсив наш – С.О.) (8, 379).

Согласно наблюдениям поэта, во многих сёлах русские защищали курдов намного больше, чем армян. Речь шла в первую очередь о воинских подразделениях Абациева. Одного разговора с генералом оказалось вполне достаточно, чтобы Туманян пришёл к выводу, что Абациев является убеждённым армяноненавистником, который, кроме притеснения армян и клеветнических обвинений и инсинуаций в их адрес, всячески старался приласкать курдов и убедить их в том, что русские войска сражаются ради них, хотя при этом ему так и не удалось завоевать их доверие. Туманян отметил, что главный генерал воинского подразделения Еревана в своих действиях руководствовался исключительно указаниями курдов, тогда как «те же самые курды объединились и разбили русских. Абациев многих курдов снабжал записками, что будет руководить ими. После сражения казаки обыскивали карманы, доставали из карманов убитых и раненых курдов такие записки. **Абациев – армяноненавистник (курсив наш – С. О.)»** (8, 350-351).

Туманян не переставал удивляться, что генерал, имевший мусульманское происхождение, в этой войне командует главными войсками русской армии. Это, по мнению поэта, не исходило также из интересов России.

Об Абациеве поэт был наслышан ещё в Игдыре, до прихода в Караклис, однако личная встреча с генералом и общение с ним ещё

раз убедили его в предвзятом отношении Абациева к армянам и переполнили чашу терпения поэта.

О бесчинствах, жестокостях и грабежах, чинимых регулярной турецкой армией, в дневнике Туманяна есть множество упоминаний. Например, о том, как двухтысячная турецкая армия, отступая через долину Алашкерта, осуществляла грабежи и погромы по всему периметру долины (8, 366). Ширванзаде, в свою очередь, свидетельствует, что армяне «всё, что имели, отдавали русским войскам и отдавали бесплатно. Но их при этом ещё и грабили».¹

Как бы ни было велико разочарование всякого рода абациевыми, Туманян, в силу своего жизненного принципа видеть во всём хорошее, стремился видеть также примеры доброжелательного отношения русских войск к армянам. Он записывает рассказы Хачатура Ереванци о внимательном и чутком обращении русских к армянам в окрестностях Мосуна, в самые первые дни и недели войны. В некоторых местностях русские солдаты чувствовали необходимость поддержки армянского населения, просили, чтобы они сопровождали их в турецкие и курдские сёла, старались покупать продовольствие у армянских крестьян, а не вымогать или грабить. «Овца продавалась за 30-40 копеек. В Мосун пришла одна бедная женщина, сказала, мол, моего мужа турки забрали в армию, у меня маленькие дети, дайте мне одну овечку – не дали. Офицер приказал дать пять овец, дали – увела» (8, 377).

25 ноября по дороге от одного сторожевого пункта к другому провожатый рассказывал о различных способах ограбления армян со стороны русских. Туманян пишет: «Говорит, казаки собрали 500 овец, ограбили, продали, в тот же день отобрали снова, продали другим, и так с утра до вечера несколько раз продавали, снова отбирали и продавали» (8, 375).

Перед отъездом из Караклиса 27 ноября было получено письмо от главного полковника штаба Лебединского, согласно которому дорога в Делибаба была опасна и намечалось нападение врага на Сарикамыш. Фактически за 14 дней до нападения Абациеву было известно об этой информации, между тем он либо по беспечности, либо умышленно не поставил в известность военное руководство Сарикамыша. На следующий день, пройдя мимо села Ириц, слыша с левой стороны шум сражения в Дутахе, а с правой – оружейные выстрелы вышедших на грабежи и погромы курдов, армянская комиссия под сильным снегопадом отправилась в Алашкерт. В небольшом отдалении от передовой линии фронта происходили вооружённые столкновения между армянами и курдами. При проти-

---

¹ Ширванзаде, Собр. соч., т. 9, с. 165.

водействии разбойничьему нападению курдов на село Хачлу на помощь армянам пришли казаки, и они, потеряв двух бойцов, обратили курдов в бегство. Село спаслось благодаря русскому войску. «Крестьяне говорят, что если бы казаки вчера опоздали на 20-30 минут, курды полностью разрушили бы Хачлу» (8, 379). Комиссия ходатайствует о том, чтобы тела двух убитых молодых алашкертцев с помощью русских солдат были вывезены из села Хачлу. Командующий удовлетворяет ходатайство, и по свидетельству Ширванзаде, «несколько часов спустя трупы были привезены в изуродованном виде. Курды не забыли осквернить их, и осквернить самым омерзительным способом. Рот у одного был полон крови и забит...».¹ При этом перестрелку начали родственники Селима паши. Туманян свидетельствует также о нападении курдов из селений, находившихся под сильнейшим влиянием Селима паши и фактически руководимых им, на армянонаселённое село Хиябек, которое находилось ниже Хачлу. 28 ноября всё население села нашло убежище в Алашкерте. К Туманяну подходят чудом спасшиеся во вчерашней битве представители села Хачлу и жалуются, что у них нет оружия для противостояния нападению. В этом районе, где находилась армия Абациева, армян не вооружали, а, напротив, разоружали. Более того, даже противнику было известно, что в лице Абациева у них есть надёжный союзник против армян. Туманян пишет: «Крестьяне Хачлу, в минувший день ограбленные курдами, рассказывают, что курды гамидиевцы им сказали, что вот, мол, у них есть бумага от Селима паши, что он получил право от караклисского генерала (Абациева), чтобы нас, армян, убивать и разорять наши сёла» (8, 379-380).

28 ноября в четыре часа пополудни армянская комиссия прибыла в Алашкерт. Хозяин приютившего их дома турок Аджи Ибрагим Фейгулла оглы во время нападения курдов спрятал в своём доме одиннадцать армянских семей и тем самым спас их от гибели. Свои услуги комиссии предлагает какой-то курдский юноша по имени Низамаддин, родители которого, спасаясь бегством, оставили его на попечение армян. В Алашкерте поэт беседует с одним из русских офицеров. Туманян отмечает: «Здесь командир казаков, довольно симпатичный человек, безоговорочно признавал важность наших добровольцев, в особенности из-за их знания страны, языковых обычаев и знакомства с расположением сёл и домов. Мы, говорит, совершенно не знакомы со всем этим» (8, 378).

Туманян, описывая маленькую хижину-церквушку одного из армянских католических сёл, в которой всё ещё оставались остатки

---

¹ Там же, с. 161.

сожжённых икон, рассказывал о тех армянских крестьянах, которые обращались за помощью к их комиссии, чтобы вернуть хотя бы часть своего имущества, отобранного у них русскими. «Некоторые из крестьян, – пишет поэт, – дом которых был разграблен до основания, просили о ходатайстве перед грабителями, чтобы им вернули одно одеяло или мешок муки, чтобы жить» (8, 379).

Группа посещает могилу духовного выпускника Нерсисянской гимназии Овсепя Тер-Минасяна, рукоположенного в дни войны священником, убеждённого гуманиста, всю жизнь проповедовавшего мир и согласие между народами. Как только в Алашкерт приходит известие о приближении русской армии, первой жертвой становится священник, отец четырёх несовершеннолетних детей. «Турки схватили его, избили, стали глумиться, подвергать истязаниям. Затем обезглавили его, выкололи глаза и поместили на какой-то жерди и три дня и три ночи водили по улицам Алашкерта», – писал Ширванзаде.¹ Отец Никол над могилой исполняет песню-псалом, которая вызывает слёзы у всех собравшихся. Отец растерзанного турками армянского священника также был священнослужителем в Карсе и из-за неимения денег на дорожные расходы не смог увидеть ни тело, ни могилу сына.

29 ноября члены группы, направляясь из Алашкерта в сторону села Хастур (Хазмир), заблудились и чуть было не стали жертвами обстрела русских солдат. Группа делает промежуточную остановку в селе Хастур, чтобы дать отдых лошадям, накормить и напоить их.

В Хастуре было 150 армянских семейств, половина которых придерживалась григорианского направления, а другую половину составляли католики. Группа посещает как григорианскую, так и католическую церкви. Католическая церковь была значительно более благоустроенной. Объяснялось это тем, что до войны она находилась под опекой европейских консулов. Село Хастур было в относительно благополучном и обеспеченном состоянии, поскольку сын Мустафа-аги Гасан-ага вместе со своими братьями сумел отстоять село и спасти население от резни и погромов. На протяжении пятнадцати дней они с оружием в руках защищали армянских крестьян и укрывали их в своих домах.² Туманян здесь переживает минуты радости и гордости, узнав, что всё армянское население села гра-

---

¹ Там же, с. 161.

² Они помогали армянам из чувства мести в отношении турок. Братья-курды поверили обещаниям младотурок о равенстве и братстве народов, боролись бок о бок с ними и погибли как революционеры. По этой причине находившееся под их влиянием селение Хастур, по свидетельству Туманяна, «решило и бесплатно выдавало корм лошадям русского войска, до настоящего времени проявляло заботу о нуждах 3000-ного войска» (Ов. Туманян, ПСС, т. 8, с. 380).

мотное, и даже каждый знает французский язык, поскольку Объединённое общество Константинополя всегда заботилось о сельской школе и опекало её.

Из Хастура группа отправилась в село Зеткан, до которого добралась к пяти часам вечера 29 ноября. Жители села бежали, однако во время продвижения русской армии часть населения вернулась.

Зеткан находился в долине, со всех сторон окружённой невысокими холмами, и был очень лёгкой мишенью для противника. Вслед за курдами в село вступили русские, которые, в свою очередь, ещё больше усугубили бедственное положение населения. Туманян свидетельствует: «Русские всё берут и ни за что не платят. И забрали большое количество муки, кизяка и сена. Около 2000 повозок, каждая повозка по 80 пудов. Некоторые научили своих детей говорить: «Ей богу, нет», и они только это и знают: как только увидят казака, говорят: «Ей богу нет»» (8, 381). Крестьяне вообще не имели представления о стоимости рубля, и обманывать их было очень легко; а когда они понимали, что три рубля не составляют даже 40 куршей, оказывалось уже слишком поздно. В этом селе не спешили воодушевляться по поводу побед русской армии. Так, крестьянин Погос Мурадян спрашивал: «Русские уже два раза занимали нашу страну и оставляли, уходили. Снова должны оставить?».¹ В это время многие не верили, что предчувствие старого крестьянина станет реальностью, и гости, члены армянской комиссии, призывали своих соотечественников набраться терпения и быть более оптимистичными. Старик доверился знатным и авторитетным представителям комиссии и пообещал: «В таком случае мы забудем обо всех наших бедствиях».²

Туманян замечает, что крестьяне Зеткана более образованны, нежели население восточноармянских сёл. Жители села искренне радуются, увидев в гостях знаменитого поэта, чьи произведения они прекрасно знали. Так было не только в Зеткане. Туманян пишет: «В разных селениях случалось так, что ко мне подходили юноши, молодёжь, говорили о моих стихотворениях» (8, 380).

Встречаясь с любимым поэтом, некоторые жители, в особенности женщины и девушки, плакали от радости, просили оставить им что-нибудь на память. Они с гордостью показывали бережно хранившиеся в их домах книги Туманяна. Сейчас мы не можем сказать, что именно оставлял писатель на память своим почитателям, но то, что он выполнял эти просьбы, не подлежит сомнению. И никто никогда об этом не узнает, поскольку уже через одну-две недели

---

¹ Ширванзаде, Собр. соч., т. 9, с. 170.

² Там же.

все члены армянской группы будут вспоминать о Зеткане с ужасом и содроганием.

30 ноября армянская комиссия получает два письма от Абациева, в которых сообщается, что село Даяр (Дахар) оказалось в руках у курдов и что туда можно идти только в сопровождении солдат. Предлагалось или подождать соответствующего транспорта, или вернуться в Караклис. Группа остаётся в Зеткане ещё один день. На следующий день она пытается отправиться в направлении села Башкёй (Дели-Кеой), однако выясняется, что оно осаждено курдами, так же как и селения Дахар и Хачлу. Принимается решение по горным дорогам Мосуна вернуться к пограничной территории и через Сарикамыш пройти к фронту. Через неделю после того, как армянская комиссия покинула Зеткан, русские войска получают приказ покинуть долину Алашкерта. Устрашённое армянское население оставляет свои дома и уходит вместе с русской армией. Находящиеся в глубине Алашкерта сёла Зеткан и Молла-Сулейман оказываются не в состоянии присоединиться к потоку беженцев и полностью истребляются курдами. Считанные дни спустя все девяносто армянских семейств Зеткана, каждое из которых состояло в среднем из тридцати человек, были уничтожены. «Остаются только руины села и, кто знает, возможно, воюющие на них собаки».¹ Когда русская армия после очередного своего отступления снова возвращается в Молла-Сулейман и Зеткан, то видит там ужасающие картины резни. Очевидец последствия этих погромов сообщает: «Не смог вынести горечи картины и ушёл».²

В селе Молла-Сулейман картина была ужасающей. «В первый день наши казаки собрали на окровавленных улицах трупы семнадцати стариков, девятнадцати женщин и двадцати пяти детей, – рассказывает очевидец. – И в каком состоянии, Бог мой! Обезображенные, поруганные, осквернённые. Здесь головы, там ноги и руки. Здесь груди женщин, там их тела. У стариков выколоты глаза. Ручонки детей изрублены, видимо, чтобы оторвать от подолов матерей. И нужно видеть, как плакали наши казаки, вытирая слёзы своими рукавами. Люди, чувства которых были закалены в крови и огне, смягчились, словно дети...».³ То же самое произошло и в Зеткане.

Через несколько вёрст от Зеткана члены группы встречаются с Арменом Гаро и его бойцами, с которыми проводят около двух часов. Наконец комиссия получает ответы на волновавшие её вопросы напрямую от армянских повстанцев. Согласно заверениям Армена

---

¹ Там же, с. 166.

² Там же, с. 174.

³ Там же.

Гаро, среди армянских повстанцев есть такие, которые сражаются хорошо, однако есть среди них и неопытные, но все они – и западноармянские, и восточноармянские добровольцы – сражаются вместе дружно, согласованно и беззаветно.

Первого декабря, кроме известия об отступлении русских в Дахаре, члены комиссии узнают от командования села Хастур о том, что дороги в горах Хачлу стали особенно опасными. Их уверяют, что даже отряд из ста сопровождающих солдат не может гарантировать безопасность группы при продвижении по дороге в Башкёй.

В тот же день, отдохнув около часа в сёлах Хаскер и Чилкан, группа снова возвращается в Караклис. Здесь Туманян беседует с Ованесом Потикяном, который сообщает писателю огорчившую его весть о разоружении армян со стороны русского военного командования и приводит конкретные примеры. Так, согласно Потикяну, 20 дней назад «казаки вошли, произвели обыск, изъяли три пистолета, три ружья, а также золотые, серебряные украшения из сундуков. Пришёл командир, стал угрожать пистолетом, но не смог ничего вернуть» (8, 382). Армен Гаро, в свою очередь, свидетельствовал о случаях дезертирства русских солдат, о том, что некоторые из них избегают сражений и только тем и занимаются, что отлынивают от службы. Туманян пишет: «Армен Гаро говорит – русские солдаты сражаются для видимости и избегают опасностей, как бы между прочим отстают и остаются в траншеях на корточках, якобы стараются выбраться, и остаются в этом положении» (8, 382). На следующий день Армен Гаро, увидев тяжёлый маузер Туманяна, уговаривает его отдать оружие ему и забирает пистолет себе. Гаро хотел вернуться на передовую линию фронта, и для этого просил выделить ему всего лишь пятьдесят бойцов и «двадцать человек интеллигентов» (8, 382). И опять же Абациев делает всё, чтобы армянская комиссия не смогла встретиться с армянскими добровольцами, а повстанцы, в свою очередь, не могли объединиться и действовали бы отдельными, разрозненными группами, были бы в отдалении друг от друга и никоим образом не связаны с русскими войсками. Армен Гаро жаловался Туманяну, что Абациев посылает его отряд не сражаться, а нести сторожевую службу. «Мы вынуждены выполнять караульную службу, к которой мы не имеем отношения. Во-вторых, он посылает нас в места, которые совершенно отрезаны от них – в Дерекор и Тунцин... о чём знает генерал Савицкий¹. Теперь нас хотят разделить на две части и послать на зимовку в Комар и Бирюск. А мы хотим вернуться в долину Алашкерта – организовать и очистить тыл» (8, 383). Комиссия обещает вступить и пе-

---

¹ Генерал И.В. Савицкий был командиром 66-ой пехотной дивизии.

редать письмо генералу Огановскому (8, 384).

Дорога в Башкёй была небезопасна, поэтому группа в 4 часа пополудни 2 декабря делает остановку в селе Тахлича. Было больно видеть, что в условиях войны ни для одной из сторон не было ничего святого. Разница заключалась только в размерах и в степени варварства, изуверства. Так, русские солдаты превратили турецкую мечеть в конюшню для своих лошадей. По заверению Туманяна, в этих же местах «турки и курды, конечно, ещё хуже обошлись с армянскими церквями – не только завели туда лошадей, но и разграбили, сожгли и целились ружьями в глаза Христа» (8, 384).

С группой в 50 человек Туманян преодолевает высоту Диадина, затем спускается в ущелья и снова поднимается на лошади до склона Мосуна, где все оказались вынуждены спешиться и преодолевать метель, снег и лёд пешком. Напряжения не выдерживали даже лошади – то и дело падали на лёд и с трудом снова поднимались.

Вечером 3 декабря группа добирается до армянонаселённого села Мосун, которое разделило участь многих других армянских поселений: убийства, грабежи, изнасилования. Ночуют в селе, и так же, как и везде и всюду, членам комиссии и здесь приходится выслушивать скорбные стенания и жалобы. Стенания и жалобы относились также к русским, которые «ничего не платят за всё то, что забирают» (8, 385). Но, видимо, даже этого им показалось недостаточно, и русское военное начальство распространило циркулярное письмо, которое предписывало «не делать никаких различий между армянами, турками и курдами...» (8, 385).

На следующий день рано утром члены комиссии выезжают из села и отправляются в Оргов, Игдыр. В Игдыре они снова встречаются с Огановским и узнают от него, что получено распоряжение о представлении объективного рапорта о грабежах и хищениях. Помощник генерал-губернатора Дрягина Фёдор Подгурский¹ свидетельствовал, что в краях Ардагана «казаки грабят не только сёла армян, но и молоканские сёла» (8, 383). Огановский, в свою очередь, рассказал один эпизод, когда из беседы покупателей похищенных товаров выяснилось, что грабителями были не армяне, а русские. Одним из утешительных известий, услышанных от Огановского, было то, что общее командование Кавказского фронта приняло решение не верить курдам, арестовать зачинщиков, вытребовать у них оружие и лошадей (8, 386). Кроме этого, был отдан приказ о предоставлении 500 ружей-берданок армянам Алашкертского фронта

---

¹ Речь идёт о генерал-лейтенанте Фёдоре Александровиче Подгорском (Подгуров, 1860-1929 гг.).

для самозащиты. Огановский признаётся в том, что русские солдаты занимались грабежами и предпринимали другие неправомерные действия в отношении армян. Сперва армян грабили турецкие солдаты-гамидиевцы, затем, когда с приходом русских армяне надеялись получить своё расхищенное имущество обратно, русские войска выступили в качестве посредников и начали сами заниматься продажей разграбленного имущества армян.

Особенно тяжело приходилось армянским сёлам, находившимся вблизи проезжих дорог. Русские войска не только грабили их, но и разоружали. Из слов Огановского стало ясно, что «даже то, что делали русские войска, приписывалось армянам» (8, 383). Генерал пытался оправдываться, говоря, что в смутной, хаотической ситуации трудно утверждать со всей определённости, кто является в действительности убийцами и грабителями. Он предложил довести численность армянской добровольческой армии до 10000 и привезти для них оружие из Японии.

Положение действительно было смутным и хаотичным, однако чинимые войсками грабежи носили настолько повсеместный характер, что не замечать этого было попросту невозможно, так что было самоочевидно, что обвинение армян в грабежах в этот момент исходило из беспокойства по поводу усиления армян, а также из колониальной политики царизма.

Армянам, проживавшим на линии Алашкертского фронта, поначалу раздали 500 ружей-берданок, затем часть этого оружия изъяли – на том основании, что оружие это якобы используется для грабежей. А в районах Баязета и Диадина общая численность оружия достигала 70000. Тем не менее, политика, проводимая в отношении армян в Игдыре, была значительно более доброжелательной, чем, скажем, в Караклисе. Здесь, безусловно, свою важную роль, ко всему прочему, сыграло различие подходов генералов Огановского и Абациева.

5 декабря вконец разочарованные, измученные от бесконечных душевных и нравственных страданий члены комиссии возвращаются в Эчмиадзин. Два дня спустя они едут в Ереван, а оттуда – в Александрополь, с тем, чтобы оттуда отправиться в Сарикамыш.

9 декабря Католикос Геворг Пятый проезжал в поезде через Александрополь, и группа, воспользовавшись этой возможностью, встретила с ним. Патриарх возвращался из Тифлиса, снабжённый российским императором Николаем Вторым, с которым встретился в Тифлисе в конце ноября.¹ Католикос выехал из Тифлиса 7 декабря, а 9 декабря встретился с членами комиссии на станции

---

¹ Лео, Из прошлого, Тифлис, 1925, с. 313 (на арм. яз.).

Калтахчи и обнадёжил их. В это время русские власти старались угождать армянам и задабривать их, чтобы привлечь на свою сторону и тем самым обеспечить победу русской армии на фронте. Следовательно все измышления, инсинуации и сплетни об армянских добровольцах не были актуальны, им просто не придавали никакого значения. А это означало, что важнейшая цель поездки армянской комиссии на фронт также потеряла свою актуальность.

Однако, как это видно из письма Туманяна от 10 декабря Филиппосу Вартазаряну, писатель вовсе не обнадёживался, разочарования и угнетающие впечатления от встреч с русскими генералами и высокопоставленными чиновниками значительно преобладали. О своём беспокойстве, связанном с обозримым будущим армянского народа, он пишет: «Невозможно передать в письме всё увиденное и услышанное, поэтому я и считал лишним писать до сих пор и сейчас делаю почти то же самое – хотя и пишу письмо. Вообще все мои впечатления очень печальны, и мы очень легко можем столкнуться с катастрофическими событиями, настолько шатко наше положение» (10, 220).

Уже 10 декабря он узнал, что неприятель завладел сразу несколькими городами и селениями, которые совсем недавно, всего лишь 19 ноября, были освобождены армянскими добровольческими отрядами. Несмотря на то что ситуация изменилась самым радикальным образом, Туманян не отказывается от мысли поехать на линию фронта. Он решает поехать в Сарикамыш, а оттуда – на передовые позиции боевых действий. Члены группы берут с собой для раздачи войскам полмиллиона папирос, 100 пудов сахара, 3-4 пуда чая, предоставленных местным и Тифлисским Национальным Бюро. По дороге они встречают прибывших из Румынии армянских добровольцев численностью в 400 человек.

11 декабря группа добирается до Сарикамыша и вынужденно остаётся там на ночлег. Местный священник рассказывает о начавшемся массовом бегстве из села Кепри – в полночь, узнав об отступлении русских войск. По дороге русские помогали женщинам и детям, давали им своих лошадей, верхнюю одежду, многих кормили, заботились о детях, пока найдутся их родители. В Сарикамыше сосредоточились восемь тысяч армянских беженцев, оттуда им предстояло рассеяться по окрестным селениям. Туманян навещает их и становится очевидцем энергичной деятельности общества «Нпастаматуйц», оказывавшего беженцам необходимую посильную помощь и поддержку. В это время поэту становится известно, что бывший начальник местного гарнизона К.Солоненко¹ отвечал на

---

¹ Константин Степанович Солоненко (1852-?) был военным инженером, гене-

недовольство армян карательными мерами и действиями. Туманян свидетельствует: «В Тифлис отосланы для ссылки, якобы в качестве государственных преступников, Карапет Малхасян, Петрос Минасян, Карапет Шамцян, Александр Тиратурян, Амаяк Хачатрян (под контролем Тер Тачата); предполагают, что к этому приложил руку бывший гарнизонный начальник Солоненко» (8, 389). Как можно увидеть из записей поэта, в этот период русских военачальников против армянских бойцов настраивали также некоторые грузины. «В армии недовольны только армянами из запаса, в особенности выходцами из села Шорагъял. Разносчиками сплетен были преимущественно грузины» (8, 389). В этом контексте становится более очевидным и участие грузин в деле представления армян сепаратистами. Писатель снова встречается с «генералом-армяноненавистником» (по его определению) Трамбицким¹, который осуществлял свою деятельность против армян в сотрудничестве с руководителем эвакуационного пункта грузином Апреванадзе. Туманян пишет: «Начальник местного гарнизона генерал Трамбицкий – ужасный армяноненавистник и без зазрения совести распространяет всякие плохие сведения и настроения. И главным образом с начальником Эвакуационного пункта Апреванадзе. Грузины и евреи (врач Шамал называет армян Сарикамыша автономистами). Столкновение Бабаджаняна с Трамбицким» (8, 389).

Командиром бакинского полка был грузин Нижарадзе, который также в каждой военной неудаче старался обвинить армян. Туманян пишет: «Бакинский полк бежал. Наибольшую часть этого полка составляют армяне. Начальником полка является грузин – Нижарадзе, армяноненавистник. Чтобы оправдать себя, обвинил армян. Хотя при этом он выступал против расстрела нескольких армян и т.д.» (8, 390).

12 декабря в пять часов утра, когда поэт и его товарищи по комиссии ещё лежали в своих постелях, раздаётся сигнал о наступлении турецких войск. Весть принесли О. Хунунц и С.Хачатрян. Туманян в этот момент пожалел, что уступил свой маузер Армену Гаро, но при этом не впал в панику и попросил у хозяина дома Маттеоса Тер-Степанянца найти для него оружие. Он был уверен, что примет участие в боевых действиях. Хозяин принёс какую-то изрядно заржавевшую берданку. Туманян с видом большого знатока оружия внимательно исследовал ружьё, прицелился и с печальным

рал-майором. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в 1912 г. был демобилизован и снова призван в армию сразу же после начала Первой мировой войны.

¹ Генерал-лейтенант **Евгений Георгиевич Трамбицкий** (1859-1931).

тоном констатировал: “Негодная вещь. Эх, мне бы мой маузер!”.

12 декабря началось знаменательное сражение при Сарикамыше. На следующий день из Бардуса приходят армянские ополченцы из отряда Керы (Дяди). Они сообщают, что турки находятся на расстоянии восьми вёрст и рассказывают о постигшей их неудаче. В народе уже началась паника. И снова, вот уже который раз, русские генералы не разрешают, чтобы члены комиссии встретились с армянскими повстанцами. Фактически комиссия оказывается вынуждена вернуться ранее намеченного срока – 13 или 14 декабря. Во времена отступлений русской армии её командование проявляло “доброжелательность” к армянам, поскольку значительно возросло значение их беззаветной, бесстрашной борьбы. В такие моменты русские военачальники не имели никакого желания говорить о “грабежах” со стороны армянских добровольцев.

Итак, 13 декабря некоторые члены комиссии – Туманян, Ширванзаде, Хунунц и епископ Хорен возвращаются из Сарикамыша в Александрополь, а оттуда в Тифлис, так и не достигнув своей цели: добраться до передовой линии фронта и встретиться с армянскими добровольческими отрядами. И помешали им в этом не только воинственные курдские племена, но и некоторые русские военачальники. А 14 или 15 декабря Туманян был уже в Тифлисе. Газета “Мшак”, которая во время отбытия комиссии хранила полное молчание и так и не упомянула имена Туманяна и других её членов, на этот раз, в номере за 16 декабря, поспешила сообщить своим читателям: “В Тифлис вернулись из Сарикамыша О.Хунунц, который поехал со стороны самоуправления городов, чтобы утвердить пищевые пункты, и Ширванзаде и Ов. Туманян, которые поехали со стороны Армянского бюро (Национального бюро). Вернулся также епископ Хорен”.¹

Ов. Туманян вернулся в Тифлис, не сумев побывать на передовой линии фронта и лично побеседовать с армянскими ополченцами, однако он встретился с некоторыми русскими генералами и увидел их двуличное, лицемерное отношение к армянскому населению и армянским добровольцам; ещё чаще он встречался с анти-армянскими действиями, проводимыми русскими военачальниками и чиновниками, с многочисленными фактами и случаями грабежей со стороны русских войск, увидел воочию трагедию разорённых армянских городов и сёл и многое другое. Дочь писателя Нвард в своих воспоминаниях пишет, что Туманян вернулся из поездки “в угнетённом настроении, с ужасающими впечатлениями, о трагическом

---

¹ Газета “Мшак”, Тифлис, 1914, N284, 16 декабря (на арм. яз.).

положении народа рассказывал со страшными подробностями”.¹

Эта поездка в смысле отношения поэта к России оказалась в определённом смысле переломной в его жизни. Разочарование было поистине огромным. Он своими глазами увидел войну, осуществлявшийся совместными усилиями турецких и курдских изуверов геноцид армянского народа, к которому оказались причастными и некоторые русские генералы. Являясь носителями реальной геополитики царской России, они своими действиями и стратегией способствовали замышлявшимся и уже реализуемым страшным преступлениям против всего армянства.

Это был далеко не первый случай, когда Туманян сталкивался с последствиями колониальной политики России. Будучи одним из 149 неправоммерно обвиняемых по так называемому “Дашнакскому делу”, он на протяжении четырёх-пяти лет находился под жёстким контролем царского охранного отделения, трижды арестовывался. Вконец измотанный и обессиленный из-за длительной тюремной жизни, он на себе сполна испытал всю тяжесть ударов российской карательной машины, но при всём при этом так и не изменил своей прорусской ориентации. На этот раз увиденное им было ещё более ужасным, нежели продолжавшиеся годами политические преследования, гонения и притеснения лучшей части армянской интеллигенции. Если до первого своего посещения фронта он писал одну статью за другой, выражая в них своё убеждение, надежду и веру в скорое освобождение западноармянских соотечественников с помощью России и воодушевляя армянских солдат, то после возвращения с фронта он на какое-то время умолкает, замыкается в себе. Великий гуманист и оптимист на время был выбит из колеи и совершенно растерян, он оказался вынужден выбирать меньшее из зол. Несколько месяцев потребовалось Туманяну, чтобы найти в себе силы, чтобы снова заговорить и снова внушать надежду, поскольку рядом с Абациевым он видел также Озола, рядом с дезертирами и грабителями видел солдат, протягивавших армянам руку помощи, сочувствовавших “безбрежному морю армянского горя”, долгими днями заботившихся об армянских детях, потерявших своих родителей. Всем своим обликом, своей литературной и общественно-патриотической деятельностью Туманян олицетворял, символизировал жизнестойкость и жизнелюбие армянского народа.

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы. Ер., 2009, с. 117 (на арм. Яз.).

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ТУМАНЯНА

Оба писателя, Ширванзаде и Туманян, посетившие Западную Армению в составе делегации Национального Бюро, – на всём протяжении поездки вели ежедневные записи обо всём увиденном и услышанном. Однако, как уже было отмечено, Ширванзаде выполнял задание газеты «Кавказское слово», будучи её корреспондентом. По этой причине к его путевым заметкам «Из мест войны», опубликованным в «Кавказском слове», следует относиться с определёнными оговорками, поскольку русскоязычная газета сокращала, вычёркивала всё то, что относилось к реальной политической ситуации на фронте. В своей телеграмме редактор газеты сообщал Ширванзаде, что его интересует абсолютно всё, кроме действий добровольческих отрядов, и это даёт нам основания полагать, что все части и фрагменты статей, касающиеся армянского вопроса и участия армян в войне, в редакции газеты изымались. Об этом мы узнаём из дневниковых записей Ов. Туманяна, которые являются важными историческими свидетельствами, документами, повествующими о событиях тех дней, и поэтому по сей день не потеряли своего актуального значения. Кроме того, редактор «Кавказского слова» Долуханов через Ширванзаде сообщал и другим членам армянской группы, чтобы они не посылали для публикации в газетах никаких известий о действиях добровольцев, поскольку эти публикации «раздражают русских», и следовательно, могут нанести ущерб решению армянского вопроса (8, 352). По этой причине всё то, что написал и опубликовал Ширванзаде, в определённой степени обходило реальную картину событий, не совсем верно отражало действительность. Между тем дневниковые записи Туманяна, которые изначально не предназначались для публикации (во всяком случае, в тот период), наиболее точно и объективно представляют реальную ситуацию. По утверждению Нвард Туманян, её отец, который во время этого путешествия «зафиксировал печальные факты, события, впечатления, намеревался на основании этого дневника написать и опубликовать свои путевые заметки»¹. Можно только предположить, какие серьёзные и мрачные аналитические размышления составили бы содержание этой книги, если учесть, что на поэта произвели двойственное впечатление опубликованные очерки Ширванзаде «Из мест войны». Туманян то и дело выражал свое недовольство и органическое неприятие проскальзывавшей в описаниях Ширванзаде насмешливой интонацией и смакованием второстепенных, не представляющих никакой важности подробностей. «Этот чудак, – говорил поэт во время одной из устных бесед, – слов-

---

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, Ер., 2009, с. 119 (на арм. яз.).

но поехал на какую-то свадьбу и вернулся оттуда... Разве может человек, видящий разрушенную страну, резню народа, толпы беженцев и скитальцев, писать таким образом? У него на глазах истребляется, уничтожается целый народ, а он вспоминает и описывает какие-то мелкие, забавные события...»¹. Путевые заметки и очерки Ширванзаде местами напоминали трагикомическую пьесу, в которой драма превращалась в комедию, в то время как жизнерадостный и жизнелюбивый Туманян видел вокруг себя только и только великую трагедию, и чувствовал, переживал эту трагедию настолько глубоко, что считал совершенно недопустимым отображение какого-либо случая в шутиливой, игривой интонации.

Литературовед Лусик Карапетян видит причину этого недовольства Туманяна не в том, что Ширванзаде ощущал увиденное менее глубоко и не переживал трагическую действительность с такой же силой, как Туманян, а в самой форме повествования, когда после описания душераздирающей и ужасной сцены следует какая-то не вполне уместная шутка или забавная ситуация. «Кроме того, – пишет Л. Карапетян, – обращает на себя внимание то, что Туманяну отводится второстепенная роль. Без дневниковых записей Туманяна мы бы не узнали о его общении с местным населением, о его выступлениях перед народом, в церквях»². Ширванзаде старательно умалчивает о воодушевленном, очень тёплом приёме Туманяна со стороны местного населения, о том, что в заброшенных, забытых Богом западноармянских сёлах люди знали произведения поэта, умалчивает о большом воздействии выступлений Туманяна на собравшихся, однако при этом подробно описывает, как поэт искал свою лошадь, пишет о его неуклюже свисавшем сбоку тяжёлом маузере, который с иронией называет «ящиком», отмечает, что Туманян в ряде случаев брался за пистолет «совсем без надобности» и т.д.

Туманян записывал всё, что видел и слышал, и хотя эти его дневниковые записи носят обрывочный, незавершённый характер, написаны в спешке, на ходу, а некоторые пометки и вовсе невозможно понять или даже прочитать, тем не менее, они являются исключительно важными документами, свидетельствующими о тяжелейшем положении западноармянского населения в годы Первой мировой войны, о великодержавной политике России, о деятельном участии армянских добровольческих формирований в боевых действиях; заметки эти имеют очень большое историко-познавательное значение, представляют реальную картину военных будней и, наконец, освещают самоотверженную патриотическую деятельность Ованеса Туманяна (8, 349-391).

---

¹ Там же, с. 119.

² Л. Карапетян. Общественная деятельность Ованеса Туманяна (Фрагменты). Ер., 1992, изд-во НАН РА, с. 13 (на арм. яз.).

В своих дневниках поэт отмечал только факты, оставляя их описание и толкование на время, когда для этого появится благоприятная возможность, когда можно будет использовать эти записи для публицистических статей или художественных произведений. И он непременно так и поступил бы, если бы время не оказалось столь жестоким и неумолимым. Как бы то ни было, поэт так и не успел написать путевых заметок или произведений других жанров на основе этих своих дневниковых записей; не успел он даже использовать записанные им во время этой поездки варианты сказки «Азаран блбул» («Тысячеголосый соловей»). Однако всё то, что он увидел и услышал, возымело своё воздействие, наложило свой печальный и неизгладимый след не только на его публицистические и художественные произведения, но и на всю его дальнейшую жизнь. В дневниковых записях поэта мы встречаем разнородные, разнохарактерные описания жизни населения Западной Армении. На протяжении всего путешествия Туманян был очевидцем довольно ощутимых материальных и моральных потерь в армянских добровольческих отрядах, причиной чему было предвзятое, недоброжелательное отношение к ним со стороны царских генералов. Они не только нарочно распространяли заведомо лживые, надуманные слухи о «грабежах», устраиваемых армянскими добровольцами, но и зачастую не давали им оружие и одежду. Так, например, 50 бойцов из группы Армена Гаро не получили своевременно тёплой одежды и, не выдержав ноябрьских и декабрьских холодов, вернулись в свои сёла. Поэт разоблачает один из подобных ложных слухов в отношении группы Гаро. Когда Гаро и Хечо со своими группами холодной и дождливой ночью добираются до какого-то курдского села в районе Оргова, курды отказываются приютить их на ночь. Когда одного из курдов заставляют открыть дверь, другие, убедившись в мирных намерениях армян, впускают их добровольно. По свидетельству одного из сельчан (урядника), «приняли их с честью и, взяв утром деньги за все оказанные услуги, мирно проводили их в путь» (8, 352). Но затем те же курды обращаются к приставу, заставляют составить протокол, что, дескать, армяне пришли, избили, ограбили... Жалоба доходит до царского наместника. Назначается следствие, которое ведётся только на основании показаний курдов и подкупленного курдами русского солдата («стражника»). В результате односторонне проведённого расследования дело передаётся следователю по особо важным делам Ереванского районного суда Чижевскому.

Первая из дневниковых записей, сделанных поэтом, относится к различиям в быте, укладе жизни и социальном положении курдов, проживавших в Восточной Армении и в Османской Турции

(Западной Армении). «Курды в нашей стороне и в их стороне: в нашей – чистые и богатые, в их – бедные и худые» (8, 349). Возможно, это наблюдение побудило поэта задуматься о причинах того, что курды таким жестоким образом убивали и грабили армян. Курдам, жившим среди армян, не только удавалось разбогатеть, поскольку они постоянно грабили своих соседей-армян. Они ещё и учились у армян вести более чистый и опрятный образ жизни. В дневниковых записях поэта находим множество пометок, указывающих и подчёркивающих большое различие в занятиях, быте и укладе жизни живущих друг рядом с другом армян и курдов. Одна из таких записей сделана на таможне Гара (или Каре): «Вокруг близлежащих курдских сёл нет вспаханных земель. Полевые работы оставлены армянским крестьянам» (8, 355). А в Баязете поэт констатирует: «Почти вся торговля города находится в руках у армян, ремёсла – без какого-либо исключения. Народ очень здоровый. Вода благословенная, воздух – горный» (8, 362).

Туманян свидетельствует о некоторых фактах взаимосоотрудничества и взаимосвязей между русскими генералами и армянской апостольской церковью, в частности, связей с Католикосом всех армян Геворгом Пятым. Примечательно, что армянского патриарха навещают и обращаются к нему за помощью не только имевший армянское происхождение командующий корпусом генерал Огановский, но и получивший от Туманяна определение «армяноненавистник» генерал Ляхов. В записях Туманяна встречаем также примеры политики насаждения русского православия среди армян со стороны царских высокопоставленных военных чинов. В некоторых сёлах начинается процесс распределения земель, причём земли предлагаются тем крестьянам, которые согласятся принять русское православие. Сведения об этом сообщил писателю Тигран Гево. В дневнике Туманяна читаем: «В ереванской епархии из среды армян без побуждения и вынуждения хотят принять русское православие. Например, в селе Геджрлу 75 домов (из 125-и), в Алапарсе – 40 домов из 300 домов, в Егварде – 30 домов из 150-и, в Дгыре – все 30 домов. Причины – либо распределение земель (преимущественно), либо несогласованность между собой. А в Дгыре – из-за турок» (8, 352).

Постоянно озабоченный социальным положением армянских крестьян, поэт в своём дневнике описывает одно из выигранных дел своего домовладельца в Баязете адвоката Багдасара Крмояна. Против крестьянина села Гуйлуч некоего Галуста было возбуждено дело. Он лет 10-12 назад продал телёнка, и вот, после подсчёта не полученной прибыли за эти 10-12 лет, выяснилось, что он должен уплатить 1500 лир, около 1500 рублей (8, 361). А Багдасару Крмояну удалось освободить несчастного крестьянина от этого обвинения.

Туманян свидетельствует о двойственном, противоречивом отношении русских высокопоставленных военных чинов и офицеров к армянам. Поэт рассказывает историю о том, как две группы армянских добровольцев во главе с Драстаматом Канаяном (Дро) и Девояном заночевали в курдском селе Шамшадинов Орговского района, а затем русские армейские чиновники возбудили против них уголовное дело, причём следствие проводили, как обычно, односторонне и предвзято, основываясь только на клеветнических показаниях и обвинениях «пострадавшей стороны» и «местного стражника». Туманян отмечает также положительное, благосклонное и доброжелательное отношение к армянским добровольцам со стороны некоторых русских генералов и служащих отдельных регулярных воинских формирований. Тем самым писатель проявляет большую сдержанность в оценках и свой объективный и неодносторонний подход в этом очень щекотливом вопросе. Туманян пишет: «Преимущественно казаки знают своё дело, в особенности кубанцы и подопечные генерала Певнева, которого все очень любят. Казаки особенно хорошо относятся к армянам и армянским дружинникам» (8, 353).

Среди русских высокопоставленных должностных лиц, проявивших доброжелательное отношение к армянам, поэт отмечает бывшего вице-консула Баязета, который в то время занимал должность помощника генерал-губернатора. «Бывший вице-консул Баязета Акимович очень хорошо относится к армянам и страшно возмущается по поводу произошедшего с ними» (8, 353). Встречаем в дневниковых записях также свидетельства о том, как русские войска избегали вступать в сражения, возлагая надежды на армянских добровольцев. Приводя в своём дневнике многочисленные примеры и упоминания о том, как русские солдаты грабили местное население, Туманян вместе с тем не забывает и с большим удовлетворением указывает на случаи доброго, человеческого, гуманного отношения русских войск к армянам. Поэт находился уже в Сарикамыше, когда сделал следующую запись на основании услышанного: «В русском Басене армянские женщины носят траур по поводу войны, сняли все украшения, надели чёрные одежды, расстались с радостью. Во время отступления пластуны, казаки и остальные войска оказывали большую помощь народу. Пластуны-казаки целыми днями нянчили детей» (8, 390).

Примечательна также информация, согласно которой армянам удавалось с помощью армянских и турецких разведчиков добывать важные сведения о боевых действиях и передвижениях противника. Туманян пишет: «Генерал Абациев говорит – есть армяне, которые содержат турецких шпионов, и даже есть армянские шпионы. Све-

дения о двух из них подтвердил сам Армен Гаро» (8, 375).

Желание русских покинуть поле сражения иногда оказывалось настолько велико, что нередко солдаты старались избежать участия в боях ценою членовредительства. Причём сведения о таких случаях поступали к Туманяну от русских офицеров и генералов. «В Оргове офицер говорил, что везут 29 симулянтов, все ранены в левую руку. 27 из них русские» (8, 367). Среди дезертиров армян не бывало вообще, или же они составляли очень незначительное количество. По этому поводу Туманян с большой гордостью отмечает: «Корпусный врач отослал обратно большой транспорт с симулирующими больными, и среди них нет ни одного армянина» (8, 367).

10 декабря 1914 г. в Карсе Костандин Гюльназарян рассказал Туманяну о случае дезертирства, в котором, кроме русских, участвовали также евреи и армяне. По его рассказу, “18 человек договорились в траншее и ранили друг друга” (8, 388).

Туманян задумывался над тем, чтобы найти какой-нибудь способ для противодействия антиармянским действиям генерала Абациева. Он резко сопротивляется решению генерала об изоляции армянских добровольцев от сражающегося в зимних условиях русского войска. Поэт разъясняет, что группа Армена Гаро не может осуществлять одну лишь постовую, караульную деятельность на пограничной передовой линии, будучи изолированной от русской армии на большом расстоянии, протяжённостью в пятнадцать вёрст. Поэт обращается с просьбой к руководству армии «дать им возможность расчистить на границе тыл войска от курдов» (8, 387). Конечно, первоочередной задачей для Туманяна была безопасность армян, и он очень хорошо понимал, что вооружённое до зубов курдское население опасно не для регулярной, обученной и хорошо вооружённой русской армии, а для безоружного мирного армянского населения. Тем более, что русские часто меняли свою дислокацию: то продвигались вперёд, то безо всякой причины отступали, причём эти совершенно беспричинные отступления стали обычным явлением. Поэт был склонен видеть в этих отступлениях злой умысел. Конечно, он вынужден был молчать по поводу причин этих совершенно не понятных и ничем не обоснованных отступлений, однако, тем не менее, пришёл к однозначному убеждению, что если родная земля когда-нибудь и будет освобождена, то только усилиями армян. Он утверждает: «Нигде мы не видели ни войска, ни офицеров, которые были бы озабочены войной. Все считают это делом армян» (8, 387).

Более того, Туманян не мог не заметить и не констатировать факты сотрудничества некоторых русских генералов с курдскими беками против армян. В качестве доказательства он собирался пред-

ставить в Тифлисе таких генералов – не только Абациева, но и Дрягина и других. «У Дрягина, – свидетельствует поэт, – курд Бако Инд-оглы, у Абациева – два курда-езида, которые не подпускают армян и пишут очень плохие рапорты» (8, 387-388). И подобные случаи не были единичными. Туманяну доводилось быть очевидцем русско-турецкого сотрудничества, направленного против армян, и в прежние времена. Ему даже приходилось бороться с этим во время межнациональных столкновений армян с кавказскими татарами в 1905-1906 гг.¹.

Некоторые дневниковые записи поэта фиксируют осознанное, специальное искажение, извращение происходивших во фронтовой зоне событий со стороны русского военного руководства. С их подачи публикуемая в периодике информация доводилась до читателей в неверном свете. Так, по дороге из Диадина в Тагличай Туманян беседует с русским офицером Борисом Анатольевичем, который свидетельствует, что тифлиские газеты пишут неправду, в особенности когда дело касается статистических данных; цифры всегда явно преувеличиваются, когда речь заходит об убитых и взятых в плен. Вместо, скажем, пятнадцати указывается несколько сотен. Поэт приводит пример такой дезинформации: «В долине Алашкерта находилась регулярная турецкая армия численностью в 2000 человек. И когда пришли наши 10000, они убежали со всего Алашкерта, занимаясь грабежами по всей протяжённости долины. И об этом пишут, что многочисленная армия не устояла перед нашим нападением» (8, 366).

Туманян не был бы Туманяном, если бы не записывал в своём дневнике отдельные примеры, когда турки или курды во время военных действий помогали армянам, спасали им жизнь. Он свидетельствует, что «жителей села Дутах после отступления русских спасла от резни жена тысячника Гахраман-бека» (8, 375).

Впервые оказавшись в Западной Армении, Ов. Туманян старался подробно описывать топографическое расположение сёл, чтобы лучше узнать свою страну. Вблизи курдского села Гарбулаг, что в районе Чингила (Каркара), поэт вспоминает армянских царей и славное прошлое своей родины и пишет: «Вблизи картина Баязета – воспоминания. Внизу – Маку, наверху – Каракилиса и т.д. Арташес» (8, 354). Поэт замечает также, что Баязет «собирается спуститься вниз – в долину» (8, 354). В «стране руин и трупов» поэт находит в себе силы встать выше своих страданий и отмечает красивые пейзажи Западной Армении. Описывая хребты Армянского нагорья, он

---

¹ Подробнее см. С.Ованесян, История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912), Ер., изд-во «Гракан эталон», 2012, с. 374-375 (на арм. яз.).

упоминает как армянские, так и турецкие их названия. «С одной стороны долины Баязета начинается горная цепь Аладага, с другой стороны – цепь Бартоха, по-турецки – горы Синака, между ними – прекрасная долина Алашкерта, со стороны Диадина – Евфрат – Мурадчай – Арацани. В конце долины, за церковью Сурб Ованеса виден Кёсадаг – очень красиво» (8, 367). А из села Йонджалу перед его глазами открывается другой вид на те же хребты Армянского нагорья. «Художественно, нежными волнами тянутся параллельно горные цепи Аладага – горы Цахканц и хребты Бартоха – горы Синака, среди которых вдали величественно и красиво возвышается Кёсадаг» (8, 371). В другом месте своего дневника Туманян, являвшийся автором детской игры об армянских реках, записывает: «Отсюда (имеется в виду Диалин – С.О.) начинается Евфрат. Через Диалин протекает Мурадчай (Арацани)» (8, 364). Заметив в Арцапе с четырёх сторон остатки крепостной стены, поэт вспоминает о том, как Гасан-хан взял село в кольцо осады и как жители села героически сопротивлялись на протяжении четырёх месяцев. Туманян становится очевидцем безмолвного страдания коренного армянского населения Западной Армении, перенёсшего ужасы резни и погромов, и ещё раз убеждается в правоте своих представлений, согласно которым именно родная природа даёт армянам силы для того, чтобы храбро сражаться с захватчиками и противостоять жуткой и суровой действительности. В селе Йонджалу он пишет: «Народ, в особенности женщины, имеют нежные и здоровые лица, такие же и дети, несмотря на столько страданий, грязь и нищету. С двух сторон обнажив зелёные груди, кормят их горные хребты, а посередине, извиваясь, плавно течёт Арацани-Евфрат» (8, 371).

Внимательно изучая географическое положение окружающей местности, неприступные горы и долины, преодолевая непреодолимые физические трудности на всем протяжении путешествия, Туманян хочет верить, что «этой страной никто не завладеет физически, остаётся культурная сила» (8, 385).

Туманян не мог остаться равнодушным к прекрасной природе Западной Армении, тем более что ему впервые открылась удивительная красота этой части его большой родины.

В дневниках Туманяна большое место занимают также сведения и пометки, содержащие статистические данные. Вот один из таких примеров: «Баязет насчитывает 1000 домов, около 10000 жителей. У армян 310 домов, 3100 жителей, и это правда. В Санджаке 34 села, 5 посёлков городского типа – Алашкерт, Берд или Топраз Гале, Каракилиса, Диалин, Дутаг и Батнос, а также город Баязет – 40 тысяч армянского населения» (8, 363). В другой дневниковой записи поэта читаем: «По берегам Евфрата с четырёх сторон сплошь курды.

Посчитали – во время погромов на одного армянина приходилось сто курдов» (8, 368). Сообщается также число армян в Каракилисе: «Каракилиса – 2000 домов, 1500 турок, 500 армян. А в пересчёте на людей, считая, что в каждом доме в среднем по 10 человек, одна треть – армяне, две трети – турки. И вообще армянская семья больше турецкой. Торговля и ремёсла в руках у армян, но при этом турки богаче. Турки захватили лучшие земли и обогатились» (8, 372).

Поэт записывает также историю строительства крепости Баязета, предания, повествующие о Хенте, герое романа Раффи.

В этих записях явственно ощущается боль и тревога автора. Он испытывает сильные переживания по поводу древней урартской крепости Баязета, которая восемь раз подвергалась разрушениям¹. Поэт сообщает о строителе этого замечательного памятника зодчества, получившего название «Восточной красавицы», архитекторе Аветисе, которому отрубили руку сразу же после того, как это замечательное строение было завершено. Поэту было больно видеть следы пуль и пушечных ядер на стенах крепости, было больно из-за горестных историй, связанных с крепостью (8, 361).

Отметим, однако, что в современной армянской историографии существует иное мнение о возрасте крепости. Так, по мнению Эприкяна, крепость Баязета была построена в конце XVIII века по приказу Махмуда-паши и «руками какого-то армянского архитектора» (8, 361). При этом об имени и судьбе зодчего, построившего крепость, ничего не говорится. Некогда в крепости был дворец, который считался одним из самых значительных строений в Османской империи. Залы дворца были выложены мрамором, в нём было множество колонн, а стены были разрисованы фресками в восточном стиле. Перед Туманяном же предстают руины; все строения были сровнены с землёй, кроме минарета мечети.

В своём дневнике Туманян перечисляет и поимённо называет всех поднявших руку на прекрасные армянские исторические памятники культуры варваров и исторических деятелей, которые прошли по этим местам и в течение одного лишь столетия восемь раз подвергали огню и мечу крепости, сохранившиеся с урартских времён. Это были «Чачан оглы, Тамур-паша, Тамур-ага из Вана, Надир-шах из Маку, Паскевич, Бебутов, в 1877 г. Тер-Гукасов, в 1914 г. и т.д.» (8, 363).

---

¹ О древней крепости Баязета немецкий путешественник Вагнер писал: «Это дерзкое и чудотворное строение, основанное в таком месте, что даже ястребам и орлам не хватит смелости свить там гнёзда». См. **Т. Акопян**, Ст. Мелик-Бахшян, О. Барсегян, Словарь топонимических названий Армении и прилегающих районов в 4-х тт., т. 1, Ер., изд-во ЕГУ, 1986, с. 584 (на арм. яз.).

В дневнике писателя упоминаются многие курдские селения, в которых в качестве немых свидетельств их армянского прошлого остались только кладбища. Туманян записывает предания об армянском селе Цахкоц¹, ставшем Гюлисором, и о мосте над рекой Мурад, превратившейся в Евфрат. Поэт отмечает, что этот мост построен руками армян, пересказывает армянское предание, согласно которому река поменяла своё русло после того, когда армяне покинули село Цахкоц (8, 368).

Из дневниковых записей Ованеса Туманяна в дальнейшем могли родиться новые художественные произведения, либо они могли послужить документальным материалом для новых публицистических статей, либо могли быть использованы в исследовательских трудах писателя на историческую тематику.

Несмотря на то, что во время этой первой поездки в зону боевых действий Туманяну так и не удалось встретиться с армянскими добровольческими отрядами, тем не менее, поэт впервые увидел Западную Армению, её замечательную природу, увидел превратившиеся в руины армянские города и сёла, увидел угнетённый народ. Заметим, кстати, что определение «угнетённый» очень часто используется в произведениях Туманяна и характеризует многих его героев и персонажей. Поэт увидел во время своей поездки следы изуверства и жестокости, которые переходили все границы человеческого воображения; он ещё больше разочаровался в человеческой природе, поскольку увидел воочию «человека-зверя», «человека-людоеда».

Свои дневниковые записи, сделанные во время первого путешествия в Западную Армению, Ов. Туманян обобщает в нескольких пунктах. Это выводы и заключения поэта, исходящие из его впечатлений и ощущений от поездки. Выводы эти касаются главной цели поездки. Вовсе не случайно, что уже первый абзац относится к обвинению армянских добровольцев в грабежах. Поэт пишет о том, как он озвучил эту проблему во время своей беседы с генералом Огановским. «Грабежи – до прихода русских войск ограбленное гамидиевцами армянское население пошло, чтобы вернуть назад то, что отобрали у него; после этого, когда пришли войска, они грабили и продавали вместе с армянами или продавали им» (8, 386). Конечно, говоря это Огановскому, поэт рассчитывал убедить генерала на основании конкретных примеров, имевших место, в частности, в Диадине и Баязете. Затем поэт стал разъяснять, насколько опасна политика, проводимая руководством русских войск, в результате ко-

---

¹ Цахкоц (Гюлисор) – одно из селений Эрзрумской губернии, неподалёку от села Кармирк Хоторджурского района.

торой армянские сёла остаются в большом отдалении друг от друга. «Большие армянские селения, – отмечает он, находятся на проезжей дороге. Трава, кизяк и еда закончились. Не разрешают обращаться к сёлам, находящимся в отдалении от дорог» (8, 386). Однако Туманян при этом считал наиболее губительным явлением (на которое он и обратил внимание генерала Огановского) то, что русское военное командование разоружает армянских добровольцев. Поэт сообщил генералу, что с учётом реальной и с каждым днём усиливающейся опасности нападения вооружённых курдских разбойников, он решил доложить об этом Армянскому национальному бюро и русским властям в Тифлисе и призвать их незамедлительно исправить ситуацию. «Оружие. Разоружили армян, во многих местах отняли даже оружие, имевшееся с турецких времён. Просить – дать армянам оружие, считая его наличие недостаточным, вместе с десятками тысяч их солдат и с нашей помощью разоружить курдов» (8, 386).

В этом контексте примечательны также несколько других предложений, которые Туманян, вероятнее всего, услышал от армянских добровольцев и русских военачальников и которые он решил представить в Тифлисе и проследить за их исполнением. Конечно, русское командование было вовсе не против, чтобы число армянских добровольцев ещё больше возросло, не возражало оно и против того, чтобы их славные победы на полях сражений обеспечивали не дезертирующие при первой же возможности и не имеющие никакого желания воевать русские солдаты, а поднявшиеся на ноги и храбро и отчаянно сражающиеся за освобождение своей родины армянские добровольцы. Туманян пишет: «Русский штаб предлагает армянскому штабу довести нашу армию для решения нашего вопроса хотя бы до 10000. У нас нет оружия, оружие следует купить у Японии – по 20 рублей за штуку, из расчёта 10000 ружей, по 500 патронов на ружьё» (8, 387).

Идею покупки оружия из Японии поэту внушил некий доброволец по имени Саак, который убедил его, что используемыми на тот момент «маузерами 9-го и 10-го калибра» сражаться невозможно, потому что они очень «слабые». Эти маузеры в основном используются неприятелем, и армяне беспокоились по поводу того, что даже если бы русские согласились их вооружить, то дали бы им отнятое у врага негодное оружие. И Туманян, поднимая этот вопрос и считая его очень важным, выполняет просьбу Саака, выражая свое согласие с ним: «Необходимо непременно купить оружие из Японии и расширить дело, – армию и оружие» (8, 387). Однако в условиях войны исключительно важное значение обретал вопрос организации обучения военному делу. Вопрос этот теперь стоял намного острее,

чем прежде, в мирное время. Одного только мужества и храбрости было совершенно недостаточно для победы. Именно по этой причине русское военное командование вместо того, чтобы озаботиться этим вопросом и предложить пути для решения проблемы, с нескрываемым пренебрежением и высокомерием относилось к армянским хмбапетам (атаманам). Офицер армянского происхождения тифлисского штаба армии Джанполадов информирует Туманяна: «Офицеры смеются и над Амазаспом, и над Керы. Они не имеют представления о пушках, пулемётах, о том, когда следует молчать... не знают, что нужно делать в том или ином случае» (8, 388).

Поэтому поэт был убеждён, что одной из важнейших задач, стоящих на повестке дня, является подготовка армянских офицеров. «Дайте нам (взамен студентов) людей, силы, революционеров, чтобы подготовить офицеров» (8, 387).

Поэт стал очевидцем действительных планов и замыслов царских властей, экспансионистской политики, недоброжелательного, мягко говоря, отношения значительной части русских генералов и старших офицеров. Были среди них и такие, которые даже не пытались скрывать своего резко отрицательного, предвзятого отношения не только к армянским добровольцам, но и ко всем армянам вообще. Поэт осознал, что русские сражаются на Кавказе только для того, чтобы завоевать Западную Армению как географическую территорию, и при этом абсолютно безразличны к судьбам турецко-подданного армянского населения. А турки, между тем, всячески стремились отвоевать Ардаган, Карс и Сарикамыш, после чего для них открывалась бы дорога на Тифлис. Однако в сражении за Сарикамыш 90-тысячная турецкая армия потерпела сокрушительное поражение. Достаточно сказать, что были убиты 78000 офицеров и солдат-аскеров, многие попали в плен, погибли от морозов. Проезжая по дороге к Сарикамышу, Туманян был настолько близок к передовой линии, что мог видеть, как русские разоряют курдские сёла, слышал ружейную перестрелку между армянами и курдами, видел группы пленных, пролежавшие несколько месяцев незахороненными человеческие трупы, разрушенные церкви и сёла, в которых остались только собаки и кошки, которые ужасно выли и мяукали по ночам – голодные и бездомные (10, 220). При этом поэт делится своим наблюдением: он считает, что собаки воют не только потому, что остались голодными и бездомными, но и потому, что своим собачьим инстинктом они чувствуют происходящие человеческие зверства.

Перехлёстывающие чувства поэта переплетаются с трезвой рассудительностью, и ему удаётся не потерять веру и оптимизм в безбрежном море разочарований и держать армянских воинов и ар-

мянский народ по возможности дальше от своих мрачных и безрадостных мыслей. Он понимал, что рождающееся из разочарований всеобщее отчаяние способно привести к ещё большему бедствию. Поэтому он делал всё, чтобы его вера и надежда на светлое будущее своего народа всегда оставались незыблемыми. Он узнал, увидел своими глазами всех виновных в армянском горе, в том числе и разжигателей, подстрекателей и вершителей этого кровавого и масштабного бедствия, встретился с русскими генералами, осознал, что каждое государство руководствуется только и только собственными интересами, однако как великий гуманист никогда и нигде – ни в своих выступлениях, как письменных, так и устных, ни в своих художественных произведениях не сеял ненависти и вражды.

Слабые лёгкие Ованеса Туманяна кое-как выдержали суровую декабрьскую стужу 1914 года, однако, несомненно, эти трудности и лишения не прошли бесследно и сыграли решающую роль в его преждевременном старении.

ОВАНЕС ТУМАНЯН НАКАНУНЕ ВТОРОЙ ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

Проходят месяцы после первой поездки Ов. Туманяна в Западную Армению, в зону боевых действий, а приносимые войной страдания и бедствия не только не отступают, но и возрастают, становятся всё более ужасными и поистине невыносимыми. Материалов и документов об этом – несметное количество. Это периодические издания, протоколы и резолюции собраний, свидетельства очевидцев, докладные, рапорты, отчёты и послания, а также письма, написанные фронтовиками, непосредственными участниками кровавых сражений.

Ещё с февраля 1915 г. повсюду распространяются вести и слухи о крайне безысходном положении беженцев из Западной Армении, нашедших пристанище в юго-западной части Грузии. «Тиф в Гори совершает нашествия на больницы. Двое раненых скончались. Дети многих жителей уже заразились. Со стороны городских властей никаких санитарных мероприятий до сих пор не было предпринято»¹.

Конечно, как различные комитеты и общественные организации, так и всё армянское население в меру своих возможностей помогали беженцам, многотысячная армия которых всё больше и больше возрастала, но для решения их бесконечных больших и малых проблем ресурсов было явно недостаточно. Помощь поступала

---

¹ «Оризон», 1915, N28, 6 февраля.

отовсюду – и из Тифлиса, и из провинций и районов. В Гандзаке 15-ое марта было объявлено «Днём одежды». О результатах этого благотворительного мероприятия сообщали все газеты того времени. «По решению местного комитета по делам беженцев сегодняшний день объявлен «Днём одежды». ...Для объезда были подготовлены около 15-и повозок. Сегодня все эти повозки украшены недавно зазеленевшими ивовыми ветками, сзади и по бокам прикреплены объявления на армянском и русском: «Помогите беженцам!», а на самих повозках развеваются трёхцветные флаги. Объезд начался в 10 часов утра и продолжился до 4-х часов вечера. Результат в деньгах составил 592 р., а одежд было собрано около вагона. После дезинфицирования одежда будет отправлена беженцам»¹.

И действительно, восточноармянское население старалось принести как можно больше пользы потерявшим свои дома и имущество, чудом спасшимся от резни соотечественникам, хотя и ему самому приходилось очень нелегко. В статье «Забытое решение» читаем: «Армянское крестьянство, а также другие сословия общества самоотверженным образом приютили турецкоподданных и ираноподданных беженцев и проявили о них заботу. Состоявшийся в Эчмиадзине съезд констатировал необычайные пожертвования со стороны крестьян. Все организации, занимающиеся делами беженцев и собирающие пожертвования для них наряду с центральным информационным органом Эчмиадзина взяли на себя все расходы беженцев, чтобы они больше не были обузой для крестьян»².

Ованес Туманян деятельно участвовал в работе Общества помощи беженцам и распределения пособий; поэт принимал также участие в формировании групп, отправляющихся в Западную Армению для оказания помощи местному населению. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления на имя поэта, в которых заявители просят привлечь их к тем или иным благотворительным мероприятиям, чтобы как-то помочь беженцам. Одна из подобных просьб содержится в адресованном поэту письме Петроса Тер-Манвеляна за 19 марта 1915 г., в котором автор просит включить его в одну из групп, отправляющихся в Западную Армению. «Глубокоуважаемый г-н Ованес, дорогой наш поэт, – пишет он. – ...Сегодня «Оризон» принёс очень радостную весть: приходский священник Мкртыч из Ардагана телеграфирует епископу Месропу, что «село Окропакерт не было разрушено. Есть необходимость оказания большой помощи». Нет сомнений, что Общество распределения пособий или Общество оказания помощи беженцам должны помогать про-

---

¹ Там же, N65, 27 марта.

² Там же, N108, 19 мая.

довольствием селу Окропакерт, жители которого не имеют никаких средств для жизни, поскольку их наверняка основательно ограбили. Конечно, Общество отбирает людей, приказчиков для отправления в сторону Ардагана, как для раздачи пособий окропакертцам, так и для определения понесённых ими убытков. Мне бы хотелось сопровождать эту экспедицию... Я просил бы Вас ходатайствовать перед святейшим, либо перед Благотворительным обществом, либо куда следует, чтобы я принял участие в экспедиции, что я считаю своим священным долгом...»¹.

На состоявшемся 20-22 февраля 1915 г. Национальном съезде Ованес Туманян в очередной раз избирается в центральный комитет реорганизованного Национального бюро. В состав центрального комитета, состоявшего из пятнадцати членов, вошли ещё епископ Месроп (председатель), Александр Хатисян и Овсеп Амирханян (сопредседатели), а также Лео, Геворг Хатисян, Степан Лисициан и другие².

В деятельности Национального бюро принимали участие представители «распорядительных органов» добровольческих отрядов и «хмбапеты».

Можно не сомневаться, что в этот особенно трудный для него период жизни Ов.Туманян ни за что бы не согласился стать членом какой-либо общественной организации или союза, если бы не был твёрдо уверен в его общенациональной политической или культурной значимости, надпартийной сущности. Предпринятую в этот момент реорганизацию Национального бюро он рассматривал как плодотворное и результативное средство для того, чтобы объединить, сконцентрировать лучшие интеллектуальные силы нации и направить их в едином русле, чтобы организоваться, консолидироваться всей нацией и действовать сообща, солидарно и единодушно. И действительно, Национальное бюро стало заниматься объединением и сплочением армянских вооружённых сил, связывая основную свою надежду с армянским добровольческим движением. Участие Туманяна подтверждает общественно важную и полезную для нации направленность деятельности Бюро и его благородные, честные цели и намерения. Писатель был уверен, что эта организация была создана своевременно и что учреждение её было продиктовано насущной необходимостью, поскольку ей предстояло выполнить труднейшую и очень ответственную миссию: вывести армянский народ из крайне бедственного положения, преодолевая навалившиеся на него и следующие одна за другой беды и напасти.

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, д. 2233 (470).

² См. «Краткий вестник деятельности Национального Бюро в 1915-1917 гг.», с. 3.

Главной, основной заботой для всех армянских национальных, политических и общественных деятелей того времени была судьба Западной Армении, все они мечтали о свободе и независимости этого исконно армянского края, однако предпочитали благоразумно умалчивать об этой общенациональной и самой заветной своей мечте во время встреч и переговоров с русскими высокопоставленными должностными лицами. «В начале мировой войны в Тифлисе состоялось что-то вроде Национального собрания русскоподданных армян, с участием представителей провинций. Номинально собрание было созвано для решения вопроса о том, какие именно добровольные и дополнительные обязанности должны взять на себя русскоподданные армяне для оказания помощи русской армии. Однако по существу всех собравшихся занимал вопрос независимости или автономии Турецкой Армении, говорить о котором не осмеливались, беспокоясь, что это может вызвать возмущение в правительстве и армии.

После закрытия заседаний состоялось большое торжественное пиршество в резиденции главы епархии Тифлиса. Провозглашались тосты за царя, за Воронцова-Дашкова, за русскую армию, за армянский народ и т.д., но никто не осмеливался открыть рот и сказать хотя бы одно слово о будущем Турецкой Армении, которая была предметом заботы для каждого. Очередь дошла до Туманяна, который, взяв бокал в руки, встал с места.

— Какой-то нищий и несчастный курд умер. Соседки собрались вокруг покойника. Жена покойного громогласно рыдала над телом мужа и причитала: «Вай, умереть мне за твой посеребрённый меч! Вай, умереть мне за твою златотканую одежду! Вай, умереть мне за твоего арабского скакуна!» Соседки, удивлённые такими причитаниями по покойнику, переглядываются. В конце концов одна из них не выдерживает, оборачивается к вдове курда и говорит: «Ахчи¹, но ведь у твоего мужа не было ни посеребрённого меча, ни златотканой одежды, ни арабского скакуна...» Вдова, вытерев глаза, отвечает: «Правильно, не было, но всё это он держал в своих мыслях». Теперь, господа, я поднимаю этот бокал за то, что вы держите в своих мыслях»².

В первые месяцы войны Туманяну не изменяло его прославленное чувство юмора, и об этом свидетельствует также Ширванзаде. В течение трудной и опасной поездки в зону боевых действий, когда армянская группа была вынуждена проходить по труднодоступным местам, полным смертельных опасностей и угроз, Туманян

---

¹ Просторечное обращение к девушке или женщине.

² См.: газета «Арач», Париж, 1982, 9-10 октября (на арм. яз.).

по дороге время от времени рассказывал забавные истории, анекдоты, то и дело шутил, и это очень помогало его спутникам преодолевать страх перед смертью и трудности пути.

Однако в дни всенародного бедствия он говорил с народом предельно серьёзно. Бедствие было общенациональным, и противостоять ему можно было только сплотившись, объединившись всем народом, всей нацией.

В своей статье «Бдительность», опубликованной 21 марта 1915г., поэт пишет: «Во время большой войны, когда каждый народ собирает воедино свои силы и напрягает их во имя всеобщего дела и цели, для армянского народа явилось удачей, что было создано Армянское национальное бюро. Национальное бюро принесло нам ту солидарность и то единение, которые были необходимы в это смутное и трудное время. Объединив все наши силы невзирая на партийные различия, оно пришло, чтобы в меру своих сил помочь той борьбе, которая обещает небольшим нациям права и свободу.

Разве может встать перед каким-нибудь народом более великая и священная цель, разве можно мечтать о более удобном моменте, разве можно создать более желаемый орган?» (7, 163).

Чуть ли не половину данной статьи, то есть почти всё, что следовало за этими строками, царские цензоры запретили к публикации на страницах «Оризона», и поэтому целая колонка в газете так и осталась пустовать. Можно только догадываться, что в довольно большом отрывке статьи, вырезанном цензорскими ножницами, речь шла не только о более определённых, конкретных целях и задачах Национального бюро, но и о борьбе за осуществление «священного стремления» армянского народа, об освобождении родины от её векового врага.

Продолжая верить в мощный «третий удар», в завоевание Полиса и освобождение западноармянского коренного населения, писатель-публицист призывает своих соотечественников к бдительности, и призыв этот был направлен в первую очередь на поиски путей спасения, а для этого, по его убеждению, необходимо было прийти к национальному единению и активно сотрудничать с силами, борющимися с нашим вековым врагом. Фактически цензура допустила к публикации только ту часть статьи, в которой говорилось о необходимости объединённой борьбы вместе с Россией и Антантой, Тройственным союзом. В заключительной части статьи Туманян пишет: «Если мы являемся таким народом, который заслуживает лучших дней и лучшего будущего, то мы не должны допустить, чтобы в момент этого священного стремления в нашей среде находили пищу и взрастали дурные ростки несогласия. Мы должны сплотиться, должны объединить все наши силы и направить их на

то, чтобы помочь победе России и Тройственного союза, которая ...является нашей победой и требует несомненного и прочного объединения в большой войне, чтобы выпестовать великое будущее» (7, 163).

Для писателя призыв к бдительности равносителен призыву к национальному единению, поскольку любое внутреннее разногласие было бы огромной и недопустимой расточительностью в тот роковой и судьбоносный момент. В тот момент слова «бдительность» и «единение» представлялись поэту синонимами. Он связывал большие надежды с реорганизованным, обновлённым Национальным бюро, потому что оно символизировало для него национальное единение.

Всякий раз, когда очередное отступление русской армии приостанавливалось и начиналось новое наступление, надежда и вера Туманяна возрастали. Каждая, пусть даже самая незначительная победа на поле брани, возвращение каждого вынужденного скитальца-армянина в родные края воодушевляли его. Из этих переживаний рождается статья «Наши священные долины», которая была опубликована в «Оризоне» 31 марта 1915 г. без каких-либо сокращений и купюр. Вера и надежда Туманяна были также проявлением веры и надежды его лишившихся родины соотечественников, поскольку жестокая и кровопролитная война всё ещё продолжалась, но прошедшие через все круги ада, видевшие погромы и резню алашкертцы возвращались вместе с русскими войсками в свои родные края, в свои разорённые очаги. «Так было во время всех русско-турецких и русско-персидских войн. Армянский народ всегда отступал и шёл вперёд вместе с русской армией» (7, 164). Говоря о «священных долинах», Туманян имел в виду долины, располагавшиеся между двумя реками, символизирующими его раздвоенную, разделённую на две части родину, – Араксом и Евфратом. «Одна река – это наша Матушка Река, а другая – наша Священная Река. В долине одной реки развилась и прошла наша прошлая политическая жизнь, в долине другой реки расцвели наши древние и новые верования, наши национальные святыни, наша национальная письменность и литература» (7, 164). К этому времени вера и надежда Туманяна были настолько могучими, что он и краешком мысли не мог себе представить, что его западноармянские соотечественники могут лишиться всего своего годами нажитого имущества, своих домов и очагов, своей родины. Хотя, возможно, он тем самым хотел заверить позарившихся на наши родные края врагов, что у нас невозможно отнять нашу землю, нашу родину. Поэтому он и говорит: «Вероятно, легче будет выселить армянский народ из Эчмиадзина, чем из долин Аракса и Евфрата» (7, 164). Вот такая сильная была у него

вера, и это при том, что совсем недавно он сам был очевидцем, как турки и курды «зверски растерзали попавшее к ним в руки армянское население Зеткана, Молла Сулеймана, Хастура и других сёл» (7, 165). И это при том, что тот же непримиримый враг продолжал вперять свой взор в долину Евфрата – реки, которая была колыбелью человеческой цивилизации, была той родиной армян, где обитали их «старые боги» и цари, где многие властелины и тираны нашли свою кончину, где даже сама природа, родные горные вершины, хотя они и были многократно орошены кровью армян, должны были придавать силу родному народу, чтобы он мог там жить и созидать. Вера Туманяна была верой армянского духа, родившегося из армянской земли и армянской истории. Поэт во всеуслышание заявляет, что долина Евфрата – это Армения, где «язычники-армяне отмечали свои праздники Вардавар и Цахказард, почитали своих богов – Анаит и Астхик, Арамазда и Ваагна. В этой долине армянский народ вместе со своим Трдатом Великим получал крещение в священных водах Арацана, принял христианство и воздвигнул храм на месте своего крещения, выгравировал на его челе: «Кто ринется на эту скалу, будет сокрушён, а на кого обрушится эта глыба, тот потечёт, словно вода». В этой долине, где армянский народ веками сталкивался лоб в лоб со всеми властителями Персии и Востока. В этой долине стелется поле Дзирава; здесь своими бессчётными победами возвысились династии Аршакуни, Багратуни, Мамиконянов и Арцруни. В этой долине, окружённой горами Цахканц, хребтами Бартоха, Нпат и Сукавет, подняв свою седую голову до самого неба, сторожит Свободный Масис» (7, 165).

В этих строках ярко отразилось туманяновское восприятие родины, – ответ на вопрос, почему следует любить свою родину и почему не следует ей покидать. Родина – это обычаи и обряды, традиции и культура; природа – земля, горы, ущелья, леса и поля, реки и озёра, боги и цари, победы и поражения, боль и страдания, вся история, вся биография нации. Вот почему, независимо ни от чего, всегда следует возвращаться на родину. Часть алашкертцев возвращалась к своим разрушенным и разграбленным очагам в то самое время, когда другую её часть «сегодня терзают, трупы ещё не захоронены, а над оставшимися в живых всё ещё воют курды из Глидж-Гядука и свистят их пули» (7, 165).

В советские годы при публикации этой статьи в первом научном издании собрания сочинений Ов.Туманяна (1950-1960 гг.) из её текста по идеологическим соображениям были изъяты заключительные строки, в которых поэт призывает всегда возвращаться в Западную Армению, а если это по каким-то причинам невозможно, то нужно объяснить властителям мира, что стремление армянина к

своей исторической родине никогда не угаснет. Вот эти строки, которые были вырезаны из статьи ножницами советской цензуры: «Но снова вернёмся к той долине... Непреодолимо стремиться к той долине наши сердца, наши мысли, наши души. Там находится для нас всё то, что превращает наш народ в великий и прекрасный, то, что даёт нашему народу жизнь и душу.

Пойдём навстречу заветной долине Матери Аракса и Священного Евфрата» (7, 166).

Конечно же, на эту статью не могло не оказать своего воздействия первое путешествие Ов.Туманяна в те края Западной Армении, о которых он пишет. В статье ощущается огромная, безграничная гордость и любовь поэта к родной земле и природе, к армянской истории и культуре, та самая любовь, которая стала ещё более конкретной и предметной после того, как он увидел свою историческую родину воочию.

22 декабря 1914 г. русская армия заняла Сарикамыш и успешно его удерживала, несмотря на продолжающиеся бои и отчаянный натиск неприятеля, и взятие Константинополя стало обретать вполне реальные очертания. Во всяком случае, согласно выходившим в Тифлисе периодическим изданиям, 15 марта 1915 г. Босфор подвергся сильной бомбардировке, и турки были охвачены не просто тревогой за судьбу крупнейшего своего города и оплота, а самым настоящим ужасом и паникой. Они стали в спешном порядке сооружать защитные крепостные стены, стали минировать все подходы к городу, а 22 марта турецкое правительство оставило Константинополь и перебралось в город Эски-Шехр. Подобно многим другим, Туманян также верил, что турецкие военные корабли не выдержат фронтальных нападений русского морского флота. И всё же, несмотря на то, что поэт продолжал верить и надеяться на победу русской армии, ощущение близкой беды, надвигающегося страшного бедствия также не оставляло его. Во второй декаде марта 1915 года в письме Филиппосу Вартазаряну Туманян пишет: «Тифлис и весь Кавказ, и особенно кавказское армянство пережили очень волнительные дни. После сражения Сарикамыша стало ещё очевиднее, насколько большой была опасность, а беспокойство — обоснованным. Конечно, опасная ситуация всё ещё продолжается, но самое главное уже позади. Теперь со дня на день ожидаем взятия Полиса, которым, конечно, всё должно завершиться.

Положение нашего народа, находящегося в пределах войны, ужасно. Истории о зверствах, резне и страданиях одна ужаснее другой, и нет им конца» (10, 222).

В 1915 г. военные действия на Кавказском фронте проходили в основном в районе Сарикамыша. Там сражался 4-й Кавказский ар-

мянский корпус, в составе которого были воинские подразделения под командованием Абадиева, Трухинина, Чернозубова, Николаева.

Ов. Туманян как член Комиссии, осуществлявшей помощь пострадавшим от войны, принимал участие, а во многих случаях руководил различными мероприятиями, одним из которых было предотвращение эпидемий. Повсюду школьные здания и все подходящие строения оборудовались под больницы. Так, например, 12 апреля 1915 г. тифлисская городская больница была настолько переполнена, что оттуда за один только день перевезли в переоборудованное под клинику новое здание школы Нерсисян 183 раненых и больных солдат.

В опубликованном в апреле отчёте осуществляющего помощь беженцам Центрального комитета, одним из самых активных членов которого был Туманян, говорилось: «В результате отчёта комитета выяснилось, что комитет с начала своей деятельности и по сей день предоставил в пользу пострадавших от войны 185.000 р. В пользу беженцев: из 30.000 рублей, выделенных со стороны гражданского самоуправления Москвы, комитет выделил беженцам Борчалу, беженцам Ардвина – 2000 р., беженцам Алашкерта – 6000 р., и беженцам, выхаживаемым в Тифлисе, – 3000 р.»¹.

Одно за другим начинают открываться общества по выхаживанию сирот, которые на заседаниях своего правления, годичных общих собраниях, в публикуемых протоколах и сообщениях постоянно информировали общественность о своей выполненной и предстоящей работе, о затраченных суммах, очередных нуждах².

Беженцы из Западной Армении находили пристанище преимущественно в районах Басена, Ларса и Тахта, и по этой причине для указанных трёх районов были назначены специальные разъездные контролёры – с целью контроля за распределением помощи беженцам. «Комитет из суммы 3000 р., выделенных на нужды беженцев, купил ткани для подушек, нанял врачей – исключительно для оказания помощи беженцам... Беженцам выдаётся очень скромное пособие и к тому же – мукой или хлебом, а не деньгами»³.

Туманян старается не поддаваться панике в связи с многочисленными сообщениями о резне и погромах в разных регионах Западной Армении. Пряча «безбрежное море армянского горя» в самых

---

¹ «Оризон», 1915, N78, 12 апреля.

² Годичное общее собрание одного из таких обществ состоялось 11 марта 1915 г. в здании одного из сиротских домов Тифлиса, которое располагалось по адресу: ул. Петхамская 3, в частном доме. На повестке дня был отчёт за 1914 год, связанный с выхаживанием сирот, а также утверждение сметы на 1915 год. См. «Оризон», 1915, N101, 10 мая.

³ См. «Оризон», 1915, N88, 24 апреля.

глубоких и невидимых складках своей души, он пытается воодушевить, заражать армянских воинов ожиданиями победы, верой и надеждой на благоприятный исход войны, организовывая пожертвования и вспомоществования и лично участвуя в этих мероприятиях, оказывать помощь беженцам и сиротам. В одной из публикаций в газете «Оризон» за 10 мая 1915 г., размещённой в разделе «Внутреннее обозрение» общей рубрики «В пользу армянских добровольцев» приводится список участников добровольных пожертвований в рамках благотворительного мероприятия «Тифлис в ежемесячных выплатах», и первым в этом списке указывается имя Ованеса Туманяна: «Ов. Туманян – 25 р., Г. Хатисян – 25 р., Ал. Паповян – 25 р., Арт. Абемян – 10 р., С. Тигранян – 25 р., О. Хунунц – 40 р., С. Лисициан – 25 р., С. Врацян – 15 р., Ник. Агбалян – 10 р., Х. Карчикян – 25 р., ...Арш. Казарян – 3 р., Нар-Дос – 3 р., Сринг – 3 р., Аб. Иоаннисян – 5 р. ... итого 385 р.»¹.

Были в указанном списке и другие имена с минимальными пожертвованными суммами. Как говорится, в подобных случаях главное – участие, а не величина выплаченной суммы. Однако, если иметь в виду очень тяжёлое материальное положение поэта, множество кредиторов (в их число входили чуть ли не все банки Тифлиса), то в этом случае величина пожертвованной суммы также имеет своё значение.

Казалось бы, делалось всё возможное и невозможное, чтобы преодолеть обрушившееся на армянский народ невиданное бедствие, но самое худшее, самое ужасное было ещё впереди.

«О ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ДАЙ ПЛЮНУТЬ МНЕ ТЕБЕ В ЛИЦО!»

Первая мировая война с самого своего начала стала для младотурок сигналом к осуществлению давно вынашиваемого плана по массовому физическому уничтожению армянского населения страны. Факты красноречиво свидетельствуют о том, что геноцид армян был государственной политикой Османской Турции и подробно разрабатывался правительственными структурами ещё задолго до войны. Резня и погромы время от времени организовывались в самых разных армянонаселённых регионах Западной Армении.

15 октября 1914 г. партия младотурок «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») приняло своё чудовищное решение — раз

---

¹ См. «Оризон», 1915, N101, 10 мая.

и навсегда покончить с «Армянским вопросом». В качестве мотивации власти ссылались на «нелояльность» армянского населения по отношению к Османской Турции. Однако это было явной нелепостью, поскольку о русской ориентации западноармянского населения можно было говорить только после открытия русско-турецкого фронта. Между тем к моменту принятия упомянутого решения Россия ещё не объявила войну Турции. Напомним, что только на следующий день, 16 октября 1914 года турецкий военный флот, руководимый немецкими офицерами, приступил к бомбардировке русских городов Северного Причерноморья. И России ещё только предстояло объявить Турции войну — через несколько дней, 20 октября¹.

Таким образом, решение о массовой насильственной депортации армянского населения Османской Турции с последующим его физическим уничтожением в пустынных местностях было принято осенью 1914 г. Самими младотурками это решение воспринималось как важный шаг по осуществлению повсеместного геноцида армян. После того, как война добралась до Западной Армении, в том числе и до Полиса, армяне забеспокоились и стали вести себя ещё более осторожно и осмотрительно: было не так уж трудно догадаться, что Турция попытается использовать подвернувшийся благоприятный случай, чтобы избавиться от коренного армянского населения и застрявшего, словно кость в горле, пресловутого «Армянского вопроса».

Весной 1915 г. среди тифлисского армянского населения в связи с беспокойством о дальнейшей судьбе западноармянских соотечественников царили противоречивые настроения. С одной стороны, продолжалось продвижение русской армии в нескольких направлениях — как в сторону Олти и Ардвина, так и в сторону Полиса, с другой стороны, приходили вести об ужасных погромах, резне и насильственной депортации армян. Тифлисское армянство, естественно, продолжало связывать все свои надежды на спасение с Россией, с освободительным наступлением русских войск. Предводитель Армянской Апостольской Церкви католикос всех армян Геворг Пятый 7 апреля 1915 г. оповещает министра иностранных дел России Сергея Дмитриевича Сазонова о крайне бедственном положении западноармянского населения. «По полученному телеграфному сообщению, подтверждаемому другими источниками, происходит резня беззащитных, обезоруженных армян — в Эрзеруме, Держане, Зейтуне и окрестностях; кровавые столкновения — в Бит-

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 13, д. 281, л. 16.

лисе, Ване, Муше; насилия, грабежи, убийства — в Эгине, Киликии, экономическое разорение всего армянского народонаселения. Паства моя волнуется»¹. Верховный патриарх просит о помощи: «Убедительно прошу Ваше высокопревосходительство не отказать моему народу в дальнейшем гуманном покровительстве и в защите в этот критический момент, спасти всеми возможными мерами невинно погибающих христиан. Удрученный леденящими душу вестями, одновременно обращаюсь телеграфно к нейтральным державам: президенту Соединенных Штатов и королю Италии с просьбой о защите подвергавшегося избиениям мирного населения. Почтительно прошу, найдите возможным сообразоваться поручить Вашим послам в упомянутых государствах воздействовать во имя христианства и гуманности на правительства последних в целях прекращения избиения армян и бесчинств в Турецкой Армении»².

Ещё несколько дней спустя до Тифлиса доходят известия о героическом сопротивлении жителей Вана. Восьмого апреля 1915 г. началась депортация армянского населения Зейтуна.

В мае 1915 г. трагические события произошли в Харберде. Первого мая были арестованы видные представители интеллигенции местного армянского населения. Под предлогом поиска спрятанного оружия начались истязания сначала мужчин, а затем и женщин. Особенно жестокими были истязания священнослужителей. Турки подвергали их самым изощрённым издевательствам, таскали их за бороды, вырывая из них клоchyя волос, избивали, сжигали живьём, стискивали их головы с такой силой, что люди теряли сознание от боли. Изуверы вешали людей и в полумёртвом состоянии снимали с виселицы, требовали, чтобы жертвы в полубессознательном состоянии сообщали им о спрятанных деньгах и драгоценностях и подписывали всё, что они им прикажут. Самым бесчеловечным и безжалостным образом вбивали им в ступни гвозди, подковывали, распинали³.

Очевидец тех трагических событий свидетельствует: «Священника Тер-Асатура из селения Кармир, находящегося в трех с половиной часах пути от Харберда, в полуудавленном состоянии повесили, потом вынули из петли и потребовали, чтобы он указал место, где хранится оружие. Он стойко держался, и за это был жестоко из-

---

¹ Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915-1916 гг. Сост. Абраамян Г.А., Севан-Хачатрян Т.Г., Ер., 1995, вып. 1, N 26, с. 21. Геноцид армян в Османской империи. Под ред. Нерсисяна М. Г., Ер. 1983, 2-изд., № 144-148, с. 279-281.

² РГИА, ф. 821, оп. 13, Д. 279, л. 10-12.; См. также: Геноцид армян в Османской империи. Под ред. Нерсисяна М. Г., Ер. 1983, 2-изд., № 143, с. 278.

³ Там же, с. 490.

бит. Достопочтенного священника утром отпустили, чтобы он указал место, где хранится оружие. Несчастный убежал в селение Хойлу и бросился в колодец, откуда жандармы его тотчас же извлекли и после продолжительных истязаний размозжили ему голову топором»¹.

Столь же жестоким истязаниям подвергся другой священник, Тер-Атовм. Его «оседлали, как лошадь, сели на него верхом и полтора часа гоняли. Его довели до изнеможения и затем потребовали, чтобы он выдал тайны и указал место, где хранится оружие. Он стойко и твердо отпирался, тогда его подковали и распяли... Под тяжестью этих мук он испустил дух»².

В конце 1915 г. недовольство министра внутренних дел Турции Талаат-бея вызвала ссылка католикоса Киликии в Алеппо. Талаат был взбешён тем, что католикоса оставили в живых; он в срочном порядке послал губернатору Алеппо зашифрованную депешу, чтобы впредь никогда не сохраняли жизнь армянским священнослужителям и духовным руководителям и чтобы учинили расправу над ссыльными деятелями армянской церкви. В депеше говорится: «1 декабря 1915 г. До нашего сведения дошло, что некоторые духовные лица отправлены в такие сомнительные пункты, как Сирия и Иерусалим, несмотря на то, что армянское духовенство должно быть истреблено в первую очередь. Подобное разрешение вопроса является непростительным упущением. Место высылки этих мятежных людей - уничтожение. Я рекомендую Вам действовать в соответствии с этим.

Министр внутренних дел Талаат»³.

Весной 1915 г. на Кавказском фронте началось массовое переселение армян, и подробности этого нового тяжкого испытания стали вскоре доходить до Тифлиса и стали предметом ещё одной заботы для армянских политических и общественных деятелей и вообще для всего населения Восточной Армении. Национальное бюро без конца посылало в Западную Армению своих представителей и, получив проверенную и достоверную информацию об оставшихся там или бежавших из этого ада соотечественниках, всячески стремилось помочь им – насколько это было возможно в то смутное и трудное время. Епископ Нерсес, который 21 апреля отправился по делам беженцев в Маку, писал оттуда: «Болезнь ветрянки, широко распространённая среди детей в нескольких селениях этого района, преимущественно в Астапате, унесла довольно много жизней. В не-

---

¹ Там же, с. 491.

² Там же.

³ Там же, с. 485-486.

которых сёлах часть плодовых деревьев в садах замёрзла из-за имевших место в последнее время сильных дождей и морозов...»¹.

Каждый день Ов. Туманян лично получал известия подобного рода и принимал активное участие в организации конкретных мероприятий, призванных хотя бы немного улучшить ужасное положение беженцев. Для этого поэту приходилось сотрудничать с десятками помогающих беженцам комитетов, обществ и иных благотворительных организаций. Национальное бюро каждый день созывало совещания и заседания, в работе которых почти всегда принимал участие и Туманян. А телеграммы о новых погромах, грабежах, убийствах, насильственных действиях и депортации армян всё продолжали и продолжали идти. Национальное бюро работало с большой перегруженностью, в режиме чрезвычайного положения, выносило экстраординарные решения. Поэт свидетельствует: «У нас состоялось совещание с верхами, были чрезвычайные уведомления и распоряжения, посмотрим, что из этого получится» (10, 223).

Общеизвестно, что Ов. Туманян был исключительно сдержанным человеком и не имел привычки говорить во всеуслышание о своих переживаниях, личной боли и печали, однако даже ему это удавалось с большим трудом и не всегда. Так, в письме к другу Филиппосу Вардазаряну от 19 апреля 1915 г. он под тяжёлым впечатлением от полученной днём раньше телеграммы признаётся: «Если меня спросят о моём самочувствии, то я по причине печальной гармонии внешних и внутренних обстоятельств не смогу признаться с гордостью, что у меня всё в порядке».

Но кто в это время говорит о внутренних обстоятельствах, когда перед нашими глазами переворачиваются миры? А тут ещё вчера мы получили новую телеграмму, что в Западной Армении начались масштабные погромы и резня, – то, чего мы все ожидали постоянно и о чём из опасения старались не говорить» (10, 223).

Однако поэт не может сдерживать себя и не выразить своего возмущения и гнева по поводу турецких преступников, этого «всемирного чудовища», и он не хочет расстаться со своей верой и надеждой увидеть врага разбитым и разгромленным. В этом письме другу и меценату он не сообщает ни слова о своих личных и семейных делах, о своих нескончаемых трудностях и проблемах, он просто говорит ему то, что постоянно повторял в этот период: «Да, вот именно, турки в последний раз купаются в крови нашего несчастного народа. Я уверен, что это должно быть последним преступлением этого международного чудовища, но и для нас, впрочем, может стать ужасным ударом» (10, 223).

---

¹ «Оризон», 1915, N91, 28 апреля.

Чаша терпения всегда спокойного и уравновешенного поэта переполнилась, и если он мог себя сдерживать в своих художественных произведениях, публицистических статьях, выступлениях и не давать турецким извергам оскорбительных характеристик, то в личных письмах он чувствует себя намного более раскованно и называет их «всемирным чудовищем».

Ованес Туманян был ещё и председателем Кавказского общества армянских писателей, и он старался сделать так, чтобы другие известные писатели, члены Общества, также поднимали свои голоса против происходивших несправедливостей и жестокостей, дабы мир услышал и узнал о совершаемом в это самое время крупномасштабном и чудовищном преступлении против всего армянского народа. По этой причине он выходил с одного совещания и спешил успеть на другое, писал воззвания, искал какого-нибудь выхода из создавшегося положения. В апреле 1915 г. поэт пишет: «Каждый день, каждый день мы на заседаниях, нервные, возбуждённые, усталые; вот и сегодня у меня три заседания, ожидаю какой-то комиссии, которая должна прийти, чтобы мы отредактировали воззвание Общества писателей – с целью телеграфировать воззвание писательским организациям почти всех наций мира, крупным газетам и видным писателям» (10, 223-224).

Туманян продолжал получать многочисленные телеграммы из Маку, Вана, Эрзрума и других мест. В них звучала тревога и предостережение о том, что в скором времени всё армянское население Западной Армении и Киликии может подвергнуться резне, погромам и грабёжам. Этой информацией писатель делится с товарищами на заседании правления Общества писателей и сообщает, что готов написать от имени Общества воззвание, обращённое к разным народам мира, великим и нейтральным державам, их литературным организациям, редакциям газет, академиям и выдающимся писателям. Об этом свидетельствует также отчётная ведомость правления Общества писателей, посвящённая деятельности организации за 1914-1916 гг.¹.

В апреле 1915 г. Ов. Туманян от имени Кавказского общества армянских писателей обратился к властям разных стран мира, писательским организациям и редакциям, призывая их поднять свой голос в защиту народа, подвергающегося невиданным и неслыханным до того времени гонениям и преследованиям, стоящего перед угрозой полного физического истребления. В периодике воззвание было опубликовано 21 апреля 1915 г. Не следует думать, что писа-

---

¹ МЛИ им. Е. Чаренца, ф. Кавказского общества армянских писателей, д. 43/31,49; Музей Туманяна, отдел документов, д. 3427.

тель был настолько наивен, что думал, что с помощью каких-то воззваний можно разбудить совесть и сострадание народов мира. Но, тем не менее, как бы он ни сомневался в действенности и результативности подобных обращений, всё же он считал единственно правильным и безальтернативным решением бить в набат, звонить во все колокола. Туманян вообще был очень деятельной натурой. Он не мог бездействовать, сидеть сложа руки, просто пассивно скорбеть о царящей в мире несправедливости или отвлечённо бормотать слова о мести и возмездии. Нет, ему необходимо было действовать и верить при этом, что своей деятельностью, своими действиями он может хоть чуточку помочь общему делу, если сумеет довести до сознания прогрессивного человечества сущность трагедии армянского народа. Поэт продолжал верить, что во всех народах мира найдутся всемирно известные и авторитетные личности, которые поднимут свой влиятельный голос «во имя человеколюбия, христианства и культуры», поскольку он сам поступил бы именно так – даже если бы речь шла о турецком народе, вековой жертвой которого были его соотечественники и его историческая родина. Он был убеждён, что любое действие в любом случае и во всех отношениях лучше, чем бездействие, что необходимо рассказать миру об армянском народе, о его исторических судьбах и о постигшей его в эти дни страшной трагедии. Туманян пишет: «Армянский древнейший народ стал одной из первых жертв великого турецкого похода. Со дня появления турок наша история и литература захлебнулись в крови и слезах, наша национальная культура была разрушена, и наше имя можно услышать только в связи с неслыханными погромами и ужасами. Наше положение особенно усугубилось с того дня, когда мы начали протестовать и заговорили о самых элементарных человеческих правах. Вот и сегодня, во всемирной суматохе, заблокированное и оставленное один на один со своей вековой жертвой, турецкое правительство встало на ноги, чтобы превзойти все свои совершённые до нынешнего дня преступления, чтобы резнёй раз и навсегда положить конец протесту и суду армянского народа. Оно начало резню от Эрзрума до Киликии, от Чёрного моря до Междуречья.

Общество армянских писателей в условиях этого ужасного кризиса обращается к совести наций - в лице их светлых учреждений и лучших сынов, просит поднять свой влиятельный голос против этого беспримерного преступления, во имя человеколюбия, христианства и культуры» (7, 166).

Воззвание на русском, французском и английском языках передаётся в апреле 1915 г. правительствам Италии, Болгарии, России, Румынии, Америки, Англии, Франции и других стран. Телеграммы,

отосланные в Америку, либо по недоразумению, либо из-за проблем, связанных с условиями военного времени, вернулись обратно, а периодические издания других стран как-то откликнулись на “Воззвание”.

Лео так же, как и Туманян, был членом Армянского национального бюро, однако не приветствовал этих усилий писателя, считая его инициативу совершенно бесполезным делом и будучи твёрдо уверенным, что “Воззвание” не получит никаких откликов. Он пишет в своих воспоминаниях: «Я снова донёс до него голос своего пессимизма, сказав, что жалко тех денежных средств, которые должны быть затрачены на такое количество телеграмм, однако он не захотел ничего слушать, был глубоко убеждён, что голос литературы не может не быть услышанным повсюду.

Он отправил телеграммы. И, конечно, ничего из этого не вышло. Бедный поэт! Он не знал – да и кто мог знать – что те государства, в которых расцветают эти научно-культурные учреждения, должны превратить реки крови армян в нефть Мосула или же в концессию Честера, чтобы наполнить карманы своих вампиров»¹.

Слова Лео о том, что «ничего из этого не вышло», не вполне соответствуют действительности, потому что многие передовые общественные, политические деятели, а также известные деятели науки и культуры – Джеймс Брайс, Арнольд Тойнби из Великобритании, Максим Горький, Валерий Брюсов из России, Анатоль Франс, Жак де Морган из Франции, Йозеф Маркварт из Германии, Герберт Гиббонс из Соединённых Штатов Америки, Франц Верфель из Австрии и многие другие – публично осудили преступные действия турецких варваров. И в этом деле свою роль сыграли многие армяне, поднявшие голос протеста и оповестившие мир о Геноциде армян в Османской империи. И среди них, конечно, был и Ованес Туманян.

В те самые роковые апрельские дни 1915 года, когда Ованес Туманян взывал к «властителям цивилизованного мира» и прогрессивным силам, действительно озабоченным дальнейшей судьбой человечества, правительство Османской Турции, первым делом обезоружив, а затем изгнав из своих домов и уничтожив всё мужское армянское население, приступило к следующему своему шагу: стало в массовом порядке арестовывать, ссылая и уничтожать представителей армянской интеллигенции, партийных и общественных деятелей, учителей, священников... Тем самым турецкие власти хотели лишить армянское население его руководящей, направляющей и организующей силы.

---

¹ Туманян в воспоминаниях современников, с. 97.

Начался новый, второй этап геноцида...

Доктор Назим на одном из тайных совещаний лидеров младотурок представляет свою программу, концепцию и обоснование необходимости физического уничтожения армян, подчёркивая, что начавшаяся война является очень удобным поводом для того, чтобы навсегда похоронить так называемый «Армянский вопрос».

15 апреля 1915 г. министр внутренних дел Турции Талаат, министр обороны Энвер и один из идеологов и руководителей партии «Иттихат ве теракки» Назим заявляют, что каждый, кто осмелится защитить или спрятать армян, будет объявлен предателем и врагом родины и строго наказан. Так весной 1915 г., прикрываясь необходимостью проведения массовой депортации, младотурки приступают к выполнению своего изуверского плана по уничтожению армян. По совместному решению и распоряжению триумvirата Талаат-Энвер-Назим местные власти провинций на рассвете 24 апреля начинают переселять армянское население в направлении сирийской пустыни Дер-Зор. В первую очередь сослав и уничтожив всё мужское население в возрасте 18-45 лет, затем учинив жестокую расправу над армянской интеллигенцией, младотурецкие власти приступают к насильственной депортации и уничтожению оставшихся совершенно беззащитными женщин, детей и стариков. Все губернаторы Западной Армении получают секретный приказ об уничтожении армян.

То, что в качестве мишени на начальном этапе была избрана армянская интеллигенция, и то, что резня и погромы осуществлялись с исключительной и беспрецедентной жестокостью, не могло оставить равнодушным армянское население Тифлиса. Началось величайшее в истории преступление против человечества, охватившее всю территорию от Эрзрума до Междуречья и далее – до Киликии. Это был геноцид армян, первый геноцид двадцатого столетия.

Население Восточной Армении особенно возмутило и потрясло известие об аресте и ссылке западноармянских духовных деятелей, в частности, наместника патриарха и восьмисот представителей интеллигенции¹.

26 апреля 1915 г. патриарх Завен представил меморандум великому визирю Саиду Галиму-паше². В меморандуме декларирова-

---

¹ «Оризон», 1915, N84, 19 апреля.

² **Саид Галим-паша** (1863-1921) – турецкий государственный деятель. Один из руководителей младотурок и организаторов геноцида армян. Был известен своими теоретическими сочинениями. Считал, что ислам, в отличие от «препятствующего прогрессу христианства», является демократической религией, основанной на равноправии и свободе личности. По этой причине, согласно Саиду Галиму, в исламском мире нет необходимости в борьбе за демократию и

лась лояльность армян властям Османской империи, а также выражались беспокойство и тревога по поводу совершаемых массовых арестов. Великий визирь выразил удивление и решительно отверг какие-либо сомнения в лояльности и преданности армян.

Массовые аресты армянской интеллигенции на всей территории Османской империи начались за три дня до арестов в Константинополе, однако самый тяжёлый удар по интеллигенции был нанесён именно в Полисе. 24 апреля и в течение нескольких последующих дней в этом городе были арестованы и сосланы тысячи армян, в том числе писатели, искусствоведы, врачи, учителя, общественные деятели. В большей части источников о геноциде армян говорится о 235-и представителях армянской интеллигенции, арестованных в Полисе 24 апреля 1915 г., а за несколько дней до этого и в последующие несколько дней были арестованы ещё сотни других, в том числе 196 писателей, журналистов, публицистов, 176 педагогов, 160 юристов, 168 художников, 575 музыкантов и композиторов, 62 архитектора, 64 артиста и т.д. Однако этот список далеко не полный¹.

По дороге в ссылку армянские интеллигенты подвергаются самым изощрённым издевательствам и унижениям. Об этом свидетельствуют и зарубежные источники. Сопоставление опубликованных архивных документов Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, которые являлись союзниками Османской империи во время Первой мировой войны, свидетельствует о том, что уничтожение армянской интеллигенции являлось одним из этапов геноцида армян в Османской империи в 1915-1916 гг. Его целью было обезглавить нацию и тем самым реализовать план по уничтожению армянского народа. Уничтожение армянской интеллигенции доказывает тот факт, что геноцид армян был спланирован и осуществлен младотурками на государственном уровне².

свободу. В 1913 г. был назначен великим визирем, одновременно продолжая исполнять обязанности генерального секретаря партии «Единение и прогресс». В завершающий период Первой мировой войны уступил должность великого визиря Талаату, после заключения мира в 1918 г. был арестован и привлечён к ответственности в качестве военного преступника и одного из организаторов депортации и массовой резни мирного армянского населения. Однако благодаря политическим интригам англичан ему удалось уйти от ответственности и отделаться ссылкой на Мальту, а в 1921 г. – освободиться. 6 декабря 1921 г. в Риме Саид Галим был застрелен армянским народным мстителем Аршавиром Ширакяном.

¹ Именной список арестованных представителей интеллигенции см.: И.Лепсиус, Секретная ведомость. Резня армянского народа. Ер., 2003, с. 129 (на арм. яз.).

² См. Германские источники о геноциде армян; Период Первой мировой войны. Сб. док. и мат., в 2-х т., сост. Степанян С. С., т. 1, Е., 1991., Армянский вопрос и

Самоочевидно, что массовое уничтожение армянской интеллигенции ставило целью предотвратить какую-либо возможность и попытку организации самообороны во время резни и погромов. Самая большая часть армянской интеллигенции была сосредоточена именно в Константинополе, здесь же находились посольства крупных европейских стран. Удалив армянскую интеллигенцию из города, можно было лишить её возможности протестовать и обращаться с воззваниями к европейским странам. Как свидетельствуют зарубежные источники, массовые аресты совершались, «чтобы заставить армянский народ молчать до начала грабежей, резни и погромов»¹.

Ни одному из арестованных не было предъявлено никакого обвинения. Их сослали в пустынные местности Сирии, в частности, в пустыню Дер Зор. Священник Э.Штыр в своём исследовании «Уничтожение армян в Турции» отмечает: «В ночь с 24 на 25 апреля 1915 г. в Константинополе внезапно были арестованы 600 армянских интеллигентов (депутатов, писателей, духовных служителей, врачей и т.д.), и несколько дней спустя без предъявления какого-либо обвинения и без решения суда их сослали в глубины Малой Азии – в Конию»².

Такие же сведения сообщает профессор Венского университета Вольфдигер Билль, однако он в качестве даты начала арестов указывает 24-26 апреля³.

Все старания влиятельных армян были тщетными. Ранним утром 25 апреля, ещё до рассвета, арестованных отправили в самую глубь страны – в Ангору (Анкару), в Конию, в Диарбекир. По поводу начавшейся насильственной депортации армян и жестоких погромов и резни ещё 16 января 1915 г. поднимает голос протеста Аршак Врамян, который являлся депутатом Османского парламента. Он протестует против бесправных действий правителя Вана Джемдета и правителя Эрзрума Тахсин-бея. Правитель Вана отказывается принять его, а какое-то время спустя организывает его убийство⁴.

Напрасными оказались также все усилия, предпринятые известным армянским писателем, членом турецкого парламента Григором Зограбом. 25 апреля он был у Талаата дома, а 28 апреля обра-

---

геноцид армян в Турции (1913-1919), Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии, отв. ред. В. А. Микаелян, Е., 1995, док. N35.

¹ Германские источники о геноциде армян; Период Первой мировой войны. Сб. док. и мат., в 2-х т., сост. Степанян С. С., Е., 1991, т. 1, с. 233.

² Там же, с. 203.

³ Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919), Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии, отв. ред. В. А. Микаелян, Е., 1995, т. 1, с. 99.

⁴ См. **А.Ширакян**. Завещание мучеников. Ер., 1991, с. 42 (на арм. яз.).

тился к нему с официальным письменным запросом. У Григора Зограба были все возможности спасти свою жизнь бегством, однако он до последней секунды надеялся, что сможет что-то изменить, каким-либо образом помочь своим соотечественникам.

«Произошло то, что должно было произойти: вчера ночью полиция произвела множество арестов армян, – пишет Зограб 25 апреля 1915 г., – все главные дашнаки... Затем большое количество врачей и аптекарей... по какой причине? Заговор? – напрасный страх. Осторожность или ответный удар по поводу событий, произошедших в разных местах?.. Я пока ещё на свободе... Сейчас пришёл Вардгес¹... Пошли домой к Талаат-бею, поговорили. Бесполезно. После того, как партия «Дашнакцутюн» была рядом с «Иттихадом» и помогла ему, теперь вот оказалась под его ударом»². И поскольку писатель прекрасно понимал, каким будет продолжение, 1 мая 1915 г. он делает в своём дневнике следующую запись: «Какому дню суждено стать днём армянской резни?»³. Зограб знал, что он обречён и что его арест – дело времени, что, если он пока ещё на свободе, то вовсе не потому, что является депутатом турецкого парламента, меджлиса, а потому, что всем известно о его близких, дружеских отношениях с Талаатом. Знал он также и то, что рано или поздно очередь дойдёт и до него, однако это «рано или поздно» не дотянуло даже до одного месяца, и вскоре он был арестован вместе с депутатом Эрзрума Вардгесом Меренгуляном и отправлен в Диарбекир. Случилось это в 11 часов вечера 20 мая 1915 г. Тем не менее, Зограб оказался именно тем человеком, который осмелился в страшный и судьбоносный день 25 апреля потребовать объяснений у Талаата. Он обращается к Талаату ещё один раз, 27 мая, уже из ссылки, из Гонии. Он намеревался обратиться к правительствам Германии и США. И можно не сомневаться, что именно поднятый Зограбом голос протеста сыграл решающую роль в его дальнейшей судьбе.

Среди арестованных армянских интеллигентов были также редактор армянского периодического издания «Азатамарт» и редакция в полном составе. Их всех отправили в Диарбекир, держали под арестом до 15 июня, после чего убили.

Подлинные причины произошедшего, во всяком случае, на тот момент, и даже после ссылки, были для Григора Зограба непонятны и непостижимы. В противном случае он не стал бы по дороге в

---

¹ Речь идёт о депутате Эрзрума Вардгесе Меренгуляне.

² См.: Г. Зограб, Собр. соч. в 4 тт., т. 4. Письма, Дарственные надписи, Дневники. Ер., 2003, Изд-во МЛН, с. 431-432 (на арм. яз.).

³ Там же, с. 432.

ссылку обращаться за помощью к разным влиятельным турецким деятелям, беям (письма за 28 июня к молле Неджмеддину, Хусейну Джахиду, Назым-бею, письмо за 2 июля Халил-бею). Конечно, совершенно неправомерно упрекать писателя в том, что он даже перед лицом неминуемой смерти всё равно отказывался поверить в возможность, в реальность происходивших событий. Геноцид целого народа, тщательно организованный на государственном уровне и реализованный столь бесчеловечным и жестоким образом, – всё это не имело прецедента в истории человеческой цивилизации. Именно поэтому сознание писателя, его воображение не были готовы к тому, чтобы представить подобное коварство и вероломство, подобную неблагодарность от людей, которые ещё вчера называли его «армянским другом» и «армянским братом». Он был в отчаянии и панике, он был готов ухватиться за любую соломинку. Очень трудно, почти невозможно было поверить в предательство и чёрную неблагодарность людей, которым он сделал столько добра. «Не могу поверить, чтобы Халил-бей забыл обо всех моих заслугах и не пришёл на помощь»¹.

Зохраб не мог скрывать своего гнева и возмущения по поводу того, что отправлялись в ссылку и уничтожались те самые влиятельные армяне, члены той самой политической партии, благодаря деятельной поддержке и финансовой помощи которой пришли к власти люди, издавшие приказ о массовой депортации и уничтожении армян. Речь идёт о партии Дашнакцутюн, в отношении которой турецкие правители проявляли особую жестокость. Посол Болгарии Н. Колушев к своему рапорту, посланному в Софию, приложил полученное из Муша сообщение, в котором отмечалось, что убито значительное количество армян – по причине их принадлежности к комитету «Дашнакцутюн»².

Григор Зограб был известнейшим юристом, писателем, публицистом, и ему было очень трудно примириться с этой трагической grimасой реальности, трудно было поверить во всё то, что творилось вокруг него с изуверской жестокостью, по приказу неблагодарных турецких «друзей и коллег», и только по дороге в ссылку, незадолго до смерти юрист-правовед Зограб убедился: «В этой ситуации моя невиновность гроша ломаного не стоит»³.

Григор Зограб погибает 15 июля 1915 г. по дороге, ведущей из

---

¹ Там же, с. 315.

² См. «Геноцид армян в Турции в свете болгарских дипломатических документов», Ер., 1996, с. 17 (на арм. яз.).

³ Г. Зограб, Собр. соч. в 4 тт., т. 4. Письма, Дарственные надписи, Дневники. Ер., 2003, Изд-во МЛИ, с. 315 (на арм. яз.).

Урфы в Диарбекир, погибает страшной и мучительной смертью от руки некоего пещерного человека Черкеза Ахмеда, который убивает писателя камнем. Во время этого последнего своего путешествия, уже придя к горестному убеждению, что его заслуги перед этой страной никого не интересуют, что его «невиновность гроша ломаного не стоит», писатель пишет письмо жене Кларе. В нём говорится: «Теперь, любимая моя жена, последний занавес для нас уже опускается. Писать более нет сил, если не останусь в живых, моё последнее пожелание и завещание моим детям, чтобы всегда относились друг к другу с любовью, уважали тебя и не причиняли тебе боли... и чтобы помнили меня. Если умру, 2000 золотых из моего имущества выделите на благотворительные цели»¹. Это была последняя воля обречённого на гибель армянского писателя...

Трагическая гибель Григора Зограба всегда волновала каждого армянина. Смелое поведение писателя, его готовность всегда и при всех обстоятельствах быть со своим народом и никогда не оставлять его; то, что он добровольно пожертвовал своей жизнью во имя своих взглядов и принципов, – всё это обессмертило его образ в истории армянской литературы, искусства и культуры, увековечив его человеческий подвиг в истории армянского народа. Героический облик Зограба, его мученическая смерть в дни Геноцида стали символом национального достоинства армянского писателя, его безграничной преданности своему народу. Гибель Зограба художественно отображена многими писателями и поэтами новых поколений. Перч Зейтунцян воспринимает и показывает его убийство не как частное злодеяние, а как уничтожение гнусным варваром выдающейся творческой личности, как уничтожение цивилизации вообще. «Черкез Ахмед подобрал с земли какой-то камень и стал бить по голове Зограба. Убийство личного врага доставляло ему какое-то необычное наслаждение, да, это было что-то необычное... - Околел, – вздохнул турок... Ахмед продолжал самозабвенно бить камнем по голове трупа. Затем он стал рассматривать свою жертву каким-то скотским воодушевлённым взглядом. Затем снял кольцо с руки Зограба и надел на свой палец»².

В трагической судьбе Григора Зограба, как в спектре, фокусируется судьба всего подвергнувшегося нечеловеческим мучениям и геноциду армянского народа.

В ночь накануне своего ареста Григор Зограб был в гостях у министра внутренних дел Османской империи Талаата, играл с ним в покер и нарды. До этого, в годы правления Абдула Гамида, Зограб

---

¹ Там же, с. 317.

² Перч Зейтунцян. «Последний рассвет». Ер., 1988, с. 653 (на арм. яз.).

несколько раз спасал Талаата от неминуемой смерти. Талаат называл Зограба своим «лучшим другом» и «братом». Прощаясь с гостем, хозяин со вздохом поцеловал его в лоб. До самой последней минуты Зограб не мог поверить в возможность столь чудовищного коварства и вероломства со стороны человека, который был обязан ему своей жизнью. Что касается Черкеза Ахмеда, убийцы Зограба, то его ожидало большое разочарование: спустя некоторое время после своего преступления он был осужден турецким судом и повешен».

Конечно, все отчаянные попытки Зограба отвести беду, спасти своих соотечественников от нагрянувшего всеохватного бедствия были изначально обречены на неудачу. И он был убит оружием пещерного человека на несколько месяцев раньше своих собратьев по перу, вероятнее всего потому, что в качестве члена турецкого парламента и известного писателя и юриста представлял собой значительно большую опасность, чем все остальные, поскольку мог довести голос своего протеста до сведения цивилизованного мира. Судьбы литературных братьев Зограба – известных армянских поэтов, прозаиков и публицистов, сложились столь же трагично.

Потери армянской литературы были огромными. Был арестован цвет армянской интеллигенции и армянской литературы. Достаточно сказать, что среди арестованных были композитор Комитас, писатели Даниэл Варужан, Рубен Севак и Сиаманто.

Представителей армянской интеллигенции, арестованных в двадцатых числах апреля 1915 г., турецкие жандармы разделили на две группы и сослали их в Аяш и Чангр. Арестанты, включённые в первую группу, были убиты сразу же, а попавшие во второй список, в том числе Комитас, Даниэл Варужан и Рубен Севак, отправились в долгий, протяжённый в семь недель, изнурительный и полный лишений путь ссылки. Армянские писатели, которые к тому времени были уже всенародно известными и считались живыми классиками армянской литературы, чётко и ясно сознавали своё трагическое положение. Они постоянно подвергались издевательствам и глумлению, испытывали всё новые и новые физические и душевные потрясения, однако никто из них не принял унижительных, недостойных предложений покинуть место ссылки и спасти свою жизнь ценою компромисса со своей совестью и со своими жизненными принципами и убеждениями.

Рубен Севак ценою жизни доказал свою полную преданность национальной самобытности, нравственным ценностям, своему народу и его культуре. Свой патриотизм он отстаивал не только поэтическим словом и пером. После ареста 24 апреля он был помещён в центральную тюрьму Константинополя, затем сослан в Чангр. Буду-

чи по специальности врачом, он в Чангре стал лечить дочь турецкого главаря разбойничьей банды (четеджи) Арабаджи Исмаила. В знак благодарности Исмаил уговаривает его принять исламское вероисповедание и жениться на дочери турецкого чиновника, чтобы спасти свою жизнь от неминуемой гибели. Некоторые из армянских деятелей, находившиеся в ссылке вместе с Севаком и понимавшие всю серьёзность и безысходность ситуации, советовали ему согласиться на это предложение и спастись. Однако Севак отвергает эту «милость», остаётся верным своей семье, своей жене и детям, своей христианской вере и народу, и предпочитает смерть. Наместник управляющего Чангром, черкес по национальности, который был настроен к Севаку «по-дружески», оправдывается перед ним: «Я не могу не исполнить приказа, поступившего из Полиса»¹. Для того чтобы спасти жизнь Рубена Севака и освободить его из ссылки, самые отчаянные попытки предпринимают жена поэта Хелен Апель-Чилинкирян и её отец, тесть поэта, офицер в запасе германской армии Франц Апель. Они рассылают заявления и письма-прошения в министерство иностранных дел Германии, послу Германии в Константинополе Каунту Гансу фон Вангенгайму, послу Германии в Софии, консулу Лозанны, другим высокопоставленным должностным лицам. Но все их усилия оказываются напрасными.

12 августа 1915 г. Рубену Севаку удалось телеграфировать жене, что он вместе с Даниэлом Варужаном находится в тюрьме Аяша. А уже на следующий день, 13 августа, по дороге, ведущей в Аяш, между сёлами Чангр и Каледжик (Галайчик), в окрестностях селения Тюне (Тюнай), в каком-то ущелье неподалёку от города Анкара, вместе с четырьмя своими друзьями, среди которых были Даниэл Варужан и Сиаманто, руками наёмных убийц-варваров, турок и курдов, они были жестоко убиты камнями и ятаганами. Согласно свидетельству, данному извозчиком Гасаном в военном присутствии, самым последним был убит врач, то есть Рубен Севак². В момент своей страшной гибели Рубену Севаку было всего лишь тридцать лет. На год старше Севака был Даниэл Варужан.

Даниэла Варужана арестовали поздней ночью злополучного 24 апреля 1915 г., в присутствии жены Аракси Ташчян и двоих детей – Вероники и Армена. Жена поэта ждала третьего ребёнка. В ночь ареста могла бесследно исчезнуть рукопись уже подготовленного к изданию сборника стихотворений Варужана «Песнь хлеба», но она была спасена благодаря стараниям супруги поэта, причём руку к этому чудесному спасению приложил, как это ни удивительно, пре-

---

¹ См. https://hy.wikipedia.org/wiki/Рубен_Севак

² Там же.

датель-армянин. Об этом рассказывает Гурген Маари: «Вместе с арестованным поэтом забирают и его... архив, среди бумаг которого была также рукопись неопубликованной книги «Песнь хлеба». Вдове поэта удаётся «найти язык» с преданным турецкой жандармерии извергом, предателем-армянином Аршавиром Юсьяном, который пожелал «облегчить» совершённые грехи. Он вернул вдове Варужана «Песнь хлеба», взяв при этом денежное вознаграждение»¹.

Варужана также поместили в один из изоляторов центральной тюрьмы Константинополя. Затем его перевезли в Энкюри (Анкару), а оттуда – в Чангр. А в тот самый день, когда турецкие и курдские наёмники убили Даниэла Варужана, родился его третий ребёнок, сын Айкак, который стал как бы символом продолжения жизни армянского народа. Как отметил писатель Анатолий Франс, «Армения находится на своём последнем издыхании, но она непременно возродится; та небольшая кровь, которая пока ещё течёт в её венах и питает её, – очень ценная кровь, из которой суждено родиться героическому поколению. Народ, который не хочет умереть, не умирает»². Рождение третьего ребёнка Даниэла Варужана можно считать подтверждением этих слов.

Сиаманто был растерзан и убит турецким сбродом столь же жестоким образом – ятаганами, мотыгами, камнями, топорами³.

После зверских погромов и резни 1909 года в Адане, учинённых турецкой чернью по наущению младотурок, западноармянские писатели жили с мрачными предчувствиями новых рецидивов мракобесия и жестокости; чувство тревоги и беспокойства никогда не покидало их. Всё это стало целым мотивом в западноармянской поэзии – это были «Песни крови». Таким именно образом в армянскую литературу наряду с общечеловеческими темами вошли песни страдания, неизбывного, непреходящего страдания. Именно из кошмарных видений резни, погромов и пожаров в Адане родились знаменательные и горькие строки стихотворения «Танец»: «О человеческая справедливость, дай плюнуть мне в твоё лицо!»⁴. Слова эти стали крылатым выражением ещё при жизни поэта и не потеряли своего актуального звучания в наши дни, поскольку более чем столетняя борьба целого народа в деле достижения справедливости и признания Геноцида во имя полутора миллионов его невинных жертв до сих пор не привела к желаемым результатам. Лирической поэзии не свойственно использование сюжетной линии, однако Сиа-

---

¹ Гурген Маари. Собр. соч. в пяти тт., т. 5, Ер., 1989, «Хорурдаин грох», с. 646.

² <http://www.genocide-museum.am/arm/quotations.php>

³ <https://hy.wikipedia.org/wiki/Միամանտո>

⁴ <http://www.genocide.ru/lib/siamanto/3.htm>

манто в своих стихотворениях и, в частности, в цикле «Кровавые вести от друга» создаёт ужасающие, берущие за душу картины резни и погромов, поскольку переполненная трагическими, драматическими событиями жизнь, казалось бы, сама побуждала и обязывала поэта обращаться к таким поэтическим темам и образам. В стихотворении «Танец» он рассказывает одну «непередаваемую историю» о том, как турецкое отребье обнажает двадцать доведённых до состояния полусмерти, «жаждущих смерти» армянских девушек и невесток и заставляет их танцевать под ударами плетей и кнутов.

“Должны плясать, должны плясать, неверные,
Должны плясать с открытыми грудями, безропотно...
Должны плясать, улыбаясь... Должны плясать
Без усталости, до самой смерти.
Распутно, сладострастно, голые, –
Должны плясать, ибо стыд не для вас,
Ибо вы рабы, ибо наши глаза
Жаждут вашего тела и смерти...
Мы вашей смерти хотим!”
И пали наземь они, пали, чтобы больше не встать.
«Встать!» – орала толпа, толпа пребывала в экстазе,
И сабли блеснули, словно змеи, в саду.
Принесли кувшин керосина, – чернь ликовала... Облили всех...
О человеческая справедливость, дай плюнуть мне в твое лицо!
“Должны плясать! – гремела обезумевшая толпа. – Вот вам
Благовония, каких даже в Аравии нет...”
И факелами подожгли невест истерзанные тела,
И корчились они, и смерть предстала перед ними...¹

Строку Сиаманто «О человеческая справедливость, дай плюнуть мне в твое лицо!» использовали в своих стихотворениях и Сильва Капутикян, и Паруйр Севак, который взял литературный псевдоним, чтобы обессмертить и увековечить имя своего выдающегося предшественника Рубена Севака, ставшего жертвой турецкого ятагана.

Жертвами геноцида стали не только Григор Зограб, Даниэл Варужан, Сиаманто, Рубен Севак, но и другие армянские писатели – Рубен Зардарян, Арташес Арутюнян, Тлкатинци (Ованес Арутюнян), Ерухан, Тигран Чеокюрян, Смбат Бюрат; публицисты и редакторы Назарет Тагаварян, Тигран Келекян, Гагик Озаян и другие.

В июне 1915 г. в Константинополе на основании ложных до-

---

¹ Там же.

носов и обвинений были арестованы и повешены на одной из городских площадей двадцать деятелей партии «Гнчакян», в числе которых был видный армянский политический деятель Пармаз (Маттеос Саркисян).

Как отмечалось, младотурецкое руководство провело насильственную депортацию и резню армянского населения страны в несколько этапов. Вначале были разоружены и уничтожены все мужчины 18-45 лет, затем были арестованы, сосланы и убиты представители интеллигенции, а третьим и заключительным этапом стала массовая депортация и расправа над беззащитными женщинами, детьми и стариками.

В мае-июне 1915 г. началась депортация и резня армянского населения провинций Вана, Эрзрума, Битлиса, Харберда, Себастии, Диарбекира, регионов Киликии и Западной Анатолии и других местностей. Посол США в Турции Генри Моргантау уже догадался, что депортация армянского населения преследует одну-единственную цель – массовое его уничтожение. Подлинная цель депортации была известна и понятна союзнице Турции – Германии, посол которой Ганс Вангенгайм в июле 1915 г. оповестил об этом правительство своей страны.

Изгнанные из мест своего постоянного проживания армяне группами-караванами отправлялись в глубь страны, в Междуречье и Сирию, где для них были созданы специальные концентрационные лагеря.

Заслуживает упоминания и адресованное английским периодическим изданиям и общественности письмо лорда Джеймса Брайса¹ от 27 ноября 1915 г., в котором он рассказывает об ужасах армянской резни. «Я чувствую, – пишет он, – что эти преступления должны быть выведены на белый свет, чтобы всеми возможными способами привлечь внимание других народов, вызвать сострадание к тем несчастным беженцам, родные и соотечественники которых безмерно пострадали... Кажется, что страдания горцев и крестьян Вана, Муша и Сасуна были более ужасными, чем те, которые довелось испытать мирным гражданам, сосланным в Алеппо и Го-нию»².

---

¹ Джеймс Брайс, виконт (1838–1922) – английский государственный деятель, правовед, историк. В 1916 г. под редакцией и с обширным предисловием Брайса в Лондоне был издан сборник документов «Положение армян в Османской империи в (1915–16 гг.), «Синяя книга»; материалы сборника изобличают шовинистическую антиармянскую политику младотурок. В защиту армян Брайс имел и публичные выступления. В речи в палате лордов в феврале 1920 г. Брайс осудил кемалистов за преследования армян в Киликии.

² «Оризон», 1915, N238, 17 декабря.

Во второй части своего письма, опираясь на американские и армянские источники, лорд Брайс рассказывает несколько эпизодов из злодеяний Джевдет бея, о резне в Битлисе, Муше и Сасуне. Он пишет: «25 июня турки осадили город Битлис и отрезали его коммуникации с окрестными сёлами, и подобным образом продолжалась резня в Битлисе... В городе Муш армяне под руководством Аджи Курояна и других заняли прочные позиции в церквях и каменотёсных домах. Они четыре дня сражались, защищая себя, однако турецкие пушки, управляемые немецкими офицерами, вскоре разрушили армянские позиции. Армянские бойцы погибли, сражаясь до последнего дыхания, и когда над церквями и боевыми позициями нависла гробовая тишина, магометанский сброд напал на беззащитных женщин и детей и погнал их из города в заготовленные центры. Они подверглись непередаваемым зверствам... В горной провинции Сасуна армянские бойцы были осаждены большим числом турок и курдов, за этим последовала отчаянная и героическая борьба, которой всегда гордились горцы Сасуна. Женщины, мужчины и дети сражались серпами, косами и камнями, – всем, что оказывалось под рукой. Они сбрасывали камни с клинообразных круч, поражая много врагов... Когда в этой неравной борьбе уже пала большая часть бойцов, многие молодые женщины, чтобы не попасть в руки турок, бросались со скал, разбиваясь насмерть вместе с детьми»¹.

Жуткие известия, поступающие безостановочно из Западной Армении, истории о чуде спасшихся соотечественниках вызывали сильное волнение в Восточной Армении, возлагали на её население груз большой ответственности. Недостаточно было сочувствовать и сопереживать боли и потерям тысяч и тысяч беженцев, необходимо было действовать, оказывать им реальную помощь. Совершилось и продолжало совершаться величайшее, не имевшее себе равных в истории человеческой истории преступление – Геноцид армян в Османской империи. По дороге все арестанты и депортированные армяне подвергались нападениям турецкого сброд и вооружённых курдских разбойничьих групп. Многие из них были перебиты и растерзаны, только очень незначительная часть добралась до концлагерей. Например, в Трапезунде из 3000 изгнанников до Алеппо добрались только 35. Ссылных, добравшихся до пустынь Междуречья, часто выводили группами за пределы лагерей и убивали среди песков. Сотни тысяч людей становились жертвами голода, болезней и эпидемий. Посланной губернатору Алеппо секретной депешей Талаат требовал убивать всех армян без разбора, не обращая внимания «ни на пол, ни на угрызения совести». Сохранились тысячи сви-

---

¹ Там же.

детельств, посланий и описаний армян, ставших невольными очевидцами этих трагических событий и чудом выживших в этом аду, а также зарубежных дипломатов, миссионеров и журналистов. Резня продолжалась и в последующие годы. Тысячи и тысячи армян были убиты в концентрационных лагерях Рас-ул-Айни, Дер-Зора (Дер-Эйр-Зора) и других. Пустыня Дер-Зор стала самой большой могилой для сотен тысяч захороненных армян. Там и по сей день, более столетия спустя, в песках можно обнаружить человеческие останки.

В 1912 г. число армянских церквей и монастырей на территории Западной Армении превышало две тысячи двести. На протяжении нескольких лет, в 1915-1918 гг., турецкие варвары и вандалы разграбили и разрушили около 2150 армянских церквей и монастырей. Было убито более четырёх тысяч священнослужителей. Были разграблены армянские церковные комплексы Армаша, Ахтамара и Муша. Были уничтожены рукописи и книги церквей и монастырей св. Аракела, св. Богоматери (Сурб Аствацацин), св. Саркиса, св. Карапетя и многих-многих других. Только из книгохранилищ Дправанка и Армаша было изъято и уничтожено более пятисот ценнейших рукописей¹. В освобождённой части Турецкой Армении русских воинов поразило варварское отношение турецкой черни к армянским церквям и монастырям, которые либо уничтожались, сравнивались с землёй, либо превращались в мечети. Историк М. Минасян в статье «Геноцид и церковь» отмечает: «Турки с особенной тщательностью и варварски уничтожают армянские церкви. И так повсюду. В Муше осталась неразрушенной только одна церковь, да и то только потому, что там расположился турецкий склад с мукой. Всегда и повсюду самым варварским образом оскверняются образы и иконы. Турки наверняка хотят стереть с лица земли всё армянское»².

В течение нескольких месяцев было сожжено около трёх тысяч армянских городов и деревень, более двух тысяч церквей и монастырей, тысячи школ. Да, величайший злодей и преступник в истории человечества Талаат имел все основания с нескрываемым цинизмом гордиться содеянным и утверждать, что за три месяца ему удалось сделать больше для решения «Армянского вопроса», нежели султану Абдулу Гамиду, получившему прозвище «кровавый», за тридцать лет.

Мы здесь рассмотрели лишь тот невероятный и необратимый

---

¹ См. **М. Орманиян**. Армянская церковь: Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее, Бейрут, 1960, шестое издание, с. 258-265 (на арм. яз.).

² <http://genhist.asj-oa.am/124/1/131-142.pdf>

урон, который был нанесён армянской литературе и культуре во время Геноцида. Ованес Туманян как центральная и центростремительная фигура армянской литературной жизни общался и сотрудничал с западноармянскими писателями, помогал им по мере необходимости и старался перебросить мост и соединить воедино две части раздвоенной литературы своего народа, принимал многих западноармянских авторов в ряды Кавказского общества армянских писателей, содействовал изданию их произведений, составил антологическую хрестоматию «Армянские писатели», где под одной обложкой была представлена как восточноармянская, так и западноармянская литература. Поэт был лично знаком с Сиаманто; Зограб в своё время подал голос протеста против политических преследований Туманяна, осуществляемых царской карательной системой, он обращался к послам разных стран, чтобы освободить армянского поэта из тюрьмы. Туманян обещал Даниэлу Варужану сотрудничество с выходившим в Полисе армянским литературным журналом. Все погибшие в дни геноцида армянские писатели были очень дороги сердцу поэта, и это было обусловлено не только их личными связями и симпатиями, но и их художественным творчеством, вкладом в литературу. Ведь все они были жертвами геноцида армянской культуры, осуществлённого в Османской Турции. Сиаманто был членом Кавказского общества армянских писателей. В конце 1913 г. он был на Кавказе, и Туманян оказывал ему всяческое содействие, в том числе и материальное. Благодаря денежным средствам, предоставленным Туманяном, Сиаманто сумел побывать в Эчмиадзине и Ани, увидел двуглавый Арарат. И когда у него не осталось денег для возвращения в Полис, Туманян снова протянул ему руку помощи. 20 марта 1914 г. Сиаманто с большой благодарностью пишет Туманяну: «Увожу с собой самые лучшие воспоминания»¹.

Конечно, история не терпит сослагательного наклонения. И всё-таки трудно удержаться от мысли, что если бы Сиаманто не нашёл денег для возвращения в Полис и подольше задержался бы в Восточной Армении, то вполне возможно, он избежал бы своей трагической гибели. Отметим также, что после гибели Даниэла Варужана Туманян оказывал материальную поддержку и его семье².

Более подробные сведения о Геноциде армян в Османской империи читатель может почерпнуть из многочисленных сборников

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, оп. 2, д. 440. См. также письмо Ширванзаде от 9 ноября 1913 г., в котором он просил Туманяна оказывать Сиаманто всевозможную поддержку. МЛИ, ф. Туманяна, д. 1913.

² Подробнее об этом см. **С. Ованесян**. Туманян и Кавказское общество армянских писателей. Ер., 2007, с. 214 (на арм. яз.).

документальных материалов, из воспоминаний очевидцев, научных исследований, из исторических исследований и библиографических путеводителей¹.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ВАНА И ЕЁ ОТГОЛОСКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУМАНЯНА

После того как младотурки учинили расправу над армянским мужским населением и интеллигенцией, программа физического уничтожения армян в Османской империи вступила в свою третью фазу: очередь дошла до женщин, детей и стариков. Несмотря на отсутствие силы, способной организовать самозащиту и сражаться, давать отпор, тем не менее, в некоторых местах армянское население пыталось обороняться и оказывать сопротивление. В 1915-м году, вполне осознавая своё совершенно безысходное и обречённое положение, в ряде регионов Западной Армении армяне решились организовать самооборону. Героические сражения произошли в Ванском вилайете (в Шатахе, Айоц дзоре, Главаше, Тимаре и других местах), в городах Ване, Муше, Сасуне, Шапин-Гарахисаре, на склонах горы Муса (Муса-дага), в Урфе, а также в Бюрике (Шапин-Гарахисарский уезд), Синджаре (Диарбекирский вилайет), Фунджаке, Фрнузе, Кишелфиле, Берекое (Аданский вилайет), в Гуват-Шапа (Трапизонский вилайет и других местах.

Самое большое и отчаянное сопротивление туркам было оказано в Васпураканском районе, особенно в Ване, где армянам удалось одержать героическую победу и несколько долгих месяцев удерживать город в своих руках.

Турецкое правительство, подготовив чудовищную программу уничтожения армянского населения Ванского вилайета, назначило управляющим городом очень жестокого человека, отъявленного армяноненавистника Тахира (Такира) Джевдет-бея, который был известен своим кровожадным и звериным нравом и бесчеловечными расправами над многими армянами.

Уже в первые месяцы войны в Ванском вилайете начались массовые погромы и резня армян, что объяснялось поражениями,

---

¹ Из наиболее известных авторов исследований по теме Геноцида армян в Османской империи отметим Мкртыча Нерсисяна, Джона Киракосяна, Рубена Саакяна, Николая Ованнисяна, Вардгеса Микаэляна, Юрия Барсегова, Аветиса Папазяна, Ваагна Татряна, Артема Оганджяна, Вержине Свазлян, Степана Степаняна, Рубена Адаляна, Арутюна Геворкяна, а также некоторых зарубежных исследователей: Ива Тернона из Франции, Вольфганга Густа, Хильмара Кайзера из Германии, Яира Аарона из Израиля и других. Из турецких авторов заслуживает упоминания Танер Акчам.

которые турецкая регулярная армия терпела на Кавказском фронте. Отступающие турецкие войска, вооружённые разбойничьи банды курдов и сброд фанатиков-мусульман убивали, истязали, насиловали, грабили беззащитных армян, разрушали их дома, уничтожали сады. В этих условиях в некоторых провинциях и округах Ванского вилайета (Шатах, Айоц дзор, Алджаваз, Арчеш, Тимар, Гяваш, Карчкан и т.д.), а также в отдельных селениях (Белу, Атанан, Арен, Алюр и др.) армяне были просто вынуждены приступить к самообороне, ведя упорные бои против значительно превосходящего численностью и хорошо вооружённого противника.

В 1914 г. из 41.000 населения Вана 26.000 составляли армяне, остальные преимущественно турки. Город был разделён на две части – Айгестан (восточная сторона города, в которой проживало 23000 армян) и Кахакамеч (исторический Ван-Шамирамакерт, в котором проживало 3000 армян).

Джевдет начал с того, что организовал коварное убийство некоторых видных ванских армян – депутата турецкого парламента Аршака Врамьяна (Оника Дердзакяна)¹, Ишхана (Никогайоса Микаеляна) и других².

В конце марта 1915 г. по приказу Джевдета-бея был арестован один из дашнакских руководителей Шатахского уезда Овсеп Чолоян, который вскоре был убит в тюрьме. Джевдет-бей якобы для «мирного урегулирования» произошедшего инцидента предлагает Араму Манукяну отправить Ишхана расследовать случившееся на месте и выяснить все подробности. Ишхан пользовался очень большим уважением и авторитетом среди турок и курдов, и он сразу же принял предложение турецкого управителя. Вместе со своими товарищами в сопровождении отряда жандармов и начальника турецкой полиции он отправляется в Шатах. По дороге группа останавливается на ночлег в селе Хирч, у родственника Ишхана. Там же засланные губернатором Джевдетом черкесские разбойники ночью 3 апреля тайно пробираются в дом и убивают Ишхана и его това-

---

¹ Вопреки запланированной и методично реализуемой младотурками политике физического уничтожения армян, как Национальная резиденция главы епархии Вана, так и дашнакские руководители – Аршак Врамьян (Оник Дердзакян), Арам и Ишхан даже ценой своей жизни делали всё возможное и невозможное, чтобы не допустить армянских погромов и резни в Ванском вилайете, в регионах Васпуракана. А.Врамьян «представал перед правительством в качестве неподкупного выразителя всех страданий, жалоб; он был не только выразителем, но и защитником, упорным и последовательным». См. А. Косолян. Апрельские сражения в Ване. Ер., 1992, с. 17 (на арм. яз.).

² **Ишхан (Никол (Никогайос) Микаелян)** (1882 – 3 апреля 1915 г.) – один из самых любимых народных героев.

рищей – Погоса Тутунджяна, Миграна Тер-Маркаряна, Ваана Храняна. Убийство спавших безоружных людей, не способных защищаться – это всё, на что были способны трусливые и подлые разбойники и их приспешники.

Будучи уверенным в том, что убийством народного героя Ишхана и самого влиятельного эрзрумского армянина, депутата турецкого меджлиса Аршака Врямяна он сумел окончательно сломить воинственный дух ванцев, Джевдет, предварительно пополнив находившиеся под его началом войска эрзрумскими отрядами, подготовился к нападению на Ван. Однако подлое убийство известных и отважных соотечественников, народных любимцев, только возмутило, разгневало и ещё больше сплотило жителей Вана.

В апреле 1915 г. по приказу Джевдет-бея турецкие войска, сопровождаемые многочисленными вооружёнными курдскими разбойничьими бандами, окружили Ван; отдельные части города оказались в осаде; осаждённым и отрезанным от других районов города оказался и квартал Айгестан. С 4 апреля прервалась связь как между пригородными районами и городом, так и между двумя частями Вана. Джевдет-бей угрожал в случае неповиновения уничтожить также всех армянских детей “выше колена”.

На следующий день, 5 апреля, армянское население перебралось из пригородных районов в кварталы Айгестана. Кроме того, в армянскую часть города перебралось более семидесяти тысяч беженцев из самых разных городов и сёл Васпуракана.

Население Вана осознавало всю безвыходность своего положения, понимало, что ему не остаётся ничего другого, как сопротивляться, защищаться против превосходящих сил противника. Только так можно было выстоять и избежать резни и жестокой расправы.

В апреле 1915 г. жители Вана, не дожидаясь помощи русской армии, не рассчитывая на какую-либо помощь извне, приступают к решительной и отчаянной самообороне города.

Всё население Вана объединяется перед всеобщей смертельной опасностью. Объединились и, оставив в сторону все имевшиеся разногласия, действовали сообща разные армянские политические партии. Членами созданного в районе Кахакамеч военного органа стали Айк Косоян, Левон Галджян, Мигран Тороманян, Михрдат Мирзаханян, Саркис Шагинян, Давид Саркисян, Арутюн (Аро) Неркарян, а также священник Езник Неркарян и Мирзахан (Жирайр) Мирзаханян. На объединённом собрании национальных общественных организаций, созванном в Айгестане, был учрежден “Высший военный орган армянской самообороны Вана” под руководством Арменака Екаряна. Членами были избраны представители разных партий – «Гнчакян», «Рамкавар Азатакан», «Дашнакцутюн».

Среди членов военного органа были Кайцак Аракел (Тигран Абаджян), Булгарац Григор (Григор Кёзелян) и другие. В составе советников избранного штаба были Арам Манукян, Габриэл Семирджян и известный искусствовед, художник Фанос Терлемезян.

Подобная солидарность представителей разных партий и политических взглядов лишний раз свидетельствует о том, что перед лицом смертельной опасности нет никакой альтернативы объединению, сплочению всего народа, что это – единственный путь, ведущий к спасению. И вполне закономерно, что самым убеждённым поборником, апологетом всенародного сплочения и объединения в национально-освободительной борьбе был Ованес Туманян.

В Айгестане было 1500 мужчин, способных сражаться с оружием в руках. Из оружия было всего лишь 505 ружей и 549 пистолетов. Под командованием Джевдет-бея было около 12000 солдат, вооружённых новейшим по тем временам оружием, а также несколько десятков пушек. Положение в Айгестане было крайне тяжёлым, ощущалась катастрофическая нехватка боеприпасов и продовольствия. Силы были совершенно не равными.

Обрисовав во время одного из совещаний создавшуюся тяжелейшую ситуацию, Арменак Екарян обратился к участникам самообороны со следующими словами: “Вану не первый раз приходится показывать свой дух солидарности, когда он имеет дело с общим врагом. Этот дух имеет своё славное прошлое. Мы и на этот раз должны победить в этой войне, с тем же сплочённым духом, без партийных разногласий. Нам приходится сражаться не по своей воле, война нам навязывается. У нас есть два пути: либо склонить свои головы перед тираном и дать себя истребить и принять унижительную смерть, либо выйти против него бестрепетно, с открытым лицом и предпочесть славный путь наших предков”¹.

В тылу в течение всего нескольких дней создаются органы распределения продовольствия, распределения оружия и боеприпасов, а также органы санитарной службы и судебного производства. Создаются также различные группы: “Группа снабжения”, “Армянский красный крест” и “Амрашен”, которые занимаются проблемами добывания пищи для более чем семидесяти тысяч беженцев из самых разных провинций, городов и сёл Васпуракана; бесчисленными проблемами жителей Вана, а также строительством защитных укреплений. Созданная женская организация должна была заниматься шитьём одежды для бойцов. Даже учащиеся школ создали музыкальный

---

¹ **Арсен Кеоркизян.** Героическая оборона Васпуракана. Бейрут, 1965, с. 93 (на арм. яз.).

ансамбль “Фанфар” и на самых опасных участках давали бесхитростные концерты для ополченцев, пели песню “Смерть повсюду одна и та же”, всячески старались поднять их бойцовский дух.

Примечательно, что сражения стали особенно ожесточёнными и кровопролитными после произошедшего очередного инцидента, когда 7 апреля турецкие солдаты напали на женщин-армянок, возвращавшихся из села Шушан в Айгестан. Защищая их, погибают двое армянских юношей, но затем подоспевшим на помощь армянским ополченцам удаётся одержать победу, обратить врага в позорное бегство и спасти женщин. Затем в тот же день турки предприняли нападение на Айгестан, однако снова были отброшены, причём с ощутимыми потерями.

Джевдет в своём стремлении любой ценой отомстить армянам снова пополняет свои войска, привлекает также курдских башибузуков, обещая дать побеждённый город им на растерзание и разграбление. Воодушевлённые подобным щедрым обещанием и возможностью поживиться, пятьсот битлисских курдов попытались атаковать позиции армянских ополченцев, однако встретили сильное и дружное сопротивление и в панике отступили, оставив множество убитых.

До 10 апреля атаки турецких войск носили сумбурный и неорганизованный характер, но затем турки перегруппировали свои силы и при активной поддержке артиллерии непрерывно атаковали на протяжении нескольких дней, не достигнув при этом сколько-нибудь значительных успехов. Ополченцам, напротив, удаётся отнять у неприятеля несколько очень важных позиций и укреплений, которые они взрывают и сжигают.

Во всё время героической самообороны Вана за пределами города, по всей территории губернии не прекращались избиения и убийства армян; за три дня были вырезаны 24 000 армян, были разграблены и сожжены дотла более ста армянских селений Ванского вилайета.

Ованес Туманян узнавал обо всех этих трагических событиях во время заседаний Национального бюро, из газет и очевидцев, а также лично от своего сына Мушега, который в это время (в апреле и начале мая 1915 г.) служил в Диадине. Мушег сообщал, что 8 апреля 1915 г. 20-25 армян чудом спаслись от резни и бежали из Арчеша и близлежащих сёл. “Я не могу повторить того, что они рассказывали и описывали...”, – писал Мушег¹. Тем не менее, Мушег рассказывал отцу и родным о некоторых событиях, о которых узнавал от беженцев – очевидцев резни и погромов. “Во вторник (как

---

¹ Переписка семьи Туманяна, с. 67.

рассказывал беженец) вызывают всех армян и собирают всех мужчин в каком-то помещении, сказав, что в Вана начались беспорядки и их опасно выпускать, поскольку курды могут повредить армянам, и якобы они собрали их для защиты, но немного времени спустя всех отобранных выводят по 8-10 человек, связанных друг с другом по рукам, и всех расстреливают; в то же самое время безоружные и вооружённые курды, жандармы и толпа бросаются в дома армян и ищут женщин и детей.

А что происходит после этого, рассказчик не знает, говорит только, что на всём протяжении бегства из всех окрестных селений слышалась непрерывная ружейная стрельба”¹. Рассказывая затем о том, как жертвами резни стали 13 известных жителей села Аршеч, и в их числе вардапет Егише и четыре приходских священника, Мушег продолжает информировать отца: “Рассказчик так описывает начало резни. Говорит, что турецкое правительство якобы обратилось к Араму-паше (Араму Манукяну) и Ишхану (Никогайосу Микаеляну) и потребовало обезоружить всех армян, а те ответили, что ни у кого нет оружия, и что всё оружие они сдали правительству... Тогда правительство пригрозило обысками, и когда начало своё дело, армяне Вана ответили перестрелкой, звуки которой доходили до Арчеша и, возможно, до других мест. Тот же человек говорил, что якобы Ишхан и Арам-паша повешены (по словам курдов), повсюду грабежи, резня, разруха”².

Это своё письмо Мушег пишет 9 апреля, когда Ишхан уже был убит, а Арам Манукян был к тому времени жив-здоров и руководил героической самообороной Вана. Когда не удавалось уничтожить какого-либо известного армянина, турки распространяли ложные слухи, надеясь, что это приведёт армянское население в отчаяние, панику и подавит его волю к сопротивлению.

Мушег, находившийся неподалёку от Вана, был очевидцем происходивших событий и констатировал полное безразличие русской армии к судьбам осаждённых, обречённых на верную гибель и смотревших в лицо смерти армян. “Страна, переполненная нашим народом, разрушается, а армия здесь спокойно прохлаждается”³.

К сообщению родного сына добавляется телеграмма епископа Нерсеса из города Маку от 17 апреля 1915 г., где он сообщает Туманяну о трагическом известии, которое принесли 160 беженцев с равнины Абага, нашедшие приют в монастыре св. Тадевоса. Беженцы рассказывали о новых погромах и убийствах, о смертельной

---

¹ Там же.

² Там же, с. 68.

³ Там же.

опасности, нависшей над армянским населением Вана, о неравной героической борьбе ванцев, и просили о незамедлительной помощи¹. Писателю ежедневно приходилось слышать также о многочисленных случаях, когда люди умирали от голода и холода, от болезней и эпидемий. В Тифлисе организовывается помощь беженцам и пострадавшим от резни соотечественникам.

В неравной борьбе с хорошо вооруженной регулярной турецкой армией армянским ополченцам Вана удаётся одержать победу. Конечно, этому во многом способствовали также активные действия армянских добровольческих формирований, их знаменательные победы за пределами Вана.

24 апреля 1915 г. происходит сражение при Дилмане и несколько других сражений, в которых армянские добровольцы под командованием Андраника одерживают блестящие победы, уничтожив армию Халил-бея. Военские части Андраника сражались на подступах к городу Вану. В апреле 1915 г. руководимый Андраником Первый добровольческий отряд вёл победоносные бои вблизи города Дилмана – столицы провинции Салмаст, продвигаясь в направлении к Вану. Совместно с русскими войсками армянский добровольческий отряд наголову разбил двенадцатитысячную армию Халил-бея. Эта победа сыграла большую роль, воспрепятствовав проникновению турецкой армии на территорию Закавказья. Преследуя обратившееся в паническое бегство войско Халил-бея, Андраник со своим отрядом пересёк турецко-иранскую границу и нанёс туркам новый мощный удар в горном ущелье Ханасора, затем прошёл в Башкале. Именно Андраник и Керы (Аршак Гафавян), двинувшись на Ван после разгрома Халил-бея, преградили путь турецким войскам, спешившим на помощь Джевдету, и тем самым сорвали его планы по новому нападению на Ван.

3 мая турки подвергают Ван ожесточённому артиллерийскому обстрелу, но в тот же день вечером, узнав о приближении армянских добровольческих формирований и русской армии, оставляют свои огневые позиции.

Таким образом, Джевдет-бей оказался вынужден оставить свои попытки захватить город Ван, а 5 мая он позорным образом пустился в бегство. Только через три дня после отступления турецких войск русская армия вошла в Ван. Первым в город вошёл Араратский полк под командованием генерала Ханасори Вардана, сражавшийся в составе воинского подразделения Николаева и состоявший из 2-го, 3-го и 4-го армянских добровольческих отрядов.

Арам Манукян был назначен управляющим города Вана. Пос-

---

¹ «Оризон», 1915, N84.

ле освобождения города четыре армянских добровольческих отряда в составе армии генерала Трухинина вели упорные сражения в южной стороне озера Ван и, преодолев сопротивление неприятеля, двинулись в направлении Муша и Багеша.

После победы ванцы сделали всё, чтобы достойно почтить высокую память своих благородных героев. С помощью армянских добровольцев ванцы находят и перевозят в свой город растерзанные и изувеченные останки Ишхана и его соратников и 19 мая хоронят в Пантеоне Вана. В церемонии похорон приняло участие всё армянское население Вана, в том числе губернатор Арам Манукян, командир Вардан, хмбапет (атаман) Амазасп, Костин Амбарцумян, Саркис Араратян. Наряду с церковными псалмами и шараканами звучали боевые мелодии в исполнении музыкального ансамбля, бойцы исполняли песни самого Ишхана.

9 июля 1915 г. ударное воинское формирование, находившееся на правом крыле 3-й турецкой армии и состоявшее из одиннадцати дивизий, перешло в наступление против Кавказского 4 корпуса русской армии. А ещё несколько дней спустя вновь отличился Андраник со своими армянскими добровольческими формированиями, напав на врага и обратив его в бегство. Только после этого, попутно освободив несколько армянских населённых пунктов, он 3 июня добирается до Вана.

Героическая самооборона Вана, продолжавшаяся почти целый месяц – с 7 апреля по 3 мая 1915 г., а также сражения армянского населения сёл Васпураканского региона – Шатаха, Айоц Дзора, Арчеша, Тимара, Алджаваза и других против турецких регулярных войск вызвали большое и повсеместное воодушевление. «В славные дни этой войны крестьяне день и ночь рыли траншеи, – пишет один из участников и организаторов героической самообороны Вана Фанос Терлемезян. – Я видел детей 4-5 лет, которые выковыривали из земли вражеские пули и, достав их, несли нам. В 1915 г. ванцы с песнями воевали против турецкой армии, имея далеко не равные силы. Сражались пистолетами, охотничьими ружьями и противостояли пушкам Крупа, потому что вера выгравировала у них на груди бронзовые щиты, и их солидарные и самоотверженные действия стали факелами, освещающими путь к надежде»¹.

С тех трагических дней прошло более столетия, однако героическая самооборона Вана, спасшая от верной, неминуемой гибели более 150000 армян, была и остаётся одной из самых славных и ве-

---

¹ **Ф. Терлемезян.** Мы обязаны народу. «Ван-Тосп», Тифлис, 1916, N22-23, с. 11 (на арм. яз.).

личественных страниц истории армянского народа и его национально-освободительной борьбы.

***

Именно в дни героической самообороны Вана были написаны стихотворение Ов. Туманяна «Последний день» (2 мая) и статья «Ван и Ереван» (10 мая), которые в свою очередь вселили веру и надежду в сердца как армянских добровольцев, так и находившихся в безысходном положении, но продолжавших бороться и цепко, до самой последней возможности державшихся за свою родную землю жителей Западной Армении.

Один только полководец Андраник вместе со своими армянскими добровольческими формированиями выиграл двадцать одно сражение. Особенно значимым было сражение при Дилмане (15-18 апреля 1915 г.), в котором, согласно генералу Чернозубову, решалась судьба всего Кавказа. Откликом на эту знаменательную победу и тяжелейшую, отнюдь не равную, но при этом победную борьбу участников самообороны Вана¹ как раз и стало стихотворение «Последний день». Это было словом утешения скорбящему армянскому народу и одновременно призывом к борьбе. В стихотворении создан собирательный образ армянского ополченца, гайдука, атамана-хмбапета и воина-добровольца, которому удалось победить озверевшего и вышедшего на кровавое пиршество коварного и подлого врага.

Поэт обращается к своему народу с призывом объединиться и в сплочённо, с помощью России и русского оружия добиться свободы и независимости.

Двумя главными персонажами, лирическими героями стихотворения являются гайдук и его предводитель – хмбапет-атаман. Создавая второй образ, поэт явно имел в виду полководца Андраника, отличившегося в бою при Дилмане своими героическими подвигами, а в образе гайдука мог бы узнать себя каждый армянский ополченец-доброволец. Они оба бок о бок сражались на берегах Евфрата. Отряды гайдуков «неотступные и храбрые», между тем как турки и курды – «кровожадные». По поручению хмбапета гайдук с самой высокой вершины самой высокой армянской горы наблюдает

---

¹ Более подробно о героической самообороне Вана см.: Рубен Саакян, «Геноцид западноармянского населения и оборонительные сражения в 1915 году». Ер., 2005; «Героическая самооборона Васпуракана», Ер., 1915; О. Мхитарян. «Героическая самооборона Вана», София, 1960; Арсен Керокизян, «Героическая самооборона Васпуракана», Бейрут, 1965; Сурен Саркисян. «Героическая самооборона Вана», в сб. «Столицы Армении», кн. 1, Ван. Ер., изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2013, с. 163-169 (на арм. яз.).

за врагом и докладывает, что вражеская армия не поддаётся счёту и распространяется от зелёных долин Евфрата до самых гор Тавроса. И куда бы ни ступала нога неприятеля, – будь это долина Муша, горы Сасуна, побережье озера Ван, поля Абага или Зейтуна – отовсюду исходит дым и огонь. Нескончаемые ряды неприятеля истребляют, уничтожают всё на своем пути, не оставляя ничего живого и прекрасного. Но тот же «удалой» гайдук замечает со своей вершины выступающих против врагов полки армянских добровольцев, которые рассеяны от Чёрного моря до Каспийского, до «снежных преград Кавказа». Они спешат на помощь своему народу с тёмных Сюнийских гор, из ущелий Гугарка, с полей Ширака до Арарата, идут с берегов Матери-Аракса, со всех уголков Кавказа, «из дальних-дальних сторон». Если попытаться сравнить это стихотворение по своей художественной силе с такими образцами поэзии Туманяна, как «С отчизной» или «Поминование», созданными в тот же период, то нетрудно будет убедиться, что «Последний день» явно уступает им. Однако при этом «Последний день» имеет несомненную историко-политическую ценность. В нём с удивительной точностью представлена Западная Армения в годы Первой мировой войны; описано, где в это самое время находились отряды Андраника, а где были ополченцы-добровольцы, указывается и местонахождение армии неприятеля. Безусловно, Туманян никак не мог обойти важное значение военной помощи России в этот судьбоносный для Армении момент, поскольку искренне верил в эту помощь, причём вовсе не потому, что был большим русофилом, а потому что не видел никакой другой альтернативы. Другой альтернативы тогда просто не существовало, а вступление в неравную борьбу с жестоким и коварным противником, превосходящим армян численностью и вооружением, без помощи сильного союзника могло обернуться национальной катастрофой. Вот поэтому и «удалой» гайдук своим острым и всевидящим орлиным взором замечает идущую «с могучего севера» русскую армию, которая наступает, подобно дракону. Туманяну очень хотелось подбодрить, воодушевить армянских воинов, сказать, что они вовсе не одиноки перед лицом многотысячной вражеской армии, и он устами атамана-хмбапета призывает армянских героев-гайдуков взяться за оружие и спуститься в поле, на берег священной реки Евфрат, и выражает уверенность в том, что это «последний удар войны», что это «агония старого преступника...».

Как поэт ни старался не озвучивать слов о возмездии и мести, тем не менее, он не смог удержаться и не привести примеры беззаветной храбрости, рождённые из мести за растерзанных, замученных родных и близких, за своих соотечественников. И он создаёт художественный образ, в котором свежая кровь жертв возносится в

небо «кровавым смерчем» и требует возмездия, отмщения, вдохновляя армянских воинов на новые славные подвиги. На высоких склонах достигающих неба армянских гор собираются величавые души несчастных жертв резни и погромов, «которым нет числа», обращаются со своими жалобами к Богу, и эти их жалобы пронизывают небо насквозь, их «безмолвный шум» достигает слуха армянского гайдука и хмбапета-предводителя. Да, Туманян никогда, ни единого раза не осквернял своих уст словами проклятия и призывами к возмездию и мести, однако в его ушах постоянно звучали вопли невинных жертв, их жалобы и протесты, и успокоение, умиротворение этих душ виделось ему только в обретении свободы и независимости, в освобождении Родины.

Стихотворение «Последний день» - это призыв к объединению, к борьбе, и в нём находят выражение оптимизм и вера, без которых невозможно было воодушевить и вдохновить армянских ополченцев-добровольцев, невозможно было преодолеть всеобщую панику, уныние и скорбь. В произведении можно увидеть также вековую и заветную мечту армянского народа о государственности нации, о возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой: не потому ли армянские гайдуки шли вперёд, «подняв родное знамя»? Стихотворение завершается строкой, которая в те дни была жизненным убеждением поэта, – во всяком случае, ему очень хотелось верить, что армянский народ страдает от рук своих вековых врагов в самый последний раз.

Всего лишь несколько дней спустя после публикации стихотворения «Последний день» (в бакинской газете «Арев») оно было прочитано в городе Ване – на литературном вечере, организованном в честь героических добровольческих отрядов Андраника и защитников города. На вечере звучали патриотические произведения многих армянских поэтов, в том числе и стихи Ав. Исаакяна и Сиаманто.

Победа в самообороне Вана вселила в армян новые надежды. Ованес Туманян откликнулся на эту победу публицистической статьёй «Ван и Ереван», которую написал в те же самые дни и опубликовал 10 мая в газете «Оризон». Поэт был охвачен большим ликованием и торжеством, и его надежда, что заветная мечта увидеть Армению свободной и объединённой может сбыться и стать реальностью, ещё больше усилилась. «После падения Еревана¹, – пишет

---

¹ Говоря о «падении Еревана», Туманян имеет в виду взятие Ереванской крепости русскими войсками под командованием генерала И. Паскевича 1 октября 1827 г., что предопределило победный исход в русско-персидской войне 1826-1828 гг., в результате чего Восточная Армения была присоединена к России. В этой войне

поэт, – целых сто лет весь армянский народ мечтал о падении Вана. Падение Вана рассматривалось каким-то символом решения вопроса турецкоармянского населения...

Удачное и счастливое начало, положенное сражением за Ереван, должно получить свое дополнение, конец и увенчать успехом сражение за Ван. Ван и Ереван – означает всё армянство, единое армянство» (7, 167-168).

Поэт упоминает не сходившие в эти дни с уст армянских бойцов строки стихотворения Микаэла Налбандяна «Песня итальянской девушки»:

Растоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлет родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.
(Пер. Веры Звягинцевой)

По поводу этих строк Туманян говорит: «Но... это последний раз, когда мы поём подобную национальную песню, больше армянский народ не будет петь таких печальных песен, больше армянские поэты не будут сочинять подобных песен – после войны за Ван» (7, 168).

Ставя символические названия Ван и Ереван друг рядом с другом и уподобляя друг другу их историческую и современную судьбу, Туманян выражает также мечту о создании единой Родины, пусть даже эта Родина не станет свободной и независимой в одночасье; но пусть при этом «раз и навсегда, на веки вечные» будет стёрта и забыта «постыдная и злосчастная проблема её существования и чести» (7, 169). В самые трудные и трагические для армянского народа дни Туманян, как уже было не раз отмечено, вовсе не был столь наивен, чтобы мечтать о политической независимости и свободе Армении; он прекрасно представлял экспансионистскую политику царской России, он даже не верил многократным обещаниям и заверениям об автономии, которая якобы будет предоставлена западноармянскому населению, а о получении каких-либо прогрессивных реформ и преобразований от варварского младотурецкого правительства и вовсе говорить не приходилось. Вот почему он всего лишь мечтал, чтобы стали преданиями и легендами и

армянские добровольцы также сражались бок о бок с русскими воинами. В марте 1827 г. в Тифлисе была сформирована первая армянская добровольческая дружина, состоявшая из 117-и человек. Уже в мае того же года число добровольцев достигло 600, а во время похода на Ереван это число превысило тысячу бойцов.

навсегда, напрочь были забыты бесконечные унижения армянского народа, погромы, насилия и грабежи, чтобы прекратились ужасы и гонения, чтобы не было больше потоков скитальцев и беженцев, а самое главное, чтобы армянский народ стал «единым народом», чтобы он больше не делился на русскоподданных и турецкоподданных, чтобы можно было всем народом, всей нацией взяться за обогащение и строительство, за возрождение и преобразование своей культуры, своей литературы и искусства. В тот момент Туманян мечтал только о духовном освобождении и независимости армянского народа, о культурном пробуждении и расцвете, в результате чего ни один армянский поэт не будет озвучивать в своих произведениях слова проклятия, мести и возмездия. «Приходит и новая литература, которой предстоит освободить армянскую душу от духовного пленения, очистить её от многих приобретённых пороков, предстоит проявить самостоятельность, выявить новый мощный дух и говорить с армянами о большом мире, о великой жизни и их красоте. Придут и новые писатели, сердца которых не будут разбиты, которые увидят поддерживающий их свободный, здоровый и целостный народ и... громко и жизнерадостно будут говорить перед лицом мира, перед лицом народов, и больше уже не будет желчи в их словах, не будет враждебности в их песнях» (7, 169).

Эти слова, которые вполне созвучны со строками программно-го стихотворения поэта «С отчизной» («И поэты, не осквернившие своих уст проклятьями»), в армянской действительности в кошмарные дни геноцида озвучил только Туманян, тот самый Туманян, который во всех подробностях и деталях описывал все жуткие и дикие преступления озверевшей турецкой черни, описывал то, что видел собственными глазами или слышал своими ушами, наполняясь вселенским негодованием и возмущением, возможно даже, ненавистью. И поэта страшило это бродившее и созревавшее в его душе чувство ненависти и желание проклясть, отомстить и воздать за всё то неисчислимое и безграничное зло, которое пещерный и пришлый сброд причинил его соотечественникам. Страшило, потому что ему необходимо было заботиться о нравственном, духовном здоровье своего народа, который веками своей христианской истории исповедовал только любовь к ближнему и веру, а ненависть, месть и возмездие всегда были органически чужды ему. Кому, как не самому народному армянскому поэту было заботиться о вечно борющейся, преодолевающей любые встречающиеся на пути трудности, но при этом возвышенной, благородной и незлобивой душе своих соотечественников!.. Именно так размышлял поэт, видевший воочию все ужасы резни, в то время как ранам этим не суждено было зарубцеваться вплоть до наших дней... В дни общенационального бед-

ствия, не проклиная заклятого врага своего народа был способен разве лишь только Ованес Туманян, являющийся символом нравственного здоровья армянского духа и евангельской доброты...

Приснилось, что овца мне говорит:
«Пусть Господь твоё дитя хранит,
Но вспомни: был ли сладок мой ягнёнок,
Его убив и съев, ты был ли сыт?»
(Пер. Н. Гребнева)

Следующая публицистическая статья Ов. Туманяна являлась логическим продолжением и развитием той же мысли. Она была озаглавлена «Навстречу великой жизни» и была опубликована в «Оризоне» ровно две недели спустя, 24 мая. Естественно, что, о чём бы ни писал в те дни поэт, материалом должны были служить война и никак не решавшийся и не сходявший с повестки дня «Армянский вопрос».

Писатель лелеял надежду, что вместе с судьбами многих угнетаемых народов радикально изменится и судьба армянского народа. Одного только освобождения из-под тяжкого ига Османской Турции было бы вполне достаточно, чтобы население Западной Армении избавилось от извечной угрозы физического уничтожения, от постоянного страха насильственных действий над «жизнью, имуществом и честью». Наличие этих и им подобных проблем делает невозможным свободное развитие нации, не даёт ей шагнуть вровень с прогрессивным человечеством, поскольку эти проблемы постоянно растрavляют и расстраивают человеческую душу, какой бы она ни была, и причиняют ей большие травмы. «Они превратили нашу жизнь в ад, создали для нас не достойную человека унижительную ситуацию и унижительные проблемы, и вместе с ними отвлекли наше сознание и внимание. Растрavили нашу душу, развили в ней чувства мести и вражды, заставили петь «Песни крови»»¹.

Нет ничего случайного в том, что статья поэта начинается крылатым выражением: «Природа создала животный мир, а человек – следствие эволюции». В эти дни воображение поэта рисовало образ идущего из каменного века и пещерного прошлого «человека-людоеда», однако, с другой стороны, человечество стало осуждать человека-убийцу, для успешной борьбы с которым цивилизованный мир прибегал к разным способам – создавал культурные ценности, нравственные и государственные законы, внедрял в жизнь нормы

---

¹ В Ереване в 1907 г. увидел свет сборник стихотворений с таким названием – «Песни крови».

общественного поведения, возвышал и облагораживал душу произведениями разных видов искусства и т.д. С помощью всего этого в человеческой душе засеивались семена «вечного и доброго», людям прививались основы альтруизма и гуманизма, утверждение и власть которых в общественной жизни могли открыть перед человеком «великую вселенскую жизнь» (7, 170). Туманян сопоставляет озверевшего человека-людоеда и разительно, подчас диаметрально отличающегося от него вследствие воздействия прогресса цивилизованного человека, который, несмотря на все свои существенные отличия и преимущества, всё равно очень и очень далёк от совершенного человека. По убеждению поэта, прогресс осуществляют «избранные личности и нации», и таких личностей среди армян в начале двадцатого столетия было немало, и одним из них, несомненно, был сам поэт, которому очень хотелось бы видеть свой родной народ в числе этих самых избранных наций. «Да, мы ещё очень далеки, – пишет он, – от того хорошего человека и хорошей жизни, о которой мечтают лучшие мечтатели... таким образом, прогресс... – это божественное дело, которое выполняют избранные личности и нации во имя создания хорошего человека и хорошей жизни. И насколько честной и благородной является личность или нация, настолько более ревностно стремится она поскорее пойти по пути прогресса, и настолько активнее и заинтересованнее хочет выполнить это божественное дело»¹.

Этой статьёй Туманян – один из «лучших мечтателей» и «избранных личностей», старался развить лучшие качества своего народа, открыть для него новые горизонты, что было возможно только при условии победы России в мировой войне и решению благодаря этой победе Армянского вопроса. «Мы получаем возможность жить с намного более красивыми и глубокими чувствами, заниматься своими проблемами, войти в братство прогрессивных наций и мечтать вместе с ними о самом возвышенном, участвовать вместе с этими нациями в благородном деле разработки великих общечеловеческих задач и идти вместе с ними навстречу великой жизни.

И наша удача заключается в том, что мы вполне способны на это, и именно здесь мы можем сказать – мы вовсе не маленький народ.

И именно этим дорог наш вопрос, этим осмысливается наша борьба, в этом всё величие нашего права»².

Ованес Туманян никогда не отличался национальным тщеславием и чванством, более того, он не раз говорил во всеуслышание о

---

¹ Там же, с. 170-171.

² Там же, с. 172.

недостатках и пороках армянского народа, однако в судьбоносное и роковое для народа время он подчёркивает преимущества армян, те их способности, качества, черты характера, благодаря которым он может и должен на равных правах встать в одном ряду с «избранными нациями», делить с ними их заботы и проблемы, иметь такие же стремления и мечты. Поэт с большой гордостью констатирует духовное величие своего немногочисленного народа. Именно с этой верой он пытается препровождать свой народ навстречу «великой жизни».

Последняя статья, которую успел написать Туманян, прежде чем предпринял вторую поездку в Западную Армению, в зону боевых действий, называлась «Женщина и крах магометанских государств»¹. Она раскрывала негативные стороны образа жизни и быта магометанских государств, рассказывала об их бесконечных захватнических войнах. Среди этих негативных сторон автор выделял такое явление, как гаремы, которые стали самым настоящим бедствием не только для мусульманских женщин и девушек, но и для соседних христианских государств. Взятие врагами-мусульманами женщин-христианок в гарем превращалось в разновидность налогообложения, работорговли и нередко приводило к вооружённым межнациональным столкновениям.

Проблема женщин занимала довольно существенное место в отношениях между христианскими и магометанскими народами. В качестве ярких и конкретных примеров следует привести армян и грузин, которые на протяжении веков были анклавами, островами в большом море магометанских государств и народов. Если армяне и грузины боготворили семью, ставя женщину «во главе очага», где и были сосредоточены «удовольствия жизни и счастье», то жившие по соседству турки держали гарем, то есть не имели ни дома, ни семьи, а следовательно, они не рассматривали семью и домашний очаг как опору в жизни, у них не было особого стремления и мотивации для возвращения домой, у них не было желания сойти с лошади, и поэтому они, «уповая только на своё оружие, всегда воинственные и готовые воевать, были очень беспокойными и опасными соседями» (7, 172). Туманян характеризует гарем как ещё более «постыдное и низкое» явление, нежели рабство. В гареме женщина живёт «просто как самка», но при этом само явление гарема приводит к необратимым социальным и даже политическим последствиям. Поскольку в магометанском народе не может быть достаточного количества женщин, которые могли бы удовлетворить потребности содержания большого числа жён и наложниц, то вполне естественно, что маго-

---

¹ «Харисх», 1915, 8 июня, N1 (на арм. яз.).

метане должны были обращать свои взоры на женщин соседних народов и отнимать их силой. Они «ломали, отнимали, силой уводили» женщин соседних народов (7, 172). Проигрывая войны, грузины оказывались вынуждены ежегодно отсылать тысячи грузинок для магометанцев в качестве дани. «По свидетельству грузинского царя Теймураза, один только архиепископ Гурии посылал ежегодно двенадцать тысяч девушек в Турцию, и ещё восемьдесят – в дар султану» (7, 174). А армяне были вынуждены прятать своих женщин, закрывать им лица, нарочно уродовать красавиц или одевать их в мужскую одежду. Одному мужчине “на один свой честный заработок” было трудно содержать несколько не работающих женщин, и поэтому возникала необходимость отбирать у других средства на жизнь. Так что и этой причиной также можно объяснять “новые походы, новые грабежи, новые бесчинства, новые протесты и новые столкновения” (7, 175). С другой стороны, именно здесь следует искать причину того, что некоторым подвластным народам всё это “опротивело и они возмутились окончательно” и восстали, и им удалось освободиться от магометанского ига, “проклиная его и браня” (7, 176). В это время внимание Туманяна к данной теме было обусловлено тем обстоятельством, что, по его мнению, наступила очередь армян, подобно другим христианским народам, окончательно освободиться от магометанского ига. “И сегодня, когда мы в самую последнюю очередь, окровавленные и растерзанные, уже близки к тому, чтобы раз и навсегда оторваться, освободиться от неё (от Турции – С.О.), кажется, что мы снова слышим отдалённые вопли тысяч и тысяч наших терзаемых девушек и женщин, и снова укрепляемся на своём пути... и ясно понимаем, что... невозможно жить с турками” (7, 176).

Напоминая читателю, что армянские женщины жили в постоянном страхе, что они всегда оказывались во вражеском гареме против своей воли, насильственным путём, Туманян пытается “укрепить” воинственный дух армянских добровольцев, их мужество и волю к победе над врагом, придавая большое значение императиву, настоятельному требованию отстаивания чести армянских женщин, национального достоинства армян. Возможно также, что непосредственным поводом для подобных раздумий стала победа в героической самообороне Вана – противостояния, которое началось и из стремления и благородного порыва не дать в обиду армянских женщин, высоко держать их честь и достоинство. Ещё одним побудительным мотивом следует считать героический образ армянской женщины в дни геноцида. Известны многочисленные случаи, когда женщины-армянки спасали свою честь и достоинство ценою жизни, когда они, взявшись за руки и подбадривая друг друга, группами

бросались с обрыва в волны Евфрата, чтобы не стать жертвами варварского насилия, чтобы не оказаться наложницами в турецких гаремах.

И если Туманян, поэт-гуманист, призывающий к братству народов, выделял при этом “избранные и прогрессивные” нации, то есть не ставил знака равенства между всеми нациями, то причиной такого подхода было многожёнство, гаремы, наложницы – все эти неприемлемые для армянского поэта явления, присущие магометанским народам и, в частности, туркам. По глубокому убеждению Туманяна, «невозможно одновременно и содержать гаремы, и иметь здоровое государство, невозможно одновременно иметь гаремы и прогрессировать и входить в ряды передовых народов»¹. Конечно, он не ставил креста на весь магометанский мир. Напротив, он был уверен, что «здравомыслящая часть» магометанского мира осознаёт уродливые последствия этих явлений как раз для них самих и «стремится встать на новый путь». Свои рассуждения Туманян обобщает следующими словами: «И, конечно, после этого на новом пути постепенно изгладятся, забудутся все горести и трагические случаи прошлого и будет создана возможность для совместной братской жизни бок о бок»². Было бы странно, если бы поэт не завершил своей статьи на такой оптимистичной, незлобивой и незлопмятной ноте. Он не призывает уйти от своего векового врага с проклятиями и бранью на устах, как это сделали другие народы, он хочет верить и ожидать «возможности для совместной братской жизни бок о бок».

Эти размышления Туманян высказал до того, как предпринял новую поездку в Западную Армению. Подобные настроения и мысли поэта претерпели определенные изменения во время его путешествия в Ван, а после этой поездки изменились ещё больше.

ЖЕСТОКИЕ БУДНИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Земляк Ованеса Туманяна, историк Самсон Карьян удостоверяет: «В туманяноведении отведено слишком мало места, в частности, посещению Вана, в то время как этот период жизни поэта имеет исключительно важное значение в контексте его общественно-патриотической деятельности и, дополняя его богатую биографию, ещё раз подтверждает, что для Туманяна национальные задачи не ограничивались рамками окружавшей его действительности. Он чувствовал себя обязанным идти навстречу истокам событий, давать

---

¹ Там же.

² Там же.

им оценку и рассматривать в философии исторического процесса»¹.

В июне 1915 г. писатель отважился второй раз отправиться в Западную Армению. Он побывал в Ване, в сёлах и городах Васпуракана, которые он назвал «страной руин и трупов».

Одной из важнейших целей и задач второй поездки поэта, так же, как и первой, было выяснение подлинных причин недоброжелательного и неблагоприятного отношения русских военных властей по отношению к армянам, а также формирование единого подхода вокруг национально-политических проблем, касающихся судьбы западноармянского населения после освобождения Вана. Поэта беспокоила и волновала неопределённость политического положения его соотечественников, всеобщее и повсеместное разочарование, порождённое резнёй и погромами армян на всей территории Османской империи.

Из Тифлиса Туманян выехал 6 июня, то есть ровно через месяц после освобождения Вана. Денежные средства, необходимые на дорожные расходы, он сумел достать сам, хотя и не следует исключать помощь со стороны Национального бюро. С целью изыскания денег на поездку в Ван поэт оформляет членство в «Обществе взаимного кредитования»², самолично получает определённую сумму на своё имя и в тот же день в поезде отправляется в Эчмиадзин, а оттуда 7 июня добирается до Игдыра.

Существуют свидетельства, что как в первый раз – в конце 1914 г., так и во второй – в середине 1915 г., Туманян приехал в Ван в сопровождении инспектора Нерсисянской гимназии Овсеп Хунунца. На этот раз также вместе с ними был и доктор философии Ерванд Франгян³. Они втроём в девять часов утра 9 июня приезжают из Игдыра на пограничную станцию Оргов, откуда отправляются на двух повозках и с большим трудом добираются до горного перевала Чингил. Арарат со стороны Баязета Туманян видит уже во второй раз. В течение четырёх-пяти дней они пробираются в направлении Игдыр – Оргов (перевал Чингил) – Каре-Кизил – Диза – Гаракинд – горный перевал Тапариза – поле Абага – Беркри-кала – Джаник – Ван.

В селе Каре были оставленные турками дома, которые поэт называет «берлогами» и «мышьиными норами». Он затрудняется в определении домов бедных и богатых турок, поскольку все дома

---

¹ С. Карьян, Ованес Туманян и трагедия армянского народа. Ер., изд-во «Лусакн», 2008, с. 118 (на арм. яз.).

² Сохранилась квитанция этого Общества. См. Музей Туманяна, Новые материалы, л. 30.

³ «Ашхатанк», Ван, 1915, N24 (на арм. яз.).

напоминали о быте людей, промышлявших разбоем и убийствами. Вечером 9 июня поэт вместе со своими спутниками доезжает до села Кызыл-диза и останавливается на ночлег. Однако ему не удаётся ни отдохнуть, ни поспать: всю ночь напролёт солдаты рассказывали во всех подробностях о жестоких преступлениях турок и курдов. Речь, в частности, шла о чудовищных зверствах жителя села Гаракянд Али-бека. Под его началом объединились турецкие разбойничьи банды из двадцати семи близлежащих селений. Прежде чем попасть в руки русской армии, турецкие варвары самым бесчеловеческим и жестоким образом учинили расправу над беззащитным и безоружным армянским населением, в особенности над женщинами. К счастью, русским удалось захватить Али-бека и переправить в Баку¹. Через родное село Али-бека Туманян проезжал 10 июня. Затем в течение четырёх-пяти часов поэт едет вдоль турецко-персидской границы, через горное ущелье Тапариз, спускаясь из которого, видит поле Абага. В полдень 11 июня группа уже была в селе Баязед-ага. Как раз отсюда в тот же день поэт пишет письмо семье, которое является единственным дошедшим до нас письмом, написанным во время этой поездки. Туманян рассказывает о своих впечатлениях о поле Абага. «Конечно, очень интересными представляются как страна, так и всё, что происходит вокруг. Нет ни одного живого села – уничтожают друг друга и уничтожали курды и армяне» (10, 225).

Чтобы дать какое-то представление о богатстве растительного мира природы Западной Армении, поэт посылает в конверте лепестки мака и добавляет: «А если бы вы видели, какие большие здесь ирисы и гиацинты, дикие, конечно, то очень удивитесь» (10, 225). Об этом же находим пометку в его записной книжке. «Деревья есть только в армянских сёлах. Цветы на тыльной стороне Масиса и поля Абага – большие маки, ирисы и касатки – большие, гиацинты Тапариза, запах гниющих туш павшей скотины на речных берегах, на берегах озёр, деревень. Трели жаворонков над ними.

Трупы армян и курдов, лежащие вместе – на побережье озера» (8, 400-401).

Среди этих жутких, ужасных картин поэт не потерял своей способности восхищаться красотой природы. В своих коротеньких записях – в одну или две строки – он противопоставлял естественное и противоестественное: щедрую красоту природы и чудовищность реальной действительности. По дороге к Вану он заметил, что лесов было мало. От глаз поэта не ускользает также огромное число мух в Игдыре, он пишет о болотах и несметных полчищах комаров в

---

¹ «Арев», Баку, 1915, N92, 9 июля (на арм. яз.).

поле Абага, в Баязете, Шамбуте и Игдыре, о минеральных источниках в Абага, о потухших вулканах Тандурека и Хора, о неисчислимом множестве ворон в местах военных действий. «В Игдыре, на Араратской равнине я понял, почему именно над головами царей и цариц размахивают опахалами, которые зачастую имеют форму конских хвостов; это не только для прохлады, но в ещё большей степени для того, чтобы отгонять мух» (8, 396).

После Абага поэт проезжает через поле Беркри-Кала и добирается до селения Джаник (Мадур), находящееся в сорока пяти вёрстах от Вана, и останавливается там на ночь. И здесь также поэту, по всей вероятности, не удалось ни поспать, ни отдохнуть, поскольку в селе были свежи следы и последствия от ужасов резни и погромов 5 и 6 апреля 1915 г. На следующий день, 12 июня, пройдя по заветным берегам величавого озера Ван, поэт наконец-то добирается до города.

Газеты практически ничего не писали о поездке Туманяна в Ван. Причина, вероятно, заключалась в том, что его поездка держалась в строжайшем секрете. Об этом свидетельствует также то, что в опубликованных в бакинской газете «Арев» путевых заметках и наблюдениях Е. Франгяна под названием «Из Игдыра в Ван» ни разу не упоминается имя Ов.Туманяна, хотя доподлинно известно, что что Франгян лично сопровождал поэта и практически не разлучался с ним¹.

Побудительные мотивы, цели и задачи трёх членов этой маленькой группы были разными. Хунунц приехал, чтобы в качестве члена «Армянского комитета помощи беженцам» изучить положение и нужды местного армянского населения. Он вернулся в Тифлис раньше, чем Туманян, и отчитался о своих впечатлениях на заседании указанного Комитета от 29 июня, когда поэт всё ещё был в Игдыре². А с Е. Франгяном Туманян встретился по дороге в Ван, в Игдыре. Франгян был военным корреспондентом бакинской газеты «Арев», следовательно, его задачей было посылать репортажи с мест боевых действий. Корреспонденции Франгяна были опубликованы в газете под общим заголовком «Письма с приграничья». Что же касается Туманяна, то он отправился в Ван, по всей вероятности, по поручению Национального бюро. При этом он ставил перед собой несколько целей и задач:

а) Уточнить упорно муссируемые слухи о расформировании армянских добровольческих формирований;

б) Ознакомиться с непростыми отношениями между царскими

---

¹ «Арев», Баку, 1915, NN8, 92, 93, 95 и т.д., 27 июня, 9, 11, 12 июля и т.д.

² Там же, N83, 27 июня

высокопоставленными должностными лицами и высшим военным командованием русской армии – с одной стороны, и местным армянским населением и армянскими добровольческими формированиями – с другой;

в) Выяснить действительные причины недоброжелательного и неблагоприятного отношения русских властей к армянам вообще;

г) Сформировать с новоназначенными исполнительными властями Вана единые подходы по вопросам национально-политических проблем, непосредственно относящихся к судьбам армянства.

Поэта беспокоило и волновало неопределённое политическое положение его народа, всеобщее разочарование, порождённое повсеместными погромами и резнёй. Одним словом, причин, целей и задач, связанных с поездкой Туманяна в Ван, было более чем достаточно, а непосредственным поводом послужила телеграмма генерала Николаева в Тифлис, в которой сообщалось, что «армянские дружинники открыли огонь по казакам» (8, 393). Вообще вся телеграмма оставляла впечатление тенденциозности, она словно преследовала цель опорочить армянских добровольцев. Отметим при этом, что впоследствии сам генерал Николаев заверял, что у него не было никакого намерения дискредитировать армянских ополченцев-добровольцев¹.

Сам факт того, что армянские добровольцы по ошибке приняли своих за врагов, в условиях военного времени нельзя было считать чем-то совершенно чрезвычайным и экстраординарным. Подобные случаи в суматохе были отнюдь не редким явлением. И делать из этого какие-то слишком далеко идущие выводы, подозревать, что инцидент вовсе не был случайным, конечно же, не следовало. По мнению писателя, к подобным случаям следовало относиться как к досадным недоразумениям, и тем более, не стоило придавать им национальную окраску, – явление, которое в любой армии очень взрывоопасно и чревато непредсказуемыми развитиями. В данном случае это реально могло привести к резкому обострению отношений между армянскими и русскими воинами, которые совместно сражались против общего врага.

Поэту удаётся выяснить суть произошедшего. Оказалось, что один или два телохранителя Арама Манукяна в ночной темноте сделали несколько выстрелов в направлении русских солдат, ошибочно приняв их за турецких воинов. Туманян по этому поводу пишет: «Это произошло вот как. Группа курдов, около 200 человек, сдались в плен, когда они шли под конвоем 4-х казаков, бойцы Арама не заметили казаков, заняли позицию и открыли огонь. Когда заметили

---

¹ См. Лео, «Из прошлого», с. 325-326 (на арм. яз.).

казаков, то вышли из укрытия и прекратили стрелять. Их поймали, хотя наказать военным полевым судом» (8, 391).

Командир Гуниба в письменном рапорте, искажив все факты, даже не используя слова «добровольцы», сообщил генералу Николаеву о случившемся, добавив от себя, что армяне грабят и убивают мирных курдов и что они, возвращаясь с добычей после набега, «на расстоянии 150 шагов открыли огонь на мосту по русскому конвою» (8, 394). Не приводя никаких конкретных фактов, он сообщил, что подобные случаи происходят часто. Он требовал, чтобы армян судили и наказали, иначе «сдерживать их будет невозможно» (8, 394). Поведение и позиция, занятая командиром Гуниба, была вполне понятна Туманяну. Он уже знал, что у того были для этого основания, что он был заинтересованным лицом и преследовал личную выгоду. Этот командир был из тех царских кадровых офицеров, которые занимались воровством и грабежами, сваливая вину за содеянное на армян. Некоторые подробности об этом самом командире полка Гуниба рассказал Туманяну Акоп Завриев¹. По свидетельству Завриева, «Командир полка Гуниба... считает армян своими конкурентами» (8, 395). Русский командир собирал остававшуюся без присмотра «бесхозную и якобы бесхозную» скотину армян и курдов в большом количестве и продавал «для своей выгоды» (8, 395). Когда его ловят за руку на месте преступления, он пытается изворачиваться, уверяет, что продавал скотину для запросов армии.

Незамедлительно отреагировав на «рапорт» командира полка, генерал Николаев фактически дезинформировал высшее командование русской армии в Тифлисе, где, не разобравшись в деле, поручили генералу Огановскому строго наказать провинившихся армян.

Туманян не сомневался, что подобное обострение отношений русского командования и армянских добровольцев носит не случайный характер. Однако он при этом вовсе не исключал действительно объективного и доброжелательного отношения к армянам со стороны некоторых генералов. Так, генерал Огановский заверял

---

¹ **Завриев (Заварян) Акоп Христофорович** (1866, Тифлис – 1920, Москва) – врач, национально-политический деятель, дипломат, член партии АРФ «Дашнакцутюн». В 1917 г. являлся заместителем назначенного правительством России комиссара районов Вана, Хнуса, Эрзрума, Трапезунда, ведал вопросами экономики, медицинской помощи, а также организовал вооруженные группы (Зейтун, Ханасор, Маку и др. места), сыгравшие большую роль в самообороне армянского населения. Был помощником российского генерал-губернатора в Западной Армении. В 1918 г. после образования Республики Армении (вместе с Л. Назарянцем, Р. Дарбиняном) был направлен в Москву для ведения переговоров с советским правительством. Тайно встречался с С.Г. Шаумяном. После падения Бакинской коммуны (июль 1918) был арестован в Москве. Умер от тифа.

Туманяна, что лично он вполне убеждён в том, что ночная стрельба армянских бойцов в направлении русского конвоя, сопровождавшего пленных курдов, была всего лишь досадным недоразумением, и что подобные случаи просто неизбежны во время войны. Генерал Николаев, посылая телеграмму в Тифлис, нарушил субординацию, обошёл своего непосредственного начальника Огановского, чего не должен был делать. Об этом также сообщил Туманяну сам генерал Огановский. Хорошо зная Огановского по предыдущему своему приезду и будучи знакомым с его подходом к произошедшему инциденту, поэт думает, что тот, если бы был в курсе дела, мог бы предотвратить отправку в Тифлис телеграммы с подобным провокационным содержанием, или хотя бы смягчить формулировки. Туманян отмечает, что «указанная выше телеграмма Николаева должна была быть отправлена через Огановского, однако этого не произошло; она была послана непосредственно и имеет натравливающий (провокационный) характер» (8, 393).

Факт обстрела русских конвоиров подтверждает также Давид Христофорович Завриев¹, сообщая, что все пять армянских добровольцев арестованы и для их наказания «создана комиссия военного полевого суда... под председательством Долуханова. Все думают, что их расстреляют, потому что старшина казаков очень настаивает» (8, 393).

Проходя по полю Беркри-кала, Туманян 11 июня получает известие, что двумя днями раньше, 9 июня, этих злосчастных добровольцев уже осудили и приговорили к высшей мере наказания, то есть к расстрелу. И это не было единственным несправедливым решением. Немало было случаев, когда обвинялись и осуждались совершенно невиновные армяне – безо всяких оснований, став жертвами правового произвола. Поэт отмечает в своём дневнике один такой факт. Шестидесятилетний торговец Арпиар Налбандян убегает от турецких преследователей к русским. В Караклисе его подозревают в шпионской деятельности и в суде предоставляют только турецкого переводчика, «с лёгкой руки» которого невиновного человека приговаривают к повешению (8, 399).

Поставив перед собой задачу выяснить упорно муссируемые слухи о пресечении деятельности армянских добровольческих отрядов, Туманян в первой дневниковой записи во время своего второго путешествия приводит свидетельство некоего Саака: «Отношение к нам очень плохое. Есть распоряжение о том, чтобы остановить деятельность армянских добровольцев» (8, 391). Эту запись поэт делает

---

¹ Давид Христофорович Завриев (1889, Тифлис - 1957) – химик, в 1921 г. был ректором Ереванского государственного университета.

в Игдыре, где остаётся два дня, встречается с русскими генералами и слышит жуткие истории беженцев, нашедших там временное пристанище. Нетрудно догадаться, какие именно истории мог слышать Туманян в Игдыре в эти дни от людей, чудом спасшихся от резни. Об этом повествуют документы и периодика эпохи, которая ежедневно публиковала истории, рассказанные очевидцами резни и погромов. В публикации «Беженцы в Игдыре», увидевшей свет 10 июня 1915 г., один пожилой беженец рассказывал: «Я и вообще все беженцы из Алашкерта оставили всё своё нажитое имущество, я оставил своих овец, завёл их в хлев, запер на них дверь и направился сюда». Другой беженец говорил: «Эх, братец, даже язык не поворачивается рассказывать об этом... При переправе через реку Мурад вода поглотила столько детей! А сколько людей погибло от холода! И хоронить их не было никакой возможности. Откладывали снег немного в сторону и накрывали их»¹. Беженцы, нашедшие пристанище в Игдыре, конечно же, рассказали поэту за те два дня намного больше историй и подробностей, которые, однако, писатель просто не успел, а может, был не в состоянии записать. Армянские добровольцы приводили несколько важных причин негативного, недоброжелательного отношения к ним со стороны русского военного командования. Поэт отметил в своём дневнике две из них. Первая причина – колониальная политика, проводимая царской Россией, а вторая – самоотверженная борьба армянских добровольцев и одержанные ими яркие победы. В дневнике Туманяна читаем: «А некоторые утверждают, что всё дело в ревности, что наши очень бросаются в глаза, а мы много говорим об этом. А другие считают, что распоряжение пришло сверху, в частности, от старика» (8, 391).

«Стариком» был главнокомандующий Кавказской армии, 78-летний генерал И.И. Воронцов-Дашков. Истине больше соответствовала вторая отмеченная причина. Завершившаяся победой героическая самооборона Вана только обеспокоила царскую Россию. Армяне проявили в ней огромную волю и показали, что умеют самоотверженно сражаться и готовы самостоятельно распоряжаться своей жизнью и судьбой, они выстояли в неравной борьбе с регулярными турецкими войсками и разбойничьими бандами и освободили город ещё до того, как русская армия подросла им на помощь.

Если в первые дни войны у русских властей были сомнения и опасения по поводу необходимости формирования армянских добровольческих групп, то теперь, после освобождения Вана, эти сомнения и опасения значительно усилились. Не отказываясь от использования потенциала армянских ополченцев, русское военное

---

¹ «Оризон», 1915, №6, 10 июня.

командование при этом всячески препятствовало любой попытке их объединения, с ещё большей строгостью и жёсткостью препятствовало также естественному желанию армянского населения вернуться в свои пустующие дома, в свои ценою кровавых сражений освобождённые города и сёла. Эти изменения в худшую сторону были для Туманяна более чем очевидными. Для него было также вполне ясно, что «старик» И. Воронцов-Дашков продолжает обманывать, юлить и изворачиваться, и он просто не знал, можно ли верить, стоит ли доверять тем русским военным функционерам, которые также отмечали изменения в тональности и акцентах поступавших «сверху» приказов и выражали своё недоумение и беспокойство по этому поводу.

Туманян встретился с А.Шаххатуни¹, от которого узнал, что генерал Огановский во время встречи с другим русским генералом заверял последнего, что он и сам удивлён резким изменением отношения к армянам в высших кругах военного командования и «спущенными сверху» инструкциями. Некоторые из русских генералов, в особенности известный своими армяноненавистническими взглядами и действиями русский генерал осетинского происхождения и магометанского вероисповедания Дзамболат (Дмитрий) Абациев, с которым уже успел познакомиться и пообщаться Ов. Туманян во время первой своей поездки на Кавказский фронт, продолжали упорно настаивать на том, что армяне нарочно стреляют по русским солдатам и что они заняты только грабежами.

Уже второй раз Туманян оказывается свидетелем и вновь получает возможность удостовериться, что Абациев потворствует и даже способствует резне и погромам армян, специально разоружает их и при этом разрешает курдам вооружаться. Однако на этот раз поэт встречает значительно больше высокопоставленных должностных лиц и военных функционеров, которые занимали откровенно предательскую позицию по отношению к армянам и вели антиармянскую деятельность.

Вот уже второй раз переживая большое разочарование, поэт во всех подробностях, насколько позволяли военные условия и буд-

---

¹ **Шаххатуни Аршо (Аршавир) Вагаршакович** (1885, Александрополь – 1957, Париж) – армянский актёр, военный (офицер запаса в чине прапорщика), который сопровождал Туманяна во время его первого путешествия в Западную Армению в конце 1914 г. В годы Первой мировой войны принимал участие в боевых действиях на Кавказском фронте, стал офицером царской армии. В 1918 г. был назначен военным комендантом Еревана и оставался на этой должности до конца 1920 г., то есть до установления Советской власти в Армении. В 1928 г. стал инициатором съёмок фильма «Андраник», в котором выступил в ролях легендарного полководца и его отца.

ни, записывал каждое проявление, каждый случай и факт, свидетельствующий о лицемерной и двурушнической политике русских властей в отношении армян – с тем, чтобы представить эти факты и свидетельства армянской общественности, высшему руководству русской армии в Тифлисе и Армянскому национальному бюро. Тем самым Туманян взял на себя трудную миссию – летописца военных будней, документалиста самых страшных, самых трагических событий в жизни армянского народа.

В дни формирования армянских добровольческих отрядов, когда Тифлис стал эпицентром и местом сбора ополченцев, когда в тифлисском Ботаническом саду организовывались боевые учения для неопытных и не владеющих оружием, но при этом горящих желанием помочь и патриотически настроенных юношей-армян, даже внутри одной и той же партийной организации, скажем, АРФ «Дашнакцутюн» были разногласия на этот счёт. Против армянского добровольческого движения выступали, в частности, такие известные национальные и политические деятели, как Арам Манукян, которому впоследствии предстояло стать одним из героев самообороны Вана, а также Симон Врацян¹, Саак Торосян. Особенно возражали западноармянские деятели дашнакской партии, которые требовали не нарушать решения VIII съезда АРФ «Дашнакцутюн», состоявшегося в июле 1914 г., согласно которому западноармянское и восточноармянское население должно соблюдать нейтралитет и всего лишь проявлять верноподданничество и «добрую лояльность» в отношении своих стран. Конечно, их опасения не были безосновательными. Они были уверены, что турки стали бы рассматривать формирование армянских добровольческих отрядов как проявление неповиновения и устроили бы новые массовые погромы и резню. Однако, несмотря на то, что эти их побудительные мотивы были вполне честными и благородными, они не могли ничего изменить, потому что правители Османской Турции давно уже вынашивали далеко идущие планы по радикальному решению «Армянского вопроса». Участь мирного западноармянского населения к тому времени уже была предрешена.

Дважды побывав в годы мировой войны в Западной Армении, став очевидцем героической борьбы армянских добровольцев и их славных боевых побед, Туманян убедился в правоте своего мнения о повстанцах, которое до этого опиралось на интуицию.

---

¹ Симон Врацян (1882 - 1969), армянский политический деятель, один из руководителей дашнакской партии. Был министром сельского хозяйства и государственного имущества, а также министром труда Первой Армянской республики, а также четвёртым премьер-министром.

Добровольческое, повстанческое движение было действительно необходимо, было продиктовано требованиями времени, исторической ситуации. Если в первые дни у поэта и были какие-то сомнения, и даже как-то в Эчмиадзине он искренне отговаривал нескольких неопытных юнцов воздержаться на определённое время и не спешить с решением идти в армию, то вскоре он сам в своих литературно-художественных произведениях старался воодушевить армянских юношей, идущих на поле брани, более того, стал выступать с призывами к борьбе. Поэт сделал в своей записной книжке очень краткую, но при этом ёмкую запись, характеризующую и оценивающую армянское добровольческое движение: «Значение добровольцев – было меньше резни» (7, 579).

Было меньше резни, потому что добровольцы протянули руку помощи своим обезоруженным соотечественникам, защищая их и от турецких погромщиков, и от тех своевольных действий некоторых русских генералов, которые могли бы стать причиной новой резни мирного армянского населения.

Туманян свидетельствовал, что полководцу Андранику удалось вернуть армянам часть отобранного у них оружия. «Я сам шёл, – говорил Андраник, – и насильно забирал из солдатских повозок оружие, отобранное у армян» (8, 403).

Как уже отмечалось, Андраник вместе со своими добровольческими формированиями вошёл в Ван 3 июня 1915 г., однако он выехал из города и направился в сторону Востана в тот самый день, когда в Ван прибыл Ованес Туманян. Это было 12 июня. Обстоятельства сложились так, что встреча двух великих армян в этот день не состоялась. Андраник отличался своим своенравным и независимым характером, он далеко не всегда подчинялся приказам русского военного начальства и нередко действовал самостоятельно, как считал правильным и нужным. Так, когда 17 июня ему приказывают отступить и сдать с большим трудом занятые боевые позиции, он не подчиняется приказу и без поддержки русской армии, одними лишь своими небольшими силами одерживает трудную победу, за которую впоследствии его награждают Золотым Георгиевским Крестом¹.

Вполне естественно и закономерно, что национальный герой не мог подчиняться таким приказам и распоряжениям, которые шли вразрез с интересами его народа и подвергали смертельной опасности жизнь местного армянского населения. А такие решения принимал чаще других генерал Абациев. Он был наиболее последовательным и активным проводником политики царского режима – «Арме-

---

¹ Исторические воспоминания полководца Андраника на Кавказском фронте в 1914-1917 гг., записанные телохранителями полководца. Бостон, 1924, с. 30-31.

ния без армян». Возвращаясь из сражения при Маназкерт, Абациев отдаёт приказ умертвить всех армян, затем подвергает резне армянское население Хлата. В записных книжках Ов. Туманяна встречаем свидетельство, что Абациев приказал, чтобы «Армянские селения не имели никаких отношений друг с другом, не перевозили пшеницу из одного села в другое и т.д., и всё это делается без ведома Огановского» (8, 392). Абациев не гнушался даже распространением ложных слухов и вымыслов, которые стали для него своеобразным оружием в борьбе с теми русскими генералами, которые давали высокую оценку действиям армянских добровольцев, открыто восхищались их подвигами, хорошо к ним относились и защищали их или, по крайней мере, не отзывались о них плохо. Среди таких генералов были Огановский и его верный помощник и соратник Озол¹. После прошлогодних встреч с Огановским Туманян находит его «довольно изменившимся» (8, 392). В беседе с поэтом генерал посетовал на изменение отношения к нему со стороны высшего командования русской армии. Изменение это выражалось, в частности, в том, что от него отдаляли его верных служащих, например, Озола. «При этом Озола, который очень хорошо относился к армянам, удалили не только от него, но и вообще из района» (8, 392).

В этот период, вероятно, обострились отношения между Огановским и Абациевым, что также, в свою очередь, негативно отражалось на отношении к армянам. Насколько это соответствует действительности, судить трудно, однако Огановский представил поэту суть вопроса именно в таком свете. Абациев последовательно и целенаправленно удалял офицеров, хорошо относившихся к армянам, и тем самым ещё больше укреплял свое положение. По свидетельству Туманяна, Абациев и в это время открыто и беззастенчиво «показывал свою армяноненавистническую позицию и рассказывал, как он поехал сражаться в Маназкерт и, вернувшись, приказал убить армян, отказал им в помощи, а теперь отправился в Хлат и вернулся – теперь вот их подверг резне» (8, 392). Даже уходящему в отпуск армянскому добровольцу Абациев не разрешил заехать по пути в

---

¹ **Вольдемар Ансович Озол** (1884 - 1949) – кадровый офицер Русской императорской армии, латвийский общественный и военный деятель, подполковник РИА (1917), Георгиевский кавалер (1917), генерал интербригад в Испании (1936), глава нелегальной резидентуры ГРУ ГШ во Франции (1940–1945). В царской армии служил с 1907 г., в 1914-1915 гг. занимался формированием армянских добровольческих отрядов, был ответственным за боевую и физическую подготовку новобранцев, руководил стратегией и разведывательной деятельностью добровольцев. При его непосредственном содействии в Канакере была открыта военная школа для армянских добровольцев. Известно, что он сделал всё, что в его силах, чтобы спасти армянское население, в особенности, армян Вана, от резни.

село Гёл, чтобы увидеться с братом и его семьёй, и только после этого поехать в родное село – Члкани.

С целью контролирования действий Абациева Огановский хотел переместить военный штаб в Арчеш, чтобы воинское подразделение Абациева также находилось в его подчинении. Это позволило бы Огановскому избегать очередных «сюрпризов» от коллеги, а также «сконцентрировав войска, ударить с тыла по Эрзруму»(8, 392). По свидетельству Туманяна, недоброжелательное отношение генерала Абациева к своему коллеге объяснялось военными победами Огановского, которые вызывали в Абациеве чувство зависти и ревности. Как отмечает Туманян, «Его (Огановского – С.О.) продвижение в этом направлении вызвало зависть у многих (его начальников и коллег)» (8, 392).

Если армянофобские действия русских военных были обусловлены идущими сверху инструкциями, то служащие в русской армии генералы магометанского происхождения становились самым настоящим бедствием для армян. Новые провокации и подстрекательские действия против армян были напрямую связаны с победой, одержанной защитниками Вана. Победа эта, как уже указывалось, вызвала озабоченность у руководства российской армии. Царским наместником И. Воронцовым-Дашковым и высшим командованием армии владело одно и то же беспокойство – как бы не сформировалась независимая армянская армия, и народ, как это произошло в победившем Ване, не обрёл бы независимость, автономию, не самоопределился.

Оставшихся в Дутах армян преследовали и притесняли подполковник гарнизона, лезгин по национальности Бабанов и «батареиный» командир Мамед. Они запрещали армянам выходить на улицу, «ругались, говорили – вас всех нужно перебить»(8, 399). Армянам удаётся «перевести дух» только тогда, когда Бабанова и Мамеда убирают из гарнизона и командование гарнизоном в Дутах возлагают на генерала Я. В. Амасийского¹.

Резко обострившаяся, взрывоопасная внутривосточная ситуация в России, связанная с активизацией революционного движения и расколом в обществе, привели к кризису власти в империи, расшатали до самого основания царский трон. Вследствие всего этого в армии воцарилось полное безвластие, граничащее с анархией, в верхах принимались совершенно не связанные друг с другом, нело-

---

¹ Генерал-майор Яков Васильевич Амасийский (1855 - ?), русский кадровый военный. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Летом 1915 г. в период Алашкертской операции возглавлял сводные отряды Четвёртого Кавказского корпуса.

гичные, а временами и вообще противоречащие друг другу решения, а на местах нередко своевольничали не только генералы, но и солдаты. В такое смутное время из Тифлиса приходили, причём нередко с большим опозданием, очень невнятные распоряжения, которые на месте заменялись другими, не имеющими с ними ничего общего и даже исключаящие их.

В дневниковых записях Туманяна встречаются пометки и об информационной неразберихе, которая во многих случаях носила тенденциозный и целенаправленный характер. Так, русское военное командование, с одной стороны, распространяло слухи о расформировании армянских добровольческих отрядов и прекращении добровольческого движения вообще, а с другой стороны, предлагало создавать новые группы. С одной стороны, подвергало резкой критике своеволие полководца Андраника, с другой – награждало его Георгиевским Крестом.

Генерал Николаев, тот самый, который послал провокационную телеграмму в Тифлис с требованием расправы над армянскими ополченцами, ошибочно принявшими казаков-конвоиров за курдов, посылает новую телеграмму, в которой распоряжается о создании семи дополнительных армянских добровольческих отрядов. Туманян находился во фронтовой зоне, когда узнал об этом и о том, что точно такое же требование исходит от царского наместника на Кавказе И. Воронцова-Дашкова. Последний ещё до этого получил соответствующее указание из Петербурга о том, что создание новых армянских добровольческих дружин не только целесообразно, но и необходимо (8, 394).

Ованес Туманян во время пребывания на Кавказском фронте поддерживал связь и с Национальным бюро. Ещё по дороге в Ван он уже знал, что Ованес Каджазнуни¹ уведомил Бюро телеграммой о

---

¹ **Ованес Каджазнуни (Тер-Ованнисянц)** (1868–1938), общественно-политический и государственный деятель, издатель, архитектор. Был одним из руководителей АРФ «Дашнакцутюн». В 1917 г. Каджазнуни был избран членом Армянского национального совета. В конце 1917 - начале 1918 г. являлся представителем партии Дашнакцутюн в Закавказском сейме, затем Министром финансов Закавказской Демократической Федеративной Республики (апрель-май 1918 г.). Принимал участие в Трапезундских и Батумских переговорах с Турцией вместе с Александром Хатисяном и Микаелом Бабаджяняном, подписывал Батумский договор. В мае 1918 г. Каджазнуни в Армянском национальном совете в Тифлисе добился решения о провозглашении независимости Армении и был единогласно избран премьер-министром. В феврале 1919 года Каджазнуни отправился в Европу и США для организации помощи Армении. Каджазнуни принимал участие в Парижской мирной конференции, в сентябре 1920 года вернулся в Армению, где после установления советской власти был арестован и освобожден только во время Февральского восстания 1921 года. В 1921-1924 гг. Ова-

том, что генерал Беляев обещал вооружить армян. Следовавшие одно за другим противоречивые указания и распоряжения, касавшиеся армянских добровольцев, а также общая хаотичная и смутная обстановка вынуждают Туманяна прийти к заключению: «Верхи не знают, низы не ведают» (8, 394).

В дневниковых записях писателя немало таких, где указано не только на противоречивые решения русских должностных лиц, но и на действия, которые были направлены против распоряжений назначенных российским правительством и наделённых большими полномочиями армянских чиновников. Так, близ села Кохб какой-то русский солдат конфисковал оружие у турецких крестьян, генерал Огановский наградил его за это, а губернатор Еревана Тизенгаузен предложил подвергнуть наказанию. Другой пример. В селе Панчи русские разоружили армян, в то время как все армяне имели письменное разрешение на ношение оружия за подписью губернатора Вана Арама Манукяна. То есть даже для коменданта села Панчи решения армянского губернатора не имели абсолютно никакого значения. В том же селе некий «прапорщик открыто заявил, что не признаёт армянских добровольцев» (8, 394).

Желая завладеть имуществом покинувших свои дома турецких и курдских поселян, некоторые русские военачальники вступали в конфликты с армянами, поскольку считали их своими конкурентами. Не удосуживаясь уточнить обстоятельства, или специально некоторые ответственные военные посылали телеграммы об отступлении русской армии, что сразу же вызывало панику среди местного населения.

Вообще для военного времени присуще распространение самых противоречивых, совершенно взаимоисключающих известий, в которых зачастую желаемое выдавалось за действительное. Причем нередко такая дезинформация приходила прямо с фронта. Так, к примеру, офицер армии Девоян телеграфировал, что курды выступили против турок, из чего русские военные сделали вывод, что курды сражаются на их стороне. Конечно, нельзя при этом вовсе исключать возможность, что им было просто выгодно представить дело в таком свете (8, 394).

Во время одной из своих бесед с Ов. Туманяном генерал Огановский высказал недовольство действиями командиров добровольческих отрядов и, между прочим, отметил, что до 29 января они расстранили два миллиона патронов. Туманян снова попросил гене-

---

нес Каджазнуни жил в Бухаресте. В августе 1923 года вышел из партии АРФД. С 1925 года Каджазнуни жил в Ереване. В 1937 году был арестован и умер в тюрьме.

рала использовать все свои возможности для оказания помощи армянским беженцам, оказавшимся в крайне бедственном, отчаянном и практически безвыходном положении. Огановский пообещал устроить беженцев в каком-нибудь удобном районе. «Он с радостью согласился переселить беженцев в районы по ту сторону Тапашира. В особенности, беженцев из Сурмалу, где, как он сказал, земли очень мало» (8, 400).

Когда Туманян высказал своё недовольство действиями Абациева, Огановский, несмотря на то что по каждому поводу подчёркивал имеющиеся между ними противоречия и трения, постарался найти оправдания для своего коллеги и заявил, что решение Абациева не пускать армян в Маназкерт представляется ему правильным и мотивированным, потому что среди армянских беженцев распространена чёрная оспа. При этом генерал не упустил случая заверить Туманяна, что необходимая медицинская и иная помощь армянскому населению предоставляется. А когда Огановский пытался убедить Туманяна, что армяне много занимаются грабежами, поэт возразил русскому генералу, ответив, что грабежами занимаются как раз не армяне, а русские войска. Он записывает в своём дневнике: «Войска по-прежнему, как и в прежние времена, заняты грабежами в неимоверных размерах. Есть офицеры, которые воруют и грабят» (8, 395). Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы прямым текстом заявить генералу российской армии, что на самом деле мародёрством и грабежами в открытую занимаются те самые русские солдаты и офицеры, с которыми местное армянское население связывало большие надежды и считало их своими избавителями, освободителями. Поэт пишет: «Когда я намекнул, что никто бы столько не грабил, если бы наши войска не грабили, он сказал: нет, эти грабители, шакалы, идут вслед за войском» (8, 395).

Сопоставив факты грабежей со стороны русской армии во время первой своей поездки со вторым своим пребыванием на фронте, Туманян убеждается, что их число значительно увеличилось, достигнув поистине неимоверных размеров. Если в предыдущем дневнике ему необходимо было приводить разные примеры разбойничьих действий, чтобы убедить и себя, и своих читателей, что явление это существует, то теперь в этом просто не было необходимости, потому что сами русские открыто говорили об этом. «Есть офицеры, которые говорят: нам просто стыдно» (8, 392).

Дело доходило до вопиющих фактов. Даже представители «Красного креста» занимались расхищением имущества жителей Вана, увозили пианино и всю оставшуюся домашнюю утварь вынужденных переселенцев. Оставляя поля сражений, отступавшие в спешке русские солдаты уносили с собой ковры и самые разные раз-

грабленные вещи. «Во время отступления не было ни одного казака, который бы не прихватил с собой ковёр у турка»(8, 403).

Другой случай. По дороге в Ван русские офицеры замечают в полях несколько оставшихся без присмотра коров и овец, принадлежащих туркам и курдам, и приказывают солдатам «оприходовать» всю эту живность, однако некоторым животным удаётся убежать. И тогда русские приняли решение под предлогом поиска «потерявшейся» скотины отнять у армян их коров и овец. Туманян пишет: «Теперь распорядились собрать всю эту скотину для интендантства, но поскольку не сумели найти – обвиняют армян, дескать, армяне всё увели; и теперь отбирают скотину у самих армян»(8, 393).

Занимаясь воровством и грабежами, либо откровенным вымогательством, русские солдаты не испытывали никакого страха или беспокойства из-за возможного наказания; они чувствовали себя настолько безнаказанными, что в Ване в присутствии ополченцев разбирали на части действующую водяную мельницу и уносили доски – на дрова(8, 399).

В Снджане русские запрещают армянам вернуть свою скотину, оказавшуюся по ту сторону фронта, и «перегоняют, приводят товар» сами, затем приказывают ограбленным крестьянам помалкивать и не сметь никому об этом рассказывать, тем более – жаловаться их начальству. Туманян как очевидец записывает своё наблюдение: «Коменданты просто грабят везде и всюду»(8, 400).

Во время отступления комендант Каре (Гара) не позволяет армянским беженцам пить воду из родника – якобы, чтобы не заразились. Тем самым он создаёт для русских солдат отличную возможность нажиться на этих несчастных людях. Солдаты продавали воду из родника по 5-20 копеек за стакан, а курды продавали снег, брали по пять копеек за снежок. Тот же самый комендант разоружал армянских беженцев и продавал отнятое у них оружие курдам, а тем, кто пытался противиться, угрожал расстрелом(8, 406).

Конечно, весь этот беспредел творился с ведома и открытого попустительства русского военного начальства. Между тем в среде местных жителей многие прекрасно помнили события тридцатисемилетней давности, времён русско-турецкой войны 1877-1878 гг., и рассказывали о них своим детям, передавали из поколения в поколение то, о чём указывает в своих дневниковых записях Ов. Туманян: «Всё местное население с тоской вспоминает армию и генералов войны 1877-1878 гг.»(8, 392). В той давно уже ставшей преданием войне полководец русской армии армянского происхождения, командир дивизии генерал-майор Аршак Тер-Гукасов не допускал никакого мародёрства, никаких грабежей или действий, причинявших вред местному мирному населению. Тер-Гукасов тогда сражал-

ся именно в этих местах и занял Баязет, Диадин, Караклис, Алашкерт и другие населённые пункты. Туманян невольно вспоминает некоторые известные ему факты из прошлой русско-турецкой войны и делает следующую пометку: «Один раз какой-то казак отнял что-то у какой-то турецкой или курдской женщины – Тер-Гукасов поднял его на виселицу»(8, 392). Писатель с болью замечает, что в этой войне нет военачальников, подобных Тер-Гукасову.

Однако потворство и снисходительное отношение русского военного начальства по отношению к совершающимся разбоям и грабежам было, как говорится, не самым большим злом. Куда большую опасность представляли собой те решения генералитета, которые становились прямой или косвенной, вольной или невольной причиной резни и гибели армянского населения. Некоторые русские командиры в мае 1915 г. запрещали беженцам переходить линию фронта, отправляли их обратно в свои селения и тем самым становились причиной их мученической смерти от рук турецких или курдских извергов(8, 398). Русские военные чиновники послали на верную смерть армянских беженцев, находившихся в окрестностях Алашкерта, в частности, армян Понта. «Армяне плакали: у нас было имущество, всё забрали, а мы больные, как нам идти? После этого пришёл новый приказ – расчистить эти места»(8, 398).

После занятия города Арджава русские опять же, по-видимому, руководствуясь желанием по возможности скорее освободить близлежащие армянские селения от армян, приказывают армянам собраться и отправиться в Ван. Главнокомандующий полка Лабиновского Гафалович, комендант города Скворцов проявляют особую жестокость в отношении местного населения. Туманян по этому поводу записывает: «Не дали людям даже одного или двух дней на сборы и начали выгонять из домов, и даже когда убежавшие мужчины вернулись и стали просить впустить их в дом, чтобы забрали свои семьи или свою пшеницу – не дали, погнали»(8, 399).

Туманян отмечает, что, какими бы опасными для армян ни были жестокие, предвзятые и неправомерные решения русских военных чинов, всё равно для всего армянского населения намного страшнее было совершенно непонятное и ничем не мотивированное, внезапное отступление русской армии из занятых, или, правильнее будет сказать, освобождённых западноармянских территорий.

Можно сказать, что русская армия просто перестала воевать. Вблизи села Кохб регулярная армия численностью в пятьсот солдат, имея в своем арсенале две пушки, делает несколько выстрелов, убивает шесть человек из армии противника и отступает «на 30 вёрст в первый день, ...на 60 – в последующий день»(8, 396). Причём своё

«отступление они объяснили тем, что должны получить подкрепление» (8, 396).

Такому же подстрекательству подверглось и подразделение Андраника. Когда легендарный полководец дошёл до местности Гасан-гала, находившейся в окрестностях Вана, пришёл какой-то курд и сообщил, что на них наступает целый вражеский корпус. Ему не поверили, захватили другого курда, который подтвердил то же самое. В итоге командир одного из отрядов подразделения Авлецын отступает со своим отрядом, поверив ложным сведениям засланного курдского шпиона.

Таким образом, Туманян совершает ещё одно очень опасное и трудное путешествие в Западную Армению, на Кавказский фронт. На протяжении 6-7 дней поэт бродит по обезлюдившим городам и селениям Западной Армении, видит в более реальном свете постигшее его соотечественников бедствие, видит следы и последствия совершённых турецким сбродом жестоких и бесчеловечных преступлений, погромов, резни. Во время этого второго путешествия образ турецких варваров и изуверов приобретает в его сознании более целостные и предметные очертания. Выезжая из Тифлиса, Туманян знал, насколько опасно находиться в местах, где совсем близко проходят боевые действия, и не только по причине возможных и ожидаемых нападений со стороны неприятеля. Об ужасах и кошмарах, происходивших здесь каждый день и на каждом шагу, сообщали газеты, рассказывали чудом спасшиеся от резни беженцы, озабоченные судьбой армянства и борющиеся за его будущее национально-политические деятели, а также дети писателя, развернувшие свою национально-патриотическую деятельность в Западной Армении. Ещё 27 февраля 1915 г. сын Туманяна Мушег, как уже было отмечено, поставил отца в известность о том, что в Диадине и его окрестностях распространилась эпидемия сыпного тифа¹.

Мушег был совершенно прав, когда в письме, отправленном из Игдыра, констатировал: «Ну, и что остаётся в итоге? Старики 60-70 лет, бездомные и больные, и руины селений, да ещё бесконечные обвинения в адрес армян: дескать, это народ воров, разбойников, крестокрадов, грабителей, торгашей и обманщиков»².

Во время своей второй поездки на Кавказский фронт Туманян ещё раз убедился в несправедливой и предвзятой политике русских властей по отношению к армянским добровольческим дружинам. В результате пребывания в Западной Армении образ турецких и курдских варваров и изуверов становится более целостным и завершённым.

---

¹ Переписка семьи Туманяна, с. 66.

² Там же, с. 65.

Итак, на всём протяжении пути в Ван поэт испытывает новые большие разочарования, хотя и не отчаивается и продолжает верить в возможность спасения своего родного народа и выхода из сложившейся крайне тяжёлой политической и социально-экономической ситуации.

В ВАНЕ

Ованес Туманян добирается до Вана 12 июня. За день до этого он был в поле Абага, в селе Баязет-ага, «вернее, близ него, потому что само село было разрушено»(10, 225).

Первыми увидели поэта, проехавшего в карете по улице Хач-поган, бывший в то время ещё 12-летним подростком Гурген Маари и Агаси Ханджян. Маари в своих воспоминаниях, перепутав июнь с маем, пишет: «В Ване была весна и май. Свободный Ван дышал полной грудью. Вместе с Агаси Ханджяном мы поднимались по улице Азгаин (Хач-Поган – С.О.). Стремительно проехала какая-то карета. В карете было двое людей. Один был в кепке, челюсть в бороде, с улыбочивым лицом, другой на голову выше, с непокрытой головой, миловидный молодой человек, с развевавшимися на ветру волосами.

- Ованес Туманян! – воскликнул Агаси.

- Который? – спросил я.

- Тот, что был в шляпе.

- Откуда ты узнал?

- По фотографии, – ответил Агаси.

Я не видел его фотографии, но знал наизусть его «Братец барашек»:

- «Братец барашек!»¹.

Маари пишет, что он впоследствии выяснил, что в карете вместе с Туманяном был Погос Макинцян, однако ни одного другого источника, подтверждающего этот факт, нам не известно.

В тот же день по случайному совпадению в Ван приезжает друг детства Туманяна Ростом Зорян, и поэт, узнав об этом, встречается с ним.

По свидетельству Саломе Джрбашян, в Ване Туманяна ожидал «невиданно радостный и восторженный приём»². Весть о прибытии поэта преисполняет всех жителей Вана ликованием и предвкушением «счастливой встречи – от мала до велика»³. По мнению

---

¹ Гурген Маари, Собр. Соч. в пяти томах, т. 5, Ер., изд-во «Советакан грох», 1989, с. 594 (на арм. яз.).

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 678.

³ Там же.

ванцев, «приезд Туманяна в город был, казалось, кульминацией одержанной освободительной победы»¹. По их словам, особенно впечатляющим было «приветливое лицо любимого поэта», его «человеколюбивое слово».

Приезд Туманяна ванцы восприняли как символ, знак, таинство объединения двух разделённых, раздвоенных частей одного народа, как предначертание национального единства. «Кавказ, – писала С. Джрбашян, – всегда был для ванцев ярким маяком, откуда должны были прийти свобода и знание. И Туманян, казалось, был факелоносцем этого света и дружбы, принёсшим маленькому, но героически сражавшемуся городу ту братскую помощь и поддержку, то воодушевление, которое не могло быть лишь следствием приезда одного поэта, а было миссией братства, дружбы, единства»².

Туманян посетил учащихся нескольких школ и гимназий Вана – Центральной, мужской гимназии Ерамян и женской гимназии Сандхтян. Он во время каждой из встреч заметно волновался, говорил слова поддержки, подбадривал, выражал своё искреннее удивление и восхищение «стремлением к прогрессу и делами» ванцев³.

Поэт увидел молчаливых свидетелей героической самообороны Вана – полуразрушенные позиции, баррикады армянского квартала города – Кахакамеча, повреждённые бомбами заграждения и т.д.

16 июня поэт побывал на острове Ахтамар. Смотрел на столь дорогое сердцу каждого армянина озеро Ван, в глубинах которого, по преданию, находился храм Халди, верховного божества Урарту. Согласно другому древнему преданию, на дне озера Ван покоятся дворец и резиденция Солнца⁴. Вообще почти все предания и легенды о борьбе сил света и Солнца против божества тёмных сил связаны с бассейном озера Ван, и легенды эти свидетельствуют о языческих верованиях двух солнечных богов – Халди и Шивини. Как отмечалось в статье «Город солнца», «поклонение богу Халди переплелось с образом Митры (армянский Мгер), а поклонение Ширвини – с Арегом»⁵. Туманян – блестящий знаток мифологии и, в частности, армянских легенд и преданий, прекрасно знал, что этот урартский город, Ван-Тушпа, был миром грёз и мечтаний армян, и поэтому всеми армянами воспринимался как вечный город Солнца, Света и Справедливости.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, с. 679.

⁴ Г. Сrvандзтянц. Сочинения, т. 1, с. 76-77 (на арм. яз.).

⁵ С. Амаякян, Лилит Симонян. «Город солнца». В кн. Столицы Армении, т. 1. Ер., изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2013, с. 81 (на арм. яз.).

Возможно, именно в этом была причина, что маленький и каменистый остров Ванского озера благоустроили армяне, в частности, в эпоху царя Гагика, построив на острове обращённый к Солнцу известный монастырь Ахтамар. Однако жизнь распорядилась так, что урартские, а заодно и армянские «старые боги» оставались немymi свидетелями, статистами и просто наблюдали за победным шествием сил мрака и несправедливости. Там же, на острове, размышляя об осуществлённой в этом городе вечного света ужасной резне армян, поэт написал стихотворение «На острове Ахтамар».

Свою знаменитую балладу «Ахтамар», в которой остров был лишь молчаливым свидетелем человеческого счастья и трагедии, Туманян написал ещё в 1891 г., когда его вдохновила услышанная от Тиграна Пирумьяна легенда, которая раскрывала этимологию названия острова Ахтамар, расположенного в озере Ван. Ещё не видя ни озера, ни острова, поэт создал образ ревущей, грохочущей стихии озера Ван и отважного юноши, бросившего вызов этой стихии.

Четверть века назад Туманян не просто описал чарующую природу и пленительную красоту озера Ван, но затронул и тему разрушения прекрасной любви и красоты со стороны «злых людей». В балладе милосердная и сострадательная природа противопоставлена озлоблённости и ожесточённости людей¹.

Теперь же Туманян находился в воспетой им стране Васпуракан, на воспетом им озере Ван и острове Ахтамар... Теперь уже он столкнулся лицом к лицу с совершенно реальными варварскими деяниями жестоких, озлоблённых и не знающих жалости и милосердия людей. Поэта, ставшего невольным свидетелем и очевидцем резни, с новой силой волнует тема безграничной злобы людей, разрушающих красоту, грёзы и мечты. На острове Ахтамар он словно слышит стенания Тamar, героини своей давней баллады, стенания, причиной которых стала жестокость людей, извечное противостояние и борьба зла и добра. Образы прекрасной природы и кровавой резни пробуждают новые и противоречивые чувства в душе поэта. И выраженная четверть века назад трагическая идея получает на острове Ахтамар новое выражение и развитие.

17 июня Туманян вместе с Ростомом Зоряном посылает теле-

---

¹ О преданиях и мифологических наслоениях баллады «Ахтамар» см. Эд. Джрбашян, «Баллады Туманяна», Ер., 1969 (на арм. яз.), а также В. Деврикян, История юноши, плывущего от берега к берегу и «Ахтамар», Сборник материалов межвузовской научной сессии «Ованес Туманян и современность», Ер., 2013, с. 72-116 (на арм. яз.).

грамму в Тифлис, центральному комитету Армянского национального бюро, и сообщает о положении дел в Западной Армении. «Полностью освобождены от резни Шатах, Хизан, Спаркет, Мокс, Мамртанк. Незначительная резня была в Айоц-дзоре и Тимаре. Полностью перерезано население Алджеваза, Арчеша, Беркри, Ахбака, Нордуза. Ван и окрестности переполнены беженцами. Есть крайняя нужда во всём»(10, 226).

На следующий день, 18 июня, поэт встречается с молодёжью в большом и красивом саду Сафрастянов, куда его пригласила мать Саломе Джрбашян. Инициатором этой встречи за чайным столом была молодёжная организация АРФД, членом которой, скорее всего, состояла Саломе Джрбашян. Разукрашенный фонарями сад, светящиеся изнутри деревья, звучащие всю ночь напролёт песни, музыка, танцы и чтение стихов произвели большое впечатление на всех участников мероприятия, в том числе и на Туманяна. Во время встречи прозвучало стихотворение поэта «В армянских горах» в исполнении учительницы гимназии Араксии Сафрастян¹, а «Келерцолер» - в исполнении Заруи Сафрастян. Туманян подошёл и, протянув им руку, поблагодарил, сказал также «непривычные слова благодарности» Саломе – как хозяйке дома и представительнице ванских женщин. Как свидетельствует сама Саломе, она была главным организатором вечера. «Помню, как вместе с группой женщин мы весь день готовились, напекли печеного, сладостей... В саду расположили огромные столы... Эта ночь встречи с Туманяном стала, можно сказать, большим народным праздником»².

Каждое слово, произнесённое поэтом, производило неизгладимое впечатление. Саломе Джрбашян пишет: «Слова Туманяна были для меня очень дорогими и заветными, и я всегда, всю свою жизнь вспоминала их с гордостью и благодарностью»³.

Поэт был чрезвычайно тронут: после тяжёлых впечатлений, полученных «в мире руин и трупов», такой тёплый, искренний и сердечный приём окрылил его, а переживания и волнения этой встречи стали для него источником нового художественного вдохновения. В тот же вечер, во время перерыва, он уединяется на не-

---

¹ В дальнейшем, в 1919 г., Араксия Сафрастян написала воспоминания о пребывании Ов.Туманяна в Ване, прочитала их Деренику Демирчяну, затем на вечере, проведённом в школе Овнанян и посвящённом 50-летию юбилею Туманяна, и лично вручила их поэту. Однако эти воспоминания, которые с большим волнением читали многие современники поэта, в том числе и сам Туманян, к сожалению, не сохранились.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 679.

³ Там же, с. 681.

сколько минут и дорабатывает стихотворение «Тяжёлый камень перевернут...» и сам же декламирует его для участников встречи, так же как и другое только что написанное своё стихотворение – «На острове Ахтамар». Воодушевление, по словам самих гостей вечера, было поистине безграничным. Поэт говорил о трагедии своей родины, о страшных испытаниях и лишениях «Родины-матери», которая много веков находилась в нечеловеческих условиях, «под камнем» варварской тирании; говорил о жизнелюбии и стойкости народа, который после стольких бедствий и разрушительных смерчей и бурь стремится жить «честной и справедливой жизнью и надеждой»; говорил о необходимости продолжения борьбы, чтобы мечты и надежды народа наконец-то сбылись, стали явью.

Эти два стихотворения – «На острове Ахтамар» и «Тяжёлый камень перевернут...» – были написаны в течение первых трёх дней пребывания поэта в Ване. На первый взгляд, они могут показаться проявлением его противоречивых настроений. Однако это не совсем так. В одном случае он констатирует вечный и непреходящий характер «грубого мира», человеческой озлобленности и ожесточённости, а в другом – обнадеживает и говорит слова утешения, пытается воодушевить и вдохновить читателя. Отчаяние и воодушевление – эти живущие в душе поэта полярные чувства становятся проявлением единства противоречий. Минуты отчаяния и разочарования во время частых встреч лицом к лицу с варварством и изуверством, и одновременно светящиеся надеждой слова, которые растворяют в себе, поглощают это чувство отчаяния и разочарования, потому что поэт не мог мириться даже с мыслью о возможной конечной победе зла, потому что он верил в необходимость борьбы со злом, потому что он как никто другой умел видеть и находить хорошее в плохом, свет в беспросветном, казалось бы, мраке. Для него отчаяние и разочарование без надежды и воодушевления было недопустимой роскошью. Этому во многом способствовала и суть исторического момента. Побудительным мотивом первого стихотворения – «На острове Ахтамар» – была резня, второго стихотворения – героическая самооборона Вана. Поэт хорошо осознавал историческое значение произошедшего. Он старался отвлечься, абстрагироваться от увиденных страшных картин резни и погромов, от услышанных душераздирающих и жутких историй и сдерживал непереносимую боль своей души, поскольку был свидетелем не только ужасающей трагедии своего народа, но и славной победы ванцев, которая обобщала в себе заветную мечту всего армянского народа о свободной, самостоятельной и независимой жизни.

Стихотворение «Тяжёлый камень перевёрнут...» родилось из восхищения поэта высоким патриотизмом ванцев, их неукротимым духом, проявлениями выстраданного национального самосознания и героизма; а также из неуёмного желания поднять боевой дух жителей этого славного исконно армянского города, каждого воина-ополченца¹. Стихотворение можно рассматривать как призыв к единению нации – так же, как и написанное несколькими месяцами ранее программное стихотворение «Последний день».

В условиях судьбоносных исторических событий особенно обостряется необходимость быть «единодушными, солидарными». Примечательно, что именно эти слова прозвучали в обращении А. Екаряна к жителям Вана в самые роковые дни и часы самообороны города².

Как отмечает работавший в то время учителем Американской гимназии Вана Ованес Авакян, изначально, ещё до встречи с поэтом, им казалось, что после увиденных ужасающих и душераздирающих сцен резни и погромов мирного армянского населения сердце Туманяна не выдержит, «износится», что он будет окончательно разбит и растерян, однако во время упомянутой встречи и чаепития участники вечера были крайне удивлены, увидев преисполненного жизненной энергии, веры и надежды поэта и, тем более, услышав его «цельное и ёмкое напутственное слово», в котором «прежде всего был замечен настоящий армянин. Таким и был Туманян, который с улыбкой на лице обращал во все четыре стороны свой взгляд скромного человека»³.

Каждому было понятно, что стихотворение поэта «Тяжёлый камень перевёрнут...» получилось более сильным, выразительным и жизнеутверждающим, преисполненным большей веры и надежды в завтрашний день армянского народа. Поэт видит и показывает, как храбрая дружина армянских добровольцев катит давящий камень, побеждает безжалостного тирана, но вдруг армянский народ, который, кажется, был уже окончательно разбит, восстаёт из-под камня, подобно птице феникс, и из могилы выскальзывает фея победы, к которой обращены слова поэта, – слова, которые впервые были опубликованы в Ване, в еженедельнике «Ашхатанк», но впоследствии не были включены ни в одно из академических изданий про-

---

¹ Оба стихотворения Туманяна, написанные во время его пребывания в Ване, были впервые опубликованы в издававшейся в городе еженедельной газете «Ашхатанк». См. «Ашхатанк», Ван, 1915, N27, 24 июня.

² Подробнее об этом обращении см. далее, в подзаголовке «Героическая самооборона Вана и её отклики в произведениях Туманяна».

³ Еженедельник «Ашхатанк», Ван, 1915, N27, 24 июня.

изведений Туманяна. В известном сегодняшнему читателю варианте этого стихотворения вообще нет ни слова о фее победы. Из-под камня, скрывавшего «неисчислимы разрушения», выходит только «наш мир» – с «заплаканными», но при этом полными жизни, добрых и светлых надежд глазами.

Живущий «в нашем мире» народ имеет благородную и возвышенную душу, которая каждым своим устремлённым ввысь порывом стремится к жизни, где расцветают «избранные народы и нации». Однако, как это видно из первой публикации стихотворения в еженедельнике «Ашхатанк», в раннем, предварительном его варианте представлен образ феи победы, к которой и обращены следующие слова поэта:

«Мои песни летят ей навстречу,
Мои грёзы весело танцуют вокруг неё,
И я также лечу, опьянённый своим счастьем,
И жизнь кажется лёгкой мечтой».¹

(Подстрочный перевод)

Туманян говорит подбадривающие, воодушевляющие слова участникам героической самообороны Вана, в особенности тем женщинам, которые всячески поддерживали своих мужей и братьев, обеспечивали тыл ополченцев, защитников города, осуществляли живую связь между позицией обороны и городом. Слово поэта было весомым и слышимым, оно звучало как напутственная речь человека, взявшего на себя ответственность за судьбы родины. Это была речь, исполненная родственного тепла и отеческой ласки и нежности. Слово поэта было доходчивым и воздействующим, потому что он искренне верил в то, что его народ шёл на свой последний бой и был близок к тому, чтобы увидеть осуществившейся свою вековую мечту об освобождённой и независимой родине.

Корреспондент газеты «Ашхатанк» в своей заметке уверял читателей, что молодёжь Вана в эти тяжёлые и судьбоносные дни испытала счастливые минуты, получив возможность пообщаться в непринуждённой обстановке со своим самым любимым поэтом, с «провозвестником борьбы и корифеем армянской мысли» - Ованесом Туманяном. Это счастье общения было обусловлено тем, что рядом с ними находился «порождённый недрами нашей литературы гений – Туманян, немного постаревший, но с горящими глазами,

---

¹ Там же.

оживлённый, подвижный, бодрый и нежный, с детской душой, осенённый Святым Духом»¹.

Поэт подробно ознакомился с окрестностями Вана, с посёлками Шатах, Айоц-дзор, Алджаваз, Арчеш, Тимар, Гяваш, Карчкан, в которых также велась неравная борьба с турецкой регулярной армией. Много узнал поэт и о патриотической деятельности героев и видных защитников Вана, о подвигах А. Екаряна, Кайцак Аракела, Булгарацци Григора, Арама Манукяна, Габриэла Семирджяна, Гранта Галикяна, Фаноса Терлемезяна.

С исключительным вниманием и большим восторгом выслушивал Туманян подробные рассказы обо всех самоотверженных подвигах жителей Вана, о беспримерном мужестве защитников города и стратегических и тактических уловках организаторов его самообороны. С чувством большой гордости за своих отважных соотечественников узнал поэт и о том, как сын Саломе Акоп Джрбашян и Арпиар Сафрастян спасли жизни трёхсот армянских детей. Им удалось допьяна напоить и усыпить турецких солдат, пришедших накануне сражения в пригород Вана Вараг с целью похитить детей, а затем тихо и молча вывести учащихся гимназии-интерната и тайными горными тропами довести их до Вана. На следующий день рассвирепевшие и обманутые турки разграбили до основания монастырь Варага и убили монастырских служащих.

В Ване поэт провёл всего две недели. В течение этого времени он успел побывать в трёх школах города – Центральной, Еремян, Сандхтян; выяснил во всех подробностях и деталях историю самообороны Вана в апреле и первых числах мая; лично познакомился со многими участниками этого кровопролитного и сурового противостояния, в особенности – с женщинами, которые обеспечивали ополченцев одеждой, горячей пищей и создавали живую связь между домами города и линией обороны. Таких встреч и заинтересованных бесед с жителями Вана у поэта было более чем достаточно. В этих беседах Туманян не только подбадривал и воодушевлял ванцев, но и сам воодушевлялся и укреплялся духом, видя проявления высокого национального духа, патриотизма и человеческого достоинства, выслушивая истории, свидетельствующие о жизнестойкости и мужестве его соотечественников, об их безграничной любви к своей родной земле, родному краю.

Еженедельник «Ашхатанк» посвятил несколько своих номеров пребыванию Ованеса Туманяна в Ване. Редакция газеты подготовила два материала о Туманяне для номера от 24 июня, однако из-за

---

¹ Там же, N28, 1 июля 1915 г.

перегруженности издания другими срочными, оперативными материалами для статей о поэте в этом номере не нашлось места¹. Тем не менее, передовая статья еженедельника уведомляет читателей, что в следующем номере будут опубликованы статьи и материалы, посвящённые визиту поэта в Ван и его творческой деятельности². И действительно, в следующем номере публикуются статьи Ов. Мхитаряна «Поэт с нами» и Ов. Авакяна «Поэт, протянувший нам руку»³.

Как отмечает Мариам Овсепян в своей статье «Отголоски западноармянской периодики на путешествия Ов. Туманяна в Западную Армению (в 1915 и 1921 гг.)», «жители Вана ожидали встречи с Ов. Туманяном с сердечным трепетом. «Ашхатанк» опубликовал материалы в связи с визитом поэта. В них выражены любовь и почитание ванцев к Туманяну-человеку и писателю»⁴.

И действительно, в ванском еженедельнике «Ашхатанк», который не прекратил своей деятельности даже в эти суровые и ужасающие дни, читаем: «Для нашего народа было вековой заветной мечтой увидеть границу рассечённой мечом армянских добровольцев, преграды – разрушенными перед нами, Кавказ – расстелившимся перед нами, и чтобы армяне отныне не делились на турецкоподданных и русскоподданных, а были просто армяне»⁵.

Туманяна называли «воспитателем молодёжи и пророком, провозвестником борьбы и знаменем свободы»⁶.

Ов. Мхитарян в статье «Поэт с нами» рассказывает о впечатлении, которое он получил при чтении поэмы Туманяна «Давид Сасунский», и о том, что ещё с детских лет благодаря поэту верил, что Давид проживает в высоких горах Сасуна и должен продолжить свою героическую борьбу. «Земля задрожит, затрепещет от рокота сражения, и Давид своей огромной палицей наконец-то опрокинет наземь Мсра Мелика»⁷.

По словам автора статьи, Туманян являлся той самой прочной и роскошной колонной, на которую спокойно опиралось прекрасное, замечательное здание армянской литературы. Он от имени всех жителей Вана заверяет, что все они с детских лет воодушевлялись и восхищались творчеством поэта. Во всех школах Вана программ-

---

¹ Там же, N27, 24 июня 1915 г.

² Там же.

³ Там же, N28, 1 июля 1915 г.

⁴ Ованес Туманян и современность. Сборник материалов республиканской межвузовской конференции (29 марта – 2 апреля 2013 г.), Ер., 2013.

⁵ Еженедельник «Ашхатанк», Ван, 1915, 1 июля 1915.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ными произведениями были «Пёс и Кот», «Погос-Петрос», «Гикор». В Ване прекрасно знали в особенности «Старинное благословение» Туманяна, его поэмы и легенды. Учитель одной из ванских школ Арташес Солахян всегда на выпускных мероприятиях напутствовал учащихся словами из стихотворения «Старинное благословение»: «Живите, дети, но не так, как мы...». Всего лишь немного дней спустя А.Солахяну предстояло принять мученическую смерть от турецких изуверов и стать ещё одной жертвой Геноцида.

Имея в виду напряжённую национальную общественно-политическую жизнь, полную трудностей, трагических событий, жители Вана слова поэта «Живите, дети, но не так, как мы...» воспринимали как облачённую в стихотворную форму молитву-напутствие. И вот теперь автор «Старинного благословения» приехал к ним лично, чтобы воодушевлять, говорить им жизнеутверждающие и дышащие оптимизмом слова, чтобы окрылять их верой и надеждой на то, что их борьба в конечном итоге завершится победой, потому что зло не может продолжаться вечно и когда-нибудь должно уступить место добру. При этом поэт своим личным примером показывал им, что каждый армянин должен чувствовать свою ответственность за судьбу своей родины, отчизны. Времена изменились, и сегодня уже нельзя мириться с существующим положением дел, нельзя жить так, как жили вчера.

По свидетельству автора статьи, произведения Туманяна среди жителей Вана всегда пользовались огромной любовью и поистине всенародной популярностью, повышали национальное самосознание, побуждали к подвигам. В те самые дни, когда ещё не зарубцевались раны после кровавой резни, когда у всех перед глазами ещё стояли силуэты горящих в огне армянских церквей, и отсвет пожаров освещал ночную тьму, в холодных рвах и траншеях отважные армянские ополченцы, по свидетельству Ов. Мхитаряна, повторяли про себя строки стихотворения «Армянское горе»¹. А когда в минуту отчаяния армянские воины с неизбежной тоской смотрели в сторону армянских гор, то в тылу раздавался обнадеживающий голос Поэта всех армян, и на этот раз уже им слышались строки стихотворения «В армянских горах»:

Глядим, не сводя тоскующих глаз
На сумрак земли,
На звезды вдали, —
Когда же рассвет заблещет для нас

---

¹ В своей публикации автор путает строки указанного им стихотворения и приводит строки другого произведения Туманяна. См. «Ашхатанк», Ван, 1915, N28.

В армянских горах,
В зеленых горах?!
(Пер. Н.Сидоренко)

Автор статьи обращается также к стихотворению «Тяжёлый камень перевернут...», прочитанному Туманяном 18 июня на встрече с молодёжью Вана, причём его особенно интересуют строки, содержащие призыв к национальному единению.

Эй, парни, джан, плечо к плечу!
Объединитесь, будьте вместе,
Эй, парни, джан, сильней, сильней!
Камень вот-вот покатится.
(Перевод подстрочный)

По-видимому, Ов. Мхитарян либо выучил наизусть последние строки стихотворения, либо, что более вероятно, записал их на вчерне; во всяком случае, в своей публикации он приводит эти строки точно, без какой-либо ошибки или пропущенных слов.

Туманян повсюду в Ване удостоивается больших почестей, его везде принимают с искренним радушием, оказывают гостеприимство. Все считают его самым дорогим гостем, самым великим армянином.

Ов. Авакян в своей статье «Поэт, протянувший нам руку» провозглашает Туманяна поэтом, который родился из недр народа, вскормлен и вспоен народными песнями; поэтом, который прославил фольклорное творчество своего народа. Туманян, по его убеждению, «высвободил из мавзолея забвения» армянские героические и патриотические песни, доведя их до самых вершин словесного искусства¹.

***

В течение 15-16 дней, проведённых в Ване, Туманяну оказывал гостеприимство, повсюду его сопровождал, показывал достопримечательности города известный армянский живописец Фанос Терлемезян. Он одновременно был одним из героев армянского национально-освободительного движения. Так же, как и Туманян и многие другие представители армянской интеллигенции той эпохи, Терлемезян подвергался политическим преследованиям. В годы

---

¹ Там же.

обучения в Петербурге он по требованию султана Гаида был арестован царской охранкой во время поездки в Эстонию и содержался в разных тюрьмах Российской империи – в Москве, Петербурге, Ростове, Тифлисе, Ереване.

С первых дней мировой войны Терлемезян находился у себя на родине, в стране Васпуракан. Зов родины заставляет его в это судьбоносное время быть рядом со своими соотечественниками. Живописец несколько раз пересекал границу и переходил из Вана в Персию, закупал там оружие и перевозил в Ван и близлежащие сёла. Он очень метко стрелял из ружья, был одним из организаторов самообороны Вана в апреле-мае 1915 г. и в качестве снайпера своими меткими выстрелами уничтожил многих турецких офицеров и высокопоставленных военных, в том числе и Нури-пашу. И вот теперь он повсюду сопровождал Туманяна.

Терлемезян познакомился с Туманяном ещё 11 декабря 1905 г., во время художественной выставки, организованной в Тифлисском храме Парац. Они сразу же подружились, и Терлемезян стал частым гостем в доме поэта, который, по определению самого художника, был «местом встреч для людей искусства». Именно там, в знаменитом «Вернатуне», художник прочитал для Туманяна и его гостей писателей свои переводы персидского поэта Баба Тахира Урьяна и удостоился поощрительных оценок, в том числе и очень взыскательного и скупого на похвалы хозяина дома.

Год спустя после этого, летом 1906 г., Терлемезян вместе с живописцем Александром Мирзояном находился в Лори: художники рисовали этюды. На этот раз Терлемезян гостит в отцовском доме Туманяна. И несмотря на то, что в это время поэт был занят урегулированием армяно-татарских межнациональных столкновений, тем не менее, он находит время, чтобы показать Терлемезяну и его друзьям – Александру Мирзояну и инспектору одной из русских школ Тифлиса достопримечательности Лори: руины церкви Сурб Григора, монастыри Санаина и Ахпата и т.д. Поэт с гордостью показывал гостям родную лорийскую природу, горы и долины, леса и ущелья, речку Марци. Впечатления, полученные от природы этого края, нашли выражение в картинах Терлемезяна «Лорийский пастух», «Паперть монастыря Санаина» и других.

И вот через девять лет наступила очередь Терлемезяна. Теперь уже он оказывал гостеприимство поэту в своём родном краю, в своём отчем доме, сопровождал друга по обширным прекрасным садам Айгестана, по покрытым коврами цветущих полей горным склонам Сурб Хача, показывал ему Дверь Мгера, неприступную крепость урартской эпохи (девятого века до н.э.). Здесь поэт взобрался на оставленную турками пушку и стал любоваться замечательными

видами Вана и его окрестностей – Артоса, Егерова, горным хребтом Варага, лесами и садами долины Анкуйс, озером Ван и горой Немрут. В городе Ване было более двухсот источников минеральной воды. Можно не сомневаться, что Туманян отведал также яблок Артамета, которые пользовались славой лучших яблок во всей Армении.

Поэт выразил своё восхищение и удивление художнику, показывающему достопримечательности города. «Послушай, друг, – сказал Туманян, – как могло так случиться, что мы до сих пор не видели эту нашу бесподобную страну?»¹. Но и без этих слов восхищение и восторг влюблённого в природу поэта были более чем очевидны для каждого. Терлемезян пишет: «Когда мы, сидя в беседке во дворе нашего дома, шутили за накрытым столом, то даже в эти минуты задушевного застолья Ованес ненасытным взглядом рассматривал пространные сады Айгестана, разнообразные плодовые деревья и кустарники которых на разных расстояниях и самым причудливым, фантастическим образом переплетались друг с другом. Покрытые зеленовато-голубыми и разноцветными долинами горы Сурб-хача, хоровод ароматных садов Артамета с плещущимися волнами озера навевали на него мечты»².

У художника создалось впечатление, что «перед воображением Ованеса предстал в это время персидский ковёр 14 века, вытканый под воздействием китайского искусства... Этот дивный вид, в котором, казалось бы, смешались друг с другом боги и райские кущи, обрёк пейзаж на каменное молчание. С юга были заметны Артос и горный хребет Егерова... С востока двуглавые горы Варага... тянулись с юга на север, подобно надевшим пару фиалковых хламид драконам...

Солнце стало склоняться за Немрут, и озеро сверкало своими желтоватыми и серебристыми волнами.

Я привёл в чувство зачарованных Ованеса и Хунунца и сфотографировал их в нескольких ракурсах. Мы спустились вниз из крепости, и наша карета устремилась в сторону Айгестана»³.

Можно не сомневаться также в том, что во время своего пребывания в Ване Туманян не упустил случая, чтобы побывать в церквях города. Из пяти церквей Айгестана неразрушенными оставались две – Арарк и Норашен, а в Кахакамече было семь церквей, из которых шесть были действующими. Это церкви Сурб Ншан, Сурб По-

---

¹ Туманян в воспоминаниях современников, с. 567.

² Там же, с. 566.

³ Там же, с. 566-567.

гос, Сурб Тирамайр, Сурб Вардан, Сурб Циранавор и Сурб Саак¹.

Туманяна интересовали также обычаи, быт и традиции ванцев, и он с удивлением заметил, что «в Ване нет ни одной бани» (8, 396). Разумеется, к тому времени все бани были уже разрушены, и об этом есть множество свидетельств чудом спасшихся очевидцев геноцида. Шушаник Тутунджян так рассказывает о наиболее известных банях Вана: «В городе Ване было три бани, которые были очень хорошие. Люди шли с утра, мылись там, обедали, а вечером возвращались. В бани часто ходили на смотрины невест, чтобы рассмотреть их телесные достоинства. Там назначались встречи, велись беседы»².

***

Из Вана Туманян выезжает в конце июня 1915 г., вероятно, 25 или 26 июня. 29 июня он доезжает до Игдыра. Поэт возвращается с очень тяжёлыми впечатлениями, физически и духовно истощённый, больной и обессиленный.

По дороге Туманян продолжал вести дневниковые записи, вносил в записную книжку различные истории и рассказы армянских беженцев. В записных книжках поэта встречаются краткие пометки, которые он делал преимущественно на основании фактов, услышанных от беженцев, либо записывал свои собственные наблюдения.

На острове Ахтамар поэт делает следующую запись по рассказу помощника Керы Джаллада: «Вардан, Хечо и вардапет Даниэл во время переправы на остров Ахтамар видят тонущего в озере ребёнка. Отец сидит на берегу, не входит в воду, а мать не может сдвинуться с места, настолько обессилен» (8, 397).

Ужасающие истории резни не давали покоя тем, кто её пережил, и особенно детям. Несколько эпизодов, рассказанных чудом спасшимися участниками этих трагических событий, вполне достаточно, чтобы создалось общее представление о том, о каких ужасах был наслышан поэт во время этого путешествия, какие новые впечатления и истории прибавились к предыдущим, уже увиденным и записанным впечатлениям и историям. Все эти свидетельства особенно важны и ценны ещё и потому, что приводились по свежим следам, практически в те же самые дни, когда совершались эти невиданные и не слыханные до того времени зверства и жестокости.

---

¹ **Ваник.** Город Ван, топонимическая и экономическая статистика. «Бюракн», К.Полис, 1899, N38-39, с. 608.

² Там же.

Фактически поэт не только слышал эти ужасающие истории, но и видел, читал их в глазах рассказчиков, в беспрестанно проливаемых или уже застывших, окаменевших слезах, чувствовал ужас в трепете, в дрожащей тональности голоса, замечал этот ужас в каждом движении. Поэт слышал их бессильные проклятия, обращённые к турецким варварам и изуверам, жалобы, обращённые к Богу, допустившему весь этот ад, эти беззакония и беспредел. Слышал он и благодарные молитвы за каким-то чудом спасшихся и выживших детей и родных, видел в глазах и в душах людей всё более и более усиливающийся страх и ужас, который навсегда останется с ними и будет преследовать их всю оставшуюся жизнь.

Вот всего лишь несколько из многочисленных душераздирающих историй, которые рассказали впоследствии очевидцы Геноцида, армянские сироты, которым в страшные дни резни было от трёх до десяти лет.

Сирак Манасян (8 лет): «5 марта 1915 г. мы слышали сильные залпы артиллерии. Народ собрался на площади и пошёл, собрался в церкви...

Армянское село Кьюкьянц... Каждый день турки ловили армян – на наших глазах вешали или убивали. Одним из них был мой дядя Петрос... мы поднялись на вершину горы... Мы видели, что каждое утро турецкие дети – маленькие ублюдки приходили, начинали стрелять по какой-то мишени. Когда турки ушли, наши ребята спустились и подошли, увидели, что этой мишенью была голова моего дедушки. Безжалостные турки живьём закопали моего деда в землю, голову оставили снаружи – целились в неё и стреляли. ...Не могу забыть 1915 год, когда мы прошли горами, селениями; был месяц март, шли дожди, выла метель, было ужасно холодно. Последним селением, которое вело к Варагу, был Бердак. Там на улицах мы увидели обнажённых, убитых людей, которые раздулись, тела их разложились. Всюду стоял смрад. Мы прошли через всё это в направлении Варага. На рассвете в горах турки, которые заняли позиции, увидели нас и стали стрелять в нас...»¹.

Ншан Абрамян (7 лет): «Нас всех завели в хлев, собирались сжечь. Приходили, отбирали красивых армянских женщин, насильно уводили, поэтому они покрывали свои лица грязью, сажей, чтобы их не похищали. Перед хлевом протекала река, многие женщины из нашей группы, обняв своих детей, бросались в воду. Многие так погибли. Курды видели их трупы, длинными железными прутьями протыкали их тела, чтобы выяснить, живые они или мёртвые, чтобы

---

¹ http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49

огрabitь... Когда мы уже достаточно отошли от села, они начали стрелять в нас, всех перебили. Среди трупов меня не заметили, вероятно, не обратили внимания, грабить было нечего. Так я вышел, попал в поле. Увидел убитых молодых мужчин одного возраста, уложенных в ряд. Головы отрезали и положили на одной линии, а тела – на другой. Как выяснилось, это были армянские юноши, призванные в армию. Их тела подверглись надругательствам. У одного был выколот один глаз, отрезан нос, отрезано ухо, на бёдрах были открыты карманы, руки засунуты в них; член был положен в рот. Я проходил через эти трупы. Трупы вздулись, были словно надутые. Что произошло со мной дальше, не помню»¹.

Макруи Саакян (8 лет): «В 1915 г. ...турки ворвались в наш дом... нас, семерых детей собрали в сеновале. Моя тётя, жена моего дяди, выбежала из дома с ребёнком на руках, её поймали и убили. У меня был девятилетний брат... турки увели его, отуречили. Красивых девочек сажали в повозки, увозили. Детей поднимали на штыки и бросали на землю – убитыми. Матерей сажали в повозки, увозили...

Восьмилетнюю дочь нашего соседа, которая отошла от родителей, три турка изнасиловали прямо во дворе. Мы видели из стога сена. И она умерла через час...

Из нашего рода очень немногие добрались до Армении... Саак спрятался в стоге сена, смотрел, что происходит у них во дворе. И увидел, как его отца подняли из постели в кальсонах, привели к нему трёх связанных сыновей и заставляли отца, чтобы он убил своих сыновей. Отец не стал стрелять. Турки привязали его к дереву. У троих мальчиков вырвали зубы и заколотили во лбы, вырвали ногти, изрезали им лица штыками и всех троих таким образом замучили до смерти, а затем убили их отца...»².

Казар Геворкян (8 лет): «Наше село (село Хиндстан Айоц-дзора) сопротивлялось. Но что могли сделать двадцать-тридцать человек против турецкого и курдского отребья? Они насильно загнали население нашего села в дома, подожгли и мужчин, и женщин, не щадили грудных детей. Турок-янычар, заколов ребёнка штыком, бросал его на пять-десять метров и стоял и любовался делом своих рук»³.

Сильва Бюзандян (7 лет): «Турки убивали всех подряд, всех, кто встречался на пути. Отрубали людям руки, ноги, вбивали в лоб гвозди, выкалывали глаза. Детей убивали на глазах родителей, ро-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

дителей – на глазах детей. И получали от этого удовольствие, видя всё это»¹.

Замечательной исполнительнице народных, ашугских песен, известной певице Шогик Мкртчян в 1915 г. было всего четыре года. Турки убили у неё на глазах её деда, и его мученическая смерть, подобно клину, глубоко вонзилась в её детское сознание. В своих воспоминаниях она пишет: «Турки повесили моего любимого деда перед нашим домом и убили таким образом. Я дожила до этого возраста и до сих пор не могу забыть эту ужасную сцену. Турки также отрезали язык моему отцу, и он умер на месте. Я помню эту ночь, это была ужасная ночь, когда турки уже врывались в дома и резали, убивали мирных армянских крестьян»².

Ованес Туманян также был одним из тех, кому довелось пережить Геноцид: ведь он был очевидцем ужасающих картин резни и погромов. Вероятно, наиболее страшной, ужасной дневниковой записью поэта является наблюдение о последствиях резни, изложенное на бумаге 29 июля в Игдыре. Он в двух строчках пытается обобщить свои впечатления от увиденного и услышанного. Поэт свидетельствует: «Турки и курды, занимаясь резнёй в армянских селениях, каждый раз придумывали новые формы – в одном месте распинали и забивали или сжигали, как, например, в Горцоте и Тирамерике, в другом месте вспарывали животы и придумывали разные игры со внутренностями, наматывали кишки на шеи и на ноги, где-то резали, ещё где-то связывали людей вместе и сбрасывали в реку (Абага, мост Беркри), в другом месте (Хндзоркен, более ста домов) всех поголовно, детей и женщин, повесили в их домах на брёвнах балок (мужчин убили в долине)» (8, 401).

В каждой строке этой записи сконцентрированы и спрятаны тысячи трагических историй тех дней, и все они прошли через сердце поэта, и за каждую из них он чувствовал свою личную ответственность. Если каждый из рассказчиков и очевидцев был обречён пронести через всю свою сознательную жизнь боль и страдание от увиденного, то Туманяну предстояло всю оставшуюся жизнь нести в своём хрупком сердце всё «безбрежное море армянского горя», боль и утрату каждого армянина. Резня, геноцид продолжались, и он должен был без конца, изо дня в день, на протяжении нескольких лет, отведённых ему земной жизнью, выслушивать всё новые и новые душераздирающие истории. Иногда он просто не выдерживал, вставал и, ничего не говоря, уходил, потому что хотел убежать, хотел ничего не видеть и не слышать, но был бессилён перед челове-

---

¹ Там же.

² Там же.

ческим варварством и чудовищной несправедливостью.

История человечества является также историей войн. Сильные всегда стремились установить господство над слабыми, отобрать у них имущество, страну, поработить их. И всегда, во все времена жестокость сопровождала человека, причём не только во время войн. Но то, что произошло с армянским народом в годы Первой мировой войны, было выше человеческого представления, воображения. Проявлять «творческий подход», «придумывать игры со внутренностями», чтобы получать больше удовольствия от крови и мучений своих жертв, от детских воплей и физических и нравственных страданий; ликовать, убивая грудных детей; заставлять родителей убивать своих детей и много-много других невиданных и неслыханных в истории человечества жестокостей должно было быть присуще, казалось бы, только имеющим душевные отклонения отдельным маньякам... Между тем турки и курды в массовом порядке предпринимали специальные усилия, чтобы сделать резню и погромы как можно более «интересными и разнообразными», чтобы затем с гордостью заявлять о придуманных ими изощрённых формах убийства людей. Мозг этих нелюдей работал в одном-единственном направлении: «В одном месте вонзали штыки в животы, рубили головы топорами» (8, 405). В Муше сжигали людей семьями в их же домах (8, 407).

Если даже сегодня, более столетия спустя, при чтении рассказов и историй о подобных истязаниях у человека каждый раз проходит по телу дрожь и становится не по себе, то что должен был испытывать Ованес Туманян, как должно было реагировать его чувствительное сердце, когда он выслушивал всё это от ещё не оправившихся от шока и боли очевидцев, когда он повсюду видел следы и последствия кровавых вакханалий вражеского отребья!.. Но писатель мужался, крепился, его скорбящее сердце находило силы, чтобы выдержать, вынести выпавшие на долю его народа невероятные, поистине нечеловеческие испытания и страдания. И он смотрел, выслушивал и записывал всё новые и новые истории людей, ставших очевидцами кровавой резни и геноцида, чудом спасшихся от трагической участи своих родных и близких.

Сталкиваясь на каждом шагу с последствиями войны и резни армян, с жестокими и кровавыми злодеяниями своих вековых врагов, которые в представлении поэта были хуже зверей, Туманян записал в своём дневнике, как в Битлисе турки и курды собрали всех мальчиков старше семи лет, “сосредоточили в казармах и каждый день выводили по двести человек из города, заставляли рыть для себя большие ямы” (8, 408). Таким вот образом они живьём закопали детей и подростков в ими же самими вырытых могилах... По-

добным же образом они поступили в Датване и его окрестностях, но на этот раз использовали в качестве могил ямы для хранения пшеницы. “Опорожнили ямы с пшеницей, бросили туда людей, накрыли” (8, 403).

Лично, лицом к лицу встретившись с человеком-зверем, с “бывшим людоедом”, который в своём развитии преуспел настолько, что “стал лишь убийцей”, писатель убедился, что враги убивали армян не только по той причине, что было необходимо завладеть их родиной, их землёй и имуществом, и не только по той причине, что нужно было раз и навсегда решить так называемый “Армянский вопрос” в международных инстанциях, поскольку если не будет армян, то и не будет “Армянского вопроса”, но и потому, что в пришедших соседях говорила инстинктивная зависть и ревность к более развитому и талантливому народу, имеющему древнюю историю и культуру, преуспевающему в торговле, в сельском хозяйстве, в ремёслах. И к этой зависти и ревности добавлялось чисто звериное, первобытное, атавистическое удовольствие, ликование и радость от вида крови, от доставляемых жертвам физических и нравственных страданий и мучений.

Боль и горечь Туманяна была тем более глубокой, что он прекрасно знал, что путь от «полузверя до человека» очень и очень долг, что ждать этого превращения придётся «ещё не меньше миллиона лет».

Можно только удивляться, как хрупкое и чувствительное сердце поэта выдерживало всё это, однако он не только не теряет рассудка, но и сохраняет самообладание, душевное равновесие, и размышляет о суде истории. Даже в эти хаотические и сумбурные дни он предпринимает конкретные действия, чтобы выставить неприятелю счёт за весь нанесённый урон и, не опускаясь до его уровня и не требуя мести и возмездия, наказать его вполне цивилизованными методами и потребовать компенсации. А для этого, по его убеждению, свидетельства, факты и документы будут нужны истории значительно больше, чем эмоциональные описания самых ужасных сцен резни и геноцида. Ни секунды не сомневаясь, что палачи усыновят политику огульного отрицания даже самых очевидных фактов, он начинает собирать статистические данные – с тем, чтобы когда-нибудь, в один прекрасный день вызвать свирепого неприятеля на суд истории и предъявить их ему, заставить его заплатить по всем счетам. Последние дневниковые записи, сделанные Туманяном в Ване, относятся к численности жертв геноцида. Представленные им данные о человеческих жертвах в 416 армянских селениях Ванского вилайета за один только апрель 1915 г. дают достаточно красноречивое представление о масштабах произошедшей

общечеловеческой трагедии¹.

Туманян собирает также данные о человеческих жертвах в городе Битлисе Битлисского вилайета², о потерях в 297-и селениях Лиз-копа, Падноса и тринадцати других районов, а также о численности жертв в 27-и сёлах Алашкертского района, в 10-и сёлах районов Диадина и Баязета, в 18-и сёлах Басенского района. Кроме того, Туманян удостоверяет наличие сотен тысяч исторических памятников – каменных свидетелей того, что исконными, коренными жителями и хозяевами этой территории, этих городов и сёл являются армяне, создавшие эти артефакты, эти исторические памятники. Изгнавшие, перебившие их и занявшие их дома кочевые племена турецких и курдских пришельцев веками методично и целенаправленно уничтожали языческие и христианские армянские памятники. Туманян пишет: «Курдские деревни, турецкие деревни, а в них – кресты, церкви, армянские кладбища, вот долины Баязета и Алашкерта, поле Абага, район Беркри – везде и всюду, везде и всюду, и не удивительно, что путешественники в последние века насчитывали 95% армянского населения» (7, 579).

Все вышеприведённые и другие многочисленные дневниковые записи Ованеса Туманяна и сегодня не утратили своего значения в качестве исторических документов и свидетельств очевидца, поскольку справедливая компенсация, признание имевшего место Ге-

---

¹ Согласно статистическим данным, сообщаемым Туманяном, в селе Карчкан и тридцати пяти других селениях Ванского вилайета были убиты 7000 армян; в восемнадцати селениях Каркара резне подверглись 5000 человек; в сорока пяти селениях Мокса – 12000 человек; в сорока пяти селениях Агбака из 14000 жителей была перебита половина, то есть 7000 человек; в 62-х сёлах Шатаха были убиты 15000 человек; в 22-х сёлах Нордуза – 7500 человек; в 32-х сёлах Айоц-дзора – 2300 человек; в 16-и сёлах Хошаба – 7000 человек; в 32-х сёлах Аршака – 15000 человек; в 35-и сёлах Тимара – 27000 человек; в 18-и сёлах Беркри – 7000 человек; в 30-и сёлах Агджаваза – 14000 человек; в 18 сёлах Арчеша – 6500 человек; в восьми сёлах Абага – 3000 человек (8, 403).

² Согласно данным Туманяна, 27 сёл Спаркертского района Битлисского вилайета дали порядка шести-семи тысяч жертв; 18 сёл Хизана – 5000; 18 сёл Шенидзора – более 8000; в городе Битлисе из 18-тысячного населения было перебито 1000; в 45-и сёлах Гёзалдара из 15-тысячного населения не спасся никто, все были перебиты; в 35-и сёлах были убиты 1200 человек; в 25-и сёлах Мамртанка из населения в 7000 были перебиты 5000; в 18-и сёлах Бохтана из населения в 3000 было убито 1000 человек; в 12-и сёлах Барвара из населения 7000 было убито 1000 человек; в 17-и сёлах Сгерда из 7000 было убито 1500 человек; в 15-и сёлах Муша были убиты 2000 человек; в 35-и сёлах Буланыха из 16000 было убито 5000 человек; в 28-и сёлах Маназкертского района – 20000 человек; в районе Падноса – 10000 человек; в 14-и сёлах – 10000. Огромное число составляли также жертвы резни Алашкертского района: в 27-и сёлах было перебито около 20000 человек; в 10-и сёлах районов Диадина и Баязета было убито 7000 человек; в 18-и сёлах Басена – 15000 человек (8, 404).

ноцида армян в Османской империи всё ещё остаётся неосуществлённым стремлением нашего народа. И поскольку геноцид как явление – это преступление против всего человечества, то современным историкам, политическим деятелям, дипломатам, юристам и правителям великих держав предстоит проделать немалую работу в этом направлении.

Из сегодняшнего столетнего далека труд Туманяна, тщательно и скрупулезно собиравшего по крупицам информацию о жертвах резни и погромов, о насильственной депортации коренного населения Западной Армении, просто непереоценим. Поэт донёс до нас документальные материалы, в которых мы находим чрезвычайно ценные статистические данные, собранные и записанные «по горячим следам», в те самые трагические, судьбоносные для армянского народа дни.

Впечатления, полученные во время второго путешествия Туманяна в Западную Армению, отражены в его статье «В стране руин и трупов», которая так и осталась в черновом варианте, потому что у него не нашлось ни времени, ни сил, чтобы завершить и доработать её и опубликовать в периодике.

Второй раз шагал Туманян по обезлюдевшим дорогам своей исторической родины – дорогам, ставшим свидетелями бесчисленных ужасающих сцен и трагедий. Второй раз приходилось ему видеть опустевшие армянские города и сёла, сдерживать готовый вырваться крик боли и отчаяния, и при этом он не только не сходил с ума, но и раздумывал о том, как можно помочь своим несчастным соотечественникам, непосредственным очевидцам и жертвам этих адовых мучений, и не дать им потерять рассудок, душевное равновесие.

Поэт даже не мог представить, что в эти страшные дни испытаний он мог бы не оказаться рядом со своим многострадальным народом, мог бы не сделать всего возможного и невозможного, чтобы хотя бы немного облегчить, смягчить его душевную боль. Туманян был уверен, что каждый армянин обязан помочь, насколько это в его силах, а поэт, писатель – тем более, чем кто-либо, обязан быть рядом с людьми.

Туманян намеревался представить и обобщить всё увиденное и услышанное во время двух своих поездок в большом исследовании, состоящем из двух основных разделов, один из которых должен был показать положение западноармянского населения, а другой раздел он собирался посвятить географическим сведениям, природе, ресурсам, а затем продемонстрировать, как эта прекрасная страна, замечательная природа уродуется пришлыми кочевыми племенами. Будучи ярко выраженным и убеждённым пантеистом, поэт

никогда не был равнодушен к природе, и даже в дни массовой резни своих соотечественников он устремлялся к природе, находил в ней отдушину; более того, он искренне мечтал даже врагов своего народа приблизить к природе, объяснить, растолковать им чудодейственность и красоту природы, потому что всегда был убеждён в том, что именно отдаление от природы делает человека ущербным, несчастным, жестоким. В своих дневниках поэт делает следующую примечательную запись: «Целыми днями едем, едем, нет ни одного дерева, нет лесов и садов. Эти так называемые города похожи на жалкие деревни, а деревни – на мышиные норы...» (7, 577).

Черновые наброски статьи «В стране руин и трупов», в которых зафиксированы всего лишь разрозненные наблюдения, начинаются такими словами: «Запустение, 1. Население, 2. Природа (по пути в Ван).

Турецкая Армения...

Увидели...

Хотя бы какую-то её часть. Мимолётным образом, но пусть даже мимолётно, это то, чего никак нельзя понять даже из самых пространств объяснений.

И можно понять, только увидев, – из услышанного ничего не получится» (7, 439).

Далее поэт описывает сожжённые «в аду, называемом Турецкой Арменией», селения, разрушенные дома, турецкие «лачуги», а также пишет об увиденных воочию или рассказанных очевидцами истории об ужасах резни, погромов и жестоких убийств. Он не видит врагов непосредственно в момент совершения кровавых преступлений, а если и видит этих звероподобных варваров, то только пленёнными, перепуганными, съёжившимися и жалкими, но вместо этого он видит повсюду оставленные этими врагами страшные следы. «И какие следы они оставляют? – Сожжённые деревни, руины, запустение, голод и трупы, много трупов... следы курдов и турок... Мы увидели лачуги их знаменитых беков, наводящих постоянный ужас на армян, это были жалкие берлоги, построенные из глины, а сзади или рядом с ними другие такие же свернувшиеся в комок ещё более жалкие лачуги, с узенькими и решётчатыми щелями для света. Одна лачуга была дворцом Али-бека, вторая – Вали-бека, третья – Ахмад-бека, четвёртая – Махмад-бека, либо Гасан-бека или Хусейн-бека... а по обе стороны – их женская половина, гарем. И что они из себя представляют, эти самые беки – всего лишь грязные, полудикие убожества, единственная сила которых заключалась в том, что у них было право творить любые беззакония... А в женской половине у них похищенные отсюда и оттуда, зачастую у армян, невестки и девушки, у каждой из которых своя трагическая история. Увидели

мы и съёжившиеся вокруг этих «дворцов» сотни мышинных нор, это квартиры челяди этих беков. Был случай, когда мы увидели и этих людей, оказавшихся вне поддержки их турецких хозяев, это был уже вовсе не разнузданный, а сдавшийся, обезоруженный, беспомощный и жалкий сброд... который до сих пор жил грабежами, а теперь хочет откупиться награбленным, спасти свою шкуру...

Где только успевали, убивали армян, преимущественно мужчин, и уводили с собой красивых женщин, и если находилось время, если ужас и страх перед русской армией и армянскими добровольцами был не очень близок, они придумывали варварские забавы. Вбивали в головы детей гвозди, распинали, отрезали различные органы у живых людей, раскладывали в разных формах, играли в игры, помещали людей до половины в котлы и поджигали снизу, чтобы верхняя часть оставалась живой и чувствовала боль, прожигали раскалёнными прутьями различные места на теле и жарили на огне, жарили живьём. Убивали детей на глазах родителей, родителей – на глазах детей»¹.

В дневниковых записях, сделанных в Абага, запечатлён всё тот же характерный турецкий почерк: отступая, турки убивали, уничтожали всех и всё, опустошали деревни, лишали их не только «природы, но и всякой жизни, – пишет Туманян. – Таким образом, страна почти обезлюдела, осталась без обитателей. К тому времени, как русская армия и армянские добровольцы подошли от границы, турки и курды бежали от них, разрушая по пути всю страну и убивая мирных жителей...

И тянутся за ними их следы – со всех сторон разруха и смрад от разлагающихся трупов. На дорогах трупы, на побережьях рек – трупы, озеро Ван со всех сторон выбрасывает на берег трупы»².

Вполне естественно и объяснимо, что после всего этого преобладающим чувством у армян должны были стать месть и возмездие, могло возникнуть желание, искушение ответить врагу, наказать врага его же оружием и его же методами. И такая возможность, такое искушение вызывают чувство беспокойства у поэта. «Таким способом они доводят до исступления многих армян, превращают их в зверей, разрушая наш народ не только физически, но и нравственно»³.

Туманян пытался найти объяснение увиденным изуверствам, ему очень хотелось считать основными виновниками случившейся трагедии только турецких властителей, однако ему не удавалось

---

¹ Там же, с. 440.

² Там же, с. 578.

³ Там же, с. 441.

освободить от ответственности тех конкретных варваров, полулюдей-полузверей, чьими руками были осуществлены погромы и резня; того человеческого отребья и сброда, которого приводила в экстаз и ликование собственная невиданная и неслыханная жестокость, пиршество крови. «Говорят, – пишет Туманян, искренне желая верить в такую возможность, – что турецкий и курдский народы не были согласны убивать армян, что это происки турецкого правительства... Какой-то, и по-моему, единственный курдский интеллигент сказал: «Курдам необходимо простить все эти их злые дела, они – молодой народ, ведут себя по-молодому незрело...»

Ещё одна добрая душа придерживается такого мнения, что курдов следует пожалеть...

Но оставим пока что эту дискуссию мирному времени...»¹.

Если во время работы над «Давидом Сасунским» Туманян выделил один из основных мотивов эпоса о том, что виновниками войн всегда являются не народы, а их правители, то теперь уже охвачен смятением и сомнениями, поскольку увидел воочию полу-человека-полузверя. В конце концов, ведь не правители же распоряжались о том, чтобы убийцы и исполнители их далеко идущих программ изощрялись в жестокости и придумывали игры и забавы с человеческими внутренностями. Светлый, жизнеутверждающий взгляд писателя на мир и природу человека был сильно омрачён, его некогда незыблемая вера сильно пошатнулась. После увиденного в Ване и Эчмиадзине в художественное творчество поэта проникла тема человека-зверя, и его размышления о сущности добра и зла, которым он предавался ещё в старые и добрые мирные времена, нашли выражения в стихотворениях и четверостишиях, написанных в 1915 – 1918 гг.

Но возвращение к художественному творчеству было ещё впереди, оно ожидало своей очереди. А пока что ему необходимо было выполнить до конца свою миссию, стать летописцем своей эпохи, записать всё увиденное и услышанное, необходимо было не только отчитаться о проделанной работе перед Национальным бюро, но и привести свои записи в надлежащий вид, придать им вид имеющего юридическую силу документа, который при случае можно было бы представить на суд истории. Вот почему мы встречаем в его записях многочисленные статистические данные. А таких записей в его дневниках и записных книжках очень и очень много. Вот ещё одна такая запись: «Из числа бежавших из Ахлата в Алджваз 600 человек погибли»².

---

¹ Там же, с. 441.

² Там же, т. 8, с. 397.

В записные книжки Туманян вносил также пометки о своих планах и намерениях после возвращения из Вана.

Вернувшись в Тифлис, поэт обобщает всё, что увидел, услышал и прочувствовал во время путешествия, и предаёт бумаге свои размышления о том, какими конкретными способами можно будет помочь армянским беженцам и сиротам. В уже упоминавшихся черновых набросках статьи «В стране руин и трупов» Туманян пишет: «Теперь там, в аду так называемой Турецкой Армении, существуют три армии.

Первая армия – воюющая армия.

Вторая армия – это армия женщин и детей, разного рода больных, голодающих, обнажённых и беженцев, которая и является самой большой армией.

Третья – это армия деятелей и оказывающих помощь, которая является самой маленькой и самой слабой армией.

Необходимо усилить маленькую армию гражданских деятелей и помощников и сделать оказание помощи целенаправленным.

Только увидев всё происходящее на месте, убеждаешься, что очень многое можно было бы спасти при разумной и целенаправленной организации дела, и всё ещё можно спасти.

Мы обычно посылаем деньги. Но нельзя всё делать с помощью денег там, где не продают всего, что необходимо. Откуда купить? Когда на острове Ахтамар кто-то раздавал беженцам деньги, некоторые из них вернули деньги...

- Почему вы возвращаете деньги?...

- А что ещё нам остаётся делать?»¹ (8, 441-442).

В своих записях поэт упоминает просьбу Арама Манукяна, высказанную во время совещания в Ване. Губернатор города говорил о необходимости изготавливать тысячами деревянные ложки и тарелки. «Подобные мелочи не приходили в голову общественным организациям, однако они очень важны, и на деньги всего этого не купишь в той стране», – пишет Туманян и завершает своё слово акцентированием необходимости оказывать помощь двум указанным выше армиям – населению и военным. «Необходимо усилить армию общественных деятелей на местах и всегда поддерживать живую связь и отношения с ними.

Но есть ещё более важная задача. Необходимо усилить и всесторонне защищать воюющую армию. Добиться в нашей стране организованной помощи в деле её снабжения.

После заботы об этих двух армиях будет вполне обеспечена и третья большая армия – армия народа. Она будет обеспечена и за-

---

¹ Там же, с. 441-442.

пищица и от голода и тифа, и от меча противника» (7, 442).

В своём дневнике Туманян записал также просьбу Арама Манукяна, чтобы по возвращении в Тифлис доложить Бюро, что для ополченцев Арама Манукяна необходимо «2000 ложек простых, 200 эмалированных чашек, для воды и для пищи» (7, 397). Кроме того, поэт передал Национальному бюро ещё одну просьбу Манукяна: предоставить ему 1000 рублей – на непредвиденные расходы.

Увидев неутешительное положение резиденции главы ванской епархии («не имеет никаких средств») (7, 397), поэт решает поговорить об этом с католиком и попросить о содействии. Туманян обратился к российскому правительству и к Национальному бюро с просьбой, чтобы они, предоставляя денежную помощь армянским добровольческим дружинам, не требовали подробного финансового отчёта, потому что предоставленные суммы нередко используются не на те статьи расходов, которые указываются в смете (7, 397).

И действительно, никакое Национальное бюро не могло учесть со стороны, на какие именно нужды необходимо затратить те или иные суммы сражающимся армянским добровольцам. В качестве примера Туманян отмечает, что ополченцы остались без шинелей, потому что во время отступления русской армии отдали их армянским беженцам. Другой пример: вследствие неотложных военных действий ополченцы не успели захватить с собой палатки и другие крайне необходимые предметы обихода.

В последние дни июня 1915 г. Туманян возвращается из своего второго путешествия в Западную Армению – сперва в Игдыр (29 июня), а затем в Тифлис.

Став очевидцем ничем не обоснованного и неожиданного отступления русской армии, оставившей местное армянское население на произвол судьбы, а также ужасающих картин массового переселения своих соотечественников в долине Алашкерта, в поле Абага, в Ване и его окрестностях, Туманян вернулся домой крайне раздосадованный, обессиленный и больной. Большую боль причинили поэту и встречи с генералами русской армии, которые крайне разочаровали его.

Каким бы улыбчивым, жизнерадостным и оптимистичным ни предстал поэт перед жителями Вана, как бы он ни восхищался их беспримерной храбростью и отважностью, неукротимым духом, как бы ни восторгался чудесной окружающей природой и армянскими историческими памятниками, всё равно тоска и неуёмная боль превалировали; в его душе, страдающей в бескрайних просторах армянского горя, открылась большая рана, которой никогда не было суждено закрыться, зарубцеваться. Напротив, рана эта должна была всё больше углубляться и расширяться, достигнув космических,

вселенских размеров. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Он только вернулся из фронтовой зоны, побывал в долине Алашкерта, в поле Абага, затем в Ване... Видел отступление, переселение, ужасающие события. Был под подавляющим впечатлением всего этого и не мог успокоиться. Был разочарован, раздосадован, измождён, наполовину больной.

Со дня на день он становился всё более удручённым и подавленным, его самочувствие всё более и более ухудшалось. Он больше уже не был прежним улыбчивым, бодрым, внимательным человеком»¹.

Таким образом, поэт своими глазами увидел общенациональную, всенародную трагедию, со всей глубиной ощутил бедствие, постигшее города и селения Васпуракана, всё западноармянское население. Некогда незыблемые вера и надежда Туманяна на счастливое будущее армянского народа значительно пошатнулись. Его природный оптимизм и умение видеть во всех явлениях хорошие и светлые стороны также оказались на грани крушения.

ОВАНЕС ТУМАНЯН И МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЗ ВАНА-ВАСПУРАКАНА

Наступили необычные времена, каждый день был чреват неожиданными потрясениями. В начале июля 1915 г. военные действия на Кавказском фронте складываются не в пользу русской армии. Абдул Керим-паша приказывает турецким войскам перейти в контрнаступление против подразделений 4-го корпуса русской армии в направлении Хнуса. Девятого июля сформированное в левом крыле турецкой 3-й армии ударное подразделение, состоящее из одиннадцати дивизий, перешло в широкое наступление на позиции Кавказского 4 корпуса, продвинулось в направлении Коп-Маназкерт-Алашкерт-Кагзван, прорвало защитные линии русских войск и стало продвигаться вперёд, создавая опасность Ванскому району с юго-востока.

Прошло всего шестнадцать дней после того, как Туманян уехал из Вана, и вдруг внезапно, совершенно неожиданно для всех прозвучал приказ об отступлении, и русские подразделения стали покидать освобождённые территории Западной Армении². Начинается хаос и всеобщая паника. Ситуация ещё более усугубляется из-за ложных слухов, согласно которым турки якобы предприняли ши-

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 122.

² Национальный архив Армении, ф. 57, д. 102, л. 46.

рокомасштабное наступление большими силами. Среди распространителей этой непроверенной информации был начальник разведывательного отдела 4 корпуса русской армии, армянин по национальности, прапорщик Т. Девоян, который 14 июля 1915 г. сообщил об этом в телеграмме, адресованной Армянскому Благотворительному обществу в Баку¹. За несколько часов до этого, ночью 13 июля до жителей Вана доходят вести об отступлении русской армии и массовом переселении армянского населения Васпуракана.

Находившийся в Ване командир конного полка русской армии генерал Николаев также готовился к отступлению.

Весть об отступлении русской армии потрясла армянских добровольцев. Получив извещение о нападении превосходящих сил турецкой армии, полководец Андраник немедленно обратился к начальнику штаба Кавказского фронта генералу от инфантерии Николаю Юденичу² с депешей, в которой заверил генерала, что он со своими добровольцами и местным населением может защитить Ван, и попросил только, чтобы его обеспечили необходимым стрелковым оружием, боеприпасами и горной артиллерией. Юденич дал своё согласие, однако его ответная телеграмма, согласно информации адъютанта генерала Трухина капитана Аршака Шаххатуни, была скрыта его непосредственным начальником. Узнав об этом от Шаххатуни, разгневанный Андраник находит командира 4 армейского корпуса генерала Трухина в Арчеше, изливает на него весь свой гнев и возмущение и даёт ему пощёчину, заявив при этом, что «это отступление – полная фальсификация... здесь налицо интриги и предательство... предателя вам следует искать среди вас»³.

Полководец у всех на глазах подверг также избиению прапорщика Т. Девояна, который сообщил непроверенные и явно преувеличенные данные о якобы преобладающей численности противника⁴.

---

¹ Там же, ф. 27, д. 245, л. 76.

² **Николай Николаевич Юденич** (1862 – 1933) – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915). Один из самых успешных генералов России во время Первой мировой войны. В 1915 г. разгромил армию Энвера-паши в Сарикамыше. В том же году вёл ожесточённые бои за освобождение Вана; город несколько раз переходил из рук в руки. 13-16 февраля занял Эрзрум, затем Трабзон. Во многом благодаря успехам генерала Юденича в 1916 г. большая часть Западной Армении была освобождена. Во время Гражданской войны Юденич возглавлял силы, действовавшие против советской власти на Северо-Западном направлении. Последний российский кавалер Ордена Святого Георгия II класса.

³ Исторические воспоминания полководца Андраника на Кавказском фронте в 1914-

1917 гг., записанные телохранителями полководца. Бостон, 1924, с. 35.

⁴ **Симон Врацян**, Дорогами жизни, т. 3, Бейрут, 1963, с. 196. См. также: Андраник

Конечно, Ов. Туманяну было хорошо известно, что Абациева и некоторых других генералов русской армии раздражает независимое и вызывающее поведение полководца Андраника, который время от времени нарушал не только боевую дисциплину и субординацию, но и элементарные нормы поведения, если речь шла об интересах его соотечественников. Гнев и возмущение Андраника в той или иной мере должны были излиться и на голову откровенно враждебно относившегося к армянам генерала Абациева. Их пути когда-нибудь должны были пересечься. И пересеклись.

Когда началось отступление и практически одновременно с ним – массовое переселение жителей Вана и всего Васпураканского края, Абациев отдал приказ не оказывать никакой помощи местному населению. Кроме того, Абациев, будучи осведомлённым о позиции Н. Юденича и некоторых других генералов, согласных позволить армянам организовать самооборону Вана и помочь им оружием и боеприпасами, всячески старался этому препятствовать. Узнав об интригах Абациева, Андраник бросает ему в ноги телеграмму Юденича, оскорбительно высказывается о его генеральских эполетах и даёт ненавистному генералу звонкую пощёчину. Генерал-лейтенант русской армии Д.Абациев был в то время весьма заметной фигурой, и скандальный инцидент вполне мог бы завершиться военным трибуналом, но вмешавшимся казакам и их командиру генералу Бичерахову удалось замять дело. А уважительное отношение Бичерахова к Андранiku в определённой степени было обусловлено также тем, что в его отряде самоотверженно сражались несколько армянских добровольцев во главе с Керы (Аршаком Завафяном). Думается, что даже если бы Ованес Туманян и не нашёл оправдания для предыдущих пощёчин, которые Андраник отвесил генералу Трухину и прапорщику Т. Девояну, то пощёчина Абациеву была бы ему по сердцу.

Командиры армянского добровольческого движения Андраник, Дро, Керы, Амазасп, Армен Гаро, видя, что массовый исход армян из Вана уже всё равно начался и носит необратимый характер, посоветовались с губернатором города Арамом Манукяном и пришли к общему соглашению о необходимости поставить население в известность об ожидаемой опасности.

В то время как армяне были настроены вопреки неблагоприятному стечению обстоятельств организовать самооборону Вана, 18 июля 1915 г. до Вана дошёл приказ командующего Кавказским фронтом о том, что если беженцы не успеют в течение трёх дней перейти границу Беркри, то вполне возможно, что линия отступле-

---

Челепян, Полководец Андраник и армянское революционное движение. Ер., 1990, с. 321.

ния будет закрыта, и генерал Николаев после этого откажется нести какую-либо ответственность за судьбы вынужденных переселенцев¹. Тем самым русские власти фактически отказались обеспечить армянских добровольцев оружием и боеприпасами и вынудили оставить Васпуракан и город Ван. В тот же день, 18 июля, началось массовое переселение армян Васпураканского края в Закавказье. Это вынужденное переселение оказалось самым настоящим бедствием для всего западноармянского населения, которое в одночасье лишилось не только своего имущества и своих домов, но и своей родины.

Это внезапное и непонятное отступление русской армии², приведшее к массовому исходу армянского населения Васпуракана и Вана, является одной из самых печальных, трагических страниц в истории армянского народа. Поджигаются, уничтожаются в пожарах военные склады на большой территории³, а также более трёхсот лучших домов. Уже на следующий день закрываются все магазины. Оставшиеся в городе Ванае русские солдаты и пограничники стерегут магазины и торговые центры, оберегая их от грабежей.

Генерал Николаев покинул Ван 19 июля, сразу же после того, как добился принудительного исхода местных жителей.

Главкомандующий Кавказской армии, новоназначенный наместник царя на Кавказе Великий князь Н.Н.Романов (младший) решил пойти навстречу просьбам армянского католикоса и политических кругов и запретил разоружать армянских переселенцев.

Бесконечные караваны армянских переселенцев двигались по маршруту Ван – Аванц – Сев Гет – Геолу – Джаник – Панз – Беркри – Баязет-ага – Соук-су – Гяврешаме – горный перевал Тапариз – Каракенд – Кызыл-Дизе – Карабулах – горный перевал Чингил – ущелье Орводж – Игдыр.

На помощь населению Васпуракана в этот судьбоносный момент подоспели около пяти тысяч армянских добровольцев и трёх тысяч вооружённых юношей-гайдуков, которые сопроводили более 200.000 (по некоторым данным – 281.888, а по данным Анри Барси – 207.473) беженцев к русско-турецкой границе⁴. Статистические данные на этот счёт находим и в дневниковых записях Туманяна.

---

¹ «Азг», Бостон, 1915, N14, 8 октября. См. также: Национальный архив Армении, ф. 1021, оп. 5, д. 280, 8. А также: Симон Врацян, Дорогами жизни, т. 3, Бейрут, 1963, с. 91.

² Более подробно об этом см. Аветис Арутюнян. Великий исход населения Вана-Васпуракана, причины, течение, последствия и проблемы ответственности. В кн. «Столицы Армении», т.1, Ван. Ер., 2013, с. 170.

³ Он. Мхитарян, Героическая самооборона Вана, София, 1930, с. 220.

⁴ Музей Туманяна, папка 51, с. 7.

Поэт сообщает, что на дорогах переселения за несколько дней от эпидемий погибло 8000 человек, из которых 3000 были дети. А общее число жертв составляло 40000¹.

30 июля периодическое издание «Овит» сообщает: «Дороги переполнены; нагие, босые, облачённые в отрепья матери с детьми за плечами... бредут безмолвно или разговаривают с животными... беженцам нет ни конца ни края»².

31 июля в горах Васпуракана выпал снег, значительная часть детей погибла от холода. Около пятисот детей спасли от гибели казаки, каждый отогрел и вынес под полами своей шинели одного ребёнка. Это делалось в обход приказа осуществлявшего переселение генерала-лейтенанта Абациева, который строго-настрого распорядился не оказывать никакой помощи переселенцам. Своим человеколюбием и сострадательным отношением к беженцам особенно отличились казаки подразделения генерала Трухина³.

Армянские периодические издания также откликались на помощь русских солдат. Газета «Амбавабер» пишет: «Русские «отступающие» всадники... стреляя в воздух, отпугивали неприятеля и прокладывали для себя дорогу»⁴.

Обрадованные столь неожиданным подарком судьбы, ничем не мотивированным отступлением русской армии, турки быстрым маршем двигались в направлении Беркри, а курды Зилана, в свою очередь, окружили долину Беркри.

Насильственная депортация армянского населения Васпуракана фактически явилась одной из составляющих Геноцида армян в Османской Турции и была столь же ужасной и жуткой, как и пережитые на родине погромы и резня. Если бы целью турецких властей было избежать опасности, которая могла бы угрожать со стороны армян, или, скажем, этой целью было бы окончательное решение «Армянского вопроса», то переселение беженцев, их отступление не сопровождалось бы жестокими убийствами. То, что происходило с армянами, бежавшими из Васпуракана в течение месяца, является ещё одним доказательством запрограммированной политики физического уничтожения армянского народа со стороны Османской Турции⁵.

25 июля курдские башибузуки занимают каменный мост через реку Вардашен в Бандимахе и перекрывают дорогу беженцам. Часть

---

¹ МЛИ, ф.Туманяна, д. 256, л. 6.

² «Овит», Тифлис, 1915, N34, 21 августа.

³ ЦГВИА РФ., ф. 2100 , оп. 1 , д. 646, л. 82.

⁴ «Амбавабер», Тифлис, 1915, а

⁵ Подробнее об этом см.: **С. Ованесян**, «Ованес Туманян в годы Первой мировой войны», Ер., 2018, с. 210-238.

беженцев погибает, а другая часть бежит обратно в сторону села Джаник, ещё какая-то часть направляется в сторону Ирана.

Историки того периода, обладавшие обширной информацией, искренне полагали, что невозможно охватить и описать картину депортации западноармянского населения в полном её объёме, во всём её содержании и со всеми её ужасами. А-До с полной уверенностью утверждает: «Перо ещё не достигло того совершенства, чтобы можно было описать переселение во всех его красках»¹. И всё-таки, очень и очень многие очевидцы этого страшного переселения, пережившие все круги ада, впоследствии рассказали об этих страшных днях и событиях. Рассказы эти с большой ответственностью, тщательностью и скрупулезностью, с большой самоотверженностью собрала и записала собиратель народного творчества, учёный-геноцидовед, летописец Геноцида армян Вержине Свазлян².

***

Туманян принимал страдания и боль беженцев очень близко к сердцу, уделял заботам о них очень много времени и внимания, и поэтому не удивительно, что его дневниковые записи о своих наблюдениях и об историях, рассказанных очевидцами тех трагических событий, стали для сегодняшних историков незаменимым источником документальных и достоверных свидетельств³. Кроме того, в то самое время, когда поэт делал свои дневниковые записи уже находясь в Эчмиадзине, он беседовал не только с беженцами, но и с полководцем Андраником, и делал соответствующие пометки из его

---

¹ А-До, Великие события в Васпуракане в 1914-1915 гг., Ер., 1917, с. 479 (на арм. яз.).

² Учёный-геноцидовед, собиратель народного творчества, доктор филологических наук, профессор Вержине Свазлян более пятидесяти лет собирала, записывала и представила на суд человечества изданную на шести языках книгу «Свидетельские показания оставшихся в живых после геноцида армян» (Ер., 2011), в которой собраны воедино истории очевидцев и неопровержимые фактические доказательства Геноцида армян. Это семьсот историй, семьсот исковерканных человеческих судеб, семьсот свидетельств, которые В.Свазлян записала в 150 местностях Западной Армении, разговаривая армян, разбросанных по всему миру. Книга в переводе турецкого диссидента Рагыба Заракоглу издана в Турции и представлена турецкому читателю. Переводчик подвергся преследованиям в своей стране и перебрался в Швецию. Ему принадлежат слова, сказанные во время визита в Армению: «В этой книге представлена история не только армянского, но и турецкого народа, потому что турецкий народ, прочитав эту книгу, должен столкнуться лицом к лицу со своим прошлым, должен увидеть, чем занимались его прародители, его старейшины, должен понять их поведение и действия. Эта книга откроет глаза турецкому народу».

³ Ав. Арутюнян, ук. соч., с. 179-183.

рассказов о ходе массового переселения. Пометки эти относятся к плачевной судьбе оставшихся в Ване четырёхсот армян, здесь есть и сведения о сожжённых армянских домах Вана, о действиях русской армии и отдельных её офицеров.

Так, Туманян свидетельствует: «Во время отступления из Вана, когда весь народ уже покинул город, старики остались сидеть у порогов своих домов»(8, 402). На Туманяна произвело особенно тяжёлое и удручающее впечатление то обстоятельство, что жители Вана стали сами поджигать свои дома, чтобы они не достались пришлым туркам и курдам. Это означало, что они сжигали не только свои дома, но и надежду когда-либо вернуться обратно, на свою родину. А с мыслью о безвозвратной потере родины поэт никогда не мог смириться. Если бы это зависело от него, то он никогда и ни за что не допустил бы этих пожаров, схватил бы за руку каждого, кто в отчаянии расставался со своими надеждами снова вернуться в свой дом, в свой родной город, в свой родной край... Поэт пишет: «Многие из ванцев поджигают свои дома и уезжают, а некоторые отдают ключи добровольцам – дескать, сожгите после нашего ухода»(8, 402). Особенно трагичными и душераздирающим представляются нам его записи об отступлении из Шатаха¹.

Некоторые жители не хотели, чтобы их находящиеся при смерти и престарелые родные попали в руки жестоких курдских и турецких башибузуков, которые наверняка стали бы истязать их, всячески измываться над ними, терзать и подвергать самым нечеловеческим страданиям и пыткам, и во избежание этого решились на

---

¹ Это один из гаваров, т. е. административно-территориальные единицы, Ванского вилайета в Западной Армении. Находится в юге от озера Ван. Соседствует с запада с Сасунским, а с востока Айоц Дзорским гаваром. Центр Шатахского гавара г. Тах. Шатах состоит из двух частей: горный и равнинный. Горный Шатах имеет глубокие ущелья, которые местные армяны называют «Гели». Горы в Шатахе покрыты лесами и имеют дикую природу. Гавар имеет много рудников, особенно богатых медью. У села Шарманис есть и уголь. Из Шатаха начинается один из притоков реки Тигр, Шатах-Су, историческое название которого Джерм, отсюда и древнее название гавара Джермадзор. Поскольку в ландшафте Шатаха переобладают горы, то его жители в основном занимались животноводством. Знамениты тонкорунные козы «филик». Армяне в основном занимались пчеловодством и производством шалей. Шатахцы готовили хорошие абы(мужская одежда). В северозападной части Шатаха находится равнина Песандашт, где жители занимались земледелием. Шатахцы были образованны - у них были и мужские, и женские школы. Из населённых пунктов известны Ашканц, Мускав, Гомер, Качет и, конечно, Тах. Последний был населён армянами, имел неприступную позицию. Тах после города Ван был вторым благоустроенным городом Васпуракана. Дома были двухэтажными, издавались собственные журналы и тд. Записи на каменном мосте Таха свидетельствуют, что город был построен во времена правления Арцрунидов.

страшный поступок. Как рассказали поэту, «шатахцы перед уходом перебили своих престарелых отцов и матерей, больных, своими руками похоронили их и только после этого пустился в дорогу»(8, 404).

Однако подобных примеров было не так уж много. Чаще всего сыновья и взрослые дети не покидали своих старых и больных родителей. «Были беженцы из других мест, они переносили своих старых родителей, взвалив на спину», – отмечает поэт(8, 404).

Десяти-двенадцатилетние дети переносили своих младших братьев и сестёр. Четырёх-пятилетние дети «ежедневно проходили расстояние в 30 вёрст»(8, 404). А одна маленькая девочка из Вана «добралась до Эчмиадзина на четвереньках»(8, 404).

В дневниках Туманяна, как уже говорилось, были также записи о поведении русских военачальников и простых солдат. В первые дни отступления, как выяснил поэт, русские войска самым откровенным образом и в неимоверных масштабах занимались грабежами и присвоением имущества армянского населения Вана в качестве «военных трофеев». Поэт пишет: «Паника была настолько страшной, что все потеряли душевный покой – добровольческие группы, атаманы-хмбапеты и распорядители – и из-за перестрелки каких-то двадцати курдов у моста Беркри, в долине началась большая паника и суматоха, а что до русского войска – многие побросали ружья и убежали, а многие были заняты только грабежами. Ещё не ушедшие из Вана солдаты, казаки заходят в дома для грабежей, зашли даже в дом Арама»(8, 403).

Было немало и таких случаев, когда русские покидали раненых солдат. По записи Туманяна, во время отступления «раненого офицера сбросили с моста в реку. Турки достали его, перевязали раны, отправили русским и сообщили, что русские солдаты сбросили его в реку»(8, 406). Вместе с «Красным Крестом» войска бросают на произвол судьбы 125 больных и раненых русских солдат, оставляют также боевые припасы. «Паника русских оказывается настолько сильной, что не забирают с собой 4 пушки одной из рот, оставляют их в деревне Панч»(8, 497). Зато вместо этого они не забывают прихватить с собой пианино местных жителей, загружают награбленную утварь в повозки и увозят... ковры увозят на верблюдах и в повозках. Остались в большом количестве бомбы и боеприпасы»(8, 402). Более того, во время отступления, когда многие жители Вана перемещали в повозках свои семьи и увозили свой скарб и скотину, насколько это было возможно, русское командование приказывает конфисковать всю скотину беженцев. Солдаты немедленно бросаются выполнять этот приказ, проявляя при этом большое рвение, не останавливаясь ни перед чем и идя на всевозможные уловки. Стоило

беженцам оставить без присмотра повозку со своим скарбом, её сразу же отбирали. «Говорили – деньги получишь завтра. А он не может ждать и уходит»(8, 403).

Именно из дневниковых записей Туманяна мы узнаём, что, когда добровольческие формирования Андраника, отступая, добираются до Арчеша, многие из западноармянских бойцов заходят в свои сёла и видят «все свои семьи... зарезанными»(8, 402). Они отказываются возвращаться в армию и продолжать идти с ней. «Кладут ружья себе на колени и устраиваются на крышах своих домов. Дескать, вы идите, а мы должны остаться, больше не придём. Должны ждать, пока курды и турки придут; мы их убьём, они – нас, и всё закончится. И остаются сидеть на крышах»(8, 402).

Третьего августа 1915 г. Джевдет-бей с четырьмястами воинов-четенцев вошёл в Ван и самым жестоким, самым варварским образом расправился с оставшимися жителями города, которых было около четырёх сотен. Кроме того, турки разрушили до основания и подожгли церковь Норашен, сожгли дотла дома Арама Манукяна, Ишхана, Булгарацци Григора и ещё около пятидесяти домов и сразу же, в спешном порядке, оставили город, потому что какие-то части русской армии направлялись в сторону Вана, и в городе были отчетливо слышны звуки выстрелов. И это также было совершенно непонятно и необъяснимо. Русские войска, покинувшие Ван пять дней назад, 28 июля, почему-то стали быстрым маршем возвращаться обратно и добрались до города 3 августа.

После ощутимых поражений, нанесённых турецкой армии в сражениях под Олти, Сарикамышем и Алашкертот, русская армия вновь занимает Ван, когда город был практически разрушен и сожжён, превращён в руины, и когда в нём практически не осталось жителей. Бежавшее более месяца назад население Вана, между тем, уже добралось до Игдыра, Еревана, Эчмиадзина. Фактически из-за необъяснимого и немотивированного отступления русской армии погиб один из самых важных, процветающих городов Западной Армении, а его население, так же как и население всего Васпураканского края, лишилось своих домов, своего годами нажитого имущества, лишилось родины.

Забегая немного вперёд, скажем, что вскоре Ван снова оказывается в руках армян, снова заселяется армянами. 14 октября 1915 г. в Ван входят армянские добровольческие дружины под командованием хмбапета Смбата, а 23 декабря в город входят формирования полководца Андраника.

Подлинная цель этого загадочного отступления русской армии давно уже рассмотрена как армянскими и русскими, так и зарубежными военными историками и политическими деятелями. Само от-

отступление также получило свою историческую и политическую оценку. Отметим в связи с этим, что современники, очевидцы и участники событий тех лет единодушны в своём мнении, что это было чистой воды провокацией, и дали ему название «ложного отступления».

Отступление русской армии на Кавказском театре войны в июле 1915 г. было не чем иным, как следствием последовательной и целенаправленной политики царской России, которая хотела видеть «Армению без армян». Иоганн Лепсус назвал это «псиной политикой». Известный пастор был убеждён, что «у командования армии не было никакой иной цели, как вывести из города армянское население Вана»¹.

Ни для кого не было большим секретом намерение командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Николая Юденича заселить Западную Армению русскими. Эти свои далеко идущие планы он чётко выразил в письме от 5 апреля 1915 г. (входящий номер 1482) к царскому наместнику на Кавказе и Главнокомандующему Кавказским фронтом Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. Черносотенный генерал Юденич распорядился не выдавать земель армянскому крестьянству в Алашкертском районе; он ожидал прибытия большого числа русского крестьянского населения с Дона и из Кубани, которым предстояло заселить весь бассейн Восточного Евфрата, а сама местность должна была стать «Евфратским казачеством». Для освобождения обширных земельных участков им необходимо было резко сократить число армян, проживавших на своей исторической родине. Отсюда, как отмечает историк Лео, оставался всего «один шаг до завещания Лобанова-Ростовского: Армения без армян»².

Не случайно, когда в начале 1916 г. русские взяли Эрзрум, первым же изданным приказом армянскому населению запрещалось входить в пределы города³.

Многие современные армянские, да и не только армянские, историки также считают, что отступление русской армии, следствием которого стала фактически добровольная сдача города Вана, было организовано несколькими высокопоставленными российскими военными чиновниками. Отступление это обернулось новой трагедией для армянского народа, по его причине была уничтожена значи-

---

¹ И.Лепсус. «Сообщение о положении армянского народа д-ра И. Лепсуса, председателя немецкой восточной миссии и председателя Германо-армянского общества», К.Полис, 1919, с. 211-212.

² Лео, Из прошлого, с. 314.

³ Там же.

тельная часть западноармянского населения, которое уповало на русскую армию, связывало с ней все свои надежды.

И во время второго путешествия Туманяна в Западную Армению, на Кавказский театр военных действий, провидение чудесным образом уберегло поэта, поскольку если бы он выехал из Вана несколько дней позже, то неизбежно оказался бы в числе тысяч и тысяч вынужденных армянских переселенцев, беженцев, которые добрались до Эчмиадзина ценою огромных человеческих потерь, подвергшись нападениям, убийствам и грабежам со стороны курдских и турецких разбойничьих групп.

ЗАБОТА ТУМАНЯНА О СИРОТАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ованес Туманян происходил из рода долгожителей. Известные, прославленные во всём регионе Лори своими героическими деяниями деда поэта прожили долгую и здоровую жизнь. Однако писателя, к сожалению, ожидала совершенно иная участь. Чувствительной и ранимой душе поэта, «живущей с каждым и страдающей с каждым», стоило невероятных усилий, чтобы выдержать испытания, лишения и бедствия, свалившиеся на его многострадальных соотечественников. И если душе его как-то удавалось выстоять, то тело поэта очень быстро сдавало, не выдерживало постоянного, каждодневного перенапряжения, психологической и физической нагрузки. У поэта были слабые лёгкие, к тому же его беспокоили сердце и хроническая бессонница. Его на протяжении всей жизни сопровождала лихорадка, а в самые последние годы в его организме свила гнездо раковая опухоль, от которой ему не суждено было оправиться. Когда в первых числах июля 1915 г.¹ Туманян вернулся

---

¹ Сразу же после возвращения, в первой декаде июля, поэт доложил руководству Национального бюро об антиармянских, а зачастую и вовсе враждебных действиях высшего командного руководства русской армии. По свидетельству Лео, двое командированных на Кавказский фронт делегатов от Национального бюро, Хунунц и Туманян, «привезли из Вана богатую информацию», причём на первом месте по важности стояла информация о генерале Николаеве, заявившем, что он не написал в своей пресловутой телеграмме ничего плохого об армянских добровольцах и что его текст якобы был изменён в пути, а это означало, что депеша была подделана либо в штабе 4 подразделения (генерал Огановский), либо в штабе командующего Кавказской армией (генерал Юденич). Вооружившись многими другими фактами, Туманян изложил свои впечатления и аргументы трём уполномоченным лицам Национального бюро – епископу Месропу, Ал. Хатисяну и С. Арутюняну, которые, в свою очередь, обратились совместным письмом к русским властям и описали создавшуюся взрывоопасную обстановку

из Вана в Тифлис, он уже был физически измождённым и морально подавленным, старым и больным человеком. А ведь к тому времени ему было всего лишь сорок шесть лет.

Врачи настоятельно рекомендовали поэту поехать в какую-нибудь лечебницу, в санаторий, либо отдохнуть в каком-нибудь курортном месте, богатом минеральными источниками, скажем, в Кисловодске. Однако затруднительное финансовое положение, а точнее, хроническое безденежье, отсутствие материальных средств делало эту возможность нереальной и неосуществимой.

За неимением лучшего выбора поэт предпочёл принять приглашение сатирика, драматурга и театроведа Ашота Атанасяна и отправился вместе с семьёй отдыхать в дачный посёлок Табахмела. До 26 июля Туманян находился в Тифлисе. Следовательно, он отправился в Табахмела не ранее 26 июля.

Дом для большой семьи поэта нанял Ашот Атанасян. Компанию поэту составляет композитор Романос Меликян, несколько дней спустя к ним присоединяются Микаэл Манвелян, Левон Калантар. Много времени проводит с ними местный крестьянин Никол Мантинян. И судьба распорядится так, что только один день, проведённый поэтом в этом дачном посёлке, складывается для него более или менее спокойно, во всяком случае, только в этот день друзья застают поэта в хорошем настроении, относительно весёлым и беспечным.

Конечно же, поэту очень хотелось как следует отдохнуть и хотя бы на какое-то время отвлечься, забыть обо всех своих проблемах и заботах. Увидев приехавших из Тифлиса на отдых студентов Микаэла и Левона, поэт говорит: «Словно мы не в этом мире, словно и нет войны. Иногда даже и не веришь тому, что пишут газеты»¹. В действительности же, как заметили его собеседники, на душе у писателя было очень беспокойно. «Хотя Туманян и говорил, что устал и пресытился городом, однако, как теперь видно, тоскует по нему. Расспрашивал обо всём, интересовался новостями: впечатление было такое, словно он давно никого не видел и вот теперь наконец-то ему посчастливилось с кем-то встретиться», – писал в своих воспоминаниях Микаэл Манвелян². Конечно, навряд ли поэт за один день соскучился по Тифлису: в это судьбоносное для всего армянского народа время он не мог избавиться от чувства беспокойства, которое

и неприятные противоречия и трения между русскими войсками и армянскими добровольческими дружинами, а также местным армянским населением. См. Лео, Из прошлого, с. 317.

¹ Туманян в воспоминаниях современников, с. 689.

² Там же.

ни на минуту не оставляло его.

Во время пиршества, взяв на себя по устоявшемуся обычаю роль тамады, поэт пытается отрешиться от давящих и неотвязчивых воспоминаний от недавней поездки, фронтовых будней и всего того, что ему довелось увидеть в Западной Армении, и проводит несколько приятных часов, забыв о личных горестях и невзгодах, о своей физической усталости и болезненном состоянии и произнося искренние и вдохновенные тосты о победной героической самообороне жителей Вана, о светлом будущем армянского народа. Ведь после многовекового перерыва в Западной Армении у армян наконец-то был свой губернатор; пусть небольшая, но всё же национальная автономная власть и зародыш независимой государственности – маленькое пристанище для заветной многовековой мечты. Микаэл Манвелян рассказывает об этом следующим образом: «Наше пиршество продолжалось до самого рассвета. Песни, танцы, смех, речи, Туманян в роли тамады... Горести, заботы, война – всё это было забыто, было сумасбродное пиршество. Туманян радовался, как ребёнок. Всё было ему дорого и любо, всё ему было по душе. Даже спетая мною народная песня вдохновляла.

Незабываемым был этот день, и каждый раз, когда вспоминаю о нём, перед моими глазами отчётливо предстаёт Туманян со своей неугасающей улыбкой, со своим светлым лицом»¹.

Туманяну при жизни был присвоен титул «Тамады всех армян», потому что он всегда был душой компании, у него был открытый и общительный характер, а его мудрые, задушевные, искромётные и остроумные тосты, испещрённые поговорками, анекдотами, шутками и прибаутками, и даже самое его присутствие – всё это придавало застолью какую-то осмысленность, наполняло его светом и теплом. Однако очень немногим людям было известно, что под светлой и ясной улыбкой поэта зачастую прятались бесчисленные общественные и семейные проблемы и заботы. Об этом можно судить хотя бы по его собственному давнему признанию, сделанному в стихотворении 1897 г. «Впечатления».

Моя душа болит во всякий час,
Она на протяжении многих лет
Невольно и неведомо для вас
Свидетель ваших радостей и бед.
(Пер. Н. Гребнева)

Имея жизнерадостный и весёлый нрав и придавая важное зна-

---

¹ Там же, с. 693.

чение хорошему расположению духа в жизни человека, поэт, независимо от своего настроения, всегда стремился радовать и веселить окружающих людей, и особенно это касалось застолий и пиршеств. Ведь он, в конце концов, был автором известнейшей в народе сказки «У пирующего пиры не оскудеют», которая была призвана научить людей искусству радоваться жизни, дорожить каждым её днём и мгновением. Он советовал: «Считай, что ты умер, каждый свой день рассматривай как подарок, и наслаждайся им». Его друзьям и близким, и, тем более, сотрапезникам никогда не приходилось видеть его печаль и грусть, видеть бескрайнее армянское горе в его душе. Ни один из современников поэта не пишет в своих воспоминаниях, что Туманян когда-либо и по какому-нибудь поводу высказывал своё недовольство, что он был в отчаянии и не скрывал этого. Поэт ни с кем не делился, никому не рассказывал о своих горестях и заботах. Они, эти горести, заботы и печали, были известны только ему одному. В этой связи его дочь Нвард пишет: «Свою печаль и боль он тщательно маскировал, нёс её в себе безропотно и смиренно. Даже близкие люди не знали о его заботах и страданиях»¹. И разумеется, эти усилия скрывать свою боль и страдания от посторонних глаз, улыбаться через силу, преодолевая горечь; дарить людям радость, когда тебе плохо, а в душе – беспросветный мрак, – всё это не могло не сказаться на здоровье, на физическом самочувствии поэта.

В стихотворении «Рустему», посвящённом своему личному врачу и одному из лучших друзей Аристаку Заргаряну, поэт сознаётся в тревогах своего сердца, объятого «немыми горестями». Он пытается разъяснить врачу, беспокоящемуся о его больном сердце, причину своей болезни: сердце не выдерживает, потому что, как он пишет: «Я смеялся много раз, когда оно рыдало тайно... Я сдерживал его в себе... я без конца его душил // Из-за каждой тревоги жизни» (Перевод подстрочный).

И в дачном посёлке Табахмела веселье Туманяна было чисто внешним и показным, однако стремление поэта найти отдохновение и самозабвение среди пирующих сотрапезников тоже вполне естественно и объяснимо. Как бы то ни было, и его радости, и его горести всегда носили внеличностный характер. Он никак и никогда не мог чувствовать себя счастливым, когда вокруг – столько несчастных людей, столько трагического... Ещё в 1902 г., когда жизнь вокруг была куда более размеренной и благополучной, когда горести и страдания ещё не носили всеобщего, всенародного характера, поэт в одном из своих программных стихотворений сделал следующее признание:

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 50.

Дитя моё! Тому свидетель Бог:
Не так я подл, чтоб средь рабов растленных
Вполне счастливым пребывать я мог
В тюремных стенах.
(Пер. Б. Ахмадулиной)

В первые дни лета 1915 г. неизбывное горе, причинённое массовой резнёй, погромами и насильственной депортацией армянского населения Западной Армении, огромное разочарование из-за откровенной колониальной политики царской России, из-за антиармянских, а в ряде случаев армяноненавистнических действий высокопоставленных российских чиновников и военачальников русской армии, в душе поэта переплелось воедино с радостью, в основе которой лежала вера и надежда на возможное спасение, освобождение армянского народа. Прекрасной предпосылкой для этого могла стать героическая и победная самооборона Вана. Могла стать, но, к сожалению, не стала. Судьба распорядилась иначе.

***

Ещё до того, как отправиться на лечение и отдых в Табахмела, Туманян знал о начавшемся массовом переселении в Васпуракане, однако пока ещё не мог предствить себе подлинных масштабов бедствия. Он, безусловно, был знаком с передовой статьёй в «Оризоне» за 22 июля, в которой сообщалось, что «сегодняшние телеграммы не оставляют больше никаких сомнений. После общего отступления в Сарикамыше следующим сильным ударом стала новая паника армянского населения. Около 50.000 турецкоподданных армян, преимущественно стариков, женщин и детей, которые спаслись от турецких зверств и начали на какое-то время оправляться с помощью русских в этих краях, снова оказались в ужасающем положении, снова мигрируют из родной земли в далёкие горизонты...

Турецкоподданное армянство – нагое, босое, голодное, ослабленное от эпидемических болезней, с бродяжническим посохом в руках снова отправилось в дорогу в сторону Араратской долины»¹.

Кроме того, первые телеграммы из Западной Армении с ужасными вестями приходили и в адрес Национального бюро, и Ованес Туманян как член бюро всегда был информирован обо всех самых свежих новостях и событиях, происходящих на Кавказском фронте. К тому же он и сам лично получал много телеграмм из Маку, Вана,

---

¹ «Оризон», 1915, N162, 22 июля.

Эрзрума, в которых сообщалось, что армянское население Киликии и Западной Армении подвергается резне, погромам, грабежам и насилию. Со всех сторон люди взывали о помощи, готовые ухватиться за любую спасительную соломинку. До какой степени отчаяния должны были быть доведены эти люди, что обращались к поэту, который вовсе не был всемогущим и никак не мог им помочь.

В самые первые дни своего пребывания в дачном посёлке Табахмела Туманян пытался хотя бы немного прийти в себя после страшных впечатлений от поездки в страну Васпуракан. Чтобы сбросить с себя тяжёлую ношу жутких воспоминаний и хоть как-то утихомирить боль своей души, он то и дело старался завести разговор о литературе и о самом любимом своём жанре – народном творчестве.

Когда Романос Меликян спросил мнение поэта об известном сказочнике и авторе ряда литературных обработок народных сказок и преданий Саркисе Камальяне, в частности, о его принципах обработки фольклорного материала, Туманян ответил: «Саркис Камальян похож на того антиквара, который находит на вершине горы какую-то мраморную статую, например, скульптуру Венеры, связывает её шею верёвкой и волочит по всей горе, приносит в город, а у неё разбиты, переломаны все хрупкие части тела – пальцы, уши, нос... А ведь суть сказки как раз в этих хрупких частях»¹.

Туманян был писателем, и велико было его желание заниматься литературой, по крайней мере, размышлять на литературные темы, однако последней предоставившейся для этого возможностью он пользуется всего лишь два-три дня. Новые поступившие известия об ужасах переселения ванцев опять лишают поэта душевного равновесия, ещё больше волнуют его и без того смятенную, возмущенную душу, и в тот же вечер 28 июля он принимает решение поехать в Эчмиадзин, чтобы оказать беженцам первую необходимую помощь.

Что и говорить, двухдневного отдыха, обсуждения с Романосом Меликяном принципов обработки фольклорного материала сказочником и собирателем народных сказок и преданий С. Камальяном, было явно недостаточно, чтобы писатель мог оправиться и отрешиться от своих тяжёлых воспоминаний и впечатлений. Тем не менее, больной и физически и духовно изможденный поэт ни на день и ни на час не откладывает своего возвращения в Тифлис.

Прошло всего два дня, как в «Оризоне» 26 июля увидела свет его статья «Спокойно и с большой верой», в которой поэт всячески старался обнадежить армянских беженцев, чудом спасшихся от рез-

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 123.

ни. Проповедывающий братство народов поэт-гуманист не мог более не замечать, что у турецких башибузуков, этих заклятых врагов армян, – «всегда обагрённые кровью и проклятые руки»(7, 176); что страна турок, Тачкастан – это всего лишь бойня, где «одного всегда резали и истязали, а другой ожидал своей очереди, точно зная и постоянно помня, что его очередь тоже когда-нибудь наступит»¹. Это публицистическое выступление было выражением гнева и проклятия возмущённого до глубины души поэта, а также его призывом не отчаиваться, в часы тяжких испытаний и всенародного бедствия объединиться, сжаться в единый кулак. Констатируя свершившееся общенациональное бедствие, поэт снова пытается вселить веру и надежду в своих многострадальных соотечественников. Он пишет: «Курдско-турецкие погромы, резня и разрушения опустошают Турецкую Армению... Повсеместной резнёй они стараются подвергнуть уничтожению наш древний и благородный народ, наш очень многострадальный и растерзанный народ, и избежавшие резни люди, образовав из сотен и тысяч большой поток, от курдско-турецких границ направляются в нашу сторону, в Русскую Армению.

Испытание велико, и бедствие ужасно.

Но мы не вчерашний и не позавчерашний народ, мы не в первый раз видим подобное бедствие, и то, что мы видим, не является для нас чем-то беспримерным.

Нам приходилось видеть и более ужасные бедствия, на значительно больших территориях, в течение более продолжительного периода времени, со значительно большими потерями... Сегодня мы боремся против наших врагов, наши беженцы имеют пристанище в Русской Армении, у своих братьев... наконец, у нас есть и та твёрдая вера, что, каким бы злобным и свирепым ни было варварство нашего врага, оно будет последним.

Каждому армянину необходимо хорошо сознавать всё это и необходимо всегда помнить: никто не должен говорить слов отчаяния и безнадежности, что свойственно трудным минутам; каким бы большим ни было испытание, мы должны вынести его мужественно и встать вместе, объединёнными силами противостоять нашим лютым врагам и найти утешение в этом всеобщем национальном бедствии – спокойно и с большой верой, незыблемой верой в близкое и лучшее будущее»(7, 176-177).

Трудно с уверенностью утверждать, что у Туманяна в этот момент была эта «незыблемая вера», он сам страдал из-за неопределённых надежд, он был очень близок к отчаянию, однако при этом хорошо знал, что десятки тысяч беженцев ждут его публичного сло-

---

¹ Там же, с. 194.

ва, его выступления, знал, что он обязан суметь из глубин своего горя внушить надежду своим несчастным, насильственно депортированным, лишённым родины соотечественникам.

Всего какой-нибудь месяц назад поэт находился в Ване и разделял вместе с ванцами радость и ликование победы, был полон самых радужных надежд на прекрасное будущее, а теперь по дороге в Эчмиадзин он становился очевидцем массового вынужденного переселения тех же самых жителей Вана и его окрестностей. Ему было хорошо известно, каким густонаселённым был в то время Ван, в котором нашли убежище и бежавшие из других мест армяне. И вот теперь всё это население Вана и Васпуракана съёжилось под стенами Эчмиадзина.

Бесконечно усталый от душераздирающих сцен резни и погромов, от тяжёлых впечатлений и разочарований, больной поэт теперь был вынужден развернуть свою патриотическую и общественную деятельность в Эчмиадзине. Утром 28 или 29 июля Нвард и Романос Меликян сопровождают поэта в Тифлис – с тем, чтобы он оттуда отправился в Эчмиадзин. Ночью 29 июля Ованес Туманян уже оказался в аду Эчмиадзина.

В ЭЧМИАДЗИНЕ

Было лето 1915 года – самое тяжёлое, судьбоносное время для армянского народа. В Эчмиадзин стекались последние осколки, щепки чудом спасшегося от резни и погромов армянского населения Алашкерта, Эрзрума, Муша и Вана. Беженцы из Западной Армении заполнили всю Араратскую долину. Ощущалась самая насущная необходимость в деловых, предприимчивых, энергичных, самоотверженных и преданных деятелях. Не было государства, было только Национальное бюро, которое не имело возможности противостоять пришедшему страшному бедствию ни финансовыми средствами, ни человеческими ресурсами.

Справедливости ради отметим, что с бедствием такого масштаба было бы трудно справиться даже правительствам многих развитых стран того времени. Думается, что недовольство и неудовлетворённость Лео деятельностью Национального бюро, которая казалась историку непродуктивной или даже вовсе безрезультатной, были явно тенденциозны и преувеличены. На самом же деле члены Бюро делали всё, что могли, всё, что было в их силах. Но при этом Лео был совершенно прав, утверждая, что из членов Бюро в этот период только Туманян подвергал себя риску «сумасшествия», доводил себя до полного изнеможения. Лео пишет: «Чем сильнее становилась летняя жара, тем больше пустело Национальное бюро. Чле-

ны-барыны поспешили ради увеличения своей упитанности арендовать прохладные места и удалиться из города... а в это самое время сердце Армении было наполнено вселенским ужасом от жертв во время отступления армянского населения Вана и Маназкерта. Тифлис находился далеко от того места, но мы, тем не менее, чувствовали последнее дыхание большого трупa, и огромная смерть забирала и нас в свои объятия. Умиравший народ, рассеянный на всём протяжении выжженных солнцем земель Араратской долины... В дневное время на улицах и на рынках интеллигентные женщины бегали из дома в дом, из магазина в магазин, собирали хлеб, чтобы послать той умирающей массе людей. Ежедневно в Эчмиадзине, Ереване умирало 700-1000 человек. Ованес Туманян находился в этом аду, он действовал и, к счастью, не доходил до сумасшествия»¹.

По дороге в Эчмиадзин, несмотря на тёмное вечернее время, Туманян замечает, что часть беженцев спала, другая часть сгрудилась вокруг огня; одни молчали, другие стонали от боли и страдания или плакали. При этом все спрашивали дорогу в Эчмиадзин: «Как пройти в Эчмиадзин?»(8, 405). Им отвечали церковные колокола, звон которых напоминал о масштабном, всеобъемлющем горе и бедствии. «Никогда еще колокола Эчмиадзина не звонили столь печально... – куда, до каких пределов доходят эти стенания и стоны?», – писал поэт(8, 405).

Утром 30 июля поэт увидел, что из-за огромного скопления беженцев в Эчмиадзине яблоку упасть негде. В тот день он сделал в своей записной книжке следующую пометку: «Нет воды. Шатахский ребёнок и семья. Эчмиадзин – переполнен.

Утром – переполнен везде и всюду.

Сутолока, плач, просьбы, стенания, скорбь –

Море –

Посередине звонят колокола Эчмиадзина – подобно всеобъемлющему стону.

По утрам разбросаны мёртвые. Ночная скорбь – потерянное кладбище... матери с мёртвыми детьми на коленях; муж избивает жену – мол, где ты потеряла детей? Бездомные дети плачут на дорогах в ночном мраке.

...Длинный, смешанный и нищий, голодный, жаждущий караван – не имеет конца – под солнцем, в облаке пыли – молчаливый и покорный своей судьбе, некоторые довольны, что уже обеспечены – есть также дети, которые радуются этому огромному то ли паломничеству, то ли прогулке...»(8, 405).

Добравшись до монастырского двора, поэт видит неопишуе-

---

¹ Лео, Из прошлого, с. 322.

мые, ужасы и кошмары, трагические в своей безысходности сцены; голод, страшная летняя жара, долгая, бесконечная дорога просто вымотали, изнурили несчастных скитальцев-беженцев, среди которых писатель замечает и выделяет «интеллигентные лица... измученные, усталые, молчаливые... Старики... Женщины... Грудные дети» (8, 405-406).

Царили полная суматоха и хаос. Несмотря на то, что каждый пытался чем-нибудь помочь, далеко не каждому удавалось проявлять необходимую организованность. Ситуация была совершенно беспрецедентной для всех, масштабы бедствия – необозримыми, а реальных помощников – очень и очень мало. Акоп Сарикян¹ утверждает, что, вспоминая проведенные в Эчмиадзине месяцы, Туманян «с ужасом и каким-то особенным возмущением говорил о невыносимо тяжёлом положении беженцев... особенно в Вагаршапате. Его чувствительная душа во всю свою мощь восставала против того непростительного равнодушия, свидетелем которого он был в Эчмиадзине.

– Более тяжёлого, более скорбного положения, чем то, что я увидел в Эчмиадзине, ты не можешь себе представить, – говорил он мне. – Многотысячный народ: старики, женщины, дети – нагие, голодные, больные, заполнили Вагаршапат и окрестные сёла. Спали, где попадётся: в поле, под дождём, в хлевах, под стенами. Ели что придётся: в этих сёлах не осталось ни одной кошки или собаки. Каждое утро можно было увидеть сотни, тысячи трупов. Мы шагали по этим трупам. Никто ни за что не нёс ответственности. Сыпной тиф косил несчастных, которые пришли в Эчмиадзин с надеждами, но от Эчмиадзина ничего не получали. Хотя бы собирали трупы и хоронили...»².

Ко всему этому добавлялись кошмарные бессонные ночи поэта, о которых он делает следующую запись в дневнике: «Ночами – повсеместные стоны, стенания, кое-где плач, всё разбросано – стелется по земле, время от времени – чёрные тени» (8, 409).

В рассказе «Гикор» есть эпизод, когда мальчик в предсмертной лихорадке просит дать ему родниковой воды с их гор. Теперь Туманян видел, как «все больные с высокой температурой бредят о

---

¹ **Акоп Сарикян** (1872–1945)- Армянский общественно-политический деятель, священнослужитель, педагог А. Сарикян оставил богатое наследие, в котором в полной мере отражена его жизнь и деятельность. Большой интерес представляют новые подтверждения известных исторических фактов и их оригинальная трактовка, которую даёт в своих статьях и воспоминаниях А. Сарикян. Это относится, в частности, к борьбе армянских добровольческих отрядов, возглавляемых дашнакской и другими партиями в Персии (1895–1898 г.).

² Туманян в воспоминаниях современников, с. 504.

родниках. Охи, охи» (8, 411).

Ованес Туманян, как мы уже отмечали, по своему мировосприятию был пантеистом и поклонялся родной природе. И поэтому природа означала для него намного больше, чем просто красота или зов родного края. Природа была для него философией жизни, родиной, началом всех начал, эстетическим идеалом. Природа в его представлении была способна сопереживать человеческому горю, становилась обителью и убежищем, спасавшим героев его произведений, становилась карающей рукой для зла. Природа для поэта всегда была живым существом, подобно человеку, и всегда находилась рядом с ним в самые трудные, роковые часы, поскольку гармония между природой и человеческой жизнью всегда была одной из самых сокровенных его желаний и мечтаний.

Говоря о бесконечно тянувшихся по всему пути от Вана до Эчмиадзина караванах беженцев, досконально зная ту дорогу, по которой они пришли, дорогу, по которой возвращался он сам и при этом лишь по счастливой случайности избежал смерти, Туманян отмечает: «Без конца, без конца, с каким-то тяжёлым и безмерным стенанием... спускаются они с высоких склонов Чингила, проходят с тыльной стороны Масиса по мосту через Аракс... Я старался не смотреть на Масис и Аракс... Но, тем не менее, посмотрел с каким-то непонятным трепетом – голова Масиса была накрыта облаками –

Аракс не издавал ни звука – не рокотал – тяжело и глубоко шипел...» (8, 496).

***

По свидетельству Ваана Тотовенца, «во дворе монастыря собрались десятки тысяч беженцев. В каждой точке умирали люди, дети кричали, старики стонали, молили, а молодые истощались. Вот чьи-то глаза открыты, смотрит молящим взглядом, всего лишь какое-то мгновение, и вот уже его нет. Голод, жара Араратской долины, ужас дороги и нещадная усталость согнули этот народ... Умирал целый народ. Какие бы глубокие и широкие ямы ни рыли, их не хватало для каждодневной жатвы смерти. Смерть косила не серпом или косой, а, казалось, какой-то неведомой доселе и новоизобретённой машиной»¹.

Очень схожее наблюдение мы встречаем и в воспоминаниях Арсена Ацагорцяна, по словам которого «осиротевший народ Вана безнадежно и беспомощно рухнул под стенами Эчмиадзина, ожидая своей смерти... И смерть не заставляла себя ждать»².

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 136.

² Там же, с. 584.

И этим сломленным, безвольно ожидавшим смерти народом было то самое героическое население Вана, которое в течение месяца держало самооборону и в неравной борьбе с многократно превосходящими силами противника не только одерживало впечатляющие победы, но и доводило до бешенства и исступления турецких правителей и военачальников своим высоким боевым патриотическим духом.

Ярким примером этого боевого духа была героическая самооборона села Шитан Шатахского уезда Ванской губернии. Самооборона эта началась 27-28 марта 1915 г., длилась полтора месяца, причём армянским ополченцам всё это время удавалось не просто удачно обороняться, но и не дать ни одной жертвы, доведя противника до белого каления своим неукротимым духом. Очевидцы Ншан Мурадян и Мовсес Азизян рассказывают: «Наши жили в осаждённом селе в приподнятом, весёлом расположении духа. Не было недостатка в песнях, танцах, развлечениях. Это всё очень плохо отражалось на настроении противника»¹.

И вот теперь героические защитники своих родных домов и своей родной земли стали беженцами и собрались – смертельно усталые, разбитые, истощённые, измождённые, больные, голодные, нагие и босые – во дворе Эчмиадзинского Собора, около Геворкянского озера, в близлежащих лесах и повсюду. Зал типографии служил складом для поступавшей из-за рубежа гуманитарной помощи в виде продовольствия и одежды.

Когда поэт добрался до Эчмиадзина, в здании семинарии нашли приют около пятисот детей-сирот. «Невозможно описать, какое это ужасающее бедствие, очевидцем которого я стал, – пишет Туманян 8 августа»(10, 228).

Всего лишь в течение нескольких дней число это возросло в шесть раз. Уже к 14-му августа 1915 г. число нашедших пристанище в Эчмиадзине армянских сирот превысило три тысячи, и пришлось открыть «новый сиротский дом под открытым небом»(10, 229).

Во второй декаде августа в здании духовной семинарии нашли приют 2000 детей-сирот, тогда как спальных мест было всего 405. Невероятными усилиями в классных комнатах семинарии удаётся разместить ещё двести детей. Учебный год был прерван, а саму семинарию переоборудовали в госпиталь, который был не в состоянии принять всех детей². По этой причине часть детей устроили в сельских домах. Согласно записям Ов. Туманяна, в эти дни ему уда-

---

¹ Национальный архив Армении, ф. 227, оп. 1, д. 449, лл. 13-16. См. также: «Летопись скорби. Геноцид армян глазами очевидца», Ер., 2005, с. 176 (на арм. яз.).

² Переписка семьи Туманяна, с. 72.

лось раздобыть и раздать хлеб 45.785 армянским беженцам, приехавшим в Эчмиадзин из Шатаха, Вана и его окрестностей, из Гяваша, Айоц-дзора, Каркара, Карчкана, Мокса, Арджаваза, Тимара, Хлат-Битлиса и других мест.

Приютившимся в Эчмиадзине армянским детям-сиротам предстояло пронести в своей памяти через всю оставшуюся жизнь жуткие видения резни, вынужденное переселение. Многим из армянских сирот так и не суждено было добраться до Эчмиадзина не потому, что их убили по дороге, а потому, что они стали невольными свидетелями жестокого, дикого истязания и убийства своих родителей, своей родни и вообще своих соотечественников. Они были всего лишь детьми и не выдерживали этого ужаса, их сердца разрывались от страха. Так, в селе Тимар Гявашского гавара, в котором было тридцать домов армян и всего один курдский дом, по свидетельству очевидцев Мурада Казаряна и Геворка Гохикяна, «из-за резни в селе до его освобождения от страха умерли 40-50 детей»¹.

В селе Арцке Алджавазского уезда², в котором проживало 150 армянских семейств, спаслось всего шесть. Среди спасшихся был и семилетний Ншан Абрамян, который рассказывал: «Нам для ночлега выделили здания духовной семинарии Эчмиадзина. Днём мы шли, паслись, съедали всё, что попадалось под руку... По утрам только половина из нас просыпалась живыми... Хоронить было некому, трупов было так много, что не успевали хоронить почеловечески; некому было рыть ямы. Была одна воловья телега, по дороге, ведущей в Звартноц, была большая яма, трупы бросали в неё, прикрывали землёй. Американцы пришли, дали постель, готовили обед – фасоль, раздали одежду, открыли сиротский приют в том же здании... По вечерам вокруг каждого здания организовывались вечера песен, танцев. Дети каждого уезда представляли свои песни и танцы. ... Американцы стали отбирать детей и посылать в Америку. Меня наша воспитательница спрятала под кроватью, не позволила, чтобы меня забрали...»³.

Маленькая Лусик Баласанян жила в Игдыре, когда напали турки. Спаслась чудом, оказалась в Эчмиадзине. В её воспоминаниях также фигурируют американские миссионеры, которые «создали маленькие производственные артели, где мы обрабатывали хлопок,

---

¹ Национальный архив Армении, ф. 227, оп. 1, д. 446, лл. 19-23. См. также: «Летопись скорби. Геноцид армян глазами очевидца», Ер., 2005, с. 145 (на арм. яз.).

² Национальный архив Армении, ф. 227, оп. 1, д. 12, лл. 2-25. См. также: «Летопись скорби. Геноцид армян глазами очевидца», Ер., 2005, с. 111 (на арм. яз.).

³ **Вержине Авакян.** Геноцид армян. Свидетельства выживших очевидцев, N38. http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49

превращали в нити – за эту работу получали еду. Потом умерла моя мама. Мы остались одни. Мой брат был слепым, мы не хотели расставаться, но меня повезли в Ленинакан, где был открыт детский дом для девочек. Американцы отбирали красивых, здоровых девочек и увозили в Америку... Но я больше никогда не увидела своего брата с незрячими глазами»¹.

Девятилетнего Патрика Сарояна больше всего впечатляло то, что «матери хоронили своих детей без саванов»². А для Вардуи Потикян слова «Эчмиадзин» и «Смерть» воспринимались как синонимы. «Пришли в Эчмиадзин, лежали в лесах. Кому суждено было умереть, умирал. Мой дядя умер в лесу. Люди принесли качку, увезли и похоронили. Кто-то умирал от тифа, холеры, а кто-то выживал»³.

Жизнь, тем не менее, продолжалась. Прибывшие для оказания помощи беженцам молодые добровольцы не только замечали красивых западноармянских девушек со звучными именами – Сирвард, Кармиле и Алвард, но и откровенно восхищались ими, влюблялись в них. В одну из таких красавиц, «высокую и стройную, красивую шатахскую девушку, изящную и грациозную» Тангик влюбился сын Степана Лисициана Левон Лисициан. А Тангик беспрестанно убегала и повсюду искала своих родных. Нвард Туманян пишет: «Целыми днями искали и не находили её. Кто знает, чьей невесткой была Тангик, кого она искала. Левон Лисициан решил во что бы то ни стало найти Тангик, уговорить её, забрать с собой в Тифлис, однако её так больше и не нашли»⁴. Узнав об истории Тангик, которая, возможно, потеряла рассудок от горя или стала жертвой эпидемии, Дереник Демирчян решил назвать её именем героиню своей драмы «Приговор».

Казалось бы, песни армян остались в оборонительных окопах Вана, в сражениях за свободу и право жить независимой жизнью, однако даже в неописуемых ужасах эчмиадзинских будней беженцы продолжали петь свои печальные песни, полные неизбежной горечи, песни скорби и боли. В памяти Нвард Туманян осталась, в частности, грустная мелодия народной песни «Хеди бажо», которую пели в поздние ночные часы. Нвард пишет: «Какая мать скорбела по своему сыну, или кто это вспоминал свои родные места и звал с такой печалью?..

За время, проведённое в Эчмиадзине, это была единственная

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 125.

песня, которая была слышна в поздние часы ночи сквозь стенания и скорбь»¹.

***

Туманян был исключительно организованным, целеустремлённым человеком.

При решении конкретных проблем он проявлял незаурядные деловые качества. По велению исторического момента он выступал с самыми необходимыми инициативами, умел концентрировать все силы для выполнения своей миссии в Национальном бюро и для оказания помощи и заботы армянским беженцам и сиротам в Эчмиадзине.

Поэт был наделён удивительной способностью работать одновременно в нескольких направлениях, не забывая при этом вести дневниковые записи, вносить в записную книжку определённые документальные факты, которые будут нужны для истории. Вносил он туда также «заготовки», яркие и впечатляющие фрагменты для своих будущих художественных произведений.

В Эчмиадзине поэт слышал и записал ужасающие, душераздирающие истории о резне и погромах армянского населения в Ване, рассказанные чудом спасшимися очевидцами этих событий. Многие из беженцев рассказывали, «как перебили их родителей, увели сестру, увели невестку, зарезали дядю, увели жену дяди – сколько людей в доме были убиты, а сколько умерли, сколько выжили...»(8, 405).

Среди дневниковых записей поэта часто встречаются и пометки о нанесённом армянам материальном ущербе. Будучи твёрдо уверенным, что необходимо быть последовательными в своих требованиях возмещения убытков и что суровый и справедливый суд над турецким отребьем когда-нибудь состоится, Туманян вёл учёт человеческих и материальных потерь, приводил точные сведения об оставленных в Маназкерте тридцати пудах пшеницы; об армянских семьях, сожжённых в собственных домах и т.д.(8, 406).

Только в 1916 г. по инициативе Бакинского комитета АРФД предстояло начать последовательный и обстоятельный сбор информации в среде армянских беженцев об организации и осуществлении резни и погромов в Западной Армении, дав этой программе выразительное название «Вштапатум» («Летопись скорби»). Фактически Туманян предпринял это дело задолго до этого, – ещё в те дни, когда он шагал по городам и сёлам Западной Армении, а затем про-

---

¹ Там же.

должал фиксировать потери армян уже находясь в Эчмиадзине. На юридическую основу он попытался поставить своё начинание значительно позднее, в начале 1918 г., когда возникла насущная необходимость представить меморандум на Парижской мирной конференции стран Антанты. Поэт по собственной инициативе создал Бюро по установлению потерь от Мировой войны, и сам же возглавил эту организацию. И вообще Туманян очень часто выступал с самыми разными патриотическими инициативами, обращёнными к общественности призывами. Поэт обладал удивительной способностью направлять весь внутренний потенциал нации в одном направлении, подчиняя его решению всеобщих задач.

В условиях трагической армянской действительности Туманян первым обратился с воззванием к армянским женщинам и девушкам, общественным организациям, чтобы они оказывали всестороннюю помощь и заботу армянским детям-сиротам. Добравшиеся до Эчмиадзина сироты остро нуждались в материнской ласке, в женской заботе и душевном тепле. Призывая армянских женщин и девушек стать сёстрами милосердия, Туманян прекрасно осознавал, что все, кто откликнется на его призыв, будут подвергать свою жизнь смертельной опасности, но не видел иного пути, не видел иного выхода. Иного выхода и не было.

Вначале поэт обращается к помощи Национального бюро: просит послать сестёр милосердия. На следующий же день после приезда в Эчмиадзин, 30 июля 1915 г., поэт пишет: «Пусть услышат мольбу этих детей наши сердобольные женщины, девушки и армянские женские общественные организации. Желательно, чтобы они незамедлительно и повсюду организовывали специальные комитеты и посылали в Эчмиадзин, чтобы организовать здесь детские приюты»(10, 227).

В тот же самый день поэт представляет центральному комитету Армянского национального бюро ужасную ситуацию, царящую в городе. «Сотни тысяч беженцев приходят из Турции через Игдыр в Эчмиадзин. Пока ещё не видно конца этой идущей вереница за вереницей массе, которая движется в поднятой пыли. В большинстве своём это женщины и дети, обессилевшие, усталые, голодные, босые. Их рассказы о зверствах курдов и турок полны неопишемого ужаса»(10, 227). В том же отчёте поэт сообщает, что приблизительно пятьсот сырых и бездомных детей добрались до Игдыра и Эчмиадзина, поскольку «побуждающая к бегству паника наступила совершенно неожиданно, по этой причине родители теряли своих детей, дети – родителей. Многие из детей, потерявших родителей, голодные, измученные, отставали в пути и умирали, если их не забирала другие» (10, 227).

Одновременно поэт обращается с уже упомянутым призывом к общественным организациям, ко всем сердобольным женщинам и девушкам – приехать в Эчмиадзин, помочь несчастным детям-сиротам, которые так нуждаются в женской заботе и ласке.

Это воззвание, обращённое не только к женщинам, но и ко всему армянскому народу, писатель отправил в Тифлис вместе с нарочным, Самсоном Арутюняном, который являлся председателем Армянского Кавказского благотворительного общества и председателем Армянского центрального комитета по оказанию помощи беженцам. Не полагаясь только на Национальное бюро, поэт в тот же день, 30 июля, вручает Самсону Арутюняну телеграмму с идентичным содержанием, адресованную правлению тифлиских армянских женщин при доме труда «Мегу»¹. Поэт получает следующее ответное письмо: «Правление Дома труда «Мегу» получило Вашу телеграмму от 30.07.1915 г., в которой Вы приводили душераздирающие подробности из жизни беженцев, подчёркивали бездомное и беспомощное положение более пятисот осиротевших детей и призывали организовать женские группы, чтобы содержать этих детей и заботиться о них до определения их положения.

Правление Дома труда «Мегу» как женское благотворительное культурное учреждение, конечно же, должно было спешно откликнуться на Ваш призыв. Но поскольку нам совершенно неясны сферы наших обязанностей и деятельности, мы немедленно посылаем своего исполнительного представителя Ерванда Цолака, чтобы выяснить у Вас суть и условия дела.

Просим... дать нашему представителю необходимые указания, чтобы мы могли по возможности скорее после его возвращения сразу же приступить к делу»².

Письмо написано рукой заместителя председателя правления организации Вардуи Ованнисян – с тем, чтобы не посылать сестёр милосердия сразу же по получении телеграммы. Разумеется, разъяснение и оправдание отказа «непонятностью сферы обязанностей и деятельности» и желанием обсудить детали и условия – это всего лишь отписка, отговорка. Однако не желая, чтобы у писателя создавалось впечатление, что так называемый «Дом труда» является орга-

---

¹ Телеграмма эта не сохранилась, однако её содержание становится понятным из официального ответа правления тифлиских армянских женщин при доме труда «Мегу». См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1728. Из откликов выясняется, что телеграммы с таким же содержанием поэт отправил нескольким общественным организациям и комитетам, стараясь объединить как можно больше сил для противостояния общенациональному бедствию.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1728.

низацией не дела, а слова, в том же ответном письме от 30 августа даётся отчёт об участии организации в инициативах по оказанию помощи беженцам в Тифлисе.

«Многоуважаемые господа С.Арутюнян и Ов. Туманян,

В первой половине августа центральный комитет Кавказского Армянского благотворительного общества и Армянский комитет по оказанию помощи беженцам уже организовали группы для командирования в Игдыр, Эчмиадзин и Дилижан»¹.

Несмотря на определённую медлительность адресатов, призывы и воззвания Туманяна не оставались без ответа. Конечно, в дни бедствия очень многие армяне из Москвы, Баку, Тифлиса, Еревана и других армянонаселённых мест пытались тем или иным способом оказать поддержку и содействие своим нуждающимся в помощи соотечественникам, нашедшим пристанище в Эчмиадзине, однако «трудностей было более чем достаточно»². Кроме того, в военное время ситуация была очень трудной и неутешительной повсюду. Что касается положения в Эчмиадзине, то здесь где-то начиная с середины августа оно стало постепенно улучшаться, в особенности после того, когда открылась амбулатория, пять больниц на 500 коек и новый сиротский приют на 3000 детей. На всех детей-сирот ежедневно приходилось всего 800 килограммов муки; кроме того, дети получали горячую пищу.

В эти дни Туманян встретился с прибывшими в Эчмиадзин представителями Бакинского благотворительного общества, которые привезли с собой в большом количестве одежду, посуду, продовольствие.

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ

Среди откликнувшихся на призыв Ованеса Туманяна была также дочь поэта Нвард, которой в то время было 23 года.

Здесь мы не можем не отметить высочайшее качество патриотизма и преданности Туманяна своему народу, которое на первый взгляд не вполне понятно для обычных смертных. Поэт был любящим и преданным отцом десяти детей и чувствовал свою ответственность за каждого ребёнка. Он готов был отдать за каждого из них свою жизнь, готов был сделать всё, чтобы отвести от них опасность, угрозу для жизни. В конце концов, ради великой идеи, ради спасения родины и родного народа можно рисковать своей соб-

---

¹ «Оризон», 1915, N178, 182, 9, 14 августа.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 129.

ственной жизнью, можно подвергать опасности свою жизнь, но можно ли распоряжаться судьбами детей, можно ли класть на алтарь их жизни? Поэт воспитал своих детей в довольно свободных и независимых условиях для того времени; он всегда прислушивался к их мнениям по любому вопросу, никогда не ограничивал их и не неволил, с детских лет всячески поощрял их стремление быть самостоятельной личностью, и, конечно же, каждый из них был способен вполне независимо распоряжаться своей судьбой. Однако Туманян был недостижимым идеалом для своих детей, и все его дети – все без исключения были готовы не только пожертвовать собой ради блага народа, но и, казалось бы, вступали в соревнование друг с другом – кто принесёт больше пользы. Единственной «виной» поэта, вероятно, было то, что он, в отличие от миллионов других родителей, которые всячески оберегали своих детей от соприкосновения с ужасной действительностью, держали их на безопасном расстоянии от эпицентра человеческих страданий, от смертельно опасных заразных болезней – он сам способствовал непосредственному участию своих детей во всём этом кошмаре, наставлял их и поощрял, а иногда и звал в опасные для жизни места. И это в том случае, когда очень многие писатели и общественные деятели бежали подальше от подобных испытаний и сопряжённых с риском для жизни регионов, а если и оставались сами на Кавказе, то отсылали детей, чтобы оградить их от опасностей, от трудностей, чтобы спасти им жизнь и считать свою родительскую миссию успешно выполненной. Так, историк Лео об этих страшные днях, когда все вокруг стремились заполучить в банках свои денежные сбережения и уехать в относительно безопасные места, когда бегство от суровой реальности «становилось императивом, настоятельным велением момента»¹, пишет: «Вот здесь-то и довелось встретиться нам двоим, мне и Ширванзаде. Получать нам, конечно, было нечего, и мы совершенно хладнокровно смотрели, как люди лезли на головы друг другу, чтобы войти в банк. Да, всё было именно так. Но мы были объаты очень большой родительской печалью: у нас у обоих были совершеннолетние и красивые дочери. Решили: что бы ни случилось, отошлём обеих, а после этого пусть будет то, что будет. Нам удалось повернуть это дело посредством наших пускавшихся в бегство знакомых и родственников. Избавились от очень большой заботы»².

Туманян же прекрасно понимал, что нельзя призывать чужих детей рисковать своими жизнями и при этом оберегать своих детей.

---

¹ Лео, Из прошлого, с. 311.

² Там же.

Все совершеннолетние дети поэта в это время жили активной общественной жизнью, делали всё возможное и невозможное как для спасения Западной Армении, так и для оказания помощи беженцам и сиротам. И одной из них была дочь поэта Нвард, третий по старшинству ребёнок Туманяна.

В 1915 г. в Тифлисе функционировал «Комитет армянских девушек», одним из самых активных и деятельных членов которого была Нвард Туманян. Она сотрудничала с Тифлисским Центральным комитетом по оказанию помощи беженцам.

Воззвание Ованеса Туманяна к женщинам и девушкам об оказании помощи армянским детям-сиротам было адресовано в первую очередь «Комитету армянских девушек», а следовательно, и к дочери Нвард. Поэт своим личным примером и всей своей самоотверженной общественной и патриотической деятельностью показывал, как важно и необходимо заботиться об армянских беженцах и сиротах. И он не только не отстранял Нвард от тяжёлой и очень опасной для жизни работы в качестве сестры милосердия, но и с нетерпением ждал её приезда в Эчмиадзин и даже выражал беспокойство по поводу её задержки.

Любимая дочь поэта не разочаровала своего отца. Она первая откликнулась на его призыв и добровольно, с большой отзывчивостью подключилась к работе в эчмиадзинском аду. В своих воспоминаниях она пишет: «Некоторое время спустя я также вместе с несколькими подругами отправилась в Эчмиадзин, чтобы работать среди беженцев в качестве сестры милосердия»¹.

Вместе с Нвард Туманян в Эчмиадзин отправились три её подруги, имена которых опубликовала газета «Оризон» в своём номере за 9 августа. «Армянский центральный комитет послал в Эчмиадзин девиц Н.Туманян, А.Даниелян, Р.Зорян и К.Лианозян, которые по своей инициативе и своей доброй воле взяли на себя обязанность бесплатно работать на благо беженцев»².

В числе добровольцев, работавших в Эчмиадзине вместе с Нвард, были также молодые парни – А.Бархударян, Л.Ачмян, Л.Лисициан. Несколько дней спустя было принято решение отправить Нвард не в Эчмиадзин, а в Игдыр³.

---

¹ Там же, с. 123.

² «Оризон», 1915, N 178, 9 августа, с. 3.

³ Об этом свидетельствует опубликованное в «Оризоне» новое сообщение Центрального комитета по оказанию помощи беженцам. Оно увидело свет через пять дней после предыдущего, 14 августа. Согласно этому объявлению, Нвард в качестве руководителя группы, оказывающей помощь беженцам, должна была отправиться в Игдыр. В сообщении говорилось: «Учитывая потребность в интеллигентных силах в деле оказания помощи беженцам, Армянский централь-

Нвард всегда держала в курсе царившей в Эчмиадзине обстановки своего брата – служившего в Диадине старшего сына поэта Мушега Туманяна. Последний, в свою очередь, получал необходимую информацию о ситуации с беженцами от очевидцев и из газет. Примечательно, что в своём письме за 31 августа, адресованном сестре Нвард, Мушег, с одной стороны, требует дополнительной информации, а с другой стороны, воодушевляет её, сообщая, что солдаты встретили с ликованием и возгласами «Ура!» известие о том, что армянские девушки оказывают безвозмездную помощь беженцам и детям-сиротам. «Нвард-джан, – пишет Мушег, – как настроение у отца? В каком состоянии этот детский приют? Меня спрашивают со всех сторон о детском приюте семинарии, о его неподобающем и грязном виде. Разве ваше общество девушек не может чем-то помочь? Здесь, в воинских частях, я прочитал специальную телеграмму, в которой было написано, что со стороны Тифлисского комитета армянских девушек в Эчмиадзин отправилась группа, которая будет действовать под руководством Нвард Туманян, не знаю, правда ли это, однако солдаты 45 раз кричали «Ура!»»¹.

Дети писателя следовали примеру своего отца и не щадили не только своей жизни, но и жизни своих родных и близких, как не щадил Мушег своей сестры, ставя перед ней фактически непосильную задачу.

Конечно, они любили друг друга не меньше, чем любые другие брат и сестра, однако стремились любить свою родину и свой народ так, как любил их отец, – то есть больше, чем собственную жизнь.

По всей вероятности, Нвард попросила руководство своей организации не отправлять её в Игдыр, а оставить в Эчмиадзине, где ситуация была исключительно тяжёлой и где работы было невпроворот. Она была убеждена, что здесь, в Эчмиадзине она сможет принести больше пользы. Ну и, конечно, для неё было чрезвычайно важно оставаться рядом с отцом, поскольку она получала возможность заботиться не только о детях-сиротах, но и о слабом, нездоровом отце, который также нуждался в уходе.

ный комитет организовал три группы. Первая группа, которая будет действовать в Игдыре, состоит из шести человек и сформирована из представителей Комитета армянских девушек под руководством Н.Туманян... Вторая группа будет работать в Эчмиадзине под руководством Капанакян, третья группа – в Дилижане, под предводительством врача Еазмачян и врача Туманян». См. «Оризон», 1915, N 178, 9 августа, с. 3.

¹ Переписка семьи Туманяна, с. 72-73.

***

Ованес Туманян вместе с дочерью проживали на первом этаже здания Эчмиадзинского матенадарана, а на втором этаже одну из комнат занимал местоблюститель Католикоса архиепископ Усик. Благодаря упорству и большой настойчивости архиепископка поэта обеспечивают завтраком – яичницей с помидорами; её начинает готовить сам поэт. Нвард Туманян свидетельствует, что святейший Усик «каждое утро посылал в тарелке помидоры для отца, и заодно – красные розы: помидоры – отцу, розы – дочери»¹.

Дождавшись, когда все сотрудники закончат обедать, в довольно позднее время Туманян вместе с дочерью направлялся в столовую и пользовался особым вниманием и расположением работника столовой Левона Баклачева. Поэт, однако, почти ничего не ел. Как свидетельствует Нвард, «сам он не мог ничего есть – не было ни времени, ни аппетита; он только пил чай и кофе, добавляя в них коньяк; пил несколько раз в день, чтобы предотвратить различные болезни»². А в столовую он шёл, чтобы составить компанию дочери и проследить, чтобы она не осталась голодной после трудного рабочего дня, заполненного массой самых негативных впечатлений и эмоционального напряжения.

Писатель всячески старался подключить к работе по уходу за детьми-сиротами главным образом местных женщин и девушек – жительниц Эчмиадзина. Стоило ему встретить на улице местную женщину или девушку, как он начинал упрашивать и уговаривать их не оставаться равнодушными к страданиям несчастных детей-сирот, помогать им, заботиться о них, тем более, что им, этим женщинам и девушкам, так или иначе приходится жить среди беженцев и сирот, в эчмиадзинском аду. Увидев двух сестёр, которые учились в Ереване и вернулись на летние каникулы в родной Эчмиадзин, он обратился к ним с просьбой о помощи и, убедившись, что они не возражают и готовы последовать его инструкциям и распоряжениям, поэт решает не откладывать дело в долгий ящик и говорит: «Поскольку вы сейчас свободны и видите состояние этих несчастных, которые сбились в кучу под открытым небом, то позвольте вас спросить, не хотели бы вы оказаться полезными для них, ведь они так нуждаются в помощи и сочувствии.

– Ну, конечно, с большим удовольствием, – подхватили мы хором, – вот только не знаем, к кому следует обратиться и как». Так рассказывает об этой встрече одна из девушек, Нвард Егибян (Багдасарян)³.

---

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 124.

² Там же.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 683.

Туманян сразу же вызвался сопровождать их и показал и больницу, и столовую, и сиротский приют, и пункт медицинской помощи. Обе сестры Егибян были польщены и воодушевлены возможностью пообщаться с великим армянским поэтом и сразу же приступили к работе. Впоследствии они поделятся своим наблюдением: «К кому бы ни подходил Туманян, куда бы он ни заходил, с кем бы ни разговаривал, все выслушивали его и отвечали поэту с глубоким уважением, с радостью... Было отчётливо видно, что он является душой всех инициатив; это был человек, живой пример которого вдохновлял очень многих и нас»¹.

Ованес Туманян окружал большой нежностью и заботой каждую сестру милосердия, подвергавшую свою жизнь смертельной опасности. Он знал, что в этот исторический момент «в Эчмиадзине почти в каждом деле необходимо было сердце, сердечное отношение, причём особенно необходимо было в обители Детей» (7, 178).

Поэт часто заходил в столовую, чтобы напомнить служащим: «О девушках заботитесь или ждёте, чтобы они сами пришли? Ведь они работают с утра до ночи»².

Если не все, то, во всяком случае, очень многие из сестёр милосердия считали большой честью для себя работать под руководством Туманяна. Одна из них, Нвард Багдасарян, вспоминает: «Какая забота в отношении каждого из нас, к большим и маленьким, к больным и здоровым!.. Я чувствую себя счастливой, что имела возможность работать под его руководством»³.

Поэт в свою очередь восхищался, гордился самоотверженным трудом, «безумным самопожертвованием» армянских женщин и девушек в эти страшные дни. Об этом он пишет месяц спустя после возвращения в Тифлис: «Ситуация в Эчмиадзине – бедствующие беженцы, которые пришли большим потоком из Турецкой Армении и разлились морем вокруг Эчмиадзина, наряду с другими факторами выявили ещё одно характерное явление: стало ясно, на какое безумное самопожертвование способна армянская женщина, армянская девушка.

И вот здесь, среди нескольких тысяч грязных, нагих, голодных и больных детей, как раз и появились они, и нужно было видеть, что они делают в сиротском приюте и вокруг него; каждый раз при виде их я глотал слёзы от волнения и никогда, никогда не забуду этих прекрасных бойцов, в условиях страшной катастрофы вышедших

---

¹ Там же.

² Там же, с. 686.

³ Там же.

сражаться лицом к лицу с голодом, тифом, холерой и с самыми разными лишениями и страданиями»(7, 178).

Туманян неоднократно признавался, что каждый раз, встречаясь с сёстрами милосердия, среди которых были даже тринадцатилетние подростки, он едва сдерживался, чтобы не заплакать, и прятал наворачивавшиеся слёзы.

***

Ованес Туманян во время своего пребывания в Эчмиадзине находился в море всепоглощающей нищеты и обездоленности, в неправдоподобной, кошмарной, граничащей с абсурдом реальности, где повсюду была смерть, где повсюду раздавались стоны и стенания тяжело больных людей, раздавался плач и надрывные крики вечно голодных и неухоженных детей. Каждый день поэту приводилось видеть раздирающие душу сцены скорбящих по умершим детям родителей, плачущих по умершим родителям детей. Каждый день поэт получал множество писем-прошений от беженцев и детей-сирот, в которых они слёзно умоляли его спасти их от голода и болезней.

7 августа 1915 г. беженцы из Алашкерта пишут в своём коллективном письме: «Обращаемся к Вам, г-н Туманян, будучи уверенными, что Вы лучше кого бы то ни было понимаете наши страдания, лучше кого бы то ни было знаете наши мучения...

Благодаря Вашему человеколюбию не будет дозволено, чтобы чудом избежавшие курдских и турецких сабель осколки армянского народа умерли от голода и лишений»¹.

Столь же трогательное коллективное письмо-прошение было адресовано поэту за подписью «Беженцы села Дхе». В письме говорилось: «Наше село состояло из трёхсот пятидесяти домов, в нём было две тысячи жителей, все без исключения были перебиты. Однако здесь, в Эчмиадзине, мы, к сожалению, должны умереть от голода; обращаемся к Вам, нам не помогают, все отказывают, мы потеряли всякую надежду на кого-либо и обращаемся к Вам и просим, чтобы Вы не отказали нам в нашей просьбе и дали бы нам возможность выжить, пока мы сможем вернуться на родину»².

Таким вот образом не поддававшиеся исчислению беженцы, отчаявшиеся получить хоть какую-нибудь помощь, потерявшие последнюю надежду, просили Туманяна «дать им возможность вы-

---

¹ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 60.

² Там же.

жить»... Поэта преследовала неотвязная мысль, что, сколько бы ни делалось для беженцев и детей-сирот, всё равно делается недостаточно и не так, как следовало бы. И он требовал большего от себя и от окружающих, будучи уверенным, что при оптимальной организации дела и чётком распределении обязанностей можно было бы добиться неизмеримо лучших результатов.

В своём стремлении идти навстречу каждой просьбе беженцев и сирот Ованесу Туманяну нередко приходилось руководствоваться только голосом своей совести, подчас нарушая при этом законы, правила и предписания церкви. Так, церковные служители были категорически против того, чтобы в сиротские приюты принимали детей, имеющих одного родителя или даже просто родственников. Однако нередко были случаи, когда матери, будучи не в состоянии прокормить своих детей, сами приводили их и оставляли у дверей сиротского приюта. Они прятались в каком-нибудь укромном месте и наблюдали. Поэт сделал в своём дневнике следующую запись: «Матери, воистину, приводят, уверяют, что это сироты, что они нашли их, что у них нет отца-матери, и умоляют принять несчастных детей; ребёнок часто зовёт женщину – «нани» или «маре»¹, крича и выдавая обман матери» (8, 408). Однако поэт принимал этих детей в приюты: ведь эти матери шли на такой обман, чтобы спасти жизнь своих детей.

Туманяну часто приводилось также видеть, как «некоторые из беженцев оставляют детей у дверей приюта, а сами уходят, исчезают» (8, 408).

Бывали и такие случаи, когда дети с криками «маре» убегали из приюта. Однажды утром служители обнаружили у дверей приюта больного ребёнка. Все решили, что это дело каких-то бессердечных и бессовестных людей. Между тем Туманян чувствует, что ребёнок не беспризорный. «Я подумал, что его мать должна быть где-то поблизости, посмотрел по сторонам – за одним из деревьев стояла и наблюдала за происходящим мать ребёнка...» (8, 408). Точно так же поступает какой-то ванский торговец, который, не говоря ни слова, приводит ребёнка и оставляет в приюте, а сам уходит (8, 408).

Но нередко дети, имевшие родителей, отчаянно бились и плакали, протестовали, не желая оставаться в сиротском приюте. Конечно, большим соблазном для них было то, что приютским детям-сиротам выдавали новую одежду, «халав»², худо-бедно кормили, но

---

¹ «Нани», «Маре» – обращение к матери в Западной Армении.

² Халав – длинная рубаха из хлопчатобумажной ткани с косыми клиньями по бокам, длинными прямыми рукавами с ластовицей и прямым разрезом ворота, которую носили в Восточной Армении.

они, тем не менее, готовы были отказаться от всех этих льгот и привилегий, чтобы вернуться к своим родным и близким. Об одном из таких детей поэт пишет: «Один ребёнок весь дрожал и просил-умолял – сниму и дам вам свою одежду, только позвольте мне вернуться к матери» (8, 408).

Так Туманян оказался на перекрёстке противоречивых и взаимоисключающих просьб матерей и их детей и руководствовался при этом только стремлением спасти жизнь детей – независимо от того, являются они сиротами или нет. Встречались и такие родители, которые вначале представляли своих детей как сирот, а затем, не выдержав разлуки, приходили и просили вернуть им их детей. Часто они делали это после того, как их детей стригли, отмывали, кормили и выдавали одежду. Вот тогда-то и объявлялись родители и заявляли, что потеряли своих детей, и просили вернуть их им¹.

Кроме многочисленных незнакомых людей, к Туманяну с теми же просьбами часто обращались и знакомые, представители различных организаций. Все эти бесчисленные просьбы и заявления свидетельствуют, что именно Туманян занимался вопросами приёма детей в сиротские приюты.

Так, 6 августа 1915 г. епископ Маттеос от имени главного распорядительного комитета организации «Братская помощь», которая функционировала под высоким патронажем Верховного патриарха, пишет: «Г-н Ованес Туманян!

Примите в сиротский приют этого ребёнка, который бродит беспризорный и неухоженный»².

Епископ Бардухимеос в письме от 5 сентября 1915 г. пишет:

«Высокочтимый г-н Ов. Туманян!

Жена подателя сего письма ванского жителя Маркоса умерла вчера, два маленьких ребёнка остались заброшенными. Сам он беден – в самом прямом смысле слова. Прошу принять его малышей в управляемый Вами сиротский приют. Он служит у меня»³.

А священник Саак оформляет своё прошение следующим образом: «Этот ребёнок, которого я прошу принять в ряды сирот, является подателем моего письма. Прошу не отказать в моей просьбе. Вот уже почти неделя, как он сидит на пороге моего дома и плачет вместе со своей маленькой сестрой из-за хлеба»⁴.

Разве мог Туманян отказывать в подобных случаях? Наиболее

---

¹ Там же.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1674 (491).

³ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 32.

⁴ Там же.

часто к поэту обращались с ходатайствами врачи больницы – Пюлпулян и Амазасп Оганджян, которые выхаживали больных и беспомощных родителей этих сирот. Родители нередко умирали у них на руках, и дети оставались сиротами.

Отметим, что представители общественной организации «Братская помощь» Бабкен-вардапет и другие активно противились и выражали крайнее недовольство подобным «либеральным» поведением Туманяна, однако поэт никак не собирался считаться с их подходами и шёл против их воли, зачастую принимая в сиротские приюты детей, имевших родителей. Об этом также находим соответствующую запись в дневниках писателя: «Арт. Абемян и Бабкен-вардапет говорят, мол, зачем принимаешь так много, мол, у многих есть матери» (8, 408).

В это время кадровый набор сотрудников также осуществлял Туманян, именно он принимал на работу добровольцев, и он же увольнял их. Многие из сотрудников, не выдержав непосильной физической и особенно моральной нагрузки, просили поэта освободить их от выполнения своих обязанностей, чтобы они могли уехать подальше от этого опасного для здоровья места. В Эчмиадзине со дня на день всё больше и больше распространялись эпидемии тифа, чёрной оспы, дизентерии, дифтерии, холеры, трахомы и многочисленных иных заразных болезней. В этих условиях для поэта являлось сверхзадачей убедить людей – всех, кто в состоянии приносить пользу, оставаться в Эчмиадзине и помогать беженцам и сиротам. Было очень непросто просить людей проявлять самоотверженность и рисковать своим здоровьем и жизнью.

Так, например, 30 августа 1915 г. шатахские учителя Саак Мартиросян и Маркар Аветисян сообщили поэту о своём намерении покинуть Эчмиадзин и попросили дать им рекомендацию, чтобы они могли найти соответствующую работу в Ереване. В их обращении говорилось: «Уважаемый г. Туманян. Здесь болезни получили большое распространение, так что действовать в этой среде довольно рискованно и очень опасно, потому что здесь мы можем подорвать своё здравье»¹.

Конечно, никого ни в чём нельзя обвинять. Поэт и сам удостоверен, что из более чем двухсот сотрудников сиротского приюта только 20-30 человек избежали заражения, а некоторые скончались (7, 178).

Уезжавшие в качества аргумента приводили не только эпидемии, но и низкую заработную плату, что вообще никак не зависело от Туманяна. Иные просили поэта повысить им зарплату, а те, кото-

---

¹ Там же, п. 32.

рые согласились в своё время работать бесплатно, теперь просили хоть какого-нибудь вознаграждения за свои труды или хотя бы дать им какие-то средства для существования. Всем почему-то казалось, что их судьба целиком и полностью зависит от Туманяна.

В сиротском приюте работали также беженцы, пришедшие в Эчмиадзин из Ванской губернии. Пять шатахских учителей, работая в приюте, рассчитывали на удовлетворительный заработок, однако нужда и неопределённость ситуации вынуждают их покинуть Эчмиадзин, и они 5 августа 1915 г. письменно оповещают об этом поэта.

«Уважаемый г. Ованес Туманян.

Наш народ покидает это место. Наше положение в сиротском приюте неопределённое. Если дадите нам продолжительную и оплачиваемую работу здесь, то мы останемся, а если нет, мы должны будем уйти, чтобы вместе со своим народом искать свою судьбу»¹.

Туманян не щадил ни своей жизни, ни жизни своей дочери, но при этом он оберегал жизни тех людей, которые не были готовы к самопожертвованию, которые оказались в Эчмиадзине по воле судьбы, не имея даже приблизительного представления о том, что может их ожидать, тем более, если это были образованные и не привычные к суровым испытаниям интеллигенты. Конечно, в эти дни нация очень сильно нуждалась в образованных, интеллигентных людях, однако далеко не все из них, к сожалению, были способны выдержать такую физическую и психическую нагрузку.

Встретив в Эчмиадзине педагога и журналиста Арсена Ацагорцяна, который совершенно не хотел подвергать риску своё здоровье и здоровье семьи, поэт не только с пониманием отнёсся к его опасениям и страху, не просто посодействовал его скорейшему отъезду, но и дал денег на дорогу. Можно без преувеличения сказать, что и эта армянская семья была обязана своим спасением Ованесу Туманяну. А.Ацагорцян, возможно, немного лукавит, или, возможно, ему очень хотелось оправдать в собственных глазах своё решение о скоропалительном бегстве из Эчмиадзина; во всяком случае, он в своих воспоминаниях прикрывается готовностью поэта протянуть ему руку помощи. Он представляет дело так, что это Туманян уговорил его уехать. И деньги на дорогу также дал по собственной инициативе, а не по его просьбе. Так всё было или нет в случае с Ацагорцяном, утверждать однозначно очень трудно. Можем сказать только, что выглядит это не очень убедительно и совершенно не вя-

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1897, 175, оп. 3.

жется с жизненными принципами и убеждениями поэта. Как бы то ни было, Ацагорцян утверждает, что Туманян, случайно увидев его на одной из улиц Эчмиадзина, удивился и воскликнул: «Что ты делаешь в этой обители смерти? Почему не уезжаешь отсюда? Не советую тебе задерживаться здесь хотя бы на минуту. Сегодня же отправляйся вместе с семьёй, и чем дальше, тем лучше.

Слова поэта были такими решительными и такими наводящими ужас, что я и на самом деле в тот же самый день уехал с семьёй из Эчмиадзина...

Туманян вместе со своим советом не забыл также предоставить деньги на железнодорожный билет до Тифлиса, думая, что у меня, скорее всего, будут денежные затруднения»¹.

По свидетельству Карине Котанджян², которая находилась в те дни в Эчмиадзине и работала сестрой милосердия, в августе 1915 г. Туманян посоветовал ей уехать – и это при том, что она приехала в Эчмиадзин, откликнувшись на его воззвание. У нас нет никаких оснований для того, чтобы не доверять её словам. Туманян, разумеется, жалел девушку школьного возраста. Чтобы уговорить Карине, он повёл её на берег озера и показал ей ужасную картину: множество захороненных трупов, умирающих от голода и болезней беженцев... Он хотел, чтобы девушка сама убедилась, что не сможет выдержать ожидавших её страшных испытаний, тем более, что она приехала в Эчмиадзин тайком от родителей. «На берегу озера, – пишет Карине Котанджян, – были распластаны обёрнутые в лохмотья полуживые люди – с окостеневшими лицами, отёкшие... Завидев нас, они протянули высохшие руки: просили хлеба.

Вся дорога была устлана трупами.

Какая-то старая женщина с распущенными волосами умоляла похоронить её вместе с семьёю членами семьи, трупы которых находились рядом.

Улыбка поэта исчезла, он был бледен»³.

Поэту так и не удалось уговорить девушку: она осталась непреклонной и приступила к работе. Однако немного времени спустя она тяжело заболела. Родные перевезли Карине в Москву, и, к счастью, врачам удалось её вылечить.

---

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 585.

² **Карине Котанджян** – подруга Егише Чаренца, сыгравшая значительную роль в его личной и творческой жизни. Ей посвящены циклы стихов, в том числе одно из лучших произведений Чаренца – «Песнь личная».

³ **Карине Котанджян**. Не только пером. «Гарун», 1969, N7-12, с. 20.

***

В этой суматохе Туманян никогда не терял головы, всегда был очень организованным, целеустремлённым и энергичным. Он давал распоряжения, издавал приказы, одного одаривал поощрительной улыбкой, другого журил, третьему давал конструктивные советы. В его дневниковых записях встречаются имена как беженцев и детей-сирот, так и сотрудников сиротского приюта, в частности, имена сестёр милосердия. Он выдавал зарплату персоналу приюта, за исключением тех добровольцев, которые приехали помогать сиротам по своей инициативе и не рассчитывали ни на какое вознаграждение. В одной из таких записей читаем: «1. Оган Аветисян, 2. Погос Мелконян, 3. Минас Алексанян, 4. Карапет Погосян, 5. Маттеос, 6. Левон, 7. Симону Мурадян, барышне Вард – 20 руб., барышне Азнив Малхасян – 10 руб.»¹.

Несмотря на то, что Туманян фактически управлял делами сиротского приюта в Эчмиадзине и мог ограничиваться одним лишь руководством, изданием приказов и решением организационных вопросов, он, тем не менее, активно занимался выявлением новых детей-сирот, их приёмом в приют и всесторонней заботой о них.

Эчмиадзин и его окрестности были переполнены нагими, голодными, скорбящими и умирающими людьми. Особенно тяжёлое и удручающее впечатление производили на поэта дети-сироты, положение которых было поистине ужасающим. 8 августа поэт пишет: «Невозможно описать, какое это ужасающее бедствие, очевидцем которого я стал. Все дороги, все строения, округа всех зданий, поля – всё переполнено нагими, голодными, больными, плачущими, стонущими, умирающими. Дети, дети, дети... беспризорные, голодные, больные... Теперь вот мне выпало на долю дело заботы о детях»(10, 228).

Подобных записей в дневниках поэта немало. Вот ещё одна такая запись: «Очень трудно было говорить с ними и вызвать на разговор... Если говорил и вызывал их на беседу, то очень редко, да и то по случайности... однако постоянно у меня перед глазами их толпы, их тщедушные, голодные и нагие толпы... во всеобщем глухом шуме и в сутолоке со всех сторон выталкивают вперёд бесчисленные скелеты, которые всё ещё дышали»(7, 180).

Беспокойство Туманяна возрастало со дня на день – в связи с трудностями решения каждодневных бытовых вопросов, которые хоть и казались довольно простыми, но требовали постоянного напряжения и концентрации внимания.

---

¹ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, п. 32.

В дневниковых записях, сделанных в Эчмиадзине, поэт сетовал: «Кубы либо не зажжены, либо их установили где-нибудь в подвале. Для пищи прежде всего необходимы тарелки, а они не находятся в ведении священнослужителей, лежат в продовольственном складе. При больнице – врачи всегда там – там полно и посуды, и ложек, в то время как и больные, и здоровые берут еду (если успевают) деревянными тарелками или жестяными консервными банками и облизывают пальцами, либо засовывают щепку и лижут» (7, 180).

На каждом собрании, которое проходило в те дни в Эчмиадзине, обсуждались работы, проводимые для предупреждения дизентерии. В одной из своих записей поэт отмечает: «На каждом собрании говорится о том, что вода заражена, необходимо давать кипячёную воду, а кубов всё нет и нет, хлеб выпекается плохо, что способствует дизентерии, и всегда остаётся невыпеченным» (7, 180).

Сироты обращались к Туманяну как к отцу, называли его «Айрик». «Некоторые из детей настолько привыкли ко мне, – пишет поэт, – что и после обеда держатся за полы моей одежды – айрик, я сирота, я несчастный, ни отца у меня, ни матери... Когда говорил им: мы должны сшить новую одежду для вас – они со всех сторон поднимали головы: Айрик, для меня сшейте красный халав» (8, 408-409).

Когда кто-то из детей начинал плакать, его примеру следовали другие; однако было среди них и немало таких, которые смотрели на это спокойно, которые продолжали есть, «а некоторые молча философски размышляли» (8, 409).

Туманян лично занимался вопросами кормления, купания, одежды для детей, обеспечением их кипячёной водой, стрижкой волос.

Многие из детей не позволяли поэту постричь себя наголо или даже подкоротить свои волосы. Один из них сказал: «Я уйду, оставлю свой халав, но волос своих вам не отдам» (8, 409). Речь шла о той одежде, о том «халаве», который выдал ему сиротский приют. Ребёнок убежал, так и не дав постричь себя. Через два дня его нашли мёртвым. Рядом с ним лежала его мёртвая мать. Сыпной тиф, передававшийся через вшей, сделал своё чёрное дело.

Каждый день на глазах у поэта умирали дети. Самым ужасным, жутким и невыносимым было видеть незахороненные трупы. Об одной потрясшей его до глубины души сцене поэт пишет: «От нижней части черепа до челюстей (до кости) пустой ребёнок – внутри полно червей» (8, 409). А по соседству с этим трупом беспрерывно раздавались голоса детей-сирот, от которых звенело в ушах поэта: «Дяденька, дай мацуна!.. Дяденька, дай воды!..» (8, 409).

Поэт свидетельствует, что с 28 июля по сентябрь, то есть за

один месяц с небольшим в Эчмиадзине умерло 7000 беженцев, из которых 3000 были дети. Об одном из них, Хачатуре, читаем в дневнике писателя. Туманян описывает, как один из двух братьев, потерявших родителей, кладёт голову на колени другого и во сне умирает. Туманян подходит, а оставшийся в живых брат спешит рассказать о своей беде: «Отца убили в Беркри, мать умерла – мы сироты, ни отца у нас нет, ни матери... Это твой брат? – захотели поднять, он был мёртв; звал, звал – мы его отвели»(8, 409). Маленький мальчик, потерявший единственного оставшегося в этом мире родного человека, продолжал звать брата: «Эй, Хачо! Хачо!», и по эту стоило большого труда, чтобы отвести его в сторону и найти слова утешения, а сотрудники сиротского приюта были вынуждены пойти на маленькую хитрость, чтобы хотя бы на время успокоить ребёнка: «Он придёт, придёт, мы и его приведем»(8, 409). Найдётся ли кто-то, кто сможет осудить эту «ложь во благо»?

Да, каждый день и каждый час поэт оказывался очевидцем душераздирающих сцен, сталкивался со страшными болезнями, эпидемией, с многочисленными трудностями, связанными с организацией похорон.

Чего только не делал, чем только не занимался Ованес Туманян в Эчмиадзине! Принимал детей-сирот в приют, заботился об их содержании, организовывал их переброску из одной местности в другую, из одного сиротского приюта в другой; занимался вопросами их образования и воспитания, обозримым и перспективным будущим, их физическим здоровьем, предотвращением и предупреждением тифа, чёрной оспы, дизентерии и других инфекционных болезней, организовывал борьбу с эпидемиями, заботился об обеспечении сирот всем самым необходимым, следил, чтобы не было перебоев с кипячёной водой, доставал муку для выпечки хлеба и, что самое ужасное, организацией похорон умерших сирот. А в этот период времени в Ереване и Эчмиадзине ежедневно умирало семьсот беженцев и сирот. Поэт информировал об этом Армянское национальное бюро. В его письме от 1 сентября 1915 г. читаем: «Около двух тысяч родителей-беженцев забрали обратно своих детей. Сегодня в семь часов вечера в Тифлис было отослано 600 человек. В районе Игдыра, в Эчмиадзине и Ереване каждый день умирает около 700 человек. Ожидается поток возвращающихся из Вана беженцев, состоящий из 25000 человек»(10, 230).

Туманяну приходилось заботиться даже о том, чтобы ямы для захоронений выкапывались не «на один всего лишь аршин», как было предписано, а глубже; заботился он также и об увеличении числа рабочих, собиравших трупы на улицах и хоронивших их, а также об увеличении числа носилок. Туманян лично составлял или собирал

списки здоровых детей и заботился о том, чтобы они не заразились от больных; он лично принимал решение о том, на какие именно средства хоронить детей, ставших жертвами смертоносных болезней. Вариантов было не так уж и много, всего два: скудный бюджет данного сиротского приюта и столь же скудный бюджет всеобщего союза сирот... Как было уже отмечено, Туманян лично организовывал дело обеспечения и распределения хлеба, постельного белья, еды, тарелок, ложек и иной кухонной посуды; он занимался также поставками и складированием продовольствия.

Как-то в один из жарких августовских дней к поэту подошёл какой-то «фургонщик» и решительно заявил, что он больше не будет собирать на улицах трупы и перевозить их на кладбище, поскольку церковные органы, осуществляющие заботу о сиротах, и «Верховная распорядительная комиссия» платят ему очень мало. Туманян попытался взять на себя роль посредника и уладить этот вопрос на месте, но другая сторона, в свою очередь, заявила, что «фургонщик хочет слишком много». Не углубляясь в этот спор, Туманян поспешил в свою комнату и отдал извозчику свои последние деньги, чтобы умершие беженцы и сироты не остались незахороненными. О том, что Туманян ежедневно следил за работой «фургонщиков», то есть за организацией захоронения трупов, свидетельствует также Гурген Маари, который встретился с Туманяном в Эчмиадзине как раз в то самое время, когда поэт хлопотал о расчистке улиц от трупов. Маари пишет: «С неба проливался огонь на Араратскую долину и Эчмиадзин. Жара, удушливое лето. В сквере монастыря и в лесопарке, под стенами монастыря и зданий, принадлежавших монастырю, стонала и умирала целая нация. Показался он. Я узнал его, хотя он был неулыбчив и мрачен.

Прошёл по зловонным, дышащим смертью аллеям, подошёл к сиротам, остановился, помолчал и удалился, подобно призраку»¹. Высказываясь по другому поводу, Маари поясняет: «Каждое утро катафалк-фургон объезжал группы беженцев и собирал мертвецов. Подобно фугонам, нагруженным сырым и некачественным мясом, отвозимым на казарменную кухню, фургоны-катафалки продвигались вперёд, останавливаясь там и тут. Пришёл Ов. Туманян и окружил себя сиротами; я знал его, это он, тот, кто написал «Каплю мёда», «Пёс и кот». На нём были белые одежды, на голову он надел кепку; со спокойным лицом он встал, молча посмотрел на всех, затем посмотрел вдаль и ушёл»². В памяти другого очевидца запечатлелось, как поэт вместе с дочерью собрал детей-сирот и укрыл их в

¹ Гурген Маари, Собр. Соч. в пяти томах, т. 5. Ер., изд-во «Хорурдаин грох», 1989, с. 594-595 (на арм. яз.).

² Газета «Банвор», Ленинакан, 1930, N83, 13 апреля, с. 3.

здании духовной семинарии Геворгян, «чтобы избавить от холода и голода. ...Поэт смотрел печальным взглядом, был преисполнен отчаяния – видя эти ошеломляющие картины, погром, учинённый голодом и мором»¹.

Вообще в Эчмиадзине не было ни одного сколько-нибудь важного вопроса, который оказался бы вне ведения Ованеса Туманяна. Некая Крестине, которая, по всей вероятности, шила для детей-сирот постельное бельё или одежду, обратилась к поэту с просьбой: «Уважаемый г. Туманян, прошу как можно скорее доставить катушки с нитками, швы расходятся, нет катушек с нитками, белыми, 50-го номера»².

И всё-таки, как бы поэт ни старался, решение такого огромного количества важных и второстепенных, больших и малых вопросов было выше его сил. С большой душевной болью он делает в своей записной книжке следующую запись: «С 23 (августа – С.О.) в Эчмиадзине осталось 70 незахороненных мертвецов, с предыдущего дня также было несколько десятков, с 24 осталось ещё больше. Земля твёрдая, и найти рабочих не удаётся. Трупы трёхдневной давности под солнцем вздулись, разложились и распространили в округе зловоние»(8, 410).

СЛЁЗЫ САМОГО УЛЫБЧИВОГО ПОЭТА

В воспоминаниях современников Туманяна сохранилось несколько очень волнующих фрагментов, в которых не только раскрывается великая трагедия армянского народа, ставшая те дни в Эчмиадзине привычной, обыденной и будничной, но и обрисовывается во весь свой рост человеческий образ великого гуманиста, общественного деятеля и поэта. С улыбчивого и весёлого лица Туманяна почти совершенно исчезла улыбка. И это при том, что все знающие его люди хотели видеть в глазах постоянно улыбавшегося поэта только оптимизм и надежду, и терялись, не могли мириться с тем, что вместо улыбки видели на его лице слёзы.

Как-то одна из сестёр милосердия, Нвард Егибян, проходя мимо повозки, нагруженной трупами, заметила на глазах Туманяна слёзы. Повозки-катафалки были в то время настолько обычным и будничным явлением в Эчмиадзине, что Нвард Егибян, возможно, и не растрогалась бы и не заплакала, если бы не увидела великого поэта, человека неимоверно сильного духа, беспомощно скорбящим. «Однажды утром, когда я спешила на работу, увидела какую-то по-

---

¹ «Гракан терт», 1939, N12, 15 апреля, с. 2.

² Музей Ов. Туманяна, новые материалы, п. 32.

возку, на которую погружали трупы мертвецов, беря их за плечи и ноги... О, ужасное и незабываемое зрелище... Там рядом с каким-то священнослужителем стоял Туманян, взволнованный и понурый.

Когда я проходила мимо этого содрогающего зрелища, он был настолько взволнован, что даже не заметил меня, и я не удостоилась его любезного приветствия. До моего слуха дошли произнесённые им слова: «Несчастный, бедный народ, за какую твою провинность?» В этих словах было сосредоточено столько горечи и боли, что перо бессильно выразить. Я вернулась на несколько шагов, подошла... и то, что увидела, до сих пор ещё стоит у меня перед глазами. Он поднял голову, в его глазах застыли слёзы, как в глазах у отца, который потерял своего единственного сына, родного ребёнка...

Накопившиеся слёзы, которые я сдерживала изо всех своих сил, разрушили сдерживающее препятствие, и я безудержно зарыдала...»¹.

Разволновавшийся, молчаливо скорбящий поэт оказался вынужден сдерживать свои слёзы, сдерживать свою вселенскую печаль и найти слова утешения для безутешно, безудержно рыдающий молодой девушки. Он вытер своими руками слёзы на её глазах и с отеческой нежностью погладил её по голове: «Не плачь, доченька, хорошо, что они умирают здесь и находят могилу на родной земле, а что сказать о тех несчастных, не имеющих могил... которые становятся пищей для хищников?.. Мы должны стараться, чтобы их число было поменьше»².

ОДНА СПАСЁННАЯ ЖИЗНЬ

Одна из сестёр милосердия, которая проработала в 1915 – 1918 гг. в сиротском приюте Вагаршапата и имя которой, к сожалению, не сохранилось в документальных источниках, рассказывает, что каждый день сиротскому приюту предоставлялась запряжённая парой волов телега, на которой одна из сестёр милосердия и представитель попечительского совета приюта разъезжали по улицам города и в его окрестностях, чтобы найти и привести в приют бездомных, беспризорных, голодных, нагих и босых, а зачастую больных тифом детей-сирот. Сестра милосердия рассказывает: «Когда мы находили больного или истощённого от голода ребёнка, я машинкой стригла ему волосы, сажала на телегу, и мы привозили его в сиротский приют. Если было необходимо, укладывали в больницу.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 684.

² Там же.

В этот день со мной был Ованес Туманян, который долгое время был в Вагаршапате. Когда мы проезжали мимо какого-то поля, он попросил извозчика остановиться, и указал мне на поле. Посмотрела – действительно, кажется, там был ребёнок. Я пошла. Это был высохший, ставший скелетом ребёнок, сидевший в поле. Он не посмотрел на меня. Он был совершенно истощён, близок к смерти. С машинкой в руке я подошла, чтобы постричь ему голову, и ужаснулась. Он был весь покрыт вшами – на волосах, на одежде. Вши кишмя кишели. Не было свободного места. Я почувствовала такое отвращение, что повернулась и стала возвращаться к телеге. Туманян посмотрел на меня вопросительно.

- Я не могу, господин Туманян, это невозможно.

...Туманян ответил:

- Да, понимаю. Дай сюда машинку.

Взял её и вошёл в поле. Постриг голову мальчику, затем обнял, принёс, уложил на телегу»¹.

Можно безо всяких преувеличений утверждать, что в этот день и в этот момент поэт спас от верной смерти ещё одну детскую жизнь – сперва заметив мальчика, затем – перевезя его в детский приют.

ПОДАРОК ОСИРОТЕВШЕЙ БУДУЩЕЙ АКТРИСЕ

В те же самые дни отеческую заботу Ованеса Туманяна ощутила на себе пятилетняя осиротевшая девочка, впоследствии успешная актриса Майрануш Пароникян. Её отца убили накануне переселения из Вана, и она, держась за руку матери, на протяжении долгих пятнадцати дней прошагала босиком, а отчасти проехала верхом на корове, пока добралась до Вагаршапата. А когда они устроились в непосредственной близости от двухэтажного здания Вагаршапатской конгрегации, девочке приходилось по несколько раз в день своими ранеными и потрескавшимися ножками ходить за водой к роднику и выстаивать длинные очереди. Как раз в такой очереди однажды обратил на неё внимание Ованес Туманян. Майрануш Пароникян рассказывает: «Ко мне подошёл какой-то человек. Посмотрел на меня, на мои лохмотья, на потрескавшиеся и кровоточившие ноги. Спросил, почему мои ноги в таком состоянии. Я сказала, что у

---

¹ Рафаел Ишханян, «Реальные истории без приукрашивания», «Гарун», 1986, с. 73. Когда Р.Ишханян, который дословно записал это воспоминание сестры милосердия, рассказал об этом случае младшей дочери поэта Тamar Туманян, она ответила: «Я могу с уверенностью утверждать только то, что отец очень хорошо управлялся с машинкой для стрижки волос, летом выстраивал всех нас и своими руками стриг наши головы». См. там же.

меня нет туфель. Затем он протянул мне бумажную купюру и сказал:

- Передашь матери, чтобы купила для тебя на эти деньги туфли.

Я побежала к нашим, передала деньги маме и рассказала о случившемся. Меня спросили: кто это был? Я посмотрела в сторону родника, увидела, что тот человек всё ещё находился там. Показала. Сказали:

- Это Ованес Туманян»¹.

ПОЭТ ВСЕХ АРМЯН

Уже давно отношения, вернее, разногласия между Ованесом Туманяном и Католикосом Всех Армян Геворгом Пятым в связи с напумевшей и общеизвестной историей, ставшей достоянием широкой общественности и получившей огромный, можно сказать даже, всенародный резонанс, вышли на уровень фольклорного материала. В основе инцидента, конфликта лежит следующий факт: Ованес Туманян ради защиты самых элементарных человеческих прав и интересов беженцев решился пойти против воли главы Армянской Апостольской Церкви.

Поэт навлёк на себя гнев патриарха тем, что укрыл мокнувших под сильным ливнем беженцев в здании резиденции католикоса.

При этом почти все очевидцы-мемуаристы отмечают, что католикос строго-настрого запретил укрывать беженцев в новостройке патриарших покоев, в то время как речь шла о Главном Соборе Эчмиадзина. Самым достоверным и надёжным свидетельством и источником информации является для нас дневник поэта, в котором чётко указано, что в ночь на 19 августа небо внезапно покрылось мглой, загредел гром, засверкали молнии и началась сильная гроза; не имевшие крыши над головой беженцы оказались в самом отчаянном положении и к нему с просьбой об оказании помощи беженцам обратились Григор Варданян² и Вардгес Агаронян³. Поэт вместе с Г.Варданяном и В.Агароняном обратился в конгрегацию, в частности, к епископу Баграту, который занимался делами беженцев. Они попросили открыть ворота всех строений Эчмиадзина, чтобы укрыть беженцев от ливня. Поэт свидетельствует: «С главным собо-

---

¹ Там же, с. 74.

² **Григор Варданян** (1868 - 1938) – председатель Тифлиского союза учителей. Основал журнал «Нор дпроц» («Новая школа»), который стал печатным органом Союза.

³ **Вардгес Аветисович Агаронян** (1988 - 1965) – литературовед.

ром возникли затруднения, а в церковь Гаяне и в новостройку резиденции разрешили»(8, 410).

О том, что произошло дальше, рассказывают многие мемуаристы, хотя и с определёнными разночтениями. Мы считаем самым точным и заслуживающим доверия рассказ Нвард Туманян, поскольку она лично присутствовала при случившемся и точно указала его дату: 19-августа. Эту же дату отмечает в своём дневнике и Ованес Туманян. Нвард пишет: «Была ночь 19 августа, незабываемая, тяжёлая ночь Араратской долины...

Буря, молнии, раскаты грома... Небо внезапно потемнело, почернело, покрылось черными мрачными тучами, и начался сильный ливень. Беженцы находились под открытым небом.

Отец в чёрном плаще, с кепкой на голове спешно вышел из своей комнаты, чтобы укрыть беженцев в зданиях. В первую очередь он имел в виду новое, ещё не достроенное здание патриарших покоев, которое католикос отказался предоставить беженцам. Отец был разгневан. Вопреки запрету католикоса, он повёл беженцев в направлении новых патриарших покоев.

Студенты – Левон Лисициан, Ляля Аджемян, Александр Бархударян с факелами (прикрепили к концу деревянных шестов кизяк, облили керосином и подожгли) шли по обе стороны отца и освещали ему путь.

Отец, завернувшись в плащ, под проливным дождём шёл вперёд, за ним следовала многотысячная толпа беженцев со своими узелками, детьми, даже с трупами родственников... Зрелище было ужасное...

В этот момент отец напоминал отца Огана из «Голубинового скита»¹.

Конечно, нельзя исключать, что Нвард путает главный собор с Патриаршими покоями, возможно также, что католикос не давал разрешения и на то, чтобы беженцев впустили в новостройку Патриарших покоев. А о том обстоятельстве, что шествие к главному собору состоялось в сопровождении студентов, свидетельствует и сам поэт. В его записных книжках находим следующую пометку: «Позвал народ – повёл – студенты» (8, 410).

По мнению Нвард Туманян, католикосу не понравилось – что вполне естественно и понятно – вызывающе независимое поведение Туманяна; то, что поэт демонстративно воспротивился его воле и желанию, проигнорировал его запрещающее решение. «На следующий день, – продолжает свой рассказ Нвард, – католикос вызывает отца к себе для объяснений – по поводу его самовольных действий:

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 126.

ведь он же запретил. Объяснение отца не удовлетворило католикоса, и он гневно напоминает: «Вы знаете, что я – Католикос Всех Армян?», а отец ответил: «А я – Поэт Всех Армян»¹. Согласно Ваану Тотовенцу, католикос потребовал у поэта объяснений в тот же день вечером².

Несколько иначе представляет обстоятельства инцидента другой его очевидец – Ашот Патмагрян. Организации, занимавшиеся делами беженцев, хотели, чтобы новая патриаршая резиденция была предоставлена в их ведение, чтобы можно было устроить в ней несколько тысяч беженцев, «настолько просторным было строение со своим земельным участком». Католикос решительно отвергает такую возможность – из опасения, что это новое строение в скором времени подвергнется разорению и станет разносчиком эпидемий, подвергая опасности жизни обитателей духовной семинарии и монастыря. Не удовлетворившись отрицательным ответом католикоса, руководители указанных организаций обратились к Туманяну с просьбой о посредничестве. Речь, безусловно, идёт о Григоре Варданяне и Вардгесе Агароняне. Поскольку новостройка патриаршей резиденции фигурирует во всех воспоминаниях, вероятно, такая постановка вопроса действительно существовала, однако во время переговоров Туманяна с Католикосом вопрос был решён положительно, в пользу беженцев. Согласно утверждению Патмагряна, именно Туманян говорил об этом с Католикосом, и несмотря на то, что ему так и не удалось уговорить патриарха, он продолжал настаивать на своём. Устав уже который раз настаивать на своей позиции, Католикос воскликнул: «Я как Католикос всех армян не позволю, чтобы беженцы вошли в ещё не достроенное здание резиденции и разорили его». «А я как Поэт всех армян требую, чтобы вы открыли двери резиденции перед беженцами». Автор воспоминаний не упускает случая заверить читателя, что его свидетельство – не просто правдивое и точное, а полученная из первых рук истина в последней инстанции: «Вот источник приписанного Туманяну звания Поэта всех армян, о чём со смехом рассказал нам сам Туманян в тот же день»³.

Независимо от некоторых разночтений в подробностях между разными воспоминаниями и свидетельствами очевидцев, несомненно то, что Туманян защитил, спас беженцев от сильной грозы и ливня, от «угрозы ужасных молний»⁴ и бушующей стихии, укрыв их в новостройке патриаршей резиденции, причём сделал это вопреки

---

¹ Там же, с. 126-127.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 137.

³ «Багин», Бейрут, 1982, N1, с. 39.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 137.

воле Католикоса, а когда тот высказал ему своё недовольство, он возразил главе армянской церкви уже в качестве Поэта всех армян.

Туманян в своих записях отмечает, что в эти дни умерли все переселившиеся из Вана священнослужители(8, 410).

***

В Эчмиадзине с деятельностью Ованеса Туманяна были связаны известный общественный деятель Григор Варданян (впоследствии председатель Комитета помощи Армении); Вардгес Агаронян, начальник канцелярии Эчмиадзина; представитель Эчмиадзина в центральном комитете оказания помощи беженцам священник (вардапет) Баграт Вардазарян¹; школьный товарищ Туманяна по гимназии Нерсисян; член Эчмиадзинской конгрегации Арсен Глджян²; епископ Хорен, впоследствии ставший жертвой так называемого «Большого террора»³; полководец Андраник и другие.

После неожиданного отступления русской армии на Кавказском фронте Андраник, оказавшись без поддержки и находясь в безвыходном и отчаянном положении, был вынужден оставить Западную Армению. Восьмого августа 1915 г. он оказался в Эчмиадзине, печальный и разочарованный. К многочисленным душевным ранам Туманяна добавляется ещё одна: непросто было видеть

---

¹ **Баграт Вардазарян** (1869 – 1939, расстрелян) – духовный деятель, был инспектором духовной семинарии Геворгян.

² **Арсен (Симон) Глджян** (1868 - 1943) – архиепископ, юрист, филолог.

³ **Хорен Мурадбекян** (1873 - 1938) - Патриарх-Католикос Армянской апостольской церкви Хорен I. Во время Первой мировой войны занимался общественной деятельностью, возглавив Ереванское отделение комиссии «Братской помощи», которая занималась ранеными армянскими солдатами и помощью беженцам. В 1920 г. был отправлен в США. Через некоторое время вернулся в Армению, где произошли большие политические изменения. Чтобы как-то наладить отношения с новым правительством, Геворг V (1911–1930) в 1921 г. назначил его Патриаршим представителем перед государством (на этой должности архиепископ Хорен оставался до 1930 г.). 4 марта 1923 г. Патриарх-Католикос Георг V назначил Хорена своим Местоблюстителем и председателем Св. Синода. В 1924 г., отказавшись от руководства Араратской Патриаршей епархией, он окончательно обосновался в Св. Эчмиадзине и вел борьбу за независимость Армянской Церкви. 12 ноября 1932 г. Национально-Церковный Собор выбрал его Главой Армянской Церкви. 13 ноября в Кафедральном соборе Св. Эчмиадзина прошло торжественное помазание новоизбранного Католикоса с участием 12 епископов. 5-6 апреля 1938 г. Патриарх-Католикос Хорен I Мурадбекян мученически погиб. В официальных сообщениях было сказано, что он умер от апоплексического удара. Однако по свидетельству Гегамы Клекчяна, личного служителя Патриарха, и Гайка Егиазаряна, лечащего врача Католикоса, он был задушен. Это мнение поддерживает большинство историков.

своего близкого друга и единомышленника, легендарного полководца, сломленным и потерянным, с печатью неизбывной и безутешной тоски и грусти на лице. Туманян сделал в своей записной книжке следующую запись: «Андраник – снаружи остатки его группы – сам он внутри, разбитый и и отчаявшийся» (8, 406).

В Эчмиадзине Туманян в редкие минуты отдыха посещал членов монастырской братии Саака Амадуни¹ и Галуста Тер-Мкртчяна². С.Амадуни был автором словаря «Айоц бар у бан» («Армянское слово и речь»), а Г. Тер-Мкртчян окончил университет Сорбонны, был в своё время редактором журнала «Арабат», являлся автором многочисленных фундаментальных филологических исследований. После тяжёлой болезни Г. Тер-Мкртчян был навсегда прикован к креслу.

Туманян очень высоко ценил вклад и заслуги обоих учёных-арменоведов. Почти каждый день поэт встречался с жившим в то время в монастыре известным арменоведом епископом Гарегиним Овсепяном, который своей деятельностью внес значительный вклад в армянскую культуру³.

---

¹ **Епископ Саак Амадуни** (1856-1920) – известный церковный деятель, исследователь армянской духовной музыки, составитель армянского словаря (1912).

² **Галуст Тер-Мкртчян** (Тер-Саргсян, прозвище «Миабан») (1860 - 1918) – член монастырской братии Святопрестольного Эчмиадзина, арменовед, историк, источниковед-текстолог, переводчик.

В 1874-78 гг. учился в Эчмиадзинской духовной семинарии Геворгян, а в 1878-81 гг. преподавал в школах Шемахи и Ахалцихе. Затем сдал выпускные экзамены в Тифлисской школе Нерсисян и отправился в Европу для получения университетского образования. В 1884 г. окончил отделение политэкономии Парижской свободной школы политических наук. С целью изучения немецкого языка слушал лекции в Мюнхенском университете. Вернувшись на родину, Г. Тер-Мкртчян занимал должность учителя в школах Ахалцихе, но вскоре после закрытия царским правительством в феврале 1885 г. около 600 армянских школ на Кавказе он отказался от светской жизни и в 1887 г. принял монашество, став членом братии Святого Престола (имел сан дьяка). С тех пор посвятил себя научной деятельности.

В 1888 г. Тер-Мкртчян попал под ливень и град, простудился и тяжело заболел воспалением спинного мозга. В 1892-1893 гг. лечился даже в Париже, однако все усилия врачей оказались тщетными - он лишился возможности ходить, до конца жизни был парализован. Несмотря на страшный недуг, Тер-Мкртчян неустанно занимался исследовательской работой - на страницах журнала «Арабат» (он редактировал его в 1892-1894 гг. и 1902 г.) опубликовал ряд ценных статей, благодаря которым стал одним из крупных авторитетов в области арменоведения далеко за пределами Армении.

³ **Гарегин Овсепян** (1867 - 1952) - видный деятель культуры и просвещения, педагог, арменист, доктор философии, действительный член Кавказского отделения Московского и Петербургского императорских этнографических обществ, член Научного института Армении. Служил настоятелем монастыря Св. Рип-

В последних числах августа поэт встретился с Ашотом Атанасяном¹ и Никогайосом Адонцем², которые на несколько дней приехали по делам в Эчмиадзин.

Туманян, несмотря на свою исключительную загруженность повседневной работой, встречался с теми выдающимися деятелями науки и культуры, которые находились в Эчмиадзине и в меру своих сил и возможностей также помогали беженцам и сиротам. К уже приведённым именам можно добавить имена Вардгеса Суренянца³, Егише Тадевосяна⁴ и, в особенности, Мартироса Сарьяна¹, который

симэ, редактировал официальный орган Эчмиадзинского монастыря – журнал «Арагат», преподавал историю искусства и этнографию в Ереванском университете. В 1918 г. сражался в рядах народного ополчения, был участником судьбоносной Сардарпатской битвы. В годы советской власти вместе с великим зодчим Александром Таманяном участвовал в создании комитета охраны памятников Армении. В 1925 г. Гарегин Овсепян стал архиепископом, был назначен духовным предводителем армян Крыма и Новой Нахичевани. В 1927 - избран предводителем армянской епархии Нор Нахичевана и России, в 1938 - армянской епархии США, в 1943 - католикосом Киликии.

В период второй мировой войны содействовал сбору средств в армянской диаспоре для оказания помощи вооружённым силам СССР. В 1946 - поддержал репатриацию зарубежных армян в Советскую Армению.

Умер в 21 июня 1952г. в Антилиасе (Ливан).

¹ **Ашот Нахпетович Атанасян** (Саз-Ман) (1870 - 1941) – редактор газет «Ашхатанк», «Нор ашхатанк», издатель, агроном, писатель.

² **Николай Георгиевич Адонц (Никогайос Тер-Аветикян)** (1871 - 1942) – выдающийся учёный-византист и арменовед, общественный деятель, историк. В 1899 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета с золотой медалью. В 1899–1902 гг. специализировался в области византологии в университетах Мюнхена, Сорбонны и Оксфорда. В 1909 г. году защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра, а в 1916 г. – доктора филологии, в том же году был избран профессором кафедры армянской и грузинской филологии Санкт-Петербургского университета. С начала 1915 г. работал в «Армянском комитете» Петрограда, участвовал в размещении западноармянских беженцев и сирот, оказании им материальной и моральной поддержки. Летом 1916 г. в составе научной экспедиции Н. Я. Марра командирован в освобожденные районы Муш и Эрзерум. В 1917 г. руководил археологической экспедицией в Ван. В 1920 г. уехал за границу, жил в Европе: в Лондоне, затем в Париже (1921–1931) и в Брюсселе (с 1931 до своей смерти). С 1930 г. руководил кафедрой арменистики в Брюссельском Вольном университете (до закрытия университета в 1940 г.). Умер 27 января 1942 г. в Брюсселе.

³ **Вардгес Акопович Суренянц** (27 февраля 1860, Ахалцихе, – 6 апреля 1921, Ялта) – армянский живописец, график, театральный художник и теоретик искусства. В 1916 г. совместно с Е. Тадевосяном, М. Сарьяном, Ф. Терлемезяном и др. в Тифлисе организовал Союз армянских художников. В 1917 г. переезжает в Ялту, где пишет эскизы армянских церквей. Создал тематический композиционный цикл картин, отображающих резню и погромы армян в Османской Турции.

⁴ **Егише Мартиросович Тадевосян** (Татевосян) (24 сентября 1870, Вагаршапат – 22 января 1936, Тбилиси) – армянский художник. Учился в гимназии при Лаза-

приехал в Эчмиадзин из Москвы в сентябре 1915 г. в качестве представителя новосозданного Комитета помощи армянским беженцам и привёз с собой деньги, собранные в результате благотворительных пожертвований армянской общины Москвы, а также лекарства. Вместе с Адонцем и Сарьяном из Москвы приехали сотрудники российских газет. Все они были устроены в монастыре Св. Гаянэ. Московских гостей принял и устроил для них торжественный обед Гарегин-вардапет. «Вместе с ними и мы с отцом впервые пошли в сад «Гры баг» и впервые отведали жёлтый виноград кишмиш», — пишет в своих воспоминаниях Нвард Туманян².

ревском институте в Москве, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, окончил его в 1894 г. Участвовал в выставках Товарищества передвижных художественных выставок. Состоял в дружеских отношениях с Василием Поленовым, вместе с последним в 1898 г. совершил путешествие в Палестину, и впоследствии многократно путешествовал по Ближнему Востоку. Позже участвовал в выставках «Мира искусства». До 1901 г. жил в Москве, затем в Тифлисе, преподавал живопись. В ранний период творчества находился под влиянием Вардгеса Суренянца, но в 1900-е гг. начал использовать в своём творчестве пуантизм и экспрессионизм. В 1916 г. организовал и возглавил Союз художников Армении. В 1935 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Армянской ССР.

¹ С 1910 по 1913 гг. Мартирос Сарьян совершил ряд поездок в Турцию, Египет и Иран. В 1915 г. Сарьян приезжает в Эчмиадзин, чтобы помогать беженцам из Турецкой Армении. В 1916 г. приезжает в Тифлис и женится на Лусик Агаян, дочери армянского писателя Г. Агаяна. Тогда же Сарьян участвует в организации Общества армянских художников и «Союза армянских художников». В том же году он оформляет изданную В. Брюсовым «Антологию армянской поэзии». После Октябрьской революции 1917 г. Сарьян приезжает с семьёй в Россию. В 1918–1919 гг. М. Сарьян живёт с семьёй в Новой Нахичевани. Художник становится инициатором создания и первым директором Армянского краеведческого музея в Ростове-на-Дону. Сотрудничает с театром «Театральная мастерская». В 1921 г. по приглашению председателя Совета народных комиссаров Армении А. Мясникяна переезжает на жительство в Армению. С этих пор он посвящает жизнь изображению её природы. В числе его работ в эти годы — создание герба Советской Армении и оформление занавеса первого армянского государственного театра. В 1926–1928 гг. художник живёт и работает в Париже. Большая часть его работ, выставленных в 1928 г. в парижской галерее Жерар, сгорела во время пожара на корабле при возвращении на родину. В 1930-х гг. главной темой Сарьяна остаётся природа Армении. Художник также пишет многочисленные портреты («Р. Н. Симонов»; «А. Исаакян»; «Автопортрет с палитрой») и яркие натюрморты («Осенний натюрморт»). Сарьян работал также как книжный график («Армянские народные сказки», 1930, 1933, 1937) и как театральный художник (декорации и костюмы к опере «Алмаст» А. Спендиарова в Театре оперы и балета им. Спендиарова, 1938–1939 гг., Ереван; «Храбрый Назар» А. Степаняна, «Давид бек» Тиграняна, «Филумена Мартурано» Э. Де Филиппо и др.). Творчество Сарьяна сыграло ведущую роль в становлении национальной школы армянской советской живописи.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 126.

Биограф Мартироса Сарьяна, внука художника Рузан Сарьян пишет: «То, что увидел Сарьян в Араратской долине, внутри стен Святого Эчмиадзина, было реализовавшимся адом человеческого горя и страданий. Хрупкая и человеколюбивая душа художника была глубоко потрясена. Он никогда не чувствовал себя таким несчастным и немощным»¹.

Сам Мартирос Сарьян о своих переживаниях в эти дни, проведённые в Эчмиадзине, пишет: «Я сделал несколько шагов. В глазах снова потемнело. Не мог кричать. Перед моим затуманенным взглядом один за другим, поодиночке возникали все увиденные мною ужасы. Затем они слились друг с другом в разросшейся толпе и начали в безумном беге кружиться вокруг церковей Шогакат, Рипсиме, Главного собора, Звартноца – со всё более усиливавшимся остервенением, с ещё большим переполохом»². После всего увиденного Сарьян пережил большое душевное потрясение, его чувствительное сердце не выдерживало, и по распоряжению Ов. Туманяна друзья художника перевезли его в почти бессознательном состоянии в Тифлис и уложили в больницу. Отметим также, что Мартирос Сарьян был для Туманяна не только известным художником, но и другом и наставником его сына Артавазда. В определённом смысле такое внезапное ухудшение здоровья Сарьяна, его бессознательное состояние и срочный отъезд, как бы кощунственно это ни звучало, можно рассматривать как удачное стечение обстоятельств и даже как везение, потому что для любого человека каждый день и даже каждый час, проведённый в Эчмиадзине, был сопряжён с очень большим и реальным риском подцепить какую-нибудь смертельно опасную заразную болезнь. В то время в Эчмиадзине страшные эпидемии ежедневно уносили сотни жизней. Правда, Сарьян был значительно моложе Туманяна, да и здоровье у него было гораздо крепче, однако на поверку художник оказался слишком впечатлительным, для его сердца увиденные жуткие сцены оказались слишком большой нагрузкой. Далеко не каждое сердце могло выдержать вид нагих, босых, оборванных, бездомных, больных и несчастных людей. А у Сарьяна было особенно чувствительное и ранимое сердце художника. Между тем сердце преждевременно постаревшего от горестей и забот и физически очень сдавшего Ованеса Туманяна выдерживало, потому что если бы не выдержало его сердце, то чьё бы сердце выдержало? Да, сердце его выдерживало, однако из его глаз навсегда исчезла его до боли знакомая каждому армянину

---

¹ **Р. Сарьян.** Переписка Мартироса Сарьяна. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук. Ер., 2013, с. 26.

² **М. Сарьян.** Из моей жизни. Ер., 1966, с. 153.

улыбка, и как бы он ни старался бодриться, выглядеть преисполненным жизненной энергии, веры и надежды, это у него не получалось. По словам М. Сарьяна, в Эчмиадзине Туманян предстал перед ним «отчаявшимся, в окружении женщин и детей, где он вместе со своей дочерью Нвард собирал детей-сирот в здании семинарии Геворгян, чтобы укрыть их от холода и голода. У энергичного и стройного поэта был исполненный горечи взгляд, его переполняло отчаяние, когда он видел это трагическое зрелище, этот погром, устроенный голодом»¹.

Впоследствии Сарьян выражал искреннее и глубокое сожаление по поводу того, что оказался вынужден покинуть Эчмиадзин. В письме художника, написанном 28 марта 1916 г. и адресованном архиепископу Гарегину Овсепяну, читаем: «Какое время было в Эчмиадзине! Хоть бы я не заболел и остался у Вас. Сколько бы я поработал!»². Так Мартирос Сарьян искал и находил в искусстве, в творчестве отдохновение и умиротворение для своей души. Рисуя цветы, натюрморты и пейзажи, портреты и природу, он пытался преодолеть, победить ужасы увиденных сцен.

В среде известных арменоведов и духовных деятелей Ованес Туманян был единственным армянским писателем, который в это время развил в Эчмиадзине подобную общественную и национально-патриотическую деятельность.

Поэту приходилось каждый день встречаться с беженцами, слёзно умолявшими его помочь им найти работу и средства для жизни. Среди бесконечного потока таких просьб нам хотелось бы остановить внимание только на одном. 9 августа 1915 г. выпускник одной из школ-интернатов Вана с усиленным обучением немецкого языка Мкртыч Егiazарян пишет: «Уважаемый г. Туманян...

Сейчас я праздно шатаюсь повсюду – голодный, страждущий, поэтому и обращаюсь к Вашей совести, надеясь, что Вы найдёте для меня подходящее занятие, которым я смогу как послужить своему народу, так и получу средство для жизни»³.

Оружием писателя является его перо, и многие писатели – разгневанные, опечаленные, а то и просто растерянные, пытались самоустраниться и уйти в себя, чтобы не видеть трагической и безысходной действительности; иные же реагировали на эту самую суровую действительность, на общенациональное бедствие своими произведениями, своей литературной деятельностью. К числу таких ав-

---

¹ М. Сарьян. «Воспоминания об Ов. Туманяне», «Гракан терт», Ер., 1939, N 12, 15 апреля, с. 2 (на арм. яз.).

² М. Сарьян. Письма, т. 1, Ер., 2002, с. 192.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1151 (314 – доп.).

торов принадлежал, к примеру, Ваан Терьян. После отступления русской армии и сдачи Вана летом 1915 г. Терьян, сильно задетый и страшно растревоженный этим, решил написать поэму о героической самообороне Вана и последовавших трагических последствиях. Об этих замыслах поэта мы узнаём из воспоминаний Стефана Зорьяна¹. В архиве Терьяна и сегодня хранятся сочинения питомцев Ереванского сиротского приюта о трагических событиях в Ване и Арчеше. Эти сочинения были написаны по поручению поэта в качестве подсобного материала для задуманной поэмы². Произошедшее видится Терьяну как общенациональное бедствие, а логика военных действий, отступление русской армии является в глазах поэта самым настоящим предательством в отношении армянского народа. По утверждению Ст. Зорьяна, поэт говорил: «Люди всё больше и больше звереют, становятся извергами. Эта мерзкая война перевернула вверх дном жизнь нашего народа... Вчерашние обеспеченные семьи сегодня стали беженцами, не имеющими ни хлеба, ни угла. Умирают под стенами на улицах... Невиданное, ужасное бедствие...

Он говорил с глубокой тоской, и теперь он казался мне более бледным и худым, глаза ещё глубже запали, и кашлял он намного чаще»³. Откликом Терьяна на эти «окаянные дни» стало стихотворение «В моей окровавленной родине».

ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ В АДУ ЭЧМИАДЗИНА

29 августа Туманян вместе с дочерью Нвард отправился в карете в Ереван, увозя с собой из сиротского приюта Эчмиадзина 125 сирот, в том числе 43 новорожденных «грудных ребёнка». Дело было в том, что, во-первых, в Эчмиадзине больше не было места, а во-вторых, об этих грудных детях «некому было заботиться»⁴. По дороге сделали небольшой привал в Араратской долине, чтобы хотя бы немного передохнуть от работы и гнетущих впечатлений Эчмиадзина. И снова поэт не может пройти равнодушно мимо родной природы и животного мира. «Как только мы выехали в Араратскую долину и показался Масис, мы почувствовали какую-то свежесть и лёгкость. Отцу нравились бродившие по заболоченным местам цапли. Заговорил о цаплях и вспомнил свою «Храбрую цаплю»»⁵. У селения Паракар они снова ненадолго остановились, чтобы дать ло-

---

¹ Ст. Зорьян, Книга воспоминаний, Ер., 1958, с. 206 (на арм. яз.).

² См. об этом: Геворг Эмин-Терьян. Незвестная инициатива Ваана Терьяна. Воспоминания армянских сирот. Ер., 2016 (на арм. яз.).

³ Там же.

⁴ Переписка семьи Туманяна, с. 71.

⁵ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 127.

шадям отдохнуть. Стоявшая у одного их садов женщина угощает их виноградом. А деревенские дети спешат окружить поэта и прочитывать ему наизусть сказку «Пёс и кот».

В Ереване Туманян вместе с дочерью, судя по всему, остаётся с 29 августа по 1 сентября. Эти дни они занимаются делами детей-сирот. В Ереване они проживают в резиденции главы епархии, у епископа Хорена Мурадбекяна, с которым поэт сблизился во время первого своего путешествия в Западную Армению. Обустроив привезённых сирот и организовав заботу о них, в особенности о самых маленьких и грудных детях, поэт и его дочь сразу же возвращаются в Эчмиадзин, где продолжают свирепствовать эпидемии, причём они распространяются с такой быстротой, что принимается решение, запрещающее беженцам покидать пределы города.

Узнав о приезде Туманяна в Ереван, многие из нашедших пристанище в столице беженцев спешат встретиться с поэтом или передать ему свои просьбы через посредников. Все прошения имели почти одинаковое содержание. Несчастные и обездоленные люди просили дать им возможность как-то выживать; устроить на какую угодно работу, лишь бы она давала возможность прокормить себя и свою семью. Те, которым не удавалось увидеться с поэтом и передать свою просьбу лично, обращались к нему с письмами-прошениями. Некогда преуспевающий и известный житель Вана Хачатур Левонян в своём длинном, несколько витиеватом и высокопарном письме Ов. Туманяну за 2 сентября 1915 г. пишет:

«Именитый писатель!

Я, нижеподписавшийся, обращаюсь к Вам в качестве собрата по перу с надеждой высвободиться из настоящей невыносимой ситуации. Сейчас, когда я узнал, что Вы находитесь в Ереване, очень обрадовался... проживаю среди грязных и больных беженцев, ютящихся в одном из верхних лесных массивов, нахожусь в распоряжении летучих мух, разносящих грязь по всей округе... потеряв красавицу-дочку, ставшую жертвой местного турка.

Таким образом, благородный господин, как человек, имеющий 30-35-летние заслуги в области пера и мысли, обращаюсь к Вам, который, как я понимаю, является защитником таких, как я, и старшим писателем и образованным человеком. Известно, что в качестве армянского писателя в материальном отношении имею такую же судьбу, как и все остальные писатели, и поэтому имею еды едва на одну-две недели для своей семьёй, состоящей из семи человек. Следовательно, я не в состоянии нанять удобный дом и избавиться от этой зловонной обстановки, с тем, чтобы остальные мои дети также не погибли. Я бы особенно просил, чтобы Вы позаботились поскорее дать распоряжение на этот счёт с исключительной любезностью,

не ставя меня в один ряд с обычными беженцами, которые, как известно, представляют какую-то пользу только для себя самих, а я полезен для своего любимого народа, вот уже столько времени занимаясь литературными и, в частности, филологическими и историческими сочинениями во многих армянских газетах... моя жажда и настроение писать вовсе не уменьшились... у меня ещё немало поучительных сочинений в запасе... в интересах отечественных беженцев. И вот я, не имея никого в этом чужом краю, кто мог бы достойно представить меня Вам, принося извинения, вынужден сделать это самолично, надеясь, что Вы не сочтёте это бахвальством. Даже здесь Вы можете, вероятно, найти множество моих земляков, которые подтвердят сказанное мною, и я, таким образом, буду ждать результата, прося, чтобы Вы по возможности скорее соизволили распорядиться об этом и избавить меня и мою большую семью от нынешней невыносимой обстановки»¹.

Нвард Туманян вспоминает, что после возвращения из Еревана в Эчмиадзин они с отцом узнали, что в связи с распространением смертоносных эпидемий вынесено решение о том, чтобы беженцы не покидали Эчмиадзина. 2 сентября Нвард записывает в своём дневнике: «Вчера приехали из Еревана. Там было немного получше, но хуже всего то, что беженцам запретили уезжать отсюда, а болезни усиливаются и холода приближаются»². Беженцам запретили покидать пределы города, потому что они являлись потенциальными распространителями эпидемий, и если сегодня смерть хозяйничала только в Эчмиадзине, то завтра царством смерти могла стать вся страна. Так что вполне возможно, что, своевременно вывезя в Ереван и обеспечив хорошим уходом и лечением 168 детей-сирот, Туманян спас жизни если не всех этих детей, то, во всяком случае, многих из них.

Однако, как это не трудно предположить по сообщениям газеты «Арев» и по статье «Помогите сиротам», Туманян ещё до своей поездки в Ереван вёл переговоры с правлением бакинского Комитета помощи армянским беженцам и Армянского гуманитарного общества и пришёл к соглашению о перевозке 350 сирот в Баку и об открытии там сиротского приюта. В указанной выше статье «Помогите сиротам», опубликованной в газете «Арев» 1 сентября 1915 г., читаем: «В ближайшие дни санитарным поездом из Эчмиадзина в Баку будут привезены 350 сирот, для них в Баку будет открыт сиротский приют, для чего необходимы кровати как для маленьких, так и больших детей, матрасы, тюфяки, подушки, одежда, постель-

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1352 (оп. 1523).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 73.

ное бельё, умывальники и другие принадлежности. Бакинский комитет помощи армянским беженцам настоящим обращается к обществу Баку и просит: помогите каждый, кто чем сможет. Кроме того, желающих заботиться о детях и ухаживать за детьми приглашаем сообщить об этом Армянскому гуманитарному обществу...»¹.

В своём письме брату Артавазду от 31 августа Нвард Туманян рассказывает: «Беженцы уже рассеиваются, а сирот снова стало больше.

По прибытии в Ереван снова напишу. Если удастся устроить там прибывших сирот, мы вернёмся скоро. Я начала новую работу: раздаю сахар ванцам и шатахцам. Мы в порядке.

Отец очень хочет приехать, устал, но не может оставить работу незавершённой»².

Даже из этого письма отчётливо видно, что в исключительно трудных, полных лишений условиях, ежедневно сталкиваясь с несчастными, обездоленными и больными беженцами и детьми-сиротами, не имея ни минуты покоя, ни Туманян, ни его дочь Нвард не унывают, во всяком случае, не показывают этого даже самым близким людям («Мы в порядке»).

И действительно, даже несмотря на лютующие эпидемии смертоносных болезней, бесконечный приток беженцев в Эчмиадзин не прекращался. В день возвращения из Еревана, 1 сентября, Туманян посылает в Тифлис Национальному бюро уже приведённую выше телеграмму, в которой сообщает: ««Около двух тысяч родителей-беженцев забрали обратно своих детей. Сегодня в семь часов вечера в Тифлис было отослано 600 человек. В районе Игдыра, в Эчмиадзине и Ереване каждый день умирает около 700 человек. Ожидается поток возвращающихся из Вана беженцев, состоящий из 25000 человек»(10, 230).

В свою очередь Национальное бюро по всем вопросам, так или иначе соотносящимся с Католикосом Всех Армян, обращается к Туманяну в качестве посредника. Так, например, в то время очень актуальный, животрепещущий характер носила задача организации благотворительных пожертвований. С этой целью Бюро пригласило из Тегерана доктора Степаняна, чтобы командировать его в Индию. Однако до этого «имеющего хорошие связи в Индии» врача посылают в Эчмиадзин, чтобы заручиться поддержкой Верховного патриарха. Задачей Туманяна было уговорить Католикоса вместе с врачом командировать в Индию одного из самых влиятельных духовных деятелей, который действительно оказался бы полезным для

---

¹ «Арев», Баку, 1915, N137, 1 сентября.

² Переписка семьи Туманяна, с. 72.

дела. В этом послании Национального бюро Туманяну отмечалось, что врачу «дали очень хорошие рекомендации послы как Англии, так и России», и осталось только решить вопрос выбора влиятельного духовного деятеля. Нам думается, что Бюро имело в виду именно епископа Баграта, не только по той причине, что тот занимался проблемами беженцев и лучше других знал, как именно и чем именно следует им помогать, но и потому, что врач Степанян был хорошо с ним знаком. В послании говорилось: «Пожертвования пройдут намного успешнее, если с ним подружится для этой цели какой-нибудь назначенный верховным патриархом умелый и влиятельный духовный деятель»¹.

Национальное бюро обращается со специальным письмом к Католикосу и просит его благословить эту миссию своим особым посланием (кондаком) и назначить подходящего духовного деятеля в качестве компаньона и помощника для доктора Степаняна. Далее в этом послании читаем: «Просим тебя оказать ему содействие в этом деле, и со своей стороны также постарайся уговорить патриарха выполнить эту задачу. Тем более, что теперь, с учётом больших запросов армянских беженцев, Национальное бюро решило определённую часть пожертвованной суммы выделить в пользу беженцев и передать в распоряжение патриарха»².

Известно, что Туманян встретился с врачом Степаняном и обратился с ходатайством к Католикосу, и хотя иных подробностей, подкреплённых архивными документами, мы не знаем, однако есть все основания утверждать, что из благотворительных пожертвований, сделанных сильной в то время армянской общиной Индии, определённые суммы дошли и до Тифлиса, и до Эчмиадзина.

7 сентября 1915 г. Туманян снова пытается послать телеграмму Национальному бюро и представить положение в Вагаршапате. Однако по каким-то неизвестным причинам эта новая телеграмма так и не была послана. В своих черновых набросках поэт отметил: «В сент. похоронили 7 тысяч человек с дифтеритом, и пока ещё только поднимают вопрос (врач Бабаджанян), что мясо является для них вредным. Они выражают мнение, что нельзя содержать больных и сирот вместе... и сами приносят и вываливают пищу у сирот... 7 тысяч человек умерло, почему не зажигают кубы хотя бы теперь – нет дров. Во-первых, главное – не дать им всем погибнуть, тем более, что отныне начнутся холодные ночи и будут идти дожди. 99 детей сегодня опускаем в могилы»³.

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1454 (368)

² Там же.

³ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, п. 32.

Восьмого сентября 1915 г. в эчмиадзинском матенадаране состоялось второе заседание «врачебного состава» под руководством врача Амо Оганджяна¹, в котором приняли участие восемнадцать врачей, епископ Бабкен Вартазарян из «Братского комитета» и «представитель сиротского приюта» Ованес Туманян. Поэт в своём выступлении предложил «незамедлительно собрать не имеющих крыши над головой беженцев, потому что скоро начнутся холода, и если даже есть более или менее здоровые люди среди беженцев, то и они заболеют»². Туманяна поддерживает врач Л. Мясников, а отец Бабкен находит целесообразным укрыть беженцев в новом здании патриарших покоев.

Туманян свидетельствует, что среди детей сиротского приюта болели только те, у которых были навещающие родители, то есть инфекция почти всегда поступала из внешнего мира. «Среди детей случаи болезни наблюдались почти исключительно у тех, у которых есть отцы и матери, – приходят и уходят. Среди полных сирот нет ни одного случая болезни»(8, 410-411). Эту победу над эпидемиями в стенах сиротского приюта можно считать лучшей и самой наглядной оценкой самоотверженного и целенаправленного труда Ованеса Туманяна.

В течение без малого двух месяцев, проведённых в Эчмиадзине летом и ранней осенью 1915 г., Туманян трудился не покладая рук, а в редкие минуты отдыха он сетовал, выражал свое недовольство «и духовенством, и различными комитетами по делам беженцев», и местными организациями, которые не могли как следует организовать дело, оказать беженцам своевременную помощь. Поэт волновался, негодовал и возмущался, когда видел в складских помещениях продовольствие и одежду, которые не были распределены своевременно и по назначению. Он взял на себя и эту непростую обязанность. Он открыл складские помещения тех или иных комитетов, забрал оттуда и раздал беженцам самую разную утварь, посуду, ложки, постельное бельё – беженцы ощущали острую нужду во всём этом. Предметы обихода и одежду решили распределить в ночное время, – вспоминает Нвард Туманян и продолжает: «Мы помогали. Ночами, когда беженцы уже спали, клали рядом с ними галеты, а также бельё, одежду. Каждый день мы давали им чай, обед, раздавали различные лекарства против дизентерии»³.

---

¹ Амазасп (Амо) Оганджянян (1874-1947) - врач, национальный и общественный деятель, член партии Дашнакцутюн, третий премьер-министр независимой Армении.

² «Оризон», 1915, N215.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 129.

Из Эчмиадзина Ованес Туманян вместе с дочерью Нвард выехал 15 сентября и поездом вернулся через Ереван в Тифлис. Поэт был изнурённый, ещё более постаревший и больной. По словам Нвард, «отец вернулся совершенно изменившийся, около двух месяцев пролежал больным в постели. Был печален, никого не принимал, ничто не приносило ему успокоения. Отец был усталый, слабый, с подорванным здоровьем»¹.

Для восстановления сил поэту необходимо было провести продолжительное время под наблюдением врачей, основательно подлечиться и отдохнуть. Между тем всего лишь два дня спустя после возвращения он получает известие об убийстве брата Ростома.

В своём письме от 10 октября 1915 г., адресованном писательнице Забел Есян², поэт констатирует своё изрядно пошатнувшееся здоровье и плохое самочувствие: «Ну, и я от всех горестей и лишений почти постарел»(10, 232).

В ноябре 1915 г. Туманян спешит встретиться с группой армянских интеллигентов, женщин и детей, среди которых была и Забел Есян. Из военной обстановки группа была вынуждена добираться в Тифлис из Турции через Балканы, Бессарабию, преодолев трёхдневный путь за сорок дней. Спустя два-три месяца Туманян и Забел Есян очень сближаются и становятся добрыми друзьями и единомышленниками. «Никто, – писала Забел Есян, – в этот период не воспринимал действительность столь глубоко и не дарил мне свою сердечную дружбу так, как Ов. Туманян... Я чувствовала его защиту, его заботу и сердечность... И он точно так же относился и ко всем, кто чудом избежал от злоключений войны... Его жизнь была заполнена другими»³. Забел Есян рассказывала, как относились к ним русские власти в качестве военнопленных. По её словам, ей также, подобно другим, пришлось почувствовать на себе и «пережить сполна всю сладость царского режима». Некоторых мужчин «упрятали», то есть ликвидировали, расстреляли или сослали, а возможно, завербовали и заставили воевать на своей стороне.

---

¹ Там же, с. 130.

² **Забел Мкртычевна Есян (Забел Никитична Ованнисян)** (1878-1943) армянская писательница, переводчица, журналистка. Училась в Париже. Печататься начала в 1895. Выступила с новеллами из жизни трудящихся. В 1926 г. она переехала в Советскую Армению, а затем вернулась во Францию. В 1933 г. переехала в Ереван для участия в съезде писателей. Была делегатом 1 Всесоюзного съезда писателей (1934). В 1936 г. она публично защищает писателей от политического преследования. Арестована в июне 1937 г. и объявлена «врагом народа». В январе 1939 г. была приговорена к расстрелу, 8 мая приговор был заменен на десять лет высылки. Сведения о ней теряются в ГУЛАГ-е в 1943 году.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 151, 155.

З. Есаян отмечала: «На меня главным образом действовали не материальные и физические трудности, а то большое разочарование и страдание, которые приходилось переносить, особенно при виде состояния составлявших часть нашей группы женщин и детей, отцы которых исчезли в потоке крови, созданной этим царским режимом»¹. По свидетельству З. Есаян, в ноябре 1915 г. (группа добралась до Тифлиса 1 ноября), Туманян «с большим сердечным чувством, с очень глубокой человечностью... интересовался и занимался практически жизнью и положением жертв войны»². Туманян ещё раз убедился в завоевательской, экспансионистской политике царской России. Забел Есаян впоследствии попыталась изложить слова поэта буквально. «Знаете, – говорил Ов. Туманян с болью и горечью в голосе, – Россия хочет завоевать восточные вилайеты и с этой целью использует национальные чувства армянского народа, даёт обещания, рисует какие-то перспективы... но при этом заинтересована в том, чтобы не выполнить эти обещания. Ей нужны восточные вилайеты, но без армян»³.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУМАНЯНА В ЭЧМИАДЗИНЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

Самоотверженная деятельность Ованеса Туманяна в Эчмиадзине получила свою оценку не только впоследствии, уже в наше время, но и при его жизни, «по горячим следам», и даже в те самые дни, когда он ещё находился в эчмиадзинском аду. Так, 30 августа 1915 г. в зале Бакинского Армянского гуманитарного общества состоялось многолюдное собрание, на котором председательствовал предводитель местного прихода епископ Карапет Тер-Мкртчян. Выступавший с докладом о ходе организации оказания помощи беженцам Рубен Оганджян особо отметил деятельность Туманяна в Эчмиадзине, благодаря которой жизнь многочисленных детей-сирот в значительной степени улучшилась.

Многие современники очень высоко оценили самоотверженный труд поэта, высказывали своё восхищение по этому поводу. Имея в виду беспрецедентную гуманную деятельность, которую Туманян развернул в Эчмиадзине, его помощь «в меру сил и возможностей», оказанную десяткам тысяч беженцев и детей-сирот, Лео пишет: «Это было самым настоящим самопожертвованием. Неделями он жил среди таких ужасов, от одного лишь сухого пере-

---

¹ Там же, с. 150.

² Там же, с. 151.

³ Там же, с. 152.

числения которых в жилах человека стынет кровь»¹.

Полководец Андраник также выразил своё восхищение человеческим подвигом Туманяна. При этом он видел перед собой не только своего дорогого друга, но и человека, который пренебрёг спокойной жизнью «ради осколков своего народа и страдал вместе с ним, разделяя его боль и горе. Горькая участь и мучения соотечественников отняли радость на его лице и улыбку и смех в его глазах, сохранив в его сердце боль его сородичей»².

Как уже было сказано, в Эчмиадзине впервые встретился с Туманяном Ваан Тотовенц. Впоследствии он ярко и живыми красками описал свои впечатления об этих днях. «В первый раз я увидел поэта во дворе монастыря. Он был высокий, худой, с белой кожей и седыми волосами; у него был широкий лоб, улыбчивые, не очень глубокие, но мудрые глаза. Он надел русскую белую блузу, с бахромчатым поясом. Разговаривая, широко-широко разводил руки... время от времени кладя руки на плечи собеседника...

Туманян бегал от одной точки к другой, от палатки к палатке, от группы к группе, от одного умиравшего к другому умиравшему.

Распоряжался, приказывал, бранился, порицал, улыбался, поглаживал, гневался»³.

Похожее свидетельство находим в воспоминаниях одной из сестёр милосердия, Нвард Егибян-Багдасарян. «Туманян, забыв про покой и сон, без конца обходил территорию, повсюду распоряжался, давал советы, обнадеживал, поощрял больных, беспомощно покинутых. И всё это делал с отеческой нежностью и любовью»⁴.

Месяцы и годы спустя со словами признания и благодарности обращались к поэту даже те, кто не был очевидцем его деятельности в Эчмиадзине, а просто слышали или читали свидетельства очевидцев. При этом особенно благодарны были представители западно-армянского населения. В письме одного из них, Карапета Кеосеяна, написанном 2 февраля 1916 г., читаем:

«С большим восхищением услышал и прочитал о ваших делах в 1915 г., в особенности о проявленном Вами в Эчмиадзине братском отношении к несчастным жителям Армении...

Браво Вам!

С большим удовольствием прочитал написанное Вами и написанное другими о Вас в «Оризоне» в минувшем году.

От всей души желаю Вам ещё больше физической и интеллек-

---

¹ Там же, с. 97.

² Там же, с. 551-552.

³ Там же, с. 136.

⁴ Там же, с. 684.

туальной силы и больше энергии. Передать эти слова устно немного затруднительно...»¹.

И всё-таки самой важной и самой ценной оценкой, безусловно, следует считать отзывы самих детей-сирот, которые присвоили по-эту ещё один «всеармянский» титул - «Отца всех армянских сирот».

На первый взгляд может показаться совершенно невероятным, что среди всех этих ужасов и кошмаров детям-сиротам удалось увидеть что-то светлое. Однако согласно их же собственным признаниям, Ованес Туманян, «Айрик», был единственным человеком, встречи с которым как-то скрашивали их жизнь, а сам поэт казался им «светлым видением»² и своей «сказочной добротой» проникал во внутренний мир каждого ребёнка, заполнял собой их детскую сущность.

***

Находясь в Эчмиадзине, Ованес Туманян вот уже который раз видел воочию всенародное, общенациональное бедствие, со всей глубиной ощущал великую трагедию, объявляющую армянские города и сёла Западной Армении, армянское население своей исторической родины.

Все эти впечатления стали неотъемлемой и составной частью биографии Туманяна, а боль и горечь от увиденных кошмаров и ужасов никогда уже больше не смягчились и не утихомирились в его душе. В своём письме Забел Есаян, отправленном из Боржома 1 августа 1916 г., Туманян пишет: «В прошлом году в это время я был в Эчмиадзине. Невозможно рассказать, что представлял из себя Эчмиадзин в прошлом году в это время. Но я остался полтора месяца, занимался преимущественно сиротами и, воистину, я и в то время видел и чувствовал всю чудовищность обрушившегося несчастья и нищеты, но только после отъезда, и особенно сейчас, я не могу их видеть, так же как и вообще беженцев, но особенно – сирот.

Для того чтобы видеть их, нужна огромная сила, а я, как уже написал, очень надломлен, устал и болен... несмотря на мой неисчерпаемый оптимизм и весёлый характер; грусть, о которой я говорю, – настоящая и, увы, постоянная, непреходящая»(10, 245).

Деятельность Ованеса Туманяна в Эчмиадзине была очередным его жизненным подвигом, который явился высшим проявлением его патриотизма, человеколюбия и беззаветной преданности своему народу. Этот подвиг принёс бы честь не только любой, пусть

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2342 (483).

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 846.

даже самой масштабной, личности, но и любому народу, и даже всему человечеству. Подвиг Туманяна был ещё одним доказательством существования на свете крупной, масштабной личности, «с безумным самоотречением» жертвующей собой во имя человечества и человечности.

ОТЕЦ ВСЕХ АРМЯНСКИХ СИРОТ

На протяжении без малого двух месяцев Ованес Туманян занимался проблемой размещения детей-сирот в Тифлисе и в разных городах Армении. Во время пребывания поэта в Эчмиадзине в течение полутора месяцев «до десяти тысяч детей вошло... в сиротский приют и вышло оттуда, а число остававшихся там составляло 3500»(7, 179).

После возвращения в Тифлис Туманян по-прежнему продолжал заниматься проблемами сирот. Одновременно он распоряжался суммами, получаемыми в результате благотворительных пожертвований, которые организовывали Национальное бюро и ряд помогавших беженцам и сиротам общественных организаций. Поэт распределял эту суммы между управляющими сиротских приютов, которые росли, словно грибы после дождя.

Ежедневно растущее число детей-сирот и открывавшихся по всей территории Армении сиротских приютов вынуждали Туманяна работать не покладая рук, день-деньской, днём и ночью.

В вопросах распределения сирот по разным городам и приютам, а также распределения скудных благотворительных сумм нередко возникали серьёзные разногласия и споры между руководителями сиротских приютов Эчмиадзина и новых детских домов. При этом роль посредника и примирителя отводилась Туманяну, именно он оказывался в центре переговорных процессов. Поэт старался найти компромиссные решения, руководствуясь принципами справедливости и учитывая реальные запросы каждого приюта.

Ещё в Эчмиадзине, вплоть до последнего дня пребывания писателя в городе, многие обращались к нему по вопросам распределения сирот в том или ином приюте. Так, между 10-14 сентября 1915 г. по просьбе Ш. Евангуляна, который основал сиротский приют в Тифлисе, к Туманяну обратились две девушки – сёстры милосердия. Евангулян ещё месяц назад, в первой половине августа, встретился с поэтом в Эчмиадзине и заручился его обещанием выделить определённую сумму в случае, если тот займётся заботой о сиротах. Теперь девушкам предстояло напомнить Туманяну о его обещании и уточнить число сирот, которые по решению поэта и соответствующих общественных организаций должны были посту-

пить в их новоучреждённый сиротский приют. 16 сентября Евангулян обратился к Туманяну с письмом, в котором читаем: «Уважаемый господин Ованес! Когда я вернулся из Эчмиадзина... пригласил на собрание всех членов нашего общества. Когда я рассказал о положении сирот в Эчмиадзине, они стали настолько серьёзными, что трудно описать. После долгих разговоров и обсуждений решили взять 30 девочек и содержать их за наш счёт, но поскольку необходимость в помощи большая, и Вы мне сказали, что комитет выделит пособие, поэтому мы обязались взять на содержание ещё 70 на Ваши средства; я так и телеграфировал... Случилось непредвиденное: в здешнем комитете, узнав, что мы берём 100 сирот и должны получить пособие, стали протестовать, говоря, что не допустят, чтобы нам отдали сирот... Открываемые Вами (в Эчмиадзине – С.О.) сиротские приюты временные, а наши – постоянные... Эчмиадзин проявил себя сполна... Сейчас я прошу по возможности скорее ответить мне, есть ли сироты?»¹.

Даже получив через сестёр милосердия положительный ответ Туманяна, Ш. Евангулян продолжал беспокоиться и ещё раз попросил поэта подтвердить своё обещание о выдаче пособия для сирот.

***

В Эчмиадзине Ованес Туманян приобрёл среди врачей и сотрудников детского приюта новых знакомых, которые даже после его возвращения в Тифлис не прекращали беспокоить писателя самыми разными просьбами по самым разным волнующим их личным вопросам, и в первую очередь, конечно, по устройству на подходящую работу.

Писатель получал многочисленные просьбы-заявления о предоставлении информации о местонахождении того или иного ребёнка. Заявителями являлись, как правило, родственники детей, потерявших родителей.

Врач-фармаколог больницы номер 1 Вагаршапата Арутюнян и служащий Вардан Дарбинян 4 октября 1915 г. обратились к писателю с просьбой найти детей, которых они сдали в Эчмиадзине в сиротский приют и которые впоследствии были переведены в разные приюты по всему Кавказу, и сообщить имеющиеся о них сведения. В письме говорится:

«Высокочитимый Ованес Туманян!

Я очень сожалею, что не смог в последний момент увидеть Вас, или, ещё точнее, я упустил Ваш отъезд... чтобы попрощаться с

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1159 (319 доп.).

Вами... Надеюсь, Вы со свойственной Вам снисходительностью позволите, конечно, чтобы я сказал несколько слов о наших ребятах. Как Вы помните, моя сестра, проживающая в Баку, пишет, что наших детей там не очень жалуют; один из друзей наших мальчиков сказал, что они остались в Тифлисе.

Я прочитал в «Оризоне», что из 500 сирот 300 были посланы в Баку, 100 – в Крцанис, 100 – в Ахалцха. Я бы особенно просил, чтобы Вы постарались поискать наших мальчиков и... послать их к нам. Моя супруга приехала в Тифлис и на какое-то время остановилась в доме родственника; я бы просил, чтобы сведения, получаемые о наших мальчиках, Вы посылали через неё, если возможно»¹.

Автор письма не забывает, конечно, затронуть попутно и вопрос о своём трудоустройстве. «В больнице N 1 я бы поработал в качестве фармацевта, однако в последнее время она объединилась с больницей N2, и не осталось больше вакансии фармацевта. Я с начала этого месяца хожу здесь без работы, что в высшей степени тяжело для меня. Просил бы Вас во имя человеколюбия избавить меня от этого бездействия... и найти для меня какую-либо должность, чем очень обяжете меня лично и дадите мне возможность проживать вместе с супругой в Тифлисе...»².

Параллельно с общественными проблемами и вопросами поэту всегда приходилось решать также личные проблемы конкретных людей. После его возвращения в Тифлис число аналогичных просьб от оказавшихся в Эчмиадзине беженцев ещё больше увеличилось.

В первые дни октября прикованный к постели Туманян пытался отыскать сирот в приютах разных городов по просьбам знакомых и незнакомых людей, скорбел по умиравшим беженцам и сиротам, по новым потерям, в том числе и по брату и по сестре милосердия Сатеник. Он пишет статью «Памяти дорогого человека»³, посвящённую памяти Сатеник Оганджаниян, ставшей жертвой смертоносной эпидемии в Эчмиадзине.

Поэт выразил своё восхищение и благодарность, а также своё преклонение перед поколением замечательных молодых армянских женщин и девушек, которые откликнулись на его клич и, подвергая большому риску своё здоровье и свою жизнь, стали ухаживать за сиротами. Риск был очень велик, цена патриотизма и милосердия – очень высокой. Для Сатеник Оганджаниян этой ценою оказалась её жизнь. И такая же участь могла постигнуть каждую из сестёр милосердия, в том числе и дочь поэта Нвард.

---

¹ Там же, N 1159.

² Там же.

³ Статья была опубликована в «Оризоне», 1915, 4 октября.

Сатеник Оганджян была сестрой второго премьер-министра Республики Армения, впоследствии министра иностранных дел Амазаспа (Амо) Оганджяна. Самоотверженная армянка с юного возраста вступила в ряды политической партии АРФ «Дашнакцутюн», являлась членом правления общественной организации «Мегу» в Тифлисе и приехала в Эчмиадзин по зову Туманяна.

Ещё в далёком 1898 г., когда ей не было и двадцати лет, она в Тифлисе и Телави работала сестрой милосердия в группах основанного её братом Красного Креста. Сатеник Оганджян была среди учредителей Женского Красного Креста и Дома труда в Константинополе (1908 г.). После резни в городе Адана в 1909 г. она вместе с группой армянских женщин поехала в зону бедствия, занималась вопросами размещения детей-сирот. В годы Первой мировой войны она вновь оказывала помощь семьям беженцев, армянским добровольческим дружинам, женским общественным организациям.

В 1915 г. в составе группы санитарных медицинских работников Сатеник поехала в Ван, прошла по страшному пути вынужденного отступления. Туманян прекрасно знал во всех подробностях этот полный ужасов и кошмаров путь – ведь ему также довелось пройти по тому же маршруту. Для поэта Сатеник Оганджян с её самозабвенной жертвенностью была каким-то неземным созданием, святой женщиной, ангелом во плоти.

В сентябре 1915 г. Сатеник должна была уехать из Эчмиадзина в связи с началом нового учебного года: она работала учительницей в школе. Однако она решила остаться в Эчмиадзине и помогать медицинскому персоналу больницы. Обратилась в школу с просьбой предоставить ей отпуск, но получила отказ. Она попросила Туманяна о ходатайстве, чтобы ей было дозволено остаться в Эчмиадзине и чтобы причину её отсутствия в школе посчитали уважительной. Поэт, увидев усталое, совершенно изнемождённое состояние Сатеник, попытался отговорить её от принятого решения, однако молодая женщина упорствовала. «Ну, а я, заметив, что она очень устала, что из более чем двухсот служащих сиротского приюта всего лишь двадцать-тридцать человек избавились от болезней и многие умерли, не стал ходатайствовать за неё и посоветовал, чтобы она немного отдохнула»(7, 178). Вместо того чтобы прислушаться к совету поэта, Сатеник на несколько дней отлучается из Эчмиадзина, увольняется с работы школьной учительницы, снова возвращается в Эчмиадзин, где вскоре заражается сыпным тифом. В очень тяжёлом, совершенно безнадёжном состоянии её перевозят в Тифлис, где она, несмотря на все усилия врачей, мучительно умирает.

Случилось это 1 октября 1915 г., то есть всего лишь две недели спустя после отъезда Туманяна из Эчмиадзина.

Поэт совсем недавно вернулся из Западной Армении, лишь недавно похоронил убитого 16 сентября в Дсехе брата, когда получил новый удар – известие о смерти Сатеник Оганджяня. Эта смерть производит на Туманяна очень тяжёлое впечатление – и не только потому, что он лично знал её и восхищался её преданностью делу, патриотизмом, самоотверженностью и сильным характером, но ещё и потому, что не мог отделаться от чувства своей причастности, ответственности и косвенной вины за всех тех армянских женщин и девушек, которые приехали в Эчмиадзин по его зову, и одновременно испытывал особую боль в связи с потерей редкого по своим качествам человека.

Поэт пытается разъяснить своим читателям, чем именно была ему дорога Сатеник, почему среди стольких смертей именно её смерть так больно отозвалась в его душе. «Она была мне дорога, потому что была одной из тех редких личностей, которые большей частью живут ради других.

Ведь на свете немало людей, которые живут только для себя, немало людей, которые живут для того, чтобы заставлять других страдать, но есть также люди, которые живут, чтобы помогать страдающим людям.

И, увы, на свете меньше всего именно таких людей. Одной среди этих немногочисленных, среди этих бесценных людей и была наша дорогая учительница Сато»(7, 178-179).

Статья публикуется 4 октября в газете «Оризон». А год спустя, 13 ноября 1916 г., в день открытия в Тифлисе библиотеки-читальни имени Сатеник Оганджяня, было зачитано письменное приветственное слово Ованеса Туманяна от имени Кавказского общества армянских писателей.

***

Таким образом, после ужасающего геноцида и насильственной депортации армянского народа Армения стала «страною скорби и сирот». Заботы Туманяна умножились тысячекратно. Как бы он ни старался скрывать от внешнего мира, от знакомых и близких своё душевное состояние, он был сломлен, повержен, охвачен горечью и отчаянием – в противном случае он бы не постарел столь стремительно – как говорится, не по дням, а по часам. Однако ценою нечеловеческих усилий, с какой-то невообразимой самоотверженностью ему удавалось продолжать свою активную патриотическую и общественную деятельность, находить в себе потаённые жизненные силы, чтобы быть полезным своему народу. В это страшное, роковое и судьбоносное для армянского народа время было необходимо ока-

затягивать всемерную поддержку беженцам, спасти умирающих от голода и эпидемий людей, найти пристанище для детей-сирот, для беззащитных женщин и стариков. Для поэта было очень непросто озвучивать свои впечатления об Эчмиадзине: это означало заново пережить их, однако он был убеждён, что информированная общественность будет значительно лучше подготовлена, чтобы протянуть руку помощи беженцам и сиротам. С этой целью он пишет и публикует в газете «Лума» очерк «Воспоминания о сиротском приюте Эчмиадзина».

Прежде всего поэт представил крайне тяжёлое положение сиротского приюта Эчмиадзина в самых общих чертах, подчеркнув насущную необходимость перемещения оттуда детей-сирот. Из этой статьи становится понятно, что, сколько бы ни обвиняли Туманяна в том, что он принимал в приют детей, имевших родителей, он никогда не изменял своей позиции и своих убеждений, и даже «легализовал» приём в сиротский приют детей при живых родителях, и делал он это открыто, нередко идя против воли некоторых духовных деятелей. «Эчмиадзинский сиротский приют не был настоящим приютом, – писал поэт, – а пристанищем для детей, потому что принимались также дети, имевшие родителей. Это было убежище, куда приводились, временно принимались вырванные из когтей голодной смерти дети, покуда из наших городов подрастут и заберут их. Это не был приют, как не являются приютами многие наши теперешние приюты, однако название приклеилось и осталось приютом»(7, 179).

Затем поэт описывает скопившуюся у входа духовной семинарии огромную массу народа, лес из окостеневших рук тысяч матерей, которые, казалось бы, согнувшись перед сильной бурей, ожидали, когда откроются двери, чтобы втолкнуть внутрь бесчисленное множество детей. Туманян рассказывает: «Помню те густые и длинные ряды детских скелетов, когда их сажали, чтобы накормить, контролирующие женщины и девушки, которые, подобно ангелам-хранителям, непрерывно кружили над ними, одетые с головы до ног в белые одежды, побледневшие, поблёкшие из-за боли и невыносимо тяжёлого воздуха и смрада, женщины и девушки...

Молча рассевшись густыми и длинными рядами, они не мигая вперяли свои взоры в двери, откуда должны были внести вёдра с чаем, кофе или едой»(7, 180). И всё-таки, вероятно, самым страшным было то, что эти дети совсем не умели шалить и на протяжении довольно долгого времени не выказывали никаких признаков жизни. Об этом Туманян пишет следующим образом: «Большую часть дня они были разбросаны на полу, в длинных прихожих или в просторном дворе, не могли оставаться на ногах; их худые голени и детские ножки, несколько сотен верст пробежавшие ноги...

Я помню также и тот хороший день, когда в первый раз контролёры пожаловались, что дети уже стали шалунами, что управлять ими стало труднее; когда увидели в первый раз... некоторые бодро пели хором, некоторые, сидя на скамейках, играют в лошадок, а некоторые шутят, весело кричат, хохочут...

И глаза каждого из нас наполнились слезами радости...

...В то время как из повозок, перевозивших мёртвых, с криками: «Трупы! Трупы!», собирали трупы их высохших от голода матерей, матерей, которые приходили и обессиленно съеживались под стенами сиротского приюта, поближе к своим детям, – или все скопом падали, подобно скошенной траве, под деревьями садов»(7, 180-181). Те же самые повозки увозили из Эчмиадзина его маленьких временных жителей. «А вот и длинные ряды фургонов и повозок, которые увезли их, одетых в красные и белые блузы...

И кто знает, когда их спрашивают теперь уже в разных городах: «Есть ли у вас матери?» - они отвечают: да, есть, и ещё дают записать имена своих матерей, не зная, что даже столько могильщиков не находилось в Эчмиадзине, чтобы пришли, похоронили многих из их матерей»¹.

Очерк «Воспоминания о сиротском приюте Эчмиадзина» был единственной публикацией Туманяна 1915 года, в которой не было ни одного луча света, ни одного светлого слова. Между тем прошло всего лишь неполных три месяца после публикации его статьи «Спокойно и с большой верой». Впервые в цветовой палитре публициста использовались только мрачные, тёмные краски; весь очерк был написан в самых минорных и трагических тонах. «Страна скорби и сирот» как никогда прежде нуждалась в помощи и защите. При этом автор очерка вовсе не сгущал красок, просто он представлял без ретуши тот ад, в котором ему пришлось жить с 29 июля по 15 сентября 1915 г.

***

В дело заботы и ухода за сиротами были вовлечены армянские политические, общественные и национальные деятели, лучшие представители армянской интеллигенции, которые были способны на беззаветную преданность своему народу. Среди них своей исключительной самоотверженностью и неповторимым обликом великого гуманиста и патриота выделялся Ованес Туманян. В годы войны для поэта первостепенное значение имели заботы об армянских беженцах и осиротевших детях. Периодика тех лет переполне-

---

¹ Там же, с. 181.

на, буквально наводнена ужасающими, душераздирающими историями и рассказами беженцев и сирот. В газете «Оризон» за 10 июня 1915 г. был опубликован рассказ какого-то осиротевшего ребёнка о том, как у него на глазах турки повесили его отца. На покачивавшееся тело повешенного толпа взидала равнодушно. И только его маленький сын безутешно плакал, издали видя происходившую расправу¹. В том же номере газеты была опубликована фотография, изображавшая повешенного мужчину.

В тот период все армянские газеты пестрели лозунгом-призывом: «Помогите сиротам!». Под этой общей рубрикой публиковались воззвания, передовые статьи, редакторские колонки. В одной из публикаций тех дней читаем: «Помогите спасти невинных жертв политических распрей, переполоха и смуты, которые безжалостно истребляются голодом и болезнями. Помогите сохранить те осколки, которые должны стать будущими земледельцами и тружениками Армении»².

Конечно, как население, так и отдельные общественные организации всячески старались помогать беженцам и сиротам, повсюду открывались всё новые и новые сиротские приюты. На каждого сироту ежедневно приходилось несколько жалких копеек, однако при этом общественность незамедлительно оповещалась обо всех расходах и добровольных пожертвованиях. В номере газеты «Оризон» за 15 августа 1915 г. читаем: «Открылся сиротский приют на 300 детей с обеспечением их проживанием, питанием, одеждой и всем другим необходимым, в том числе и образованием. Питание и уход за каждым осиротевшим ребёнком в годовом исчислении обойдётся приблизительно в сто рублей»³. А несколькими месяцами ранее, 23 апреля 1915 г., газета «Оризон» опубликовала объявление: «К сведению бежавших из Турецкой Армении переселенцев: общество принимает в открывающемся в селе Мец-Каракилиса сиротском приюте мальчиков и девочек 6-10 лет, лишившихся отца и матери. В заявлении должно быть указано имя сироты, отчество, фамилия и место, откуда прибыл»⁴.

Заметим, что забота Туманяна в отношении сирот проявилась ещё до начала Мировой войны. Ещё 11 апреля 1913 г. поэт сообщил Овсепу Хунунцу, что он предоставляет бесплатные билеты на вечера Кавказского общества армянских писателей как для учащихся

---

¹ «Оризон», 1915, №6, 10 июня.

² Там же, №183, 15 августа.

³ Там же.

⁴ Там же, №87, 23 апреля.

средних школ, так и для всех питомцев сиротского приюта Армянского Благотворительного общества¹.

В годы войны, взяв на себя руководство десятками национальных политических и культурных советов и обществ, Туманян использовал каждую предоставившуюся возможность, каждую трибуну, чтобы ещё раз озвучить, напомнить о крайне бедственном положении чудом спасшихся от резни сирот. Он всячески стремился приковать внимание армянской общественности к проблемам выживания нации, к судьбе каждого осиротевшего ребёнка.

В этом контексте следует рассматривать организованную по этому лекцию на тему «В стране сирот». Лекция состоялась 28 декабря 1916 г. в зале консерватории. Её прочитал Карен Микаэлян². Объездив все сиротские приюты Ереванского уезда, он собрал образцы художественного творчества наиболее одаренных детей и призвал Общество армянских писателей учредить специальный фонд, который, по его убеждению, непременно должен был находиться при этом Обществе. В одном из своих писем Туманяну (за 6 декабря 1916 г.) К. Микаэлян писал: «Обхожу местные сиротские приюты. У меня было две цели: во-первых, записать... последнюю трагедию армян по рассказам детей и на их основе написать художественные произведения...

Во-вторых, собрать литературные произведения детей, появление которых явилось для меня большой неожиданностью. Сейчас я имею под рукой обширную литературу. Отсюда я отобрал стихотворные тексты, в которых нередко встречаются характерные фрагменты. Эти фрагменты отражают последние события. Очень интересно и трогательно, как ребенок выражает в песне свое горе и радость, пережитые им страдания, увиденные им ужасы...»³.

С этой лекцией Карен Микаэлян уже выступал несколько раз: вначале в Ереване, на вечере новоучреждённого Общества любителей словесности⁴, затем – в Александрополе, а оттуда поехал в Тиф-

---

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N767.

² **Карен Саркисович (Герасим Сергеевич) Микаэлян** (1883 - 1941) – писатель-новелист, драматург, переводчик. Был председателем Московского комитета помощи Армении. Литературную деятельность Микаэлян начал в 1904 и в течение почти 30 лет выпустил только три сборника. Первый сборник рассказов Микаэляна вышел в 1907 г. В 1926 г. Микаэлян уехал за границу в составе делегации Армянского Красного Креста и Комитета помощи Армении, где пробыл свыше года. По возвращении из-за границы Микаэлян издал сборник новелл “Majestic”, повествующих о жизни армянских беженцев в США.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1766 (913).

⁴ Общество любителей словесности было учреждено в Ереване в первой декаде декабря (на учредительных собраниях 3 и 9 декабря) 1916 г. Появление Общества свидетельствовало об активизации армянской культурной жизни в Ереване.

лис, чтобы представить свою лекцию вниманию тифлисской армянской общественности.

До начала лекции собравшиеся по предложению Туманяна стоя почтили память родителей армянских сирот, ставших жертвой геноцида. В лекции К.Микаэляна были подробно представлены те стихотворения сирот, в которых нашли отражение последние кровавые события в Западной Армении. К. Микаэлян рассказал на основе собранного им материала, как маленькие дети-сироты излагали подробности пережитой ими трагедии. Особенно тяжёлое, гнетущее впечатление произвели на собравшихся стихи этих рано повзрослевших детей.

Карен Микаэлян предложил создать при Кавказском обществе армянских писателей специальный фонд для поощрения одарённых сирот и издания их произведений. Докладчик рассказал также о своём намерении широко использовать биографии и документальные истории детей-сирот в своих новеллах и со временем издать их под общим названием «Растерзанная Армения»¹.

В незатейливых стихотворениях детей-сирот нашли отражение кровавые события в Западной Армении, пережитая ими страшная трагедия. Мнацакан и Айрик описывали скорбящие реки, которые покачивали на своих волнах тела убитых людей. Маленький Григор обратился к скорбящим птицам Армении с просьбой, чтобы они полетели в чужие страны и рассказали всему миру о страданиях и мучениях армянского народа, а Аршак, обращаясь к тем же птицам, наказывал им: «Возьмите своими коготками землю и накройте опаленные солнцем растерзанные трупы»². А Мисак, описывая плач, рыдания и скорбь матерей, обращается к равнодушной луне: «Луна, скажи, ты будешь ли свидетелем?» Айастан, будучи ещё очень маленьким ребёнком, тем не менее, уже сознавал, что от матери осталась одна лишь могила, да и то – далеко-далеко, на пороге отчего дома, отобранного врагами.

То, что маленькие дети не могли писать ни о чём другом, кро-

Примечательно, что открывать это Общество собирались на протяжении двух лет, но осуществила этот замысел западноармянская интеллигенция. В информации «Оρίζона» сообщалось: «Турецкоармянские интеллигенты создали Общество любителей словесности, то есть общество, задачей которого является сохранить связи с разбросанными по миру турецкоармянскими писателями, собрать осколки турецкоармянской литературы, ознакомить с помощью лекций с турецкоармянской литературой – первая литературная беседа была посвящена М. Весперу, а следующая – «Кесарю» Шанта». См. «Оризон», 1916, N292, 30 декабря.

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 847.

² «Мшак», Тифлис, 1916, N292, 30 декабря.

ме смерти и могилах, кроме тоски и неизбывной боли, производило очень тягостное и удручающее впечатление, было столь же ужасно, как и сама резня. Эти незрелые, не представляющие какой-либо художественной ценности, но при этом исповедально искренние детские стихи также являются неотъемлемой и составляющей частью Геноцида армян.

Внимательно выслушав воспоминания сирот и стихи некоторых из них, Туманян обратился к собравшимся со следующими словами: «Общество армянских писателей... решило усыновить способных и талантливых сирот, которые завтра станут единственными свидетелями этого ужаса, содрогания и опустошения... и так же, как их родные были пронзены и изрублены мечом врага, они пронзят и изрубят сердце человечества своим пером и словом... Мы должны отнестись к ним как к своим родным детям, а иначе они, уже в своем юном возрасте направляющие стрелы протеста и отчаяния в постылого армянского бога; молящие птиц своей страны, чтобы те своими коготками брали землю и прикрывали тысячи незахороненных трупов, завтра в своем праведном гневе могут восстать против нас»(7, 549).

Необходимо отметить, что и сама идея, и инициатива усыновления сирот Обществом армянских писателей принадлежит именно Ованесу Туманяну. С этим предложением он обратился к правлению Общества еще за десять дней до рассмотренной лекции, 18 декабря 1916 г. Предложение это на общем собрании 3 мая 1917 г. встретило ряд возражений, мотивируемых тем, что Общество писателей не является благотворительным обществом, что по уставу Общество не может заниматься заботой и уходом за сиротами, потому что это не является его прерогативой. Все эти и другие подобные возражения были высказаны на общем собрании 3 мая 1917 г. Вопрос какое-то время оставался в подвешенном состоянии. Однако Туманян время от времени возвращался к нему, настаивал на своём, и ему удалось убедить всех: в качестве самого веского довода он сослался на чрезвычайность, исключительность сложившейся ситуации, которая позволяет Обществу «не руководствоваться буквой устава»¹. Это был, пожалуй, первый случай, когда Туманян решился пойти на нарушение устава Общества, однако причина была более чем уважительной.

В июне того же года Общество усыновляет троих одарённых сирот, имеющих ярко выраженные творческие наклонности и литературные способности - Вагаршака Ерицяна (Норенца), Миграна Тутунджяна и Норайра Дабагяна. Предварительно ознакомившись с

---

¹ МЛИ им. Е. Чаренца, ф. Кавказского общества армянских писателей, N46/7.

их литературными произведениями, поэт руководствовался также рекомендациями и указаниями инспектора сиротских школ, видного педагога и переводчика Тиграна Пирумяна¹. При этом поэт продолжал собирать информацию и о других одаренных сиротах.

Питомцы Общества фактически стали как бы усыновлёнными детьми самого Туманяна. Они сразу же привязались к нему, как к самому родному человеку на свете. Когда Вагаршак впервые оказывается в квартире Туманяна и видит поэта в уютной домашней обстановке, он, по его же собственному признанию, ощущает неописуемую радость и ликование, потому что поэт стал для него «воплотившейся мечтой»². К сказанному остаётся добавить, что, по свидетельству внучки поэта Ирмы Сафразбекян, «Вагаршака Норенца Туманян опекал больше всех, и после бабушки он продолжал приходить к нам домой». Далее Ирма Сафразбекян сообщает: «Я его (Вагаршака Норенца - С.О.) отлично помню. Был очень стеснительным человеком, слишком приличным, что-то в нём было романтическое и благородное, наверное, сказалась учёба в Нерсисяновской семинарии. Конечно, он боготворил бабушку, возможно, эта любовь впоследствии перешла и ко всем другим Туманянам. Он был безнадежно влюблён в мою маму³, сохранилась целая тетрадка стихов, посвящённых ей. Я бережно храню эту тетрадку, может, когда-нибудь можно будет опубликовать, ведь прошло столько времени»⁴.

По настоянию поэта питомцы в случае какой-либо надобности обращались лично к нему, бывали у него дома, обедали там и каждый раз встречали тёплый, радушный прием. «Я находил в семье великого поэта утешение, родной угол. Буквально восприняв слова поэта: «Приходи в любое время», я к месту и не к месту, не задумываясь об удобстве времени, заходил к нему домой... Иногда заходил ранним утром, когда он бывал ещё в постели, иногда во время завтрака или обеда... В заботливой и душевной атмосфере этой чудесной семьи... я так никогда и не почувствовал чего-либо фальшивого или сентиментального»⁵, – пишет Вагаршак Норенц и добавляет, что посещать дом Туманяна постепенно стало для него «сильной внутренней потребностью»⁶.

---

¹ **Тигран Пирумян** (1859 - 1935) – педагог, переводчик, журналист.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 848.

³ Речь идёт о дочери поэта Седе Туманян (1905 – 1988).

⁴ Электронное письмо И.Сафразбекян от 7 сентября 2018 г.

⁵ Там же, с. 852, 853.

⁶ Там же, с. 852.

Питомцы чувствовали себя растерянными и стеснялись садиться за стол с поэтом, однако преодолевать эту растерянность и стеснение им помогало то, что их приглашали за стол искренне и от самого чистого сердца. Ну, и конечно, был и другой фактор, на который указывает Норенц: «Возможно, уже одно только то обстоятельство, что когда-нибудь я смогу сказать: «Я обедал с Ованесом Туманяном», – придавало мне дерзости «отобедать»»¹.

Туманян сам платил как за их обучение, так и за жилье и одежду. В сиротском приюте «Циранавор» по всем вопросам, касавшимся материальных нужд и запросов питомцев Общества писателей, руководство приюта обращалось лично к Ованесу Туманяну. 3 февраля 1918 г. П. Могянц пишет поэту: «Уважаемый г. Туманян, для того, чтобы изготовить для Ваших усыновлённых троих питомцев по одному костюму и по одной паре обуви, необходимо приблизительно 1000 рублей. Если предоставите нам эту сумму, смогу заказать в течение нескольких дней»².

В архиве Кавказского общества армянских писателей сохранилось множество документов, свидетельствующих о постоянной заботе Общества о сиротах. Есть среди них и такой: «Август 1918 г. Для сирот куплены книги и тетради собственноручно г-ном Туманяном – 58 руб. 70 коп. Выданы стипендии сиротам Армянской гимназии Норайру Дабагяну и Миграну Тутунджяну (258 р. 70 коп.), в 1918 г. выдано стипендий – 900 р. 1919 г. На книги и тетради для сирот выдано – 50 р. Сиротам выдано подарков на Новый год – 30 р.».

Примечательно, что Общество писателей насчитывало более ста членов и имело правление, в состав которого входило восемь человек, однако по решению правления только его председатель – Ованес Туманян должен был покупать в магазинах новогодние подарки для питомцев, именно Туманян должен был приобретать для них все школьные принадлежности, начиная с учебников и тетрадей; покупать всё, в чём они могут нуждаться. Не нашлось ни одного человека, который добровольно взялся бы за выполнение этих не столь уж и трудных и обременительных обязанностей, чтобы хотя бы немного поберечь столь ценное время самого занятого, сверхобременённого и перегруженного армянского национального деятеля и писателя. Туманян смиренно и безропотно выполнял все

---

¹ Там же, с. 849.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, 1776 (1239).

поручения правления Общества. Впрочем, что ему оставалось делать: ведь это он нарушил букву устава Общества, как когда-то нарушал запрет духовного руководства Святопрестольного Эчмиадзина и принимал в сиротские приюты детей, имевших родителей и родственников. Ну и потом – это была его личная инициатива...

Если Туманян по делам отлучался из Тифлиса, то решение вопросов питомцев Общества откладывалось до возвращения писателя. Как-то во время отсутствия поэта питомцы обратились по какому-то вопросу к Левону Шанту и получили следующий ответ: «Это может сделать только господин Туманян, необходимо дождаться его возвращения»¹. Вполне возможно, что Шант был прав, и вопрос, с которым к нему обратились питомцы Общества, действительно мог решить только Туманян, однако для детей холодный приём Шанта – то, что он даже не подумал пригласить их к столу, даже не соизволил вникнуть в суть вопроса и проявить элементарный человеческий интерес к их трудностям и проблемам, до глубины души обидело и разочаровало детей. Вагаршак Норенц напишет по этому поводу: «После этого печального случая моё отношение к Ованесу Туманяну превратилось почти в поклонение. Туманян – поэт и человек остался для меня воплощением совершенства. В его недостижимом величии я нашёл для себя что-то очень близкое, безгранично родное, что-то, что сыновья чувствуют только к своим родителям... Туманян был и остаётся для меня лучшим человеком в мире...»².

Поначалу все трое усыновленных питомцев Общества писателей жили в том же сиротском приюте, в Крцанисе, во дворе церкви Циранавор. Осенью 1917 г. все трое по рекомендации и благодаря ходатайству поэта поступают в новоучрежденную Армянскую гимназию в Тифлисе³, которая впоследствии вливается в гимназию Нерсисян. В письмах, адресованных поэту, питомцы рассказывали о своём житье-бытье, о своих больших и малых проблемах, сетовали по поводу того, что гимназия находится очень далеко, жаловались на нехватку учебников, тяжёлую работу и т. д. Они просили перевести их из приюта «Циранавор» в какой-нибудь другой приют, лучше и поближе, наивно полагая, что в других сиротских приютах Тифлиса условия лучше.

---

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 854.

² Там же, с. 854, 858.

³ Там же, с. 852.

Туманян обращается со специальными письмами-ходатайствами к начальнику библиотеки гимназии и к директору книжного магазина «Гир». Первого он просит проявлять как можно больше внимания к питомцам Общества, а второго – предоставить им запрашиваемые учебники и выслать ему счёт для оплаты покупок.

В семейном архиве Туманяна сохранилась фотография, изображающая похороны одного из питомцев Общества армянских писателей – Миграна Тутунджяна, который скончался от туберкулёза весной 1920 г. Вместо того, чтобы оплачивать его обучение в гимназии, поэту пришлось оплатить расходы на похороны питомца. Очевидец похорон Вагаршак Норенц рассказывает: «За гробом шли тысячи сирот со своими воспитателями. В похоронной процессии особенно возвышался своим ростом один человек, как могучий дуб среди молодого леса... Этот человек был наш отец, наш «Айрик», великий Туманян... Он печально проводил гроб нашего сирого товарища до кладбища, присутствовал на всей церемонии похорон. Он разделил с нами нашу скорбь, сказал сочувственные слова, одним из самых последних ушёл с кладбища...»¹. На этой фотокарточке, которая была размножена и распространена среди сирот, был изображён «величайший поэт армянского народа, стоящий в окружении тысяч сирот у гроба юноши. Это была не просто фотография. Это была одна из страниц истории армянского народа»².

Когда впоследствии армянских детей-сирот начали перевозить в Карс, Туманян перевёз питомцев Общества писателей в общежитие для детей-сирот при мастерской переплётного цеха Благотворительного общества, и тем самым спас их от нового бедствия, которое ожидало армянских детей-сирот в Карсе.

Отеческая забота Туманяна об усыновлённых Обществом писателей детях-сиротах не могла не вызывать зависти и ревности у других сирот. К поэту с самыми разными просьбами о помощи обращались не только усыновлённые сироты, но и очень многие другие. Многие сироты очень хотели, можно сказать, просто мечтали, чтобы их также усыновило Общество писателей, и временами, когда им не хватало смелости признаться в этом своём сокровенном желании, они просили Туманяна просто позаботиться об их дальнейшем образовании. Чаще остальных к поэту обращались дети сиротского приюта «Циранавор». Так, 18 декабря 1917 г. питомцы этого приюта Ншан Делоян и Гурген Айрапетян в письме, адресованном поэту, сообщают: «Многоуважаемый г. Ов. Туманян! Мы, двое сирот, проживая в сиротском приюте “Циранавор” около трёх лет, прошли

---

¹ Там же, с. 856.

² Там же.

один курс. Однако мы рассчитывали получить за три года полноценное обучение. Но из-за нашей злосчастной доли никто не протянул нам руку помощи и не осуществил нашей цели.

Поэтому узнав, что вы хотите дать образование нескольким ученикам, обращаемся к вам, чтобы вы стали нашим благодетелем и вершителем нашей цели. У нас есть также несколько сочинений. Если хотите, прочтите и после этого узнаете наши намерения.

Надеемся, что не откажете в нашей просьбе.

Жаждающие знаний сироты –

Гурген Айрапетян и Ншан Делоян»¹.

Стоило кому-нибудь из сирот этого приюта написать стихотворение, как он считал необходимым обратиться непосредственно к Туманяну, чтобы узнать его авторитетное мнение о своём произведении. 16 сентября 1919 г. шестнадцатилетний начинающий поэт сиротского приюта «Циранавор» пишет в своём обращении к Туманяну:

«Уважаемый, несравненный г. Туманян!

Моя жизнь, будучи цепью страданий... вдохновила меня сочинить несколько стихотворений, о которых хотелось бы узнать Ваше мнение»².

Сегодня невозможно точно установить, кому из своих юных корреспондентов писатель помог в осуществлении их мечтаний, а кому не сумел. Самоочевидно, что у него не хватило бы ни физических сил, ни времени отвечать каждому, не говоря уже об обстоятельных ответах, на которые, в принципе, и рассчитывали в глубине души практически все начинающие сочинители стихов. Можно не сомневаться, что из-за каждой невыполнимой просьбы душу поэта охватывала печаль, и он искал и находил утешение во всех тех уголках «страны сирот», где мог принести реальную пользу, оказать реальную помощь.

В СИРОТСКОМ ПРИЮТЕ АЛЕКСАНДРОПОЛЯ

Ованес Туманян был прекрасно осведомлён о жизни и заботах других сиротских приютов, находившихся в Армении и за её пределами, поскольку к нему обращались многие питомцы, а также управляющие и рядовые сотрудники этих приютов. Они сообщали поэту о проделанной работе и предстоящих намерениях, о своих нуждах и потребностях. И поэт, не считаясь с перенапряжением

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1484 (767).

² Там же, N1019 (275 доп).

своих сил, с расстроенным здоровьем, подвергая опасности свою жизнь, всячески старался помочь, быть полезным. Сиротских приютов было очень много, и находились они в самых разных регионах Армении и Кавказа – в Эчмиадзине, Дилижане, Нор-Баязете, Ахалкалаке, Караклисе, Карсе, Игдыре, Батуме, Санаине, Александрополе, Аштараке, Баку, Тифлисе, Ереване и других местах.

Особо пристальное внимание писатель уделял сиротским приютам Александрополя. Дети, нашедшие пристанище в этих приютах, впоследствии вспоминали свои будни во всех деталях и подробностях. Их воспоминания объясняют, почему именно детские дома Александрополя всегда были в центре внимания поэта и стали предметом его особой заботы.

Ншан Абрамян рассказывает: «Мы давали прозвища различным сиротским возрастным отделениям. Первыми шли самые маленькие – *вишвые*, затем – *разносчики новостей*. Остальные были *беспризорниками*, *нищими гордецами*. Управляющей одного из таких приютов была женщина. Там были Даштенц¹, Шираз². Большинство преподавателей университета были оттуда – Наири Зарьян³ и другие»⁴.

Лусик Баласанян констатирует факт отправления армянских детей-сирот в США, что не могло не вызывать чувства беспокойства у поэта. Об александропольском приюте Лусик рассказывает следующее: «Мой брат был слепым, мы не хотели расставаться друг с другом, но меня отвезли в Ленинакан, где был открыт сиротский приют для девочек. Американцы отбирали красивых, здоровых девочек, увозили в Америку... я никогда больше не увидела своего слепого брата»⁵.

Вардгес Алексанян вспоминает чрезвычайно плохие условия в приюте и равнодушное отношение его служащих к сиротам. «Нас перевезли в приют Гюмри. Было около сорока тысяч сирот. Нас устроили в бывших солдатских казармах – по возрастным категориям. Я был в младшем отделении. Здесь также было много умирав-

---

¹ Хачик Даштенц (Тоноян Хачик Тоноевич) (1909 - 1974) – известный армянский писатель, поэт, переводчик.

² Ованес Тадевосович Шираз (Оник Карапетян) (1914 - 1984) – классик армянской поэзии. Его отца убили на пороге своего дома, во время турецкого похода. Маленький Оник оказался в сиротском приюте Александрополя, откуда сбежал.

³ Наири Зарьян (Айастан Егизарян) (1900 - 1969) – армянский поэт, прозаик, драматург, переводчик. Был председателем правления Союза писателей Армении (1944 - 1946).

⁴ Вержине Свазлян, Геноцид армян. Свидетельства и показания очевидцев. http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49

⁵ Там же.

ших, потому что здание не отапливалось, еда была очень плохой, американцы иногда очень строго наказывали, лишали хлеба. Мы все ели хлеб, а тот, кто был наказан, сидел в уголке и смотрел на нас. А мы ели холодную фасоль. Были сильно распространены чесотка, трахома. Всё наше тело обмазывали фосфором и выстраивали на солнцепёке. Там была школа, учителя были армяне. Мы очень любили варжапета Саака, он был отцом Согомона Таронци¹. Стульев, столов не было. Сироты упражнялись в чистописании на спинах друг у друга. Я учился в сельскохозяйственном отделении. Первую половину дня мы учились, а вторая половина дня была посвящена практике. Нас везли заниматься земледелием»².

Макруи Саакян из села Бжнкерт, родители которой были состоятельными людьми, вспоминала, как её, восьмилетнюю осиротевшую девочку, мистер Нельсон и мисс Кэмпбел забрали вместе с другими сиротами из дилижанского приюта и перевезли в Александрополь, устроили в армейских казармах. «Нас было так много, что мы спали по двое в одной постели, кровати были двухэтажные. Нас обеспечили продовольствием, одежи. Американцы остались у нас. За нами ухаживали госпожа Тагуи, госпожа Нвард, барышни Макруи, Шушаник, Гоар; все они были из Вана. Санитарки нас купали. Мы сочинили песенку об американцах: «Мистер Браун приехал, собрал всех сирот. Никого не оставил бездомным, без присмотра и без защиты». Я там училась хорошо. Уже знала английский, русский. Однажды мистер Браун вызвал меня: хотел отправить в Америку. Но я не согласилась»³.

Вот по этой причине Ованес Туманян, прекрасно осведомлённый о ситуации и жизни в сиротском приюте Александрополя, именно оттуда отобрал несколько детей и повёз к себе домой в Тифлис, чтобы заботиться о них.

Сохранилось свидетельство матери видного армянского государственного и политического деятеля советского периода Карена Демирчяна⁴, жительницы Вана Люси (Луснтаг) Караханян о посе-

---

¹ **Таронци Согомон Саакович** (наст. фам. Мовсесян; 1905–1971) – арм. поэт.

² **Вержине Связлян**, Геноцид армян. Свидетельства и показания очевидцев. http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49

³ Там же.

⁴ **Карен Демирчян** (17 апреля 1932, Ереван – 27 октября 1999, там же) – советский и армянский партийный и государственный деятель. В 1972–1974 гг. был секретарём, а в 1974–1988 гг. – Первым секретарём ЦК КП Армянской ССР. Был депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР 10-11 созывов (1979–1989) от Армянской ССР, Верховного совета Армянской ССР. Член ЦК КПСС (1976–1989). В 1998 г. создал и возглавил Народную партию Армении. В июне 1999 г. был избран председателем Национального собрания Армении. 27 октября 1999 г.

щении Туманяном александропольских сиротских приютов и о деятельности, которую развернул поэт по организации ухода и заботы о детях-сиротах. Эти свидетельства дошли до нас благодаря книге Риммы Демирчян «Память», которую она посвятила памяти своего супруга Карена Демирчяна¹.

На долю Луснтаг Караханян выпала судьба сотен тысяч армянских детей-сирот. Её семье удаётся добраться до озера Ван, откуда предстояло продолжить свой путь на лодке. Римма Демирчян об этом эпизоде рассказывает так: «Ван был сказочно красив: окаймленный устремленными ввысь горами, утопающий в изумрудном море зелени, отраженной в благородной синеве Ванского озера, с богатыми домами и владениями Айгестана. Семья Караханянов была радушная, гостеприимная... Роковой день 24 апреля на всю жизнь остался в памяти 9-летней Люси тяжелым и страшным воспоминанием, незаживающей душевной раной. ... Братья из Стамбула как раз приехали домой, то ли на каникулы, то ли в отпуск. .... Семье удалось бежать, добежать до озера, где они собирались сесть на судно. Но вдруг отец Люси Овсеп, вспомнив, что оставил волов привязанными, решил вернуться домой, освободить их и потом присоединиться к семье. Ушел и не вернулся... его убил турок, 12 лет служивший у них дома. Затем он убил обоих сыновей Овсеп, которые были уже на берегу, и сбросил трупы в озеро»². Таким образом, маленькая девочка становится очевидицей страшной гибели всей своей семьи – отца Овсеп, который был очень состоятельным человеком, владел поместьями, занимался рыбоводством и был известен как благотворитель, а также убийства двух её братьев. На глазах своих малолетних дочерей обезумевшая от горя женщина бросается на ятаган и погибает: «Мать Люси, не выдержав потрясения, стала умолять турка, чтобы он ее тоже убил... то ли турок удовлетворил ее просьбу, то ли она сама закололась, бросившись на турецкий ятаган. Девятилетняя Люси и трехлетняя Анаит наблюдали эту жуткую сцену, спрятавшись в стоге сена, – излагает рассказ своей свекрови Римма Демирчян и продолжает: – До сих пор поражаюсь, как детская психика выдержала это потрясение, как выжили эти несчастные дети. Девочки несколько месяцев скитались, кормились плодами, травами, случайными подачками, пока их наконец подобрали

во время террористического акта в здании парламента Армении был убит.

¹ Римма Демирчян, «Память», Ер., 2013.

² «Семья Карена Демирчяна – история беженцев», газета «Новое время», Ер., 18 апреля 2015 г.

русские казаки и доставили на сборный пункт в Эчмиадзине, где собирали сирот перед отправкой в приют»¹.

Как это ни трудно представить, турок убивает тех самых людей, которые двенадцать долгих лет были его хозяевами, работодателями, благодаря которым он кормился сам и кормил свою семью.

Из пересказа истории Люси мы узнаём, что её младшая сестра была тяжело больна и что их разлучили в Эчмиадзине: старшую, Люсю, Луснтаг, перевезли в приют в Александрополе, и ей никогда уже не было суждено увидеть свою младшую сестру или хотя бы получить о ней какие-то сведения. Далее рассказ Люси в изложении Риммы Демирчян звучит так: «Приют в Александрополе часто посещал Ованес Туманян. При очередном посещении черноглазая смышленная девочка, видимо, приглянулась поэту, и он забрал Люси вместе с несколькими детьми к себе в дом... семья Туманяна была хоть и многочисленной, но очень спаянной и дружной. Они не были богаты, но держались с достоинством, никогда не принимали материальную помощь от меценатов, а те в свою очередь, чтобы как-то помочь, оказать внимание, часто всю семью приглашали на обеды. На одном из них присутствовала и свекровь. Она рассказывала, какой роскошный и соблазнительный стол был накрыт, и с каким ровным спокойствием вся семья, и она в том числе, отнеслись к трапезе, словно это было обычным явлением в их жизни. Так диктовал неписанный закон семьи»².

Из воспоминаний Луснтаг мы узнаём, что в доме Ованеса Туманяна проживали и другие дети-сироты. Сама Луснтаг прожила в доме поэта целый год и даже познакомилась там с легендарным полководцем Андраником. Она часто ходила вместе с большой, многодетной семьёй поэта в гости к их родственникам, друзьям и знакомым. «Люся .... рассказывала, – пишет далее Римма Демирчян, – как Андраник расспрашивал ее, задавал вопросы, гладил по голове, а в конце попросил что-нибудь спеть . Она спела одну из многочисленных песен о полководце . Год прожила свекровь в семье Туманянов.... Свекровь часто с гордостью повторяла, что она крестница Туманяна (видимо, ее, как и других сирот, нашедших приют в семье Туманянов, там крестили)»³.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

В СИРОТСКИХ ПРИЮТАХ ТИФЛИСА

Конечно, наиболее тесно Ованес Туманян был связан с тифлисскими сиротскими приютами.

В 1916 г. в Тифлисе функционировали девять сиротских приютов, где нашли пристанище 743 ребёнка. Среди тифлисских детских домов больше всего внимания поэт уделял приюту, учреждённому Благотворительным обществом, который находился немного за пределами города, во дворе церкви Циранавор. Этот сиротский приют по месту его нахождения часто называли также приютом Крцанис. Он был окружён большими садами и огородами. Приют имел свой детский сад, а школа была начальной, пятилетней. В связи с деятельностью этого приюта Туманяну приходилось тесно сотрудничать с «Земляческим союзом турецких армян», который старался всячески помогать, приносить пользу сиротскому приюту.

24 сентября 1915 г. председатель земляческого союза Аршак Сафарян и казначей союза Акоп Тер-Арутюнян дали в газетах следующее объявление: «Настоящим «Земляческий союз турецких армян» сообщает армянской общественности, что начиная с 15 сентября он взял на себя заботу о 150-170 сиротах, нашедших приют в Крцанисе, во дворе Церкви Циранавор, покрывая их повседневные расходы, и намеревается взять опеку над их воспитанием.

Сообщая об этом, Земляческий союз призывает всех, кто неравнодушен к судьбам бежавших из разорённой родины несчастных сирот, внести свою лепту, в каком бы размере она ни была, сделать добровольные пожертвования ради обеспечения этих несчастных сирот питанием и ради их воспитания в национальном духе»¹.

В этом приюте находились и питомцы Туманяна, и многие питомцы из Эчмиадзинских приютов, которые прекрасно знали и помнили поэта. Среди них был и известный архитектор, близкий друг самой младшей дочери поэта Тамар Туманян Вараздат Арутюнян². Он оказался среди сирот Эчмиадзина в шестилетнем возрасте. Вараздат Арутюнян часто вспоминал и рассказывал о своём сиротском детстве, о той поистине отеческой заботе, которую проявлял Ованес Туманян по отношению к детям. «Из-за эпидемии тифа ежедневно умирали сотни людей, – вспоминает В. Арутюнян. – Даже дома превратились в лазареты. Когда скончался мой брат Гурген, я увидел, как умерших людей складывают друг на друга, словно дрова, чтобы

---

¹ «Оризон», 1915, N215, 24 сентября.

² **Вараздат Мартиросович Арутюнян** (29 ноября 1909, Ван – 20 марта 2008, Ереван) – армянский архитектор и искусствовед, историк армянской архитектуры. Академик Национальной академии наук Республики Армения (1996), доктор архитектуры (1964), профессор (1965). Заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1961). Основал земляческий союз «Ван - Васпуракан».

ночью похоронить в общей могиле. Мой отец увидел, что мы тоже должны умереть, и собрал нас, отвёз в Тифлис... Мы оказались в сиротском приюте. Я, мой брат и сестра – все мы выросли в приюте Благотворительного общества, шефство над которым осуществлял Ованес Туманян... Приют находился во дворе тифлисской церкви Циранавор... В Тифлисе была столовая Тиграна Назаряна, там кормили беженцев. В его саду было построено деревянное помещение для театра – там укладывали беженцев на ночь, прямо на полу сцены»¹.

Автору этих строк очень часто доводилось встречаться с Варздатом Арутюняном в музее Ов. Туманяна, поскольку он принимал участие практически во всех туманяновских мероприятиях, и учёный-архитектор всякий раз повторял, что «единственными светлыми и яркими, достойными упоминания эпизодами прожитых в сиротском приюте лет были встречи с Ованесом Туманяном»².

В течение двух-трёх последующих лет число как сиротских домов, так и самих сирот удвоилось и даже утроилось – и по всей территории Закавказья, и в Тбилиси. И это несмотря на исключительно высокую смертность среди детей-сирот. Как председатель ряда общественных организаций, союзов и обществ Ованес Туманян присутствовал и принимал участие почти во всех тех мероприятиях и совещаниях, которые были посвящены судьбам армянских детей-сирот, вопросам заботы и ухода за ними.

1 октября 1918 г. Отдел по работе с беженцами Армянского национального совета в Грузии обратился к Туманяну – председателю Кавказского общества армянских писателей и попросил делегировать двух представителей «для участия в совещании по вопросу заботы и ухода за армянскими сиротами, которое назначено на сегодня, 1 октября, в 7 часов вечера, в зале Кавказского Армянского Благотворительного общества (площадь Абас-Абадян)»³.

По утверждению одного из питомцев Туманяна Вагаршака Норенца поэт часто навещал сиротские приюты Тифлиса, беседовал с детьми и обнадёживал их, потому что эти дети нуждались не только и не столько в пристанище, питании и одежде, сколько в ласковом и тёплом, нежном слове родного человека. Поэт был также частым гостем на литературных вечерах детей-сирот. Эти встречи делали лишившихся всех родных, обездоленных и беспризорных детей чуть ли не счастливыми. Один из таких сирот, Цолак Айказян, как-то обратился с письмом к Тамар Туманян и автору этих строк с

---

¹ **Вержине Свазлян**, Геноцид армян. Свидетельства и показания очевидцев. http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49

² Об этом см. также: <https://hy.wikipedia.org/wiki>.

³ МЛИ им. Е. Чаренца, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3.

письмом, в котором назвал встречи с Туманяном «лучом света на дождливых дорогах наших блужданий»¹.

Объятый безграничным и страшным горем, Туманян находит в себе силы, чтобы улыбаться детям и быть для них «лучом света». О портрете поэта, написанном в 1919 г. его одноклассником по Нерсисянской гимназии Амаяком Акопяном², учившимся впоследствии в Мюнхенской Художественной академии, Г. Карапетян пишет: «Если бы даже до нас не дошло ни одной страницы, документально показывающей тяжёлые дни Туманяна, пережитые им в 1919 г., то одного только выполненного с натуры портрета Амаяка Акопяна было бы достаточно, чтобы мы... почувствовали всю горечь души поэта в эти дни... Постарел раньше времени... И на улыбочное его лицо наложились складки и морщины, и чёрные тучи страданий... Печальный и поглощённый глубокими думами сидит перед нами поэт. Его мудрый лоб избороздили морщины, лицо, которое всегда могло пленять людей волшебной улыбкой, объяла тоска. Глаза опущены, пряча в глубинах бездонную любовь к жизни и к миру»³.

Примечательно, что в эти же самые дни, когда создавался этот портрет, окружавшие поэта дети-сироты даже не заметили этой глубокой и неизбывной печали. Именно своей неповторимой улыбкой Туманян продолжал оставаться «лучшим другом» и самым родным человеком для детей-сирот, и они мечтали о том, чтобы он присутствовал на всех их мероприятиях, литературных вечерах, чтобы они могли наслаждаться его присутствием, его участием. В ответ на приглашение принять участие в их ученическом утреннике 20 июля 1919 г. поэт пишет правлению Союза учеников-сирот следующее письмо: «Я очень сожалею, что из-за официального выездного заседания не смогу присутствовать на утреннике.

Восторгаюсь Вашим светлым воодушевлением и возвышенным волнением.

От имени совета Армянских писателей и правления Общества писателей из находящейся в моём распоряжении суммы выделяю

---

¹ Когда мы занимались исследованием темы «Туманян – Отец всех армянских сирот» и опубликовали в периодике тех лет объявление о четырёх усыновлённых питомцах Общества писателей, Ц. Айказян указал нам на ошибку, растиражированную в своё время газетой «Оризон», отметив, что на самом деле число усыновлённых питомцев было не четыре, а три. Он подробно рассказал нам в своём письме о жизни в сиротском приюте. Письмо хранится в нашем личном архиве.

² **Амаяк Акопян** (1971-1939) – армянский художник. Учился в императорской академии в Мюнхене. Жил и работал в Германии, Швейцарии, на Кавказе (в основном в Тбилиси). Один из учредителей Общества взаимопомощи кавказских художников (1907 г.). Писал преимущественно портреты, натюрморты, пейзажи.

³ **Г. Карапетян**. «Портрет поэта», газета «Банвор», Ленинакан, 1983, 2 июня, с. 3.

две тысячи рублей (2000) на ваши издательские дела, которые и принесу лично. Всегда ваш Ованес Туманян»(10, 331).

В приведённом письме поэт называет всех детей сиротского приюта “духовными питомцами” Общества армянских писателей. Конечно, он и на этот раз нарушил целевую направленность суммы, выданной лично ему: деньги эти предназначались на торжества по поводу его 50-летнего юбилея. Но он счёл необходимым распорядиться деньгами по-своему. Он передал детям сиротского приюта свои личные средства, причём сделал это от имени правления Общества писателей. Отметим, что не было ни одного случая, чтобы Туманян взял из литературного фонда Общества писателей на свои личные нужды хотя бы одну копейку – в качестве компенсации за какие-то расходы, или в качестве пособия, или в качестве дарственной. Архив Кавказского общества армянских писателей сохранился почти полностью, и в этом архиве нет ни одного свидетельства современников о том, что Туманян хотя бы единожды воспользовался суммами литературного фонда Общества в своих личных целях, в то время как в тот же самый период он выкраивал какие-то средства и выдавал пособия другим армянским писателям и искусствоведам – Ширванзаде, Д. Демирчяну, Атабеку Хнкояну и другим¹.

Две тысячи рублей, которые поэт передал детям сиротского приюта, были затрачены на издание еженедельника «Парос». Питомцы приюта рассказывали здесь обо всех волнующих проблемах, и прежде всего – об опасностях, угрожающих их физическому существованию. Так, в номере еженедельника за 30 марта Туманян прочитал письмо в редакцию за подписью «Сиротки Дарачичака». Письмо это представляло собой крик души, мольбу о спасении. В нём говорилось: «Метель бушует более десяти дней. Мы отрезаны от мира без средств существования. За восемь месяцев на все наши многочисленные обращения и мольбы о помощи соответствующие органы не откликнулись. Плохо, если люди берут на себя обязательства и не посвящают себя общественной цели, и сегодня обрекают на голодную смерть 4000 сирот. В качестве частицы национального целого мы протестуем против такого поведения и просим помощи ради нашего спасения.

---

¹ См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N215, Журнал поступлений и расходов Кавказского общества армянских писателей. В 1918 г. было израсходовано 12.050 руб. на пособия двенадцати членам Общества – Ширванзаде (1000 р.), Вртанесу Папазяну (1000 р.), Вардгесу Агароняну (1000 р.), Деренику Демирчяну (1000 р.), Г.Аганяну (1000 р.), Л. Манвеляну (1000 р.), Торосу Тороманяну (1000 р.), Степану Канаянцу (700 р.), Атабеку Хнкояну (1600 р.), Амбарцуму Мазманияну (500 р.), В. Валадяну (500 р.), Аристакесу Заргаряну (500 р.).

Где десятки наших уполномоченных?

Восемь месяцев мы живём впроголодь, но сегодня голод постучался в наши двери, и это наш последний призыв – на помощь! На помощь!»¹.

Ованес Туманян не успел ещё взять на себя обязанности председателя Комитета по сбору пожертвований для помощи армянским сиротам и беженцам, как уже различные благотворительные организации и частные лица, занимавшиеся заботой о сиротах, обращались к писателю с самыми разными просьбами, тем самым обратив писателя в народного предводителя и в этой сфере. Как все возможности и средства Общества армянских писателей, так и возможности и средства других руководимых им общественных организаций Туманян использует для того, чтобы ещё шире развернуть деятельность по уходу за детьми-сиротами. Так, 4 декабря 1918 г. (то есть буквально на следующий день после того, как он узнал из газет о трагической гибели сына Артавазда), поэт в своей квартире председательствует на заседании центрального совета Союза земляческих союзов и предлагает изыскать денежные средства и возможности для открытия новых сиротских приютов².

С целью координации деятельности разных сиротских приютов и обеспечения общего контроля за работой приютов Туманян созывает собрание представителей всех общественных организаций Тифлиса, занимающихся заботой о сиротах. Собрание это состоялось в 7 часов вечера 4 июля 1919 г. в зале Армянского Благотворительного общества. В этой связи управляющая сиротским приютом «Гаянян» (N5) при Американском комитете Амаспюр Мирзаханян в письме к поэту обращает его внимание на следующее обстоятельство:

«Уважаемый г. Туманян,

Учитывая, что собрание непременно рассмотрит вопросы заботы о наших сиротах, я и мои подруги, вместе с которыми мы вот уже более пяти лет занимаемся физическим и нравственным воспитанием наших детей (формально – в качестве должностного лица, а на самом деле – в качестве хозяек сирот), сообщаем Вам и обращаемся с просьбой, чтобы Вы раз и навсегда освободили нас от разных так называемых опекуноско-попечительских организаций. Эти организации не только являются абсолютно лишними службами, но и совершенно губят и препятствуют делу воспитания и заботы о

---

¹ Литературно-общественный еженедельник «Парос», 1919, N1, 30 марта (на арм. яз.).

² Л. Карапетян. Туманян и Союз земляческих союзов. «Историко-филологический вестник», 2002, N2 (160), с. 39 (на арм. яз.).

наших детях. Если бы ответственные лица всех сиротских приютов занимались своей работой от души и не оставались бы в роли одних только должностных лиц, сегодня то же самое могли бы сказать и все другие.

Мы преисполнены надежд, что сегодняшнее собрание учредит какой-нибудь орган, состоящий из личностей, пользующихся доверием собрания. И этот орган сможет организовать и упорядочить дело заботы о сиротах и разработать определённую образовательно-культурную программу, избавив наших детей от различных опекающих рук»¹.

Кроме сиротского приюта «Циранавор», Туманян периодически навещал и другие приюты Тифлиса. Туманян поощрял не только детей, занимавшихся литературным творчеством, но и всех тех, кто имел желание хорошо учиться, получить хорошее образование и специальность.

Воспоминания очевидцев дополняют историю, а еще точнее – хронику деятельности «Отца Всех Армянских Сирот» в Тифлисе. Так, уроженец Вана Гурген Киракосян, отец известной зарубежной армянской писательницы Алисии Киракосян², рассказывает, что в тифлисский приют, питомцем которого он был, часто приходил Туманян; он раздавал одежду и еду, принимал самое искреннее участие в судьбе каждого ребенка. Во время одного из своих посещений поэт, призывая детей учиться как можно лучше, пообещал во время следующего своего визита, то есть через неделю, повести к себе домой наиболее отличившихся учащихся и познакомить их с полководцем Андраником. Можно представить, как это обещание воодушевило сирот. Все жили ожиданием. «Наконец Туманян приехал, отобрал десять самых успевающих сирот, среди которых был и я, и повел к себе домой, где мы встретились с великим полководцем – Андраником; с нами побеседовали, затем усадили нас за стол, угостили и проводили обратно. Этот памятный день произвел на нас неизгладимое впечатление, а немеркнущие образы Андраника и Туманяна сопровождали меня всю мою жизнь»³. И вообще всякий раз,

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1754 (402).

² **Алисия Киракосян** (1936–2014) – армянская испаноязычная поэтесса. Была почетным председателем испаноязычных писателей Америки. Почётный доктор НАН РА (2007). В 1996 году Алисию номинировали на Нобелевскую премию в области литературы.

³ Эту историю рассказал дочери поэта Тамар Туманян один из посетителей музея поэта, присутствовавший на очередных Туманяновских чтениях. Мы считаем этот рассказ вполне достоверным и убедительным, хотя документального подтверждения он нигде не получал. Случай этот мог произойти либо в апреле 1916 г., когда Андраник, 18 марта войдя в открытый конфликт с генералом Абацие-

когда Андраник приходил в гости к своему другу-поэту, тот не упускал удобного случая, чтобы дать возможность своим питомцам-сиротам пообщаться с легендарным полководцем, – уверенный, что встреча и общение с великим патриотом Армении станет для детей самым лучшим уроком патриотизма. Об этом говорит в своих воспоминаниях Вагаршак Норенц.

В свою очередь, дети-сироты, постоянно видя искреннюю и заинтересованную заботу со стороны знаменитого писателя, получая от него не сравнимую ни с чем духовную пищу, которую давали им и произведения Туманяна, и ежедневное общение с ним, – старались быть благодарными, поскольку только в нём они видели замену своим потерянным родным.

Для детей-сирот, так же как и для всех армянских детей 50-летний юбилей самого народного поэта был настоящим праздником, и это вопреки воле самого Туманяна, который решительно противился проведению каких-либо торжественных мероприятий, попросив своих литературных друзей «не поднимать шума». Но при этом он, конечно же, не мог не принимать искренних поздравлений от всех учащихся тифлисских армянских школ, не говоря уже о питомцах сиротских приютов. А дети большими группами собирались под окнами дома писателя, чтобы увидеть великого сказочника, автора самых любимых и известных детских произведений; они приглашали его в свою школу или сиротский приют, приходили сами к нему домой, писали ему поздравительные письма и открытки и т.д. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Посещение сирот было очень трогательным. Они с любовью и удивлением смотрели на отца и радовались»¹.

Во всех поздравительных письмах сирот Туманян по-прежнему был для них «отцом», «айриком», хотя далеко не все из них были его усыновлёнными питомцами, далеко не все из них проживали у него дома. Но все они были сиротами, и всем им жизненно необходимо было называть кого-то отцом, обращаться к ко-

---

вым, передал свой отряд Смбату и приехал в Тифлис, либо в мае 1916 г., когда Андраник подал в отставку в Тифлисе – в связи с расформированием армянских добровольческих дружин, либо в январе или апреле 1917 г., когда полководец был частым гостем дома Туманяна. Ещё более вероятно, что встреча сирот с Андраником состоялась между 28-м апреля и серединой мая 1919 г., когда полководец, сдав 27 апреля в Эчмиадзине всё вооружение и боеприпасы Католикосу, приезжает в Тифлис и некоторое время, точнее, около двух недель, проживает в доме Туманяна. Только 7 мая он получает разрешение на выезд в Европу и 10 мая выезжает из Тифлиса. См. Андраник Озанян, Документы и материалы, Ер., 1991, с. 448.

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 186.

му-то этим самым сокровенным, самым дорогим и самым нежным словом: «Айрик».

Как уже отмечалось, лишённые родителей и родительской ласки и нежности дети стали называть Туманяна «отцом», «айриком» ещё в Эчмиадзине, и это обращение, или даже можно сказать, почётный титул сопровождал поэта всю его сознательную жизнь, вплоть до самой смерти.

В числе многочисленных поздравительных писем, открыток и телеграмм было и послание учащихся первого класса гимназии Лисициан Григора Кочойкяна, Левона Мнацаканяна и Даниэла Шахбазяна. В нём говорилось:

«Дорогой айрик!

Сегодня на уроке армянской литературы мы проходили «Гикор», когда г. Гисак¹ заставил нас встать и сказал:

– Дети, сегодня мы проходим произведение того великого поэта, которому исполнилось 50 лет. Сегодня праздник этого большого человека.

Наш первый класс читал много Ваших рассказов и научился очень-очень многому. Примите и наши искренние поздравления, дорогой Айрик. Желаем Вам долгой жизни...»².

Туманян старался по мере возможностей не отказывать детям в их просьбах и приглашениях посещать их мероприятия. Его присутствие вызвало большое оживление и ликование на литературном утреннике, организованном создателями ученического еженедельника «Парос» 7 июня 1919 г. в зале Кавказского Армянского Благотворительного Общества. В этот день Туманян идёт на мероприятие в сопровождении Дереника Демирчяна, Исаака Арутюняна и других писателей и видных представителей интеллигенции. Утренник постепенно переходит в торжества, посвящённые 50-летию Туманяна³. Поэт волнуется и ощущает неловкость из-за «безудержных восхвалений»⁴ как питомцев приюта, так и управляющего сиротским приютом Нерсисян поэта Азата Вштуни⁵.

---

¹ Речь идёт о педагоге Гисаке Ованнисяне, который также подписал данное письмо, представившись следующим образом: «Воспитатель первого класса, Ваш младший ученик». См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1514 (1688).

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1514 (1688).

³ «Парос», 1919, N12, с. 3.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 855.

⁵ **Азат Вштуни** (Карпет Сетович Мамиконян) (1894, Ван - 1958) – армянский поэт, педагог, журналист, литературно-общественный деятель. Сотрудничал с газетами «Ван-Госп» и «Ашхатанк». Учился в Стамбуле; был слушателем Сорбонны (1911–14). С 1914 жил в Тбилиси, затем в Ереване. Участвовал в борьбе за установление Советской власти в Закавказье и Крыму (1917-1920). Вёл руководящую работу в литературных организациях Советской Армении.

Поэт часто посещал эти приюты не только для того, чтобы приобщаться к жизни детей-сирот, чтобы облегчать их проблемы и оказывать им содействие, но и для того, чтобы беседовать с ними о национальной культуре, истории, искусстве и литературе, о планах на будущее. При этом подробную информацию о встречах с Туманяном, о прочитанных поэтам лекциях и докладах первым публиковал ученический периодический орган – еженедельник «Парос», денежные средства для издания которого передал приютским детям не кто иной, как Туманян. Понятно, авторами информационных материалов, так же как и стенографистами выступлений поэта были преимущественно усыновлённые им питомцы.

Так, 13 июля 1919 г. в тифлисском сиротском приюте «Цуриян» Ованес Туманян выступил с лекцией на тему «О задачах нового поколения», и поскольку еженедельник «Парос» к тому времени испытывал денежные затруднения и выходил с перебоями, то краткое изложение лекции увидело свет только 3 августа 1919 г.

С детьми, прошедшими все круги ада и видевшими резню, погромы, вынужденное переселение, поэт беседовал о духовной и интеллектуальной свободе и раскрепощённости, о необходимости преодолеть чувство ненависти и мести, о том, что нужно всем народом, всей нацией научиться осознавать свои недостатки и искать пути для их преодоления. Поэт обособлял физическую и духовную свободу, добившись единства которых можно будет обеспечить полноценную свободу личности. «Наша вчерашняя свобода ещё очень неполная, а наша большая, настоящая свобода придёт к нам только тогда, когда мы душой и мыслью также освободимся от турецкого засилья»(7, 554).

Поэт говорил с детьми о самой большой беде армянского народа, – о том, что, прожив долгие годы под турецко-татарским игом, армяне приобрели дурные качества, от которых пришлось время избавляться. Для подтверждения этой своей мысли он приводит слова из «Предисловия» к англо-армянскому словарю, составленному Джорджем Байроном: «Все достоинства и добродетели армян – их собственные, а все отрицательные качества они переняли у народов, которые их поработили»¹.

---

¹ В 1816 г. Джордж Байрон посетил арменоведческую конгрегацию на острове Св. Лазаря. Вдохновленный армянской культурой и, в частности, литературным наследием, Байрон стал изучать армянский язык. Известно его выражение об армянах и Армении: «Но какова ни была бы их судьба, а она печальна, что бы ни ожидало их в будущем – их страна всегда должна оставаться одной из самых интересных на всем земном шаре; и уже самый их язык, быть может, требует только большего изучения, чтобы получать все больше привлекательности... Если писание правильно толкуется, то рай был расположен именно в Армении, кото-

Великий гуманист, проповедовавший правовое равенство народов, тем не менее, видит в них существенные различия, среди которых выделяет два: отношение к женщине и творческий потенциал. Поэт различал нации по их отношению к искусству и культуре, по той роли, которую они сыграли в истории цивилизации. В этом смысле армянский поэт, что вполне естественно, отмечал преимущества своего созидającego и склонного к творчеству народа, причём делал это без тени тщеславия и национального чванства. Он подчёркивал эти преимущества как проявление культурной экспансии Запада и представлял их, в частности, в контексте огромного значения Запада для истории человеческой цивилизации и культуры, в контексте принципиально различных подходов к женщине со стороны Запада и Востока. Поэт говорил: «Как и все христианские народы, так и армяне возвысили женщину настолько, что внесли её в церковь, дали ей имя Богородицы и поклоняются ей, в то время как турки замуровали её в гареме и считают её низшим существом, годным лишь для удовлетворения желаний мужа»(7, 555). В качестве наглядного примера того, что армяне имеют творческую душу и преклоняются перед красотой, поэт простым и ясным языком рассказал следующий случай: «В 1896 г., когда в Ване происходила резня армян, турки, круша и уничтожая всё вокруг, убивая людей, вошли в дом одного человека, и тот среди всего этого ужаса и кошмара начал защищать своё произведение – скульптуру, чтобы её не разбили, и это при том, что турки убивали людей»(7, 555).

Разумеется, Туманян не мог в эти годы совершенно не затрагивать вопроса о вполне естественном и справедливом чувстве мести, охватившем целый народ, у которого отняли всё, лишили родного очага, дома, города, родных и близких, лишили родины. Поэтом владело беспокойство; он боялся увидеть поколение, выросшее на ядовитой ненависти и мести, и поэтому он говорил, обращаясь к детям: «Ну, и как нам теперь обрести свою свободу? Вероятно, многие думают: убивая и мстя туркам. Но нет, это уже само по себе несчастье; убивая, мы помогаем туркам добиться своей цели, мы упо-

---

рая заплатила так же дорого, как и потомки Адама вообще, за мимолетное участие ее почвы в блаженстве того, кто был создан из ее праха; там начала спадать вода после потопа и вылетел голубь. Но почти что с исчезновением рая начались и несчастья страны, потому что хоть она долгое время была могущественным царством – она редко была независима; персидские сатрапы и турецкие паши в равной степени содействовали разорению того края, где бог создал человека по своему образу и подобию.

На земном шаре нет другой страны, которая была бы так насыщена чудесами, как земля армян...». См.: Джордж Байрон – об Армении и армянах. <http://ru.hayazg.info>

добляемся им; мы должны стремиться не уподобляться туркам, а просветить их самих, уподобить их себе. Те народы, которые переполнены мести один к другому, не имеют покоя, они режут друг друга, разрушают достижения друг друга и наносят друг другу огромный урон»(7, 555).

Поэт говорил всё это нагим и голодным, прошедшим резню и погромы подростками и детям, и поэтому должен был внушить им надежду и веру, чтобы они могли обрести уверенность и смотреть в будущее без страха и опасений. Поэт говорил: «Я верю, что это – закат нашего рабства, что отсюда начинает открываться рассвет нашей великой свободы, и именно вы заложите её основы... Не думайте, что если кто-то нищий и сирота, то не может стать большим человеком и совершить великие дела. Напротив, биографии великих людей доказывают, что величайшие люди были бедными. Я глубоко убеждён, что именно вам суждено выковать нашу свободу, ту самую, о которой я говорил»(7, 556). Он всячески заверял детей, что каждый из них является родным сыном своего народа и наделён его творческими способностями.

Своё выступление поэт завершил несколькими наказами и наставлениями, среди которых в памяти детей сохранились следующие: «Вы должны узнать себя, самопознание является самой большой победой... для детей, подобных вам, самым большим врагом является самоуверенность и переоценка своих потенциальных возможностей»(7, 557).

После выступления дети задают докладчику множество вопросов и еще долго удерживают в приюте своего, по их же собственному выражению, «самого любимого поэта». Авторы информации о встрече отметили: «Лекция завершилась бурными аплодисментами, в конце были заданы вопросы, на каждый из которых дорогой лектор ответил со всей обстоятельностью»¹. В заметке о встрече отмечалось также, что «каждое слово Туманяна явилось для нас заповедью и наставлением, указывающим грядущее маяком»².

В 1917-1918 годы положение детей в сиротских приютах было особенно ужасным. Голод и эпидемии ежедневно уносили тысячи детских жизней. В телеграмме, отправленной из Тифлиса в ноябре 1918 г. в адрес попечительства, говорилось: «У приютов нет денег... Положение критическое»³. А еще раньше, весной того же года, столь же тревожную телеграмму отправляет Армянское благотворительное общество: «Положение приютов в Тифлисе ужасающее.

---

¹ «Парос», Тифлис, 1919, N19, 3 августа.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 856.

³ Национальный архив Армении, ф. 28, оп. 1, д. 609, л. 34.

Национальный совет отказывается содействовать. Просим незамедлительно помочь»¹. Несмотря на то, что телеграммы эти были отправлены не на имя Туманяна, он и в этом случае не замедлил откликнуться, прийти на помощь. И не случайно, что когда по инициативе Верховного комиссара Армении при Армянском национальном совете в Грузии полковника Гаскеля (назначение получил летом 1919 г.)² был организован Комитет помощи армянским беженцам и сиротам, то председателем его был избран Ованес Туманян³. Членами Комитета были представитель верховного комиссара союзных государств Эрнест Гароу, князь Борис Аргутян-Еркайнабазук (Долгорукий) (казначей) и Тигран Ованесян (секретарь)⁴. И теперь уже Туманян по должности был обязан делать то, что давно уже делал по своему собственному желанию и почину. В качестве председателя этого Комитета Туманян проводил совещания у себя дома.

Упоминания заслуживает заседание Комитета от 24 марта 1920 г., в котором приняли участие члены комитета по сбору вспомоществований, а также председатель Американского комитета Э. Гароу, представители прессы и другие лица. Было принято решение в самые короткие сроки организовать добровольные пожертвования. С этой целью необходимо было опубликовать воззвание и распространить благотворительные квитанции среди различных общественных организаций. И вновь с призывом к общественности обратился Туманян – и как председатель Общества попечительства сирот, и как непререкаемый авторитет, слово которого имело огромную действенную силу. Обращаясь к своему народу, поэт говорил: «Значительная часть нашего народа, проживавшего в Армении, подверглась резне, остальная часть рассеялась в виде сирот и беженцев. В каждой стране, где у людей есть сердце, они содрогнулись от этого невиданного бедствия и со всех сторон пришли на помощь, чтобы защитить наших несчастных соотечественников. Самая большая помощь поступила и продолжает поступать от великого американского народа, и этого армяне никогда не должны забывать.

В нашей стране спасшийся от резни крестьянин поделился своим сухим куском хлеба со своим несчастным братом.

Далёкие поселения беженцев также поспешили доставить свою братскую помощь, и продолжают помогать. Только армянство

---

¹ Там же, л. 43.

² «Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828-1923)», под ред. Дж. С. Киракосяна. Ер., 1972, с. 550 (на арм. яз.).

³ «Слово», 1920, N48, 29 февраля.

⁴ Там же, N88, 21 апреля.

Грузии, которое не подверглось турецкому бедствию, допустило упущение в выполнении своего священного долга. Правда, многие пришли на помощь – как отдельные лица, так и группы людей, однако эта помощь так никогда и не приобрела характера общей общественной помощи.

Конечно, явление это не следует объяснять недостатком чувства сопереживания или сознания долга, а тем обстоятельством, что не было организовано дело общего вспомоществования.

По инициативе Верховного комиссара Армении полковника Гаскеля состоялось совещание и была создана комиссия, призванная восполнить этот досадный пробел в деле оказания помощи армянским сиротам и беженцам.

Комиссия сотрудничает с Американским комитетом: в неё включён представитель Верховного комиссара Армении, и полученные денежные суммы периодически должны передаваться Американскому комитету, который продолжает заботиться о наших сиротах и беженцах. И в нашей периодике должны постоянно публиковаться списки дарителей и даваться публичные отчёты.

Комитет считает, что это дело имеет насколько материальное, настолько и моральное значение; следовательно, вопрос этот касается не только богатых, но и, в первую очередь, нашей интеллигенции и разных слоев трудящихся.

Кто чем может, должен прийти на помощь сиротам и беженцам и иметь в своем кармане квитанцию нашего комитета»¹. Квитанцию эту Туманян называет «нравственным пропуском», который, по его убеждению, обязан иметь каждый армянин – от мала до велика, каждый, кто имеет в груди человеческое сердце и национальное чувство².

Далее отмечалось, что денежные суммы на имя комиссии можно передавать Торговому и Кавказскому банкам Тифлиса, Обществу взаимного кредита, Армянскому национальному совету Грузии, а также редакциям газет «Ашхатавор», «Мшак», «Слово». Отмечалось также, что учреждения, организации и группы, желающие помочь в деле добровольных пожертвований, могут получить книжки квитанций лично от председателя Комитета Ованеса Туманяна

---

¹ Черновой экземпляр Воззвания хранится в МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3. Воззвание не было включено ни в одно из научных изданий произведений поэта. Впервые отдельными фрагментами мы опубликовали его в своей монографии «Туманян и Кавказское общество армянских писателей», Ер., 2009, с. 124. Полный текст под названием «Армянский народ Грузии» от имени председателя Комитета и его членов был опубликован в газете «Нор ашхатавор», Тифлис, 1920, N11 (83), 17 апреля.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3.

(по адресу ул. Вознесенская 18) или от казначея Комитета Бориса Еркайнабазук-Аргутяна (по адресу ул. Вознесенская 7). Сообщалось также, что на всех квитанциях будут подписи председателя, казначея Комитета или заменяющего его лица, а также круглая печать Комитета. Книжки квитанций заверены печатью Армянского Национального совета Грузии и подписью представителя контрольной комиссии¹.

Верховный комиссар Армении полковник Гаскель в своих выступлениях часто отмечал, что денежные суммы для армянских сирот и беженцев большей частью собирал и посылал простой народ Америки, рабочий и ремесленник, все трудящиеся американцы. Откликом на подобные выступления следует считать статью-обращение Ованеса Туманяна «Всеобщее добровольное вспомоществование», адресованную каждому армянину. Ещё в 1919 г. Эрнест Гарроу собирал совещания с целью организации добровольных вспомоществований для беженцев и сирот, в которых участвовал также Туманян. Однако результаты были неудовлетворительными. Война привела к массовой, повсеместной нищете. Тем не менее, было необходимо каким-то образом спасти от голода и гибели многочисленных беженцев и сирот, нашедших пристанище на территории Закавказья. Туманян пишет: «Мы можем давать тысячу и одно объяснение, почему именно мы не приняли должного участия в деле спасения наших сирот и беженцев, однако ни одно объяснение не может послужить для нас оправданием.

И виноваты не только наши богачи, но и мы – каждый из нас виноват.

Кто сколько мог отдать – это отдельный вопрос, но что каждый из нас мог отдать: у кого много – больше, у кого мало – меньше, но не дали – вот в чём проблема.

Несколько раз эта проблема поднималась в нашей периодике и осталась без последствий...

И вот теперь эту же проблему вновь ставит на повестку дня Верховный комиссар Армении полковник Гаскель.

Из его слов, между прочим, видно, что миллионы, затраченные на наших сирот и беженцев, большей частью копейка к копейке собирали и послали обычные люди Америки... Многие из них, не имея излишков, подвергали себя лишениям, отрезали от своих ежедневных расходов и давали, чтобы суметь помочь армянским беженцам и сиротам.

---

¹ Там же. См. также: «Нор ашхатавор», Тифлис, 1920, N11 (83), 17 апреля.

Были случаи, когда люди распродавали всё своё имущество и дарили созданному в Америке Комитету попечения об армянских сиротах и беженцах.

В связи со всем этим, вместе с чувством глубокой признательности, на человека давит какой-то тяжёлый стыд – мол, а что сделали мы?

Проблема вновь выносится на повестку дня, и есть только один выход, чтобы избавиться от ощущения этого стыда.

Семья каждого армянина должна взять на себя добровольное обязательство: по мере возможностей и через Армянский национальный совет Грузии передавать собранные суммы Американскому комитету.

Речь идёт о кавказском армянстве и, в особенности, об армянстве Грузии.

Только добровольное ежемесячное вспомоществование может освободить нас от того ужасного осуждения, которое неизбежно придёт.

Нет ни иного выхода, ни какого-либо способа оправдания»(7, 397).

Сам Туманян взял на себя добровольное обязательство и от имени своей семьи ежемесячно выплачивал фонду сирот и беженцев 300 рублей. Он пытался своим личным примером внедрить в армянское население Тифлиса и всего Кавказа традицию, культуру ежемесячных добровольных взносов. Вполне естественно, что руководимое Туманяном Кавказское общество армянских писателей не могло остаться безучастным как в этом всеобщем добровольном вспомоществовании, так и в любом другом мероприятии, направленном на оказание помощи армянским сиротам и беженцам. Ещё два года назад (как, например, в октябре 1918 г.) на все мероприятия и совещания Отдела по работе с беженцами, функционировавшего при совете грузинских армян Вирка и Тифлиса, приглашались в основном представители Общества армянских писателей¹.

Отеческая забота Туманяна о детях-сиротах не прекращалась вплоть до самой смерти поэта. В 1920 г. он продал право на издание своих книг и из полученной суммы в 30.000 рублей 10.000 руб. передал армянским сиротам, ещё 10.000 руб. отдал пострадавшим от разрушительного землетрясения в Грузии, а оставшиеся 10.000 руб. перечислил фонду голодающего населения России².

---

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3.

² «Ашхатавор», Тифлис, 1920, N55.

ИГРЫ НА АРМЯНСКУЮ ТЕМАТИКУ

Прошёл почти целый год после того, как в связи с резко ухудшившимся летом и осенью 1915 г. состоянием здоровья Ованеса Туманяна обеспокоенные врачи предписали ему полный покой и назначили длительное и серьёзное лечение в санатории или каком-нибудь курортном месте. Наступил уже июнь 1916 г., а каких-либо заметных изменений в лучшую сторону в самочувствии поэта не наблюдалось. «Я очень усталый и слабый», – сетовал поэт 3 июня 1916 г. (10, 240). Тем не менее, этот страшный и судьбоносный для всего армянского народа год оказался довольно плодотворным в жизни Туманяна, оказался периодом энергичной деятельности, направленной на спасение жизней многих детей-сирот, на сохранение физического и духовного здоровья народа.

Целое поколение армянских детей фактически потеряло своё детство. Потеря эта, конечно, была необратимой. Однако Туманян не умел отчаиваться, опускать руки. Он искренне верил и надеялся, что когда-нибудь, в один прекрасный день турецкие и курдские преступники предстанут перед лицом истории и нанесённый армянам материальный ущерб будет в той или иной степени компенсирован. Поэт стремился также вернуть осиротевших детей в их детский мир, а это уже было не вопросом обозримого и перспективного будущего, а чрезвычайно важным, животрепещущим и не терпящим никакой отсрочки и отлагательства делом.

Мир детей был самым любимым миром Ованеса Туманяна, к которому он стремился всегда – и в самые радостные, и в самые печальные дни своей нелёгкой жизни.

Даже в самые тяжёлые для своих западноармянских соотечественников дни, в дни резни, погромов и депортации поэт не только лично заботился о сиротах и ухаживал за ними, не только усыновлял наиболее одарённых из них, но и придумывал для детей различные занимательные и образовательные игры и викторины, пытаясь вернуть им их детство. До самых последних дней своей жизни он сохранял в себе это нежное и заботливое чувство к миру детей, и даже будучи тяжело и неизлечимо больным, находясь в московской больнице со страшных диагнозом, он вспоминал свои детские годы, стремился вернуться в своё детство, «в тот зелёный возраст, который зовётся детством»¹.

В дни своего 50-летия Туманян, обратившись к детям, сказал: «Это не вы мне обязаны, а я вам обязан и благодарен, дорогие мои дети, вы подарили мне самые яркие и лучшие дни и мгновения моей жизни, я был с вами, я жил вами»².

¹ Н. Туманян, Ованес Туманян (к семидесятилетию со дня рождения). Ер. «Петрат», 1939, с. 94.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 198.

Туманян как художник слова сопровождает армянских детей с самого раннего возраста, чуть ли не с пелёнок. Об этом говорилось и писалось очень много и ещё часто будет повторяться, поскольку ни один современный армянский детский писатель не может обойтись без учёта богатейшего опыта Туманяна, и в этом смысле Туманян всегда будет находиться рядом с каждым армянским детским писателем, будет служить ему путеводной звездой.

Детские произведения Туманяна никогда не устареют, как никогда не может устареть детский крик и детский смех, удивление и улыбка, стремление узнать и понять злое и доброе начало в этом мире, как не может устареть радость при виде победы добра в мире волшебных сказок. Значение таланта Туманяна ещё более возвышает то обстоятельство, что он, став самым родным спутником армянских детей, своим восприятием и осмыслением жизни никогда не отдаляется от детей. Это действительно исключительное качество литературного дарования. Видный туманяновед Левон Ахвердян отмечал: «Не так уж и много писателей, которые берут ребёнка за руку, когда он только начинает делать первые шаги, и идут с ним до последних его шагов, до глубокой старости, всегда оставаясь для него мудрым и близким. Одним из этих немногих является Ованес Туманян»¹.

На первый взгляд создание обучающих игр в такое, скажем прямо, неблагоприятное во всех отношениях время кажется совершенно невероятным делом, тем более для такого перегруженного работой и всевозможными заботами и обязанностями человека, как Туманян. Однако великий поэт в это многотрудное время больше, чем когда-либо, был озабочен душевным здоровьем подрастающего поколения, покалеченными детскими судьбами, задачей возвращения каждого ребёнка из той ненормальной, экстремальной ситуации, в которой он оказался не по своей воле и в силу рокового стечения обстоятельств, в размеренную жизнь, в нормальную психологическую обстановку. Поэт в это время старался обеспечить детей не только питанием и одеждой, чтобы они не погибли от голода и холода, но и духовной пищей, чтобы эти раньше времени повзрослевшие мальчики и девочки снова ощутили себя детьми, вернулись к полноценной и полноценной жизни.

В годы войны Туманяну не удаётся написать какое-либо детское произведение – будь то сказка, баллада или рассказ, или просто детское стихотворение. Чтобы как-то восполнить этот пробел, писатель переводит двенадцать сказок, большую часть из произведений братьев Гримм. Только в 1914-1915 гг. он опубликовал девять ска-

---

¹ Л. Ахвердян, Мир Туманяна. Ер., 1966, с. 358 (на арм. яз.).

зок братьев Гримм, четыре из которых он переложил до начала войны, и пять – уже в годы войны. В 1916 г. он переводит литературную сказку С. Аксакова «Аленький цветочек» и немецкую сказку «Невидимое царство», а в последующие два года – всего лишь одну немецкую народную сказку – «Золотой ключ».

К переводу сказок братьев Гримм Туманян приступил ещё в октябре 1913 г. Именно в это время Кавказское армянское издательское общество стало вести с поэтом переговоры по изданию книги сказок братьев Гримм¹.

У Туманяна было множество иных творческих планов, осуществлению которых помешала начавшаяся война, однако переводом сказок он, тем не менее, занялся, хотя и не выполнил просьбу издательства в полном объёме и перевёл всего лишь незначительную часть заказанной книги. Но в этом вопросе решающим фактором оказалась всё-таки не война, а творческий подход Туманяна к художественному переводу. 16 ноября 1913 г. в письме, адресованном к председателю Издательского общества Аристакесу Заргаряну, поэт пишет: «Я не стану переводить всё. Переведу только те сказки, которые мне нравятся, или которые считаю важными».

Конечно, если посмотреть с точки зрения денег, для меня будет выгодно перевести всё, но я должен сказать тебе, что, во-первых, сожалею, что буду заниматься переводом, во-вторых, ведь не станешь же переводить ради денег всё подряд, что захотят или предложат мне»(7, 193).

Туманян переводил сказки достаточно вольно. Он приспособливал сюжеты сказок к армянской действительности и армянской среде, большинство персонажей переименовывал, давал им понятные детям имена. Всегда отказываясь от принципа дословного перевода, поэт создавал вольные переложения этих сказок, родственные психологии и менталитету армянских детей. При этом он широко использовал выразительные средства армянского народного творчества².

Вопрос о том, чтобы занять армянских детей и, в особенности, детей-сирот, отвлечь их внимание от суровой действительности и помочь им забыть ужасы и кошмары, случившиеся в их жизни, был насущным вопросом времени. В педагогических взглядах и подходах той эпохи жанры сказки и беседы также рассматривались как

---

¹ Национальный архив Армении, ф. 318, оп. 1, д. 10, лл. 4, 47, 67.

² Об отношении Ов. Туманяна к художественному переводу и о его переводческих принципах подробнее см.: М. Джанполадян, «Когда строку диктует чувство...», Ер., изд-во РАУ, 2006, с. 17-27. См. также: С. Ованесян, Из переводческого наследия Ованеса Туманяна, «Норк», 2005, N1, с. 133-138.

виды игр. Так, в статье 1915 г., посвящённой детским играм и подписанной К.С., читаем: «К художественным играм в определённой степени относится и сказка. Здесь также художественный вымысел играет большую роль, воображение работает самым энергичным способом. С помощью сказки ребёнок переносится в незнакомый мир и остаётся там благодаря художественному вымыслу, иллюзии. Он отождествляет себя с героем или героиней сказки. Его воображаемый мир настолько реалистичен, что ему кажется, что всё, что происходит с героем, в его представлении происходит с ним самим»¹. Ставя сказку в один ряд с детскими обучающими играми, автор приходит к следующему выводу: «Сказка и беседа, как и драматические игры и пластмассовые игрушки, являются предпосылками художественного удовольствия»².

И вот, чтобы не лишать детей этого самого «художественного удовольствия», Туманян решился взяться за переводы сказок. Он словно чувствовал себя виноватым перед детьми, тем более, что из-за военного времени и из-за перегруженности поэта в 1915-1916 гг. не выходит в свет учебник «Лусабер».

И всё же сказки в переводах Туманяна доходят до маленьких читателей в виде отдельных книжек. В 1916 г. одна за другой выходят «Русские сказки», затем «Зарубежные сказки». Однако поэт оставался недоволен собой. Для него создавать новые оригинальные произведения было чрезвычайно трудно не только и не столько из-за нехватки времени (хотя, конечно, это тоже было важной причиной), а потому, что не было для творческого труда ни вдохновения, ни соответствующего настроения.

12 августа 1916 г., во время отдыха и лечения в Боржоми, поэт признаётся: «В сущности, я очень разбитый и усталый. Тем не менее, иногда занимаюсь. Стихов, конечно, не пишу, да и не могу. Разве может настолько усталый и отравленный усталостью человек писать стихи?»(10, 248). Результатом редких поэтических порывов стала баллада «Комар и муравей», написанная в Боржоми на основании рассказа полководца Андраника. Полководец, в свою очередь, слышал народный вариант баллады в Западной Армении. В годы войны Туманян написал для детей только лишь эту балладу. Всё, что он писал, относилось к трагической судьбе его родины, сущности и природы человека, общечеловеческих проблем бытия; либо имело скрытый политический подтекст.

Стремление внести какое-то разнообразие и интерес в жизни детей заставляет поэта взяться за создание детских обучающих игр,

---

¹ «Амбавабер», Тифлис, N40, с. 1272.

² Там же.

а его мечта увидеть когда-нибудь свою историческую родину единой, монолитной и свободной находит своё проявление в образовательной направленности и армянской тематике этих игр.

Поэт придавал огромное значение играм – «лёгкому и приятному занятию», способствующему как физическому и умственному, так и нравственно-духовному развитию всех людей вообще и в первую очередь, конечно, – детей(7, 207).

Раскрывая эту свою идею, Туманян отмечает: «Прогрессивные народы придают очень большое значение игре, и играют все, от маля до велика...

Мы имеем в виду людей каждого возраста, однако особенной необходимостью игра является для детей и юношества, для того возраста, которое наш язык определяет одним словом - **детство** (подчёркнуто Туманяном – С.О.).

Детство является в жизни человека тем самым периодом проявления способностей, когда он вбирает в себя всё и со всех сторон, получает пищу и постоянно развивается. Следовательно, следует давать ему пищу постоянно, чтобы он всегда рос и развивался»(7, 207).

И Туманян сразу же отвечает на поставленный перед собой вопрос: «какую пищу давать и каким образом давать?»(7, 207). Он доподлинно знал, что абсолютно всё, что окружает ребёнка, всё, «что существует на свете», является для него пищей. Было важно правильно её выбирать, потому что есть пища, которая вредна или, во всяком случае, не очень полезна для ребёнка; необходимо было найти ту здоровую пищу, которая только способствовала бы его развитию. «Но только необходимо узнать, найти способ преподнесения этой неисчерпаемой пищи»(7, 207).

И поскольку Ованес Туманян во всех областях и сферах был самым национальным – и как общественный деятель, и как поэт, и как детский писатель – то он решил создать детские образовательные игры с национальной окраской и содержанием, чтобы научить потерявших родину детей в самые трудные для них дни знать свою родину, её горы и реки, знать каждый её камень, её природу, её города и селения. И каким бы ни было название игры, первым словом-определением должно было быть слово «армянские». Скажем, «Армянские реки», «Армянские горы» и т. д., – одним словом, игра должна была служить познанию Армении, истории и географии, укоренению в каждом ребёнке, в его сердце и в каждой молекуле его крови представления об армянской стране.

Обучающая игра была тем самым способом, который избрал поэт, будучи уверенным, что игра может и должна смягчить горе и тоску детей. Игра была в то время больше, чем просто необходи-

мость для всех армянских детей, и неважно, были ли это дети, прибывшие из Западной Армении, или наслаждавшиеся домашним уютом и семейным теплом восточноармянские дети, потому что они тоже в своей будничной, обыденной жизни ежедневно слышали ужасающие истории о резне и погромах, они также жили «в безбрежном море армянского горя», и обучающая игра могла бы стать тем самым важным и главным способом, который был бы в состоянии объединить всех детей и избавить их от стресса, от душевного кризиса. «И пока мы сидим и глубокомысленно размышляем над этой трудной загадкой, сам детский возраст подсказывает этот чудесный способ и требует все виды пищи в своей желанной форме – в форме игры»(7, 207).

Создавая обучающие игры, поэт рассчитывал и надеялся на то, что тем самым поможет детям «стать армянами и людьми»(10, 224). На этот раз великий поэт входил в жизнь армянских детей и становился важной и составляющей частью их жизни с помощью обучающих игр. «Игра является для него, маленького человека, естественной, органической потребностью, его серьёзностью, его сущностью; играет каждая частица его юной жизни, играет его трепещущее сердце в юной груди, и ко всему в жизни он подходит с помощью игры, игрою исследует, игрою познаёт и принимает. Это его способ и его метод»(7, 208).

В марте 1915 г. в письме другу Филиппосу Вардазаряну поэт пишет: «Замечая, что все мы, – как взрослые, так и дети, совершенно невежественны и несведущи о нашей стране, о нашей родине, и в то самое время, когда мы вне дома говорим о значительных вещах и, вернувшись домой, видим, что наши дети всё больше отчуждаются от всего армянского, я надумал предпринять и издать целый ряд познавательных игр на армянскую тематику и иных игр – как для детей, так и для юношей и даже для взрослых» (10, 222). И Туманян точно так же, как писал для людей всех возрастов, так и задуманные обучающие игры решил адресовать всем поколениям своих соотечественников.

И всё-таки – игры неотделимы в первую очередь от детства. Ребёнок изначально является играющим человеком. И каждый детский писатель должен считаться с этим фактором. В этом смысле также дарование Туманяна является весьма своеобразным. Играть для ребёнка означает развлекаться, проводить время за любимым занятием, получать удовольствие. Юмористические детские произведения Туманяна являются художественным отражением детского поведения и психологии. В этом отношении ни один армянский писатель, а тем более, детский писатель даже близко не подходит к Туманяну и не может составить ему серьёзной конкуренции.

Очень меткие и ёмкие определения и оценки, высказанные по-этом о детской игре, не потеряли своей значимости и актуальности и сегодня. Многие из них стали крылатыми выражениями и афоризмами. Поэт пишет: «Сильный дух и здоровое сердце выражаются с помощью игры» (подчёркнуто автором – С.О.) (7, 207). Или: «Игра или подобные ей и считающиеся незначительными вещи имеют важное значение, создают жизнь, душу, язык, создают человека» (10, 222). Вот почему Туманян придавал очень важное значение роли игры в образовании и воспитании ребёнка. В период Геноцида писатель в своих публичных выступлениях подчёркивал важность игры и заверял, что всё, что даётся ребёнку в виде игры, тот принимает с радостью, усваивает легко, не уставая, не тяготясь и не скучая.

Туманян настолько хорошо понимал роль игры в жизни ребёнка, настолько был уверен, что игра является «замечательным законом природы» и что с её помощью проявляется «жизнь и всё живое», что в самый трагический период многовековой истории армянского народа, ежедневно смотря в печальные, полные ужаса и тоски глаза умиравших от голода и эпидемий детей, он создал и издал детские обучающие игры. За короткий промежуток времени Туманян создал, говоря его же словами, «домашние педагогические», «образовательные» игры об армянских реках, горах, буквах алфавита, загадках, поскольку сам он себе обещал: «Я решил сделать так, чтобы за два года обучить всех армянских детей хотя бы названиям армянских рек, городов, гор, озёр и т.д.» (10, 223).

Многодетный отец при непосредственном участии всех десяти своих детей организывает общество «Манук» («Дитя») под руководством сына Артавазда. То есть независимо от того, что некоторые из детей писателя находились на расстоянии нескольких тысяч километров друг от друга, они были вместе во всех начинаниях или инициативах отца. Руководитель Общества был избран вполне справедливо: Артавазд был самой подходящей кандидатурой, поскольку он и сам являлся автором детских игр. «Это общество выполняет большой объём работы. Составляет целый ряд игр – о драгоценных камнях, о звёздах, о красках, армянских реках, о буквах»¹. Как вспоминает дочь поэта Нвард, по указанию отца они собирали географические сведения, выдержки из произведений армянских писателей об армянских реках, картины – для клише².

В результате сотрудничества поэта со своими детьми выиграли все армянские дети. Возвращаясь домой с бесчисленных собраний,

---

¹ Гоар Симонян, «Роль Ованеса Туманяна в развитии армянской детской литературы», «Вестник общественных наук», Ер., 1982, N4, с. 37.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 120.

после споров о национальных вопросах Туманян объяснял своим детям значение образования и развития, науки и обучающих игр и, подключая их к этому важному делу, одновременно воспитывал как своих детей, так и всех армянских детей. Из бесед отца на эту тему в памяти детей сохранились следующие слова поэта: «Наука, художественное искусство, литература – всему этому ребёнок должен обучаться с детских лет и, что самое главное, должен учиться посредством игры, чтобы было легко и приятно. Всё в жизни – игра и удовольствие, и на самые серьёзные вещи в жизни следует смотреть как на игру. Вот тогда люди чему-нибудь научатся, что-нибудь создадут с удовольствием.

Всё нужно делать с удовольствием, посредством игры – это и легко, и красиво»¹.

Игры печатались в типографиях и распространялись через книжные лавки. А сиротским приютам Туманян дарил свои игры лично: у него не было привычки навещать детей-сирот с пустыми руками. Об одном из таких посещений вспоминает дочь поэта Нвард: «В один из сентябрьских дней мы с отцом пошли в сиротский приют в районе Ортачала. Взяли для детей игры нашего общества «Манук»: «Игра в реки», «Игра в цвета», «Остроумный пастух», «Игра в звёзды» и другие.

Отец побеседовал с сиротами, а они организовали литературный вечер – в честь отца»².

Однако из задуманных одиннадцати игр были опубликованы только девять; не были изданы шестая и десятая игры. Конечно, в этом вопросе свою роль сыграла дороговизна бумаги и издательских затрат.

Изданные игры имели следующие названия:

«Армянские реки»

«Драгоценные камни»

«Остроумный пастух»

«Тыква» (игра в цвета)

«Армянские реки» (сокращённый вариант)

«Армянские загадки»

«Армянские пословицы» (лото)

«Игра в звёзды»

Армянские пословицы (вторая игра)

Как и во всех сферах творческой деятельности Туманяна, здесь также проявилось национальное качество дарования поэта. Он пытался, пользуясь его же словами, «в это чёрное и трагическое время

---

¹ Там же.

² Там же, с. 130.

нашей истории» восстановить «наши красивые и мудрые национальные игры» и сообщить им новое дыхание. В те самые дни, когда его многострадальные соотечественники, населявшие Западную Армению, лишились своей родины и стали вынужденными переселенцами и скитальцами, Туманян с болью пишет: «Мы не знакомы со своей родиной, с её природой, её жизнью, её прошлым и настоящим. Это очень досадное явление, которое объясняется и оправдывается только тяжёлыми и злополучными условиями нашей жизни»(7, 206).

Туманян не мог примириться с потерей исторической родины, и он делал всё, чтобы привести в чувство свой отчаявшийся народ и придать ему сил. Никакие «злополучные условия» не могли помешать поэту найти в себе сверхчеловеческие силы, чтобы предпринять шаги для организации новой, живой, бодрой, здоровой и воодушевляющей жизни армянских детей (большинство из которых были сиротами), чтобы обнадёживать их и доставлять им минуты радости. С этой целью Туманян беседовал, общался с армянскими детьми и посредством обучающих игр, и своими художественными произведениями, говорил с ними «как о нашей родине, так и вообще о нашей жизни и о мире – обо всём»(7, 208).

Созданные Туманяном игры обучали истории и географии Армении, названиям её рек и гор, городов и озёр. Прежде чем приступить к созданию той или иной игры, писатель сам очень серьёзно изучал географию исторической Армении. По свидетельству Нвард, 22 февраля 1915 г. он уже две недели как «воодушевлённо изучал географию Армении. Составлял игры «Армянские реки» и «Армянские горы»»¹. Географические игры Ованеса Туманяна приносили детям больше знаний по географии Армении, чем школьные учебники. И, во всяком случае, сильнее связывали детей с родной страной. Состоявшая из 69 карточек игра «Армянские реки» обучала детей восьми бассейнам армянских рек, начиная с правых и левых притоков Аракса, правых притоков Куры (кроме реки Поцхов) и кончая бассейнами Евфрата, Тигра, реками, впадающими в Чёрное, Средиземное море, озеро Ван. В игру «Армянские реки» могли одновременно играть две-три группы детей, состоявшие из четырёх человек. Вместе с иллюстрированной игрой в комплект входили объяснительный путеводитель и карта.

Туманян не был бы Туманяном, если бы созданные им игры обошли народное творчество, которым была пропитана вся жизнь поэта и его художественные и публицистические произведения. Фольклор был для него основой и источником вдохновения и сопровождал поэта и радости, и в печали, и в тюрьме, когда он писал

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 120.

«Каплю мёда», и во время его путешествий по Западной Армении в годы Первой мировой войны, когда поэт, на каждом шагу сталкиваясь с последствиями резни и погромов, записывал васпураканский вариант сказки «Азаран блбул» («Тысячеголосый соловей»). Его одноименная поэма стала одним из тех немногих произведений, над которыми поэт продолжал работать и в годы войны.

С помощью лото «Армянские пословицы» Туманян учил детей тем пословицам, которые, по его глубокому убеждению, в ёмкой и обобщённой форме выражали мудрые мысли. По словам Туманяна, пословицы «всегда на устах народа и имеют силу и значение закона»(7, 213).

В разъяснительном приложении к игре Туманян подчёркивал «огромное значение народных пословиц», в особенности для детей, «тем более, если человек приобщается к ним с детства»(7, 213). Способствуя усвоению пословиц как готовых крылатых слов и изречений, Туманян развивал в детях и культуру речи, передавая им мудрость многих поколений.

Ещё с детских лет Туманян любил смотреть в небо, думать о космической бездне и тайнах необъятной вселенной. Он был уверен, что люди, привязанные к земле, устремляющие свои взгляды только вниз, в землю, всегда являются более раздражительными, корыстолюбивыми и злыми, тогда как человек, воспринимающий безраздельность и единство земли и неба, осознающий бескрайность космоса, рассуждающий о бренности бытия и вечности мироздания, всегда великодушен и благороден. Вот почему в разъяснении к «Игре в звёзды» поэт настоятельно советует детям: «Смотрите и в небо тоже. И смотрите в небо почаще. Ваша душа станет больше, ваше сердце станет благороднее, и ваш взгляд станет глубже и шире»(7, 214).

В «Игре в звёзды» могли участвовать от двух до десяти детей, которые с помощью 60 карточек в течение одной игры познакомились с Солнцем, Луной, Землёй, четырьмя внешними и четырьмя внутренними планетами, с четырьмя кругами Луны, с явлениями затмения Луны и Солнца, с Млечным Путём, с Летучей звездой, а также с созвездиями Большой Медведицы, Быка, Близнецов, Льва, Ориона (Айка), и с тремя другими созвездиями.

Уже в апреле 1915 г. обучающие игры Туманяна были отпечатаны в типографии Гюта Аганяна. 15 апреля 1915 г. Гют Аганян сообщает поэту: «Дорогой Ованес, печатание игры завершили, можно получить, и вот счёт»¹.

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N841 (485).

Ованес Туманян ценою огромных усилий пытался не отчаиваться и не терять надежды и веры в возрождение родного народа, старался найти отраду и утешение в различных начинаниях и инициативах, имевших общенациональную значимость. И одним из самых интересных и значительных начинаний Туманяна было то, что он, словно доказывая всему окружению и самому себе незыблемость своей веры и надежды, своего оптимизма, создавал детские обучающие, образовательные игры с патриотической, познавательной направленностью.

Туманян хотел победить печаль и тоску «разумностью, мудростью и терпением»(10, 232).

Энергичная национально-общественная и патриотическая деятельность Ованеса Туманяна в годы Первой мировой войны и Геноцида является той важной вехой в его жизни, которая продемонстрировала безграничную самоотверженность поэта и его беззаветную преданность своему народу. Во мраке чёрных дней истории он зажёл не свечу, а факел для армянского народа.

В КРУГОВОРОТЕ ОБЩЕСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (1916 – 1918 гг.)

23 августа (5 сентября по н.ст.) 1915 г., после продолжительных неудач России в мировой войне, царь Николай Второй стал Верховным главнокомандующим всей русской армии, а Великий князь Николай Николаевич (Младший) был назначен главнокомандующим войсками Кавказского фронта. Однако царю не удалось вывести страну из хаоса; не удалось ему и противостоять усиливавшемуся, нараставшему революционному движению. Осенью 1915 г., когда армянская общественность делала отчаянные попытки реформирования армянских добровольческих отрядов, по распоряжению Великого князя Николая Николаевича и генерала от инфантерии Н. Янушкевича привезённое из Америки большими партиями сверхсовременное оружие, средства коммуникации, телефоны и бинокли были конфискованы в Тифлисе, на таможне¹. Зимой 1915 г., когда Россия готовилась расформировать армянские добровольческие дружины, Туманян на заседании Бюро 27 декабря напомнил о высказанном в его присутствии беспокойстве и опасении генерала Огановского и министра иностранных дел России Сазонова, что армянские добровольческие формирования впоследствии могут стать ядром армянских вооружённых сил. Туманян советовал приложить

---

¹ «Краткий справочник деятельности Национального бюро в 1915 – 1917 гг.», с. 5 (на арм. яз.).

все усилия, чтобы сохранить и усилить армянские добровольческие отряды¹. В своём выступлении поэт отметил: “От Америки до Азии армянский народ своими сыновьями и денежными средствами участвует в деятельности этих отрядов, нет другой подобной дружины, и поэтому она должна быть организована специальным образом”².

Туманян выражает своё недовольство и протест по поводу ещё одного проявления завоевательской, экспансионистской политики России. По распоряжению царского наместника на Кавказе Николая Николаевича Романова было принято решение перебросить армянские добровольческие отряды на иранский фронт – для войны с Персией. Это был хитроумный и своеобразный способ расформирования армянских отрядов. На заседании Национального бюро 19 декабря 1915 г. Туманян с большой досадой и гневом заявляет, что Персия – это не Турция, чтобы армяне сражались против неё³. Обсудив этот приказ, Национальное бюро приняло решение о создании специальной комиссии для ведения переговоров с наместником царя. Туманян также был включён в эту комиссию, наряду с епископом Месропом Тер-Мовсисяном.

Нам неизвестны подробности этих переговоров, однако, думается, они не увенчались успехом, поскольку в декабре 1915 г. поступает приказ императора о расформировании армянских добровольческих дружин и о формировании из них новых стрелковых батальонов. Этот приказ вызвал полную деморализацию в армянских добровольческих отрядах, и очень многие бойцы в отчаянии покинули фронт; в итоге остались почти одни только русскоподданные добровольцы, подлежащие военному призыву.

После расформирования добровольческих отрядов возникла необходимость дать всенародную оценку деятельности бойцов, чтобы деморализация не приняла ещё более масштабного характера и чтобы история зафиксировала ещё один этап армянской национально-освободительной борьбы. По этой причине на заседании Национального бюро 5 марта 1916 г. было принято решение издать специальный сборник о подвигах, совершённых армянскими добровольцами во время Первой мировой войны. Дело составления и издания сборника взял на себя Ованес Туманян – в качестве председателя правления Кавказского общества армянских писателей. Он поручает собрать материалы о самоотверженных и героических действиях армянских добровольцев. Поэту, к сожалению, не удалось довести

---

¹ Национальный архив Армении, ф. 22, оп. 1, д. 111, л. 13.

² Там же.

³ Там же, с. 21.

это дело до конца, поскольку было очень много других, не менее важных и срочных проблем и задач, решение которых не терпело отлагательства. В то время как Туманян был вынужден откладывать составление сборника до более удобного и подходящего времени, М. Шатирян в Тифлисе издал красочный иллюстрированный альбом с предисловием на армянском, русском и французском языках. В альбоме были размещены фотографии армянских героев-добровольцев. Альбом был очень быстро распродан, и потребовалось второе издание. Средства, вырученные от продажи книги, были израсходованы на оказание помощи семьям добровольцев. Этим альбомом было положено начало многочисленным памятным книгам, освещавшим героические фрагменты истории армянской национально-освободительной борьбы, – книгам, изданным позднее – уже за рубежом.

Национальное бюро предприняло самую последнюю попытку помочь чудом выжившему, но не покинувшему своих родных домов армянскому населению Западной Армении, однако командование русской армии строго-настрого запретило не только въезд интеллигенции в занятые местности Западной Армении, но и вооружение местного армянского населения, оставив его совершенно беззащитным перед лицом жестокого врага.

После расформирования армянских добровольческих дружин возникла ещё одна проблема, также требовавшая незамедлительного решения. Необходимо было позаботиться о расходах, связанных с возвращением бойцов, а также следовало помогать инвалидам. На мартовском заседании Бюро Туманян поднял вопрос о том, чтобы обратиться к русским властям с просьбой о выделении солдатам “ликвидационных средств”¹. В этом вопросе поэту и Национальному бюро удаётся добиться кое-каких успехов. По императорскому указу какие-то суммы выделяются, хотя это решение объяснялось не столько стараниями Туманяна, сколько желанием русских властей немного “смягчить” обострившиеся русско-армянские противоречия. Они прекрасно понимали, что России ещё очень потребуется помощь армянских добровольческих отрядов.

Одной из важнейших проблем армянской общественной жизни по-прежнему оставалась проблема тысяч и тысяч беженцев, и в этом вопросе также роль Национального бюро не была значительной. И беженцы со своими бесчисленными трудностями и заботами обращались в Бюро далеко не в первую очередь.

В октябре 1916 г. беженцы района Казаха стали выражать своё

---

¹ Протокол заседания Национального бюро от 12 марта 1916 г. Национальный архив Армении, ф. 222, оп. 1, д. 111, л. 42.

недовольство более активно. Их представители “телеграфировали члену Государственной Думы Мик. Пападжаняну, главному уполномоченному по делам беженцев генералу Тамамшиеву и главному уполномоченному Кавказского отделения союза городов Ал. Хатисяну о том, что положение беженцев там очень плохое: они месяцами не получают пособия, многие умирают от голода, очень много случаев болезней”¹.

Роль Национального бюро со дня на день всё уменьшается². Распространяются слухи о том, что денежные средства используются непродуктивно и не по назначению.

Полководец Андраник потребовал отчёта об использовании денежных сумм, которые он собрал и передал в распоряжение Национального бюро. Андраник собирался выразить своё недовольство и возмущение в периодике, публично, однако Туманяну удаётся предотвратить этот шаг, который поэт считал необдуманным и опрометчивым, поскольку не стоило в создавшейся ситуации подливать масло в огонь. Действиями Бюро были недовольны также беженцы из Западной Армении, ожидания которых не оправдались.

Почётный председатель Национального бюро епископ Месроп попросил Туманяна принять меры для того, чтобы немного разрядить обстановку, рассеять сгустившиеся вокруг организации тучи. Новоназначенный предводитель тифлисской епархии епископ Мхитар также обратился за содействием к Туманяну: “Что нужно сделать, чтобы положить конец шуму турецких армян?”(10, 257). Поэт решил пойти им навстречу, поскольку видел, что жалобы и протесты западноармянских беженцев “могут принять угрожающий характер”(10, 257). Он сделал попытку вывести Бюро из состояния бездействия, или хотя бы спасти его авторитет. С 24 октября по 5 ноября 1916 г. он созывает совещания в своей квартире: “Вот уже десять дней, почти непрерывно, у меня проходят собрания”(10, 257). Это ещё один пример, когда поэт вынужденно занимался делом, для которого у него не было ни желания, ни времени.

Февральская революция 1917 г. в России возымела очень сильное воздействие во всём Кавказском регионе. Национальное бюро продолжало делать отчаянные попытки реанимации своей ак-

---

¹ “Оризон”, 1916, N231, 16 октября.

² Этому способствовали и новые назначения Католикоса Геворга Пятого. Он перевёл энергичного, предприимчивого члена Бюро епископа Месропа, являвшегося предводителем Тифлисской епархии, прекрасно знавшего русский язык и наделённого дипломатическими навыками и инициативным характером, в Астрахань в качестве предводителя местной епархии, а предводителем епархии армян Вирка назначил безынициативного и невзрачного епископа Мхитара. См. Лео, Из прошлого, с. 360.

тивной некогда деятельности, старалось ожить, активизироваться и выразить свою позицию по самым важным, ключевым политическим вопросам.

Первое своё заседание после революции Бюро созывает 7 марта 1917 г. Предлагается избрать новый центральный комитет в составе двадцати человек. Туманян возражает, считая, что пятнадцати членов будет вполне достаточно. Поэт возражает также против предложения Григора Чалхушьяна¹ о созыве съезда. Он больше не связывал никаких надежд с Национальным бюро, однако не мог отказать от сотрудничества с ним, поскольку при всех своих недостатках это была организация, представляющая общенациональные интересы армянского народа.

На заседании Бюро от 4 апреля 1917 г. было сделано предложение обратиться к Америке с просьбой о помощи, которое также было встречено поэтом очень сдержанно и прохладно, поскольку он не видел в этом никакой перспективы. Бывший председатель Национального бюро Самсон Арутюнян, в свою очередь, рассчитывал на помощь со стороны Японии. Не считая все эти обращения и предложения сколько-нибудь серьёзными, Туманян и полководец Андраник всегда оказывались в оппозиции к другим членам правления Бюро. О принципиальности и конструктивности выступлений Ованеса Туманяна на заседаниях Бюро, об энергичной деятельности поэта Андраник пишет так: «Туманян своей дальновидной проницательностью понял, осознал, что... не следует ожидать и рассчитывать на помощь и содействие из далёких краёв для улучшения положения и освобождения народа. Туманян остался в Национальном бюро и боролся против тёмных и невежественных сил, до самого конца отстаивая свою политику, и неважно, что члены Бюро восставали против него своими тёмными силами и печальными интригами...»².

28 мая 1917 г. состоялось одно из последних заседаний Национального бюро, на котором завязались оживлённые прения, однако Туманян, совершенно потеряв всякую надежду, связанную с деятельностью этой организации, не присутствовал на этом заседании.

Ованес Туманян не принял и не приветствовал Февральскую революцию, но и не оставил её без отклика и без внимания. Ясно видя великодержавную политику и экспансионистские устремления России в годы Первой мировой войны, ещё раз убедившись, что свя-

---

¹ Чалхушьян, Григорий Хачатурович (1861-1939) - видный армянский общественный деятель. Возглавлял Благотворительное общество. Автор документального историко-публицистического труда «Красная книга» (1919).

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 551.

зывать какие-либо надежды с Россией на освобождение и восстановление государственности Армении было бы по меньшей мере политической слепотой и наивностью, поэт, тем не менее, никогда не отказывался от своей русской ориентации. Какими бы очевидными ни были геополитические устремления царской России, другого выбора, другой альтернативы не было, и поэт в лице России видел единственную реальную силу, способную противостоять Турции – этому вековому и закланному врагу Армении и армянского народа. И после двух победных революций поэт продолжал верить и надеяться, что в России победят передовые, прогрессивные, демократические силы. По этой причине 7 мая 1917 г., с некоторым опозданием, поэт откликается на Февральскую революцию статьёй «Освобождение богатыря», где сравнивает Россию с былинным русским героем – Ильёй Муромцем, который встаёт на ноги и «отправляется в путь, чтобы исполнить заветное желание своего сердца – послужить своей угнетённой родине, очистить её от разбойников и защищать христианскую землю. И просит для этого отцовского благословения» (7, 319). Не считаясь с политической ситуацией в России, с воцарившимися в ней хаосом и неразберихой, фактически начавшейся гражданской войной, Туманян продолжал видеть в России оплот и защитницу христианских народов.

Туманян по своему мировосприятию и жизненным убеждениям никогда не был революционером, потому что был против кровопролития и жертв, без которых не может обойтись никакая революция. Человеческая жизнь была для него самой большой ценностью. В этой статье он обращается к жертвам революции и кровопролитию, осуществлённому под личиной демократии, и делает это, конечно, со свойственной ему туманяновской «дипломатичностью». Поэт пишет: «В мире не осталось больше болтуна, который не сказал бы, что Россия – сбитый с ног паралитик, что из неё ничего не получится. В последние дни болгарский министр договорился до того, что назвал её трупом, и...

И вдруг... богатырь поднялся со своего места.

И в одно прекрасное утро проснулась Матушка-Русь, увидела – её любимый сын, её парализованный Илья, её Дума уже встала по-исполински, расчищает страну от разбойников, и за один день сделала столько дел, сколько не могла сделать за целый век.

...Но случается, что годами лежащие богатыри, поднявшись, не сразу могут твёрдо встать на ноги, не один раз падают на колени, покуда не встанут прочно. И всякий раз, когда богатырь падает на колени, тысячи из тысяч людей попадают ему под ноги и гибнут по-

напрасну”(7, 319-320)¹.

В это время Туманян желал для России только стабильности, и он был совершенно искренен, когда говорил, что каждый человек должен помочь исполину, чтобы он твёрдо встал на ноги. Он пока еще не мог знать, чего следует ожидать от новой России, но при этом не хотел, чтобы проливалась кровь, чтобы были “напрасные жертвы” – как в России, так и где бы то ни было.

Февральская революция, как и все другие революции на свете, перевернула и разрушила миллионы человеческих судеб. Волна революции вынесла на поверхность множество любителей ловить рыбу в мутной воде, самых разных “великих комбинаторов”, авантюристов и искателей приключений. Представители высшего сословия, потерявшие свою власть и своё имущество, естественно, не могли так просто примириться со своими потерями. А многие, желая воспользоваться создавшимся благоприятным положением, присоединялись к ним, прибегали к самым разным уловкам и любым незаконным действиям, хотя и трудно утверждать наверняка, какие действия в условиях политического хаоса, смуты и неразберихи можно считать законными, а какие – незаконными. Оказавшиеся невольными очевидцами всего этого представители армянской интеллигенции, вместо того чтобы принимать деятельное участие в “установлении справедливости”, в любой запутанной ситуации, недолго думая, обращались за помощью к Туманяну и пытались взвалить на его плечи решение и урегулирование различных политических интриг и инцидентов.

Одни вполне серьёзно просили писателя восстановить – ни много ни мало – честь России. Многие были уверены, что Туманяну по плечу назначать или увольнять управляющих в любом районе Грузии и Армении, что он может найти общий язык и прийти к соглашению с новосозданными и уже играющими определённую роль в социально-политической жизни рабочими партиями. Так, 10 марта 1917 г. поэт Ваан Миракян пишет Туманяну из Шулавера: “Сегодня, 10 марта, в Шулавере произошёл нежелательный и уродливый случай (явление), не делающий чести Свободной России. Помещик Борчалинского уезда князь Сумбатов (предводитель дворянства), который всю свою жизнь выполнял роль полицейского в отношении крестьян, с помощью бывших сыщиков... вышел против группы шулаверцев и посредством турецких агаларов² провёл временные выборы, избрав от имени деревень уезда местные комитеты и адми-

---

¹ См. также: **Ованес Туманян**. Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., 19169, с. 106.

² От слова *ага*, означающего *старший, начальник*.

нистративных служащих, раздавая должности послушным слугам режима и подонкам общества, чем... не только наносит вред идеалу «Свободной России», но и лишает народ возможности вкушать плоды свободы... Мы рассчитываем, что Вы хотя бы из ваших мест, пока ещё не слишком поздно, сами пошлёте временных управляющих. Было бы хорошо, если бы Вы посоветовались с рабочей партией и пришли к соглашению»¹.

В деле по этим незаконным выборам упоминается также имя бывшего управляющего уездов Лори и Борчалу Василия Гаврилова, к которому обращался Туманян в первые дни войны, предлагая своё содействие, чтобы предотвратить возможные межнациональные столкновения и обеспечить мир в регионе. Теперь роли кардинально поменялись, и в сложившейся неблагоприятной ситуации Гаврилов вынужден уже сам обращаться за помощью к Туманяну.

По заверению Гаврилова, его оклеветали в глазах Александра Хатисяна. Для реабилитации своей чести и достоинства Гаврилов просит Туманяна помочь ему избежать возможного наказания. Над бывшим российским чиновником нависла реальная угроза оказаться выброшенным на улицу, остаться без работы и без средств к существованию. Своё спасение он связывает с Туманяном и 20 марта 1917 г. обращается к нему с письмом.

«Глубокоуважаемый Оганес Татевосович.

Сумбатов в Шулавере произвёл выборы новой администрации незаконно и ловко меня оклеветал перед А.И.Хатисовым. Мне, чтобы жить и сохранить семью, нужно себя реабилитировать. Без этого я, выброшенный на улицу, не могу найти себе никакой работы. .... Совесть моя чиста. Ради Бога, в память Вашего ко мне доброго отношения, назначьте день и час, когда я могу переговорить обо всём с Вами. Не откажите, помогите. Вся надежда на Вас...

Простите за беспокойство. Примите уверение в уважении и преданности

Вашего В. Гаврилова

Р.С. Я бывший Начальник Борчалинского уезда Василий Павлович Гаврилов»².

***

Уже в первые годы войны Туманян убедился, а в апреле 1916 г. заявил во всеуслышание, что «царям нужна Армения без армян»³.

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1753 (401 доп.).

² Там же, N1080.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 873.

При этом он не терял надежды на то, что Россия когда-нибудь образумится и, осознав свои политические интересы, придёт на помощь самому верному ей на Кавказе армянскому народу, значительная часть которого была перебита, подверглась насильственной депортации, вынужденному переселению и скитальчеству из-за экспансионистской политики России и временами совершенно бездарных и не поддающихся никакой логике действий русской армии. Конечно, русские власти принимали решения об оказании помощи армянским беженцам, поскольку необходимо было угождать армянскому народу, и это также являлось составной и неотъемлемой частью колониальной политики царской России, политики “кнута и пряника”, но все эти решения и постановления так и оставались на бумаге. Дальше заверений и обещаний дело, как правило, не шло. А различные армянские общественные организации, комитеты и общества не имели достаточно возможностей и денежных средств, чтобы выдавать беженцам пособия и решать их бесчисленные проблемы.

Какие бы средства ни предпринимались, какие бы благотворительные денежные суммы ни собирались – всё это было лишь каплей в море для национальных нужд и запросов, в особенности для решения неисчислимых проблем огромной армии беженцев и сирот. Армянский народ никак не мог оправиться от пережитой великой трагедии. Каждодневно протоколировались не имевшие ни конца ни края проблемы лишившегося родины западноармянского населения.

«Положение беженцев очень плохое: месяцами не получают государственного пособия, многие умирают от голода, очень много случаев болезней, холодно; дров, керосина и одежд нет. Хлеб выпекают из горькой муки и пекут плохо»¹.

Деятельность поэта этого периода непосредственно связана с “Центральным комитетом оказания помощи пострадавшим от войны”, который подчинялся Армянскому национальному бюро. Однако и этот комитет также не был в состоянии творить чудеса.

В кругах армянских интеллектуалов предпринимались отчаянные попытки найти какой-нибудь выход из создавшегося положения, и с этой целью созывались совещания и продолжительные обсуждения.

29 сентября 1917 г. открылся Первый Восточноармянский съезд (Армянский национальный конгресс), на котором обсуждались национально-политические проблемы, задачи культурного строительства, вопросы деятельности Национального бюро и армянского добровольческого движения, административного деления Кавказа, вопросы, связанные с Карабахом и положением беженцев.

---

¹ “Оризон”, 1916, N231, 16 октября.

Туманян не участвовал в работе съезда по причине отсутствия из Тифлиса. На многопартийном конгрессе не было недостатка в разногласиях. Андраник окончательно разорвал свои отношения с партией АРФ “Дашнакцутюн”. Было расформировано Национальное бюро, членом центрального комитета которого, как мы помним, был и Туманян.

11-12 октября должен был быть заслушан отчётный доклад председателя Национального бюро Самсона Арутюняна¹. На этом же совете на смену Национальному бюро пришёл Армянский национальный союз.

Ещё не закончилась мировая война, как в России разразилась новая революция – Октябрьская. Армянскому народу предстояло сделать свой политический выбор и разработать программу дальнейших действий.

21 декабря 1917 года состоялось чрезвычайное общее собрание армянской интеллигенции Тифлиса, на котором была предпринята попытка оценить новую создавшуюся ситуацию в Закавказье – “Задачу момента”. Основным докладчиком был Туманян. Было сделано предложение подготовить резолюцию собрания в соответствии с содержанием доклада поэта, согласно которой необходимо “действовать в солидарности с русской демократией и интеллигенцией всех народов Кавказа, чтобы добиться всеобщего демократического мира и осуществить великие принципы, декларированные революцией”².

У всех было такое ощущение, что Кавказ представляет собой большую пороховую бочку, которая может взорваться в любую минуту. Осенью 1917 г. повсеместно начинаются межнациональные столкновения.

28 ноября 1917 г. Акоп Сарикян пишет Туманяну из Владикавказа, что город превратился “в конгломерат наций и языков”, в котором началось “какое-то ужасное кипение, которое с лёгкостью может превратиться в разрушительный вулкан и всё похоронить под своей золой”³. Сарикян рассказывает о бесконечно продолжающихся межнациональных столкновениях – то между казаками и ингушами, то между лезгинами и русскими солдатами. “И каждый раз с десятками и сотнями человеческих жертв, – пишет Сарикян. – И сейчас, когда я пишу эти строки, армянские солдаты Грузии, объ-

---

¹ Подробности о съезде см.: А. Челепян, Полководец Андраник, Ер., 1990, с. 383-386 (на арм. яз.), а также: Г. Симонян. Время Андраника, Книга первая, Ер., 1996, с. 592-632 (на арм. яз.).

² “Оризон”, 1917, NN 267, 268.

³ “МЛИ”, ф. Ов. Туманяна, N1970 (436 доп.).

единившись с рабочими, столкнулись с чеченцами. Человеческих жертв больше сотни. Поджигают рудники Грузии, железная дорога в нескольких местах разобрана, служащие в ужасе бегут с вокзалов. А в нашем городе к тому же практикуется похищение детей и возвращение за выкуп... В районе Дона из-за событий прервано железнодорожное сообщение”¹.

В подобной ситуации всеобщей смуты и хаоса 5 декабря 1917 г. в Эрзинджане было подписано соглашение о прекращении огня между Турцией и закавказским комиссариатом², однако вскоре, уже в январе 1918 г. турецкая сторона нарушила это соглашение, и на Кавказе начались новые военные действия. Турция напала на Южный Кавказ и Закавказье, заняла Мамахатун, Ерзнка, Эрзрум (в марте), Карс (в апреле), Александрополь. Армения была в тяжелейшем положении, фактически оказавшись один на один со своим злейшим, самым заклятым врагом. В этот судьбоносный для страны и народа период Ованес Туманян разворачивает бурную общественную и национально-патриотическую деятельность, сотрудничает со многими политическими и общественными организациями. Жизнь Туманяна в одном только 1918 г. настолько насыщена событиями, что дошедшего до нас архивного и документального материала за один лишь 1918 год более чем достаточно для отдельного исследования, отдельной монографии. Здесь же мы считаем необходимым отметить только, что, будучи очень серьёзно обеспокоенным неопределённой политикой России на Кавказе, ясно сознавая реальную опасность отступления русской армии из Западной Армении и Закавказья и необратимые последствия этого отступления для армянского народа, Туманян 3 января 1918 г. публикует в газете “Кавказское слово” открытое письмо Сергею Городецкому, уже известному к тому времени русскому поэту, который с первых чисел апреля 1916 г. в качестве сотрудника Всероссийского союза городов и корреспондента газеты “Русское слово” был командирован на Кавказский фронт. В своём письме Туманян пишет:

“Дорогой Сергей Митрофанович!

За время великой войны все народы выявили перед лицом всего света свой лик почти во всей целости, и больше всего, может быть, народ русский, ибо кроме войны он делал и революцию. Стало ясно, что народ этот – кентавр, и мы его во всей целости не видели и не знали.

До сего времени мы видели только его голову в лице его писа-

---

¹ Там же.

² **Андраник Озаян**, Документы и материалы, “Вестник архивов Армении”, N1 (89) – N2 (90). Ереван, 1991, стр 434.

телей и интеллигенции, а самый народ – туловище оставался в темноте и был нам неведом.

И я теперь только постигаю столь свойственное русской литературе и чуждое литературам других народов стремление: “познать свой народ”....

И думается мне, что великие дерзновения большевизма и анархизма, в их лучшем понимании, не чужды русской душе. И русский народ имеет совершить великую миссию в жизни народов.

Так смотря на Россию и так её понимая, я ограничиваю своё слово Кавказом и хочу задать вопрос, на который Вы, может быть, дадите ответ, как русский поэт и толкователь души своего народа.

На ваших глазах, здесь, на Кавказе происходит чрезвычайно странное явление.

В то время, когда все народы Кавказа друг за другом приветствуют новую свободную Россию и на своих национальных съездах выносят решения о том, что остаются в составе великой свободной российской республики, в это именно время на нашем фронте русская армия, победоносно врезавшаяся вглубь вражеской страны и ставшая там хозяином положения, начинает отходить не только с полей сражений, но и покидать самый Кавказ.

Верить ли, что русские могут так легко оставить поля своих побед и Кавказ?

Верить ли, что русские только по воле царей шли на Кавказ, и ныне, за отсутствием этой воли, возвращаются домой?

Разве Россия представляет из себя одну лишь резиновую массу, которую растянули далеко и теперь на свободе она стягивается обратно, или же в этом историческом поступательном движении русского народа был свой внутренний смысл, обусловленный великим духом народа?

При завоевании Кавказа и вообще Ближнего Востока лучшие русские люди выражали ту мысль, что Россия призвана создать в этих странах свободную гражданскую жизнь, укрепить справедливый правопорядок и быть носительницей культуры и просвещения.

Как Вы думаете, всё это были лишь пустые фразы, и мы, верившие до сих пор, ошибались?

Россия за столетие с лишним положила миллиарды денег и миллионы жизней в бесчисленных героических войнах и создала обширнейшее государство, представляющее ныне великую российскую республику.

Как Вы думаете, нет никакой связи между теми миллионами русских людей и нынешними? И свободные русские люди наших дней, стоящие ещё на исторических братских могилах, разве ныне отказываются от своего наследства, от своего положения на Востоке

и от исполнения своей великой национальной миссии?

Разве развал этого нового третьего Рима не отдаётся с болью в сердцах его сынов и великая родина не найдёт защиты в многотысячных своих полках и не создастся новое мощное движение для защиты величия, свободы и чести России?» (7, 346-348).

Письмо это ещё раз доказывает неколебимую веру и надежду Ованеса Туманяна на Россию, на помощь русской армии и русского оружия в противостоянии Армении и Османской Турции, и свидетельствует о том, что, несмотря ни на что, политическая ориентация армянского поэта не претерпела никаких изменений.

К этому письму неоднократно обращались многие армянские литературоведы и историки¹.

Поэт видел очень большую и серьёзную опасность в отступлении русской армии из Южного Кавказа и Закавказья и не ошибался в своих опасениях. Если во Владикавказе межнациональные столкновения приняли столь острый и кровавый характер, то в Закавказье эти столкновения должны были принять ещё более жестокий характер и развернуться в ещё большем объёме.

Ответ Сергея Городецкого не заставил себя долго ждать. 10 января 1918 г. «Кавказское слово» публикует открытое письмо русского поэта. В письме, в частности, говорится: «...Ваше письмо я принимаю как многозначительный акт дружбы и братства между Арменией и Россией, закреплённых кровью войны... Кавказ не может жить без России, как и Россия без Кавказа»². Далее в письме говорится: «Отход кавказской армии с тех границ, обладание которыми реализует мечту всего мыслящего человечества об освобождении Армении, неразмышляющий, стадный отход армии с этих границ не есть сознательное предательство всероссийского дела, не есть обдуманное разрушение дела армянского, а только тёмное, неосознанное подчинение стихийным силам, движущим сейчас всей Россией. Русское дело на Кавказе переживает только кратковременный кризис»³.

Годы спустя С. Городецкий признался, что первым ударом по его мировоззрению были слова Туманяна: «Царям нужна Армения без армян. Царям, но не русскому народу»⁴.

То, что Туманян из многих русских деятелей культуры в качестве адресата для своего открытого письма выбрал именно Сергея Городецкого, вовсе не было случайностью. Городецкий и Туманян

¹ С. Городецкий, «Последний крик», составитель, автор предисловия и комментариев Ирма Сафразбекян, Ер., 2010. См. также: Анушаван Закарян, Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь, Ер., 1984, с. 184 (на арм. яз.).

² «Кавказское слово», 1918, 10 января, № 6.

³ Там же.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 873 (на арм. яз.).

познакомились и сблизились ещё в первые годы войны, во время массовой резни и насильственной депортации армянского населения Западной Армении. Городецкий в своих воспоминаниях о Туманяне отметил: «Величие души Ованеса Туманяна сказалось и в том, что в неустанных трудах и вдохновенном творчестве на спасение и благо своего народа нашёл он горячий уголок в своём сердце и для меня, несколько растерянного в те дни русского поэта.

В мудром и нежном внимании ко мне я чувствовал его любовь к России, его веру в высокую дружбу армянского народа с русским, проверенную историей и утверждаемую поэтами, умеющими слышать голос народа»¹.

Сергей Городецкий был командирован на Кавказ московской общественной организацией «Всероссийский союз городов» и редакцией газеты «Русское слово». Он познакомился с Туманяном в тот самый момент, когда армянский поэт старался уговорить градоначальника Тифлиса Александра Хатисяна организовать помощь армянскому населению Вана, которое отказывалось покинуть осаждённый турками город. Хатисян был уверен, что в Ване больше не осталось армян, тогда как Туманян без конца повторял: «Там ещё остались люди...»². Узнав о том, что Городецкий командирован в Ван, Туманян в первый же день знакомства с ним просит русского поэта: «Собирайте и спасайте детей. Они там бродят. Живут в развалинах, в ущельях. Одичали. Организуем приют»³.

В тот же вечер Туманян пригласил Городецкого к себе домой на ужин и познакомил с сыном Артаваздом, который также собирался отправиться в Ван. Городецкого поразила искренность и непосредственность армянского поэта, его умение вести беседу. «Много я знал замечательных собеседников, но у Туманяна была такая горячность, такая искренность, что беседа с ним была художественным наслаждением. Он как будто открывал двери в свою душу и приглашал собеседника не таиться перед ним. Да и как можно было таиться перед этим прямо в тебя устремлённым ясным и прямым взором»⁴.

В начале апреля 1916 г. Туманян посоветовал Городецкому написать о трагедии Западной Армении, с которой русскому поэту вскоре предстояло столкнуться, увидеть воочию. «Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, – это и будет поэзия»⁵.

---

¹ С. Городецкий об Армении и армянской культуре. Составление и комментарии И.Р. Сафразбекян. Ер., «Айастан», 1974, с. 76.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 871.

³ С. Городецкий об Армении и армянской культуре, с. 78.

⁴ Там же, с. 79.

⁵ Там же.

В небольшую по объёму книгу Сергея Городецкого «Ангел Армении» вошли и путевые заметки поэта о Западной Армении. Эпиграфом к книге послужили слова: «В небе – рай, на земле – Ван». Автор подарил книгу Туманяну с дарственной надписью: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован Вашей личностью, но и потому, что Ваше имя – это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной»¹.

Свою огромную озабоченность и беспокойство по поводу судеб армянских детей и особенно детей-сирот Ованес Туманян выражал повсеместно, даже во время застолий, выступая с тостами. Во время “прощального ужина”, данного поэтом в своём доме в честь Городецкого, на котором присутствовали Дереник Демирчян, известный знаток и собиратель древних армянских манускриптов Гарегин вардапет и другие, Туманян в своём слове очень высоко оценил работу Валерия Брюсова над сборником «Поэзия Армении», а в завершение снова высказал пожелание уезжающим в Ван: «Спасайте детей»².

Провожая уезжающих и прощаясь с ними, он ещё раз повторил эту фразу и добавил: «Не забывайте и курдских детей. Они такие же бесприютные, как и наши, армянские»³.

Это было напутственное слово и поручение армянского поэта тем, кому предстояло увидеть в облаках пыли огромные толпы, караваны армянских беженцев, одетых в обноски, отрепья, лохмотья, мучимых голодом и жаждой⁴. «Я впервые видел бедствие народа, уходящего с родной земли. ...И Восток впервые предстал передо мной таким, каким он был не в мечтах, а в жизни», – признавался С. Городецкий⁵.

Городецкий по каждому поводу с большой любовью подчёркивал, что именно Туманян стал для него источником вдохновения. “Он вдохновил меня на один из лучших взрывов моего творчества – на посвящённую ему книгу «Ангел Армении»⁶. По признанию русского поэта, долгие беседы с Туманяном просто перепахали его душу. «У больших поэтов нет разницы между дружескими разговора-

---

¹ Там же, с. 144. См. также: С. Городецкий об Армении и армянской культуре, с. 4.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 875. См. также: С. Городецкий об Армении и армянской культуре, с. 81.

³ Там же, с. 81.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 88.

ми и стихами, которые они в это время пишут. Тут стирается разница между стихами и прозой. Поэзия перестаёт быть литературой»¹.

24 апреля 1916 г. С. Городецкий пишет Туманяну из Джульфы: «Дорогой мой и прекрасный друг! Я всё ещё не в Армении, не у вулканов, Сипан и Нимруд ещё не радуют моих глаз. Но и Персия как сказка – нелепая, смешная, очаровательная, жуткая. В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном Вашем доме. Шлю всем привет, ангелу Тамарочке целую чёрную головку.

Преданный Вам и любящий Вас С. Городецкий»².

Городецкий выполнил поручение Туманяна. Он начал дело спасения и регистрирования армянских сирот с пятилетней девочки Шамирам, которая бродила по заброшенному саду и доверчиво подошла к незнакомому человеку и назвала себя. За ней следовала кошка ванской породы, и девочке не хотелось расставаться с ней³.

Русский поэт собирал детей, записывал их имена и передавал в приёмный пункт Игдыра, в распоряжение двух женщин-армянок.

Осенью 1917 г. С. Городецкий обратился к генералу Воронову с предложением перебросить сиротский приют из Игдыра в более безопасное место, на что генерал не очень внятно, но всё же дал ему понять, что желательно им самим убраться оттуда, причём чем скорее, тем лучше. О дальнейших планах армии говорилось только полунамёками, до приказов дело не доходило, и всем было понятно, что русскому командованию вообще нет никакого дела до судеб армянского населения, всё ещё не покинувшего Западную Армению. «Два года спустя, – пишет Сергей Городецкий, – я купил у него (бывшего генерала царской армии Воронова – С.О.) спички, которыми он торговал на улицах Тифлиса. Я поблагодарил его. Хотя бы намёком он дал нам возможность приготовить фургоны и волов»⁴.

Вернувшись в Тифлис, Городецкий начал интересоваться не только армянской литературой, но и историей армянского народа и вообще армянской культурой. Об этом свидетельствует его короткая записка Ованесу Туманяну, датированная 6-м декабря 1917 г. «Дорогой Ованес Фаддеевич! Очень прошу, если можно, книгу об армянском театре. Мечтаю получить сегодня вечером и Вашу статью на эту тему – очень мечтаю, хоть краткую! Ваш душевно С. Городецкий»⁵.

---

¹ Там же.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1095.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 876.

⁴ Там же, с. 878.

⁵ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1098 (297 доп.).

Туманян всегда умел различать власть имущих и народ, чиновников и деятелей культуры, и никогда не сваливал вину одних на других. В то самое время, когда воронцовы-дашковы попирали права армянского народа, способствовали его переселению из родных мест, когда генералы абациевы проявляли жестокость в обращении с беспомощным армянским населением, лучшие представители русской культуры и интеллигенции всячески старались помочь армянскому народу, протянуть ему руку помощи¹.

Русский народ в лице своей замечательной интеллигенции откликнулся на трагедию армянского народа. Очевидцами страшных испытаний, выпавших на долю армянского населения Западной Армении, оказались поэт Сергей Городецкий, литературный критик, историк и публицист Вячеслав Полонский, писатель Иероним Ясинский, писатель и путешественник Василий Немирович-Данченко. Все они проявили сострадание к трагической участи армян, публиковали в газетах и журналах эпохи сочувственные отклики, статьи, очерки и заметки об ужасном бедствии, постигшем армянский народ, выступали с публичными лекциями и полученные денежные средства передавали на благотворительные цели, в частности, в пользу пострадавших от войны. Сохранились также сведения о благотворительной и гуманитарной деятельности дочери Льва Толстого Александры² в Западной Армении. Она работала сестрой милосердия в Игдыре и, выступив в “Русских ведомостях” со статьёй “Армянские беженцы”, призывала российскую общественность всячески помогать армянским сиротам и беженцам. Сама Александра Толстая делала всё возможное, чтобы облегчить страдания несчастных людей, чудом спасшихся от мучительной гибели и оказавшихся в крайне тяжёлом и безвыходном положении.

Трагедия армянского народа воплотилась в творчестве русских поэтов, явившихся невольными свидетелями и очевидцами тех страшных событий. Целый цикл стихов, озаглавленный “Песни о Западной Армении”, опубликовал в периодике Василий Немирович-Данченко, сын офицера русской армии и армянки. Публицистические выступления и стихотворные произведения русских поэтов, ставшие одними из первых отголосков массовой резни и погромов, насильственной депортации армянского народа, публиковались в

---

¹ **Ан. Закарян**, Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь, Ер., 1984, с. 144 (на арм. яз.).

² **Александра Львовна Толстая** (18 июня 1884, Ясная Поляна, Тульская губерния – 26 сентября 1979, Уэлли Коттидж, Нью Йорк) – младшая дочь и секретарь Льва Толстого, автор воспоминаний об отце. Основательница и первый руководитель музея в Ясной Поляне и Толстовского фонда.

основном в “Армянском вестнике”, “Русском слове”, а также в других периодических изданиях¹.

ОБЩЕСТВО «АЙКАЗЯН»

Старания и усилия Ованеса Туманяна в деле обсуждения и решения задач культурного строительства – важнейшая область его общественно-национальной деятельности.

В истории культуры каждого народа важную роль играют союзы и общества, в которых сплочённо и объединённо выступают лучшие представители интеллигенции, творческие личности. Подобные союзы особенно важны для народов, не имеющих государственной независимости, поскольку они зачастую осуществляют функции государственного значения.

Начиная с конца восемнадцатого столетия армянский народ, не имея никакой государственной поддержки, оказался вынужден решать все важнейшие общественные вопросы самостоятельно, самоорганизовываясь. Программы кардинального переустройства армянской общественно-политической жизни на протяжении целого века предлагали и пытались осуществить либо общественные союзы и организации, либо политические партии и отдельные деятели. В этом смысле не стала исключением и армянская действительность второго десятилетия двадцатого века.

В годы Первой мировой войны, Геноцида армян, социальных потрясений и катаклизмов на Кавказе, в Баку, Ереване, в особенности – в Тифлисе, который в то время являлся центром восточноармянской культурной жизни; а также в Константинополе, Париже, Петербурге, Москве и др. действовали армянские национальные объединения и общества художественной, литературной и культурной направленности, общества помощи пострадавшим от войны, стараниями которых в той или иной степени преодолевались хотя бы некоторые из неисчислимых проблем и трудностей того времени. Общественные объединения и союзы способствовали прогрессу и развитию искусства и литературы, содействовали интеграции армянской культуры в пространстве мировой цивилизации, упроче-

---

¹ О теме Геноцида армян в русской литературе подробнее см.: М. Д. Амирханян. Русская художественная литература и геноцид армян. 2-е издание. Ер., “Ай-астан”, 1990; см. также: М. Джанполадян. Тема геноцида армян в русской литературе (1918-1991). В кн. «Айоц мец егерн-90». Сб. статей. Ер., изд-во ЕГУ, 2005, с. 74-89; см. также: М. Джанполадян. Отголоски армянской трагедии в русской поэзии второй половины XX века. “Вестник Ереванского университета: русская филология”, 2015 № 1 (16), с. 3-15.

нию культурных связей между разными народами и т.д.

Некоторые из общественных организаций и союзов, например, Общество армянских писателей и Общество истории, перед лицом обрушившейся на армянский народ страшной трагедии и радикально изменившейся действительности на какой-то период прекратили свою деятельность, однако спустя некоторое время продолжили свою энергичную и плодотворную работу. Более того, именно в годы войны и Геноцида в Восточной Армении были учреждены новые общества, основной и главной целью которых было развитие армянской культуры и оказание помощи её деятелям. При этом беженцы из Западной Армении также пытались создавать свои общества, которые дали бы им возможность объединиться и продолжить свою культурную и литературную жизнь. Так, 28 мая 1915 г. в Баку открылось Армянское общество любителей словесности¹, а в марте 1916 г. в Тифлисе был учрежден Союз художников². 3 ноября 1916 г. усилиями западноармянской интеллигенции в Ереване было создано Общество книголюбов, целью которого, кроме организации литературных мероприятий и вечеров, было также создание библиотеки на основе собранных книг западноармянских авторов, издание неопубликованных произведений, оказание помощи писателям-беженцам³. В 1916 г. в Тифлисе был создан Союз западноармянских учителей. Кроме того, в годы войны продолжало свою деятельность Армянское музыкальное общество под председательством Овсепя Тер-Давтяна. В 1916 г. функционировали также Общество армянских искусствоведов, Общество истории и археологии (было учреждено 29 мая 1913 г.) и многие другие творческие объединения.

Ованес Туманян в те годы был председателем, вице-председателем, либо членом правления или почётным членом более десятка подобных обществ, что свидетельствовало о том большом значении, которое армянская общественность придавала этим организациям. Редкий день обходился без того, чтобы в квартире Туманяна не проходило заседание какого-либо общественного союза или творческого объединения, где обсуждались многочисленные вопросы большой общественной значимости. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Вокруг этого стола часто проводились заседания различных правлений, совещания, на которых председательствовал отец. Например, правления Общества писателей, Общества Айказян, Земляческого союза и т.д.; он одновременно был пред-

---

¹ «Мшак», 1915, N118, 3 июня.

² Там же, 1916, N63, 20 марта.

³ «Оризон», 1916, N247, 7 ноября.

седателем семи правлений”¹. Многие из этих обществ и союзов – Общество Айказян (1916-1917), Союз Земляческих союзов (1918), Бюро по установлению потерь армянского народа в годы Первой мировой войны (1918), Комитет помощи армянским сиротам и беженцам (1920) – были созданы и развернули свою деятельность в годы мировой войны.

Мы здесь затронем лишь вопросы, связанные с историей учреждения Общества Айказян, а также остановимся на некоторых эпизодах деятельности Общества писателей, поскольку деятельность каждой общественной организации и участие в них Туманяна – предмет специального исследования.

***

В годы войны Ованеса Туманяна серьёзно волновали и задачи развития и распространения науки, образования и просвещения. Одной из очередных инициатив поэта стало создание в 1916 г. сети народных библиотек. Об этом мы узнаём из письма Микаэла Туманяна, датированного 26-м марта 1916 г., в котором, в частности, говорится: «Уважаемый и дорогой г. Туманян... в создании народных библиотек с радостью примем участие как Лисициан, так и я»².

Идею создания Общества Айказян Туманян вынашивал ещё в марте 1912 г. в Петербурге, непосредственно после оправдательного приговора на суде по “Дашнакскому делу” и выхода из тюремной камеры. Он тогда публично заявил о необходимости создания общенационального фонда арменоведения, армянской академии наук и национального университета.

Однако, создав 3 ноября 1912 г. Кавказское общество армянских писателей и являясь его бессменным руководителем на протяжении почти десяти лет, полностью выкладываясь на работе в Национальном бюро и в других организациях, поэт из-за нехватки денежных средств так и не сумел претворить в жизнь эти свои намерения.

Ещё в 1912 г. Туманян считал очень важной фигурой в деле учреждения Армянской академии наук Николая Марра; он даже лично обратился к учёному с этим вопросом (25 апреля 1912 г.), а затем, 6 мая 1912 г., подключил к переговорному процессу епископа Месропа Тер-Мовсисяна (10, 149). А чуть позднее, 25 мая, поэт при-

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 93.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1270 (684). Микаэл Туманян одновременно послал Туманяну написанный им устав общества по вопросам культуры, считая, что он может пригодиться писателю в его начинании.

влёк к этому обсуждению и члена эчмиадзинской монастырской братии Галуста Тер-Мкртчяна.

«Если бы мы могли... взаправду иметь свою академию наук...»(10, 151), – мечтал поэт в мае 1912 г. и поделился своей мечтой с Галустом Тер-Мкртчяном, сообщая ему в письме: «Наконец-то у нас будет свой очаг науки... и в этом случае ты обретаешь центральное положение в народе, на тебя ложится обязанность принять очень серьёзное дело»(10, 150).

Конечно, Туманян не только мечтал. 2 мая 1912 г. он опубликовал в газете “Оризон” статью «Национальный фонд арменоведения», в которой представлял своё видение необходимости создания этого фонда и его программы. Именно на основных постулатах этой статьи позднее, уже в годы Первой мировой войны, были изложены устав и программа Общества Айказян. Туманян предложил десять пунктов программы, согласно которым на средства Национального фонда и при участии учёных-арменоведов должны были изучаться иноязычные периодические издания, а также сведения греческих, римских, ассирийских, персидских, русских, арабских и грузинских историков об Армении и армянском народе, должны были приобретаться относящиеся к арменоведению документы и материалы из разных стран, в том числе из Ватикана, Иерусалима, из церковных и армянских патриаршеских архивов, из музеев Европы; должны были совершаться археологические раскопки и создаваться различные исследования, главные акценты в которых необходимо было представлять на историю последних столетий(6, 356).

Фактически эта культурная и научная программа одновременно преследовала также политические цели, поскольку, развивая и пропагандируя арменоведение, историю армянской культуры, она также повышала национальное самосознание и чувство человеческого достоинства. Поэт был уверен, что Армянский вопрос в международных инстанциях должны поднимать высокообразованные политические и общественные деятели, специалисты и дипломаты, прекрасно знающие историю и культуру армянского народа. Это также было одним из обстоятельств, обуславливающих необходимость создания общества.

Ованесу Туманяну и его единомышленникам и сподвижникам предстояло пройти очень долгий путь, прежде чем было создано Общество Айказян. Важными вехами на этом пути были и созданное Туманяном Кавказское общество армянских писателей, и учреждённое 29 мая 1913 г. по личной инициативе и при непосредственном участии поэта Общество Армянской истории и археографии, целью которого было сосредоточение и исследование приобретённых документов и материалов, организация исследовательских по-

ходов и экскурсий, раскопок, организация конкурсов научных работ, издание научных трудов и многое другое¹. Под уставом этого Общества наряду с другими подписями – Степана Лисициана, кандидата наук по восточным языкам Петербургского Императорского университета Смбата Тер-Аветикяна, кандидата наук Аслана Шахназаряна и др. – стояла также подпись Ованеса Туманяна.

Задолго до этого Туманян намеревался в рамках Кавказского общества армянских писателей проводить подобного рода исследовательские и пропагандистские работы, которые теперь рассчитывал выполнить через Общество Айказян. Поэт собирался основать в Обществе писателей музей литературы, “Музей армянских писателей”, где в качестве экспонатов должны были представлены рукописи армянских писателей и деятелей литературы, их письма и архивы и даже личные вещи. Он намеревался также ежегодно издавать по два сборника под общим названием “Сборник армянской литературы”, где помещались бы личные материалы, относящиеся к армянской литературе и писателям².

Если бы Туманяну удалось реализовать эти свои планы и намерения, то его начинания, безусловно, в большой степени способствовали бы развитию армянской филологической мысли, литературоведения, армянской культурологии и арменоведения, что, в свою очередь, могло бы стать хорошей основой для создания академии наук и университета. Такую же цель преследовал писатель, когда использовал трибуну Кавказского общества армянских писателей в интересах науки. Кроме литературных мероприятий и популярных лекций, Общество писателей нередко организовывало специальные беседы “литературно-научного содержания” (они назывались также “научно-литературными специализированными беседами”), рассчитанные только на членов Общества, так сказать, для “внутреннего пользования”³. Одним из таких закрытых вечеров было заседание 12 мая 1917 г. в зале школы Гаянян, на котором Ов. Туманян должен был выступить с докладом “Состояние и содержание армянской литературы”⁴. Организация серии литературных бесед в мае 1917 г. была вовсе не случайной, поскольку именно к этому периоду относится самая активная деятельность поэта в интересах Общества Айказян.

Заметим, что в канун Первой мировой войны вопрос об орга-

---

¹ Устав Армянского исторического и археографического общества, Тифлис, 1914 (на арм. яз.).

² “Оризон”, 1914, N30.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N46/7.

⁴ “Мшак”, 1917, N97, 11 марта, с. 3.

низации научных мероприятий и исследований уже стоял на повестке дня. Летом 1914 г. правление Общества народных университетов создаёт комиссию, которая, в свою очередь, должна была сформировать секцию лекций. Эта комиссия, в состав которой входили также Ованес Туманян и Арамаис (писатель Мисак Тер-Даниелян), была многонациональной¹.

Все эти культурные и просветительские начинания, которые инициировал и которыми руководил, или, по крайней мере, в которых участвовал Туманян, ставили перед собой одну цель – основать армянскую академию наук и университет.

Из-за начавшейся мировой войны на некоторое время работы во всех этих направлениях были временно прекращены. Однако с 1916 г. Туманян, воодушевлённый победами, одержанными русской армией на Кавказском фронте, с новой энергией принимается за прерванное дело.

Поэт первым откликается на последний, тринадцатый том фундаментального исследования Гюта Аганяна² «Диван³ армянской истории, книга 13-я, Эксплуатации в Турецкой Армении (Документы 1801-1888)», опубликовав 7 ноября 1915 г. рецензию на эту книгу. В ней Туманян высоко оценивает этот титанический труд исследователя и призывает общественность также оценить его по достоинству. Он отмечает, что составление многотомного собрания документов по истории Армении «является очень важным и серьёзным делом»(7, 193).

Новый том «Дивана армянской истории» проливал свет на угнетённое положение коренного армянского населения Западной Армении, что представлялось Туманяну особенно ценным, и поэтому он отметил актуальность и непреходящее значение изданной книги. Среди достоинств книги поэт отмечает публикацию тех документов, которые констатировали, что «чем больше длились и возрастали эксплуатация и угнетение, тем больше разрасталось и сильнее становилось стремление армян к России. Хотя они порой страдали из-за своего русофильства, как страдают до сих пор... Наконец, эта книга является новым свидетельством, показывающим, что

---

¹ Там же, N124.

² Г. Аганян (1956-1920) - историк, филолог, собиратель материалов по истории Армении. Автор 13-ти томного сборника документов о новом периоде истории армянского народа – «Диван армянской истории» (Тифлис, 1893-1915).

³ Диван – сборник документов. Слово «диван» появилось не позднее XVI века и означало на фарси, на турецком и арабском языках сначала «исписанные листы бумаги» или «списки», затем этим словом стали обозначать учётные книги, потом канцелярии. Лишь значительно позднее оно стало обозначать типичную для подобных учреждений мебель – длинные скамьи с мягкой набивкой.

последняя резня армян в Турецкой Армении вовсе не была каким-то беспрецедентным несчастным случаем, а стала новым и ужасным деянием, продолжением систематического уничтожения армян, что стало возможным во всемирном хаосе и свершилось независимо от любых внешних обстоятельств»(7, 195-197).

Статью эту Туманян написал и исходя из злободневности темы и материала, и из стремления ещё раз озвучить и подчеркнуть необходимость создания армянского национального университета. К тому же это был шаг, направленный на осуществление программ, предложенных в статьях «Армянская история» и «Национальный фонд арменоведения». Данная рецензия, написанная в самый разгар войны, оттеняет особенности мировоззрения поэта, его восприятие истории, его дипломатические навыки при рассмотрении сложных и неоднозначных политических вопросов, а также умение правильно ориентироваться в перипетиях социально-политических брожений текущего момента.

Программа Общества Айказян предполагала огромный объём работы, которая должна была обеспечить культурное возрождение нации при непосредственном и активном участии передовой, лучшей части армянской интеллигенции. Для народа, не имеющего государственности, этот смелый шаг был сопряжён с многочисленными трудностями, и поэтому число скептически настроенных оппонентов было велико. Туманяна это вовсе не обескураживало, и он продолжал обращаться ко многим компетентным и высокообразованным представителям армянской интеллигенции. Он обращался и к властям, чтобы получить соответствующее разрешение; разрабатывал список потенциальных преподавателей, состоявший из подвижников сферы науки и образования; лично обращался к проживавшим и работавшим в других странах учёным и уговаривал их оставить чужбину и приехать в Тифлис. Поэт писал статьи, давал объявления в газеты, разъяснял всем и каждому важность и насущную необходимость предпринимаемого дела.

Идею Туманяна поддерживали и приветствовали все, но в успех, в возможность осуществления этой идеи верили немногие. Присяжный поверенный Тигран Ованнисян специально приехал из Баку в Тифлис, чтобы переговорить с Туманяном, обсудить программу, планы и намерения Общества Айказян, рассмотреть организационные вопросы. Так и не сумев встретиться с поэтом (он находился на лечении и отдыхе в Боржоми), Т. Ованнисян был вынужден обсудить эти вопросы с Забел Есаян, которую Туманян в последнее время часто информировал о своих планах, касающихся национально-общественной жизни. В письме от 22 августа 1916 г. Т. Ованнисян от своего имени и от имени Мхитара Тер-Андреасяна

выражает сомнение и беспокойство по поводу успешности предпринимаемого дела. «Дорогой Ованес, – пишет он, – мы все без- условно симпатизируем вашим планам и приветствуем предпринима- тое тобой дело, но для того, чтобы включиться в это дело, мы долж- ны быть уверены, что сумеем с честью выйти из него...»¹.

В октябре 1916 г. Туманян, приступив к подготовительным ра- ботам по учреждению Общества Айказян, обратился с просьбой о сотрудничестве к нескольким крупным арменоведам, и в первую очередь, к Николаю Марру, попросив его сообщить о своих услови- ях. «Покорно прошу, соизвольте сообщить – как бы Вы хотели, что- бы было поставлено дело: можете перебраться в Тифлис навсегда, или приедете только на время; на сколько тысяч в год согласитесь?.. Есть намерение создать также армянскую академию»(10, 254). Поэт заверяет учёного, что Общество не остановится ни перед какими за- тратами. Он отмечает, что Общество Айказян создаётся по инициа- тиве Общества писателей, при участии интеллигенции и состоя- тельных филантропов. Примечательно, что свою личную инициати- ву – идею, которая зародилась в нём задолго до создания Кавказско- го общества армянских писателей, поэт приписывает своей писа- тельской организации.

Осенью 1916 г. Ов. Туманян вступил в переписку с выдаю- щимся учёным-языковедом Рачия Ачаряном, с которым он делится своими соображениями об исключительной важности и безальтер- нативности создания университета, о незаменимой роли учёных- арменоведов – преподавателей университета. Идея находит живой отклик в сердце окончившего университет Сорбонны лингвоведа. Когда Ван был освобождён, Ачарян вознамерился на свои личные средства открыть там высшие лингвистические курсы и посвятить себя спокойной преподавательской работе. Об этих своих намере- ниях, о том, что он планирует в перспективе создать в Ване универ- ситет на основе лингвистических курсов, Р. Ачарян сообщил из- вестному французскому лингвисту Антуану Мейе, который посове- товал ему не спешить с этой затеей.

В годы войны Ованес Туманян не был единственным, кто меч- тал о создании национального университета и академии наук, одна- ко он был единственным, кто предпринимал конкретные шаги в этом направлении. На первоначальном этапе он предполагал разви- вать три направления и, соответственно, открыть в университете три факультета: армянского языка, истории и армянской литературы. Р. Ачарян, со своей стороны, предложил включить в курс обучения двадцать один предмет и пообещал преподавать ряд дисциплин. В

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1524 (790).

своём письме за 6 ноября 1916 г. Ачарян пишет: «Ваше письмо подтверждает мои мысли и указывает другой путь для их применения. Душой симпатизирую Вашему делу и полностью отдаю себя в Ваше распоряжение»¹.

В эти же дни инициативу писателя приветствовал и юрист-социолог Аломон Егиазарян, которого Туманян письмом от 30 октября приглашал переехать из Киева в Тифлис – с той же целью. Однако у А. Егиазаряна были возражения, связанные с переездом, к тому же он сомневался в возможности соответствующих финансовых вложений. В ответном письме Туманяну от 13 ноября 1916 г. А. Егиазарян просит выслать ему устав Общества. Он пишет: «Нельзя не выразить симпатии цели Общества... К сожалению, не могу дать определённого ответа... Намеченная цель (насколько я понимаю) требует большой суммы и тысячу рублей в начальный фонд. В этом случае вопрос ещё больше усложняется. Для академии нужна огромная сумма. Кроме того, Академия вне пределов Армении не может быть армянской Академией, потому что не имеет исторической основы. Тифлис в моих глазах является колонией, в которой нет даже духа Армении. В Тифлисе армянский язык искажается... Я человек народа, люблю только тот язык, который понятен народу... поскольку юридическая и социальная жизнь народа всегда были предметом моих исследований»².

В ноябре 1916 г. Туманян был уверен, что вопрос о создании национального университета и академии будет наконец-то решён, поскольку он получил обещания о крупных денежных вложениях сразу от нескольких армянских богачей. Шестого ноября 1916 г. в письме к своему другу епископу Месропу поэт пишет: «Сообщу тебе ещё одну хорошую весть. Помнишь, что я ещё с прошлого года старался ради обеспечения и развития нашей литературы и культуры предпринять какие-то меры? Вот именно это дело уже получается – группа богачей и интеллигентов присоединились, заложили основу...»(10, 257-258).

Бурная организационная деятельность по созданию Общества Айказян началась в апреле 1917 г. 20 апреля было составлено циркулярное письмо-обращение о планах и предстоящих задачах Общества. Хотя под обращением стоит двадцать подписей, можно не сомневаться, что текст написан самим Туманяном: это легко угадывается по стилю письма. Подписали обращение в основном спонсоры Общества – люди, обещавшие Туманяну свою денежную помощь. Это были известный банковский деятель, основатель тифлис-

---

¹ Там же, № 867 (491).

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1152 (615).

ской Музыкальной школы Констадин Алиханян, Хачатур Африкян, Амбарцум Меликян, Филип Вартазарян, Геворг Хатисян, а также историк, востоковед Сиракан Тигранян. Циркулярное письмо было опубликовано в газете «Оризон»¹. В нём говорилось: «На днях в Тифлисе откроется Общество под названием «Айказян», целью которого является защита нашей литературы, науки и искусства... Учредителями Общества будут, с одной стороны, вкладчики денежных средств, и с другой стороны, армянские писатели, учёные и деятели искусства. Вкладчики будут вносить деньги... а писатели, учёные и деятели искусства – это такие личности, авторитет которых не будет вызывать сомнений для общественности нации»².

Циркулярное письмо-обращение было опубликовано в разных редакциях. В одной из них сообщается, что на следующий день, то есть 23 апреля 1917 г., должно состояться заседание инициативной группы с целью учреждения Общества Айказян. Мы более чем уверены, что текст второй редакции письма также составил Туманян, ещё сильнее акцентируя цели и задачи учреждаемого Общества. В этой редакции обращения говорится: «Нижеподписавшиеся приглашают ревностно относящихся к нашей культуре и наделённых способностями людей – известных состоятельных людей, учёных, писателей и деятелей искусства, объединиться и составить сильный национальный союз, большое общество.

Общество, которое будет называться «Айказян», предполагает создать Армянскую академию, заложить основы Армянского университета, развивать арменоведение и всесторонне исследовать нашу страну, нашу древнюю и новую жизнь, нашу литературу и искусство, их историю и современность; общество предполагает создать обеспеченную жизнь для учёных, писателей и деятелей искусства. Одновременно Общество Айказян будет следить за деятельностью наших культурных учреждений и при необходимости им помогать»³.

Письмо публикуется впервые. Считаем, что это письмо в редакцию «Оризона» под названием «Общество Айказян» должно было найти место в новом академическом издании произведений Ованеса Туманяна.

Примечательно, что за день до публикации письма-обращения на учредительное собрание были приглашены все желающие, однако в тот же день было принято решение провести собрание за закрытыми дверями. Присутствовать на собрании могли только те, у

---

¹ «Оризон», 1917, N81, 22 апреля, с. 3.

² «Мшак», 1917, N82, 27 апреля, с. 3.

³ «Оризон», 1917, N81, 22 апреля, с. 3.

когда были пригласительные билеты.

23 апреля, в воскресный день, в зале Артистического общества состоялось расширенное заседание, которое с определёнными оговорками (Устав ещё не был утверждён) можно считать учредительным собранием Общества Айказян. Присутствовавший на собрании русский комиссар, профессор Бенешевич “тёплыми словами” приветствовал учреждение Общества¹.

На собрании председательствовали Констадин Алиханян и Ованес Туманян. С положениями Устава Общества собравшихся ознакомил Минас Берберян. Он был единственным юристом среди трёх авторов Устава.

С помощью добровольных пожертвований к тому времени уже было собрано 100.000 рублей; эта сумма передаётся на хранение Тифлисскому коммерческому банку. Состоятельные члены Общества должны были вносить в качестве членских взносов по пять тысяч рублей, а те из них, которые были не в состоянии внести эту сумму сразу, могли погасить задолженность в течение пяти лет. В списке членов Общества очень много людей, внесших в казну десять рублей. Ованес Туманян расплатился за всех членов своей большой, многодетной семьи, а также за своего зятя Геворга Хатисяна.

Было принято решение в ближайшее время созвать новое собрание, на котором предстояло избрать правление Общества в составе восемнадцати человек: девяти состоятельных вкладчиков и стольких же писателей и деятелей науки и искусства. Список последних было поручено составить Обществу писателей.

В тот же день было принято решение послать телеграмму Николаю Марру и просить его “активного содействия”².

7 мая, когда всё ещё продолжался процесс учреждения Общества, Туманян опубликовал в периодике ещё одну статью, которую назвал “Общество Айказян”. В ней он снова отмечает, что становление и развитие арменоведения как науки, создание “правдивой научной истории” нашего народа является “трудным и большим делом”, которое выше любых личных усилий, и даже усилий одного творческого объединения (7, 325). Он определяет основные направления деятельности национальной академии: это история, литература, язык и языкознание, искусство и другие гуманитарные науки.

Дав Обществу название “Айказян”, писатель имел в виду общенациональный характер предпринимаемого дела, и, следовательно, участие в нём каждого представителя нации. “Мы все вместе,

---

¹ Там же, N84, 26 апреля, с. 3.

² “Оризон”, 1917, N84, 26 апреля, с. 3.

объединёнными усилиями, сумеем защитить и повести вперёд это общее большое дело, участвуя в нём и делая взносы: одни – больше, другие – поменьше...”(7, 327)¹.

Поэт придавал исключительно важное значение обучению на родном языке. “Необходимо объединить армянских учёных, создать науку на армянском языке и храм науки, очаг наук, Армянскую Академию. И необходимо создать армянский университет, чтобы можно было преподавать высшие дисциплины и обучаться на армянском языке...

Для того чтобы стать и называться высоко цивилизованным народом, нет иного пути, кроме искусства”(7, 325).

Последнее предложение звучит словно изречение и подчёркивает существенное различие между варварскими и цивилизованными народами.

Мировая война со своим звериным оскалом и со всеми присущими ей ужасами помешала многим планам Туманяна, но поэт при этом считал нужным объяснять всем и каждому, что никакая война и никакое бедствие не способны помешать очень важным и благородным инициативам. Имея в виду создание армянского университета и национальной академии наук, поэт говорит: “А если они учреждаются в такие тяжёлые дни, то это только делает нам честь. Если итальянцы могут открыть университет на поле боя, в траншее, и заниматься наукой и искусством, то почему мы не можем в такой дали от траншей заниматься той же наукой и искусством?

Не будем забывать, что, какое бы возвышенное дело ни принимал армянский народ, он всегда делал это, невзирая на трудное и горькое время...

И в этом заключается величие нашей нации и великая драма нашей жизни, – пишет Туманян и заключает: – Всё, что будет с нами, будет и с нашим университетом”(7, 327).

Как отмечалось, Обществу писателей предстояло составить список членов-учредителей Общества Айказян из числа писателей, учёных и деятелей искусства. У Туманяна был очень большой опыт организации общественных мероприятий, и поэтому он знал, что необходимо считаться с мнением большинства, так как каждая включённая или не включённая в список кандидатура, вне зависимости от её значимости, неизбежно явилась бы предметом споров, причём мишенью нападков и обвинений, как это обычно бывало, стал бы он сам. По этой причине Туманян обратился к разным организациям и периодическим изданиям, в частности, к редакциям газет «Оризон», «Мшак», «Арев», «Горц», к Армянскому драматическому

---

¹ Там же, с. 327.

обществу, Музыкальному обществу, Обществу деятелей искусств, Этнографическому обществу, Историографическому обществу, Бакинскому обществу любителей словесности – и попросил выступить со своими предложениями. Почти все указанные общества, за исключением Этнографического, а также редакции газеты «Горц», ответили писателю.

За одной лишь подписью Гарегина Левоняна Общество армянских деятелей искусства 16 апреля прислало список из 75 человек, из которых только 30 проживали в Тифлисе; остальные были жителями Парижа, К. Полиса, Каира, Венеции, Москвы и т. д. В списке фигурировали практически все видные деятели искусства.

Бакинское общество армянских любителей словесности не прислало своего списка, доверив выбор Туманяну и одновременно пожелав удачи в предпринятом начинании, которое “составит новую эпоху в истории армянской культуры”¹.

Бакинская газета “Арев” за подписью Симона Акопяна прислало список, включавший сорок одно имя. В списке Армянского музыкального общества, составленном Овсепом Тер-Давтяном, было 45 имён; в списке газеты “Мшак”, подписанном Амбарцумом Аракеляном и Стефаном Зорьяном, было 24 имени, а в списке Армянского исторического и археографического общества, составленном Степаном Лисицианом и Смбатом Тер-Аветикяном, 31 имя.

Туманян не ошибался в своей уверенности, что непременно найдутся недовольные, что во всех случаях недовольство людей просто неизбежно. И даже если бы были учтены все без исключения мнения, это ничего не изменило бы.

27 мая 1917 г. Д. Казарян и Е. Сардарян из Еревана пишут поэту:

“Глубокоуважаемый г. Ов. Туманян,

Если наши имена отсутствуют в том списке, который составило Общество армянских писателей, то есть в списке членов-учредителей Общества Айказян, то просим включить нас в качестве учредителей Тифлисского общества армянского хорового пения, поскольку это Общество очень близко нашему сердцу”².

Из ответного письма редакции газеты “Оризон” за 8 мая 1917 г. видно, что это авторитетное периодическое издание возражало против включения в списки имён состоятельных людей. В этом во-

---

¹ Письмо это подписали председатель Бакинского общества любителей словесности Тигран Ованнисян и секретарь Цолак Ханзадян. См. Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 40. Список, составленный Обществом писателей, написан рукой Туманяна (там же).

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1550.

просе подходы редакции “Оризона” и Ов.Туманяна не совпадали. “Оризон”, предложив всего лишь двадцать имён, предлагал руководствоваться “тем принципом, чтобы приглашались личности, представляющие собой несомненный авторитет в области армянской литературы, искусства и науки”¹.

Туманян был убеждён, что без содействия богатых вкладчиков идея создания общенационального культурного и научного общества не может осуществиться и обречена на провал, к тому же он всегда руководствовался принципом, согласно которому в основе общенационального дела должно быть общенациональное единение.

Совместить все предложения было очень трудно, если возможно вообще. В конце концов был составлен список, включавший 111 имён. В нём были представлены известные писатели – Нар-Дос, Ширванзаде, Л. Шант, Врт. Папазян, Ав. Исаакян, В. Терьян, И. Иоаннисиан, А. Чопанян, Д. Демирчян, Лео, Забел Есаян и др.; публицисты и литературоведы – А. Аракелян, Н. Агбальян, А. Сурхатян, А. Тертерян, П. Макинцян и др.; переводчики – Ов. Масеян, Т. Ованнисян и др.; учёные и мхитаристы – Н. Адонц, Р. Ачарян, М. Абегян, С. Тигранян, А. Манандян, Ст. Лисициан, Е. Лалаян, Г. Ованнисян и др.; художники – Е. Тадевосян, Г. Башинджагян, Ф. Терлемезян, М. Сарьян, Шаин и др.; скульпторы, архитекторы и музыканты, артисты – Т. Тораманян, Ал. Спендиарян, Комитас, Антон Маикян, А. Тигранян, Ов. Абемян, Арменян, Сирануш, Алиханян и другие².

Этот список, в котором немало имён, имеющих международную славу, свидетельствует о том, что армянский народ в начале двадцатого столетия имел огромный научный и образовательный потенциал. И все эти замечательные деятели культуры, науки и искусства были готовы принять участие в работе Общества Айказян и отдать свой талант на служение общенациональной инициативе Ованеса Туманяна. Заслуживают большого признания также те предприниматели и состоятельные армяне, которые были готовы своими благотворительными вкладами помочь общему делу.

В кругах учредителей Общества Айказян существовало намерение после общего собрания 31 мая 1917 г. освободить работавших в средних школах учёных-арменоведов от этих обязанностей и дать им возможность заниматься серьёзной наукой. В первую очередь имелись в виду учитель гимназии историк Ашот Иоаннисян и работавший учителем в Нор-Нахиджеванской школе Рачия Ачарян.

---

¹ Музей Ов. Туманяна, новые материалы, л. 40.

² Там же. Список является черновиком, написанным рукой Туманяна, чернилами и карандашом, на двух листах, исписанных с обеих сторон.

В апреле-мае 1917 г. число членов Общества Айказян из России возросло до ста человек, тридцать из которых к тому времени были с этой целью уже в Тифлисе¹.

Как отмечалось, Устав Общества Айказян написал Ов. Туманян вместе с К. Алиханяном и М. Берберяном. 23 мая Устав был представлен в районный суд Тифлисского первого гражданского отдела Временного правительства на Кавказе. В тот же день авторы получили отказ в регистрации – из-за отсутствия нотариально заверенного списка членов Общества. На самом же деле это был всего лишь подходящий повод для придирки. Чиновники – бюрократическая машина Временного правительства России – всячески затягивали решение вопроса. Устав в конце концов был утверждён, но только 1 декабря 1917 г., то есть после победы социалистической революции. Однако связанная с утверждением Устава бюрократическая волокита не помешала учредителям Общества предпринимать последовательные и целеустремлённые шаги по созданию национального университета.

31 мая 1917 г. в восемь часов вечера в зале Тифлисской музыкальной консерватории состоялось общее собрание Общества Айказян, которое газеты поспешили объявить “учредительным”. Председателем собрания был избран Констадин Алиханян, секретарём – Степан Малхасянц. Был создан временный исполнительный орган, состоявший из восемнадцати человек, который впоследствии должен был избрать правление Общества и его председателя. Ов.Туманян был избран членом избирательной комиссии Общества, в составе которой были также Л. Шант, М. Абемян, Н. Агбалян, Ст. Лисициан, Ф. Вартазарян и др.²

Было объявлено, что с осени в национальном университете откроется факультет арменоведения. Возникла необходимость срочно сформировать и укомплектовать библиотеку академии и Общества Айказян, собрав все имеющиеся издания трудов об армянах и Армении.

На собрании было много выступлений. Среди выступавших были также Борис Аргутян, Амбарцум Аракелян, Ширванзаде, Левон Шант, Фанос Терлемезян и др.

Некоторые из выступавших не скрывали своего скепсиса по поводу осуществимости целей и задач Общества. Им всем ответил Ованес Туманян. Он, в частности, сказал: “До сих пор армянский народ имел только один духовный центр – Эчмиадзинский Собор, теперь мы хотим построить новый храм – храм науки, литературы и

---

¹ Там же, N108, 25 мая, с. 3, а также N112, 30 мая, с. 3.

² “Оризон”, 1917, N116, 3 июня; См. также: “Мшак”, 1917, N117, 6 июня.

искусства – Общество Айказян. И армянский народ имеет как материальные, так и интеллектуальные возможности для построения этого нового храма. У нас нет профессиональных писателей, посвятивших себя только литературе, после этого они у нас будут. У нас нет армянских учёных, после этого будут. У нас нет армянских деятелей искусства, после этого будут. И в будущем исследователь, пишущий историю развития армянской культуры, должен будет разделить её на два периода – до Общества Айказян и после Общества Айказян”¹.

Своим выступлением Туманяну удаётся рассеять сомнения скептиков, и его слова, по свидетельству, были встречены “громом аплодисментов”².

4 июня 1917 г. временная комиссия на своём заседании избрала председателем правления Общества Айказян Константина Алиханяна. Его заместителями стали Ованес Туманян и Л. Гулян, секретарями – Степан Лисициан и Степан Малхасянц, казначеем – М. Берберян. Были избраны также две подкомиссии – хозяйственная и учебная. Туманян вошёл в учебную подкомиссию, в которой были также Н. Агбалян, Л. Шант и М. Абегян.

7 июня состоялось заседание учебной подкомиссии под председательством Туманяна. Николай Марр, уважив приглашение Туманяна, приехал в Тифлис и в тот же день, 7 июня, был гостем его семьи.

Н. Марр выразил убеждение, что Армянский университет вместе с Грузинским университетом, который также намечалось открыть в ближайшее время, смогут успешно развивать кавказоведение, что, в свою очередь, будет способствовать развитию науки в целом. Приветствуя создание Армянского университета, Марр посоветовал наладить и поддерживать постоянную связь с Грузинским университетом и, в особенности, с факультетом восточных языков Петербургского университета, откуда при необходимости можно будет приглашать преподавателей, а также отправлять туда наиболее перспективных своих студентов для усовершенствования. Было принято решение, что арменоведческий факультет будет иметь три отделения – языковедческое, библиографическое и историческое, на каждом из которых должны преподаваться основные и вспомогательные предметы. Перечень предметов по просьбе собравшихся должен был составить Н. Марр.

9 июня состоялось следующее заседание подкомиссии, которое так же, как и предыдущее, прошло дома у Туманяна, хотя к тому

---

¹ “Оризон”, 1917, N116, 3 июня, с. 4.

² Там же.

времени “канцелярия Общества уже была размещена в здании городского кредитного общества”¹. На этом заседании была утверждена программа, составленная Н. Марром². Было также принято решение установить четырёхлетний курс обучения, приглашать на работу преподавателей, имеющих учёную степень (магистра, доктора).

С июня по декабрь состоялись ещё одиннадцать заседаний учебной подкомиссии, в работе которых участвовал (а в ряде случаев и руководил) Ованес Туманян³.

Сохранилась переписка между Ов. Туманяном и Р. Ачаряном в июле-августе 1917 г.⁴ 14 июля Рачия Ачарян должен был дать конкретный и определённый ответ попечительскому совету приходской школы Нор-Нахиджевана, в которой он работал преподавателем, однако он ещё не получил официального приглашения от Общества Айказян и не мог принять окончательного решения. По этой причине он попросил Туманяна как можно скорее ответить ему официальным письмом. Языковед отмечает также, что он является военнообязанным, так что в случае освобождения от работы в школе ему может реально угрожать призыв в армию⁵. Ответ на это письмо, как и на письмо от 7 августа, поэт пишет только 11 августа из Пятигорска, поскольку он получил первое письмо с большим опозданием, “после долгого путешествия”⁶. Письмо поэта было более чем обнадеживающим. “Будет или не будет открыт Армянский университет

---

¹ Там же, N118, 7 июня, с. 3.

² Н.Марр включил в программу такие предметы, которые, как, скажем, история Передней Азии, должны были преподаваться наряду с курсами всемирной истории и культуры. Было предложено открыть “свободные кафедры” с целью чтения лекций вне обязательной программы. Марр пообещал прочитать лекцию на русском языке о создании армянской письменности и истории Ани, в частности, для тех студентов, которые составят группу для работы в Ани.

³ 11 июня было решено установить размер зарплаты в зависимости от учёной степени – соответственно 3000 и 2000 рублей в год. Были распределены уроки. 12 июня решили установить трёхлетнее обучение – для экономии средств, а также для того, чтобы давать студентам возможность совершенствоваться в Петербурге. Расходы одного факультета по предварительным подсчётам составляли 200.000 рублей. Десять учёных предполагалось содержать и для научных исследований. В их числе были Р. Ачарян, М. Абемян, А. Иоаннисян и др.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N868 (493), N869 (492), N870 (299), N871(494).

⁵ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N870 (299).

⁶ Ответное письмо Туманяна, которое он послал из Пятигорска в Баку, где в это время должен был находиться Ачарян, по роковому стечению обстоятельств также не дошло до адресата, потому что тот уже выехал из Баку. Это письмо Туманяна не сохранилось. Не сохранилось также письмо поэта Константину Алиханяну, в котором он ходатайствовал о незамедлительном материальном обеспечении Р. Ачаряна.

– Ваш вопрос я считаю решённым. Общество Айказян – не только для университета, но и для того, чтобы освободить наших деятелей науки, литературы и искусства от посторонних должностей, и давать им возможность заниматься своим делом и своей специальностью... В частности, я могу Вас заверить, что Вы уже являетесь одним из избранных учёных Общества Айказян и с осени свободно будете заниматься своей специальностью”(10, 265). Из этого письма мы узнаём также, что одной из трудностей, связанных с открытием университета, было укомплектование профессорско-преподавательского состава качественными специалистами. По мнению Н. Марра, таких преподавателей было немного. По этой причине «было решено вместо открытия университета дать возможность некоторым деятелям науки на денежные средства Общества Айказян подготовиться в России или за рубежом для предстоящего университета»(10, 266). Ачарян был включён как в эту группу, так и в группу армянских филологов и учёных под названием «Армянская академия».

«Как бы то ни было, – пишет Туманян Ачаряну, – Вы после этого должны посвятить себя делу изучения армянского языка, – делу, величие которого Вы представляете лучше всех, делу, в котором Вы, если не ошибаюсь, незаменимы среди нас»(10, 266).

Открытие университета откладывается на неопределённое время. По мнению Ачаряна, проблемы недостатка качественных преподавателей не существовало. 20 августа 1917 г. он пишет Туманяну из Баку:

«Глубокоуважаемый г-н Туманян,

По-моему, эти три факультета университета, о которых вы предварительно приняли решение, можно было бы открыть и сейчас... разве восьми преподавателей недостаточно для трёх факультетов? ...Тон Ваших писем делает мне большую честь. Был бы счастлив оказаться полезным хотя бы вполовину ожидаемого»¹.

Однако в связи с военным временем намерение командировать учёных-арменоведов в зарубежные страны осенью 1917 г. было также отложено².

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N868 (493).

² Рачия Ачарян продал свой дом и всё своё имущество в Новом Нахиджеване с целью переехать в Тифлис. В новонахиджеванской школе он мог претендовать на повышение должности. Он имел также реальную возможность перейти на работу в Ростовский университет, преподавать на открывавшейся кафедре арменоведения. В письме Туманяну от 24 ноября 1917 г. Ачарян выразил своё разочарование работой в Тифлисе. “Я очень и очень пострадал, нерассудительно поверив преждевременным объявлениям Общества Айказян, и нежелательно, чтобы я после этого пострадал ещё больше”. См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N871 (494).

Насколько откладывалось дело открытия университета, настолько увеличивалось беспокойство людей, которые возлагали большие надежды на Общество Айказян. Мишенью недовольства неизменно становился Ованес Туманян¹.

Туманяну очень хотелось верить, что вот-вот осуществится его заветная мечта и будут созданы самые благоприятные условия для развития и расцвета арменоведения, благодаря чему в обозримом будущем будет обеспечено его возрождение. Отчасти и поэтому он развил исключительно бурную и энергичную организационную деятельность в период учреждения Общества Айказян, а именно в июне-июле 1917 г. И это при том, что как раз в эти месяцы его самочувствие значительно ухудшилось. 15 июня он пишет Ерванду Тагианосяну: “Я болен, нервы совершенно расшатались, превратились в изношенную верёвку, сердце ослабело, повисло подобно пустому мешочку. Ну, что ещё там осталось?”(10, 262). Правда, писатель не щадил себя, не жалел сил и жизненной энергии для осуществления своих перспективных инициатив, имевших национальную значимость и устремлённых в будущее, однако, с другой стороны, его преследовали тревоги, в сердце ютились нехорошие предчувствия, связанные с тем же самым обозримым будущим. В приведённом выше письме от 15 июня 1917 г. поэт отмечал: “Наш мир перевернётся с ног на голову. Он похож на заряженное ружьё с расшатавшимся затвором в руках неловкого человека, и всё ждёшь, что вот сейчас возьмёт и выстрелит...”(10, 262).

В августе, когда поэт был полностью поглощён проблемами усиления Общества Айказян, его вещее сердце предчувствовало беду: “В особенности... страшные картины будущего нашей страны не дают мне покоя ни на день, ни на час. Чудо должно совершиться, чтобы мы перенесли это время без больших бедствий”².

В ПЯТИГОРСКЕ

Вопросы, связанные с восстановлением здоровья Туманяна, становятся особенно актуальными. На этот раз поэт выбирает для отдыха и лечения Пятигорск. Конечно, он не забывает при этом о

---

¹ 20 ноября 1917 г. Тигран Ованнисян из Баку просит за счёт денежных средств обеспечить поэта Иоаннеса Иоаннисиана, поскольку был уверен, что он больше не переизберётся в депутаты городской думы. “Поэтому будет хорошо, если Общество Айказян по возможности скорее примет решение о нём. Это ведь ещё более важно с той точки зрения, что он упорствует и хочет непременно установить свою урну и выйти на голосование”. См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1525 (379 доп.).

² Там же, с. 267.

возможности совмещения лечения и отдыха с литературной работой.

Туманян выехал из Тифлиса в карете 16 июня 1917 г., 19 июня добрался до местечка Млет, заночевал там, а наутро продолжил свой путь. Следующей ночью добрался до Владикавказа, откуда на поезде отправился в Минводы и приехал в Пятигорск 21 июня¹.

В Пятигорск Туманян поехал со всеми своими дочерьми – Ашхен, Нвард, Ануш, Арпик, Седой и Тамар. В лечебных целях в свободные часы принимал серные ванны. Большое внимание и заботу семье поэта уделял ирано-армянский коммерсант Амаяк Бзнуни. Туманян и здесь делает отчаянные попытки заняться литературным трудом. Просит сына Амлика прислать ему книгу Луи Жаколио² “В джунглях Индии”(10, 263). Поэт посетил дом Лермонтова, место его дуэли. Он ещё раз убедился, насколько важно для понимания произведений творческой личности знать её биографию и насколько тесно соприкасаются жизнь великого писателя и его художественное наследие. Имея в виду Лермонтова, Туманян пишет: “Многие страницы его сочинений можно понять только здесь” (10, 264).

В эти же дни Туманян встречается с композитором Александром Гречаниновым³, который к тому времени начал работу над оперой по поэме Туманяна “Ануш”.

15 августа в доме, который Туманян снял в Пятигорске, гостит полководец Андраник. В тот же день из Петербурга приехали в Пятигорск сын поэта Мушег вместе с зятем Геворгом Хатисяном. Они привезли с собой новую карту Кавказа, на которой, по-видимому, Армения занимала довольно значительную территорию. Изучив эту карту вместе с Андраником, поэт сказал: “Ничто меня не радует, потому что положение на фронте сейчас очень неустойчивое, и армия изнурена; вместо того, чтобы защищать, она становится бедствием” (10, 268).

С первого же дня пребывания в Пятигорске врачи диагностируют у Туманяна сильную переутомлённость. “Нашли, что органической болезни у меня нет, но я чрезмерно устал, и почти истощён”⁴.

И всё же ни чрезмерная переутомлённость, ни предчувствие новых надвигающихся бедствий, – ничто не препятствовало Туманяну заниматься в санатории делами Общества Айказян и многими

---

¹ Об этом см. письмо дочери поэта Ануш Туманян, датированное 22-24 июня 1917 г. Музей Ов.Туманяна, отделение документов, N2855.

² Луи Жаколио (1837-1897) – французский писатель.

³ Гречанинов Александр Тихонович (13 октября 1864, Москва – 4 января 1956, Нью-Йорк) – русский композитор.

⁴ Там же, с. 264.

другими проблемами. Он организовал добровольные пожертвования и привлёк 29 новых состоятельных инвесторов к Обществу Айказян, которое к тому времени насчитывало около пяти тысяч членов¹. По-эту удаётся даже собрать деньги для оказания помощи командующему составу на Кавказском фронте², и ещё – заполучить большой дом в Пятигорске для отдыха армянских писателей. “Обществу армянских писателей уже подарили один дом” (10, 264). Этот дом, стоимость которого составляла 200.000 рублей, подарила “какая-то астраханская госпожа”, имя которой периодические издания не сочли нужным предавать огласке³.

Туманян неоднократно ездил по делам из Пятигорска в Кисловодск и возвращался обратно. Он созывал собрания, в повестку дня которых, как правило, входили одни и те же вопросы: оказание содействия Обществу Айказян и положение на Кавказе (10, 270). Поэт организовывал благотворительные мероприятия и добровольные пожертвования для оказания помощи бойцам, сражавшимся на Кавказском фронте.

Одно из таких собраний в Кисловодске проходило в доме местного богача Патвакана Цатуряна. На повестке дня стояли всё те же основополагающие и вместе с тем сакраментальные вопросы: “политические, экономические и культурные” (10, 272). Туманян выступил с докладом “О нынешнем незащищённом положении армянского населения” и предложил оказать помощь воинам, сражающимся на Кавказском фронте. Здесь же поэт встретился с местными армянскими учёными, которые очень плохо владели армянским языком, и сразу же загорелся идеей помочь им в этом деле. Он обратился с письмом к Костандину Алиханяну и предложил на денежные средства Общества Айказян обучить обрусевших армянских учёных родному армянскому языку, поскольку все они были готовы “стать армянскими учёными” (10, 273).

Отдыхавшие в Пятигорске соотечественники настойчиво приглашали поэта посетить Новый Нахиджеван, Ростов, Армавир, Екатеринодар, Владикавказ. Поэт вежливо отклонял эти приглашения, хотя и понимал, что благодаря путешествиям он сумел бы значительно увеличить число членов, а значит и потенциальных вкладчи-

---

¹ Некоторые из богатых вкладчиков давали деньги только на своих условиях, для конкретных целей. Так, по сообщению газет, Хачатур Асланян пообещал дать 25.000 рублей для того, чтобы были собраны, исследованы и опубликованы материалы по зокскому диалекту Агулиса, причём исследования и публикации должны были быть посвящены его “светлой памяти”. См. “Оризон”, 1917, 226, 24 октября, с. 4.

² Там же.

³ “Оризон”, 1917, 226, 24 октября, с. 4.

ков Общества Айказян. Тем не менее, он имел намерение поехать в Новый Нахиджеван, чтобы продолжить там дело организации вспомоществований, а также чтобы открыть там филиал Кавказского общества армянских писателей и перевезти в Тифлис архив Микаэла Налбандяна¹.

В середине 1917 г. Туманян отослал дочерей в Тифлис, а сам остался, чтобы довести до конца дело организации добровольных денежных пожертвований. Он одной ногой был в Пятигорске, а другой – в Кисловодске. 2 октября 1917 г. поэт пишет жене: “Меня то и дело приглашают поехать туда-сюда, но я спешу завершить свои дела и вернуться. А мои дела – это Общество Айказян и одно другое Общество, название которого вскоре узнаете. Привожу с собой для Общества Айказян более миллиона – деньгами и обещаниями” (10, 276). Говоря о “другом Обществе”, Туманян имел в виду “Общество помощи Кавказскому фронту”, которое поэт намеревался создать сразу же по возвращении в Тифлис. Однако на дворе был октябрь 1917 г., до новой революции оставались считанные дни, и по вполне понятным причинам эта инициатива Туманяна так и осталась нереализованной.

Уже в течение первой недели своего пребывания в Пятигорске Туманяну удалось собрать довольно значительную сумму. Причём один из этих немногих дней оказался особенно “урожайным”. В письме Акопу Сарикяну от 15 августа поэт пишет: “В Кисловодске мы славно потрудились. На следующий день после твоего отъезда удалось собрать для нации почти полмиллиона денег”(10, 279).

Таким вот “плодотворным” образом проводил свой “отдых и

---

¹ **Налбандян Микаел Лазаревич** (14.11.1829 - 31.03.1866) – выдающийся армянский писатель, поэт, публицист, общественный деятель. В 1855-58 гг. учился на медицинском факультете Московского университета. В 1858-60 годах сотрудничал в московском армянском журнале “Юсисапайл” (“Северное сияние”). В 1859-61 гг. Налбандян под влиянием пропаганды “Колокола” и “Современника” первым из армянских писателей перешел на позиции революционного демократизма. В 1860-62 гг. совершил путешествие в Турцию, Индию, страны Западной Европы. В Константинополе создал вокруг армянского журнала “Мегу” (“Пчела”) тайное революционное общество “Партия молодых”. В Лондоне сблизился с А.И.Герценом, Н.П.Огаревым, М.А.Бакуниным, а также с Н.А.Серно-Соловьевичем и др., участвовал в обсуждении проекта статьи-воззвания “Что нужно народу” (программа будущей “Земли и воли”). В главном публицистическом труде “Земледелие как верный путь” (1862) Налбандян подверг уничтожающей критике крестьянскую реформу 1861 г., однако сделал это с позиций общинного социализма. Единственный выход для пореформенной России он видел в крестьянской революции. По возвращении в Россию был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости (июль 1862), судим по “процессу 32-х”. В ноябре 1865 г., больной туберкулезом, выслан в Камышин. Скончался в г. Камышине 31 марта 1866 г. в возрасте 36 лет.

лечение” переутомившийся и физический изнурённый поэт – на благо своего народа.

***

Примечательно, что армянская и грузинская общественность практически одновременно создали организации, способствующие учреждению национальных университетов. С целью основания грузинского университета в октябре 1917 г. было создано “Общество Грузинского Университета”¹, инициатором которого был грузинский учёный Иване Джавахишвили². Председателем Общества становится известный грузинский предприниматель и крупный землевладелец Григорий Диасамидзе³. В адресованном ему письме Туманяна, написанном 20-24 октября, говорится:

“Дорогой Григорий Николаевич!

Только наука, литература и искусство способны заполнить ту бездну, которая разделяет народы, и только они могут создать лучшую жизнь будущего и настоящего человека. И поэтому Вам должна быть понятна моя радость, когда я узнал об открытии грузинского университета.

Я с восхищением представляю гордого и честного грузина, который получит своё высшее образование на родном языке” (10, 279-280). Туманян посылает также «свой скромный вклад» – 100 рублей и выражает надежду, что эта сумма «возможно, станет одним кирпичом в большом здании грузинской культуры, стоящей на пути своего расцвета»⁴.

Поздравительное письмо Туманяна было зачитано на заседании правления «Общества Грузинского Университета», и было принято решение написать ответное письмо с сердечной благодарностью. Правление отметило, что в письме Туманяна нашли выражение искренняя радость и восхищение всего армянского народа. В ответном письме, написанном 25 октября, говорится:

«Милостивый Государь Ованес Татевосович,

---

¹ См. **Закаре Кикнадзе**, “Ованес Туманян и Тифлисский университет”, “Гракан терт”, Тифлис, 1961, N9, 24 февраля, с. 3.

² **Джавахишвили Иван Александрович** (11 апреля 1876 - 18 ноября 1940) – грузинский историк, академик Академии наук СССР (1939), основатель Тбилисского университета, который носит его имя.

³ **Григорий Николаевич Диасамидзе** (1870–1960) – крупный грузинский землевладелец; вместе с шестью братьями и сестрой владел в Горийском уезде 1855 десятинами земли; вел лесное хозяйство. Умер в США.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2145. Отрывок из этого письма опубликован также в газете “Оризон”, 1917, N223, 9 ноября.

Правление Общества Грузинского Университета с большим нравственным для себя удовлетворением выслушало Ваше письмо, адресованное Григорию Николаевичу Диасамидзе, по поводу учреждения Грузинского Университета.

Выраженные Вами чувства симпатии к грузинскому народу и к вновь зарождающемуся очагу высшего национального образования в Грузии, – нашли живейший отклик в сердцах членов Правления Общества.

В глубоко прочувствованных словах Ваших, как лучшего сына своей родины и талантливого выразителя её дум и чувств, мы видим ласку и привет всего армянского народа, тысячелетиями добрососедски живущего бок о бок с грузинским народом и находящегося с ним в постоянном взаимодействии на почве культурного развития и духовного совершенствования.

Пережив прекрасные чувства, вызванные Вашим приветом, мы не можем не повторить Ваших глубоко знаменательных слов: “Только наука, литература и искусство заполняют пропасть, разделяющую народы, и лишь они создадут лучшую жизнь истинного человека».

Примите искреннюю признательность всего состава Правления Общества Грузинского Университета и лично мою за сердечный привет Ваш и пожертвование – в пользу Грузинского Университета.

Кн. Конст. Абхизи”¹.

***

Первое заседание правления Общества Айказян, которое Туманян созвал после своего возвращения из Пятигорска, состоялось 28 октября 1917 г. На этом заседании в Общество Айказян были приняты все лица, которые сообщили поэту в Пятигорске о своём желании стать его членами и принимать участие в его деятельности. Ещё в Пятигорске поэт убедился, что число желающих помогать Обществу среди проживающих вдали от родины значительно возросло, и поэтому на заседании он предложил составить новое циркулярное воззвание и распространить его во всех армянонаселённых местностях. Обсуждалось и предложение некоторых преподавателей о переносе открытия университета на более поздний срок, чтобы у них была возможность повысить свою квалификацию и освежить свои знания. Туманян представил Ашота Иоаннисяна в качестве молодого и перспективного историка, во время личных бесед и

---

¹ См. **З. Кикнадзе**, “Ованес Туманян и Тифлисский университет”, “Гракан терг”, Тифлис, 1961, №9, 24-февраля, с. 3.

переговоров с которым он имел возможность убедиться, что “Иоаннисян также является молодым пополнением и заслуживает содействия нашего Общества”¹. Поэта особенно заинтересовали собранные и опубликованные Ашотом Иоаннисяном материалы об Израеле Ори, а также труд о Давид-Беке. В своём выступлении Туманян в очередной раз подчеркнул, что задачей Общества является не только обработка и исследование арменоведческих материалов, но и их популяризация и пропаганда.

На заседании 28 октября был избран совет из восьми членов, которому предстояло избрать преподавателей университета и членов академии². Туманян также вошёл в состав совета вместе с Л. Шантом, Н. Агбальяном, М. Абегином, С. Тиграняном и Ст. Лисицианом.

На заседании 3 ноября вновь председательствовал Ов.Туманян. Были избраны семь действительных членов Отделения литературы. Это были Ов. Туманян, Ав. Исаакян, Ав. Агаронян, Л. Шант, И. Иоаннисян, Ширванзаде, Лео. В Отделении искусства были избраны Комитас и Егише Тадевосян. Торос Тораманян был избран свободным членом, и сразу же было решено оказать ему материальную помощь, чтобы дать ему возможность продолжать свои архитектурные исследования. Н. Агбальяну и А. Иоаннисяну предоставлялась денежная помощь для повышения квалификации и чтения лекций. В состав академии выдвигались только те учёные, которые проживали на территории Кавказа. Исключение было сделано только для Комитаса и Ав. Исаакяна.

На заседании совета 5 ноября с докладом снова выступил Ов. Туманян. На этот раз он говорил об отличительных свойствах и особенностях армянской академии. По мнению поэта, она должна была отличаться от академий европейских стран тем, что включала бы в свой состав не только авторитетных учёных, но и тех, кто способен развивать науку. Туманян в своём выступлении сказал: “Наша ака-

---

¹ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 39.

² Члены академии избирались пожизненно; члены могли быть почётными, свободными и действительными. Последние были обязаны в течение года представить и прочитать два доклада: один в рамках собственных арменоведческих исследований, второй – о деятельности другого учёного-арменоведа. На заседании 30 октября действительными членами были избраны Рачия Ачарян (языковедение), Смбаг Тер-Аветикян (историография), Манук Абегиан и Акоп Манандян (филология), Сиракан Тигранян (этнография и право) и другие. Они должны были получать ежегодное пособие. Почётными членами были избраны Николай Марр и Никогайос Адонц. Свободные члены не получали пособий, однако для них были предусмотрены денежные вознаграждения за конкретную научно-исследовательскую работу. На том же заседании совета, 30 октября, почётными членами академии были избраны Н. Адонц и Н. Марр.

демия будет не академией славы, а таким учреждением, которое будет давать средства и возможности учёным, занимающимся разработкой разных направлений арменоведения, чтобы они имели возможность посвятить любимому занятию всё своё время и все свои силы”¹.

По убеждению поэта, национальная армянская академия должна была быть действующей организацией, и в ней не должно быть места “нетрудовым должностям”.

Когда предлагается кандидатура Ов. Туманяна как действительного члена, поэт высказывается против. Однако его самоотвод не принимается, и тогда он выступает с заявлением. Приводим текст этого заявления полностью.

“Уважаемому правлению Общества Айказян

от члена правления Ованеса Туманяна

Заявление

На заседаниях совета Общества Айказян при составлении списка кандидатов в члены академии Айказян, когда я по тем или иным причинам попросил, чтобы моё имя было снято из списка, члены совета не согласились, возражая, что, включая имена армянских поэтов, они не могут пропустить моё имя. Тогда я дал согласие с одним условием: чтобы моё имя было вписано без денежного пособия.

Сейчас я прошу уважаемое правление прикрепить это моё заявление к протоколу совета и отметить, что моё имя вписано без денежного пособия, и не ставить этот вопрос на обсуждение и не делать его предметом дискуссий.

Ованес Туманян,

5 ноября 1917

Тифлис” (10, 280-281).

Таким образом, Ованес Туманян в категоричной форме отказался от ежегодного пособия в 6000 рублей. Правление согласилось также с просьбой отложить выдвижение кандидатов среди писателей, поскольку их было неизмеримо больше, чем учёных.

Деятельность Ованеса Туманяна, направленная на создание национальной армянской академии наук и армянского университета в годы Первой мировой войны, – деятельность, на которую были направлены его огромные усилия, – также была гражданским и человеческим подвигом.

Примечательно, что именно в годы империалистической войны, в частности, в 1916-1917 гг., Туманян со всей настойчивостью и

---

¹ Музей Ов.Туманяна, Новые материалы, л. 39.

серьёзностью поднял эту задачу, и пусть всего лишь на короткое время, но всё-таки преуспел в своём начинании.

ОЖИВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТИФЛИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, как, впрочем, все другие войны в истории человечества, с самого начала повсеместно вывела жизнь из обычного русла. Жизнь армянского народа оказалась под угрозой физического уничтожения. Вся периодическая печать была наводнена объявлениями, с помощью которых мать надеялась найти своего ребенка, ребенок – мать, жена – мужа, брат – сестру, дочь – отца...

Литературно-общественная жизнь Тифлиса временно замерла: было не до нее. В таких условиях 1 октября 1914 г. правление Общества армянских писателей под председательством Ованеса Туманяна приняло решение о временном прекращении публичной литературно-культурной деятельности¹.

До восстановления публичной деятельности Общества квартира поэта служила местом для созыва заседаний правления и различных деловых и литературно-культурных встреч.

Дом Туманяна всегда был своеобразным литературным салоном, местом встреч и общения всех видных деятелей армянской литературы и культуры. Современники рассказывают о доме Туманяна сотни историй, многие из которых стали легендами. Дереник Демирчян пишет: “У Туманяна была обворожительная особенность... он заполнял собой квартиру, общество людей. Его зал был “меджлисом”. А огромное множество гостей, приходящих и уходящих по каждому поводу, частые застолья, живая атмосфера превращали его дом в монастырь, празднество, постоянное место свиданий”².

В его доме бывали очень многие как армянские, так и инонациональные политические деятели, писатели, художники, композиторы, учителя, представители интеллигенции, люди самых разных специальностей и занятий, руководители сотен общественных организаций и периодических изданий.

В доме писателя обсуждались проблемы и вопросы возможных последствий войны, вопросы оказания помощи пострадавшим от резни беженцам и сиротам, военно-стратегические проблемы, в том числе и вопросы оказания сопротивления турецким вооружён-

---

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 45/9.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 36.

ным формированиям в случае их вероятного нападения; рассматривались также многочисленные актуальные вопросы армянской и мировой литературы. Если учесть, что в качестве председателя Армянского союза земляческих союзов и вице-председателя Общества Айказян поэт проводил заседания правления у себя дома, то будет легче представить тот многогранный круг вопросов, которые рассматривались и вокруг которых разгорались оживлённые дискуссии в квартире Туманяна.

Однако независимо от груза национальных проблем, поэт никогда не самоустранялся от литературных дел и писательских забот. В этом плане войне не была для него “препятствием”. Только в апреле-мае 1915 года в квартире Туманяна побывали и до поздней ночи беседовали с ним Погос Макинцян, Ваан Терьян, Дереник Демирчян, Никол Агбальян, А.Дживелегов, профессор Ваан Тотомянц; юрист, редактор нескольких русских газет, один из руководителей “Армянского комитета” Москвы Степан Мамиконян и многие, многие другие литературные и общественные деятели, искусствоведы и зарубежные гости.

В случае необходимости поэт и сам наносил деловые визиты. В начале 1915 г. он посетил находившегося на смертном одре классика грузинской литературы Важа Пшавелу в его квартире в квартале Вера. Грузинский писатель был очень близок Туманяну своей простотой и неприхотливостью в бытовых вопросах. “Комната была без убранства. Была его тахта, один стол и стул, а сам он был в чухе (мужская верхняя одежда типа черкески у народов Кавказа – С. О.)”¹. Встреча прошла в тёплой и сердечной обстановке, и Туманян вернулся “в умиротворённом, хорошем настроении”, даже не представляя, что это будет его последняя встреча с грузинским писателем. Когда же он вернулся из своей поездки в Ван, то узнал о смерти Важа Пшавелы. Он сразу же обратился к грузинскому народу с соболезнующей телеграммой, выразив свою скорбь и печаль по поводу кончины “прекрасного человека, талантливейшего и бесподобного поэта – Важа Пшавелы”(10, 226). Туманян присутствовал на панихиде по Акакию Церетели, проведённой в церкви Кашвети 6 февраля 1915 г., и на похоронах писателя 8 февраля 1915 г. Весной 1915 г. Туманян был вынужден заниматься улаживанием разгоревшегося конфликта между историком Лео и актёром Арменом Арменьяном, пытаясь восстановить нарушенные авторские права Лео. Однако довести дело до конца ему не удалось из-за обрушившихся на его плечи неисчислимых более важных дел². А летом 1916 г. Тума-

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 122.

² Актёрская труппа Армена Арменяна инсценировала в Баку и Тифлисе пьесу Лео

нян был вынужден заниматься урегулированием конфликта между Лео и членом правления Общества писателей, секретарём Общества Гютом Аганяном¹.

***

В первые месяцы войны Туманян старался связывать содержание и тематику вечеров Общества писателей с требованиями времени²: он организовывал лекции и доклады об Армянском вопросе, о проблемах психологии сражающихся на фронтах войны солдат, о положении на Кавказском фронте и т.д. Денежные доходы от этих мероприятий частично или полностью передавались на лечение раненых армянских воинов³.

Первый вечер, посвящённый Армянскому вопросу, состоялся 17 декабря 1914 г. С лекцией на тему “Армянский вопрос в Турецкой Армении” выступил Лео. Докладчик связывал решение Армянского вопроса с победой русского оружия. Туманян в своём выступлении также заверил собравшихся, что Россия была и остаётся защитницей Армении и Армянского вопроса.

Прерванные 1 октября 1914 г. литературные вечера Общества писателей по инициативе Туманяна были возобновлены в 1916 г. Правда, год начался брюсовскими днями, однако решение Общества о возобновлении литературных мероприятий было принято значительно позднее, в марте 1916 г., когда в газетах появилось следующее сообщение: “Общество армянских писателей, которое по причине войны прервало свою деятельность, решило возобновить свои литературные вечера”⁴.

Во время этих литературных вечеров затрагивались многочисленные национально-культурные, литературные, теоретические, методологические вопросы и проблемы, а также вопросы, не относившиеся к литературе. Первый такой вечер, проведённый 31 марта 1916 г., был посвящён Микаэлу Налбандяну, в связи с 50-летним со

“Дочь мелика”, не выдавая автору причитающиеся ему гонорары. То, что Туманян уделял время для примирения сторон в получившем большой общественный резонанс конфликте, подтверждается протоколами заседаний правления Общества армянских писателей. См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, NN44/6,45/6, 44/7, 117. См. также: “Оризон”, 1915, N56, 12 марта.

¹ Гют Аганян обвинял Лео в недобросовестном пользовании архивными документами Ереванской приходской школы. См. “Оризон”, 1916, NN135,137,146,147, 19, 22 июня, 3, 5 июля.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N44/2.

³ Там же, N43/31.

⁴ «Оризон», 1916, N59, 15 марта.

дня смерти писателя и публициста, автора знаменитой "Песни итальянской девушки"¹. Этим вечером как бы вновь выражалось волеизъявление армянского народа жить свободно и бороться во имя свободы.

Затем по инициативе и при самом активном участии Туманяна проводились многочисленные культурные мероприятия: литературные вечера, беседы, дискуссии и торжества. Перечислим здесь некоторые из них, и станет ясно, какую огромную культурно-просветительскую деятельность осуществлял Ованес Туманян параллельно своей национально-патриотической и общественной деятельности. Это вечер памяти Шекспира и Сервантеса, приуроченный к 300-летию писателей (28 апреля 1916 г.); открытие Союза армянских искусствоведов (1 мая 1916 г.); лекция М. Матенчяна «Парнасское направление во французской литературе» (28 октября 1916 г.); лекция врача Х. Бонапартияна на тему «Положение армянского народа в Турции (1908-1915)», посвящённая Армянскому вопросу и частично затронувшая также вопросы западноармянской литературы (11 ноября 1916 г.); лекция Арутюна Сурхатяна «Новое направление западноармянской литературы и языческое движение»² со вступительным и заключительным словом Ов.Туманяна (18 ноября 1916 г.); лекция самого Туманяна «Проблемы армянского литературного языка» (25 ноября 1916 г., 2 декабря 1916 г.), лекция Ильи Накашидзе о грузинской литературе (16 декабря 1916 г.); лекция Аршака Джамалаяна о драме «Кесарь» Левона Шанта (23 декабря 1916 г.), в которой рассматривались преимущественно жанровые проблемы³.

---

¹ 20 марта 1916 г. правление Общества писателей решило послать телеграмму в Новый Нахиджеван и попросить Гр. Чалхушяна выслать сто экземпляров книги М.Налбандяна для распространения в Тифлисе.

² В предшествовавшие Первой мировой войне годы в западноармянской литературной жизни одним из главных направлений национального мышления становится признание самобытности армянского духа, способного противостоять всем превратностям судьбы. В произведениях Д. Варужана, В. Текеяна, А. Сируни, Р. Зардаряна, Т. Чеокюряна и др. идея самобытности армян и созидательной природы армянского духа получает философское осмысление. Оружием армянской нации признается стремление к познанию, знанию, прогрессу, победе: это всегда помогало выжить. Художественным отражением обновления национального духа стало т. н. языческое движение, призванное возродить нацию физической мощью языческих богов, вернуть ей прежний культ силы и красоты. Ярким выражением этого литературного течения явился цикл стихов Д. Варужана «Языческие песни» (1912). Обращение к язычеству, по словам поэта, должно было служить «преодолению оцепенения, охватившего людей после ужасов резни, стремлению хоть на минуту вывести их на простор мечтаний и, отведя взор от крови, дать увидеть солнце».

³ «Оризон», 1916, N290, 28 декабря, с. 3.

В день лекции А.Сурхатяна “Восточноармянская новейшая поэзия” (30 декабря 1916 г.) Туманян выступил со своей программной речью “Напутствие начинающим поэтам”. Доклад известного деятеля национально-освободительного движения Ованеса Каджазунни был посвящён теме “Что такое искусство?” (13 января 1917 г.), а доклад Степана Лисициана – теме “Влияние географии Армении на её историю и культуру” (20 января 1917 г.). Затем последовали лекции Рубена Абрамяна “Поэзия и язык как творчество” (10 февраля 1917 г.), Дереника Демирчяна – “Литературное искусство” (24 февраля 1917 г.), лекция “Ночь армянской поэзии”, посвящённая антологии Брюсова “Поэзия Армении” (3 марта 1917 г.), литературный вечер, посвящённый памяти Александра Цатуряна (14 апреля 1917 г.). Конечно, невозможно в рамках одной книги рассмотреть все выступления Ованеса Туманяна на литературных вечерах и мероприятиях Общества армянских писателей; отметим только, что как организованные стараниями поэта литературные вечера, так и его выступления на всех этих мероприятиях имели очень большой успех. Подобная регулярность литературных вечеров после годичного вынужденного простоя в кругах армянской интеллигенции была воспринята с радостью и ликованием. Газета “Оризон” писала: “Это явление действительно является очень радостным, создаётся какая-то литературная атмосфера... благодаря этим вечерам постепенно утверждается живая связь между литературой и обществом”¹.

Между тем в самом начале 1916 г. решение правления Общества писателей о временном прекращении литературной и культурной деятельности вызвало возражения. Арташес Абегиан был уверен, что “можно организовать хотя бы несколько вечеров и лекций, говорить какие-то утешительные слова по поводу нашей и без того чёрной и траурной действительности, вселять надежды на лучшее будущее и не позволять, чтобы разрушительный пессимизм продолжал своё губительное шествие”².

Даже враждебно настроенная против Туманяна и Общества армянских писателей газета “Мшак” начала откликаться на деятельность Общества, потому что Туманян счёл необходимым восстановить прежние доброжелательные отношения с газетой, которые резко ухудшились из-за его публичной полемики с главным редактором газеты Амбарцумом Аракелянном. Туманян предложил просто забыть о конфликте – безо всяких предусловий, “без оглядки на прошлое”³. И первое же своё пространное сообщение о деятельно-

---

¹ “Оризон”, 1916, N276, 11 декабря.

² “Оризон”, 1916, N33, 12 февраля, с. 1.

³ “Мшак”, 1916, N259, 18 ноября.

сти Общества писателей “Мшак” посвящает лекции Ованеса Туманяна “Проблемы армянского литературного языка”, прочитанной 25 ноября. Корреспонденция была написана в положительной и комплиментарной интонации. В ней, в частности, отмечалось, что “Г-н Туманян сделал свой материал ещё более интересным, когда перешёл к значению языка, отметив, что говоря “язык”, мы понимаем “нацию”¹.

По вполне естественным и понятным причинам содержание литературных вечеров Общества писателей непосредственно связывалось с войной. И не было ничего случайного в том, что второй, осенний сезон прерванной из-за войны деятельности Общества начинается с лекций Забел Есаян и Мамбре Матенчяна, посвящённых творчеству Григора Зограба, Сиаманто, Рубена Севака, Даниэла Варужана, Рубена Зардаряна (7 октября 1916 г.). Более, чем когда-либо, Туманян обратил внимание общественности на западноармянскую литературу. Он решил посвятить отдельные литературно-музыкальные вечера также “начинающим турецко-армянским писателям”, “ссылным писателям” и Акопу Пароняну.

Ов. Туманян намеревался также в издаваемых на средства Общества писателей курсах лекций особо выделить “турецко-армянскую литературу, древнеармянскую поэзию и философию армянской истории”².

Такое внимание в большой степени объяснялось как заботой о развитии армянской литературы, так и сознанием необходимости создания истории литературы и культуры фактически прекратившей своё существование Западной Армении. При этом поэт продолжал верить в возможность возрождения Западной Армении, и поэтому с большой ответственностью относился к её будущему. Он считал делом исключительной важности достойно отметить память трагически погибших западноармянских писателей, горел желанием хотя бы немного смягчить боль утраты, которая жила в сердце каждого армянина. При этом с трибуны Общества писателей звучали лекции и доклады не только об отдельных писателях, но и обо всей западноармянской литературе новейшего периода, о её общих характерных чертах и особенностях, закономерностях и отличительных сторонах, о литературных течениях, школах и направлениях в западноармянской действительности. Эти и другие подобные вопросы рассматривались в лекциях А.Ипекяна (7 ноября 1913 г.) и А. Сурхатяна о западноармянской литературе (18 ноября 1916 г.). Лекция Арутюна Ипекяна являлась одной из тех редких прочитанных в годы войны

---

¹ Там же, N268, 30 ноября.

² “Оризон”, 1916, N231.

лекций, которая была посвящена вопросам теории литературы, причём материалом для неё служила вся западноармянская литература в целом. Один только Манук Абебян прочитал три лекции, посвящённые проблемам древней армянской литературы. Первая лекция – “О древней армянской поэзии”(14 октября 1916 г.), вторая лекция называлась “Тригор Нарекаци и его эпоха” (14 ноября 1916 г.), а третья – “Средневековые армянские басни” (14 января 1917 г.). Все три лекции учёного были насыщены богатым иллюстративным материалом, интересным сравнительным анализом и тонкими литературоведческими наблюдениями.

21 октября 1916 г. состоялась лекция Айка Ованесяна на тему “Историко-философское мировоззрение армянских учёных”.

Никогда до этого армянское средневековье не становилось предметом такого пристального внимания, как в годы Первой мировой войны и Геноцида. В армянской действительности никому из деятелей культуры, никакой литературной или общественной организации не удавалось вызвать такой интерес в обществе к вопросам истории литературы и вообще к литературе, как это удалось сделать Туманяну, причём в самые ожесточённые годы мировой войны¹.

Несмотря на такую активность и разнообразие обсуждаемых литературных проблем, военное время не могло не накладывать своего отпечатка на деятельность Общества армянских писателей. Как уже отмечалось, многие мероприятия сугубо литературной направленности спонтанно превращались в обсуждение более актуальных и животрепещущих вопросов – ситуации на Кавказском фронте и нерешённым проблемам армянских беженцев и сирот.

Военно-политическая тематика по вполне понятным причинам пользовалась приоритетом. 3 февраля 1917 года трибуна Общества писателей была предоставлена Мкртычу Ванеяну, выступавшему под псевдонимом В. Валадян, доклад которого был посвящён текущему моменту военных действий на Кавказском фронте и назывался “На поле боя”. Докладчик коснулся вопросов психологии находящихся на полях сражений воинов, затронул взгляды Льва Толстого и Достоевского на рассматриваемую тему, считая, что взгляды этих величайших писателей и мыслителей на жизнь и смерть отличались, с одной стороны, жизнеутверждением, смелостью, самоотверженностью, а с другой стороны, страхом и непреодолимым ужасом и одновременно безразличием к смерти; затем подверг критике волюнтаристский подход к таким понятиям, как человеческие инстинкты и рассудок, и напоследок резюмировал: “Любая война сама по себе

---

¹ “Оризон”, 1916, N241, 28 октября.

является преимущественно неестественным, инстинктивным явлением”¹.

Примечательно, что В. Валадян в своём докладе подчёркивал ничтожность и уязвимость жизни одного человека, одной личности, и подчинённость их интересов интересам более общего характера – группы, военного подразделения, армии, народа. “Бедствия войны и природы, – говорил он, – и вообще судьбоносные ситуации доставляют многим людям удовольствие, хотя они, эти бедствия, приносят им разрушения и смерть”². Во время обсуждения этих вопросов выступил также Туманян. Хотя информация об этом выступлении и не сохранилась, однако вовсе нетрудно догадаться, о чём мог говорить писатель, если учесть, что до этого он уже два раза был в Западной Армении и на Кавказском фронте, был очевидцем как ужасов массовой резни и насильственной депортации мирного армянского населения, так и того ликования, которое переживал наш вековой враг в этом кровавом пиршестве. Писатель был хорошо знаком с его нравом и почерком, с его “гением” изготавливать игрушки из человеческих органов и внутренностей и забавляться, развлекаться этими игрушками, упиваться нечеловеческими мучениями и страданиями агонизирующих людей. Да, поэту довелось стать свидетелем поистине атактической ненависти и звериных поступков и деяний, невиданных и неслыханных во всей истории мировой цивилизации. Он не только записывал в своих дневниках всё увиденное и услышанное, свои впечатления и мысли, но даже предпринимал попытки представить войну в виде художественных произведений в различных жанрах(7, 442-447), и он уже написал несколько четверостиший, в которых осмысливал философские вопросы взаимоотношений жизни и смерти. Конечно, поэт обратил внимание на мысль докладчика, согласно которой война и резня могут доставлять некоторым людям радость и удовольствие.

Организация лекций и докладов, рассматривающих проблемы, касающиеся самых разных нравственно-психологических проявлений и изменений, происходящих в духовном мире человека в условиях войны и вообще в экстремальных ситуациях, а также личный пример Ованеса Туманяна как писателя и председателя правления Общества армянских писателей, его пребывание на первой линии фронта, непосредственная и постоянная связь с народом и его воинами-защитниками – всё это ещё раз подтверждает особое отношение поэта к проблемам военно-политической тематики, свидетель-

---

¹ Там же, 1917, N28.

² Там же.

ствуется о его усилиях сделать актуальные задачи текущего момента предметом всеобщего рассмотрения и обсуждения.

***

Война не могла препятствовать решению и твёрдому намерению поэта оживить литературную жизнь, развивать её и сообщить ей новое дыхание, но война мешала осуществлению этих решений и намерений. Как и упоминавшийся выше составленный Ов. Туманяном “Диван армянской литературы”, который должен был положить начало серии изданий, включающих прочитанные с трибуны Общества писателей лекции и доклады, так и усилия и старания писателя создать периодический вестник “Записки армянской литературы” остались нереализованными – из-за отсутствия денежных средств. Туманян начал, но опять-таки не сумел довести до конца работы по сбору материалов для задуманного им “Музея армянской литературы” или “Музея армянских писателей”, в котором должны были храниться личные вещи, рукописи и письма армянских писателей¹. Учитывая дороговизну бумаги и имея под рукой письма педагога и переводчика Арсена Багратуни, видного поэта Гевонда Алишана, языковеда Арсена Айтняна, Католикоса всех армян Хримяна Айрика, публициста и общественного деятеля Маттеоса Мамуряна, Туманян решил ограничить свой проект изданием только одного или двух томов. В первый том, предположительно состоявший из 320 страниц, должны были войти четыре письма А. Багратуни, семь писем Г. Алишана, два письма А. Айтняна и все письма Хримяна Айрика и М. Мамуряна². Однако ему не удаётся сделать даже этого.

***

Ованес Туманян, как уже было отмечено, находил время для участия во всех мероприятиях различных общественных организаций. Он участвовал в их работе либо по должности – как председатель правления Общества, либо как частное лицо. Даже в тех случаях, когда приглашения поступали в адрес правления Кавказского общества армянских писателей, именно Туманян неизменно и единодушно избирался в качестве делегата. Эти решения были обусловлены искренним желанием писателей, чтобы их организацию представлял самый авторитетный и самый известный в народе человек, а также тем, что во всех приглашениях, адресованных Обще-

---

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N38.

² Там же, N45/15.

ству писателей, указывалось имя Ованеса Туманяна, то есть приглашающие организации также хотели видеть у себя в гостях в первую очередь именно Туманяна.

22 декабря 1916 г. поэт принял участие в утреннике, организованном польской общиной Тифлиса. Мероприятие состоялось в зале Артистического Общества и было посвящено памяти Генрика Сенкевича. На мероприятии Туманян встретился с его организатором Бродским, а также с И.Выховским, И. Мачавариани, Пекарским. В художественной части утренника приняли участие одетые в национальные костюмы польские дети. Поэт вместе с руководителями тридцати грузинских организаций, делегация которых принесла серебряный венок, возложил лавровый венок перед памятником Сенкевича. И даже в этой речи писателя отчётливо ощущалось дыхание времени и плачевное состояние соотечественников поэта. “Бессмертная душа, которая в жизни польского народа обрела плоть под именем Сенкевича, чтобы утешить его в страданиях, прими любовь и восхищение литературного сообщества одного из самых многострадальных народов мира – армянского народа... Мы возлагаем венок твоей памяти от имени одной самых древних литератур мира – армянской литературы”(7, 299-300).

В годы мировой войны Туманян был ещё более внимателен к литературно-культурным процессам в жизни других народов и последователен в вопросе сближения, установления культурных мостов, в проведении мероприятий, литературно-музыкальных вечеров, торжеств, способствующих укреплению духовных связей между народами.

Материалы, хранящиеся в архивах Кавказского общества армянских писателей и Ованеса Туманяна, достаточно красноречиво и убедительно свидетельствуют о связях Общества с другими литературно-общественными организациями различных национальностей, проживавших на Кавказе и на территории России. Благодаря подвижнической деятельности всех этих обществ и тесному сотрудничеству между ними литература поистине стала одним из прочных связующих звеньев в диалоге культур, в деле укрепления дружбы народов, их духовного, культурного взаимоузнавания, взаимосближения и взаимообогащения.

За десять лет своей деятельности Кавказское Общество Армянских Писателей приняло участие в многочисленных мероприятиях, организованных инонациональными тифлисскими организациями. Среди них – открытие мемориального памятника Илье Чавчавадзе (6 мая 1913 г.), вечер памяти редактора московской газеты «Русские ведомости» Соболевского (16 мая 1913 г.), 60-летний юбилей Владимира Короленко (21 июля 1913), вечер памяти видного

го английского историка Генри Линча (21 ноября 1913 г.), 50-летие основания «Русских ведомостей» (октябрь 1913 г.), вечер памяти французского писателя Франсиса Пресанса (22 января 1914 г.), 85-пятилетие смерти А.Грибоедова (30 января 1914 г.), панихида и похороны Акакия Церетели (6-8 февраля 1915 года), вечер памяти Максима Ковалевского (28 марта 1916 г.), вечер памяти Генрика Сенкевича (22 декабря 1916 г.), мероприятие, посвященное поэту Иосебу Гришашвили (24 марта 1919 г.), 30-летие литературной деятельности В.Барнова (8 ноября 1919 г.), учреждение клуба грузинских писателей «Химерион» (28 декабря 1919 г.), 25-летие литературной деятельности грузинского романиста Клдиашвили (15 февраля 1920 г.), праздник грузинской национальной поэзии (9 мая 1920 г.) и многие, многие другие. Поздравляя с юбилеем инонационального писателя или деятеля культуры и искусства, Туманян выражал признание и любовь к культуре данного народа. В одном из своих писем он пишет: «Величие народов проявляется в их духовной культуре. И первым признаком величия каждого народа является его литература»(10, 345). Поэт считал литературу кратчайшим и самым верным путём взаимного обогащения культур разных народов, рассматривая её как область, в которой каждый народ предстаёт со своей уникальной и самобытной психологией, национальными особенностями.

Весной 1916 г. в Англии и Испании в торжественной обстановке отмечали трёхсотлетие со дня смерти У. Шекспира и М. Сервантеса. Армянская общественность также не осталась безучастной к этому знаменательному событию. 22 апреля в Тифлисе в литературно-художественном салоне состоялся вечер, посвящённый Шекспиру. Великому английскому драматургу было посвящено также очередное мероприятие Общества армянских любителей словесности в Гори, а 28 апреля 1916 г. по инициативе Туманяна прошёл литературный вечер в Обществе армянских писателей, посвящённый Шекспиру и Сервантесу. Вечер вступительным словом открыл сам Туманян. Имея в виду расхожее мнение о том, что оба писателя умерли в один и тот же день, 23 апреля 1616 г., поэт сказал: «В один и тот же день скончались в Англии Шекспир, а в Испании – Сервантес, и таким образом на горизонте мировой литературы одновременно закатились два огромных солнца...

Два огромных солнца...

Однако преобладает блеск британского гения... И каждый писатель, в каком бы мире он ни творил, видит свой путь уже освещённым его лучами и, почти все, за очень маленьким исключением, преклонялись перед его гением”(7, 230).

Это выступление поэта слышали присутствовавшие на вечере

трое членов английской медицинской комиссии по распределению гуманитарной помощи для беженцев – Гарольд Бэкстон, Альфред Бакхауз и Джордж Хачки, которые были почётными гостями Туманяна, так что слова поэта об английской культуре и Шекспире были обращены и к ним¹.

На вечере присутствовали также американские, русские, грузинские и французские гости: супруги Степлтоны, Кер, Смит, корреспондент парижской газеты “Le Soir”, известный французский писатель Анри Барбюс и журналист Симе. Туманян, таким образом, пытался использовать каждый повод, чтобы посредством литературных мероприятий добиться благосклонного и благожелательного отношения иностранцев, исполнявших в это время свои различные миссии, к армянскому народу. Вот почему во всех своих приветственных речах он никогда не забывал сделать небольшой исторический экскурс и ознакомить иностранных гостей с армянским народом и его горькой судьбой. Если в речи, посвящённой памяти Г. Сенкевича, он характеризовал армянский народ как “один из самых многострадальных народов в мире”, то по поводу Шекспира и Сервантеса он писал: “Нет такой страны и народа, который преподнёс столько трагических и волнующих материалов для поэзии, как Армения”².

29 апреля 1916 г. Туманян от имени Общества армянских писателей и всего армянского народа послал телеграмму в Лондон – организатору шекспировских мероприятий Джорджу Александру, где выразил признательность, восхищение и уважение армянского народа “великому английскому народу, его великолепной литературе”(10, 238). 17 мая 1916 г. в Лондоне председатель англо-армянского комитета Аньюрин Вильямс получил поздравительную телеграмму Туманяна и доложил о ней председателю организационного комитета по проведению мероприятий, приуроченных к 300-летию Шекспира, Дж. Александру. А. Вильямс был уверен, что Джордж Александер «и его комитет оценят по достоинству это выражение восхищения армянского народа нашим национальным поэтом»³. После ответного письма Вильямса Туманян получил также благодарный ответ от Дж. Александера⁴.

---

¹ “Оризон”, 1916, N95, 1 мая.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N63/3.

³ “Оризон”, 1916, N125, 7 июня.

⁴ В телеграмме Джорджа Александера говорилось: “Я очень благодарен Вам за Ваше письмо-телеграмму от имени Общества армянских писателей и буду чрезвычайно признателен, если Вы будете добры передать высокую оценку правления нашего комитета их сердечному приветствию, на которое мы отвечаем взаимностью”. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N63.

Туманян не только не отказывался присутствовать на различных благотворительных вечерах, но и старался содействовать им, чтобы они также имели возможность внести свой вклад в общее дело организации общенациональных мероприятий. В марте 1915 г. Общество “Мегу” обратилось к Туманяну и попросило его организовать благотворительный вечер с целью передать половину полученного дохода семьям армянских воинов-добровольцев.

Поэт и сам старался выкроить время для участия в различных мероприятиях, имевших общественную значимость, независимо от того, кому принадлежала инициатива проведения этих мероприятий. 11 мая 1917 г. он выступил на первом заседании Армянского Учительского съезда. Это его выступление, являвшееся фактически словом приветствия, до сих пор оставалось неизвестным и нигде не публиковалось. Приводим его текст полностью. “Товарищи, мы живём в военное время, когда ценность воинов очень возросла, однако не следует забывать, что есть также борьба мрака и света, и в этой борьбе самая тяжёлая и трудная обязанность лежит на армянских учителях. В дни тиранического режима школа и литература были скованы, и литература, из-за этой системы, не имела своего блестящего выражения. Теперь, когда школа должна возродиться в новых условиях, станет процветать и армянская литература, потому что эти две действенные силы органически связаны друг с другом. Отныне армянская литература вступит в свой новый период – благодаря возродившейся, свободной школе. Эта свобода должна быть не только внешней, но и внутренней. Внутреннее освобождение должно произойти в наших сердцах. Из освобождения сердца произойдут процветающая светозарная школа и литература. Завершая своё слово, от имени Общества армянских писателей приветствую съезд и желаю ему полного успеха”¹.

Вовсе не исключено, что составители двух научных изданий произведений Туманяна обошли это выступление по политическим соображениям, поскольку в советский период было не совсем удобно тиражировать выступление, которое свидетельствует о положительном отношении писателя к Февральской революции; вместо всегда подчёркивалось, что поэт связывал большие надежды с Октябрьской революцией. На самом же деле, Туманян признавал и считал Россию – вне зависимости от её политического строя – союзницей Армении и армянского народа.

---

¹ “Мшак”, 1917, N100, 16 мая, с. 4.

***

В литературном мире любая потеря не только огорчала поэта, но и отягчала его будни. В годы мировой войны одной из самых больших потерь в семье армянских писателей была смерть Александра Цатуряна. По этому поводу Туманян созывал совещания, давал распоряжения, связывался со всеми культурными учреждениями. До нас дошли сведения о созданном писателем совещании 3 апреля 1917 г., в восемь часов вечера¹.

На имя Туманяна приходили все телеграммы с соболезнованиями, значительную часть которых он предлагал редакциям для публикации.

Туманян устроил литературный вечер, посвящённый памяти Ал. Цатуряна, и, как всегда, всю организационную работу взял на себя².

В годы Первой мировой войны в жизни армянской общественности Тифлиса знаменательным событием стали две лекции Валерия Брюсова, да и вообще брюсовские дни, организатором и душой которых был Ованес Туманян.

БРЮСОВСКИЕ ДНИ В ТИФЛИСЕ

В годы Первой мировой войны и Геноцида исключительно важным и значительным событием в литературной жизни армянского народа было издание антологии “Поэзия Армении” и приезд её редактора Валерия Брюсова на Кавказ. Одним из непосредственных организаторов визита русского поэта был Ованес Туманян.

Ещё в 1915 г. Туманян был осведомлён о подготовке к изданию большой антологии армянской поэзии и внимательно следил за работой по её созданию. Летом 1915 г. Погос Макинцян пишет Туманяну из Москвы:

“Мой дорогой Иван Фадеич!

Дело в том, что здешний комитет избрал редакционный совет (Ал. Цатурян, К.Микаэлян, Веселовский, К.Кусикян), которым и поручил дело издания сборника. В Москве находятся только Ал. Цатурян, К. Микаэлян, которые взялись за это дело. Мы начали с того, что обратились к В. Брюсову, чтобы он взял на себя обязанности редактора. Совместно. Но он сказал, что без знания языка не может редактировать сборник, который будет полностью переводным. И

---

¹ Там же, N69, 6 апреля, с. 3.

² “Мшак”, 1917, N74, 1 Запреля, с. 3; N75, 15 апреля, с. 2.

вот я начал давать ему уроки армянского, и наши занятия продвигаются.

Кроме того, я предоставляю ему всё то, что написано об армянах, армянской литературе и армянской истории на русском, французском и немецком. Удивительно трудолюбивый человек, и уже всё, что есть на этих языках, он прочитал даже “Историю” Хоренаци в переводе Эмина.

И вот, ознакомившись с нашей средневековой поэзией и народными песнями в переводах Аршака Чопаняна, говорит – давай оригиналы... Саят-Нова... Всё, что есть у меня под рукой, дал ему. Но народных песен нет и нет.

Говорит – читай наизусть... Ни одной песни не знаю от начала до конца. Поэтому и вынужденно обращаюсь к Вам, чтобы послали всё, что есть.

...Брюсов, ознакомившись с французскими переводами, восхищён...

...Дорогой мой Иван Фадееч, в эти кровавые дни как-то нет настроения заниматься такими вещами, которыми я сейчас занимаюсь, и тем более занимать этим других – но что поделаешь?..”¹.

После организованной в Москве 15 октября 1915 г. “Обществом свободной эстетики” лекции Брюсова, посвящённой армянской лирической поэзии, комитет бакинского “Общества любителей армянской словесности” (председатель – Тигран Ованнисян, секретарь – Цолак Ханзадян) 21 ноября на заседании своего правления принял решение пригласить Брюсова в Баку для участия в цикле лекций, организуемых в пользу армянских писателей-беженцев. 26 декабря Брюсов даёт своё согласие и посылает тезисы лекции. О том, что к инициативе пригласить Брюсова на Кавказ с самого начала был причастен и Туманян, свидетельствует телеграмма Тиграна Ованнисяна от 1 января 1916 г., в которой он информирует поэта: “Желательно повторение лекции первого февраля театре или раньше клубе: прошу поговорить мною телефону привет Иоаннисянц”². Можно не сомневаться, что телефонный разговор с обсуждением организации приезда и пребывания Брюсова на Кавказе состоялся в те же дни, до прибытия поэта в Баку 7 января³.

Уже 3 января 1916 г. Туманян предложил правлению руководимого им Общества армянских писателей пригласить Брюсова также в Тифлис для чтения лекций⁴. Все члены правления едино-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1638 (384 доп.).

² Там же, N1526 (985 доп.).

³ МЛИ, ф. Тиграна Ованнисяна, N264.

⁴ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N45/1.

гласно решили, что “приглашение Брюсова в Тифлис важно со многих точек зрения для нашего народа и литературы”¹. На том же заседании было принято решение организовать в честь Брюсова “обед с музыкальным сопровождением”. Организовать “музыкальную часть обеда” было поручено Д.Демирчяну².

Уже в первые дни января 1916 г. Валерий Брюсов был на Кавказе – первоначально по приглашению бакинского Общества армянских любителей словесности, а затем и по приглашению Ов.Туманяна. Видный русский поэт В.Брюсов представлял армянской, русской и инонациональной общественности огромную роль многовековой армянской литературы и культуры в истории человеческой цивилизации.

8 января 1916 г. Брюсов прочитал в Баку лекцию об армянской поэзии, иллюстрируя её своими переводами.

11 января Брюсов прочитал свою вторую лекцию в Баку. И на первом, и на втором вечере председательствовал поэт Иоаннес Иоаннисиан, функции секретаря выполнял Цолак Ханзадян.

11 января 1916 г. Тигран Ованнисян телеграфирует из Баку Туманяну: “Брюсов выедет понедельник вечером 11 часов встречайте закажите Ориенте номер = Иоаннисянц”³.

Повсеместно в кругах армянской общественности возникал живой интерес к личности Брюсова и его лекции. 12 января 1916 г. Гегам Армен из Александрополя сообщает Туманяну, что Общество “Дети Алагяза” “изъявило большое желание пригласить видного русского поэта В. Як. Брюсова и просить повторить в Александрополе свою лекцию об армянской поэзии”⁴. С этой целью там была создана специальная комиссия, которая собиралась приступить к организационным вопросам сразу же после получения согласия Брюсова. Комиссия была готова преодолеть любые трудности организационного и экономического характера, предоставить русскому поэту лучший номер в первоклассной гостинице города, приставить к нему специальных сопровождающих, которые будут готовы выполнять любое желание Брюсова и отвечать на все интересующие его вопросы. Однако для этого организаторам необходимо было заручиться поддержкой Ованеса Туманяна: присутствие армянского поэта в Александрополе рядом с Брюсовым было для них очень желательно. Гегам Армен пишет: “Я очень надеюсь, что Вы можете уговорить русского мастера исполнить наше желание... А если бы

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, N1527.

⁴ Там же, N1085 (292 доп.).

вы вместе с русским поэтом также соизволили присоединиться, мой дорогой и благородный друг, это уже должно наполнить сердце каждого ликованием и высшим чувством”¹.

12 января 1916 г. днём Брюсов прибывает из Баку в Тифлис. На вокзале русского поэта и его супругу Иоанну Матвеевну Брюсову встречают Ованес Туманян вместе с дочерью Нвард и весь состав правления Общества армянских писателей. Специально ради встречи с Брюсовым и участия в брюсовских днях в Тифлис из разных мест съехались представители армянской интеллигенции. Среди них был и Погос Макинцян, приехавший из Еревана, где он работал в то время школьным учителем. Встретив дорогих гостей букетами цветов, Туманян сопровождает их в находившуюся на Головинском проспекте первоклассную гостиницу “Гранд отель”, где он заказал для них лучший двухкомнатный номер.

Первый же вечер Брюсов с женой проводят в гостях у семьи Туманяна, в его квартире по ул. Вознесенская, 18. В гостеприимном доме армянского поэта московским гостям составляют компанию армянские и грузинские писатели, представители интеллигенции. Нвард Туманян так рассказывает об этом вечере: “Отец пригласил их к нам домой на ужин. Денег у него не было, одолжил у Макинцяна. Дома также мы ничего заранее не приготовили, однако отец со всей беззаботностью пригласил всех, кто встречал Брюсовых, на ужин. Мы пошли на рынок по улице Пушкина, сделали покупки, принесли домой. В девять часов прибыли гости. Вечер прошёл тепло и интересно”².

На следующий день, 13 января, в зале тифлисского Артистического театра состоялась лекция Брюсова об армянской поэзии. В эти дни ещё были свежи боль и горечь из-за кровавой массовой резни армянского населения в Западной Армении. Не успевший оправиться после ужасающих, душераздирающих картин и кошмаров, опасности физического уничтожения, армянский народ выслушивал из уст выдающегося деятеля русской литературы слова, исключительно высоко оценивающие духовную культуру Армении. Речь Брюсова констатировала право армянского народа на физическое и духовное существование. И этим также во многом было обусловлено то большое воодушевление, с которым была воспринята лекция Брюсова. В своём приветственном слове Туманян напомнил, что Брюсов “называет армянскую поэзию свидетельством благородства армян-

---

¹ Письмо было отправлено через актёра Айка Хосровяна, который был избран посредником для передачи пожеланий Брюсова александропольцам. См.: там же.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 136.

ского народа”¹, а затем сказал: “О нашей поэзии, о нашей культуре просвещённый мир и, в особенности Россия, знают мало. Вы явились первым из русских поэтов, который вместе со своими известными коллегами широко знакомит читателя с поэзией, творческой силой армянского и других братских народов и связывает эти народы узами взаимного уважения и любви”².

В дни страшных испытаний, в самое трагическое и тяжёлое для армянского народа время Туманян не мог ни на минуту забыть, что “родина армян истерзана и истекает кровью от края до края, армянин лишь глубоко мучается и страдает, но не отчаивается, не впадает в уныние, и творческий дух его не ослабевает ни на мгновение”³.

Геноцид армянского народа продолжался, и это наталкивало поэта на размышления о сходстве, общности судеб армянских писателей разных поколений и разных эпох. Эту мысль довольно схематично, всего несколькими штрихами, поэт выразил в своей небольшой статье “Армянская история”. В смятенной душе поэта всё ещё не утихала боль по зверски убитым собратям по перу. В оставшейся черновым наброском статье о лекции Брюсова Туманян напоминает читателям о трагически погибших западноармянских писателях и поэтах – Зограбе, Сиаманто, Варужане, Р. Севаке и обо всех других замученных жертвах геноцида, напоминает об оставшихся захороненными окровавленных трупах: “И в эти минуты также наши сердца объаты скорбью – в какую пустыню угнаны наши талантливейшие поэты и писатели Турецкой Армении, и на каких неведомых дорогах лежат их пронзённые кинжалами трупы?”

Вот так, несмотря на то, что кинжал нередко оказывался в груди наших лучших сыновей, наш национальный гений никогда не прекращал творить...”(7, 568).

Речь Туманяна не могла выражать одну только скорбь и горечь; даже в самые трудные и безнадёжные дни войны и Геноцида он находил какой-нибудь луч света, чтобы сорвать власть зла и мрака над нашей страной и нашим народом, и поэтому он сразу же добавлял: “Даже в эти ужасающие дни бедствий мы опечалены, но не побеждены отчаянием – и мысль армянина не перестаёт творить” (7, 568).

Туманян назвал Валерия Брюсова «одним из немногих людей, который сумел прочесть волшебные письма армянского народа и

---

¹ Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх тт., т. 3, Ер., 1969, с. 100.

² Там же, с. 101.

³ Там же, с. 100.

обнародовать их миру”¹. Туманян здесь имел в виду известную строку Саят-Новы, высеченную на памятнике поэта-ашуга: “Не всем мои писанья чтить – особый смысл у слов моих”.

В глубокой и содержательной лекции В. Брюсова армянская многовековая поэзия представлена как гармоничное единство, как синтез культур Востока и Запада; поэзия, которая очень своеобразна и самобытна и представляет собой поистине уникальное явление, поскольку она соединяет в себе сдержанность и гармонию Запада и восточную пышность образов.

По мнению Брюсова, армянская поэзия десятого века “дошла до такой высоты, до которой не может добраться ни какая-либо другая лирика, ни европейская поэзия того же периода... Ни одна нация не имела духовного поэта, подобного Нарекаци, и в средние века европейцы не имели столь же талантливых и чувственных поэтов, как средневековые армянские лирики”². Характеризуя своеобразие поэзии Григора Нарекаци, Брюсов отмечал, что у него “религиозное чувство соединяется с истинным поэтическим вдохновением, и многие аллегорические гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо от их богословского толкования”³. В своей вступительной статье к антологии «Поэзия Армении» он писал, что “Тригор Нарекаци довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя звукопись задолго до того, как она расцвела в лирике персидской и арабской”⁴.

В своей лекции Брюсов также подчеркнул жизнелюбие армянской поэзии, которая, несмотря на неблагоприятные исторические обстоятельства, всегда умела воспевать жизнь, любовь, природу, надежду. Он считал, что ионациональные литературоведы и критики обязательно должны пристально изучать армянскую поэзию, что это является велением времени, императивом и неизбежной необходимостью.

После лекции состоялся большой банкет в честь Брюсова, в котором участвовали около двухсот гостей, в том числе русские, грузины, а также литературоведы, писатели, публицисты, общественные и политические деятели других национальностей. Пиршество, на котором тамадой был градоначальник Тифлиса Александр Хатисян, постепенно превратилось в вечер дружбы народов. С тостами выступали Ов.Туманян, Д. Демирчян, князь Гр. Диасамидзе,

---

¹ Ованес Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., изд-во “Ай-астан”, 1969, с. 101.

² “Оризон”, 1916, N11, 17 января; N20, 28 января.

³ В. Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. – В кн.: “Брюсов и Армения”, т. 1. Ереван, 1988, с. 89.

⁴ Там же.

И. Накашвили, Гр. Робакидзе, С. Канчели и др. В газетной информации о литературном вечере и его “художественной части” отмечалось: “В этот вечер чувствовалось, какую волшебную силу имеет литература: она сближает народы”¹.

Если до тифлисской лекции только александропольское Общество “Дети Алагяза”, действуя через Туманяна, приглашало Брюсова для выступлений в своём городе, то после 13 января приглашения посыпались на русского поэта как из рога изобилия. Он получал всё новые и новые приглашения из Армении и разных армянонаселённых районов Грузии. На некоторые из этих предложений, судя по всему, Брюсов отвечал согласием. Об этом можно утверждать исходя из опубликованных в периодических изданиях сообщений, в которых указывалось на предстоящие лекции поэта в Александрополе, Ереване, Гандзаке и Кутаиси. И снова почти все приглашения Брюсову сперва адресовались Ованесу Туманяну. И почти во всех случаях, как, например, в случае с попечительским советом батумских армянских школ, приглашающая сторона настаивала на том, чтобы Туманян непременно сопровождал Брюсова. В одной из телеграмм, адресованных Туманяну и опубликованных в газете, говорилось: “Визит именитого поэта Брюсова, так же как и Туманяна, непременно внесёт определённую свежесть в местную тривиальную жизнь”². Однако из всех указанных выше городов русский поэт повторил свою лекцию только в Ереване. И в других городах – в Ереване, в Эчмиадзине – Брюсова сопровождал не Туманян, а П. Макинцян. В сопровождении Макинцяна Брюсов 14 января отправился из Тифлиса в Ереван. И эту поездку также организовал Ов. Туманян, подключив к делу не литературных деятелей, а членов своей семьи. “В годы войны дороги были настолько перегружены, что найти свободное место в вагонах было невозможно, – свидетельствует Иоанна Брюсова. – Один из сыновей Туманяна занял для нас купе в пустом вагоне, ещё задолго до отправления поезда”³.

Прочитав 18 января свою лекцию в Ереванском городском клубе, Брюсов вернулся в Тифлис. “Когда мы, вернувшись из Еревана, вновь приехали в Тифлис, Туманян и Брюсов встретились, расцеловались, словно родные, – пишет Иоанна Брюсова. – Не требовалось большой наблюдательности, чтобы увидеть на их лицах какое-то особенно сдержанное, тёплое чувство”⁴.

Вторая лекция Брюсова в Тифлисе – «Исторические области

---

¹ “Оризон”, 1916, N23, 31 января.

² Там же, N15, 22 января.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 694.

⁴ Там же, с. 695.

Армении и развитие армянской поэзии» – была отложена и состоялась 22 января 1916 г. Она не имела громкого успеха первой лекции¹. Корреспондент газеты «Арев» в информации от 30 января пишет, что в этой лекции «не были упомянуты литературные памятники 7-10 веков, архитектурные памятники, не было сказано об Ани – городе, который сам по себе является прекрасным синтезом разных культурных начал»².

Как верно отметил литературовед Анушаван Закарян, одной из причин неудачи второй лекции Брюсова являлся выбор темы, для освещения которой требовалось знание исследовательских трудов видных учёных-арменоведов.

Много писалось и говорилось о большом значении этих лекций. Тифлисский корреспондент газеты «Арев» послал в Баку информацию о том, что все восхищены лекциями русского поэта, и вот уже неделя, как имя Брюсова у всех на слуху, что благодаря этим лекциям в школах начали активно и заинтересованно изучать средневековую армянскую лирику, и армянскую поэзию читают повсюду – в издательствах, в парках и домах³. Об этом же пишет и газета «Кавказское слово»⁴. О значении лекций Брюсова говорилось в статьях и заметках «Наша действительность» Г. Чалхушяна⁵, «Лекция Брюсова» М. Матенчяна⁶, «Постыдное явление» Микаэла Варданяна⁷, «Объяснение» Ов.Туманяна⁸, в анонимной заметке «Бакинская лекция В.Брюсова»⁹, а также в сообщениях и статьях «Ереванская лекция» А-До¹⁰, «По поводу ереванской лекции» Мартироса Арутюняна¹¹, «Вопросы армянской литературы» Лео¹² и в многочисленных других публикациях. В газете «Оризон» о своих впечатлениях от первой тифлисской лекции Брюсова из номера в номер рассказывает какой-то журналист, скрывавший своё настоящее имя за подписью «Один зритель». Эти корреспонденции под общим заголов-

---

¹ Более подробно о причинах этой относительной неудачи см.: Ан. Закарян, «Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914-1920)», Ер., 1984.

² Газета «Арев», 1916, 30 января.

³ Там же, 21 января.

⁴ «Кавказское слово», Тифлис 1916, 15 января.

⁵ «Оризон», 1916, N28, 7 февраля.

⁶ Там же, N11, 17 января, с. 4.

⁷ Там же, N9, 15 января.

⁸ Там же, N10, 16 января, с. 3.

⁹ Там же, N13, 20 января, с. 3.

¹⁰ Там же, N18, 26 января, с. 3.

¹¹ Там же, N25, 3 февраля, с.2.

¹² Там же.

ком “Брюсов на Кавказе” печатаются в газете с 22 января по 31 января¹.

Почти вся армянская периодика была наводнена откликами на лекции Брюсова и их толкованиями. Вот несколько свидетельств очевидцев: “В тот вечер невозможно было не почувствовать, видя столько армян, то большое общественное значение, которое имела лекция Брюсова”², или: “Мы чувствовали в этот вечер сердце Руси, которое искало и нашло наше сердце. Вот почему мы называем этот вечер явлением, а не лекцией”³; или: “Брюсов со своими соратниками по перу открыл для нашей и русской общественности Дарданеллы”⁴.

В эти же дни начинают переводиться на армянский язык и публиковаться стихотворения Брюсова, такие, как “На медленном огне горишь ты и сгораешь, Душа моя”, “Поблек предзакатный румянец” в переводах Г. Калашяна, “Каменщик” в переводе Сим. Бабаяна, “Жрец” (“Бронзовая статуя”) в переводе Ов. Туманяна, “Утренняя звезда” в переводе Оноприоса Анопяна и т.д. Публикуются и перепечатываются переводы Брюсова из армянской поэзии, в том числе “Ласточка” (в русском переводе – “Милый стриж”) Геворга Додохяна. Армянские поэты посвящали стихотворения Брюсову. В известном стихотворении Ов. Туманяна, посвящённом В. Брюсову, пришедший “из страны снегов” русский поэт пробуждает новые желания и надежды на лучшее будущее и счастливую жизнь, приносит с собой добро и любовь.

Явился из снегов, издалека,
Призвал к величью духа и любви,
И стала так чиста и глубока
Надежда, овладевшая людьми.
(Пер. Б. Ахмадулиной)

Ованес Туманян был воодушевлён и горд высокой оценкой, данной Валерием Брюсовым армянской духовной культуре, тем более в такое трудное для его соотечественников время, и в своём стихотворном посвящении русскому собрату по перу он лелеет надежду и мечту о счастливом будущем для своего многострадального народа, мечтает увидеть, как “страны согласуют голоса под общим

---

¹ Там же, N9, 15 января, N18, 26 января; N20, 28 января; N23, 31 января.

² Там же, N18, 26 января.

³ Там же, N15, 22 января.

⁴ Там же.

небосводом доброты”¹. Поэт изъявляет желание, чтобы люди всегда помнили, “что лишь им дано явить собою нравственность земли”². Заключительная строфа посвящения дышит неколебимым оптимизмом.

И прав поэт, что предсказал нам бег
Времён – в пресветлый и желанный век,
Где человека любит человек,
Где с человеком счастлив человек.
(Пер. Б. Ахмадулиной)

Стихотворение было посвящено Брюсову, однако в каждой его строке стучало и билось суровое время, и перед лицом ужасов и страшных испытаний военного времени желание поэта, чтобы люди стали лучше и совершеннее, чтобы они сильнее и искреннее любили друг друга, воспринималось как призыв бороться за добро и красоту, как вызов эпохе. Конечно, самой большой мечтой поэта было и оставалось осуществление заповедей Священного Писания, чтобы можно было любовью и добром победить зло, но он при этом вовсе не был настолько наивен, чтобы верить в перевоплощение или поражение человека-зверя и человека-людоеда в обозримом будущем, и даже более того – в ближайшие столетия. Не случайно и то, что после его мажорного и оптимистичного посвящения Брюсову следующим было стихотворение “Перед адом”, которое написано в совершенно иной тональности и является своего рода предупреждением, предостережением людям о том, что человек-зверь не только живёт и процветает, но и находится в опасной близости, по соседству, и его нужно серьёзно опасаться.

Возвращаясь к стихотворному посвящению Брюсову, отметим, что воодушевление Туманяна исходило как из его личной симпатии к Брюсову, так и из его отношения ко всей русской литературе.

Разделяя озабоченность Туманяна отсутствием в Тифлисе серьёзного литературного периодического издания, Брюсов предложил использовать денежные средства Общества армянских писателей в основном для этой цели. Он неоднократно утверждал, что необходимо “в широкой перспективе основать журнал и обеспечить его издание”³. Туманян давно уже задумывался над этим вопросом и несколько раз созывал собрания с этой целью, но это его намерение так и не было осуществлено. Военное время диктовало свои условия и свои правила игры: все армянские писатели бедствовали, находи-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ “Оризон”, 1916, N15, 22 января, с. 3.

лись в нищенском положении; каждому необходимо было помогать, выдавать пособия или бессрочные ссуды. Многие писатели были не в состоянии выплачивать ежегодные членские взносы в размере пяти рублей.

Учредить литературный журнал в Тифлисе не удавалось, однако в 1916 г. Туманян активно сотрудничал с издаваемым в Москве Т.Амиряном “Московским вестником”, постоянными авторами которого были В. Брюсов, Ю. Веселовский, А. Дживелегов, В. Тотомянц, К. Шаховский, А. Авсаркисов и другие.

Во все дни своего пребывания в Тифлисе Брюсов был неразлучен с Туманяном. Армянский поэт организовывал для своего русского гостя различные экскурсии. Он сопровождал семью Брюсовых к памятнику Саят-Новы во дворе церкви Сурб Геворг, повёл их на гору Св. Давида и в монастырь Св. Давида, чтобы Брюсов мог преклонить колени перед могилой А. Грибоедова. Оба поэта побывали в тифлисском Ботаническом саду и в окрестностях города, во всех его предместьях. Кроме того, в часы обеда и ужина Брюсов в обязательном порядке был гостем семьи Туманяна, в его доме.

В своём «Слове, обращённом к Брюсову» Туманян отметил: «До сегодняшнего дня из России посылали к нам полицейских, чтобы ловить воров, разбойников и негодяев. Они приезжали и находили и воров, и разбойников, и негодяев. Посылали к нам прокуроров – разоблачать убийц и преступников и судить их. Они приезжали и находили убийц и преступников. ...Но никогда не посылали из России поэтов, чтобы искать на Кавказе поэзию. И теперь впервые приезжает к нам русский поэт, чтобы познакомиться с армянской поэзией. Впервые к нашей поэзии приобщаются выдающиеся русские поэты и находят в ней многие ценности. И отныне пройдёт по России слух, что на Кавказе у армян есть и поэзия, и поэты...»¹.

За день до своего отъезда, 23 января 1916 г., когда Брюсов, как обычно, гостил в семье Туманяна, между поэтами открылся разговор о переводах. Брюсов поинтересовался мнением Туманяна насчёт перевода поэмы “Ануш”, принадлежащего перу Вячеслава Иванова. Туманяну не нравился этот перевод, но он со свойственной ему тактичностью ответил мягко и с юмором, выразив своё сожаление по поводу постигшей переводчика неудачи: “Неплохо, но только жаль, что моя Ануш превратилась в блондинку”². А Вяч. Иванов, по свидетельству Мартироса Сарьяна, с большим восхищением отзывался

---

¹ Ованес Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., “Айастан”, 1969, с. 288-289.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 138.

о поэме и о Туманяне, лелеял надежду встретиться с армянским поэтом и лично выразить ему свое восхищение¹.

Валерий Брюсов с женой выехали из Тифлиса 24 января 1916 г. В момент расставания Брюсов передал Туманяну своё стихотворение “К армянам”, написанное днём раньше. Туманян опубликовал его в газете “Оризон” (за третье февраля). Туманян, в свою очередь, приготовил для русских гостей на дорогу большой свёрток с едой и дал Брюсову свою фотографию с просьбой передать её Карену Микаэлян – для включения в готовящийся к изданию сборник.

Чета Брюсовых по приезде в Москву послала семье Туманяна посылку со сладостями – в знак благодарности за радушный приём и гостеприимство. Брюсов послал также телеграмму Туманяну: “Присоединяемся общей радости приветствуем наших друзей, Брюсовы”².

В душе Валерия Брюсова ещё долго жили неизгладимые впечатления о поездке на Кавказ, и особенно – воспоминания о встречах с Туманяном, о светлой личности и щедрой душе армянского поэта. Об этом свидетельствует его стихотворное посвящение Туманяну, написанное 25 февраля 1916 г. Он приложил его к своей дарственной надписи на титульном листе первого тома “Полного собрания сочинений и переводов”³. Приводим этот автограф и приложенное к нему стихотворное посвящение.

“Ивану Фаддеевичу⁴ Туманяну, поэту. Блистательнейшей звезде светлого трехзвездия армянской поэзии – от сердечно преданного автора”⁵.

И. Ф. Туманяну

... Да будет праведно возмездие

---

¹ М.Сарьян, “Воспоминания об Ов. Туманяне”, “Гракан терт”, Ер., 1939, N12, 15 апреля, с. 2.

² МЛИ, ф. Ов.Туманяна, N1058.

³ В.Я. Брюсов, «Полное собрание сочинений и переводов», т 1, М,1913.

⁴ Сразу же сблизившись с Туманяном, Брюсов обращался к нему по имени и отчеству, в русифицированном варианте. Однако, как свидетельствует Нвард Туманян, вскоре Брюсов узнал, что отца Туманяна Тадеваса до рукоположения в священники звали Асланом (тюркское слово, означающее “лев”), и с этого дня в полушутку называл поэта Иван Львович. Лео также подхватил это обращение и стал называть Туманяна Иваном Львовичем. См. Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 137.

⁵ Брюсов и Армения: В 2-х кн. Составление, вступительная статья и примечания К. Айвазяна, С. Дароняна, Г. Татосяна. Ереван, гос. Пед ин-т рус. и иностр. яз. им. В.Я. Брюсова. Кн. 14. Стихи, статьи, очерки, письма В.Я. Брюсова. Ер. “Совет грох”, 1988, 380 с. , с. 323-324.

Судьбы – и в годах и в веках:
Так! Создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звёзды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!

12 апреля 1916 г. Туманян посылает Брюсовым телеграмму: “Получили. Тронуты. Всегда с восторгом вспоминаем наших дорогих друзей. Приветствуем, целуем”(10, 237). Вероятнее всего, это ответ на посылку со сладостями, которую послали Брюсовы по прибытии в Москву.

В письме к Ов. Туманяну от 13 апреля 1916 года Брюсов писал: “Не буду упреждать события и не буду говорить о достоинствах книги,— да мне, как ее редактору и главному сотруднику, это не пристало. Но считаю себя вправе похвалиться одним достигнутым результатом: еще до выхода в свет книги она возбудила в широких кругах русских читателей интерес к армянской поэзии. Недавно я читал лекцию о «Средневековой армянской поэзии» (от Григория Нарекского до Саят-Новы), в университете (в обществе любителей российской словесности) и мог убедиться, как заинтересованы читатели, раньше и не думавшие о существовании армянской поэзии. И я получаю много писем, от армян и русских, свидетельствующих об том же. Если достигнута будет одна эта цель, и то я признаю свою работу окупившейся в сто и более раз”¹.

Год спустя, 3 марта 1917 г., в связи с выходом в свет антологии “Поэзия Армении”, Ованес Туманян организовал литературный вечер на русском языке под названием “Ночь армянской поэзии”. В музыкальной части вечера принимали участие хор Армена Тиграняна, ансамбль ашуга Азири, Мушег Агаян и Никол Агбалян, который исполнял песни Саят-Новы. Хор женской гимназии Овнанян исполнил песню “Наша родина”.

Благодаря огромной популярности русскоязычной антологии и стараниям Туманяна зал был настолько переполнен, что “из-за тесноты были случаи обмороков”².

В январе 1917 г. Валерий Брюсов снова получил приглашение от Бакинского Общества любителей армянской словесности и побы-

---

¹ «Брюсов и Армения», В двух книгах. Кн. 1, Ер., «Советакан грох», 1988, с. 315-316.

² “Оризон”, 1917, N48, 5 марта, с. 3.

вал в Баку, выступив с лекциями на разную тематику. Туманян попытался воспользоваться удобным случаем и пригласить русского поэта в Тифлис – с тем, чтобы он прочитал три лекции: о видном бельгийском поэте Эмиле Верхарне, о Пушкине и о восточных философах (“учителях”). Однако вскоре из газетных сообщений Туманян узнал, что “в Баку заболел Валерий Брюсов”¹. 18 января 1917 г. Брюсов телеграфирует Туманяну и просит его либо отложить, либо отменить вообще свои лекции в Тифлисе. “Расхворался если возможно умоляю отменить или перенести Великий Пост подробности письмом крайне извиняюсь приветствую всех Валерий Брюсов”². Зная организованность и пунктуальность Туманяна, можно смело предположить, что поэт в ответной телеграмме (она, к сожалению, не сохранилась) дал своё согласие и выразил беспокойство по поводу болезни друга. Об этом свидетельствует новая телеграмма Брюсова, датированная 19-м января 1917 г. “Благодарю, здоров тронут любезным приёмом предпочитаю если можно ехать двадцать третьего субботу Брюсов”³. 25 января Туманян публикует в газетах сообщение о том, что “Брюсов скоро приедет из Баку в Тифлис”⁴. Однако состояние здоровья Брюсова снова ухудшается, в Баку его лекции то и дело откладываются, к тому же русского поэта ожидали неотложные дела в Москве. 1 февраля Брюсов уже был в Москве и оттуда послал объяснительное письмо Туманяну, в котором оправдывался, приносил свои извинения и ссылаясь на невозможность приезда в Тифлис. Он обещал позднее специально приехать в Тифлис и только там прочитать свои лекции. В своём письме Брюсов пишет:

“Дорогой и многоуважаемый Иван Фаддеевич!

Не знаю, как и извиняться перед Вами – в том, что вовлёк Вас в хлопоты, обещав приехать в Тифлис, а потом принуждён был отказать от этой чести и удовольствия. Ибо, поистине, я считаю большой честью читать под Вашим председательством, и для меня было бы огромным наслаждением – вновь увидеться с Вами и со всем тем тифлисским кругом, который так радушно встретил нас, И. М. (Иоанну Матвеевну – С.О.) и меня, в прошлом году и который мы сердечно полюбили. Но судьба судила иное. Во-первых, лекции мои в Баку затянулись, а в Москве ждали меня неотложнейшие дела. ...Как бы то ни было, я решительно не мог ехать в Тифлис, и ещё раз очень, очень извиняюсь в этом перед Вами. Если Вы всё же хотите,

---

¹ Там же, N19.

² МЛИ, ф. Ов.Туманяна, N1056.

³ Там же, N1057.

⁴ “Оризон”, 1917, N17, 25 января, с. 3.

чтобы я прочёл одну или несколько лекций в Тифлисе, я постараюсь приехать ...во вторую половину поста. Разрешите подробнее написать Вам об этом плане из Москвы, когда выяснится точнее, в какие дни мне можно будет предпринять это путешествие. Теперь же я должен только просить Вас отнестись к моему отъезду снисходительно и верить, что мне больше всех было грустно отказаться от мечты увидеться с Вами и вновь побывать в Тифлисе. Наиболее пострадавший в этом всё же я, так что не лишайте меня Вашего доброго расположения, которое мне так дорого.

.... Вас лично от души благодарю за доброе внимание и за предупредительное желание устроить мою лекцию. Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно предан Вам за все Ваше дружественное к нам отношение”¹.

В протоколе заседания правления Общества армянских писателей от 16 февраля 1917 г. кратко, но вместе с тем вполне определённо отмечается: “Брюсов спросил у председателя, когда правление считает его приезд удобным.

Просить, чтобы приехал после Пасхи”².

22 февраля Туманян снова информирует тифлисскую армянскую общественность, что “в один из предстоящих субботних дней В. Брюсов прочитает в Тифлисе лекцию, а в субботу Пасхи с лекцией выступит Ю. Веселовский”³. Из этого газетного сообщения узнаём, что Туманян пригласил в Тифлис и Юрия Веселовского.

И всё-таки второму приезду Валерия Брюсова в Тифлис так и не было суждено состояться. Возможно, причиной тому были политические потрясения, опасности, подстерегающие на дорогах в нестабильное военное время, а возможно, поездке помешали какие-то личные дела или другие причины. Однако в архиве Кавказского общества армянских писателей до нынешнего дня сохранились тезисы и программы этих несостоявшихся лекций русского поэта⁴. В своём письме Туманяну от 10 апреля 1917 г. Брюсов снова просит прощения за то, что не может приехать с Тифлис.

С такими же тёплыми и яркими впечатлениями рассталась с Тифлисом и Туманян с супругом русского поэта – Иоанна Матвеевна Брюсова, которая годы спустя, когда многие события и лица успели потускнеть в её памяти, с большой душевной теплотой отзывается о незабываемом “добропорядочном” образе Туманяна. И. Брюсова

---

¹ Брюсов и Армения, т. 1, с. 316-317.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N46/3.

³ “Оризон”, 1917, N38, 22 февраля, с. 3.

⁴ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N181.

пишет: “Центром армянской литературной жизни в то время был Тифлис. Здесь вокруг Ованеса Туманяна объединились многие армянские литераторы...

Из всех моих воспоминаний о тифлисских встречах самыми яркими являются воспоминания, относящиеся к Ованесу Туманяну. Все лица помутнели перед неизгладимым образом незабываемого поэта... Вообще серьёзный и задумчивый Туманян умел быть очень любезным и сердобольным человеком, заботливым отцом (любил гордиться своими детьми), и одновременно самым остроумным собеседником”¹.

Таким образом, благодаря непосредственным стараниям и усилиям Туманяна состоялись брюсовские дни в Тифлисе, которые в период Первой мировой войны стали одними из самых интересных и знаменательных страниц армянской национальной культурной жизни.

Подобная широкомасштабная деятельность Ованеса Туманяна в годы мировой войны и Геноцида ещё раз подтверждает убеждение поэта в том, что независимо ни от чего каждая отдельная личность или нация до последнего мгновения своей жизни, своего физического существования должны опираться на свои духовно-культурные ценности. В предисловии к сборнику литературно-художественных произведений начинающих писателей под названием “Раздан” поэт высоко оценил то обстоятельство, что западноармянские и восточноармянские писатели выступают объединённо, под одной обложкой. Он приветствовал объединение двух расколотых, раздвоенных частей армянского народа и подчёркивал устремлённость, предрасположенность своих соотечественников к творческой деятельности, видя в этом залог их жизнеспособности. “Но непотопляемо стремление нашего народа к культуре, и его жажда и рвение к творчеству – непреодолимы.

Как только наш всё потерявший беженец развёл огонь на зелёной траве, одной из первых его забот стало основать библиотеку, открыть школу и издавать газету.

Вот и теперь, когда кровь и слёзы одной стороны ещё не высохли, а другая сторона колышется от дыхания жестокой тревоги, наши молодые писатели обоюдно сблизились, соединили слёзы горестей своего прошлого и радостей своего будущего, чтобы оросить и излечить потрясённую душу армянства”(7, 369).

Сколько бы Туманян ни занимался проблемами и заботами беженцев и детей-сирот, он так и не отошёл от культурных, литературных проблем своего народа, не забыл о литературе и искусстве,

---

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 694.

потому что в тот труднейший период он был более чем уверен в тех доктринах, которые отстаивал в статье 1918 года “Выход”. “Народы могут забыть многое, но не могут забыть свою историю, свою культуру. И действительность доказывает, что культурно-исторические принципы являются более ценными для народов, нежели даже этнические”¹.

Именно этим была обусловлена самоотверженная борьба поэта сразу на двух баррикадах – национально-общественной и культурной.

ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В 1914-1918 гг.

ПУБЛИЦИСТИКА

Несмотря на то, что время и условия были очень неблагоприятными, Туманян старался использовать каждую возможность, чтобы заниматься творчеством, литературной деятельностью, чтобы хотя бы в этом находить душевный покой. Однако поэту никак не удавалось обрести этот покой, поскольку заниматься творчеством при его перегруженности неисчислимыми заботами и обязанностями было очень трудно. 12 августа 1916 г. поэт пишет в письме Цолаку Ханзадяну: “Только теперь я чувствую, насколько, в сущности, разбит я и устал; не пишу, да и не могу. Такой усталый и отравленный усталостью человек разве может писать стихотворения?” (10, 248).

***

Среди почти ста статей публицистической и общественно-политической направленности, написанных Ов. Туманяном в 1914-1918 гг., восемнадцать остались незавершёнными, в черновых набросках и были опубликованы только после смерти поэта, а шесть из 83-х опубликованных статей увидели свет в разных сборниках и книгах в виде предисловий или пояснений. Остальные статьи и выступления нашли место в периодических изданиях – в армянских газетах “Оризон” (44), “Мшак” (3), “Харисх” (1), “Лума” (1), “Ай-астан”(1), “Горц”(1), “Жоговрди дзайн” (“Глас народа”) (1), а также в русскоязычных газетах “Республика” и “Кавказское слово”.

В 1914 г. поэт намеревался вновь посетить Ани, чтобы отвезти материалы для местного хранилища рукописей (матенадарана).

---

¹ Там же, с. 388.

Намерение это во многом было обусловлено активной арменоведческой деятельностью Н. Марра. Ещё 29 июня 1914 г. тифлиссские газеты сообщили о прибытии Марра¹. А 18 июля в газетах появилась информация о том, что Н. Марр основал хранилище рукописных книг при музее Ани, основу которого составляла научная литература не только по истории города, но и по археологии и археографии вообще². Однако начавшаяся война внесла свои коррективы и помешала осуществлению планов поэта.

Остались нереализованными и многие другие намерения Туманяна, в том числе все его творческие планы. 23 июля 1914 г. поэт пишет Арменуи Тигранян из дачного местечка Цагвер: “Я очень и очень устал, как физически, так и морально, и этот дачный уголок был большой удачей для меня, но и это отравила война... Было настроение немного позаниматься – и снова не получилось. Наряду с внешними причинами вновь помешали внутренние причины, как всегда”(10, 298). Даже во время войны, этого страшнейшего бедствия, Туманян находит в себе силы заниматься проектом и планировкой Дома творчества для писателей – в живописной местности, в лорийском селе Айгеат³.

Война уже успела принести с собой страшные беды и испытания. Но, несмотря на свои переживания, Туманян продолжал оставаться для окружающих самым весёлым, остроумным, улыбчивым человеком, который доставлял радость всем и каждому своими неисчерпаемыми анекдотами и забавными историями. В первый период войны его в очередной раз навещает редактор периодического издания “Нор осанк” (“Новое течение”) Аршак Казарян, которому поэт уже сдал для публикации свои произведения “Сердце девы”, “Месть певца”, и просит Туманяна предоставить ему ещё несколько новых произведений. Туманян пошутил: “Этот царь Николай арестовал столько людей, многие из которых невинны, осудил ни за что; почему тебя тоже не забирают, чтобы я от тебя избавился?..”⁴.

Поэт и сам чувствовал, что в качестве художника-творца он выбит из обычной, нормальной колеи, и с глубокой ностальгией вспоминал прошлые дни. Теперь же он значительно реже писал и

---

¹ “Оризон”, 1914, N139, 29-июня, с. 3.

² Там же, N154, 18 июля, с. 3.

³ Эта “утопическая” идея Туманяна так и не была осуществлена, хотя поэт купил с этой целью земельный участок на 2000 рублей, которые были частью наследства, оставленного лично ему Варварой Мелик-Айвазян. Подробнее об этом см: **С. Ованесян**, История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912), Ер, “Гракан эталон”, 2012, с. 180.

⁴ Там же, с. 118.

публиковал стихи и выступал прежде всего как публицист, как национальный и общественный деятель.

В первый период войны Туманян был настроен довольно оптимистично. Он надеялся, что Россия вместе со своими союзниками, Англией и Францией, сумеет победить страны Тройственного союза – Германию, Австро-Венгрию и Турцию, и одержав победу, накажет инициаторов и поджигателей войны, а затем “третьим ударом”, как бывает в волшебных сказках, принесёт окончательную свободу и независимость его исторической родине – Западной Армении. В начальной стадии войны многие представители армянской интеллигенции рассчитывали на доброжелательное и даже дружеское отношение Германии. 11 июля 1914 г. армянские периодические издания публикуют корреспонденцию об учреждённом в Берлине “Армяно-германском обществе”, которое имело беспартийный характер и целью которого являлось:

“1) Распространять в Германии верные, объективные сведения об армянском народе и о немецком народе – среди армян;

2) Дать основополагающую ознакомительную информацию о художественном творчестве армянского народа и о стремлении немецкого народа к ознакомлению с армянской культурой;

3) Разработать почву для установления личных отношений между немцами и армянами”¹.

Ещё до того, как отправиться в своё первое путешествие в зону боевых действий, то есть с самых первых дней начавшейся мировой войны, поэт проявил бурную активность в области публицистики. При этом семь из десяти написанных в этот период статей относились к Армянскому вопросу. С 4 сентября до 23 ноября 1914 г. статьи эти следовали одна за другой: “Война наций и их богатыри” (4 сентября), “Покаяние” (18 сентября), “Сим победиши” (12 октября), “Последняя тревога” (21 октября), “Третий удар” (31 октября), “Старое слово” (23 ноября), “Важная надежда и вековая дорога”. Шесть из указанных статей были опубликованы на страницах газеты “Оризон”, а одна статья, последняя, осталась незавершённой и сохранилась в черновом виде.

Во всех этих статьях рассматривались проблемы, относившиеся к судьбам армянского народа в связи с начавшейся мировой вой-

---

¹ Для достижения указанных целей было решено издавать двуязычный немецко-армянский журнал и представлять в нём культуру и литературу армянского и немецкого народов, а также открыть библиотеку, организовать преподавание немецкого языка в армянских школах, ознакомить армянских и немецких учащихся и студентов с историей обеих стран. В числе 115-и подписей под воззванием организаторов Общества были подписи Ав. Исаакяна, Джемса Гринфилда и других писателей и интеллигентов. См. «Оризон», 1914, N 149, 11 июля, с. 4.

ной – с её необратимыми последствиями. И почти везде поэт уповал на победу России и на её помощь в деле освобождения Западной Армении, выражал оптимистическую надежду на близкое и окончательное решение Армянского вопроса.

Затем поэт впервые побывал в Западной Армении, совершил своё первое путешествие на Кавказский фронт, но из поездки вернулся вконец разочарованный поведением и отношением некоторых генералов царской армии к местному населению и бойцам армянских добровольческих отрядов. Однако даже выявив для себя внутреннюю сущность завоевательской, экспансионистской политики России, поэт, тем не менее, не озвучивает публично это своё разочарование, хранит каменное молчание вплоть до марта 1915 г., когда стремительно развивающиеся трагические события вынудили его взяться за перо и выступить с призывом о сдержанности. 21 марта 1915 г. в газете «Оризон» публикуется статья поэта «Сдержанность».

Как уже было сказано, только три из вышеуказанных десяти статей не имели никакого отношения к продолжавшейся мировой войне и к Армянскому вопросу. Одна из них, озаглавленная «По поводу одного «Объяснения», была адресована ставшему личным недругом поэта редактору газеты «Мшак» Амбарцуму Аракеляну, а две другие статьи – «Несколько слов» и «Великий приёмный сын Кавказа» – касались литературной жизни.

Статья «Великий приёмный сын Кавказа» была написана по поводу 100-летия М. Лермонтова и опубликована накануне дня рождения русского поэта – 2 октября 1914 г. Ещё за месяц до этого, в сентябре 1914 г., в армянских и русских литературных кругах велась подготовка к юбилею Лермонтова. Решение о проведении торжественных мероприятий по этому поводу приняло даже городское правление города Грозный¹. Однако из-за военного времени проведение юбилейных торжеств было отложено. Туманян писал: «...Из-за войны откладывается празднование этой светлой даты, которая должна была вызвать ликование и волнение в миллионах сердец всех народов и племён России... Я думаю о том, что как сегодня не время праздновать этот столетний юбилей, так и не время было Лермонтову родиться сто лет назад. Но он родился, родился с пламенной душой, которая ещё с детства искала прекрасное в окружавшем его сумраке России прошлого столетия, – России, которая жила жизнью, закованной в чиновничий мундир»². Тем не менее, несмотря на то, что шли первые месяцы войны, в Тифлисе юбилей

---

¹ «Оризон», 1914, N209, 23 сентября, с. 3.

² См. также: **Ов. Туманян**. Избранные произведения в трёх тт., т. 3, с. 228.

великого русского поэта не был обойдён вниманием. Армянская общественность и литературные круги не прошли равнодушно мимо юбилея как-то особенно любимого на Кавказе русского поэта. “Откладывается. Мы все откладываем. Однако совершенно молчать нельзя”, – заявляет Туманян (7, 150).

Номер газеты “Оризон” за 2-ое октября 1914 г. почти полностью был посвящён Михаилу Лермонтову. Там были опубликованы статья Ов. Туманяна “Великий приёмный сын Кавказа”, Ю. Багдасаряна “Лермонтов”, С. Гамалаяна “Бессмертный поэт”, Г. Чермака “Лермонтов”¹. В городских муниципальных и частных школах организовывались мероприятия в память о русском поэте, 11 октября в новом здании “Общественного клуба” состоялся вечер, посвящённый Лермонтову².

С поэзией Лермонтова Туманян был знаком ещё со школьной скамьи и испытывал самые глубокие чувства к творчеству русского поэта. Хронология переводческой деятельности Ов. Туманяна открывается стихотворением Лермонтова “Желание” (переведено в 1889 г.). А поэма Лермонтова “Мцыри” в переводе Туманяна была издана отдельной книгой уже в 1896 г. Она стала одним из самых ярких проявлений духовного родства Туманяна с романтической поэзией первой половины девятнадцатого века. В девяностые годы Туманян перевёл также произведения Лермонтова “Я не хочу, чтоб свет узнал” и “Ангел”, а позднее – лермонтовское переложение из Гёте “Горные вершины”. В конце девяностых годов армянский поэт начал переводить известную статью В.Белинского “Стихотворения Лермонтова”, но не довёл перевод до конца из-за возникших разногласий с Издательским обществом.

В ноябре 1902 г. Туманян ответил Юрию Веселовскому на его вопрос к армянским писателям и поэтам о том, какое влияние оказала на них русская литература. Он рассказал о своём духовном родстве с лирикой Пушкина и особенно Лермонтова. Армянский поэт признавал также определённое воздействие их поэзии, но только в ранний период своего творчества. “Я только начал под их воздействием” (т. 9, 384). Намного сильнее и явственнее было воздействие этих величайших русских поэтов на “душу, литературный вкус и взгляды” Туманяна. Под этим воздействием было написано произведение “Отвергнутый закон”, в чём поэт признался в 1919 г.³. В письме к Лео от 27 октября 1902 г. поэт пишет: “Из русских поэтов на меня больше всех воздействовал Лермонтов, затем - Пушкин” (9,

---

¹ Там же, N217, 2 окт., с. 1-3.

² Там же, N221, 7 ноября, с. 3.

³ См.: Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 205.

344). А 18 августа 1904 г. поэт отмечает “байроновско-лермонтовскую” направленность своих эстетических и мировоззренческих исканий (9, 443). В своей большой любви к творчеству Лермонтова поэт признавался и в “Автобиографии”, написанной в 1905 г. и занимавшей несколько страниц (6, 145).

В статье “Великий приёмный сын Кавказа” Ованес Туманян воздаёт должное Лермонтову. При этом он обращается не к творчеству русского поэта, которое было вполне родственно и созвучно его поэтическим пристрастиям, а к его трагической судьбе, говорит о роли Кавказа в жизни Лермонтова, подчёркивает неизбежную драму великой личности, бросившей вызов властям, “голубым мундирам” своей родной страны – отчизны, которую он любил “странною любовью”. Поэт не мог понять политику России, и поэтому стал жертвой этой непонятной и чуждой его мировоззрению политики. Даже само название статьи представляется нам очень важным и ценным для лермонтоведения, поскольку в ней даётся самая точная, яркая и своеобразная характеристика русского поэта. Туманян характеризует Лермонтова как поэта с “пламенной и устремлённой ввысь душой”, ещё с детских лет ищущего невиданное и необычное в жизни, пережившего “ужасающую драму” великой личности. Поэт подвергается политическим гонениям и преследованиям в своей стране, но продолжает любить её, пусть даже своей необычной, “странною любовью”, неподвластной рассудку. Лермонтов прожил свою недолгую жизнь в обществе, в котором его “никто не понимал и не ценил, в котором обожаемый им Пушкин был “невольником чести” и “пал, оклеветанный молвой”. Он удалился из России, которая всегда виделась ему “страной рабов, страной господ”, и нашёл пристанище на Кавказе. Туманян ждал, надеялся и верил, что скоро наступят мирные и спокойные дни, и армянское население Кавказа вместе с другими кавказскими народами торжественно отметит знаменательное событие – столетний юбилей Лермонтова. «И когда наступит время отпраздновать столетие со дня рождения Лермонтова, мы, кавказцы, отметим эту дату не только как праздник великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является великим приёмным сыном нашей общей обители – Кавказа, ещё с детства мечтавшим о кавказском небе и о кавказских синих горах»¹.

Другое публичное выступление Ов. Туманяна было не столько статьёй, сколько кратким словом, информирующим общественность. Информация эта касалась деятельности Кавказского обще-

---

¹ См.: Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх тт., т.3, с. 230.

ства армянских писателей. Кроме того, имея в виду военное положение, Туманян оповещал общественность, что цена на пользующийся большим спросом в среде армянских читателей и любителей словесности сборник стихотворений Саят-Новы будет назначена ниже себестоимости книги.

***

Таким образом, за очень небольшим исключением, все публичные выступления Ов. Туманяна рассматриваемого периода непосредственно относились к Армянскому вопросу и будущей судьбе армянского народа. В этом ряду первой публикацией была статья “Национальные войны и их богатыри”, написанная в первых числах сентября 1914 г. Эта статья, как и все остальные, увидела свет в газете “Оризон”¹.

Статья начинается с рассказа о переживаниях, связанных с предчувствием близкого начала разрушительной войны. “Так же, как перед большими грозами духота сдавливает дыхание людей, так и перед началом великой войны сердце почти каждого человека сдавливало какое-то тяжёлое предчувствие. Разорвалась буря, за тяжёлым предчувствием последовали ужасные потрясения и суматоха”(7, 146).

И действительно, до начала Первой мировой войны Туманян предчувствовал надвигающееся всеокрушающее бедствие и ожидающую армянский народ великую трагедию. В августе 1916 г. в статье “Возможное и желаемое” поэт пишет: “Мною руководило предчувствие поэта... многие, возможно, удивятся, если я скажу, что в предшествовавшие войне месяцы я настолько отчётливо чувствовал войну, что написал специальное стихотворение, даже хотел его опубликовать в журнале “Нор осанк” (“Новое движение”), но по каким-то соображениям счёл это неудобным”(7, 466). А в статье 1914 г. «Национальные войны и их богатыри» оптимистически настроенный поэт писал: “И это пройдёт, откроется ясное солнце и улыбнётся мирный день... после этой войны вопрос цивилизованного человека встанет с большой силой и в большом объёме, или, ещё точнее, вопрос человека, которого своими зверствами порождает просвещённый германец и открывает тему для серьёзных размышлений для всех народов и мыслителей”(7, с. 146-147). Извечной заветной мечтой поэта было дружно и мирно живущее человеческое сообщество. В одном из своих четверостиший поэт писал:

---

¹ “Оризон”, 1914, N194, 4 сентября.

О чём я думаю, что нужно мне?
Мне б уголок от шума в стороне,
Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!
(Пер. Н. Гребнева)

И поэт хотел при этом верить, что начавшаяся битва титанов, как в мифологиях и народных эпосах, закончится “священным словом мира”(7, с. 147).

Турция ещё не включилась в войну, когда Туманян написал статьи “Покаяние” (18 сентября) и “Сим победиши” (12 октября), в которых поднял голос праведного гнева против “цивилизованной” Европы и поставил знак равенства между способными на варварство европейцами и известными всему миру своими жестокостями и изуверствами турками и курдами. Поэт очень внимательно следил за ходом войны, и каждое появлявшееся в периодике сообщение о новой трагедии, о разрушениях храмов и городов, о сожжённых библиотеках ранило его душу, в особенности когда всё это происходило в цивилизованной Европе, осквернялось руками европейцев. Туманян обращается к вековому заклятому врагу своего народа и с иронией “просит прощения”: “Простите нас, о курды, о турки, что в 1878 году мы пошли в Берлин и пожаловались на совершённые вами грабежи, насилия, убийства, пожары и разрушения, называя вас варварами и зверями, а их – гуманными судьями.

Однако сегодня... с последними стонами крестьян, обстрелянных руками немцев..., с горькими проклятиями людей, у которых выколоты глаза, отрезаны языки, в красных отсветах пожара библиотеки Лювена, в грохоте разрушения храма Реймса мы вынуждены с разбитым сердцем признать нашу наивность и попросить у вас прощения за то различие, которое мы ставили между вами и цивилизованными людьми.

В наших сердцах был храм намного больше храма Реймса, в котором он, цивилизованный человек, жил отдельно от вас; они разрушили тот великолепный храм и остались вне его, среди их же руками сделанных руин, вместе с вами, наравне с вами”(7, с. 148).

Велико было разочарование поэта “цивилизованной” Европой, потому что такой объём совершённых озверевшим человеком дикостей и изуверств не имел прецедента. Поклонявшийся природе поэт-пантеист ставил знак равенства между турками и европейцами, однако не желал при этом сравнивать европейцев с бессознательным диким зверем, неосознанный звериный нрав которого позволял ему всего лишь решать проблему своего выживания, между тем как осознанное, порождённое разумом зверство человеческого мира при-

водило поэта в ужас и трепет, разрушало его представление о разумной сущности человека, подрывало веру в гуманную природу людей. Поэт выражал сожаление о том, что в своё время был хорошего и высокого мнения и человеческого роде, и приходил к печальному выводу: “Вероятно, было бы справедливо попросить прощения и у зверей за то, что все эти жестокости мы называем “зверством”, и, быть может, было бы очень мудро и уместно пойти жаловаться обо всем этом собакам, которые неспособны на такие поступки, и они даже на полях войны проявляют столько жалости и сочувствия...”(7, с. 147). Для поэта в европейском просвещении отныне “не господствуют ни божественное дыхание, ни человеческая совестливость”(7, с. 147).

Туманян ставит под большое сомнение воздействие на человечество слов великих гуманистов, философов и искусствоведов мира: “Увы, словно напрасно живут и проходят великие философы, великие учёные и великие поэты, для народов они большей частью являются всего лишь роскошными украшениями”(7, с. 149).

В статье “Сим победиши” в начале октября 1914 г. Туманян выражает свою надежду на то, что страны Тройственного Союза (Англия, Франция, Россия) одержат победу в войне, что, по его убеждению, должно было принести свободу и независимость населению Западной Армении. Он напоминает об уроках истории, в частности, о поражении Наполеона, чтобы предупредить “опьянённую собой” Германию, которая даже в своём государственном гимне провозгласила себя превыше всего на свете и “встала с рёвом и урчанием, чтобы растоптать всё вокруг”, об ожидающем её великом разочаровании(7, с. 152). Поэт с болью и сожалением констатирует, что война руками немецкого оружия не пощадила даже процветавшую Бельгию и уподобила её жителей “армянским беженцам из Муша” (7, 153).

В своей балладе «Великан» Ованес Туманян писал, что, несмотря на то, что «перед сильным всегда виновен тот, кто слаб», но при этом «всегда есть то, что сильнее сильного, а сильнее всего – смерть». Однако поэт вовсе не был настолько наивен, чтобы не понимать и не признавать роль количественного соотношения вооружённых армий, роль военной подготовки, сверхсовременного оружия, материальных вложений в деле конечной победы в войне. Однако ещё большее значение он придавал духовной силе сражающихся сторон, их боевому настрою, который, в свою очередь, был обусловлен нравственной поддержкой, сознанием своей правоты, справедливого характера борьбы и её необходимости. “В мире существует одна лишь сила, которую невозможно покорить, – сила, которая делает малого великим, слабого – могущественным, которая

обеспечивает победу и героические дела. Это – дух народа, народное воодушевление, – пишет Туманян и заключает: – Народное воодушевление играет решающую роль и в нынешней великой войне”¹. В этот момент Туманян искренне верил, что “все люди, независимо от положения, классовой принадлежности и убеждений, на стороне противников Германии и радуются их победам. Характер войны таков, что каждому кажется, будто в лице России, Англии и Франции – Толстой, Гладстон и Жорес (не говоря уже о Бельгии с её Метерлинком) вышли на бой с Бисмарком, Меттернихом, за которыми из полумрака выступает жестокое лицо Абдула Гаида”². Поэтому автор статьи считает себя вправе полагать, что в войне столкнулись две силы: с одной стороны – «бурные симпатии и воодушевление народов», а с другой – “ненависть и звериная злоба врага, выражающаяся в неслыханных преступлениях и варварских разрушениях”³. Статью автор завершает убеждением, что победа Тройственного Союза, Антанты является императивом, велением времени. «Ныне мы вступаем в новую эпоху, встречаем новые рассветы. Теперь всё чаще слышатся и всё громче звучат голоса народов. Теперь без этого уже не объединить народы, не воодушевить их и не создать силу, способную одержать победы вне пределов страны и обеспечить ей внутренний мир и покой»⁴.

Через несколько дней после вступления Турции в войну, 21 октября 1914 г., в «Оризоне» публикуется статья Ов. Туманяна “Последняя тревога”, а ещё через несколько дней – статья «Третий удар».

В статье «Последняя тревога» нашли выражение непотопляемый оптимизм, вера и надежда поэта на светлое будущее своего народа. В отличие от предыдущих статей, в которых поэт в основном рассуждал о возможном исходе войны, в новой статье предметом его главной и основной заботы была судьба западноармянского населения, а следовательно, проблема политической ориентации всего армянского народа. Поэт хотел верить и обнадежить своих соотечественников в том, что для армянского народа началась последняя общенациональная тревога. Точные, меткие и острые определения получают в статье и народы и кочевые племена, сражающиеся на стороне противника. И если курды кишат подобно «воронам-падальщикам» и они – «чёрные провозвестники войны», то немцы

---

¹ Ов. Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., “Айастан”, 1969, с. 83.

² Там же, с. 83-84.

³ Там же, с. 84.

⁴ Там же, с. 84-85.

характеризуются как «новоевропейские курды», у которых такое же «разбойничье» поведение. Туманян пишет: «Родина великих поэтов и великих философов Германия, родина великих учёных и великих педагогов Германия идёт дорогой курдов. Вот и мы примем её, словно курда... встанем все от мала до велика и выступим против тёмных и просвещённых курдов»(7, 157). Самую большую свою надежду в деле освобождения западноармянского населения Туманян по-прежнему возлагал на Россию, и в этот период его подход и его ориентированность были вполне чёткими и определёнными. Абсолютно убеждённый в своей правоте, Туманян заявляет: «Наше будущее уже связано с Россией... Национальное самостоятельное существование турецкоармянского населения должно стать реальностью и должно развиваться руками России.

В тот самый день, когда русские войска перейдут армянские горы, с того самого дня ряды армянских беженцев не будут переходить через эти горы в чужие края. В какую армянскую область они ни войдут, там навеки прекратятся резня и ужас перед резнёй, который по ту сторону границы изнашивает и изматывает нас»(7, 157). Поэту искренне хотелось верить в возможность освобождения западноармянского населения и в его возрождение вместе со своими восточноармянскими соотечественниками. Вот поэтому-то он и определяет все навалившиеся на армянство военные бедствия, испытания, лишения и невзгоды как «последнюю тревогу». Статья завершается призывом и наставлением, обращённым ко всему армянскому народу: «Это последняя тревога, которую мы переживаем. Какое-то священное таинство и глубокая серьёзность должны прибавиться к нашему бурному воодушевлению, и мы должны приложить свои совместные усилия, чтобы с честью перенести эту последнюю тревогу»(7, 158).

Десять дней спустя, 31 октября 1914 г., поэт публикует статью «Третий удар», в которой отводит России всё ту же роль спасительницы и освободительницы армянского народа. К тому времени прошло всего лишь две недели после того, как Турция объявила войну России. Здесь туманяновский оптимизм находит своё выражение в уверенности, что Россия сурово накажет инициаторов и разжигателей войны, повергнет их решающим «третьим ударом», как это обычно бывает в волшебных сказках. И этому победоносному удару предстояло принести окончательную победу западноармянскому населению на его исторической родине.

По трактовке Туманяна, наш вековой враг уже получил два мощных удара. Один из них был нанесён во время русско-персидской войны 1827-1828 гг, вследствие которой Восточная Армения вошла в состав России; второй удар был нанесён во время рус-

ско-турецкой войны 1877-1878 гг. Однако подобно тому, как это бывает в сказках, враг не был повержен окончательно после первых двух ударов; требовался ещё один, самый важный, самый решающий удар, и удар этот должен был быть нанесён во время Первой мировой войны. Поэт выделял, обособлял как уже ставшие реальностью и ещё только ожидавшиеся результаты войн, так и героев этих войн, ставших собирательными образами. «Первый удар освободил одну часть армянского народа из безнадёжного ада и внушил надежду на самостоятельную жизнь. Второй удар поднял вопрос об автономной Армении¹. Третий удар приведёт турецко-армянское население к национальной автономной жизни» (7, 158). Под «третьим ударом» Туманян подразумевал продолжавшуюся в эти дни войну России на Кавказском фронте против мусульманского мира. Напомним, что после первых двух войн (1827-1828 гг. и 1877-1878 гг.) были освобождены Ереван и Карс. Туманян искренне верил, что в результате новой войны будет освобождён символ Западной Армении – город Ван.

Отмечая трёх народных героев, Туманян вновь отдаёт явное предпочтение третьему – легендарному полководцу Андранику, которому и предстояло нанести самый сокрушительный третий удар. Андраник был реальной исторической личностью, в отличие от двух предыдущих героев, которые, несмотря на то что имели реальную основу и реальных прототипов, всё-таки являлись литературными персонажами. Первым героем был Агаси из романа Х.Абовяна «Раны Армении», вторым героем – Вардан из романа Раффи «Хент». Примечательно, что говоря об освобождении своих западноармянских соотечественников, Туманян первоначально называл Андраника, и потом уже только – Россию. «А армянский народный герой третьей войны Андраник – уже реальная личность, со множеством друзей; идея свободы всеобщая и движение – общенациональное.

Таким образом, эта третья война является третьим традиционным символическим ударом. Третий удар решает проблему. Третьим ударом северный исполин, великая Россия, решает стародавнюю, кровавую проблему армянского народа» (7, 158-159).

Как мы увидели, оптимистическое настроение Туманяна в тот период находит своё выражение в словосочетаниях «третий удар» и «последняя тревога»: они становятся понятиями-идеями, констата-

---

¹ Туманяну, конечно, было известно, что когда Россия в Адрианополе подняла вопрос об автономии армян в Османской империи, Англия выступила против этого, и по её требованию вопрос об автономии был закрыт и вместо него речь пошла только о социально-экономических реформах. Туманян указал на это в примечаниях к статье (7, 158). Но при этом поэт придавал большое значение тому, что вопрос был впервые озвучен и оказался на повестке дня.

цией политических побед, к которым, по мнению поэта, должны были привести всеокрушающие исторические события. Словосочетания эти неоднократно использовались в письмах поэта, в его устных выступлениях, становились заглавиями как публицистических статей, так и художественных произведений.

Статья «Старое слово», опубликованная в газете «Оризон» 23 ноября 1914 г. (VII, 159, 616), стала последним публичным выступлением Туманяна перед его поездкой на Кавказский фронт. В статье автор пытался связать роль России в деле освобождения христианских народов с народным преданием. По всей вероятности, Туманян написал эту статью 12-13 ноября, всего лишь за несколько дней до своего первого путешествия в Западную Армению. В момент её публикации в иллюстрированном литературно-художественном приложении газеты «Оризон» поэт находился в Диадине (приложение газеты выходило раз в неделю, поэтому оно увидело свет только через неделю после отъезда поэта, 15 ноября).

В этой статье речь вновь идёт о вековом враге армянского народа – Турции, которую Туманян в предыдущей статье “Последняя тревога” охарактеризовал как “древнего дракона”. Примечательно, однако, что здесь уже нет восторженных отзывов и характеристик в адрес России, которыми были испещрены предыдущие статьи и стихотворение “Последняя тревога”.

Поэт проводит небольшой исторический экскурс, рассказывает о том, как бежавшие от монголов турки, перекочевав в 1225 г. из Хорасана, впервые появились на Армянском нагорье, а затем и в Европе; как они в XV веке завоевали Константинополь и переименовали его в Стамбул. После этого начались скорбь и горькие стелания цивилизованного мира. «И весь христианский мир и культурное человечество застонали под этим ударом и стали скорбеть об этом событии» (7, 158).

Согласно народному преданию, когда во время богослужения турки проникли в Софийский собор, стены собора открылись и спрятали чашу для причастия, священнослужителя, проводящего литургию, «вместе со всеми церковными служителями» (7, 159-160). Согласно этому же преданию, с севера должно прийти какое-то могущественное государство и освободить Константинополь и Айа-Софию от турецких завоевателей, а стены храма вновь должны раскрыться, “и снова выйдут проводивший литургию священнослужитель с чашей для причастия в руках и все облачённые в церковную одежду служители, и прерванная несколько веков назад литургия продолжится”, – пишет Туманян и констатирует: “Так, под религиозным обличем, старая надежда христианских народов на освобождение от турецкого ига бессмертно живёт в старом слове. Живёт

прочно и упорно” (7, 160). Туманяну очень хотелось в это верить, и он представлял своё заветное желание как ожидаемую действительность. По его словам, в мае 1915 г. должна будет продолжиться прерванная в 1453 г. в храме Св. Софии христианская литургия, а «турки снова вернутся туда, откуда пришли в Европу, и будет положен конец вековой скорби и стенаниям народов, разрушению и разорению стран» (VII, 161). Здесь отчётливо просматривается одна из самых заветных грёз Туманяна – увидеть свою историческую родину не только освобождённой от турецкого ига, но и свободной от турок вообще.

В этот момент оптимизм Туманян был вполне оправдан. Он был обусловлен реальным и победным продвижением русской армии, воодушевлением армянских добровольческих формирований и возвращением Андраника из Болгарии. Не случайно именно Туманян первым публично откликнулся на возвращение Андраника. Всего лишь месяц спустя оказавшись на фронте, Туманян пережил огромное разочарование и понял, что основы его оптимизма довольно зыбкие, что невозможно связывать большие надежды с вынашивающей свои планы и ведущей неприкрытую экспансионистскую, завоевательскую политику царской Россией. Но он, тем не менее, не захотел лишать свой народ надежды – исходя из той простой истины, что надежда умирает последней. И отчасти вынужденно, а отчасти добровольно и осознанно, поэт не стал предавать широкой огласке факты, свидетельствующие о несправедливом и предвзятом отношении некоторых генералов русской армии к армянам. Более того, в художественных произведениях этого периода он продолжал обнадеживать своих соотечественников, ожидавших скорого освобождения Западной Армении, боровшихся за своё физическое выживание, остававшихся лицом к лицу с неисчислимыми лишениями и испытаниями.

Возможно, многим такой оптимизм поэта покажется странным, тем более, если учесть дальнейшее трагическое течение событий, однако в данный исторический момент этот оптимизм имел своё обоснование. Действительно, Россия в этой войне имела свои интересы и вела завоевательскую политику, так же, кстати, как и во время предыдущих войн, и всё же, если бы Февральская и, особенно, Октябрьская революция не перетасовали все карты, то какая-то, пусть даже незначительная часть заветной мечты Туманяна могла бы сбыться, то есть Россия, пусть даже в своих геополитических интересах, могла вызволить, освободить Западную Армению, вырвать её из рук Турции. В этой связи считаем нелишним напомнить, что с первого же дня русско-турецкой войны на Кавказском фронте, то есть с 16 октября 1914 г., русская армия одерживала одну победу за

другой, причём по всех направлениям.

Так что оптимизм Туманяна в первые месяцы войны, нашедший выражение в его художественных и публицистических произведениях, сыграл важную роль в формировании армянских добровольческих отрядов, вдохновляя армянских воинов на справедливую освободительную войну против турецких захватчиков.

***

Публицистические статьи и выступления Ованеса Туманяна 1915 г. в основном относились к многочисленным проблемам чудом спасшихся во время массовой резни и вынужденного переселения армянских беженцев и сирот. Значительную часть этих статей мы уже рассмотрели в предыдущих главах. В тот трагический год поэт написал восемнадцать статей, выступлений, исследований и воспоминаний. Две статьи из этого числа остались незавершёнными, в черновом виде. Это статьи “В стране руин и трупов” и “Из военных впечатлений”. Среди опубликованных статей особняком стоят две, в которых поэт давал отпор нападкам грузинских националистов, сетовавших по поводу размещения армянских беженцев на территории Грузии. Это “Несколько свидетельств” (23 октября 1915 г.) и “Бедствие, но не политика” (1 ноября 1915 г.). Редактор газеты “Закавказская речь” К. Туманов (К. Туманашвили) публиковал в грузинских газетах письма за подписью “Грузин”; ещё кто-то публиковал статьи за подписью “Скальпель”, и в обоих случаях авторы выражали свои националистические, шовинистические взгляды. После первых опубликованных писем “Грузина”¹ Туманян с большим тактом и деликатностью, но вместе с тем решительно и смело выразил своё удивление и недоумение по поводу того, что перед лицом страшных, ужасающих условий, в которых оказался армянский народ, автор писем не постыдился “устроить политическую шумиху” (7, 182). Между тем сутью этой “политической шумихи” было следующее обстоятельство. Согласно трактовке грузинского автора, русские проявляют заботу об армянах и специально привезли армянских беженцев на Кавказ, чтобы притеснить коренное население региона. По заверениям “Грузина”, армянские беженцы заселяются в Закавказье, потому что их страна бедная, климат ужасный, лесов и растительности нет. А самих армян он считал пришельцами, которые объявились на Кавказе уже после прихода русских. Чтобы изобличить невежественного злопыхателя в вопиющем подлоге и фальсификации исторических фактов, Туманян ссылается на гру-

---

¹ “Закавказская речь”, Тифлис, 1915, NN205, 213, 227.

зинских историков, в частности, на книгу Вахушти¹, сына Вахтанга Четвёртого², “На географию Грузии”, в которой грузинский историк и географ чётко и определённо указывает, что Лори и Памбак с незапамятных времён были армянскими территориями, а к северу от реки Дебед в направлении Тифлиса – это грузинские земли. Примечательно, что грузинский историк считал Арменией и весь Ахаллакский район, Вирк. Говоря о Тифлисе, Туманян снова ссылается на свидетельство Вахушти, согласно которому Шах-Аббас³ заселил берега Куры племенами турок-борчалинцев. Пришельцами являлись также турки-казахи. “Жители Тифлисской крепости и Сейдабада – магометане. Вне крепости живут преимущественно армяне и небольшое число грузин”⁴. Затем Туманян упоминает грузинского принца Иована, который 24 июля 1802 г. попросил управляющего Кавказа Карла Кнорринга⁵ переселить армян и заселить в Грузии, на свободных землях Карталины и Кахетии. Такую же политику проводили также Давид IV Строитель⁶ в двенадцатом веке и царица Тамара⁷. А на довод “Грузина” относительно бедности Армении природными ресурсами поэт ответил “контраргументом” магометанского историка 9 столетия Ахмеда Ибн Фазыха: “Я не видел более богатой и переполненной животными страны, чем Армения”⁸.

1 ноября увидела свет статья “Бедствие, но не политика”, которая фактически являлась продолжением, второй частью предыдущей статьи. В ней подвергается обстоятельной и обоснованной критике мнение «Грузина», согласно которому армяне постепенно становятся гегемоном, доминирующей силой на Кавказе, и вскоре станут предъявлять свои требования и претензии России. Туманян возразил, что если Грузия с её стопятидесяти тысячным населением в своё время приглашала армян в свою страну и ни о чём при этом не беспокоилась, то с какой стати Россия с её стопятидесяти миллион-

---

¹ Вахушти (Багратиони) (1695-1784) – груз. историк, географ и лексикограф).

² Вахтанг IV (1413–1446) – царь Грузии (1442 – декабрь 1446). Из династии Багратионов.

³ Шах-Аббас Великий (27 января 1571 – 19 января 1629) – шах Ирана из династии Сефевидов, правивший в 1587–1629 гг.

⁴ Царевич Вахушти, География Грузии, пер. М. Джанашвили, Записки Кавк. Отд. Имп. русск. геогр. общ., кн. XXIV, вып. 5.

⁵ Карл Фёдорович Кнорринг (1744 – 180.?) – Генерал-лейтенант. 24 октября 1799 г. был назначен инспектором Кавказской линии и заведующим пограничными делами Кавказской области. Был первым русским главнокомандующим Грузии.

⁶ Давид IV Строитель (1073 – 24 января 1125) – царь Грузии (1089–1125) из династии Багратионов.

⁷ Тамара (1166 год–1213 год) – царица Грузии, с именем которой связан один из лучших периодов в истории Грузии – «золотой век грузинской истории».

⁸ Сб. материалов для описания местностей и племён Кавказа, т. 31, с. 23.

ным населением должна беспокоиться о гегемонии армян? «Грузин» напрасно пугает Россию, и Россия от этого не перепугается»(7, 189).

В этой завязавшейся дискуссии, предметом которой были права народов, населяющих великие державы, поэт формулирует своё понимание обязанностей государства. «Государство – это целостное образование, которое должно заботиться о своих составляющих частях и обеспечивать не только физическое существование населяющих его народов, но и самые разные права, которые не мешают благополучию других...»(7, с. 190). А по мнению «Скальпеля», наводившие Кавказ армянские беженцы – «это порох, который взорвёт добрые отношения соседних народов»(7, 190). Поэт на это ответил следующим образом: «Люди не знают: то, что является для них порохом, для нас является огнём, и мы в нём сгораем. Они не знают: то, что в их глазах представляется политикой, на самом деле является страшным бедствием и несчастьем для всего армянского народа. Они действительно не знают, что армяне вовсе не хотят уходить из своей страны... напротив... армяне только о том и мечтают, чтобы рассеявшиеся по разным краям люди вернулись в поля и долины Алашкерта, Вана и Муш»(7, 191). А в заключительной части поэт «дипломатично» объясняет шовинистические, националистические подходы этих грузинских авторов их недостаточной информированностью и недопониманием всей сложности вопроса. При этом Туманян вполне искренне даёт очень высокую оценку грузинскому народу и обращается ко всем тем, кто мог думать так же, как «Грузин» или «Скальпель». «Чего ещё вы хотите? Почему вы, не будучи знакомыми с нами и нашими желаниями, нашими стремлениями, нашими страданиями и нашей борьбой, так жёстко и грубо прикасаетесь к нашим ранам – такими близкими и родными руками?.. Армянские беженцы – это бедствие, а не покровительствуемая политика»(7, 193).

Статьи Туманяна находят живой отклик со стороны русских и грузинских интеллигентов, которые выступили в защиту основных доводов армянского поэта в той же газете «Закавказская речь». Среди таких откликов была статья «Армянская печать о Кавказе», в которой автор осуждал шовинистические подходы «Грузина», «Скальпеля» и их елиномышленников.

***

Примечательно, что публицистические статьи и выступления Ованеса Туманяна 1916-1917 гг. имели преимущественно культурную направленность. Во многом это определялось визитом В. Брюсова, а также изданиями сборников армянской литературы на рус-

ском языке, актуальностью проблем развития армянского литературного языка, оживлением различных областей искусства, учреждением Общества Айказян и многими другими факторами. Однако самым главным фактором были ощутимые успехи русской армии на Кавказском фронте. Каждый раз, в прямой взаимосвязи с победами на территории Западной Армении, возрастало желание жить мирной культурной жизнью. Однако постоянные посягательства векового непримиримого врага на физическое существование армянского народа время от времени омрачали душу поэта. Тем не менее, он продолжал тешить себя надеждой, что война эта рано или поздно закончится и откроется новая страница в жизни его соотечественников, которые наконец-то смогут вздохнуть свободно.

Статья «Новая эпоха Востока» увидела свет в газете «Оризон» от 21 июля 1916 г. Наделённый душой восточного человека и высоко оценивавший восточную культуру поэт писал: «Восток никогда еще не имел столь дикого, столь бескультурного и недостойного представительства... После турецкого господства Восток, мракобесие и варварство стали синонимическими понятиями» (7, с. 273). Зверства турецких нелюдей Туманян объяснял также их неприспособленностью к творческой деятельности, неспособностью создавать что-то действительно ценное и непреходящее. Вместо этого турки были наделены другим качеством: они самым бесчестным и бесцеремонным образом присваивали чужие достижения, чужую культуру и искусство. «Они не только не внесли свой вклад в культуру и не дали миру ничего гениального, но и не восприняли ничего от других народов. Всегда оставались с разрушительным мечом в руках. И если мы запретим им под общим названием ислама украшать себя именами персидских, арабских или индийских гениев, то они останутся стоять посередине, в своей нормандской наготе, с вечным окровавленным мечом в руках» (7, 273).

В 1917 году Туманян оказался очевидцем обеих русских революций. Сохранилась написанная им в 1918 г. статья «Из наших различий». В ней поэт сначала беседует со временем, со своей эпохой, размышляет о большевизме и большевиках и делит их на две разительно отличающиеся друг от друга категории: погромщиков-террористов и идейных борцов. «Вот стоит перед тобой русский большевизм, и ты хочешь понять... Не тот ужасный большевизм, который разрушает и вселяет ужас, а тот большевизм, который обещает человеку общественное и личное счастье» (7, 491).

Поэт рассматривает причины возникновения русского большевизма, и как первую и главную причину отмечает многовековое социальное неравенство людей. «И вот миллионы нищих и обездоленных поднимают свой голос против тысяч имущих и счастливых,

и на авансцену выходит великий суд нищих и обездоленных” (7, 494). Поэт записывает, но затем вычёркивает следующие строки: “Что это за утверждение, что счастье меньшинства не может быть прочным при бедности большинства?” (7, 491). Туманян сопоставляет подходы старых и новых эпох к одной и той же проблеме и формулирует различия между религиозной идеологией, предписывавшей сочувственно относиться к нищему и давать ему милостыню, и идеологией социализма: “И вот таким образом, как видим, на обозрение вынесен суд человеческого большинства, без национальных различий.

В старые времена суд нищих и обездоленных был основан на сочувствии и был личным делом каждого судящего; в наши времена этот суд основан на общественном сознании и является организованным политическим делом. В первом случае этот суд был религиозно-политическим требованием и обязательством, в другом – политическим и гражданским требованием и общественным строем...

Один говорит людям – братья, другой – товарищи...” (7, 496).

В годы войны Туманян не переставал делать в своих дневниках пометки о волновавших его самых различных вопросах, – записи, из которых, возможно, впоследствии родились бы новые статьи. Эти записи и пометки относились и к возможности обретения Арменией государственной независимости – в условиях резко изменившейся историко-политической ситуации. Всегда оптимистично настроенный поэт в новой обстановке не верил в полноценную независимость армянского народа. Он прекрасно знал нрав соседней Турции – этого векового и заклятого врага Армении, и не мог представить реальную независимость своей страны в условиях страшной угрозы, нависшей над физическим существованием его соотечественников. Жизненный опыт и политическая мудрость, интуиция и на этот раз не подвели поэта: Турция воспользовалась ситуацией и напала на изнурённую, обескровленную Армению. И вот в судьбоносные дни, когда армянский народ в 1918 г. вёл неравную борьбу за своё физическое выживание, поэт сделал свой трудный выбор в пользу существования своей нации, в пользу возможности её дальнейшего культурного развития, и он пишет, пожалуй, самые печальные строки в своей жизни. “Да, независимость – вещь хорошая. Не будем говорить об этом.

...Но если сам армянский народ физически, экономически не способен защищать свою независимость, и ни одно государство не берётся опекать и защищать его, – что тут поделаешь? Не хотим.

Если независимость станет верёвкой, чтобы задушить армянство, – не хотим.

Если независимая Армения станет маленькой клеткой с закры-

тыми со всех сторон дверями, и единственная дверь, которая открыта, – будет открыта для турка-аскера, – не хотим...”(7, 496). Для того, чтобы написать в такой ответственный момент такие ответственные строки, самый известный поэт и общественный деятель эпохи должен был проявить поистине незаурядное мужество. Можно не сомневаться в том, что в то время многие деятели полностью разделяли подобную позицию и такой подход, но не могли решиться сказать это вслух, во всеуслышание. Разумеется, Туманяну ещё только предстояло развить эти свои невесёлые размышления, предстояло объяснить, почему он решил выбрать наименьшее из зол, почему он отдал предпочтение физическому и культурному существованию, почему самым важным для него оказалось сохранение жизни каждого армянина и вообще – каждого человека, его право на жизнь. Ставший очевидцем Геноцида и массового переселения своих соотечественников, увидев и под самый конец войны её страшные, чудовищные последствия для судеб его родины и народа, самый жизнестойкий и оптимистичный армянский поэт в это время находился в состоянии крайнего отчаяния. “Я больше не вижу восходящей зари, напротив, я преисполнен сомнений о будущем, у меня есть только одно желание: чтобы оставшаяся часть армян сохранила своё физическое существование”(7, 493).

Каким бы мужественным и оптимистичным ни был поэт, он всё же не был сверхчеловеком, он был обычным смертным, и чувство отчаяния было ему не чуждо. И он передал бумаге своё настроение в самую тяжёлую минуту жизни, но он при этом даже не помышлял о том, чтобы опубликовать эти свои горестные размышления, чтобы не огорчить ещё больше свой народ в его самые трагические и безысходные дни. И несмотря на своё отчаяние, Туманян на чисто интуитивном уровне правильно чувствует и понимает своё время. Армянский народ в той ситуации действительно не мог сохранить свою политическую, государственную независимость, когда даже соседние народы, которые не подверглись геноциду, не потеряли своей родины и не пережили всех ужасов, выпавших на долю армян, не имели сотен тысяч беженцев и сирот, – также не смогли сохранить независимость.

В своих дневниках Туманян пытался охарактеризовать роль армянского народа и других национальностей, в частности, “духовного Востока и делового Запада” в истории человеческой цивилизации, а также декларируемые французской революцией принципы свободы, равенства и братства; закреплённые английской великой хартией права человека; задачи социализма и коммунизма в новой России(8, 450, 652).

В другой записи, также сделанной в 1918 г. и начатой словами

“Я никогда не называл себя социалистом”, поэт излагает мысли о своей партийной принадлежности, проводит сопоставительный анализ между проповедниками религии и социализма¹.

Сравнивая религиозный и социалистический подход к социальной несправедливости и неравенству, поэт отмечает, что апостолы церкви обосновывают счастье бедняков и вообще всех людей милосердием и совестью, а новоявленные апостолы, социалисты, кладут в основу своей теории справедливое распределение честного труда и доходов, удовольствий жизни. Тем не менее, поэт заявляет, что он не является социалистом, хотя ему и близки и понятны идеи социализма. То же самое Туманян говорил и о других партиях. С некоторыми национальными партиями он сближался, сотрудничал, когда необходимо было осуществлять общественную и патриотическую деятельность; в определённые отрезки времени поэт даже состоял в той или иной партии, разделяя её взгляды и симпатизируя её программе, но при всём при этом никогда не считал себя партийным, и даже по разным поводам всегда подчёркивал свою надпартийную сущность, всегда считая любую партийную идеологию слишком односторонней и узкой. Придавая большую важность человеческому фактору в любой сфере жизни, поэт пишет: “Один социалист может быть настолько же опасным для социализма, насколько один духовный деятель – для христианства”(7, 489).

Туманян придерживался убеждения, что если общественный деятель мог принадлежать к какой-нибудь партии, то искусствовед, деятель культуры не мог себе этого позволить, поскольку любой искусствовед обязан жить большой, космической жизнью и поклоняться одной-единственной идее – прекрасному. Отмечая, что художник и общественный деятель являются людьми “разных в духовном понимании климатов”, поэт пишет в черновом наброске статьи “Завербованы...”: “В то время как центром поклонения одного (имеется в виду христианин) является нравственность, идеалом для другого – свободная и справедливая общественная система, предметом поклонения для меня и мне подобных является прекрасное... я имею в виду прекрасное в представлении немногих”(7, 491). Будучи одновременно и поэтом, и общественным деятелем, Туманян, несмотря на свою активную общественную деятельность, всегда считал себя преимущественно художником. “Поэт, – писал он, – по своему складу от природы наделён свободной и парящей мыслью, всегда ищущей душой, он является самовластной творческой лично-

---

¹ Возможно, указанный отрывок был написан как часть статьи “Завербованы...”, однако затем поэт не счёл целесообразным использовать его или опубликовать.

стью; если хотите, каждый из них является отдельной и самостоятельной партией”(7, 492).

Мы рассмотрели лишь некоторые записи и размышления в дневниках и черновых набросках Туманяна, а все эти записи в полном объёме представляют довольно богатый материал, которого более чем достаточно для отдельной исследовательской работы.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА

СВЕТ И ВЕРА ПОЭТА В ТРАГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД

Ованес Туманян – поэт и мыслитель – с одинаковой силой выступает как в публицистике, так и в художественном творчестве, причём порой почти одновременно использует одну и ту же тему и даже одно и то же название, подтверждая тем самым единство и цельность своего мировоззрения и его воплощение в разных жанрах.

Дочь поэта Нвард свидетельствует: “В годы войны... отец мало занимался литературой, очень мало писал. Когда редакторы газет или журналов в срочном порядке просили какой-нибудь материал, он отказывался писать. В крайнем случае доставал из бюро своих рукописей какой-нибудь материал, перерабатывал и отдавал им”¹.

В очередной раз война оказалась непреодолимым препятствием для многочисленных творческих планов и намерений поэта, причём среди всех художников она более всего помешала именно ему, потому что он больше кого бы то ни было жертвовал своей литературной работой, своим художественным творчеством во имя национальной и общественной деятельности. Тем не менее, Туманян прежде всего был и продолжал оставаться поэтом, говоря его же словами, “почитателем прекрасного”, и только потом уже публицистом. Каким бы суровым и страшным ни было время, он так и не сумел даже в условиях великого общенационального бедствия отложить в сторону своё перо поэта. Его муза словно почувствовала необходимость своего бодрствования, свою значимость для всего многострадального армянского народа, продолжавшего идти дорогой невероятных физических и нравственных страданий и мучений, и в итоге были созданы стихотворения, которые указывали, очерчивали линию национальной самобытности, воспитывали волю к жизни и созидательному труду, вселяли в народ надежду и придавали

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 117-118.

ему силы для сохранения и защиты права на самостоятельное и независимое национальное существование.

Только благодаря поэтическому вдохновению Туманян создавал свои стихотворные произведения военного времени, только благодаря извержению сильных и искренних чувств сумел он написать шедевры, неподвластные времени. Стихотворения этих лет были написаны потому, что просто не могли быть не написаны. И это при том, что у поэта не было ни времени, ни возможностей для того, чтобы полностью посвятить себя литературе, исследовать фольклорные материалы, обработать какую-либо новую сказку, закончить свои многочисленные незавершённые художественные, научные, историографические или филологические произведения.

***

Одним из самых жестоких ударов, нанесённых сердцу Туманяна Геноцидом, был арест и ссылка турецкими янычарами, а впоследствии – душевное расстройство и помещение в парижскую психиатрическую клинику его близкого друга, “верховного патриарха армянской песни”, композитора Комитаса, прославившего на весь мир свой армянский народ. В апреле 1915 г. в квартиру Комитаса в Константинополе ворвались трое полицейских и по приказу Сулеймана эфенди стали обыскивать его дом. На полу среди прочих бумаг оказались также незавершённые партитуры опер на текст поэмы Туманяна “Ануш” и по мотивам армянского эпоса “Сасна Црер” (“Сасунские удельцы”) – результат двадцатилетнего кропотливого труда композитора. Они были разбросаны, “подобно разодранному в клочья перьям раненной сохой птицы”¹.

На протяжении недели для получения решения о помиловании Комитаса боролись посол США Генри Моргантау² вместе с супругой, послы Италии, Болгарии, Швейцарии, посол Австро-Венгрии с супругой. Они забрасывают письмами-прошениями соответствующие властные инстанции Турции. 30-летний престолонаследник Меджит-эфенди, который был большим любителем музыки и живописи, неоднократно слушал концерты Комитаса, от своего имени и от имени жены на коленях умоляет своего отца освободить Комитаса. “Комитас не армянин, а человек, принадлежащий всему человечеству, как Шекспир, Чайковский и другие таланты”³.

---

¹ Х. Бадикян, Комитас – каким он был, Ер., 2002, с. 127 (на арм. яз.).

² Генри Моргантау (26 апреля 1856 – 25 ноября 1946) – посол США в Турции в годы Первой мировой войны.

³ Х. Бадикян, Комитас – каким он был, Ер., 2002, с. 363 (на арм. яз.).

В конце концов эти усилия увенчались успехом, и почитателям Комитаса удаётся вызволить его из этого ада. Вернувшись домой, композитор попытался склеить разорванные листы, но это оказалось невозможно. Ему удалось спасти только отдельные рукописи. Частично были спасены и рукописи оперы “Ануш”. Черновики эти так и не были подготовлены для публичного исполнения. Не случайно Комитас на своих концертах никогда не исполнял ни одного отрывка из этого произведения.

Трагическая судьба Комитаса была для Туманяна не только выражением общенационального горя, – из-за огромной потери для армянского музыкального искусства, для всей армянской культуры, – но и большой личной болью, открытой и незаживающей раной.

Литературный критик Никол Агбалян в свое время, в 1914 г., констатировал: “Ованес Туманян, вардапет Комитас и Торос Торамян – вот три имени, которые символизируют степень развития нашей культуры. Один создаёт оригинальную литературу, другие исследуют армянскую музыку и архитектуру, прокладывая дорогу для будущих творческих деятелей”¹.

В последующие годы эта мысль была закреплена в истории армянской культуры как бесспорная, безоговорочная истина. Роль Туманяна и Комитаса сравнивалась с той ролью, которую сыграли в русской культуре Пушкин и Глинка. Подобно им, Туманян и Комитас были признаны патриархами новой армянской национальной художественной культуры. Они оба черпали своё вдохновение из многовековой народной культуры, оба создали искусство в национальном духе и стиле.

В мировосприятии Комитаса и Туманяна роль искусства, подходы к понятиям добра и зла также были сходны. Для них обоих было непреложной истиной, что именно народное творчество является “зеркалом души данного народа, его биографией”². И они оба знали, что только “у злых людей нет песни”³.

И Комитас, и Туманян были наделены, по определению Рачия Ачаряна, “морем исключительных достоинств”⁴. Они оба стали жертвами войны и Геноцида, хотя и не пали от янычарского ятагана или от оружия пещерного человека – камня, подобно некоторым другим представителям армянского искусства и литературы. Жизнь обоих деятелей стала легендой, мифом. А их “овеянное славой де-

---

¹ Л.Ахвердян, Туманян и его время, Ер., “Арег”, 1995, с. 42 (на арм. яз.).

² Х.Бадикян, Комитас – каким он был, Ер., 2002, с. 127 (на арм. яз.).

³ Там же, с. 128.

⁴ Современники о Комитасе, Ер., 1960, с. 75.

ло”, как отмечает Ав. Исаакян, стало “чудесным преданием”¹. Они оба являются гордостью нашего народа, а их творческое наследие – “неисчерпаемым национальным богатством”².

На души этих двух великих – Ов.Туманяна и Комитаса – наложило своё жестокое клеймо “безбрежного моря армянского горя”. Они оба были великими мучениками и великими армянами, один – Патриарх всеармянской песни, другой – Поэт всех армян. Они оба стали высочайшими вершинами армянской музыки и литературы, воплощением того своеобразного и неповторимого, которым одна нация отличается от другой. В то же время они были воплощением того общечеловеческого, что объединяет культуры всех народов. Они были “библейским посохом”, высекавшим из скалы национальную песню, были олицетворением общенациональной тоски и печали, были нашей “Песнью песней”. Комитас был убеждён, что каждая нация, каждый народ имеет своё неповторимое, уникальное горло. Паруйр Севак, называя Туманяна “нашим национальным горлом”, нашей народной музыкальной трахеей и голосом одновременно, отмечает: “Голос Туманяна – самый национальный, настолько национальный, насколько национален голос его духовного собрата и сверстника, великого Комитаса”³.

Как неисчерпаемым было оставленное этими двумя “духовными братьями” творческое наследие, так неисчерпаемыми были и их потери. Паруйр Севак пишет: “Вместо того, чтобы путешествовать “В Беспредельность”, Туманян был вынужден совершить путешествие не только в Ван и Эчмиадзин, навстречу аду тысяч сирот и беженцев, но и в страшную преисподнюю нашей многовековой истории, чтобы снова гореть в том адовом огне, которого не мог вынести даже иноземный очевидец, а не то чтобы Поэт всех армян.

И если Туманян также не сошёл с ума, подобно своему великому духовному собрату и сверстнику Комитасу, то, видимо, по той причине, что безжалостный бог уже получил с избытком свою жатву безумцев.

Но потеря так и осталась потерей. Если Комитас не написал свою оперу “Сасна Црер”, то Туманян не дописал свою поэму “Давид Сасунский”. Если Комитас не оставил нам свою “Ануш”, то Туманян – своего “Тысячеголосого соловья”... Один – свой “Патараг”, другой – свои “Неведомое” и “В Беспредельность”. От одного со-

---

¹ Ав. Исаакян, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., “Советакан грох”, 1977, с. 51. (на арм. яз.).

² Там же.

³ П. Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., “Айастан”, 1974, с. 355. (на арм. яз.).

хранились фрагменты, от другого – такие же фрагменты, под названием “Четверостишия”...

Полёт “В Беспредельность” завершился, ещё не начавшись”¹.

И действительно, из-за мировой войны и Геноцида Туманян не сумел довести до конца многие свои начатые произведения, однако больше всего пострадали “Давид Сасунский” и “Тысячеголосый соловей”. По свидетельству дочери поэта Ашхен, не менее обидными, досадными потерями являются незавершённая поэма “Конец зла” (“Бездомная кукушка”) и в особенности – “Автобиография”. Ашхен рассказывает: “Как-то я сказала: “Почему не пишешь свою автобиографию? Останется навсегда”. Ответил: “Подожди, напишу такую автобиографию, удивлю вас. Только форму пока не нашёл”².

Последний раз поэт работал над поэмой “Тысячеголосый соловей” летом 1914 г. в лечебнице³. Однако уже в годы войны он понял, что не сможет завершить ни свою автобиографию, которую намеревался написать уже давно, ни свою сказку-поэму “Азаран блбул” (“Тысячеголосый соловей”). 19 мая 1916 г. поэт с сожалением признался: “Моя жизнь тоже станет “Тысячеголосым соловьём”... не будет написана, не состоится... Собрал самые лучшие вещи, выбрал самые лучшие дороги и составил самые лучшие программы, и ничего не получилось... ничего... Все мои планы пошли насмарку, душа перевёрнута вверх дном, расстроена...”⁴.

Туманян хотел написать сказку “Тысячеголосый соловей” в виде драматической поэмы, а для этого были необходимы мирные условия. Затем он решил написать её прозой, “вперемешку с песнями”, лишь бы успеть закончить. Он был уверен, что именно сказка-поэма “Тысячеголосый соловей” станет его главным шедевром. Поэт часто повторял: “Какая там ещё “Ануш”, я напишу такую вещь, что наши художники, музыканты... смогут черпать столько материала, сколько захотят”⁵.

Этим своим произведением поэт хотел поведать миру о важности соблюдения чувства меры. Он хотел объяснить людям, что нельзя выпускать из рук «золотую уздечку» – чувство меры. Даже воодушевление, которое обычно “безумно и необузданно, нуждается в золотой уздечке”⁶. Крайне неблагоприятное время, которое без конца мешало поэту, при этом всегда держало его мысль в напряжении

---

¹ Там же, 377-378.

² Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., “Мугни”, 2011, с. 115.

³ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 115, 182.

⁴ Там же, с. 145.

⁵ Там же, с. 182.

⁶ Там же, с. 207.

– в стремлении написать сказку-поэму “Тысячеголосый соловей”. Поэт этой сказкой хотел сказать своему народу, что для того, чтобы войти в светлый дворец, необходимо преодолеть “горести, несчастья, всё ты должен вынести, должен бороться... Нужно уверенно и смело идти по этой дороге, не придавая значения горестям жизни”¹.

Поэту всегда становилось не по себе, когда он вспоминал о своём незавершённом произведении, потому что он был уверен, что, закончив его, он принёс бы своему народу пусть небольшое, но всё-таки какое-то облегчение. Он искренне считал исцеляющие возможности искусства, художественного слова неисчерпаемыми и безграничными: “Есть раны, против которых наука бессильна, а искусство – целебно”². Их этих его слов можно с уверенностью заключить, что поэт огорчился в первую очередь не потому, что не будет написано ещё одно произведение, под которым могло бы стоять его имя, а потому, что силой искусства он не сможет залечить хотя бы одну из неисчислимых ран в душе своих соотечественников.

За несколько месяцев до смерти, в ноябре 1922 г. поэт снова с горечью говорил о своей незавершённой поэме: “Сожалеею о моём «Тысячеголосом соловье». Мне нужно было четыре месяца, чтобы на четыре месяца оставили меня в покое, не мешали, и я бы написал своего «Тысячеголосого соловья»»³. За девять лет – с лета 1914 г. до конца своей жизни в марте 1923 г. – в жизни поэта не оказалось четырёх относительно спокойных месяцев для осуществления его заветной мечты, и уже на смертном одре он ещё острее чувствовал свою обделённость покоем и возможностью творить. За последние три месяца жизни он три раза – 13 января, 21 января, 6 февраля – с большой горечью, как о невозполнимой потере, несбывшейся мечте, говорил о своей сказке-поэме.

К работе над другим оставшимся незавершённым произведением – второй частью поэмы «Давид Сасунский»⁴, Туманян в последний раз обращается в апреле 1922 г., однако подтачивавшая его организм неизлечимая болезнь не давала больше поэту никакой возможности работать серьёзно и с полной отдачей. Если сказка-поэма «Тысячеголосый соловей» в своём окончательном виде представлялась одному только её автору, то второй части поэмы «Давид Сасунский» с нетерпением и большими надеждами ожидали очень многие, поскольку первая часть имела большой успех и среди

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, с. 273.

⁴ Анализ сохранившихся в архиве поэта нескольких фрагментов из второй части поэмы – о Давиде и Хандут – дан в монографии М. Джанполадян «Туманян и народный эпос». Ер., 1969, с. 70-74 (на арм. яз).

взрослых читателей, и среди юношества. А некоторым близким поэту людям и представителям литературных кругов посчастливилось услышать прочитанные им самим отдельные фрагменты из второй части¹. Завершения поэмы ожидали даже немцы, которые обратились к Туманяну с просьбой помочь им экранизировать его «Давид Сасунский» по образцу «Песни о Нибелунгах»².

Тем не менее, в годы войны и Геноцида Ов. Туманян сумел написать 37 лирических произведений – 11 стихотворений и 26 четверостиший, а также балладу «Шах и разносчик» и басню «Комар и муравей».

В апреле 1916 г. в Тифлисе увидел свет сборник Ов. Туманяна «С отчизной», который был опубликован издательским обществом «Мамул» («Печать»). Книга «С отчизной» была единственным прижизненным изданием произведений поэта, составленным по тематическому принципу. Это обстоятельство во многом было продиктовано требованиями времени.

Об издании нового сборника Туманяна сообщается в нескольких номерах газеты «Оризон»³. В небольшой книжке (56 страниц) было помещено 15 стихотворений поэта на патриотические мотивы, в том числе «С отчизной», «Наш обет», «Армянское горе», «Нашим предкам», «Сирота», «Голубиный скит», «Поминовение» и другие.

В сборнике произведения разных жанров (отрывок из неоконченной поэмы «Старая вражда», баллады «Сирота», «Голубиный скит», «Лампада Просветителя») были расположены без соблюдения хронологического принципа. Поэт при составлении книги руководствовался внутренней логикой произведений, создаваемым ими настроением. Сборник открывался стихотворением «С отчизной», которое являлось путеводителем, выражающим раздумья и эмоциональные переживания автора. Завершалась книга стихотворением «Последний день», преисполненным ожиданий в деле преодоления национальных страданий и бедствий. Поэт отобрал для сборника самые совершенные образцы своей патриотической лирики. Каждое включённое в книгу произведение является конкретным выражением осмысления судеб Армении и армянского народа. Языком лирической поэзии автор создаёт собирательный и символический эпический, трагический и героический образ своей родины.

Паруйр Севак пишет: «Туманян, находясь в Тифлисе, во время Геноцида был со своей отчизной, возможно, более, чем кто-либо из армян».

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 240.

² Там же, с. 232.

³ «Оризон», 1916, N77, 6 апреля, с. 1, 3; N78, 7 апреля, с. 4.

И не будет ни малейшего преувеличения, если скажем, что ни один армянский поэт не откликнулся на ужасы Геноцида так, как это сделал Туманян¹.

Конечно, мировая война и Геноцид помешали полнокровной творческой деятельности не только Туманяна, но и всех армянских писателей. В передовой статье газеты “Оризон”, озаглавленной “Востоочноармянская литература в 1915 г.”, автор констатирует почти полное отсутствие художественных произведений в виде изданных книг и отдельных сборников (исключение составляли только книга Е.Чаренца “Голубоглазая Родина” и антологический сборник “Олива” (“Дзитени”) и добавляет: “1915 год был таким годом, какие в мировой истории случаются очень редко; чем меньше будут повторяться такие годы, тем лучше будет для всех народов и особенно для армян... О какой литературе, тем более, прекрасной литературе может идти речь? У армянских поэтов не было ни настроения, ни времени, чтобы взять в руки перо для того, чтобы воспеть прекрасное. Взгляд каждого был устремлён в сторону родины, в сторону окровавленного народа, беспризорных сирот... Когда по ту сторону границы резали турецкоподданных армянских поэтов, когда на дорогах ссылки испускал свой дух Зограб, когда доносились известия о смерти Варужана, Сиаманто, то с каким сердцем должен петь русскоподданный поэт?”².

Книга “С отчизной” была единственным поэтическим сборником Туманяна, вышедшим в свет в годы войны. Но поэт предстал перед читающей общественностью и с другими отдельными книгами в различных жанрах. Он переиздал поэму “Ануш” (Тифлис, 1916, 48 стр.), издал литературоведческое исследование “Нагаш Овнатан и любовь Кучака Наапета и Саят-Новы” (Тифлис, 1916, 32 стр.). В том же 1916 г. отдельными книжками были опубликованы сказки-переложения “Аленький цветочек” и “Василиса Прекрасная” (Тифлис, 1916, 26 стр.), “Зарубежные сказки” в двух книгах (в первую вошли сказки “Бесценный камень”, “Кошелёк волшебника”, “Король-Гром”, Тифлис, 1916, 31 стр.; а во вторую были включены “Невидимое государство”, “Женщина, сошедшая со звёзд”, Тифлис, 1916, 23 стр.).

Из общего числа художественных произведений писателя 22 были опубликованы в периодических изданиях, в частности, в газетах, еженедельниках и журналах “Тараз”, “Аскер”, “Арев”, “Горц” (Баку), “Ашхатанк” (Ван), “Оризон”, “Гехарвест”, “Арег”, “Амбавабер”, “Миутюн”, “Ars” (Тифлис), “Ширак” (Александрополь),

¹ П. Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., “Айастан”, 1974, с. 371. (на арм. яз.).

² “Оризон”, 1916, N1, 1 января, с. 5.

“Туркестанское слово” (Андижан), “Армянский вестник” (Москва).

Поэту было также очень непросто продолжать с энергией былых мирных лет работу по составлению школьных учебников. В 1915-1916 гг. не издаётся учебник “Лусабер”, составителем которого был Туманян в соавторстве с Л. Шантом и Ст. Лисицианом. Это издание возобновляется с 1917 г., однако выходит в свет только “Лусабер” для второго года обучения, а все остальные книги, рассчитанные для первого, третьего, четвёртого и пятого классов, не переиздаются; не составляются и новые учебники.

Отметим при этом, что Туманян время от времени, с определёнными перерывами пытался заниматься составлением и изданием школьных пособий. Сказанное особенно относится к первым месяцам после начала войны. В сентябре 1914 г. поэт был серьёзно занят работой над подготовкой второго издания первой части фундаментальной, состоявшей из 688 страниц, хрестоматии “Армянские писатели”.

Да, старые учебники не переиздавались и новые не составлялись, но просветительская деятельность поэта продолжалась и нашла для себя новую нишу в виде восьми созданных им детских игр учебно-образовательного характера. Все эти игры были изданы на сбережения детей Ованеса Туманяна. В качестве издателя игр выступало Общество “Манук”, которое также было создано детьми поэта под его руководством.

В учебнике «Лусабер», в хрестоматии “Армянские писатели” и в составленном Г. Ванцяном сборнике “Армянские авторы” было опубликовано в общей сложности тридцать произведений Ов. Туманяна, из которых 27 – в 1914 г. и только три – в 1917 г.

В вышедшей в Москве Брюсовской антологии «Поэзия Армении» было помещено десять произведений Туманяна, в изданном под редакцией М. Горького петроградском «Сборнике армянской литературы» – семь, в том числе и прозаических. В московском журнале «Армянский Вестник» было помещено два произведения, а в Андижанском журнале «Туркестанское слово» – одно («Капля мёда»); в тифлисском журнале «Ars» были опубликованы шесть четверостиший и надпись, сделанная поэтом в книге, подаренной Нимфе Городецкой. Переводчиками девятнадцати опубликованных на русском языке произведений поэта были В. Брюсов, К. Бальмонт, П. Макинцян, Г. Иванов, Вл. Ходасевич, Ю. Веселовский, С. Городецкий, М. Део (Джанумян).

Сам Туманян в жанре лирической поэзии в эти годы перевёл всего три стихотворения: «Раздумья на берегу Куры» Н. Бараташвили (1915), “Если бы я был в пустыне” Р. Бёрнса (1917), «Из Гёте» («Горные вершины...») М. Лермонтова (дата перевода неизвестна).

В черновом виде сохранились переводы из китайских поэтов: «Красная роза» Ли-Тай-По (1916), «Отвергнутая» (1916), «Судьба человека» (дата перевода не известна). Примечательно, что в этот период возрастает интерес поэта к древней и средневековой китайской литературе и философии.

Значительно больше внимания Туманян уделял в эти годы переводам эпических произведений. Он не сумел завершить работу над своей эпической поэмой «Давид Сасунский», но при этом выполнял переводы из сербского и грузинского эпоса. Из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели он перевёл главу «Соревнование Ростевана и Автандила» (1917). Работу эту трудно считать переводом в строгом смысле слова. Скорее это было свободное переложение столь же свободного перевода Степана Бастамяна, выполненного, к тому же, на тифлисском наречии. Туманян фактически использовал переложение Бастамяна в качестве подстрочника, основательно, до неузнаваемости переработав его, внося в текст многочисленные смысловые изменения и уточнения, введя каноническую рифму и выполнив свой перевод на литературном армянском языке. Переложение Туманяна предназначалось для публикации в учебнике «Лусабер».

Культурный, литературный процесс в армянской действительности, несмотря на своё парализованное состояние, продолжался, причём не только в пределах Закавказья. При этом ни одно сколько-нибудь заметное литературное явление не могло обойти Туманяна, выпасть из поля его зрения.

Погос Макинцян перевёл рассказ «Гикор» и намеревался передать его для публикации журналу «Русское богатство», редактором которого был В. Короленко. Макинцян лично и через сына поэта Артавазда просил у автора разрешения на публикацию. Летом 1914 г. он пишет: «Дорогой Иван Фадееч! Артик сидит сейчас рядом со мной, и я только что прочитал ему «Гикор» на русском языке... Официальное разрешение считаю важным, до выхода в свет моего перевода, поэтому не теряю надежды, что подтвердите его в двух строках»¹.

Туманян в своём письме сыну Артавазду 11 августа 1914 г. пишет: «Передай большой привет Погосу, скажи, что напишу на днях письмо. Разрешение, конечно, даю. Пусть передаст большой привет Короленко. У меня очень хорошие воспоминания о нём. Очень милый человек»².

---

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1636 (384 доп.).

² С В. Г. Короленко Туманян познакомился в конце марта 1912 г. в Петербурге - через адвоката Н.Д. Соколова. В квартире русского писателя они долго беседо-

***

Как уже отмечалось, Ованес Туманян неоднократно анализировал свои способности предчувствия и предвидения. Ясновидение и предчувствие были составной и неотъемлемой частью его мировосприятия и важными средствами, способами проникновения в человеческую душу, познание мира. Есть множество свидетельств его сверхчувственной связи и коммуникации с самыми близкими ему людьми.

Туманян намеревался уделить в автобиографии особое место своей интуиции, телепатическим способностям и вещим снам. «Сон, предчувствие – это значительные вещи и важные. В своей автобиографии я должен уделить особое место своим снам, предчувствиям»¹.

По разным поводам и случаям Ованес Туманян признавался в этом своем особом природном даре. Согласно утверждениям поэта, он предвидел русскую революцию 1905 г. Летом 1904 г. в Шулавере поэт увидел во сне, что “небо над степью России разорвалось и стали проливаться кровь и гной; небо покраснело, почернело”². На следующий день он стал заверять всех и каждого, что скоро в России начнётся революция, причём был настолько уверен в своих предсказаниях, что даже заключал пари³. А по свидетельству Дереника Демирчяна, Туманян предсказал начало кровавых межнациональных столкновений в 1905 г. между армянами и кавказскими татарами, причём сделал это задолго до начала событий⁴.

В разное время и на очень большом расстоянии поэт почувствовал вначале смерть своего отца Тер-Тадевоса (1898 г.), а затем и убийство брата Ростом (1915 г.).

20 июня 1911 г. в девять часов пятнадцать минут утра, в тот самый момент, когда скоропостижно скончался Газарос Агаян, с которым за день до этого он мирно беседовал у себя дома, Туманян во сне чётко увидел образ своего близкого друга, старшего собрата по перу и родного человека для всего семейства Туманянов. Поэт увидел Агаяна умершим, причём видение это полностью совпадало с реальным фактом смерти писателя(6, 360).

вали о творчестве Пушкина. Затем столь же долго ходили по Невскому проспекту, «то и дело провожали друг друга и никак не могли расстаться». См. «Туманян в воспоминаниях современников», с. 647.

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 216.

² Там же, с. 188. Нвард ошибочно указывает 1905 год. На самом деле Туманян был в Шулавере годом раньше.

³ Там же.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 31.

В начале 1912 г., когда Туманян находился в Петербурге в качестве политического заключённого и ему реально грозили пожизненная ссылка или смертная казнь, он предчувствовал не только то, что царский суд его полностью оправдает, но и то, что сам государственный обвинитель, чьим предназначением является обвинение, примет его сторону и станет его защищать (10, 540).

Находясь в петербургских тюремных застенках, Туманян как-то увидел во сне, что его отец стоит на перекрёстке светлого и тёмного миров. Он препроводил стоявшего на тёмной дороге сына к светлой дороге. По словам Нвард Туманян, «после того как отец увидел этот сон, он успокоился в тюрьме и был уверен, что его оправдают»¹.

Позднее, в феврале 1921 г., когда Туманяну необходимо было пересечь границу между большевиками и дашнаками, из-за гражданской войны оказавшимися по разные стороны баррикад, поэт оказался под двойным обстрелом, однако невозмутимо продолжал идти вперёд, будучи уверенным, что раз уж он не предчувствовал своей гибели, значит, ни одна шальная пуля в него не попадёт. И действительно, ни одна из сотен пуль, летевших в сторону поэта, не попала и не задела его (10, 379).

9 марта 1922 г., уже находясь в крайне тяжёлом состоянии, во время операции в больнице Шахпароняна поэт предугадал, что в его организме есть опухоль – что-то, что необходимо “вырезать”, однако врачи не удалят её из-за того, что не придут к согласию, к единому мнению на этот счёт². Заметим в этой связи, что в марте 1922 г., когда поэту ещё не был поставлен правильный диагноз и, по мнению врачей, его могли вылечить в Европе, Туманян увидел во сне свою смерть и похороны³.

Как и многие другие творческие личности, Ов. Туманян сочинял свои произведения также во сне. Известно, что одним из самых ярких проявлений творческого процесса является “наитие”, интуитивное “сверкание мысли”. Поэт часто создавал свои произведения под воздействием образов своих сновидений. Об этом сохранились многочисленные свидетельства современников. Так, Тигран Пирумян пишет: “У него есть привычка вставать посреди ночи с постели и записывать внезапно пришедшие на ум строки. Он также часто говорит во сне стихами и, проснувшись, записывает”⁴.

Для Туманяна “самой важной вещью является интуиция, ясно-

---

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 190.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 255.

³ Там же, с. 190.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 345.

видение, откровение. Она стремительна, словно молния – мгновенно освещает, у неё сила вулкана – яростно извергается”¹.

Ещё до начала мировой войны, летом 1914 г., поэт уже предчувствовал надвигающееся страшное всепоглощающее бедствие, грядущие ужасные события и ожидающую армянский народ великую трагедию. Об этом рассказывает Нвард Туманян: “В Цагвере настроение у него было плохое. В душе были какие-то печальные переживания”². Об этом же своём нехорошем предчувствии, но уже значительно позднее, задним числом, говорит и сам поэт. В статье “Возможное и желаемое” читаем: “И я думаю теперь, что по прошествии нескольких лет мои соотечественники должны быть рады, что их поэт ещё задолго до войны очень верно воспринял и ясно сказал всё то, что произошло впоследствии... Мною руководило предвидение поэта... многие, возможно, удивятся, если скажу, что в месяцы, предшествовавшие войне, я настолько чётко чувствовал войну, что даже написал специальное стихотворение, даже хотел напечатать его в журнале «Осанк»(7, 466). Туманян счёл не совсем «удобным» публикацию стихотворения, поскольку оно всё ещё оставалось необработанным.

Поэт догадывался с помощью интуиции, видел глазами души и передавал бумаге увиденные во сне ожидаемые, надвигающиеся ужасы, то, что ещё не произошло, но не сегодня-завтра непременно произойдёт. Так создавалось, в частности, стихотворение «Стреляют ружья в сердце у меня». Возможно, оно было написано под непосредственным впечатлением сновидения, увиденного поэтом в ночь с 25 на 26 января 1914 г. В письме жены поэта Ольги Туманян, написанном 26 января 1914 г. и адресованном сыну Артавазду, читаем: «Вчера ночью отцу приснился плохой сон, у него было плохое настроение»³.

Почти во всех строках упоминаемого стихотворения описываются те ужасы, которые вскоре предстояло пережить армянскому народу. В своём воображении поэт настолько ярко и чётко видел картины резни и погромов, что проклинал сильных мира сего и тех, чьими руками совершено это величайшее злодеяние.

В первых числах ноября 1914 г., как уже отмечалось, Туманян в Баку написал и опубликовал стихотворение «Последняя тревога». Не прошло и двух недель после того, как он напечатал публицистическую статью под тем же названием, а теперь он использовал его для своего программного стихотворения. Это лишний раз подчёрки-

---

¹ Н.Туманян, с. 216.

² Там же, с. 114.

³ Переписка семьи Туманяна, с. 58.

вает врождённый оптимизм поэта, беспредельно верившего в жизнестойкость и жизнеспособность своего народа; его желание и заветную мечту, чтобы наконец-то прекратились лишения и испытания, сыпавшиеся, подобно граду, на головы его соотечественников, и чтобы эти испытания оказались самыми последними. Эта надежда, эта вера не покидали поэта не только все долгие годы войны, когда он написал стихотворение “Последний день” (1915), статью “Последний отлив” (1918), но и после войны, когда он, разгневанный и возмущённый коварным наступлением кемалистской Турции на Армению, написал статью “Последние злодеяния” (1920).

Вовсе не случайно, что, увидев истерзанную Западную Армению и своих соотечественников-изгнанников, поэт написал в последние дни января 1915 г. свой стихотворный шедевр «С отчизной» и перевёл отрывок из сербского эпоса под названием: «Как отдалил турецкий султан московского царя», пометив: «Сербский народный эпос (с русского)». Туманян обратился к образу былинного сербского героя, будучи уверенным, что «сила и дух каждого народа находит воплощение в его народном эпосе» (7, 146).

В каждом эпическом произведении разных народов Туманян подчёркивал героическое содержание материала, придавал большое значение борьбе, страданиям и героическим страницам истории этих народов, рассматривал судьбу отдельной личности как важную частицу общей народной судьбы.

Ещё в своей статье “Национальные войны и их богатыри”, являвшейся первым откликом на начавшуюся мировую войну, поэт пытался представить подходы воюющих стран как рукопашную схватку героев их эпосов, а ожидаемые развития событий он рассматривал как поведение былинных богатырей. Поэт подчёркивал, что германец Зигфрид “поднялся, чтобы... в одиночестве завладеть неисчислимыми сокровищами мира...” (7, 146). Он последовательно, одного за другим, упоминал немецких, французских, английских, русских национальных эпических героев, и открывал этот перечень именем Марко, “сербского мятежного храбреца – королевича” (7, 146). Туманян пишет: “И поскольку сила и дух каждого народа находят воплощение в его народном эпосе, то мы со всей смелостью можем утверждать, что это богатыри народов – сербский Марко, германский Зигфрид, французский Роланд, английский Беовульф и русский Илья – встали перед нами из мира легенд, и мы – свидетели борьбы этих богатырей”(7, 146).

Перечислив подвиги этих эпических богатырей, поэт показывает, что все их поступки созвучны ходу событий текущих дней и национальным особенностям этих народов. Зигфрид хочет в одиночестве господствовать над миром, Беовульф, завладев сокровищами

дракона, стремится передать их только своему народу, а Илья Муромец идёт освобождать мирный и ни в чём не повинный народ от нашествия врагов.

Из всех перечисляемых подвигов богатырей поэт отдаёт явное предпочтение только одному, самому характерному, и несколькими предложениями даёт меткие и ёмкие определения этим образам. “Можно не сомневаться, что будут рассеяны и развеяны алчные устремления германского Зигфрида, – пишет поэт. – ...Можно не сомневаться, что под ударами этих исполинов будут расчленены и Турция Европы – Австро-Венгрия, и Турция Азии, у которых даже в ряду этих богатырей нет своего представителя... наконец должен решиться вопрос Турецкой Армении, или, если хотите, уже решён. Ведь среди “побратимов” богатыря Ильи Муромца – и наш Давид Сасунский” (7, 147).

С точки зрения гуманистического мировосприятия и мироощущения поэта довольно показательна концовка статьи, которая ещё раз утверждает его миротворческую концепцию, его идеал, на этот раз выраженный в публицистической форме и представленный в виде «мирного и солидарного человечества». Поэт снова и снова выдвигает одну из своих основных философских и эстетических задач, свою самую заветную мечту – превратить человека-полузверя в цивилизованного человека или, по крайней мере, просто в человека.

Идея эта, кстати, является основной идеей, краеугольным камнем и в сказке-поэме «Тысячеголосый соловей». Туманян пишет: «Но есть нечто более великое. Народы обычно заканчивают эпос священным словом о мире. И действительно, после этой войны с невиданным размахом и во всём объёме встанет вопрос мира во всём мире, и вместе с ним встанет ещё один большой вопрос – вопрос о цивилизованном человеке, или, ещё точнее, вопрос о человеке, – вопрос, который вынуждает сегодня поднять просвещённый германец своими зверствами, превращая этот вопрос в тему для серьёзных размышлений для всех народов мира и для всех мыслителей» (7, 147).

Желание перевести отрывок из сербского эпоса («Как отдалил турецкий султан московского царя») возникло у Туманяна из идеи утверждения исторической роли России в Первой мировой войне, согласно которой Россия имеет важную миссию по освобождению христианских народов от турецкой тирании. Не случайно, что такое же содержание имеют почти все статьи Туманяна этого периода, относящиеся к Армянскому вопросу, в том числе его статья “Несколько слов о сербском народном эпосе”, опубликованная 10 июля 1916г. В ней автор пишет: “В сербском эпосе ярко живут воспоминания дотурецкого периода и эпохи турецкого господства, истори-

ческие события и герои... Величайший герой сербского эпоса – сын Вукашина королевич Марко, который является воплощением заветных национальных чувств и добродетелей сербского народа, его Давидом Сасунским... И поскольку в это время Россия также раз и навсегда выступила против турок и наносила тяжкие удары врагу, – Россия тоже вошла в национальный эпос сербского народа” (7, 271).

Эта статья, написанная через полтора года после перевода из сербского эпоса, даёт чёткое объяснение, почему именно Туманян сразу же после своего возвращения из первой поездки в Западную Армению принял решение незамедлительно взяться за этот перевод.

В сербском народном эпосе нашли отражение взаимоотношения русских царей и турецких султанов в 16-м и последующих столетиях – в связи со священными реликвиями христианства. Эпическая песня «Как отдалил турецкий султан московского царя» была опубликована 25 января 1915 г. на страницах газеты “Оризон”¹. Современники Туманяна очень высоко оценили этот перевод. Месяцы спустя после публикации Туманян всё ещё слышал восторженные отзывы и похвалы. 22 августа 1916 г. Тигран Ованнисян пишет поэту: «Хочу выразить своё восхищение великолепным переводом сербской поэмы. Письменно выражаю своё восхищение»².

Перевод этого отрывка сербского эпоса при жизни автора больше нигде не публиковался. Это также означает, что его основу составляли скорее политические мотивы и цели, нежели художественные, а для того, чтобы сделать текст перевода более целостным и совершенным в поэтическом отношении, у поэта просто не оказалось ни времени, ни возможности.

Конечно, политические мотивы и задачи в то время являлись очень сильным побудительным импульсом, но они не могли заслонить собой художественные и эстетические наклонности и пристрастия Туманяна, которые также лежали в основе его интереса к сербскому эпосу³. По какому-то поводу в 1920 г. Туманян сказал: “Эпос – очень важное дело, особенно наш эпос, богатый, роскошный и, пожалуй, более значительный, чем эпосы других народов. В мировой литературе наш эпос занимает своё место. У нас есть представитель нашего духа, выражение нашего духа – это Давид Сасунский. Среди других народных эпосов богатым и удачным является серб-

---

¹ “Оризон”, N19, 25 января, с. 2.

² МЛИ, ф. Ов.Туманяна, N1524 (790).

³ О взглядах Ов. Туманяна на сербский эпос, отражённых в его статьях, о его переводах из сербского эпоса см. в монографии **М. Джанполадян** «Туманян и народный эпос». Ереван, 1969, с. 82-84, 91-97, 104-108, 127-130 (на арм. яз.). Её статья «Туманян и сербский эпос» была опубликована в Белграде, в журнале «Књижевност» (1998, N9-10, с.1836-1844).

ский эпос”¹. Эти слова Туманяна подтверждают, что, кроме политических обстоятельств, его перевод был обусловлен как большой любовью к народному творчеству вообще, так и несомненными художественными достоинствами сербского эпоса, пробудившими в поэте определённый творческий интерес. Данная оценка поэта означает также, что его высокое мнение о сербском эпосе не изменилось и впоследствии, когда он уже перевёл отрывок из него и знал о нём намного больше, чем когда приступал к переводу. Именно по этой причине он всегда выделял, обособлял сербский эпос среди эпических произведений других народов.

Считаем необходимым отметить также, что Туманян в общей сложности перевёл из сербского эпоса четыре песни. Для трёх из них первоисточниками служили переводы Гальковского, и только для песни «Как отдал турецкий султан московского царя» Туманян использовал в качестве оригинала-первоисточника перевод известного русского поэта Аполлона Майкова, который был помещён в составленном Н. Гербелем сборнике «Поэзия славян».

Выступающий в этой сербской эпической песне «праведный старец», павший мученической смертью патриарх напоминает Отца Огана из «Голубинового скита». Он советует турецкому султану послать в дар русскому царю христианские реликвии – золотую корону императора Константина, ризу Златоуста, скипетр Неманича Саввы, боевое знамя с крестом национального героя Сербии царя Лазаря. «Эти вещи совсем тебе не нужны, – уговаривает старец султана, – а для него они очень желанны» (4, 181).

Туманян остановил свой выбор именно на этом отрывке, потому что, несмотря на мученическую смерть праведного старца, тиран лишается всего того, на чём держалась его деспотическая власть, причём он лишается своей власти, послав дары русскому царю. То есть в выбранном отрывке носителем главной идеи были не сербские герои, которые боролись за освобождение своей родины, а Россия со своей исторической миссией в деле освобождения всех угнетаемых христианских народов. Скорее всего, эти надежды вселили в поэта победы, одержанные в конце 1914 г. и начале 1915 гг. русскими войсками в районе Сарикамыш. Обращение к эпическим образам разных народов в годы войны как в переводах, так и в публицистических произведениях поэта было вовсе не случайным. Это исходило из его убеждения, что «народы ни в чём не выражают себя так ясно и ярко, как в своём национальном эпосе» (4, 392).

---

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 224.

***

Приблизительно в то же самое время, в конце января 1915 г., Туманян написал стихотворение «С отчизной». Впервые стихотворение было опубликовано в иллюстрированном приложении газеты «Оризон»

8 февраля 1915 г. (в N12), причём за неделю до публикации в газете было опубликовано сообщение, что в ближайшее воскресенье увидит свет новое произведение Туманяна под названием «С отчизной». А несколько месяцев спустя, в августе 1915 г., стихотворение было напечатано в первом номере журнала «Нор осанк» («Новое течение»).

Поэт мог позволить себе искренне делиться своими волнениями, тревогами, заботами, отчаянием, страхами и предчувствием новых бедствий только в письмах, но он не мог говорить обо всём этом вслух, во всеуслышание, не мог рассказывать об этом своему многострадальному народу.

Рождение стихотворения «С отчизной» в январе 1915 г. было обусловлено оптимистическими настроениями поэта и верой в то, что армянский народ переживает свою «последнюю тревогу», что он в состоянии вести победную войну со своим вековым врагом. С одной стороны, жуткое время, ужасные дни и страшные, удручающие впечатления, полученные от поездки на передовую линию военных действий; с другой стороны, светлые, жизнеутверждающие строки, которыми завершается стихотворение «С отчизной»... Это был удивительный синтез, симбиоз двух крайних, противоречивых переживаний и ощущений. Поэт чувствовал, что именно ему предначертано в эти страшные дни поддерживать надежду в сердцах своих соотечественников, поднимать как можно выше знамя национально-освободительной борьбы, внушать веру в конечное торжество справедливости и светлое будущее народа. Эти настроения Туманяна сохранялись довольно продолжительное время. В марте 1915 г., сетуя на свои переполненные постоянными заботами и хлопотами будни, поэт пишет: «Собрания, собрания, собрания... тоска смертная. Но, конечно, у всех этих ужасов будет счастливый конец. Даже если не будет ничего иного, то хотя бы освободимся от курдов и турок» (10, 223).

Первые две строфы стихотворения в прямом смысле слова связаны с путешествием Туманяна в Западную Армению и его фронтовыми впечатлениями. Именно там он увидел разрушенную страну и отчаявшихся, беспомощных людей. Он был в стране скорби, “в долине слёз”, слышал горький плач и печальные песни, видел горестные лица, армян, страдающих от старых и новых ран... Сердце по-

эта трепетало и обливалось кровью, когда он слышал стоны и стелания, видел разрушенные вражеской рукой города и селения, затоптанные поля, толпы обессиленных изгнанников – следы кровавых пиршеств человека-зверя... Выражением всех этих впечатлений и стали первые две строфы стихотворения.

Пускай в неведомое, вдаль, свой взор вперяю я,
Пусть в беспредельности давно витает мысль моя, —
Но каждый раз, когда к тебе вернусь, влеком тоской,
Мне сердце ранит и томит стон безутешный твой,
Твоих запуганных детей бездомная орда,
Селенья скорбные твои, пустые города, —
О мой родимый край,
Судьбой гонимый край!

Толпятся полчища врагов пред мыслию моей,
Идут топтать твоё лицо, цветы твоих полей;
Взвывая хищники бегут к тебе со всех сторон,
Неся с собой кровавый пир, пожар, погром, полон.
Ты обращён в долину слёз, и каждый твой напев —
Как горький плач, и грустен взор твоих печальных дев, —
О ты, рыданий край,
О ты, страданий край!

(Пер. В. Ходасевича)

Однако поэт в этих строфах описывает не только то, что увидел совсем недавно собственными глазами. Поэт смотрел в корень, говорил обобщениями, старался охватить всю многовековую историю своего народа, в которой было много скорби и много трагических страниц. В этом отношении его стихотворение во многом созвучно “Ранам Армении” Хачатура Абовяна, потому что в приведённых первых двух строфах в обобщённом виде представлен весь пройденный путь армянского народа. И если Мовсесу Хоренаци в V веке довелось увидеть утрату государственности своей страны, и эти чувства он выразил в заключительной главе своей «Истории Армении» – «Плаче», то Туманяну довелось увидеть и пережить утрату своей исторической родины.

Но Туманян не мог ограничиться одними лишь скорбными картинками и образами, как бы это ни соответствовало действительности. Как заметил видный туманяновед Эдвард Джрбашян, “Тума-

нян не был бы Туманяном”¹, если бы не увидел на небосводе своей родины хотя бы слабый отсвет надежды. Да, его страна и его народ очутились на краю бездны, да, не скорбеть о плачевной и безотрад-ной судьбе своих соотечественников, не сопереживать им было по-просту невозможно, но ведь он был самым народным, самым наци-ональным поэтом своего народа и своей страны, был Поэтом всех армян, а следовательно, был обязан обнадёживать людей, даже в том случае, если была разрушена его личная вера в очеловечивание человека-зверя, даже в том случае, если он предчувствовал и пред-видел трагическое развитие событий. Он не имел права не преодо-леть своей личной боли и общенационального горя; не сказать жиз-неутверждающих, дышащих оптимизмом слов; не имел права не вселить надежду в сердца людей. И в последующих шестистрочных строфах в виде рефрена прозвучали слова надежды и веры, слова о новой и могущественной отчизне. В тот исключительно трудный момент одухотворённые высокой патетикой, жизнеутверждающие, обнадёживающие слова поэта стали лечебным бальзамом для всего армянского народа, помогли переживавшим сильнейший духовный и психологический кризис людям преодолеть своё уныние и отчая-ние.

Какой огромной душевной силой, какой волей и жизнестойко-стью нужно было обладать, чтобы в самый разгар мировой войны, в условиях полной неопределённости в дальнейшей судьбе народа, перед лицом неизбежных новых бедствий и опасностей создать об-раз возрождённой родины, родной страны, восставшей, подобно птице-фениксу из пепла.

Но ты стоишь ещё живой, в крови от ран своих
На тайном рубеже времён — грядущих и былых.
Глубоким голосом скорбей ты с Богом говоришь, —
И в сердце горестном глагол до времени таишь, —
Глагол, что суждено тебе поведать пред землёй,
Как суждено тебе для нас заветной стать страной, —
О зорь встающих край,
Надежд грядущих край!

Слова эти произносит поэт, который воочию встретился с ата-вистически ненавидящим его народ человеком-зверем, который смертельно устал и пришёл в полное отчаяние от политических игр великих держав... Тем не менее, он не только заставляет умолкнуть душащий его праведный гнев и возмущение, но и возвещает о вре-

---

¹ Эд. Джрбашян, Четыре вершины, Ер., 1982, “Советакан грох”, с. 42 (на арм. яз.).

мени, когда поэтам не нужно будет осквернять свои уста проклятьями:

В одеждах пламенных придёт заря грядущих дней,
И будут сонмы светлых душ — как блеск её лучей.
И жизни радостной лучи улыбкой озарят
Верхи до неба вставших гор, священный Арарат;
И вот поэт, что уст своих проклятьем не сквернил,
В воскресшей песне воспоёт расцвет воскресших сил, —
Наш воскрешённый край,
Несокрушённый край!

(Пер. В. Ходасевича)

Ни один другой армянский поэт в преисполненном невообразимых ужасов 1915 году не озвучивал подобных жизнеутверждающих строк. Академик Эд. Джрбашян характеризует две последние строки стихотворения как “своеобразный итог патриотической лирики Туманяна, всей его поэзии... светлый и лучезарный завет великого национального поэта”¹. Другой известный туманяновед – Левон Ахвердян так написал об этой строфе: «Последняя строфа стихотворения «С отчизной» своим звонким оптимизмом, искрящейся верой, бестрепетным мужеством, пророческой пронизательностью уникальна – ничего подобного до этого не писали не только другие поэты, но и сам Туманян. Эти строки мог написать только Туманян, человек, переживший эту жизнь, наделённый этим обликом, – лучезарный человек, обладающий энергией, мыслью; и он написал»².

Паруйр Севак характеризует стихотворение «С отчизной» как «символ веры чудом избежавшей гибели части народа, её неумирающей надежды...»³.

Через два дня после публикации стихотворения “С отчизной”, 10 февраля 1915 г., поэтесса Арменуи Тигранян прочитала его на литературно-музыкальном вечере, посвящённом Армянскому вопросу. Стихотворение это, которое и сегодня не потеряло своего значения, своей актуальности и магнетической, завораживающей силы, в те годы оказывало огромное воздействие на людей, обещая им “зарю грядущих дней”.

---

¹ Эд. Джрбашян, Четыре вершины, Ер., 1982, “Советакан грох”, с. 42 (на арм. яз.). См. также: История новой армянской литературы в 5-и тт., т. 5, Ер., 1979, с. 314 (на арм. яз.).

² Л. Ахвердян, Мир Туманяна, Ер, 1966, изд. “Айастан”, с. 470.

³ П. Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер, 1974, “Айастан”, с. 371-372.

По убеждению поэта, каждый армянин обязан верить в зарю будущего, которая непременно взойдёт на склоне священной горы Арарат, на её упирающихся в небо вершинах. И вовсе не случайно, что только Туманян, сгорая в огне народных судеб, сумел настолько отстраниться от гнева и проклятий, спрятать, сокрыть в своей душе общенациональную горечь и боль. Сделать это мог только летописец и биограф своего народа, полномочный и полноправный представитель неповторимых качеств и черт его характера в этом мире. И какое точное, ёмкое название нашёл поэт для своего программно-го произведения – “С отчизной”! Тем самым он возвестил своим современникам и будущим поколениям армян, что нельзя быть с отчизной, не веря в её будущее, нельзя быть с отчизной, только скорбя о её потерях и произнося слова проклятий в адрес её врагов, какими бы коварными, жестокими и подлыми они ни были. Да, очень трудно удержаться, чтобы не повторить: необходимо было обладать действительно большой, недюжинной силой духа, чтобы растворить чувство потерь, боли и страданий, чувство безысходности и отчаяния в жизнеутверждающем оптимизме, чтобы извлекать свет из моря страданий и горя.

Поэт был наделён несгибаемой и непреклонной волей, и ничто не могло сломить его волю, поколебать его жизненные принципы и устои. Это был человек беспокойной души, которая так и не обрела покоя в земной жизни.

Стихотворение “С отчизной” стало своеобразным манифестом, который констатировал и закрепил вечное и незыблемое единство Поэта всех армян и армянского народа.

Туманян умел заражать и заряжать своим оптимизмом молодых, начинающих писателей. Поэт делал всё, что в его силах, чтобы уберечь творческую молодёжь от отчаяния и пессимистических, упадочнических настроений. Молодая поэтесса Варсеник Агасян вспоминает: “Во время войны 1914 г. и в период гражданских войн Туманян всегда был с нами...”

В тех трудных условиях именно он и обнадёживал нас...

Отчаяние, покинутость, тоска – всё это перемешалось, словно какая-то чёрная масса легла на наши сердца, и мы, подобно захваченному бурей кораблю, покачивались в буре тех дней. «Отчаяние – нехорошая вещь, – говорил он, – любую трудность необходимо преодолевать... мысль поэта не должна останавливаться. За этими тяжёлыми днями последуют счастливые дни, наступят когда-нибудь, проживём и увидим...». И именно благодаря его заботливому отношению я со всем воодушевлением продолжала писать”¹.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 657.

***

По возвращении из своего первого путешествия в Западную Армению Туманян пытается выразить свои впечатления в жанрах художественной прозы или литературного очерка. В итоге у него получилось нечто среднее между литературным произведением и публицистической статьёй. Черновой вариант написанного материала так никогда и не был обработан и при жизни писателя не был опубликован¹.

В этом повествовании, озаглавленном “Из военных впечатлений”, поэт обращается к образу человека как мыслящего существа, к проблеме уничтожения его индивидуальности. Проблема “потерянного поколения” волновала также таких видных писателей, как Анри Барбюс (роман “Огонь”, 1916), Эрнест Хемингуэй (роман “Прощай, оружие”, 1929), Эрих Мария Ремарк (роман “На западном фронте без перемен”, 1929), Ричард Олдингтон (роман “Смерть героя”).

Поэт здесь рассказывает о двух солдатах, которые были насильно призваны в армию и отправлены на передовую. Они стали жертвами войны и представляли собой разные проявления одного и того же явления. Автор описывает суматоху и хаос фронтовой жизни, грохот орудий и адский огонь, панически убегающего человека от озверевших преследователей, юношу-солдата, который, хоть и является участником войны, но при этом ничего не понимает в происходящих вокруг него ужасах. Он выполняет приказы начальства и тем самым становится орудием зла, и так и не поняв сути происходящего, погибает, подсознательно придя к выводу, что его жизнь на поле боя не стоит ломаного гроша. Целью писателя было донести всю абсурдность ситуации до сознания людей, озвучить её, рассказать об этом всем и каждому. “Слышат, слышат все, кто не оглох от грохота пушек (и лязга войны). Видят все (те, чьи ясные глаза смотрят сверху), кто не ослеп от пыли, поднявшейся с родных полей” (7, 442). Туманян пишет, что немцы обстреливают и бомбят Антверпен, и оттуда “народ среди адского огня в смертельной панике снуёт взад-вперёд, убегая с одной улицы на другую, с площади на площадь, расшибаясь о стены...” (7, 443). В этой жуткой сумятице и панике среди убегающих находится и их королева, которая, “подобно древней Гекубе”, бежит и спрашивает, кто это беспрерывно сеет этот адский огонь? Ответ оказывается кратким и чётким: “Ваш брат, князь Баварии Рупрехт”. Этим автор хотел сказать, что в челове-

---

¹ Впервые этот материал опубликовала дочь поэта Нвард Туманян. См. журнал “Советакан граканутюн”, 1941, N12, с. 25-26.

ской семье каждый народ имеет право на жизнь, что все народы должны быть связаны друг с другом узами родства, все они братья и сёстры. Под падающими, подобно граду, пушечными ядрами никто не слышит королеву. “Не было времени для разговоров, даже глазом моргнуть было некогда”(7, 443).

Взрывы ядер заглушают людей, распространяют вокруг смерть и разруху, усиливают панику, и в этой суматохе судьба королевы оказывается неизвестной. Это фантазмагория, в которой всё условно; Туманян мог бы даже не называть зачинщиков войны, как он это обычно делал, чтобы подчеркнуть обобщённость явления, однако в этот момент его гнев против Германии был очень велик, и поэтому он называет сеятеля зла Германией, а неопределённая судьба королевы ещё более подчёркивает бесчеловечную сущность войны, когда родные люди выходят друг против друга, и никто никого не щадит. Подчёркивая трагичность образа, автор, кроме всего прочего, надеялся пробудить впоследствии совесть преступников.

Во второй части этого черновой статьи Туманян повествует о солдате, сидящем в окопе, который из-за постоянного треска ружей боится поднять голову. “...Иногда только он высовывал немного голову, чтобы увидеть, что творится перед ним и вокруг него... Выстрелил в сторону позиций врага. Выстрелил просто так, ни в кого не целясь”(7, 444).

Солдат, у которого нет имени, поскольку он является отвлечённым символом, не имеет времени и права думать, однако смерть всегда у него перед глазами, и по этой причине вся его жизнь мелькает перед ним: “минувшие дни, пережитые события, дорогие лица”(7, 444). Война является злом ещё и по той причине, что она не имеет ничего общего с нравственным обликом человека и может превратить в преступника и убийцу каждого невинного человека. “И такой незлобивой была его душа, такой храброй и беспечной, что он был готов обнять даже стреляющего в него врага... Он удивлялся, как это стреляют из ружей, или как он сам стреляет?..

И он никогда до этого также не представлял, что будет убивать других. У него были другие мечты – яркие, добрые, честные, и он не сумел осуществить даже самую малую их часть или хотя бы рассказать, чтобы мир узнал, о каких хороших вещах он мечтает” (7, 444). И солдат с его прекрасными мечтами оказывается убитым какой-то шальной пулей противника. Его бездыханное тело хоронят вместе с другими убитыми в общей могиле. И в тот же день командир докладывает об этом боевом дне: “Всё без перемен в восточных позициях”¹.

---

¹ Там же, с. 445.

В заключительной части этой вновь какой-то безымянный солдат постоянно, вплоть до ранения и смерти в госпитале, оставаясь в сознании до последнего дыхания, то ли наяву, то ли в бреду повторяет: “Что ему от меня нужно?” Течение войны уносило его, словно в каком-то кошмарном сне, от которого он не мог пробудиться. Такого страшного, странного и ужасного сна ему никогда прежде не доводилось видеть.

Туманян был одним из тех писателей-гуманистов мировой литературы, кто поднимал свой голос протеста против войны, кто показывал в своих произведениях порождаемую войной трагедию.

Черновые наброски, озаглавленные “Из военных впечатлений”, представляют собой эскизы трёх незавершённых произведений, которые после доработки могли бы стать циклом рассказов на военную тематику. Каждый из этих рассказов стал бы новым туманяновским толкованием разных граней и сторон войны. В этом цикле должны были также найти отражение политические взгляды поэта, его отношение к мировой войне, озабоченность чрезвычайно неопределённой судьбой армянского народа.

Туманян в то время пока ещё не видел путей, ведущих к подлинной, реальной государственной независимости Армении. Он мыслил реальными категориями, брал в расчёт все обстоятельства и факторы, и интуиция подсказывала ему, что переоценка своих возможностей и политическая близорукость некоторых общественных и партийных деятелей может привести к настоящей катастрофе и необратимым последствиям. Для него жизнь человека, и, тем более, его соотечественника, была дороже, чем амбиции и геополитические устремления любой мировой державы, любой партийной доктрины и любых государственных интересов.

***

Туманяну удалось найти единственную возможность для преодоления своего отчаяния, надломленного душевного состояния, для противостояния всенародному горю и страданию. Он создаёт одну из лучших страниц армянской поэзии – стихотворение “Поминание”, которое по праву считается непревзойдённым, самым проникновенным произведением о Геноциде. Объяснение этому следует искать не только в исключительном даровании поэта, но и в том, что он был очевидцем всех ужасов и нечеловеческих страданий, которые принесли армянскому народу мировая война и Геноцид. После возвращения из Эчмиадзина, из этого крошечного ада, переполненного беженцами и сиротами, он уже просто не находил в себе сил для того, чтобы говорить своим несчастным сооте-

чественникам слова утешения; он мог только страдать вместе со своим народом, возможно, больше, чем другие, потому что он был и считал себя поэтом своего народа, его патриархом. И по этому праву национального поэта он произносит слова поминовения и обращается с ними ко всему армянскому народу.

Я встал над вами для того, чтоб тихо молвить слово
Вам, мученики моего народа дорогого.

Вас тьмы осталось на полях от моря и до моря,
И в смертный час в глазах у вас окаменело горе.

Я взял огонь моих речей со дна души скорбящей,
От пепла жаркого моей земли кровотокающей.

Масис, Немрут и Тангурек – вершины снеговые
Зажёг я – скорбный человек – как свечи восковые!
(Пер. Н. Гребнева)

Поэту, стоящему перед всем своим народом и “строго, как Масис седой” читающему слова поминовения оставшимся незахороненными жертвам массовой резни, помогает родная природа, армянские горы Ара и Сипан, Немрут и Тангурек – эти снеговые вершины, которые он зажёг, «как свечи восковые»; помогают ему и армянские реки Тигр и Евфрат, которые читают своими скорбными голосами псалмы по душам замученных, растерзанных людей; участвуют в поминовении и облака, пришедшие из долины Дзирава и разносящие аромат курящегося ладана по всей округе.

О стихотворении “Поминовение” высказывали свои суждения и комментарии многие писатели и литературные критики, и все они единодушно подчёркивают высочайшее историко-художественное значение произведения. По словам известного туманяноведа Эд. Джрбашяна, “Поминовение” является “величественным реквиемом, вышедшим из глубины страдающего сердца псалмом-молебном”¹. По мнению Гранта Тамразяна, это стихотворение является “исключительным явлением политической поэзии”, “потрясающей душу трагедией... песней умирающей родины... с бездонным космическим охватом”². По словам Левона Ахвердяна, это “горе сильного и

---

¹ Эд. Джрбашян, Четыре вершины, Ер., 1982, “Советакан грох”, с. 41 (на арм. яз.). См. также: История новой армянской литературы в 5-и тт., т. 5, Ер., 1979, с. 313 (на арм. яз.).

² Г. Тамразян, Ованес Туманян. Поэт и мыслитель, Ер., 1995, изд-во “Наири”, с. 450.

мудрого человека, без слёз и без рыданий... “Поминовение” должен был написать именно Туманян, друг и ровесник Комитаса”¹.

Паруйр Севак пишет: “К чести Туманяна, мы должны констатировать, что если миллионы наших не имеющих могил и надгробий убиенных получили надгробные надписи, то первой и лучшей эпитафией было несравненное “Поминовение” Туманяна, которое сейчас невозможно читать без содрогания и ужаса.

...Трагедия Туманяна была трагедией в квадрате... Геноцид пришёл, чтобы возвести эту трагедию в квадрате в куб. И поразительно то, что Туманян, изнемогая в этой возведённой в куб трагедии, не утратил своего присутствия духа, обнаружил такое душевное мужество, которое также ни с чем не сравнимо”².

Туманян характеризовал поэзию следующим образом: “Поэзия это не что иное, как познание жизни. Иначе она не нужна”³. А в это время жизнь предстала перед ним в образе жестокого варвара, человека-зверя – во всей своей обнажённости.

Тему потерявшего свой человеческий облик зверя-людоеда Туманян затронул в стихотворении «Перед адом», написанном в феврале 1916 г., несколько месяцев спустя после “Поминовения”, а впоследствии написал об этом в своих замечательных четверостишиях. Школьный учитель, дашнакский деятель Аршак Джамалян в своих воспоминаниях рассказывает, как бурно реагировал Туманян на рассказ солдата – очевидца резни в Сасуне учителя Мартироса. Очевидец во всех подробностях и деталях рассказывал о невообразимых жестокостях курдов и турок, которые истязали, замучивали людей, расчленили тела и т.д. “Мы все были потрясены, а лицо Туманяна стало белым, как мел. Когда очевидец рассказал, как турки заставляли женщину-армянку выпить кровь собственного ребёнка за здоровье султана, Туманян встал с места и трясущимися ногами покинул заседание. Целую неделю он болел”⁴.

Об этом эпизоде свидетельствует также Нор-Айр в своей статье “Поэт всех армян”. Он пишет: “Я хорошо помню следующий случай, когда учитель Мартирос очень спокойно рассказывал о вырезанных грудях девушек, разорванных утробах и других ужасающих изуверствах, очевидцем которых ему довелось побывать во время своих долгих скитаний от Сасуна до русской границы”⁵.

О впечатлении, которое произвели на Туманяна рассказы оче-

---

¹ Л. Ахвердян, Мир Туманяна, Ер., 1966, “Айастан”, с. 466.

² П. Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., 1974, с. 371-372 (на арм. яз.).

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 873.

⁴ “Вем”, Париж, 1933, N1, с. 21.

⁵ Нор-Айр, Поэт всех армян, Багин-Бейрут, 1982, с. 36-37.

видцев резни, прозвучавшие на заседании Национального бюро, рассказывает также Лео в своей книге “Из прошлого”. “Мрачной, покинутой, заброшенной была комната Бюро, боровшегося против Османской империи. Был вечер. Электрическая лампа, прикреплённая к потолку, распространяла тусклый свет, и комната наполовину была погружена в полумрак. Была жара, тифлисская жара, однако по нашим телам пробегала дрожь. Нас было трое. Перед нами сидел посторонний человек, который приехал из Сасуна, то есть он прошёл через всю страну ужасов, ада, спеша как можно скорее добратся, доложить Бюро. И докладывал он приглушённым замогильным голосом, словно холодный, окаменевший живой свидетель. Он рассказывал подробности резни в долине Муша. Вырисовывались образы. В этих ужасах не было ничего человеческого. Если бы они были человеческими, нервы людей выдерживали бы. Но они не выдерживали, значит, человеческая природа восстаёт против них, не признаёт, что они могут поместиться в человеческие возможности. Вот ночь опускается на долину Меграгета. Из-под камней с большими предосторожностями, стараясь не издавать ни звука, ни шороха, ползают люди, на протяжении всего дня остававшиеся по горло в воде. Желудок даёт о себе знать, и они идут... в опустевшие сёла, чтобы найти, подобно собакам, какую-нибудь пищу и жить... Да, чтобы жить таким образом...

Рассказчик и сам был сасунцем, учителем и дашнаком. Его рассказ был бесконечен, постоянно кровь, постоянно нищета, постоянно слёзы. И его глухой голос иногда издавал рокот стенания в пустой комнате. Исчезло население, состоявшее из 100.000 людей. И разве не стоило, чтобы душещипательную историю этого исчезновения услышали больше, чем трое людей? Но где они? Из каких прохладных высот, из каких глубоких низин мы должны были достать, привести их, посадить на их стулья, чтобы не эти пустые стулья окружали учителя?..”¹.

Вот из этих жестоких и тяжёлых впечатлений и переживаний родилось стихотворение “Перед адом”, которое впервые было опубликовано 28 февраля 1916 г. в газете “Оризон”. На оборотной стороне рукописи была сделана запись: “Мужчин перебили, молодых женщин увели, остались старые матери, сторожат в поле трупы своих сыновей. У каждой в руках по веточке, которыми отгоняют ночью хищных зверей, а днём птиц, чтобы не разгрызли, не съели их тела”².

На следующий день редакция сочла необходимым отметить,

---

¹ Лео, Из прошлого, с. 322-323.

² “Оризон”, 1916, N46, 28 февраля.

что “в предыдущем, сорок шестом номере “Оризона” под стихотворением Ов. Туманяна было пропущено примечание. Рассказанный в стихотворении случай о том, что мать заставили выпить кровь своего ребёнка, взят из действительности последних дней”¹. Тем самым свидетельство А.Джамаляна находит ещё одно подтверждение.

Кромешный ад, в котором оказался армянский народ, предстаёт перед поэтом в виобразах неисчислимых незахороненных трупов, человеческих скелетов и костей, в образе потерявшей ребёнка и обезумевшей от горя матери.

День гаснет... Звуки тише, глуше...
Огонь и сталь идут стеной
В армянский ад, ворота руша,
Чтоб ужаснулся мир земной.
Как холодно скелетам белым
Глядеть в открывшуюся тьму!
И этой тьме — лишь тьма пределом,
Неподдающимся уму.
В котле ветров — скалы вершина.
Застыла женщина на ней.
Ей дали чашу с кровью сына:
«За здоровье султана пей!»

(Пер. А. Наймана)

В этих строках стихотворения Туманян ещё раз констатирует существование человека-зверя, выражает всю глубину скорби, трагедии армянского народа, и приходит к чрезвычайно печальному заключению.

Она стоит полунагая —
Когда-то Человек и Мать, —
Умом больным не постигая,
Как этот кубок ей поднять.
Стоит недвижно, одиноко,
Вдыхая ветер, холод, смрад;
На небо чёрное жестоко
Скелеты белые глядят,
Отверсты их уста немые,
И крик не прежний, а иной,
Казалось, прогремит впервые
И содрогнётся мир земной.

(Пер. А. Наймана)

---

¹ Там же, N47, 1 марта.

По поводу этих строк Паруйр Севак заметил, что они могли бы стать эпиграфом к сборнику Туманяна “С отчизной”, потому что они делают эпоху, в которую жил поэт, более красноречивой и выразительной¹.

БИОГРАФИЯ ДУШИ ПОЭТА

Ованес Туманян всегда, на протяжении всей своей жизни переживал драму творческого человека, который не имеет возможности посвятить всего себя без остатка литературе и искусству. Внешние и внутренние факторы, не имеющие ни начала, ни конца семейные заботы и общественные дела мешали ему, отнимали всё время и всю жизненную энергию. Он чувствовал, понимал, что годы летят, жизнь проходит, а он между тем вынужден ежедневно с утра до вечера заниматься решением национально-политических проблем народа, решать бесконечные социальные, экономические, хозяйственные, бытовые вопросы, помогать просителям, наконец, просто спасать жизни людей. Но, тем не менее, какими бы огромными и значительными ни были потери Туманяна, именно в годы Первой мировой войны, в 1916-1918 гг. в его поэтическом творчестве заметное место заняли классические четверостишия.

До 1916 г. поэт написал всего лишь два четверостишия, оба в 1890-м году. Между тем, в 1916-1918 гг. он написал 37 четверостиший, из которых передал для публикации только двадцать. До конца своей жизни Туманян продолжал создавать четверостишия, как бы подводя итог всему своему жизненному и творческому пути. При жизни поэт опубликовал 46 четверостиший, около тридцати четверостиший остались неопубликованными. Сохранилась заметка, которую сам поэт озаглавил: “Почему я начал писать четверостишия”(2, 503). В ней он подчеркивает, в основном, личные побудительные мотивы и потери близких людей – сначала братьев Ростом и Арташа, а затем сына Артавазда. Поэт пишет: “В сентябре 1915 г. был убит мой брат – Ростом. Ростом был от природы поэтом, очень хорошо знал восточные предания – поэмы... и т.д. и т.д. и знал многие баяти², и всегда подыгрывал и пел.

После смерти его живой голос удивительным образом оставался в моих ушах и пел беспрерывно. Под воздействием этих песен я начал писать баяти – четверостишия, и начал с них...

---

¹ П. Севак, Собр. соч. в 6-и т., т. 5, Ер., 1974, с. 371 (на арм. яз.).

² Баяти – восточные народные четверостишия.

В начале 1918 г. я принял полномочия Национального совета, и творчество надолго прекратилось.

Затем всё пошло вверх дном.

А после этого сообщили весть о потере моего Артика, в декабре того же года – и я на какое-то время снова замолчал, затем поменялось и настроение, и форма”(2, 503).

Упоминание о гибели Артика свидетельствует, что эту свою запись Туманян сделал после ноября 1919 г., поскольку в ней приводится четверостишие “Невидимый досель, неведомый Поэт”, которое было написано в ноябре 1919 г. и посвящено Кате Тамамшян. Видимо, поэт стал задумываться о причинах своего обращения к жанру четверостиший в связи с подготовкой к изданию книжки четверостиший в 1920 г. Трагическую основу своих четверостиший сам поэт объяснял потерями своих близких. **“Четверостишия – очень сильные штрихи, это биография моей души”**¹. Однако действительные причины, на наш взгляд, кроются гораздо глубже и не ограничиваются одними лишь внешними факторами биографического характера.

Туманян в своих беседах нередко касался жанра четверостиший и при этом давал им косвенное толкование. Он очень высоко оценивал четверостишие как разновидность стихотворения и подчёркивал, что четверостишия являются одной из самых трудных поэтических форм. Они требуют больших способностей к обобщению и дают простор для мощной стихии рассуждений. Поэт предупреждал, что четверостишия не являются материалом для беглого, поспешного прочтения, а дают большую пищу для размышлений.

“Четверостишие – это миниатюра поэзии, дело тонкого вкуса. Четверостишия необходимо читать спокойно и вдумчиво, и не каждый человек может их понять, оценить. Есть люди, которые читают четверостишия, как стихи, и ясно видишь, что они не понимают, что такое четверостишие”². А вот несколько других туманяновских определений четверостиший. “Четверостишия – это очень тонкие, благородные, глубокие и красивые произведения”³. “Четверостишия являются результатом зрелого периода – мудрости, возвышенности”⁴. “Четверостишия – задушевные, нежные, глубокие, очень краткие и содержательные. Четверостишие – это жемчужина, и она непременно должна быть обработанной”⁵.

---

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 290.

² Там же, с. 213.

³ Там же, с. 216.

⁴ Там же, с. 217.

⁵ Там же.

Все эти характеристики и определения Туманяна если не прямо, то косвенно подтверждают нашу мысль, что биографические факторы и побудительные мотивы являлись только внешней, видимой стороной увлечения поэта этим поэтическим жанром. Ведь Туманян был разножанровым писателем, он прежде всего ощущал себя поэтом, а следовательно, искушение создавать произведения в жанре, который был одним из самых главных для восточных поэтов раннего средневековья, для Омара Хайама, Фирдоуси и Гафиза – тем самым как бы вступая с ними в заочное состязание, было большим и самодостаточным. Ну и, кроме всего прочего, для него уже наступила пора “мудрости, возвышенности”.

Туманян сделал для себя наблюдение, что он пишет четверостишия преимущественно в осенние и зимние месяцы, сидя в кабинетной тиши у огня печки. “Как видно, – пишет поэт, – это более удобное время: то ли огонь печки настраивает, то ли холод, когда я запираюсь в своей комнате”¹. Однако некоторые свои четверостишия поэт написал ночью, уже лёжа в постели, в полудрёме, возможно, под воздействием своих вещих снов. Утром поэт никак не мог вспомнить написанное. По этой причине он повесил на стену маленький вышитый цветами ларец из красного дерева, в котором хранил бумагу и карандаш. Однажды ночью музы посетили его дважды, и он, не зажигая света, записал в темноте на одной и той же бумаге два четверостишия, а утром никак не мог ни вспомнить их, ни хотя бы прочитать написанное. До сегодняшнего дня эти два четверостишия остаются непрочитанными.

В туманяноведении по поводу разных произведений и переводов поэта на протяжении многих десятилетий существовали разногласия, однако в вопросе четверостиший до сих пор все литературоведы, писатели, литературные критики, да и все читатели единодушны в своих оценках и толковании.

Крупнейший туманяновед академик Эдуард Джрбашян справедливо отмечает, что четверостишия стали для Туманяна “своеобычным итогом духовных и поэтических исканий”(2, 502), что они “являются непревзойдёнными примерами классической ясности и глубины, естественной свободы слова и краткости, идеальной гармонии мысли и чувства. Каждое из четверостиший может стать поводом для рассмотрения самых сложных проблем жизни и искусства, для раскрытия всё новых и новых пластов его интеллектуального и духовного мира, мастерства его слова”².

---

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 217.

² Эд. Джрбашян, Ованес Туманян, «История новой армянской литературы», т. 5, Ер., 1979, изд-во АН Арм. ССР, с. 316-317.

Исходя из мощной силы художественного воздействия четверостиший, а также из общности ряда мотивов – беседы со Всевышним, раздумья о человеке, о смысле жизни, о добре и зле и т. д., литературовед Грант Тамразян подчёркивает точки соприкосновения творческих исканий Туманяна и Нарекаци. “Самое важное – духовная связь, духовное родство в исследовании жизни и человека... Если рассматривать хотя бы четверостишия и философские стихотворения, то более близкого Григору Нарекаци человека, чем Туманян, трудно найти, даже если иметь в виду очевидные взаимосвязи и общие грани у Сиаманто, Мисака Мецаренца и Егише Чаренца”¹. Здесь нельзя не заметить, что Туманян особенно трепетно относился к творчеству Нарекаци, никогда не расставался с его бессмертной поэмой и, по свидетельству дочери Нвард, “в летние месяцы всегда носил с собой” издание “Книги скорбных песнопений” 1875 г.²

По определению Туманяна, Нарекаци был тем гениальным армянским поэтом, который обращался к самым заветным и тонким чувствам не только своих соотечественников, но и вообще всех людей, и “поднял свою голову до самых небес и беседовал с Богом лицом к лицу”(7, 219). Туманян не расставался с книгой Нарекаци, где “говорит не язык армянина, рассказывают не уста армянина, а воспламенённое сердце, которое пылает, охватив всё небо, вопиет истрадавшая душа – до самого неба”(6, 266). Влияние Нарекаци, бесспорно, ощущается в четверостишиях Туманяна, и это воздействие – предмет особого исследования.

Левон Ахвердян охарактеризовал четверостишия поэта как “памятник пережитой Туманяном трагедии”³. По мнению литературоведа, в момент создания четверостиший “один конец мысли поэта был с чем-то возвышенным, отвлечённым, другой – с его пережитой и увиденной жизнью”⁴. И действительно, даже невооружённым глазом можно заметить, что в четверостишиях границы художественного видения расширяются, мир родной природы перерастает в космическую бездну, человек обобщается, становится человечеством, а переживаемая им эпоха превращается в историческую эпоху. Синтез земного и небесного с помощью силы искусства обеспечивает современность, актуальность и неугасимое очарование четверостиший Туманяна во все времена. П. Севак воспринимал четверостишия как “наиболее нестареющий, неустаревающий, вечный

---

¹ Г. Тамразян, Ованес Туманян. Поэт и мыслитель, Ер., 1995, изд-во “Наири”, с. 483 (на арм. яз.).

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 115.

³ Л. Ахвердян, Мир Туманяна, Ер., 1966, “Айастан”, с. 485 (на арм. яз.).

⁴ Там же, с. 495.

исток... который идёт навстречу беспредельности”¹.

Рафаел Ишханян неоднократно и настойчиво повторял, что четверостишия Туманяна необходимо включить в качестве специального курса армянского языка и литературы в учебные программы всех армянских школ, и после окончания спецкурса учащиеся в обязательном порядке должны знать наизусть все четверостишия поэта. Ишханян пишет: “Четверостишия писали и другие армянские поэты, в их числе Егише Чаренц, Ованес Шираз, Сильва Капутикян, Рачия Ованнисян и другие. Четверостишия Туманяна по совершенству своей формы, по своей философской глубине являются вершиной армянской лирической поэзии и остаются непревзойдёнными. Они принадлежат к самым драгоценным образцам лучших классических четверостиший Востока”².

В годы Первой мировой войны Туманян написал следующие четверостишия: “Ты не верулся...” (июнь 1916), “В лугах – концерт невидимых певцов...” (июнь 1916), “Ушли навек...” (июнь 1916), “Устал метаться меж двумя мирами...” (15 января 1917), “Горе, горе моё, словно море, где нет берегов...” (9 февраля 1917), “Как много скорби и смертей в моём печальном сердце...” (ноябрь 1917), “Вернитесь...” (11 ноября 1917), “В наш мир, где тьма людей перебивалась...” (11 ноября 1917), “Зачем бегу, зачем себе я лгу...” (12 ноября 1917), “Придя сюда, мы ведаем едва ли...” (30 ноября 1917), “Я видел всё: предательство и зло...” (24 декабря 1917), “Приснилось, что овца мне говорит...” (24 декабря 1917), “Кто ни сжигал меня: и друг, и враг!...” (24 декабря 1917), “Сегодня нас с тобой победа ждёт...” (26 декабря 1917), “Я много видел горя, много зла...” (4 января 1918), “О сердце, сердце, мне с тобой беда...” (25 января 1918), “Где б ни был, что б ни делал, – постоянно...” (26 января 1918), “О чём я думаю, что нужно мне?” (2 февраля 1918), “Я ранил птицу, ранил тяжело...” (2 февраля 1918), “Вот два могильных холмика вдали...” (4 февраля 1918), “Кто там руками множества ветвей...” (февраль 1918), “Осенним днём, в далёком далеке...” (февраль 1918), “На все поля окрест, на все леса...” (июнь 1918), “Стал много совершенней белый свет” (ноябрь 1918).

Туманян разочаровался и устал от великодержавных геополитических устремлений царизма, но ещё накануне Февральской революции он успел также разочароваться и устать от революционеров, которые ни перед чем не останавливались, крушили и разрушали всё на своём пути, для которых все средства были хороши, если

¹ П. Севак, Собр. Соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., 197..., с. 378 (на арм. яз.).

² Р.Ишханян, Четверостишия Туманяна, журнал “Армянский язык и литература в школе”, Ер., 1989, N1, с. 45.

приближали их к достижению своих целей.

Меж двумя мирами я,
Меж двумя камнями я.
Всё мечусь меж новым днём
И былыми днями я.

(Пер. К. Липскерова)

Четверостишие было написано 15 января 1917 г., и в нём явно выражено предвидение, предсказание о том, что скоро царь будет побеждён и станет “старым”, то есть пройденным этапом.

Массовые погромы, резня и Геноцид превратили в пустошь и в “страну смерти и руин” все те края Армении, которые в недалёком прошлом были цветущим садом и в которых поэт осуществлял свою деятельность. Туманян давно уже научился философски относиться ко всему, ничему не удивляться, и уже более десяти лет назад высказал ставшую крылатым выражением мысль о том, что каждый человек в этой жизни – всего лишь гость, что он смертен, однако мысль эта вовсе не носила трагического оттенка. Поэт не боялся смерти, поскольку природа установила свою закономерность и очерённость. В “Прологе” поэмы “Взятие Тмкаберда” читаем:

Друзья! Мы в жизни гости все.
Со дня рожденья мы
Бредём по суетной стезе,
И ждёт нас царство тьмы.
Пройдёт любовь, умрёт краса.
Всему придёт черёд.
Для смерти смертный родился,
Деянье — не умрет!

(Пер. П. Антокольского)

Однако на протяжении трёх долгих лет он жил и творил в условиях жестокой, кошмарной действительности, видел гибель целого народа, которая вовсе не была естественной, а была осуществлена озверевшими варварами на глазах у равнодушно созерцавшего мира, считавшего себя вполне добропорядочным и цивилизованным... Каждая увиденная смерть была большим испытанием для поэта и ложилась тяжким грузом на его душу, а ведь с ними, этими смертями, ему приходилось сталкиваться чуть ли не ежедневно, а ведь их, этих смертей, были тысячи...

После всего увиденного вполне естественно звучит объявлявший душу поэта страх смерти:

Как много скорби и смертей в моём печальном сердце,
А сколько было вас, друзей, в моём печальном сердце.
Я знаю: в мире смертны все, придёт и мой черёд,
И смерти страх в груди моей, в моём печальном сердце.
(Пер. Н.Гребнева)

Поэт, на протяжении всей своей жизни смотревший на смерть с философской созерцательностью, уже выведен из душевного равновесия, раздосадован и разгневан; теперь уже он называет смерть преступной и обвиняет её в том, что она ненасытна, что приходит несвоевременно и отнимает жизни у невинных людей.

Ты не вернулся,
Ушёл ты и пропал, ты не вернулся,
Земле и смерти насыщенья нет,
Ты узником их стал, ты не вернулся.
(Пер. Н. Гребнева)

Личные потери побудили поэта написать несколько четверостиший: “Ты не вернулся...”, “Ушли навек...”, “Как много скорби и смертей в моём печальном сердце...” и другие. А после гибели сына Артавазда их число возросло: “Ушли, ушли... Как мало вас осталось!..” (8 октября 1919), “О где же ты, я сбился с ног, как мне тебя найти?..” (4 февраля 1920) и другие. Хотя четверостишия эти и были написаны уже после окончания войны, однако их импульсом была гибель сына, который стал жертвой войны, жертвой Геноцида. Однако поэт сумел возвыситься над своей болью и потерей, и его личное горе перерастает в обобщённое выражение общечеловеческого страдания.

Поэту необходимо было найти выход для преодоления страха, ужаса перед смертью. И на помощь ему приходит родная природа – в образах лесов, зовущих его вернуться в родные края (“Кто там руками множества ветвей // Мне машет, чтоб вернулся я скорей?”); сверчков, поющих в его родном краю (“В лугах – концерт невидимых певцов”); печального, тоскующего и ждущего возвращения поэта жаворонка:

Осенним днём, в далёком далеке
Печальный жаворонок на пеньке
Всё смотрит на лорийскую дорогу,
Всё ждёт меня, в надежде и тоске.
(Пер. Н. Гребнева)

Другими важными темами четверостиший являются переменчивость и постоянная обновляемость мира; относительность удачи и благополучия; мотив тесной взаимосвязи человека и космоса:

Душа моя, живя в земном доме,
Вселенную объяла — свет и тьму,
Но то, что я владыка всей вселенной,
Кому известно, ведомо кому?
(Пер. Н. Гребнева)

И всё-таки самым главным, определяющим мотивом четверостиший поэта является то, что любую трудность, возникающую в жизни, в том числе и страх, разочарование и отчаяние, — можно преодолеть и победить с помощью любви.

Я видел всё: предательство и зло.
Бывало — и меня коварство жгло.
Но я любил, смотрел прощавшим взглядом,
Мне часто было и во тьме светло!
(Пер. Н. Гребнева)

Шёл ноябрь 1918 года. Война уже закончилась, но геноцид армянского народа продолжался. Поэт в своих ночных кошмарах постоянно видел человека-зверя, к образу которого он уже обращался в стихотворении “Поминовение”. Он продолжал раздумывать о путях и возможностях, которые могут позволить одержать победу над живущим в человеке зверем. Он мечтал о том, чтобы завершить работу над поэмой-сказкой “Тысячеголосый соловей”, где он хотел показать, что силой искусства можно превратить зверя в человека. Но это было всего лишь несбыточной мечтой. Туманяну также пришлось пережить страдания Григора Нарекаци, которые рождаются из ощущения несовершенства человека. В приводимом ниже четверостишии содержится огромная экспрессивная нагрузка, а также призыв к размышлению над природой человека, у которого атрофировано чувство сопереживания и милосердия, справедливости и совести, который убивает, чтобы убивать, и не способен отличать зло от добра.

Стал много совершенней белый свет:
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он — полузверь, ему до Человека
Ещё не меньше миллиона лет.
(Пер. Н. Гребнева)

Мы здесь рассмотрели только некоторые из тех четверостиший, которые Ованес Туманян написал в годы Первой мировой войны и Геноцида, и в качестве обобщения считаем необходимым вспомнить ещё одно четверостишие, написанное 2 февраля 1918 г. Здесь выражена мысль, которая является заветной мечтой для каждого армянина, выжившего в условиях выпавших на его долю страшных, нечеловеческих испытаний. Четверостишие это понятно каждому нормальному человеку, мечтающему о мире, где нет места войне, где людям не нужно ненавидеть друг друга; о мире, в котором можно найти покой и чистоту:

О чём я думаю, что нужно мне?
Мне б уголок от шума в стороне,
Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!
(Пер. Н. Гребнев)

К сожалению, и этой мечте поэта также не суждено было сбыться, и его ожидали такие же, а возможно даже, более суровые годы... Продолжалась национально-освободительная борьба его народа – во имя своего физического выживания, во имя своего будущего, в которое продолжал свято верить самый народный, самый национальный армянский поэт Ованес Туманян.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ЦЕНТРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

ОБЪЕДИНЕНИЕ АРМЯНСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСКИХ СОЮЗОВ

В условиях отсутствия государственности необходимость в национальном единстве и самоорганизации армянского народа многократно возросла. В 1910-е годы разобщённо действовали более двадцати армянских земляческих союзов. Ованес Туманян являлся председателем лорийского земляческого союза. Вторжение регулярных турецких войск на территорию Восточной Армении вызвало необходимость в объединении всех сил и ресурсов для отпора врагу. По инициативе Туманяна 1 марта 1918 г. было проведено общее собрание представителей земляческих союзов Гандзака, Ахалкалака, Ахалциха, Карабаха, Зангезура, Старого Нахиджевана, Казах-Шамшадина, на котором было принято решение об их объединении и создании единого Армянского земляческого союза¹. Председателем новосозданной организации был избран Ованес Туманян. Целью Объединения земляческих союзов была организация самообороны, утверждения мира и согласия между соседними народами.

У Объединение армянских земляческих союзов никогда не было своей канцелярии. Заседания организации почти всегда проходило в квартире Туманяна и под его председательством. На этих заседаниях подробно обсуждались конкретные вопросы, связанные с вооружённым противостоянием турецкой интервенции, со снятием препятствий и запретов для переброски оружия, командирования интеллигентов в провинции для организации самообороны.

В мае 1918 года, то есть в дни создания Республики Армения, Ованес Туманян находился в круговороте военных действий, в самом центре национальной борьбы за существование в Караклисе, который стал для Армении и армянского народа ещё одним Аварайром. А в годы кратковременного существования Первой армянской республики, в 1918-1920 гг., он не только участвовал в национальной борьбе за выживание, но и был, в определённом смысле, одним из самых активных участников государственного строительства, поскольку одновременно председательствовал в Объединении Армянских земляческих союзов, в Бюро по установлению потерь армянского народа в годы Первой мировой войны, в Комитете по-

---

¹ Музей Ов. Туманяна, Отдел документов, № 379.

мощи армянским сиротам и беженцам, В Доме армянского искусства, в Обществе армянских писателей и т.д.

В феврале 1918 г. Ованес Туманян по поручению Национального Совета Армении в качестве уполномоченного регионов Лори, Памбака, Казах-Шамшадина и Борчалу был одним из руководителей борьбы в Лори и Казах-Шамшадине¹. По приказу Нино Чхеидзе и военного министра Ноя Рамишвили, который был одновременно министром внутренних дел Грузии, в распоряжение Туманяна поступает пятьдесят солдат, один офицер, а также 2.000 рублей денег на приобретение оружия(10, 284, 640-641). Поэту предоставляются также права на проведение определённых совместных действий с группами самообороны².

Задачей перевозки оружия в Караклис Ованес Туманян занимался лично, встречая при этом определённые препятствия. Национальный совет Армении отказался выделить поэту деньги для этой цели. Однако в вопросе приобретения оружия руку помощи поэту протянуло консульство Америки. Американский консул лично уговаривал Туманяна взять деньги на оружие(10, 315). Поэт покупает оружие также на деньги, пожертвованные отдельными личностями. В марте-апреле 1918 г. он с вооружённой группой отправляется на родину и перевозит туда также членов своей семьи.

Армения оказалась зажатой в тиски. Часть турецких войск продвигалась в направлении Еревана, другая часть – в сторону Караклиса. 16 мая 1918 г. поэт обратился к соотечественникам с призывом к военной борьбе. Приводим текст этого призыва.

«Лорийцы, мои храбрые соотечественники!

Малочисленный враг подобрался к нашим горам. Он осмелился войти в памбакскую долину, между Маймехом и Двалом, в священные долины Лори. Лорийцы, теперь на вас уповает армянский народ и отовсюду смотрят на вас глаза армян. Наступил тот день, когда нужно показать, что не напрасно слава о Лори достигла Дагестана, и каждый из вас должен оставить своё имя в мире. Соберитесь подобно нашим дремучим лесам, встаньте подобно нашим незыблемым горам, проливайте огонь и бейте подобно молниям наших гор. Пусть увидят и наши враги, и весь мир, что можно пройти и через Эрзрум, и через Карс, однако через лорийские горы пройти нельзя. Жду вас!»(10, с. 354).

А через несколько дней, 22 мая 1918 г., в Эчмиадзине день и ночь напролёт звонили колокола и прозвучала пламенная речь епископа Гарегина Овсепяна, с которой он препровождал доброволь-

---

¹ «Оризон», 15 февраля 1918 г., с. 1.

² Там же.

цев-священнослужителей в Сардарапат: «Обернитесь назад, нам остались Ереван и Эчмиадзин... Если мы не проявим геройства, то всё пропадёт, сгинет до основания, больше уже не будет ни армян, ни родины армян. У нас нет надежд на чью-либо помощь, нет путей для отступления, и единственный выход – либо победить, либо с честью умереть на родной священной земле»¹.

Точно так же, как Гарегин епископ Овсепян стал щитом и вдохновителем победы в судьбоносном сардарапатском сражении, Ованес Туманян стал организатором и вдохновителем народного ополчения в лорийском крае. В мае 1918 года, когда ребром стоял вопрос: быть или не быть армянскому Лори, в неравной борьбе с организованными и значительно превосходящими силами противника Туманян сыграл такую же важную роль, какую сыграло армянское духовенство в Сардарапате и Баш Апаране. Сражения эти стали в истории армянского народа новым Аварайром. Арцахские и лорийские ополченцы воодушевляли своих соотечественников, призывали их принять участие в решающем сражении. Воззвание Туманяна, как и воззвание епископа Гарегина Овсепяна, нашло широкий отклик в народных массах. Крестьяне Лори, Памбака и Казаха, кое-как вооружившись, поспешили в Караклис.

Примечательно, что даже в такое смутное время Ованес Туманян не забывал о необходимости заботиться и беспомощных и обездоленных людей. Тогда же в Караклисе была сформирована Комиссия по оказанию помощи беженцам, надзор над которой осуществлял сам поэт.

В период с марта по 22 или 23 июня 1918 г. Ованес Туманян находился в Лори. Обосновавшись в Караклисе, он постоянно вёл переговоры с армянскими и инонациональными политическими и общественными деятелями. Его видели то в Дсехе, то в Караклисе, то он срочно выезжал в Тифлис, затем снова возвращался. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Всё смешалось: местные, приезжие, демобилизованные солдаты и новобранцы-добровольцы, воины и крестьяне. Уполномоченные со своими правами сталкивались друг с другом, спорили, ссорились. Их поведение вызывало у отца раздражение. У него не было ни минуты покоя, он был взволнован, бледен, без сна»².

Из денежной суммы в 50.000 рублей, полученной от Национального совета Армении, Туманян выдавал ежемесячную зарплату уполномоченным тринадцати регионов, их помощникам, казначею, солдатам и т.д. Он оказывал гуманитарное содействие трём тысячам

---

¹ <http://www.magaghat.am/archives/25508>

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 164.

турецких военнопленных, заимообразно выделял деньги для военного комиссара Караклиса, Совета безопасности Армении, национального совета Джалалоглы.

15 мая 1918 года, когда турецкая армия заняла Александрополь, Туманян из Караклиса послал депешу в Тифлис и попросил помощи у министра внутренних дел Закавказья Акакия Чхенкели, одновременно раздавая оружие народным ополченцам для самообороны Караклиса и территории Лорийского края.

С 18 по 25 мая 1918 г. в отцовском доме Ованеса Туманяна оставался полководец Андраник. Дом Туманяна служил для него штаб-квартирой. В один из этих дней в час ночи к генералу Андранику привели 39 офицеров и несколько сотен дезертировавших солдат армии генерала Товмаса Назарбеяна, которые бежали в направлении к Тифлису.

По свидетельству Андраника, Туманян в эти дни ежедневно кормил несколько сотен человек¹.

Узнав, что Караклис окружён с трёх сторон турецкими войсками, Туманян не только поспешил в осаждаемый город сам, но и прихватил с собой дочь Нвард, ставя под большую угрозу и её жизнь тоже. А когда 27 мая всё население Караклиса, охваченное паникой, пустилось в беспорядочное бегство, поэт решил отослать дочь и брата Ваана в Дсех и остаться в городе, не теряя до последнего надежды, что ему удастся договориться с турецким военным командованием, однако его в конце концов чуть ли не силком вывели из Караклиса².

В тот же день, 28 мая 1918 г., беженцы из Караклиса заполнили деревни Шахали, Дсех, Колагеран и Санаин. Некоторые беженцы нашли приют в отчем доме Туманяна.

В Тифлисе стали распространяться слухи, что поэт вместе с дочерьми попал в плен к туркам.

В первые дни июня турки появились в Дсехе. В тот самый момент, когда Ованес Туманян выходил из отцовского дома, турецким солдатам удалось поймать его. О том, каким образом ему удалось освободиться из плена и при этом дать возможность другим беженцам покинуть село, мы, к сожалению, не можем сказать ничего определённого, поскольку не сохранилось почти ни одного свидетельства или документа, кроме не содержащего никаких подробностей рассказа самого поэта. Освобождение Туманяна из плена кажется тем более невероятным, что, по свидетельству Дереника Де-

---

¹ Андраник Озаян, Документы и Материалы, Вестник архивов Армении, №1 – 2 (89-90), 1991 с. 445.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 165.

мирчяна, командующий турецким войском хотел хитростью заманить поэта к себе и схватить, считая, что Туманян располагает вооружёнными отрядами в окрестностях Дсеха и может стать для него большой головной болью. «Туманян чуть было не попал в эту ловушку»¹.

Для того, чтобы помочь своим оказавшимся в западне родным и односельчанам бежать из окружённого Дсеха, Туманян начал вести переговоры с немецким военным командованием. Поначалу 29 мая немецкие военачальники пообещали выделить на железнодорожной станции Санаин вагон для детей и женщин, однако два часа спустя отказались от своего обещания, поскольку их союзники турки потребовали, чтобы они удалились со станции и передали армян в их распоряжение. «Цивилизованные варвары ещё опаснее», – сказал по этому поводу поэт².

Проведя несколько дней и ночей в долине Дзаги, поэт вместе с родными и большой группой беженцев преодолевает горы и находит пристанище в селе Кондзадзор, в доме своей сестры Искуи. Там они проводят около двух недель. Следующая за поэтам группа беженцев продолжает расти: к ней присоединяются новые беженцы. Если раньше в ней было не более двадцати человек, то теперь это число доходит до ста. С Туманяном беженцы чувствовали себя более безопасно. Всю эту группу беженцев поэт под дождём препровождает в сад Эреклу, который находился неподалёку от станции Санаин. Местное население в честь Туманяна накормило измученных и истрадавших беженцев. И даже в этих условиях поэт не теряет присутствия духа и «в чаду наспех зажаренного мяса» рассказывает анекдоты и забавные случаи из жизни. И люди, оставившие свои родные деревни и дома, своё с большим трудом нажитое имущество, не просто улыбаются, а смеются над этими шутками поэта. Современник Туманяна в своих воспоминаниях пишет: «Он рассказывал свои чудесные басни, чтобы хотя бы в какой-то ничтожной мере утихомирить боль, терзающую души многих десятков его «гостей». И он сумел с честью исполнить свою трудную роль. Не прошло и часа, и в саду Эреклу уже звучал искренний смех, все были спокойны, потому что с ними был Туманян, сердечный друг для каждого из них, навеки родной для них всех»³.

Однако когда все эти несчастные люди спокойно заснули, поэту уже мог не скрывать своё горе. Он в одиночестве присел перед догоравшим очагом и заплакал. Он не заметил, что печаль на его

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 46.

² Там же, с. 745, 758-759.

³ Там же, с. 759.

лице и слёзы в глазах увидел Тигран Ахумян, который позднее в своих воспоминаниях расскажет, как страшно была омрачена душа поэта¹.

Таким образом, Ованес Туманян в меру своих сил и возможностей сделал всё, чтобы остановить продвижение турецкой армии в Лорийском крае, а когда это не удалось, то, подобно отцу Огану из «Голубиноного скита» сперва приютил сотни беженцев в своём отчем доме, а затем препроводил их в относительно безопасные места и тем самым сумел спасти их жизни.

Когда 28 мая 1918 года Национальный совет Армении провозгласил независимость Армении, Ованес Туманян находился в Караклисе. Он оставался в Лорийском крае до 23 июня². 20-22 июня он встретился в Кобере с консулом Германии на Кавказе, который дал ему обнадеживающие обещания(10, 287).

В Тифлис Ованес Туманян вернулся 27 или 28 июня. Впечатления от происходивших в Караклисе ужасных событий омрачили и совершенно расстроили поэта. Он устал от крови, устал от вражды людей и народов. Эти впечатления и настроения поэта нашли выражение в пронзительном и полном отчаяния черновом наброске четверостишия, написанного 12 июля 1918 г. Туманяну четверостишие показалось настолько мрачным и безысходным, что он не считал нужным обработать его. Поэту повсюду виделась кровь, он скорбел о кровавой судьбе своего народа.

Куда идти? – твои следы в крови.
К кому идти? – знакомый, друг в крови.
И как забыть мне этот мир в крови?
Внимашь песне, но она в крови.
(Пер. Г. Баренца)

В ГОДЫ ПЕРВОЙ АРМЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После провозглашения Армении независимой республикой 28 мая 1918 года Национальный совет переместился из Тифлиса в Ереван. Туманян решил остаться в Тифлисе. Руководители и ответственные должностные лица Первой республики Армения были близкими и испытанными друзьями поэта. Назовём здесь имена Аветиса Агароняна, Ованеса Каджазнуни, Левона Шанта, Александра Хатисяна, его брата Геворга Хатисяна. Сын поэта Амлик Тума-

---

¹ Там же, с. 760.

² «Оризон», 26 июня 1918 г., с. 2.

нян также занимал ответственную должность в руководстве республики: весной 1919 года он был переведен в Ереван, где был назначен заведующим протокольным отделом парламента республики.

Однако даже оставаясь в Тифлисе, Ованес Туманян принимал участие как в политической, так и в культурной жизни Первой республики, решая конкретные вопросы. Поэт видел новые горизонты для развития национального искусства. Он писал: «Залогом развития будущей изящной армянской литературы является свободная Армения, свободная, родная земля, народ»¹(7, 396).

Ованес Туманян одним из первых деятелей армянской культуры искренне, воодушевлённо и сердечно поздравил Армянскую республику. Во время каждого сколько-нибудь заметного события поэт оказывался рядом со своей страной, участвуя в строительстве новой, независимой государственности и своими делами, и вдохновенным поэтическим словом. Как в дни основания Первой республики, так и на всём протяжении её кратковременного существования Туманян был председателем Объединения армянских земляческих союзов и делал всё возможное, чтобы облегчить положение многотысячной армии беженцев. Своей общественной деятельностью он приносил большую пользу населению разных регионов и провинций Армении. Поэт продолжал писать и публиковать на разных языках воззвания, обращённые ко всем правительствам и народам мира, прося «протянуть руку братской помощи многострадальному армянскому народу»¹.

Ованес Туманян принимал участие и в решении важнейших политических вопросов, стоявших на повестке дня Первой республики. Так, он в составе правительственной делегации отправился 30 июня 1918 г. в Батум для переговоров с Эсад пашой.

В годы Первой республики, в условиях повсеместного голода и хозяйственной разрухи материальное положение всех армянских писателей, деятелей культуры и интеллигенции было исключительно тяжёлым и бедственным. Туманян не составлял исключения. Но при этом в атмосфере всеобщего отчаяния и безысходности все их просьбы об оказании помощи были обращены не к какой-либо государственной, общественной или благотворительной организации, а именно к нему, самому известному и всенародно любимому поэту.

В 1920 году муж поэтессы Варсеник Агасян тяжело заболел и оказался прикованным к постели. Забота о двух маленьких детях и больном муже легла на плечи женщины, которая не имела работы и была вынуждена выставить на продажу всю свою скудную домашнюю утварь. Очередь дошла до зимнего пальто мужа. Она отнесла

---

¹ «Мшак», 18 июля 1918 г., с. 3.

его на рынок. Проходя по мосту Мухранян, Варсеник встретила с писателем Нар-Досом. Узнав о крайне бедственном, безвыходном положении женщины, вынужденной в холодную, промозглую погоду скитаться по городу, чтобы достать немного денег на хлеб, Нар-Дос посоветовал ей обратиться к Туманяну. «Иди к Ованесу, он укажет тебе какой-нибудь выход. Он многих выводил из такого положения. Он авторитетный человек, иди к нему. Не вздумай медлить, слышишь?..»¹.

На следующий же день Варсеник отправилась к Туманяну домой. Поэт попытался обратиться с ходатайством в Благотворительное общество, чтобы женщине было назначено ежемесячное денежное пособие. Однако «большой авторитет» поэта не сработал: бедственное положение было всеобщим явлением, лишения и голод были хорошо знакомы каждой армянской семье. Благотворительное общество отказалось помочь Варсеник Агасян, и тогда Туманян «достал из своего кармана несколько тысяч меньшевистских бон»². С этого дня поэтесса «при каждом трудном случае» сразу же обращалась к Туманяну и «всегда удостоивалась заботливого отношения»³.

ОВАНЕС ТУМАНЯН И КАРАБАХСКИЙ ВОПРОС

В воскресный день 22 июня 1919 года в 12 часов дня Ованес Туманян организовал на тифлисской площади большой митинг в защиту Карабаха – с тем, чтобы отстоять право его коренного армянского населения жить свободно на своей родной земле. На митинге, которым руководил сам поэт, присутствовало более тридцати тысяч тифлисцев. В своей речи Туманян выразил гнев и протест армянского народа против варварских действий кавказских татар, учинивших резню безоружного и незащищенного армянского населения этого края, женщин и детей. Поэт предложил арестовать и предать суду головорезов и вандалов, а также «а также удалить с территории Армянского Карабаха власти Азербайджана, которые Армянский Карабах не признаёт и никогда не признает. Разрешить Армянскому Карабаху согласно непреклонному волеизъявлению населения присоединиться к Армении»⁴.

На митинге была принята резолюция, которую, судя по всему, написал сам поэт.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 660.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Ашхатавор», 24 июня 1919 г., с. 2. См. также: «Жоговурд», 27 июня 1919 г.

АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Говоря об участии Ованеса Туманяна в политической жизни Первой республики Армения, нельзя не сказать и о том, что поэт во многом способствовал прекращению армяно-грузинских вооружённых столкновений. Ещё 17 марта 1918 г. Национальный совет Армении обратился к Туманяну с официальным письмом и попросил поэта заняться вопросом урегулирования армяно-грузинских отношений¹. Как мы помним, во время столкновений армян с кавказскими турками поэт, образно говоря, держал в одной руке меч, а в другой – перо. На этот раз Туманян выбирает только перо, воспринимая Армению и Грузию как христианский остров в мусульманском море. В августе 1918 г. он ежедневно переговаривается по телефону с ответственными должностными лицами Республики Армения, в частности, с Аршаком Джамаляном. Поэт в ноябре 1918 г. пишет и публикует статью «Последнее отступление»². В статье он однозначно заявляет, что Лори и Памбак «никогда не были грузинскими и не могут ими быть, и только запутывают проблему и расшатывают и без того неустойчивую стену» (7, 364).

В декабре 1918 г. Ованес Туманян постоянно вёл переговоры с грузинскими властями и с горечью сетовал: «Мышь не может залезть в норку, а тут ещё к её хвосту привязали метлу... народ погибает от голода, а они объявляют друг другу войну»³. Поэт вместе с Аршаком Зурабовым заходит к министру иностранных дел меньшевистского правительства Грузии Евгению Гегечкори и представляет проект перемирия. Когда дипломатическое представительство Республики Армения в Грузии закрылось и полномочия Ованеса Туманяна в качестве посла Республики Армения были прекращены, поэт стал выполнять миссию посла Армении в Грузии на добровольных началах.

22 декабря 1918 г. поэт во второй раз обратился к министру иностранных дел Грузии Евгению Гегечкори. С другим письмом он обратился к министру просвещения меньшевистского правительства Грузии Георгию Ласхишвили. Многие грузинские писатели, общественные деятели и представители интеллигенции приветствовали миротворческие старания армянского поэта. Тициан Табидзе опубликовал «Открытое письмо Ованесу Туманяну», в котором, в частности, писал: «Никто не имеет больше прав говорить от имени народа Армении, чем Вы, и ничей голос не будет звучать столь прав-

¹ Музей Ов. Туманяна, п. НП, № 45. «Кавказское слово»,

² «Кавказское слово», 12 ноября 1918 г.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 120.

диво и понятно, как голос лучезарного поэта и патриота.

Мы верим, что не найдётся ни одного другого армянина, который был бы так опечален этой войной, как Вы» (7, 653-654).

На это письмо Табидзе Туманян ответил в январе-феврале 1919 г. В его ответном письме немало ценных рассуждений о толпе, о народах, властях предрежащих, правительствах и о многом другом. Отдельные формулировки Туманяна стали поговорками, афоризмами, крылатыми словами и не утратили своей значимости и актуального звучания и в наши дни. Туманян, в частности, отмечал, что войны и межнациональные кровавые столкновения нужны только властителям, которые, когда это бывает им нужно, «пускают клич, криками и возгласами собирают людей, опьяняют их какой-нибудь ложью. Каким-нибудь лозунгом превращают народ в толпу, заставляют кричать под свою диктовку и ведут на такие дела, на которые он, народ, живущий своим праведным трудом человек, никогда бы не пошёл по своей свободной воле и совести...» (7, 372). И поэт переиначивает известное изречение о правительствах и предлагает новую, туманяновскую формулировку: **«Истиной является то, что ни одно правительство не достойно своего народа»** (7, 372). А о народе, превратившемся в необузданную толпу, поэт пишет: **«Толпа – это опьянённая и ужасная масса, которая не признаёт ни родителей, ни детей, и готова не только пойти на любую резню, но и организовывать и совершать такие преступления, которые не умещаются в воображении разумного человека»** (7, 373). В том же письме поэт осуждает великодержавный шовинизм и национализм, осуждает и социалистов, проливающих кровь от имени народа. Он призывает каждого любить и ценить свободу соседа, поскольку непреходящей, вечной является та непреложная истина, что «счастье одного человека обусловлено счастьем другого. Если твой сосед несчастен, твоё счастье не может быть устойчивым» (7, 374). Туманян осуждал также всех властителей, ведущих или разжигающих несправедливые, захватнические войны, считая, что они для достижения своих целей прибегают к звериному оружию. **«Да, дорогой мой друг, за очень небольшим исключением правители держав при решении вопросов жизни, предпочитают прибегать к средству, которое свойственно зверю, – то есть к силе. Они ещё не нашли другого способа управления и не понимают этого, ещё и гордятся и кичатся этим»** (7, 377).

В дни армяно-грузинской войны в Тифлисе частым явлением стали аресты мужчин армянской национальности, некоторых из них даже успевали в спешном порядке осудить и сослать. Стало опасным даже просто шагать и беседовать на улицах Тифлиса. Даже Ованесу Туманяну не удалось избежать привода в полицейский уча-

сток в качестве подозреваемого. Случилось это так. 18 декабря 1918 г. поэт мирно прогуливался и беседовал с сопровождавшими его друзьями – врачом Качкачяном, композитором А. Амирханяном и другими. Они прошли улицу Сололакскую и около Ереванской площади их остановил какой-то полицейский и «пригласил» проследовать вместе с ним в полицейский участок. Он потребовал объяснения о предмете их уличного разговора. Одновременно он сообщил, что располагает сведениями, согласно которым Ованес Туманян высказывал неблагоприятные суждения о Грузии. Однако поэту удалось разубедить полицейского и доказать, что он всегда был убеждённым сторонником мира и добрососедских отношений между армянами и грузинами. После этого инспектор записал домашний адрес поэта и отпустил его¹.

В эти дни родственники всех арестованных без конца обращались за помощью к Туманяну, не давали ему покоя, просили, чтобы он написал ходатайство и поручился за их родственников. Как свидетельствует Стефан Зорьян, «Туманян своими заявлениями освободил и двоих моих земляков»². Туманян при жизни многим своим современникам напоминал Отца Огана из его баллады «Голубиный скит». Стефан Зорьян пишет, что в эти суматошные дни поэт был готов, подобно Отцу Огану, взять под свою защиту всех пленных, чтобы они продолжали идти своей дорогой и «свободно пели песни своей жизни»³.

Наконец армяно-грузинская война закончилась. 30 декабря 1918 г. армянские войска, несмотря на численное превосходство грузинских боевых подразделений, решающей атакой вернули армянское село Садахлу, после чего дорога на Тифлис оказалась открытой. При посредничестве военных и дипломатических представителей Англии и Франции было установлено перемирие. Лори как был, так и остался в составе Республики Армения, а Ахалкалак и Ахалцха перешли к Демократической республике Грузии.

9 января 1919 года при посредничестве военных деятелей Антанты в Тифлисе состоялась армяно-грузинская конференция (10, 323). По утверждению известного грузинского прозаика, драматурга Григола Робакидзе, «можно безоговорочно сказать, что примирителем армян и грузин, в самом широком смысле слова, был только Ованес – сладостный и героический»⁴.

---

¹ «Мшак», 22 декабря 1918 г., с. 3.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 121.

³ Там же.

⁴ **Григол Робакидзе**, «Лучезарный Ованес», в сборнике «Путеводная звезда. Грузинские интеллигенты об Ованесе Туманяне», Ер., 1999, с. 74 (на арм. яз.).

После окончания армяно-грузинской войны Ованес Туманян продолжал оставаться «общественным послом» Армении в Тифлисе. 30 апреля 1919 г. Туманян вместе с полководцем Андраником встретился с Гегечкори по приглашению последнего. Туманян и генерал Андраник посоветовали грузинскому министру иностранных дел воздержаться от мысли о блокаде Армении. Андраник сказал, что если армяне и грузины не найдут возможности для совместного проживания, то трупы армян унесут вечером, а трупы грузин – следующим же утром, разницу составит только одна ночь. Во время этой встречи Туманян выполнял также роль переводчика¹.

В августе 1918 года Ованес Туманян встретился с руководителем германской дипломатической миссии в Тифлисе генерал-майором Фридрихом Фон Крессом и попросил его содействия в деле возвращения западноармянских беженцев на свою историческую родину. Во время этой встречи Фон Кресс принял поэта с «дипломатической любезностью» и проявил, как обычно, большую щедрость на обещания, но при этом старался использовать огромный авторитет армянского поэта для того, чтобы обвинить генерала Андраника². В тот же день Туманян нанёс визит представителю австрийской дипломатической миссии генералу Франкельштейну³.

В качестве председателя Объединения армянских земляческих союзов Ованес Туманян принимал участие в совместном собрании Национального совета Вирка и дипломатического представительства Армении. Собрания эти поэт считал «очень важными и неотложными»⁴.

В 1918-1920 гг. Ованес Туманян многократно встречался, в том числе и у себя на квартире, с консулами и дипломатическими представителями Америки, Англии, Франции, Греции и других стран, отстаивая жизненные интересы Армении и армянского народа (10, 317). В эти годы квартира поэта выполняла функцию посольства Армении в Тифлисе. Так, 13 декабря 1918 г. у себя дома он принял консула Англии. А 14 декабря его гостем был посол Греции. В квартире Туманяна состоялась также встреча поэта с консулом Франции Дюруа, резиденция которого находилась во Владикавказе (10, 299).

В мае 1919 года Ованес Туманян настолько сблизился с американским консулом, что тот, вознамерившись встретиться с руководством Республики Армения, попросил сопровождать его в по-

---

¹ Андраник Озаян, Документы и Материалы, Ереван, 1991 с. 17, 448:

² Там же.

³ «Кавказское слово», 22 августа 1918 г.

⁴ Музей Ов. Туманяна, закрытый отдел, №478.

ездке в Ереван не какого-либо ответственного чиновника, а своего новообретённого друга-поэта (10, 299).

У ИСТОКОВ «АРМЯНСКОГО ВОПРОСА»

В самый трагический период истории армянского народа Ованес Туманян в качестве очевидца запротоколировал беспрецедентное по своей жестокости преступление против армянского народа и всего человечества.

Туманян всячески и неоднократно подчёркивал важность, необходимость предоставления национально-политическим деятелям эпохи и соответствующим международным инстанциям меморандума об огромном уроне, нанесённом армянскому народу во время Первой мировой войны. И сделать это, по мнению поэта, следовало от имени Союза армянских земляческих союзов. Поэт усиленно и настойчиво работал в этом направлении. Он не только первым осознал непереоценимое значение сбора подробного фактографического, статистического материала

После окончания мировой войны возникла насущная необходимость представить меморандум на Парижской мирной конференции стран Антанты.

21 ноября 1918 года на общем собрании Совета союзов армянских землячеств по инициативе и под руководством Ованеса Туманяна было учреждено Исследовательское бюро (или комиссия) по установлению потерь армян в мировой войне¹. А 17 декабря 1918 г. Туманян официально избирается председателем этого бюро. Таким образом закладывается основа Айдата и предъявляемого армянским народом иска (10, 653).

Исследовательское бюро было создано с целью «после установления мира предъявить иск Турции и её союзникам о возмещении ущерба, нанесённого армянам»². Для этого необходимо было собрать фактографические материалы о тех ужасах, нечеловеческих страданиях, которым подвергся армянский народ как в начале войны в Османской империи, так и в Закавказье – после вторжения турецких войск в Восточную Армению. Многие представители армян-

---

¹ О деятельности Исследовательской комиссии подробнее см.: **Ан. Закарян**, «Нововыявленные документы о деятельности возглавляемого Ов. Туманяном «Бюро по установлению потерь армянского народа в годы мировой войны», «Историко-филологический вестник», 2002, N2 (160), с. 271-304.

² **Л. Лисициан**, «Участие армян в мировой войне 1914-1918 гг. Военно-историческое обозрение». См. также: **Ан. Закарян**, «Участие генерала Кулебякина в работе Исследовательского бюро», «Историко-филологический журнал», 2002, №1-2, с. 159.

ской интеллигенции хотели верить, что приближается великий день окончательной расплаты, возмездия, что вскоре Армения потребует возмещения нанесённого ей ущерба на Парижской мирной конференции.

Новосозданному Исследовательскому бюро предстояло проделать огромный объём работы, потому что ущерб, нанесённый Армении и армянскому народу, также был огромен и не поддавался никаким расчётам.

В письме полководцу Андранику за 14 декабря 1918 г. Ованес Туманян рассказал о постигшем его большом горе, о гибели Артавазда, а затем сообщил: «Наше правительство до сих пор не позаботилось о меморандуме для представления конгрессу (имеется в виду Парижская мирная конференция – С.О.), не собрало материалов о том, какие были у нас потери или какие насильственные действия были предприняты против нашего народа. Мы были вынуждены начать... Теперь под моим председательством основано бюро и работает в полную силу»(10, 299).

Поэт пытался привлечь Андраника к работе Исследовательского бюро и с этой целью командировал в Карабах Давида Атануна, чтобы он с помощью полководца собрал необходимые сведения о потерях армянского народа в Карабахе.

Были составлены четыре подкомиссии – историко-политическая, хозяйственная, уголовно-расследовательская, военно-историческая(10, 653).

Историко-политическая подкомиссия, возглавляемая историком Лео, должна была изучить политическую историю Армянского вопроса.

Хозяйственную подкомиссию первоначально возглавлял Христофор Вермишян, но его вскоре заменил Ашот Атанасян. Эта подкомиссия должна была изучить хозяйственную сторону вопроса, то есть ущерб, нанесённый войной народному хозяйству Армении. Для подсчёта потерь городского населения были подготовлены специальные анкетные листки, а работа с сельским населением велась посредством специально выделенных уполномоченных и их помощников.

Уголовно-следственной подкомиссии, руководство которой осуществлял Тигран Иоаннисян, предстояло выявить, подробно описать и запротоколировать все факты убийств, массовых погромов и резни, насильственных действий, опрашивая с этой целью очевидцев с привлечением следователей-криминалистов и под надзором прокуроров. В обязанности подкомиссии входило также выявление и описание зверств и мародёрства турецких военных во время наступления на Восточную Армению.

Военно-историческая подкомиссия, которую непродолжительное время возглавлял Тигран Бекзадян, а затем – генерал-майор русской армии Александр Кулебякин, ставила перед собой задачу по возможности полнее представить участие и роль армянских воинских подразделений и всего армянского народа в Первой мировой войне¹. Предполагалось, что Кулебякин подготовит и изложит вопросы, касающиеся армянских вооружённых сил, добровольческих отрядов, армянских батальонов, национальных воинских подразделений и т.д.

На Александра Кулебякина выбор пал вовсе не случайно. Было принято в расчёт то обстоятельство, что слово и оценка русского авторитетного генерала возымеет должное воздействие на международное сообщество.

Во всех работах должны были принимать участие члены центрального исполнительного комитета Исследовательского бюро Т. Амбарцумян, М. Аветисян, А. Тер-Григорян, А. Аргутян, Ст. Малхасянц и другие. Бюро должно было отправить собранные материалы армянской делегации Парижской мирной конференции (10, 653).

На этот небольшой коллектив возлагалась ответственность за составление истории “Армянского вопроса”, а также за освещение роли и значения участия армянских вооружённых формирований в мировой войне. Они должны были также подсчитать и зарегистрировать потери армянского народа во время войны, выявить варварские, изуверские действия, истязания и убийства мирного коренного армянского населения во время Геноцида и насильственной депортации. Ответственность за составление меморандума возлагалась на Ов. Туманяна.

Комиссия приступила к работе 20 января 1919 г. Были собраны исторические данные и документальные материалы, которые представляли Национальное бюро, Национальный совет, Военный совет, генералы Андраник, Амазасп, Н. Морель.

18 декабря 1918 г. было опубликовано «Обращение к армянскому народу» председателя Исследовательской комиссии Ованеса Туманяна, в котором говорилось:

«Приближается час возмездия.

Ни один народ не дал столько жертв в этой ужасной войне,

---

¹ Кулебякин Александр Парфентьевич (1870 - не ранее 1923) - Известный русский военачальник, терский казак, поэт и общественный деятель начала XX века, участник военных действий на Кавказском фронте первой мировой войны, в Западной Армении. Подробнее о деятельности Ал.Кулебякина см.: “Участие генерала Кулебякина в работе Бюро по установлению потерь армянского народа от всемирной войны”, “Айкакан банак” (“Армянская армия”), 2002, N1-2, с. 155-161. См также: Анушаван Закарян, Александр Кулебякин и Армения. Ер., 2003.

не подвергся стольким бедствиям, сколько армянский народ.

Наибольшая часть нашей родины превращена в руины и пустыню... Каждый сознательный человек должен считать сегодня своим священным долгом приложить все свои усилия для того, чтобы на стол предстоящей мирной конференции была положена полная картина неслыханных страданий армянского народа... Времени мало, а работа предстоит огромная, но при всём этом члены Комиссии, не колеблясь, взялись выполнить возложенные на них тяжёлые обязательства, будучи уверены, что в этот неповторимый исторический момент... следует сделать последнее усилие, чтобы наш обескровленный народ, наша многострадальная нация выиграла свой справедливый суд и удостоилась осуществления своих вековых чаяний...»(7, 365-366).

Поэт спешил сам и торопил других. «Нам нужно спешить... Для справедливого суда армянского народа не нужно ничего, кроме истины. Комиссия просит жертв зверских преступлений и свидетелей-очевидцев не гнушаться давать показания следователям... Пусть каждый армянин выполнит эту свою священную обязанность и совершит её незамедлительно»(7, 366-367).

19 декабря 1918 года Ованес Туманян составил и вместе с Амазаспом Амбарцумяном подписал «Обращение Центрального Совета армянских земляческих союзов к представителям союзных государств на Кавказе». Машинописный вариант текста был предоставлен нам младшей дочерью поэта – Тамар Туманян¹. Приводим это «Обращение» полностью.

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СОЮЗНЫХ ГОСУДАРСТВ НА КАВКАЗЕ

В знаменательный час завершения всемирной войны и подведения окончательного итога столкновения мировых держав, Центральный Совет Армянских Земляческих Союзов констатирует следующее: армянский народ благодаря географическим условиям своей родины и неблагоприятно сложившемуся для него ходу истории, в течение многих столетий вел неравную борьбу за существование, и несмотря на это, не задумываясь, принял на свои слабые плечи не-

---

¹ Впервые мы частично опубликовали этот документ в статье «За преданность европейской культуре и союзным державам», см.: газета «Голос Армении», 2 февраля 2013 г. См. также нашу публикацию «Обращение Центрального Совета Армянских Земляческих союзов», журнал «Историко-филологический вестник», 2013, N1 (192), с. 178-185.

посильную тяжесть участия в гигантской войне наших дней, мобилизовав все свои силы против коалиции государств Центральной Европы.

Находясь в дальней периферии военных действий Союзных держав, армянский народ со своими сравнительно небольшими силами очутился лицом к лицу с много раз превосходившим его врагом – Турцией, мало считающейся с элементарными правилами человеческого общества, выработанными культурой Европы.

В первый период войны, когда Россия еще не сложила оружия, армяне массами вливались в ряды русских войск и наравне с последними несли на себе все тяготы войны; помимо того, организовывая особые отряды добровольцев, которые действовали под руководством русского высшего командования, оказав русской армии ценные услуги. По оставлении же Кавказского фронта русскими войсками армяне образовали национальные воинские части с целью продолжать дело союзников на этом фронте; однако, подавленные непомерно превосходящими силами врагов и ослабленные накинущимися на них с тыла бандами кавказских татар, организованными и вооруженными эмиссарами Турции и ее союзников, армяне понесли колоссальные потери и имели неисчислимые жертвы.

Турецкие регулярные войска, возбужденные фанатизмом, планомерно и фанатично выполняли поставленную ими преступную задачу уничтожения армянского народа. Действуя под руководством турецких офицеров, темные банды кавказских татар, движимые дикими инстинктами, предали страну нашу огню и мечу, беспощадно истребив все, что не успевало скрыться с поля их зрения.

Вырезано и уничтожено не менее миллиона армян. Вся Турецкая Армения и большая часть Кавказской Армении превращена в пустыню. Выжжены города и села, предано грабежу все имущество армян тех районов, куда вступали турки и их союзники – кавказские мусульмане, и это продолжается в настоящее время; в торжественный час расплаты Родина наша представляет собой печальную картину разрушения и смерти, а именно:

КАРССКАЯ ОБЛАСТЬ. – Ко времени прорыва турецкими войсками Сарикамышского фронта местным мусульманским населением Ардаганского и Ольтинского округов Карсской области под руководством турецких офицеров был отрезан путь отступления для армянского населения, и оно было перебито поголовно, за исключением одной тысячи детей и женщин, выпущенных впоследствии из Ардагана избитыми, изнасилованными, растленными, – в соседний Ахалкалакский уезд. Армяне же двух других – Карсского и Кагызманского – округов той же Карсской области большей частью успели бежать в город Карс, оставив на месте все свое имущество –

хлеб в зерне и мукою, скот, инвентарь и домашние вещи. После сдачи Карса все беженцы в панике кинулись в направлении к Александрополю, но около станции Караяз организованными бандами мусульман они были ограблены до последней нитки. Бежав далее от Александрополя, большая часть этих несчастных была перебита в дороге и в селении Б. Караклис.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬ И УЕЗД. – Невзирая на условия Брест-Литовского мирного договора, турки внезапной бомбардировкой города Александрополя навели панику на его население, перешли в наступление по всей линии, предали огню и грабежу села и погнали население, обезумевшее от учиненных над ним зверств, в горные проходы и овраги Караклиса. Здесь турецкие регулярные части со своими союзниками – мусульманскими бандами совершили неопишемые ужасы: изнасилование женщин и растление детей, массовое методическое истребление мужчин с подразделением их на категории, расстрел привязанных друг к другу сотнями мирных обывателей, – ужасы, кои не подлежат описанию. Из очевидцев сотни людей потеряли рассудок, не будучи в силах перенести эти зверства. Колодцы, ямы, овраги, реки полны и по сей день разложившимися трупами убитых. Из оставшегося на местах в Александропольском уезде населения, не успевшего бежать, свыше 10.000 молодых людей угнано вглубь Турецкой Армении, к Эрзеруму, где они погибли под пулями и ударами аскеров, от голода, холода и болезней. Из этих несчастных только несколько сот человек вернулись на родину. В какой степени в селениях Александропольского уезда и ближайших районов царил произвол и разгул – можно видеть из следующего: в селении Илли-Караклис из населения в 1500 человек осталось в живых лишь 200 человек. В этом районе изнасиловано и похищено не менее 5000 женщин и девушек, многие из которых отравились, будучи не в силах вынести позор и зверства, учиненные над ними; многие приняли ислам. Здесь же расстреляны тысячи мирных жителей, не принимавших никакого участия в военных действиях. Угнано более 50 тыс. голов крупного рогатого скота, 100 тыс. голов мелкого скота, 5 тыс. лошадей, увезено около 2,5 миллионов пуд. пшеницы, 1 мил. пуд. ячменя, ограблена вся мануфактура, орудия, обстановка, домашний скарб, украшения, золото, серебро, деньги, преданы огню общественные и государственные строения, уничтожены сады, огороды, мельницы, вывезены оконные и дверные рамы и даже балки с крестьянских домов.

АХАЛКАЛАКСКИЙ УЕЗД. – Захватив Ахалкалакский уезд, турки перебили все оставшееся армянское население за исключением католиков-армян. Так, поголовно вырезано двухтысячное крестьянство селений Тагча и Хомрения, не успевшее бежать. Бежавшее

же стотысячное население уезда оставило на месте свое имущество за малым исключением, угнав с собой лишь часть скота, и нашло приют в соседних районах – Бакуриани и Цалки, скоро превратившихся в сплошные кладбища для этих несчастных. Из 85 тыс. беженцев-армян этого уезда погибло в течение 5 месяцев более 40 тысяч человек. От болезней, холода и голода умирало ежедневно в среднем 300 человек. По официальным данным в августе 1918 г. в Бакуриани обслуживались беженскими организациями 32 тыс. человек, а в ноябре – всего лишь 14 тыс., остальные 18 тыс. погибло. Из 2060 душ жителей селения Кандза за это время в Цалки погибло 720 человек, из 1700 душ сел. Ханчалы погибло 1150 чел., из 3250 душ селения Сатка погибло 2500 человек... Между тем эта голодная масса оставила в уезде более 2,5 миллионов пудов хлеба и зерна, около 8 миллионов пудов урожая, 15 тыс. ульев, большое количество фуража, сельскохозяйственных орудий, сельскохозяйственных продуктов и военного имущества, церковной утвари, старинных рукописей. Оставшееся у беженцев движимое имущество распродано спекулянтам разных национальностей за бесценок, а скот почти весь организованно угнан турками в Ахалкалакском уезде – бандами, совершавшими под руководством турецких офицеров и с участием аскеров систематические набеги на беженцев, причем угнанный скот, как это установлено очевидцами, поступал в распоряжение турецкого высшего командования в Ахалкалаки и Ахалцихе, как это имело место 12 июня, 19 июня и т.д.

ПАМБАКСКИЙ РАЙОН. – Из 28 армянских селений этого района уцелело только селение Амзачиман, куда турки не вступили, а другие 27 селений подверглись всем ужасам, учинённым турецко-татарскими войсками и бандами. Формы и виды зверств – известные, перебиты люди массами – привязанные друг к другу, расстреляны сотнями, изнасилованы женщины, дети... Турки своих жертв заставляли рыть могилы для себя и зарывали их живыми. В селении Кишлаг перебито 250 человек, в Парни – 150 человек, Безабдале – 200, и т.д. Уведены тысячи женщин и девушек в плен, ограблено все имущество Памбакских сел: скот, зерно, домашняя утварь, орудия, ковры, паласы¹, деньги, украшения, снята с женщин и мужчин более или менее сносная одежда, книги из библиотек употреблены на топ-

---

¹ Палас (от перс. пелас, тат. – палас) – двусторонний безворсовый ковер, коврик; выполняется в технике ручного или машинного ткачества, а также в сочетании того и другого. Широко распространены украинские, молдавские, кавказские, среднеазиатские, болгарские, индийские и другие паласы. Размеры чаще всего встречаются шириной от 80–100 см, длиной от 3 до 15 метров и более. Паласы украшались вышивками, аппликациями и другими видами ручного декорирования. С развитием технологии окрашивания менялись и расцветки паласов.

ливо, — словом, район разгромлен дотла. Убийства, грабежи, изнасилование, пленение, принуждение к тяжким работам — продолжались систематически и за все время пребывания турок в Памбакском районе. Материальные убытки — миллионные.

ЛОРИЙСКИЙ РАЙОН. — Со сравнительно меньшей дикостью и варварством разграблен и разгромлен Лорийский район. Здесь также имели место убийства, изнасилование и увод женщин, растление детей, но массового характера эти преступления не принимали. Однако в имущественном отношении потери этого района также огромны: угнан скот, увезено зерно, картофель, капуста, уничтожены хозяйства, вывезено все, что может представлять какую-либо ценность: двери, оконные рамы и т.д. — все это вывезено на арбах местных армян, которые так и пропали бесследно со своими арбами и рабочим скотом...

НОВОБАЯЗЕТСКИЙ УЕЗД. — В Новобаязетском уезде, наименее пострадавшем, также имелись убытки: татарскими бандами, действовавшими под руководством турецких офицеров, в селениях Кирбулах, Тускулу и Загалу были уничтожены несколько сот хозяйств, причем, угнано на миллионы рогатого скота. Селение Басаргечах находилось в осаде 6 месяцев, вследствие чего там пало 5.000 крупного и 10.000 мелкого скота.

КАРАБАХ И ЗАНГЕЗУР. — Карабах, обнимавший Дживанширский, Шушинский и Карягинский уезды с 200-тысячным армянским населением, не желая войти в состав Азербайджана, стать объектом действий турецко-татарских войск и банд, до самых последних времен отстаивал себя. Однако по взятии Баку пятитысячный турецкий отряд двинулся на Карабах, по пути разгромил целый ряд армянских сел, подвергнув население последних обычным турецко-татарским зверствам и заняв центр области — гор. Шуши, потребовал разоружения армянского населения рядом с вооруженными до зубов татарскими массами. Армяне, искушенные опытом своих соотечественников других уездов, принуждены были взяться за оружие, дабы не стать жертвой дикого разгула турко-татар. Осажденные со всех сторон, карабахские армяне во многих местах дали уже массы жертв, которые погибли от голода. Турецкие войска стремятся ворваться внутрь этого края через Зангезурский уезд, также осажденный ими, но защищаемый отрядом генерала Андраника, ведущим с самого начала войны неравную борьбу с турко-татарами.

ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ. — С декабря 1917 г. в Елизаветполе начались частичные убийства армян и грабежи, принимавшие постепенно массовый характер, и наконец как город, так и весь район армянских селений были осаждены татарскими массами и бандами, руководимыми турецкими офицерами. Население в несколько де-

сятков тысяч жило как бы в осажденном лагере в течение восьми месяцев. Все многомиллионное имущество армян, как то: хлопковый урожай и запасы, заводы, склады и т.д., оставшиеся в мусульманских частях или в районе действий последних, расхищено и присвоено. Всякое сношение армян с внешним миром прекращено, приостановлена торговля. Материальные убытки населения Елизаветполя и района составляют, таким образом, десятки миллионов рублей.

ШЕМАХА И ГЕКЧА. – Руководимые турецкими эмиссарами, в Шемахе местные татары свои неприязненные действия против русских и армян начали в марте. Они внезапно напали на казармы, перебили и разоружили русский гарнизон, состоящий из русских и армян. После этого по данному сигналу из селений двинулись татарские массы и начали резню как в городе, так и в уезде. Часть армян успела скрыться в соседних молоканских сёлах, население которых вместе с армянами бежало в Баку. Эти несчастные не избежали смерти и здесь: по взятии Баку турками они большею частью были вырезаны поголовно. Все армянские селения в Шемахинском и Геокчайском уезде разгромлены и сравнены с землей, в том числе и большие, богатые села: Мадраса, Салиан, Керкеич и др. Та же участь постигла армян Геокчайского уезда: все женщины изнасилованы, а мужчины вырезаны. Все 11 армянских сел сровнены с землей. Незначительная часть армян скрылась в лесу близ селения Рушан, где татары и турки охотятся за ними, как за зверьми, вылавливают и убивают; те же, которым удастся избежать судьбы затравленного зверя, погибают в лесу от голода, холода и эпидемических болезней.

НУХИНСКИЙ И АРЕШСКИЙ УЕЗДЫ. – Армянское население Нухинского и Арешского уездов, в числе 60 тыс., окруженное морем мусульманского населения, даже в мирное время имело сообщения с внешним миром, связанное с разбоями, грабежами и убийствами. Под руководством турецких офицеров в этих уездах началось избиение армян. Последние несколько раз подвергались ужасам резни и дикого разгула соседей, охвативших их тесным кольцом. В феврале 1918 г. разгромлено 16 селений, в конце июня того же года резня охватила более широкий район, и из 52 селений Арешского и Нухинского уездов временно уцелели в первом – лишь селения Беюк-Согутлы, Бела-Согутлы, Хошкашен, Дзирик и Тосик, а во втором – Варташен, Ниж, Джалут, Джарлу и Мирза-Беклы. Все эти якобы уцелевшие селения были обезоружены турецким командованием, причем им была обещана неприкосновенность жизни и имущества. Однако по окончании уборки хлеба в сентябре месяце все их имущество турко-татарами было отобрано, не успевшие бе-

жать мужчины старше 12 лет вырезаны поголовно, а женщины и дети уведены в мест. Агдаш, и наиболее красивые из них отправлены в дар разным бекам и влиятельным лицам из мусульман. Организаторами изложенного называют местного помещика Махезд бек Люфталибекова и теогешца Галжи Юсуфа, объявившего себя обоуполномоченным турецкого и азербейджанского правительства. Все движимое имущество армян 52 сел захвачено без остатка мусульманами, а в опустошенных селениях поселились лезгины. Часть армян, около 20 тыс., успела скрыться в соседние леса и горы, а часть достигла даже Дагестанской области, где доживает свои последние дни без всякой помощи. В этих уездах число погибших достигает 40 тыс. человек. Материальные убытки достигают сотен миллионов.

ОРДУБАТ-АКУЛИССКИЙ РАЙОН. – После Нахичеванских событий, сопровождавшихся резней и разрушениями и последовавших 5-6 июня сего 1918 года, турецкие воинские части двинулись в направлении Джульфы, а отсюда часть их направилась на Ордубат. Расположенное на этом пути большое армянское селение Аза, подвергшись нападению, оказалось разрушенным дотла. Татары окрестных сел, соединившись с регулярными турецкими частями, предали огню и мечу все селение, сожгли дома и постройки, разграбили и увезли все достояние армян, а самих жителей вырезали. Перебито более 150 человек, похищены женщины и девушки. Часть населения, чудом избегшая смерти, удалилась в горы. Селение Кахакик, населенное армянами, потерпело ту же участь: предварительно разгромив селения, ограбив дочиста армянское имущество, турко-татары занялись здесь кровавым, но обычным для себя, делом: вырезали мирных жителей, а женщин и девушек, в числе 35, увезли. Из последних впоследствии удалось спасти лишь нескольких, а остальная часть и поныне находится в плену. Здесь было вырезано не менее 100 человек. А те, которым удалось спасти себя бегством, частью погибли, частью же гибнут от голода, холода и эпидемических болезней.

Совершенно разгромлено богатое и благоустроенное армянское село Танакерт. Население, состоящее из 120 домов, убежало в горы, где погибает в ужасных условиях холода, голода и болезней. Вырезано все население Дисата. Бегством спаслись лишь 4-5, а взято в плен 9 человек.

Остальные армянские села данного района, находясь под властью турко-татар, испытывают все ужасы рабства и влачат жалкое существование. Здесь бывают случаи, когда для турецких офицеров или паши уводят армянок. Согласно последним сведениям, Халил бей осадил армянские села Парака, Бист, Ухна и Рамис,

предъявил требование сдать оружие, угрожая в случае неисполнения подвергнуть их участи Аза. Понесенные этим районом материальные убытки исчисляются миллионами.

Таким образом, родина наша за преданность свою европейской культуре и Союзным державам, врагами последних обращена в пустыню. Миллион армян погибло за время войны, усеяв трупами своими беспредельные пространства от Эрзерума до знойной Месопотамии и степей южной России. Национальное достояние наше, созданное и накопленное в течение столетий усидчивым трудом и ценою крайнего напряжения народной энергии, разгромлено, разрушено, уничтожено...

Но твердое сознание справедливости нашего дела и непоколебимая вера в конечную победу принципов культуры озаряли ярким светом крестный путь многострадального нашего народа, и ныне, в минуту победного торжества и союзников и устроения мира на новых началах, мы, Армянские Земляческие союзы, представляющие нашу провинцию и ее жителей, обращаемся к союзникам с нижеследующим:

Первое. Мы просим немедленно освободить нашу Родину от воинских частей Оттоманского правительства и явных и тайных агентов последнего, продолжающих свое злое дело сеяния раздоров и смуты между нами и вековыми нашими соседями – трудовыми мусульманскими массами, пользуясь темнотой последних.

Второе. Принять действенные меры к срочному и безболезненному возвращению беженцев в родные места.

Третье. Принять экстренные меры к тому, чтобы отходящие турецкие войска и мусульманские банды не увозили с собой и не уничтожали наше уцелевшее имущество.

Четвертое. Принять меры к тому, чтобы немедленно же был наложен арест на имущество наше, уже вывезенное, где бы оно ни находилось – на станциях ли железных дорог, пристанях ли и других путях в Турцию; и в частности – установить охрану по Эрзерумскому шоссе и на Батумской линии – для прекращения открытого разбоя.

Пятое. Предложить турецкому командованию и местным татарам, действующим под руководством последнего, снять осаду Карабаха, если таковая еще продолжается (Елисаветпольская губ.), освободить беженцев Геокчайского и Шамахинского уездов, запертых в лесах, и беженцев Нухинского и Арешского уездов, осажденных в горах и лесных дебрях.

Шестое. Установить по Закавказью свободу передвижения и обеспечить безопасность жизни армян и неприкосновенность их имущества также и при их передвижении.

Седьмое. Установить порядок, которым было бы устранено влияние и давление турок и их агентов при решении внутренних вопросов между нами и соседними нам мусульманскими трудовыми массами .

Восьмое. До окончательного политического устроения нашей Родины на предстоящем всемирном конгрессе не отказать весьма срочно отпустить достаточные материальные средства – деньгами, продовольствием и земледельческими орудиями, для восстановления нашего трудового хозяйства, без чего истребление нашего народа будет продолжаться и далее, но только уже мирным путем.

Центральный Совет Армянских Земляческих Союзов, взяв на себя ответственную обязанность возбуждения настоящего ходатайства перед представителями союзных держав, вполне уверен в благоприятном для армянского народа разрешении поставленных в сем вопросов, ибо оно вытекает из самого понятия о справедливости, культуре и необходимости восстановления поправленного права, к чему союзные державы так последовательно и планомерно шли по настоящий день.

Председатель Центрального Совета Армянских
Земляческих Союзов: Ованес Туманян
Секретарь Совета: Амазасп Амбарцумян
19 декабря 1918 года.
Гор. Тифлис. №83

Приведённый документ лишний раз свидетельствует, насколько хорошо Ованес Туманян был осведомлён обо всём произошедшем, о масштабах трагедии своего народа. И он не жалел своих жизненных сил и времени, чтобы досконально изучить и представить сильному миру сего постигшее армянский народ беспрецедентное бедствие, заложив тем самым основы Айдата, иска армянского народа Турции и её союзникам.

7 февраля 1919 г. публикуется сообщение Комиссии, в котором сообщается, что для продолжения исследовательских работ необходимо полмиллиона рублей¹.

4 марта 1919 г. Туманян обратился к председателю Совета министров Республики Армения Александру Хатисяну с просьбой ускорить разрешение парламента на предоставление Комиссии материальной помощи в размере трёхсот тысяч рублей. В своём заяв-

---

¹ **Ан. Закарян**, «О деятельности Исследовательского бюро, руководимого Ов. Туманяном», Сб. Докладов на межвузовской научной конференции, посвящённой 145-летию Ов. Туманяна, Ер., 2016, с. 20-21.

лении поэт делает приписку: «Промедление может привести к прекращению деятельности Бюро»(10, 658).

Однако правительственная поддержка Исследовательскому бюро затягивалась. Ованес Туманян прекрасно понимал, что у правительства новосозданной независимой Республики Армения проблем и забот выше горла, но, тем не менее, обвинял власти за их медлительность и недостаточное внимание к работе Исследовательского бюро, за недопонимание важности составления и предъявления меморандума на Парижской мирной конференции. В письме к Христофору Вермишяну за 22 апреля 1919 г. поэт пишет: «Я узнал, что вы защищали дело несчастного Исследовательского бюро, однако, тем не менее, оно провалилось в нашем замечательном парламенте. Несмотря на защиту и предложение правительства (ну хотя бы большинства).

Вы не можете себе представить, что пришлось перетерпеть всему Бюро вообще, и мне, в частности, из-за всего этого... и эти люди, которые считают столь неважным наше дело и не обращают на него внимания, – эти люди считаются представителями народа. И на поверку выходит, что у всего мира есть претензии, кроме армян»(10, 310).

В конце концов парламент вместо запрашиваемых трёхсот тысяч рублей выделил Исследовательскому бюро всего лишь пятьдесят тысяч рублей, да и то с большим опозданием, после неоднократных обращений и напоминаний. Этих денег едва хватило, чтобы выдать сотрудникам Бюро зарплату за один месяц, закрыв задолженность за январь 1919 г.

Туманян между тем продолжал искать другие источники финансирования. Когда выясняется, что надеяться больше не на что, что берёт 40.000 рублей в долг, чтобы расплатиться со своими сотрудниками.

Новые осложнения возникают у Исследовательского бюро и у Туманяна вследствие пограничных споров и армяно-грузинских вооружённых столкновений в декабре 1918 г. В мае 1919 г. грузинская полиция провела обыск в канцелярии Бюро и наложила на неё арест. 7 июня 1919 г. Туманян пишет: «Две недели мы держали Бюро закрытым, пока мне удалось получить письменное разрешение у грузинского правительства для свободного продолжения деятельности комиссии» (10, 322).

9 января 1919 г. при посредничестве военных деятелей стран Антанты для участия в армяно-грузинской конференции в Тифлисе прибыли пять членов парламента Армении, четверо из которых, кроме М. Арутюняна, «проявили безразличное отношение» (10, 322). Что касается М. Арутюняна, то и он изменил своё мнение о

работе Исследовательского Бюро только после доверительной беседы с Туманяном. Поэт возмущался, видя, что официальные представители Армении не понимают исторического значения вопроса. «Никто из них не думает, что деятельность комиссии имеет не только практическое, но и историческое значение» (10, 322-323). Поэт обвинял армянских парламентариев в близорукости. «Достаточно сказать, что ни один из пяти членов армянской делегации не соизволил зайти в канцелярию комиссии и поинтересоваться... некоторые из армянских министров то и дело твердили, что деятельность комиссии лишена смысла, поскольку уже поздно. Парижская конференция не сегодня-завтра решит все вопросы» (10, 323).

Не получив обнадеживающего ответа от премьер-министра Армении Ованеса Каджазнуни, Туманян 15 июня 1919 года снова обратился к Александру Хатисяну, который к тому времени был уже бывшим премьером республики, но разделял позицию поэта и всячески старался помочь Исследовательскому бюро. «Что касается работы Исследовательского бюро, – пишет Туманян Хатисяну, – дело ваше, делайте что хотите. Хотите – решайте продолжить его работу, хотите – закройте, ответственно за это, во всяком случае, не само Бюро. Но как бы вы ни поступили, сумму ликвидации вы должны дать. Я должен сказать только то, что в этом вопросе наше правительство (не в твои дни), а также весь наш парламент – просто преступны перед народом. Теперь ты хочешь выправить положение. Не знаю, сумеешь или нет. Но очень и очень необходимо, чтобы это дело было завершено. Даже в эту минуту есть огромное множество накопившихся новых вопросов, и ко мне продолжают обращаться со всех сторон, мол, когда откроется Бюро потерь и нанесённого ущерба. Я намерен отказаться, но дело приведём в порядок, и только потом я подам в отставку, конечно, если только тебе удастся заново открыть Бюро» (10, 327).

Александру Хатисяну удалось убедить правительство Армении принять решение о выделении Исследовательскому бюро 100.000 рублей. Хотя и этой суммы было явно недостаточно для покрытия уже сделанных расходов, но всё же она была бы значительным подспорьем, если бы дошла до Туманяна. Но она была основательно урезана, однако даже эта урезанная часть была присвоена людьми, которые должны были привезти деньги Туманяну. Более того, тяжёлое финансовое положение поэта усугубилось тем, что он, узнав о решении выделить Бюро 100.000 рублей, посчитал вопрос улаженным и сделал новые долги, чтобы выдать зарплату сотрудникам, а впоследствии погасить долги в счёт полученных правительственных денег. Но обещанные деньги так и не дошли до него, и ему пришлось выплачивать долги из своих личных сбережений. По-

сылая две тысячи рублей сотруднику Бюро Давиду Анануну, поэт пишет: «Значит, те люди, которым я передал Ваши деньги, чтобы выплатили Вам на месте, не только не заплатили Вам, но и не вернули мне деньги здесь. И вот таким образом я из тех ста тысяч рублей не просто ничего не получил, но и раздав ровно 16.000 рублей тому и этому, взяв в долг якобы на несколько дней, должен теперь выплачивать эти деньги сам» (10, 342).

В городе Шуши Исследовательское бюро обратилось к английской миссии с предложением объединить свои усилия, чтобы посетить провинции Карабаха и запротоколировать потери, понесённые коренным армянским населением края. Английское военное командование соглашается провести работы по сбору материалов, однако наотрез отказывается выделить какие-то деньги на эти цели, утверждая, что «о расходах должны позаботиться сами армяне» (10, 326). И поскольку Туманяну не удалось найти необходимую сумму и послать её в Шуши, эта программа со смешанными комиссиями так и не была осуществлена. Заметим, что «в Грузии подобные комиссии не могут существовать, потому что грузинское правительство посмотрит на это как на попытку вмешательства во внутренние дела Грузии со стороны союзников» (10, 326).

14 апреля 1919 г. в Тифлисе состоялось расширенное собрание центрального совета Объединения армянских земляческих союзов, Исследовательского бюро, представителей армянского купечества, представителей дипломатической миссии Армении, членов европейского парламента и Национального совета Грузии под председательством Ованеса Туманяна. Туманян проинформировал собравшихся о том, что «правительство Республики Армения не выполнило своего обещания... Дело Бюро осталось незавершённым, и ответственность за это безусловно ложится на правительство Армении...»¹. На заседании было принято решение «пока что деятельность Бюро приостановить»².

Исследовательское бюро официально прекратило свою деятельность 14 апреля 1919 г., однако без какого-либо финансирования продолжало вести работу по сбору информации вплоть до 1920 г.³.

В феврале 1919 г. Исследовательское бюро передало собран-

---

¹ Центральный государственный исторический архив, оп. 1, д. 15, л. 20.

² Там же.

³ См. протокол расширенного собрания центрального совета Объединения армянских земляческих союзов, Исследовательского бюро, представителей армянского купечества, представителей дипломатической миссии Армении, членов европейского парламента и Национального совета Грузии за 14 апреля 1919 г., Национальный архив Армении, ф. 244, оп. 1, д. 15, лл. 20-21.

ные фактические данные на 314 страницах из доклада генерала Александра Кулебякина, 63 экземпляра книги Лео «Пограничный спор», показания, полученные русскими следователями-криминалистами, и другие материалы о насильственных действиях против армянского народа члену отправлявшейся в Париж армянской делегации М. Бабаджаняну(10, 324). Затем Туманян посредством министра иностранных дел С. Тиграняна передаёт новые материалы Ованесу Каджазнуни – для отправления в Париж. Среди этих материалов была, в частности, машинописная копия доклада Михрдата Ханзадяна об ущербе, нанесённом населению Караклиса и Лорийского края.

Окончательно потеряв надежду получить финансовую поддержку от правительства Армении, Туманян на свой страх и риск начал стучаться в двери американских и европейских послов и консулов, однако получал от них только советы, сочувственное понимание и вежливые обещания.

На Парижской мирной конференции 1919 года мандат Армении был передан Америке, которая должна была предъявить иск армянского народа. Был создан американский комитет независимости Армении под патронажем президента США Вудро Вильсона. Это стало побудительной причиной для того, чтобы Туманян стал чаще встречаться с дипломатическими представителями Америки. 22 апреля 1919 года поэт пишет: «Вчера я был у американского консула, и он сам предложил, мол, через три недели еду в Париж, дайте материалы Бюро, я отвезу с собой; даже показал, что нам следует написать и что должна делать наша делегация, обещал помочь на месте... Из северного Кавказа прибывает огромное число беженцев с новыми требованиями, а мы всё оставили незавершённым и закрыли двери Бюро»(10, 310).

Тем не менее, несмотря на острую недостаточность денежных средств, двадцать пять подвижников Исследовательского бюро продолжали свою скрупулезную и напряжённую работу, месяцами не получая зарплаты.

Летом 1919 г. Ованес Туманян попытался возобновить работу Исследовательского бюро в прежнем объёме, поскольку «исключительная важность работы очевидна»(10, 323).

7 июня 1919 г. Туманян снова обратился к премьеру Армении Ованесу Каджазнуни с просьбой выдать ему 50.000 рублей и столько же для отправления в Шуши. «В противном случае, – информирует поэт, – комиссия будет вынуждена прекратить свою деятельность»(10, 326).

В воскресном номере газеты «Нор ашхатавор» за 31 августа 1919 г. было опубликовано информационное сообщение о том, что

Исследовательское бюро «восстановило свою деятельность»¹.

Даже после своего официального закрытия Исследовательское бюро не прекращает своей деятельности до начала 1920 года.

Эта очень важная и актуальная национально-политическая программа Ованеса Туманяна, впрочем, как и многие другие его творческие планы и начинания, из-за ряда историко-социальных обстоятельств осталась незавершённой. Однако те материалы, которые были собраны сотрудниками Исследовательского бюро и лично Туманяном и под его непосредственным руководством, были использованы впоследствии и могут быть использованы и в наши дни.

Несмотря на большие и непреодолимые трудности, Исследовательским бюро была выполнена колоссальная работа. И работа эта не оказалась напрасной. Многочисленные собранные и обработанные факты в качестве документальных материалов были использованы на Женевской конференции 1922 г., где интересы Советского государства защищала делегация России, в составе которой был и народный комиссар иностранных дел Арам Бекзадян². Материалы эти не потеряли своего значения и сегодня, поскольку справедливое возмещение огромного, неисчислимого ущерба, нанесённого Армении в годы Первой мировой войны и Геноцида, продолжает оставаться на повестке дня и является делом чести и достоинства всего прогрессивного человечества, стремящегося к справедливому, цивилизованному решению всех нерешённых вопросов истории. И Армянский вопрос, иск армянского народа требует огромной и напряжённой работы от современных историков, политологов, дипломатов и юристов. И в этом смысле Ованес Туманян сегодня стоит рядом с ними и помогает им своими документами, оставленными истории.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

Пятидесятилетний юбилей Ованеса Туманяна являет собой пример беспрецедентного всенародного праздника, который по своему размаху и вызванному беспримерному воодушевлению стал невиданным до того явлением в армянской действительности.

Самыми большими отличительными особенностями этого юбилея поэта были его личное присутствие и то, что юбилей отмечался самостийно, стихийно, спонтанно. Мероприятия организовывались «снизу», в народных массах, и охватывали все сферы армян-

---

¹ «Нор ашхатавор», 31 августа 1919 г.

² Подробнее см. публикацию В. Казахецяна в журнале «Вестник общественных наук», Ер., 1987 г., №2, с. 82-88.

ской общественно-национальной и культурной жизни.

Во втором десятилетии двадцатого столетия организатором почти всех юбилеев армянских, да и зарубежных писателей был Ованес Туманян, однако когда дело дошло до него самого, он самым решительным образом воспротивился идее организации юбилея, отвергая все предложения и прося всех своих друзей и знакомых «не поднимать большого шума», «не устраивать шумихи». Так что организаторам юбилейных торжеств приходилось действовать вопреки воле самого юбиляра.

Конечно, Туманяну было вовсе не до юбилейных торжеств. После мировой войны и Геноцида армян прошло всего несколько лет, поэт жил среди потерявших родину и чудом спасшихся западноармянских беженцев и сирот; в стране свирепствовали эпидемии страшных болезней... К национальной трагедии прибавилась личная: жертвой геноцида стал сын поэта Артавазд – последний комендант Вана; на фронте погибли два брата Туманяна, Арташес и Аршавир.

Но как ни старался поэт, он не смог помешать организации юбилейных торжеств. Они начались в феврале 1919 года и продолжались около трёх месяцев. Праздновал юбилей, как уже было отмечено, сам народ, не ожидая каких-либо решений и указаний «сверху». Праздновал так, словно чувствовал и понимал, что это будет первый и последний прижизненный юбилей его самого любимого поэта.

С помощью разных уловок его приводили в самые большие тифлиссские залы, которые были настолько переполнены, что случались обмороки. Таким образом, ещё при жизни Туманяна его пятидесятилетний юбилей стал самой настоящей демонстрацией всенародной любви, свидетельством того, что даже в самое страшное, полное лишений и испытаний время армянский народ нашёл в себе силы для оценки своих духовных ценностей, для чествования своего величайшего национального поэта.

Юбилей отмечался всенародно, во всех армянских колониях. Все без исключения армянские газеты и журналы посвятили поэту не отдельные страницы, а целые номера. Туманяна поздравляли не только армянские, но и русские и, в особенности, грузинские руководители – премьер республики и министры, известные политические и общественные деятели, писатели, деятели культуры и искусства. Поэта величали совестью армянского народа, символом его жизнелюбия и стойкости, гарантом его светлого будущего. В феврале 1919 г. под окнами квартиры поэта то и дело собирались тифлиссские школьники и питомцы сиротских приютов вместе со своими учителями.

Дереник Демирчян в своём биографическом очерке о Туманяне не то в шутку, не то всерьёз пишет, что любой исследователь жизни поэта неизбежно будет сталкиваться с неразрешимой загадкой. Он считает, что прежде всего следует выяснить, «чем же всё-таки занимается Ованес Туманян, чтобы в соответствии с этим измерять его жизнь десятилетиями». И сам же отвечает на свой риторический вопрос: «Я, во всяком случае, ничего не могу сказать по этому поводу... Он одновременно является управляющим бюро по трудоустройству, в которое обращаются все безработные и уволенные. В то же время он является владельцем гостиницы, потому что его дом был гостиницей для людей из разных краёв мира...»¹. Имея в виду то общеизвестное и непреложное обстоятельство, что к Туманяну обращались все и по самым разным поводам и причинам, Демирчян провозглашает поэта «Кандидатом на престол Армении»².

В адрес Ованеса Туманяна непрерывающимся потоком поступали поздравительные телеграммы от армянских и зарубежных писателей, деятелей культуры и искусства, общественных организаций и творческих союзов. И, конечно же, самыми трогательными и волнующими были послания детей, учащихся младших классов и детей-сирот, которые начинались словами: «Дорогой айрик. Желаем тебе долгой жизни...»³.

Писатели провозгласили юбилей своего великого собрата по перу праздником литературы; школьные преподаватели – праздником школы и образования, праздником учителя и ученика; государственные, общественные и национально-политические деятели – праздником родины и всего армянского народа.

Поздравления поступали из Константинополя, Владикавказа, Нор Нахиджевана (Ростова-на-Дону), Москвы, Петербурга и других армянонаселённых городов, из земляческих союзов Александрополя, Ахалкалака, Ахалциха, Ардаган-Олту, Шавшети, Булануги, Гандзака, Гохтна, Карса, Нахиджевана, Нухи, Шамахи-Гокча, Шулавера, Памбака. В одной из поздравительных телеграмм говорилось, что «солнце и свет души поэта щедро распространились во мраке армянской действительности и поколебали там основы царства тьмы»⁴.

Туманян получал поздравления от инонациональных миссионеров, представителей сиротских приютов Американского комитета, от журналов «Феникс», «Куранты», от газет «Тифлисский ли-

---

¹ МЛИ им. Е. Чаренца, фонд Д. Демирчяна, № 785.

² Там же.

³ Там же, фонд Ов. Туманяна, главная книга, № 1514 (1688).

⁴ Там же.

сток», «Сакартвело», от творческих объединений «Цех поэтов», «Кольчуга», от писателей и представителей творческой интеллигенции, от первых лиц Республики Грузия, от Юрия Дегвичи, Дмитрия Соколова, Дмитрия Горднея, Тициана Табидзе, Сандро Канчели, Ноя Жордания, Евгения Гегечкори и других. В телеграмме Ноя Жордания поэт предстаёт «честным певцом союза кавказских народов», а Евгений Гегечкори выражал уверенность в том, что «пройдёт буря, атмосфера очистится, и «Капля мёда» станет живительным источником братства и союза наших народов»¹.

Пятидесятилетний юбилей Ованеса Туманяна был больше, нежели национальный всеармянский праздник, поскольку в нём приняли участие многие представители других национальностей, причём не только известные люди, чиновники, писатели, деятели культуры и представители интеллигенции, но и представители самых разных социальных слоёв общества. Среди них были как знакомые, так и незнакомые люди. Какая-то русская женщина, будучи просто читателем и почитателем поэта, пишет: «...Не теряю надежды, что в конце концов овладею армянским языком настолько, что буду в состоянии по подлинникам понимать красоту его поэзии...»².

В Тифлисе почти каждое учреждение, общественная организация, творческий союз, клуб, школа, заведение, редакция газеты или журнала отметили юбилей поэта каким-либо торжественным мероприятием. В феврале, марте и в апреле 1919 года не проходило ни дня, чтобы в Тифлисе или Ереване, в Баку, Дилижане, Нор-Баязете, Александрополе, Караклисе не проходили литературно-музыкальные вечера или утренники, посвящённые Туманяну. В письме, написанном в феврале 1919 г. и адресованном Акопу Сарикяну, поэт пишет: «Дело в том, что эти несколько дней мои друзья и родные подняли большой шум – мол, тебе исполняется 50 лет. Невольно попал в юбилей, которого так боялся. И вот уже две недели как положили мне в карман какой-то список – где я должен быть в такой-то день. Теперь я стал каким-то объектом зрелищ» (10, с. 304).

20 февраля с раннего утра началось самое настоящее всенародное шествие к дому Ованеса Туманяна. Люди всех возрастов, и стар и млад, выдающиеся и невыдающиеся, известные и неизвестные люди в массовом порядке, выкрикивая здравицы, в сопровождении исполнявших маршевую музыку духовых оркестров пришли к дому поэта, чтобы поздравить его с юбилеем. Сперва Туманяна поздравили его собратья по перу, известные писатели эпохи Ширванзаде, Вртанес Папазян, Лео, Нар-Дос, Дереник Демирчян, затем

¹ «Мшак», 21 февраля 1919 г., «Арач», 22 февраля 1919 г., с. 3.

² Музей Ов. Туманяна, № 1066 (1) 17.

поэта поздравили ученики третьей мужской и третьей женской гимназии, а далее поочерёдно – представители тифлиских органов периодической печати, театральные деятели, сотрудники общественных организаций – Кавказского общества армянских писателей, Комитета армянских женщин, Армянского драматического общества, Объединения армянских земляческих союзов, Союза армянских кооперативов, Комиссии по установлению потерь армян в мировой войне; инонациональные писатели – Г. Диасамидзе, Сергей Городецкий, который в то время возглавлял тифлисское акмеистическое литературное объединение «Цех поэтов»; председатель парламента Армении Ав. Саакян, возглавлявший прибывшую из Еревана парламентскую делегацию, А. Пасаджанов и генерал Корганов, весь состав армяно-грузинской конференции, представители редакций газет «Арач», «Жоговрди дзайн», «Мшак», «Гехарвест», «Ахбюр-Тараз», «Закавказское слово» и др.; член грузинского парламента, литературовед, мусульманин Абдурахман-бей Ахундов, представитель Американского комитета капитан Джеймс Аррол и многие, многие другие.

В приветственном послании русских поэтов Ованес Туманян чувствовался как «великий служитель космического слова, совесть человечества, великий гуманист и наделённый могучим сердцем пророк»¹.

Одним словом, в день рождения Ованеса Туманяна на улице Вознесенская яблоку негде было упасть. Желавших поздравить и приветствовать поэта было настолько много, что это напоминало массовый митинг, посвящённый национально-политическим проблемам. Под окнами дома поэта собрались дети, ученики всех классов нескольких тифлиских школ. «Мы не принесли вам цветов, – сказал ученик восьмого класса третьей мужской гимназии Дастакян, – потому что они быстро завянут, но мы принесли вам наши сердца, которым неведомо увядание»².

В эти юбилейные дни Туманян в своём обращении к детям сказал: «Дорогие мои дети, именно вы подарили мне самые яркие и самые лучшие дни и мгновенья моей жизни, я был с вами, вами я жил»³.

И во всех других мероприятиях, организованных в честь Ованеса Туманяна, принимали участие не только представители армянской общественности, но и инонациональные политические деятели,

---

¹ **Ан. Закарян**, «Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь в 1914-1920 гг.», Ер., 1984, с. 152.

² «Мшак», 1919, № 41.

³ **Н. Туманян**, «Воспоминания и беседы», с. 198.

дипломаты, послы и консулы, писатели, деятели культуры, которые приносили с собой тёплые поздравления и приветствия, читали стихотворения, посвящённые Туманяну. Так, на литературном вечере 4 марта, организованном культурным союзом армянского студенчества, прозвучали стихотворение Сергея Городецкого «Ангел Армении», стихотворения Туманяна в переводах грузинского поэта Мchedишвили и т. д. На одном из таких мероприятий «зал стоя приветствовал Туманяна исполнением национального гимна «Наша родина», а в конце зрители подняли Ованеса Туманяна на руки»¹. Затем состоялось застолье, которое продолжалось до самого утра. В числе приглашённых гостей были Иосеб Гришашвили, Сергей Городецкий, Александр Кулебякин, Ширванзаде и другие².

Пятидесятилетний юбилей Ованеса Туманяна превратился в настоящую демонстрацию дружбы и добрососедских отношений армянского народа с сопредельными странами и Россией. Поэт признавался, что его всегда удивляла жизнеспособность и жизнестойкость армянского народа, который никогда не отчаивался и проявлял огромную силу воли и умение преодолевать любые препятствия и испытания. Туманяна впечатляло, что в народах живёт здоровое и мощное чувство солидарности и братства. «Только что у меня была одна делегация – из армян, русских, грузин, татар и евреев», – пишет поэт в феврале 1919 г (10, 304).

Стоило Ованесу Туманяну появиться на каком-либо литературном вечере, посвящённом какому-нибудь писателю или культурному деятелю, как зрители сразу же превращали мероприятие в торжественное чествование своего любимого поэта. Так было и 25 февраля 1919 г., когда во втором отделении литературного вечера, посвящённого памяти Даниела Варужана, в зале появился Туманян. «На поэта, подобно дождю, посыпались бесчисленные букеты свежих фиалок, и в зале загрохотали бурные аплодисменты и овации», – пишет очевидец³. То же самое произошло и 24 марта – на вечере, посвящённом творчеству Иосеба Гришашвили.

Литературное объединение «Цех поэтов» под председательством Сергея Городецкого посвятило своё двадцать четвёртое заседание, состоявшееся 26 февраля 1919 г., юбилею Ованеса Туманяна. С. Городецкий, А. Кулебякин и Н. Бел-Конь-Любомирская выступили с приветственными словами и стихотворениями, посвящёнными Туманяну, а «композитор Фома Хартман, вспомнив об армянском обычае начинать каждое празднество новой песней, сыграл в честь

¹ «Арач», Тифлис, 1919, № 44.

² «Закавказское слово», 28 февраля 1919 г.

³ «Мшак», 7 марта 1919 г.

юбиляра примечательный этюд»¹. А 12 марта члены «Цеха поэтов» по приглашению Туманяна побывали у него в гостях, где в уютной домашней обстановке состоялся ещё один спонтанный литературный вечер, завершившийся ужином.

Туманян часто отказывался от «юбилейных» приглашений. Однако организаторы нашли выход из положения. Они приглашали поэта якобы по совершенно другому поводу, а затем объявленное мероприятие плавно превращалось в чествование поэта. Так, генерал Акимов и его жена Бульмеринга пригласили Туманяна к себе домой на обсуждение драмы Левона Шанта «Старые боги». Но едва переступив порог генеральского дома, поэт выяснил, что вечер будет посвящён его юбилею. «Зашёл и вижу – собрались 70-80 человек, армяне и немцы, избранное общество, и снова история моего 50-летия» (10, 317).

На этом вечере немецкий поэт Нейман прочитал лекцию о творчестве Туманяна и свой перевод баллады «Проклятая невестка». Затем армянскому поэту преподнесли разукрашенную корзину, доверху заполненную пшеницей. К корзине была прикреплена карточка с надписью: «Народному певцу Армении – привет от мыслящей Германии» (10, 317-318). Тогда же поэту разъясняют символическое значение подарка. «Оказывается, – пишет поэт в письме дочери Ашхен, – что пшеница в подобных случаях является знаком особого уважения, что-то вроде хлеба и соли» (10, 318).

Безо всякого преувеличения можно утверждать, что в период кратковременного существования Первой республики Армения самым значительным культурным событием в жизни народа стало празднование пятидесятилетнего юбилея Ованеса Туманяна. Руководство новосозданной республики выразило своё глубокое почтение всенародно любимому армянскому поэту. Председатель правительства Армении Александр Хатисян пригласил поэта в Ереван. В его приветственной телеграмме Туманян характеризуется как большой мастер, певец страданий народа, вдохновитель героических сражений во имя родины, друг детей, глашатай мира и любви, литературная драгоценность, которая венчает духовно-интеллектуальную жизнь возрождающейся родины². Руководители Армении просили «молитвы поэта» о будущем армянского народа³. И молитва эта не заставляет себя ждать.

Чествование, возвеличивание своей личности поэт считал выражением непобедимого могущества национального духа, – духа,

¹ «Закавказское слово», 28 февраля 1919 г.

² «Арач», 7 марта 1919 г.

³ Там же.

который бессмертен. «Приветствие и поздравления первого правительства родной страны разволновали меня до слёз... И если вы хотите от меня молитвы поэта, то у меня есть всего лишь одна молитва для армянского народа – чтобы он, армянский народ, сохранил своё физическое существование, всего остального он добьётся сам... подставив свой мыслящий лоб всем бурям на свете... Моя душа переполнена дыханием могущества его духа и незыблемой верой в его великое будущее. И пусть этот великий дух и эта незыблемая вера станут опорой и оплотом для его правительства, чтобы оно сумело вывести народ из этого тяжёлого кризиса и одержать самую большую и самую замечательную победу – братской любовью завладеть сердцами соседних народов – во имя счастья Армении» (10, 659).

Туманян не сумел приехать в Ереван, однако и без его личного присутствия 9 марта 1919 г. в зале Национального парламента было торжественно отмечено 50-летие со дня рождения поэта.

***

Практически все более или менее известные периодические издания того времени – «Арач», «Ашхатавор», «Мшак», «Кайлер», «Алик» (Пятигорск), «Чакатамарт» (Константинополь), «Тифлисский листок», «Закавказское слово», «Борьба» и другие – посвятили юбилею Ованеса Туманяна либо специальные номера, либо несколько страниц, освещающих жизнь и творчество поэта. В Пятигорске увидел свет научно-популярный очерк о Туманяне¹. Во всех публикациях на сакраментальный вопрос: «Кто же всё-таки Ованес Туманян?» - даётся один и тот же ответ: это самый народный, самый национальный армянский поэт, это армянский Пушкин, великий друг детей, автор замечательных художественных произведений, преданный родине и родному народу общественный деятель, чародей поэтического слова, пламенный певец священной истины и непреходящей красоты, лучезарный и солнечный поэт, наиболее полное воплощение неусыпной совести армянского народа; поэт, чьи произведения составляют свод сокровищ, выведенных из душевного тайника народа, поэт, родиной души которого является родина всех армян, а личное горе которого – горем всех армян, поэт, без которого нива национальной жизни превратится в целину².

В те же самые дни Ашот Атанасян отметил в своём очерке о поэте, что в большой семье армянских писателей Ованес Туманян

¹ Литературный сборник «Алик» («Волна»), кн. 1, Пятигорск, 1919.

² «Мшак», 20 февраля 1919 г.

является самым любимым, что он является тем исключительным поэтом, безоговорочное величие которого признавали и принимали все без исключения выдающиеся деятели армянской культуры и искусства. «Его уважают и любят (Господи, помилуй!) – все армянские поэты (слушайте, слушайте!), это невиданное чудо... Потому что даже дуракам известно, что врач злословит о другом враче. Адвокат злословит обо всех других адвокатах, актёр – обо всех других актёрах, мясник – обо всех других мясниках. Армянский писатель – обо всех других писателях»¹.

Примечательно, что во всех статьях, очерках и публикациях о Туманяне особо подчёркивалась ярко выраженная национальная направленность его дарования, то, что он являлся «чудесной книгой души» армянского народа и «самим армянским народом – со своим природным и божественным поэтическим призванием, своей чистой, прирождённой нравственностью и возвышенной, искренней и неподкупной человечностью»². Отмечалось также, что только рождая таких людей, как Туманян, народ получает право на культурную жизнь, что только имея таких людей, как Туманян, народ утверждает свою жизнестойкость и жизнеспособность³. В ряде публикаций выражалась мысль о тождестве Туманяна и армянского народа. Так, Б. Топчян пишет: «Если вы хотите узнать армянский народ, узнайте Ованеса Туманяна»⁴.

В упоминаемых статьях отмечались высокие человеческие качества поэта. Его голос характеризуется как «могучий и авторитетный», он звучит подобно мощным пасхальным колоколам, затрагивает сердца людей, вытесняя из них озлобленность и ожесточённость, враждебность и стремление к мести⁵. Одновременно акцентировалось гармоническое единство поэта и гражданина, его уникальность и неповторимость во всех сферах жизни⁶. Повсюду перепечатывались слова Валерия Брюсова: „Поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером... Туманян — целый эпос, национальная эпопея!” и «Туманян представляет собой центр всей армянской литературной жизни... И кажется, что во всём Тифлисе нет ни одного человека, который не узнал бы характерную седовласую голову поэта и не любил бы его как честного человека и прекрасного писателя»⁷.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Ашхатавор», 29 марта 1919 г.

⁵ «Жоговрди дзайн», 1919, № 39.

⁶ Там же.

⁷ «Арач», 20 февраля 1919 г., с. 1-2.

Отмечалось также, что ещё в 1916 г. Валерий Брюсов заметил, что Туманян является тем типом южанина, который удивительным образом соединил в себе два принципа: любовь к пирам и гений, что он ещё при жизни своей уже стал патриархом армянской поэзии и т. д.¹

Публикации о Туманяне появились и в русскоязычной тифлисской периодике. «Кавказское слово» предоставило свои страницы статье Сергея Городецкого «О мудром и нежном». В представлении автора статьи страна Армения и Ованес Туманян тождественны: «Понять Ованеса Туманяна — значит понять Армению в ее искренних идеалах мирного земного бытия, в ее стремлениях к идиллической жизни в содружестве с природой и людьми — наперекор трагическому ходу истории.

Его язык — язык его народа, и надо быть иностранцем, чтобы не оценить музыку его стихов, все эти переливы женственных, налитых синим воздухом гласных и мужественно звучных красных согласных.

Его образы — это те же цветы, произвольно вырастающие на лоне щедрой земли.

Его поэзия — ни в коем случае не литература в дурном смысле этого слова. Не от ухищрений эстетизма, не из литературных теорий вырастают его стихи, а из бессмертных недр живого языка, никогда не иссякающих»².

Среди откликов грузинских писателей заслуживает упоминания статья Григория Диасамидзе «К юбилею Ованеса Туманяна»³.

Находились и такие люди, которые из благих побуждений предлагали перейти от славословий к конкретному делу и основать фонд Ованеса Туманяна⁴. Это предложение поэт счёл оскорбительным для себя. Он выступил с публичным заявлением, в котором попросил не откликаться на призыв о создании подобного фонда и не делать предметом обсуждения в прессе его личные проблемы⁵.

Конечно, Ованес Туманян вместе с поздравлениями получал и подарки, в том числе и в денежном выражении. Однако он сразу же распоряжался ими по своему усмотрению, передавая эти суммы армянским культурным организациям. Так, полученную от тифлиских клубов сумму в 1000 рублей, а также 1500 рублей, подаренные советом старейшин Армянского клуба, и 1000 рублей, предостав-

---

¹ Там же.

² С. Городецкий, Избр. произведения в 2-х тт., т. 2, М., 1987, с. 234.

³ «Северный Кавказ», Тифлис, 20 февраля 1919 г.

⁴ «Жоговрди дзайн», 1919, № 75.

⁵ Там же.

ленные земляческим союзом гохтнийцев, он передал Литературному фонду¹.

В юбилейные дни в периодике публикуются не только произведения самого Ованеса Туманяна, но и посвященные ему стихотворения, авторами которых были известные и не очень известные поэты, а также обычные любители литературы, которые руководствовались своим неуёмным желанием выразить в стихотворной форме свою любовь к поэту и искренние пожелания ко дню его рождения. Среди таких опубликованных посвящений назовём оды Азата Вштуни, Арутюна Туманяна, Гагика Мхитаряна и т.д. Были опубликованы также стихотворные посвящения Туманяну на русском языке. Грузинская поэтесса Майя написала «Сонет Ованесу Туманяну»². Сонет Туманяну посвятил также генерал и поэт Александр Кулебякин. Подпись автора на рукописи стихотворения доказывает, что он прочитал его на литературном вечере «Цеха поэтов» 26 февраля 1919 г. А периодический орган «Колокол» опубликовал акrostих А. Кулебякина под названием «Ованесу Туманяну». Стихотворение завершала строка «Не умолкай, нам нужен Туманян». Ну и, конечно же, стихотворные посвящения подарили поэту три его усыновлённых питомца – Вагаршак Ерицян (Норенц), Мигран Тутунджян и Норайр Дабагян.

Нельзя без волнения читать искренние и трогательные приветственные слова питомцев поэта, для которых Туманян был воплощением света и добра. «Мы во дни наших бедствий слышали твои обнадеживающие песни, и они защищали от горя наши сердца»³. Тринадцатилетний питомец сиротского приюта пишет: «Какой армянин не знает его?.. Он был надеждой и опорой нашего народа. Туманян стоял на дороге страданий, посреди сирот, потерявших надежду несчастных людей, плакал вместе с ними, утирал слёзы их души и наполнял их сердца золотыми надеждами грядущих рассветов... Слава ему! Да, он бессмертен, потому что его священное имя несмываемыми буквами выгравировано в наших душах и в нашей литературе...»⁴.

Какой-то незнакомый человек по фамилии О. Казанджян поздравил телеграммой Туманяна и выразил пожелание, чтобы поэт продолжил «смягчать каменные сердца священным божественным огнём»⁵.

---

¹ МЛИ им. Е. Чаренца, ф. Кавказского общества армянских писателей, №№ 23, 48.

² Там же, ф. Ов. Туманяна, № 2659 (1305).

³ «Парос», 6 апреля 1919 г.

⁴ Там же.

⁵ Музей Ов. Туманяна, Главная книга, № 1082 (1) 6.

Все без исключения тифлисские школы и сиротские приюты отметили юбилей Ованеса Туманяна. Поэт переживал особенно волнующие мгновения во время встреч с питомцами сиротских приютов. В школе Мариамян-Овнанян одна из восьмиклассниц, уроженка города Вана, рассказала о том, как в 1915 году, в самые тяжёлые, отчаянные и печальные для ванцев времена, Туманян подарил им несколько счастливых и весёлых дней. И она преподнесла поэту посвящённое ему стихотворение. По свидетельствам очевидцев, в этот момент «поэт расчувствовался, и в его глазах появились слёзы»¹.

Все сиротские приюты Тифлиса приняли участие в торжественном юбилейном мероприятии, проведённом в феврале 1919 г. в зале Артистического театра. По требованию поэта один из балконов зрительного зала был предоставлен «его детям-сиротам»².

В числе других Ованеса Туманяна с юбилеем поздравили также высокопоставленные военачальники союзных войск стран Антанты.

Весь номер за 6 апреля 1919 г. еженедельной газеты «Парос», издаваемой силами питомцев сиротских приютов, был посвящён Ованесу Туманяну. В передовой статье газеты отмечалось: «Ованес Туманян – певец лишений, страданий, а затем и грядущих надежд и рассветов нашего народа... И вот сейчас, в эти дни отчаяния и мужания армянские сироты целуют своего любимого поэта – детским восхищённым поцелуем, говоря – «Наш отец-поэт»»³. Далее в статье говорилось: «Ованес Туманян – ласковый и заботливый защитник детей-сирот, маленьких и гонимых судьбой, вот почему мы, сироты, называем его «нашим отцом-поэтом» и присваиваем его себе»⁴.

Летом 1919 года, 7 июня, издаваемая учениками-сиротами газета «Парос» организовала утренник, посвящённый Ованесу Туманяну. Поэта до глубины души растрогали выступления управляющего Нерсисянским сиротским приютом поэта Азата Вштуни, а также «непомерные восхваления» детей-сирот⁵.

13 июня 1919 г. Туманян посетил тифлисский сиротский приют Цуринян и прочитал лекцию на тему «Наша задача»⁶. С детьми, видевшими и пережившими массовые погромы, резню и побоища,

---

¹ «Жоговрди дзайн», № 67.

² Там же.

³ «Парос», 6 апреля 1919 г.

⁴ Там же.

⁵ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 855.

⁶ «Парос», 19 августа 1919 г.

поэт говорил о духовной и умственной свободе, о необходимости и путях преодоления чувства мести, озлобленности и ожесточённости, о важности осознания собственных недостатков и борьбы с ними (7, 554). Поэт ставил различия между народами по их отношению к культуре и искусству, по той роли, которую они сыграли в истории человеческой цивилизации. В качестве примера он привёл следующий случай: «В 1896 году, когда в Ване происходила резня, турки, круша и разрушая всё вокруг, убивая людей, заходят в дом одного человека, который в этом крошечном ужасе начинает защищать статую, которую он изваял, чтобы её не разбили, и это при том, что турки убивали людей» (7, 555).

Поэта очень беспокоило, что новое поколение армян может вырасти озлобленным и ожесточившимся, что яд мести может отравить души детей-сирот, и он, обратившись к питомцам приюта, сказал: «А как же нам обрести свою свободу? Наверное, многие думают – убивая, мстя. Нет, это уже само по себе несчастье. Убивая, мы приближаем турецких головорезов к их цели, уподобляемся им. Мы должны стараться не уподобляться им, а их самих отвести от убийства, уподобить нам. Те народы, которые переполнены чувства ненависти друг ко другу, не имеют покоя, режут друг друга, уничтожают нажитое друг другом и доставляют друг другу огромный ущерб» (7, 555).

Слова поэта попадали в благодатную почву. Ему верили беспрекословно и безоговорочно. «Каждое слово Туманяна было для нас заповедью и наказом, освещающим будущее поколение», – напишет в своих воспоминаниях выпускник сиротского приюта¹.

В честь Ованеса Туманяна начиная с февраля 1919 г. время от времени в тифлиских театрах ставится опера Армена Тиграняна «Ануш». В Новом Баязете было принято решение назвать именем Туманяна одну из улиц и основать фонд его имени, чтобы издавать детские произведения поэта. Что касается самого Туманяна, то он считал проявление огромной всенародной любви к нему и его творчеству отношением ко всей армянской литературе, уважительным и заботливым отношением к писательскому труду. Каждый раз в своём ответном слове он выражал благодарность за проявляемое внимание и чествование не от своего имени, а от имени всех армянских писателей, от имени армянской литературы.

В юбилейные дни и недели Ованес Туманян лично присутствовал на организованных в его честь мероприятиях в Артистическом обществе, в женской гимназии Камоян, в четвёртой мужской

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 856.

гимназии, в школе Мариамян-Овнанян, в женской гимназии С. Аргутяна-Долгорукого, в русских и грузинских литературных обществах и многих других местах.

Несмотря на отрицательное отношение к «поднятой шумихе» вокруг своего собственного юбилея, Туманян очень высоко оценивал организацию юбилеев в духовной жизни народов. По его мнению, «когда народ отмечает юбилей, он в эти дни переоценивает или оценивает юбиляра и выводит на первый план свои чувства, то есть самое большое, что можно показать в эти дни» (7, 393). Поэт рассматривал юбилей выдающихся деятелей как яркое проявление чувств народа. Именно таким событием можно считать юбилей самого Туманяна, потому что для его проведения не были созданы правительственные комиссии, не были приняты специальные постановления, но, тем не менее, юбилей был отмечен, отпразднован с исключительной торжественностью, продолжался без малого три месяца и, несмотря на свою стихийность, был проведён намного лучше, чем юбилей какого-либо другого писателя или деятеля культуры той эпохи. Он стал именно таким общенациональным юбилеем, каким представлялся поэту юбилей вообще. «Под общенациональным юбилеем, – писал поэт, – я понимаю такой юбилей, когда чувствуя кого-то вся нация может сказать: «возвеличивая тебя, я возвеличиваю и себя». Это деятель, который поднялся над уровнем своего народа настолько, что его голова видна из каждой страны, и он снискал себе уважение и восхищение повсюду» (6, 512).

Что касается питомцев сиротских приютов, то для них юбилей Ованеса Туманяна был особенным событием, самым большим праздником в их жизни. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Визит сирот был очень трогательным. Они смотрели на отца с любовью и удивлением и радовались»¹.

Прижизненный юбилей Ованеса Туманяна был общенациональным событием, потому что поэт в армянской литературе был тем самым огромным и ветвистым дубовым деревом, с которым соединялись и от которого отделялись все литературные жанры и направления.

Пятидесятилетний юбилей Ованеса Туманяна стал беспрецедентным культурным событием не только для армянской действительности и не только для своей эпохи. Мало кому из самых гениальных и самых великих деятелей литературы и культуры доводилось удостоиться при жизни столь высокой оценки, столько «народных титулов»; мало кому посвящалось столько пламенных и душевных стихотворений и адресовалось так много поздравитель-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 186.

ных телеграмм и речей, как Туманяну. Мало кто из писателей пользовался при жизни такой всенародной любовью и уважением, таким безоговорочным и непререкаемым авторитетом, как Туманян. Наконец, мало чей прижизненный юбилей отмечался так всенародно, так искренне и стихийно, и при этом длился три долгих месяца... Кого ещё называли при жизни «надеждой и упованием народа», «святым и праведным человеком»?

К сказанному остаётся только добавить, что пятидесятилетний юбилей Ованеса Туманяна ещё раз наглядно и красноречиво подтвердил ту непреложную истину, что у подлинно национального поэта должен быть только общенациональный юбилей.

В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920 – 1922 гг.)

Первая независимая армянская республика просуществовала недолго. Турецко-армянская война и борьба на нескольких фронтах за своё физическое существование вконец изнурили и обессилили армянский народ. Большевицкая Россия воспользовалась подходящим моментом и 29 ноября 1920 года силами 11-й Красной армии победным маршем вошла в город Иджеван и объявила о советизации Армении. Альтернативы не было. А через несколько дней, 2 декабря, Армения была объявлена «независимой советской социалистической республикой». Сговор между большевицкой Россией и кемалистской Турцией дал ожидаемые плоды. Армения была советизирована. Армянский народ снова потерял свою независимость.

Как бы то ни было, Советская Армения стала единственным гарантом физического существования армянского народа, который получил возможность продолжать свою жизнь на пусть небольшой и значительно урезанной со всех сторон, но всё же своей исторической территории. Ованес Туманян прекрасно осознавал всё это. Он не мог противостоять победившей советской власти. Точно так же руководители Первой армянской республики не могли не уступить руль управления большевикам. Поэт хорошо знал также руководителей новой, советизированной Армении. У поэта были близкие друзья как среди дашнакских правителей страны, так и среди пришедших к власти коммунистов.

В своём известном официальном обращении к Ревкому Армении за 18 декабря 1920 г. поэт указывает политические ошибки большевицкой России и осуществляемый ею «красный террор», дипломатично определяя их как последствия, порождённые «трудностями и дефектами переходного периода». Он советует Ревкому держаться подальше от свойственных революционным периодам

нежелательных событий, не доверяться недалёковидным деятелям, стремящимся расправиться с представителями прежнего руководства страны. Поэт пишет: «После переворота многие люди, имеющие личные счёты друг с другом, могут воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы плести интриги друг против друга и рассчитаться со своими личными врагами... Им было так же легко быть вчера дашнакскими деятелями, как легко они сегодня стали коммунистами»(10, 369). Поэт советовал также «не придавать серьёзного значения обстоятельству принадлежности таких людей к дашнакам» и не давать ход разбирательствам, которые приведут к масштабному сведению счётов и тем самым станут «повсеместным злом»¹.

Сам Туманян называл своё обращение к Ревкому Армении «миротворческим посредничеством поэта армянского народа»². Конечно, поэт не был настолько наивен, чтобы думать, что революционеры-большевики прислушаются к его совету и прекратят свою кровавую расправу над идеологическими противниками, но он надеялся, что расправа эта будет хотя бы кратковременной и не будет носить масштабного характера. «Конечно, ещё переходное время, революционный период – могут происходить грубости, но этот период времени пройдёт, ситуация наладится, и всё будет очень хорошо»³.

Известно, что в декабре 1920 года Ованес Туманян написал несколько писем Владимиру Ленину, подлинники которых не сохранились. Судя по всему, в этих письмах поэт стремился предотвратить, ограничить приобретающий угрожающие размеры «красный террор». Разумеется, советы поэта остались не услышанными⁴. В стране советской полным ходом идёт «экспроприация экспроприаторов». Кровавые расправы над инакомыслящими и проявлявшими сочувствие к прежнему, дашнакскому режиму, приобретали всё больший размах и становились повсеместными. Повсюду конфисковывалось чьё-то имущество, грабежи стали обычным, повседневным явлением. Тюремные камеры были переполнены настолько, что в них невозможно было не только прилечь, но и присесть. Всё население Армении бедствовало и голодало.

---

¹ Там же, с. 370.

² Там же.

³ Там же, с. 371.

⁴ М. Карапетян, Г. Геворгян, «Советская Армения в 1920-1921 гг.», Ер., 2007, с. 50.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ. ФЕВРАЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

*«Для спасения оказавшегося перед угрозой
гибели народа великий поэт важнее, чем вели-
кий полководец».*

Гарегин Нжде

В исторической литературе о Февральском восстании 1921 года существуют две диаметрально противоположные и несовместимые версии, точки зрения. Согласно одной из версий, Февральское восстание было организовано после советизации Армении, то есть не носило стихийного характера. Этой версии, как истине в последней инстанции, придерживалась советская историческая наука. Согласно второй версии, восстание, причиной которого было всенародное недовольство советской властью, началось стихийно и только на определенном этапе приняло организованный характер, стало руководимым движением, вооруженной борьбой¹. Вторая версия, принятая на вооружение современной армянской историографией и опирающаяся на публикации нововыявленных архивных материалов и документов, представляется нам значительно более убедительной и мотивированной.

Советская историография намертво приклеила к Февральскому восстанию 1921 года, этому очень важному событию в новой истории армянского народа, ярлыки «авантюра» и «мятеж». Конечно, делалось это только и только по идеологическим соображениям, с целью принижения его исторической значимости и масштабности. Общим местом в советской историографии стало также утверждение, что февральские события были от начала и до конца инициированы, организованы и совершены дашнакскими деятелями, то есть были делом Армянской Революционной Федерации (АРФ) «Дашнакцутюн», которая, в качестве главного и практически единственного зачинщика, должна была понести ответственность за содеянное.

Можно ли и насколько правомерно называть Февральское восстание «авантюрой» и «мятежом»? Думается, все-таки можно и в

---

¹ См. В. Казахецян, Г. Геворкян, «Вокруг вопроса о руководстве Февральского восстания со стороны «Дашнакцутюн» (новоявленные документы), «Вестник архивов Армении», 2003, №1, с. 46 (на арм. яз.).

какой-то степени правомерно, если иметь в виду заведомую, изначальную обреченность этой акции протеста, ее безнадежность, вопиющее неравенство сил противостоявших сторон. Признавая большую уязвимость этого сопоставления, мы, тем не менее, рискнули бы указать типологическое сходство рассматриваемых событий с восстанием декабристов 1825 года. Там тоже были налицо все признаки «авантюры», там тоже у восставших не было ни единого шанса на успех, и, прекрасно понимая это, организаторы и руководители восстания, тем не менее, пошли на этот авантурный и самоубийственный шаг. Вспомним по этому поводу известное изречение Александра Грибоедова, с горькой иронией сказавшего: «Сто порпорщиков хотят изменить весь государственный строй России!».

Современная армянская историческая наука на терминологическом уровне закрепила за рассматриваемым событием название «Февральское восстание 1921 года», однако мы остаемся при мнении, что, совершенно не принижая его значимости, это историческое событие можно называть и «авантюрой», и «мятежом», и «переворотом». Все эти понятия стоят в одном синонимическом ряду и содержат в себе практически идентичные признаки. Вспомним по этому поводу, что Иван Бунин (и он в этом смысле далеко не одинок) до конца жизни называл Великую Октябрьскую революцию мятежом и переворотом, но суть дела от этого не менялась.

Немного предыстории. Армения была провозглашена советской социалистической республикой 29 ноября 1920 года. Большевики пришли на смену дашнакскому правительству, которое подало в отставку 23 ноября. В обращении Ревкома в духе того времени гарантировалась мирная трудовая жизнь и декларировалось, что «Приобщенная к великой семье Советских республик труда, разоренная Армения сумеет залечить глубокие раны, полученные в тяжелое наследство от проклятого старого правительства». Всю власть до созыва учредительного съезда Советов сосредоточил в своих руках временный Военно-революционный комитет, прибывший в Ереван 6 декабря. По достигнутой договоренности Комитет не должен был преследовать представителей дашнакской партии, а также других политических партий. Он не должен был также предпринимать репрессивные меры в отношении командного, офицерского состава армии Республики Армения. Но армянские большевики начали с уже прошедшего «испытательный срок» в России и оправдавшего возлагавшиеся на него надежды военного коммунизма, который сводился к насильственному отбору продовольствия у населения. Это была, по утверждению Ленина, временная и вынужденная мера, направленная на содержание Красной Армии. Вконец

обнищавшее, пережившее все тяготы и лишения мировой войны, фронтального наступления организованной турецкой армии, лихольетя смутного времени, крестьянское население оказалось между молотом и наковальней. Большевики грубо и бесцеремонно грабили народ, прикрывая свои жестокие действия издевательским эвфемизмом — «экспроприацией». Неприкрытый и наглый грабеж преподносился «под соусом» изъятия излишков продовольствия, но более чем очевидно, что в те голодные, трудные годы ни о каких излишках не могло быть и речи, не говоря уже о том, что под «излишками» красноармейские опричники подразумевали все то, что могло им пригодиться. Положение еще более усугублялось тем, что активное участие в этом грабеже, сопровождавшемся насилием, избиениями и убийствами, принимали введенные в Армению военные отряды азербайджанской Красной Армии. Вчерашние мусаватисты сменили турецкие фески на красноармейские «буденновки» и продолжали разбойничать, грабить и унижать армян, но теперь уже на жалких остатках территории Восточной Армении. Очень скоро выяснилось также, что обещанная амнистия так называемым «националистам и врагам народа», а на самом деле воинам-ополченцам, принимавшим участие в национально-освободительной борьбе армянского народа, — всего лишь уловка, обман, устроенная коммунистами западня. Многие видные деятели партии Дашнакцутюн, прославленные полководцы, политические и государственные деятели были вероломно брошены в тюрьмы, некоторые из них были зверски зарублены топорами.

Недовольство народных масс росло со дня на день и приводило к противодействию, противостоянию. Очаги стихийного, неорганизованного вооруженного сопротивления вспыхивали в самых разных районах республики. Симон Врацян в своих письмах, адресованных великому армянскому военачальнику и пламенному патриоту Гарегину Нжде, сообщает о разочарованиях народа в деятельности большевиков, о том, что большевики привели Армению к полной разрухе, что в стране царит произвол и анархия и что Армения превратилась в сущий ад.

Масло в огонь подлило постановление Центрального Комитета Компартии Армении от 12 февраля 1921 года, совершенно недвусмысленно и провокационно объявившее о том, что классовый враг «должен быть уничтожен». В ответ на это уже на следующий день, 13 февраля, дашнаки созвали совещание в селе Зар Котайкского района. Именно в этот день было принято решение о восстании про-

тив ненавистного для народа большевистского режима и был назначен срок вооруженного нападения на Ереван¹.

Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, стали новые факты произвола, беспрецедентные по своей жестокости преступления и злодеяния большевиков. Они устроили самую настоящую бойню в тюрьмах, убивали арестантов штыками винтовок, расстреливали из ружей и пулеметов, забивали топорами. Жертвами этой кровавой расправы стали более пятидесяти дашнакских военнопленных, в их числе – известные полководцы Амазасп Срвандзтян и Горганян.

Восстание началось ранним утром 18 февраля 1921 года. Восставший народ занял Канакер и спустился в Ереван. В этот же день Ереван был освобожден, и было организовано временное революционное правительство, названное «Комитетом Спасения Родины».

Вооруженное восстание против советского строя стало началом новой братоубийственной гражданской войны, нового и притом абсолютно бессмысленного – из-за заведомого неравенства сил – кровопролития. В это же самое время (25 февраля) Красная Армия устанавливает Советскую власть в соседней Грузии. В Тифлисе большевики, а также все армянство, выражают желание послать в Ереван специальную делегацию, миссией которой было бы незамедлительное прекращение сопротивления и противодействия установившей свое полное господство большевистской власти и восстановление мира. Однако организация и отправка подобной миссионерской делегации оказалась невозможной. «Делегация не состоялась. Оказалась возможной только моя поездка», – пишет по этому поводу Ованес Туманян (7, 510).

То, что Туманян мечтал видеть Армению независимой страной, – совершенно непреложный и бесспорный факт, не подлежащий ни малейшему сомнению. О Первой Армянской Республике он пишет: «У нас была независимая республика со своей армией и со всеми атрибутами. И мы не смогли удержать и защитить нашу страну и наш народ» (7, 510).

С каждым днем соотношение сил на Кавказе менялось в пользу большевистской России. Туманян осознавал, что организованный со стороны партии Дашнакцутюн Февральский переворот не мог увенчаться успехом, был заранее обречен на поражение; более того, даже в случае победы дашнаки в исторически сложившейся ситуации не имели ни единого шанса удержать свою власть на более или менее продолжительное время. Это означало, что перед смертель-

---

¹ См. С. Вращян, «Республика Армении», Ер., 1993, с. 560.

ной угрозой оказывалась не только Республика Армения, но и физическое существование всего армянского народа.

До советизации Азербайджана, как отмечал Туманян, «в горах Карабаха уже истреблялся армянский народ» (7, 511), а в Баку и прилегающих регионах все еще продолжал бродить призрак резни. Тесно связанный с русским народом, русской интеллигенцией, русской литературой и культурой, Ованес Туманян при этом прекрасно видел все отрицательные стороны политики, проводимой большевистской Россией. Он называл Россию, прошедшую через социалистическую революцию, страной, «имеющей дефекты», страной, осуществляющей военную, силовую диктатуру, страной, которая «не останавливается даже перед террором и продолжает вести гражданскую войну, самую безжалостную из войн» (7, 512). Но, тем не менее, оставаясь убежденным русофилом, свою надежду на обеспеченное физическое существование армянского народа Туманян связывал именно с Россией. Основы этой надежды были реалистичными, поскольку, как отмечает поэт, «как только Красная Армия вошла в Азербайджан, сразу же прекратились резня в Карабахе и ужас резни в Баку» (7, 512). Кроме того: узнав, что русская армия вошла в Армению, из каралисского ущелья отступили турецкие войска. К тому же 21 февраля 1921 года на конференции в Москве должен был решаться вопрос границ Советской Армении. Понятно, что в сложившейся конкретной исторической ситуации судьбы армянской государственности находились в руках у Советской России, и портить отношения с нею, как это делали дашнакские руководители, было равносильно самоубийству. С другой стороны, вконец обессиленное, отчаявшееся и растерянное, чудом спасшееся от турецких ятаганов западноармянское население, увидев в Восточной Армении разруху, полное безвластие и произвол, было готово вернуться на свою историческую родину – в Османскую Турцию. Положение усугублялось еще и тем, что, как это обычно бывает в смутные времена, с молниеносной скоростью распространялись лживые, провокационные слухи. В качестве примера Ованес Туманян приводит следующий дошедший до него слух: что якобы «коммунисты рубят топорами людей, невзирая на пол и возраст и что существуют отдельные батальоны карателей с топорами..., что оставшихся в селах крестьян собирают и расстреливают в церкви» (7, 514). Что ж, у страха, как говорится, глаза велики. Слухи эти, конечно, были злоумышленной ложью, но они продолжали расти и распространяться. Развенчание этих слухов тоже было одной из побудительных причин поездки Туманяна в Ереван.

Дыма, как известно, без огня не бывает. Главной и основной причиной Февральского восстания было справедливое недовольство

народа вопиюще противоправными действиями некоторых армянских большевиков, в частности, Ависа Нуридджаняна, Геворка Атабекяна, Г. Алиханяна и других. Они, вопреки указаниям Председателя Ревкома Армении Саркиса Касьяна, членов Ревкома Асканазя Мравяна, Александра Бекзадяна, последовательно и прямолинейно проводили политику углубления существовавших противоречий и конфликтов, политику разжигания страстей, и при этом совершенно не стеснялись в выборе средств, прибегая к чрезмерно строгим, подчас жестоким мерам воздействия. В свою очередь, Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн» открыто собиралась вести переговоры с заклятым вековым врагом Армении – правительством Османской Турции.

Фактически АРФ «Дашнакцутюн» не инициировала, а только возглавила уже начавшееся всенародное движение против пришедших к власти большевиков. Был заключен Договор, согласно которому победившая Советская власть фактически брала на себя всю ответственность за решение дальнейшей судьбы армянского народа, включая территориальные, социально-экономические, культурно-образовательные и все иные проблемы и вопросы.

Туманян, таким образом, пришел к убеждению, что переворот не был заранее спланирован и подготовлен дашнаками, что восстание вспыхнуло спонтанно, неожиданно, и что только после этого дашнакский «Комитет спасения» принял решение возглавить, взять на себя руководство народным движением, направлять его. «Суматоха в городе началась внезапно: никто не знал, что она могла случиться в этот день» (10, 380).

В первых числах февраля большевистское руководство начало новую серию массовых арестов. Коммунисты объявили дашнаков своими классовыми врагами и недвусмысленно угрожали им физической расправой, уничтожением. В застенках наркомата внутренних дел оказались Ованес Каджазнуни, Левон Шант, Никол Агбальян... Фактически коммунисты осознанно довели до отчаянного, практически безвыходного положения довольно лояльно относившихся к ним дашнаков, отрезали для них все пути к отступлению и тем самым спровоцировали Февральское восстание. Весть о тотальных арестах и расправах над безоружными, не оказывающими никакого сопротивления лучшими сынами Армении всполошила, взбодорила все население республики. Один за другим восстают города и села Армении – Даралагяз, Баш-Гарни, Аштарак, Эчмиадзин, Новый Баязет...

Сложившаяся в Армении социальная и, особенно, политическая ситуация серьезно беспокоила все армянское население и, в частности, армянскую интеллигенцию Тифлиса. Вот почему Ованес

Туманян, подвергая серьезному риску свою жизнь и здоровье, отправился в Ереван, чтобы убедить дашнакских лидеров снова сесть за стол переговоров с русскими. Многие видные дашнаки – Левон Шант, Никол Агбалян, Ованес Каджазнуни, Симон Врацян – были близкими друзьями поэта. Кроме того, одним из активных дашнакских деятелей к тому времени стал сын поэта – Амлик Туманян.

И все-таки, что стало побудительной причиной поездки Туманяна в Ереван? Поэта часто спрашивали об этом, и как-то он ответил на вопрос притчей. «Как-то Иван Купала и Николай Угодник наряженные идут к месту паломничества. По дороге они видят трясину, в ней тонет человек и зовет о помощи. Иван Купала не хочет залезать в трясину, мол, если зайду, мой наряд испачкается, а Николай Угодник, не пожалев своей одежды, залезает в болото и спасает жизнь тонущего человека. После этого русский народ отмечает праздник Николая Угодника четыре раза в год, потому что он спас жизнь тонущего в трясине человека, а праздник Ивана Купалы отмечает раз в четыре года.

То же и со мной, для спасения нашего народа я пришел и попал в трясину»¹.

И все же, думается, лучше всего мотивацию поездки поэта объясняет его дочь Нвард, которая в своих воспоминаниях пишет: «Когда отец вернулся из Тифлиса в Ереван, многие спрашивали, почему он в такое смутное время поехал в Ереван, кто дал ему санкцию? Он отвечал так:

– Меня повела судьба армянского народа, меня повел народ... Я не мог спокойно оставаться на месте и заниматься литературой, когда народ находился в опасности, а уже потом получил санкцию от Орджоникидзе»².

О том, насколько опасным и рискованным было это мартовское путешествие из Тифлиса в Ереван, можно судить по письмам самого Туманяна. Он, в частности, отмечает, что переходя через линию противостояния большевиков и дашнаков, попал в сильный ружейный и пулеметный обстрел с обеих сторон. Это происходило два раза, и оба раза обстрелы были довольно опасными и продолжительными. Поэт был вынужден пройти по глубокому снегу около десяти верст и до глубокой ночи оставаться в непосредственной близости от огневых позиций (10, с. 379). Туманян добирается до Еревана 20 марта, через неделю после отправления из Тифлиса. Его маршрут проходил через города Дилижан, Еленовка и Ахта.

О предстоящем приезде Туманяна заранее уведомляются ру-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Ер., 1998, с. 236-237.

² Там же, с. 238.

ководители дашнакской партии. Дочь поэта Ашхен рассказывает, что 19 марта 1921 года поздно вечером ей передают распоряжение председателя «Комитета Спасения» Симона Врацяна, чтобы она подготовила комнату для прибывающего важного гостя. При этом ей не сообщают, что речь идет о ее отце. Ашхен отмечает также, что по прибытии Туманян рассказал о советизации Грузии, в резких выражениях отозвался о дашнакской аванюре, вследствие которой понапрасну гибнет народ; сказал, что в Тифлисе приняли решение послать в Армению какого-либо влиятельного человека, чтобы смог прекратить братоубийственную войну. Таким «влиятельным человеком» сочли Туманяна. Ашхен указывает также, что в первые дни они выходили на прогулки, встречали знакомых. Многие уже знали о миротворческой миссии поэта, и с кем бы он ни говорил, все соглашались с его мнением¹.

Воспоминания современников Туманяна, написанные в годы советской власти, нельзя считать безоговорочно достоверными, поскольку они писались под сильным идеологическим прессом, с определенной навязываемой точки зрения. О дашнакских деятелях нельзя было говорить ничего положительного. Нельзя было даже упоминать имена деятелей дашнакской партии. Например, Дереник Демирчян, всегда отличавшийся своей вполне объяснимой и обоснованной, выстраданной осторожностью, рассказывая о Вернатуне, просто «забывал» имена Левона Шанта и Никола Агбаляна и использовал обтекаемую формулировку «и другие». Применительно к Февральскому восстанию 1921 года он использовал введенный в широкое обращение и навязанный советской историографией термин-ярлык «дашнакская авантюра». Думается, с позиций наших сегодняшних знаний и с учетом того, что его воспоминания были написаны в 1938-1939 гг., то есть в самый разгар «красного террора», мы должны относиться к ним с большой долей здорового скепсиса.

Дереник Демирчян пишет: «Понятен тот гнев, которых охватил Туманяна во время февральской авантюры. Он не вытерпел, и согласно своей привычке, поехал на фронт, вознамерившись добраться до Еревана и образумить дашнаков.

...Добравшись до Еревана, Туманян попытался уговорить дашнаков положить конец аванюре. Результатом стало то, что его подвергли домашнему аресту. Однако, как говорил Туманян, только одного его появления в Ереване и бесед с несколькими людьми было достаточно, чтобы там поняли обреченность авантюры. Туманян рассказывал, что в Тифлисе образцовый порядок, «нет никакой рез-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Е., 1969, с. 649

ни», что народ с ликованием принял Красную Армию и, что самое главное, там не было никакого восстания, как в Ереване»¹.

Несколько иначе рассказывает о тех же событиях Стефан Зорьян: «В эти дни в Ереване были уверены, что Тифлис находится в руках у меньшевиков и что Комитет Спасения ведет с ними переговоры – с целью создания единого фронта против большевиков. И предполагали, что Туманян отправлен со стороны меньшевиков, наверное, с какой-то очень важной миссией, раз он в эту зиму и этот снег взялся за такую трудную поездку... До нашего слуха доходило, что он несколько раз бывал в Комитете Спасения, был у председателя этого комитета Врацяна. Но наши сомнения этим не развеивались»². «Однако, – продолжает Зорьян, – недоумение общественности приняло еще большие размеры, когда распространился слух, что Комитет Спасения подверг Туманяна домашнему аресту, прикрыв это обстоятельство болезнью поэта.

Теперь вместе с недоумением возникли новые сомнения. Значит, Тифлис в руках у большевиков, и Туманян привез из Тифлиса такие вести, распространение которых, вероятно, невыгодно Комитету Спасения. Рассказывали, что в комнате Туманяна все время сидел какой-то офицер и что очень немногим людям, да и то только близким родственникам, разрешалось зайти к нему, разговаривать только на общие темы, но ни в коем случае не о положении в Тифлисе. Выяснилось, что поэт находился под наблюдением, чтобы к нему не могли войти случайные люди и услышанное от него распространяли по городу»³.

Установить вожденный мир и прекратить братоубийственную гражданскую войну Туманяну не удалось. Из-за сильной простуды, а также в согласии с «настоятельными рекомендациями» руководства «Комитета спасения Армении» избегать встреч и общения с людьми поэт оказался вынужден безвыходно оставаться дома у своей дочери Ашхен.

«Я лежу в постели больной», – пишет Туманян в своих письмах, написанных в эти дни. В день своего приезда, 25 марта, в письме к епископу Месропу Тер-Мовсисяну, он замечает: «Я в дороге сильно простудился, лежу, болен» (10, 378). И при этом сообщает очень важную для нас информацию: «Мои друзья и родственники навещают меня» (10, 378). Информация эта важна тем, что слова поэта никак не вяжутся с широко распространенным, расхожим в советской историографии мнением, что Туманян был арестован

---

¹ Там же, с. 47.

² Там же, с. 126-127.

³ Там же, с. 127.

дашнакскими руководителями, что он был взят под стражу и даже заключен в тюрьму. Подобные сведения и заверения, приводимые в воспоминаниях некоторых современников поэта, носят явно утрированный, тенденциозный характер. Не будем забывать об известных цензурных ограничениях и сильнейшем идеологическом прессе, под которым эти воспоминания писались в советские годы. Делалось это с очень понятной целью – дискредитировать дашнакских деятелей, представить их в негативном свете. Как бы то ни было, несомненным, безоговорочным фактом является то, что дашнаки относились с исключительным уважением к национальному поэту Армении, который когда-то своей жизни активно сотрудничал с ними и даже был привлечен царской охранкой и проходил обвиняемым в печально известном судебном процессе по так называемому «Дашнакскому делу». Вполне вероятно, что дашнаки сами не хотели вовлекать поэта в свою политическую деятельность, чтобы уберечь его от возможных опасностей. Здесь опять напрашивается аналогия с декабристами, которые из подобных же соображений не включили в свои списки и не привлекли к своему восстанию Пушкина.

В связи с приездом Туманяна в Ереван начинают распространяться самые разные, подчас абсолютно нелепые и курьезные слухи. Поэт обещает Геворку Атабекяну при встрече рассказать об этих слухах, о том, что он якобы специально направлен в Ереван большевиками («различные глупые байки, которые, однако, снова подтверждают всеобщий настрой против большевиков») (10, 377).

Поэт передает дашнакским руководителям, что большевистские власти и лично Серго Орджоникидзе обещали, что в случае повиновения и сдачи оружия будет объявлена «всеобщая амнистия». В ответ на это лидеры «Комитета спасения» выражают свое недоверие: «Не верим». И все усилия Туманяна, направленные на то, чтобы примирить и усадить за стол переговоров армянских большевиков и руководителей февральского переворота, оказываются напрасными.

В своем письме Серго Орджоникидзе, отправленном 25 марта 1921 года, Туманян пытается повлиять на сложившееся в Тифлисе мнение о том, что февральские события – дело рук одних только дашнаков, что только дашнаки ведут борьбу против совсем недавно победившей советской власти. Поэт пишет, что «с оружием в руках друг против друга стоят с одной стороны трудовой народ Армении, а с другой – вооруженные силы большевиков, и кровь течет...» (10, 375). В этом же письме Туманян доводит до сведения Орджоникидзе очень важную, «смягчающую» информацию. Он заявляет, что ни один военнопленный большевик не был расстрелян дашнаками (10, 375). Пытаясь отвести ответственность за произошедшие события от

дашнакских деятелей, поэт обращается с просьбой к Серго Орджоникидзе, чтобы тот, используя свое большое влияние, «оказал авторитетное воздействие, чтобы по возможности скорее был положен конец этому никому не нужному кровопролитию» (10, 375).

В тот же день, 25 марта 1921 года, Туманян в письме Геворгу Атабекяну вновь подчеркивает, что движение носит народный характер и не является «делом одного человека», как это пыталось представить большевистское руководство. Поэт в письме отмечает также, что только крестьяне бегут от Красной Армии, между тем как интеллигенция относится к советской власти вполне лояльно и намерена сотрудничать с ней. Под «интеллигенцией» Туманян подразумевал деятелей второй Республики Армения. В письме к Атабекяну он опять подтверждает свою мысль: «Должен свидетельствовать, что с самого начала восстания в Ереване не имело места ни одного случая расстрела арестованных коммунистов и пленных» (10, 376-377).

В письме к Атабекяну Туманян отмечает также, что сопровождавший его белый флаг, символизирующий мир и прекращение кровопролития, произвел неприятное впечатление на крестьян, собравшихся на Ереванском фронте. Но вместе с этим он выражает уверенность, что «это движение на самом деле возникло в селах и среди крестьян, для которых коммунистические порядки и распоряжения чужды и неприемлемы» (10, 376). Тем самым поэт пытался отвергнуть то распространяемое неверное мнение, что движение, возглавленное Комитетом Спасения Армении, «является делом нескольких людей и делом, с которым легко покончить» (10, 376).

Пытаясь исследовать причины Февральского восстания, Туманян повторяет ту мысль, что «крестьянство совершенно не готово воспринять идею коммунизма и его претворения в жизнь», поскольку крестьянству мешает «собственнический инстинкт» (10, 376). «По этой самой причине, – продолжает поэт, – поскольку его (крестьянина – С.О.) собственность была тем или иным образом ущемлена, отсюда возникла эта буря» (10, 376).

Туманян с большим для себя удивлением выясняет, что «перед Красной Армией крестьяне убегают из деревень», и выражает обеспокоенность по поводу того, что оказавшийся между молотом и наковальней армянский крестьянин, стараясь найти наименьшее из зол и оценивая создавшуюся действительность как «безвыходную ситуацию», может непроизвольно допустить роковую ошибку и метнуться в сторону своего векового заклятого врага – в сторону Турции. Поэт по этому поводу замечает: «...Не можете себе представить, как развивается такое настроение в крестьянской среде – навстречу туркам» (10, 376).

Второго апреля 1921 года большевистские власти подавили народный мятеж, и руководители и участники переворота, предавшись панике, стали в спешном порядке покидать Ереван и выезжать за границу. В эти дни Ованес Туманян все еще был в Ереване и оказался невольным очевидцем всеобщей паники и хаоса. В своих письмах поэт свидетельствует: «Я тоже увидел, как на многотысячную толпу бежавших с ними (дашнакскими руководителями – С.О.) летели из верховья города пушечные ядра: в тот же день я и Овик чуть было не стали жертвами какой-то пули...

Однако в общем в городе не оказалось ни одной жертвы. Конечно, было бы лучше, было бы намного, значительно лучше, если бы моя миссия удалась, но между сторонами не было доверия» (10, 380).

И, тем не менее, усилия Туманяна не были напрасными. Правда, ему так и не удалось убедить дашнакских деятелей, руководителей Республики Армения, успокоить, утихомирить народ, не удалось усадить их за стол переговоров с представителями победивших советских властей, однако он своим поистине безграничным личным авторитетом спас многие жизни, и неважно, были они большевиками, меньшевиками или дашнаками, – важно то, что все они были его соотечественниками, согражданами, армянами. Поэтому он с полным на это правом, не скрывая гордости и удовлетворения, признается: «...Но, как бы то ни было, я поступил хорошо, что приехал... очень хорошо поступил, что приехал. Многие жизни спасены, и не можешь не удивляться... когда как гибель людей, так и их спасение оказываются таким легким делом» (10, 380).

Можно только представить, какую огромную и неизбывную боль испытывала и без того раненая, страдающая «в безбрежном море армянского горя» душа поэта, когда он видел многотысячные толпы армянских беженцев, отправляющихся на чужбину через зангезурские горы и иранскую границу.

Левон Шант и Никол Агбалян перед своим отъездом встретились с Туманяном. Об этом мы узнаем из письма поэта, датированного 13 апреля: «Бедный Никол был болен, так и уехал. Шант был у меня, он уехал днем раньше» (10, 384).

После поражения восстания Туманян всячески старался помочь всем тем семьям, члены которых были вынуждены уехать, не будучи в состоянии забрать с собой всех домочадцев. Эти семьи по вполне понятным причинам и не без оснований боялись мести и гнева, расправы и преследований со стороны советских властей. «По поводу семей беженцев я пошел к Касьяну – могут ли они считаться свободными или им нужно удалиться?», – пишет поэт (10, 384). Председатель Ревкома Армении Саркис Касьян положительно

откликается на эту просьбу поэта и советует всем оставшимся выйти из своих убежищ. За подписью Саркиса Касьяна и Асканазя Мравяна 24 апреля 1921 года публикуется декрет о всеобщем помиловании, согласно которому под амнистию попадают все участники Февральского переворота, то есть все, кто сражались против Советской Армении. Из заключения освобождаются бывшие арестанты и возвращаются ссыльные.

Сын поэта Амлик, который в период установления дашнакского правления и провозглашения Республики Армения, в 1918-1920 гг., занимал должность руководителя аппарата парламента, а после советизации республики стал работать руководителем аппарата комиссариата народного образования, во время Февральского восстания вернулся к исполнению своих прежних обязанностей в парламенте. После поражения 2 апреля он вместе членами дашнакского правительства, в одном экипаже с Ованесом Каджазунни и В. Минахоряном в спешном порядке покидает Ереван и через Персию уезжает за границу, однако, доверившись упомянутому декрету Ревкома Армении об амнистии, через некоторое время возвращается в Армению. Годы спустя, во второй половине 30-х годов он вместе с другими своими братьями – Мушегом и Арегом, станет жертвой «красного террора», проявившего не только исключительное злопамятство, но и жестокость ко всем, кто имел хотя бы малейшее отношение к февральским событиям в Армении.

Такая же горькая и безрадостная судьба ожидает и если не всех, то, во всяком случае, подавляющее большинство наивно поверивших заверениям и обещаниям советских руководителей и вернувшихся на родину участников Февральского восстания, в частности, дашнаков. Все они подвергаются жестоким преследованиям, физически уничтожаются или ссылаются в Сибирь в качестве политических заключенных.

Туманяна, естественно, в первую очередь, интересовала и заботила судьба и экономическое, бытовое положение находящегося в крайней бедности, влачащего полунищенское существование многострадального армянского народа, который и без того был вынужден пройти через горнило бесконечных лишений, через все круги ада. Было совершенно очевидно и не вызывало никаких сомнений, что возобновившиеся распри, даже если бы они не переросли в гражданскую войну, только усугубили бы безрадостное положение народа. «...К этому повсеместному раздору следует добавить неизбежный голод, который должен наступить скоро, потому что не было ни осеннего, ни весеннего сева», – пишет Туманян. Поэт приходит к следующему выводу: «После всего этого есть о чем подумать: стоило ли проливать столько крови, чтобы заполучить бесконечную

войну и почти неразрешимую проблему в стране, в которой нет ни идеологического движения, ни идейной борьбы?» (10, 377). И поэт выражает свое полное согласие с признанием Г. Атабекяна, что «на всем протяжении революции мы не знали более бессмысленной войны».

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

После Первой мировой, геноцида армянского народа в Османской империи и кровавой расправы над организаторами и участниками Февральского восстания в Армении в 1920-1921 гг. сложилось крайне тяжёлое, бедственное экономическое положение. В стране царили голод, разруха, страшные эпидемии; положение усугублялось тем, что необходимо было как-то обеспечить самые элементарные жизненные условия для сотен тысяч беженцев и сирот, чудом спасшихся от турецких и курдских головорезов и нашедших пристанище в Восточной Армении. Для армянского народа, оказавшегося между молотом и наковальней, это были годы страшных испытаний на прочность, на выживаемость.

После потери своей исторической родины значительная часть армянского населения бежала из Западной Армении и рассеялась в самых разных странах мира. Возникли армянские колонии, армянская диаспора, которая по своей численности значительно превышала население Восточной Армении, представляющей собой лишь маленький осколок, островок исторической Великой Армении.

Необходимо было объединить усилия всего народа, всей нации, чтобы спасти от верной гибели сбившееся в кучу голодающее, терпящее неимоверные лишения и трудности население Армении. По инициативе видного советского политического и государственного деятеля Александра Мясникяна в Ереване создаётся благотворительная организация, которой Ованес Туманян дал название «Комитет помощи Армении» (10, 377). Её целью и предназначением было связать зарубежные армянские общины с родиной, восстановить хозяйство новосозданной советской Армении и обустроить её с помощью и при непосредственном участии диаспоры. Армения в это время представляла собой «судьбой гонимый край», «край рыданий и страданий», «долину слёз», «страну скорбных селений и пустых городов», «армянский ад».

Мэр Еревана, большой почитатель творчества Туманяна Арамаис Ерзнкян поехал в Тифлис и пригласил представителей армянской интеллигенции приехать в столицу Армении, чтобы организовать необходимую экономическую помощь стране. Он передал Туманяну личное приглашение Александра Мясникяна.

Летом 1921 года Ованес Туманян находился в очень плохом физическом состоянии, много болел, чувствовал себя усталым и измождённым и намеревался немного отдохнуть и подлечиться на отведённой ему даче в Коджори. Однако чрезмерно перегруженный неотложными и важными национально-общественными делами, поэт никак не мог найти время для того, чтобы позаботиться о себе и своём здоровье. С одной стороны, больному и изнурённому поэту хотелось отойти от общественной деятельности, чтобы наконец-то получить возможность заняться осуществлением своих планов по развитию армянской культуры, литературы, искусства и науки; с другой стороны, ему не давала покоя совершенно неопределённая судьба родного народа. Социально-политические проблемы носили судьбоносный характер и требовали безотлагательного вмешательства и решения. И поэт после недолгих раздумий согласился поехать в Ереван, чтобы поставить имеющее общенациональную значимость дело организации помощи Армении на реальную основу. 5 сентября 1921 г. Туманян в сопровождении Арамаиса Ерзнкяна, постоянного представителя Советской Армении в РСФСР Саака Тер-Габриеляна, наркома просвещения Армении Ашота Иоаннисяна, Лео, Дереника Демирчяна, сына княгини Мариам Туманян Левоном и некоторых других представителей тифлисской армянской интеллигенции отправился в Ереван. Забегая вперёд, отметим, что эта встреча с Ереваном окажется последней в жизни поэта¹.

В Ереване поэт проживал в доме очень богатой семьи выходцев из Нор-Баязета Африкянов. Дом имел большой и красивый сад, был расположен напротив старой крепости Еревана, на берегу реки Раздан.

Когда Лео и Ованес Туманян находились в рабочем кабинете Александра Мясникяна, Лео попросил не перегружать поэта национально-общественными делами и обязанностями. «Если хотите, чтобы наша поэзия процветала, прежде всего запретите этому человеку заниматься посторонними делами, председательствовать во многих организациях. Я знаю, как много ещё предстоит ему написать», — сказал историк².

Ованес Туманян, в свою очередь, рассказал Мясникяну о своих делах и планах. Поэт намеревался отремонтировать свой отчий дом в Дсехе, перевезти туда из Тифлиса свою библиотеку и полностью предаться литературному творчеству.

Приехавшие из Тифлиса делегаты учредительного собрания

---

¹ Впервые Ов. Туманян побывал в Ереване в ноябре 1895 г. Он провёл в городе несколько дней, проживал в гостинице «Франция».

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 103.

Комитета помощи Армении два раза в день добирались в центр города для участия в совещаниях. Учреждение Комитета заняло около трёх недель.

Когда Мясникян предложил Туманяну занять должность председателя Комитета помощи Армении, поэт вначале ответил решительным отказом. Он упрашивал, умолял дать ему возможность заниматься литературным трудом и был настроен довольно решительно. Однако обстоятельства сложились так, что ему пришлось изменить своё решение. Дочь поэта Нвард, которая в эти дни была с отцом и повсюду его сопровождала, свидетельствует: «В эти дни положение в Ереване всё ещё оставалось крайне тяжёлым: на улицах под стенами валялись обнажённые и голодные дети, измученные люди. На отца эти сцены производили гнетущее впечатление. Каждый раз возвращаясь домой, отец видел их и переполнялся глубокой печалью»¹. Историк Лео рассказывал, что, проходя как-то мимо ереванского рынка, поэт увидел лежавших на земле умерших от голода людей. Подошёл, склонился над грудой лохмотьев одного из этих людей, понял, что лежавшему на земле человеку уже не может ничем помочь. «Мёртвый», – прошептал поэт².

Продолжая свой путь по Астафьевской улице, видя ужасающие, душераздирающие сцены, лежавших тут и там полуобнажённых беженцев, Туманян обращается к Лео со словами: «Нет, Аракел, пока армянский народ ещё голоден и гол, мы не можем заниматься нашим делом – литературным трудом»³. Судя по всему, этот эпизод имел место в тот самый день, 13 сентября 1921 г., когда состоялось учредительное собрание Комитета помощи Армении, на котором председательствовал Туманян. Поэт выступил с пламенной речью и повторил в несколько иной форме слова, сказанные им Лео: «Пока народ умирает от голода на улицах, необходимо оставить всё, забыть обо всём и идти спасать его»⁴. На упомянутом собрании Ованес Туманян был избран председателем центрального правления Комитета, состоявшего из девяти членов. Избиратели отдают предпочтение поэту, учитывая его исключительную авторитетность и всенародную славу. Как пишет в своих воспоминаниях современник поэта Мкртич Джанан, «кто ещё был на родине, а тем более, в литературной жизни, более безупречным и надёжным, если не Туманян?»⁵.

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Ер., 1969, с. 242.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 104.

³ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 244.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 104.

⁵ Там же, с. 820.

Процедура учреждения Комитета длилась пять дней, с 13 по 19 сентября 1921 г.¹

Статус Комитета помощи Армении был установлен правительством республики и утверждён особым правительственным декретом².

Заместителем Ованеса Туманяна избирается Арамаис Ерзнкян, исполнительным секретарём – Ерванд Тагианосян. Членами правления становятся также Лео, Александр Паповян, Левон Саркисян, Симеон Пирумян, Григор Чубарян, врач Тигран Исаханян³. В те же дни ведётся редакционная работа над программой и уставом Комитета.

Одной из самых главных и основных функций Комитета было, с одной стороны, организовать экономическую помощь Армении, а с другой стороны, призвать волею судеб рассеянных по всему миру соотечественников вернуться в Армению. Важное место отводилось зарубежным командировкам.

На одном из собраний новосозданного Комитета помощи Армении, несмотря на решительные протесты Туманяна, было решено командировать его вместе с Ервандом Тагианосяном в Константинополь.

Поэт продолжал сопротивляться и протестовать. В письме от 19 сентября 1921 г., адресованном семье, он пишет: «Меня хотят послать за границу, но не смогут. Не поеду» (10, 394).

Однако некоторое время спустя поэт начинает колебаться. В письме от 4 октября он пишет: «В ближайшее время, возможно, даже поеду в Полис» (10, 396). По утверждению Нвард Туманян, причиной согласия отца опять же послужили «валявшиеся на улицах под стенами полуобнажённые беженцы»⁴.

Своему находящемуся за рубежом другу Аветику Исаакяну поэт пишет из Тифлиса: «Я только что вернулся из Еревана. Поехал учреждать Комитет помощи Армении. Учредили. Имеет 80 членов – из каждого течения и партии. Это беспартийная и нейтральная орга-

---

¹ В эти же дни Ов.Туманян вёл переговоры с Погосом Макинцяном о прекращении политических преследований в отношении его зятя, мужа Ашхен, Геворга Хатисяна. Г. Хатисян скрывался, потому что в дни Первой Республики Армения он занимал ответственные должности, в 1918-1919 гг. был управляющим делами парламента, а в 1919-1920 гг. – уполномоченным управления государственным имуществом Карсского округа. Макинцян обещал помочь и сдержал своё обещание.

² Об этом подробнее см. единственный номер газеты «Комитет помощи Армении» за 16 октября 1921 г., а также печатный орган центрального правления Комитета помощи Армении «Гравирак», № 1 за 1925 г.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 102.

⁴ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 244.

низация, которая будет сотрудничать с правительством, чтобы ликвидировать голод и обустроить страну. А меня обязали взять на себя председательство, якобы моё имя может способствовать примирению. Я был вынужден и в ближайшее время, возможно, поеду в Полис. Я думаю, если подобные комитеты будут основаны повсюду, они очень помогут миру и солидарному сотрудничеству наших рассорившихся кругов. И партийной борьбе. Будет хорошо, если ты также посодействуешь этому делу на месте»(10, 396). И Туманян снова обращается с воззванием ко всему армянству – на этот раз 13 сентября 1921 г., то есть в тот самый день, когда учредили Комитет помощи Армении, а его самого избрали председателем правления Комитета.

«Рассеянный по всему миру армянский народ!

СЛУШАЙ!

К тебе обращается Комитет помощи Армении...

Дело спасения армянского народа от голода и обустройства разрушенной Армении выше любых партийных соображений и политических разногласий...

Все пришли и объединились вокруг этого благородного дела, учредили свободный и беспартийный орган...

СЛУШАЙ, АРМЯНСКИЙ НАРОД, где бы ты ни находился, – от Европы до Индии и повсюду.

Слушай призывающий тебя голос родины и спеши на помощь, чем только можешь, чтобы получить то, о чём ты мечтал веками – свободную и благоустроенную родину» (7, 411-413).

Туманян пишет и публикует объявления от имени Комитета помощи Армении, под которыми ставят свои подписи 85 членов Комитета¹. Поэт прекрасно понимал, что без взаимосотрудничества и без объединённых усилий правительства и общественных сил распространение голода неминуемо обернулось бы всенародным бедствием, а последствия хозяйственной разрухи могли стать необратимыми и роковыми. На долю Ованеса Туманяна выпало такое время, что приходилось отдавать все силы, всю жизненную энергию и всё время решению проблемы физического выживания родного народа. Все его мысли были заняты защитой интересов многострадального народа и растерзанной страны. В упомянутом объявлении поэт во главу угла ставил именно то, что интересы армянского народа и страны для каждого патриота и гражданина должны быть выше личных, «шкурных» интересов, должны быть превыше всего. Он провозгласил «высшей целью обеспечение физического существования народа и экономическое обустройство страны, и во имя

---

¹ Газета «Еркир», 4 ноября 1921 г.

достижения этой цели всячески подчёркивал нейтральную позицию Комитета «по отношению к какой-либо политической партии или партийной борьбы» (7, 417).

В информационных сообщениях Ованеса Туманяна отмечалось, что Комитет выполняет возложенные на него функции самостоятельно, без посредников, и организует «сбор необходимых в народном хозяйстве предметов и денежных средств»¹. Однако любые, даже самые важные расходы подвергались контролю; необходимо было заручиться желанием и согласием дарителей и обеспечить присутствие их представителей. В сообщениях отмечалось также, что «Правление Комитета подотчётно общему собранию, а через него – общественности, которой следует предоставлять факты, данные, касающиеся экономического положения страны, а также напечатанные счета своей деятельности» (7, 418).

Ованес Туманян разговаривал с миром, с общественностью открыто и искренне, не скрывал «масштабов грозящего бедствия», говорил о возможностях и об ответственности Комитета. Воззвание поэта не потеряло своего актуального звучания даже сегодня, поскольку в нём выражена уверенность в исключительной важности и безальтернативности объединения сил, возможностей и ресурсов народа; в нём говорится о том, что в условиях нависшей смертельной угрозы и опасности благотворительность, гуманитарная помощь должны носить общенациональный характер и должны исходить из глубокого осознания того, что только объединившись, взявшись за дело всем миром, можно преодолеть возникшие трудности и проблемы и выйти из создавшегося положения. В те годы особенно остро ощущался недостаток в хлебе, семенах, одежде, лекарствах, денежных средствах, поскольку главным и первостепенным вопросом было уберечь население страны от голодной смерти. Примечательно, что в своих воззваниях Туманян называет такое содействие не благотворительностью, не гуманитарной помощью, а долгом. «Страна и народ ждут нашего живого и активного участия. Мы должны выполнить, мы выполним наш общий долг»².

Декрет о Комитете помощи Армении председатель Совета народных комиссаров Армении Александр Мясникян утвердил в декабре. В декрете говорится: «Имея в виду просьбу ряда общественных деятелей об утверждении учреждённого ими Комитета помощи Армении, задачей которого является оказание помощи голодающему населению Армении, а также содействие общему делу обустройства страны, Совет народных комиссаров принял решение

---

¹ Там же.

² Там же, с. 419.

утвердить представленный статус и разрешить Комитету начать свою деятельность в рамках упомянутой задачи»¹.

Поэту очень хотелось верить, что Армения наконец окажется в состоянии освободить свои территории от посягательства вековых врагов, и его соотечественники построят здесь свою независимую государственность, что на Армянском нагорье станет развиваться армянский гений и сумеет донести своё слово до всего мира.

В начале октября 1921 г., почти сразу же после своего возвращения из Еревана, Ованес Туманян вместе с группой армянских деятелей культуры создал в Тифлисе филиал Комитета помощи Армении. Как уже было отмечено, одной из главных и первостепенных задач Комитета было создание филиалов в самых разных армянонаселённых городах и странах мира, чтобы тем самым объединить усилия Армении и зарубежных армянских общин в деле обеспечения возрождения экономики Армении.

Задачи и цели Комитета помощи Армении были изложены в двух статьях программы и устава; в частности, в четырёх пунктах второй статьи. В первой статье декларировалось оказание помощи и содействия голодающему населению и обустройству страны, а во второй статье излагались непосредственные цели и задачи организации: право на сбор пожертвований и денежных средств по всему миру, распределение собранных пожертвований и денежных средств руководством Комитета и правительственных структур, устная и письменная пропаганда деятельности Комитета, командирование в зарубежные армянские колонии делегаций Комитета и сборщиков помощи.

В разделе «Юридический статус Комитета» устава декларировалась политически нейтральная и надпартийная сущность Комитета как общественной организации и юридического лица. Несмотря на то, что собранные Комитетом денежные средства не подвергались национализации и конфискации, однако правление благотворительной организации было обязано докладывать и представлять финансовые отчёты правительству, председателю Совета народных комиссаров. Центром, местонахождением Комитета был Ереван².

Ованес Туманян пишет и публикует 16 октября 1921 г. статью-воззвание «По поводу Комитета помощи Армении», в которой констатирует становление армянской государственности «пусть на небольшой части» своей родины и выражает пожелание, чтобы вокруг неё объединились все зарубежные армянские общины, вся рассеянная по миру армянская диаспора. Обращаясь за помощью и содей-

---

¹ Газета «Комитет помощи Армении», 16 октября 1921 г.

² Там же.

ствием ко всему армянскому народу, поэт пишет: «Здесь каждый армянин должен руководствоваться не своей жалостью, а глубоким осознанием гражданского долга... И испокон веков впервые в нашей действительности создаётся подобная организация, и она утверждается декретом собственного правительства и имеет право свободного передвижения в своей стране, как имеет это право каждый армянин, который придёт на помощь своему народу и своей стране. Примечательно, что независимо друг от друга и в неведении друг о друге подобные организации создаются и в наших колониях. Это означает, что армянский народ жив. Жив и могуч. Начиная от Еревана и кончая самыми отдалёнными колониями движется он в направлении своей родины. Сколько бы ни было преград и препятствий, какие бы трудности и лишения ни встречались на его пути, он добьётся своей цели» (7, 415).

Поэт старался привлечь к делу и своих друзей, проживавших за рубежом. Об этом свидетельствуют его письма, адресованные Аветику Исаакяну, Аршаку Чопаняну. Последнему он пишет в письме от 6 октября 1921 г.: «Я только что вернулся из Еревана. Наша страна очень пострадала из-за столкновений последних лет. Каждый раз, когда турки продвигались вперёд, старались уничтожить до основания страну и народ...» (7, 415). Сообщая другу об учреждении Комитета помощи Армении, поэт снова особо подчёркивает его беспартийный статус, нейтральную политическую направленность, а также указывает на необходимость создания его филиалов в зарубежных армянских общинах. «Совершенно самостоятельно в Полисе уже создали такую организацию – вот свидетельство того, насколько созрела эта необходимость. Наша задача – избавить народ от голода и обустроить страну» (7, 398).

Воззвания Туманяна о помощи не остаются без последствий. Американцы берут на себя обязательство организовать до июня 1922 г. обеспечение продовольствием и съестными припасами 100.000 армян, и уже в октябре 1921 г. посылают в Армению 200.000 пудов муки. Россия обещает 25.000 пудов муки, а также сельскохозяйственный инвентарь и т.д. Далее в своём письме поэт сетует, что общественная работа отвлекает его от творческой деятельности, мешает заниматься литературным трудом. «Против моей воли и невзирая на то, что мне хотелось посвятить себя литературе, и несмотря на то, что я избегал дел подобного рода, на этот раз я согласился – на том условии, что это будет носить скорее формальный характер, нежели реальный. Мне говорили и убеждали, что якобы моё имя может способствовать примирению и делу общего согласия. Ради этого, конечно же, я бы дал не только своё имя, но и много

чего другого»¹. В том же письме поэт сообщает Аршаку Чопаняну, что, решительно отказываясь от дальних командировок, он всё-таки согласился поехать в Константинополь.

У Туманяна было сокровенное желание: во время возвращения из Еревана в Тифлис сойти с поезда на станции Колагеран и остаться на несколько дней в своём родном лорийском крае, в Дсехе. Узнав об этом желании поэта, Александр Мясникян предложил Туманяну выделить для него отдельный вагон, который подождал бы его. Однако поэт отказался: он очень спешил и не мог позволить себе этой роскоши. Когда поезд проезжал мимо лорийских долин и ущелий, поэт в последний раз с тоской окинул взором родные пределы, лесистые горы, вслушался в шум реки Дебед, и тяжёлое предчувствие подсказывало ему, что он видит родные, до боли знакомые пейзажи своего детства в последний раз.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (30 ОКТЯБРЯ – 20 ДЕКАБРЯ 1921 г.)

Бедственное, совершенно удручающее положение страны и интересы народа вынудили Ованеса Туманяна подчиниться решению правления Комитета помощи Армении о его командировании в Константинополь (Стамбул). Накануне отправления поэт организовал в родном Тифлисе званый ужин, который, к сожалению, оказался последним в его квартире. Формальным поводом застолья оказалось то, что Туманян в начале октября 1921 г. был избран почётным членом Общества грузинских писателей. Дочь поэта Нвард свидетельствует, что отец «по этому поводу пригласил к себе представителей самых разных сфер деятельности и разных национальностей, около сорока человек – писателей, художников, композиторов, общественных деятелей... присутствовали Иосеб Гришашвили, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, из деятелей – Александр Канчели, из композиторов – Закаре Палиашвили, видные армянские и русские деятели»².

Грузинский писатель, публицист и общественный деятель Григол Робакидзе утверждает, что он также присутствовал на этом званом вечере и в своих воспоминаниях отмечает: «Там были почти все – будь то армяне или грузины, поэты или прозаики, актёры или художники, публицисты или журналисты. Это застолье, как и я, вероятно, помнят сегодня многие»³.

---

¹ Там же.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 244-245.

³ Г. Робакидзе, «Лучезарный Ованес», «Мекнарк», 1994, май, с. 12 (на арм. яз.).

Тамадой застолья был Александр Канчели. «Провозглашая тосты, он пил за здоровье одного из грузинских поэтов в паре с одной из дочерей Туманяна; когда очередь дошла до четвертой дочери Туманяна, тамада посмотрел по сторонам, чтобы отыскать очередного грузинского поэта. «Кацо, наши поэты кончились, у Туманяна больше дочерей, чем у нас поэтов», – пишет в своих воспоминаниях Нвард Туманян и добавляет: «Откуда было знать отцу, что это будет последним застольем в его жизни!»¹.

Несмотря на данное Ал. Мясникяну согласие на поездку в Константинополь, Туманян, тем не менее, до последней минуты колебался: ему совершенно не хотелось ехать. «Как здорово бы было, если бы я уже поехал и вернулся», – говорил он². Даже в самое последнее мгновение, когда он уже вышел из дома и поджидал карету, поэт сказал: «Хоть бы в эту минуту что-нибудь произошло и моя поездка не состоялась, чтобы я не поехал; меня словно ведут на бойню»³. Возможно, определённую роль в подобном настрое поэта сыграли слова его матери: Сона, наделённая даром ясновидения, увидела дурной сон и специально приехала из Дсеха в Тифлис, чтобы любыми средствами отговорить сына от этой поездки. Она слёзно умоляла поэта: «Ты не выходи в море, не иди в ту страну»⁴. Туманян всегда прислушивался к советам матери, верил в её пророческий дар и придавал большое значение вещим снам, однако на этот раз он вынужден был не внять её мольбам, хотя у него самого тоже сердце было не на месте – его тоже терзали дурные предчувствия. Однако на чаше весов была судьба сотен тысяч его соотечественников, которых необходимо было спасти от голодной смерти и крайне бедственного положения.

Вначале Туманян отправился на поезде в Батум. В возглавляемой им делегации были известные общественные деятели эпохи Ерванд Тагианосян, Арташес Каринян, Огсен Сарьян и другие.

Было 25 октября 1921 г. Ованес Туманян вместе с редактором и издателем журнала «Горц» Ервандом Тагианосяном и Огсеном Сарьяном находились в тёмном и неотапливаемом вагоне. Под тусклым освещением единственной свечи Туманян разложил на столике нехитрые съестные припасы и стал угощать своих товарищей-спутников. И делал он это настолько естественно и непринуждённо, что всем стало теплее и светлее на душе, настроение заметно улучшилось. В своих воспоминаниях Огсен Сарьян пишет об этом

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 245.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 247.

эпизоде следующим образом: «Присутствие и товарищество Туманяна превратило наш угол в лучезарную палату»¹.

Проведя несколько дней в Батуме, поэт на пароходе «Гарнаро» (по другим сведениям – «Франц Жозеф») отправляется в Константинополь. На протяжении всего пути, длившегося долгих три дня и три ночи, поэт был болен и не покидал своей койки и каюты.

Когда 30 октября пароход подплывает к берегам Босфора и на горизонте показываются строения Константинополя, поэт не может поверить, что его мучения наконец-то закончились. Он к этому времени потерял счёт дням и перестал ориентироваться во времени. Болезнь и сильная качка совершенно доконали его.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

В Полисе армянская делегация останавливается в гостинице Токатлян. Туманяна окружают вниманием и заботой прибывшие из Армении Дануш Шахвердян и Арташес Каринян. К поэту присоединяется также сын Амлик, который на протяжении целого месяца неотступно следует за отцом, а затем отправляется в Грецию.

Прибытие Ованеса Туманяна в Полис вызывает большое оживление и возбуждение в культурной жизни города. Во всех армянских газетах публикуются информации о приезде великого армянского поэта. «Для армян-патриотов над Мраморным морем взошло солнце, Солнце Армении», – пишет один из современников².

Повсюду, чередуясь друг с другом, проводятся деловые совещания, встречи, торжественные мероприятия, званые обеды. После советизации Армении это было первой культурной и духовной встречей между восточноармянской и западноармянской творческой интеллигенцией. С самого своего начала визит Туманяна «оказался чем-то вроде чуда»³. «Туманян приехал, чтобы пообщаться с армянским населением Полиса, чтобы стать связующим мостом»⁴, – пишет современник поэта Акоп Сируни и добавляет, что приезд Туманяна стал для армянской интеллигенции Полиса «новым поводом для воодушевления»⁵.

Вся армянская периодика Константинополя, Еревана, Тифлиса – газеты «Жоговрди дзайн», «Еркир», «Верджин лур», «Хорурдаин Айастан», «Кармир астх», «Гравирак» и др. с первого дня приезда

---

¹ Ежедневник «Лрабер», 21-25 октября 1969, с. 4.

² Ежедневник «Лрабер», 21-25 октября 1969, с. 4.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 811.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 816.

Туманяна ежедневно публиковали информационные сообщения, репортажи о встречах и мероприятиях, редакционные статьи, очерки о жизни и творчестве поэта и другие материалы¹.

В периодическом органе партии Рамкавар-азатакан «Жоговрди дзайн» 1 ноября 1921 г. публикуется статья редактора газеты, известного поэта и публициста Ваана Текеяна под названием «Господа Ованес Туманян и Ерванд Тагианосян в Полисе», в которой, в частности, говорится: «Воскресным днём из Батума на пароходе «Гарнаро» в Полис прибыли председатель Комитета помощи Армении поэт Ованес Туманян и член комитета Ерванд Тагианосян, которые остановились в гостинице Токатлян»². На следующий день в той же газете в анонимной редакционной статье Ованес Туманян характеризуется как «поэт-гражданин». «Наш величайший поэт взял на себя обязательство выполнить свой гражданский долг... И никто не может быть призван для этого более, чем поэт... Как все настоящие поэты, так и Туманян, несомненно, не смог бы оставаться вдали, в позе равнодушного наблюдателя – во время великих переворотов, которым подвергается политическая и общественная жизнь его народа»³. В статье озвучивается риторический вопрос: мог ли поэт спокойно отсиживаться в своём рабочем кабинете и дать своему народу новую поэму «Ануш»? Автор статьи полагает, что подобная пассивная позиция никак не вяжется с Туманяном, и берётся ответить вместо поэта. «Для того чтобы поэт оставался поэтом, – пишет он, – он должен прежде всего верить, что народ будет жить, тот народ, от которого он черпает вдохновение и которому отдаёт своё творчество»⁴.

Современник поэта Асатур Асатрян пишет: «Можно сказать, что двухмесячник ноябрь-декабрь 1921 г. в Полисе стал своеобразным юбилейным двухмесячником литературной и общественной деятельности знаменитого народного поэта. В этом промежутке времени атмосфера жизни армянской интеллигенции Полиса была насыщена туманяновским дыханием, Туманяном»⁵. Действительно, Константинополь с радостным, восторженным ликованием принял армянского поэта. В воспоминаниях одного из современников читаем: «Для армянского населения Полиса это был праздник торжества,

¹ «Еркир», 1921, 4 и 10 ноября 1921 г., «Хорурдаин Айастан», 1921, 29 сентября, «Кармир астх», Тифлис, 20 ноября 1921 г., «Гравирак», 1925, №1, «Комитет помощи Армении», 16 ноября 1921 г., «Верджин лур», 2 ноября 1921 г. и т.д.

² «Жоговрди дзайн», 1 ноября 1921 г.

³ Там же, 2 ноября 1921 г.

⁴ Там же.

⁵ «Туманян. Исследования и публикации», т. 1, Ер., 1964, с. 260. Оригинал воспоминаний хранится в семейном архиве Ов. Туманяна.

к нему в гости приехал самый обожаемый поэт армянского народа, слава которого давно уже распространилась в Полисе, принеся первые весточки из возрождённой родины»¹. Однако следует отметить справедливости ради, что в бочке мёда всё же была и ложка дёгтя. Некоторые дашнакские газеты проявляли нарочитую сдержанность, приветствовали поэта подчёркнуто прохладно. Они были недовольны и вполне правомерно обижены на советскую власть: горечь по поводу безжалостно и сурово потопленного в крови Февральского восстания и его казнённых участников всё ещё не прошла, раны не зарубцевались. Однако подобные настроения никак нельзя было назвать не только доминирующими, но и сколько-нибудь заметными. «Туманяна армянское население Полиса приняло с распростёртыми объятиями, и его миссия увенчалась самой большой удачей. Как народ, так и армянские писатели и вся интеллигенция окружили поэта беспримесной любовью... В честь Туманяна были организованы многочисленные торжественные обеды, которые ознаменовывались его патриотическими заповедями. Его слово было могучим и воздействующим. Его улыбка была заразительной и обаятельной. Его присутствие было чудодейственным»².

Совершенно очевидно, что Туманян даже физически не был в состоянии принимать все приглашения. В письме к родным поэт пишет: «Ежедневно в нескольких местах проводятся мероприятия и торжества, а о приходящих и уходящих – даже не спрашивайте. Часто бывает, что не то чтобы не могу отобедать, – просто не бывает времени, не могу выпить даже чашки чая»(10, 406).

ВСТРЕЧИ И МИССИЯ ПОЭТА

Начиная с 31 октября 1921 г. Ованес Туманян встречается с редакторами, издателями и сотрудниками различных армянских периодических изданий Константинополя. Это были газеты «Жоговрди дзайн», «Верджин лур», «Чакатамарт», «Еркир», женский вестник «Ай кин» и другие. Поэт принял также приглашение от редакции турецкой газеты «Еэни шарг». На всех этих встречах Туманян говорил о бедственном положении армянского народа, о целях и задачах своего приезда в Полис, разъяснял и уточнял роль и параметры своей миссии.

Ованес Туманян чуть ли не каждый день встречался с руководством армянского благотворительного общества Константинополя «Орган помощи родине» и прилагал все свои усилия для

---

¹ Там же, с. 258.

² Оригинал воспоминаний хранится в семейном архиве Ов. Туманяна.

укрепления позиций этой организации. Благотворительное общество «Орган помощи родине» было создано 24 октября 1920 г. на базе сорока трёх армянских благотворительных организаций Полиса. В него входили представители различных политических партий, редакторы и сотрудники периодических изданий и т.д. За год своего существования организация неоднократно посылала в Армению продовольствие, лекарства и одежду. У «Органа помощи родине» сложились довольно непростые отношения с патриаршеством Полиса. Между ними были серьёзные разногласия и споры по вопросу оказания помощи Армении. Патриаршество возражало и протестовало против независимой позиции Органа и его самостоятельно принимаемых решений и всячески старалось препятствовать его деятельности. Ованесу Туманяну удалось примирить обе стороны конфликта, положить конец междоусобным распрям.

Взаимосотрудничество Комитета помощи Армении и Органа помощи родине началось уже в ноябре 1921 года. Сперва представители Органа в первых числах ноября нанесли деловой визит армянской делегации в гостинице Токатлян. А вечером 9 ноября уже представители Комитета помощи Армении Ованес Туманян и Ерванд Тагианосян приняли участие в очередном заседании правления Органа помощи родине, которое состоялось в актовом зале Гум-Габу Мишн Хауз¹.

А через три дня, 12 ноября 1921 г., Ованес Туманян принимает участие ещё в одном заседании правления Органа помощи родине, на котором были обсуждены взаимоотношения Органа с Патриаршеством. Туманян в своём выступлении, в частности, сказал: «Я думаю, что если так и будет продолжаться, то католикос и патриарх окажутся по одну сторону, а народ – по другую»². В тот же день и на том же заседании было принято решение о том, что объединённая делегация представителей Органа помощи родине и Комитета помощи Армении обратится к Патриаршеству и положит конец этой совершенно бессмысленной борьбе, поскольку от этого «страдают дети родины». Согласно приведённому выше источнику, Ованес Туманян во время встречи сказал патриарху: «Я даже представить себе не могу какого-либо безумного патриарха, который хотел бы стать препятствием в деле оказания помощи несчастному народу своей родины»³. На это острое и прямодушное замечание Туманяна, продолжает автор сообщения, «патриарху нечего было ответить»⁴. В

---

¹ См. «Чакатамарт», 11 ноября 1921 г.

² См. «Бюллетень» Органа помощи Армении за 26 сентября 1923 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Бюллетени» Органа констатируется также, что Туманян своими публичными выступлениями и «обаятельным словом» во многом способствовал повышению репутации и авторитета Органа помощи родине.

Ованес Туманян выступал также с публичными речами в разных кварталах Константинополя. Поэта часто приглашали на мероприятия, организованные квартальными подразделениями Органа помощи родине. Одно из таких мероприятий состоялось 20 ноября в квартале под названием «село Магри», в зале греческого театра. Поэт выступил с пространной и обстоятельной речью, которая, по свидетельству очевидцев, «продолжалась более полутора часов»¹. И снова поэт счёл нужным сформулировать цели и задачи своего приезда, своей миссии, вновь счёл нужным подчеркнуть, что необходимо «не взывать к сочувствию и не просить о помощи, а упрочить нравственную связь между матерью-родиной и армянскими колониями»². Слова эти в «Бюллетени» Органа выделены и взяты в кавычки, то есть приводятся как прямое слово Туманяна.

После выступления поэта состоялась художественная часть. Со своими композициями выступил новосозданный ансамбль под руководством А. Элакцозяна, с чтением фрагментов из поэмы Туманяна «Ануш» выступила Палапанян, стихотворения Туманяна прочитал актёр Каро Газаросян. В газетном сообщении «Господин Туманян в селе Магри» отмечалось, что после официальной части мероприятия с участием членов всех подразделений Органа помощи родине состоялось ещё одно – в очень непринуждённой, тёплой и душевной обстановке. На встрече с пламенной речью выступила госпожа Чильян, которая «выразила самоотверженную преданность армянских женщин родине и её нуждам и требованиям»³.

В РЕДАКЦИЯХ

Во время своего пребывания в Константинополе Ованес Туманян в качестве почётного гостя имел встречи в редакциях разных армянских периодических изданий. В своих воспоминаниях Акоп Сируни свидетельствует: «Все редакции газет принимали его с раскрытыми объятиями, и везде его посещения превращались в приятные беседы. Туманян-собеседник отлично умел располагать к себе и обходиться без условностей»⁴. По заверениям другого современника

---

¹ Там же.

² Там же.

³ См. «Чакатамарт», 21 ноября 1921 г., с. 2.

⁴ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 813.

поэта, Мкртича Джанана, с наибольшей радостью и ликованием Туманяна принимали представители партии Гнчакян. Мемуарист пишет: «Редактируемая Галикяном гнчакяновская газета «Еркир» в одиночестве пропагандировала миссию Туманяна»¹. Конечно, с этим мнением трудно согласиться, но и совершенно не считаться с ним тоже, видимо, нельзя.

В редакции газеты «Верджин лур» («Последние известия») Ованеса Туманяна приняли в последних числах ноября, приняли, как и во всех других редакциях, с большой любовью и ликованием, а в информационном сообщении об этой встрече охарактеризовали его следующим образом: «Несмотря на свою седину, он поразил своим молодым задором, горячим темпераментом, остроумием, коммуникабельностью и уникальностью». Отмечалось также, что Туманян на всех встречах и приёмах является самым желанным гостем. Один из присутствовавших на приёме журналистов в своём репортаже пишет: «Мы, сотрудники редакции газеты «Верджин лур», имели удовольствие познакомиться с поэтом, и он, оказав нам честь своим визитом, вместе со своей последней фотографией подарил нам красивое любовное четверостишие»². Конечно же, упоминаемое рукописное четверостишие, записанное поэтом на обороте своей фотографии, никак нельзя причислять к любовной лирике; это яркий образец философской поэзии. Речь идёт о четверостишии, написанном Туманяном 2 мая 1921 г.

Когда берёшь Ты из того, что мне Тобой дано,
Я понимаю: у меня богатств ещё полно.
Я знаю: дух Твой всемогущ, щедр твоя десница,
Как много надо мне вернуть, чтоб нам соединиться!
(Пер. Н. Гребнева)

Редакции газеты «Айкашен» поэт передал два других четверостишия: «На Западе – тцета, машины, торгаши» и «Я жизнь свою не в светлый сад, а в площадь превратил».

1 декабря 1921 г. Ованес Туманян принял деятельное участие в создании объединённого циркулярного обращения-воззвания Комитета помощи Армении и Органа помощи родине. Воззвание было адресовано всем зарубежным армянским общинам и призывало забыть обо всех политических и партийных разногласиях и принять участие в оказании экономической помощи Армении, внести свою лепту в дело улучшения тяжёлого, крайне бедственного положения

---

¹ Там же, с. 822.

² Эта информация сотрудника газеты «Верджин лур» за подписью «С.» была перепечатана в каирской газете «Саварнак» в 1969 г.

армянских беженцев и обустройства страны. Это обращение-воззвание стало одним из первых важных документов сотрудничества Армении и Диаспоры, в котором был заложен краеугольный камень объединённой и солидарной деятельности всего армянства, общенациональной борьбы против всех возможных вызовов. В воззвании, в котором легко узнаются многочисленные формулировки Туманяна, говорится: «Таким образом, основываясь на единстве интеллектуальных и общественных сил западного и восточного армянства, Орган помощи родине и Комитет помощи Армении имеют одно и ту же священную задачу – обеспечить физическое существование армянского народа и способствовать делу переустройства Армении. Мы уверены, что программа, которую составили западные армяне в Полисе и восточные армяне – в Армении, станет руководством для всех армян, где бы они ни находились. Насколько бы идеологической ни была борьба, которую разные партии ведут друг против друга, борьба эта должна быть прекращена там, где на повестке дня стоят Армения и армянский народ. Мы здесь и в Армении твёрдо убеждены в возможности солидарного сотрудничества, слово за Диаспорой»(подчёркнуто в документе – С.О.)¹. Таким образом должна была быть создана «могучая организация национальной защиты, лозунги которой были бы обязательными для всех армян»².

В качестве приложения к обращению-воззванию адресатам посылались программы и уставы Комитета помощи Армении и Органа помощи родине, которые должны были служить методологической поддержкой для создания местных филиалов этих благотворительных организаций.

В документе также содержался призыв создавать повсюду, даже в каждом армянонаселённом городе филиалы Органа помощи родине³.

Совместное обращение-воззвание Комитета помощи Армении и Органа помощи родине получило большой резонанс. Его отголоски дошли до Бостона, откуда на имя Ованеса Туманяна поступило письмо с просьбой о разрешении приступить к благотворительной деятельности. Сразу по получении письма поэт 17 июня 1922 г. пересылает заявление («бумагу») по назначению – правлению Комитета помощи Армении. А ещё через два месяца в Армению из Америки были завезены мука, одежда, лекарства, денежные средства.

Газета «Верджин лур» опубликовала на своих страницах крат-

---

¹ «Туманян. Исследования и публикации», т. 1, с. 266.

² Там же.

³ Там же.

кую биографию Ованеса Туманяна, подчеркнув широкую популярность, народность его творчества, большой вклад в деле издания детских журналов и школьных учебников, а также то, что поэт сумел оживить народный фольклор, мастерски используя его в своих произведениях и при этом совершенно не искажая его сущности. В публикации были также удостоены самой высокой оценки баллады и сказки Туманяна¹.

Каждому представителю армянской интеллигенции Полиса после встреч с поэтом непременно хотелось исполнить его волю и протянуть руку помощи многострадальной родине, бедствующему армянскому народу.

ДОМ АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА

Ованесу Туманяну хотелось использовать предоставившийся случай и претворить в жизнь одну из самых важных и программных своих идей – создать в Константинополе Дом армянского искусства, тем более, что на тот момент Полис всё ещё оставался крупнейшим центром западноармянской литературы и искусства. Однако до приезда Туманяна в Полис западноармянская творческая интеллигенция не была объединена в каком-либо союзе или обществе. Поэтому Туманян надумал объединить её вокруг какой-нибудь единой программы и общих целей и задач – по примеру Дома армянского искусства в Тифлисе. И поэту удаётся в самые кратчайшие сроки – в первой половине декабря 1921 г. – основать в Полисе Дом армянского искусства. Эта инициатива поэта нашла полное понимание и поддержку со стороны Арташеса Кариняна, который прибыл в эти дни в Полис в качестве экономического представителя Советской Армении.

Вечером 10 января 1921 г. в гостинице Токатлян руководителями партии Рамкавар-Азатакан в честь Ованеса Туманяна был организован торжественный обед, на котором председательствовал редактор газеты «Жоговрди дзайн» поэт Ваан Текеян. На мероприятии присутствовали также знаменитый певец Арменак Шахмурадян, Грач Ерванд, Аветис Терзибашян, Аршак Алпояджян, Артак Дарбинян, Ерванд Тагианосян, Арменак Екарян, Огсен Сарьян, поэтесса Анаис и другие. Когда слово берёт Ованес Туманян, все замирают, «словно намагниченные»². Очевидец и участник застолья Огсен Сарьян в своих воспоминаниях пишет: «Стиль его речи был насколько

---

¹ «Верджин лур», 28 ноября 1921 г.

² Еженедельник «Лрабер», 21-25 октября 1969 г.

ясным, настолько компактным и зачаровывающим. Душой застолья был он сам – Туманян, со своими сладостными беседами, секрет обаяния которых был известен только ему»¹. Поэтесса Анаис также написала о своих впечатлениях от этого вечера. «Когда двери зала открылись и объявили его имя, моё сердце подпрыгнуло. Он был одет в чёрное, выглядел благонаправленным, стройным, с седой головой, производил впечатление очень благородного человека, крайне симпатичного; поэт со сладостной улыбкой протянул мне руку. Какое-то мгновение мы помолчали, я никак не могла найти слова, чтобы выразить своё счастье; возможно, моё волнение было более красноречивым»².

Своё выступление Ованес Туманян начинает с чтения адресованного ему письма Патриарха, в котором его святейшество выражает свою уверенность в том, что армянское население Полиса непременно окажет помощь Матери-родине(7, 561). Убедившись, что ему удалось преодолеть и положить конец распрям и спорам между руководством Органа помощи родине и Патриаршеством, поэт с нескрываемой радостью констатирует: «Когда я вижу такое единство в глубине каждого сердца и у каждого на устах, и когда я вижу вашу животворящую любовь к родине, то не могу сдержать своей радости. Мы не должны никогда забывать об этом вечере.

Я уже вижу Армению спасённой, потому что она существует. Я вижу в вас живую Армению... я благодарен вам всем. С большим волнением выслушал я все ваши речи»³.

Несмотря на то, что Ованес Туманян представлял бедствовавшую, разрушенную и разорённую Армению и её многострадальный народ, он со свойственным ему прирождённым оптимизмом пишет: «Мы не отчаиваемся, потому что уже завтра наша страна будет перестроена. А единственное, что печалит меня – это вопрос, почему этот одарённый народ должен столько страдать. Это большая трагедия... я убеждён, что объединившись, мы сумеем залечить наши раны. Наш союз является большой нравственной силой для народа Армении»⁴.

Туманян время от времени давал также интервью турецким газетам. Так, в интервью газете «Тасфири Эвкяр» поэт, в частности, подчеркнул необходимость мирного сосуществования и добрососедских отношений между армянами и турками. Отметим, что как сам факт интервью, так и его миролюбивая направленность не по-

---

¹ Там же.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 824.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 561-562.

нравились как некоторым армянским кругам, так и оппозиционным, радикальным средствам массовой информации. Современник поэта Мкртич Джанан в своих воспоминаниях отмечает, что армянские газеты, критиковавшие Туманяна за его миролюбивые настроения, в последующие годы вели ту же раболепную политику. Критики поэта не понимали, что он говорил и выступал как гражданин свободной страны, как представитель единого, хотя и раздвоенного волею исторических судеб народа¹.

Инициативу и старания Ованеса Туманяна по созданию Дома армянского искусства приветствовали практически все деятели культуры, вся творческая интеллигенция Константинополя. По образному выражению Акопа Сируни, перед ними «раскрылся цветок неимоверной сладости и красоты, который обитал в душе Туманяна. Именно он вдохновил нас на создание Дома искусства Армении»².

Кроме многочисленных поощрительных информационных сообщений в армянской периодике Константинополя, в конце 1921 г. отдельной брошюрой были изданы Программа и Устав Дома армянского искусства под одноименным названием. В предисловии к брошюре отмечалось, что «идея создания в Полисе Дома армянского искусства впервые зародилась во время званого чайного стола, который организовал председатель тифлисского Дома армянского искусства в честь армянской интеллигенции Полиса 26 ноября 1921 г., в гостинице Токатлян»³. Отмечалось также, что на том же мероприятии, в котором по приглашению Ованеса Туманяна приняли участие более пятидесяти армянских деятелей культуры и искусства, то есть практически вся творческая интеллигенция Константинополя, поэт озвучил свою заветную цель – объединить всех армянских деятелей культуры и искусства и создать соответствующую благоприятную атмосферу для творческой деятельности. Эта благоприятная обстановка, по убеждению Туманяна, должна была стать хорошим стимулом для творчества, «пробудить творческое вдохновение»⁴.

В газетной информации об этом памятном вечере читаем: «Прежде всего он (Ов. Туманян – С. О.) сказал, что отныне границы между восточным и западным армянством ликвидированы, теперь должно начаться интеллектуальное братство и единение. Восточно-армянская литература и искусство отличаются большей утонченностью и совершенством, поэтому при смешении этих двух элементов

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 822.

² Там же, с. 815.

³ «Туманян. Исследования и публикации», т. 1, с. 267.

⁴ «Верджин лур», 28 ноября 1921 г.

(видимо, имеются в виду восточноармянская и западноармянская литературы – С. О.) должны выявиться настоящая армянская литература и искусство»¹. Трудно сказать, насколько точно переданы журналистом мысли и слова Ованеса Туманяна, тем более, что в его публикации есть неточные формулировки и другие небрежности, но пусть это останется на совести автора репортажа. Строго судить его не приходится, потому что в опубликованных информациях других журналистов также наблюдается нарочито тенденциозная подача материала, перевираание фактов, стилистические ошибки и т.д. Далее в сообщении говорится: «Господин Туманян объяснил, как в Тифлисе был основан Дом армянского искусства, который сыграл определённую роль в духовном развитии Армении... Основанный в Тифлисе Дом армянского искусства существует на субсидии армянского правительства»².

Мкртич Джанан в своих воспоминаниях также отмечает, что Туманян «долго говорил о восточноармянском и западноармянском искусстве, говорил о разобщённости деятелей армянского искусства, о необходимости положить конец такому положению дел»³.

После своего выступления Ованес Туманян предложил учредить такую же творческую организацию, объединяющую людей искусства, в Константинополе и наладить взаимоотношения с тифлисским Домом армянского искусства. Поэт даже выразил мнение, что власти Еревана, осознав общенациональную значимость этой идеи, сделают всё возможное, чтобы оказать посильное материальное содействие её осуществлению.

После Ованеса Туманяна слово взял Арташес Каринян, который также выразил уверенность в том, что правительство Армении окажет материальную помощь в деле создания Дома армянского искусства в Полисе. Мкртич Джанан пишет: «Каринян также выступил с речью, напоминая молодость Зограба, поддержал эту идею и даже пообещал материальную поддержку со стороны государства»⁴. В этот вечер Туманян «напоминал Арарат, освещённый улыбками солнца»⁵.

В тот же вечер в гостинице Токатлян была составлена комиссия, задачей которой была реализация инициативы Ованеса Туманяна. В составе комиссии были Арсен Казикян, г-жа Айкануш Марк, Ерванд Отян, Акоп Ошакан, Ваан Текеян, Костан Зарян, Акоп Си-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 820.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

руни, актёры Аршавир Шаххатуни и Толаян, музыкант А. Синанян, художник Саркис Хачатрян, школьный учитель Ш. Берберян¹.

Комиссия две недели спустя представила составленную Программу и Устав Дома армянского искусства, а также список членов-учредителей творческой организации, который состоял из тридцати четырёх писателей, деятелей культуры и искусства. Ованес Туманян принял участие в первом заседании комиссии, «и его рекомендации оказались очень полезными»². Поэт высказал также пожелание, чтобы двери Дома армянского искусства не открывались настежь перед случайными людьми. При этом он основывался на своём личном опыте, когда членами тифлиссского Дома армянского искусства становились люди, опубликовавшие в какой-нибудь газете одно из своих писем и на этом основании считавшие себя журналистами.

Дом армянского искусства в Константинополе начал свою официальную деятельность 31 декабря 1921 г. Отметим, что атмосфера, сопутствовавшая созданию и деятельности нового творческого союза, не была абсолютно безоблачной: находились и противники, и недовольные люди, которых не устраивало главным образом положительное отношение к Советской Армении. Среди недовольных и протестующих были также некоторые журналисты, которых отказывались принять в члены Айартуна. Однако как бы ни старались многие члены Айартуна игнорировать успешность роли Туманяна в создании Дома армянского искусства, как бы ни старались они укреплять ограждения против советской формации, всё равно Айартун не мог не принести своей пользы. Неоспоримо, что только Айартун дал возможность объединиться людям, озабоченным состоянием искусства, делиться своими идеями и лучше узнавать друг друга. Кроме того, после создания Дома армянского искусства в партийных газетах прекратился тот жуткий поток брани, которая дошла до своего совершенства в этот период. Люди, не имевшие чёткого представления о деятельности Дома армянского искусства, были склонны думать, что этот союз был создан для борьбы с другим противником. Однако истина требует признать, что такое впечатление было следствием очных встреч в стенах Айартуна противоборствующих редакторов партийных газет, — явления, которое было большой редкостью в армянской действительности Полиса»³.

Вот почему армянские газеты Константинополя в своих информационных сообщениях о знаменательном званом «чаепитии» уделяли большое место изложению выступления Ованеса Туманяна.

---

¹ «Верджин лур», 28 ноября 1921 г.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 817.

³ Там же, с. 821-822.

В статье «Дом армянского искусства в Полисе» газета «Чакатамарт» особо подчёркивала, что Туманян на свой «чайный стол» пригласил не только деятелей литературы и искусства, но и любителей поэзии, и при этом приводила большую выдержку из речи поэта, которая до сих пор не включена ни в одно из его полных, академических собраний сочинений. Считаю необходимым и уместным привести эту выдержку в полном объёме.

«На званом вечере председательствующий г-н Ов. Туманян, разъясняя цель приглашения, среди всего прочего, сказал:

Для возрождения народов и, в частности, для возрождения армянского народа недостаточно одного лишь физического переустройства, необходимо добиться также духовного и интеллектуального переустройства народа.

Именно руководствуясь этой точкой зрения, мы недавно при поддержке правительства инициировали создание «Дома армянского искусства» в Тифлисе. Однако это наше начинание не следует ограничивать только Арменией. Необходимо также подключить старания интеллигенции, деятелей литературы и искусства армянских колоний.

Именно по этой причине очень важно организовать подобный Дом армянского искусства здесь, в Полисе, где сосредоточены преимущественно лучшие представители западноармянской интеллигенции»¹.

Современники поэта в своих воспоминаниях отмечали, что именно с этой целью Ованес Туманян дал устроил «пышный чайный стол», логическим итогом которого и стало создание Дома армянского искусства в Константинополе под председательством известного поэта и редактора-издателя газеты «Жоговрди дзайн» Ваана Текеяна. «За чайным столом выступали многие. Однако колорит и уют застолью придавал именно Туманян, своими удивительными речами, чарующий секрет которых был известен только ему одному», – пишет в своих воспоминаниях Акоп Сируни².

Асатур Асатрян, сопоставив опубликованные в разных газетах стенограммы выступления Ованеса Туманяна, обобщил содержание речи поэта в пяти пунктах:

«А) Отныне ликвидированы границы между восточным и западным армянством.

Б) Две основные части армянского народа будут связаны более прочными братскими узами... узами интеллектуального братства», которое приведёт к созданию более национального искусства, более

---

¹ Газета «Чакатамарт», 29 ноября 1921 г.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 817.

единой и целостной литературы и искусства.

В) Наличествующие различия или, ещё точнее, особенности восточноармянской и западноармянской литературы и искусства, когда одна из них (восточноармянская) в большей мере связана с родной землёй, а другая (западноармянская) является более отшлифованной и утончённой, соединившись и растворившись друг в друге, «положат основу настоящей литературе и искусству», придав им высшую степень совершенства.

Г) Важным стимулом для развития является наличие новой армянской государственности, которая не только посредством морального поощрения, но и материальными средствами даст толчок развитию единой армянской национальной литературы и искусства.

Д) В зарубежных армянских колониях необходимо организовать по примеру тифлисского «Айартуна» подобные дома армянского искусства, материальная помощь которым возлагает на себя правительство Армении»¹.

После знаменательного программного выступления Ованеса Туманяна на званом вечере Арсен Казикян прочитал стихотворение на древнеармянском языке – грабаре. А после состоявшегося обмена мнениями группа армянских интеллигентов Полиса изъявила желание посетить Армению, чтобы набраться новых впечатлений и лучше узнать свою родину, которая непременно стала бы для них источником вдохновения. Среди них были Ваан Текеян и Завен Сюрмелян.

11 декабря 1921 г. в Национальном Матенадаране квартала Бе-ра созывается первое собрание учредителей Дома армянского искусства с участием Ованеса Туманяна². На собрании были утверждены Программа и Устав организации. Председателем (диванапетом) центрального совета был избран известный западноармянский поэт и редактор-издатель газеты «Жоговрди дзайн» Ваан Текеян. Заведующим литературной частью (атенапетом) стал Костан Зарян, секретарём-делопроизводителем (атенадпиром) – Ваграм Татул. Заведующим музыкальным отделом был избран Григор Сюни, руководителем отдела живописи стал Фанос Терлемезян, отдела театра – актёр Аршавир Шаххатуни, а секретарём-делопроизводителем – актёр Мкртич Джанан. Несколько месяцев спустя, весной 1922 г., Ваана Текеяна на посту председателя центрального совета Дома армянского искусства сменил известный писатель-сатирик Ерванд Отян.

Таким образом, созданный по инициативе Ованеса Туманяна

---

¹ «Туманян. Исследования и публикации», т.1, с. 270.

² Там же, с. 273.

Дом армянского искусства стал знаменательным явлением в культурной жизни Константинополя, в западноармянской действительности. По свидетельству современника поэта Тороса Азатяна, «в Полисе началось беспрецедентное литературное и художественное движение»¹, деловые встречи и торжественные мероприятия изо дня в день чередовались друг с другом, и всегда и везде центральной, центростремительной фигурой оказывался Ованес Туманян. И все были единодушны во мнении, что начало этому движению, культурному возрождению Полиса было положено на знаменательном и многолюдном званом «чаепитии» Ованеса Туманяна. В своей программной редакционной статье «Литература и искусство» Торос Азатян отметил исключительно благотворное, непереоценимое значение участия Ованеса Туманяна во всех культурных мероприятиях: «Вот уже больше одной-двух недель на армянское население Полиса дует прохладный, освежающий литературный и художественный ветерок – в условиях того политического зноя, который опалает наши мысли и сердца.

Армянское население Полиса... как бы почувствовало эту необходимость и нужду, на этот раз вполне определённо и при вдохновляющем присутствии своего самого знаменитого поэта – Ованеса Туманяна, и решило самолично принять участие в укреплении армянского духа и стимулировании недавно предпринятого здесь начинания.

Полис был обязан воздать ему должное»².

Известный филолог-арменовед Акоп Сируни, который в Константинополе повсюду сопровождал Ованеса Туманяна и был одним из самых убеждённых приверженцев поэта, в своих воспоминаниях пишет: «Полис был неловким и неумелым в организации пирушек; Туманяна, конечно, привечали и угощали, но совсем не так, как чествовали бы на Кавказе гостя, подобного Туманяну... Туманян сам пригласил и почтил армянскую интеллигенцию»³. Нельзя не согласиться с Акопом Сируни. Далее мемуарист отмечает, что Туманян день и ночь напролёт занимался делами Комитета помощи Армении. «Роль, которую возложил на себя Туманян, была отнюдь не лёгкой... Армянская интеллигенция всей своей жизнью была разделена на две армии, и необходимо было проявить недюжинную смелость для создания этого филиала и тем более, – для объединения, сплочения всех течений и направлений интеллигенции»⁴. И дей-

---

¹ Газета «Жоговрди дзайн», 4 декабря 1921 г.

² Там же.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 816.

⁴ Там же, с. 812.

ствительно, одной из важнейших задач командировки Ованеса Туманяна было создание в Константинополе филиала Комитета помощи Армении. Однако он увидел и убедился, что подобная благотворительная организация в Полисе, причём со схожим названием – «Орган помощи родине» – уже существует и функционирует целый год, с 24 октября 1921 г. Эта организация, включавшая в себя 43 благотворительных союза, также носила беспартийный и политически нейтральный характер и стремилась объединить вокруг себя всё армянское население Полиса. Главным предназначением Органа помощи родине было «оказание материальной и моральной поддержки и участие колоний в возрождении Матери-Армении»¹. Работа организации уже носила вполне налаженный характер. Как уже отмечалось, Орган помощи родине к тому времени успел послать в Армению продовольствие, медикаменты и одежду.

Как уже отмечалось, 9 ноября 1921 г. Ованес Туманян и Ерванд Тагианосян приняли участие в очередном заседании правления Органа помощи родине, которое состоялось в актовом зале Гум-Габу Мишн Хауз. Оба представителя армянской делегации выступили с речами. Речь Ованеса Туманяна была довольно обстоятельной. Согласно репортажу газеты «Еркир», поэт говорил «о напряжённой деятельности по переустройству Армении, отметил, что несмотря на неблагоприятные экономические условия и разруху, причинённую гражданской войной, для восстановления народного хозяйства используются все возможности и ресурсы, вся живая сила. Отвечая всем тем, кто по каждому поводу старается дискредитировать Армению и её новых руководителей, заявляя, что там, дескать, независимости нет и в помине, поэт сказал, что это проявление малодушия. Если сегодня, отметил он, границы Армении доходят до Аракса, то это ещё не означает, что они там и останутся. Армянское правительство является сугубо армянским, государственным языком повсюду является армянский, и если в Армении есть русские воины, то они пришли, чтобы помочь армянскому народу в качестве союзников, а не захватчиков. Он выразил уверенность, что недалёк тот прекрасный день, когда наша родина вызовет восхищение у всего мира. Ещё одно усилие – и благодаря нашей созидательной работе с нашего чела будет навсегда стёрто клеймо нищеты»².

Туманяну удалось ещё больше сблизить армянские благотворительные организации Константинополя, которых тогда насчитывалось около пятидесяти. Вообще в эти годы жизнь армянской об-

---

¹ Там же.

² Газета «Еркир», 10 ноября 1921 г.; см. также: «Туманян в воспоминаниях современников», с. 560.

щины Полиса переживала бурный расцвет. Выходили в свет многочисленные армянские периодические издания, функционировали квартальные, молодёжные, земляческие союзы, значительно оживилась деятельность армянских театров и т. д. Во время своего пребывания в Полисе Ованес Туманян принял участие в выставке живописных работ восточноармянских художников, организованной по инициативе Саркиса Хачатряна. В экспозиции были выставлены двести картин известных армянских художников эпохи – Егише Тадевосяна, Вртанеса Ахикяна, Тарагроса, Вано Ходжабекяна, Седрака Аракеляна, Григора Шарбабчяна и т.д.

В эти же дни Ованес Туманян встретился с находившимися в Полисе Фаносом Терлемезяном, Саркисом Хачатряном, Серобе Кюркчяном, Арамом Пакаляном. Подобная активизация культурной жизни Полиса удивила и воодушевила поэта. «Ежедневно в нескольких местах проводятся мероприятия и торжества, а о приходящих и уходящих – даже не спрашивают. Часто бывает, что не то чтобы не могу отобедать, – просто не бывает времени, не могу выпить даже чашки чая. А вчера я даже не смог как следует умыться», – сетует он в письме к родным (10, 406).

Определённые традиции и обычаи полисских армян решительно не нравились Ованесу Туманяну и вызывали у него активное неприятие. Ему, в частности, было совершенно не понятно, как можно кого-либо пригласить не домой, а в кафе – на чашку чая. «Не полюбил, Полис не для меня. Я не смог бы там жить»¹.

Несмотря на то, что получившая большой общественный резонанс тенденциозная лекция Акопа Ошакана, в которой вся восточноармянская поэзия, в том числе и поэзия Туманяна, не получила должной оценки, опечалили поэта, он постарался не показать своих расстроенных чувств окружающим его знакомым любителям литературы, а на их расспросы всего лишь посетовал: «Знаете что... я впервые приехал в Полис... я не знал Полиса... но приехал и увидел, что и Полис меня не знает»². Конечно, поэт был растерян, огорчён и расстроен, однако присутствовавшие на лекции многочисленные поклонники его творчества, с большим трудом пробившиеся в зал, были растеряны, огорчены и расстроены не меньше самого Туманяна, но, в отличие от него, не скрывали своего разочарования. Поэтесса Анаис пишет: «Ужасно неприятный момент, когда каждому хотелось бы не присутствовать там»³.

Среди многих известных западноармянских деятелей культу-

---

¹ Нвард Туманян, «Беседы и воспоминания», с. 248.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 823.

³ Там же, с. 826.

ры, литературы и искусства, постоянно окружавших и сопровождавших Ованеса Туманяна, поэт особенно сблизился с выдающимся писателем-сатириком Ервандом Отяном.

Физически очень слабому, едва стоявшему на ногах поэту необходимо было проявлять исключительную выдержку и силу воли, чтобы справиться с силами и заниматься делами государственной важности, объединять разобщённую армянскую интеллигенцию, осуществлять новые планы и идеи. И после всего этого он находил в себе силы шутить, смеяться, поднимать настроение собеседникам. И при этом он улыбался так, что даже много лет спустя все без исключения современники поэта в своих воспоминаниях считали важным и нужным рассказать о его лучезарной, доброй, открытой, «фирменной» улыбке. В одном из таких воспоминаний читаем: «Каким добрым он был, каким нежным сердцем он обладал – со свойственной ему улыбкой на лице.

Эта улыбка всегда сверкает в моих воспоминаниях, в моей душе»¹.

По предложению поэтессы Анаис, Туманян посетил редактора и издателя женской двухнедельной газеты «Ай кин» Айкануш Марк. Поэт встретился с Анаис у большого кафе в районе Беры и, проходя с ней мимо витрин различных магазинов, поинтересовался, какой из магазинов ей нравится, владелицей какого из них она хотела бы стать. Поэтесса ответила: цветочного магазина и магазина, торгующего сигаретами, «дающими грёзы». Остановив карету для Анаис, Туманян попросил возничего немного подождать, на минуту отлучился и вернулся с двумя букетами гвоздик и коробкой «незабываемых сигарет». Как свидетельствует поэтесса, в доме у Айкануш Марк они провели несколько «исключительно приятных часов»².

Ованес Туманян посетил также редакцию женского периодического издания «Ай кин», где он встретился не только с сотрудниками газеты, но и с женщинами, занимавшимися общественной и политической деятельностью. Подробности этой встречи опубликованы в номере вестника за 16 ноября. В информации читаем: «Мы имели удовольствие принять у себя прославленного восточноармянского поэта и председателя Комитета помощи Армении господина Ованеса Туманяна – в сопровождении нашей уважаемой сотрудницы госпожи Анаис.

Господин Туманян, являясь горячим и убеждённым защитником феминизма, дал высокую оценку газете «Ай кин» и её целям и

---

¹ **Огсен Сарьян**, «Встречи с Ованесом Туманяном», еженедельник «Лрабер», 21-25 октября 1969 г., с. 4.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 825.

задачам; своими ценными советами и рекомендациями он оказал нам поддержку. Мы будем иметь удовольствие в последующем время от времени пользоваться его ценным сотрудничеством, а также сотрудничеством его дочери Н. Туманян, которая, имея университетское образование, несомненно сумеет занять своё почётное место среди наших сотрудниц... Часы доверительного и душевного общения с нашим всенародно любимым поэтом останутся у нас в памяти как время незабываемого торжества и ликования»¹.

14 ноября 1921 г. Ованес Туманян вместе с Ервандом Тагианосяном и Аршавиром Шаххатуни побывал также в сиротском приюте для девочек в посёлке Гат, который был создан усилиями армянских любителей просвещения.

В честь Ованеса Туманяна армянские театры Константинополя давали специальные представления². Воспитанницы приюта организовали художественное мероприятие, на котором прозвучали стихотворения Туманяна, романсы на стихи поэта, баллада «Конец зла», песни из оперы «Ануш»; были представлены также «танцы маленьких сироток»³. Поэт был растроган, разволновался и расчувствовался, что нередко случалось с ним во время встреч с сиротами. Он сказал детям слова поддержки, оценил по достоинству патриотическую и филантропическую деятельность учредителей заведения, армянских женщин – любителей просвещения. В информационном сообщении об этой встрече читаем: «Господин Туманян, очень растроганный, в своей искусной речи высоко оценил благородное дело любителей просвещения, поощрил и поддержал воспитанниц и заявил, что очень рад тому, что в Полисе есть такое образовательное заведение... Вы, сказал он, высоко держите честь и достоинство нашего народа, ваша деятельность мощнее, нежели сила армий, потому что она зиждется не на силе меча, а на силе нравственного жизнеутверждения. Если я как поэт и доставил вам здесь удовольствие своими беседами, то вы мне вернули это удовольствие в двойном размере – вашим стремлением к прогрессу. Воспитать мальчика означает воспитать человека, но воспитать женщину, мать означает воспитать семью. Я был счастлив сегодня среди вас и не забуду об этом счастье»⁴. Далее в информационном сообщении о встрече следует пламенное приветственное слово-послание поэтессы Анаис «любимому народному поэту»⁵.

¹ «Ай кин», №2 за 1921 г., с. 812.

² Там же, с. 822.

³ Там же, с. 811. См. также: Ов. Туманян, ПСС в 10 т., т.7, с. 559.

⁴ «Ай кин», 16 ноября 1921 г., с. 811. См. также: Ов. Туманян, ПСС в 10 т., т.7, с. 559.

⁵ «Ай кин», 16 ноября 1921 г., с. 811.

В своём обращении к Туманяну Анаис призналась, что читая и перечитывая произведения поэта, она «испытывала безграничное блаженство». И сравнивая его с лучшими европейскими поэтами, она отдавала предпочтение Туманяну, ставила его выше всех; он был намного ближе её душе и сердцу, казался ей более чувствительным и тонким. Далее поэтесса сказала: «Лиру великих поэтов называют золотострунной, но я бы не хотела, о наш замечательный поэт, дать твоей лире это определение: белоснежные музы связали ей струны не золотыми нитями, а самыми глубокими и самыми нежными чувствами человеческого сердца, самыми возвышенными полётами человеческой души и самыми несказанными страданиями.

Ты – тот певец, чьи песни напевами самого большого ликования и самой сильной боли проходят через горы, пустыни, ущелья, летят, подобно птицам-буревестникам, над горами, над морями, и волнуют, потрясают, приводят в трепет всех, кто когда-либо любил, страдал, плакал. Они обнадеживают отчаявшихся, придают силы разочаровавшимся, дают улыбки неулыбчивым, любовь и нежность – нелюбимым.

Наши губы шепчут твои песни, твои незабвенные стихотворения, словно заветную священную молитву, и восхищение наших душ в капище поэзии, подобно фимиаму, воскуренному в обрамлённой бриллиантами лучезарной кадилънице, направляется к тебе, в разреженной дали, расплывчатой, но всегда сладостно-призывной.

Я приветствую тебя – здесь, среди нас, приветствую не как великого человека и гражданина, а как поэта, приводящего души в содрогание, нежно утешающего сердца и утирающего слёзы потерь и лишений. Я приветствую армянского поэта, который воспевал надежды армянских сердец, горечь армянских сердец, трепет армянских сердец»¹.

Прощаясь с преподавателями и воспитанницами женской гимназии-приюта «Дпроцасирац», Ованес Туманян сделал запись в книге впечатлений. «Если бы у меня попросили свидетельство о нашем народе, я бы показал гимназию любителей просвещения, чтобы увидели армянскую женщину и армянских девочек-сирот, и это ещё больше защитило бы нас и наш иск, чем все дипломаты, вместе взятые. Одним из моих лучших воспоминаний о Полисе останется гимназия любителей просвещения»².

Общество «Навасард» 10 ноября 1921 г. организовало утренник в честь Туманяна. Поэта встретили с торжественно и с большим воодушевлением. Исполнительница роли Ануш Маша Сурабян спе-

---

¹ Там же.

² Там же.

ла несколько арий из одноименной оперы и несколько народных песен. По окончании мероприятия певица попросила поэта прийти на постановку оперы «Ануш». Чтобы произвести на Туманяна впечатление исполнением своей роли и чтобы сцена сумасшествия Ануш выглядела «естественно, совершенно и образно», Маша специально посещает психиатрическую клинику и наблюдает за душевнобольными в моменты обострения болезни и её затишья.

После спектакля Туманян подарил Маше Сурабян букет цветов вместе с написанным на ходу четырёхстрочным стихотворением-экспромтом. Когда зрители требуют, чтобы поэт поднялся на сцену, он решительно отказывается, мотивируя свой отказ тем, что его Ануш уже всё за него сказала. Студенческая молодёжь подбегает к ложе Туманяна и на плечах выводит поэта на улицу. «Ему, конечно, было очень не по себе», – отмечает в своих воспоминаниях очевидец этого эпизода¹. А два дня спустя поэт приглашает всех участников представления на обед, по окончании которого дарит Маше Сурабян свою фотографию с надписью: «Моей настоящей Ануш от Туманяна».

Из-за плохого самочувствия и нехватки времени Ованес Туманян был вынужден отказываться от многих приглашений. В письме домочадцам от 1 декабря поэт пишет: «Со вчерашнего дня я отказываюсь от всех приглашений, на которые давал согласие. Теперь собираюсь вернуться домой» (10, 406).

ЛЕКЦИЯ АКОПА ОШАКАНА

Лекцию Акопа Ошакана о творчестве Ованеса Туманяна организовало общество «Навасард»². Утренник состоялся 27 ноября 1921 г. в большом актовом зале «Силлогоси» в квартале Бера.

Статью Ошакана о Туманяне прочитал не сам автор, а актёр Г. Карваренц. В художественной части мероприятия приняли участие также певица Маша Сурабян, актёр Аршавир Шаххатуни и другие. О своих впечатлениях об утреннике и, в частности, о лекции Акопа Ошакана рассказывают в своих воспоминаниях актёр Мкртич Джанан и поэтесса Анаис. Последняя вместе с писательницей Сипил с большим трудом пробивает себе дорогу в зал, и в этом им помогают Ованес Туманян вместе с сыном Амликом. Кое-как проникнув в зал, они обнаруживают, что там нет ни одного свободного места. Туманяну как почётному гостю предлагают стул, однако он отказывается сесть, пока не усадят женщин. Анаис рассказывает об этом так: «Он

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 829.

² «Жоговрди дзайн», № 952 за 1921 г.; «Чакатамарт», № 923 за 1921 г.

не мог себе представить, что мужчина может пройти впереди женщины и не уступить ей место. В зале с большим трудом отыскиались для нас стулья, и пока мы не сели, именитый гость продолжал оставаться на ногах, преподав красивый урок галантности нашей гостеприимной молодёжи»¹.

Прежде чем Карваренц приступил к чтению лекции, было произнесено несколько приветственных речей, в которых ораторы выражали своё восхищение творчеством и личностью поэта.

Ваан Тотовенц так охарактеризовал Акопа Ошакана: «Это был талантливый новеллист, однако, к сожалению, был напрочь лишён восприятия и понимания восточной армянской поэзии»². Анаис в своих воспоминаниях пишет: «Даже если оставить в сторону все законы и правила приличия, эта лекция представляла собой критику известного большого поэта, не имеющую ничего общего с деликатностью, и Карваренц не удосужился на какое-то мгновение подумать, что когда приглашаешь какого-либо гостя на чашку чая, то критиковать его недопустимо, тем более, если эта критика необоснованная, и упивался своим чтением. Сипил и я и все присутствовавшие там интеллигенты чувствовали себя ужасно неловко. Туманян был немного бледнее обычного, смотрел, теребя в руках маленький клочок бумаги. Ужасно неприятный момент, когда каждому хотелось бы не присутствовать там. Перед окончанием мероприятия Туманян встал, очень вежливо, очень благовоспитанно, убедительными словами ответил на критику, остановившись на некоторых приписываемых его произведениям недостатках, прочувствованно поблагодарил молодых организаторов. Громогласные, восторженные и продолжительные аплодисменты постарались загладить, заставить любимого национального поэта забыть об этом маленьком инциденте...»³.

«Однако поэт был настолько добрым, настолько великодушным, ищущим красоту даже в самых уродливых вещах, – продолжает свой рассказ Анаис, – что, безусловно, очень скоро забыл об этой маленькой неприятности. И он расстался с нами, словно оставив за собой сказки мерцающего света, сладости, гармонии; его седовласая голова осталась перед нашими глазами словно символ искрящейся искусной поэзии, и его герои ожили, воскресли в наших душах, словно старые друзья, прожившие горемычную жизнь и увенчанные бессмертием»⁴.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 825.

² Там же, с. 149.

³ Там же, с. 826.

⁴ Там же.

Мкртич Джанан в своих воспоминаниях об этом мероприятии пишет: «Ошакан, бесспорно, был образованным человеком, и уже по этой причине – субъективным критиком... Но неужели не было продуманной, наверняка целенаправленной акцией то, что именно в эти дни Ошакана пригласили прочитать лекцию о Туманяне»¹.

Присутствие Туманяна на лекции Ошакана в сознании Мкртыча Джанана ассоциируется с присутствием Сократа на представлениях пьесы Аристофана «Облака»². Приводя далее мрачные, но сдержанные слова Туманяна: «Знаете что?... », мемуарист задаётся вопросом: поняли ли организаторы, что имел в виду Туманян? – и сам же отвечает: наверняка поняли, но сделали вид, что не поняли, а на следующий день лекция Ошакана была опубликована в газете «Чакатамарт»³.

Однако справедливости ради нельзя не отметить, что Акоп Ошакан, совершенно не воспринимавший и напрочь отрицавший всю восточноармянскую поэзию, выделял и обособлял Ованеса Туманяна, считая его лучшим не только среди восточноармянских писателей, но и во всей истории армянской литературы. В подтверждение приведём некоторые характеристики Ошакана, данные творчеству Туманяна.

«Величие таланта Туманяна обобщают «Парвана» и «Лампада Просветителя». Этих двух произведений было бы вполне достаточно, чтобы Ованес Туманян поднялся на уровень самых великих наших поэтов, и я рад сообщить, что эта оценка идёт от нашей безоговорочной симпатии к нему»⁴.

«...Однако мы любим творчество Ов. Туманяна, который сумел в условиях стольких препятствий из истоков поэтического восприятия представить своё видение, своеобразное и национальное. У него есть свой стиль...».

«...Туманян – прекрасное явление наших дней. Никто другой из наших поэтов не сумел в таких многообразных формах отобразить нашу душу, хочу сказать, армянскую душу... Он несравненно выше своего времени, и от него идут к нам и говорят с нами многочисленные голоса, из тех, которые подчас идут издалека, из больших глубин».

«Характеристикой всего его творчества является благородная доброта, чистая, подобно душе нашего народа. И эта доброта по-

---

¹ Там же, с. 822.

² Пьеса Аристофана «Облака» была построена на критике философского учения Сократа.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 823.

⁴ **Акоп Ошакан**, «Восточные лица», Бейрут, 1999, с. 129.

добно ангелу-хранителю наполняет все его стихотворения. Г-н Туманян не умел насмехаться, не ожесточился. И не проливал слёз».

«Нести свою боль с несравненной печалью, видеть на своём жизненном пути прелести мира, воспевать горы и героев, прекрасных дев и ниспосланную небом лампаду, временами говорить с глубокой мудростью, вдохновлять и потом угасать, угасать...

Таков поэт – постаревший и поседевший, подобно собственной сказке».

«С него начинается личная или книжная лирическая поэзия в восточноармянской действительности».

«Ованес Туманян в ряде удачных своих страниц синтезировал душевные признаки нашего народа».

«Туманян своим внутренним ясновидением определил чуждое и наносное, нереальное и глупое и при этом остался в своих пределах, то есть почти в самом центре души нашего народа.

Такое определение ни в коей мере не преувеличено. Потому что он силой своего дарования сумел обособиться от других, от тех, которые сочли использование народных мотивов достаточным для того, чтобы именоваться поэтом... непреодолима пропасть, которая отделяет рифмоплёта от настоящего поэта».

«Сказки Туманяна остаются самыми родными страницами нашей литературы».

«И подобно каждому великому поэту, он сумел максимально приблизиться к некоторым струнам нашей души».

«Ованес Туманян является самым родным поэтом в современной литературе»¹.

Конечно, далеко не все из приведённых здесь оценок и характеристик были озвучены в той лекции Акопа Ошакана. Более того, литературный критик значительно позднее пересмотрел свои взгляды и подходы к творчеству Ованеса Туманяна.

Добавим к сказанному, что статья Акопа Ошакана, посвящённая творчеству Ованеса Туманяна, была с продолжениями опубликована в газете «Чакатамарт», в номерах 923, 925, 926, 927.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Ованес Туманян вёл переговоры с Акопом Сируни и другими деятелями литературы об издании в Полисе сборника своих стихотворений. Было решено, что поэт пришлёт материалы из Тифлиса, а редактированием сборника и подготовкой к изданию займутся два молодых редактора. По утверждению современника поэта, первым

---

¹ Там же, с. 129-130, 133-134, 161, 163, 164, 168, 172.

материалом должно было стать исследование о «Давиде Сасунском» – «Из словаря армянского эпоса».

Однако жизнь распорядилась иначе. Из-за резко ухудшившегося физического состояния Туманян не смог выполнить своего обещания, и его константинопольский сборник 1922 года вышел в свет без этой статьи.

Как уже отмечалось, в Константинополе поэт заметно сдал физически, много болел и очень тосковал по семье. В письме домохозяевам за 2 декабря 1921 г. он пишет: «Вы даже не можете себе представить, как сильно я истосковался и насколько я беспокоюсь... Как только ложусь вечерами, начинаю думать о вас и целыми ночами не могу заснуть. Без конца представляю дорогу и возвращение домой и вас» (10, 405). А когда уже после завершения его миссии не получилось купить билет на пароход, отплывавший в первых числах декабря, и возвращение домой затянулось, Туманян в тот же день написал ещё одно письмо: «Теперь готовлюсь вернуться. На этот пароход не успели – и поэтому я увижу вас на 10 дней или на 10 лет позже» (10, 406).

Несмотря на очень тёплый приём в Полисе, поэту не терпелось поскорее вернуться домой и, вероятнее всего, главной причиной было его плохое самочувствие. Большую роль могло сыграть здесь и то, что поэт, наделённый даром ясновидения, на уровне подсознания чувствовал, что в его организме уже начала гнездиться страшная, неизлечимая болезнь. И это ещё больше усиливало его тоску по родным, по родному дому и городу.

Ованес Туманян был доволен результатами своей миссии. «Всё прошло очень удачно и даже лучше, чем ожидалось» (10, 406).

***

Председательство в «Комитете помощи Армении» и путешествие в Полис оказались для Ованеса Туманяна последними в длинном ряду его подвигов и героических деяний. Армянская интеллигенция Полиса выразила свою благодарность и признательность поэту как в устной форме – во время его многочисленных встреч с общественностью и творческими деятелями, так и на страницах периодических изданий, подчёркивая каждый раз, что «вдохновляющее присутствие» поэта принесло полисской армянской общине «живительное дыхание». Как в свойственной ей витиеватой и метафоричной форме отмечает в своих воспоминаниях поэтесса Анаис, «...в день его отъезда Полис потерял благодать, которая снизошла на

него из объятий богов, потерял свою лучезарную ясность, крылья чёрной птицы заслонили небо и море...»¹.

***

Правление «Комитета помощи Армении» и руководство Советской Армении намеревалось настоять на том, чтобы из Полиса Туманян отправился в Париж, а оттуда – в Америку, однако обследовавшие поэта врачи категорически воспротивились этому и посоветовали ему вернуться на Кавказ.

О том впечатлении, которое произвело на армянскую общественность Константинополя прибытие и пребывание Ованеса Туманяна рассказывает Акоп Сируни: «Игривые берега Босфора с ликованием приняли великого армянского поэта, когда он прибыл в столицу султанов... Когда он покидал их, в их смешливом прощальном плеске была какая-то горечь. Туманян уезжал из Полиса больным, и ему больше не суждено было выздороветь. Данный нам визит должен был стать последней из его миссий»².

Туманян возвращается в Тифлис вечером 22 декабря 1921 года, в день пятидесятилетия своей жены Ольги. Поэт выглядел больным, усталым, похудевшим, вконец обессиленным. Об этой странице жизни Туманяна читаем в воспоминаниях Аршака Бархударяна: «Поэт вернулся из Полиса ужасно больным и находился под постоянным заботливым наблюдением врача Сагияна. Как он похудел, куда подевались его умные глаза, его улыбка? Это был смертельно раненый орёл с опущенными крыльями» (7, 373). Врач Григор Сагиян попросил гостей покинуть дом, чтобы Туманян был мог немного отдохнуть. Роковая болезнь уже отчётливо давала о себе знать, и поэт, не имея альтернативы, 11 июля 1922 года обращается к состоявшемуся в Ереване второму съезду «Комитета помощи Армении», с большим трудом представляет правлению отчёт о командировке и проделанной работе и слагает с себя полномочия председателя Комитета. В своём письме правлению Комитета поэт пишет: «Я по-прежнему прохожу курс лечения и естественно, что в таком состоянии я не могу оставаться на должности председателя Комитета, от которой прошу меня освободить» (7, 523). При этом он в своём отчёте подчеркнул, что в Полисе ему в равной степени помогали представители всех политических партий – и Рамкавар-азатакан, и АРФ «Дашнакцутюн», и Гнчакян. Поэт счёл необходимым также коснуться нравственного значения миссии армянской делегации.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 826-827.

² Там же, с. 818.

Однако руководители Комитета Помощи Армении и властные структуры республики не спешили принять отставку Туманяна; они продолжали надеяться, что он выздоровеет и вернётся к исполнению своих обязанностей, и сообщили ему об этом телеграммой. И вот 17 июня 1922 г. поэт вновь обращается письмом к правлению Комитета: «Встав на ноги после тяжёлой болезни, я изъявляю сердечную благодарность Комитету за доброжелательную телеграмму и поддержку. Сожалею, что, к несчастью, по состоянию здоровья я не смог способствовать нашему общему делу в той мере, в какой мне хотелось бы... Несомненно, мой товарищ сообщил вам, с каким рвением действует Орган помощи Армении в Полисе и вообще какой живой и тёплый интерес проявляет армянство Полиса по отношению к матери-родине, что засвидетельствовали с первых дней как Орган помощи Армении, так и Армянский Красный Крест... Всё это позволяет с полным убеждением утверждать, что если Комитет помощи Армении будет действовать и дальше, то его деятельность будет плодотворной в самом широком смысле слова» (10, 522).

Съезд Комитета помощи Армении, приняв отчёт поэта о проделанной работе и его просьбу об отставке, освобождает его от обязанностей председателя правления Комитета. Таким образом, деятельность Ованеса Туманяна в должности председателя правления Комитета помощи Армении продолжалась менее года – с сентября 1921 г. по июль 1922 г. Однако даже за этот короткий промежуток времени он успел проделать колоссальный объём работы. Откликнувшись на его пламенные воззвания, армянские общины самых разных стран мира организовали многочисленные филиалы Комитета помощи Армении. И они оказывали посильную моральную и материальную поддержку своей исторической родине, помогали ей восстать из пепла, возродиться. Такие филиалы были созданы во многих больших армянонаселённых городах советской страны, а также во Франции, в США, в странах Ближнего Востока, на Балканах, в Южной Америке и т.д. Так что, уже находясь в очень тяжёлом физическом состоянии, фактически на пороге смерти, Ованес Туманян ценою своего здоровья и жизни оказал ещё одну, на этот раз последнюю большую услугу своей стране и народу. Кто возьмётся сказать, сколько человеческих жизней он спас от неминуемой голодной смерти?

Воззвания Ованеса Туманяна положили начало беспрецедентного по своей мощи и размаху движения во всём мире. Благодаря призывам поэта на железнодорожный вокзал Еревана прибыли первые товарные вагоны с пшеницей и мукой. Из Константинополя прибыли девять вагонов с одеждой; благотворительные организации

Египта послали сто долларов, что по тем временам было значительной суммой.

Несмотря на очень небольшой срок своего руководства Комитетом помощи Армении, Туманян заложил первый краеугольный камень в строительство связующего моста между Арменией и армянской диаспорой зарубежных стран. Именно благодаря этому прочному фундаменту Комитет помощи Армении, просуществовавший шестнадцать лет, открыл более двухсот своих филиалов в самых разных странах с армянской диаспорой. В Армению за это время поступила материальная помощь, эквивалентная миллионам золотых рублей. Армянская диаспора стала донором для своих обескровленных, умиравших от голода и лишений соотечественников. При непосредственном участии Комитета и на собранные им средства в Армении были восстановлены медные рудники, построены заводы, больницы, жилые здания, новые районы и посёлки – Новая Себастья, Новый Арабкир, Новая Малатия, Новая Кесария, Новая Бутания и т.д. И, конечно же, самое главное достижение – на родину репатриировали шестьдесят тысяч армян.

К началу 1930-х гг. в зарубежных странах насчитывалось более двухсот филиалов Комитета помощи Армении, в составе которых было более 10.000 членов. У Комитета было два печатных органа – газеты «Грапарак» и «Бюллетень Комитета помощи Армении». Свои периодические органы издавали также филиалы Комитета в Москве, Тифлисе и ряде других зарубежных городов и стран. Важное значение имели зарубежные командировки председателя Комитета А. Ерзнкяна и секретаря Гр. Варданяна.

Благотворительная организация «Комитет помощи Армении» была расформирована в декабре 1937 года, в самый разгар сталинских репрессий. Руководители организации были обвинены в «пособничестве мировому империализму» и подобных вымышленных преступлениях и расстреляны.

Ованесу Туманяну так и не удалось оправиться от жестокой и неизлечимой болезни – рака желудка. 19 марта 1923 года, за четыре дня до смерти, он сказал пришедшим навестить его в Московской больнице сотрудникам Комитета помощи Армении: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы довели до конца дело строительства канала в Армении. Непременно завершите это дело. Будучи председателем, я только приступил к нему, но болезнь помешала, я многого не успел сделать для нашего народа, для нашей страны; вы должны продолжить строительство канала, которое началось на собранные московским филиалом Комитета денежные средства; потрудитесь для

нашей страны, для нашего народа»¹. Туманян имел в виду строительство оросительного канала в Эчмиадзинской области.

***

Поездка Ованеса Туманяна в Константинополь стала самым большим жизненным подвигом поэта в период советизации Армении, последним его подвигом. Она ещё раз подтвердила самоотверженную и беззаветную преданность великого писателя и общественного деятеля своей родной стране, его неразрывную связь с историческими судьбами армянского народа. В воспоминаниях Мкртича Джанана читаем: «Миссия Ованеса Туманяна не осталась без последствий: когда интеллигенция Полиса оказалась вынуждена покинуть город и когда одна её часть эмигрировала на Балканы, в Грецию, в Европу, другая часть осознанно и с верой переправилась в Советскую Армению. Это было результатом миссии Туманяна»².

Константинополь, как об этом можно судить по собственному признанию самого поэта, совершенно не понравился Туманяну. Из многочисленных писателей и деятелей культуры, литературы и искусства, с которыми ему довелось встретиться в Полисе, поэту больше всего понравился сатирик Ерванд Отян. Когда в Тифлисе больного Туманяна навестил Мкртыч Джанан, то «первым человеком из Полиса, о котором он спросил, был Отян»³. Писателя-сатирика поэт часто видел в состоянии подпития. И когда разговор зашёл о болезни, поэт заметил: «Видимо, я простыл в Полисе... Не зря Отян там так напивался»⁴.

«ЧЕЛОВЕК – ЭТО ВСЕ...». ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

Он не жил – горел. К тридцати годам он уже совсем поседел, выглядел ранним стариком. Огромным костром полыхала эпоха, судьбоносные события стремительно сменяли друг друга, мелькали, словно фигуры калейдоскопа. Испытаний, лишений и трудностей, выпавших на долю Туманяна, с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней. В его творческой биографии преломилась, отразилась вся история армянского народа первых десятилетий двадца-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 313.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 823.

³ Там же.

⁴ Там же.

того века. Через сердце поэта прошли три революции, мировая война, геноцид армян, гражданская война, лишения и разруха...

Первая русская революция откликнулась в Восточной Армении межэтническими столкновениями. Кавказские татары, которых позднее назовут турками-азерами, устроили погромы и резню армян в Баку, Гандзаке, Шуше, Казахе... Огонь межнациональной войны распространялся, охватывал новые территории и перекинулся в Лори, Тифлис... Растерянному народу нужен был предводитель, патриарх, мудрый старейшина. И тяжелую ношу этой важнейшей миссии взвалил на свои хрупкие плечи тридцатилетний Ованес Туманян. Время выбрало его, потому что он оказался именно тем человеком, который мыслил масштабно, общенациональными категориями, и пользовался непререкаемым авторитетом не только среди армян, но и татар. К тому времени он уже имел серьезные проблемы со здоровьем, у него были слабые легкие, его терзала жестокая хроническая бессонница.

За упомянутыми событиями 1905-1906 гг. последовали арест, пребывание в Метехской тюрьме, изнуряющие бесконечные допросы, длительный судебный процесс в Петербурге (так называемое «дашнакское дело»). А сколько нервов, бесценного времени и столь же бесценной жизненной энергии отняли у поэта совершенно бессмысленные публичные дискуссии с Лео, Аветисом Агароняном, Рубеном Дрампяном, Мкртичем Потуряном, Амбарцумом Аракеляном, которые, прекрасно сознавая значение и величие Туманяна, выступали с ядовитыми и тенденциозными пасквилями, третируя поэта, обвиняя его в совершенно немыслимых проступках! Добавим к этому колоссальную нагрузку, связанную с многолетним руководством различными общественными организациями, в том числе Кавказским обществом армянских писателей, а позднее – Комитетом Помощи Армении.

Болезни сопровождали Туманяна на протяжении всей его жизни. Первый предупредительный «звонок» прозвучал летом 1888 года, когда он, горя решимостью поехать в Западную Армению и присоединиться к национально-освободительному движению армянского народа, продал свое пальто и купил на вырученные деньги пистолет. Однако провидение позаботилось о том, чтобы пистолет этот в то время так и остался невостребованным, не выстрелил. Воплощению этого дерзкого (чтобы не сказать опрометчивого) замысла помешала очередная горячка, высокая температура, на долгое время приковавшая поэта к постели. Его друг и единомышленник, горячий патриот Александр Голошян, вместе с которым поэт собирался воевать против янычаров, был убит по дороге в Ван весной 1889 года.

Конечно, все перечисленные испытания и удары судьбы по

своей пагубности не могут сравниться с разрушительной Первой мировой войной и Геноцидом армян в Османской империи, с потерей двух братьев и особенно – сына Артика в 1918-м году...

В роковом и трагическом 1915 году Туманян принимал самое деятельное участие по организации помощи чудом уцелевшим беженцам и детям-сиротам. Сергей Городецкий пишет о своей первой встрече с Туманяном: «В толпе собравшихся хлопотал худощавый высокий человек, принимавший активное участие в создании условий для отъезжающих в Ван на помощь беженцам». Чего это стоило, как это отразилось на здоровье поэта, мы узнаем из его письма, написанного в марте 1916 года: «И я особенно физически сильно ослабел. Почти два года я вращаюсь в этом кошмаре, а летом вместо лечебницы попал в ад Эчмиадзина, а после этого проболел более трех месяцев».

В конце 1921 года здоровье Туманяна резко ухудшилось. Врачи заподозрили желтуху, но затем пришли к заключению, что необходимо сделать операцию в области печени и желчного пузыря. Врач Тер-Нерсисян настаивал на незамедлительной отправке больного в Берлин, однако созданный 26 февраля 1922 года расширенный консилиум врачей решил оперировать поэта в Тифлисе. Операция, проведенная 9 марта 1922 г., выявила доброкачественную опухоль, препятствующую оттоку желчи из желчного пузыря в двенадцатиперстную кишку. Хирурги сочли опухоль неоперабельной и сделали анастомоз, позволявший желчи беспрепятственно циркулировать в организме. На некоторое, к сожалению, довольно непродолжительное время самочувствие поэта улучшилось.

Летом 1922 г. состояние Туманяна вновь стало быстро ухудшаться. Вновь обрела актуальность идея отправки поэта в Берлин (через Москву) для рентгенотерапии и, по необходимости, для операции. Нвард обратилась за содействием к комиссару народного просвещения Армении Погосу Макинцяну, но получила отказ с оскорбительной мотивацией: «Он и без того нам слишком дорого обходится». «Слишком дорого обходился» человек, всего лишь полгода назад организовавший международную финансовую и гуманитарную помощь Армении и поехавший с этой миссией в Константинополь. В помощи отказали человеку, который, находясь в крайне бедственном материальном положении, продал авторские права на свои произведения и полученные 30.000 рублей передал армянским сиротам из Гори, пострадавшим от землетрясения, и голодающим россиянам...

Между тем состояние больного продолжало ухудшаться. Во второй половине ноября 1922 г. был созван очередной консилиум врачей. Девять врачей настоятельно предлагали грязевые ванны.

Против этого был только Мкртич Меликян. Он же первым высказал предположение, что доброкачественная опухоль, как это нередко бывает, трансформировалась в злокачественную. Как выяснилось впоследствии, он был прав. Подтвердить или исключить этот диагноз можно было только с помощью рентгена, но в те годы в Тифлисе соответствующего оборудования не было.

Горячие грязевые ванны еще более усугубили и без того тяжелое состояние больного, пагубно отразились на его сердце.

23 декабря 1922 г. Туманян вместе с сыном Арегом и дочерью Ашхен и Нвард отправился в поезде в Москву – с тем, чтобы немного укрепить здоровье для дальнейшей поездки в Берлин. Вместе с ними в Москву выехал и лечащий врач поэта Григор Сагиян. В эти дни, отмечает в своих воспоминаниях Нвард Туманян, поэт воспрял духом, к нему вернулась надежда на выздоровление. Он продолжал надеяться на чудесное спасение и говорил о том, как соскучился по дому и детям, о том, как много незавершённых дел ожидает его в родном Тифлисе.

В Москву поезд прибыл в 11 часов утра 29 декабря. Поэта на машине скорой помощи переправили в клинику профессора И. К. Спижарного на Девичьем поле. Исследовав больного, профессор нашел его состояние очень тяжелым, а предстоящую поездку в Берлин счёл невозможной и бесполезной.

1 января 1923 года по решению профессора Спижарного Туманяна перевезли в клинику госпитальной терапии имени А. А. Остроумова, где ему была назначена рентгенотерапия. Там же был окончательно подтвержден диагноз неизлечимой болезни. И вновь – в который раз – после длительного обсуждения принимается решение переправить поэта в Берлин. Это было трудное решение, поскольку изнуренное сердце поэта могло просто не выдержать нового пятидневного путешествия, к тому же в Германии повсеместно проходили забастовки, не говоря уже о том, что возвращение из Берлина в Тифлис было сопряжено с определенными проблемами. Перспектива поездки в Берлин обрадовала Туманяна. Он сказал: «На Пасху, наверно, я буду дома, буду здоров, с детьми, все вместе усядемся за стол». Всё было готово для поездки, были получены выездные визы. Предполагалось, что поэта будет сопровождать его младший сын Арег, а в Берлине их встретит Амлик, который в то время учился в университете Сорбонны.

Однако, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Увы, ни поездке в Берлин, ни вожделенному выздоровлению так и не суждено было осуществиться. Состояние поэта ухудшалось с каждым днём, и его нельзя уже было не только перевозить в Германию, но и оперировать.

Литературовед Лусик Карапетян, написавшая пространную статью о болезни и смерти Туманяна¹, отмечает, что в середине марта 1923 года поэт окончательно отчаялся, потерял последнюю надежду на выздоровление. До этого он не переставал надеяться на благополучный исход, напрямую и всецело связывал свое исцеление с поездкой в Берлин, где было самое современное оборудование, применялась рентгенотерапия. Но он был настолько слаб, что московские врачи наотрез отказывались дать добро на эту поездку. В глубине души с ними был согласен и сам поэт: «Как я могу поехать в Берлин в таком состоянии? Я умру в дороге, на руках у сына», – сказал он дочери Ашхен. Говоря это, он имел в виду Амлика, который в то время поехал из Парижа в Берлин и с нетерпением ожидал прибытия отца.

Всё это время Арег вёл дневник и записывал в нём сведения о состоянии отца и его слова. В записях за 27 февраля 1923 г. читаем: «Говорил о Вселенной, жаловался на отсутствие врачей, считал, что если врачи им серьезно займутся, то могут еще спасти: “Вместо того чтобы завтра создавать комиссию по похоронам, лучше бы сегодня созвали консилиум”. Был очень слаб, в последний раз хотел поцеловать детей, думал, что это последние минуты. Попросил зеркало, посмотрел на себя и сказал: “Если нос заострится, этот человек безнадежен”. Заметил, что просто растаял. Ел мало, много говорил о доме и детях. Любое его движение было затруднено. Ночью просил, чтобы мы по очереди дежурили. Он боялся ночи. Чувствовал очень слабо, полагал, что наступили последние минуты»². Проходит ещё десять дней. Седьмого марта Арег записывает в своём дневнике: «Хочет непременно поехать в Берлин. “Если врачи вас будут отговаривать, не соглашайтесь, будет поздно. Я согласен ехать без врача и сестры”. Говорил об Амлике, Тагоре. Мечтал: “Вдруг неожиданно наша дверь заскрипит и наши воскликнут: “Айрик пришел”. На Пасхе мы не будем вместе”. Был недоволен врачами. “Как же я так вдруг стал ненужным, будто никогда и не был дорог”. Да, ползком приходили... Вот она, человеческая суть...”»³. В эти дни все мысли и все разговоры угасающего поэта сводились к основной теме – о скоротечности и суетности жизни, о вечности, о смерти.

Между тем боли все усиливались, становились нестерпимыми, и ему каждые шесть часов делали болеутоляющие инъекции с применением сильных наркотических препаратов.

---

¹ См. «Гарун», №7, 1994 (на арм. яз.).

² И. Сафразбекян, «Дети Туманяна и последние дни поэта», «Новое время», 21 февраля 2019 г.

³ Там же.

17 марта Туманян поделился с неотлучно дежурившими у его больничной койки дочерьми Ашхен и Нвард горьким признанием, что его стали покидать последние силы, а на следующий день то и дело вспоминал беззаботные и счастливые дни своего детства. «Как было хорошо, как было замечательно!...», – вздыхал он печально. В это же время поэта охватила острая тоска по родному дому. «Я так соскучился по дому! Не знаю почему, но мое сердце рвется в Ереван, в нашу страну», – эту ставшую навязчивой мысль он повторял неоднократно и в разных вариациях. Туманян снова и снова повторял: «Не знаю, эти последние два дня моя вера в выздоровление исчезла». В глазах Ашхен он увидел страх смерти, и вспомнил строки своего четверостишия: «Я знаю: в мире смертны все, придет и мой черед, // И смерти страх в груди моей, в моем печальном сердце».

18 марта выдался погожий солнечный день. Туманян с утра вспоминал отца, свое детство, родное Лорийское ущелье, горы и леса. Он обратился к Ашхен с неожиданным вопросом: «Как ты думаешь, что тяжелее: потеря отца или сына?». И, выслушав невнятный ответ дочери, сказал: «Я очень любил отца, очень... Его смерть причинила мне очень большое горе, но смерть Артика была еще большей утратой...».

В тот же самый день, 18 марта, был созван экстренный консилиум врачей, которые были единодушны в своем заключении: ситуация совершенно безнадежная, истощенный, ослабленный болезнью организм не выдержит хирургического вмешательства, не говоря уже о том, что опухоль практически не операбельна... Дальнейшее пребывание поэта в клинике представлялось нецелесообразным, потеряло всякий смысл, и они посоветовали ему вернуться на родину. Эту горькую пилюлю они попытались подсластить беспомощной и неуклюжей «ложью во благо»: дескать, дома, в кругу семьи и при неусыпном и заботливом уходе домочадцев здоровье больного быстро пойдет на поправку...

Так уж устроен человек, что цепляется за самую иллюзорную надежду до самого последнего мгновенья. Туманян в этом отношении не был исключением. Он искренне пытался уверить себя, что живительный воздух родного края, лорийского ущелья, Дсеха и Тифлиса, станет панацеей, принесет ему выздоровление, исцеленье... Весна прогоняла прочь мысли о смерти. «Сейчас наши лорийские ущелья пробуждаются, оживают – нет чтобы и мне послать этого воздуха... чтобы я тоже ожил...», – говорил он. Точно так же его литературный герой Гикор, умирая, все не мог утолить жажду и просил дать ему воды из родника его родного села...

Поэт ощущал и сознавал близость смерти, понимал, что счет уже пошел не на месяцы и даже не на недели, а на дни. Он обратился

ся к Ашхен и Нвард со словами: «Я так скучаю по вам, хотя вы рядом, и я очень скучаю по тем, кто далеко...». И когда Нвард попыталась обнадежить, подбодрить его, сказав, что скоро они вернутся в родной тифлисский дом и вновь соберутся все вместе, большой и дружной семьей, он с неизменной грустью сказал: «Да, поедem... соединимся...». Сказал – и отвернулся.

Он считал, что сделал для своего народа недостаточно много, во всяком случае, неизмеримо меньше того, что мог бы и обязан был сделать. Он был озабочен тем, что оставались незавершённые дела, недописанные произведения, неосуществленные планы...

Жестокая болезнь не сделала Туманяна капризным и эгоистичным. Он не замыкался на себе, на своих физических страданиях. Все время думал о дальнейшей судьбе своих детей, хотя только младшие – Седа и Тамар – были несовершеннолетними. Тем не менее, он считал себя обязанным защищать их в этом суровом, жестоким и несправедливым мире.

Утром 21 марта Туманян попросил перенести кровать в середину комнаты, чтобы можно было видеть небо. Его пульс был учащенный, неровный. А вечером сказал: «Это последняя ночь... До конца марта не дотяну...».

Последней оказалась не эта, а следующая ночь. 23 марта с шести утра пошел снег. Последний снег в его жизни. Казалось, московская зима вернулась, чтобы проститься с поэтом. Арег приехал в половине первого и едва застал отца в сознании. Он привел к отцу народного целителя, знахаря, который, как утверждали, вылечил с десяток безнадежных раковых больных. Туманян разговорился с ним и спросил: «Да что такое человек?». Знахарь, желая угадать ожидаемый ответ, сказал: «Ничто». Но Туманян поправил его: «Человек – это все...». Это сказал умирающий поэт, в упор смотревший в глаза смерти, находившийся в шаге от бездны небытия. В час полудни поэт попрощался со всеми, поцеловал детей. Последними словами Туманяна было обращение к детям: «Крепитесь». Затем он потерял дар речи и впал в забытие. Началась предсмертная агония. Сердце перестало биться, но дыхание еще не покинуло его.

Смерть настигла поэта в девять часов десять минут утра. На календаре было 23 марта 1923 г.

Это был последний день земной жизни великого писателя. Впереди была вечность – категория, ставшая единственным мерилом его творческой биографии; впереди было бессмертие его произведений, его литературных героев, богатого и гениального художественного наследия.

Для того чтобы заполнить вагон для отправки тела поэта в его родной Тифлис, потребовалась целая неделя. Траурный поезд вы-

ехал из Москвы в последний день марта. По пути его следования чуть ли не на каждой станции по требованию местного армянского населения делались остановки и устраивались панихиды. Особенно длительные остановки состоялись в Харькове, Ростове, Армавире, Дербенте, Баку. Поезд прибыл в Тифлис 7 апреля. Похороны поэта состоялись 15 апреля на кладбище Ходживанка.

ОБРАЗ ПОЭТА

Ованес Туманян родился в семье обычного сельского жителя. Несмотря на благородную, знатную родословную по отцовской линии, поэт вырос в простом деревенском доме, не имел ни малейшего представления о дворцах и палатах, о быте и образе жизни знати, никогда не имел ни няnek, ни воспитателей. Однако у него были учителя, которые сыграли в его жизни огромную и непереоценимую, судьбоносную роль. Такими учителями для маленького Ованеса стали родная лорийская природа со своими изумительными долинами, лесистыми горами и ущельями, а также народное творчество – сказки, легенды, старинные предания, песни. Благодаря этим своим учителям Туманян стал величайшим армянским поэтом, самым народным и самым национальным, снискавшим славу и звание Поэта всех армян, поскольку именно ему удалось осмыслить историческую судьбу своего народа и стать символом неиссякаемости и неисчерпаемости его душевных сил.

Ованес Туманян был от природы наделён выдающимся литературным талантом. Он был ещё и разносторонне развитой личностью, большим любителем и ценителем искусства. Поэт прекрасно чувствовал музыку, имел хороший эстетический вкус. Он любил и часто пел армянские духовные и народные песни («Сурб-сурб», «Луйс зварт», «Хорурд хорин», «Тер Кецо» и другие), по-особому трепетно относился к песенному творчеству Саят-Новы и Комитаса. Из произведений Комитаса ему особенно нравились «Антуни» и «Мокац Мирза». К одному из своих стихотворений («Ах, инч лав ер сари вра») поэт сочинил мелодию и время от времени исполнял в узком кругу родных и друзей. Ещё с юношеских лет он воспринимал окружающий мир во всём его объёме и многообразии, во всей палитре красок, со всеми его противоречиями, в противоборстве гармонии и дисгармонии, добра и зла. Умея неплохо рисовать, поэт иногда пытался выразить в графических рисунках свои сокровенные мысли и чувства, своё мироощущение и мировосприятие. Поэт вообще был большим поклонником искусства, живописи - вообще всего прекрасного. «Когда я вижу что-либо прекрасное, меня трудно от него оторвать. А теперь вот увидел прекрасную статую Дианы,

спешу туда», – написал поэт в осенние месяцы 1920 года, в возрасте пятьдесят одного года, когда был преисполнен решимости отправиться на фронт в качестве бойца и участника национально-освободительной борьбы (10, 361). «Ещё немного, и я бы отправился на фронт», – скажет он о своём решении¹. Несмотря на очень большую стеснённость в материальных средствах, поэту удалось приобрести приглянувшиеся ему живописные картины известных армянских и зарубежных художников, в частности, работы голландского мастера XVII века Виллема Кальфа, специализировавшегося на натюрмортах; картины Фаноса Терлемезяна, Егише Тадевосяна, Геворга Башинджагяна и других армянских художников, а также изданные в Германии альбомы современной живописи, в том числе и графики. Ещё в юношеском возрасте Туманян был серьёзно увлечён живописным искусством, очень любил рисовать. В годы учёбы в Нерсисяновской школе, проживая в наёмной квартире, он часто писал графические портреты посетителей владельца дома звонаря Авака.

Особенности человеческого образа Ованеса Туманяна нашли достаточно полное выражение в его художественных и публицистических произведениях, письмах, в каждом фрагменте, эпизоде его биографии, а также в воспоминаниях современников. О поэте написано очень много воспоминаний, но примечательно то, что значительная часть мемуаристов, представляя политические взгляды Туманяна, нередко приходила к противоречивым, даже взаимоисключающим и явно тенденциозным выводам. То есть каждый мемуарист старался приспособить, уложить поэта в прокрустово ложе своих политических восприятий и пристрастий, а то и вовсе своей партийной принадлежности. На самом же деле Ованес Туманян никогда не уместился в рамки и доктрины какой-либо одной партии: он всегда отличался своей надпартийной сущностью, всегда представлял интересы всего народа, был выразителем его стремлений, чаяний и надежд.

Чаще всего авторы воспоминаний о поэте представляли его образ односторонне, причём делали это не осознанно, а невольно, чему причиной была сложность, неоднозначность характера Туманяна, неуловимые черты его личности. Аветик Исаакян заверял, что понять Туманяна-человека было очень непросто, потому что он был «каким-то психологическим сфинксом» и имел «сложную, неутолимую фаустовскую душу»².

Ованес Туманян был одновременно и великодушным, дели-

---

¹ Там же, с. 357.

² **Ав. Исаакян**, Собр. соч. в 6 т., т. 5, Ер., 1977, с. 286 (на арм. яз.).

катным, чутким, и принципиальным, неуступчивым, воинственным, и миролюбивым, спокойным, философски-созерцательным, умел смотреть на всё происходившее сверху и очень часто руководствовался чувствами. Он не проходил молча и безразлично мимо самых малейших и вроде бы незначительных явлений общественной и литературной жизни. Ему непременно необходимо было выразить своё отношение: либо он высказывал свою радость, подбадривал, говорил слова поощрения, поддержки, либо уничтожал остроумной репликой – если это явление казалось ему неприемлемым.

Тем не менее, все без исключения современники поэта в своих воспоминаниях проявляли единодушие при описании его внешности и некоторых наиболее важных черт характера. Как современники поэта, так и литературные деятели последующих поколений использовали применительно к Туманяну определение «самый»: он характеризуется не только как Поэт всех армян, но и самый гостеприимный армянин, самый добрый, самый великодушный и всепрощающий, Отец всех армянских сирот, Всеармянский тамада, самый справедливый и праведный, самый лучший организатор и самый деятельный председатель более десятка творческих и земляческих союзов, общественных и благотворительных организаций, самый искусный и мудрый примиритель, самый принципиальный и остроумный мастер полемики, который невольно, одним своим участием, обесмертил имена своих злоречивых оппонентов и идейных неприятелей. Действительно, Туманян был во всём первым, первостепенным. Всё, что он инициировал, предпринимал и осуществлял в своей жизни, стало непреходящей ценностью не только в историко-литературной, но и в культурной сфере.

В роду Ованеса Туманяна как по отцовской, так и по материнской линии все были долгожителями, жили по сто, а то и более лет. Однако поэт, в силу сложившихся обстоятельств, не жил, а горел; он так распорядился своей жизнью, «превратив её в площадь» и позволив каждому желавшему «истоптать её», что уже в тридцатилетнем возрасте поседел и выглядел ранним стариком, и ушёл из жизни преждевременно, в возрасте пятидесяти четырёх лет.

Ованес Туманян являлся самым активным и исключительным национальным, политическим, общественным и культурным деятелем своей эпохи. Действительно, не так уж часто случается, чтобы в одной и той же личности в равной мере проявились столь разносторонние и при этом могучие дарования. Напомним, что он был не только поэтом, общественным и национальным, политическим деятелем, публицистом, литературным критиком, переводчиком, но и исследователем и собирателем фольклора, серьёзно занимался проблемами развития языка, рьяно боролся во имя утверждения мира и

общечеловеческих нравственных ценностей. Подобная разносторонняя деятельность отнимала у поэта уйму времени и жизненной энергии, он растрачивал свой талант в самых разных областях общественной жизни – в бесчисленных культурных мероприятиях, в заботах о физическом выживании армянского народа, в дипломатических встречах и переговорах, в составлении иска пострадавших в разрушительной мировой войне и переживших геноцид соотечественников и т.д.

Неотъемлемой и составной частью человеческого облика Ованеса Туманяна являются его природная доброта, оптимизм, умение видеть хорошее даже в плохом, принципиальность, самоотверженность, стремление к совершенству, способность жертвовать собой во имя высоких целей и задач, смелость. Конечно, сказанное вовсе не означает, что поэту были неведомы страхи. Однако страхи эти носили безличностный, отвлечённый характер. Его пугали дамочным мечом нависшие над головой его народа угрозы физического уничтожения, пугали масштабы нравственного падения современного ему общества, пугало то, что людоеду-убийце для того, чтобы стать человеком, потребуется «ещё не меньше миллиона лет».

Ованес Туманян был наделён также умением воодушевлять, объединять людей вокруг высоких идей и задач. При этом он отличался большой скромностью и никогда не выпячивал свои личные заслуги – ни как поэт, ни как общественный деятель. Всей своей сущностью он ненавидел зло и всеми способами боролся с ним. По своему характеру он был активен, предприимчив и инициативен, бесстрашен и горд, умел хранить чужие тайны, всегда оставался верен своим убеждениям и принципам. Современники отмечали, что Туманян был наделён недюжинным дипломатическим даром.

Как бы то ни было, дать сколько-нибудь точную характеристику человеческим качествам Ованеса Туманяна было затруднительно не только литературоведам последующих поколений, но и людям, общавшимся с поэтом и хорошо знавшим его. О том, насколько сложный характер был у поэта, лучше других могли судить его родные, а также довольно узкий круг самых близких людей. Они признавались, что понять поэта для них было не просто трудно, а являлось сверхсложной задачей. Дереник Демирчян в своих воспоминаниях пишет: «Туманян был очень сложным человеком. Понять его – дело не из простых. Туманян представлял из себя комплекс разносторонних черт...»¹. О сложности и многослойности своего характера прекрасно знал и сам поэт. «Я знаю, – говорил Тума-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Ер., 1969, с. 43.

нян, — когда-нибудь, не очень скоро, конечно, моя жизнь вызовет большой интерес и произведёт большой шум; многое будет выяснено, во мне увидят много совершенно иного. И никто не найдёт истину, не скажет её никогда...»¹.

И действительно, можно вовсе не сомневаться в том, что каждое новое поколение историков литературы и литературоведов будет снова и снова искать своего Туманяна и скажет о нём слова, которые, в свою очередь, опять же не станут последними. Тем не менее, можно и нужно попытаться хотя бы составить общее представление о жизни и деятельности поэта, о его человеческой сущности, о его неповторимой, совершенно уникальной личности, опираясь в первую очередь на его литературное наследие, в частности, на письма и многочисленные сохранившиеся документы. Ведь поэт исповедально искренен в каждой своей строчке. «В своих произведениях я объективен, прикрыт, — говорил поэт, — тот, кому дано понять, увидит меня. Мою душу не знают, она закрыта для многих: я для них чужой и незнакомый»².

Мир Ованеса Туманяна является духовной родиной не только для каждого армянина, но и для любого человека вообще. Это одновременно и национальный и наднациональный, общечеловеческий художественный мир, который содержит в себе многочисленные слои и неисчислимы сокровища и живёт в ожидании новых исследователей, современных и грядущих, которые скажут о нём новое слово, раскроют в нём новые глубины. И кто бы они ни были, эти новые исследователи, они никогда не смогут объять необъятное, не смогут исчерпать неисчерпаемое. Лучше всего образ поэта выражен в его произведениях, в особенности в четверостишиях, в которых он предстаёт перед нами таким, каким был в жизни. И, конечно же, наилучшим источником, повествующим о характере поэта, являются его стихи, баллады и поэмы, его поэзия.

ВНЕШНОСТЬ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

О внешнем обаянии Ованеса Туманяна считали важным и нужным рассказать в своих воспоминаниях чуть ли не все его современники. Характер поэта во многом выражался в его внешнем облике. Он был стройный и благообразный, довольно высокий, худой, имел широкий и открытый лоб, «выражающий благородство и честность», правильные черты лица, прямой нос, который в представлении некоторых современников был «орлиным носом», то есть

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», Ер., 1969, с. 164.

² Там же, с. 158.

имел небольшой изгиб, вполне гармонизировавший с высоким ростом поэта. У него были тёмные вьющиеся и густые волосы. Поэт выделялся своим «стройным и красивым видом: у него были чёрные остроконечные усы и борода»¹. Современники отмечали также добросердечность, подвижность, энергичность, а также живые, миндалевидные, чёрные, пленительно улыбающиеся каждому глазу. Туманяну ещё не исполнилось и сорока лет, когда те же современники стали видеть в нём поседевшего, «немного сутулящегося человека со впалой грудью»². А ещё позднее, когда поэту исполнилось сорок девять лет, о нём скажут: «Огонь в глазах как будто погас, он был задумчив, потерял свою живость» и т. д.³.

Ещё в юношеские годы Ованес Туманян привлекал окружающих не столько своей внешностью, сколько заложенной в ней внутренней красотой. В поэте «было что-то душевно очаровывающее»⁴. Гармония, органическая связь между выражением его лица и его характером была для всех самоочевидна. Чуть ли не все мемуаристы старались передать умное выражение глаз поэта, лучезарный свет, исходящий от его взгляда, невыразимую силу. «Он излучал свет вокруг себя исключительным обаянием своей личности», — писала Забел Есаян. Современники поэта отмечали также, что от его внешности исходила огромная положительная энергия. Свет и доброта его характера нашли отражение как в художественном творчестве, так и во внешнем облике поэта, в манере держаться, даже в жестике, в мимике. Улыбка всегда являлась главной составляющей выражения его лица, она постоянно излучала свет и тепло, мгновенно располагала к себе. Свидетельств этому более чем достаточно. Так, 17-летняя Нино Табидзе ещё не была знакома с Туманяном, когда впервые увидела его на улице и сразу же про себя охарактеризовала его как «добрую душу». «Вдруг вижу, — пишет она, — как издали идёт какой-то высокий старик, словно излучая солнце вокруг себя; казалось, он давал жизнь и радость всей округе... что-то необъяснимое разволновало меня...»⁵. Почти все современники поэта в один голос утверждают, что тот, кто один раз встречался с ним, «никогда уже больше не забывал его»⁶. Кому-то он представлялся «статным исполином»⁷, другому — «бодрым, жизнерадостным, улыбчивым, кудрявым, высоким молодым человеком... с которым человек сближался

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 586.

² Там же, с. 352.

³ Там же, с. 372.

⁴ Там же, с. 219.

⁵ Там же, с. 731.

⁶ Там же, с. 171.

⁷ Там же, с. 871.

после первой же встречи и любил так, словно он был его другом детства»¹.

Улыбка Ованеса Туманяна действительно была важной составляющей частью его внешнего обаяния. Высказывания современников о том впечатлении, которая производила на них его улыбка, могла бы составить увесистый том. Согласно их утверждениям и заверениям, улыбчивое лицо поэта приносило людям радость, воодушевляло и заряжало их бодростью; жизненная энергия и оптимистическое мироощущение Туманяна словно передавалось другим. «Его улыбка, эта лучезарная улыбка, которая всегда освещала его глубоко осмысленное лицо... Эта улыбка Туманяна... Это была какая-то пленительная красота, которая «была дана ему свыше» вместе с его большим талантом и волшебным гением собеседования... эта улыбка была из разряда удивительно увлекающих улыбок, увидевший которую и сам хотел улыбаться»². Поэта часто видели «полурадостным, полугрустным»³. Именно «лучистая улыбка» была лучшим свидетельством «величия души поэта», именно улыбка делала его «великим и уникальным человеком»⁴.

Даже в не столь уж многочисленных сохранившихся фотографиях поэта нельзя не увидеть безгранично доброе выражение его «улыбчивых, не очень глубоко посаженных, но мудрых глаз»⁵. Лицо Туманяна улыбалось независимо от его настроения, эта улыбка предназначалась миру, однако она вовсе не была отражением его нелёгкой жизни. Улыбка эта не исчезла даже после навалившихся на поэта горестей и несчастий, она оставалась столь же обаятельной и в последние годы его жизни. Он пытался улыбаться даже на одре смерти. «Похудевшее и бледное лицо... Я никогда не видела этого лица без его солнечной, согревающей улыбки. На этот раз его улыбка была похожа на едва уловимый луч, с трудом пробивающийся сквозь тучи», – писал Вагаршак Норенц, посетив поэта в московской больнице⁶.

Когда Ованес Туманян, будучи уже смертельно больным, в ноябре-декабре 1921 г. находился по делам Комитета помощи Армении в Константинополе, встречавшиеся с ним армянские деятели нашли его улыбку «заразительной и обаятельной», а само присутствие поэта – «чудодейственным». В многочисленных стихотворе-

---

¹ Там же, с. 387.

² Там же, с. 247.

³ Там же, с. 791.

⁴ Там же, с. 725.

⁵ Там же, с. 136.

⁶ Там же, с. 866.

ниях, посвящённых Туманяну, особо подчёркивалось невыразимое обаяние этой улыбки.

КУЛЬТУРА РЕЧИ ПОЭТА

Далеко не все писатели наделены высокой культурой речи, далеко не у каждого из них развита устная речь. Речь Ованеса Туманяна отличалась необычайным обаянием. Слово поэта было кратким и метким, всегда точно попадало в намеченную мишень. Он не любил торопливых и громких речей. Сам поэт «говорил спокойно, медленно, мягко и тихо», – вспоминает Нвард Туманян¹.

Туманян прекрасно знал цену и значение слова и речи. Если в художественных произведениях в каждом слове был заключён целый мир, то в устной речи очень важной являлась подача этого слова, произношение и артикуляция. «Когда говоришь, надо делать это как следует, спокойно, внятно, необходимо придавать своему слову вес и значение», – сказал поэт². Современники называли его «большим любителем живого слова»³. Все его выступления отличались органическим единством афористического мышления и речи. Стефан Зорьян писал о Туманяне: «Армянский народ завещал ключи от хранилища своих многовековых сокровищ и дар прекрасного рассказчика ему, самому достойному из всех, кто вышел из недр народа... Удивляя и восхищая своих слушателей, он в своих беседах рассыпал перед вами жемчужины и бриллианты, этот мастер и чародей устного слова и беседы... Он был тонким психологом и знал, в какой момент можно было сказать то или это, с кем и как следует разговаривать»⁴. Таким же образом воспринимал устную речь Ованеса Туманяна и Сергей Городецкий: «В обычной беседе он рассыпал жемчужины, подобно волшебнику, который не имел представления о ценности своих сокровищ»⁵. Забел Есаян свидетельствует: «Он любил говорить и любил слушать, он не имел себе равных в характеристике людей: одним-двумя словами он представлял человека с наиболее характерными его чертами»⁶. Огсен Сарьян, которому привелось в конце 1921 г. услышать живую речь поэта в Константинополе, когда он был в очень плохом физическом состоянии, в своих воспоминаниях отмечает: «Повсюду речь поэта слушали с большим вниманием и любовью. Когда он встал на ноги, чтобы высту-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 72.

² Там же.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 791.

⁴ Там же, с. 114, 130.

⁵ Там же, с. 894.

⁶ Там же, с. 155.

пить с речью, все были словно намагничены. Великий поэт был также великим оратором. Его стиль был насколько ясным, настолько же ёмким и очаровывающим... Я не слышал никого, кто бы был красноречивее Туманяна, кто говорил бы со своими слушателями столь убедительно и завоевывал их сердца и мысли. Своей речью он обаял и связал всех по рукам и ногам. Его слово было столь же могучим и прекрасным, как и его перо. Это слово исходило из возвышенной и чистой души великого патриота»¹.

Беседы Ованеса Туманяна передавались из уст в уста, обретали крылья и прочно запечатлевались в памяти слушателей. Зачастую они представлялись с определёнными искажениями и преувеличениями, в несколько приукрашенном виде. Даже самая обычная острота или шутка поэта становилась для окружающей среды фольклорным материалом и иногда возвращалась к нему, подобно бумерангу, в качестве народной поговорки или сочинения какого-либо другого лица. Так, вероятно, было и в эпизоде со следователем Лыжиным, когда на его вопрос: «Что представляет из себя партия Дашнакцутюн?» обвиняемый поэт ответил: «Имя существительное в именительном падеже». Другой подобный пример: как-то жена поэта Ольга, имевшая к тому времени десять детей, посетовала, что муж вообще не бывает дома. Туманян на это ей ответил: «Как это не бываю дома? Что это такое ты говоришь, жена, ну ведь по меньшей мере десять раз я был дома, не так ли?» Этот свой остроумный ответ поэт повторял множество раз на застольях, он получил широкое распространение, стал своего рода анекдотом, легендой. Пересказывая этот эпизод, Вильям Сароян от себя приписал Туманяну ещё одного, одиннадцатого ребёнка, а затем дал словам поэта свою оценку: «Замечательный ответ, превосходный ответ»².

В своих публичных выступлениях Ованес Туманян показывал прекрасное владение культурой речи и искусством полемики и аргументирования. Дискутируя вокруг того или иного вопроса, он всегда переносил проблему в плоскость человеческого фактора, психологических понятий, он умел мастерски формировать мнение, адекватное его собственным убеждениям. Здесь, конечно, кроме несомненных преимуществ его публицистического дарования, немало важную роль играла также слава поэта, его незыблемый авторитет. Его полемические статьи и выступления являются большим достижением многовековой армянской публицистической мысли. Как

---

¹ О. Сарьян, «Встречи с Ованесом Туманяном», еженедельная газета «Лрабер», 21-25 октября 1969 г.

² В. Давтян, «Добрый великан. Встречи с Вильямом Сарояном», Ер., 1979, «Советакан грох», с. 42.

публичные выступления поэта, так и его научные исследования предельно насыщены литературными и научными фактами и доводами, отличаются богатством фактографического материала, предметной, наглядной постановкой вопросов, объективностью оценок. Для большей убедительности и доступной, внятной подачи аргументов в своих публицистических статьях Туманян времен от времени прибегал к форме диалогов. Полемизируя со своими идеологическими оппонентами, Туманян старался своими аргументами убедить в своей правоте также читателей. Между тем его оппоненты, по словам Паруйра Севака, всячески старались превратить классический дворец Туманяна в логово дурной отсталости и уродливого консерватизма... Им, видимо, мешала классичность Туманяна»¹. А по словам Размика Давояна, недостойные оппоненты поэта «кричали, что лететь означает ползать, подобно им самим, тогда как Туманян просто шагал, и его лицо искажалось при их омерзительном виде», но он при этом всегда оставался «светлым, лучезарным и печальным... бессильным и всесильным, но при этом никогда не отступающим»².

Своим образным и аргументированным, убедительным словом, силой логики поэт был неуязвимым для своих недругов и оппонентов. Обосновывая свою точку зрения, он часто пользовался для аргументации арсеналом сравнений и сопоставлений, опираясь на своё блестящее знание русской и мировой литературы. Однако ещё чаще он иллюстрировал свои рассуждения дидактическими пословицами и поговорками, афоризмами и крылатыми выражениями, с помощью которых не столько доказывал свою правоту, сколько делал свои доводы более доходчивыми, доступными для понимания.

Поэтическое творчество и статус поэта скорее не препятствовали, а способствовали публицистическим выступлениям Туманяна, становились не слабостью, а силой. Самым широким образом пользуясь афоризмами и крылатыми выражениями, эстетическими приёмами образного и художественного стиля, поэт делал своё слово ещё более убедительным, доходчивым и понятным, и ни в коем случае не приноравливал факты к своим желаниям, не выдавал желаемое за действительность. Напротив, он сам шёл вслед за фактами, уделял много времени и сил для их выявления, чтобы всегда быть как можно дальше от ничего не говорящей отвлечённости, которую он игнорировал во всех её проявлениях.

Ованес Туманян всегда и везде был голосом и совестью народа, его ярким защитником, говорящим от имени народа, борющимся

---

¹ П. Севак, Собр. соч. в 6 т., т. 5., с. 360 (на арм. яз.).

² Р. Давоян, «Поэт всех армян», «Гарун», 1969, №7-12, с. 26 (на арм. яз.)

против всех тех политических сил, которые постоянно злоупотребляли доверием народа, попирали его интересы. А голос народа всегда создаёт непреходящие художественные ценности, где бы и как бы это ни проявлялось.

И действительно, несмотря на то, что Туманян не имел высшего образования, ни одному из его оппонентов, получивших образование в европейских университетах, не удалось одолеть поэта в полемических единоборствах. Во всех публичных выступлениях Туманян руководствовался как своими знаниями, так и природным умом и чутьём, интуицией, своей уникальной способностью чувствовать, предугадывать ход событий. «Нельзя не отметить, – пишет Паруйр Севак, – что Туманян был самым умным в нашей новой литературе и самым искусным – среди всех одарённых. Он не окончил школу Нерсисян, не говоря о гимназии Лазарян, и он не обучался в Венеции. Но посмотрите, как он дискутирует с Ачаряном, Марром, Абегианом и полемизирует со многими образованными, известными деятелями, выпускниками университетов – от Арцруни до Арасхатяна, от Халатянца до Макинцьяна»¹.

Художественное и публицистическое творчество Ованеса Туманяна остаётся непревзойдённым в многовековой истории армянской культуры. Публицистическое наследие поэта является неисчерпаемой сокровищницей, к которой может обратиться любой человек, независимо от национальной принадлежности, беря у неё уроки человеческого благородства и высокой нравственности. Слово Туманяна и сегодня помогает ориентироваться в многочисленных волнующих, животрепещущих вопросах не только прошлого, но и настоящего.

ХАРАКТЕР ПОЭТА ОПТИМИЗМ

*Я много видел горя, много зла,
И всё-таки душа моя светла.
Ованес Туманян*

Другой характерной чертой человеческого образа Ованеса Туманяна был его природный оптимизм, который всегда пробивал себе дорогу в чрезвычайно неблагоприятных условиях жизни, в личных и общенациональных испытаниях и трагедиях, боролся с «внутренними бурями» души поэта. «Многие полагают, что я счастлив, считают, что в моей жизни всё гладко и ровно, но им совер-

---

¹ П. Севак, Собр. соч. в 6 тт., т. 5, Ер., 1974, с. 365-366 (на арм. яз.).

шенно неизвестно о моих внутренних бурях»¹. Многим о душевном состоянии поэта было «совершенно неизвестно» по той простой причине, что он не выпячивал свои проблемы и переживания, не выставлял их напоказ. Он пытался преодолеть и победить их силой своего оптимизма. И действительно, Ованес Тумаян является одним из самых оптимистичных, жизнеутверждающих армянских писателей. «Его неисчерпаемый оптимизм был заразителен даже для скептиков», – говорила Забел Есаян². Поэт старался идеализировать жизнь и человека, зачастую старался видеть хорошее там, где его не было и в помине, где его не могло быть по определению.

Я видел всё: предательство и зло.

Бывало – и меня коварство жгло.

Но я любил, смотрел прощавшим взглядом,

Мне часто было и во тьме светло!

(Пер. Н. Гребнева)

Причиной этого неуёмного желания поэта видеть хорошее во всём, даже в заведомо плохом, была природная доброта Тумаяна вкупе с его верой в силы и неисчерпаемые возможности человека. Он говорил: «Всё на свете доступно человеку, он может всё, просто должно быть желание»³.

Вера Ованеса Тумаяна в жизнеспособность, жизнестойкость своего народа была поистине безграничной. Выпавшее на его долю страшное время – межнациональные столкновения, политические преследования, Первая мировая война, Геноцид армян в Османской империи, происки и интриги великих держав, гражданская война, кратковременное обретение и потеря национальной независимости – ничто не смогло пошатнуть этой веры поэта. Он не потерял её ни в петербургской тюрьме, находясь под реальной угрозой смертной казни или пожизненной ссылки и каторги, ни во время разрушительной империалистической войны, ни во время интервенции векового врага, когда регулярные турецкие войска оказались на подступах к сердцу Армении – Еревану, ни во время кровавой расправы большевиков над руководителями и участниками Февральского восстания... Даже в самые смутные и жуткие дни он продолжал сохранять душевное равновесие и оптимизм.

Оптимизм Ованеса Тумаяна был поучителен в особенности для начинающих писателей. Он выражался во всём и повсюду, даже в быту. Среди многочисленных забавных историй, произошедших с поэтом, есть и такая: как-то Тумаян принёс домой мешок с ореха-

¹ Н. Тумаян, «Воспоминания и беседы», с. 291.

² «Тумаян в воспоминаниях современников», с. 161.

³ Там же, с. 149.

ми, и все они оказались пустыми. «Мы спросили, – рассказывает Нвард Туманян, – отец, почему ты не попробовал прежде, чем купить? А он ответил: «Вначале попробовал штук пять, все они оказались полыми, ну, я и решил: раз так, значит, остальные будут хорошие»¹.

И во время жарких дискуссий с оппонентами, и среди чёрных и сырых тюремных стен, и предстая перед инациональными обвинителями и судьями – всегда и всюду поэт руководствовался своим лозунгом: «Будь искренним, правдивым и добрым, а там даже если весь мир восстанет против тебя, даже если... преисподняя раскроет свою пасть и станет злословить о тебе – ты в конце концов победишь»(7, 433).

Своими обнадеживающими и жизнеутверждающими словами Ованес Туманян вывел из душевного кризиса Филиппоса Вардазаряна, Аветика Исаакяна, Комитаса, пытаясь убедить их в том, что все трудности приходят и уходят, что все проблемы разрешимы, все испытания преодолимы. «Кто знает, какие приятные неожиданности готовит для вас завтрашний день!», – говорил он². Своему другу Аветику Исаакяну, в жизни которого наступили трудные времена, он говорил: «Не следует так печалиться, в конце всё наладится. Армянскому народу доводилось видеть и более тяжёлые дни. Не отчаивайся, и это пройдёт»³. Одно-единственное письмо Ованеса Туманяна вывело из серьёзного душевного кризиса другого близкого товарища поэта – Филиппоса Вардазаряна (Филипа), находившегося в тысячах километров. Филип находился в отчаянном положении и намеревался покончить жизнь самоубийством, но прочитав письмо Туманяна, воспрянул духом и отказался от своего намерения.

Оптимизм поэта, его вера в конечное торжество добра были обращены не в себя, а во внешний мир, то есть в первую очередь именно эти качества делали поэта ярко выраженным экстравертом. И поэтому они заряжали жизненной энергией других людей, улучшали их настроение. Туманян как никто другой умел радоваться жизни, и временные лишения и трудности не могли заслонить собой ощущение этой радости, не могли привести его в отчаяние. Современник поэта Маргар Аветисян в своих воспоминаниях писал: «Его печаль была неразрывно соединена с жизнерадостным юмором... вера превращала его в оптимиста, сообщала живость его юмору»⁴.

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 58.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 573.

³ Там же, с. 10.

⁴ Там же, с. 186-187.

Вера и оптимизм Ованеса Туманяна во всём своём объёме нашли выражение и в его литературно-художественных произведениях, в публицистических статьях и выступлениях, в литературной критике и даже в научных исследованиях. Ему было хорошо известно, что несмотря на то, что «у сильного всегда бессильный виноват», тем не менее, против любой силы найдётся другая, ещё большая сила, а самой большой силой наделена смерть (баллада «Великан»).

В годы мировой войны оптимизм и вера Ованеса Туманяна отразились в его художественных произведениях с новой силой. Несмотря на большой соблазн, поэт ни разу не позволил себе произнести проклятия в адрес векового, злейшего врага армянского народа, лишившего его исторической родины, устроившего на государственном уровне Геноцид и насильственную депортацию его соотечественников, а впоследствии с зубовным скрежетом пытавшегося довести свои чёрные замыслы и дела до конца, стерев Армению с географических карт. Более того, он в своих обращениях призывал современников и потомков не опускаться до проклятий, не опускаться до уровня своих врагов-варваров и в порыве мести не отвечать им такими же дикими и жестокими деяниями, не уподобляться им. Другим поэтам он наказывал «не осквернять свои уста проклятьем».

Даже в дни самых трудных испытаний, страданий и волнений поэту удавалось сохранять в своей душе умиротворённость, уравновешенность, веру и надежду на конечное торжество добра и справедливости, поскольку всегда и везде рядом с плохим он умел видеть хорошее, светлое.

К сказанному остаётся добавить, что Ованесу Туманяну удавалось всегда поддерживать в себе огонь своего природного оптимизма – несмотря на все увиденные и пережитые им ужасы и кошмары. Вера и оптимизм всегда шли рука об руку в жизни поэта, который принимал жизнь безо всяких оговорок, со всеми её неприглядными сторонами, со всеми её трудностями и противоречиями.

ДОБРОТА ПОЭТА

Думается, не будет большим преувеличением сказать, что Ованес Туманян является символом здоровья и христианской доброты армянской души. И в этом смысле также он велик и исключителен. Доброта поэта в определённом смысле является силой нашего народа. «Иногда думаешь, – говорил Амо Сагиян, – как здорово бы

было, если бы наш народ мог быть таким же добрым»¹. Мартирос Сарьян охарактеризовал творчество Туманяна одним словом-определением: «доброе». «Для каждого у меня есть любовь и добрые пожелания», – говорил поэт и на каждом шагу, каждым своим поступком подтверждал искренность этого признания. Заповедью поэта стали его слова: «На мир и человека следует смотреть добрым сердцем и ясным взглядом»². Поэт настоятельно советовал подрастающим поколениям смотреть на мир, подобно солнцу. Аветик Исаакян, имея в виду безграничную доброту Ованеса Туманяна, причислял его к людям-легендам, людям-титанам, рядом с которыми каждый чувствует себя счастливым, а без таких людей воспринимает мир как «бессмысленный и суетный»³.

Доброта Ованеса Туманяна не знала границ, возможности для его самопожертвования также были безмерными. И это при том, что в жизни поэта не было ни одного спокойного и безмятежного дня, свободного от забот и хлопот.

ЖЕРТВА ДОБРОТЫ

Многие люди пользовались добродушием и доброжелательностью Ованеса Туманяна, его готовностью прийти каждому на помощь. Он просто не умел никому отказывать в просьбе, и очень многие злоупотребляли этой особенностью его характера. В жизни Туманяна никогда не было недостатка в просителях, среди которых были самые разные люди, близкие и дальние родственники, товарищи, полужнакомые. Поэт протягивал руку помощи каждому просителю, делая всё возможное и даже невозможное, чтобы оказанная им помощь оказалась реальной и действенной.

На всём протяжении жизни Ованеса Туманяна к писателю нескончаемым потоком шли самые разнородные и разнохарактерные просьбы и обращения как от близких людей и родных, так и очень дальних знакомых и даже совершенно не знакомых людей. Думаем, что не ошибёмся, если скажем, что никто из должностных лиц и богатых благотворителей эпохи не получал столько просьб и обращений за помощью, как Туманян. В этом вопросе велика также «доля вины» самого поэта. Не имея никакого постоянного источника доходов (после пяти лет работы в консистории поэт никогда не служил в каком-либо учреждении), Туманян всегда был задавлен

---

¹ А. Овнатан, «Говорит Амо Сагиян. Беседы», Ер., 1992, с. 42 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 81 (на арм. яз.).

³ Ав. Исаакян, Собр. соч. в 6 тт., т. 5, с. 287 (на арм. яз.).

материальными проблемами и заботами своей большой, многодетной семьи, был вынужден постоянно брать деньги под большие проценты в банках, но при этом он всегда изъявлял готовность прийти на помощь каждому нуждающемуся, помогал людям всеми возможными и даже невозможными способами, причём делал это охотнее, щедрее и чаще любого богатого предпринимателя и благотворителя, вследствие чего за ним прочно закрепилась слава всемогущего и предприимчивого деятеля. Бесконечное множество раз он отрывался от своих дел, от творчества и покидал свой письменный стол и рабочий кабинет, чтобы кому-то помочь, похлопотать за кого-то перед высокими должностными лицами. При этом он не жалел своего бесценного времени, своих скудных средств, и именно таким своим подходом «избаловал» очень многих просителей, которые не удовлетворялись единовременной помощью и продолжали просить поэта о содействии снова и снова; были и такие случаи, когда, устроившись по ходатайству Туманяна на службу, эти люди по каждой уважительной или не очень уважительной причине продолжали обращаться к поэту, прося и даже требуя, чтобы он взял на себя роль работодателя, третейского судьи, банкира и решил их проблемы. А когда в конце 1912 г. Туманян стал председателем Кавказского общества армянских писателей, число таких просьб возросло в сотни и тысячи раз, и поэт до конца своей жизни оставался осаждаемым нескончаемыми толпами самых разных просителей – близких и дальних родственников, соседей, знакомых и незнакомых, приносивших свои громоздкие, безграмотно и бессвязно оформленные заявления и прошения. В преддверии мировой войны число таких обращений значительно возросло – в связи с резким ухудшением условий жизни людей, ростом безработицы и социальных нужд населения.

Обратимся лишь к нескольким письмам-прошениям, адресованным поэту в 1913-1914 гг., чтобы стало ясно, какими были повседневные, будничные заботы Туманяна, чем именно он был вынужден заниматься, кроме решения семейных проблем, кроме национально-патриотической, социально-политической и литературной деятельности. Общественные деятели и работники культуры обращались к нему с самыми разнородными просьбами, которые касались как повседневной жизни, так и самых разных проблем их личной жизни. Из современников Дереник Демирчян свидетельствует: «Он был самым общественным писателем своего времени. Правда, что общественность его эпохи обращалась к нему по каждому вопросу. Представители самых противоположных направлений нахо-

дились в тесной связи с ним и обращались к нему за помощью для решения своих задач»¹.

Как уже было сказано, даже едва знакомые и вовсе не знакомые люди часто обращались к Туманяну с просьбой информировать их о текущей литературной жизни Тифлиса, при этом некоторые изъявляли желание, чтобы поэт разъяснял им те или иные литературные проблемы, анализировал и оценивал произведения того или иного писателя, а зачастую – их собственные произведения. То есть многие современники Туманяна в полном смысле слова воспринимали поэта как энциклопедию текущей литературной жизни.

6 сентября 1913 г. Анушаван Тер-Гевондян обращается из Петербурга к Туманяну «с несколькими важными проблемами». Он составил сборник детских песен и просил, чтобы поэт сообщил сведения об авторах некоторых стихотворений и о тех их произведениях, которые не были ему знакомы. «Здесь почти никто об этом не знает, так что я вынужден в данном случае побеспокоить Вас»². Он просит также, чтобы поэт «непременно» послал ему своё стихотворение «Весна», а также ходатайствовал перед Кавказским армянским издательским обществом, чтобы последнее взяло на себя расходы по изданию составленного им, Тер-Гевондяном, песенника, поскольку он очень стеснён в своих возможностях³. «Издание сборника обойдётся приблизительно в сто рублей... Приношу тысячу извинений. Надеюсь, что поможет»⁴.

Великое множество незнакомых начинающих писателей, чаще всего бесталанных графоманов, посылали Туманяну свои произведения и упорно, терпеливо дожидались ответа, при этом рассчитывая на положительный, поощрительный отзыв. И поэт находил время, чтобы советовать им «создавать более талантливые произведения», «совершенствовать свою поэтическую технику», а иногда и давал им задания писать и публиковать в периодических изданиях «открытые письма», то есть публицистические статьи.

13 июня 1913 г. некто Гадасянц посылает Туманяну свои стихотворения и просит дать им оценку. «Уважаемый господин, – пишет он, – простите меня за смелость, что, не будучи знаком с Вами, беспокою Вас личным письмом. Меня заставляет написать Вам моё стихотворение... не доверяю редакции... я не имею представления о

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», Подготовка текстов и примечания Л.Карапетян, Ер., «Эдит Принт», 2009, с. 41.

² Там же, д. 2230.

³ Там же.

⁴ Там же.

стихотворной технике. Оставляю на Ваше восприятие. Ответьте мне каким-нибудь открытым письмом»¹.

Не доверяет редакциям и другой любитель словесности – Амаяк Мажинян (Газаросян) из Армавира. 30 апреля 1914 г. он посылает Туманяну своё произведение «Испорченная», чтобы писатель как «поэтический гений, а также самый лучший литературный критик» взял на себя ответственность выразить своё мнение, прежде чем это сделает редакция «Оризона». При этом он даёт конкретные инструкции, с какой точки зрения следует Туманяну рассматривать его сочинение. «Интересно, конечно, прежде всего узнать об актуальности вопроса; б) об объёме; в) о форме произведения; г) услышать Ваше авторитетное мнение с точки зрения литературного значения написанного»².

Сохранилось большое количество писем, авторы которых, провозгласив поэта армянским Гладстоном, даже из простой вежливости или из «дипломатических соображений» не интересовались его физическим состоянием, здоровьем, делами, а сразу же, «с места в карьер», нагружали его своими личными и семейными заботами, и при этом просили ходатайствовать не только для себя и своей семьи, но ещё и за друзей, близких или дальних родственников, соседей. Иные даже не останавливались перед угрозами и шантажом, замечая, что если они или члены их семей умрут от голода и лишений, то виноват в этом будет не кто иной, как Туманян.

10 февраля 1913 г. Нерсес Тер-Аветисян рассказывает Туманяну о своей полной лишений и горемычной судьбе скитальца, о том, как он вопреки воле родителей поехал на чужбину, надеясь добиться материального благополучия, но, поскольку ему не удалось преуспеть в жизни, он просит поэта и Ст. Лисициана ходатайствовать перед инспектором Нерсисянской школы, чтобы его приняли на работу, так как только в этом случае он сможет вернуться домой и позаботиться о своих престарелых родителях. Конечно, каждый проситель понимал, что обременял Туманяна, жизнь которого и без того была полна проблем и забот; понимал, что отнимает у писателя его бесценное время и силы, жизненную энергию, однако все они рассуждали следующим образом: кто же ещё, если не Туманян, должен помочь армянскому скитальцу оставить в стороне свой посох и вместо того, чтобы бродить по чужим краям с тоскующим сердцем, вернуться на родину и выйти из безвыходного положения? Нерсес Тер-Аветисян пишет: «Уважаемый Поэт всех армян, хотя моя переписка с Вами и приносит мне интеллектуальное счастье,

---

¹ Там же, д. 1110 (298 доп).

² МЛИ, ф. Туманяна, д. 1627 (513 доп.).

однако мне хорошо известно, что Ваша жизнь полна больших забот и привычна к страданиям...

Но как мне теперь быть и с какой надеждой успокаивать моих престарелых родителей, единственным упованием которых являюсь я?»¹. И при этом напоминает, что «в понедельник в 4 часа» он ждёт ответа от инспектора.

2 июля 1913 г. писатель Вртанес Папазян обращается к Туманяну из Нового Нахиджевана с просьбой о трудоустройстве – как к своему собрату по перу и председателю Кавказского общества армянских писателей, хотя Общество по своему Уставу не брало на себя никаких обязательств по трудоустройству своих членов, да и не могло решать подобные вопросы. Рассказывая о своём «печальном и отчаянном» настроении и положении, Папазян сообщает, что нигде не работает, и умоляет, чтобы Туманян подыскал для него какую-нибудь должность, «хоть что-нибудь», поскольку «перспектива остаться голодным топорщится передо мной и отравляет мои минуты... Не обременяю ли я тебя этой своей просьбой и тем, что напрямую, по-дружески сообщаю тебе о своем положении?»². Разумеется, поэта не могло не волновать то обстоятельство, что такой известный писатель, как Вртанес Папазян, был доведён до столь отчаянного положения, что готов был выполнять любую работу, был готов даже работать за мизерную зарплату корректором в газете «Оризон».

Какой-то врач по имени Мкртич, имевший высшее университетское образование и работавший в то время в харьковской клинике внутренних болезней, 31 октября 1913 г. обратился к Туманяну с просьбой устроить своего зятя в городском управлении, но только не «в ломбарде», где руководителем был г-н Кафьян, который во время работы управляющим Нерсисянской гимназии злоупотреблял своим служебным положением, плохо обходился с его зятем и плёл против него разные интриги. Этот врач, подобно очень и очень многим другим, оказался весьма последовательным. И его обращения к Туманяну по одному и тому же вопросу не были, мягко говоря, «однообразными». И опять же «виновным» в глазах просителя оказывался Туманян, поскольку он всегда старался помочь и никогда не игнорировал ни одной просьбы. «Многоуважаемый г. Ованес, – пишет автор письма, – помня о Вашем исключительно любезном отношении к моей просьбе, я решаюсь снова обратиться Ваше внимание на положение моего зятя. Как пишет мой зять, в городском управлении есть две вакансии, одна в ломбарде, другая – в скотобойне; для мое-

---

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 2176.

² Там же, д. 2313.

го зятя было бы очень затруднительно получить должность в ломбарде»¹.

Заявители прекрасно понимали, что Туманян не является управляющим агентства по трудоустройству, что он также не является руководителем тех учреждений, в которых они хотели устроиться на работу, однако они знали также наверняка, что он является настолько известным и авторитетным, что способен решить практически любой вопрос. И они не задумываясь стремились использовать себе на благо эту всенародную известность и авторитет поэта. Более того, зачастую они сами указывали пути решения своих вопросов; указывали, к кому именно следует обратиться поэту, чтобы преуспеть в своей посреднической миссии. Так, врач Мкртич предложил Туманяну обратиться к градоначальнику Тифлиса Александру Хатисяну и, устроив на работу его зятя, обеспечить «семейный мир» в его доме. «Считаю нелишним отметить, насколько Вы меня обяжете и насколько поспособствуете семейному миру в нашем доме. Во всяком случае, Вы спасёте человека, ставшего жертвой партийных интриг. Вся моя надежда на Вас»².

После смерти приходского священника Даниэла Тер-Ованесяна его сын Никогайос «с целью не оставить многодетную семью без призора» принимает решение занять место отца и в октябре 1912 г. обращается к Ов. Туманяну с просьбой ходатайствовать о его рукоположении в священники. «Я прошу Вас, чтобы Вы сделали всё от Вас зависящее для рукоположения Вашего покорного слуги... С использованием Вашего влиятельного круга. Вот уже месяц, как мои дела переданы в консисторию, однако всё ещё нет никакого ответа. Заканчивая своё слово, покорнейше прошу в память о моём покойном отце протянуть мне руку помощи... Какой отец даст камень сыну, просящему хлеба, или протянет змею вместо рыбы?.. Ничего подобного... таких отцов очень мало на свете. Так и Вы. Надеюсь, что Вы не откажетесь помочь и мне, бедному юноше»³.

Зная о дружбе Туманяна с некоторыми епископами, в частности, с предводителем тифлисской епархии святейшим Месропом, к поэту с просьбами о рукоположении в священники обращались очень часто, причём подобные просьбы поступали из разных городов и стран, в частности, из западноармянской Едесии, из тех или иных регионов России. Естественно, Туманян не мог выполнить просьбы всех желающих, и многие из тех, кому он не сумел помочь,

---

¹ Там же, д. 1773.

² МЛИ, ф. Туманяна, д. 1773.

³ Там же, д. 2224.

открыто обвиняли поэта в своих неудачах. Нередко случалось и так, что на одну вакансию приходского священника к Туманяну с просьбой о ходатайстве обращалось сразу несколько человек. Каждому из просителей казалось, что именно он является самым достойным претендентом, что ему эта вакансия нужнее, чем всем остальным, и что его с Туманяном связывают наиболее близкие отношения.

Лориец Тигран Вераян (Тер Ованес) в письме от 3 октября 1912 г. сетует, что Туманян занимался заботами его семьи недостаточно целеустремлённо, что поэт не обратился с ходатайством к католикусу или другим церковным руководителям, и даже более того – не пообещал его жене, что устроит его приходским священником. Действительно, Туманян не давал такого обещания, поскольку ему было отказано в его ходатайстве – при негласной договорённости предводителей церкви: если в Тифлисе освобождалось место приходского священника, то оно предоставлялось одному из местных жителей. Жена Тиграна Вераяна высказала мужу предположение, что Туманян уже устал от их просьб и не хочет помочь им в решении этого вопроса, и даже, напротив, будет помогать их конкуренту, Тер Егише. Автор письма не столько просит, сколько требует, иронизирует, обвиняет и осуждает Туманяна за его бездействие, за нежелание посодействовать его переезду из Едесии в Тифлис. Он требует, чтобы писатель ходатайствовал перед духовными предводителями, чтобы он заставил их нарушить установленное правило и решить его персональное дело в качестве исключения.

Вераян пишет: “Ты не ответил на моё письмо. Знаю, нет времени. К тому же ты по праву большой человек – “наш величайший национальный поэт”, следовательно, считаешь ниже своего достоинства отвечать прежнему другу, которого неудачно сложившиеся обстоятельства помяли и унизили. Но ведь известно же, что великий Гладстон отвечал на каждое письмо обращающихся к нему людей. Однако, прошу прощения, вопрос не в этом. И, по правде говоря, я жду от Тебя не столько ответа, сколько дела... Я буду продолжать надоедать Тебе, пока не выполнишь... того, что можешь и что тебе по плечу... Ведь только Тебе известно, какая цель заставляет меня мытарить, скитаться” (подчёркнуто автором письма - С.О.)¹.

Вераян возмущается и негодует по поводу того, что к Туманяну за поддержкой в вопросе о назначении приходским священником обратился также Тер-Егише. “И Тер-Егише даже не стесняется обращаться к Тебе... Если бы у меня была хотя бы половина его средств, его имущества, разве я оставил бы свой “прекрасный Лори, бессонной тоской по которому” страдаю в этой заболоченной

---

¹ Там же, д. 2135.

стране?... Если я здесь умру (что вполне вероятно, если моё пребывание здесь продолжится ещё какое-то время), то Ты будешь должен полдюжине моих детей в той мере, в какой должен дюжине своих детей, которых к тому времени будет полторы дюжины...

Но если Ты захочешь, и должен захотеть... И новый Предводитель... может дать мне место в качестве исключения, войдя в моё исключительно безвыходное положение... И чем я хуже других попов, пришедших в ваши края?..

Ты отворачиваешь от меня своё лицо... Ты мне только дай работу, и – Ты ведь знаешь, что я её выполню с честью.

В конце концов мне тоже хочется на закате своей жизни увидеть свет, найти место под солнцем... Довольно с меня блуждания во мраке и в невежественной среде, в мучениях и страданиях...

И Ты, только Ты будешь тем человеком, который выведет меня на Свет Божий.

Ованес джан... я имею право так говорить с Тобой...

И Ты, да, не имеешь права загубить мою Великую веру в Тебя”¹.

К Туманяну приходили также коллективные письма-прошения. Священник Нерсес Эртевецян необоснованно обвинялся в растрате денег Красного Креста и Эчмиадзинского монастыря. Впоследствии решением судебной палаты г. Харькова он был оправдан. Однако до этого, во второй декаде января 1913 г., вся армянская община Нового Нахиджевана (Ростова-на-Дону) обратилась к Туманяну с просьбой походатайствовать перед духовным руководством Св. Эчмиадзина, чтобы священника Эртевецяна не снимали с должности (10, 168, 559).

24 ноября 1913 г. Ваан Терьян пишет Туманяну из Петербурга и просит послать ему займы 150 рублей. «Я болею, нахожусь в крайне трудном материальном положении... Надеюсь, Вы защитите меня от унижений, лишних пересудов. Принимаю любые условия материального характера. Жду скорого телеграфного ответа»².

Туманян незамедлительно выполняет просьбу Терьяна, так что уже 1 декабря молодой поэт получил запрошенную сумму, но только не займы, а в качестве подарка³. Вполне естественно, Туманян был более внимателен к материальным проблемам наиболее талантливых деятелей армянской литературы и культуры. А они, почти все без исключения, всегда доверительно сообщали Туманяну о своих

---

¹ Там же.

² В.Терьян, Собр. соч., т.4, Ер., «Советакан грох», 1979, с. 126. См. также: МЛИ, ф. Туманяна 2257.

³ В.Терьян, Собр. соч., т.4, Ер., «Советакан грох», 1979, с. 126-127.

материальных трудностях и заботах. Конечно, поэт не мог каждый раз протягивать им руку помощи и решать все их финансовые проблемы. Литературный фонд, тем более в преддверии мировой войны, не имел никакой возможности удовлетворять запросы бедствующих писателей и деятелей искусства и культуры, да и сам Туманян, будучи вынужден постоянно выслушивать сетования всех окружающих его людей, находился в очень тяжёлом материальном положении, к тому же нёс на себе большой психологический груз ответственности за нищенствующих соотечественников и, возможно, по этой причине никогда не говорил во всеуслышание о своих бесконечных, не дающих ему ни минуты передышки финансовых затруднениях.

До нас дошли сотни писем-прошений и рекомендательных писем, адресованных Ованесу Туманяну. Вот несколько выдержек из них:

«Мне приходится снова и снова побеспокоить тебя и попросить, чтобы ты в течение мая месяца взял на себя заботу о судьбе моих детей».

«Я вынужден снова и снова напомнить тебе, что бы ты, согласно своему обещанию, устроил меня в Тифлисе. Если захочешь – сможешь... Вас от этого не убудет: ты ведь помогаешь тысячам знакомых и незнакомых людей».

«Зная о Вашей занятости, этим письмом беспокою Вас по одному очень важному для меня вопросу».

Многие просители, «дяди Хечаны»¹, по меткому определению Туманяна, были очень упорными и бестактными. Они своими прошениями-требованиями возлагали на плечи поэта непосильную ношу. И здесь его безграничная природная доброта, неумение и неспособность отказывать людям превращали поэта в заложника собственной добросердечности. Сам Туманян также признавался, что причиной всех его бед была именно безотказность. Он считал себя «жертвой своей безотказности»². Однако при этом ничего не предпринимал, чтобы бороться со своим характером, не делал ничего, чтобы перестать быть жертвой своей доброты. Его невольная «вина» заключалась в том, что за ним закрепилась прочная слава всемогущего человека, и здесь, конечно, решающую роль сыграли его всенародная известность, непререкаемый авторитет, центростреми-

---

¹ «Дядя Хечан» - герой одноименного рассказа Ов. Туманяна, ставший собирательным образом настырности и настойчивости, провинциального мышления. В своих прошениях он скорее требовал, чем просил, не считаясь при этом с возможностями людей, к которым он обращался за помощью.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 304.

тельная, притягивающая к себе, подобно магниту, натура, а также успешно реализованная литературная, общественная, национально-патриотическая деятельность.

Во время мировой войны к Ованесу Туманяну обращались за помощью незнакомые солдаты. Попавший в Германии в плен некий Н. Мурадян обратился к поэту с просьбой послать ему одежду и еду.

Заметим, что помогая людям, Туманян всегда проявлял большую деликатность, всегда старался оказать услугу так, чтобы не задеть гордость и человеческое достоинство просителя. Нередко ему приходилось брать деньги в долг, чтобы помочь какому-нибудь нуждающемуся просителю.

После того как турецкие регулярные армии захватили Караклис, Тифлис оказался заполнен беженцами из Лори. Ованес Туманян изыскивал денежные средства и оказывал посильную помощь преимущественно учёным, деятелям искусства, представителям интеллигенции. В июне 1918 г. он на улице Лермонтовской случайно встретил Тиграна Ахумяна и передал ему какой-то конверт, наказав открыть его по возвращении домой. В своих воспоминаниях Ахумян пишет: «Таким образом выяснилось, что Туманян, почувствовав наше тяжёлое материальное положение, достал денег и хотел передать их так, чтобы это прошло незаметно и не задело моего самолюбия. Впоследствии, месяцы спустя, я узнал, что подобные «серьёзные» конверты от него получили многие...»¹.

Передавая конверты с деньгами нуждающимся писателям, поэт говорил, что якобы помогает им от имени Кавказского общества армянских писателей, тогда как на счету литературного фонда давно уже не было никаких денег. Во всём этом примечательно то, что добровольное обязательство помогать нуждающимся людям брал на себя человек, который не имел сколько-нибудь стабильного заработка, сам постоянно находился в нужде, испытывал большие лишения, едва сводил концы с концами. Ещё раз напомним, что поэт был кормильцем большого семейства, и ему необходимо было оплачивать обучение своих детей.

К Туманяну писатели обращались также с просьбами спасти их от политических преследований, а их переводные и оригинальные произведения – от ножниц цензуры. Так, 3 марта 1913 г. Давид Ананун из Баку просит поэта ходатайствовать перед цензором Л. Калантаром, чтобы тот снял арест с его книги «Новые рабочие законы». «Теперь всё издание арестовано, и я всё ещё жду, что может случиться, что и меня привлекут к ответственности, – пишет Д. Ананун.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 754.

Автор письма вовсе не был уверен, что Туманян знал цензора Калантаряна и имел с ним приятельские или хотя бы тёплые отношения, но не придавал этому большого значения, поскольку был убеждён, что поэт во всех случаях может найти выход и с помощью другого влиятельного лица решить любой вопрос. «Если у Вас не будет возможности самолично повлиять на г. Калантаряна, – пишет Д. Ананун, – то можете сделать это при содействии Ваших знакомых приятелей. Во всяком случае, постарайтесь убедить этого человека, что он совершенно напрасно чинит препятствия армянской речи...

Я убеждён, дорогой друг, что Вы постараетесь снять арест с моей книги, что тем самым Вы освободите меня от политических злоключений»¹.

Чаще всего к Туманяну обращались с просьбой о трудоустройстве. Это были преимущественно деятели культуры, писатели или школьные преподаватели.

Каждому из просителей Ованес Туманян представлялся и «всемогущим», и доступным. Доброта поэта притягивала их, словно магнит. Некоторые просили помочь им советом, всего лишь пообщаться с ними. Великое множество писем просителей, адресованных Туманяну, заканчивались словами: «Кто ещё, если не Вы?» или «Вся моя надежда на Вас». Эти выражения подсказывают, что надежды просителей имели под собой какую-то почву, реальную основу, что просьбы очень многих из них были удовлетворены по этому.

Ещё одной формой проявления доброты Ованеса Туманяна была его снисходительность, умение прощать. Прекрасно видя недостатки и проступки окружающих людей, поэт приписывал их стечению обстоятельств, «неблагоприятным условиям»². А иногда он просто игнорировал, не хотел замечать плохое, придерживаясь своего жизненного принципа «намеренно идеализировать жизнь». Даже в таком тяжком преступлении, как убийство, поэт осуждал не только и не столько самого убийцу, сколько окружающую среду, общество, аргументируя своё мнение тем, что «яблоко упало от яблони».

Как мы знаем, из-за доносов и клеветнических показаний своих земляков поэт подвергся политическим преследованиям и оказался в тюрьмах, однако он не преисполнился злобы и ненависти по отношению к ним, не ожесточился. Он просто жалел этих людей, считая их жалкими и несчастными. «Бог с ними», – говорил он (10, 540). Более того, он был случаен, когда поэт спасал жизнь своему

---

¹ Там же.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 156.

заклятому врагу. Когда односельчане собирались устроить самосуд, расправиться с братоубийцей Шахбазом Шахвердовым, поэт дважды спас его. А после окончания суда в Петербурге он не только простил всем клеветникам и доносчикам, но и принял и угостил их в отцовском доме.

Как мы уже отмечали, доброта Ованеса Туманяна находила выражение в его внешнем облике, в его действиях. Возможно, именно в этом следует искать причину того, что поэту с первой встречи доверяли не только близкие друзья, но и совершенно незнакомые люди, как это случилось, например, в Абастумане, когда поэт спас жизнь одному отвергнутому влюблённому юноше, пытавшемуся покончить жизнь самоубийством.

УМЕНИЕ ХРАНИТЬ ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ

Ованесу Туманяну многие безоговорочно доверяли, потому что одной из основных черт характера поэта было умение хранить чужие секреты. «Я очень скрытный – это зависит от того, насколько дорога или опасна тайна», – говорил он¹. Такую порядочность поэта чувствовали и ценили не только его близкие знакомые и друзья, но и не знакомые ему люди. Свои самые сокровенные тайны доверили поэту Датико, молчаливый харбердский профессор Тонапет Люледжян, который только Туманяну рассказал во всех подробностях о том, как он сумел чудом спастись от верной гибели, в годы Геноцида проведя два года в турецкой тюрьме и подвергшись страшным, нечеловеческим истязаниям и пыткам.

По заверениям Забел Есаян, это большое доверие поэт «внушал своей словно обволакивающей добротой, своей редкой способностью сообщаться с душой, внутренним миром людей»².

Кто-то из знакомых рассказывал поэту о причинах, побуждающих его покончить жизнь самоубийством, другой – об истязаниях и мучениях, которые ему пришлось пережить, третий – о несправедливостях, через которые он прошёл, четвёртый – о своих личных переживаниях, о своей боли и печали, а ранимый, чувствительный поэт «целыми днями и неделями» оставался под впечатлением услышанных историй, доверенных ему секретов³. Его сердце было своего рода тайником, хранилищем сокровенных тайн многих и многих людей. И когда пытались разговорить поэта, выведать у него

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 75.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 156.

³ Там же.

чью-либо тайну, он просто отвечал: «Это не моё, чтобы отдать вам»¹.

Ованес Туманян называл человеческие сердца безднами, и умение держать секреты людей в недостижимости для окружающего мира также было проявлением величия его души, его доброты и порядочности.

ГОСТЕПРИИМСТВО ПОЭТА

По убеждению современников Ованеса Туманяна, поэт был не просто очень гостеприимным человеком, а непередаваемо, безгранично гостеприимным. О его гостеприимстве ходили легенды. Согласно этим рассказам, он не мог садиться за стол без гостей: «кусочек не лез в горло». Дереник Демирчян в своих воспоминаниях говорит: «Гостеприимство Туманяна было настоящей манией... Сколько завтраков превращалось в обеды, затем в вечернее чаепитие и в конце, далеко за полночь, в ужин и рассвет!»².

При этом Туманян всегда был в центре внимания, был душой всех этих встреч и сборищ. Зал его квартиры «был самым настоящим меджлисом»³. Как вспоминает Вардкес Агаронян, «Ованес Туманян не мог садиться за стол и спокойно пообедать... если он, возвращаясь домой, встречал на улице дорогих ему людей, без обиняков брал их с собой и приводил домой... Этих случайных гостей было иногда один-два, а иногда – 10-15 человек, это зависело от того, сколько приятелей он встретил по пути домой»⁴. Эту же мысль посвоему передаёт и Ваан Тотовенц: «Туманян на улицах страстными глазами выискивал какого-нибудь знакомого, чтобы схватить и повести домой и пообедать с ним»⁵. А если обеденный стол бывал накрыт не очень обильно, поэт говорил: «Сегодняшний обед - сокращённый»⁶. А история с приглашением на хаш стала известна на весь Тифлис.

Однажды Ованес Туманян, выходя утром из дома, замечает, что домочадцы поставили на очаг большой котёл, и решает про себя, что жена Ольга собирается готовить хаш. Никому ничего не говоря, он уходит и приглашает своих друзей на хаш. По дороге он отделяется от компании, чтобы купить к обеду кое-какую лёгкую

---

¹ Там же, с. 275.

² Д. Демирчян, Собр. соч. в 14 тт., т. 12, с. 172.

³ Там же.

⁴ В. Агаронян, «Человек и поэт», Бостон, 1936, с. 72 (на арм. яз.).

⁵ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 148.

⁶ Там же.

закуску и напитки. «Парад» гостей доходит до дома поэта раньше. В числе гостей были Газарос Агаян, Ширванзаде, Никол Агбалян, Лео и другие. Дочь поэта Нвард в своих воспоминаниях пишет: «Пришли и смотрят на удивлённое лицо матери, а мама их спрашивает: что случилось, почему вы пришли такой группой? А Агаян отвечает, как это «что случилось?», мы пришли на хаш. – Какой такой хаш? А нас Ованес пригласил на хаш, и сам он тоже идёт. – Какой хаш? О чём вы говорите? – удивляется мать, у нас даже обеда приличного нет»¹. Туманян ещё не успел вернуться домой, когда гости уже поняли, что произошло недоразумение. А дело было в том, что в большом котле Ольга кипятила воду для большой стирки; её-то поэт и принял за хаш. Однако поэт не позволил своим дорогим гостям уйти не солоно хлебавши. Он в спешном порядке заказывает готовую еду и без подготовки, так сказать, «экспромтом», организует отличное застолье и угощает гостей шашлыком. Знаменитая «история с хашем» произошла в середине июля 1908 г., когда в Тифлисе находился русский писатель Владимир Тан-Богораз, потому что, согласно свидетельствам Лео и Нвард Туманян, он опубликовал эту забавную историю в одной из русскоязычных газет Тифлиса.

Летом 1915 г. Ваан Терьян участвовал в составлении антологии «Сборник армянской литературы» и в течение одной недели проживал на даче Максима Горького, под редакцией которого была издана эта известная антология. Терьян ежедневно рассказывал Горькому о Туманяне – и не только как о писателе, но и как о человеке, особенно подчёркивая при этом его исключительно гостеприимный характер. Больше всего Горькому понравилась «история о хаше». По словам Терьяна, он много смеялся, услышав о привычках Туманяна².

Каждодневный приём гостей был для поэта средством создавать вокруг себя атмосферу душевного и интеллектуального удовлетворения. Поэт был очень расточительным и щедрым, и эта щедрость, широта его души проявлялась ежедневно, проявлялась во всех его начинаниях, делах и поступках. По словам Аветика Исаакяна, Туманян «был щедрым во всём – в любви, в застольях, в многодетности, вообще во всём, что он делал»³. Он был щедрым и расточительным в своих мечтах, в своём стремлении к возвышенному и прекрасному. «Ему нужно было прожить века, чтобы достичь своих заветных желаний, настолько много их было», – писал Аветик Иса-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 40.

² В. Терьян, Собр. соч. в 4 тт., т. 4, с. 237.

³ Ав. Исаакян, Собр. соч. в 6 тт., т. 5, с. 287.

акян¹. В своём гостеприимстве и в своём умении принимать и угощать гостей он проявлял такую щедрость и расточительность, что это вызывало удивление даже очень состоятельных людей. Дело доходило до того, что друзья Туманяна назначали друг другу встречу в его квартире, даже не ставя в известность хозяина – настолько были они уверены, что не доставят ему неудовольствие своим неожиданным визитом.

Первого января 1917 г. в доме Ованеса Туманяна собрались полководец Андраник, Дереник Демирчян, Ваан Терьян, Забел Есаян, несколько начинающих западноармянских писателей, жена Рубена Зардаряна со своими детьми, Джалал Тер-Григорян, писатель и актёр Микаел Манвелян. Застолье проходило в столько приятной и непринуждённой обстановке, что все гости решили составить «документ» о том, что все они в том же составе первого января следующего года снова соберутся в доме Туманяна – на такую же весёлую и радостную пирушку.

Характеризуя гостеприимный нрав Ованеса Туманяна, полководец Андраник пишет: «Двери его дома были открыты перед всеми... Без гостя он не садился за стол и никогда не завершал свой день, не совершив какого-нибудь доброго дела...»².

Ованес Туманян, на протяжении всей своей сознательной жизни не выбиравшийся из долгов, имевший более полусотни кредиторов, всегда оставался щедрым, расточительным человеком, потому что чувствовал себя одним из самых богатых людей в мире – на том простом основании, что получил свыше столько любви и добра, которые можно было расточать и раздаривать без конца, и от этого они не только не уменьшались, но и, напротив, росли и увеличивались и, соответственно, делали его ещё богаче. Об этом говорит и первый биограф Туманяна Вардгес Агаронян: «Его благородное сердце превращало его в настоящего князя, который щедро раздаривал богатства своей души направо и налево»³.

В одном из своих программных стихотворений, написанном в январе 1918 года, поэт видит своё счастье в возможности щедро раздаривать несметные богатства своей души, обогащая каждого человека светом своего вдохновения и добра, и тем самым обогащая и себя самого. Называется это стихотворение «Моя песня».

Владения мои бескрайны,
Богат, о, как богат я, джан!

---

¹ Там же.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 550.

³ В. Агаронян, «Человек и поэт», Бостон, 1936, с. 70 (на арм. яз.).

Любви и песнопений тайна –
Вот щедрый дар, что свыше дан.

Неисчерпаемые недра
Я не скрываю, не таю, –
Я отдаю легко и щедро
И песни, и любовь мою.

Нет, я страшиться не умею
Ни злой беды, ни злых людей,
Я расточаю, что имею,
Не обеднив души моей.

Я не был нищим, не был сирым,
Я счастлив был, и потому
Всё, что дано мне этим миром,
С любовью отдаю ему!
(Пер. М. Петровых)

Покровителям и меценатам Ованеса Туманяна не особенно нравилась подобная щедрость и расточительность поэта в жизни, в быту. Им не нравилось, что стоило поэту где-нибудь раздобыть немного денег, как он тут же делился ими с другими и устраивал постоянные пирушки и застолья, – одним словом, стремился жить «на широкую ногу», «по-царски». Понятно, что это было возможно только при наличии покровителей и меценатов. Как отмечает дочь поэта Нвард, «отцу необходимо было опираться на чью-либо щедрую помогающую руку...»¹. Поэт не любил, да и не умел вести счёт деньгам, между тем его покровители и меценаты «давали деньги, считая, требовали отчёта... Все помогали в ограниченной мере и определённым способом, иногда даже с упрёками и неохотно, сетовали, что отец покупает редкие книги, собирает богатую библиотеку, то и дело приглашает гостей и накрывает роскошные столы»².

Не понимали и не принимали щедрости и расточительства Ованеса Туманяна даже самые близкие его друзья. Для многих из них было недопустимо и неприемлемо то, что имевший более полусотни кредиторов поэт снова и снова одалживал деньги, влезал в новые долги, причём нередко делал это для того, чтобы помочь другим людям, полужнакомым или вовсе незнакомым... И это при том, что

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 55.

² Там же, с. 54.

далеко не все из них нуждались в деньгах больше, чем он сам. По убеждению друзей поэта, было просто недопустимо бесконечными застольями и приёмами гостей растранижировать, растрчивать всё свое имущество, когда ему с большим трудом удавалось заработать каждую копейку. Так думали и высказывались все – и покровители, меценаты поэта, и те, кто с большим удовольствием оказывался в числе его многочисленных постоянных гостей и пользовался его щедрым гостеприимством.

Тем не менее, меценаты поэта старались не обращать внимание на этот «недостаток» характера Туманяна. А сам он скорее отказался бы принять помощь от кого-либо из своих спонсоров, нежели согласился бы принять их совет быть более бережливым и вести счёт получаемым деньгам. Поэт просто не умел жить по расчёту, он даже не носил с собой карманных часов, чтобы не чувствовать время, не иметь о времени никакого представления. А ещё он ужасно не любил отчитываться перед кем-либо, потому что был очень гордым, честолюбивым, ранимым, самолюбивым.

ГОРДОСТЬ ПОЭТА

Ованес Туманян отличался своим честолюбием, гордостью и высоким чувством собственного достоинства. Он никогда не сетовал на судьбу, на трудное материальное положение, и в глазах посторонних людей, не знавших о его многочисленных кредиторах и реальном положении вещей, был довольно преуспевающим и зажиточным человеком. Дочь поэта Нвард свидетельствует, что отец везде и всюду «старался выглядеть богатым человеком»¹. Он всегда довольствовался тем, что имел, и руководствовался принципом: «Не следует гневить Бога». Даже в юношеские годы эта черта поэта бросалась в глаза его друзьям и знакомым. По словам одного из них, Арсена Глджяна, юный Туманян «был очень стеснительным, скромным, но в то же время был очень гордым, самолюбивым и ранимым»².

Никогда и ни при каких условиях поэт не отступался от своих принципов во имя личной выгоды; он зачастую страдал из-за своей достойной, честолюбивой манеры держаться. Его гордость находила выражение как в личной, так и, в большей степени, в общественной жизни. Все современники поэта были единодушны во мнении, что по своему характеру он был гордым, благородным, сильным.

Нередко Ованесу Туманяну приходилось вступать в борьбу,

---

¹ Там же, с. 55.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 271.

отстаивая интересы других людей, и при этом поступаться своими интересами. Принципиальность и прямоту дополняли гордый образ поэта и в едином сплаве нередко создавали ему проблемы. Так, вступившись за авторские права Ширванзаде, он отказался от своего договора с Издательским обществом, согласно которому он должен был получить довольно приличное денежное вознаграждение, и при этом даже вернул уже полученный аванс. Своё решение поэт объяснил тем, что Издательское общество «проявляет безразличие к интересам и чести писателя... Я могу быть связан с Обществом, – писал он, – только своими чувствами, а не переводческими заказами, и когда чувства сходят на нет, между нами не может быть никаких взаимоотношений» (6, 91-92).

С первых же дней создания литературного фонда Ованес Туманян как председатель Кавказского общества армянских писателей всячески старался поддерживать авторитет писателя в глазах общественности. Когда начинались нападки на одну из руководимых поэтом общественных организаций, он с таким усердием и рвением отстаивал их интересы, что приобретал на этой почве новых личных врагов. Даже своим укладом, образом жизни Туманян старался высоко держать честь и достоинство армянских писателей. «Среди нас принято считать, – говорил он, – что армянский писатель всегда должен жить в бедности и лишениях, на нижних этажах, в тёмной и сырой маленькой комнатке, а я, напротив, всегда проживаю на верхних этажах, в больших и просторных комнатах, веселюсь и хорошо живу и угощаю, показываю, что армянский писатель может и должен жить хорошо»¹.

Всегда испытывая большие материальные трудности, Туманян часто отказывался от материальной помощи, от пенсий и пособий, если чувствовал в этом что-то обидное, оскорбительное для себя, для своей гордости и человеческого достоинства. Так, регулярно выплачиваемая поэту бакинским Обществом армянских любителей словесности материальная помощь в 1901 г. была прекращена, однако спустя некоторое время было решено восстановить эту помощь, но при условии, если он лично приедет в Баку. Поэт отказался, охарактеризовав это условие «бестактным» и неприемлемым, оскорбляющим его писательское достоинство, и заметил: «С писателем не годится говорить языком условий» (9, 248).

Другой пример. С целью финансирования сборника произведений Ованеса Туманяна 1903 года и оказания поэту материальной поддержки его спонсоры составили циркулярное письмо-заявление, предполагая с таким образом увеличить число подписчиков. В

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 151, 158.

письме они подчёркивали, что их главной целью является увеличение тиража книги, что позволит вручить автору полученную прибыль от продаж¹. Некоторые формулировки в письме показались поэту унижающими его достоинство, и он решительно воспротивился рассылке этого циркулярного заявления, причём сделал это в самой категоричной форме, не желая выслушивать никаких обоснований и аргументаций. Он запретил обращаться к кому-либо от его имени или даже просто упоминать его имя и таким путём продвигать данное предложение. «Я наотрез отказался... этот случай, который в нашем окружении вызвал у кого-то зависть, очень сильно подействовал на меня...» (9, 359). Обращаясь к своему близкому другу и меценату Филиппосу Вардазаряну (Филипу), поэт пишет: «Говорю тебе, напоминаю, чтобы ты, кроме моего физического здоровья, считался также с гордостью моей души... Что с того, что я, будучи поэтом, находясь в материальной нужде, вынужден рассчитывать на помощь нескольких людей? Неужели я должен ещё и циркулярным письмом провозглашать свою бедность и собирать вспомоществования?.. Этого заявления быть не должно» (9, 343). Он пишет письмо и другому автору циркулярного письма, княгине Мариам Туманян: «Не может быть более тяжёлого и трудного случая для человека, чем когда его забота и задача жить и содержать семью выходит из-под его контроля и выносятся на площадь...» (9, с. 350). Из-за душевных переживаний, связанных с этим циркулярным письмом, у поэта началась сильная бессонница, он стал быстро худеть (за десять дней потерял шесть фунтов). По этой причине врачи серьёзно обеспокоились и также, в свою очередь, посоветовали княгине Мариам Туманян во имя здоровья поэта не выносить данный вопрос на публичное обсуждение².

В результате авторы циркулярного письма решают отказаться от своей благой идеи, и победа в этом споре остаётся за Туманяном. Таким образом, поэт сам, по своей воле, лишает себя очень важного источника дохода, который на определённое время мог бы решить его финансовые проблемы и обеспечить безбедное существование его большого семейства.

Ованес Туманян проявлял заботу о чести и достоинстве каждого армянского писателя. Создавая Литературный фонд, он принял решение никогда не обращаться за спонсорской помощью к «дежным мешкам», богачам, вообще к отдельным личностям.

Он возмущался, когда многие из его окружения, говоря о писателях, в знак уважения и сочувствия затрагивали тему бедствен-

---

¹ «Туманян. Исследования и публикации», т. 4, с. 371.

² **Мариам Туманян**, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 117.

ного положения армянских писателей (6, 154). В публицистической статье «Оскорбительное уважение» он пишет: «В нас ощущается нехватка рыцарского чувства. Наши люди любят вызывать сострадание и плач и украшают себя этим... Стыдно в конце концов» (6, с. 156).

Поэт был преисполнен чувства гордости и собственного достоинства и в своём творчестве, он сам диктовал литературный и художественно-эстетический вкус и никогда не приспособлялся к требованиям низкопробного искусства. «Я всей своей сущностью живу жизнью, которая больше человеческой жизни, просто так, для себя, и не способен закрыться в какой-нибудь клетке и петь такие песни, которые понравятся вам» (6, 190).

ВНИМАНИЕ ПОЭТА

На первый взгляд, в Ованесе Туманяне значительно больше было развито внутреннее внимание – как направленность душевной деятельности в собственный внутренний мир, в свои переживания и мысли. Однако его внешнее внимание также было довольно развито, в особенности – в плане национально-общественной жизни. Однако ему были присущи рассеянность и небрежность в отношении бытовых, будничных деталей и явлений. Эти черты его натуры порой доходили до совершенно невероятных размеров, становясь сюжетами для новых забавных историй из жизни поэта. Так, он мог годами не вспоминать о том, что ровно половина тиража его сборника «Стихотворения», изданного в Москве, так и не дошла до Тифлиса; нередко он забывал, в какой школе учиться тот или иной его ребёнок. Был даже такой случай, когда домочадцы возвратили в магазин купленные поэтом туфли для одной из дочерей, а на следующий день он снова купил их в том же магазине и снова принёс домой. Или другой случай подобной забывчивости: как-то он подарил писательнице Забел Есаян корзину голубых гиацинтов, не помня, что буквально вчера подарил ей точно такую же корзину точно таких же цветов. И уж совсем забавный случай: как-то он в большой спешке вышел из дома, чтобы не опоздать на очередное собрание, посвящённое важным национальным вопросам. Быстрым шагом прошёл по одной улице, затем по другой, дошёл до дверей, позвонил в звонок и только после этого понял, что, поглощённый своими мыслями, сам того не сознавая, вернулся к себе домой.

Но с другой стороны, внимание Ованеса Туманяна характеризовалось устойчивостью, что было обусловлено его пристрастиями и системой ценностей. Он никогда не забывал о том, что воду для

детей-сирот необходимо предварительно прокипятить, не забывал о времени их кормления, помнил вопросы, стоявшие на повестке дня заседаний десятков возглавляемых им общественных организаций и творческих союзов, помнил те литературные, научные и историко-политические факты и аргументы, которыми необходимо было оперировать, отвечая оппонентам в дискуссиях.

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Природа наделила Ованеса Туманяна большой чувствительностью. Преобладающим его чувством была любовь – любовь к женщине, человеку и искусству, родине, природе и животному миру, любовь к семье, к родителям, к детям, родным и близким, к друзьям, к книгам, к жизни вообще. Жизнелюбие поэта находило своё выражение, кроме всего прочего, также в стремлении жить веселой и полнокровной жизнью, жить открыто, на широкую ногу.

По признанию самого Туманяна, чувства и переживания всегда имели для него первостепенное значение, проявлялись с особенной силой и страстью. По-видимому, именно этим было обусловлено его эмоциональное воздействие на окружающую среду. Чувствительность поэта играла важную роль в его миропонимании и предопределяла его активность в различных областях и сферах национально-общественной жизни.

Именно чувства придавали поэту силы и жизненную энергию. Ничто на свете не могло ослабить его волю, уменьшить его стремление быть полезным для своего народа.

Каждое из отдельно взятых чувств Ованеса Туманяна было подчинено и растворено в самом большом его чувстве – в любви, было переплетено с чувством любви. И радости поэта, и его горести и печали, и его гнев и возмущение, – все эти чувства исходили из главного источника – из любви. Для поэта главным, если не единственным средством, помогающим преодолеть, победить свои страхи, своё разочарование и даже смерть, была любовь.

Горе, горе моё, словно море, где нет берегов,

В это море вливаются тысячи рек и ручьёв.

Скорбь хотя и черна, но любовь осветляет её.

Ночь моя хоть и темна, – звёздный свет озаряет её.

(Пер. Н. Гребнева)

Для Ованеса Туманяна любовь была источником жизни, движущей её силой. «Всё, что будет хорошего, будет создано любовью,

а мечом – никогда!»¹. Как уже было сказано, поэт беззаветно любил свою родину, природу, семью, родных, друзей, любил человека, искусство, а больше всего любил жизнь со всеми её светлыми и тёмными сторонами, со всеми её противоречиями. Он был способен проявлять доброту даже в отношении своих оказавшихся в беззащитном и беспомощном положении врагов и их детей, более того, он был способен заботиться о них. Поэт любил весь мир, и даже в его гневе и ненависти, в его скорби также жила любовь: «Скорбь хотя и черна, но любовь осветляет её».

В поэзии Ованеса Туманяна почти нет любовной лирики, однако при этом в его стихах, а также в прозе с достаточной полнотой выражена философия любви, которая исходила как из личного опыта поэта, так и из его миропонимания.

Для Туманяна «нет жизни без любви», а следовательно, «жить без любви очень трудно». Любовь и душевную гармонию поэт рассматривал как единое целое, отсутствие одной составляющей разрушало ощущение счастья. «Когда мужчина и женщина не составляют гармонии, когда они не являются дополнением друг друга, то человеческая жизнь и супружество теряют своё высшее таинство, становятся невыносимым, ничтожным, но при этом мучительным представлением борьбы и источником несчастья»². Художественным воплощением этой идеи можно считать незавершённую сказку поэта «Дикий голубь и мышь».

Влюблённые герои произведений Туманяна, как правило, наделены сильными чувствами, они готовы выполнить любой каприз своих возлюбленных, и при этом наделены высокими качествами благородных людей, смельчаков и рыцарей. Им не страшны никакие помехи и трудности, они готовы преодолеть любые препятствия и преграды (баллады «Сердце девы», «Парвана»).

Ованес Туманян не воспринимал ревность как обязательную, непреложную составляющую любви, тем более, когда речь шла об интеллектуально развитом влюблённом, имеющем богатый внутренний мир. «Любовь содержит в себе ревность, – говорил поэт, – однако если человек культурен и интеллигентен, то ревность очень нежна и слаба, и не каждый человек может быть Отелло, чтобы убить свою любовь. Любящий человек не может убить свою любовь»³.

Сам Туманян тоже был влюблён, причём не один раз. Однако, женившись в девятнадцатилетнем возрасте, он впоследствии ста-

---

¹ Там же, с. 172.

² Там же, т. 9, с. 214-215.

³ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 199.

рался заглушать в себе зарождающиеся чувства к другим женщинам. Как-то он сделал следующее признание: «Как трудно приказывать сердцу, чтобы оно замолчало, когда сердце хочет говорить. В особенности трудно молчать, если ты поэт»¹. По убеждению поэта, «любовь и ненависть не имеют разума, и в своих рассуждениях, или, вернее, бреднях, просто не имеют границ» (6, 242). Можно представить, с каким трудом давалось молчание сердцу поэта. Почти во всех случаях Туманяну удавалось заставлять своё сердце молчать, не слушаться его приказов, за исключением одного случая, когда он признался в самых своих заветных чувствах княгине Мариам Туманян, однако, оказавшись перед неразрешимой дилеммой, перед необходимостью выбрать между личным счастьем и семейными обязанностями, сразу же одумался, остановился. Он выбрал семью, любовь к которой, конечно, была иного рода, была не сопоставима с любовью к княгине, однако была столь же велика и беспредельна. Любовь поэта и княгини Мариам Туманян была взаимной, однако они оба были несвободны, обременены многодетными семьями, и оба проявили благоразумие, высокую нравственность, сочли правильным пожертвовать своими чувствами во имя своих семей.

В произведениях Ованеса Туманяна, в частности, в поэме «Ануш» нашла выражение идея неутолимости любви. По убеждению поэта, даже большая и взаимная любовь может казаться любящим безответной, неразделённой. Повторяя фразу «любовь – это голод», он исходил из высших представлений о любви, поскольку там, где не было ощущения этого голода, не было стремления к любви, не было и самой любви, а отсутствие любви принижало человека. Согласно поэту, без любви, без тоски и стремления творчество невозможно. Ведь именно из любви рождаются, в любви таятся самые высокие наслаждения, помыслы. «Именно в эти минуты, – пишет поэт, – люди совершают открытия, творят, и более других это относится к поэтам» (9, 260).

МИРОЛЮБИЕ ПОЭТА

Конечно, сколько бы Туманян ни выражал в жизни и в художественном творчестве свои подходы и взгляды на любовь, всё равно, в глубине души он был убеждён, что она не имеет, да и не может иметь однозначного объяснения или определения, был убеждён, что «любовь и миролюбие – очень сложные понятия» (5 101).

У Туманяна есть очень много художественных и публицистических произведений, в которых войны, перебранки и споры пред-

---

¹ Мариам Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 133.

ставлены как величайшее зло. С одной стороны, поэт вскрывает корни этого зла, с другой стороны, выражает мечту и стремление человечества жить в мире. Лучшими отображениями миролюбивого характера Туманяна являются баллада «Капля мёда», четверостишие «О чём я думаю, что нужно мне?», а также некоторые сказки, рассказы, публицистические статьи и т.д.

О чём я думаю, что нужно мне?
Мне бы уголок от шума в стороне,
Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!
(Пер. Н. Гребнева)

Поэт сам признавался: «Я чрезвычайно миролюбивый человек» (10, 485). И действительно, он прилагал все свои усилия, чтобы прекратить споры и утвердить мир между народами, друзьями, писателями, членами семьи и всеми своими близкими. Во имя это цели он был готов на всё – отказаться от своего имущества, подвергнуть жизнь опасности, обратиться к различным «хитрым выдумкам», чтобы только примирить повздоривших людей, утвердить мир между враждующими народами и создать почву для их взаимопонимания. В этом смысле особое значение имеет его миротворческая деятельность во время армяно-татарских межнациональных столкновений в 1905-1906 гг. и армяно-грузинских столкновений в 1918 г. Войны, сражавшиеся во имя утверждения мира, являлись в глазах поэта бойцами, восстанавливающими в мире добродетель и справедливость (10, 15).

Ованес Туманян не ставил различий ни между народами, ни между классами и сословиями. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Забел Есаян, «он простирал свои длинные руки, словно стараясь обнять все страдающие народы и поместить их в своём бьющемся горячем сердце»¹.

Миролюбивый характер поэта, его стремление к миру ассоциируются с его жизненным принципом, звучащим подобно лозунгу: «Жить хорошо потому, что в ней есть сладость, если она будет сопровождаться войной и горечью – лучше пусть её не будет вообще» (10, 46).

Много раз Туманяну доводилось примирять армянских писателей и деятелей искусства и культуры, политических деятелей – Перча Прошяна и Газароса Агаяна, Аветика Исаакяна и Лео, Акопа Генджяна и Атабека Хнкояна и т.д. и т.д.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 165.

ПАТРИОТИЗМ ПОЭТА

Патриотизм Ованеса Туманяна как в жизни, так и в художественном и публицистическом творчестве носил вполне реальный и конкретный характер. Все его поступки и дела были предельно конструктивными и целенаправленными. Как уже отмечалось, поэт никогда не опускался до проклятий в адрес врагов и до призывов к мести. Его патриотизму были органически чужды отвлечённость и скорбная слезливость. Таким он был в жизни, и такой была его патриотическая лирика. Патриотизм Туманяна нёс в себе свободолобие, самопожертвование, бесстрашие, беззаветную преданность родному народу и родной стране.

Ещё в юные годы, в возрасте девятнадцати лет, Ованес Туманян продал своё летнее пальто и на вырученные деньги купил пистолет, чтобы поехать в Западную Армению и принять участие в национально-освободительной борьбе своих соотечественников. Затем в 1905-1907 гг. он, реально рискуя жизнью, возглавил дело прекращения армяно-татарских межнациональных столкновений. В годы Первой мировой войны в 1914-1915 гг. поэт дважды бесстрашно отправлялся в Западную Армению, на Кавказский фронт, в самое пекло боевых действий, в мир руин и трупов, где неоднократно оказывался на волосок от смерти. Поэт чудом избежал участи полутора миллионов замученных жертв Геноцида армян в Османской империи. Летом 1915 года, находясь в поражённом смертельно опасными заразными эпидемиями Эчмиадзине и возглавив организованную всестороннюю заботу об армянских беженцах и детях-сиротах, он привлёк к этому делу и свою дочь Нвард, тем самым рискуя не только своей, но и её жизнью. В конце 1917 года, когда правительство советской России заключило перемирие с Германией и русские войска в спешном порядке стали покидать контролируемые армянские территории, регулярные турецкие войска вторглись в Восточную Армению, и над армянским народом вновь нависла угроза физического уничтожения. Откликнувшись на призыв генерала Андраника, сорокавосемилетний Ованес Туманян выразил готовность принять участие в народном ополчении и заодно возложил на жертвенный алтарь жизнь восьми взрослых детей, добровольно посылая их на передовую линию фронта. В 1918 году поэт перевёз оружие в Караклис и занимался организацией самообороны Лори. В марте 1921 г., в дни Февральского восстания и гражданской войны, поэт на свой страх и риск, оказавшись по дороге под перекрёстным обстрелом, приехал в Ереван, чтобы положить конец братоубийственной войне. В конце того же 1921 г., находясь в очень плохом физическом состоянии, он согласился взять на себя обязанности предсе-

дателя Комитета помощи Армении и поехать в Константинополь, чтобы организовать сбор средств для спасения умирающих от голода и болезней соотечественников. Он сумел прийти на помощь своему голодающему и страдающему народу, но при этом сам он оказался настолько больным и обессиленным, что его привезли домой на носилках, и после этой командировки он уже не смог встать на ноги. Геройством следует считать, на наш взгляд, и то, что он, тщательно скрывая от посторонних глаз гложущие его сердце тоску и боль, старался веселить друзей и близких людей, был тамадой на застольях. Поэт умел без страха смотреть в глаза смерти, и это тоже можно считать проявлением мужества. В 1908 г. он пишет: «Я три-четыре раза чудом спасался от гибели – и что с того? Если убьют, над тобой будут петь, если спасаешься – пой сам. И таким образом станут легче и жизнь, и мир...» (10, 55).

Своего рода подвигом было и то, что узнав из газет о гибели своего особенно любимого сына Артавазда, поэт продолжал заботиться о других людях, потерявших родных и близких, и при этом не прекращал борьбу за выживание родного народа.

Этот перечень наглядных примеров жизнестойкости Ованеса Туманяна и его самоотверженной преданности своим соотечественникам можно продолжать бесконечно. Так, в годы мировой войны и Геноцида он добровольно взял на себя обязательство ежемесячно выплачивать во всенародное казначейство двести рублей, что было значительно больше той суммы, которую он затрачивал на своих детей. Более того, внося деньги в фонд армянских беженцев и детей-сирот, он делал пожертвования и от имени своего внука, сына трагически погибшего Артавазда. Не боясь повториться, скажем, что Туманян своим личным примером утверждал, что в роковые, судьбоносные для родины и родного народа дни следует класть на жертвенный алтарь не только своё имущество, но и жизнь, причём сам он был готов пожертвовать самым дорогим, что у него было, – своими детьми.

Именно такое поведение поэта, его жизненная позиция сделали его собирательной совестью народа и символом самопожертвования во имя будущего своего народа и своей страны. Это осознавали даже совершенно чужие люди, иностранцы. Так, сенатор Н. Соколов в 1919 г. в письме Туманяну называет его совестью армянского общества.

ЛЮБОВЬ ПОЭТА К ПРИРОДЕ

В своей любви к природе Ованес Туманян был ярко выраженным пантеистом. Природа сама представлялась ему любовью – огромной, безграничной и неисчерпаемой, не имеющей ни начала, ни

конца, она была для него предметом обожания и культа. Поэт много раз признавался в этом. «Природа для меня – это всё... Тот, кто отдаляется от природы, становится несчастным... Среди природы ты сам становишься её частью... Природа успокаивает»¹. Поэт любил свой родной край Лори так же сильно, как «влюблённый юноша-романтик любит деву своих грёз»².

Сорок лет своей жизни Туманян прожил в Тифлисе, однако в глубине души он всегда хранил образ родной лорийской природы. Жизнь поэта была переполнена дыханием родной природы, при этом пантеизм поэта передавался и его окружению, его родным и близким, друзьям и знакомым. Лео, увидев, насколько Туманян восхищён родной природой, пишет: «Кто сидит рядом со мной – человек или горный дух?.. Бывали мгновения, когда мне казалось, что Ованес может полететь с вершины горы Дид и раствориться в природе...»³. По образному выражению Вардгеса Агароняна, «Туманян повсюду носил и прогуливал с собой Лори. Он был готов, если бы это было возможно, перенести лорийские чащи и ущелья в свою тифлисскую квартиру»⁴.

Подыскивая очередную наёмную квартиру в Тифлисе, Туманян неизменно считал её отдалённость от центра города, насыщенность солнечным светом и свежим воздухом; квартира должна была также находиться поближе к живой природе. Кроме этих условий, обязательными для поэта были ещё два других условия: чтобы квартира находилась на самом верхнем этаже, поскольку выше неё должно было быть только небо. Ну, и второе условие – она должна была находиться как можно ближе к горам.

Действительно, поэт, насколько это было вообще возможно, перенёс природу в свою городскую квартиру. На веранде своего дома он на протяжении нескольких недель держал привезённую братьями косулю, пойманную в лорийских горах. Однако вскоре он понял, что не может лишать бедное животное его родной среды, и поручил сыну Мушегу отвезти косулю в леса Шулавера и выпустить на волю. Однако, как это часто бывало в жизни Туманяна, история с косулей также превратилась в легенду. Согласно рассказу Вардгеса Агароняна, однажды ночью началась сильная буря, окна веранды открылись, и косуля «выпрыгнула в окно и помчалась в направле-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 133.

² Там же, с. 19.

³ Там же, с. 78.

⁴ Вардгес Агаронян, «Человек и поэт», Бостон, 1936, с. 42.

нии скалистых гор»¹. Этой же версии придерживается Аветик Исаакян, написавший рассказ про эту косулю².

У Ованеса Туманян была заветная мечта – построить вдали от городского шума, среди родной лорийской природы дом творчества для писателей. Поэт был уверен, что «природа сделает так, что исчезнут и зависть, и все другие отрицательные явления»³.

Особая любовь поэта к природе побудила его к её отображению в своих художественных произведениях и, в частности, в балладах, как мерило совершенства. Природа в его творчестве становится выразительным средством, художественным приёмом, благодаря которому гонимые герои его произведений находят чудесное спасение («Проклятая невестка», «Сирота», «Голубиный скит»). И отнюдь не случайно, что именно природа наделяется ролью справедливого судьи и наказывает зло («Взятие крепости Тмук»), именно природа спасает любовь, загубленную людьми, и наделяет её бессмертием, именно природа сопереживает влюблённой девушке, страдающей из-за потери возлюбленного (поэма «Ануш»).

Поэт считал, что сравнение человека-зверя с лесным зверем некорректно, недопустимо и даже «оскорбительно» для зверя, потому что в мире животных звериные инстинкты являются неосознанными и имеют всего лишь одну цель и предназначение – прокормиться, выжить, в то время как зверства людей носят вполне осознанный характер. «Видимо, было бы честно попросить прощения у зверей – за то, что все эти жестокости мы называем зверством» (7, 148).

Понятно, что сказанное относится только к человеку-зверю, победное шествие которого в начале двадцатого столетия было просто ужасающим, а его жестокие, страшные деяния – умопомрачительными и душераздирающими. От таком человеке-звере Туманян говорит с едкой и нескрываемой иронией:

Стал много совершенней белый свет:
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он – полузверь, ему до Человека
Ещё не меньше миллиона лет.

(Пер. Н. Гребнева)

А что касается настоящих людей, всего человечества, то здесь Ованес Туманян находит совершенно иные определения, иные сло-

---

¹ Там же, с. 42-43.

² Там же, с. 43.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 135.

ва, преисполненные любви и веры. Любовь поэта к человеку, вера в человека и человечество ставит его на один уровень с величайшими гуманистами в истории мировой цивилизации.

В художественных произведениях Ованеса Туманяна природа со своими тайнами, прелестями и красотами зачастую играет очень важную психологическую роль. Она участвует в душевных переживаниях героев, в их жизни, а в некоторых случаях перерастает в масштабные обобщения. В этом смысле особенно характерны четверостишия поэта, в которых человек является одновременно и властелином, и микрочастицей вселенной, космической бездны. Человек способен возвысить душу поэта, но может и уничтожить её. И только в природе поэт слышит мелодию космоса и вселенной, только в природе его живая душа беседует с Богом.

ГУМАНИЗМ ПОЭТА

Ованес Туманян, как мы уже отметили, был великим гуманистом. Он любил людей, любил человечество. Конечно, он видел конкретные, и притом довольно существенные недостатки в окружающих его людях. У поэта, несмотря на его открытый и дружелюбный характер, были не только друзья и доброжелатели, но и недруги, завистники, идейные оппоненты. Но при этом сам он никогда не становился зачинщиком, инициатором споров и вражды и никогда никого не отталкивал от себя. «Туманян любил людей... Его жизнь была наполнена другими людьми», – отмечает в своих воспоминаниях Забел Есаян¹. Далее писательница дополняет эту свою мысль: «Он словно обнимал все страдающие народы своим бьющимся и горячим сердцем»². В одном из своих писем Акопу Сарикяну поэт замечает: «Ведь человек, уж во всяком случае для нас, является самой большой ценностью» (10, 267). И действительно, самой большой, наивысшей ценностью в жизни Туманяна был человек. Поэт не доверял партийным, политическим деятелям, но при этом был способен беспредельно доверять людям и отстаивающим интересы народа честным, принципиальным общественным деятелям.

Как в своём художественном творчестве, так и в жизни Ованес Туманян стремился к человеческому совершенству, прекрасно представляя, что для того, чтобы стать настоящим, действительно цивилизованным человеком, погрязшему в грехах, жестокому и алчному человеку-зверю нужно «ещё не меньше миллиона лет». Поэт гово-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 155.

² Там же, с. 167.

рил: «Не такое уж это простое дело – быть человеком»¹. Эту мысль он повторял много раз, в разных формулировках и по самым разным поводам. Например: «На этом свете всё легко, трудно только одно – быть человеком»². Поэт в человеке искал человека и верил, что несмотря на то, что хороших людей относительно мало, но их всё же можно встретить в жизни. «Нет ни одной должности и ни одного звания, которое можно было бы сравнить со званием Человека... В человеческой жизни человек – это всё, и любое дело и любая деятельность исходит от него. Он является источником» (7, 39). Только из такого источника мог родиться хороший деятель, специалист, муж, родитель, сын, родственник, друг и т.д. В разных случаях поэт характеризовал их с хорошей и плохой стороны. Так, например, он считал хорошего друга «ниспосланным небом счастьем» (10, 37), «чем-то очень дорогим» (10, 196), что «должно быть подобно утёсу» (10, 202).

Туманян определял и констатировал признаки добра и зла не только в своих художественных произведениях и публицистических статьях и выступлениях, но и в жизни (6, 487). Конечно, в жизни поэта бывали и такие дни, когда и человек, и весь белый свет виделись ему в мрачном, чёрном свете, когда ему казалось, что «люди вообще плохие» (10, 54). Если изучать биографии великих людей, то нетрудно убедиться, что чёрные полосы в их жизни появляются тогда, когда их сознание и душу отравляют воинствующие невежды, ничтожные, злые и завистливые люди. «По какому-то таинственному умыслу, – пишет поэт, – появление таланта всегда раздражает и возмущает тупых людей... они непримиримы, и эта борьба бесконечна» (6, 110). И Туманян в этом плане также не был исключением. «Да, в драмах нет ничего более ужасного, чем драма великих душ», – отмечал поэт (7, 150). Тем не менее, несмотря на то, что ему также приходилось переживать «драмы великих душ», поэт никогда не отвечал тем же оружием своим идейным противникам и ограниченным, откровенно тупым критикам. Он не воспринимал людей в чёрном или белом свете, не делил их на хороших и плохих, – нет, он просто считал их разными. Каждый человек по своей душевной характеристике, по своему положительному или отрицательному заряду по-разному воздействовал на поэта. «Есть такие люди, встречая которых радуешься, есть такие, что сердце сжимается, есть и такие, что воодушевляешься, и есть такие, что глупеешь», – писал Туманян (9, 295). Он руководствовался принципом: «Что бы ни делал человек, он делает это себе» (5, 201). Поэт никогда не сетовал на

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 290.

² Там же.

свою судьбу, на то, что ему приходилось во имя развития национальной, общественной жизни народа постоянно находиться в эпицентре самых различных идеологических диспутов. Он был уверен: «каждый должен нести свою ношу» (5, 335).

Туманян считал важнейшей задачей сохранение нравственных ценностей, а для этого необходимо было сделать видимыми, наглядными границы между хорошим и плохим, между добром и злом. В восприятии Туманяна хорошее должно было отличаться от плохого прежде всего своей честностью, открытостью и искренностью. «Сколько бы ни было достоинств у человека, самое главное, чтобы он был искренним и честным», – отмечал он (7, 100).

Афоризмами, пословицами, крылатыми словами стали многие мысли поэта. Скажем, вот эта: «Актёрская игра прекрасна на сцене, где играют, но она отвратительна в жизни, где живут» (6, 150). При этом поэт был уверен, что «среди многих тысяч лишь один может быть честным и искренним» (7, 99). Эту же озабоченность видим и в письмах поэта: «Нам уже по опыту известно, что честное и искреннее – большая редкость в жизни» (10, 56). Примечательно, что в этом смысле поэт не делает исключений даже для своего близкого окружения. Максимализм в требовательности поэта к себе и другим не знал никаких ограничений. В одной из своих дневниковых записей Туманян признаётся: «Намного легче найти друзей, чем людей. Вот и у меня много друзей, но среди них я знаю мало людей»¹. Но всё же были люди, отвечавшие самым строгим критериям Туманяна. Назовём имена Газароса Агаяна, Никола Агбаляна, Симона Врацяна, Филиппоса Вардазаряна, княгини Мариам Туманян, полководца Андраника... Поэт продолжал искать свой идеал человека, и поиску этому не было конца.

В представлении поэта человек должен быть способен на глубокие и продолжительные чувства, должен уметь посвящать себя какому-нибудь заветному делу или идее, «наполнять ими жизнь и жить»². Гармоничный человек, наделённый внешними и внутренними достоинствами, в представлении поэта отождествлялся с произведением искусства. «Каждого человека можно считать человеком, но у некоторых из людей красивые глаза, привлекательный облик, сладостный голос и т.д., внешность, либо ум и дарование, честность и искренность и другие достоинства. Это живые стихотворения, песни природы» (9, 233).

Представления Ованеса Туманяна о хорошем человеке сформировались по образу его отца – Тер-Тадевоса. «Представление о

---

¹ «Туманян. Исследования и публикации», т. 5, с. 176.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 306.

великом человеке я составляю по своему отцу»¹. К признакам «великого человека» поэт добавлял способность к самопожертвованию, которую он видел в нескольких личностях своей эпохи. Именно эти люди своими сильными нравственными и волевыми качествами, не рассчитывая обрести славу и признание, стали подвижниками национальной и общественной жизни. Одно лишь «существование, присутствие таких людей приносит больше пользы, чем дела тысяч людей» (6, 271). Таким человеком, конечно, в первую очередь был он сам, Ованес Туманян. Одно его присутствие в армянской действительности конца XIX и начала XX столетия означало намного больше, чем «труды и дни» тысяч людей.

Поэт искал настоящих людей преимущественно среди простых своих соотечественников, которых объединял один общий признак: все они пришли в этот мир не для того, чтобы любой ценой, всеми правдами и неправдами что-то получить, взять и употребить впрок, а для того, чтобы что-то дать, что-то создать и оставить после себя. Неспроста поэт наказывал: «будь щедрым, открой своё сердце»². Сам поэт был знаменит на весь город своей невероятной щедростью, которая у одних вызывала удивление, у других – зависть и раздражение. Ваан Тотовенц в своих воспоминаниях свидетельствует: «Туманян разбирался во всех хороших, красивых и вкусных вещах, но больше всего он любил изобилие. Его душе дороже всего было изобилие... И слово «изобилие» он произносил смакуя, словно произносил его на одном дыхании»³. Эту особенность поэта с первой же встречи замечали также приезжие люди. Сергей Городецкий пишет: «Скупость была ему чужда»⁴. Того же мнения придерживались практически все знавшие Туманяна современники. Забел Есаян пишет: «Его сердце было богатым, но кошелёк часто был пустым... У него были долги... он подписывал новые векселя, чтобы погасить прежние: это обстоятельство отравляло его настроение»⁵. Однако даже в этих условиях Туманян щедро расточал, раздаривал своё скудное имущество, потому что его жизненным принципом, которого он придерживался, было: «Всё, что отдашь, вернётся к тебе стоицей»⁶.

А в это же самое время состоятельные люди, которые были наделены большой властью и в глазах общества были «сильными мира сего», старались урвать кусок побольше и при этом не насы-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 181.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 200.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 147.

⁴ Там же, с. 894.

⁵ Там же, с. 162.

⁶ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 200.

щались. «Есть личности, которые живут и примечательны только тем, что имеют какую-то высокую должность или степень. Отнимите у них эту должность или степень, и увидите, что это полное ничтожество» (6, 193). Туманян чаще и больше всего искал «чистое и возвышенное» в обычных, незащищенных людях, поскольку, по его убеждению, такие люди не бросаются сразу в глаза, они «и без власти, даже находясь в трудной ситуации и в преследованиях, всегда обособляются своим независимым обликом, своей силой и одаренностью»¹.

Для Ованеса Туманяна действительно праведным человеком мог быть только тот, кто способен на добрые дела. В представлении поэта человек должен оставить свой след в этом мире и обрести бессмертие добрыми делами, служением людям. Об этом он говорит в начальных строфах поэмы «Взятие Тмкаберда»:

Мы смерти ждём, ждёт нас она,
Не сладить людям с ней.
Иная участь суждена
Деяниям людей.

Бессмертны добрые дела,
И тот навек блажен,
Кому за них идёт хвала,
Преодолевая тлен.

(Пер. П. Карпа)

Ованес Туманян всегда считал первоочередной нравственную сторону любого дела и начинания, а применительно к любому общественному или партийному деятелю – его человеческую характеристику. Если же личность – ущербный человек, имеющий серьёзные недостатки, то для него не могут служить оправданием даже какие-то услуги, оказанные народу.

Ованес Туманян придавал большое значение «избранным», крупным личностям, конечно, только в том случае, если они честные. При этом роль отдельных личностей поэт ставил выше, чем роль политических партий. По его мнению, именно личности «являются созидателями и придают соответствующее обличье, форму, движение общественной жизни. Всего несколько человек – и жизнь начинает кипеть, становится живой, красивой»². Будучи и сам одной из таких избранных личностей, поэт всю свою сознательную жизнь

---

¹ Там же.

² Там же, т. 9, с. 300.

лелеял идеал, образ честного и праведного человека, имеющего возвышенные устремления и выполняющего «божественный труд».

Как мы уже говорили, поэт старался найти в своём окружении идеальных, праведных людей, однако это ему не удавалось. «В нашей жизни ощущается нехватка высоких, возвышенных вещей, способных наделить человека божественной печатью, способных вселить в него душу и стремления, а вместе с ними ощущается нехватка поэзии»¹.

Приведём критерии хорошего, беспорочного, праведного человека в представлении Ованеса Туманяна. Гармоничный человек, считал поэт, – это разумный, просвещённый человек. Разумеется, он при этом вовсе не имел в виду дипломированных людей, число которых в те времена было не очень большим. Напротив, он был уверен, что высшее образование может превратить плохого человека всего лишь «в ещё большего червяка». В своём художественном творчестве, в частности, в детских произведениях он неоднократно отмечал, что образование делает человека более умным, а разум защищает его от всех опасностей. «Благодаря разуму человек становится сверхчеловеком, – писал поэт. – Благодаря разуму немощный, хилый человек становится сильным, бедный – богатым, трусливый – бесстрашным» (5, 323). Сам Ованес Туманян всю свою сознательную жизнь занимался самообразованием и, по определению Валерия Брюсова, был «самоучкой», и поэтому под образованностью подразумевал стремление к саморазвитию. Он по собственному опыту знал, что стремящийся к знаниям человек способен контролировать свои эмоции и ощущения, развивать в себе добропорядочность. **«Очень важно иметь чувство меры, чувство гармонии. Человек всё должен совершенствовать, развивать – и глаз, и руку, и язык»**². Мера, степень образованности человека в сознании поэта ассоциировалась с его стремлением к совершенству. «Человек должен сам себя образовывать, должен создать из себя человека и всегда стремиться к совершенству»³.

Сам Ованес Туманян был исключительно целенаправленным, стремился добиться поставленной цели. И его жизнь является лучшим примером результативности саморазвития, самообразования. По какому-то поводу поэт заметил: «Человек должен иметь внутреннее содержание, достичь всестороннего развития, должен подниматься ввысь, углубляться, наполнять себя»⁴. Для Туманяна дру-

---

¹ Там же, с. 214.

² Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 148.

³ Там же, с. 158.

⁴ Там же, с. 151.

гим критерием оценки качеств человека было направление его стремлений. «Для того, чтобы узнать, измерить глубину человека, необходимо знать, какими проблемами он занимается, какими вопросами интересуется»¹. Цели и задачи могут быть дурными, тогда как критерием доброго, совершенного человека является его стремление к совершенству. «Человек должен стремиться стать лучше, подняться. Всегда следует стремиться к совершенству»². При этом не столь уж важно, достигнет он этого совершенства или нет (как философская категория совершенство вообще недостижимо), главное – «с высокой тоской» стремиться к какой-либо возвышенной цели. Эту мысль мы неоднократно встречаем в художественных произведениях поэта. «Если достигнут своей цели, хорошо, а если не достигнут, всё равно хорошо» (5, 258).

Идеальный человек в представлении Ованеса Туманяна наделён способностью воспринимать мир и жизнь не поверхностно, воспринимать сущность явлений во всём их многообразии и многослойности, воспринимать их не с точки зрения собственной, личной выгоды. «Глубина души является очень большим и важным понятием, вероятно, самым существенным в жизни человека»³. Человек, по Туманяну, должен уметь смотреть на явления с высоты, должен быть предельно требователен к себе, к своей личности, должен быть самокритичным, должен сознавать и признавать долю своей вины или полной, абсолютной невиновности. «Что представляет из себя безоговорочно хороший человек? – пишет поэт. – Лучше пусть человек требует добра от себя самого: чужое зло не представляет столь уж большой опасности для хорошего человека, если только он действительно хороший»⁴.

Наряду с уже приведёнными критериями хорошего человека – честностью, просвещённостью, высокими побуждениями, гордостью и честолюбием, чувством меры и вкуса, стремлением к совершенству – поэт приводил и другие. Хороший человек в его понимании должен был также «достигнуть всего своим трудом», должен был быть «прежде всего активным», а также «добрым, энергичным, жизнелюбивым, довольным, естественным, тактичным», везде и всюду «создающим гармонию». Для поэта было совершенно неприемлемо, когда люди пресмыкались и льстили своему вышестоящему начальству, принаравливались к нему во имя личной выгоды и продвижения.

---

¹ Там же, с. 172.

² Там же, с. 205.

³ Там же, с. 172.

⁴ Там же, т. 9, с. 261.

А когда поэт вдруг встречал кого-нибудь, кто хотя бы частично соответствовал его критериям хорошего человека, то радовался и ликовал, словно ребёнок, и говорил: «Я нашёл человека. **Ведь человек, во всяком случае для нас, – самое дорогое**»¹.

Большое значение среди человеческих качеств поэт придавал также чувству юмора, стремлению и способности искренне радоваться. В условиях того времени для находившихся в крайне бедственном положении соотечественников поэта было чрезвычайно трудно проявить эти качества, и поэт прилагал все усилия, чтобы к армянскому народу вернулось умение веселиться, смеяться, радоваться жизни.

ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ

Ованес Туманян безусловно является одним из самых начитанных, эрудированных армянских писателей. И, конечно же, в писательской среде он был одним из самых больших любителей чтения. И, пожалуй, самым большим книголюбом. Поэт вообще очень трепетно относился к книгам.

Ярким, красноречивым свидетельством любви Ованеса Туманяна к книгам является его богатейшая по тем временам личная библиотека, где насчитывалось порядка десяти тысяч книг, из которых в наши дни сохранились восемь тысяч единиц. Для сравнения отметим, что в личной библиотеке графа Льва Толстого, не испытывавшего никаких затруднений материального характера, хранится около 16.000 книг. При этом мы не должны сбрасывать со счетов и то, что библиотеку в Ясной Поляне собирали несколько поколений очень состоятельных книголюбов. Что касается Ованеса Туманяна, то он укомплектовал свою уникальную библиотеку сам, собственноручно, почти всегда находясь в острой материальной нужде и в самом буквальном смысле слова затрачивая на дорогостоящие книги свои последние деньги, предназначавшиеся на пропитание его большой многодетной семьи. Современник и друг юношеских лет Туманяна Арсен Глджян в своих воспоминаниях свидетельствует, что Туманян «много читал, всегда собирал книги, нередко тратя на эти цели деньги на хлеб насущный»². А вот признание самого поэта: «Мне исполнилось 18 лет, и мне в руки попало всего лишь несколько книг, да и то в основном случайным образом» (7, 226). В течение последующих тридцати лет обременённый национально-обществен-

---

¹ Там же, т. 10, с. 267.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 278.

ными заботами поэт собрал большую и ценную для своего времени библиотеку.

По определению Вардгеса Агароняна, «дом Ов. Туманяна был маленьким музеем и богатым хранилищем рукописей, матенадараном... У Туманяна были не только армянские переводы любимых произведений зарубежных писателей, но и подлинники. Рядом с Пушкиным и Толстым на русском языке были Шекспир и Лонгфелло на английском, Гёте и Гейне на немецком, Данте на итальянском и Сервантес на испанском»¹. Далее В. Агаронян отмечает: «Туманян любил книгу вообще... После его детей предметом его нежности и ласки была его библиотека»².

Арсен Глджян, свидетельствует, что Туманян «много читал, всегда собирал книги, нередко затрачивая на их покупку стоимость проживания на целый день»³. Старшая дочь поэта Ашхен вспоминает: «Как только получал деньги – 30, 50 или 100 рублей, шёл к книготорговцу, чтобы купить книги. Иногда покупал так много, что возвращался домой в карете, и мы были вынуждены собрать последние копейки в доме, чтобы заплатить вознице, тогда как дома не было обеда»⁴.

Жена поэта Ольга в своих воспоминаниях пишет: «Невозможно забыть, как он лелеял свою библиотеку... Когда отсутствовал из дома, писал: присматривай за детьми и моей библиотекой»⁵. Далее она рассказывает забавный случай: в апреле 1901 г., на праздник Пасхи, Туманян получил из Баку 350 рублей. Жена попросила его дать ей эти деньги на домашние расходы. Он не отказывает и отдаёт ей всю сумму. «Но не прошло и нескольких часов, – рассказывает Ольга, – как он вместе с сотрудником букинистического магазина приехал домой на карете, доверху заполненной книгами: мол, заплати ему те 350 рублей и дай 30 копеек за карету...»⁶.

Библиотека поэта представляет большую библиографическую и культурную ценность с нескольких точек зрения. Сам выбор книг свидетельствует об особенностях вкуса и широте пристрастий и интересов Туманяна. Здесь можно найти исследования по истории древнего мира, антропологии, истории библейских пророчеств, книги, относящиеся к Откровению Иоанна, книги по географии и гео-

---

¹ В. Агаронян, Человек и поэт, Бостон, изд-во «Раздан», 1936, с. 44.

² Там же, с. 47.

³ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 278.

⁴ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, с. 60 (на арм. яз.).

⁵ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 341.

⁶ Там же.

логии, книги о животных и растениях, о фауне и флоре, библиотечные серии научных изданий «Наука и жизнь», «Жизнь для всех», издававшиеся в Риге, Петербурге и других городах, книги по кавказоведению, по устному народному творчеству, филологии, книги, касающиеся взаимоотношений мужчины и женщины в культурной жизни эпохи, книги по этнографии; исследовательские работы, относящиеся к самым разным сферам мировой науки и цивилизации.

Книг на русском языке в библиотеке Туманяна было значительно больше, нежели на армянском. Библиограф Алвард Айрапетян во втором томе издания «Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване» (Ер., 1989) описала более 5.200 книг на русском языке (3.700 наименований). Армянские книги составляют 2.400 единиц (2.042 наименования), а книги на иностранных языках – 529 единиц (430 наименований).

Из русских периодических изданий поэт выписывал журналы «Русское богатство», «Мир Божий», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Былое».

Поэт разместил свои книги в двенадцати книжных шкафах¹.

Более чем в 550-и книгах можно увидеть карандашные пометки, сделанные рукой Туманяна. По ним можно судить о пристрастиях и широте исследовательских интересов поэта. Его особенно интересовали кавказоведение, фольклор, история стран Востока, вопросы естествознания. Немало пометок находим также в русскоязычных изданиях, таких, как, скажем, «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. Будакова, «Армянский вестник», «Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества», «Кавказский сборник», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др.

На письменном столе поэта часто можно было видеть сборник народных песен И.Г. Гердера. Туманян всегда проявлял самый живой интерес к древнегреческой мифологии и литературе. Он часто вёл продолжительные беседы с детьми о классических произведени-

---

¹ Каждый из книжных шкафов поэт отвёл для книг определённой направленности и тематики. В первом шкафу была сосредоточена литература о Востоке. Этот шкаф носил название «Илья Муромец», поскольку был куплен на гонорар от перевода этой былины. Второй шкаф поэт отвёл для фольклора, третий – для естественных наук, четвёртый – для истории России, пятый – для арменоведения, шестой – для общей истории, седьмой – для зарубежной литературы, восьмой – для русской художественной литературы, девятый – для кавказоведения, десятый – для армянской художественной литературы, одиннадцатый – для философии, педагогики и медицины и т.д., а двенадцатый шкаф – для искусствоведения и культурологии. И ещё один шкаф был выделен для словарей. Поэт покупал словари как европейских, так и восточных (персидского, арабского, санскрита) языков.

ях мировой литературы. С большим воодушевлением он читал для детей отрывок из «Илиады» Гомера, в котором повествуется о Терсита. С удовольствием читал рассказы Чехова, в особенности «Лошадиную фамилию», «Каштанку». Он очень любил юмор Марка Твена, шведскую писательницу Сельму Лагерлёф.

У Туманяна была привычка покупать понравившуюся ценную книгу в нескольких экземплярах, чтобы впоследствии кому-нибудь подарить. Часто он дарил даже книги, имевшиеся у него в единственном экземпляре.

В 1921 году Туманян купил у какого-то батумского школьного учителя книгу «Дело о дуэли Лермонтова», состоявшую из 21-й страницы большого формата, и послал её в Москву А.Луначарскому. Поэт был уверен, что «работы, относящиеся к Лермонтову, должны концентрироваться в Москве»¹. В настоящее время эта книга хранится в Петербурге, в Институте русской литературы.

Поэт значительно чаще дарил свои детские книги, причём иногда раздаривал все экземпляры до последнего, так что у него самого не оставалось ни одной книги. Когда в 1923 г. в Москве собирались издать его баллады «Капля мёда» и «Пёс и кот», вдруг неожиданно выяснилось, что в доме поэта нет ни одного экземпляра этих книг. Жена Туманяна Ольга рассказывала, как поэт каждое утро клал в «большие карманы» своего длиннополого пальто экземпляры только что вышедшей в свет книжки «Звуки гармонии» («Союзники») и раздавал её на улицах всем своим встречным знакомым. «Вечером возвращался без книг... Спустя годы, увидев эту книгу у кого-то, забирал обратно, приносил, чтобы сохранить в библиотеке»².

Дочь поэта Ашхен вспоминает: «Хотя он и был очень заботливым и щедрым, но, с другой стороны, был очень требователен. Подарил тебе книгу – храни её бережно»³.

На Новый год поэт имел привычку дарить детям самые лучшие издания мировой детской литературы. Эти свои подарки он вручал им утром 1 января.

Несомненно, именно с этой привычкой дарить книги знакомым и незнакомым связана закрепившаяся в нашей сегодняшней действительности культурная традиция – День дарения книги, приуроченный ко дню рождения Ованеса Туманяна, 19-му февраля. Традиция эта представляет из себя совершенно уникальное и исключительное явление в мировом масштабе.

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 239.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 341.

³ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, с. 113.

Туманян читал своим детям не только художественные книги, но и произведения познавательного, образовательного характера. В частности, он читал вслух отрывки из произведений армянских историков Ластивертци, Гандзакеци и Урхаеци, старался привить им стремление к самообразованию. Советовал им читать произведения крупных армянских и зарубежных писателей, скажем, «Путешествие в Центральную Азию» Н. Пржевальского, а также биографии гениальных людей. Предлагал, чтобы каждый из детей выбрал какого-нибудь автора, подготовил и прочитал о нём доклад на литературном вечере; предлагал устраивать маленькие домашние спектакли. На одном из таких семейных литературных вечеров Арег рассказывал о жизни и творчестве П. Дуряна, а Нвард – о Дж. Байроне.

Считаясь с советами и рекомендациями отца, дети Туманяна читали фундаментальное шеститомное исследование Альфреда Брема «Жизнь животных», книгу Мориса Метерлинка «Жизнь пчёл». Поэт также рекомендовал детям прочитать книги о великих художниках эпохи Возрождения.

Библия была настольной книгой Туманяна. Он «очень высоко оценивал её глубину и искусство слова»¹. С удовольствием читал поэт и произведения известного армянского учёного-фольклориста Гарегина Срвандзтяна.

Покупая книги для детей, поэт обращал внимание не только на их содержание, но и на внешнее полиграфическое оформление, на качество печати.

Как вспоминает Ашхен, «отец всегда говорил, что ребёнку... в первую очередь... нужно давать читать хорошие, красивые книги, чтобы ребёнок не хотел с ними расставаться... Более всего он был требователен к детской литературе, и в первую очередь – к себе самому, ставя цель писать для детей и содержательные, и доступные произведения. Поэтому он всегда заранее проверял свои сочинения, читал их нам, выслушивал наше мнение, если что-то было непонятно – менял...»². «Когда мы были маленькие, – продолжает Ашхен, – отец покупал иллюстрированные сказки. Когда узнавал, что мы проходим таких-то авторов, сразу же покупал их книги, например, Пушкина, Толстого, Гончарова... Дома по вечерам для нас, старших, читал книги Раффи»³.

Туманяну особенно нравились книги, в которых преобладал юмор. Он любил перечитывать произведения Пушкина, Лермонто-

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 67.

² Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, с. 113.

³ Там же, с. 47-48.

ва, Толстого, Кольцова, Шекспира, Лонгфелло, Гёте, Гейне, исследовал былины, легенды, предания и сказки разных народов. Он отдавал предпочтение тем авторам, источником творчества которых был фольклор. Из литературы Востока предпочитал Фирдоуси, Хакани, Низами, Хайама, Хафиза, Саади, Руми. Сильное впечатление на поэта произвела книга В. Щеглова «Дуэль и смерть Пушкина».

Весной 1912 г., возвращаясь из Петербурга через Москву в Тифлис, Туманян привёз с собой пять ящиков с книгами. Поэту понравились и Москва, и Петербург, однако больше всего в этих больших городах его привлекали букинистические магазины, и он мечтал снова вернуться туда, «главным образом, чтобы закупить книг»¹. «Это стало для меня хорошим поводом, – говорил поэт перед возвращением на Кавказ. – Я набрал у букинистов довольно хорошие книги, везу с собой»².

Находясь вдали от дома, поэт всегда обращался к родным с просьбой проявлять заботу о его библиотеке. Туманян был одним из тех редких писателей, для которых его домашняя библиотека была предметом и источником вдохновения. Отметим, кстати, что стихотворение, посвящённое своей библиотеке, поэт написал в дни мировой войны, 20 января 1917 г. Стихотворение «Моя библиотека» родилось не только из чувства поклонения книге, а из той тоски, которую поэт испытывал ввиду нехватки времени, ввиду невозможности предаваться чтению. Война заставляла забывать о книгах, отходить от них, что также причиняло большую боль поэту. Он так и не сдал это стихотворение в печать, потому что считал его выражением своей личной тоски по книгам, по чтению.

Каждый день они восседают вокруг меня,
Все великие гении мира,
Поют, рассказывают гармонично и глубоко
О смысле и таинстве смерти и жизни.
(Пер. подстрочный)

Две последние строки стихотворения связаны с буднями поэта. Каждый день и каждый час к нему за помощью, «за хлебом и одеж- дами» обращались десятки и сотни бедствующих, нищенствующих просителей, в то время как его книги

Вот так, со мной, каждый день в моём доме,
Не просят у меня ни хлеба, ни одежд.
(Пер. подстрочный)

---

¹ Там же, с. 99.

² Там же.

Туманян передал своим детям это поклонение книгам и любовь к чтению, и впоследствии они с такой же особой любовью и заботой продолжали хранить личную библиотеку отца.

«НЕИСПРАВИМЫЙ ДАРИТЕЛЬ КНИГ»

У Ованеса Туманяна была привычка щедро раздаривать свои только что изданные книги. Жена поэта Ольга рассказывала, что были случаи, когда он, раздав весь тираж книги, приходил домой, забирал у детей подаренные книги и относил своим знакомым. В результате «ни у нас, ни у него самого не оставалось его книг»¹.

Эта привычка поэта нравилась далеко не всем людям его окружения. Не нравилась она, в частности, княгине Мариам Туманян. Издав очередную книгу поэта, она всячески старалась «спасти тираж от Туманяна» и, передав все экземпляры книги в книжные магазины, оказать бедствующему поэту материальную помощь. Из 1200 экземпляров тифлисского сборника 1903 года «Стихотворения» ей удаётся продать всего лишь треть тиража – 400 книг. Вырученные деньги она передала издателям и автору. В это же самое время Туманян раздавал свою книгу направо и налево. Княгиня рассказывает: «Отчаявшись, я собрала все оставшиеся у меня книги и послала ему... Он продолжал бессмысленным образом раздаривать книги, и его выручку составили только те деньги, которые он получил наличными от меня и от книжных магазинов»².

Раздав почти весь тираж своего сборника общей стоимостью около четырёх тысяч рублей, Ованес Туманян тем самым помешал своим покровителям и меценатам, озабоченным его тяжёлым финансовым положением, оказать ему материальную помощь и на какое-то время избавить его от денежных проблем.

Издавая книги поэта в детской библиотечной серии, княгиня Мариам Туманян даже взяла у него письменное обязательство ограничиться небольшой частью тиража, получив пятьдесят авторских экземпляров. Но и это не помогло. Все старания княгини, благодетеля и издателя поэта, оказались напрасными. Видя, насколько «неисправимым дарителем книг» является Туманян, она просто махнула на него рукой и перестала возмущаться, «стала смотреть сквозь пальцы на эту слабость поэта». Поэт раздал все экземпляры детской библиотечной серии, и когда в 1923 г. для издания в Москве понадобились тексты баллад «Капля мёда» и «Пёс и кот», то неожи-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 341.

² Мариам Туманян, «Моя краткая биография и воспоминания», Ер., 2003, с. 126.

данно выяснилось, что в домашней библиотеке поэта нет ни одного экземпляра этих книжек.

У Туманяна вообще была привычка покупать нужные книги в нескольких экземплярах, чтобы подарить знакомым. В числе таких книг были сборники произведений Смбата Шахазиза, Ерванда Отяна, подарочные издания «Шахнаме» Фирдоуси на языке оригинала и т.д.¹ Как мы уже говорили, редкую книгу «Дело о дуэли Лермонтова» поэт в 1921 г. подарил наркому просвещения России Анатолию Луначарскому. А полученную в дар от наследников Саят-Новы тетрадь «Давтар» поэт передал Музею литературы и искусства им. Е. Чаренца в Ереване.

Даже на смертном своём одре, за месяц до смерти, уже не будучи в состоянии читать, он обратился к дочери Нвард со словами: «Нужно читать, всегда читать, и каждое чтение что-то даёт, незаметным образом накапливается и превращается во что-нибудь»².

Именно этой «неисправимой» привычкой дарить книги направо и налево, знакомым и незнакомым людям, своей способностью возвышать человека с помощью саморазвития и самообразования, умением воспитывать и просвещать юное поколение, природным даром сеять вокруг себя добро и свет, душевное тепло обусловлено то, что день рождения Поэта всех армян Ованеса Туманяна 19 февраля закрепился в истории армянской культуры как день дарения книги, явление, которое не имеет аналогов, уникально и исключительно во всём мире.

РАДОСТИ ПОЭТА

Современники Ованеса Туманяна удостоили его почётного титула «Всеармянский тамада», поскольку его общительный и весёлый характер, природное остроумие, неповторимое умение поддерживать любую беседу, говорить пословицами и поговорками, шутить и рассказывать анекдоты, его зажигательные и вместе с тем очень мудрые тосты; наконец, уже одно только его физическое присутствие – всё это приносило людям искреннюю радость, сеяло вокруг душевное тепло и лучезарный свет. Если поэт участвовал в каком-либо застолье, то вопрос тамады считался решённым изначально и автоматически: других претендентов просто не оказывалось. Исключение составлял только «патриарх» армянской литературы Газарос Агаян, который, впрочем, руководил пирушками только в

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 23.

² Там же, с. 298.

доме у Туманяна и всегда по предложению хозяина дома.

Умение радоваться жизни и быть весёлым человеком ни коим образом не было связано с укладом его жизни, уровнем жизни и материальной обеспеченностью. Застолья, шутки и прибаутки, предлагаемые тосты, весёлый непринуждённый смех – всё это было своего рода «защитной реакцией», борьбой с такой скоротечной, суетной, неумолимой, подчас жестокой и беспощадной жизнью, способом на какое-то мгновение отвлечься, забыть о своей смертности, о том, что «мы в жизни гости все», что человек – всего лишь песчинка перед лицом вечной природы и бездны мироздания. В частых застольях с большим удовольствием принимали участие и непринуждённо веселились и очень состоятельные люди, и бедные представители творческой интеллигенции, и сельские жители, и идеологические оппоненты... Туманян старался претворить в жизнь и сделать обыденным явлением «самое трудное дело» - умение радоваться жизни и дарить людям радость, какой бы суровой ни была действительность.

Поэт лучше кого бы то ни было знал значение и цену каждого слова. Он словно смаковал слова в каждой своей беседе, произнося очередной тост, пересказывая какую-нибудь историю, легенду, предание. Он неоднократно признавался, что во время общения с людьми занимался творческой деятельностью. В обращении со словами поэт был очень требователен и скуп, в его речи трудно было найти лишние слова и ненужные, необязательные речевые обороты. Насколько щедрым и расточительным он был в жизни, настолько скупым был в своих речах.

В отведённые поэту годы реалии жизни были настолько ужасными и суровыми, что искреннее веселье становилось почти невозможным, а это могло весьма пагубно отразиться на душевном здоровье всего народа. «Какой замечательной штукой был глупый тарарам, бессмысленное веселье, беззаботное, небрежное наслаждение! Если бы не всё это – человек сошёл бы с ума» (9, 161). Чувство удовлетворённости достигнутым и умение веселиться поэт считал «самым трудным делом в жизни»¹. Того же мнения придерживался и полководец Андраник, предлагая добавить к известной формулировке Туманяна «у пирующего всегда будет пир» свою версию афоризма: «у печального всегда будет печаль».

Имея в виду организованные Туманяном застолья относительно спокойных 1900-х годов, дочь поэта Нвард пишет: «Отец был весёлым Гасаном своей сказки. Устраивал пиры на пустом месте. Не следует думать, что он закатывал пиры потому, что у него было

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 83.

много денег и времени. Известно, и близкие ему люди прекрасно об этом знают, что он устраивал пиры в долг, либо на случайно полученные деньги»¹. Эту же мысль в своей интерпретации передаёт Вардгес Агаронян: «Ованес Туманян зарабатывал свой хлеб в трудах праведных, однако тратил деньги подобно богатому, щедрому князю. Богатому душой Туманяну казалось, что и карманами своими он тоже богач»². Один из известных тифлисских «денежных мешков» Амбарцум Меликян был большим любителем литературы и искусства и время от времени приглашал писателей и деятелей искусства к себе домой на обед. Во время одного из таких пиров Туманян сказал: «Амбарцум, пусть тебе не кажется, что ты богаче меня. Я намного, намного богаче тебя»³. И пригласил всех собравшихся прийти в следующее воскресенье к себе на обед.

В сказке «У пирующего всегда будет пир», название которой стало крылатым словом, Туманян писал: «Для пира не надо много денег. Человек может весело жить и на самый маленький заработок». Эту мысль своего сказочного героя поэт развивал во время застолий: «Всё дело в человеческом сердце... держи своё сердце в веселье, пируй, а деньги – что такое деньги, чтобы человек о них думал?»⁴.

Туманян-тамада во время застолий часто упоминал средневековых поэтов Востока – Саади, Хафиза, в особенности Омара Хайяма. Он хотел научить окружающих его людей искусству радоваться жизни, наслаждаться жизнью, научить их культуре жизни. И советовал, подобно Хайяму: **«Представь себе, что ты уже умер, и считай эти дни находкой для себя и пируй, живи для себя, наслаждайся сегодняшним днём»**⁵. Иногда он приводил слова египетской песни о суетности жизни: «Живи весело, живи сердцем, живи этим днём»⁶. По образному определению Аветика Исаакяна, он «повсюду носил с собой солнце радости, давал свет и жизнь»⁷.

В апреле 1908 года Туманян пишет: «Должен сказать, что в это тяжёлое и смутное время я совсем взбесился, как это заметил каждый. То и дело пирую. И действительно, что ещё нам остаётся делать? Видишь, что этот мир – пустая и глупая штука, а ты, словно гость, пришёл сюда на несколько дней и завтра или послезавтра уй-

---

¹ Там же, с. 45.

² В. Агаронян, «Человек и поэт», Бостон, 1936, с. 71.

³ Там же, с. 72.

⁴ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 45.

⁵ Там же, с. 83.

⁶ Там же, с. 219.

⁷ Ав. Исаакян, Собр соч. в 6 тт., т. 5, с. 287.

дёшь – очень краткая и ясная истина. И вот, пусть каждый делает, что хочет. Дело вкуса» (10, 40).

Ованес Туманян очень серьёзно относился к организации застолий. «Его застолье было делом», – пишет его дочь Нвард. Поэт приглашал друзей и близких знакомых, руководил застольем, предлагал тосты, веселил собравшихся своими шутками и анекдотами. «Он жил весело и радовал других, учил их весело жить на свете»¹. Именно такого жизненного принципа придерживался герой его сказки ремесленник Гасан. Конечно, не следует сбрасывать со счёта и то обстоятельство, что пиры и застолья помогали Туманяну хоть на какое-то время отвлечься, забыть, отрешиться от житейских, бытовых проблем, от великого множества дел, забот и обязанностей, от печали и тоски, от тяжёлых мыслей о судьбах своих многострадальных соотечественников.

Туманян был способен организовывать весёлые застолья и пиры даже в смутные годы кровавых межнациональных столкновений. Более того, «застольное вдохновение» могло найти на него посреди ночи, и тогда он вставал сам и будил других, приглашал к себе домой заспанных гостей. Так, летом 1906 г. в Дсехе, глубокой ночью, когда все в селе давно уже спали, поэт попросил родных привести на вершину горы Дид зурначи Сукиаса, и чтобы музыкант был «наготове», то есть не забыл прихватить с собой зурну. Туманян в ту ночь пригласил на спонтанную пирушку всех своих родственников, а также «всех, кто любит пировать». На самой вершине горы развели костёр. Заспанные жители села, придя на этот странный пир, не скрывали своего удивления и хотели понять причину и повод этого ночного мероприятия. Поэт им ответил: «Когда вы ушли, я лёг спать, и вдруг мне подумалось о смерти. Я сказал сам себе: что мы оставим в этом мире?.. Кто знает, кто из нас будет жив через год в это же время?»². Заметим, что эти слова произносил человек, который в те дни каждый день и каждое мгновение смотрел в глаза смерти, подвергал свою жизнь смертельной опасности, добровольно взял на себя опасную миссию прекращения межнациональных армяно-татарских столкновений. Эти слова произносил тридцатисемилетний патриарх своего народа, лучше всех других осознававший, что «мы в жизни гости все», что все мы

Бредём по суетной стезе,
И ждёт нас царство тьмы.

(Пер. П. Антокольского)

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 46.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 245.

Умение радоваться жизни, жить весело и организовывать застолья было выражением жизнеутверждающего мировосприятия Ованеса Туманяна, которое отразилось в целом ряде его художественных произведений.

Не следует думать, однако, что поэт был искренне рад и беззаботен в часы этих застолий, когда поднимал бокал с вином и провозглашал тосты, когда рассказывал анекдоты и притчи, когда шутил и веселил окружающих людей. Скорее всего, он просто старался помочь другим быть весёлыми, тогда как это больше всего было необходимо именно ему. А оставаться в роли весельчака, когда тебе не до веселья – задача не из лёгких. В этом проявлялись именно те черты, те особенности характера поэта, которые были закрыты для подавляющего большинства его современников. Поэт сам себя характеризовал следующими словами:

Хоть я и лёгким нравом наделён,
Нередко и со мной бывает так:
Смеюсь, тяжёлый подавляю стон,
Я – с сокрушённым сердцем весельчак.
(Пер. Н. Гребнева)

В своих провозглашаемых тостах поэт нередко прятал бесконечные заботы как своей семейной жизни, так и проблемы общественного характера.

Моя душа болит во всякий час,
Она на протяжении многих лет
Невольно и неведомо для вас
Свидетель ваших радостей и бед.
(Пер. Н. Гребнева)

Поэт признавался, что в его переполненном «молчаливыми печалями» сердце гнездятся тревоги. Ему часто приходилось смеяться, когда сердце «незаметно плачет». Поэту стоило больших трудов урезонивать своё сердце, не давать воли своим печалям, не показывать никому свою боль и страдания.

Таким был Ованес Туманян. Он мог в трудные для себя минуты демонстрировать беззаботность и веселье, мог, не имея в кармане даже медного гроша, выставить себя состоятельным человеком, богачом, а настоящие, большие свои душевные страдания скрывать от посторонних глаз...

Не имевший себе равных в руководстве застольями, Туманян-тамада всегда старался подчеркнуть важность чувства удовлетво-

рѣнности жизнью, тем более, когда в тяжѣлые и суровые времена его гости особенно часто сетовали на трудности и лишения. Обращаясь к ним, поэт словно говорил каждому: «Будь доволен, весел и бодр, пусть твоѣ сердце будет весѣлым, это самое трудное в жизни»¹.

Об искусстве Туманяна-тамады руководить застольями и пирами написано очень много. Вардгес Агаронян, в частности, отмечал: «Никто из его современников не мог внести в эти застолья столько благовоспитанной весѣлости, сказать столь выразительные слова, так остро шутить, как это делал Туманян... Он мало ел и, в особенности, мало пил... Бокал с вином был для него источником вдохновения, артерией душевного опьянения...

Руководимые Ованесом Туманяном застолья временами превращались в литературно-художественные вечера. И душою кампании был он, Ованес Туманян, со своим сочным языком, с которого слетали иногда сладостные, иногда острые шутки»².

Иногда Туманяну случалось руководить застольями духовенства. С одним из таких мероприятий связано вручение поэту титула «Всеармянского тамады». После избрания Геворга Пятого Католикосом всех армян для высокопоставленных деятелей духовенства был организован большой пир, тамадой которого был избран Ованес Туманян. Перед тем как перейти к выполнению своих обязанностей, поэт сделал следующее заявление: «Эти люди несколько дней назад в Эчмиадзине избрали Католикоса всех армян. А теперь эти же самые люди приехали сюда и избрали меня тамадой своего застолья. Значит, после этого я больше не простой тамада, а Тамада всех армян»³. Эта шутка сразу же обрела крылья, стала передаваться из уст в уста, нашла широкое распространение и в результате армянский поэт приобрѣл ещё один вполне заслуженный всенародный титул.

На застольях и пирах, руководимых Ованесом Туманяном, как уже отмечалось, собирались «и с особым удовольствием веселились» представители самых разных сословий и политических партий, проживавших в Тифлисе народов, люди разных специальностей – интеллигенты и деятели искусства, рабочие и крестьяне, послы и консулы... Вот почему Туманян, искренне считавший «пир серьезным делом», пытался претворить в реальность это «самое трудное

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 83.

² В. Агаронян, «Человек и поэт», Бостон, 1936, с. 75.

³ Там же, с. 46.

дело» - умение радоваться жизни и дарить людям радость, какой бы суровой ни была действительность.

ПЕЧАЛЬ ПОЭТА

Двадцатое столетие не поскупилось на новые страдания и испытания для армянского народа. Межнациональные армяно-татарские столкновения 1905-1907 гг., Первая мировая война, Геноцид армян в Западной Армении, сотни тысяч беженцев и детей-сирот, лишившихся родины и нашедших пристанище в Восточной Армении, интервенция турецкой армии, гражданская война, кровавая расправа над руководителями и участниками Февральского переворота, разруха, голод, смертельно опасные эпидемические болезни – все эти и другие беды обрушились на армянский народ в первые два десятилетия двадцатого столетия, не обойдя ни одной армянской семьи.

Ованес Туманян прилагал нечеловеческие усилия, чтобы выстоять, выдержать, вынести эти испытания и в меру своих сил и возможностей хоть как-то помочь своим соотечественникам, оказавшимся в крайне бедственном положении. «Безбрежное море армянского горя», преждевременная смерть двух братьев почти совсем обессилили его, а трагическая смерть сына Артавазда уже окончательно подкосила поэта, и он никогда уже больше не оправился от этой боли. Указанные факты, конечно же, были самыми важными, но вовсе не единственными причинами печали поэта. Большие страдания причиняли ему также все катаклизмы эпохи, ложь и фальсификации, несправедливости, падение нравов, деградация общества и многое другое. Разница была в том, что в подобных случаях он мог выплескивать свой гнев и своё негодование, мог говорить и писать об этом, а свою личную боль он носил в себе и старался не показывать её окружающим, не делился болью даже с родными, чтобы не осложнять им жизнь.

Ованес Туманян особенно тяжело переносил в своей жизни три большие потери – смерть отца, своего старшего друга Газароса Агаяна и сына Артавазда. Все три смерти он переживал молча. Поэт, как мы уже говорили, никогда в жизни не сетовал на судьбу, не проявлял недовольства. Об этом свидетельствуют многие его современники – Ованес Тер-Миракян, Ширванзаде, Геворг Месьян, а также родные, домочадцы, друзья поэта. Общее тягостное молчание, воцарившееся среди армянской интеллигенции Тифлиса в связи со смертью Газароса Агаяна «сделало ещё более ужасным молчание

Туманяна. Слёзы первых минут уже больше не появились»¹. «Он не плакал, но было заметно, что в его глазах накопились слёзы... слёзы иссякли, но в месте с ними иссякли и его слова. Он не мог ни плакать, ни говорить о нём (об Агаяне – С. О.)»².

Все ожидали, что поэт в эти дни напишет и опубликует какую-нибудь статью, или скажет что-то о своём друге. Именно так вёл себя Туманян в дни смерти какого-либо более или менее известного писателя или деятеля культуры. Однако на этот раз он молчал – как на кладбище, так и на страницах газеты «Оризон», которую редактировал в это время. Стоял понуро и на любой вопрос об Агаяне отвечал одним лишь кивком головы. Ожидания тифлисской интеллигенции так и не оправдались, и ко всеобщему удивлению, поэт «ничего не написал и не сказал»³. Туманян молчал и по другой причине: у него было свойство делиться со всеми своими радостями, но слёзы свои и своё горе он держал в себе. И глубина его боли, его печали также была известна лишь ему. По словам Забел Есаян, «Печаль этого жизнелюбивого человека с большим сердцем была душещипательной»⁴.

По признанию Ваана Тотовенца, он видел слёзы Ованеса Туманяна всего лишь два раза: в первый раз – во время похорон литературоведа Мамбре Матенчяна, и ещё – когда поэт прочитал известие о трагической гибели сына Артавазда. «Тихо, медленно катившиеся слёзы, которые прожигают веки... слёзы были прозрачные, но они омрачили бесконечную ясность его глаз»⁵. Прочитав в газете сообщение о смерти сына Артавазда, «Туманян сидел за обеденным столом и проливал горькие слёзы, которые чем молчаливее проливаются, тем душещипательнее и горше становятся. До сих пор помню его слёзы, прозрачные капли слёз великого поэта, такие же прозрачные, как весенняя роса и такие же жгучие, как капли расплавленного серебра»⁶.

Слёзы Ованеса Туманяна видели также сёстры милосердия в Эчмиадзине, у телеги с трупами армянских беженцев и детей-сирот. Видел его слёзы и литературовед Тигран Ахумян в 1918 г., во время бегства населения из Караклиса. Провожая колонны беженцев, поэт пытался хотя бы немного развеять и отвлечь их, рассказывал анекдоты, веселил их, беззаботным тоном желал им спокойной ночи, затем садился на пенёк и предавался мрачным думам. И всё же, почти

---

¹ «Газарос Агаян в воспоминаниях современников», Ер., 1967, с. 154.

² «Туманян в воспоминаниях современников», с. 620.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 163.

⁵ Там же, с. 146.

⁶ Там же, с. 147.

во всех случаях люди видели слёзы Туманяна случайно, потому что он всегда старался и умел скрывать их. По мнению Дереника Демирчяна, «Туманян обычно был мужественным, был философом, и в несчастьях, общественных или личных, был настоящим мужчиной, но именно это было причиной того, что он мучился более глубоко... Туманян был неузнаваем в часы печали. «Улыбчивый поэт», «вечно улыбчивый Туманян», «жизнелюбивый поэт» - такими словами обычно характеризуют Туманяна говорящие о нём люди. Но у Туманяна был внутренний, потаённый мир: когда он говорил о своих личных переживаниях, он совершенно менялся. Умолкали шумы окружавших его канцелярий, правлений, посетителей, исчезали будничные проблемы, и Туманян говорил о своих горестях и мыслях»¹.

Поэт хранил молчание в самые трудные моменты своей жизни. Аветик Исаакян рассказывает, как он прощался с Туманяном после похорон Газароса Агаяна. «Непередаваемы эти тяжёлые секунды прощания. Была уже поздняя ночь. В последний раз мы обняли друг друга: мы оба молчали, не проронили ни слова»².

Тем не менее, даже в минуты самых тяжёлых испытаний Ованес Туманян не терял душевного равновесия, предпринимал все необходимые действия, и никогда, каким бы огромным ни было его личное горе, не забывал о страданиях и горестях других людей. Так, когда после гибели Артавазда он обращался к разным людям и в разные инстанции, в том числе и консулам, и просил их предпринять необходимые меры, чтобы узнать о местонахождении тела сына и об обстоятельствах его смерти, он никогда не забывал указать, чтобы переправили тела «сына и его товарищей» в Хамадан, обещая «сполна заплатить за всех» (10, 297-298).

В словарном запасе гордого, до щепетильности честолюбивого поэта выражение «умоляю» почти никогда не встречается, особенно когда речь идёт о проблемах, касающихся его личной жизни. И только в приведённом выше случае он «слёзно умоляет» о том, чтобы ему была предоставлена возможность по-христиански, по-человечески похоронить сына, а заодно и его товарищей.

Ованес Туманян не смог молчать и в те судьбоносные исторические дни, когда горе было всенародным, когда на краю гибели оказался целый народ, когда смертельная угроза нависла над его страной. Когда горе носило всеобщий, всенародный характер, он находил в себе силу проявить философскую выдержку и хладнокровие и направлял стрелы своего праведного гнева и протеста не в

---

¹ Там же, с. 41-42.

² Там же, с. 19-20.

сторону совершивших Геноцид турецких янычаров и курдских головорезов, а в сторону человека-зверя вообще, в сторону зла как явления, как философской категории.

Вообще Туманян скорбел глубоко, его печаль во многих случаях, независимо от воли поэта, передавалась окружению. Такая непреходящая скорбь охватила его, когда Забел Есаян рассказала ему о мученической смерти Григора Зограба.

По меткому определению Ваана Тотовенца, поэзия Туманяна представляет собой «сильное столкновение радости и печали»¹. По словам Забел Есаян, «он с волнением и возвышенным чувством склонял голову перед человеческим страданием, словно чувствуя личную ответственность в отношении этого страдания»².

По признанию самого поэта, радость и печаль в его душе сталкиваются, словно две могучие стихии.

Моя душа, как небеса весной;
То солнечно и тихо всё кругом,
То вдруг голубизну закроет тьмой
И тишину расколет близкий гром.
(Пер. Н. Гребнева)

Жизнь Туманяна также являла собой столкновение двух таких стихий – счастья и страдания, радости и скорби. Она являла собой столкновение осуществлённых деяний и подвигов, с одной стороны, и оставшихся неосуществлёнными планов и программ – с другой.

Туманян был самым большим носителем страданий армянского народа, армянского горя и армянской скорби, которые, по велению сурового времени, ни на секунду не покидали его.

Армянское горе – безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и чёрном просторе
Душа моя скорбно плывёт.
(Пер. В. Брюсова)

Ованес Туманян со всей глубиной пережил общенациональную катастрофу, великую трагедию, постигшую население Западной Армении, потерю исторической родины; в душе поэта преломились судьбы десятков и сотен тысяч армянских беженцев и детей-сирот, которые именно в нём искали для себя надежду и опору, счи-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 148.

² Там же, с. 156.

тая его своим отцом и называя его «Айрик». Наконец, скорбь, душевная боль поэта достигла своей вершины, стала огромной, бесконечной и непреходящей, когда он поехал в Эчмиадзин и воочию увидел тысячи несчастных, умирающих от голода и смертельных болезней людей, беженцев и детей-сирот, и не просто увидел, а стал заботиться о них, заниматься организацией их спасения...

ГНЕВ ПОЭТА

Ованес Туманян был на редкость уравновешенной личностью, никогда не терял самообладания, однако в минуты гнева мог стать неузнаваемым. Своим острым, уничтожающим сатирическим словом он был способен вывести из терпения, довести до «белого каления» своих идейных противников и оппонентов. Один из них, печально известный журналист Амбарцум Аракелян, даже обратился в суд, чтобы отстоять свою честь и достоинство. И хотя он не достиг никакого результата, но при этом сумел основательно отравить жизнь великого поэта. Причин для недовольства и гнева у Туманяна было предостаточно: это несправедливости, с которыми людям приходилось сталкиваться на каждом шагу, бесчисленные примеры падения нравов, повсеместная ложь, подлоги и фальсификации, низкопоклонство, торжество зла и воинствующего невежества. Общеизвестно, что гении, великие люди вызывают у посредственностей неприкрытую злобу и зависть, вселяя в них комплексы, чувство собственной неполноценности. Неудивительно поэтому, что окружавшие Туманяна посредственности всячески старались заявить миру о себе, бросив тень на своего выдающегося современника, уколоть его, причинить ему боль, вымещая на нём свою несостоятельность и ограниченность. Туманяну также пришлось пережить драму великих душ, и он был вынужден мириться с завистью, малодушием и ревностью бездарных писак. Очень часто они совершали нападки на поэта из мелочной злобы, будучи не в состоянии спокойно смотреть и переносить величие и всенародную славу Туманяна. Их устраивала слава в любой форме, в любом проявлении, пусть это даже будет слава Герострата. И надо сказать, что в определённой степени они преуспели. Так, имя литературного критика Рубена Драмбяна приобрело печальную известность и стало нарицательным. И даже получило собирательную форму – «драмбязнизм», которая воспринимается как символ провинциальной ограниченности и тупости. «Крохотные, мелочные, полностью состоящие из желчи и мизерных страстей», – как характеризовал их Ованес Туманян, – эти люди называли самого национального поэта «агентом европейского империализма», «растлителем юного поколения», «клоуном и скоморо-

хом», «нравственным чудовищем», «паразитом», «тунеядцем, сидящим на шее армянского общества», «поборником мракобесия», «фальсификацией с ног до головы», «клеветником», «злопыхателем», «не знающим родного языка», «плагиатором, не выдерживающим образовательного воздействия критических разоблачений», «символом застоя нашей интеллектуальной жизни и подрыва нашего прогресса», «разрушительной чумой национальной деятельности», чьи сказки являются «грязью нашей жизни»¹.

Конечно, эти целенаправленные ядовитые выпады и уколы в адрес всенародного любимца не могли не обеспокоить и не привести в негодование прогрессивных представителей армянской творческой интеллигенции. В письме, подписанном Вааном Терьяном, Цолаком Ханзадяном и Погосом Макинцяном, говорится: «Да будет известно, что армянский народ должен быть навеки обязан Туманяну. Ни одно ругательство не может быть в состоянии омрачить красное солнце нашей литературы: оно будет сверкать, пока жив наш народ»². О том, насколько был обижен сам Туманян и как близко к сердцу принимал он эту бесшабашную, огульную газетную брань, можно судить по его исполненному горечи признанию: «Если бы нечто подобное написал какой-нибудь русский журналист, то ему навряд ли удалось бы опубликовать это в одной из известных русских газет, и даже если бы он это опубликовал, то что бы ему ответила... читающая общественность, которая знает цену писателю и литературе?» (6, 439).

Среди литературных критиков эпохи были не только оголтелые, откровенные злопыхатели вроде Рубена Драмбяна, Амбарцума Аракеляна, но и такие, которые не понимали и не ценили поэтического творчества Туманяна. Поэту доставляло боль и душевные страдания такое непонимание его поэзии. Он признавался, что нередко чувствовал себя в положении Григора Просветителя, когда тот лежал в пропасти Хор Вирап в окружении змей и скорпионов (9, 419). Нельзя не согласиться с мыслью поэта, что вся его жизнь была «цепью бесконечных тревог» (9, 230). Вполне убедительно звучат и другие его слова: «Я хотел стать драматургом, писать драмы, а стал героем вот такой драмы, и мне кажется, я нахожусь в четвёртом действии» (9, 229).

Ничто не причиняло Ованесу Туманяну столько душевной боли и страданий, сколько тупость и невежество, арсенал оружия которых зиждется на человеческой низости и подлости. Тупость и невежество, ко всему прочему, вызывали активное неприятие и гнев

---

¹ «Мшак», Тифлис, 1909, №№ 179, 187, 189, 193.

² «Оризон», Тифлис, 26 января 1914, № 19.

поэта ещё и потому, что всегда ходили рука об руку со злом и завистью.

В минуты своего негодования и гнева Ованес Туманян был настолько же принципиален и неуступчив, насколько бывал оптимистичен в минуты радости и воодушевления. Большей частью он не считал нужным отвечать своим личным врагам и литературным критикам, предпочитая игнорировать их. «Я всегда презирал их», – отмечал поэт (6, 439). Он презирал и игнорировал их хотя бы потому, что придерживался жизненного принципа: всё, что ты делаешь другим, возвращается к тебе, подобно бумерангу. «Сколько бы крот ни нарыл земли, он насыпает её себе на голову» (6, 445). Если же чьи-то ошибки носили случайный характер и допускались по неведению, то есть в силу того же невежества, это причиняло поэту только боль, вызывало его озабоченность и сожаление, но никогда не пробуждало в нём чувства негодования и гнева. «Ну как можно сердиться на человека, допустившего ошибку, и на невежду?», – говорил он (6, 434).

Ованес Туманян никогда и ни при каких условиях не потакал лжи, фальсификации, подлогу, жестокости, падению нравов – в какой бы форме они ни проявлялись. Мишенью его гнева был малодушный и завистливый человек, который не находил в себе сил, чтобы подняться выше и поэтому, побуждаемый завистью и ревностью, принижал других, который оскорблял и осознанно компрометировал своих оппонентов, не приводя никаких доказательств и аргументов, потому что руководствовался своей озлобленностью и ожесточённостью, потому что он находится внизу. Сам поэт неоднократно признавался: «Я очень терпим к любому мнению, но никогда не переношу злонравие и плохих людей»¹. Туманяна всегда огорчало то, что злонравие отравляет не только человеческие способности и чувства, но и общественные отношения, оказывается повсюду – «и в деле, и в слове, и даже во взгляде»². И оно всегда готово ранить «жалящим языком»³.

Больше всего поэта возмущало то, что зло и лицемерие проникают в мир искусства, где каждый вступающий обязан быть «культурным, добрым и честным» и должен иметь «прежде всего чистое сердце и искреннее отношение»⁴.

Ованес Туманян не был бы самим собой, если бы не был столь непримиримым врагом зла во всех его проявлениях. Причинами его

---

¹ Там же.

² Там же, с. 435.

³ Там же, с. 441.

⁴ Там же, с. 429.

гнева были также нездоровая атмосфера в армянской действительности, непримиримые противоречия между отдельными личностями и целыми народами, а также тот тип человека, самая главная цель которого – душисть, бить, насмехаться, наносить личные оскорбления, при случае идти на подлог и фальсификацию, притворяться, «причём настолько... чтобы положить руку на голову великого человека, учить его уму-разуму, который говорит то, чего не думает»¹.

Гнев поэта представлял собой справедливый и прямодушный протест «против зла и лицемерия»². Он всегда подчёркивал взаимосвязанность и единство этих двух явлений. «**Зло всегда лицемерно**», – говорил поэт³. Туманян полемизировал со своими оппонентами, сохраняя в душе безмятежность и невозмутимость. Он не озлоблялся и не ожесточался. Причины гнева поэта были намного глубже и серьезнее, нежели личные выпады жалких, ущербных недоброжелателей, хотя временами в его публичных ответах проскальзывала, давала себя знать обида и уязвлённость за оскорблённое чувство человеческого достоинства.

По мнению Туманяна, неделимыми составными частями зла являются «лицемерие, тупость, зависть, лжеречивость»⁴. Поэт был глубоко убеждён, что зло – это вечная, непреходящая категория: «**А злу конца и края нет, проклятье злым делам**». Ещё раз отметим, что слова проклятия из уст поэта исходили только и только в адрес зла как собирательного понятия, как философской категории, и никогда, ни единого раза не были в адрес личных врагов и даже в адрес заклятых вековых врагов армянского народа, лишивших его исторической родины, ответственных за его геноцид и насильственную депортацию. Но даже против понятия зла и в жизни, и в художественном творчестве поэт всегда боролся уравновешенно, крайне редко выходя из себя и давая волю своему гневу.

ИНТУИЦИЯ ПОЭТА

Интуиция была одной из форм проявления сверхчувствительной, очень эмоциональной натуры Ованеса Туманяна. Незаурядная способность поэта предвидеть и предсказывать грядущие события была существенной составляющей его мироощущения, одним из важных способов познания мира. Есть множество свидетельств его

---

¹ Там же, с. 437.

² Там же.

³ Там же, с. 441.

⁴ Там же, с. 444.

сверхчувственной связи и коммуникации с самыми близкими ему людьми.

Не один раз Туманян пытался анализировать свои предсказания и догадки. Он был уверен, что «инстинкт – великая вещь, самое существенное, и здоровым инстинктом наделены немногие. Чувствуют многие, немногие предвидят»¹. Поэт прекрасно знал, что он – один из этих немногих. «Интуиция – самая могучая вещь, то же и ясновидение, откровение, – писал он. – У интуиции – стремительность молнии, мгновенно освещает, у неё – мощь вулкана, извергается яростно»². Вот почему на закате жизни поэт завещал детям «быть здоровыми, иметь глубокую интуицию, всё чувствовать, знать»³.

Свои размышления об интуиции Ованес Туманян неоднократно выражал как в устных беседах, так и в художественных и даже в публицистических произведениях, а также в незавершённых исследованиях, письмах и т.д. В одной из статей 1910 г. поэт признавался: «У меня всегда был верный, прямой и могучий предводитель – и это был мой инстинкт: он меня выручал и покровительствовал мне» (6, 513-514).

Предчувствуя почти все более или менее важные события своей жизни и своего времени, Ованес Туманян даже вознамерился отвести в своей подробной автобиографии особое место интуиции, телепатии и вещим снам. Поэт искренне верил силам, таящимся в глубине человеческой души. «Вещий сон, предчувствие, – писал он, – это великие и важные вещи. В своей автобиографии я выделю особое место для моих снов, предчувствий»⁴.

Предчувствие как одно из самых сложных и очевидных ощущений человеческой души с особенной силой проявляется, в частности, в судьбоносные моменты жизни человека, накануне ожидаемой опасности, угрозы. Жизнь Туманяна в этом смысле также не составляла исключения.

Предчувствия поэта осуществлялись очень часто, его способность предугадывать надвигающиеся исторические события в армянской действительности и в социально-политической жизни народа была хорошо известна не только самому близкому окружению поэта, очень многим его современникам, но и соседним народам. Многие авторы воспоминаний о Туманяне указывали на его способность предвидеть и предсказывать будущее. Так, западноармянский

---

¹ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 199.

² Там же, с. 216.

³ Там же, с. 149.

⁴ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 216.

актёр Мкртич Джанан в своих воспоминаниях пишет: «Как-то на Кавказе мне рассказали даже, что в районе Лори турки величают Туманяна ясновидцем. И действительно, Туманян был дальновидным и ясновидцем»¹. В связи с этим Сергей Городецкий пишет: «Его оптимизм не имеет ничего общего с добродушием, это настоящая прозорливость. Он родился, чтобы выполнить постепенно передаваемое забвению в современной культуре предназначение поэта – быть предсказателем, быть пророком, быть провидцем»².

Это своё качество Ованес Туманян унаследовал, перенял от своих родителей, в особенности от матери. «Мои отец и мать, – пишет поэт, – были наделены удивительной способностью предчувствия и ясновидения, видели вещие сны. У каждого из них были уже испытанные сны... А мать моя до сих пор поражает меня своими предчувствиями, своим ясновидением и пророческими снами»³.

В своих набросках к статье «Сон в моей жизни» Туманян свидетельствует: «Не ошибусь, если скажу, что в моей жизни не было ни одного случая, которого бы я не предчувствовал заранее и не предвидел. Когда я говорю, что предчувствовал и предвидел, то имею в виду предвидение не только наяву, но и во время сна, в индизобразительной форме, в изображениях, в символах» (8, 429).

По разным поводам и случаям Ованес Туманян признавался в этом своем особом природном даре. Согласно утверждениям поэта, он предвидел русскую революцию 1905 г. Летом 1904 г. в Шулавере поэт увидел во сне, что “небо над степью России разорвалось, и стали проливаться кровь и гной; небо покраснело, почернело”⁴. На следующий день он стал заверять всех и каждого, что скоро в России начнётся революция, причём был настолько уверен в своих предсказаниях, что даже заключал пари⁵. А по свидетельству Д. Демирчяна, Туманян предсказал начало кровавых межнациональных столкновений в 1905 г. между армянами и кавказскими татарами, причём сделал это задолго до начала событий⁶.

В разное время и на очень большом расстоянии поэт почувствовал вначале смерть своего отца Тер-Тадевоса (1898 г.), а затем и убийство брата Ростом (1915 г.).

20 июня 1911 г. в девять часов пятнадцать минут утра, в тот самый момент, когда скоропостижно скончался Газарос Агаян, с ко-

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 822.

² Там же, с. 891.

³ Там же, с. 430.

⁴ Там же, с. 188. Нвард ошибочно указывает 1905 год. На самом деле Туманян был в Шулавере годом раньше.

⁵ Там же.

⁶ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 31.

торым за день до этого он мирно беседовал у себя дома, Туманян во сне чётко увидел образ своего близкого друга, старшего собрата по перу и родного человека для всего семейства Туманянов. Поэт увидел Агаяна умершим, причём видение это полностью совпадало с реальным фактом смерти писателя (6, 360).

В начале 1912 г., когда Туманян находился в Петербурге в качестве политического заключённого и ему реально грозили пожизненная ссылка или смертная казнь, он предчувствовал не только то, что царский суд его полностью оправдает, но и то, что сам государственный обвинитель, чьим предназначением является обвинение, примет его сторону и станет его защищать (10, 540).

Находясь в петербургских тюремных застенках, Туманян как-то увидел во сне, что его отец стоит на перекрёстке светлого и тёмного миров. Он препроводил стоявшего на тёмной дороге сына к светлой дороге. По словам Нвард Туманян, “после того как отец увидел этот сон, он успокоился в тюрьме и был уверен, что его оправдают”¹.

Позднее, в феврале 1921 г., когда Туманяну необходимо было пересечь границу между большевиками и дашнаками, из-за гражданской войны оказавшимися по разные стороны баррикад, поэт оказался под двойным обстрелом, однако невозмутимо продолжал идти вперёд, будучи уверенным, что раз уж он не предчувствовал своей гибели, значит, ни одна шальная пуля в него не попадёт. И действительно, ни одна из сотен пуль, летевших в сторону поэта, не задела его (10, 379).

9 марта 1922 г., уже находясь в крайне тяжёлом состоянии, во время операции в больнице Шахпароняна поэт предугадал, что в его организме есть опухоль – что-то, что необходимо “вырезать”, однако врачи не удалят её из-за того, что не придут к согласию, к единому мнению на этот счёт². Заметим в этой связи, что в марте 1922 г., когда поэту ещё не был поставлен правильный диагноз и, по мнению врачей, его могли вылечить в Европе, Туманян увидел во сне свою смерть и похороны³.

Ещё до начала мировой войны, летом 1914 г., поэт уже предчувствовал надвигающееся страшное всепоглощающее бедствие, грядущие ужасные события и ожидающую армянский народ великую трагедию. Об этом рассказывает Нвард Туманян: «В Цагвере настроение у него было плохое. В душе были какие-то печальные

---

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, с. 190.

² Там же, с. 255.

³ Там же, с. 190.

переживания»¹. Об этом же своём нехорошем предчувствии уже значительно позднее говорит и сам поэт. В статье «Возможное и желаемое» читаем: «И я думаю теперь, что по прошествии нескольких лет мои соотечественники должны быть рады, что их поэт ещё задолго до войны очень верно воспринял и ясно сказал всё то, что произошло впоследствии... Мною руководило предвидение поэта... многие, возможно, удивятся, если скажу, что в месяцы, предшествовавшие войне, я настолько чётко чувствовал войну, что даже написал специальное стихотворение, даже хотел напечатать его в журнале «Осанк» (7, 466). Туманян счёл не совсем удобным передать стихотворение для публикации, поскольку оно всё ещё оставалось недоработанным.

Поэт догадывался с помощью интуиции, видел глазами души и передавал бумаге увиденные во сне ожидаемые, надвигающиеся ужасы, то, что ещё не произошло, но не сегодня-завтра непременно произойдёт. Так создавалось, в частности, стихотворение «Стреляют ружья в сердце у меня». Возможно, оно было написано под непосредственным впечатлением сновидения, увиденного поэтом в ночь с 25 на 26 января 1914 г. В письме жены поэта Ольги сыну Артавазду от 26 января 1914 г., читаем: «Вчера ночью отцу приснился плохой сон, у него было плохое настроение»².

Почти во всех строках упоминаемого стихотворения описываются те ужасы, которые вскоре предстояло пережить армянскому народу. В своём воображении поэт настолько ярко и чётко видел картины резни и погромов, что проклинал сильных мира сего и тех, чьими руками совершалось это величайшее злодеяние.

Неразрывной составной частью интуитивных способностей Ованеса Туманяна была телепатия – восприятие явлений на расстоянии. Можно сказать, что поэт был наделён шестым чувством. Телепатия Туманяна распространялась как на родных, так и на близких, «духовно родственных» друзей. Именно таким очень близким другом был Газарос Агаян, который также был наделён даром телепатии и время от времени видел вещие сны. В своих беседах друг с другом, а также в статьях и переписке оба писателя часто затрагивали тему вещих снов, считая их проецированием подсознания в реальном сознании. В то самое мгновение, когда Агаян скоропостижно скончался из-за остановки сердца, Туманян мысленно увидел смерть своего друга, причём довольно точно, именно так, как это случилось на самом деле. Вообще оба закадычных друга чувствовали события, происходившие в жизни каждого из них. Этому есть

---

¹ Там же, с. 114.

² Переписка семьи Туманяна, с. 58.

достаточно много свидетельств и подтверждений. Их телепатическая взаимосвязь может считаться веским аргументом в пользу существования духовных побратимов, духовных близнецов. Так, весной 1902 года, глубоко за полночь, Агаяну привиделось во сне, что Туманян заболел, что ему серьёзно нездоровится, настолько серьёзно, что он упал в обморок. Не на шутку обеспокоенный, как бы с его другом не приключилась беда, он отправляется к Туманяну в три часа утра и с улицы, не поднимаясь на верхний, пятый этаж, начинает кричать: «Эй, парень, ты жив?». Туманян, проснувшись, ответил ему сверху: «Да, а что?». «Ну, как ты там, здоров?»¹. И уже утром Агаян рассказал о своём дурном сне (6, 359). В свою очередь, Ованес Туманян отчётливо представил себе умирающего Агаяна. Поэт работал за своим письменным столом, как вдруг перед его глазами предстал рухнувший на землю Агаян. «Во время моих мирных размышлений, – рассказывал позднее Туманян, – вдруг передо мной сверкнул какой-то образ, какой-то живой и жуткий образ... Газарос передо мной рухнул на землю, как подкошенный... умер... в горе и растерянности я начал искать имена близких родственников, чтобы узнать, где они, чтобы телеграфировать... Кое-как постарался преодолеть себя, сдержать волнение»². Под воздействием зловещего видения поэт оказался не в состоянии продолжать свою работу. Он начал беспокойно шагать по комнате и рассказал вошедшей жене о своём видении и нехорошем предчувствии. В этот момент в комнату вошёл взволнованный сын поэта и сообщил о смерти Агаяна³.

Предчувствие, внутренний голос, голос души были для Ованеса Туманяна неразделимыми спутниками творческого мышления. Он считал художественно-эстетический вкус одним из главных признаков поэтического дарования. Другим важнейшим признаком поэтического таланта поэт считал «предчувствие, интуицию, воображение, чувство гармонии»⁴. Иногда он передавал понятие интуиции другими словами и выражениями: наитием, догадкой, ознобом, «священным трепетом». По словам поэта, именно благодаря своей интуиции творческая личность оказывается способной вдохновляться, и тогда в её душе «приходят в движение интуитивные чувства», и тогда душу охватывает тот «великий трепет», то творческое воодушевление, то вдохновение, из которых рождаются поэтические строки. «Поэт сам себя понимает больше всех и лучше всех, и его

---

¹ «Газарос Агаян в воспоминаниях современников», с. 260.

² Там же, с. 360.

³ Там же.

⁴ Н. Туманян, «Воспоминания и беседы», с. 179.

внутренний инстинкт и интуиция являются лучшими его предводителями» (7, 302).

Туманян был уверен, что непредумышленные, спонтанные проблески интуитивных чувств вместе с воодушевлением, священным трепетом, чувством гармонии являются необходимыми составляющими «творческого состояния», без которых сочинительство, создание художественных произведений невозможно, и без них ни один поэт не может считаться поэтом. «После Творца только поэт занимается творческой деятельностью. Да, очень верно. Творят Бог и поэт... Оба из ничего создают великие творения, оба создают по образу своему, оба оказываются среди своих творений... Конечно, поэт-индивидуум – тленный человек. Я имею в виду душу поэзии – когда-нибудь она скажет своё животворящее слово: да будет свет – и будет свет» (6, 410-411).

Догадки и предчувствия Ованеса Туманяна, его пророческая способность предсказывать грядущие события не могли не найти своего отражения в художественных произведениях поэта. Как и многие другие творческие личности, Ов. Туманян сочинял свои произведения и во сне. Известно, что одним из самых ярких проявлений творческого процесса является «наитие», интуитивное «сверкание мысли». Поэт часто создавал свои произведения под воздействием образов своих сновидений. Об этом сохранились многочисленные свидетельства современников. Так, Тигран Пирумян пишет: «У него есть привычка вставать посреди ночи с постели и записывать внезапно пришедшие на ум строки. Он также часто говорит во сне стихами и, проснувшись, записывает»¹. Случалось так, что поэт во сне находил слово, над которым до этого мучился месяцами и всё никак не мог найти. Во сне он мог найти также соответствующую форму для оформления своих мыслей и переживаний. Примечательна и поучительна в этом смысле история двух четверостиший поэта. Сегодня в музее Туманяна, в рабочем кабинете поэта рядом с тахтой висит ящик для четверостиший. В последние годы своей жизни поэт писал посреди ночи четверостишия и клал их в этот ящик. Однажды ночью он встал с постели и, не зажигая лампы, записал приснившееся ему четверостишие. Спустя некоторое время ему приснилось ещё одно четверостишие, и он снова, не зажигая лампы, записывает его, не замечая, что под рукой у него оказался всё тот же листок бумаги. Так вот, впоследствии он никак не смог вспомнить и восстановить эти два четверостишия. Не смогли сделать это и специалисты-почерковеды, и стихотворения эти по сей день остаются непрочитанными.

---

¹ «Туманян в воспоминаниях современников», с. 345.

В художественных произведениях Ованеса Туманяна мы находим множество примеров, когда герои видят вещие сны, проявляют во сне душевную активность, действуют по подсказке, по велению наития и интуиции. Пересказывая сны своих героев, поэт психологически подготавливает читателя к последующим действиям и событиям. В художественном творчестве Туманяна сон и действительность нередко фигурируют в тесном переплетении, в единстве. В произведениях поэта немало героев, наделённых способностью предчувствовать и предсказывать грядущие события, их сны часто оказываются вещими и символическими.

***

Ованес Туманян, еще при жизни своей именуемый Поэтом всех армян, – самый народный, национальный поэт своего народа. И совершенно не устарели и не устареют никогда слова Валерия Брюсова, сказанные им более века назад: «В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешённая и запечатлённая в стихах большим мастером»¹. Все творчество Туманяна – и не только поэзию, но и художественную прозу, и публицистику – отличается глубочайшее проникновение в жизнь своего народа, в его дух, судьбу, психологию, нравственные представления, идеалы...

Однако наследие Туманяна, как и каждого истинно народного, великого поэта, отнюдь не укладывается в сугубо национальные рамки. Вот как сказал об этом поэт, литературовед, публицист Сергей Наровчатов: «Творчество Туманяна давно перешло национальные границы и стало достоянием общечеловеческим. Это светлая судьба тех поэтов, которые, оставаясь на родной почве, обнимают свои гением всю землю. Туманян по праву входит в когорту великих писателей-гуманистов начала XX века...»². Из этих писателей Наровчатов называет Ромэна Роллана, Анатоля Франса, Томаса Манна, Бернарда Шоу и других. Но можно раздвинуть хронологические рамки этих параллелей, вспомнив строки великого армянского поэта Егише Чаренца, посвященные Туманяну:

Его читая, я постиг: лориец гениальный
С Гомером, с Гёте – равный гость в беседе на пиру...³
(Пер. В. Бугаевского)

¹ Брюсов В. Армения. В двух книгах. Книга 1, Ер., «Советакан грох», 1988, с. 123.

² С. Наровчатов. Великий поэт и гражданин. В сб.: Туманян-100. Юбилейная летопись.

³ Е. Чаренц. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», 1973, с. 243.

И действительно, Туманян – это явление мировой культуры. И его имя может стоять в одном ряду с такими именами в мировой литературе, как Гомер, Гете, Шекспир, Сервантес, Пушкин...

Туманян и в своей прозе, в своих рассказах и сказках создал образы-типы общечеловеческого звучания и значения, обогатив этим галерею художественных образов мировой литературы. Он был не только Поэтом всех армян, но и выдающимся национальным и литературным деятелем, литературным критиком и публицистом.

Далеко не всегда даже гениальные художники слова имеют еще и прекрасные человеческие качества. Туманян был Человеком в самом высоком смысле этого слова. Он никогда не ограничивал свою жизнь заботами о собственном благополучии и благополучии близких. Он вмещал в свое сердце все боли и страдания – и всенародные, и отдельных людей, и делал все возможное и невозможное, чтобы облегчать, ликвидировать эти боли и страдания. И он не жалел для этого своего драгоценного времени, которое мог бы отдавать только своему таланту, своему творчеству. Он выстрадал строки своего четверостишия:

Кто ни сжигал меня: и друг, и враг!
Горел я, озарял собою мрак.
Покуда мог – свет отдавал я людям,
Свет даровал, покуда не иссяк.
(Пер. Н. Гребнева)

И этот свет бессмертной души Ованеса Туманяна преодолевает все времена и расстояния. Он с нами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Абациев Дзамболат (Дмитрий) – 296, 302-307, 310, 311, 313, 317, 322, 324, 338, 386, 388, 389, 390, 393, 425, 427, 514
 Абдул Гамид – 134, 199, 272, 293, 352, 359, 408, 614
 Абдул Керим-паша – 423
 Абегян Арташес – 339, 459, 580
 Абегян Манук – 88, 99, 563, 564, 565, 566, 574, 582, 776
 Абемян А. – 281
 Абемян Ов. – 563
 Абовян Анушаван – 52, 55, 62, 70, 71, 76, 79, 83, 84
 Абовян Константин – 231
 Абовян Саркис – 52, 71
 Абовян Хачатур – 15, 16, 19, 36, 75, 97, 98, 110, 226, 231, 233, 616, 644
 Абраамян Г. А. – 15, 36, 341
 Абрамян Ншан, беженец – 411, 504
 Абрамян Рубен – 580
 Авакян Вержине – 445
 Авакян Ованес – 402, 405, 407
 Аветис, архитектор крепости Ба-язет – 326
 Аветисян Завен – 25, 31, 32
 Аветисян Маргар – 97, 98, 201, 239, 240, 459, 678, 778
 Аветисян Оган – 462
 Авлемян, командир отряда – 396
 Авсаркисов А. – 599
 Авшарян Григор – 284
 Агабабян С. – 25
 Аганян Гют – 223, 243, 255, 243, 511, 532, 555, 578
 Агаронян Аветис – 21, 27, 29, 106, 202, 237, 244, 255, 269, 574, 669, 760
 Агаронян Вардгес. – 22, 151, 254, 469, 471, 472, 511, 792, 794, 806, 816, 824, 827
 Агаси – 17
 Агасян Варсеник – 147, 647, 670, 671
 Агаян Газарос – 18, 53, 64, 89, 90, 65, 97-99, 107, 116-120, 135, 202, 236, 475, 636, 793, 803, 810, 828, 829, 830, 837, 838, 839
 Агаян Лусик – 475
 Агаян Мушег (сын Г. Агаяна) – 118, 601
 Агаян Наталья – 118, 119
 Агбалян Никол – 22, 27, 107-117, 127-129, 139, 232, 260, 281, 339, 563, 564, 565, 574, 577, 601, 628, 629, 714, 713, 715, 719, 793, 810
 Адалян Рубен – 361
 Адамян Петрос – 54, 66, 67, 68, 81, 111
 Адамянц Тачат – 248, 256
 Аджемян Гегам – 261
 Аджемян Ляля – 470
 Адлер Лор – 10
 А-До (Ованес Тер-Мартirosян) – 172, 428, 596
 Адонц Никогайос – 223, 474, 745, 563, 574
 Азатян Торос – 745
 Азизян Мовсес – 444
 Азири, ашуг – 601
 Азол В.А. (Озол) – 291, 317, 389
 Азрон Яира – 361
 Айастан, беженка – 497
 Айвазян Акоп – 261
 Айвазян К. – 600
 Айгекци Вардан – 196, 226
 Айказян Цолак – 509
 Айкак, сын Д. Варужана – 355
 Айрапетаян Алвард – 817
 Айрапетян А., учитель – 270
 Айрапетян Гурген, беженец-сирота – 502, 503
 Айрик, беженец-сирота – 497
 Айтнян Арсен – 584
 Акимов – 698
 Акимович, секретарь генерала

- Дрягина – 322
Акоб (сторож)- 54
Акопян Амаяк, художник – 510
Акопян Оноприос - 597
Акопян Пион – 28
Акопян Симон – 129, 562,
Акопян Т. - 326
Акчам Танер – 361
Алвард- 446
Алек – 46, 68
Александр Джордж – 587
Алексанян Вардгес- 504
Алексанян Минас- 462
Алексей Николаевич (Романов)
царевич – 210
Али-бек- 418
Алиханян Г. - 713
Алиханян Костандин – 237, 559,
560, 563, 564, 565, 570
Алишан Гевонд – 98, 584
Алпояджян Аршак – 738
Амазасп, хмбапет – 329, 425, 678
Амасийский Я. В., генерал – 390
Аматуни Саак – 241-242, 255, 256,
265, 473
Амаяк-55
Амаякян С. – 398
Амбарцумян Костин – 368
Амбрацумян Амазасп – 679, 687
Амбрацумян Аракел- 564
Амбрацумян Т. - 678
Амирханян А. – 674
Амирханян М. Д. – 550
Амирханян Овсеп – 332
Амирян Вардан – 260
Амирян Т. – 599
Анаис (Евпине Аветисян) – 117,
147, 738, 739, 748, 749, 750,
751, 752
Анаит, сестра Л. Караханяна – 506
Анаит, (Անիտ) — богиня-мать,
богиня плодородия и любви -
336
Ананун Давид – 253, 256, 252, 677,
690, 789, 790
Андраник (Озанян) полководец,
генерал Русской Армии – 27,
117, 191, 282, 283-285, 287,
289, 291, 367- 370, 388, 391,
396, 424, 425, 431, 472, 473, 486,
507, 513, 514, 526, 536, 537, 542,
543, 569, 616, 618, 667, 675, 677,
678, 794, 804, 810, 823
Антокольский П. – 660, 825
Апель Франц – 354
Апель-Чилингарян Хелен (жена Р.
Севака) – 354
Апреванадзе – 315
Арабаджи Исмаил, главарь банды
– 354
Аракелян А. – 563
Аракелян Амбарцум – 14, 281,
580, 608, 760, 832, 833
Аракелян Арам – 85, 86,
Аракелян Седрак – 747
Арамазд, верховный бог в древне-
армянском пантеоне - 336
Арамаис (Мисак Тер-Даниелян) –
555
Араратян Саркис – 368
Арасханян Аветик – 21, 59, 88, 90,
91, 100, 236, 776
Аргутян Аветис – 281, 678
Аргутян Овсеп – 284
Аргутян-Долгорукий Борис – 519,
564, 705
Аристофан – 110, 753
Армен (сын Д. Варужана) – 354
Армениян Армен (актёр) – 563, 577
Аррол Джеймс – 696
Артавазд Второй -102, 103
Арташес- 324
Арташес Второй - 102
Арутюнян Аветис – 426, 428
Арутюнян Арташес - 356
Арутюнян Аршак - 223
Арутюнян Вараздат – 508
Арутюнян Гурген, брат Вараздата
Арутюняна – 508
Арутюнян Исаак – 515
Арутюнян Мартирос – 252, 596,
688
Арутюнян Мовсес – 261
Арутюнян С.- 24

- Арутюнян Самсон – 237, 281, 290, 433, 449, 450, 537, 542
 Арутюнян, врач - 489
 Арутюша – 209
 Арцруни – 336, 776
 Арцруни Григор – 71, 72, 88, 99
 Арцруниди – 429
 Аршак, беженец-сирота – 497
 Аршакуни – 336
 Асатрян Асатур – 732, 743
 Асилбегян Мелкон - 80
 Асиян Мисак - 59
 Асланян Амазасп – 248, 256
 Асланян Хачатур – 570
 Астхик, в армянской мифологии богиня любви и красоты - 336
 Атабекян Геворк – 713, 717, 718
 Атанасян Ашот – 19, 223, 434, 474, 677, 699, 700
 Атанасян Тер-Гевонд –
 Африкян Хачатур – 281
 Африкян Хачатур – 559
 Африкяны - 722
 Ахвердян Геворг – 227
 Ахвердян Левон – 24, 25, 212, 218, 524, 628, 646, 651, 652, 658
 Ахикян Вртанес - 747
 Ахмад ибн Фазых – 620
 Ахмад-бек – 293, 418
 Ахмадулина Б. – 154, 437, 597, 598
 Ахумян Тигран – 669, 789, 829
 Ахундов Абдурахман-бей - 696
 Ацагорцян Арсен – 443, 460
 Ачарян Рачия – 557, 563, 566, 558, 566, 567, 574, 628, 776
 Ачмян Л. А. – 452
 Аштаракеци Нерсес, католикос - 59
 Ашур-бек – 173

 Баба Тахи Урьян, персидский поэт – 408
 Бабаджанян Микаел – 391, 691
 Бабаджанян, врач – 482
 Бабаев - 173
 Бабанов, подполковник – 390
 Бабаян Симон – 597

 Бабкен, вардапет – 459
 Бавоян Никогайос (Тер-Никол), священник – 290
 Багдасар (дядя Багды) - 60, 83
 Багдасарян Нвард – см. Егибян Нвард
 Багдасарян Ю. – 609
 Баграм – 209
 Баграмян Ованес – 285, 289
 Баграт, епископ – 482
 Багратуни- 336
 Багратуни Арсен – 584
 Бадилян Х. – 627, 628
 Бажбеук-Меликов Павел-186
 Байрон – 65, 93, 100, 111, 137, 145, 233, 516, 517, 819
 Баклачев Левон – 454,
 Бакрадзе Д. - 183
 Бакунин М. А. – 571
 Бакхауз Альфред – 587
 Баласанян Лусик, беженка – 445, 504
 Балуюев -176
 Бальзак – 10
 Бальмонт К. – 99, 634
 Бараташвили Н. – 634
 Барбюс Анри – 233, 587, 648
 Бардухимеос (Геворкян), епископ – 59, 458
 Баренц Гурген – 2, 669
 Барнов В. – 586
 Барсегов Юрий – 361
 Барсегян О. – 326
 Барси Анри – 426
 Барт Б., адвокат – 214
 Барт Ролан - 6, 12
 Баруздин С. А. – 12
 Бархудар, предок Ов. Туманяна – 15, 36, 43
 Бархударян Александр – 91- 93, 137, 141, 452
 Бархударян Аршак – 756
 Бархударян Г. - 59
 Бастамян Степан – 635
 Башинджагян Геворг – 115, 227, 232, 563, 767
 Бебутов – 326

- Бекдабеков, адъютант генерала
Огановского – 292
- Бекзадян Александр - 713
- Бекзадян Арам – 692
- Бекзадян Тигран – 678
- Белинский В. – 609
- Бел-Конь-Любомирская Н. – 697,
- Беляев, генерал – 392
- Бенешевич – 560
- Беранже - 111
- Берберян Минас – 18, 21, 560, 565,
564
- Берберян Ованес – 237
- Берберян Ш. - 742
- Бёрнс Р. – 634
- Бжишкян Гайк (Гай) – 21, 284
- Бзнуни Амаяк – 569
- Билль Вольфмайер, проф. Венско-
го университета – 349
- Бисмарк – 614
- Бонапартян Х., врач – 579
- Борис Анатольевич – 324
- Бочаров Сергей – 32, 33
- Брайс Джеймс – 346, 357
- Брандес Георг – 6, 111, 233
- Браун – 505
- Бродский – 585
- Брюсов Валерий – 31, 148, 228,
229, 346, 475, 547, 589-603, 621,
634, 700, 701, 813, 831, 843
- Брюсова Иоанна Матвеевна – 147,
148, 171, 234, 592, 595, 602, 603,
621
- Бугаевский В. - 843
- Будаков Л. – 817
- Бузанд Павстос - 11
- Булгарац Григор (Григор Кёзеян)
– 364, 404, 431
- Бульмеринг - 698
- Бунин И. А. – 709
- Бэкстон Гарольд – 587
- Бюзандян Сильва, беженка – 412
- Бюрат Смбат – 356
- Ваагн, в армянской мифологии
бог-драконоборец – 336
- Вагинак – 260
- Валадян В. (Мкртыч Ванесян) –
234, 511, 582, 583
- Вали-бек – 418
- Вангейгайм Ганс, посол Германии
в Турции – 354, 357
- Ванесян Мкртыч – см. Валадян В.
- Вансян Григор – 85, 87, 634, 758
- Вард- 462
- Вардазарян Бабкен – 472 , 483
- Вардазарян Баграт – 472
- Вардазарян Маруся-140, 156
- Вардазарян Пилипос (Филипп) –
22, 29, 88, 91, 105, 115, 117, 129,
134, 136-141, 288, 314, 155-156,
185, 202, 280, 337, 343, 528,
559, 564, 778, 798, 810
- Вардан – 410
- Вардамян Г. – 260
- Вардамян Григор – 95, 469, 471,
472
- Вардамян Микаэл – 596
- Вардзелян Григор- 59
- Варужан Даниел- 237, 240, 353,
354, 355, 356, 581, 593, 360, 697
- Варужан Даниэл – 106, 579, 633
- Вахтанг IV –620
- Вахушти (Багратиони) – 620
- Вейдле Владимир - 32
- Векилов Махмад -182, 209, 210
- Веранян Тигран (Тер-Ованес, Таш-
раци) – 79, 103, 259-260, 262,
786
- Верлен – 223
- Вермишев Христофор – 677, 688
- Вероника, дочь Д. Варужана – 354
- Верфель Франц – 346
- Верхарн Эмиль – 602
- Веселовский Ю. – 18, 100, 589,
599, 603, 609, 634
- Веспер М. – 497
- Вильсон Томас Вудро – 691
- Вильямс Аньюрин – 587
- Винокур Георгий – 6
- Вольфганг Густ – 361
- Воронов, генерал – 548
- Воронцов-Дашков И.-165, 188,
244, 276, 282, 289, 290, 333, 385,

- 386, 390, 391, 432
Восканян Арус - 147
Врамян Аршак, депутат Османского парламента – 362, 363
Врамян Симон – 27, 245, 247, 256, 339, 387, 426, 710, 711, 714, 715, 716
Врамян Симон – 387, 427, 810
Вштуни Азат – 237, 515, 702, 703
Выховский И. – 585
- Гаврилов Василий, губернатор – 275, 276, 540
Гадасянц – 782
Газаросян Каро - 735
Гайл Ваан - 36
Галджян Левон – 363
Галикян Грант – 404
Галуст – 321
Галфаян Карапет – 112, 115
Гальковский – 642
Гамалян С. – 609
Гандзакеци – 819
Гарегин, вардапет – 475
Гаро Армен – 303, 305, 310, 311, 315, 320, 323, 425
Гароу Эрнест – 519, 521
Гасан хан – 36, 42, 325
Гасан-ага бек – 308, 418
Гаскель – 521
Гатов А. – 46, 48
Гафалович, командир Лабинского полка – 395
Гафиз – 657
Гахраман бек – 324
Гево - 68
Геворг (Георг, Гоги), предок Ов. Туманяна -15, 36, 43
Геворг V, Католикос – 191, 218, 278, 281, 313, 340, 472, 536, 827
Геворгян Варсеник – 147
Геворгян Г. – 707, 708
Геворкян Арутюн – 361
Геворкян Казар, беженец – 412
Гегам Армен – 591
Гегечкори Евгений Петрович – 672, 695
- Гейне – 100, 111, 232, 816, 820
Генджян Акоп – 803
Гербель Н. – 642
Гердер И.Г. – 817
Герострат – 211
Герострат – 832
Герцен А.И. – 108, 571
Гершензон Михаил – 10, 11
Гёте – 6, 110, 111, 118, 634, 816, 820, 843
Гиббонс Герберт – 346
Гинзбург Лидия – 6
Гладстон – 614, 783
Глджян Арсен (Симон) – 61, 64, 65, 70, 85 - 87, 92, 93, 472, 796, 815, 816
Глинка – 628
Гоар – 505
Голицын Алексей Васильевич - 172
Голошян Александр – 80, 81, 83, 760
Голошян Григор - 80
Голошян Дарья - 80
Гомер – 110, 111, 818, 843
Гончаров И.А. – 11, 819
Горганян – 711
Гордней Дмитрий - 695
Городецкая Нимфа – 634
Городецкий Сергей – 22, 101, 117, 543, 545- 549, 634, 696, 697, 701, 761, 773, 811, 837
Горький Максим – 346, 634, 793
Гохилян Геворк, беженец – 445
Гош Мхитар - 226
Гранин Даниил –
Грачья Азнив – 19, 147, 148
Гребнев Н. – 57, 191, 374, 435, 612, 651, 661, 662, 663, 736, 777, 803, 807, 826, 831, 843
Гречанинов Александр – 569
Грибоедов А. С. – 148, 586, 709
Григор, беженец-сирота – 497
Григорян Хуршуд – 51
Григорян Эмин - 38
Гримм братья – 143, 269, 524, 525
Гринфилд Джемс – 607

- Гришашвили Иосеб – 229, 697, 729
 Гришка (Григор Туманян) - 44, 48
 Грузенберг Оскар, адвокат – 205, 207, 210, 216, 217, 218, 220
 Гулоян А. – 234
 Гурии, архиепископ– 377
 Гюго – 233,
 Гюзал – 302
 Гюльназарян Константин – 323

 Дабагян Норайр – 498, 500, 702
 Давид IV Строитель – 620
 Давоян Размик - 775
 Давтян Серик – 147
 Даниелян А. – 452
 Даниэл, вардапет – 410
 Данте Алигьери – 816
 Данченко В.Н. – 549
 Дарбинян Вардан – 489
 Дарбинян Карапет – 270, 271
 Дарбинян Р. – 383
 Даронян С. – 600
 Дастакян Флора – 147, 148,
 Дастакян, ученик - 696
 Датико (Давид) - см. Шахламян Давид
 Дашков Давид Александрович-193
 Даштенц Хачик – 504
 Девоян Т., прапорщик – 322 , 424, 425
 Деврикан Вардан – 399
 Дегвич Юрий – 31
 Делоян Ншан, беженец-сирота – 502, 503
 Делоян, офицер армии- 392
 Деминский, начальник полиции г. Баку – 174
 Демирчян Варсеник -114
 Демирчян Виген -130
 Демирчян Дереник – 31, 40, 89, 106-117, 128-133, 141, 176, 185, 259, 260, 223, 237, 241, 400, 511, 515, 547, 563, 576, 577, 580, 591, 594, 636, 667, 694, 695, 715, 722, 769, 781, 792, 794, 837
 Демирчян Карен – 505, 506
 Демирчян Римма – 505, 507

 Дервиш А. - 22
 Джаваир, сестра Раффи - 237
 Джавахишвили Иване – 572
 Джалалян Саркис-Гасан - 50
 Джалалянц С.- 37
 Джаллад- 410
 Джамалян Аршак – 127, 186, 281, 579, 652, 654, 672
 Джанан Мкртич – 723, 736, 740, 741, 744, 751, 753, 759, 837
 Жанполадян А. – 284, 550
 Жанполадян Магда – 25, 30, 525, 641
 Жанумян (М.Део) – 634
 Жевдет-бей – 349, 358, 362, 363, 367, 431
 Живелегов А. – 577, 599
 Джрбашян Акоп – 404
 Джрбашян Саломе – 147, 397, 398, 400, 404
 Джрбашян Эд. – 25, 27, 30, 121, 122, 399, 644, 645, 646, 651, 657
 Диасамидзе Григорий – 572, 573, 594, 696, 701
 Додохян Геворг – 597
 Долуханов – 318, 384
 Долуханян Маркос – 157
 Достоевский Ф. – 23, 233, 582
 Драмлян Рубен – 14, 760, 832, 833
 Дро (Драстамат Канаян) – 174, 289, 303, 305, 322
 Дрягин М. Н. – 297, 298, 299
 Дурсун Алахверан-кызы -182
 Дюрас Маргерит - 10
 Дюруа, консул – 675

 Еазмачян, врач – 453
 Евангулян Ш. – 488, 489
 Егиязарян Азат – 25, 29
 Егиязарян Аломон – 558
 Егиязарян Гайк, врач – 472
 Егиязарян Мкртыч, учитель – 477
 Егибян-Багдасарян Нвард – 147, 454, 455, 466, 486
 Егише, вардапет – 366
 Егише, историк – 66, 67
 Езекян А. - 19

- Екарян Арменак – 363, 364, 402, 404, 738
 Енгибарян Гарегин – 21, 237
 Ерванд Грач – 738
 Ерванд Цолак- 449
 Еремян С. – 22
 Ерзнкян Арамаис – 721, 722, 724, 758
 Ерзнкян Захар - 70
 Ерицян Вагаршак (Норенц) – 498, 499, 501, 502, 702, 772
 Ерухан – 356
 Есаян Забел – 117, 147, 153, 237, 484, 485, 487, 556, 563, 581, 771, 773, 777, 791, 794, 803, 808, 811, 829, 831
 Есаян И. - 24
 Жаколио Луи- 569
 Жордания Евгений - 695
 Жорес – 614
 Жорж- Санд - 147
 Заварян Симон – 188, 244, 245, 246, 247
 Завриев (Заварян) Акоп – 283, 383
 Завриев Давид – 384
 Закарян Анушаван – 545, 549, 596, 676, 687, 696
 Заргарян Аристакеc, врач – 88, 105, 117, 134, 141-144, 209, 223, 249, 436, 511, 525
 Зардарян Рубен – 356, 579, 581
 Зарудный А., адвокат -205, 214
 Зарьян Наири – 504
 Зарян Костан – 741, 744
 Звягинцева Вера – 372
 Зейтунцян Перч – 352
 Зерахович, адвокат – 217
 Зограб Григор – 218, 349, 350, 351, 352, 353, 356, 360, 581, 593, 633, 831
 Золотарев Василий – 183, 184, 185, 209, 212
 Зорьян Р.- 452
 Зорьян Стефан – 18, 31, 223, 230, 231, 232, 478, 562, 674, 716, 773
 Зорян Степан (Ростом) – 397, 399
 Зубинов - 179
 Зурабов Аршак – 672
 Ибсен Г. – 233
 Иванов Вячеслав – 599
 Иванов Г. – 634
 Измирлян Маттеос (католикос) – 136
 Имедашвили Иосеб – 117
 Инджикян Арам – 16, 25, 28-30, 77, 95
 Иоаннисиан Иоаннес – 31, 223, 237, 574, 590, 591
 Иоаннисян Абгар – 262, 339
 Иоаннисян Ашот – 230, 563, 566, 573, 574, 722
 Иоаннисян Тигран – 677
 Иован, грузинский принц- 620
 Ипекян Арутюн – 581
 Исаакян Аветик – 16, 28, 31, 106-117, 124-128, 133, 149, 155, 188, 195, 197, 202, 563, 564, 629, 223, 371, 475, 607, 724, 728, 767, 778, 780, 793, 803, 807, 824, 830
 Ишханян Р.- 659
 Исаи – 46
 Исаханян Тигран – 724
 Исмаил эфенди Налбанд заде – 299
 Ишхан (Никогайос Микаелян) – 362, 363, 366, 368, 431
 Ишханян Рафаел – 468, 659
 Каджазнуни Ованес – 27, 64, 115, 277, 391, 392, 580, 669, 689, 691, 713, 714, 720
 Казанджян О. – 702
 Казарян Аршак – 339, 606
 Казарян Даниел – 562
 Казарян Мурад – 445
 Казахецян В. – 708
 Казикян Арсен – 741, 744
 Кайзер Хильмар – 361
 Кайцак Аракел (Тигран Абаджян) – 364, 404

- Калантар Александр – 21, 90, 281
 Калантар Левон – 252, 253, 434
 Калантарян, цензор – 790
 Калашян Г. – 597
 Кальф Виллем - 767
 Камалян Саркис – 438
 Камсаракан – 267
 Канаян Драстамат (Дро) – 284
 Канчели Александр – 595, 729, 730
 Канчели Сандро – 695
 Капутикян Сильва – 356, 659
 Карабчиевский, адвокат -205
 Карапетян Г. – 510
 Карапетян Лусик – 28, 29, 319, 512, 763, 782
 Карапетян М. – 707
 Караханян Луснтаг (Люси), беженка-сирота – 505, 506, 507
 Карваренц Г. – 752
 Каринян Акоп - 66
 Каринян Арташес – 730, 731, 741
 Кармиле, беженка – 446
 Карп П. – 812
 Карчикян Х. - 339
 Каръян Самсон – 378, 379
 Касъян Саркис – 713, 719, 720
 Кафъян Г. – 257, 784
 Кацахян К. – 24
 Качакаян Аствацатур -119, 674
 Келекян Тигран – 356
 Кеоркизян Арсен – 364
 Кер - 587
 Керенский А.Ф. адвокат – 14, 205, 214
 Керы (Аршак Гафавлян) – 284, 316, 329, 367, 410, 425
 Кикнадзе Закаре – 572, 573
 Киракосян Алисия – 513
 Киракосян В.- 30
 Киракосян Гурген, отец Алисии Киракосян – 513
 Киракосян Джон – 361, 519
 Клара, жена Зограба – 352
 Клекчян Гегам, священник – 472
 Кнорринг Карл – 620
 Коковцев Владимир Николаевич, министр финансов – 219
 Колушев Н., посол Болгарии в Турции – 351
 Кольцов А.В. – 820
 Комитас – 88, 106, 273, 353, 563, 574, 627, 628, 629, 766, 778
 Корганов, генерал -696
 Короленко В. – 635
 Корюн, историк -11
 Косоян Айк – 362, 363
 Костанянц Карапет -59
 Котанджян Карине – 461
 Кочарян Артем (Артуш) -208
 Кочарян, врач- 107
 Кочойкян Григор – 515
 Красильникян Костандин – 158
 Кривцов А.Н., председатель суда – 206, 213, 215, 218, 219, 220
 Крестине - 466
 Крмоян Багдасар – 321
 Крмоян Ованес – 300
 Крылов- 69
 Кукунянц Саркис – 82, 92
 Кулебякин А. Н., генерал-майор – 678, 691, 697, 702
 Купала Иван – 714
 Куроян Аджи – 358
 Кузикян Карапет – 589
 Кузикян Овсеп – 262
 Кучак Наапет – 226
 Кэмпбел – 505
 Кюркчян Серобе - 747
 Лагерлёф Сельма - 818
 Лакомб Пьер – 6, 8
 Лалаян Ерванд – 223, 245, 563
 Лансон Густав – 6, 11
 Ластивертци – 819
 Лебединский Е.В., генерал – 303, 306
 Левон- 462
 Левонян Гарегин – 140, 197, 562
 Левонян Хачатур – 479
 Леконт де Лиль – 233
 Ленин В.И. - 707
 Ленк Темур - 173
 Лео (Аракел Григорьевич Бабаханян), армянский историк, писа-

- тель, публицист, – 21, 78, 98,
 101, 115, 188, 192, 218, 223, 237,
 238, 239, 332, 382, 432, 433, 243,
 250, 281, 313, 346, 432, 434,
 440, 441, 451, 536, 563, 578, 574,
 577, 596, 609, 653, 677, 691, 695,
 722, 723, 724, 793, 803, 806
 Лепсиус Иоганн – 348, 432
 Лермонтов М. – 6, 93, 100, 111,
 137, 569, 608, 609, 610, 634, 818,
 819, 822
 Лианозян К. – 452
 Линч Генрих – 586
 Липскеров К. – 38, 660
 Лисициан Левон – 446, 452, 470
 Лисициан Степан – 68, 88, 115,
 122, 225, 253, 256, 267, 273, 274,
 332, 339, 446, 554, 562, 563, 564,
 565, 574, 580, 634, 783
 Ли-Тай-По – 635
 Лобанов-Ростовский – 432
 Лонгфелло – 816, 820
 Лорис-Меликов – 54
 Лотман Юрий – 6
 Луначарский А. В. – 6, 818, 822
 Лыжин Николай, следователь –
 194, 195, 197, 200, 207, 214, 215
 Лютер Мартин – 118
 Люледжян Тонапет – 791
 Ляхов Владимир, генерал – 291,
 321

 Маари Гурген – 18, 355, 397, 465
 Магашвили Коте – 229
 Мажинян Амаяк – 249
 Мазманиян Амбарцум, учитель –
 263-268, 511
 Маикян Антон – 563
 Маилян А. – 286
 Майков Аполлон – 642
 Майя, грузинская поэтесса – 702
 Макинцян Погос – 20, 22, 262, 278,
 279, 397, 563, 589, 592, 595, 634,
 635, 724, 761, 776, 833
 Маклаков, адвокат – 205
 Макруи – 505
 Малумян Х. – 99
 Малхасян Азнив – 462
 Малхасян Карапет – 315
 Малхасянц Степан – 197, 260, 564,
 565, 678
 Мам – 44
 Мамед, командир - 390
 Мамедбеков, пнистав -174
 Мамиконян Ерванд -76
 Мамиконян Степан – 577
 Мамиконяны – 34, 336
 Мамурян Маттеос – 584
 Манандян Акоп – 115, 156, 563,
 574
 Манасян Сирак, беженец – 411
 Манвелян Левон – 22, 88, 98, 99,
 511
 Манвелян Микаэл – 434, 435, 794
 Мандинян Микаел - 129
 Мандинян Седрак – 21
 Манташев Александр Иванович–
 159
 Мантинян Никол – 434
 Манукян Арам –362, 364, 366, 367,
 368, 382, 387, 392, 404, 421, 422,
 425, 430, 431
 Мария Фёдоровна, императрица -
 161
 Мариам, жена Д. Демирчяна – 260
 Марк Айкануш – 748, 741, 748
 Маркварт Йозеф – 346
 Маркос, житель Вана – 458
 Мармарян Арсен (Ваан Тотоевнц)
 –
 Марр Никогайос – 232, 246, 474,
 552, 557, 560, 565, 566, 567,
 574, 606
 Мартирос, учитель - 652
 Мартиросян Ов., священник– 85
 Мартиросян Саак – 459
 Мартиросянц Рубен – 227
 Маршак С. – 69
 Масеян Ов. – 101, 563
 Матенчян Мамбре – 234, 236, 579,
 581, 596, 829
 Маттеос, епископ– 458, 462
 Махмад-бек – 418
 Махмуд-паша – 326

- Мачавариани И. – 585
 Мачкалян Анушик, бабушка Ольги Туманян – 74
 Мачкалян Шушаник, мать Ольги Туманян - 74
 Маштоц Месроп – 11
 Мгдуси Авак – 20, 60, 61, 69 -70, 80
 Меграб, предок Ов. Туманяна – 15, 16, 36, 46
 Меджит-эфенди – 627
 Мейе Поль-Жюль-Антуан – 557
 Мейлах Борис - 7
 Меланхтон Филип- 118
 Мелик-Айказян Александр – 149
 Мелик-Айказян Варвара – 149, 606
 Мелик-Айказян Эгине - 147, 149
 Мелик-Бахшян Ст. – 326
 Меликян Амбарцум – 559, 824
 Меликян Мкртич - 762
 Меликян Романос – 434, 438, 440
 Мелконян Погос – 462
 Мелконянц Ованес – 46
 Меренгулян Вардгес – 350
 Месян Геворг – 115, 828
 Метерлинк Морис – 614, 819
 Меттерних – 614
 Мецаренц Мисак – 106, 658
 Микаел – 55
 Микаелян В. А. – 349
 Микаелян Вардгес - 361
 Микаэлян Карен – 496, 589, 600
 Микеладзе, княз – 174
 Минасян Г. А., студент – 202
 Минасян М. – 359
 Минасян Петрос – 315
 Минахорян В. - 720
 Миракян Ваан – 539
 Мирзаханян Амаспюр – 512
 Мирзаханян Мирзахан (Жирайр) – 363
 Мирзаханян Михрдат – 363
 Мирзоян Александр, живописец – 408
 Мисак, беженец-сирота – 497
 Мицкевич А. – 20, 100, 111, 125
 Мкртич, врач –81, 257, 784, 785
 Мкртчян Шогик – 413
 Мкртыч, священник – 331
 Мкрян Мкртич - 25
 Мнацакан, беженец-сирота – 497
 Мнацаканян Левон – 515
 Могянц П. – 500
 Мольер – 233
 Мопассан – 233
 Морган Жак – 346
 Моргентау Генри, посол США в Турции – 357, 627
 Морель Н. – 678
 Моруа Андре – 6, 12
 Мравян Асканаз – 713, 720
 Муравьев Н., адвокат –205
 Мурадбекян Хорен, епископ – 290, 472, 479
 Мурадян М., врач - 175
 Мурадян Н. – 789
 Мурадян Ншан, беженец – 444
 Мурадян Погос – 309
 Мурадян Симон – 462
 Мурацан – 115
 Мустафа ага -308
 Мустафаев Исмаил -182
 Мхитарян Гагик - 702
 Мхитарян Ов. – 369, 405, 406, 407
 Мхитарян Он. – 426
 Мышлаевский Ал.- 283
 Мчедишвили - 697
 Мюрад, вице-консул Англии – 65
 Мюссе Альфред де – 9
 Мясников Л. –483
 Мясникян Александр – 126, 475, 721, 722, 726, 729, 730
 Надир-шах – 326
 Надсон – 100
 Назарбекян Товмас, генерал – 667
 Назарян Тигран – 509
 Назарянц Л. – 383
 Назарянц Эм. - 16
 Назим, доктор – 347, 351
 Найман А. – 87, 654
 Накашидзе Илья – 229, 234, 235, 595
 Накашидзе Нино – 229

- Накашидзе, губернатор г. Баку – 174, 183
 Налбандян Арпиар, торговец – 384
 Налбандян Микаэл – 372, 578, 579
 Налбандян Ованес – 134
 Наполеон – 41
 Нар-Дос – 103, 115, 339, 563, 671, 695
 Нарекаци Григор – 226, 582, 594, 658, 662
 Наровчатов С. – 31, 843
 Некрасов – 100
 Нельсон – 505
 Неркаряян Арутюн (Аро) – 363
 Неркаряян Езник – 363
 Нерон – 199
 Нерсес, епископ – 75, 342,
 Нерсисян М. Г. – 341, 361
 Нёф Жак – 6, 9, 10, 12, 14
 Нжде Гарегин – 708, 710,
 Нижарадзе – 315
 Низами – 820
 Никал – 47
 Николаев, генерал – 338, 367, 382, 383, 384, 391, 426
 Николай Второй – 161, 209, 218, 220, 280, 282, 313, 433, 533
 Николай Николаевич Романов, великий князь – 533, 534
 Ницше – 111, 233
 Нор-Айр (Норайр Арутюнян) – 652
 Норенц Вагаршак – 509, 514
 Нубар-паша – 281
 Нуриджанян Авис – 713
 Нури-паша – 408

 Обедников, сторож тюрьмы – 195
 Оваким Юзбаши, предок Ов. Туманяна – 15-17, 36, 42-46, 59
 Ованес-ага Овакимович – см Туманян Ованес-ага
 Ованес-апи (Кочарян) – 37
 Ованесян Сусанна – 112, 275, 360, 427, 525, 606
 Ованесян Тигран – 223, 519, 590
 Ованнисян Абгар – 72
 Ованнисян Айк – 582
 Ованнисян Вардуи – 449
 Ованнисян Гисак – 563
 Ованнисян Николай – 361
 Ованнисян Рачия – 659
 Ованнисян Тигран – 237, 556, 568, 562, 641
 Оввян Погос – 76, 77
 Оввян Симон – 62
 Овнатан А. – 780
 Овсеп, отец Л. Караханян, матери К. Демирчяна – 506
 Овсепян Гарегин – 473, 474, 665, 666,
 Овсепян Мариам – 405
 Оганджанян Амо (Амазасп) – 459, 483
 Оганджанян Артем – 361
 Оганджанян Рубен – 485
 Оганджанян Сатеник – 490, 491, 492
 Огановский Пётр, генерал – 290, 291, 292, 312, 313, 321, 327, 328, 384, 390, 392, 393, 433
 Огарёв Н. П. – 571
 Огюстен Шарль – 6
 Одзнец В. – 34
 Озанян Гагик – 356
 Озеров Лев – 31
 Озол см. Азол–
 Олдингтон Ричард – 648
 Орджоникидзе Серго – 717, 718
 Орман – 294, 295
 Орманян Магакия, католикос – 294, 359
 Осман – 46, 68
 Отян Ерванд – 18, 741, 744, 748, 822
 Ошакан Акоп – 741, 747, 751, 752, 753, 754

 Пакалян Арам – 747
 Палапанян – 735
 Палиашвили Закаре – 729
 Пападжанян Мик. – 536
 Папазян Аветис – 361
 Папазян Ваграм – 106

- Папазян Вртанес – 223, 237, 248,
 252, 257, 261, 511, 563, 695, 784
 Паповян Александр – 339, 724
 Пармаз (Маттеос Саркисян) – 357
 Пароникян Майрануш – 468
 Паронян Акоп – 132, 581
 Парпеци Лазар - 11
 Пасаджанов А.- 696
 Паскевич И. – 326, 371
 Патканян Рафаел – 98, 233
 Патмагрян Ашот – 471
 Певнев, генерал – 322
 Пейнтер Дж. Д. – 10
 Пекарский – 585
 Переверзев П., адвокат - 214
 Петрарка – 145
 Петровых М. – 795
 Печерская Т. – 8, 9,
 Пирумян Симеон - 724
 Пирумян Тигран – 61, 399, 499,
 637, 841
 Платон – 110
 Погосян Аветик – 281
 Погосян Карапет – 462
 Погосян Рипсиме – 147, 148
 Погосян Сатеник – 292
 Подгорский Фёдор, генерал – 312
 Потикян Вардуи, беженка-сирота
 – 311, 446
 Потикян Ованес – 311
 Потурян Мкртич – 21, 760
 Пресансе Франсис - 586
 Пресансье Р. – 586
 Печерская Т.И. – 8, 9
 Пржевальский Н. – 819
 Пригара, следователь – 194
 Прошян Перч – 18, 90, 98, 114,
 233, 803
 Пушкин А. С. – 7, 18-20, 32, 33,
 100- 111, 125, 157, 158, 195,
 592, 609, 610, 628, 699, 717,
 816, 817, 819, 820, 843
 Пшавела Важа – 577
 Пьерро Роже – 6, 10
 Пюлпулян, врач – 459
 Рамази Матос – 68
 Рамишвили Ной- 665
 Расин – 233
 Раффи – 81, 110, 233, 237, 248,
 256, 326, 616, 819
 Резанов Николай – 183, 185, 209,
 210
 Ремарк Эрих-Мария – 648
 Рен (Татарян), поэт – 251
 Ренар Жюль - 8
 Робакидзе Григол – 595, 674, 729
 Ролан Ромен – 196, 843
 Романов Н.Н. (младший), великий
 князь – 426
 Романовы- 172
 Ростом (Степан Зорян) – 83, 636
 Румер О. – 73, 85, 90
 Руми – 820
 Руставели Шота – 635
 Саади – 820, 824
 Саак, добровольец – 291, 328, 384
 Саак, священник – 48-50
 Саак, учитель (варжапет) – 505
 Саакян Ав. – 281, 696
 Саакян Макруи, беженка-сирота –
 412, 505
 Саакян Рубен – 361, 369
 Саакян С. – 200
 Савицкий И.В., генерал- 311
 Сагателян - 51
 Сагиян Амо – 779, 780
 Сагиян Григор – 756, 762
 Сазонов Сергей Дмитриевич, ми-
 нистр иностранных дел России
 – 219, 340, 533
 Саид Галим-паша, великий везирь
 – 347
 Саинян Анаит – 116
 Сако, зурначи – 68
 Саламбегян – 84, 85
 Санасарян Мамбре – 71, 72
 Саргис, предок Ов. Туманяна – 15,
 36
 Сардарян Е. – 562
 Сарикян Акоп – 542, 695
 Саркисян Акоп – 442, 571, 808
 Саркисян Давид – 363
 Саркисян Левон – 724

Саркисян Сурен - 369
 Сароян Вильям – 774
 Сароян Патрик, беженец – 446
 Сарьян Мартирос – 106, 191, 474, 475, 476, 477, 563, 599, 600, 780
 Сарьян Огсен – 730, 738, 748, 773, 774
 Сарьян Рузан – 476
 Сафоян Татос – 300
 Сафразбекян Ирма – 20, 25, 29, 30, 77, 240, 499, 546, 763
 Сафрастян Араксия – 400
 Сафрастян Арпиар – 400
 Сафрастян Заруи – 400
 Саят-Нова – 53, 110, 112, 148, 151, 226-234, 236, 594, 599, 601, 611, 633, 766, 822
 Свазлян Вержине – 361, 428, 504, 505, 509
 Севак Паруйр – 31, 356, 629, 632, 633, 646, 652, 655, 658, 659, 775, 776
 Севак Рубен – 106, 353, 354, 356, 581, 593
 Севан-Хачатрян Т. Г. – 341
 Селим-паша – 307
 Семирджян Габриэл – 364, 404
 Сендерович Савелий - 9
 Сенкевич Генрих – 585, 586, 587
 Сент-Бёв Шарль Огюстен – 8
 Сервантес Мигель – 111, 233, 579, 586, 587, 816, 843
 Сергеев В. С., прокурор – 217, 218
 Серно-Соловьёвич Н. А. – 571
 Сиаманто – 106, 117, 223, 237, 353-356, 360, 371, 581, 593, 633, 658
 Сидоренко Н. – 407
 Симе, журналист – 587
 Симон, бандит – 179
 Симон, мастер-жестянщик – 54
 Симонов Р. Н. – 475
 Симонян Г. - 542
 Симонян Гоар – 529
 Симонян Кали – 55
 Симонян Лилит – 398
 Синанян А. – 742
 Сипил - 752
 Сирануш – 563
 Сируни Акоп – 240, 579, 731, 735, 740, 741, 745, 754, 756
 Скарятин Г., адвокат – 214
 Скворцов, комендант Вана – 395
 Смбат – 44
 Смит – 587
 Собинов Леонид – 292
 Собинов Сергей (Волгин) – 292
 Соколов М. Д., адвокат – 31, 695
 Соколов Николай, адвокат – 206, 214, 635
 Солахян Арашес – 406
 Соловян Ованес – 22
 Соломе – 51
 Солоненко К., начальник гарнизо-на Сарикамышы – 314, 315
 Софокл – 110
 Спандарян Спандар – 50
 Спендиарян (Спендиаров) Алек-сандр – 237, 475, 563
 Спижарный И.К. - 762
 Срвандзтян Амазасп – 284, 711,
 Срвандзтян Гарегин – 398, 819
 Сринг – 339
 Степанян А. – 475
 Степанян Акоб – 61
 Степанян С.С. – 348, 349
 Степанян Степан – 361
 Степанян, врач из Тегерана – 482, 481, 482
 Степлтоны – 587
 Сукиас, зурначи – 825
 Сулейман эфенди – 627
 Султанов – 174
 Султанов Эйнали – 234
 Сумбатов – 540
 Сундукян Г. – 98
 Сурабян Маша – 147, 750, 751
 Суренянц Вардгес – 474, 475
 Сурхатян Арутюн – 223, 563, 579, 580, 581
 Сюни Григор - 744
 Сюрмелян Завен - 744
 Табидзе Нино – 147, 149

- Табидзе Тициан – 673, 695, 672, 729
 Тагаварян Назарет – 356
 Тагианосян Ерванд – 724, 730, 732, 734, 738, 749
 Тагуи – 46
 Тадевосян Аршак – 80
 Тадевосян Егише – 246, 474, 574, 574, 563, 747, 767
 Талаат-бей – 342, 347, 349, 350, 352
 Талал – 51
 Тамамшян К. – 656
 Тамара, грузинская царица – 620
 Тамразян Грант – 25, 651, 658
 Тамур-паша – 326
 Тан-Богораз Владимир – 793
 Тангик, беженка – 446
 Тарагрос - 747
 Таронци Согомон – 505
 Тарьянц Овсеп – 241
 Татосян Г. – 600
 Татрян Ваагн – 361
 Татул Ваграм - 744
 Тахсин-бей, правитель Эрзрума – 349
 Ташчян Аракси, жена Д. Варужана – 354
 Твен Марк - 818
 Теймураз, грузинский царь – 377
 Текеян Ваан – 97, 106, 110, 117, 149, 579, 738, 741, 744
 Телемак - 262
 Тер-Абрамян Абгар, начальник полиции Баязета – 297
 Тер-Аветикян Смбат – 554, 562, 574
 Тер-Аветисян Нерсес – 256, 783
 Тер-Акоп – 63
 Тер-Андреасян Мхитар – 232, 556
 Тер-Арутюнян Акоп – 508
 Тер-Арутюнян Григор – 59, 66
 Тер-Асатур, священник – 341
 Тер-Атовм, священник – 342
 Тер-Габриелян Саак – 722
 Тер-Гевонд – 19
 Тер-Гевондян Анушаван – 248, 249, 273, 782
 Тер-Гевондян Никогайос – 238
 Тер-Григорян Арам – 97, 678
 Тер-Григорян Галуст – 70
 Тер-Григорян Джалал – 794
 Тер-Григорян Микаел – 38
 Тер-Григорян Т. – 70
 Тер-Гукасов Аршак, генерал-майор – 326, 394, 395
 Тер-Давтян Вергине – 55, 80
 Тер-Давтян Овсеп – 551, 562
 Тер-Давтян Тигран – 50, 51- 56, 66
 Тер-Егише – 786
 Терзибашян Аветис – 738
 Терлемезян Фанос – 115, 364, 368, 404, 407, 408, 409, 563, 564, 744, 747, 767
 Тер-Манвелян Петрос – 331
 Тер-Маркарян Мигран – 363
 Тер-Минасян Овсеп, священник – 308
 Тер-Миракян Ованес – 21, 828
 Тер-Мкртчян Галуст (Тер-Саргсян «Миабан») – 473, 553
 Тер-Мкртчян Карапет, епископ – 485
 Тер-Мовсисян Баграт, ашуг – 209, 230
 Тер-Мовсисян Месроп, епископ – 258, 275- 276, 279, 283, 290, 291, 297, 298, 296, 331, 332, 433, 534, 536, 536, 552, 558, 716, 785
 Тер-Нерсисян, врач – 761
 Тернон Ив – 361
 Тер-Ованес Мартиросян (Тертер) – 74, 75, 79, 85, 158,
 Тер-Ованесян Даниэл, священник – 258, 785
 Тер-Ованесян Никогайос – 258, 785
 Тер-Овсепян - 253
 Тер-Саркисян Саркис – 70
 Тер-Симонян Сисак – 96
 Тер-Степанян Барсег – 263
 Тер-Степанян Маттеос – 315
 Тер-Степанян Степан – 96
 Тер-Тадевос, отец Ов. Туманяна –

- 35, 38-40, 42, 48-51, 58-63, 75-76, 103, 636, 810, 837
- Тертерян А. – 118, 139, 563
- Терьян Ваан – 223, 225, 237, 239, 262, 278, 279, 478, 563, 577, 793, 794, 833
- Тигран (Гево) - 321
- Тигранян Армен – 106, 149, 237, 253, 254, 563, 601
- Тигранян Арменуи (Менуи) – 117, 149-151, 254, 255, 274, 606, 646
- Тигранян Сиракан – 339, 559, 574
- Тизенгаузен – 392
- Тиратурян Александр – 315
- Тлкатинци (Ованес Арутюнян) – 356
- Тойнби Арнольд – 346
- Толаян - 742
- Толстая Александра, дочь Льва Толстого – 549
- Толстой Лев – 20, 111, 233, 549, 582, 614, 815, 816, 819, 820
- Томас Манн- 843
- Топоров Виктор – 9
- Топочян Б. – 700
- Тораманян Торос – 106, 246, 511, 574, 563, 628
- Тораманян Торос – 237
- Тороманян Мигран – 363
- Торосян Саак – 237
- Тотовенц Ваан – 18, 131, 132, 443, 471, 486, 752, 792, 829
- Тотомянц Ваан – 577, 599
- Трамбицкий Е. Г., генерал – 315
- Трухин (Трухинин) – 338, 368, 424
- Туманов (Туманишвили) К. – 619
- Туманов Георгий - 157, 161
- Туманян Левон- 722
- Туманян (Мачкалян) Ольга – 30, 73, 74, 75, 77, 78, 80- 82, 104, 118, 121, 129, 155, 156, 195, 638, 792, 816, 821, 839
- Туманян Амлик– 16, 20, 216, 262, 263, 569, 669, 731, 751, 762, 763
- Туманян Ануш – 20, 569
- Туманян Арег – 20, 29, 131, 720, 762, 763, 765
- Туманян Арпеник – 569
- Туманян Артавазд (Артик) – 128, 191, 216, 240, 254, 279, 476, 481, 529, 546, 638, 656, 677, 693, 715, 764, 805, 828, 829, 830, 839
- Туманян Арташес – 42, 43, 693
- Туманян Арутюн - 702
- Туманян Аршавир – 693
- Туманян Астхик – 181
- Туманян Ашхен – 130, 131, 167, 198, 199, 201, 202, 205, 206-219, 263, 569, 698, 724, 763, 764, 765, 816, 818, 819
- Туманян Баграт – 73
- Туманян Ваан – 179, 188, 202, 208
- Туманян Мариам – 88, 105-106, 117, 122, 134, 135, 151, 157-170, 199, 210, 221, 722, 798, 802, 810, 821
- Туманян Микаэл – 552
- Туманян Мушег – 78, 193, 194, 198, 204, 205, 213, 221, 263, 365, 366, 396, 453, 569, 720, 806
- Туманян Нвард – 16, 19-41, 55, 62, 76, 79, 122, 129, 131, 134, 181, 193, 436, 202- 225, 279, 316, 318, 423, 440-454, 470, 477, 478, 481, 483, 484: 490, 505, 514, 529, 531, 551, 569, 592, 626, 637, 638, 648, 705, 714, 723, 724, 729, 762, 764, 765, 773, 778, 793, 796, 804, 819, 822, 823, 825, 838,
- Туманян Ованес-ага Овакимович – 37, 42-46,
- Туманян Ростом – 17, 44, 47, 50, 55, 484, 655, 837
- Туманян Седа – 569, 765
- Туманян Сурма – 20, 29
- Туманян Тамар – 24, 195, 468, 509, 513, 569, 679, 765
- Туманян(Кочарян) Сона – 40-44, 48, 50, 75, 76, 730
- Туманян, врач - 453
- Тургенев – 9, 11, 233,
- Тускан, полковник – 295

- Тутунджян Мигран – 500, 502, 702,
Тутунджян Погос – 363
Тутунджян Шушаник – 410
Тычина Павло - 24
- Уайльд Оскар – 233
Угодник Николай - 714
Уль Ислам -175
Урхаеци – 816
Усик, архиепископ – 454
- Фейгулла Аджи Ибраим оглы – 307
Филиппо Э. – 475
Фиников – 77
Фирдоуси – 657, 820, 822
Фон Кресс Фридрих, генерал-майор -230, 231, 232, 675
Франгян Ерванд – 224, 379, 381
Франкельштейн, генерал – 675
Франс Анатолий – 150, 159, 562, 346, 355, 842
Фриче В. – 400
- Хагани – 820
Хайам Омар – 657, 820, 824
Хала Ибрагим-кызы –182
Халатянц– 50, 776
Халди (Халд), верховное божество урартского пантеона - 398
Халибян– 50
Халил-бей – 351, 367
Ханазя Асатур – 51
Ханасори Вардан – 285, 367
Хандамирян Варя – 117, 153-157
Ханджян Агаси – 397
Ханзадян Рубен - 250
Ханзадян Серги - 179
Ханзадян Цолак – 223, 562, 590, 591, 605, 691, 833
Ханларян Акоп – 268
Ханоян Саргис – 96-97
Хартман Фома – 697
Хатисян Александр –209, 212, 281, 283, 332, 391, 433, 536, 540, 546, 594, 669, 687, 689, 698, 785
Хатисян Геворк, адвокат – 201, 211, 212, 220, 221, 332, 339, 559, 560, 569, 669, 724
Хафиз – 820, 824
Хачатрян Амаяк – 315
Хачатрян Саркис – 742, 747
Хачатрян Смбат – 290, 315
Хачатур (Хачо) – 464
Хачатур, хмбапет – 295, 303
Хемингуэй Э. – 648
Хечо – 320, 410
Хнкоян Атабек – 223, 237, 259, 511, 803
Ходасевич В. – 634, 644, 646
Ходжабекян Ваню - 747
Хорен, епископ Мурадбекян (ка-толикос Хорен I) – 296, 300, 316
Хоренаци Мовсес – 226, 590, 644
Хосровян Айк, актёр – 592
Хранян Ваан – 363
Хримян Айрик – 79, 117, 134-136, 175, 191, 584
Хумарян Ашот – 96
Хунунц Овсеп – 261, 290, 292, 315, 316, 339, 379, 381, 409, 433, 495
Хусейн -бек – 418
Хусейн Джахид – 351
- Цатурян Александр – 98, 223, 262, 580, 589
Цатурян Патвакан – 570
Цвейг Стефан – 196
Церенц – 59, 75
Церетели Акакий – 20, 577, 586
Цугулуев – 295
Цулукидзе М. – 234
Цуринян Г. – 279
- Чавчавадзе И. – 20, 585
Чайковский П. И. – 627
Чалхушьян Григор – 537, 579, 596
Чаргчян (Казарян) Арам – 250, 251
Чаренц Егише – 25, 31, 149, 344, 461, 633, 658, 659, 822, 843
Чарихов – 211
Чахарбекян Акоп – 21

- Чачан оглы- 326
 Челепян Андраник – 425, 542
 Чеокюрян Тигран – 356, 579
 Черкез Ахмед – 352, 353
 Чермак Г. – 609
 Чернозубов, генерал – 338, 369
 Чернышевский – 20
 Чехов А. П. – 9, 818
 Чильян - 735
 Чингис-хан - 173
 Читунни Тигран – 243,
 Чмшкян Геворк – 75
 Чолоян Овсеп – 362
 Чопанян Аршак – 563, 590, 728
 Чопуранк – 46, 63
 Чубарян Григор – 724
 Чугурян Арутюн - 79
 Чуковский К. И. – 31, 196
 Чхеидзе Нино - 665
 Чхенкели Акакий - 665

 Шагинян Саркис – 363
 Шаин- 563
 Шамирам, беженка-сирота – 548
 Шамцян Карапет – 315
 Шант Левон – 27, 105, 106, 109,
 111, 116, 117, 120-124, 129-130,
 155, 209, 223, 224, 225, 272, 497,
 501, 563, 564, 565, 574, 579, 634,
 669, 698, 713, 714, 715, 719
 Шаншиев Константин – 185, 209
 Шарбабчян Григор – 747
 Шаумян С.Г. – 97, 383
 Шах-Аббас – 620
 Шахазиз Смбат – 98, 822
 Шахбазян Даниэл – 515
 Шахвердов Арутюн (Шахбаз) –
 187, 207- 212, 791
 Шахвердов Григор – 208-209
 Шахвердов Давид - 179
 Шахвердов Шахбаз – см. Шахвер-
 дов Арутюн
 Шахвердян Дануш - 731
 Шахламян Давид (Датико) – 79,
 81, 85, 86, 791
 Шахмурадян Арменак - 738

 Шахназарян Аслан – 554
 Шаховский К. – 599
 Шахтактинский – 174
 Шаххатунни Аршавир (Аршо) –
 290, 291, 292, 386, 424, 742, 744,
 749, 751,
 Шек-Варданян Авак- см. Мгдси
 Авак –
 Шекспир – 18, 65, 66, 102, 103,
 111, 128, 233, 579, 586, 587, 627,
 816, 820, 843
 Шиллер Фридрих – 233,
 Шираз Ованес – 504, 659
 Ширакян Аршавир – 348
 Ширванзаде – 18, 19, 101, 114, 117,
 119, 191, 223, 237, 238, 288, 290,
 292, 293, 296, 300- 309, 316-
 319, 333, 360, 451, 511, 563-
 565, 574, 695, 697, 793, 797, 828
 Шивини — урартский бог Солнца-
 398
 Ширинкин – 184
 Ширинян А. – 349
 Шишмянян - 59
 Шопенгауэр – 233
 Шоу, Джордж Бернард- 843
 Штыр Э., священник – 349
 Шушаник – 505

 Щеглов В. – 820

 Эврипид – 110
 Элакцозян А. – 735
 Эмин Геворг – 590
 Эмин-Терьян Геворг – 478
 Энвер-паша – 347, 427
 Эприкян – 326
 Эртевецян Нерсес - 787
 Эсхил – 110

 Юденич Н. Н. – 283, 290, 424, 425,
 432, 433
 Юсьян Аршавир – 355

 Янушкевич Н., генерал – 533
 Яшвили Паоло - 729

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В силу сложившихся обстоятельств мне на протяжении трёх с половиной десятилетий доводилось поэтапно и во всех подробностях изучать жизнь и деятельность Ованеса Туманяна. При этом я постоянно поражался не столько его неуёмной энергии, способности успевать везде и всюду, добровольно брать на себя сотни обязательств и выполнять их все до единого, сколько совершенно умонепостижимой доброте, природной способности относиться к каждому человеку как своему ближнему, сочувствовать и сопереживать ему; поражался его безграничному неравнодушию к чьей-либо боли, чьим-либо страданиям. По ходу создания русскоязычной биографии Туманяна я заинтересовался научными и беллетризованными биографиями многих других выдающихся писателей и деятелей культуры, и берусь со всей убеждённостью утверждать, что если в своём литературном творчестве – в своей поэзии, прозе и публицистике – Туманян сопоставим с классиками мировой литературы и стоит в одном ряду с Шекспиром, Гёте, Пушкиным, Мицкевичем, Ботевым, Шевченко, Петефи и другими, то в общественной, национально-патриотической деятельности, преисполненной многочисленных примеров самопожертвования, он в истории мировой литературы просто не имеет себе равных.

Сказанное в полной мере относится и к деятельности поэта в годы Первой мировой войны и Геноцида. Самой главной и первоочередной проблемой для него стала забота об армянских беженцах и, в особенности, о детях-сиротах. Всё остальное: домашний уют, многодетная семья, литературное творчество – стало второстепенным, не столь важным. И он, не колеблясь и не задумываясь ни секунды, устремился в Эчмиадзин, чтобы спасти от неминуемой гибели маленьких, беспомощных, несчастных детей-сирот, с которыми судьба обошлась так сурово и жестоко. Его гуманизм, сострадание к несчастным и обездоленным людям не были отвлечёнными, пассивными, созерцательными, это был гуманизм в действии. Всей своей жизнью он доказал нам, что в определённых экстремальных ситуациях и один в поле – воин.

Жизнь Туманяна (и в первую очередь именно его биография, а не творчество) при всей своей кажущейся доскональной изученности, продолжает открываться перед нами новыми пластами и страницами. Меняются акценты и подходы, выявляются новые архивные документы, и мы то и дело с удивлением обнаруживаем, что даже в самых, казалось бы, известных эпизодах биографии поэта есть немало тёмных мест, нуждающихся в освещении нюансов и подробностей.

Туманян неисчерпаем и необъятен. Он недостаточно изучен и недостаточно оценён – что бы мы ни говорили по этому поводу. Мне Туманян представляется айсбергом, открывающим для обозрения только свою верхнюю часть.

Как можно не поражаться тому, что лучший армянский поэт, оставивший довольно богатое литературное наследие, был при этом лишён возможности всецело посвятить себя литературному творчеству! В его сознательной жизни практически не было сколько-нибудь продолжительных периодов покоя, затишья, штиля, столь необходимых и благоприятствующих творческой деятельности. Ему приходилось писать урывками, и зачастую наиболее плодотворными для него оказывались дни, недели и месяцы, когда он из-за болезни оказывался прикованным к постели.

В последнее время я часто ловлю себя на том, что сужу о людях по их отношению к Туманяну. Скажи – что ты знаешь о Туманяне, и я скажу – кто ты. Если кто-то не имеет ни малейшего представления о Туманяне, о его жизни и творчестве, то мне его по-человечески жаль, он так же обделён и убог, как тот, кто не имеет представления о Гомере, Шекспире или Пушкине. Такой человек как личность мне просто не интересен.

История человеческой цивилизации бережно хранит сведения о многих действительно выдающихся гуманистах и миссионерах, которые жертвовали собой во имя спасения других людей. Преклоняю колени перед каждым из них. И всё же для меня первым в этом ряду стоит Ованес Туманян.

Гурген Баренц

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ПОЭТА	34
РОДОСЛОВНАЯ ПОЭТА	34
ПРЕДКИ ПОЭТА	35
ОТЕЦ ПОЭТА	38
МАТЬ ПОЭТА	40
В ДСЕХЕ	43
ПАСТУШОК	47
ОБУЧЕНИЕ. В ШКОЛЕ ДЬЯЧКА СААКА	48
В ДЖАЛАЛОГЛЫ	50
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	54
НАВСТРЕЧУ ТИФЛИСУ. В ГИМНАЗИИ НЕРСИСЯН (1883-1886 гг.)	58
В КОНСИСТОРИИ (АВГУСТ 1887 г. – 20 МАРТА 1892 г.)	70
ОБРУЧЕНИЕ И ЖЕНИТЬБА	73
ДРУЗЬЯ ПОЭТА	79
ДАРЬЯ ГОЛОШЯН	80
АЛЕКСАНДР ГОЛОШЯН	80
РОСТОМ	83
«ПЯТЁРКА»	83
НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	87
НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД (1893-1899)	89
ЛИТЕРАТУРНАЯ «ТРОЙКА»	91
«ВЕЧЕРИНКИ»	92
В КРУГОВОРОТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	94
«ЦИАЦАН» («РАДУГА»)	97
ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1886-1899 гг.)	99
ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ЧЕТВЕРГИ»	105
«ВЕРНАТУН»	106
ГЛАВА ВТОРАЯ	
ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА. РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ ПОЭТА	117
ГАЗАРОС АГАЯН	118
ЛЕВОН ШАНТ	120
АВЕТИК ИСААКЯН	124
НИКОЛ АГБАЛЯН	127
ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН	128
МЕЦЕНАТЫ ПОЭТА	133
ХРИМЯН АЙРИК	134
ФИЛИППОС ВАРТАЗАРЯН (ФИЛИП)	136
АРИСТАКЕС ЗАРГАРЯН	141
ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ ПОЭТА	144
АРМЕНУИ ТИГРАНЯН	149
ЗАБЕЛ ЕСАЯН	152
ЗЕМНАЯ МУЗА ПОЭТА	153
КНЯГИНЯ МАРИАМ ТУМАНЯН	157
ПЕЧАЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ	166

ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
В ЦЕНТРЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	171
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	
ОВАНЕСА ТУМАНЯНА	171
ОВАНЕС ТУМАНЯН И НАЦИОНАЛЬНАЯ МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ...	171
В МЕТЕХСКОЙ ТЮРЬМЕ	192
ОВАНЕС ТУМАНЯН В ПЕТЕРБУРГЕ	203
КАВКАЗСКОЕ ОБЩЕСТВО АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	222
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД	236
ОВАНЕС ТУМАНЯН И БУДНИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В 1912-1914 ГГ.	239
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ОВАНЕС ТУМАНЯН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	271
В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ	271
ЛЕТНИЙ ОТПУСК	271
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КОМАНДИРОВКА	277
ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОТРЯДОВ	280
ПОЕЗДКА ТУМАНЯНА В БАКУ	280
ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ	288
НА ПЕРЕДОВУЮ	290
ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ТУМАНЯНА	318
ОВАНЕС ТУМАНЯН НАКАНУНЕ ВТОРОЙ ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ	330
«О ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ДАЙ ПЛЮНУТЬ МНЕ ТЕБЕ В ЛИЦО!»	339
ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ВАНА И ЕЁ ОТГОЛОСКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУМАНЯНА	361
ЖЕСТОКИЕ БУДНИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	378
В ВАНЕ	397
ОВАНЕС ТУМАНЯН И МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЗ ВАНА- ВАСПУРАКАНА	423
ЗАБОТА ТУМАНЯНА О СИРОТАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	433
В ЭЧМИАДЗИНЕ	440
ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ	450
СЛЁЗЫ САМОГО УЛЫБЧИВОГО ПОЭТА	466
ОДНА СПАСЁННАЯ ЖИЗНЬ	467
ПОДАРОК ОСИРОТЕВШЕЙ БУДУЩЕЙ АКТРИСЕ	468
ПОЭТ ВСЕХ АРМЯН	469
ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ В АДУ ЭЧМИАДЗИНА	478
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУМАНЯНА В ЭЧМИАДЗИНЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ	485
ОТЕЦ ВСЕХ АРМЯНСКИХ СИРОТ	488
В СИРОТСКОМ ПРИЮТЕ АЛЕКСАНДРОПОЛЯ	503
В СИРОТСКИХ ПРИЮТАХ ТИФЛИСА	508
ИГРЫ НА АРМЯНСКУЮ ТЕМАТИКУ	523
В КРУГОВОРОТЕ ОБЩЕСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (1916 – 1918 гг.)	533
ОБЩЕСТВО «АЙКАЗЯН»	550
В ПЯТИГОРСКЕ	568
ОЖИВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТИФЛИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	575

БРЮСОВСКИЕ ДНИ В ТИФЛИСЕ	589
ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В 1914-1918 гг.	605
ПУБЛИЦИСТИКА	605
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА	626
СВЕТ И ВЕРА ПОЭТА В ТРАГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД ...	626
БИОГРАФИЯ ДУШИ ПОЭТА	655
ГЛАВА ПЯТАЯ	
В ЦЕНТРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ	664
ОБЪЕДИНЕНИЕ АРМЯНСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСКИХ СОЮЗОВ	664
В ГОДЫ ПЕРВОЙ АРМЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	669
ОВАНЕС ТУМАНЯН И КАРАБАХСКИЙ ВОПРОС	671
АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ	672
У ИСТОКОВ «АРМЯНСКОГО ВОПРОСА»	676
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СОЮЗНЫХ ГОСУДАРСТВ НА КАВКАЗЕ	679
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПОЭТА	692
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920 – 1922 гг.)	706
МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ. ФЕВРАЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ	708
ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА	721
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (30 ОКТЯБРЯ – 20 ДЕКАБРЯ 1921 г.)	729
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ	731
ВСТРЕЧИ И МИССИЯ ПОЭТА	733
В РЕДАКЦИЯХ	735
ДОМ АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА	738
ЛЕКЦИЯ АКОПА ОШАКАНА	751
ВПЕЧАТЛЕНИЯ	754
«ЧЕЛОВЕК – ЭТО ВСЕ...». ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА	759
ОБРАЗ ПОЭТА	766
ВНЕШНОСТЬ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА	770
КУЛЬТУРА РЕЧИ ПОЭТА	773
ХАРАКТЕР ПОЭТА	776
ОПТИМИЗМ	776
ДОБРОТА ПОЭТА	779
ЖЕРТВА ДОБРОТЫ	780
УМЕНИЕ ХРАНИТЬ ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ	791
ГОСТЕПРИИМСТВО ПОЭТА	792
ГОРДОСТЬ ПОЭТА	796
ВНИМАНИЕ ПОЭТА	799
ЛЮБОВЬ ПОЭТА	800
МИРОЛЮБИЕ ПОЭТА	802
ПАТРИОТИЗМ ПОЭТА	804
ЛЮБОВЬ ПОЭТА К ПРИРОДЕ	805
ГУМАНИЗМ ПОЭТА	808
ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ	815
«НЕИСПРАВИМЫЙ ДАРИТЕЛЬ КНИГ»	821
РАДОСТИ ПОЭТА	822
ПЕЧАЛЬ ПОЭТА	828
ГНЕВ ПОЭТА	832
ИНТУИЦИЯ ПОЭТА	835
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН	844
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	861

СУСАННА ГУРГЕНОВНА ОВАНЕСЯН

**ЖИЗНЬ
ОВАНЕСА
ТУМАНЯНА**

Компьютерная верстка В. Папян

Заказ № 960

Подписано к печати 01.08. 2019г.

Формат 70 x 100¹/₁₆.

54 печ. л.+ илл. Тираж 300 экз.

Типография издательства “Гитутюн” НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24